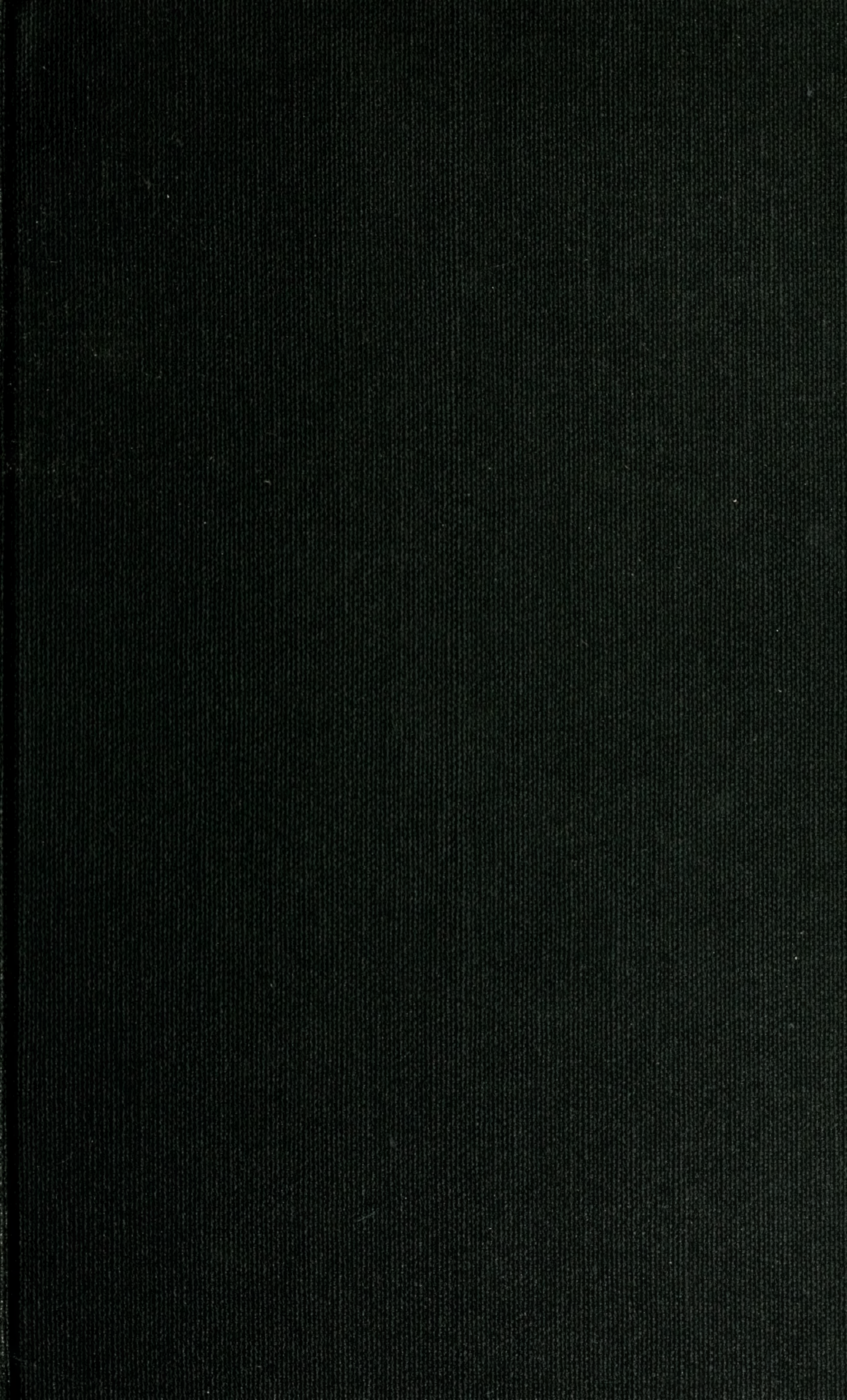


СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1901 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за январь — май 1899 года.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ на имя Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ отъ 18 сего января за № 1332, увѣдомилъ объ утвержденіи ординарнаго академика М. И. Сухомлинова въ должности Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности срокомъ на два года, — о чемъ г. непремѣнный секретарь Академіи сообщилъ академику М. И. Сухомлинову отношеніемъ отъ 20-го сего января за № 67.

Сообщено о полученіи отъ члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Сергѣя Рыбакова нижеслѣдующаго его заявленія (отъ 16 сего января): предполагая предстоящимъ лѣтомъ 1899 года отправиться въ Среднюю Азію и Сибирь для этнографическихъ изслѣдованій, между прочимъ, съ помощью фонографа, онъ проситъ II-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ о назначеніи ему денежнаго пособія въ дополненіе къ тому пособію (сравнительно небольшому), о которомъ онъ ходатайствуетъ передъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, — обязуясь представить II-му Отдѣленію записи съ помощью фонографа образцовъ русскаго музыкально-пѣсеннаго творчества въ названныхъ мѣстностяхъ, какъ матеріалъ для лингвистическихъ изслѣдованій. — Отдѣленіе, изъявивъ свое согласіе на просьбу г. Рыбакова, опредѣлило

выдать ему изъ суммы на путешествія *двѣсти рублей*, но съ условіемъ, чтобы имъ дѣлались съ помощью фонографа записи не только однѣхъ пѣсенъ, но и вообще образцовъ рѣчи, которыя и просить его представить Отдѣленію вмѣстѣ съ отчетомъ о поѣздкѣ.

Опредѣлено вслѣдствіе ходатайства акад. А. А. Шахматова выразить благодарность Отдѣленія г. Житкову, за доставленные имъ любопытные матеріалы для Словаря русскаго языка, и выдать ему 4 и 5 выпуски Словаря.

Въ происходившемъ 10 января текущаго года засѣданіи Высочайше утвержденной при Академіи Наукъ Комиссіи по чествованію памяти А. С. Пушкина г. Министръ Финансовъ предложилъ учредить при Академіи Наукъ Отдѣленіе изящной словесности. При этомъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте заявилъ, что онъ высказываетъ только общую мысль, предоставляя разработку ея Академіи. Въ Высочайше утвержденной 20 января настоящаго года программѣ предполагаемаго чествованія памяти А. С. Пушкина, въ пунктѣ X, значится: „Положено ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ учрежденіи при Императорской Академіи Наукъ Отдѣленія изящной словесности въ память А. С. Пушкина“. Вслѣдствіе сего въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ, обсуждался вопросъ объ учрежденіи при Академіи отдѣла изящной словесности. По внимательномъ разсмотрѣніи предмета, Отдѣленіе остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Необходимо увеличить число академическихъ мѣстъ по Отдѣленію до двѣнадцати, съ тѣмъ, чтобы на эти мѣста были избираемы не только ученые, но и писатели, труды которыхъ могли бы быть полезны цѣлямъ Отдѣленія.

По Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 года штату Императорской Академіи Наукъ, содержаніе въ годъ академику полагается 4.200 рублей; слѣдовательно, для шести новыхъ лицъ потребуется сумма въ размѣрѣ 25.200 рублей.

Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Президенту Академіи Наукъ угодно было сообщить вышеизложенныя соображенія г. Министру Финансовъ на томъ основаніи, что при учрежденіи новыхъ академическихъ креселъ необходимо имѣть

въ виду тѣ средства, которыя будутъ предоставлены Академіи на этотъ предметъ.

Согласно представленію академика А. А. Шахматова, положено благодарить завѣдующаго Воскресенскимъ двухкласснымъ училищемъ, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи, учителя 2 класса онаго Павла Плечева за представленные имъ въ Академію матеріалы по изученію мѣстнаго говора.

Читана сообщенная Отдѣленію академикомъ А. А. Шахматовымъ записка К. Д. Бальмонта отъ 19 сего января слѣдующаго содержанія: „Небольшой кружокъ поэтовъ и литераторовъ приступилъ къ составленію словаря къ стихотвореніямъ Пушкина. Для этого пришлось съ самаго начала преодолѣть не малыя трудности, такъ какъ подготовительныя работы требуютъ значительной затраты механическаго труда. Мы рѣшили теперь переписать Пушкина на карточки въ такомъ видѣ, чтобы эти карточки могли послужить прочнымъ основаніемъ для будущей работы составителя. Но для этого намъ необходимо сдѣлать нѣкоторыя денежныя затраты. Имѣя въ виду, что подготовительныя работы наши, въ случаѣ если даже намъ не удастся довести составленіе словаря до конца, могутъ пригодиться Академіи, мы имѣемъ честь покорнѣйше просить Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ придти къ намъ на помощь ассигнованіемъ небольшой суммы, размѣромъ до 200 рублей. Подготовительныя работы мы представимъ на предварительное разсмотрѣніе Второго Отдѣленія Академіи“. Отдѣленіе, выслушавъ означенное сообщеніе, въ виду ходатайства академика А. А. Шахматова, опредѣлило выдать г. К. Д. Бальмонту изъ суммъ Отдѣленія *двѣсти рублей*, на издержки по подготовительнымъ работамъ къ составляемому кружкомъ поэтовъ и литераторовъ Словарю къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, съ тѣмъ, чтобы Отдѣленію были представлены въ свое время для разсмотрѣнія и одобренія образчики упомянутаго Словаря.

Возвращенную редакторомъ издаваемаго Отдѣленіемъ Словаря русскаго языка, академикомъ А. А. Шахматовымъ записку завѣдующаго Черковскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ И. Х. Пахмана подъ заглавіемъ: „Планъ новаго академическаго Словаря съ точки зрѣнія иноязычнаго“, — поло-

жено помѣстить въ Сборникѣ Отдѣленія вмѣстѣ съ объяснительными замѣчаніями на нее отъ редакціи упомянутаго Словаря.

Чешская Академія Наукъ (Česká Akademie Císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění v Praze) увѣдомила, что 29 января (10 февраля) сего года, въ ½ 3-го часа утра скончался ея ординарный членъ, докторъ философіи Іосифъ Эмлеръ, состоявшій также членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, — о чемъ и положено отмѣтить въ Памятной книжкѣ.

При письмѣ г. непремѣннаго секретаря Академіи на имя г. предсѣдательствующаго (отъ 1-го сего февраля за № 144) была препровождена въ Отдѣленіе рукописная статья учителя Кузнецова подъ заглавіемъ „Описаніе рукописи свадебныхъ приговоровъ дру́жки", вмѣстѣ съ письмомъ автора. Разсмотрѣніе упомянутой статьи и сообщеніе о ней отзыва принялъ на себя академикъ А. Н. Веселовскій.

Согласно мнѣнію академика А. А. Шахматова положено помѣстить въ одномъ изъ томовъ Сборника Отдѣленія „Областной словарь Нижнеколымскаго русскаго населенія", составленный г. В. Г. Богоразомъ, и образцы языка — тексты игровыхъ пѣсенъ, собранные въ той же мѣстности, въ Чукотскомъ краѣ (на 25 листахъ въ 4-ую д. л.).

Въ дополненіе къ статьѣ протокола засѣданія 11 декабря 1898 г., въ которомъ была заслушана просьба ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде, о назначеніи ему субсидіи на путешествіе за границу (къ Кашубамъ и проч.) для изученія особенностей отдѣльныхъ славянскихъ говоровъ, положено назначить изъ суммъ Отдѣленія профессору Будде на означенную поѣздку въ славянскія земли триста рублей.

Читана докладная записка Вс. И. Срезневскаго отъ 2-го сего февраля, въ которой имъ сообщаются свѣдѣнія о содержаніи и объемѣ переписки его покойнаго отца, бывшаго члена

Отдѣленія, академика И. И. Срезневскаго, а также списокъ корреспондентовъ послѣдняго. Положено: просить Вс. И. Срезневскаго приступить нынѣ-же къ приготовленію къ печати перваго тома Переписки И. И. Срезневскаго, имѣя при этомъ въ виду строгій выборъ наиболѣе замѣчательнаго.

Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи Наукъ сообщено въ Отдѣленіе письмо члена-корреспондента Отдѣленія г. Луи Лежэ (отъ 22 (10) января сего года), въ которомъ онъ проситъ о содѣйствіи къ предпринимаемому имъ новому изданію Реймскаго Евангелія. Положено снестись предварительно съ г. Лежэ и просить его увѣдомить, въ какомъ отношеніи будетъ предпринимаемое имъ изданіе къ изданію 1897 года г. Виктора Шарліэ (Victor Charlier) „Evangeliaire Slave dit Texte du Sacre. D'après l'original de la Bibliothèque de Reims".

Доложено о полученіи отъ члена-корреспондента Академіи профессора Луи Лежэ отвѣтнаго, на запросъ г. предсѣдательствующаго академика М. И. Сухомлинова отъ 14 минувшаго февраля за № 29, письма его отъ 23 февраля (7 марта), въ которомъ онъ сообщаетъ слѣдующее: Національная Академія въ Реймсѣ предполагала воспользоваться негативами фотографическихъ снимковъ съ Реймскаго евангелія, исполненными городскимъ библіотекаремъ г. М. Шарліэ. Г. Лежэ, совмѣстно съ извѣстнымъ французскимъ геліографомъ М. Дюжарденомъ, предпринималъ поѣздку въ Реймсъ для того, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ могутъ быть полезными негативы г. Шарліэ. Оказалось, что работа г. Шарліэ, весьма удовлетворительная для простого любителя, представляетъ неудобство въ отношеніи формата его снимковъ, и притомъ они были дѣлаемы при дневномъ свѣтѣ, тогда какъ при искусственномъ освѣщеніи могутъ быть получены снимки болѣе яркіе. Въ настоящее время подлинная рукопись Реймскаго евангелія, для воспроизведенія съ нея надлежащимъ образомъ снимковъ, перевезена изъ Реймса въ Парижъ и помѣщена въ Національной библіотекѣ, которая имѣетъ особо приспособленное помѣщеніе для воспроизведенія фотографическимъ путемъ рукописей. Такъ какъ Реймская Академія не имѣетъ необходимыхъ средствъ на изданіе означенной рукописи съ помощію геліо-

графіи, то г. Л. Лежэ обратился къ сбору подписки съ этою цѣлью и высказываетъ надежду, что Славянскія Академіи, а въ томъ числѣ Императорская Академія Наукъ, своимъ участіемъ въ подпискѣ поддержатъ означенное предпріятіе. Предполагается выпустить экземпляры изданія: на голландской бумагѣ цѣною въ 100 франковъ, на японской — въ 150 франковъ и раскрашенные отъ руки — въ 300 франковъ. Въ предисловіи на французскомъ языкѣ, которое будетъ сопровождать новое изданіе, г. Лежэ предполагаетъ изложить исторію рукописи и мнѣнія славянскихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ. Такъ какъ г-ну Лежэ неизвѣстны новѣйшіе труды въ Россіи, посвященные Реймскому Евангелію послѣ статьи проф. Соболевскаго въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ за 1887 г., то онъ обращается къ Академіи съ просьбою снабдить его указаніями на дальнѣйшія работы по этому предмету. Отдѣленіе опредѣлило: 1) принять настоящее сообщеніе г. Лежэ къ свѣдѣнію и 2) подписаться на одинъ экземпляръ имѣющаго выйти подъ его редакціею въ геліографическомъ снимкѣ изданія Реймскаго Евангелія.

Просьбу студента IV курса Императорскаго Историко-Филологическаго Института И. Кубасова о разрѣшеніи ему доступа въ архивъ Отдѣленія для наведенія нѣсколькихъ справокъ по протоколамъ Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, нужныхъ ему для кандидатской работы объ одномъ изъ членовъ названнаго Общества, — положено исполнить.

Доложено библіотекаремъ I Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ магистромъ Э. А. Вольтеромъ о томъ, что Библіотекою получены въ исправности для временнаго пользованія слѣдующіе принадлежащіе рукописи: 1) Kathechismas arba mokslas kiekwienam krikszczionii priwalus. Paraszitas per D. Iakuba Ledesma Theologa Societatis Iesu. Iżgulditos iż liżuwio Lankiszko ing Letuwiszka per Kuniga Mikotoiu Daugsza Kanonika Zemaisczių. Iżspaustas Wilniuie Mietůse użgimimo Wieszpaties 1595, въ 12-ю долю листа, полное, содержащее въ себѣ 95 листовъ или 190 страницъ, въ кожаномъ переплетѣ, и 2) Литовско-польскій словарь ксендза Доминика Сутквича, въ 4-хъ томахъ, рукопись въ 4-ю долю листа.

Вслѣдствіе просьбы Э. А. Вольтера о необходимости выписать изъ Ковенской римско-католической духовной семинаріи и другой принадлежащій сей послѣдней экземпляръ старопечатнаго изданія Постиллъ Даукши на литовскомъ языкѣ, положено снестись по сему случаю съ г. ректоромъ упомянутой семинаріи ксендзомъ Юстиномъ Давидовичемъ.

Вслѣдствіе доклада академика А. А. Шахматова о томъ, что сотрудникомъ Словаря русскаго языка В. А. Водарскимъ приступлено къ составленію Словаря къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, и ходатайства его о выдачѣ составителю на подготовительныя работы нѣкоторой суммы, положено выдать г. Водарскому изъ суммъ Отдѣленія пятьдесятъ рублей.

Читана записка ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде (отъ 20 сего марта), въ которой онъ обращается къ Отдѣленію съ предложеніемъ поручить ему трудъ составленія грамматики языка А. С. Пушкина, которая представляла бы полное и точное изложеніе, въ научно-систематизированномъ и согласномъ съ современными требованіями науки видѣ, того языкового матеріала, который былъ въ употребленіи названнаго поэта. Въ запискѣ г. Будде подробно изложенъ примѣрный планъ предполагаемой работы надъ языкомъ Пушкина. Отдѣленіе, разсмотрѣвъ предложеніе г. Будде и составленный имъ планъ грамматики Пушкинскаго языка, постановило: сообщить профессору Будде, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности вполнѣ одобряетъ задуманный имъ трудъ и соглашается помѣстить его въ одномъ изъ своихъ изданій.

Редакторъ издаваемаго Отдѣленіемъ Словаря русскаго языка академикъ А. А. Шахматовъ доложилъ о полученіи нижеслѣдующаго письма къ нему г. помощника статсъ-секретаря Государственнаго совѣта С. В. Безобразова (отъ 22 сего марта): „Ознакомившись съ послѣдними двумя выпусками издаваемаго Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ Словаря русскаго языка, я былъ очень польщенъ, встрѣтивъ свою фамилію въ числѣ авторовъ (Предисловіе, стр. XXIII), сочиненіями коихъ воспользовались составители Словаря. Работая въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, по

отдѣлу русской охоты и промысловъ, я помѣщаю въ немъ лишь незначительную часть того матеріала по упомянутому отдѣлу, который находится въ моемъ распоряженіи. Прочитавъ почти все, что когда либо было напечатано по русской охотѣ и собравъ почти полную русскую охотничью библіотеку, я постепенно составилъ для себя списокъ охотничьихъ и промысловыхъ терминовъ, въ числѣ свыше трехъ тысячъ выраженій. Если Второму Отдѣленію благоугодно будетъ воспользоваться моими матеріалами въ полномъ ихъ объемѣ, я просилъ-бы высылать мнѣ корректурные листы для просмотра (въ части, касающейся охоты и промысловъ) и восполненія оказавшихся пробѣловъ. Пока же прилагаю дополненія къ четвертому и пятому выпускамъ Словаря". Положено благодарить С. В. Безобразова отъ имени Отдѣленія за сообщенныя дополненія и доставлять ему корректуры Словаря для просмотра, полученныя же замѣчанія на 4 и 5 выпуски Словаря передать академику А. А. Шахматову.

Сообщено о полученіи отъ профессора Луи Лежэ изъ Парижа письма отъ 29 (17) сего марта, одновременно съ нѣсколькими экземплярами объявленія о подпискѣ на предпринимаемое подъ его редакціею геліографическое изданіе текста Реймскаго Евангелія (XI—XIV вв.). Положено изъ упомянутаго (на французскомъ языкѣ) приглашенія къ подпискѣ на изданіе г. Лежэ сдѣлать краткое извлеченіе и, для распространенія свѣдѣній о немъ среди русской публики, припечатать его въ 1-й книжкѣ Извѣстій Отдѣленія.

За сентябрь — декабрь 1899 года.

Отдѣленіе заслушало Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату, данный 29-го апрѣля 1899 года слѣдующаго содержанія:

„Одушевляемые горячею любовью къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ Державными Предками Нашими, признали Мы за благо, во вниманіе къ представленію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Президента Академіи Наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Императорской Академіи Наукъ посвященныхъ его памяти: Разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина. Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской Академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на открываемыя въ семъ Отдѣленіи новыя должности академиковъ должны быть избираемы какъ писатели-художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности.

Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведеній русскихъ писателей, а также Словаря русскаго языка и другихъ трудовъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1) Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 года штату Императорской Академіи Наукъ, учредить во второмъ ея Отдѣленіи русскаго языка и словесности шесть новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ съ содержаніемъ, по означенному штату положеннымъ.

2) На образованіе Пушкинскаго фонда отпускать ежегодно изъ Государственнаго Казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ Второму Отдѣленію Академіи Наукъ суммъ, по пятнадцати тысячъ рублей.

3) Потребную для содержанія шести ординарныхъ академиковъ и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по Министерству Народнаго Просвѣщенія, начиная съ 1900 года.

Мы твердо вѣримъ, что Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругъ

занятій коего входятъ словесныя науки, не престанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русской науки и литературы".

Читаны были академиками А. Н. Пыпинымъ и А. А. Шахматовымъ составленныя ими по вопросу о писателяхъ-художникахъ, какъ членахъ Отдѣленія, записки слѣдующаго содержанія:

Ординарнаго академика А. Н. Пыпина: *О значеніи „разряда изящной словесности"*.

„Вопросъ очень важный и требующій особеннаго вниманія, потому что касается самаго существа всего учрежденія — Академіи и ея Русскаго Отдѣленія.

Академія Наукъ есть академія *наукъ*. Ея Русское Отдѣленіе точно также посвящаетъ свои труды *наукѣ* о русскомъ языкѣ и словесности. До сихъ поръ Отдѣленіе занято было по преимуществу этими вопросами съ чисто исторической и чисто филологической точки зрѣнія, — въ самой исторіи обращаясь особенно къ старымъ періодамъ языка и словесности.

„Разрядъ изящной словесности" вводитъ въ кругъ занятій Отдѣленія новую сторону предмета, чрезвычайно важную и до сихъ поръ мало привлекавшую вниманіе Отдѣленія. Въ понятіе „словесности", дѣйствительно, должна входить не только старая, исторически и филологически объясняемая словесность, но и словесность въ ея существѣ, т. е. не только исторія, но и теорія словесности, — или цѣлый вопросъ объ искусствѣ, его теорія и исторія, теорія эстетики и эстетическая критика. Это — предметы великаго значенія, — и теорія искусства, одно время какъ бы забытая наукой послѣ паденія метафизической эстетики (въ школѣ Гегеля), теперь снова вызываетъ ревностныя изслѣдованія съ новыхъ точекъ зрѣнія, привлекая къ объясненію предмета самыя широкія научныя средства — отъ психофизіологіи до археологіи и наблюденія проявленій искусства на первобытныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Вопросъ эстетической критики, — особливо въ виду новыхъ направленій въ самой изящной словесности, крайняго развитія реализма (даже „натурализма" у Золя), и съ другой стороны, символизма и декадентства, — усложняется новыми требованіями.

Всѣ эти предметы, до сихъ поръ чуждые трудамъ Отдѣленія, выступаютъ сами собой, когда составъ Отдѣленія усиливается „разрядомъ изящной словесности". Введеніе этого „разряда" нельзя не привѣтствовать какъ благотворное расширеніе дѣятельности Отдѣленія на предметы „словесности", которые до сихъ поръ оставались ему чужды и которые однако заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія и въ чисто научномъ, и въ литературно-образовательномъ отношеніи.

Но какъ должно отнестись Отдѣленіе къ этой новой, стоящей передъ нимъ, задачѣ? По всему значенію дѣятельности Академіи Наукъ, Отдѣленіе должно принять эту задачу именно съ ея научной стороны, т. е. озаботиться тѣмъ, чтобы выяснить постановку тѣхъ научныхъ вопросовъ, работа надъ которыми обязательна для Отдѣленія, когда передъ нимъ поставлена область „изящной словесности".

Обязанность Отдѣленія состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить тѣ предметы *науки*, которые необходимы для объясненія вопросовъ „изящной словесности". Эти предметы представляются сами собой: теорія искусства, въ частности теорія словесности, и научная постановка эстетической критики.

Только этимъ путемъ, — т. е. когда вопросъ „изящной словесности" будетъ поставленъ въ Отдѣленіи какъ вопросъ *науки* объ изящной словесности, — только этимъ путемъ можетъ быть сохранено научное *единство* и научное *достоинство* Отдѣленія. Какъ люди науки, предполагаемые члены Отдѣленія по предметамъ теоріи и исторіи искусства, въ частности теоріи словесности и эстетической критики, не будутъ чувствовать себя чуждыми другимъ работамъ Отдѣленія, — что̀ несомнѣнно бы произошло, еслибы представительство „изящной словесности" въ Отдѣленіи было понято буквально и замѣщено именно „писателями-художниками", — поэтами, романистами и драматургами. Послѣдніе (кромѣ развѣ какого-либо исключительнаго случая) оставались бы не только равнодушны, но и въ научномъ смыслѣ чужды тѣмъ интересамъ историко-литературнымъ и филологическимъ, которые составляютъ все существо Отдѣленія: обѣ стороны были бы стѣснены различіемъ ихъ интересовъ, и представители чистой „изящной словесности" еще болѣе были бы поставлены въ неловкое и стѣснительное положеніе въ составѣ цѣлой Конференціи Академіи Наукъ.

Но если „изящная словесность" должна занять мѣсто въ ра-

ботахъ Отдѣленія только въ чисто научномъ смыслѣ, какъ можетъ быть исполнено опредѣленіе Положенія, что въ Отдѣленіе могутъ быть избираемы писатели-художники? Такъ какъ, — по вышеуказаннымъ соображеніямъ, — ихъ непосредственное участіе въ научныхъ работахъ Отдѣленія представляется несовмѣстимымъ съ ихъ чисто художественной дѣятельностью, по принципіальному различію художества и науки, то участіе писателей-художниковъ и ихъ роль въ Отдѣленіи должны быть опредѣлены инымъ образомъ.

Единственнымъ средствомъ совмѣщенія спеціалистовъ науки и писателей-художниковъ въ „разрядѣ изящной словесности" и въ цѣломъ составѣ Академіи Наукъ представляется установленіе группы „почетныхъ членовъ (и корреспондентовъ?) Второго Отдѣленія Академіи Наукъ по разряду изящной словесности",—которые принадлежали бы къ Отдѣленію не только honoris causa, но могли бы принимать и дѣйствительное участіе въ засѣданіяхъ и работахъ Отдѣленія, или по приглашеніямъ, исходящимъ отъ Отдѣленія (въ такихъ случаяхъ, напр. какъ присужденіе Пушкинскихъ премій, или при иныхъ вопросахъ, касающихся изящной словесности), или по заявленіямъ самихъ почетныхъ членовъ, когда они желали бы представить на усмотрѣніе Отдѣленія, или для совмѣстнаго обсужденія какія-либо ихъ собственныя работы или предложенія. Въ собраніяхъ конференціи они не имѣли бы надобности присутствовать".

Экстраординарнаго академика А. А. Шахматова.

„Высочайшій Указъ 26-го мая сего года учредилъ при Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ разрядъ изящной словесности. Для этого изъ Государственнаго Казначейства ежегодно будетъ отпускаться сумма, обезпечивающая содержаніе шести новыхъ ординарныхъ академиковъ. На вновь учрежденныя должности Отдѣленіемъ могутъ быть избираемы не только писатели-художники, но и ученые изслѣдователи русской словесности.

И такъ, нашему Отдѣленію придется принять въ свой составъ нѣсколькихъ представителей изящной словесности; для того, чтобы оно не утратило характера ученаго общества, необходимо будетъ воспользоваться правомъ выбирать въ число шести новыхъ академиковъ не только писателей, но и ученыхъ. Слѣдовательно, въ составъ Отдѣленія въ силу приведеннаго Указа, войдутъ три или четыре писателя.

Но можно-ли будетъ послѣ такого расширенія нашего Отдѣленія считать учрежденнымъ разрядъ изящной словесности? Внѣшнимъ образомъ Высочайшій Указъ будетъ дѣйствительно приведенъ въ исполненіе, но при этомъ далеко не осуществится мысль, положенная въ основаніе законодательнаго акта 26-го мая. Сблизить представителей литературы съ учеными изслѣдователями словесности и языка, оживить посредствомъ тѣснаго общенія тѣхъ и другихъ отечественную литературу и науку — вотъ въ чемъ заключается цѣль Высочайшаго Указа, изданнаго въ столѣтнюю годовщину рожденія Пушкина, геніальнаго выразителя русской мысли въ русскомъ словѣ. Станетъ-ли, однако, Академія ближе къ отечественной литературѣ, если приметъ въ свою среду трехъ или четырехъ писателей? Можетъ-ли осуществиться желательное общеніе ученыхъ, засѣдающихъ во II Отдѣленіи Академіи Наукъ, съ нашими писателями-художниками, если послѣдніе будутъ представлены въ Отдѣленіи въ такомъ ограниченномъ числѣ? Эти вопросы получатъ отрицательный отвѣтъ въ особенности, если остановиться на томъ смыслѣ, который можетъ имѣть сближеніе Академіи Наукъ и ея Второго Отдѣленія съ отечественной литературой вообще и изящною словесностью въ особенности. Академія своимъ высокимъ положеніемъ призвана отмѣчать заслуги дѣятелей на почвѣ какъ науки, такъ и словесности; самое избраніе въ ея члены признается особеннымъ знакомъ отличія; ей же принадлежитъ право давать оцѣнку научнымъ и литературнымъ произведеніямъ: общее признаніе этого права, и безъ законнаго на то уполномоченія, сказывается въ непрекращающемся учрежденіи премій при Академіи Наукъ. Слѣдовательно, и въ отношеніи писателей-художниковъ избраніемъ ихъ въ члены Отдѣленія будетъ воздана честь ихъ заслугамъ.

Но при той ограниченности свободныхъ мѣстъ, которыя Отдѣленіе можетъ въ своемъ составѣ предоставить писателямъ, оно никогда не будетъ въ состояніи своевременно почтить выдающихся дѣятелей въ области отечественной словесности: по необходимости въ члены Отдѣленія могутъ попасть, какъ въ настоящее время, такъ и въ будущемъ, одни только корифеи нашей литературы, которые въ сущности и не нуждаются въ такомъ вниманіи Академіи послѣ общаго признанія ихъ талантовъ и заслугъ. Между тѣмъ Академія могла бы оказать гораздо болѣе существенную пользу литературѣ, если бы получила

возможность нравственно поддержать своимъ вниманіемъ не только старыхъ, но и молодыхъ писателей, не только окончившихъ свое литературное поприще, но и начавшихъ его со славой. Кромѣ того, Академія — это единственное учрежденіе, которое можетъ содѣйствовать нравственному сближенію представителей отечественной литературы внѣ той сферы узкой партійности, которая почти неизбѣжно охватываетъ разные случайные литературные и журнальные кружки. Но разумѣется содѣйствовать этому сближенію, имѣя въ своей средѣ трехъ или четырехъ хотя бы даже наиболѣе выдающихся писателей, Академія не можетъ. Увеличеніе числа мѣстъ, отведенныхъ въ нашемъ Отдѣленіи для представителей литературы, совершенно необходимо; но оно не можетъ быть допущено безъ явнаго ущерба научному характеру нашей коллегіи. Остается другой выходъ: дать Отдѣленію возможность привлечь въ Академію болѣе широкій кругъ писателей въ качествѣ членовъ-корреспондентовъ и почетныхъ членовъ Отдѣленія. Эти новые члены Отдѣленія могутъ быть поставлены въ постоянныя и опредѣленныя отношенія къ тому ядру, которое составятъ дѣйствительные его члены: такъ, они могли бы обязательно входить въ составъ коммиссій, присуждающихъ преміи за произведенія изящной словесности; по своему желанію они могли бы знакомить своихъ сочленовъ съ новыми своими произведеніями; частое общеніе въ стѣнахъ Академіи могло бы содѣйствовать упроченію нѣкоторыхъ правильныхъ взглядовъ на задачи литературы, предохранить отъ вредныхъ увлеченій, способствовать развитію художественнаго вкуса, изящества стиля и т. п. Въ виду того, что этотъ разрядъ членовъ будетъ учрежденъ въ память Пушкина, чествованію поэта могли бы быть посвящены особыя торжественныя засѣданія съ участіемъ всѣхъ членовъ Отдѣленія — дѣйствительныхъ и почетныхъ.

Обращаясь къ вопросу объ исполненіи Указа 26-го мая въ той его части, гдѣ онъ говоритъ объ избраніи въ Академію писателей-художниковъ, ясно, что, съ учрежденіемъ особыхъ почетныхъ членовъ Отдѣленія, въ число ихъ могутъ быть избраны всѣ выдающіяся силы на поприщѣ отечественной словесности, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительные члены Отдѣленія должны быть избраны лишь тѣ писатели, труды которыхъ могутъ быть полезны Отдѣленію.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, я присое-

дпняюсь къ только что прочитанному мнѣнію А. Н. Пыпина и прошу включить въ проектъ новаго Положенія объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности нѣсколько постановленій, предусматривающихъ учрежденіе членовъ-корреспондентовъ и почетныхъ членовъ Отдѣленія и точнѣе опредѣляющихъ условія, необходимыя для избранія писателей въ дѣйствительные его члены. Думаю, что число почетныхъ членовъ можетъ быть опредѣлено десятью, а число членовъ-корреспондентовъ двадцатью".

По прочтеніи записокъ академиковъ: А. Н. Пыпина и А. А. Шахматова, предсѣдательствующій въ Отдѣленіи академикъ М. И. Сухомлиновъ предложилъ принять для членовъ разряда изящной словесности наименованіе *почетныхъ академиковъ*. Такое названіе имѣетъ историческую основу. Оно предложено *именно для писателей* Комитетомъ, членами котораго были при самомъ учрежденіи Отдѣленія академики: Востоковъ, Языковъ, Френъ и Фусъ. Положено принять названіе почетныхъ академиковъ для членовъ Разряда изящной словесности.

По случаю исполнившагося 20 сего октября сорокалѣтія полезной дѣятельности собирателя памятниковъ великорусскаго и бѣлорусскаго народнаго творчества П. В. Шейна, Отдѣленіе привѣтствовало его нижеслѣдующею телеграммою: „Отдѣленіе русскаго языка и словесности привѣтствуетъ Васъ по случаю сорокалѣтняго юбилея Вашей дѣятельности на пользу русской науки".

Переданныя въ Отдѣленіе академикомъ Л. Н. Майковымъ двѣ статьи: а) г. Витберга — рецензія на изданное Александровскимъ Лицеемъ описаніе Пушкинскаго музея и б) П. В. Шейна — нѣсколько замѣтокъ объ отношеніи А. С. Пушкина къ народной пѣснѣ — положено принять для помѣщенія въ Извѣстіяхъ Отдѣленія съ необходимыми сокращеніями и измѣненіями.

Читано заявленіе экстраординарнаго академика А. А. Шахматова (отъ 24-го мая сего года) слѣдующаго содержанія: „Въ числѣ выдающихся изслѣдователей славянскихъ языковъ долженъ быть названъ д-ръ Эрнестъ Мука, лужичанинъ родомъ. Его замѣчательное изслѣдованіе „Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache" (Leipzig,

1891), удостоенное преміи ученаго Общества имени Яблоновскаго, снискало ему почетную извѣстность. Въ настоящее время онъ трудится надъ обширнымъ словаремъ нижне-лужицкаго языка, матеріалы для котораго собираются болѣе двадцати лѣтъ. Въ словарѣ будетъ проведено систематическое сравненіе нижне-лужицкаго языка съ русскимъ. Заслуги д-ра Муки позволяютъ мнѣ обратиться ко II-му Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ съ просьбою, не найдетъ ли оно возможнымъ возбудить ходатайство о награжденіи д-ра Муки орденомъ св. Анны 2-й степени по примѣру того, какъ этимъ орденомъ въ свое время (въ 1867 г.) былъ награжденъ соотечественникъ д-ра Муки — Янъ Смоларъ. Отдѣленіе вполнѣ одобрило представленіе академика Шахматова.

Читано заявленіе присяжнаго повѣреннаго князя А. И. Урусова, отъ 27-го іюня сего года за № 33113, слѣдующаго содержанія: „Узнавъ, что Академія приступила къ составленію *Пушкинскаго словаря*, позволяю себѣ предложить пересылаемыя при семъ фиши, составленныя мною и сотрудниками, списокъ которыхъ находится въ предисловіи. Работа эта, предпринятая совершенно безкорыстно для чествованія великаго поэта, предлагается нами Академіи въ надеждѣ, что она можетъ сколько-нибудь пригодиться, какъ подборъ цитатъ на слова, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ мы вынуждены были пользоваться наиболѣе распространеннымъ изданіемъ Суворина. Всѣ мои сотрудники желали бы также безвозмездно продолжать начатый трудъ, почему я позволяю себѣ представить Отдѣленію подробный списокъ ихъ съ указаніемъ мѣста жительства. Мы были бы счастливы, если бы нашъ скромный трудъ могъ оказаться лептой на славу поэта“. При запискѣ приложено рукописное предисловіе къ Пушкинскому словарю, списокъ сотрудниковъ и начало Словаря на букву А и отдѣльныя карточки съ цитатами изъ Сочиненій Пушкина для Словаря. Вскорѣ затѣмъ г. Н. А. Рождественскимъ, при запискѣ отъ 17-го іюля, были препровождены въ Отдѣленіе и оставшіяся недосланными карточки того же словарнаго труда (фиши). Положено просить академика А. А. Шахматова принять на себя трудъ разсмотрѣнія препровожденныхъ кн. Урусовымъ въ даръ Академіи матеріаловъ для Пушкинскаго словаря.

Академикъ А. А. Шахматовъ далъ о трудѣ князя Урусова слѣдующій отзывъ: „Матеріалы для Пушкинскаго словаря, препровожденные кн. Урусовымъ черезъ Л. Н. Майкова, находятся въ настоящее время въ Архивѣ нашего Отдѣленія. Они заключаются въ нѣсколькихъ связкахъ карточекъ. На карточкахъ находятся слова на буквы *А* и *Б* и, кромѣ того, къ поэмѣ „Русланъ и Людмила" имѣются карточки на всѣ буквы. Къ матеріаламъ приложено нѣсколько печатныхъ гранокъ, изъ которыхъ видно, что кн. Урусовъ началъ было уже печатать свой словарь. Часть карточекъ, вѣроятно, пригодится составителямъ Пушкинскаго словаря. Поэтому я полагалъ-бы необходимымъ благодарить кн. Урусова за присланные имъ матеріалы". Положено благодарить кн. Урусова за доставленные матеріалы по Словарю къ сочиненіямъ Пушкина.

По прочтеніи г. Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи составленной имъ записки объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Отдѣленія, ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета и Императорскаго Историко-Филологическаго института И. Н. Жданова и по произведенной затѣмъ въ Отдѣленіи баллотировкѣ шарами на свободную вакансію ординарнаго академика г. Ждановъ оказался единогласно избраннымъ въ это званіе, почему и положено сообщить о томъ г. непремѣнному секретарю Академіи, для представленія ближайшему Общему Собранію Академіи, — и приложить читанную въ Отдѣленіи записку объ ученыхъ трудахъ И. Н. Жданова. (*См. Приложеніе I*).

Академикъ А. Н. Пыпинъ доложилъ Отдѣленію о своихъ занятіяхъ въ Государственномъ Архивѣ и о хранящихся въ ономъ собственноручныхъ рукописяхъ Императрицы Екатерины II, и прочиталъ по этому поводу приложенную къ настоящему протоколу записку. Положено одобрить представленный академикомъ Пыпинымъ трудъ и помѣстить его въ одномъ изъ изданій Отдѣленія. (*См. Приложеніе II*).

Съ согласія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ, Предсѣдательствующимъ былъ предложенъ къ избранію въ ординарные академики Отдѣленія заслуженный профессоръ Императорскаго Санктпетербургскаго университета Владиміръ Ивановичъ Ламанскій. По

прочтеніи записки объ ученыхъ его трудахъ и по произведенной вслѣдъ за тѣмъ закрытой баллотировкѣ шарами профессоръ Ламанскій оказался избраннымъ въ это званіе, почему и положено сообщить о томъ г. Непремѣнному Секретарю Академіи для представленія ближайшему Общему Собранію Академіи и приложить читанную въ Отдѣленіи записку объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго. (*См. Приложеніе III*).

На свободную вакансію ординарнаго академика Отдѣленіе русскаго языка и словесности, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ былъ предложенъ извѣстный своими учеными трудами членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ по Историко-Филологическому Отдѣленію, заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Ѳ. Е. Коршъ. По прочтеніи записки объ ученыхъ его трудахъ и по произведенной вслѣдъ за тѣмъ закрытой баллотировкѣ шарами, онъ оказался единогласно избраннымъ въ это званіе, почему и положено сообщить о томъ г. Непремѣнному Секретарю Академіи, для представленія ближайшему Общему Собранію Академіи, выпискою изъ протокола съ приложеніемъ читанной въ Отдѣленіи записки. (*См. Приложеніе IV*).

Отдѣленіе, заслушавъ препровожденное А. И. Беличемъ заявленіе Сербскаго Литературнаго Товарищества подъ названіемъ: „Српска Книжевна задруга" о взаимномъ обмѣнѣ изданіями, отъ 22 марта сего года за № 43, изъявило на то свое согласіе и положило присланные пятьдесятъ томовъ различныхъ изданій, выпущенныхъ „Задругою", передать въ I Отдѣленіе Академической Библіотеки.

В. В. Богишичъ, письмомъ на имя г. Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи (отъ 17/29 мая сего года изъ Парижа), увѣдомляетъ, что, согласно съ указаніемъ Отдѣленія (въ письмѣ къ нему отъ 13 мая сего года за № 86), онъ передалъ старинный сборникъ русскихъ пословицъ въ Императорское Россійское Посольство, г. секретарю послѣдняго графу Броверну-де-ла-Гарди, для отправки его съ курьеромъ въ Петербургъ въ Императорскую Академію Наукъ. Рукопись, посланная г. Богишичемъ, получена и хранится въ настоящее время въ I Отдѣ-

леніи Библіотеки. Положено выразить В. В. Богишичу благодарность за принесеніе имъ въ даръ Академіи упомянутой рукописи.

Временно испр. обяз. директора Императорской Публичной Библіотеки, Библіотекарь, тайный совѣтникъ В. В. Стасовъ, отношеніемъ отъ 29 мая сего года за № 996, увѣдомилъ Отдѣленіе, что при разборѣ бумагъ и книгъ послѣ покойнаго директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова, находившихся въ его директорскомъ кабинетѣ въ зданіи Библіотеки, оказались, между прочимъ, слѣдующія бумаги, принадлежащія II Отдѣленію Академіи Наукъ: 1) папка, въ которой находятся два пакета съ карточками: а) „Матеріалы для Русскаго словаря" и б) карточки съ словами на букву Д. 2) папка, въ которой находятся: письма разныхъ лицъ къ академику Я. К. Гроту, касающіяся словаря русскаго языка; нѣсколько отрывочныхъ черновыхъ набросковъ и замѣтокъ Я. К. Грота по русской грамматикѣ и словарю; пакетъ съ надписью: „образованіе сравнит. степени прилагательныхъ" (замѣтки Я. К. Грота на карточкахъ); пакетъ съ надписью: „Ошибки противъ языка, обличаемыя разными писателями" и пакетъ съ надписью: „еще матеріалы для словаря" и 3) Корректурные оттиски „Словаря русскаго языка" съ замѣтками на него разныхъ лицъ (двѣ связки). Препровождая перечисленныя бумаги во II Отдѣленіе, г. Стасовъ проситъ о полученіи ихъ увѣдомить его. — Положено: 1) присланныя въ 3-хъ тюкахъ бумаги и словарные матеріалы хранить при дѣлахъ Отдѣленія и 2) увѣдомить Управленіе Императорской Публичной Библіотеки о полученіи упомянутыхъ бумагъ и матеріаловъ.

Академикъ Л. Н. Майковъ заявилъ, что въ виду почти полной распродажи изданнаго Отдѣленіемъ подъ его редакціею I-го тома „Сочиненій А. С. Пушкина", онъ считалъ-бы необходимымъ приступить въ ближайшемъ будущемъ къ перепечаткѣ I-го тома означеннаго изданія съ нѣкоторыми сообщенными уже ему разными лицами и рецензентами исправленіями и пополненіями. Одобрено.

Читана записка профессорскаго стипендіата Императорскаго Новороссійскаго университета С. М. Кульбакина (отъ 18 іюня сего года), при которой онъ представилъ въ Отдѣленіе отчетъ

о своихъ занятіяхъ въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга въ теченіе командировочнаго времени (съ 25 сентября по 23 декабря 1898 года), въ коемъ имъ предложены двѣ статьи объ изученныхъ имъ рукописяхъ: 1) Евангелія XIII—XIV вв. Императорской Публичной Библіотеки и 2) славянскаго перевода первой книги Царствъ. Положено принять къ свѣдѣнію, а отчетъ передать на разсмотрѣніе академика А. А. Шахматова, который вскорѣ сообщилъ, что нѣкоторыя части упомянутаго отчета настолько интересны, что не лишнимъ казалось бы напечатать Отчетъ въ Сборникѣ Отдѣленія, предварительно снесшись по этому поводу съ авторомъ. Положено исполнить согласно съ мнѣніемъ академика Шахматова.

Присланныя редакторомъ издаваемаго Отдѣленіемъ Литовско-русско-польскаго словаря А. Юшкевича И. О. Яблонскимъ при запискѣ изъ Ревеля отъ 10 іюля сего года, три тетради (стр. 110—201) рукописнаго оригинала упомянутаго словаря положено препроводить въ Академическую типографію для набора.

Предсѣдательствующій заявилъ о кончинѣ ординарнаго академика Н. А. Лавровскаго, послѣдовавшей 18 сентября сего года. Особая записка съ некрологомъ покойнаго была имъ же прочитана въ Общемъ Собраніи Академіи 2 сего октября.

Сообщено о полученіи отъ г. Непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ отношенія г. помощника начальника Харьковскаго Почтово-Телеграфнаго Округа, статскаго совѣтника Хр. Хр. Дамиеля отъ 22 іюня сего года, съ приложенною къ нему запискою послѣдняго подъ заглавіемъ: „О возможности допущенія передачи телеграммъ международной корреспонденціи во всѣхъ безъ исключенія русскихъ телеграфныхъ пунктахъ“. Положено передать то и другое на разсмотрѣніе академика А. А. Шахматова.

Составленіе Отчета о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за истекающій 1899 годъ положено поручить академику А. А. Шахматову.

Вслѣдствіе сообщенія академика Л. Н. Майкова о томъ, что имъ уже приступлено къ перепечаткѣ разошедшагося 1-го из-

данія I-го тома издаваемаго Отдѣленіемъ подъ его редакціею „Сочиненій Пушкина“ положено 2-е изданіе I-го тома печатать въ количествѣ 1800 экземпляровъ.

По прочтеніи записки объ ученыхъ трудахъ экстраординарнаго академика А. А. Шахматова и по произведенной вслѣдъ за симъ баллотировкѣ его въ ординарные академики Отдѣленія, онъ оказался единогласно избраннымъ въ это званіе, почему и положено сообщить о томъ г. Непремѣнному секретарю Академіи для представленія ближайшему Общему Собранію Академіи Наукъ и приложить читанную въ Отдѣленіи записку объ ученыхъ трудахъ академика Шахматова со времени избранія его въ экстраординарные академики. *(См. Приложеніе V))*.

По прочтеніи записки объ ученыхъ трудахъ ординарнаго академика III отдѣленія Академіи Наукъ Н. П. Кондакова и по произведенной за симъ баллотировкѣ его, онъ оказался избраннымъ въ это званіе, почему и положено сообщить о томъ г. Непремѣнному секретарю Академіи для представленія ближайшему Общему Собранію Академіи Наукъ и приложить читанную въ Отдѣленіи записку объ ученыхъ трудахъ академика Н. П. Кондакова. *(См. Приложеніе VI)*.

Представленный академикомъ И. В. Ягичемъ въ Отдѣленіе, черезъ академика Л. Н. Майкова, для напечатанія въ Сборникѣ и отдѣльнымъ оттискомъ сборный трудъ подъ общимъ заглавіемъ: „А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ историко-литературныхъ и библіографическихъ статей, изданный подъ редакціею ординарнаго академика И. В. Ягича“ и состоящій изъ десяти нижеслѣдующихъ статей: I. Русское вліяніе и Пушкинъ въ болгарской литературѣ, Ив. Д. Шишманова. II. А. С. Пушкинъ въ хорватской литературѣ, Профессора М. Шрепеля. III. А. С. Пушкинъ въ сербско-хорватской литературѣ. Очеркъ библіографическій И. В. Ягича. IV. О переводѣ „Руслана и Людмилы“, И. В. Ягича. V. „Полтава“ въ двухъ хорватскихъ переводахъ, И. В. Ягича. VI. „Кавказскій Плѣнникъ“ въ трехъ сербско-хорватскихъ переводахъ, И. В. Ягича. VII. „Евгеній Онѣгинъ“ въ трехъ сербско-хорватскихъ полныхъ переводахъ, И. В. Ягича.

VIII. „Борисъ Годуновъ“ въ двухъ переводахъ, **И. В. Ягича.** IX. Нѣсколько словъ о двухъ переводахъ „Капитанской дочки“, **И. В. Ягича** и X. „Пушкинъ въ словинской литературѣ, **Ив. Пріятеля**“, — положено помѣстить въ ближайшемъ томѣ Сборника Отдѣленія, съ выдачею автору оттисковъ.

Въ члены-корреспонденты Отдѣленія русскаго языка и словесности избраны: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. И. Стороженко и профессоръ чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ Чешскомъ университетѣ, дѣйствительный членъ Чешской Академіи Наукъ, докторъ Янъ Гебауеръ, о чемъ и положено сообщить г. Непремѣнному Секретарю выпискою изъ протокола для доклада ближайшему Общему Собранію Академіи.

Читанъ и одобренъ Отдѣленіемъ къ напечатанію составленный академикомъ А. А. Шахматовымъ, по порученію Отдѣленія, Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1899 годъ и Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ настоящемъ году. Положено предоставить академику Шахматову приложить къ Отчету подробный списокъ трудовъ покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова.

Академикъ Л. Н. Майковъ доложилъ Отдѣленію, что имъ получено отъ профессорскаго стипендіата Варшавскаго университета В. А. Францева нѣсколько библіографическихъ указаній о переводахъ Пушкина на славянскіе языки. Положено принять къ свѣдѣнію.

Читано прошеніе профессора д-ра Любора Нидерле, редактора и издателя журнала: „Vèstník slovanských starožitností“ отъ 15 октября (н. ст.) сего года, переданное въ Отдѣленіе, согласно постановленію Конференціи отъ 6 минувшаго ноября, г. Непремѣннымъ секретаремъ (при отношеніи отъ 2 сего декабря за № 1466). Отдѣленіе, разсмотрѣвъ ходатайство проф. Нидерле и находя полезнымъ съ своей стороны оказать поддержку изданію, положило: 1) выдать г-ну Нидерле *триста руб.* для означенной цѣли, съ предоставленіемъ ему права войти въ Отдѣленіе съ новымъ на тотъ же предметъ ходатайствомъ въ концѣ будущаго года, по поводу чего вопросъ этотъ снова мо-

жетъ подвергнуться обсужденію въ Отдѣленіи, согласно съ состояніемъ денежныхъ средствъ, имѣющихъ въ то время находиться въ распоряженіи Отдѣленія.

Предложенія: профессора Высшихъ Женскихъ курсовъ, приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина—объ изданіи Сочиненій Сумарокова и г. В. Сиповскаго—объ изданіи Сочиненій Озерова — положено принять къ свѣдѣнію.

Сообщено о полученіи отъ нижеслѣдующихъ лицъ и учрежденій отвѣтовъ на I, II и III-ю изданныя Отдѣленіемъ Программы для собиранія особенностей русскихъ говоровъ, а также вызванныхъ ими матеріаловъ для русской діалектологіи:

Отъ штатнаго смотрит. Курганск. уч. въ пак. № 775 — экз. I. Программы съ отмѣтками говора жителей *села Марайскаго*, Курганскаго округа, Тобольской губ. сдѣланн. учителемъ сельскаго приходскаго Марайскаго училища Степаномъ Константинов. Будиловымъ (или Зудиловымъ?) съ приложеніемъ на 2 листахъ свѣдѣній о селѣ Марайскомъ.

Черезъ посредство Ѳ. А. Вольтера изъ Тверской Духовной Семинаріи въ посылкѣ № 1440 *двѣ* программы: 1) экз. II Программы съ отмѣтками особенностей говора жителей *села Чернецкаго* Весьегонскаго уѣзда окончившаго курсъ Тверской Дух. Семинаріи Алексѣя Рождественскаго съ прибавленіями въ концѣ Программы на прокл. б. лист. „Описаніе села Чернецкаго Тверск. губ., Весьегонскаго у. Кесемской волости“. — 2) экз. II Программы съ отмѣтками окончившаго курсъ въ Тверской Дух. Семинаріи Михаила Ветлина особенностей говора жителей *деревни Леушина* въ приходѣ села Холмца, Старицкаго у., Тверск. губ. съ приложеніями на 5-ти листахъ: л. 1 — 2: свѣдѣнія о мѣстности, гдѣ производились наблюденія и о говорѣ крестьянъ вообще (1 — 2 = 3 — 5), л. 3: Караводніе пѣсьни: № 1—2; № 3 — 11: Народныя пѣсни и проч.

Экз. II Прогр. отъ учительницы Бабынинской Земской школы Александры Николаев. Маккавеевой съ отмѣтками особенностей говора населенія *деревни Бабынино* въ приходѣ села Глѣбова (въ 15 в. отъ г. Старицы) Старицк. у. Тверск. губ. съ приложеніемъ тетради на 14 листахъ (словарчикъ, за-

мѣтки о выраженіяхъ, пѣсни, свѣдѣнія о деревнѣ Бабынино и о составительницѣ отвѣтовъ на Програму).

„От Павла Леонид. Виноградова (изъ с. Святогорья, Грязовецк. у., Вологодск. губ.) на 6 листахъ: свѣдѣнія о селѣ Святогорьѣ Авнегской волости Гряз. у. Вол. губ.; Пѣсни дѣвицъ на посидѣнкахъ (л. 3).

Отъ Маріи Никол. Косичъ (г. Черниговъ, д. Коль), на 13 листахъ отмѣтки и записи особенностей говора села Разсухи, Гудова, деревень Еленска, Шапочки, Водьвинки, Бородинки Мглинск. у.; села Труханова, деревень Лубекъ, Амелькина хутора, Бороздина Стародубск. у., Черниг. губ.; образцы говора погарскихъ мѣщанъ, въ Мглинѣ и Почепѣ; въ Стародубѣ на базарѣ.

Отъ учителя Лунинскаго народнаго училища Пинск. у., Минск. губ. Платона Миронова при рапортѣ его отъ 3 марта 1899 г. за № 7 (ст. Лунинецъ. Минск. губ.) съ приложеніемъ сдѣланной имъ записи 10 заговоровъ со словъ одного старика-знахаря изъ с. Выдрица, Велятичск. вол., Борисовск. у., Минск. губ. (1. Звихъ (при лѣченіи человѣка слова... замѣняются...) 2. Отъ укушенія ужа. 3. Отъ укушенія гадюки. 4. Отъ супору. 5. Суроку. 6. Отъ бѣшенства (шалу). 7. Жаба. 8. Отъ золотника. 9. Кровь остановить. 10. Ушибъ.).

(Черезъ г. Непр. Секр. Акад.). При отношеніи Завѣдывающаго Дьяконовскою Метеорологич. станціею 2 разр. 2 кл. Грязов. у. Волог. губ. отъ 2 марта 1899 г. за № 33—тетрадь, писанная каранд. съ разсказомъ Василья Михайлова Чечулина на лл. 1—6 и на 2 листахъ: „Нѣсколько словъ о современныхъ пѣсняхъ и частушкахъ".

Отъ учительницы Слободского мужского земскаго начальнаго училища А. Н. Мышкиной экз. I Прогр. съ отмѣтками о говорѣ окрестныхъ жителей *г. Слободскаго* (на разстояніи до 4 верстъ) при рапортѣ за № 24.

Экз. III Прогр. съ замѣтками учителя Налибокскаго народнаго училища Ивана Адамова Кавцевича — о говорѣ населенія мѣстечка *Любчъ* (Минск. губ. Новогрудск. у.); съ приложеніемъ на 6 листахъ: Явленія природы и т. д. Сказка (байка).

При отношеніи г. Директора Минск. Дирекціи Народн. Учил. отъ 10 іюня 1899 г. за № 4712 экз. III Прогр. съ отмѣтками учителя Мих. Григ. Мороза о говорѣ жителей *мѣстечка*

Юревичи Рѣчицк. у., Минск. губ. съ приложеніемъ тетради съ отвѣтами на туже прогр. на 12 листахъ.

При рапортѣ отъ 15 іюня 99 г. за № 39 отъ учителя Чернейск. народ. учил. Василія Покровскаго экз. III Прогр. съ отмѣтками особенностей говора жителей *дер. Черней*, Себежск. у. Витебск. губ., съ приложеніемъ на 2 лл. діалоговъ: а) „Два мужика", б) „Мужикъ, учитель и мальчикъ", в) „Двѣ женщины".

Отъ воинскаго начальн. Богородицк. у. Тульск. губ. подполковн. Парамонова — экз. II Прогр. съ отмѣтками особенностей о говорѣ населенія Богородицк. уѣзда.

Отъ Александра Александровича Каменева, при рапортѣ отъ 1 августа 1899 г. — тетрадь на 12 листахъ, подъ заглавіемъ: „Разговорный языкъ крестьянъ мѣстности Авнеги Грязов. у., Вологодск. губ." (отвѣты на вопросы I Программы).

Отъ инспектора народныхъ училищъ 5-го района Новгород. губ. Н. Рамзевича, при отношеніи отъ 21 сентября сего года за № 76 — а) экз. I Прогр. съ отмѣтками о говорѣ населенія дер. Кречетова, Кирилловск. у., Никольск. вол., Больше-Шальск. прихода, доставленными учителемъ Никольск. земскаго училища Аѳ. Ѳеод. Нефедовымъ, съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ и б) съ замѣткой учителя Георгіевск. (Вадбольскаго) училища Бѣлозерск. у. Егора Иванова отъ 15 сентября 1899 г., относительно употребленія слова *скобкарь* (только не копкаръ), а также словъ: *пуйкъ, бусаръ, братыня* — Георгіевск. волости.

Отъ завѣдующаго Сясьскорядковск. (СПб. губ.) училищемъ учителя Н. Кудряшова (б. ученика Гатчинск. учит. семинаріи) при рапортѣ отъ 28 мая 1899 г. тетрадь на 28 помѣч. страницахъ съ замѣтками о Николайпольск. вол., *сел. Варваровки*, б. колоніи Франкфельдъ, Екатеринославск. губ.

Переданный проф. А. И. Соболевскимъ экземпляръ II-ой Прогр. съ замѣтками Н. Д. Четыркина объ особенностяхъ говора жителей *г. Рославля*, Смоленск. губ. (Матеріалъ собранъ *до* 1883 года).

При отношеніи г. Ректора Пензенской Дух. Семинаріи отъ 26 октября 99 г. за № 887 пять экземпляровъ II-ой Программы:

1) съ замѣтками (неизвѣстно чьими) объ особенностяхъ говора крестьянъ *села Сулака*, Чембарск. у. Пензенск. губ.;

2) съ отмѣтками воспитанника IV кл. Пенз. Дух. Семинаріи Петра Разсудова объ особенностяхъ говора жителей *села Куликовки*, Чембарск. у., Пензенск. губ. съ приложеніемъ на 2 листахъ;

3) съ отмѣтками объ особенностяхъ говора *села Трескина* Мокшанск. у. Пензенск. губ.,—сдѣланными воспитан. IV кл. Пензенск. Дух. Семин. (фамилія не обозначена) съ приложеніями: 1) на 2 лл. свѣдѣній о селѣ Трескинѣ и 2) („Словаря") см. стр. 43 Программы на 8 листахъ (начиная съ буквы к.) на л. 6 об. „Происхожденіе капона": „Волною морскою...." (легенда); л. 7—сказка „Емелюшка дурачекъ"; л. 7 об. Пѣсни. (Пѣсня „*Ланцова*");

4) съ отмѣтками воспитан. III кл. Пензенск. Дух. Семинаріи Георгія Симилейскаго — объ особенностяхъ говора жителей *села Шувары*, Инсарскаго у., Пенз. губ. (съ приложеніемъ на 2 листахъ);

5) съ отмѣтками (неизвѣстнаго?) о говорѣ жителей *села Елисаветина*, Мокшанск. у., Пенз. г.

Отъ г. Михаила Беллавина (изъ Санъ-Франциско, Сѣв. Америки) при запискѣ: 1) Замѣтка объ особенностяхъ народнаго говора и слововыраженія, употребляющагося въ разговорной рѣчи жителей города Торопца (Пск. губ.) и его уѣзда (на 4 листахъ). (1897—1899 г.). 2) Словарь особенныхъ выраженій, употребляющихся въ разговорной рѣчи жителей *города Торопца* (Пск. губ.) и его уѣзда. Записалъ Михаилъ Беллавинъ съ 1885 по 1895 г. и 3) Экз. III Программы съ отмѣтками о томъ же.

Отъ учителя Орѣховск. Народн. училища Александра Пщелко 1) экз. III Прогр. съ отмѣтками особенностей говора населенія *мѣстечка Орѣховна*, Лепельск. у., Витебск. губ. и 2) съ приложеніемъ экз. печатнаго сочиненія А. Р. Пщелка подъ заглавіемъ: „Очерки изъ жизни бѣлорусской деревни". (Витебскъ, Губернск. Типо-Литографія 1899 г. 8^0, стр. 1 огл. + 1 опечатки + 133).

Положено всѣ присланные отвѣты на Программы и матеріалы передать въ распоряженіе академика А. А. Шахматова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ЗАПИСКА

объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Императорской Академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, ординарнаго профессора Императорскаго Санктпетербургскаго университета и Историко-филологическаго института И. Н. Жданова.

Иванъ Николаевичъ Ждановъ (родился въ 1846 г.) окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по Историко-филологическому факультету въ 1871 году.

Въ 1872 году по представленіи сочиненія на тему изъ исторіи старо-русской литературы („Слово о законѣ и благодати и похвала кагану Владиміру")—утвержденъ въ званіи кандидата и оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ магистерству.

Въ 1878 году послѣ защищенія диссертаціи pro venia legendi приглашенъ былъ Совѣтомъ Кіевскаго университета св. Владиміра для преподаванія въ Университетѣ исторіи русской словесности въ званіи привата-доцента.

Въ 1882 году вышелъ въ отставку профессоръ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института А. Д. Галаховъ. На открывшуюся вакансію выбранъ И. Н. Ждановъ въ званіи экстраординарнаго профессора.

Въ 1883 году получилъ степень магистра, а въ 1895 г. степень доктора исторіи русской литературы.

Въ настоящее время И. Н. Ждановъ состоитъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института и С.-Петербургскаго университета.

Кромѣ Университета и Института онъ читалъ лекціи на Высшихъ женскихъ курсахъ (въ Кіевѣ и Петербургѣ) и въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ.

Состоитъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества (по Отдѣленію этнографіи), Неофилологическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, Московскаго Общества любителей Россійской словесности, членомъ-сотрудникомъ Общества любителей древней письменности, членомъ-корреспондентомъ Русскаго Археологическаго Общества.

И. Н. Ждановъ имѣлъ счастіе преподавать русскую словесность Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору; преподаваніе того же предмета Великому Князю Наслѣднику Михаилу Александровичу возложено также на профессора И. Н. Жданова.

Изслѣдованія И. Н. Жданова простираются на разнообразныя отрасли русской словесности, обнимая какъ устныя, такъ и письменныя ея произведенія въ различные періоды народной жизни. Самый выборъ предметовъ, для научныхъ изысканій, показываетъ и вѣрный взглядъ автора и его умѣнье направлять свою пытливость на тѣ области литературы и народнаго творчества, которыя имѣютъ для науки особенное значеніе.

Однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей литературы служитъ знаменитое Слово митрополита Иларіона, выражающее собою настроеніе русскихъ мыслящихъ людей въ важнѣйшую эпоху умственной жизни Россіи — въ эпоху принятія Христіанства. Этотъ драгоцѣнный памятникъ изученъ чрезвычайно тщательно И. Н. Ждановымъ, работа котораго, несмотря на то, что она была однимъ изъ первыхъ его трудовъ на ученомъ поприщѣ, отличается такими достоинствами, которыя сдѣлали бы честь и гораздо болѣе опытному изслѣдователю.

Предметомъ другого научнаго труда И. Н. Ждановъ избралъ эпоху и личность Ивана Грознаго, въ писаніяхъ котораго ярко выражается такъ много чертъ умственной и общественной жизни Россіи того времени.

Рядъ трудовъ И. Н. Жданова относится къ русской народной словесности и самый обширный изъ нихъ изданъ подъ названіемъ: „*Русскій былевой эпосъ* (*изслѣдованія и матеріалы*)“. Авторъ говоритъ: „Отраженіе въ поэзіи историческихъ событій, характеризующее былевой эпосъ въ его основѣ, не объясняетъ однако всѣхъ явленій, всѣхъ разновидностей былевой

пѣсни. Вліяніе историко-литературныхъ теченій могло значительно отклонять движеніе эпоса отъ его первоначальнаго направленія. По этому рядомъ съ пѣснями, сложившимися на историческо-былевой основѣ и удерживающими эту основу и въ позднѣйшихъ пересказахъ, находимъ такія произведенія эпической поэзіи, въ которыхъ историческія воспоминанія замѣняются инымъ литературнымъ матеріаломъ. Какой же именно матеріалъ вошелъ въ нашъ былевой эпосъ, измѣняя составъ и характеръ исторической пѣсни? Недостаточно указать, что это матеріалъ захожій, матеріалъ, не принадлежащій къ кругу нашихъ былей. Нужно опредѣлить тотъ отдѣлъ поэтической литературы, подъ вліяніемъ котораго опредѣлился составъ той или другой былины. При такомъ изученіи выяснится живая связь, соединяющая былевой эпосъ съ другими, параллельными ему теченіями народнаго творчества; исторія былины не останется уединенной, а войдетъ въ общую картину движенія старорусской поэзіи".

Приведенныя слова какъ нельзя лучше опредѣляютъ общее направленіе ученой дѣятельности И. Н. Жданова. Памятники народнаго творчества разсматриваются имъ съ проницательностью истиннаго ученаго, и заслуги его тѣмъ значительнѣе, что въ области устной словесности изслѣдователь долженъ отыскивать и разъяснять загадочные и разсѣянные слѣды различныхъ эпохъ и весьма трудно установить ихъ внутреннюю связь и литературное преемство.

Для объясненія русскаго былевого эпоса И. Н. Ждановъ обращается и къ письменнымъ памятникамъ русской старины и древности, и къ апокрифическимъ сказаніямъ, и къ произведеніямъ византійской и другихъ европейскихъ литературъ, и т. д.

Трудъ И. Н. Жданова о русскомъ былевомъ эпосѣ удостоенъ преміи графа Уварова въ тысячу рублей.

Къ числу замѣчательныхъ этюдовъ И. Н. Жданова по русской литературѣ XVIII и XIX вѣковъ принадлежатъ статьи его о Пушкинѣ, Фонвизинѣ, Бѣлинскомъ и др. Чтобы не быть голословнымъ, изъ множества примѣровъ укажу на одинъ, относящійся къ знаменитой драмѣ Пушкина: „Борисъ Годуновъ". Самъ Пушкинъ посвятилъ памяти Карамзина „сей трудъ, геніемъ его вдохновенный". Въ этихъ словахъ позднѣйшіе представители русской критики, даже такіе какъ Поле-

вой и Бѣлинскій, усмотрѣли прямое указаніе автора, что онъ рабски шелъ по слѣдамъ Карамзина. Но, сопоставляя драму Пушкина съ разсказомъ Карамзина, И. Н. Ждановъ подмѣтилъ существенное между ними различіе. Въ изображеніи судьбы царя Бориса Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ Пушкина. Карамзинскій Борисъ, появляясь на престолѣ, вызываетъ общее сочувствіе и бояръ, и народа, и несчастіе этого царя объясняются его болѣзненной подозрительностью. Пушкинскій Борисъ представляется мнимымъ избранникомъ народа, дѣйствовавшимъ вопреки общему настроенію: бояре помнили своихъ властныхъ предковъ, народъ помнилъ Юрьевъ день и т. д.

Благодаря тщательнымъ изысканіямъ И. Н. Жданова оказывается, что въ драмѣ Пушкина есть слѣды знакомства поэта съ такими данными, которыхъ не находимъ у Карамзина, и которыя служатъ весьма важнымъ доказательствомъ начитанности Пушкина и его серьезнаго отношенія къ историческимъ памятникамъ. По замѣчанію И. Н. Жданова „вся чудная сцена объясненія Димитрія и Марины — плодъ поэтическаго генія; но нельзя не обратить вниманія на сходство Пушкинской Марины съ ея портретомъ, набросаннымъ въ „Краткой повѣсти о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ". Этотъ безыскуственный разсказъ — точно блѣдный, грубый набросокъ той яркой художественно законченной картины, которая открывается передъ нами въ сценѣ у фонтана".

Не находя возможнымъ и умѣстнымъ представить подробный разборъ учено-литературной дѣятельности И. Н. Жданова, ограничусь замѣчаніемъ, что лучшимъ источникомъ для ея изученія и оцѣнки служатъ труды автора, указанные въ прилагаемомъ спискѣ.

Списокъ трудовъ профессора И. Н. Жданова.

1) Матеріалы для исторіи стоглаваго собора. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1876 г.).

2) Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху. (Кіевскія университетскія извѣстія 1879 г.).

3) Церковно-земскій соборъ 1551 года. (Историч. Вѣстникъ 1880 г.).

4) Нѣсколько словъ о драматическихъ произведеніяхъ Пушкина, рѣчь, читанная въ Кіевскомъ драматическомъ обществѣ („Кіявлянинъ“ 1880 г.).

5) Литература Слова о полку Игоревѣ. (Кіевскія университетскія извѣстія 1880 г.).

6) Палея. (Кіевскія университетскія извѣстія 1881 г.).

7) Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ, 1881 г. (Диссертація на степень магистра).

8) „А. А. Котляревскій“, рѣчь, помѣщенная въ книжкѣ: „Поминка по А. А. Котляревскомъ“. Кіевъ, 1881 г.

9) Пѣсни о князѣ Романѣ. (Журн. Минист. Народ. Просв. 1890 г.).

10) Пѣсни о князѣ Михаилѣ. („Живая Старина“ 1890 г.).

11) Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“. (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1891 г.).

12) Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ. (Журн. Минист. Народ. Просв. 1893—1894 г.).

13) Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: „Неразсказанный сонъ“. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г.).

14) Послѣднія пять статей въ исправленномъ и дополненномъ видѣ вошли въ книгу: „Русскій Былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I—V. СПБ. 1895. (Диссертація на степень доктора).

15) Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина въ Исторіи русской литературы, рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Совѣта Александровскаго Лицея 29 января 1887 г. (Напечатана въ книжкѣ: „Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина“. СПБ. 1887 г.).

16) О драмѣ А. С. Пушкина: „Борисъ Годуновъ“, публичная лекція, читанная въ Александровскомъ Лицеѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. СПБ. 1892 г.

17) Бесѣда трехъ святителей и Joca monachorum. (Журн. Минист. Народн. Просв. 1892 г.).

18) Разборъ сочиненія г. Архангельскаго „Творенія Отцовъ Церкви въ древне-русской письменности“. (Въ Отчетѣ о присужденіи наградъ гр. Уварова 1892 года).

19) Д. Ив. Фонвизинъ, очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. (Въ Словарѣ Императ. Русск. Историческаго Общества).

20) Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ.

(Въ „Сборникѣ статей въ честь Ив. В. Помяловскаго“. СПБ. 1897 г.).

21) О трудахъ Ѳ. Ив. Буслаева по Исторіи русской словесности. (Въ книжкѣ: „Четыре рѣчи о Ѳ. Ив. Буслаевѣ, читанныя въ засѣданіи Отдѣла Коменскаго 21 января 1898 г.). СПБ. 1898.

22) Памяти В. Г. Бѣлинскаго, рефератъ, читанный въ Неофилологическомъ Обществѣ. СПБ. 1899 г.

23) Лекціи И. Н. Жданова по исторіи русской словесности, читанныя въ Университетѣ, Институтѣ, Лицеѣ и на Женскихъ курсахъ, не разъ издавались въ видѣ литографированныхъ записокъ. Въ продажу эти изданія не поступили.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ

М. Сухомлиновъ.

23 октября 1899 года.

II.

Записка академика А. Н. Пыпина.

Получивъ, по ходатайству Августѣйшаго Президента, Высочайшее соизволеніе на занятія въ Государственномъ Архивѣ, чтобы закончить свои давнія работы по исторіи мистическаго движенія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, я долженъ былъ, въ числѣ другихъ предметовъ, обратить вниманіе на отношеніе къ этому движенію императрицы Екатерины, которая, какъ извѣстно, ему не сочувствовала и, между прочимъ, посвятила ему три особыхъ комедіи („Обманщикъ“, „Обольщенный“, „Шаманъ Сибирскій“). Должно было изучить то, что́ въ документахъ Государственнаго Архива могло относиться къ этимъ трудамъ императрицы. Приступивъ къ этому изученію, я, къ удивленію своему, нашелъ въ бумагахъ Архива цѣлую массу литературныхъ произведеній императрицы, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ историкамъ литературы.

Значеніе литературныхъ трудовъ императрицы достаточно извѣстно, и я не могъ не заинтересоваться матеріаломъ, который доставляетъ столько новыхъ данныхъ для опредѣленія этой стороны дѣятельности и интересовъ императрицы Екатерины.

Въ настоящее время моя работа по собиранію и опредѣленію этихъ новыхъ матеріаловъ почти закончена, и я желалъ представить Отдѣленію свои соображенія относительно изданія этихъ матеріаловъ,—такъ какъ они должны быть изданы,—и вызвать мнѣнія сочленовъ. Я желалъ этого по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, черезъ Академію я получилъ самую возможность сдѣлать это, можно сказать, открытіе, и оно принадлежитъ Русскому Отдѣленію Академіи. Во-вторыхъ, мнѣ казалось, что это изданіе неизвѣстныхъ сочиненій императрицы Екатерины можетъ идти въ рядъ тѣхъ изданій русскихъ писателей, которыя Отдѣленіе давно поставило въ число своихъ задачъ и для которыхъ является теперь возможность исполненія при новыхъ средствахъ, полученныхъ Отдѣленіемъ.

Вновь найденный матеріалъ заключаетъ пять вполнѣ законченныхъ пьесъ, шесть пьесъ въ отрывкахъ; большая часть ихъ — самостоятельныя, затѣмъ три „вольныхъ переложенія"— „изъ Шекспира", „съ англійскаго" и „изъ Калдерона де-ла Барка". Почти всѣ пьесы находятся въ автографахъ императрицы (иногда въ двухъ, черновомъ и бѣловомъ) и нѣкоторыя кромѣ того въ копіяхъ, переписанныхъ Елагинымъ или Храповицкимъ, секретарями императрицы.

Далѣе, въ автографахъ или рукописныхъ копіяхъ находится въ Архивѣ большинство сочиненій императрицы напечатанныхъ, и сличеніе черновыхъ съ печатнымъ текстомъ доставляетъ немало новыхъ и любопытныхъ указаній о способѣ ея работы и роли ея секретарей, которые, исправляя, по порученію императрицы, ея орѳографію (какъ извѣстно, она сама указывала, что ее не учили русской грамматикѣ), большей частью въ своихъ поправкахъ не улучшали, а портили ея стиль.

Въ числѣ автографовъ находятся также нѣкоторыя изъ ея французскихъ пьесъ, изданныя еще при жизни ея въ Théatre de l'Ermitage.

Наконецъ, сохранилось въ автографахъ большое число разнообразныхъ статей и замѣтокъ — историческихъ, географическихъ, литературныхъ.

Нѣсколько автографовъ, относящихся къ литературнымъ трудамъ императрицы, находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (мною уже разсмотрѣны) и въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ (Отдѣленіемъ сдѣлано уже сношеніе съ

Музеемъ о пересылкѣ этихъ матеріаловъ въ Отдѣленіе для моихъ занятій).

Все это остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ и неизданнымъ (исключеніе составляетъ одна небольшая работа Пекарскаго, по матеріаламъ Государственнаго Архива). Мнѣ казалось, что если открылся этотъ новый запасъ бумагъ императрицы, онъ долженъ быть наконецъ изученъ и изданъ, чтобы дополнить изображеніе литературной дѣятельности императрицы. Въ списокъ ея драматическихъ сочиненій прибавляется новый рядъ пьесъ, о которыхъ не было до сихъ поръ никакого извѣстія. Эти новыя произведенія, какъ и тѣ, какія давно были изданы, не имѣютъ значенія художественнаго, но любопытны какъ новое свидѣтельство литературныхъ интересовъ императрицы, любопытны чертами быта, а также языка; ея отрывочныя замѣтки указываютъ широкую историческую любознательность и стоятъ въ связи съ ея обширными записками по русской исторіи; ея замѣтки личнаго характера, вмѣстѣ съ различными отрывками, оставшимися въ ея бумагахъ, даютъ черты ея ближайшаго „эрмитажнаго“ круга, — гдѣ находимъ имена ея придворныхъ и иностранныхъ дипломатовъ (Де-Линь, Сегюръ, Кобенцель).

Я думалъ бы назвать изданіе:

Сочиненія императрицы Екатерины неизданныя, вновь удостовѣренныя и сличенныя съ автографами. Матеріалы для критическаго изданія сочиненій императрицы Екатерины II.

Въ изданіе вошло-бы слѣдующее:

I. Пьесы законченныя.

— Неожиданное приключеніе, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, автографъ и копія, писанная И. П. Елагинымъ (Госуд. Архивъ X. 340, 356).

— Думается такъ, а дѣлается инако, комедія въ пяти дѣйствіяхъ (мартъ 1785), автографъ (Госуд. Архивъ X. 330).

— Что за штуки? комедія въ пяти дѣйствіяхъ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 338).

— Драновъ и сосѣди, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, копія (Госуд. Архивъ X. 334).

— Невѣста-невидимка, автографъ и копія И. П. Елагина (Госуд. Архивъ X. 333).

Примѣчаніе. Пьеса, издаваемая со временъ „Россійскаго Ѳеатра" въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины подъ названіемъ „Невѣста-невидимка", въ упомянутой дальше рукописи Елагина названа „Вопроситель" (Госуд. Архивъ X. 328). Печатный текстъ „Невѣсты-невидимки" въ „Р. Ѳеатрѣ" (ч. XII, „Комедіи" т. III, 1786 и позднѣйшія изданія (совершенно отвѣчаетъ рукописи „Вопроситель" лишь съ немногими варіантами; и названіе „Вопросителя" лучше отвѣчаетъ характеру главнаго дѣйствующаго лица Вѣстолюба. Между тѣмъ настоящая рукописная пьеса „Невѣста-невидимка" (Госуд. Арх. X. 333), не имѣющая съ печатной ничего общаго, именно отвѣчаетъ своему заглавію,—такъ какъ все дѣйствіе именно вертится на невѣстѣ-невидимкѣ.

— Расточитель, вольное переложеніе изъ Шакеспира, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, два черновыхъ автографа и копія писанная, кажется, рукою Храповицкаго (только четыре дѣйствія); но пятое дѣйствіе, видимо, не вполнѣ закончено (Госуд. Архивъ X. 354).

II. Драматическіе отрывки.

— Разсказы (или Баба бредитъ, чертъ-ли ей вѣритъ), комедія въ одномъ дѣйствіи, кажется, отрывокъ автографа (Госуд. Архивъ X. 329).

— Комедія безъ названія („Врунъ?") нѣсколько черновыхъ отрывковъ (Госуд. Архивъ X. 339).

— Комедія безъ названія, вольное переложеніе съ англійскаго, отрывокъ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 342).

— Отрывокъ изъ театральной пьесы, гдѣ выведены колдуны и вѣдьмы, автографъ (Госуд. Архивъ X. 322).

— Чуланъ. Вольное переложеніе изъ Кальдерона де-ла Барка, отрывокъ автографа (Госуд. Архивъ X. 350).

— Драматическіе отрывки (Госуд. Архивъ X. 355).

III. Автографы и копіи сочиненій изданныхъ (варіанты).

— О время! автографы и копія И. П. Елагина (Госуд. Архивъ X. 335).

— Именины госпожи Ворчалкиной, копія И. П. Елагина (Госуд. Архивъ X. 341).

— Передняя знатнаго барина, два автографа (Госуд. Архивъ X. 332).

— Госпожа Вѣстникова съ семьею, автографъ (Госуд. Архивъ X. 331). Здѣсь пьеса обозначена какъ „Комедія безъ названія“. Есть варіанты.

— Вопроситель (Госуд. Архивъ X. 328), копія Елагина, есть печатная „Невѣста-невидимка“.

— Обманщикъ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 337).

— Обольщенный (недостаетъ).

— Опера комическая „Февей“, автографъ (Госуд. Архивъ X. 343).

— Новгородскій богатырь Боеславичъ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 352).

— Храбрый и смѣлый витязь Архидеичъ, автографъ (Гос. Архивъ X. 353). Та же пьеса, съ заглавіемъ на архивной оберткѣ: „Опера Иванъ-Царевичъ“, — черновой планъ пьесы, автографъ и стихи къ этой пьесѣ рукою Храповицкаго (Гос. Архивъ X. 349).

— Комедія: Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье, вольное переложеніе изъ Шакеспира, автографъ (Госуд. Архивъ X. 344).

— Шаманъ Сибирскій, автографъ съ объяснительными замѣтками, которыхъ нѣтъ въ печатномъ текстѣ (Госуд. Архивъ X. 336).

— Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, два автографа, черновой и бѣловой (въ Имп. Публ. Библіотекѣ: коллекція автографовъ).

— Начальное управленіе Олега. Отрывокъ пятаго дѣйствія, автографъ (Госуд. Архивъ X. 349); другой отрывокъ изъ „Альцеста“ Еврипида“ (Госуд. Архивъ X. 348).

— Комедія: Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями, автографъ (Госуд. Архивъ X. 327).

— Недоразумѣнія, два автографа, черновой и бѣловой (въ Имп. Публ. Библіотекѣ: коллекція автографовъ).

— Сказка о Горе-богатырѣ Косометовичѣ и опера комическая (недостаетъ).

— Ѳедулъ съ дѣтьми (недостаетъ).

IV. Французскія пьесы.

— Le Tracassier, proverbe (по изданію 1799): Un tiens vaut mieux, que tu l'auras, автографъ (Госуд. Архивъ X. 324).

— La Rage aux proverbes, автографъ (Госуд. Архивъ X. 351 *bis*).

— Le Flatteur et les Flattés, автографъ (Госуд. Архивъ X. 325).

— Les Voyages de M. Bontems, proverbe, автографъ (Госуд. Архивъ X. 351).

— Il n'y a point de mal sans bien, автографъ (Госуд. Архивъ X. 345, гдѣ піеса означена какъ „французская комедія безъ названія").

— Monsieur Lustucru, автографъ (Госуд. Архивъ X. 326).

V. Сказки.

— Сказка о Царевичѣ Хлорѣ, и отрывки, автографъ (Гос. Архивъ X. 374, 371).

— Сказка о Царевичѣ Февеѣ. Замѣтка объ ней, автографъ (Госуд. Архивъ X. 375. 376).

— Повѣсть о Кирѣ. Отрывокъ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 371).

— Conte arabe. Отрывокъ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 373).

VI. Разные статьи и отрывки.

— Дѣтскіе разговоры. Черновая и двѣ копіи другимъ почеркомъ (Госуд. Архивъ X. 372).

— О болгарахъ и хвалисахъ. Автографъ 1768 года (Госуд. Архивъ X. 357).

— Отмѣтка на переводѣ древней греческой надписи на камнѣ, найденномъ въ Анапѣ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 358).

— Статьи изъ греческой и римской исторіи, автографъ (Госуд. Архивъ X. 360).

— Объ обѣдахъ римлянъ (Госуд. Архивъ X. 378).

— Записки касательно русской исторіи (Госуд. Архивъ X. 366). Замѣчанія о составѣ рукописи.

— Географическія и экономическія замѣчанія о Россіи. Автографъ: „Записки" (Госуд. Архивъ X. 367).

— Замѣтка о величіи Россіи и проч., на французскомъ языкѣ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 361).

— Замѣтка о тиранахъ въ Россіи (Госуд. Архивъ X. 442).

— Замѣтка о сосѣднихъ народахъ на Азіатской границѣ Россіи. Автографъ (Госуд. Архивъ X. 368).

— Записка объ отправленіи въ Упсалу канцеляриста для описыванія русскаго лѣтописца. Автографъ (Госуд. Архивъ X. 362).

— Замѣчанія о словѣ „фарсъ" (Госуд. Архивъ X. 320).

— Замѣтка о театральныхъ піесахъ (Госуд. Архивъ X. 321).

— Записки, содержащія въ себѣ нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія (Госуд. Архивъ X. 381).

— Отрывки всеобщаго словаря (Госуд. Архивъ X. 382).

— Французская рукопись съ русскимъ переводомъ объ устройствѣ садовъ (Госуд. Архивъ X. 383).

— Китайскія изреченія, автографъ (Госуд. Архивъ X. 385).

— Размышленія о русской зимѣ, автографъ (Госуд. Архивъ X. 386).

— Переводъ IX главы изъ романа Мармонтеля „Велисарій" (Госуд. Архивъ X. 387).

— Статьи, напечатанныя въ журналѣ „Всякая всячина" (Госуд. Архивъ X. 388).

— Статьи въ журналѣ „Собесѣдникъ" (Госуд. Архивъ X. 389). Нѣчто издано у Пекарскаго.

— Описаніе торжества, бывшаго при прусскомъ принцѣ Гейнрихѣ (Госуд. Архивъ X. 379).

— Замѣтка о книгахъ, которыя слѣдуетъ перевесть на русскій языкъ (Госуд. Архивъ X. 427).

— Правила для дворянъ, отправляемыхъ въ чужіе края для обученія (Госуд. Архивъ X. 430).

— Замѣтка о непреданіи сожженію черезъ палача книги, въ которой часто упоминается о Богѣ (Госуд. Архивъ X. 431).

VII. Литературныя развлеченія.

— Стихи имп. Екатерины, исправленныя принцемъ де-Линь и правила графа Сегюра: какъ писать стихи (Госуд. Архивъ X. 384). Издано у Пекарскаго.

— Пародія на слухи о путешествіи ея въ Тавриду (Госуд. Архивъ X. 390).

— Шутливая характеристика придворныхъ (Госуд. Архивъ X. 392).

— Юмористическій дипломъ для членовъ Общества незнающихъ (Госуд. Архивъ X. 393). Изд. у Пекарскаго.

— Nouvelles à la main de Peterhof (Госуд. Архивъ X. 394).

— Эпитафія шевалье „Ventre à terre" (Госуд. Архивъ X. 395).

— Шутливая эпитафія ея самой (Госуд. Архивъ X. 396). Изд. у Пекарскаго.

— Планъ юмористическаго сочиненія на оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина: Leoniana (Госуд. Архивъ X. 398). Изд. у Пекарскаго.

Въ окончательномъ видѣ этотъ списокъ еще нѣсколько возрастетъ, потому что мои поиски въ этомъ направленіи продолжаются: мнѣ предстоитъ изучить еще нѣсколько относящихся сюда „дѣлъ" Государственнаго Архива.

30 Октября 1899 г.

III.

ЗАПИСКА

объ ученыхъ трудахъ заслуженнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета В. И. Ламанскаго, составленная Академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Научная дѣятельность Владимира Ивановича Ламанскаго началась еще въ 1854-мъ году, когда онъ въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго общества помѣстилъ рецензію на изданныя А. Метлинскимъ „Народныя южнорусскія пѣсни". Въ теченіе слѣдующихъ сорока пяти лѣтъ, т. е. до нынѣшняго года, В. И. Ламанскій успѣлъ напечатать около двухсотъ болѣе или менѣе крупныхъ произведеній. Среди нихъ небольшое мѣсто занимаютъ изданія и переводы: бо̀льшая же часть принадлежитъ къ сочиненіямъ оригинальнымъ. Конечно, мы находимъ здѣсь не одни только крупные вклады въ науку, но также полемическія статьи и публицистическія замѣтки.

Замѣчательно, однако, что почти въ каждомъ произведеніи Ламанскаго можно найти новыя мысли, своеобразную постановку волновавшихъ общество или ученый міръ вопросовъ, самостоятельную разработку научныхъ и общественныхъ явленій. Замѣчательно и то, что въ основаніе всего написаннаго въ разное время Ламанскимъ легла одна общая глубокая идея — необходимость самопознанія. Самопознаніе возможно лишь при извѣстной широтѣ кругозора: расширеніе же нашего русскаго кругозора достигается прежде всего пріобщеніемъ къ нему всего греко-славянскаго міра, съ которымъ мы такъ тѣсно связаны исторически и политически. Вотъ почему въ Ламанскомъ тѣсно соединяются интересы слависта и русскаго историка съ дѣятельностью общественною и публицистическою. Въ 1857-мъ году въ Современникѣ появилась статья Ламанскаго, озаглавленная: „О распространеніи знаній въ Россіи". Авторъ самъ себя называетъ въ ней лицомъ темнымъ, ни литературѣ, ни обществу никакихъ услугъ не оказавшимъ. Но высказанныя имъ мысли такъ замѣчательны, вложенная въ статью идея такъ оригинальна, что это небольшое разсужденіе должно быть признано блестящимъ началомъ предстоявшей молодому ученому общественной дѣятельности. Авторъ въ прочувствованныхъ строкахъ рисуетъ поразительное невѣжество и отсталость современнаго ему общества; онъ негодуетъ на поверхностность его образованія, не захватывающаго массы народной, которая лишена поэтому возможности выдѣлять изъ себя болѣе густой слой просвѣщенныхъ людей и такимъ образомъ содѣйствовать умноженію столь нужныхъ Россіи ученыхъ и писателей. Но Ламанскому, какъ это показала вся послѣдующая его жизнь, совершенно чуждо одно только скептическое и отрицательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности: указавъ на недугъ, онъ спѣшитъ ему помочь и предлагаетъ для этого образованіе грандіознаго общества распространенія знаній въ Россіи, общества, которое будетъ содѣйствовать появленію и способствовать изданію переводовъ замѣчательныхъ произведеній западной науки, популярныхъ учебниковъ, а также оригинальныхъ сочиненій. Мысль о Всероссійской Матицѣ, какъ опредѣляетъ это общество Ламанскій, появилась у него вслѣдствіе знакомства съ подобными просвѣтительными учрежденіями у южныхъ и западныхъ славянъ. Юному слависту кажется, однако, недостаточнымъ высказаться въ общихъ чертахъ о цѣляхъ

образованія такого общества: онъ хочетъ ускорить осуществленіе своей идеи и предлагаетъ для этого проектъ внутренней организаціи Матицы, намѣчая тѣ ближайшія задачи, которыя предстоитъ исполнить ея восточно-европейскому или славяно-русскому классу. Задачи эти сводятся на первый разъ къ переводу нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій по исторіи и этнографіи восточной Европы, а также къ изслѣдованію указанныхъ авторомъ вопросовъ, настоятельно, по его мнѣнію, необходимому для русскаго и славянскаго самопознанія. Мы остановились на этой статьѣ Ламанскаго такъ долго потому, что въ ней уже ярко обрисовались его нравственная личность и его ученые интересы: съ одной стороны, мы видимъ въ ней горячаго патріота, мечтающаго о скорѣйшемъ просвѣщеніи своего отечества, съ другой — ученаго, уже полюбившаго ту отрасль знанія, которой онъ остался вѣренъ до сихъ поръ,— славяновѣдѣніе, но полюбившаго ее прежде всего для того, чтобы извлечь изъ нея духовную пользу своему отечеству. Ламанскій начинаетъ свою дѣятельность съ того, что предлагаетъ русскому обществу учиться и учиться между прочимъ у славянъ: вотъ реальныя основы единенія и братства между родственными народами. Важно отмѣтить, что въ числѣ научныхъ задачъ, возлагаемыхъ молодымъ ученымъ на славяно-русскій классъ Всероссійской Матицы, находится исторія ускоковъ: исполненіе этой задачи Ламанскій взялъ на себя. Онъ занимается ускоками съ 1868 года, а въ 1883 году обнародовалъ важные для ихъ исторіи матеріалы. Любопытно сопоставить сдѣланный юнымъ дѣятелемъ въ 1857-мъ году призывъ къ просвѣщенію съ его же предложеніемъ, навѣяннымъ ему въ 1865-мъ году ближайшимъ интересомъ къ геніальному Ломоносову, съ предложеніемъ открыть по всей Россіи подписку и образовать Ломоносовскій капиталъ для поощренія и вызова въ свѣтъ самостоятельныхъ ученыхъ изысканій въ области филологіи и естествознанія. Предсказывая успѣхъ такому начинанію, Ламанскій ссылается на образованіе Словенской Матицы, возникшей почти на его глазахъ во время его заграничной поѣздки.

Въ 1859-мъ году появилась магистерская диссертація Владиміра Ивановича, напечатанная въ V книжкѣ Ученыхъ Записокъ нашего Отдѣленія: „О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“. Важное по множеству собранныхъ въ немъ историческихъ данныхъ, сочиненіе это было цѣннымъ вкла-

домъ въ исторію славянъ вообще и въ русскую исторію въ частности, такъ какъ въ немъ не только затронуты, но и разрѣшены многіе вопросы, связанные съ древнѣйшею судьбою славянскихъ племенъ, а также съ первоначальнымъ распространеніемъ русскаго племени на юго-востокъ; въ историческихъ замѣчаніяхъ къ этому сочиненію помѣщено не мало документовъ и дополнительныхъ свѣдѣній, развивающихъ и подтверждающихъ положенія автора. Въ 1862—64 гг. Владимиръ Ивановичъ совершилъ путешествіе по славянскимъ землямъ и далъ о нихъ рядъ живыхъ очерковъ въ Отечественныхъ запискахъ за 1864 г. подъ заглавіями: „Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи", „Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ". Результатомъ той же поѣздки была весьма важная для филологическаго изученія церковно-славянскаго и другихъ славянскихъ языковъ статья—„О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ" (напечатана въ приложеніи къ VI тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ). Всего описано Ламанскимъ не болѣе десяти рукописей, но описаніе это было такъ обстоятельно, оно сопровождалось такимъ обширнымъ лингвистическимъ и филологическимъ комментаріемъ, что сразу обогатило научное изученіе церковно-славянскаго языка множествомъ новыхъ и важныхъ по своему значенію фактовъ. Оно свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, какъ разнообразны были интересы молодого слависта: грамматическія и лексическія наблюденія чередуются съ историческими и историко-литературными экскурсами въ прошлое сербовъ и болгаръ. Съ 1865 г. Ламанскій занялъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ каѳедру славяновѣдѣнія. Небольшая статья его, напечатанная въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1867-й годъ, подъ заглавіемъ „Чтенія о славянской исторіи въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ", знакомитъ насъ съ содержаніемъ и направленіемъ лекцій Ламанскаго. Первое чтеніе (Изученіе славянства и русское самосознаніе) разрѣшаетъ вопросъ: Какое имѣетъ отношеніе изученіе славянства къ успѣхамъ русскаго образованія, гражданственности и внѣшней политики? Указавъ на общее коренное сходство и внутреннее единство всего славянскаго міра, талантливый профессоръ обращаетъ вниманіе слушателей на удивительное разнообразіе формъ, въ которыхъ проявилась славянская жизнь,

въ особенности благодаря разнообразію элементовъ, вошедшихъ въ славяно-русскую образованность. Распространеніе вѣрныхъ свѣдѣній какъ о русской народности, такъ и о всемъ славянскомъ мірѣ вообще, о его прошломъ и настоящемъ, усиленное изученіе его русскими учеными должно имѣть, по мнѣнію Ламанскаго, благотворное вліяніе на русскую образованность, русскія искусства и науки.

Въ 1869 году появляются три замѣчательныя статьи Владиміра Ивановича, написанныя имъ за границей и объединенныя общимъ заглавіемъ „Непорѣшенный вопросъ". Статьи эти вызваны изученіемъ знаменитой болгарской рукописи XVII в., хранящейся въ Люблянѣ, и болгарскаго историческаго сборника XVIII вѣка, принадлежавшаго Н. Г. Герову. Подвергнувъ эти рукописи историко-литературному анализу, Ламанскій открылъ въ нихъ нѣсколько оригинальныхъ произведеній болгарской словесности и отмѣтилъ не менѣе любопытныя вставки и редакціонныя поправки, сдѣланныя болгариномъ въ переводныхъ статьяхъ византійскаго происхожденія. Все это вызвало нѣсколько важныхъ соображеній о литературномъ прошломъ болгаръ XVI — XVIII вѣковъ и дало поводъ высказать весьма дѣльныя замѣчанія объ отношеніи новоболгарскаго и такъ называемаго среднеболгарскаго языка къ языку старославянскому: Ламанскій думаетъ, что звуковыя и формальныя особенности, характерныя для болгарскаго языка, должны восходить къ первымъ вѣкамъ нашей письменности, т. е. къ IX и X вѣку. Въ 1871-мъ году Ламанскій защитилъ свою докторскую диссертацію. Его знаменитая книга „Объ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ" должна была выяснить то понятіе, которое связывается съ греко-славянскимъ міромъ, „его главнѣйшія отличія отъ міра романо-германскаго, характеръ и силу, продолжительность и значеніе въ средней и новой исторіи внутренней борьбы и взаимодѣйствія этихъ двухъ міровъ Арійско-Христіанскаго человѣчества Стараго Свѣта". Разрѣшивъ эту главную свою задачу, авторъ дѣлаетъ обозрѣніе господствующихъ въ Европѣ, преимущественно же въ Германіи, воззрѣній, мнѣній и взглядовъ на славянство и подвергаетъ ихъ обстоятельному критическому разбору. — Въ 1875 году, въ I томѣ Славянскаго сборника, издаваемаго Петербургскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Комитета, помѣщены предисловіе и обширное введеніе, посвященное памяти Ѳ. И. Тютчева, къ из-

слѣдованію, не увидѣвшему къ сожалѣнію свѣта; оно озаглавлено: „Видные дѣятели западнославянской образованности въ XV, XVI и XVII в.“. Введеніе имѣетъ цѣлью выяснить тѣ главные элементы культуры, которые въ средніе вѣка и въ началѣ новыхъ столкнулись на востокѣ Европы, въ западно-славянскихъ земляхъ лежащихъ на границѣ греко-славянскаго и романо германскихъ міровъ Авторъ съ замѣчательнымъ блескомъ и остроуміемъ проводитъ нѣкоторыя оригинальныя воззрѣнія на сущность западно-европейской культуры, созданной не средневѣковыми варварами, а римскою имперіей, обновленною христіанствомъ. Въ яркомъ очеркѣ опредѣляется историко-культурное значеніе во всемірной исторіи Византіи — этой прямой наслѣдницы Рима, и такимъ образомъ обосновывается мысль, что элементы культуры, полученной западною Европой и славянствомъ, въ источникѣ своемъ однородны. Такая точка зрѣнія позволила автору сблизить самымъ тѣснымъ образомъ исторію славянства съ исторіею романо-германскаго міра, который въ средніе вѣка сочувственно относился къ восточному православію, къ греческому христіанству, и не было потому такъ чуждо славянству, какъ это можетъ казаться поверхностному наблюдателю. Въ результатѣ Ламанскому удается доказать великое, міровое значеніе Восточной Римской имперіи и восточной церкви, содѣйствовавшей подъему духа и идеальныхъ стремленій, а также развитію высшихъ идей въ средне-вѣковомъ романо-германскомъ западѣ. — Въ 1879 и 1880 гг. Владиміръ Ивановичъ помѣстилъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. замѣчательное изслѣдованіе, содержаніе котораго опредѣляется самимъ насмѣшливымъ его заглавіемъ: „Новѣйшіе памятники древнечешскаго языка“. Въ живомъ изложеніи авторъ раскрываетъ всю исторію знаменитыхъ поддѣлокъ, прославившихъ древнѣйшую чешскую литературу и едва ли не содѣйствовавшихъ національному возрожденію Чехіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вопросъ о поддѣльности чешскихъ глоссъ въ Mater Verborum, любовной пѣсни короля Вячеслава, пѣсни о Вышеградѣ, Любушина Суда и отрывковъ Евангелія отъ Іоанна — рѣшается Ламанскимъ утвердительно еще въ то время, когда подлинность ихъ находила горячихъ защитниковъ не только между чешскими патріотами, но и среди русскихъ ученыхъ. Тонкій психологическій анализъ позволилъ автору разобраться въ сложной и запутанной драмѣ, дѣйствующія лица которой —

Ганка, виновникъ поддѣлокъ, Палацкій и Шафарикъ, его защитники; его противники: Добровскій, Копитаръ, Челяковскій, Небескій, Файфаликъ и др. возстаютъ передъ читателемъ, какъ живые. Обвинительный актъ, написанный Ламанскимъ, всесторонне разсматриваетъ не только личности, замѣшанныя въ это темное дѣло, но и самый объектъ преступленія: поддѣланные путемъ подчистокъ и приписокъ тексты подвергаются строгому лингвистическому и филологическому анализу. Читатель безъ утомленія слѣдитъ за мастерскимъ изложеніемъ безпристрастнаго обвинителя, горячаго защитника не только славянской идеи, но также правды и чести: его вниманіе развлекается то художественно написанною характеристикой разныхъ слоевъ чешскаго общества начала XIX вѣка, то любопытнымъ экскурсомъ въ область русскаго славяновѣдѣнія, поставленнаго Ламанскимъ въ связь съ различными явленіями русской жизни и между прочимъ съ самобытными чертами южнорусской образованности. Во всякомъ случаѣ это изслѣдованіе Владимира Ивановича вполнѣ оправдало ожиданія, выраженныя въ 1880 году историкомъ чешской литературы: „замѣчательныя статьи Ламанскаго, говоритъ онъ, — обѣщаютъ быть самой полной и категорической постановкой вопроса, какъ съ научно-критической, такъ и общественно-политической точки зрѣнія". — Въ 1883 году вышелъ въ свѣтъ объемистый томъ, озаглавленный Secrets d'état de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XVI siècle avec les Grecs, les Slaaves et les Turcs. Содержаніе этого труда Ламанскаго весьма разнообразно: въ основаніе его положено изданіе документовъ, извлеченныхъ имъ изъ Венеціанскихъ архивовъ въ теченіе 1868 и 1869 гг. Они снабжены историческими комментаріями и вводными статьями и отражаютъ тѣ многосторонніе интересы, которыми жилъ и продолжаетъ жить Владимиръ Ивановичъ: его занимаетъ судьба славянскихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ турецкихъ насилій, и вызванныя ими дипломатическія сношенія Венеціанской республики съ Австріей и Турціей; онъ слѣдитъ за системой политическихъ убійствъ, которой придерживался Совѣтъ Десяти; старается разгадать причины паденія Венеціи и обнаруживаетъ недостатки ея администраціи; объясняетъ успѣхи турокъ-османовъ на Левантѣ, подробно останавливаясь на религіозной враждѣ грековъ къ латинскому духовенству, дворянству и купечеству, собираетъ многочисленныя данныя о поку-

шеніяхъ, которымъ подвергалась жизнь римскихъ папъ съ X по XVII в., и ставитъ ихъ въ связь съ отвращеніемъ средне-вѣкового Запада къ папскому абсолютизму. Въ обширномъ пре-дисловіи къ этому сборнику Ламанскій развиваетъ свои по-литическіе взгляды на современное славянство и весьма обстоя-тельно разсматриваетъ то положеніе, которое въ настоящее время занялъ греко-славянскій міръ въ отношеніи къ западной Европѣ.

Къ этому вопросу Ламанскій вернулся въ 1892 году съ новыми данными и новыми соображеніями въ статьяхъ, озаглав-ленныхъ „Три міра Азійско-Европейскаго материка“ (помѣ-щены въ I томѣ Славянскаго Обозрѣнія). Здѣсь во всей пол-нотѣ развито политическое и философское міровоззрѣніе на-шего знаменитаго слависта. Съ нимъ можно не соглашаться, его можно оспаривать и опровергать, но нельзя не признать въ авторѣ Трехъ міровъ беззавѣтной преданности великой идеѣ, по-ложенной въ основаніе всѣхъ его ученыхъ и публицистическихъ трудовъ. Эта идея — необходимость культурнаго и нравствен-наго подъема нашего общества, для охраненія и развитія рус-ской народности, для успѣшнаго выполненія нашимъ отече-ствомъ той исторической миссіи, которая выпала ему, какъ глав-ному представителю Средняго міра на Азійско-Европейскомъ материкѣ. „Наша образованность,— говоритъ Ламанскій,— мало еще отвѣчаетъ потребностямъ и задачамъ Россіи, мало опознала духовныя и насущныя нужды славянства, всего нашего міра, гдѣ ей досталось первое мѣсто. Образованность наша изоби-луетъ всякаго рода ложью, болѣзненными наростами и неду-гами, обычными примѣтами полуварварскихъ обществъ, наскоро безъ разбору прививавшихъ себѣ старыя цивилизаціи“. И такъ, Владиміру Ивановичу въ 1892 году пришлось повторить то-же, что онъ тридцать пять лѣтъ передъ этимъ высказалъ въ своемъ разсужденіи „О распространеніи знаній въ Россіи“. Но за то самъ онъ всею своею продолжительною дѣятельностью, научною и общественною, доказалъ, что сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, для того чтобы помочь недугу и содѣйствовать распространенію въ нашемъ отечествѣ истинной образованности и учености.

Сказаннаго о трудахъ В. И. Ламанскаго вполнѣ доста-точно для того, чтобы объяснить тотъ выборъ, на которомъ остановилось Отдѣленіе, когда оно получило возможность рас-

ширить составъ своихъ членовъ. Послѣ отъѣзда академика И. В. Ягича за границу славяновѣдѣніе—важная отрасль дѣятельности II Отдѣленія — остается до сихъ поръ не представленнымъ въ нашей Академіи. Оно найдетъ достойнаго представителя въ лицѣ старѣйшаго изъ нашихъ славистовъ, ученые труды котораго уже давно упрочили за нимъ славу настоящаго русскаго академика.

Вотъ почему В. И. Ламанскій, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи, предлагается къ избранію въ ординарные академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ М. Сухомлиновъ.

27 ноября 1899 года.

IV.

ЗАПИСКА

объ ученыхъ трудахъ заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ Ѳ. Е. Корша, составленная академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Ѳедоръ Евгеніевичъ Коршъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета, пользуется извѣстностью въ нѣсколькихъ научныхъ областяхъ. Классикъ, прославившійся своими изслѣдованіями по латинской и греческой метрикѣ, а также критическими комментаріями къ текстамъ древнихъ писателей; оріенталистъ, отлично знакомый съ арабскимъ, персидскимъ и нѣкоторыми тюркскими языками не только практически, но и теоретически; славистъ, свободно объясняющійся почти на всѣхъ славянскихъ языкахъ и спеціально занимавшійся поэзіею Словинцевъ, литературой Дубровника, теоріею сербско-хорватскаго ударенія—Коршъ является вмѣстѣ съ тѣмъ виднымъ

представителемъ сравнительнаго языковѣдѣнія, примѣнившимъ новѣйшіе методы лингвистики къ изслѣдованію не только греческаго и латинскаго языковъ въ ихъ исторіи, но также языковъ семитическихъ и урало-алтайскихъ. Но центромъ, вокругъ котораго сосредоточиваются научные интересы Корша, исходными точками всѣхъ его изслѣдованій и наблюденій, двигателемъ, призывавшимъ его попеременно то къ научному, то къ поэтическому творчеству — должно признать русскую жизнь, русскую литературу, русскій языкъ. Рѣдкій экскурсъ Өедора Евгеніевича въ область классической древности или востока не сопровождался добычей, драгоцѣнною для русской науки, и почти все написанное имъ можетъ быть названо вкладомъ въ исторію нашего языка и нашего самосознанія. Вотъ почему Отдѣленіе русскаго языка и словесности уже давно слѣдитъ за дѣятельностью Ө. Е. Корша. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно привлекло его къ постоянному сотрудничеству въ своихъ изданіяхъ, въ настоящее же время единогласно высказалось за принятіе его въ свою среду.

Первое печатное произведеніе, вышедшее изъ-подъ пера Өедора Евгеніевича, посвящено знаменитому памятнику нашей словесности — Слову о полку Игоревѣ, памятнику недавно опять занявшему Ө. Е. Корша и послужившему основаніемъ любопытной работы его, печатающейся теперь во II томѣ нашихъ Изслѣдованій по русскому языку. Въ 1866 году въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ вышла рецензія Ө. Е. Корша, тогда еще только двадцатитрехлѣтняго юноши, на изданіе Слова о полку Игоревѣ, выпущенное въ свѣтъ профессоромъ, а впослѣдствіи нашимъ сочленомъ, Н. С. Тихонравовымъ. Небольшая замѣтка въ нѣсколько страницъ обличаетъ въ рецензентѣ, бывшемъ тогда преподавателемъ греческаго языка студентамъ 1-го курса, глубокое знакомство съ этимъ древнерусскимъ памятникомъ и особенно интересна тѣмъ, что въ ней ставятся вопросы, занимавшіе Корша и впослѣдствіи: онъ останавливается на восточныхъ заимствованіяхъ въ словарномъ составѣ памятника и разрѣшаетъ нѣсколько синтактическихъ затрудненій путемъ сравненія съ соотвѣтствующими латинскими оборотами. Къ тому же времени относится второе печатное произведеніе молодого магистранта греческой и римской словесности: „Замѣтка о словѣ „хорошо", появившаяся въ 1867 году въ тѣхъ же Университетскихъ Извѣстіяхъ, написана по по-

воду вскользь брошеннаго замѣчанія Погодина о томъ, что по мнѣнію Шафарика это слово заимствовано нами изъ греческаго языка. Положенія, отстаиваемыя авторомъ замѣтки, не могутъ быть въ настоящее время признаны вѣрными, но все содержаніе ея доказываетъ основательное знакомство Ѳедора Евгеніевича уже въ то время съ большинствомъ славянскихъ языковъ и обнаруживаетъ въ немъ тонкое пониманіе звуковыхъ явленій. Интересъ къ славянству побудилъ Корша, командированнаго послѣ защиты магистерской диссертаціи за-границу, провести около полугода въ Вѣнѣ въ занятіяхъ славянскими языками и литературами. Вышедшая въ 1877 году докторская диссертація его „Способы относительнаго подчиненія" составляетъ главу изъ сравнительнаго синтаксиса; по содержанію своему она въ значительной степени принадлежитъ славистикѣ и съ этой стороны она въ свое время нашла должную оцѣнку въ рецензіи И. В. Ягича, помѣщенной въ основанномъ имъ около того времени ученомъ журналѣ. Объясняя происхожденіе относительной конструкціи въ различныхъ индо-европейскихъ, семитическихъ и тюркскихъ языкахъ, авторъ удѣляетъ особенное вниманіе языкамъ славянскимъ, при чемъ начитанность въ древнерусскихъ памятникахъ дала ему возможность придти къ весьма любопытнымъ заключеніямъ, нашедшимъ уже себѣ мѣсто въ научномъ изложеніи русскаго синтаксиса, какъ это видно изъ трудовъ Потебни. Въ слѣдующемъ году начинается сотрудничество Корша въ Ягичевомъ Archiv für slavische Philologie: въ III-мъ томѣ этого всеславянскаго органа появилась замѣчательная статья, озаглавленная „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen". Она вызвана филологическими наблюденіями покойнаго сочлена нашего Я. К. Грота и въ значительной степени заполнила пробѣлъ въ научномъ изученіи отечественнаго языка, начертавъ ясную картину живого произношенія московскаго говора. Къ изображенію русскихъ звуковъ впервые примѣнена научная транскрипція, предложенная Сиверсомъ, при чемъ авторъ выставляетъ рядъ обобщающихъ отдѣльные факты положеній. Наблюденія Корша были при этомъ настолько глубоки и такъ точно обоснованы, что повели къ открытію нѣсколькихъ звуковыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ прошедшія эпохи жизни нашего языка и даже въ отдаленную эпоху общеславянскаго единства; до сихъ поръ еще названная статья не потеряла своего значенія и по-

стоянно цитуется новѣйшими изслѣдователями родного языка. Изъ другихъ статей Корша въ Archiv'ѣ отмѣтимъ его рецензію на книгу Нетушила „Объ аористахъ въ латинскомъ языкѣ“ (вышла въ 1883 г.), гдѣ можно найти нѣсколько замѣчаній о звуковыхъ особенностяхъ общеславянскаго языка, а также любопытную замѣтку „Ein Slave“ (1885 г.), въ которой Ѳеодору Евгеніевичу удалось доказать, что авторъ одной изъ эпиграммъ, помѣщенныхъ въ Anthologia Palatina (не позже X вѣка), или былъ самъ славяниномъ или же владѣлъ языкомъ славянскимъ. Но особенно важенъ обширный разборъ изслѣдованія знаменитаго слависта Миклошича „Türkische Elemente in den süd- und osteuropäischen Sprachen“, помѣщенный Коршемъ въ „Archiv f. sl. Ph“. 1885—1886 г. Въ этомъ трудѣ московскаго профессора во всей силѣ и во всемъ блескѣ проявились его обширныя знанія и глубокое историческое пониманіе какъ славянскаго міра, такъ и сложной культуры Востока, отразившейся на тюркскихъ языкахъ. Коршъ убѣдительно настаиваетъ на необходимости держаться въ изслѣдованіи о заимствованныхъ словахъ твердой исторической почвы и не только разсматривать отдѣльно различныя категоріи заимствованныхъ словъ въ ихъ отношеніи къ выражаемымъ ими понятіямъ, но также подвергать обстоятельному изученію тѣ различныя эпохи, когда имѣли мѣсто тѣ или другія заимствованія. Для изслѣдователя не безразлично, заимствовалъ ли русскій языкъ то или другое тюркское слово въ новѣйшее время при занятіи русскими какой-нибудь окраины, или заимствованіе это восходитъ къ періоду домонгольскому, или, наконецъ, оно должно быть отнесено къ еще болѣе древней эпохѣ, эпохѣ общеславянской. Съ удивительнымъ остроуміемъ Коршъ проводитъ свою историческую точку зрѣнія на цѣломъ рядѣ примѣровъ, исправляя, дополняя знаменитый трудъ Миклошича и обогащая его историческимъ матеріаломъ, столь слабо представленнымъ въ этой работѣ почтеннаго слависта: древнія лѣтописи и грамоты русскія дали Ѳеодору Евгеніевичу возможность воспользоваться обширными лексическими данными. Такимъ образомъ имъ освѣщается не одно темное мѣсто въ нашихъ древнихъ памятникахъ и, разумѣется, также и въ нашей древней культурѣ, такъ какъ тюркскія слова, отъ времени до времени наводнявшія русскую рѣчь, тѣсно связаны прежде всего съ культурными отношеніями, въ которыя пришлось русскому племени входить съ печенѣгами, половцами и, наконецъ, съ

татарами. Мы указывали выше, что русскій языкъ былъ предметомъ изслѣдованія Корша не только въ спеціальныхъ трудахъ ему посвященныхъ, но также и въ большей части его работъ надъ классическою древностью и надъ предметомъ его постоянныхъ научныхъ увлеченій — Востокомъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ Корша, озаглавленной „О звукахъ е и о въ греческомъ языкѣ" (Журн. Мин. Нар. Пр. 1881 г.), изслѣдователь русскаго языка найдетъ весьма важныя замѣчанія о произношеніи звуковъ *у* и *ѣ* въ общеславянскую эпоху, а также о происхожденіи русскаго г и в, кашубскаго w въ окончаніи род. п. мѣстоименій и прилагательныхъ. Сопоставленіе съ однимъ рѣдкимъ діалектическимъ явленіемъ греческаго языка указало Коршу вѣрный путь для фонетическаго объясненія обще-славянскаго -ого изъ болѣе древняго о͡іо.

Русская народная пѣсня и наше стихосложеніе давно привлекали на себя вниманіе Ѳедора Евгеніевича, — знатока древней метрики и ритмики, изслѣдователя Сатурнинскаго стиха, греческаго дохмія, а въ послѣднее время древнеиндійскаго размѣра çloka. Въ 1880 году въ Критическомъ Обозрѣніи появилась рецензія Корша на „Русскія пѣсни" Ю. Мельгунова, и съ тѣхъ поръ онъ не прекращалъ своихъ изысканій въ этой мало изслѣдованной области. Первая книжка Извѣстій нашего Отдѣленія, возобновившихся благодаря стараніямъ покойнаго нашего сочлена А. Ѳ. Бычкова, украсилась статьею Корша, озаглавленною „О русскомъ народномъ стихосложеніи". Въ 1897-мъ году эта статья была продолжена, и въ настоящее время мы имѣемъ 1-й выпускъ обширнаго изслѣдованія, задуманнаго Ѳедоромъ Евгеніевичемъ. Въ основаніе его положена мысль, что для правильнаго пониманія всякаго народнаго размѣра необходимо знаніе соотвѣтствующаго напѣва; это слѣдуетъ понимать ограничительно, а именно такъ, что для опредѣленія ритма даннаго народнаго стихотворнаго текста необходимо выяснить признаки, на основаніи которыхъ его можно отнести къ тому или другому типу пѣсеннаго ритма. Выясненію этихъ признаковъ и посвящено изслѣдованіе автора, который въ 1-мъ выпускѣ его описалъ различныя формы былевого стиха, встрѣчающіяся какъ въ болѣе древнихъ по складу былинахъ, такъ и въ былинахъ позднѣйшихъ. Важныя наблюденія надъ отношеніемъ между прозаическими и ритмическими удареніями въ народномъ стихосложеніи нашемъ привели

Корша къ весьма интереснымъ выводамъ объ удареніяхъ въ языкѣ русской народной поэзіи, и изученію ихъ посвященъ особый отдѣлъ въ 1-мъ выпускѣ названнаго изслѣдованія. Поэтическая рѣчь сохранила указанія на нѣкоторые случаи колебанія ударенія въ древней рѣчи прозаической, и такимъ образомъ изысканія Корша приводятъ къ цѣннымъ даннымъ по исторіи русскихъ и вообще славянскихъ удареній.

Изученію со стороны формы подверглась въ трудахъ Ѳеодора Евгеніевича не одна наша народная поэзія. Новое изслѣдованіе его, напечатанное въ тѣхъ же Извѣстіяхъ, — „Разборъ вопроса о подлинности окончанія Русалки по записи Д. П. Зуева“ обнаружило обширное и глубокое знакомство Корша съ поэзіей Пушкина. Авторъ „Разбора“ рѣшаетъ вопросъ во всеоружіи филологической критики, кажется, впервые примѣненной въ такой полнотѣ къ произведеніямъ нашей словесности. Значеніе самаго рѣшенія, къ которому приходитъ „Разборъ“, отступаетъ совершенно на задній планъ въ виду первостепенной важности критическихъ комментаріевъ Корша, гдѣ предложенъ рядъ систематическихъ наблюденій надъ языкомъ и стихомъ Пушкина. Въ этихъ комментаріяхъ сказался и высокій художественный вкусъ Ѳеодора Евгеніевича и глубокое пониманіе внутренней стороны поэзіи. Передъ нами не только языковѣдъ, занятый тонкимъ анализомъ внѣшней оболочки мысли поэта, но также литературный критикъ и художникъ проникающій въ глубь поэтическаго творчества Пушкина и анализирующій внутреннее содержаніе мыслей и образовъ созданныхъ поэтомъ. Впрочемъ, пониманіе литературныхъ явленій и тонкій художественный анализъ можно прослѣдить и на многочисленныхъ работахъ Корша надъ греческими и римскими писателями. Съ особенною же яркостью выступаетъ эта сторона ученой дѣятельности Корша въ его прекрасномъ изслѣдованіи, вышедшемъ въ началѣ этого года и озаглавленномъ „Римская элегія и романтизмъ“. Здѣсь, въ связи съ образцовою характеристикой римскихъ элегиковъ, дѣлается общій очеркъ породившей ихъ эпохи, а это даетъ автору основаніе высказать нѣсколько весьма цѣнныхъ замѣчаній о сущности романтизма въ литературѣ и жизни.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что III Отдѣленіе нашей Академіи уже давно считаетъ Ѳеодора Евгеніевича въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ, а пять университетовъ русскихъ дали

лучшую оцѣнку его профессорской дѣятельности, избравъ его своимъ почетнымъ членомъ.

Все вышеизложенное съ одной стороны указываетъ на заслуги Ѳ. Е. Корша по отношенію къ русской наукѣ, съ другой—свидѣтельствуетъ о той плодотворной дѣятельности, которую въ правѣ отъ него ожидать Академія, пригласивъ его въ свой составъ.

Вотъ почему профессоръ Ѳ. Е. Коршъ, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи, предлагается къ избранію въ ординарные академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ М. Сухомлиновъ.

3 декабря 1899 года.

V.

ЗАПИСКА

объ ученыхъ трудахъ экстраординарнаго академика, доктора славянской и русской филологіи А. А. Шахматова.

А. А. Шахматовъ въ третій разъ предстаетъ на судъ людей науки, ожидая приговора своей ученой дѣятельности. Такъ какъ она совершалась и совершается на нашихъ глазахъ и дважды была по справедливости оцѣнена и Отдѣленіемъ и Общимъ Собраніемъ, то мнѣ остается только упомянуть о трудахъ А. А. Шахматова, изданныхъ послѣ избранія его въ экстраординарные академики и пользующихся вполнѣ заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Назову нѣкоторые изъ нихъ:

Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. 1899 г.

Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ. 1898 г.

О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. 1897 г.

Къ вопросу о происхожденіи хронографа. 1899 г.

Житіе Антонія и Печерская лѣтопись. 1898 г., и др.

Критическіе разборы сочиненій другихъ ученыхъ, составленные А. А. Шахматовымъ, являются въ сущности самостоятельными изслѣдованіями, ведущими къ наиболѣе вѣрному разрѣшенію спорныхъ научныхъ вопросовъ.

Богатые вклады въ науку внесены А. А. Шахматовымъ его критическимъ разборомъ трудовъ:

И. А. Тихомирова: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной". 1899 г.

Евгенія Будде: „Къ исторіи велико-русскихъ говоровъ". 1898 г.

Я. Гебауера: Historická mluvnice jazyka českého, и др.

Важною, неоспоримою заслугою А. А. Шахматова должно быть признано составленіе имъ Словаря русскаго языка. Задача усложняется обширностью матеріала, приводимаго въ систему редакторомъ. Какъ исторія народа не можетъ ограничиться исторіею одной его части, однихъ высшихъ слоевъ, такъ и исторія языка не можетъ ограничиться употребленіемъ его въ одной только части общества, хотя бы и самой образованной. И нашъ ученый, руководствуясь чисто научными соображеніями, придалъ Словарю самые широкіе размѣры. Собирая матеріалы для Словаря, А. А. Шахматовъ обращается и къ произведеніямъ писателей и къ живому говору народа въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества.

Всестороннее научное изслѣдованіе русскаго языка составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ нашего Отдѣленія. Сознавая всю важность, возлагаемой на него задачи и всю трудность ея выполненія, Отдѣленіе остановило свой выборъ на А. А. Шахматовѣ. А. А. Шахматовъ — филологъ по призванію. Не только съ студенческой, но даже съ гимназической скамьи онъ обнаружилъ изумительную для юноши любовь къ филологическимъ изысканіямъ. Она скоро обратилась въ страсть, которая съ неодолимою и плодотворною для науки силою владѣетъ имъ до настоящей минуты. Современники называли Ломоносова натуралистомъ въ языкѣ. Это же названіе, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, можно примѣнить и къ нашему ученому. Съ необычайною тщательностью и зоркостью онъ наблюдаетъ всѣ особенности языка, слѣдитъ за всѣми его тончайшими развѣтвленіями, и на основаніи строго изученныхъ

фактовъ дѣлаетъ свои выводы и притомъ съ крайнею осторожностью.

Ту же методу и ту же требовательность примѣняетъ онъ и къ памятникамъ русской литературы, преимущественно древнѣйшаго ея періода. Онъ разлагаетъ памятникъ на его составныя части, разсматриваетъ каждую изъ нихъ до мельчайшихъ подробностей, и благодаря вѣрности научнаго пріема и таланту автора, проливаетъ желаемый свѣтъ на самыя темныя мѣста въ произведеніяхъ нашей древней исторіи и словесности Большую цѣну имѣютъ изслѣдованія А. А. Шахматова, касающіяся русскихъ лѣтописей, хронографа — этой, говоря словами автора, любопытной компиляціи изъ византійскихъ хроникъ, южнославянскихъ историческихъ памятниковъ и русскихъ лѣтописей, и др.

Работая надъ частями, А. А. Шахматовъ имѣетъ въ виду цѣлое — тотъ ожидаемый выводъ, который облегчаетъ путь къ рѣшенію важнѣйшихъ задачъ въ исторіи внутренней жизни народа. Онъ говоритъ: „Современные русскіе говоры принято дѣлить на три главныя группы (нарѣчія): великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую. Стоитъ ли такое дѣленіе русскаго народа въ связи съ племенными различіями, восходящими къ отдаленнымъ доисторическимъ эпохамъ? Не сложилось ли оно лишь недавно, на памяти исторіи, свидѣтельствующей о великихъ событіяхъ, оторвавшихъ юго-западъ Россіи отъ сѣверовостока и обособившихъ области западнорусскія? Разрѣшеніе этого ряда вопросовъ историкъ языка ждетъ отъ историка народа; послѣдній, въ свою очередь, чувствуя иногда безсиліе, въ виду скудости данныхъ, обращается къ отдѣльнымъ отраслямъ исторической науки и главнымъ образомъ къ той же исторіи языка, живого свидѣтеля самыхъ отдаленныхъ эпохъ жизни всякаго народа. И дѣйствительно, изученіе русскаго языка въ его настоящемъ и прошломъ, поставленное при этомъ въ связь съ исторіей русскаго народа, можетъ дать до извѣстной степени опредѣленные отвѣты на только что поставленные вопросы“.

Значеніе научныхъ трудовъ А. А. Шахматова единодушно признается учеными обществами и учрежденіями съ Академіею Наукъ во главѣ. Университетъ, въ который представилъ А. А. Шахматовъ свою магистерскую диссертацію, призналъ справедливымъ удостоить его высшей ученой сте-

пени — доктора. Въ экстраординарные академики А. А. Шахматовъ избранъ какъ Отдѣленіемъ, такъ и Общимъ Собраніемъ единогласно. Надежды, возлагавшіяся на молодого ученаго Отдѣленіемъ и получившія санкцію Общаго Собранія, оправдались самымъ блестящимъ образомъ.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ М. Сухомлиновъ.

VI.

ЗАПИСКА

объ ученыхъ трудахъ академика Н. П. Кондакова, составленная академикомъ Л. Н. Майковымъ.

Въ 1898 году, предъ избраніемъ Н. П. Кондакова въ ординарные академики по III-му Отдѣленію сверхъ штата, была прочтена подробная и обстоятельная записка объ его ученыхъ заслугахъ, составленная академикомъ В. Г. Васильевскимъ. Послѣ этой авторитетной оцѣнки трудовъ Никодима Павловича, сдѣланной нашимъ знаменитымъ византинистомъ, было бы большою и неумѣстною съ моей стороны смѣлостью снова высказывать сужденіе по тому же предмету; но мнѣ кажется, что есть возможность дополнить отзывъ В. Г. Васильевскаго указаніемъ на близкое отношеніе трудовъ Н. П. Кондакова къ задачамъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Ученикъ Ѳ. И. Буслаева и К. К. Герца, Н. П. Кондаковъ посвятилъ себя изученію исторіи искусства и въ этой области избралъ предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій судьбы наслѣдовавшаго античныя преданія искусства византійскаго и развившагося подъ прямымъ вліяніемъ сего послѣдняго — искусства древне-русскаго. „Наука древностей и искусства православнаго Востока“, говоритъ Н. П. Кондаковъ во вступленіи къ одной изъ своихъ монографій, — „обязательна для русской археологической науки не только какъ среда ей близкая, родственная и понятная, но и какъ исторически унаслѣдованная и потому представляющая въ данное время единственный видимый путь къ утвержденію въ русской археологіи на-

·учнаго сравнительнаго метода". Эта мысль лежитъ въ основѣ почти всѣхъ ученыхъ изслѣдованій Н. П. Кондакова и доставила его дѣятельности самые плодотворные результаты.

Изъ сочиненій Н. П. Кондакова видно, что на предметъ своей специальности онъ смотритъ не только съ внѣшней стороны—какъ на исторію художественной формы и техники, но и со стороны внутренняго содержанія--какъ на исторію извѣстнаго движенія идей, выразившагося въ ряду творческихъ созданій. Это отчетливое пониманіе той тѣсной связи, какая существуетъ между произведеніями пластическаго искусства, умственною жизнью народа и его литературой составляетъ существенную особенность трудовъ Н. П. Кондакова, которая дѣлаетъ ихъ прямымъ вкладомъ въ исторію культуры. Въ подтвержденіе такой мысли приведу два-три примѣра изъ ихъ круга, какъ въ византійской, такъ и въ древне-русской области.

Въ 1876 году Н. П. Кондаковъ напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей". Въ прежнее время византійскія миніатюры разсматривались преимущественно съ эстетической точки зрѣнія, то-есть, со стороны техники и стиля рисунковъ, а на сюжеты обращалось только поверхностное вниманіе. Н. П. Кондаковъ сосредоточилъ свои изслѣдованія главнымъ образомъ на содержаніи миніатюръ, распредѣлилъ ихъ по родамъ и видамъ памятниковъ письменности, которые были ими украшены, и сгруппировалъ изображенія по ихъ основнымъ, традиціонно-установленнымъ редакціямъ. Этимъ путемъ ему не только удалось выяснить историческую, и въ частности хронологическую преемственность рукописной иллюстраціи, но и воспользоваться ея художественнымъ и иконографическимъ матеріаломъ съ научною цѣлью. „Несомнѣнно", говоритъ почтенный изслѣдователь, — „что византійское искусство уже въ раннюю эпоху значительно развило въ себѣ характеръ богословскій; это богословско-догматизирующее направленіе должно было затѣмъ главенствовать въ знаменованіи рукописей, и весьма многое въ миніатюрахъ нельзя понять иначе, какъ справляясь съ текстомъ, который онѣ поясняютъ; быть можетъ, что содержаніе миніатюры указывалось заранѣе искуснымъ книжникомъ рисовальщику; часто также между миніатюрами и текстомъ, всегда древнимъ, слѣдовательно, разнообразно понимаемымъ въ разные періоды, существуетъ лишь мысленное, символическое

отношеніе, которое разгадать и понять можно, только разобравъ самый текстъ и его толкованіе.... Но независимо отъ этого преобладанія въ миніатюрахъ богословскаго направленія, характеръ индивидуальный долженъ былъ выступать въ нихъ съ неменьшею силой, а вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ художественной личности — и извѣстная художественная и религіозная свобода; миніатюры представляютъ такую область, куда (въ иконоборческій періодъ) охотно удалялось преслѣдуемое православіе, и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, безбоязненно проявлялось чистое религіозное одушевленіе. Въ средѣ пышныхъ, роскошествующихъ матеріаломъ и тонкостью исполненія, но бѣдныхъ мыслью и формами произведеній придворнаго византійскаго искусства, миніатюра была, можетъ быть, единственнымъ убѣжищемъ для вольнаго хотя бы и монаха), нецехового артиста, интересовавшагося своимъ искусствомъ не въ однихъ техническихъ производствахъ, но и во внутреннемъ содержаніи. Рядомъ съ усыпляющею скукой блестящихъ рисунковъ придворнаго Менологія разнообразныя сцены и фигуры, поясняющія благочестивому читателю Толковую Псалтырь, даютъ богатый матеріалъ историческій, любопытную символику, рисуютъ общественный и монастырскій бытъ времени, представляютъ намъ, однимъ словомъ, индивидуальную жизнь художества". Таковы были результаты, къ которымъ привело Н. П. Кондакова изученіе византійскихъ миніатюръ по методу, имъ же самимъ установленному. Какъ вѣрно было замѣчено покойнымъ В. Г. Васильевскимъ, отвѣты на поставленные вопросы изслѣдователю приходилось искать въ обширной, но все еще недостаточно обслѣдованной области богословской литературы и исторіи Византійской церкви. Успѣшно преодолѣвъ эти затрудненія, Н. П. Кондаковъ далъ больше, чѣмъ частное изслѣдованіе по исторіи искусства: его книга представляетъ собою замѣчательную и богатую содержаніемъ страницу изъ столь еще мало изученной исторіи умственной жизни Византіи.

Какъ миніатюра, въ теченіе почти тысячи лѣтъ, жила на византійской почвѣ самостоятельною жизнью, такъ и въ русскомъ искусствѣ этотъ родъ живописи имѣлъ самобытное развитіе, сохраняя притомъ чисто народный характеръ. Н. П. Кондаковъ развиваетъ эту мысль въ статьѣ о русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ, написанной въ 1885 году по поводу извѣстнаго сочиненія Буслаева объ этомъ предметѣ. Разбирая трудъ сво-

его учителя, Н. П. Кондаковъ осыпаетъ его большими похвалами и ставитъ въ образецъ ученыхъ работъ по художественной археологіи, но затѣмъ, провѣряя его выводы, значительно расходится съ ними въ своихъ заключеніяхъ. По предположенію Буслаева, русскій лицевой Апокалипсисъ долженъ былъ имѣть греческій оригиналъ. Н. П. Кондаковъ, указывая на то, что до сихъ поръ не отыскано ни единой греческой рукописи лицевого Апокалипсиса, выражаетъ сомнѣніе въ возможности найти таковую и склоняется къ убѣжденію, что этотъ памятникъ есть самодѣльное произведеніе не только русскихъ знаменщиковъ, но и русскихъ списателей. „Русскій лицевой Апокалипсисъ", объясняетъ онъ,—„не есть только часть Новаго Завѣта; по своему типу *толковаго* Апокалипсиса это есть особая священная книга, обставленная „Хожденіемъ Іоанна Богослова", „Словомъ Палладія мниха о второмъ пришествіи", „Повѣстью о славѣ небесной", „Словомъ блаженнаго Ипполита о скончаніи міра и антихристѣ", „Житіемъ Андрея Юродиваго", „Житіемъ Василія Новаго", „Пророчествомъ Даніила". Иллюстраціи Апокалипсиса служатъ дополненіемъ къ его толкованію или прямо изъ него взяты; миніатюры распредѣляются по 72-мъ главамъ или зачаламъ (иногда число ихъ доходитъ до 250); связь съ текстомъ тѣснѣйшая или неразрывная. Миніатюра или предшествуетъ тексту, или слѣдуетъ за текстомъ, при чемъ текстъ окружаетъ миніатюру или какъ бы сливается съ нею. Темы апокалипсической иллюстраціи построены и слѣдуютъ по четыремъ седмерицамъ: семь церквей, семь печатей, семь ангеловъ съ трубами и семь ангеловъ съ фіалами. Начало — откровеніе Небеснаго Судіи, конецъ — судъ и скончаніе міру. Всѣ эти части, затѣмъ, обставляются многочисленными эпизодами. Такъ цѣльно и неизмѣнно устанавливается типъ и содержаніе книги, которая пишется всегда уставомъ или полууставомъ, какъ книга священная по преимуществу, но никакъ не скорописью". Очевидно, этою характеристикой констатируется фактъ, одинаково любопытный и для исторіи русской живописи, и для исторіи нашей словесности: русскій лицевой Апокалипсисъ оказывается одною изъ тѣхъ распространенныхъ въ нашемъ старомъ обществѣ нравоучительныхъ книгъ, которыя всѣмъ своимъ содержаніемъ, какъ рисунками, такъ и изложеніемъ, питали благочестивое настроеніе читателей. Хотя вниманіе изслѣдователя было обращено главнымъ образомъ на иллюстрацію рукописей, тѣмъ

не менѣе отъ его наблюдательности не ускользнули и отличительныя черты въ литературномъ составѣ памятника.

Мнѣ представляется излишнимъ останавливаться съ такою же подробностью на другихъ примѣрахъ искусной разработки культурно-историческихъ вопросовъ, которые встрѣчаются въ сочиненіяхъ Н. П. Кондакова по художественной археологіи. Упомяну лишь въ краткихъ словахъ замѣтки его о фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора, напечатанныя въ 1888 году, и записку о научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства, изданную въ 1899 году.

Въ Кіево-Софійскихъ фрескахъ въ прежнее время видѣли изображеніе забавъ Кіевскихъ князей, для чего впрочемъ не имѣлось никакихъ твердыхъ основаній. Н. П. Кондаковъ, опираясь на разсказъ Константина Багрянороднаго о такъ-называемыхъ готскихъ военныхъ играхъ, устраивавшихся при Константинопольскомъ дворѣ о святкахъ, призналъ въ упомянутыхъ фрескахъ изображеніе этихъ игръ. Еще прежде Н. П. Кондакова на Константиново описаніе обращалъ вниманіе нашъ почтенный сочленъ А. Н. Веселовскій, который сближалъ въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи готскія игры съ драматическимъ обрядомъ святочныхъ русалій, сохранившимся у македонскихъ болгаръ, но при томъ замѣтилъ, что ничего собственно готскаго въ византійскихъ потѣхахъ не было. Н. П. Кондаковъ дополняетъ соображенія А. Н. Веселовскаго и также отрицаетъ спеціально готскій характеръ игръ, но допускаетъ возможность считать ихъ забавой, усвоенною византійцами отъ какихъ-либо варваровъ въ видѣ моды.

Что касается второй изъ названныхъ статей Н. П. Кондакова, нѣтъ надобности распространяться здѣсь о тѣхъ общихъ соображеніяхъ, которыя въ ней изложены, но умѣстно упомянуть объ одной любопытной частности, въ ней указанной. Н. П. Кондаковъ довольно подробно говоритъ въ этой статьѣ о скульптурныхъ прилѣпахъ, украшающихъ собою стѣны Дмитріевскаго собора во Владимирѣ на Клязьмѣ. Этотъ знаменитый памятникъ русской архитектуры XIII вѣка давно служилъ предметомъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ изслѣдованій, но смыслъ фигурныхъ украшеній, покрывающихъ его стѣны оставался не разгаданнымъ. Н. П. Кондаковъ остроумно разрѣшилъ эту загадку, призвавъ на помощь литературу: вполнѣ удовлетворительное объясненіе скульптурныхъ прилѣповъ онъ

нашелъ въ мудрованіяхъ апокрифической Бесѣды трехъ святителей и въ фантастическихъ образахъ духовнаго стиха о Голубиной книгѣ.

Такимъ образомъ, въ ученой дѣятельности Н. П. Кондакова мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ изслѣдованій, указывающихъ на тѣсную связь между пластическимъ искусствомъ Византіи и древней Руси и ихъ литературными памятниками. Принимая это во вниманіе, я полагаю, что кругъ ученой дѣятельности Второго отдѣленія, обнимающій собою всю духовную жизнь народа въ ея настоящемъ и прошломъ, вполнѣ законно даетъ намъ возможность привлечь Н. П. Кондакова въ нашу среду.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

«1» декабря 1899 года.

4**

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIX.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1900 годъ,

составленный
Академикомъ А. Н. Пыпинымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОТЧЕТЪ
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
за 1900 годъ,

составленный къ торжественному засѣданію Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1900 года

Академикомъ **А. Н. Пыпинымъ**.

Наши отчеты нерѣдко, къ сожалѣнію, приходится начинать поминками о тѣхъ сотоварищахъ, научное поприще которыхъ въ нашей средѣ кончилось—вмѣстѣ съ ихъ поприщемъ жизненнымъ.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе русскаго языка и словесности понесло двѣ тяжелыя утраты.

7-го апрѣля скончался ординарный академикъ Леонидъ Николаевичъ Майковъ. Имя его давно пользовалось широкой извѣстностью въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ, и вѣроятно не было журнала и газеты, которые не разсказали бы его біографіи, не посвятили ему сочувственныхъ воспоминаній. Мы сообщимъ только главныя свѣдѣнія. Онъ принадлежалъ къ семьѣ, изъ которой какъ бы наслѣдственно усвоилъ интересы литературы и искусства: отецъ былъ извѣстный въ свое время художникъ; старшій братъ былъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ;

другой братъ, Валеріанъ, рано умершій, блестящимъ образомъ началъ свое поприще какъ литературный критикъ; семья была связана дружественными отношеніями съ кругомъ литературнымъ. Онъ родился въ 1839 г., былъ питомцемъ Спб. университета, и въ 1863 г. защитилъ магистерскую диссертацію о былинахъ Владимірова цикла. Начавъ службу по министерству финансовъ, онъ продолжалъ ее въ Главномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ 1882 г. былъ помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки, съ 1889 г. былъ членомъ русскаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, и съ 1893 г. — вице-президентомъ. Свою литературную дѣятельность онъ началъ еще на студенческой скамьѣ: съ перваго крупнаго труда, упомянутой диссертаціи, онъ дальнѣйшими работами установилъ за собою извѣстность, потомъ авторитетъ ученаго, основнымъ качествомъ котораго было трезвое реальное изслѣдованіе, построенное на возможно полномъ и точномъ установленіи и изученіи матеріала. Его труды направлялись всего болѣе на изслѣдованія историко-литературныя, но съ первыхъ поръ его привлекала этнографія: оба предмета соединялись въ его юношеской диссертаціи,—и оба остались до конца его научнымъ интересомъ. Онъ рано сталъ дѣятельнымъ участникомъ въ работахъ Географическаго Общества, и въ теченіе четырнадцати лѣтъ былъ предсѣдателемъ его Этнографическаго Отдѣленія. Этому Отдѣленію, съ самаго основанія Общества въ 1845 г., принадлежитъ вообще великая заслуга въ созданіи русской этнографіи, какъ науки — первымъ точнымъ собираніемъ памятниковъ народнаго быта и поэзіи; и Майкову, какъ собирателю, изслѣдователю и участнику въ редакціи этнографическихъ изданій Общества, принадлежитъ крупная доля въ этой исторической заслугѣ.

Столько же важны его труды историко-литературные. Въ концѣ настоящаго отчета приведенъ списокъ многочисленныхъ работъ Майкова въ этой области. Достаточно сказать, что его изслѣдованія простирались какъ на древнюю русскую письмен-

ность, такъ въ особенности на литературу новѣйшую, — причемъ имъ была собрана большая масса новыхъ историческихъ фактовъ. Изъ его издательскихъ работъ извѣстно собраніе сочиненій К. Н. Батюшкова, обставленное обширнымъ историко-литературнымъ комментаріемъ, важнымъ для изученія литературы всей первой четверти столѣтія; и всѣмъ извѣстно начатое имъ изданіе Пушкина.

Это изданіе, надъ которымъ онъ работалъ въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни, особенно ярко указываетъ черты научнаго труда Майкова: чрезвычайную заботливость въ собраніи матеріала, стараніе дать комментарій, который не оставилъ бы безъ объясненія ни одной черты въ творчествѣ поэта, въ его литературной школѣ и вкусахъ, наконецъ въ подробностяхъ его стиля и языка. Труды Майкова находили высокую оцѣнку въ сужденіяхъ спеціалистовъ, и когда въ средѣ Академіи одинъ изъ нашихъ сочленовъ говорилъ о Майковѣ, онъ указывалъ достоинство его работъ не только въ его точномъ и трудолюбивомъ изслѣдованіи, но и въ его изящной рѣчи: онъ повторилъ сдѣланное однажды сравненіе ученой работы Майкова съ тонкой работой ювелира.

Другая горестная потеря не только для Отдѣленія русскаго языка и словесности, но и для нашей литературы вообще, была неожиданная кончина Владиміра Сергѣевича Соловьева, 31 іюля 1900 г. Въ разнообразныхъ кругахъ общества, въ которыхъ знали Соловьева, эта потеря произвела одно общее прискорбіе, — и дѣйствительно, въ немъ сошелъ въ могилу одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей и дѣятелей общественныхъ послѣдняго времени. Сынъ знаменитаго историка, человѣка высокаго нравственнаго достоинства и великаго трудолюбія, одушевленнаго мыслью исполнить долгъ къ родинѣ изученіемъ ея судебъ, Владиміръ Сергѣевичъ проникнутъ былъ глубокимъ чувствомъ піэтета къ памяти отца и, намъ кажется, унаслѣдовалъ отъ него и этотъ высокій нравственный строй, сознаніе долга служить отечеству и обществу, и неустанный трудъ. Но путь былъ иной. Окон-

чивъ курсъ въ университетѣ, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ слушалъ кромѣ того лекціи въ московской духовной академіи; богатое дарованіе сказалось еще въ юношѣ; сила логической мысли, рѣдкая память, настойчивая работа сдѣлали изъ него еще въ ранней молодости настоящаго многосторонняго ученаго, интересы котораго направлены были на вопросы богословія, философіи, исторіи; присоединялся несомнѣнный поэтическій талантъ и тонкій художественный вкусъ. Его первые труды посвящены были общему вопросу объ основахъ философскаго мышленія. Впослѣдствіи, его изслѣдованія сосредоточивались на русскомъ національномъ вопросѣ въ тѣсной связи съ вопросомъ церковнымъ. Еще позднѣе, въ его трудахъ сказывается болѣе опредѣленный интересъ публицистическій, когда онъ касался вопросовъ нашей общественной дѣйствительности.

Среди всѣхъ этихъ предметовъ его дѣятельности проходило настроеніе поэтическое: оно выразилось рядомъ стихотвореній — отъ семидесятыхъ годовъ и до послѣднихъ дней его жизни, и выразилось также рядомъ частію предположенныхъ, частію исполненныхъ работъ по психологическому и эстетическому изученію русскихъ поэтовъ (Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ, гр. А. Толстой, Фетъ). Послѣднимъ обширнымъ, прерваннымъ въ началѣ, трудомъ его былъ переводъ и объясненіе «Твореній Платона». Инымъ казалось, что указанныя темы обозначали измѣненіе интересовъ, можетъ быть, самыхъ взглядовъ Соловьева; въ дѣйствительности, онъ оставался вѣренъ себѣ и съ теченіемъ времени, съ опытомъ жизни, его основная точка зрѣнія развивалась, осложнялась, и взгляды теоретическіе встрѣчались съ жизнью и опредѣлялись. Съ самаго начала, въ его общія философскія положенія входитъ та церковная тема, какую развиваетъ онъ впослѣдствіи; когда онъ, повидимому, склонялся къ вопросамъ жизненной дѣйствительности, онъ издаетъ свою «Нравственную философію». Его хотѣли причислять къ тому или другому общественному или литературному лагерю, — но напрасно: это былъ столь самостоятельный и независимый умъ, что и самъ онъ могъ

не думать о «лагерѣ», да и ни одна изъ существующихъ у насъ общественно-литературныхъ группъ не вмѣщала бы его основной идеи и его разнообразныхъ интересовъ.

Эта основная идея была въ ея цѣломъ составѣ вполнѣ самостоятельна и вполнѣ нова въ нашей литературѣ и общественной жизни. Это была религіозная философія, но иного рода, чѣмъ та, которую обыкновенно встрѣчаемъ. Въ первыхъ словахъ книги, которая осталась неоконченною и должна была составить его главнѣйшую работу въ этомъ направленіи, — Соловьевъ такъ высказывалъ свою основную мысль: «Оправдать вѣру нашихъ отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія; показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною и вселенскою истиною — вотъ общая задача моего труда», — и не только этого труда, но и всей его дѣятельности. Эта дѣятельность не однажды вызывала противъ Соловьева «злые глаголы», на него падали настоящія обвиненія — въ измѣнѣ православію: объясненіе въ вышеприведенныхъ словахъ. Въ его понятіи, религіозное начало — въ его существѣ, если оно есть искреннее, какими бы формами оно ни облекалось, — есть высшее начало нравственности; отсюда его широкая религіозная терпимость, за которую онъ также подвергался упрекамъ, терпимость не только къ католицизму, — заключающему сотни милліоновъ христіанъ, — но къ еврейству, когда онъ видѣлъ въ немъ преданіе Ветхаго Завѣта, къ магометанству, когда онъ излагалъ біографію Магомета. Его ученіе считали мистицизмомъ — въ его настроеніи было дѣйствительно не мало мистическаго, — отъ его религіознаго возбужденія, отъ его вѣры въ провиденціальное назначеніе русскаго народа до его наклонности къ сверхъестественному, напр. къ телепатіи и т. п.; но въ его взглядахъ была одна черта, рѣзко отдѣлявшая его отъ обыкновеннаго мистицизма и опять многихъ приводившая въ недоумѣніе. Рядомъ съ мистикой, которая такъ часто смѣшивается съ обскурантизмомъ и на дѣлѣ нерѣдко въ него переходитъ, въ Соловьевѣ, напротивъ, всегда

неизмѣнно жилъ духъ философскаго анализа и исторической критики: для послѣдней служило между прочимъ обширное знаніе церковной литературы, — Ветхій Завѣтъ онъ зналъ по еврейскому тексту. Въ своихъ трудахъ публицистическаго характера Соловьевъ—опять на той же точкѣ зрѣнія христіанской нравственности; его сужденія о практической дѣятельности всегда опирались на общихъ положеніяхъ его нравственной философіи, которыхъ были только выводомъ.

Соловьевъ былъ неистощимъ въ своихъ научныхъ и литературныхъ работахъ. Въ области русской литературы имъ предпринятъ былъ рядъ изслѣдованій о судьбѣ нашей новѣйшей поэзіи; лишь нѣкоторыя изъ нихъ явились въ печати. Ему были кровно близки интересы русской литературы, какъ орудія просвѣщенія и общественнаго сознанія, и въ одномъ изъ соединенныхъ засѣданій русскаго Отдѣленія совмѣстно съ почетными академиками имъ сдѣланъ былъ докладъ высокой важности — о необходимости обезпечить для русской литературы возможность изслѣдованія въ вопросахъ религіи и философіи.

Теперь, когда по его смерти явилось не мало воспоминаній о немъ лицъ, близко его знавшихъ, раскрываются и черты его личнаго характера. Съ дарованіемъ рѣдкимъ, необычайнымъ, соединялось и необычайное благодушіе, всегдашняя готовность на помощь ближнему, доходившая до пожертвованія даже необходимыми средствами для его личной жизни. Понятно, что этой чертой характера злоупотребляли; но была поистинѣ трогательна эта ясность души, рѣдкій примѣръ христіанскаго братолюбія, никогда себѣ не измѣнявшаго. Для всѣхъ, кто зналъ его нѣсколько близко, это была личность привлекательная въ высокой степени по богатству его ума, по безконечной добротѣ сердца и, наконецъ, по его живому, неистощимому остроумію. Это бывала и простая потребность веселья, «игра ума», какъ въ «Бѣлой Лиліи», или шутка, которая въ близкомъ кругу высказывала отрицаніе извѣстныхъ уродливыхъ общественныхъ явленій, или пародія, какими онъ смѣялся надъ уродливыми фактами литературными, какъ напримѣръ «декадентство» и «символизмъ».

Соловьевъ не оставилъ школы, но оставилъ своей личностью и произведеніями нравственный завѣтъ — возвышеннаго идеализма, строгаго отношенія къ основнымъ задачамъ общественнаго служенія, къ тому, что является личнымъ, общественнымъ и національнымъ нравственнымъ долгомъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности утратило въ немъ великую силу, отъ которой имѣло основаніе ожидать важныхъ трудовъ для пользы того объединенія науки и литературной жизни, какому должно служить наше новое учрежденіе.

Во внутренней жизни Отдѣленія наступили, съ достопамятнаго года столѣтней памяти Пушкина, важныя измѣненія. Въ отчетѣ за этотъ прошлый годъ было упомянуто, что Высочайшимъ указомъ 29 апрѣля 1899 г. повелѣно было, чтобы въ память столѣтней годовщины рожденія Пушкина при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ учрежденъ былъ Разрядъ изящной словесности, и Отдѣленію, въ виду предстоявшаго расширенія его дѣятельности, даровано было право расширить съ 1900 г. свой составъ шестью новыми членами. Въ отчетѣ прошлаго года Отдѣленіе предвидѣло, что ему предстояло привлечь въ Академію нѣсколько ученыхъ изслѣдователей русской литературы и организовать Разрядъ изящной словесности.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 23 декабря 1899 года повелѣно было внести въ Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности новыя Постановленія о Разрядѣ изящной словесности: сохранены въ неприкосновенности всѣ права и преимущества, дарованныя Отдѣленію при его основаніи, и Отдѣленію даровано право представлять на Высочайшее утвержденіе избраннаго Отдѣленіемъ Предсѣдательствующаго, какъ знакъ благоволенія Верховной власти къ Отдѣленію за его плодотворную дѣятельность на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Новыя условія состава и дѣятельности Отдѣленія, созданныя Высочайшими указами 29 апрѣля и 23 декабря 1899 г., заключаются въ слѣдующемъ.

Отнынѣ, къ Отдѣленію русскаго языка и словесности присо-

единенъ, въ одно нераздѣльное цѣлое, Разрядъ изящной словесности, учрежденный въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина. Этотъ Разрядъ составляютъ, во-первыхъ, избираемые въ дѣйствительные члены Академіи писатели-художники и ученые изслѣдователи въ области языка и словесности и, во-вторыхъ, почетные академики и корреспонденты Отдѣленія по разряду изящной словесности. Въ почетные члены Отдѣленія избираются писатели-художники и литературные критики. Выборы ихъ производятся, съ разрѣшенія президента, въ соединенномъ собраніи дѣйствительныхъ и почетныхъ академиковъ.

Почетные академики состоятъ непремѣнными членами комиссій по присужденію Пушкинскихъ и иныхъ премій за литературные труды. Членамъ Разряда предоставляется собираться въ зданіи Академіи для обсужденія вопросовъ, входящихъ въ область изящной словесности. Предсѣдатель Отдѣленія есть также и предсѣдатель въ собраніяхъ Разряда: право голоса принадлежитъ здѣсь также и дѣйствительнымъ членамъ Отдѣленія.

Кругъ занятій Отдѣленія опредѣляется, по новымъ Постановленіямъ, слѣдующими предметами; русскій языкъ во всемъ его объемѣ съ его нарѣчіями и говорами; исторія русскаго языка; исторія русской литературы и культуры; церковно-славянскій языкъ; южные и западные славянскіе языки и ихъ исторія; исторія славянскихъ литературъ; исторія иностранныхъ литературъ по отношенію къ русской; исторія и теорія искусства; теорія словесности и историко-литературная критика. На обязанности Отдѣленія лежитъ составленіе Словаря русскаго языка и критическое изданіе русскихъ писателей.

Остатки суммъ, которые могутъ образоваться отъ шести новыхъ академическихъ каѳедръ (Разряда изящной словесности), учрежденныхъ Высочайшимъ указомъ 29 апрѣля 1899 г., употребляются, по выбору Отдѣленія, на поддержаніе научной дѣятельности, главнымъ образомъ, молодыхъ людей, посвящающихъ себя изученію тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ кругъ занятій Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Избраніе почетныхъ академиковъ по Разряду изящной словесности состоялось 8 января 1900 г. Избраны были:

„К. Р."
Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.
Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.
Анатолій Ѳедоровичъ Кони.
Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.
Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.
Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.
Антонъ Павловичъ Чеховъ.
Владиміръ Галактіоновичъ Короленко.

Какъ можно было видѣть изъ отзывовъ печати,—когда стали извѣстны имена первыхъ избранныхъ писателей, — общественное мнѣніе оцѣнило безпристрастіе Отдѣленія, которое хотѣло и должно было стоять внѣ существующихъ литературныхъ направленій, иногда, какъ бываетъ, даже рѣзко враждебныхъ между собою,—въ ожиданіи, что общій интересъ къ успѣхамъ отечественной литературы соединитъ ихъ на основныхъ вопросахъ ея бытія. Будемъ надѣяться...

Развивая Постановленіе о почетныхъ академикахъ, Отдѣленіе установило число ихъ двѣнадцатью (проживающихъ въ Петербургѣ и иногороднихъ вмѣстѣ). На первый разъ Отдѣленіе избрало только девять лицъ, желая, чтобы въ ближайшую очередь выборовъ,—которые вообще предположены на декабрь мѣсяцъ,—могли принять въ нихъ участіе и уже избранные почетные академики.

Въ соединенномъ собраніи Отдѣленія и почетныхъ академиковъ, 1 декабря 1900 г., были избраны въ почетные академики еще слѣдующія лица:

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.
Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.
Сергѣй Васильевичъ Максимовъ.
Владиміръ Васильевичъ Стасовъ.

Первое соединенное засѣданіе Отдѣленія съ принадлежащими къ Разряду изящной словесности почетными академиками состоялось 9 марта. Въ привѣтствіи, которое Е. И. В. Августѣйшій Президентъ И. А. Н. обратилъ къ собранію, было сказано что избраніе первыхъ почетныхъ академиковъ налагало на Отдѣленіе лестный, но и отвѣтственный долгъ. Отдѣленію, при самомъ основаніи его взамѣнъ бывшей Россійской Академіи, было «ввѣрено попеченіе о русскомъ словѣ». Теперь, при новомъ Положеніи объ Отдѣленіи, гдѣ предметы изученій расширены на вопросы изящной словесности и искусства, эти предметы, требуя изученій спеціальныхъ, во всякомъ случаѣ сближаютъ Отдѣленіе съ міромъ литературы и его дѣятелями. Новымъ членамъ Отдѣленія, почетнымъ академикамъ, «предстоитъ сдѣлаться связующимъ звеномъ между областью науки и міромъ литературы». Кругъ новыхъ сочленовъ Отдѣленія долженъ расти, и пусть онъ расширяется не по вѣянію партійнаго духа, не по личнымъ пристрастіямъ и сочувствіямъ, а подъ вліяніемъ строгой разборчивости, въ силу уваженія къ нравственному облику избираемаго и согласно съ чуткою художественною совѣстью. Пушкинъ требовалъ отъ художника «взыскательности» и его собственный судъ надъ собой считалъ высшимъ судомъ; задача критики—идти рука объ руку съ взыскательнымъ художникомъ. Пусть членамъ новаго учрежденія, настоящимъ и будущимъ, призваннымъ въ память Пушкина пещись о русскомъ словѣ, неизмѣнно слышится Пушкинскій завѣтъ:

Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Затѣмъ предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, академикъ Сухомлиновъ, говорилъ о той тѣсной связи, которая соединяетъ науку и литературу, какъ двѣ дѣятельности, вызываемыя духовными стремленіями человѣка,—въ особенности о тѣсной связи науки о языкѣ съ литературою, ея теоріею и исторіею.

«Справедливо замѣчаютъ ученые, что языкъ есть самое художественное изъ всѣхъ произведеній, доступныхъ человѣческому творчеству. Что касается собственно русскаго языка, то его значеніе и величіе признается единодушно всѣми учеными и писателями отъ Ломоносова до Пушкина и Тургенева. Пушкинъ утверждалъ, что русскій языкъ «достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій». Всѣмъ памятны безсмертныя слова Тургенева, обращенныя къ писателямъ: «Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!»

«Если русскій языкъ и изученіе его свойствъ такъ высоко цѣнятся великими представителями нашей художественной литературы, то сама собою является мысль, что между учеными изслѣдователями языка и писателями-художниками можетъ и должно существовать общеніе и взаимное пониманіе. Такъ думали лучшіе люди различныхъ эпохъ и такая мысль положена въ основу учрежденій, во главѣ которыхъ слѣдуетъ назвать основанную Екатериною II «Россійскую Академію». Въ первый ея періодъ дружно работали съ одной стороны ученые: Румовскій, Лепехинъ и др.; съ другой писатели: Державинъ, Фонвизинъ и др. Въ послѣдній періодъ Россійской Академіи членомъ ея былъ геніальный филологъ Востоковъ и геніальный поэтъ Пушкинъ. Пушкинъ избранъ въ члены Россійской Академіи 7 января 1833 г. Пушкинъ охотно посѣщалъ академическія собранія, участвовалъ въ разсмотрѣніи «Словаря» и выразилъ пожеланія, чтобы Академія «ободрила, оживила отечественную словесность».

«Въ 1841 г. Россійская Академія соединена съ Академіею Наукъ и переименована въ Отдѣленіе русскаго языка и словес-

ности. Писатели, бывшіе членами Россійской Академіи, назначены членами Академіи Наукъ: Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій и др. Князь Вяземскій говоритъ по этому поводу: «Не каждый членъ чисто литературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонвизинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости. И то выходило бы тогда смѣшеніе понятій и произвольная классификація».

«Писатели желали образовать особую группу, и Комитетъ, составленный изъ членовъ какъ Россійской Академіи, такъ и Академіи Наукъ, призналъ нужнымъ положить нѣкоторое число Почетныхъ Академиковъ, которые, не принимая на себя обязанностей, лежащихъ на членахъ Конференціи всѣхъ трехъ Отдѣленій Академіи Наукъ, были бы полезны Отдѣленію русскаго языка и словесности своею опытностью въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами.

«Къ тому же рѣшенію вопроса пришло и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Весьма пріятно заявить, что взглядъ Отдѣленія раздѣляютъ и многіе изъ писателей. Такимъ образомъ, Отдѣленіе въ настоящее время состоитъ изъ Ординарныхъ и Почетныхъ Академиковъ. Званіе Почетнаго Академика — есть самое высшее званіе, въ которое Академія можетъ избирать представителей литературы. Отношеніе избранныхъ къ Академіи Наукъ, установленное новымъ закономъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ и высокому уваженію къ званію писателя, и той нравственной свободѣ, которою такъ дорожатъ писатели-художники.

«При совѣщаніяхъ по этому животрепещущему вопросу высказано было мнѣніе, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, по существу своему, является учрежденіемъ, могущимъ содѣйствовать нравственному сближенію представителей отечественной литературы. Дай Богъ, чтобы это оправдалось блестящимъ образомъ въ дѣйствительности и чтобы Отдѣленіе наше и въ своемъ новомъ, расширенномъ видѣ сохранило свое давнее и

драгоцѣнное достояніе—единодушіе. Да послужитъ залогомъ нашего единодушія великое имя Пушкина, заключающее въ самомъ себѣ объединяющее начало.

«Въ первый разъ это единеніе выразилось при самомъ избраніи Пушкина въ члены Россійской Академіи: забылись старые счеты; вражда и рознь уступили мѣсто справедливому признанію высокихъ заслугъ. Пушкинъ избранъ былъ единогласно. Въ собраніи участвовали: знаменитый ученый Востоковъ, знаменитый общественный дѣятель Н. С. Мордвиновъ, и личные враги Пушкина, Уваровъ и Каченовскій, высказались въ пользу его; Шишковъ, какъ президентъ, положилъ ему два бѣлыхъ балла, и т. д.

«Второй разъ имя Пушкина сблизило всю русскую литературу въ одно цѣлое, несмотря на различіе взглядовъ и направленій, въ прекрасные Пушкинскіе дни при открытіи въ Москвѣ памятника великому поэту. Кто пережилъ эти чудные дни, тотъ навсегда сохранитъ въ душѣ своей свѣтлое воспоминаніе о свободной, восторженной дани, принесенной русскому національному генію.

«Въ третій разъ имя Пушкина объединило представителей нашей умственной жизни при чествованіи столѣтія со дня рожденія поэта, вызвавшемъ учрежденіе Разряда изящной словесности. Да будетъ это дорогое всѣмъ намъ имя связывающимъ и вдохновляющимъ началомъ для дѣятельности Разряда изящной словесности, составляющаго одно нераздѣльное цѣлое съ высшимъ въ Россіи учрежденіемъ, въ кругъ занятій котораго входятъ словесныя науки. Пожелаемъ, чтобы живая связь между литературой и наукой становилась все прочнѣе и глубже и чтобы сближеніе между ними послужило завѣтомъ и для грядущихъ дѣятелей на поприщѣ родной словесности».

О будущемъ трудно загадывать. Будетъ дѣломъ самаго собранія почетныхъ академиковъ опредѣлить свою дѣятельноть—какъ въ ихъ участіи въ общихъ научныхъ и критическихъ работахъ Отдѣленія, такъ и въ дѣлѣ сближенія науки и литера-

туры, гдѣ они въ особенности должны явиться представителями послѣдней. О благотворной работѣ въ этомъ направленіи могъ бы дать указанія примѣръ обмѣна мыслей, возникшаго въ соединенномъ собраніи Отдѣленія и гг. почетныхъ академиковъ по иниціативѣ покойнаго В. С. Соловьева.

Переходя въ частности къ трудамъ Отдѣленія, можно съ отраднымъ чувствомъ сказать, что прошлый годъ,—первый, испытавшій нравственныя и реальныя воздѣйствія великихъ Пушкинскихъ воспоминаній,—что этотъ годъ отмѣченъ былъ особеннымъ оживленіемъ дѣятельности Отдѣленія. Во-первыхъ, составъ его умножился нѣсколькими заслуженными представителями русской филологіи, славяновѣдѣнія и исторіи искусства: Ив. Никол. Ждановъ, Вл. Ив. Ламанскій, Ѳед. Евг. Коршъ, Ник. Павл. Кондаковъ. Труды членовъ Отдѣленія состояли въ слѣдующемъ.

Акад. М. И. Сухомлиновъ приготовлялъ къ изданію V-й томъ Сочиненій Ломоносова.

Подъ редакціею акад. Сухомлинова вышелъ въ отчетномъ году X-й томъ Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Изданные «Матеріалы» заключаютъ въ себѣ много весьма любопытныхъ чертъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи и для знакомства съ бытомъ и нравами того времени. Академія Наукъ, особенно благодаря существовавшему при ней университету, оказывала просвѣтительное вліяніе на общество и принимала мѣры къ удовлетворенію проявлявшейся въ немъ любознательности. Завѣдывающимъ книжною лавкою, учрежденною при Академіи Наукъ, вмѣнялось въ обязанность обращать полное вниманіе на требованія, предъявляемыя любителями, «охотниками» чтенія, и всячески стараться выписывать требуемыя книги. Одною изъ главнѣйшихъ заботъ Академіи было «размноженіе» академической Библіотеки и ученыхъ коллекцій. Книги, находившіяся во Псковѣ «изъ завоеванныхъ шведскихъ городовъ», велѣно доставить въ Библіотеку Академіи. Знаменитый Линней писалъ академику Крашенинникову: въ Россіи «больше най-

дено незнаемыхъ травъ черезъ десять лѣтъ, нежели во всемъ свѣтѣ чрезъ половину вѣка».

Питомцы академическаго университета и академической гимназіи обращались съ просьбою дать имъ возможность усовершенствоваться въ пріобрѣтаемыхъ ими знаніяхъ. Одни указывали на необходимость подробнаго изученія «политической исторіи», другіе считали «политическую географію» одною изъ «нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ наукъ» и просили дозволить слушать ее не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ, на которомъ она излагалась гораздо подробнѣе. Русскіе студенты лейпцигскаго университета: Мотоній и Козицкій обращались въ Академію съ просьбою оказать имъ содѣйствіе въ изученіи математики, философіи, исторіи и нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ, и т. д.

Тогдашніе взгляды на призваніе ученаго и свободу творчества весьма живо выражаются въ «рапортѣ» Тредьяковскаго: «Сего *ноября 14-го дня* получилъ я ордеръ изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, которымъ повелѣно мнѣ перевесть оперу съ французскаго языка къ *26 ноября*. На сіе я доношу, что мнѣ двухъ дѣлъ вдругъ дѣлать невозможно, ибо я сочиняю трагедію по указу Его И. В. и дошелъ уже сочиненіемъ моимъ до третьяго дѣйствія, и на нее употребляю всѣ мои силы, собирая мысли, а буде ее прервать, то мнѣ паки сдѣлается труда еще больше прежняго и вся моя работа будетъ ни во что»...

Академикъ А. Н. Веселовскій въ теченіе настоящаго года издалъ нѣсколько трудовъ по средневѣковой племенной исторіи, средневѣковой поэзіи и по исторіи новѣйшей западно-европейской литературы,—трудовъ, какъ всегда, богатыхъ важными историческими разъясненіями.

Таковъ, во-первыхъ, его разборъ сложнаго изслѣдованія Ѳ. А. Брауна: «Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій» (по поводу книги Брауна: «Розысканія въ области гото-славянскихъ отношеній». Спб. 1899), Извѣстія Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. V (1900 г.) кн. I, стр. 1—35.

Далѣе, онъ изложилъ свои новыя соображенія объ источни-

кахъ знаменитой, но до сихъ поръ остававшейся нѣсколько загадочною, средневѣковой поэмы о св. Гралѣ: («Гдѣ сложилась легенда о св. Гралѣ?» въ Извѣст. т. V, кн. 2, стр. 393—450). Съ 1872 г. авторъ не переставалъ заниматься легендой о св. Гралѣ, таинственной чашѣ, въ которую, по отреченному сказанію, собрана была кровь, пролитая Спасителемъ на Голгоѳѣ, унаслѣдованная въ родѣ Іосифа Аримаѳейскаго, какъ символъ вѣры и христіанской проповѣди; легендой, популярной въ средніе вѣка, окутанной мистицизмомъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха, обновившейся въ Парцивалѣ Вагнера, въ Мерлинѣ Иммермана. Вопросъ о происхожденіи этого преданія, отринутаго римскою церковью, занимаетъ до сихъ поръ изслѣдователей; воззрѣнія двоятся: одни стоятъ за его кельтскій, другіе за восточный или восточно-христіанскій источникъ. Рѣшеніе затруднено недостаткомъ древнихъ свидѣтельствъ о ростѣ легенды, объявляющейся на европейской почвѣ какъ бы внезапно, возбуждающей въ XII—XIII в. усиленную дѣятельность поэтической идеализаціи, создающей цѣлую литературу романовъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ указывающей въ своемъ составѣ обрывки какой-то древней основы и давно пережитыхъ религіозныхъ отношеній. Византію эта легенда миновала; это обстоятельство и было однимъ изъ поводовъ вновь пересмотрѣть вопросъ о ея происхожденіи. Если ея починъ былъ восточный, то сказаніе могло проникнуть непосредственно на западъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Пристальный, на сколько возможно, географическій и культурно-историческій анализъ двухъ старо-французскихъ романовъ о Гралѣ привелъ автора къ заключенію, что въ основѣ сказанія лежитъ какой-то апокрифъ о мѣстной христіанской проповѣди въ Палестинѣ, Батанеѣ и сѣверной Месопотаміи, Эдессѣ и Харранѣ. Эта-то повѣсть и была перенесена на западъ въ пору франкскаго господства въ области Эдессы и здѣсь приладилась къ новымъ географическимъ отношеніямъ и религіознымъ спросамъ. По старой легендѣ, Іосифъ Аримаѳейскій проповѣдывалъ христіанство въ Батанеѣ, теперь онъ сталъ первымъ его провозвѣстникомъ въ Британіи задолго

до евангелизаціи, пошедшей изъ Рима,—тогда какъ по восточному преданію Іосифъ скончался на востокѣ, гдѣ его праху въ Іерусалимѣ поклонялись еще въ XVIII вѣкѣ русскіе паломники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣйствующія лица древней легенды замѣнены были новыми, взятыми изъ западной саги, и Парсиваль явился на смѣну лица, носившаго библейское имя Галлада. Религіозно-поэтическая легенда, надъ глубокимъ значеніемъ которой мы теперь задумываемся, не что иное, какъ народно-историческое преданіе, передуманное въ теченіе вѣковъ. Грузинскій апокрифъ, вѣроятно, сирійскаго происхожденія, помогъ уяснить его генезисъ; византійско-славянскія статьи отвлеченнаго характера дали съ своей стороны указанія на пути развитія отъ исторической саги къ поэзіи.

Въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія акад. Веселовскій помѣстилъ статью: «П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка». Спб. 1900 (рецензія), Изв. т. V, кн. 3.

Далѣе, А. Н. Веселовскій завѣдывалъ редакціей окончательнаго тома «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга, въ ихъ новомъ изданіи, которое предпринято было Отдѣленіемъ.

По рѣшенію Отдѣленія, акад. Веселовскому поручено также руководство важнымъ предпріятіемъ по изданію собранія скандинавскихъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ русской древности.

Въ ноябрѣ нынѣшняго года состоялось 100-е засѣданіе Неофилологическаго Общества, при Спб. университетѣ,—такъ названнаго послѣ его преобразованія въ 1885 году,—гдѣ А. Н. Веселовскій былъ инiціаторомъ и неизмѣннымъ предсѣдателемъ. Неофилологическое Общество возникло изъ «Романо-германскаго Отдѣленія Филологическаго Общества» при Спб. университетѣ, образовавшагося въ январѣ 1885 г. и имѣвшаго 38 засѣданій. Первое засѣданіе Неофилологическаго Общества состоялось 19 января 1890 г., сотое засѣданіе—28 апрѣля 1900 г., сто-первое 2 октября 1900 г. Въ этихъ 100 засѣ-

даніяхъ заслушано было 194 доклада. Съ 7 декабря 1895 г. при немъ открылось Лингвистическое Отдѣленіе (подъ предсѣдательствомъ С. К. Булича), имѣвшее 35 засѣданій, а съ января 1896 г.—Отдѣленіе Педагогическое, подъ предсѣдательствомъ Ѳ. А. Брауна, имѣвшее 15 засѣданій. Изъ «Отдѣленія» въ «Общество» перешло 76 членовъ; къ 101 засѣданію Общество насчитывало 192 члена. 100-е засѣданіе Общества является внѣшнимъ указателемъ той плодотворной дѣятельности акад. Веселовскаго, результатомъ которой была цѣлая школа романо-германскихъ изученій. Въ этой области нашъ сочленъ имѣетъ европейское имя, и его изслѣдованія, кромѣ ихъ общаго значенія, уже отразились новымъ важнымъ поворотомъ въ изученіяхъ самой русской поэтической старины.

Академикъ И. В. Ягичъ былъ въ теченіе нынѣшняго академическаго года занятъ печатаніемъ представленнаго имъ еще прошлой осенью въ Отдѣленіе критико-библіографическаго труда подъ заглавіемъ: «А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ». По распоряженію Отдѣленія изданіе это войдетъ въ «Сборникъ». Къ сожалѣнію, печатаніе замедлилось — до сихъ поръ напечатано только 9 листовъ — такъ что желаніе автора, чтобы это изданіе послужило свидѣтельствомъ участія южныхъ славянъ въ чествованіи памяти великаго русскаго поэта, не осуществилось къ сроку. Академикъ Ягичъ постарался пріобрѣсти для участія въ этомъ изданіи нѣсколько выдающихся представителей изъ разныхъ южно-славянскихъ литературъ, желая такимъ образомъ не только себѣ облегчить трудъ, но также сдѣлать библіографическое обозрѣніе по возможности полнымъ и точнымъ, оцѣнкѣ же этой переводной дѣятельности придать значеніе критическое. По собственнымъ словамъ академика, цѣль его достигнута только отчасти. Для болгарской литературы ему удалось привлечь къ участію въ этомъ изданіи извѣстнаго своей ученой дѣятельностью профессора Ивана Шишманова изъ Софіи; для сербско-хорватской литературы отозвался въ качествѣ очень усерднаго сотрудника профессоръ Миланъ Шрепель въ Загребѣ; но въ Сербіи

нельзя было отыскать сотрудника, что легко объясняется бывшимъ въ то время волненіемъ общественной жизни, мѣшавшимъ тихимъ занятіямъ научнымъ. Поэтому большая часть задачи въ этомъ отдѣленіи выпала на долю нашего академика, взявшаго на себя болѣе двухъ третей цѣлаго изданія. Для словинской литературы составленъ сжатый очеркъ о переводахъ изъ Пушкина и ихъ достоинствѣ однимъ изъ молодыхъ учениковъ вѣнскихъ И. В. Ягича, словинцемъ по происхожденію — Иваномъ Пріятелемъ. Итакъ, благодаря почину нашего, на рубежѣ южнаго и западнаго славянства проживающаго, академика изданіе это, когда оно выйдетъ, представитъ любопытный, пока еще рѣдкій примѣръ сборнаго участія нѣсколькихъ южныхъ славянъ въ научномъ трудѣ, посвященномъ русской литературѣ въ связи съ южно-славянскими, на русскомъ же языкѣ. Нашимъ академикомъ руководила при этомъ важная мысль, что такимъ способомъ прокладывается дорога къ взаимному ознакомленію славянъ въ области науки и литературы.

За границею въ нынѣшнемъ году акад. Ягичъ напечаталъ XXII томъ издаваемаго имъ въ Берлинѣ журнала «Archiv für slavische Philologie». Въ доказательство широкаго вниманія, посвящаемаго въ этомъ журналѣ научнымъ интересамъ русскимъ, укажемъ на оконченное въ этомъ томѣ изслѣдованіе одного русскаго ученаго (Евг. Н. Щепкина) о личности Лже-Димитрія. Полный объемъ этого изслѣдованія свыше 20 листовъ. Академикъ Ягичъ помѣстилъ въ нынѣшнемъ томѣ упомянутаго журнала продолженіе своихъ критическихъ этюдовъ о разныхъ спорныхъ вопросахъ въ области славянской филологіи. Въ этой статьѣ онъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ славистовъ, доказываетъ, что существенныя черты главныхъ славянскихъ нарѣчій происхожденіемъ своимъ заходятъ далеко за предѣлы исторической жизни славянъ; онъ утверждаетъ, что раздѣленіе славянъ на нѣсколько группъ, отличныхъ между собою, помимо прочихъ этнографическихъ особенностей, также признаками діалектическими въ произношеніи ихъ языка, совершилось гораздо раньше

ихъ переселенія на сѣверозападъ и югъ Европы; на его взглядъ, даже самое переселеніе въ опредѣленныхъ направленіяхъ было обусловлено, помимо другихъ намъ неизвѣстныхъ причинъ, совершившимся уже обособленіемъ племенъ по нарѣчіямъ. Въ слѣдующей статьѣ академикъ отстаиваетъ свою точку зрѣнія относительно происхожденія «Кіевскихъ отрывковъ» глаголическаго письма. Не соглашаясь съ мнѣніемъ Миклошича, принятымъ также нѣкоторыми русскими учеными, И. В. Ягичъ отрицаетъ возможность усматривать въ языкѣ этого замѣчательнаго памятника отраженіе живого говора какого-нибудь южно-славянскаго племени. Ему кажется гораздо правдоподобнѣе полагать, что въ немъ отразилось, на правильномъ впрочемъ церковно-славянскомъ языкѣ, вліяніе чешско-моравской среды, въ которой, повидимому, произошелъ настоящій списокъ этого памятника.

По случаю одного недавно въ Копенгагенѣ найденнаго и въ «Архивѣ» отпечатаннаго памятника XVII столѣтія, въ которомъ рисуется внутренній бытъ полабскихъ славянъ, академикъ Ягичъ принялъ участіе въ лексическомъ объясненіи этого языка, своимъ же содѣйствіемъ помогъ выяснить возникшій недавно вопросъ о томъ, существуютъ ли до сихъ поръ остатки полабскихъ славянъ, умѣющіе говорить полабскимъ нарѣчіемъ, извѣстнымъ намъ по записямъ XVII и XVIII столѣтій. Оказывается, что пущенный въ ходъ слухъ былъ вызванъ только недоразумѣніемъ при послѣдней общей переписи.

Укажемъ еще въ томъ же томѣ «Архива» на обширные критическіе разборы одного русскаго сочиненія о языкѣ новгородской лѣтописи и одной грамматики сербско-хорватскаго языка. Тотъ и другой разборъ заставилъ нашего академика высказать много важныхъ замѣчаній принципіальнаго значенія. Его же описаніе одного недавно сдѣлавшагося извѣстнымъ служебника глаголическаго письма XIV столѣтія обнаружило между прочимъ древнѣйшее свидѣтельство о любопытномъ древне-романскомъ (далматскомъ) по происхожденію словѣ **сѫтлъ** въ значеніи тоже не-славянскаго слова **кѹмъ**. Слово **сѫтл** живетъ, въ формѣ

сутла — **сутла** до сихъ поръ, по указаніямъ словарей, между хорватами и словѣнцами, должно быть по адріатическому побережью и по сѣвернымъ островамъ, и тоже произошло изъ *Santulus*, въ древне-романскомъ произношеніи *Suntla*.

Въ качествѣ члена вѣнской Академіи И. В. Ягичъ напечаталъ въ нынѣшнемъ году въ изданіи «Denkschriften» обширное изслѣдованіе, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache». Академикъ здѣсь поставилъ себѣ задачею подвергнуть критическому анализу, во-первыхъ, обстоятельства историческія, въ сопровожденіи которыхъ возникъ церковно-славянскій языкъ; во-вторыхъ, всѣ важнѣйшія до сихъ поръ высказанныя мнѣнія о родинѣ церковно-славянскаго языка и о двойномъ письмѣ. Въ теченіе цѣлаго XIX-го столѣтія всѣ выдающіеся славянскіе филологи были заняты изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ этихъ вопросовъ; нашъ академикъ счелъ нелишнимъ въ послѣднемъ году столѣтія представить его еще разъ на обсужденіе со своей точки зрѣнія, со своими толкованіями и доказательствами.

Въ первой, исторической части своего изслѣдованія И. В. Ягичъ доказываетъ несостоятельность выводовъ новѣйшей гиперкритической школы, отвергающей безъ достаточнаго основанія подлинность всѣхъ тѣхъ документовъ римскаго, папскаго, происхожденія, въ которыхъ хотя бы условно позволялось славянское богослуженіе. По примѣру славянскихъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ раньше его, но и такихъ безпристрастныхъ нѣмецкихъ историковъ, какъ Дюмлеръ и Бретгольцъ, авторъ защищаетъ высокое историческое достоинство обѣихъ славянскихъ легендъ о Кириллѣ и Меѳодіи, съ которыми во всемъ существенномъ согласна, если правильно толковать ее, также итальянская легенда или такъ называемое «Перенесеніе мощей св. Климента» (Translatio b. Clementis). Отвергая односторонній взглядъ тѣхъ, кто изъ молчанія римской куріи насчетъ литературно-литургической дѣятельности Константина въ Моравіи выводилъ такое заключеніе, что при жизни Константина вовсе не было славян-

скаго богослуженія въ Моравіи, академикъ настаиваетъ на точномъ толкованіи древнѣйшихъ легендарныхъ источниковъ, свидѣтельствующихъ громко объ историческомъ фактѣ, что первыя основанія для славянскаго богослуженія положены въ Моравіи и Панноніи еще до отъѣзда обоихъ братьевъ въ Римъ. Что же касается противорѣчивыхъ отзывовъ римскихъ папъ относительно славянскаго богослуженія, И. В. Ягичъ не видитъ возможности, но и необходимости отрицать эти противорѣчія, легко объяснимыя то новостью вопроса, то постоянно измѣнявшимися условіями культурно-религіозными и политическими. Нѣкоторая доля отвѣтственности за это колебаніе падаетъ также на подлоги, вызванные желаніемъ помѣшать успѣхамъ Меѳодіевскаго дѣла въ Моравіи. Авторъ входитъ въ подробности вопроса о распространеніи славянскаго богослуженія внѣ предѣловъ Моравіи и Панноніи съ одной стороны на западъ, въ Чехію, съ другой на югъ, къ хорватамъ, сербамъ, болгарамъ. Онъ не вполнѣ согласенъ съ новѣйшимъ истолкователемъ легенды о св. Вячеславѣ, считаетъ обученіе княжескаго младенца славянской грамотѣ дѣломъ не совсѣмъ случайнымъ. Также для болѣе точнаго опредѣленія времени, когда славянское богослуженіе распространилось по Хорватіи и Далмаціи, онъ указываетъ на вдругъ поднявшееся вліяніе Византіи при императорѣ Василіи въ этихъ странахъ. Относительно Климента академикъ соглашается кой въ чемъ съ молодымъ болгарскимъ изслѣдователемъ этого вопроса, Баласчевымъ, напр. производитъ названіе его «епископомъ величскимъ» отъ рѣки «Велика» въ Македоніи; но не придаетъ коротенькой легендѣ греческой о св. Климентѣ того значенія, на основаніи котораго Шафарикъ когда-то хотѣлъ считать Климента изобрѣтателемъ кириллицы.

Во второй, филологической, части изслѣдованія обширно излагается постепенный ростъ вопроса о происхожденіи церковно-славянскаго языка въ славянской филологіи, начиная съ Добнера, Шлёцера, Дуриха и Добровскаго. Авторъ освѣщаетъ въ подробностяхъ возникновеніе Копитаровой теоріи о панно-

низмѣ, старается психологически не оправдать, а объяснить эту теорію, вызвавшую большой разладъ между Копитаромъ и Шафарикомъ. Продолжительное занятіе пражскаго слависта этимъ вопросомъ, заключающимъ въ себѣ два различныхъ предмета,— одинъ предметъ языкъ, другой письмо — привело его наконецъ къ убѣжденію о первенствѣ глаголическаго письма, рядомъ съ которымъ онъ наконецъ уступилъ и по вопросу о происхожденіи языка, примкнувъ безъ нужды къ Копитаровой теоріи о паннонизмѣ. Авторъ доказываетъ, что это была ошибка со стороны Шафарика. И противъ различныхъ положеній Миклошича, повторявшаго впрочемъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ сущности теорію Копитаровскую, дѣлаются возраженія, приводятся всѣ слабыя стороны паннонизма, отвергается одностороннее толкованіе славянскихъ словъ въ мадьярскомъ языкѣ въ пользу паннонизма, доказывается, что легче и естественнѣе выводить родину церковно-славянскаго языка съ юга.

Пока можно разсчитывать на общее согласіе въ поворотѣ, вызванномъ въ этомъ вопросѣ соображеніями нашего академика и его учениковъ или послѣдователей. Но по второму предмету, по вопросу о письмѣ, нашъ академикъ стоитъ на почвѣ послѣднихъ результатовъ Шафарика: онъ уступаетъ моравско-паннонскую почву глаголизму, признавая эту теорію гипотезою, которую всѣ, въ теченіе послѣднихъ 40—50 лѣтъ сдѣланныя, открытія могли только все болѣе и болѣе подтверждать. Подъ конецъ своего многосодержательнаго изслѣдованія авторъ показываетъ, какъ новѣйшія попытки его и его учениковъ стремятся разгадать вопросъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка путемъ глубокаго вникновенія во всѣ особенности отдѣльныхъ древнѣйшихъ памятниковъ и въ ихъ взаимныя сношенія или зависимость другъ отъ друга. Такимъ образомъ удалось теперь уже съ большой точностью опредѣлить древнѣйшій типъ церковно-славянскаго языка, но все же остается еще много нерѣшенныхъ вопросовъ, на которые авторъ этого замѣчательнаго труда постоянно указываетъ.

И. В. Ягичъ руководитъ въ вѣнской академіи изслѣдованіями діалектологическими въ области южно-славянскихъ нарѣчій. Въ лингвистическомъ отдѣленіи коммиссіи, которая названа балканской, потому что изслѣдованія преимущественно направлены на языки различныхъ національностей балканскаго полуострова, вышло до сихъ поръ подъ редакціею И. В. Ягича шесть предварительныхъ отчетовъ, а на-дняхъ уже появился нумеръ первый окончательныхъ результатовъ. Онъ посвященъ особенностямъ произношенія, ударенію сербскаго языка Черногоріи и Боки Которской.

За истекающій годъ академикъ А. А. Шахматовъ приготовилъ седьмой выпускъ Словаря русскаго языка (отъ слова: Загра́ять, до: Закрѣплять). Подъ его редакціей печатался рядъ матеріаловъ по областнымъ говорамъ, которые выйдутъ особымъ сборникомъ: а именно между прочимъ матеріалы для изученія Нижнеколымскаго говора, собранные В. Г. Богоразомъ, словарь Кашинскаго уѣзда, составленный И. Т. Смирновымъ, особенности Донского говора, сообщенныя В. Ѳ. Соловьевымъ, замѣчанія о Мещовскомъ говорѣ В. И. Чернышева.

Кромѣ того акад. Шахматовымъ напечатаны слѣдующія статьи: «Древне-болгарская энциклопедія X вѣка» въ «Византійскомъ Временникѣ» за 1900 г., кн. I; «Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв.» въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1900 (сентябрь и ноябрь); «Симеоновская лѣтопись XVI в. и Троицкая XV в.» въ «Извѣстіяхъ» второго Отдѣленія за 1900 г., кн. II; «Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники» — въ Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. О. Миллера.

Въ настоящее время онъ готовитъ изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в.: оно будетъ помѣщено во II томѣ Изслѣдованій по русскому языку.

Древне-болгарская энциклопедія X вѣка. Разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній двухъ редакцій Еллинскаго лѣтописца, указанныхъ А. Н. Поповымъ въ его Обзорѣ хронографовъ русской редакціи, привело ак. Шахматова къ мысли, что такъ назван-

ная Поповымъ вторая редакція не можетъ быть выведена изъ первой. Обѣ онѣ восходятъ къ недошедшему до насъ памятнику, къ которому возводятся и нѣкоторыя другія хронографическія компиляціи, какъ-то: знаменитый хронографъ, содержащійся въ рукописи Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а также хронографъ библіотеки бывшей Ундольскаго, въ началѣ котораго сохранился одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ библейскихъ книгъ. Большая часть статей, находящихся въ этихъ хронографическихъ компиляціяхъ, а также въ обоихъ видахъ Еллинскаго лѣтописца, восходитъ такимъ образомъ къ обширной энциклопедіи, составленіе которой Шахматовъ относитъ ко временамъ болгарскаго царя Симеона, т. е. къ X в. Въ ней были помѣщены славянскіе переводы библейскихъ книгъ, хроники Іоанна Малалы, нѣкоторыхъ историческихъ повѣстей и сказаній, а также того собранія статей духовно-нравственнаго содержанія, которое вошло въ составъ Святославова сборника 1073 г. Впослѣдствіи въ эту же энциклопедію вошелъ переводъ хроники Георгія Амартола и его продолжателя. Замѣчательно, что въ этой энциклопедіи читались двѣ редакціи Александріи: одна изъ нихъ дошла до насъ въ первомъ видѣ Еллинскаго лѣтописца, а вторая повліяла на составленіе той редакціи Александріи, которая содержится во второмъ видѣ Еллинскаго лѣтописца и путемъ его перешла въ хронографы. Перейдя въ Россію, болгарская энциклопедія подверглась самымъ разнообразнымъ передѣлкамъ и сокращеніямъ.

Кіевскій Начальный сводъ и его источники. Сравнительное изученіе Повѣсти временныхъ лѣтъ, обыкновенно называемой Несторовою лѣтописью, и первой части Новгородской 1-й лѣтописи показываетъ, что въ основаніе Повѣсти положенъ былъ другой болѣе древній сводъ, сохранившійся до насъ въ позднѣйшей передѣлкѣ и съ позднѣйшими дополненіями въ Новгородской 1-й лѣтописи. Этотъ сводъ въ одномъ изъ предыдущихъ изслѣдованій акад. Шахматовъ назвалъ Начальнымъ кіевскимъ лѣтописнымъ сводомъ, а здѣсь онъ остановился на вопросѣ о его

источникахъ. Въ этомъ сводѣ можно обнаружить вставки изъ греческихъ хронографовъ, а именно здѣсь находятся разсказы о нападеніи русскихъ на Царьградъ съ указаніями на 854 и 920 гг. Эти ошибочныя хронологическія данныя привели автора къ заключенію, что составитель Начальнаго свода воспользовался однимъ изъ видовъ Еллинскаго лѣтописца, а именно тѣмъ, который дошелъ до насъ въ хронографѣ, бывшемъ Ундольскаго. Этотъ выводъ далъ ему основаніе возстановить, путемъ исключенія указанныхъ заимствованій, древнѣйшій видъ Начальнаго свода: оказывается, что онъ представлялъ изъ себя историческое повѣствованіе о началѣ Руси безъ хронологическихъ данныхъ. Тотъ лѣтописный сводъ, который, съ одной стороны, отразился въ Новгородской 1-й лѣтописи, а съ другой, легъ въ основаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ, долженъ быть признанъ второю, уже видоизмѣненною на основаніи греческихъ источниковъ, редакціей Начальнаго свода.

Симеоновская лѣтопись XVI в. и Троицкая начала XV в. Въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранится любопытный лѣтописный сборникъ, обнимающій событія 1177—1494 гг., названный Симеоновскою лѣтописью по имени одного изъ прежнихъ его владѣльцевъ, справщика Никифора Симеонова. Сравненіе этой лѣтописи съ выписками изъ Троицкой лѣтописи, сообщенными Карамзинымъ въ Исторіи Государства Россійскаго, доказало почти полное тожество Симеоновской лѣтописи съ Троицкой, сгорѣвшей въ московскій пожаръ 1812 г. Имѣя въ виду, что до насъ не сохранилось московскихъ сводовъ такой древности, какъ эта утраченная лѣтопись, доходившая до 1409 г., авторъ указываетъ на желательность возстановленія ея путемъ сопоставленія съ Симеоновскою лѣтописью. Особенно важно то обстоятельство, что сходство между обѣими лѣтописями доходитъ только до 1390 г. Онъ заключаетъ отсюда, что Симеоновская лѣтопись не есть списокъ съ Троицкой, но что обѣ онѣ пользовались, какъ источникомъ, древнею лѣтописью московскою, составленною въ концѣ XIV столѣтія.

Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв. Дошедшіе до насъ московскіе и новгородскіе своды XV и XVI вв. оказываются во многихъ частяхъ тожественными между собой. Сравненіе Софійскихъ, Новгородской 4-й, Воскресенской, Львовской, Никоновской и нѣкоторыхъ другихъ лѣтописей открываетъ одинъ общій для нихъ источникъ, а именно не дошедшій до насъ, но довольно легко возстановляемый лѣтописный сводъ, составленный въ 1423 году. Сводъ этотъ носитъ общерусскій характеръ, т. е. въ него входили лѣтописныя извѣстія, записанныя не только въ Москвѣ, но также и въ другихъ русскихъ городахъ: Ростовѣ, Рязани, Нижнемъ, Твери, Новгородѣ, Смоленскѣ. Составленіе такого общерусскаго свода могло быть дѣломъ только митрополита всея Руси, который одинъ въ первой четверти XV ст. могъ быть носителемъ и выразителемъ общерусскихъ стремленій. Обширная историческая энциклопедія, составленная при митрополитѣ Фотіи, явилась результатомъ переработки и дополненія болѣе древнихъ общерусскихъ лѣтописныхъ сводовъ, составлявшихся при митрополичьемъ дворѣ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что такой сводъ былъ составленъ во время митрополита Кипріана, но весьма вѣроятно, что даже въ началѣ XIV в. митрополиты отдавали распоряженія о составленіи общерусскихъ лѣтописныхъ сводовъ, для чего требовали присылки къ себѣ мѣстныхъ лѣтописей, составлявшихся въ различныхъ городахъ митрополіи. Лаврентьевская лѣтопись, доведенная до 1305 г., является, по мнѣнію ак. Шахматова, отраженіемъ одной изъ первыхъ редакцій общерусской (митрополичьей) лѣтописи. Подробное изученіе исторической энциклопедіи 1423 г. открываетъ рядъ источниковъ ея, среди которыхъ, кромѣ мѣстныхъ лѣтописей, оказываются юридическіе акты, посланія, повѣсти, житія русскихъ святыхъ и т. д. Между прочимъ выясняется, что составитель ея пользовался не дошедшими до насъ списками новгородскихъ лѣтописей, а спискомъ съ владычней лѣтописи, ведшейся при дворѣ новгородскаго архіепископа. Лѣтопись эта — одна изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ лѣтописей — началась во времена епископа Іоа-

кима. Автору представляется весьма вѣроятнымъ, что Іоакимова лѣтопись и есть та вторая редакція Начальнаго свода, о которой онъ говорилъ въ статьѣ, помѣщенной въ Юбил. сборн. въ честь В. О. Миллера: она отразилась, съ одной стороны, въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а съ другой, во владычнемъ сводѣ, а путемъ его въ Новгородской лѣтописи. Епископъ Іоакимъ вотъ составитель древнѣйшей, первоначальной части Повѣсти временныхъ лѣтъ: онъ соединилъ Кіевскій разсказъ о началѣ Руси съ составленною имъ повѣстью о крещеніи Владимира и съ новгородскими преданіями. То, что называетъ Іоакимовою лѣтописью Татищевъ, представляетъ изъ себя позднѣйшую переработку XVII вѣка нѣкоторыхъ древнѣйшихъ частей Новгородскаго владычняго свода, а именно разсказа о крещеніи Новгорода.

Въ исполненіе плановъ Отдѣленія относительно критическаго изданія древнихъ русскихъ писателей, А. А. Шахматовымъ предпринято изданіе сочиненій писателя XI-го вѣка Іакова Мниха.

Въ отчетѣ по Отдѣленію за прошлый годъ было упомянуто, что акад. А. Н. Пыпинъ, занимаясь архивными изслѣдованіями о мистическомъ движеніи въ концѣ XVIII вѣка, обратилъ вниманіе на отношеніе къ этому движенію имп. Екатерины и, приступивъ къ изученію этого вопроса, нашелъ въ бумагахъ Государственнаго Архива цѣлую массу литературныхъ произведеній императрицы, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ историкамъ литературы. Вновь найденный матеріалъ заключалъ, въ черновыхъ или окончательныхъ автографахъ, во-первыхъ, нѣсколько вполнѣ законченныхъ пьесъ и немало отрывковъ, никогда не бывшихъ въ печати; во-вторыхъ, для сочиненій напечатанныхъ массу черновыхъ автографовъ, которые доставляютъ немало любопытныхъ варіантовъ и вообще указаній о способѣ ея работы, о роли ея секретарей, которые переписывали ея труды и частію исправляли ея орѳографію и стиль. Наконецъ, сохранилось въ автографахъ большое число разнообразныхъ ея статей и замѣтокъ, и цѣлыхъ сочиненій, историческихъ, литературныхъ, и — автобіографическихъ. Важныя находки въ Государственномъ Архивѣ

и другихъ, частію мало доступныхъ хранилищахъ, а также въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ, въ Архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества, въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, — повели къ мысли предпринять цѣльное изданіе литературныхъ произведеній императрицы Екатерины II, и эта мысль была подтверждена постановленіемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности 5 февраля 1900 г. (см. также протоколы 4 марта, 1, 22 и 28 апрѣля).

Отдавъ свое время этому труду, А. Н. Пыпинъ закончилъ нынѣ первую серію изданія сочиненій имп. Екатерины II; она заключаетъ — въ четырехъ томахъ, — драматическія произведенія. Томы I—II заняты тѣми пьесами императрицы, которыя уже ранѣе были извѣстны въ печати, и здѣсь изданы въ сличеніи съ подлинными рукописями, дающими возможность видѣть первоначальную работу, поставить внѣ сомнѣнія самое авторство, опредѣлить своеобразный стиль и языкъ; пьесы сопровождены историко-литературными примѣчаніями. Въ III-мъ томѣ находится цѣлое собраніе пьесъ императрицы Екатерины, до сихъ поръ неизвѣстныхъ: изъ нихъ нѣсколько пьесъ вполнѣ закончены, но не были изданы, другія не были закончены и остались только въ отрывкахъ и наброскахъ. Томъ IV заключаетъ французскія пьесы изъ «Théâtre de l'Hermitage»: напечатанныя въ 1788 г. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ лишь для избраннаго придворнаго круга, эти пьесы не были никогда переизданы въ Россіи, и парижская перепечатка «Théâtre», 1799, составляетъ также большую библіографическую рѣдкость. Здѣсь также присоединено нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ сценическихъ отрывковъ. Дальнѣйшіе томы изданія приготовляются.

Въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія русскаго языка и словесности акад. Пыпинъ напечаталъ «Дѣла о пѣсняхъ, въ XVIII вѣкѣ», извлеченныя изъ бумагъ Государственнаго Архива.

Академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ текущемъ году написалъ разборъ сочиненія В. Н. Щепкина: «Разсужденіе о языкѣ Савви-

ной книги», представленнаго на соисканіе премій графа Д. А. Толстого, и продолжалъ редактировать два изданія: Супрасльской рукописи (изданіе С. Н. Северьянова) и литовскихъ церковныхъ проповѣдей Н. Даукши, напечатанныхъ въ 1599 году (изданіе Э. А. Вольтера).

В. И. Ламанскій занимался обработкою труда своего по этнологической и культурной исторіи западнаго славянства; разборомъ и описаніемъ январьской Минеи (сборникъ Кирилловскаго монастыря, изъ библіотеки Спб. Духовной Академіи). Хотя списокъ этого памятника поздній (XVI вѣка), но языкъ несомнѣнно древній, въ морфологическомъ и словарномъ отношеніи, важенъ и по нѣкоторымъ статьямъ своимъ; написалъ (еще не изданныя) статьи—«Памяти М. П. Погодина» и о распространеніи русскаго языка на западѣ (по поводу сочиненія графа Куденгове: «Politische Studie»).

Академикъ Ив. Н. Ждановъ напечаталъ статьи: «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ» («Вѣстникъ Всемірной Исторіи», 1900, № 5) и «Русалка Пушкина и Das Donauweibchen Генслера» (Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Спб. Университета); составилъ разборъ сочиненія проф. Созоновича: «Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію» (Отчетъ о 42-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова); редактировалъ 57-й томъ «Записокъ историко-филологическаго факультета Спб. Университета» и литературный сборникъ «Въ пользу раненыхъ буровъ», изданный студентами Спб. Университета.

Въ нынѣшнемъ году академикъ Ѳ. Е. Коршъ напечаталъ очеркъ персидскаго стихосложенія при персидской грамматикѣ Мирзы Джафара; издалъ свой переводъ стихотвореній Прешериа съ историко-литературнымъ введеніемъ (къ столѣтней годовщинѣ рожденія поэта — 3 декабря нов. ст.): «Стихотворенія Франца Прешерна, со словѣнскаго и нѣмецкаго подлинниковъ перевелъ Ѳ. Коршъ». М. 1901; помѣстилъ въ «Филологическомъ Обозрѣніи» критическія замѣтки къ Палатинской Антологіи (VII 223),

къ Овидію (Trist. I, 1, 111 sq.), къ Луцилію (Gloss. Vat. 1469), къ Горацію (C. IV 5, 5 и 37, Ars 48—53), къ Эсхилу (Eumen. 157 ed. Wecklein) и статью «De εἰ particula cum futuro coniuncta»; помѣстилъ написанную имъ по-словѣнски статью «Nekaj o tekstu Prešernovih pesni» въ «Prešernov Album ob stoletnici pesnikovega rojstva (1800—1900). izdal «Ljubljanski Zvon», uredil A. Aškerc стр. 805—810). Произведенія словѣнскаго поэта были давнимъ интересомъ акад. Корша. Внѣшнимъ поводомъ собрать свои переводы и замѣтки послужило для него то, что 21 ноября (3 декабря н. ст.) текущаго года исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія Прешерна, «лучшаго изъ словѣнскихъ и одного изъ лучшихъ славянскихъ поэтовъ вообще».

Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Такъ какъ предлагаемый переводъ его стихотвореній, въ качествѣ юбилейнаго дара въ память и честь тому, кѣмъ могутъ гордиться всѣ славяне, разсчитанъ не на ученыхъ славистовъ, а на любителей поэзіи, независимо отъ круга ихъ познаній и занятій, переводчикъ счелъ своимъ долгомъ облегчить по мѣрѣ силъ пониманіе своего труда читателямъ не только посредствомъ примѣчаній при текстѣ, но также путемъ предварительнаго сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній о поэтѣ, объ окружавшей его средѣ и объ его произведеніяхъ».

Академикъ Н. П. Кондаковъ въ истекшемъ году приготовилъ къ выпуску въ свѣтъ свое изданіе «Памятниковъ древности и искусства на Аѳонѣ» и занимался изготовленіемъ другого сочиненія своего о «Христіанскихъ памятникахъ Палестины и Сиріи»: то и другое изданіе будутъ иллюстрированы снимками изъ альбомовъ, составленныхъ во время путешествій автора по Сиріи и Аѳону въ 1891 и 1898 годахъ. Н. П. Кондаковъ совершилъ также, по порученію Его Имп. Высочества, Августѣйшаго Президента Академіи, путешествіе по Македоніи, лѣтомъ этого года, въ сопровожденіи проф. С.-Петербургскаго университета П. А. Лаврова, П. Н. Милюкова, архитектора Н. П. Покрышкина и художника Д. К. Крайнева. Цѣлью путешествія было историко-этнографическое и археологическое ознакомленіе съ главнѣйшими

пунктами страны, и однимъ изъ результатовъ поѣздки можетъ быть указанъ фотографическій альбомъ 550 снимковъ археологическаго и этнографическаго содержанія. Академикъ Кондаковъ принималъ, далѣе, участіе въ работахъ Комиссіи по реформѣ среднеучебныхъ заведеній, какъ экспертъ по вопросу о предметѣ рисованія, назначенный Августѣйшимъ Президентомъ Академіи Художествъ, и, наконецъ, въ сообществѣ графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева, объѣхалъ иконописныя села Владимірской губерніи, съ цѣлью осмотра на мѣстѣ положенія русской иконописи и опредѣленія ея назрѣвшихъ насущныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, шли рядомъ труды по частнымъ вопросамъ науки и труды обще-академическаго характера, гдѣ исполнялись задачи, поставленныя уставомъ Отдѣленія: изданіе Словаря (дошедшаго до буквы З включительно), изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ, критическое изданіе писателей (сочиненія Ломоносова, имп. Екатерины II, Пушкина), изданіе «Сборника» и «Извѣстій» Отдѣленія и пр.

Давно возникла въ средѣ Отдѣленія мысль о необходимости цѣльнаго обозрѣнія памятниковъ русской литературы, и затѣмъ ихъ изданія. Литература новѣйшая за послѣднее время находитъ не мало работниковъ, посвящающихъ себя изученію ея исторіи, біографіи и библіографіи. Но исходнымъ пунктомъ, и наиболѣе труднымъ, представляется изученіе литературы древней. Здѣсь наука все еще находится въ періодѣ поисковъ, желанныхъ открытій и случайныхъ находокъ, — нерѣдко въ высокой степени важныхъ. Понятно, что раціональное обобщеніе, прочный историческій выводъ возможенъ будетъ лишь тогда, когда будетъ приведенъ въ извѣстность весь наличный составъ древней письменности, — по крайней мѣрѣ тотъ, который находится въ общественныхъ или доступныхъ частныхъ собраніяхъ. Вторымъ или одновременнымъ дѣломъ было бы изданіе тѣхъ памятниковъ, наличность которыхъ въ рукописяхъ до извѣстной полноты опредѣлилась. Такая сложная работа, очевидно, можетъ быть совер-

шена только соединенными силами спеціалистовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ; и въ настоящую минуту Отдѣленіе получаетъ наконецъ возможность считать, что прочное основаніе этого предпріятія положено. Въ средѣ Отдѣленія готовится изданіе нѣкоторыхъ древнѣйшихъ русскихъ писателей, и къ его планамъ примыкаютъ предпріятія другихъ спеціалистовъ, которымъ Отдѣленіе готово оказать или уже оказываетъ содѣйствіе по мѣрѣ своихъ средствъ. Таково въ особенности предпріятіе профессора Спб. духовной академіи Н. К. Никольскаго: при содѣйствіи Отдѣленія онъ поставилъ себѣ цѣлью обозрѣніе всѣхъ не описанныхъ рукописей въ библіотекахъ столицъ и провинціи, останавливаясь на древнѣйшихъ памятникахъ до XIV вѣка. Отдѣленіе надѣется, что этимъ путемъ будетъ, наконецъ, достигнуто — сколько возможно полное опредѣленіе состава древней письменности, основное условіе для историческихъ заключеній о русской древности.

Подобнымъ образомъ возникаютъ другія работы того же цѣльнаго и руководящаго характера. Не входимъ въ изложеніе плановъ, предложенныхъ Отдѣленію гг. Петринымъ и Лавровымъ по библіографическому изученію древней литературы; г. Лященкомъ — по библіографическому обзору научныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій отъ эпохи послѣ-Петровской до настоящаго времени, — такъ какъ подробности этихъ плановъ еще не окончательно выработаны.

Наконецъ, выше было упомянуто, что Отдѣленіе благодаря тѣмъ, хотя все еще не большимъ, средствамъ, какими располагало въ своемъ новомъ положеніи съ нынѣшняго года, имѣло возможность оказывать содѣйствіе работамъ постороннихъ, преимущественно молодыхъ, ученыхъ по тѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ занятій Отдѣленія. Число этихъ лицъ въ истекающемъ году было уже свыше двадцати, а труды ихъ были посвящаемы разнообразнымъ вопросамъ русской литературной исторіи — отъ древнихъ памятниковъ письменности до романа XVIII-го вѣка, — изслѣдованій о русскомъ языкѣ, между прочимъ народныхъ говорахъ, — славяновѣдѣнія, этнографіи, между про-

чимъ русскихъ инородцевъ, и т. д. Въ приложеніяхъ къ настоящему отчету помѣщены поступившіе до сихъ поръ доклады этихъ лицъ о ходѣ ихъ занятій. Отдѣленіе можетъ еще разъ высказать свое нравственное удовлетвореніе отъ возможности содѣйствовать работамъ молодого ученаго поколѣнія въ надеждѣ будущаго роста нашей науки.

Такимъ образомъ первый годъ трудовъ Отдѣленія, — протекшій подъ нравственными и матеріальными воздѣйствіями памяти Пушкина, — принесъ свои благіе результаты. Матеріальныя средства Отдѣленія очень скромны, но и при нихъ Отдѣленію можно было сдѣлать нѣчто, превышающее размѣры его прежней дѣятельности. Будемъ надѣяться, что впредь возрастутъ и эти средства, — которыми Отдѣленіе можетъ поддерживать молодыхъ дѣятелей науки, — и тѣ научно-литературные труды, которые посвящаются созданіямъ русскаго слова и могутъ только служить нашему народному, — или національному, — сознанію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Дополняя матеріалы для «Повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій» (съ XI по XIV в.), въ теченіе годичнаго срока (съ ноября 1899 года) я занимался изученіемъ состава неописанныхъ рукописныхъ собраній: Москвы, Сергіева, Владиміра, Ярославля, Костромы, Казани, Вологды, Архангельска, Соловецкаго монастыря, Вильны и Кіева. При содѣйствіи Ѳ. И. Покровскаго мнѣ удалось при этомъ не только отмѣтить значительное число малоизвѣстныхъ списковъ русскихъ сочиненій, но и ознакомиться съ новыми данными для исторіи русской книжности какъ XI—XIV вв., такъ и послѣдующаго времени. Къ числу собранныхъ матеріаловъ принадлежатъ, напр.: нѣсколько поученій и посланій, возникшихъ вслѣдъ за «предисловіемъ чистаго покаянія», тексты, разъясняющіе вопросъ объ источникѣ лѣтописнаго исповѣданія вѣры св. Владиміра, поученіе Есифа «къ дѣтемъ своимъ», бесѣда нѣкоего Христолюбца со старцемъ о высшей добродѣтели, особая редакція Слова о Законѣ и благодати (въ полемическомъ толковомъ сборникѣ), «Толкъ митрополита Климента» (совпадающій отчасти съ посланіемъ пресвитеру Ѳомѣ), нѣсколько неизданныхъ поученій

и молитвъ съ именемъ Кирилла Туровскаго, поученіе митрополита Өеогноста, посланіе архимандрита печерскаго Досиөея о святогорскомъ житіи — съ обозначеніемъ лица, для котораго предназначалось это посланіе, написанное не въ XIII вѣкѣ (какъ предполагали), но въ концѣ XIV столѣтія, группа безъименныхъ поученій древняго періода и сочиненія болѣе поздняго времени, какъ то: похвала отцамъ Флорентійскаго собора, труды монаховъ: Герасима Фирсова, Агаөоника, Өеоктиста и друг. — Памятники эти подготовляются въ настоящее время къ изданію.

Н. К. Никольскій,
орд. профессоръ Спб. Духовной Академіи.

II.

Занятія мои за текущій 1900-й годъ состояли, главнымъ образомъ въ собираніи матеріаловъ для докторской диссертаціи; кромѣ того, написано мною нѣсколько статей историко-литературнаго содержанія.

Диссертація моя имѣетъ темою исторію русскаго романа XVIII вѣка и должна дать отвѣтъ на нѣсколько вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ уяснитъ многое въ исторіи того литературнаго вида, который (за XVIII в.) не нашелъ у насъ пока ни одного историка.

Программа, по которой хотѣлось бы мнѣ разрѣшить поставленные себѣ вопросы, въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Романъ, какъ литературный жанръ. 2) Отношеніе романа XVIII в. къ древне-русской повѣсти и роману XIX в. 3) Главныя теченія въ исторіи западно-европейскаго романа въ XVII — XVIII в. 4) Статистика русскаго романа за XVIII в. (число романовъ за 100 л.; число ихъ по годамъ; число оригинальныхъ и переводныхъ; популярные романы, судя по числу изданій;

процентное отношеніе романа къ другимъ произведеніямъ печатной литературы XVIII в. за весь вѣкъ и по годамъ и пр.). 5) Переводный романъ у насъ въ XVIII в. 6) Оригинальный романъ. 7) Повѣсти Карамзина, какъ звено, соединяющее XVIII в. съ XIX в. Кромѣ этихъ вопросовъ общаго характера я постараюсь отвѣтить и на нѣсколько другихъ, болѣе спеціальнаго характера.

1) Народный эпосъ и лирика въ попыткахъ создать русскій романъ. 2) Византійскій романъ въ литературной обработкѣ XVIII в. 3) Рукописный романъ XVII в. въ литературной обработкѣ XVIII вѣка. 4) Судьбы у насъ въ XVIII в. литературныхъ жанровъ, родственныхъ роману (поэма, сказка).

Началъ я свое изученіе романа съ того, что прочиталъ и перечиталъ главнѣйшія работы по этому вопросу (труды Koerting'a, Bobertag'a, Rhode, Le Breton'a, Fürst'a, Dunlop'a, Raleigh, А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пыпина и др.).

Затѣмъ я занялся приведеніемъ въ извѣстность того матеріала, надъ которымъ приходилось мнѣ работать, — для этого я составилъ два списка русскихъ романовъ за XVIII в.: хронологическій и алфавитный. Матеріалъ для этихъ списковъ извлеченъ мною изъ библіографическихъ трудовъ Сопикова, Смирдина, Плавильщикова, Губерти, Геннади, описанія библіотеки Трощинскаго, Спб. Духовной Академіи; кромѣ того, мною было пересмотрѣно до сотни каталоговъ книжныхъ магазиновъ прошлаго вѣка (росписи Глазунова, Клостермана, Миллера, Полежаева, книжн. лавокъ Акад. Наукъ и Моск. Университета и мн. др.). Затѣмъ этотъ списокъ былъ провѣренъ по карточнымъ каталогамъ библіотеки Академіи Наукъ и Публичной Библіотеки, а также путемъ просмотра значительнаго числа книгъ.

Для этой же цѣли составленія списка романовъ пересмотрѣны мною всѣ журналы XVIII в., имѣющіеся въ Публичной Библіотекѣ. Въ результатѣ оказывается, что число названій въ моемъ спискѣ достигаетъ 1500, — цифра, сама по себѣ, указывающая на размѣры и трудность начатой мною работы.

Въ настоящее время я заканчиваю библіографію романа и уже началъ статью: «Статистика русскаго романа XVIII в. (4-я глава моей диссертаціи). Въ ближайшемъ будущемъ приступлю къ разработкѣ другихъ отдѣловъ моей работы.

Кромѣ занятій, связанныхъ съ изученіемъ романа, я написалъ слѣдующія статьи: 1) Итальянскій театръ въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ. 2) А. С. Пушкинъ по его письмамъ. 3) Критическій разборъ книги г. Смирнова: «Н. М. Языковъ».

Въ самое послѣднее время, по порученію редакціи «Журнала Мин. Нар. Просв.», взялся я за составленіе критико-библіографической статьи: «Юбилейная пушкинская литература», для чего началъ уже собирать матеріалы. Кромѣ того, у меня частью уже собраны матеріалы для біографіи Сумарокова, Тредіаковскаго и Радищева для «Біогр. Словаря Имп. Истор. Общества».

В. В. Сиповскій, магистръ русской словесности.

III.

Получивъ возможность, благодаря поддержкѣ со стороны Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, вернуться къ систематическому изученію московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, я занимался въ теченіе 1900 г. изученіемъ рукописнаго матеріала, относящагося къ избранной темѣ. Задачей своей считаю—изученіе лѣтописныхъ сводовъ преимущественно XVI в.

Работая надъ систематизаціей собираемаго матеріала, я не могъ, въ то же время, не убѣдиться, при занятіяхъ въ разныхъ книгохранилищахъ, что количество рукописнаго матеріала, относящагося къ моей темѣ и еще не разсмотрѣннаго, очень велико и что, поэтому, необходимо произвести обслѣдованіе возможно большаго количества рукописей, содержащихъ лѣтописные тексты, для того, чтобы, по возможности, расширить область на-

блюденій надъ различными варьянтами лѣтописныхъ текстовъ, вошедшихъ въ составъ такихъ сводовъ, какъ лѣтописи Воскресенская или Никоновская. Не малое количество рукописей, относящихся къ XVII в. — сокращенные лѣтописцы, списки позднѣйшихъ редакцій, нѣкоторые сборники — содержатъ отдѣльныя извѣстія или цѣлыя сказанія, замѣтно отступающія отъ редакціи большихъ сводовъ XVI в. и, повидимому, восходящія къ ихъ первоисточникамъ. Въ виду этого, пришлось посвятить большую часть времени на описаніе рукописей, или вовсе не описанныхъ или описанныхъ недостаточно, чтобы затѣмъ тщательнѣе изучить тѣ изъ нихъ, гдѣ можно было разсчитывать найти цѣнныя данныя, необходимыя для задачъ изслѣдованія. Предварительное обозрѣніе, а затѣмъ анализъ отдѣльныхъ памятниковъ московскаго лѣтописанія не дали мнѣ возможности привести результаты своей работы въ сколько-нибудь законченный видъ: работа находится въ періодѣ собиранія и классификаціи матеріала.

На первыхъ порахъ (январь-апрѣль 1900 г.) я обратился къ пересмотру всего матеріала, относящагося къ лицевому своду XVI в. Необходимость такого пересмотра вызвана находкой новыхъ частей свода: Сборника Моск. Историч. Музея и лицеваго сборника Имп. Академіи Наукъ, который оказался вторымъ томомъ въ общей серіи лицевыхъ рукописей. Въ связи съ изученіемъ этой послѣдней рукописи, я нашелъ нужнымъ пересмотрѣть и остальныя части свода, которыхъ могъ лишь слегка коснуться въ своей студенческой работѣ о «Царственной книгѣ». Результаты этихъ занятій изложены въ очеркѣ: «Московская историческая энциклопедія XVI в.» (Извѣстія Отд. рус. яз. и сл., т. V, кн. 3).

Закончивъ этотъ очеркъ, я лѣтними каникулами воспользовался для занятій въ Моск. Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ и въ Моск. Синодальной Библіотекѣ.

Библіотека Архива Мин. Иностранныхъ Дѣлъ хранитъ нѣсколько лѣтописей, которыя, со временъ Карамзина, не привлекали вниманія изслѣдователей. Къ числу наиболѣе значительныхъ изъ нихъ принадлежитъ «Архивскій» лѣтописецъ, причисленный

Карамзинымъ къ «главнымъ и лучшимъ». Лѣтописецъ этотъ оказался позднѣйшей компиляціей, по всей вѣроятности, временъ Бориса Годунова, составленной, преимущественно, на основаніи Воскресенской лѣтописи, но со значительной переработкой Воскресенскаго текста на основаніи другихъ сводовъ. Небольшое количество извѣстій, не встрѣчающихся въ другихъ сводахъ, намъ извѣстныхъ, придаетъ Архивскому лѣтописцу несомнѣнную научную цѣнность; кромѣ того, онъ любопытенъ по замѣтному въ его составителѣ особому интересу къ мѣстническимъ отношеніямъ Кольчевыхъ и Шетневыхъ. Этюдъ объ этомъ лѣтописцѣ появится въ сборникѣ въ память Л. Н. Майкова. Изъ другихъ лѣтописцевъ Библіотеки Архива особое вниманіе привлекаетъ Рагозинскій. Это — сводъ, составленный на основаніи всѣхъ главныхъ памятниковъ лѣтописанія XVI в. въ соединеніи съ хронографомъ 2-й редакціи. Помимо того, что Рагозинскій лѣтописецъ — единственный, на сколько знаю, самостоятельный сводъ XVII в., онъ важенъ тѣмъ, что нѣкоторыя записи и сказанія сохранилъ въ редакціи, повидимому, болѣе первоначальной, чѣмъ, напр., лѣтописи Воскресенская и Никоновская. Очеркъ о Рагозинскомъ лѣтописцѣ приготовленъ къ печати. И помимо двухъ упомянутыхъ, въ Библіотекѣ Архива оказалось нѣсколько лѣтописцевъ, заслуживавшихъ вниманія. Изученіе рукописей Архива Мин. Ин. Дѣлъ заняло большую часть времени изъ двухъ мѣсяцевъ, которые я могъ провести въ Москвѣ. Остальное время я занимался въ Синодальной Библіотекѣ.

Здѣсь нѣкоторый интересъ представило выясненіе того рукописнаго матеріала, которымъ пользовались издатели такъ наз. «Типографскаго» лѣтописца («Лѣтописецъ, содержащій россійскую исторію отъ $\frac{6714}{1206}$ лѣта до $\frac{7042}{1534}$ лѣта»... Печатанъ въ Моск. Типографіи. 1784 г.). Указанія предисловія издателей — совсѣмъ фантастичны. Строевымъ указано, что они пользовались двумя рукописями Синод. Библ. №№ 789 и 486. Изъ нихъ, собственно «Типографскій» лѣтописецъ — это № 789. Въ основѣ изданія и

лежитъ его текстъ — съ л. 121 до конца рукописи (конч. словами: «ходили за ними до Дону» — на стр. 385 печ. изд.); но мѣстами издатели внесли, безъ оговорокъ, выдержки изъ краткаго лѣтописца рукописи № 486, то въ дополненіе, то взамѣнъ основного текста; изъ послѣдней рукописи взяли и окончаніе текста (стр. 385 — 388), причемъ окончаніе это есть конецъ того лѣтописца, изъ котораго издатели черпали свои дополненія. Что же касается до ихъ заявленія, будто подлинникъ продолжается до 7061 г. и что они это продолженіе не издали въ виду его сходства съ «Царственной книгой» — то оно ошибочно, хотя Строевъ ему повѣрилъ. Поводомъ къ недоразумѣнію послужило то обстоятельство, что въ рукописи № 486 за первымъ лѣтописцемъ слѣдуетъ другой, самостоятельный, представляющій списокъ съ части свода, сходнаго съ Львовскимъ.

Типографскій лѣтописецъ и нѣсколько другихъ лѣтописцевъ Синод. Библ., особенно тѣ, которые Карамзинъ цитируетъ подъ названіемъ частей «Книги о древностяхъ Россійскаго Государства» — даютъ цѣнный матеріалъ для изученія московскаго лѣтописанія.

Съ осени я вернулся къ занятіямъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ, сосредоточивъ свое вниманіе на изученіи Львовской лѣтописи, для которой, въ дополненіе къ весьма неисправному изданію 1792 г., нашелся списокъ конца XVI в., и родственныхъ съ нею въ нѣкоторой части — Патріаршаго списка Никоновской лѣтописи и Карамзинскаго — Воскресенской; послѣдній дошелъ до насъ не въ одномъ спискѣ и потому можетъ быть изучаемъ, какъ сводъ особаго состава.

Въ общемъ результатѣ, занятія нынѣшняго года дали мнѣ нѣкоторый запасъ сырого матеріала и частныхъ наблюденій. Поэтому и въ отчетѣ я могу указать только на общій характеръ матеріала, которымъ занимался, и въ видѣ примѣра — на нѣкоторые отдѣльные памятники, въ томъ или другомъ отношеніи заслуживающіе особаго вниманія. Болѣе систематическая обра-

ботка и болѣе общія заключенія—не могли быть выполнены въ короткій срокъ.

А. Е. Прѣсняковъ, магистрантъ.

IV.

Считая пріятнымъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать чувство истинной признательности Отдѣленію за матеріальную поддержку, позволившую мнѣ полностью отдаваться своимъ научнымъ интересамъ, имѣю честь представить отчетъ въ своихъ занятіяхъ въ первую половину сего 1900 года.

Главнѣйшій предметъ моихъ научныхъ интересовъ — такъ называемая средне-болгарская эпоха въ жизни болгарскаго языка. Въ 1899 году въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія былъ напечатанъ мною первый выпускъ посвященныхъ этому періоду «Матеріаловъ», который заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе языка, главнымъ образомъ со стороны фонетики, такъ называемаго Боянскаго Палимпсеста.

Первая половина текущаго 1900 года была посвящена мною изслѣдованію языка другого средне-болгарскаго памятника, — Григоровичевскаго отрывка четвероевангелія, принадлежащаго Московскому Румянцовскому Музею, — XIII — XIV вѣка. Небольшое изслѣдованіе это было окончено мною въ началѣ мая и тогда же послано Отдѣленію, какъ второй выпускъ «Матеріаловъ для характеристики средне-болгарскаго языка». Этотъ второй выпускъ покорнѣйше прошу Отдѣленіе разсматривать, какъ главное содержаніе настоящаго Отчета.

Стремясь помощью статистическаго изученія фактовъ правописанія памятника подготовить возможно болѣе твердую почву для выводовъ, я обращалъ особое вниманіе на вопросъ о судьбѣ «полугласныхъ» и вопросъ о мѣнѣ ѫ и ѧ въ разсматриваемомъ памятникѣ, какъ на вопросы, наиболѣе интересные во всей средне-

болгарской фонологіи и, быть можетъ, наиболѣе нуждающіеся въ разъясненіи нѣкоторыхъ деталей.

Если условія мѣны носовыхъ, а также выпаденія и вокализаціи «полугласныхъ» въ общемъ уже выяснены, то точное установленіе всѣхъ по возможности діалектическихъ варіацій — задача будущаго.

Спеціальное изслѣдованіе о языкѣ Саввиной книги Евангельскихъ чтеній XI вѣка, принадлежащее одному изъ лучшихъ знатоковъ у насъ болгарскаго языка, В. Н. Щепкину, установило то положеніе, что помимо общихъ условій открытаго и закрытаго слога, въ судьбѣ «полугласныхъ» имѣло значеніе и присутствіе въ сочетаніи съ «полугласнымъ» тѣхъ или другихъ согласныхъ. Разъясненіе этого пункта по отношенію къ среднеболгарскимъ памятникамъ—было бы одной изъ задачъ моихъ «Матеріаловъ». Несходство въ данномъ случаѣ показаній различныхъ средне-болгарскихъ памятниковъ даетъ мнѣ надежду, что въ судьбѣ «полугласныхъ» (въ открытомъ слогѣ), въ сочетаніи ихъ съ различными согласными, можно будетъ найти одинъ изъ признаковъ для группировки средне-болгарскихъ памятниковъ по діалектамъ.

Въ виду такихъ соображеній, при характеристикѣ языка Григоровичевскаго отрывка четвероев. XIII — XIV вѣка я подробно отмѣчалъ судьбу «полугласныхъ» въ различныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ. По окончаніи этой характеристики я перешелъ къ изученію третьяго памятника среднеболгарской письменности, которымъ я пока располагаю, — Охридскаго апостола XII вѣка Московскаго Румянцовскаго Музея. Результаты этого изученія, относясь на половину къ первому полугодію моихъ научныхъ занятій, въ которыхъ я имѣю честь отдавать отчетъ Отдѣленію, не могутъ однако войти въ настоящій, первый, Отчетъ въ виду того, что изученіе это не закончено. Быть можетъ, въ сравнительно непродолжительномъ времени я буду въ состояніи представить Отдѣленію статью объ языкѣ Охридскаго апостола, какъ третій выпускъ «Матеріаловъ».

Предполагаю, послѣ этихъ предварительныхъ занятій нѣкоторыми изъ средне-болгарскихъ памятниковъ, приступить къ подведенію итоговъ, которое составитъ предметъ заключительнаго выпуска «Матеріаловъ».

Характеризуя въ томъ или другомъ пунктѣ правописаніе отдѣльныхъ памятниковъ, я не рѣшался высказать то или другое пониманіе фактовъ. Мнѣ казалось, что это пониманіе будетъ болѣе правильнымъ, если будетъ установлено при сопоставленіи фактовъ одного памятника съ фактами другихъ, которые позже будутъ мною изучены. Такое сопоставленіе и освѣщеніе фактовъ, установленныхъ въ первое полугодіе моихъ занятій, будетъ задачей моей во второе полугодіе 1900 года.

С. М. Кульбакинъ, приватъ-доцентъ Имп. Новороссійскаго Университета.

V.

Благодаря вниманію II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, назначившаго мнѣ стипендію, въ отчетномъ 1900 году мнѣ удалось, отказавшись отъ другихъ занятій, сосредоточить свои силы на разработкѣ тѣхъ вопросовъ старинной, малорусской, главнымъ образомъ, литературы, которые намѣчены были въ поданной мною въ январѣ сего года программѣ занятій. Итоги моихъ работъ за отчетный годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1. Напечатанъ І-й томъ «Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ», заключающій рядъ статей по исторіи русской поэзіи въ XVI—XVIII в. Главные выводы изъ частныхъ изслѣдованій, собранныхъ здѣсь, суть слѣдующіе. Новая русская искусственная поэзія, народившаяся въ XVI вѣкѣ въ югозападной Россіи, не имѣетъ ничего общаго со старыми теоретическими указаніями, встрѣчающимися кое-гдѣ — въ Избор-

никѣ Святослава, въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека: она является продуктомъ западнаго, польскаго вліянія, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія. Хотя теоретическія правила стихосложенія въ духѣ греческой и латинской грамматики появляются въ славяно-русской литературѣ уже съ конца XVI в., но эти правила, вслѣдствіе ихъ неудобопримѣнимости, не входятъ въ жизнь, и русскіе авторы, уже въ старѣйшихъ изъ извѣстныхъ стихотворныхъ памятниковъ — пользуются тѣми указаніями, какія даютъ имъ латино-польскіе учебники и богатая польская поэтическая литература. Эти учебники давали малоруссамъ не только одни правила стихосложенія, но также знакомили читателей съ цѣлями творчества, давали болѣе широкій взглядъ на задачи и сущность поэзіи. По своей внѣшности всѣ памятники стихотворной литературы съ конца XVI до полов. XVII в. могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: къ первой слѣдуетъ отнести стихотворенія съ неравносложными стихами, близко подходящія къ характеру малорусскихъ думъ; ко второй — правильныя, съ разнообразными размѣрами и риѳмами, являющіяся прототипами позднѣйшихъ малорусскихъ лирическихъ пѣсенъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что старшіе памятники виршевой литературы отличаются замѣтной тенденціей — возвеличить и возвысить народныхъ южнорусскихъ героевъ и защитниковъ православія, что̀ вытекало изъ условій жизни югозападной Руси въ XVI — XVII в. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ концу XVII вѣка, тѣмъ болѣе вырабатывается внѣшность малорусской искусственной поэзіи, отчасти утрачивающей неуклюжесть, свойственную вообще силлабической поэзіи. Но одновременно съ этимъ падаетъ ея историческое значеніе: она отдаляется отъ народной жизни и становится игрушкой въ рукахъ учителей піитики и другихъ оффиціальныхъ стихотворцевъ. Въ началѣ XVIII в. школьная поэзія, однако, утрачиваетъ постепенно свою славянскую оболочку и болѣе приближается къ народной малорусской рѣчи, а также, черпая матеріалъ изъ жизни, оживляется и становится національной. Одновременно, въ теченіе XVIII в., происходитъ

другой процессъ переработки памятниковъ религіозной поэзіи XVII в. въ рукахъ монаховъ-базиліанъ: старыя вирши передѣлываются заново, вычищается языкъ отъ народныхъ оборотовъ и создается особая разновидность церк.-славянскаго языка съ отпечаткомъ слѣдовъ малор. рѣчи въ фонетикѣ и словарѣ. Старыя вирши при передѣлкѣ распространяются внесеніемъ спеціально католическихъ подробностей, дѣлаются растянутыми, болѣе искусственными, но за то съ формальной стороны — болѣе стройными, съ строго выдержаннымъ размѣромъ и риѳмой. Эти переработки въ печатныхъ Богогласникахъ вытѣсняютъ изъ народнаго употребленія рукописные сборники; послѣдніе сохраняются въ XIX в. въ сравнительно ничтожномъ количествѣ среди духовенства и, главнымъ образомъ, — старообрядцевъ. Въ переработкѣ послѣднихъ псальмы пріобрѣтаютъ покаянный и эсхатологическій характеръ.

Одновременно съ развитіемъ малор. школы и литературы въ XVII в. обнаруживается вліяніе малорусской и польской поэзіи въ Москвѣ. Стихотворные переводы съ польскаго и списки съ малорусскаго распространяются въ значительномъ количествѣ. Это—религіозныя пѣсни, псальмы, по своему содержанію близко подходившія къ міросозерцанію до-петровскаго грамотника. Съ внѣшней стороны переводы съ польскаго отличаются близостью къ оригиналамъ, при чемъ размѣръ, даже очень стѣснительный, какъ напр. пяти-сложный съ риѳмой aabccb — сохраняется. Наряду съ такими переводами часто встрѣчаются буквальныя копіи, кирилловскими буквами, польскихъ псальмъ. И тѣ и другіе сохранились въ рукописяхъ малорусскаго и великорусскаго происхожденія; при этомъ послѣднія являются гораздо консервативнѣе первыхъ и даютъ лучшіе тексты, несмотря на искаженія отдѣльныхъ непонятыхъ словъ. Хранителями и распространителями виршъ и псальмъ въ XVIII в. были, главнымъ образомъ, представители духовенства, вышедшіе изъ учрежденныхъ архіереями-малоруссами школъ; за ними слѣдуютъ мелкіе чиновники, военные, купцы, крестьяне, монастырскіе служки и

пр. Одновременно, съ начала XVIII в., возникаетъ и легкая свѣтская поэзія, удовлетворявшая запросы общества, ставшаго причастнымъ европейскому просвѣщенію и свѣтскимъ обычаямъ. За бѣдностью оригинальной великорусской поэзіи у великоруссовъ входятъ въ моду малорусскія любовныя и свѣтскія пѣсни, распространявшіяся посредствомъ бандуристовъ, пѣвчихъ. Репертуаръ бандуристовъ, насколько можно судить по даннымъ сборниковъ 1717 — 1729 гг. и показаніямъ иностранцевъ — не отличался высокими достоинствами, вполнѣ соотвѣтствуя грубымъ вкусамъ эпохи. Въ немъ преобладаютъ два несродные элемента: религіозно - поучительный и юмористически - порнографическій. Великорусскіе рукоп. сборники пѣсенъ заключаютъ въ себѣ много и малорусскихъ пѣсенъ, которыя переходятъ изъ нихъ и въ печатные, а затѣмъ — въ народную среду. Уже въ XVIII в. возникаютъ подражанія малорусскимъ пѣснямъ и обработки ихъ на великорусскій ладъ. Главная особенность этихъ заимствованій — сжатость, сокращеніе несущественнаго и осмысленіе непонятыхъ малор. словъ и выраженій. Самые рукописные сборники XVIII в. могутъ быть раздѣлены на нѣсколько главнѣйшихъ типовъ: 1) сборники псальмъ — прототипы Богогласника; 2) сборники псальмъ со внесеніемъ свѣтскихъ пѣсенъ; 3) сборники псальмъ и кантовъ, а) безъ рѣзкаго раздѣленія и б) съ раздѣленіемъ и расположеніемъ по алфавиту; 4) сборники искусственныхъ пѣсенъ и романсовъ; 5) сборники народныхъ пѣсенъ и романсовъ и 6) сборники старообрядческихъ «душеполезныхъ стиховъ».

2. Кромѣ этой главной работы мною закончены и предприняты вновь нѣкоторыя другія, а именно:

Напечатанъ первый выпускъ второго тома «Изслѣдованій и матеріаловъ», заключающій анализъ слуховъ и преданій о патр. Никонѣ, сложившихся и разработанныхъ въ раскольничьей средѣ извѣстными и неизвѣстными писателями. Главнѣйшіе выводы изслѣдованія слѣдующіе. Появленіе раскола было подготовлено не только экономическими, церковно-историческими, политическими факторами, но также и литературными, подготовившими то

напряженное ожиданіе антихристова царства, которое характеризуетъ настроеніе начала второй половины XVII в. Признаки антихриста и его царства, очень полно указанные въ эсхатологической литературѣ, близко совпали съ нѣкоторыми чертами жизни и характера патр. Никона. Въ отпоръ его реформаторской дѣятельности вожди приверженцевъ старины, опираясь на вышеуказанное сходство, создаютъ рядъ слуховъ, распространяя ихъ устно и письменно, и такимъ образомъ создается рядъ отдѣльныхъ эпизодическихъ «сказаній о Никонѣ патріархѣ». Впослѣдствіи, въ XVIII в., когда мнѣніе о Никонѣ, какъ объ антихристѣ, подвергается сомнѣнію, появляется его «украшенное» житіе — «повѣсть о рожденіи и воспитаніи и кончинѣ Никона бывшаго патр. московскаго», трудами неизвѣстнаго автора, тщательно собравшаго все, что̀ существовало въ разсказахъ и въ рукописяхъ о Никонѣ, не исключая и его «Житія», написаннаго Шушеринымъ.

3. Занимаясь исторіей малорусской искусственной поэзіи, я попутно напечаталъ нѣсколько произведеній неизвѣстнаго проповѣдника, преподавателя Кіево-Могилянской коллегіи, по рукоп. 1693 г. собр. кн. Вяземскаго. Здѣсь сообщены панегирики: «Laus Ducis Rossiaci Chmielnicii in Funere» (на лат. яз.), «Praxis in Funere Chmielnicii» (на польск. яз.), «Emblemata de Obitu Piae Memoriae Ill. Lazari Baranowicz, archiep. Czernih.» (на польск. и слав. яз.) и «Praxis in Funere Herois dicti nomine Podcowa» (на польск. яз.). Эти рѣчи и стихотворенія интересны и важны потому, что они являются нагляднымъ показателемъ того, какъ педагоги Кіево-Могил. коллегіи, пользуясь случаемъ и по свѣжимъ слѣдамъ событій (Лазарь Б., † 1693 г.), будили въ своихъ питомцахъ любовь къ роднымъ героямъ. Въ чрезмѣрномъ восхваленіи ихъ сказалась не одна подражательность, желаніе не отстать въ искусствѣ отъ польскихъ ораторовъ, но и упорное стремленіе показать, что и угнетаемая Украйна производитъ героевъ, достойныхъ искуснаго восхваленія.

4. Одновременно съ этой работой мною извлечены изъ руко-

писей нѣкоторыя данныя для характеристики постепеннаго обѣдненія рядового малорусскаго казачества и сосредоточенія грунтовъ, усадебъ и доходныхъ статей въ рукахъ войскового старшины.

5. Во время занятій въ различныхъ рукописныхъ собраніяхъ, петербургскихъ и иногороднихъ, мною извлечены изъ рукописей XV—XIX в. разнообразные матеріалы по этнографіи. Въ виду того, что мнѣ были извѣстны лучшіе списки, чѣмъ изданные раньше, а отчасти потому, что мои матеріалы представляютъ интересъ новизны, я рѣшился приступить къ печатанію ихъ, снабдивъ замѣтками. Составъ этой работы слѣдующій: 1) Сказанія о провалившихся городахъ; тексты XV и XVI вв.; сказка, запис. мною въ Новг. губ. 1893 г. 2) Матеріалы къ русской демонологіи, возслѣдованіе отъ обуреванія духовъ нечистыхъ, въ требникѣ Петра Могилы 1641 г. и апокрифическая молитва св. Василія. 3) «Возслѣдованіе сопротивъ чародѣяніямъ» изъ того же требника; суевѣрные совѣты и средства отъ наговоровъ и колдовства по рукоп. XVI—XVII в., отъ «сердца», отписки «от трясцѣ». 4) Суевѣрные рецепты нач. XVIII в. по рук. собр. Ундольскаго; «пытаніе у лѣсового». 5) Обличеніе суевѣрныхъ обычаевъ при бракахъ, по старообрядческой рукописи собранія митр. Макарія Булгакова. 6) Духовный стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ по рукописи XVIII в. 7) О 12 пятницахъ по рук. кн. Вяземскаго и моей.

6. Кромѣ того, мною напечатаны: рецензія на книгу проф. А. И. Соболевскаго: «Западное вліяніе на литературу Московской Руси», и —

7. Критико-библіографическій обзоръ трудовъ и изданій Импер. Общества Любителей Древней Письменности за 1898—99 годъ.

Въ настоящее время продолжаю заниматься разысканіями въ области старинной поэзіи и приготовляю къ печати первый выпускъ «Неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятниковъ драматической литературы XVIII в.», издающійся Имп. Обществомъ Люб. Древн. Письменности.

Списокъ упомянутыхъ работъ.

1. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I, изъ исторіи русской пѣсни. Часть 1. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII вв. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Спб. 1900. 8°. 425 стр.

Часть 2. Приложенія. Описанія сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Неизвѣстныя вирши Ѳ. Прокоповича. Малорусскія пѣсни, изъ рукописей XVIII в. Указатели. Спб. 1900 г. 8°. 209 стр.

2. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. II, вып. 1. Слухи и толки о патр. Никонѣ въ обработкѣ писателей XVII и XVIII в. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ 1900 г. (т. V, кн. 1) и отдѣльно, 68 стр.

3. Къ исторіи Кіево-Могилянской коллегіи. Чтенія Общ. Нестора лѣтописца 1900, кн. 1 (т. XIV, вып. 1) и отдѣльно, 19 стр.

4. А. И. Соболевскій. Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вв. Спб. 1899. Рецензія. Извѣстія II отд. Имп. Акад. Наукъ, 1899, кн. 4, стр. 1485—1491, и оттискъ, стр. 7.

5. Императорское Общество Люб. Древней Письменности. Труды и изданія за 1898—1899 г. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1900, № 4, отд. 4; и отдѣльно, стр. 39—75.

6. Замѣтки и матеріалы по этнографіи. Извлеченія изъ рукописей XV—XIX вв., гл. I—VII. Печатается въ «Живой Старинѣ».

7. Нѣсколько данныхъ къ исторіи экономическихъ отношеній въ Малороссіи XVIII в. Печатается въ «Кіевской Старинѣ».

Приготовляются къ печати дальнѣйшія главы «Изслѣдованій и матеріаловъ» по вопросу о переводахъ протестантскихъ духовныхъ псальмъ и объ одахъ первыхъ десятилѣтій XVIII в.

В. Н. Перетцъ, магистръ, приватъ-доцентъ
Имп. Спб. Университета.

VI.

На Ваше предложеніе доставить свѣдѣнія о моей научной дѣятельности за истекающій годъ имѣю честь сообщить, что мною въ 1900 году напечатано слѣдующее:

— Хорваты. Историко-культурные очерки. (II+158).

— Критическій разборъ новыхъ трудовъ по исторіи сербо-хорватской литературы: а) D. Šurmin, Povjest književnosti hrvatske i srpske (Извѣстія отд. рус. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. V кн. 1); б) А. Степовичъ, Очерки исторіи сербо-хорватской литературы (тамъ же, т. V кн. 3).

— Рецензіи на соч. Ст. Новаковича, Српска књига њени продавци и читаоци у XIX веку («Славянскій вѣкъ» № 4), I. Рогановича, Македонскій вопросъ («Историческій Вѣстникъ», № 11), Ор. Шкапскаго, Аму-Дарьинскіе очерки («Живая Старина», кн. 3) и др.

— Рядъ статей по славянской исторіи, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» изд. Брокгауза и Ефрона (болѣе значительныя по объему: Сельская поземельная община у славянъ, Семья и родъ у славянъ); по славянской литературѣ, въ «Большой Энциклопедіи», изд. Мейера (болѣе значит.: Богомилы, Болгарская литература, Гундуличъ, Дубровникъ и др.).

— Въ Русскомъ Библіологическомъ Обществѣ читалъ два реферата: 29 января — о Д. В. Григоровичѣ, 28 марта — о Программахъ по славяновѣдѣнію. Основныя положенія докладовъ напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», № 3, и «Новомъ Времени», отъ 30 марта с. г.

Главнымъ предметомъ занятій во вторую половину отчетнаго года былъ давно задуманный мною трудъ по исторіи далматино-дубровницкой литературы. По плану работы, нужно было составить по возможности полный списокъ писателей далматинскихъ съ половины XV вѣка до половины XVII-го; составить такой же списокъ произведеній этой литературы не на хорват-

скомъ только языкѣ, но и латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, бывшихъ тогда въ модѣ; мнѣ казалось крайне важнымъ произвести тщательный анализъ идейнаго содержанія этой литературы, наконецъ, дать своего рода историческій комментарій къ этой литературѣ, съ цѣлью выясненія происхожденія и развитія извѣстныхъ идей и настроеній въ Далмаціи XV — XVII в.

Лѣтомъ этого года я ѣздилъ для спеціальныхъ занятій въ архивахъ и библіотекахъ Дубровника и Загреба, но, къ сожалѣнію, не всюду получилъ доступъ, за неимѣніемъ оффиціальнаго разрѣшенія изъ Вѣны. Мнѣ все-таки удалось познакомиться съ составомъ нѣкоторыхъ старыхъ библіотекъ, напримѣръ, о. доминиканцевъ въ Дубровникѣ; сопоставляя каталоги этихъ библіотекъ (ср. еще описи K. Vojnovića въ Starine XXVII, XXVIII) съ данными и о частныхъ библіотекахъ старыхъ дубровницкихъ нобилей (напримѣръ, въ очень важномъ завѣщаніи Марулича, ср. Starine XXV), можно, до нѣкоторой степени, составить представленіе о томъ, что̀ читали въ извѣстную эпоху; этотъ списокъ можетъ быть пополненъ изъ многочисленныхъ мелкихъ работъ хорватскихъ ученыхъ по вопросу о заимствованіяхъ въ далматино-дубровницкой литературѣ. Въ Университетской и Академической библіотекахъ Загреба я старался пересмотрѣть печатныя работы, касающіяся хорватской литературы, которыхъ нельзя достать въ Петербургѣ, напримѣръ, многочисленныя Программы и Извѣстія разныхъ гимназій Хорватіи и Далмаціи.

Въ настоящее время мною обслѣдованъ, со стороны содержанія, двадцать одинъ томъ «Stari pisci hrvatski» и подведенъ итогъ научному изученію далматино-дубровницкаго періода сербохорватской литературы; незаконченнымъ остается списокъ произведеній ненапечатанныхъ; невыяснены еще нѣкоторые вопросы историческаго и общественнаго развитія Далмаціи XV—XVII в. Для окончанія работы, вѣроятно, потребуется еще одна поѣздка въ Далмацію и интенсивная работа надъ источниками южнославянской исторіи.

А. Л. Липовскій, магистрантъ.

VII.

Въ текущемъ 1900 году я приготовлялъ къ печати мои сообщенія Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ: 1) Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда; 2) Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровскаго, Богородскаго, и Егорьевскаго уѣздовъ; 3) Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска; 4) Матеріалы для изученія говоровъ Мещовскаго уѣзда: сказки, пѣсни, разсказы, записанные сыномъ крестьянина дер. Калужкина Андреемъ Косогоровымъ. Первое, второе и третье изъ этихъ сообщеній окончены печатаніемъ, четвертое печатается. Закончена печатаніемъ Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. По порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ я приготовлялъ эту Программу, занимаясь по указаніямъ академика А. А. Шахматова и подъ его руководствомъ и редакціею. При этой работѣ я держался слѣдующихъ главныхъ основаній: 1) Программа должна заключать въ себѣ все то, что̀ было въ двухъ прежнихъ отдѣльныхъ программахъ для изученія особенностей южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ говоровъ; 2) въ ней нужно настоятельно указать еще разъ на тѣ условія, которыя необходимо должны соблюдать лица, отвѣчающія на Программу, чтобы ихъ отвѣты имѣли значеніе и цѣнность для науки, именно: точность записей, опредѣленность отвѣтовъ, указаніе мѣстъ наблюденія, объясненіе значенія мѣстныхъ словъ и т. п.; 3) въ программѣ можно увеличить число вопросовъ и примѣровъ. Для такихъ вопросовъ и примѣровъ извлекались матеріалы изъ «Опыта русской діалектологіи» проф. А. И. Соболевскаго, изъ «Извѣстій» Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и изъ журнала «Живая Старина»; много цѣннаго матеріала дало письмо Н. Н. Дурново къ академику А. А. Шахматову, въ которомъ сообщаются дополненія къ

Программѣ для собиранія особенностей южно-великорусскаго нарѣчія на основаніи личныхъ наблюденій г. Дурново; нѣкоторые примѣры и вопросы взяты изъ моихъ наблюденій надъ великорусскими говорами.

На лѣто текущаго года я получилъ отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ открытый листъ и денежныя средства для путешествія съ цѣлью изученія великорусскихъ говоровъ, а отъ академика А. А. Шахматова указанія на мѣста и цѣли наблюденія. По состоянію здоровья я могъ посвятить изученію говоровъ только послѣднюю часть лѣтняго времени, при чемъ я дѣлалъ наблюденія преимущественно подъ Москвою или невдалекѣ отъ Москвы — на сѣверъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ, стараясь собрать матеріалы для опредѣленія границы акающихъ и окающихъ говоровъ и описанія самыхъ пограничныхъ говоровъ. Общія заключенія, которыя я могъ извлечь изъ своихъ наблюденій, представляются мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: 1) Граница аканья и оканья передвигается къ сѣверу; при этомъ аканье дѣлаетъ вблизи Москвы сравнительно быстрые успѣхи, и оканье считается крестьянами грубымъ, смѣшнымъ, мужицкимъ. 2) Еще и въ настоящее время оканье очень близко къ Москвѣ; въ селеніяхъ, которыя на первый взглядъ кажутся акающими, можно найти окающихъ стариковъ (говорятъ: робо́та, сёло́); таковы Абра́мцево Пехо́рской волости въ 7 верстахъ отъ Москвы, Голья́ново той же волости въ 5 верстахъ отъ Москвы, Большіе Мыти́щи Мыти́щенской волости въ 15 верстахъ отъ Москвы, Анту́фьево Тро́ицкой вол. въ 12 верстахъ отъ Москвы и др. 3) Сосѣдомъ московскаго акающаго нарѣчія оказывается во многихъ говорахъ то нарѣчіе, которое Даль назвалъ владимирскимъ, или восточнымъ и которое онъ опредѣлилъ чрезвычайно точно и очень полно. 4) Въ Московскомъ уѣздѣ, можетъ быть, есть говоры неокающіе и неакающіе (с. Обо́лдино Пехо́рской волости въ 15 верстахъ отъ Москвы). 5) Вблизи Москвы есть говоры съ такими особенностями, которыя не принадлежатъ къ обыкновеннымъ московскимъ,—напри-

мѣръ, говоры съ произношеніями зв*и*рь, дв*и*рь, *и*гаро́т (Лукино́ Московскаго уѣзда, Голья́ново Московскаго уѣзда Пехо́рской вол. въ 5 верстахъ отъ Москвы и др.). 6) Въ области старыхъ Московскаго, Тверского и Владимирскаго княжествъ разбросаны въ незначительномъ числѣ говоры съ тѣми особенностями, которыя наблюдаются въ бѣлорусскихъ говорахъ или указываются нѣкоторыми старыми русскими памятниками (дзеканіе или произношеніе зубныхъ съ свистящимъ оттѣнкомъ, мягкіе средніе звуки между *з* и *ж*, *с* и *ш*). Таковы, напримѣръ, говоры селъ Михайловскаго и Васильевскаго въ Тверскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 12—14 отъ Твери, Давыдкова[1]) Клинскаго уѣзда на Петербургскомъ шоссе. 7) Не только около станцій желѣзныхъ дорогъ, губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, но даже около такого огромнаго и оказывающаго очень сильное вліяніе на крестьянскіе говоры центра, какъ Москва, народное нарѣчіе сохраняетъ еще много старины и не должно отвращать отъ себя наблюдателей предположеніями, что они найдутъ въ такихъ мѣстностяхъ слишкомъ скудные матеріалы для изученія. На разстояніи какого-нибудь десятка верстъ отъ Москвы можно услышать еще такіе архаизмы, какъ: ходить межъ дворъ, дружъя́ и т. п.

В. И. Чернышевъ.

VIII.

Ив. Кубасовъ напечаталъ слѣдующія свои работы:

1) Вновь найденный черновой набросокъ стихотворенія Пушкина «Альфонсъ» («Русск. Старина», № 2).

2) «А. П. Бенитцкій», историко-литературный очеркъ («Журналъ Минист. Народн. Просв.», № 3).

---

1) Укажу №№ названныхъ мною селеній въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ: Абрамцево — 106, Гольяново—105, Большіе Мытищи — 312, Антуфьево — 354, Оболдино — 107, Лукино — 98, Давыдково — 3161.

3) «Черновой набросокъ письма Пушкина къ виконту д'Аршіаку отъ 27 янв. 1837 г.» («Русск. Старина», № 3).

4) «И. Н. Скобелевъ», очеркъ жизни, общественной и литературной дѣятельности (тамъ же, № 2 и 3).

5) «Изъ афоризмовъ гр. М. М. Сперанскаго» (тамъ же, № 4).

ѣ5) «А. Е. Измайловъ», его жизнь, общественная и литературная дѣятельность (тамъ же, № 6, 7, 8, 9, 10; еще не окончено).

6) «На могилу Л. Н. Майкова» (тамъ же № 10).

7) Кромѣ того подъ его редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями изданъ «Архивъ Брюллова», какъ приложеніе къ «Русской Старинѣ», № 5, 6, 7, 8, 9, 10, — и отдѣльно.

Приготовилъ къ печати:

1) 1-й выпускъ изслѣдованія: «Къ исторіи литературныхъ обществъ въ Россіи: С.-Петербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ».

2) «Изъ бумагъ Н. В. Кукольника». Письма и др. матеріалы.

3) «П. Л. Яковлевъ», очеркъ его литературной дѣятельности. (Съ приложеніемъ неизданныхъ его рукописныхъ журналовъ).

4) «Письма А. Е. Измайлова» — и др.

Кромѣ того принимаетъ участіе въ изданіи «Русскаго біографическаго Словаря», готовитъ къ печати рядъ работъ главнымъ образомъ по историко-литературнымъ вопросамъ. Особенно занятъ изученіемъ жизни и произведеній И. М. Муравьева-Апостола и приготовленіемъ къ изданію его сочиненій.

И. А. Кубасовъ.

IX.

Лѣтомъ этого 1900-го года я совершилъ, при субсидіи отъ Императорской Академіи Наукъ, поѣздку по Архангельской губерніи. Главной цѣлью моей поѣздки было собираніе былинъ; кромѣ того, я, по предложенію акад. А. А. Шахматова, хотѣлъ навести справки о томъ, какіе на мѣстѣ существуютъ матеріалы для исторіи двухъ древнихъ монастырей Николаевскаго-Чухченемскаго и Михайловскаго. Въ этой статьѣ я намѣренъ сообщить краткій отчетъ объ этой поѣздкѣ.

Всего въ поѣздкѣ я провелъ болѣе двухъ мѣсяцевъ: изъ Москвы я выѣхалъ 4-го іюня, а вернулся въ нее 7-го августа. Отправляясь на Сѣверъ, я хотѣлъ проѣхать по теченію рѣкъ Пинеги и Мезени, но, въ зависимости отъ встрѣчавшагося матеріала, я могъ объѣхать только рѣку Пинегу, да и то не до самыхъ верховьевъ. Маршрутъ моей поѣздки былъ таковъ: изъ Москвы я проѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Архангельскъ, а оттуда на лошадяхъ въ г. Холмогоры, затѣмъ на устье р. Пинеги, а потомъ вверхъ по ней до селенія Веркольскаго съ Веркольскимъ мужскимъ монастыремъ, съ заѣздомъ въ г. Пинегу; обратный путь я совершилъ по прежней дорогѣ, при чемъ отъ Верколы до Усть-Пинеги ѣхалъ на лошадяхъ, а отъ Усть-Пинеги до Архангельска на пароходѣ. Всего я проѣхалъ по желѣзной дорогѣ 2098 верстъ, на пароходѣ 90 верстъ и на лошадяхъ 658 верстъ; всего, не считая путешествія между близкими деревнями пѣшкомъ, я сдѣлалъ по желѣзной дорогѣ, на лошадяхъ и пароходѣ 2846 верстъ.

Наводя справки о монастыряхъ, я посѣтилъ Архангельскую консисторію, архангельскихъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ церковной старины (г. инспектора духовной семинаріи г. Сибирцева, инспектора женскаго епархіальнаго училища о. Кириллова и другихъ, архангельскаго и холмогорскаго епископа преосвященнаго Іоанникія, осмотрѣлъ архивы соборный, духовнаго

прежняго правленія и прежній епархіальный—въ Холмогорахъ [1]) и церковный въ с. Николаево-Чухченемскомъ (въ 8-ми верстахъ къ сѣв.-сѣв.-востоку отъ Холмогоръ) и библіотеки Красногорскаго и Веркольскаго мужскихъ монастырей. Результатомъ этихъ посѣщеній и осмотровъ было то, что 1) я получилъ въ Архангельскѣ отъ гг. Сибирцева и Кириллова четыре брошюры (оттиски изъ Архангельскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за девяностые года), касающіяся исторіи Михайловскаго Архангельскаго монастыря въ г. Архангельскѣ, а также «Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской епархіи» и «Атласъ Архангельской епархіи», изданный «по распоряженію Архангельскаго епархіальнаго начальства» въ 1900 году; 2) я нашелъ въ церковномъ архивѣ Николаево-Чухченемскаго прихода документы, касающіеся исторіи упраздненнаго Николаево-Чухченемскаго монастыря, и списалъ ихъ (ихъ всего 10). Оцѣнка степени важности добытаго матеріала потребуетъ болѣе или менѣе продолжительныхъ занятій надъ нимъ, и я, занятый приведеніемъ въ порядокъ другого привезеннаго изъ поѣздки матеріала, не сдѣлалъ ея еще. Затѣмъ я нашелъ около десятка нотныхъ крюковыхъ рукописей въ архивѣ Холмогорскаго собора и 14 въ Красногорскомъ мужскомъ монастырѣ. Такъ какъ онѣ на мѣстѣ своего теперешняго пребыванія безполезны то я сообщилъ объ ихъ нахожденіи тамъ директору Синодальнаго училища церковнаго пѣнія въ Москвѣ г. Смоленскому, собирающему изъ крюковыхъ нотныхъ рукописей библіотеку для училища, для хлопотъ о переведеніи ихъ въ училищную библіотеку. Кромѣ того, я видѣлъ еще въ архивѣ Холмогорскаго собора пергаменный листъ изъ Псалтири XIV-го вѣка [2]), а въ архивѣ Красногорскаго

1) Эти три архива помѣщаются въ большой комнатѣ каменной соборной колокольни. Положеніе архивовъ весьма неприглядно: отопленія и вентиляціи нѣтъ, поэтому развилась сильная сырость, вслѣдствіе чего дѣлá (расположенныя кипами по годамъ) и рукописи гніютъ (напр., рукописи съ крюковыми нотами очень пострадали отъ сырости).

2) Такъ какъ архивъ въ Холмогорскомъ соборѣ великъ и расположенъ по годамъ, а я не зналъ, съ котораго года начать, то я совсѣмъ не воспользовался ими.

монастыря нѣсколько рукописей, имѣющихъ литературное и историческое значеніе. Таковы:

Гранографъ Спасскаго Большого Собора свящ. Аѳанасія.... XVII-го вѣка, 4° (по главной описи, ч. III, гл. I, № 41).

Лѣтописецъ Красногорскаго монастыря, составленный въ 1807 г. (тамъ же № 1).

Памятная книга Красногорскаго монастыря, составленная въ 1822 году (тамъ же № 2).

Свѣдѣнія о монастырѣ, составленныя въ 1853 году священникомъ Бутаковымъ (тамъ же № 3).

Лѣтописецъ отъ сотворенія міра, въ л. (тамъ же № 7).

Исторія Троицкаго монастыря (тамъ же № 38).

«Лѣтописецъ и иныя повѣсти», 4° (тамъ же № 40).

Соборное уложеніе (тамъ же № 43).

Толкованіе св. Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Матвѣя (тамъ же № 42).

Житіе Прокопія устюжскаго чудотворца (тамъ же № 45).

Церковно-греческій словарь, 4° (тамъ же № 49) и

Описаніе Іерусалима (тамъ же № 50).

Тамъ же находится 45 грамотъ, данныхъ государями и епископами, начинающихся грамотой царя и великаго князя Василія Ивановича отъ 1603 г. и оканчивающихся грамотой преосвященнаго Наѳанаила, архангельскаго и холмогорскаго епископа.

Обращаясь къ описанію выполненія главной своей цѣли, я прежде всего выясню взглядъ, коимъ опредѣлялись мои способы дѣйствія, затѣмъ укажу на самые способы и на добытые результаты.

Такъ какъ простой народъ обычно относится съ недовѣріемъ къ лицамъ, облеченнымъ властью, и къ ихъ дѣйствіямъ, въ особенности въ глухихъ мѣстахъ, то я во время своей поѣздки, съ одной стороны, настойчиво избѣгалъ пользованія содѣйствіемъ мѣстныхъ представителей административной и духовной власти, мало интересующихся этнографическими матеріалами, а съ другой

стороны, странствовалъ возможно проще и скромнѣе, выдавая себя за учителя, у котораго лѣто свободно и который хочетъ составить для грамотныхъ людей книгу съ пѣснями—старинами. Поэтому, пользуясь, по любезности г. губернатора, земскими лошадьми, я приказывалъ обычно снимать колокольчикъ, этотъ знакъ на земскомъ трактѣ оффиціальнаго положенія ѣдущаго, въ деревнѣ обычно не обращался за справками къ десятскимъ, сотскимъ и тому подобнымъ лицамъ, если мнѣ не указывали на нихъ сами крестьяне, какъ на лицъ могущихъ оказать мнѣ помощь, ночевалъ по деревнямъ не у оффиціальныхъ лицъ, а гдѣ придется, гдѣ можно было нанималъ вмѣсто земскихъ лошадей вольныхъ или шелъ пѣшкомъ, если ихъ было трудно достать. О существованіи былинъ-старинъ я распрашивалъ прежде всего старухъ или стариковъ (о наличномъ числѣ коихъ я справлялся въ первой же избѣ), заходя въ тѣ дома, гдѣ они жили, а потомъ уже по ихъ указаніямъ ходилъ къ сказителямъ [1]). Двигался впередъ я не спѣша, только послѣ того, какъ убѣждался, что въ данной деревнѣ больше былинъ-старинъ записать нельзя.

Хотя такой способъ дѣйствія былъ иногда для меня лично очень непріятенъ вслѣдствіе насмѣшекъ надъ моимъ яко-бы пустымъ занятіемъ, вслѣдствіе недовѣрія нѣкоторыхъ, принимавшихъ меня или за подосланнаго правительствомъ, чтобы увести ихъ въ Москву, или за антихриста, вслѣдствіе ночлега въ одномъ помѣщеніи съ пьяными и въ тѣсномъ соприкосновеніи съ разными насѣкомыми, — однако этотъ способъ былъ очень полезенъ для дѣла, и я находилъ не только всѣмъ извѣстныхъ въ деревнѣ сказителей, но иногда даже тѣхъ, о познаніяхъ коихъ большинство ихъ же однодеревенцевъ узнавало въ первый разъ отъ меня. Дѣйствуя такимъ образомъ, я побывалъ въ слѣдующихъ деревняхъ: Усть-Пинегѣ, Нижней и Верхней Паленгѣ, Угзеньгѣ, Ку-

---

1) Меньшинство сказителей тотчасъ соглашалось пѣть, другое меньшинство изъ страха передъ правительствомъ или Страшнымъ судомъ рѣшительно отказывалось, большинство же соглашалось послѣ предварительныхъ болѣе или менѣе продолжительныхъ убѣжденій.

зоменп, Гбачѣ, Вешконемской, Соялѣ, Заозерьѣ, Першковѣ, Пеппнѣ, Юралѣ, Чушелѣ, Малетинѣ, Петровой горѣ (по нижнему теченію рѣки Пинеги до г. Пинеги), Пильегорахъ, Прилуцкой, Усть-Почѣ, Труфоной горѣ, Почезерьѣ, Чаколѣ, Заозерьѣ (на половинѣ дороги между Труфоной горой и Чаколой), Концезерьѣ (или Конецерьѣ), Матверѣ, Зале́сьѣ, Ха́ловѣ, Городкѣ, Ве́гогорахъ, Че́шугорѣ, Шо́тогоркѣ, Пи́рименѣ, Турьѣ, Кургѣ, Березникѣ, Марьиной горѣ (по среднему теченію рѣки Пинеги), Усть-Покшеньгѣ, Кобелёвѣ, Красномъ, Жабьей, Го́рушкѣ, Кротóвѣ, Лохнóвѣ (по рѣкѣ Покшеньгѣ, притоку рѣки Пинеги съ лѣвой стороны), Карповой горѣ, Не́мкюгѣ, Ки́глахтѣ, Шо́товой горѣ, Ва́ймушѣ, Залѣсьѣ (отличномъ отъ перваго), А́йновой горѣ, Це́рковой горѣ, Ша́рдонемѣ, Березникѣ (отличномъ отъ перваго), Е́ркинѣ, Ку́шкопалѣ, Кевро́лѣ и Ве́рколѣ (по верхнему теченію рѣки Пинеги), а также въ г. Пинегѣ; всего я производилъ изслѣдованія въ 60 деревняхъ и одномъ городѣ, не считая записи духовныхъ стиховъ въ г. Архангельскѣ отъ калики. На этомъ пространствѣ я записалъ отъ 88 лицъ 167 былинъ-старинъ и историческихъ пѣсенъ, 24 духовныхъ стиха[2]) и 5 пѣсенъ.

Записанныя мною былины-старины и историческія пѣсни слѣдующія:

1. Голубиная книга (3 варьянта).
2. Соломанъ и Василій король Прекрасный.
3. Егорій Храбрый.
4. Первая поѣздка Ильи-Муромца.
5. Бой Ильи М. съ Сокольникомъ.
6. Илья М. и Идо́лище (3 варьянта).
7. Илья освобождаетъ Кіевъ отъ Ка́лина царя.

---

2) Аллилуева мать (3 вар.), Лазарь, Вознесеніе Христово, Сонъ Богородицы (4 вар.), Егорій Хр. (4 вар.), Василій Великій, Николай чудотворецъ, Дмитрій Солунскій чудотворецъ, Алексѣй человѣкъ Божій (4 вар.), Михайло архангелъ (2 вар.), Пустыня и Трудникъ.

8. Встрѣча Ильи М. съ Добрыней, Святыгорской и своимъ сыномъ.
9. Встрѣча Ильи М. съ разбойниками (7 вар.).
10. Илья М. покупаетъ коня, воюетъ съ Полубѣлымъ, ловитъ и казнитъ Соловья разбойника.
11. Пріѣздъ Алеши Поповича въ Кіевъ.
12. Пріѣздъ Алеши Поповича въ Кіевъ и смерть Тугарина.
13. Неудачная женитьба Алеши Поповича.
14. Купанье и бой Добрыни со змѣемъ (2 вар.).
15. Молодость Добрыни и бой его съ Ильей Муромцемъ (2 вар.).
16. Подвиги Добрыни, бой съ поленицей, женитьба на ней и неудачная женитьба Алеши Поповича.
17. Дунай (весь).
18. Дунай сватаетъ невѣсту князю Владимиру (отрывокъ).
19. Васька-пьяница спасаетъ Кіевъ отъ Кудревана-царя.
20. Состязаніе молодца конями съ княземъ Владимиромъ и бой его съ чудищемъ поганымъ.
21. Состязаніе молодца конями съ кн. Владимиромъ.
22. Отправленіе молодца въ царство Кудреванки.
23. Иванъ Горденовичъ.
24. Сватовство царя Вахрамѣя на племянницѣ князя Владимира.
25. Сорокъ каликъ со каликою.
26. Чурило и невѣрная жена Племяшеньки.
27. Чурило и сестра Бродовичей.
28. Молодецъ и сестра Данилы Васильевича.
29. Молодецъ и сестра Петровичей.
30. Алеша Поповичъ и сестра молодца.
31. Алеша Поповичъ и сестра Петровичей (6 вар.).
32. Козаринъ (11 вар.).
33. Хотѣнъ Блудовичъ.
34. Василій и дочь кн. Владимира Софея.
35. Василій Буслаевичъ.

36. Митрій князь и его невѣста Домна (17 вар.).
37. Кощавичъ царь и его невѣста Домна.
38. Мать князя Михайла губитъ его жену (30 вар.).
39. Князь Михайло губитъ свою первую жену, а его мать вторую.
40. Романъ Васильевичъ и его дочь Настасьюшка (7 вар.).
41. Василій князь, княгиня и старица (3 вар.).
42. Молодецъ губитъ свою невинную жену.
43. Братья разбойники и ихъ сестра (8 вар.).
44. Крестьянскихъ девять сыновей и ихъ сестра.
45. Цюрильё игуменьё (4 вар.).
46. Овдотья Тимоѳеевна выручаетъ своихъ родныхъ.
47. Омельоа Тимоѳеевна выручаетъ своихъ родныхъ.
48. Двѣнадцать братьевъ, ихъ сестра и отецъ.
49. Грозный и его сынъ.
50. Сынъ Стеньки Разина въ темницѣ и взятіе Стенькой Астрахани.
51. Кончина Стеньки Разина.
52. Петръ I на молебнѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ.
53. Взятіе Риги.
54. Жалоба солдатъ Петру I на кн. Долгорукаго.
55. Войско Румянцева беретъ въ плѣнъ королевну.
56. Платовъ казакъ.
57. Платовъ и Кутузовъ.
58. Братъ спасаетъ царя отъ смерти (въ сенатѣ).
59. Кострюкъ (4 вар.).
60. Путешествіе Вавилы со скоморохами.
61. Усиша грабятъ богатаго крестьянина.
62. Старина о филинѣ (3 вар.).
63. Шутовая старина (3 вар.).
64. Цюдо.
65. Небылица въ лицахъ.
66. Вдова и три дочери.
67. Терентій мужъ.

Среди записаннаго находится 8 новыхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ.

Илья М. покупаетъ коня, воюетъ съ Полубѣлымъ, ловитъ и казнитъ Соловья-Разбойника.

Двѣнадцать братьевъ, ихъ сестра и отецъ.

Петръ I на молебнѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

Жалоба солдатъ Петру Первому на кн. Долгорукаго.

Платовъ и Кутузовъ.

Братъ спасаетъ царя отъ смерти (въ сенатѣ).

Путешествіе Вавилы со скоморохами.

Старина о филинѣ.

22 экземпляра рѣдко встрѣчавшихся былинъ (это отмѣченныя номерами 5, 8, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 27—31, 32, 33, 35, 36, 39, 42, 44, 45, 46—47, 61, 67) и одна новая пѣсня о скоморохахъ[1]).

На основаніи моихъ записей и наблюденій можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) знаніе былинъ-старинъ и историческихъ пѣсенъ по теченію рѣки Пинеги существуетъ, притомъ чѣмъ выше, тѣмъ въ большей степени, вслѣдствіе чего, записавъ въ нижнемъ теченіи рѣки Пинеги отъ д. Усть-Пинеги до г. Пинеги на протяженіи 116 верстъ всего 16 старинъ, я въ верхнемъ теченіи отъ г. Пинеги до д. Верколы на протяженіи 163 верстъ записалъ около 150 старинъ и историческихъ пѣсенъ;

2) въ прежнее время здѣсь, по отзывамъ стариковъ и старухъ, былины-старины знали больше, и старики пѣли ихъ обычно въ праздники при народѣ, а старухи въ Великомъ посту, когда нельзя пѣть простыхъ пѣсенъ;

3) здѣсь нѣтъ лицъ, которыя бы спеціально занимались пѣніемъ старинъ;

---

1) Еще записаны пѣсни: о рѣкѣ Юлѣ, Дѣвица обыгрываетъ молодцевъ и выигрываетъ себѣ супруга; Атаманъ, есаулъ и его сестра; Казакъ и его невѣрная жена.

4) поющіе ихъ крестьяне и крестьянки знаютъ ихъ обычно по одной, двѣ, три; знающихъ по десятку и больше мнѣ пришлось встрѣтить только 2 раза;

5) источникомъ знанія иногда являются жившіе на рѣкѣ Мезени и занимавшіеся промысломъ по берегамъ Ледовитаго океана вмѣстѣ съ мезенцами (жителями селеній по рѣкѣ Мезени);

6) знаніе былинъ-старинъ на рѣкѣ Пинегѣ, начиная съ нижняго теченія, теперь постепенно вымираетъ;

7) настоящее народное названіе былинъ «ста́ринами» (здѣсь съ удареніемъ на первомъ слогѣ) знаютъ немногіе наиболѣе выдающіеся сказители, обычно же женщины смѣшиваютъ ихъ съ духовными стихами, а мужчины съ пѣснями[1];

8) старины и историческія пѣсни я записалъ отъ 63 женщинъ и 19 мужчинъ;

9) среди мужчинъ не попадалось знающихъ по такому количеству старинъ, какіе попадались среди женщинъ, изъ коихъ одна знала 13 старинъ;

10) старины я записалъ отъ людей старыхъ или средняго возраста и только въ одномъ случаѣ отъ дѣвочки 13-ти лѣтъ;

11) записанныя мною старины отличаются своею краткостью сравнительно съ записанными Гильфердингомъ; ихъ размѣры колеблются отъ нѣсколькихъ десятковъ до трехъ-сотъ четырехъ стиховъ;

12) нѣкоторыя старины, записанныя въ большомъ числѣ варьянтовъ, представляютъ нѣсколько редакцій въ зависимости отъ мѣстности записи или происхожденія;

13) нѣкоторыя старины чаще всего или почти исключительно встрѣчаются среди женщинъ, а другія среди мужчинъ; къ первымъ можно отнести старины: «Мать князя Михайла губитъ его жену», «Митрій князь и его невѣста Домна», «Козаринъ»,

1) Въ такихъ мѣстахъ, какъ теченіе рѣки Пинеги, изслѣдователю приходится задавать себѣ вопросъ, чѣмъ отличается бытовая былина отъ бытовыхъ пѣсенъ или нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ.

«Романъ Васильевичъ и его дочь Настасья», «Братья-разбойники и ихъ сестра»; ко вторымъ: старину «Встрѣча Ильи М. съ разбойниками» и историческую пѣсню «Петръ I на молебнѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ»;

14) по отзывамъ жителей, былины-старины больше всего сохраняются на р. Мезени среди занимающихся морскими промыслами и на р. Печорѣ;

15) для записыванія былинъ-старинъ на Сѣверѣ надо выѣзжать туда возможно раньше, приблизительно съ такимъ разсчетомъ, чтобы быть на мѣстѣ, съ котораго желательно начать запись, уже въ самомъ началѣ іюня, такъ какъ въ противномъ случаѣ, подъ конецъ запоздавшей поѣздки жители займутся сѣнокосомъ, посѣвомъ ржи и жатвой и ихъ трудно тогда застать дома.

Кромѣ былинъ-старинъ, духовныхъ стиховъ и пѣсенъ, я записывалъ еще при случаѣ и діалектическія особенности. Ихъ я сталъ записывать еще во время путешествія по желѣзной дорогѣ въ г. Архангельскъ; у меня имѣются отмѣтки о діалектическихъ особенностяхъ четырехъ деревень Вологодской губ., двухъ Олонецкой и 43 Архангельской (Архангельскаго, Шенкурскаго, Холмогорскаго и Пинегскаго уѣздовъ).

Затѣмъ мнѣ удалось также пріобрѣсти 110 рукописей, иногда, правда, очень малыхъ; половина ихъ (по составленному мною охранному каталогу) церковнаго характера, а другая литературнаго и состоитъ изъ заговоровъ, апокрифовъ, историческихъ и литературныхъ повѣстей; въ одной изъ нихъ есть народная запись старины «Голубиная книга», въ другой стихи объ Алексѣ человѣкѣ Божіемъ, третья содержитъ стиховодникъ съ 20 стихами.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе спеціалистовъ, занимающихся географіей, на печальную неточность картъ по Архангельской губерніи. Это я говорю на основаніи своего пользованія для Поморья въ прошломъ году картой Архангельской губ. въ изданіи картографическаго заведенія Ильина, а въ этомъ году для бассейна р. Пинеги картами изд.

Генеральнаго штаба (карта части С. Двины и нижняго и верхняго теченія Пинеги изд. 1887 г. подъ редакціей Генер. штаба полковника Стрѣльбицкаго, средняго теченія р. Пинеги изд. 1896 г. подъ редакціей того же лица) и картами для тѣхъ же мѣстностей изъ «Атласа Архангельской епархіи, изданнаго по распоряженію Архангельскаго епархіальнаго начальства въ 1890 году» въ Архангельскѣ. Часто рѣки, деревни и дороги не на мѣстѣ или даже отсутствуютъ; особенно много недостатковъ въ картахъ Генеральнаго штаба [1]).

А. Д. Григорьевъ.

X.

Исполняя порученіе, возложенное на меня Отдѣленіемъ, я работалъ въ отчетномъ году надъ составленіемъ плана изданія древне-скандинавскихъ текстовъ (до XIII вѣка включительно), имѣющихъ отношеніе къ славянскому и финскому мірамъ вообще и къ Россіи въ частности.

Мнѣ предстояло, прежде всего, пересмотрѣть всю литературу сагъ, чтобы отмѣтить въ ней тѣ тексты, которые могли-бы войти въ предполагаемое изданіе. Принять сборникъ Рафна (Antiquités russes) за путеводную нить казалось мнѣ неудобнымъ въ виду недочетовъ его, охарактеризованныхъ мною въ моей докладной запискѣ весною текущаго года. Я предпочелъ, поэтому, вести эту подготовительную и притомъ важнѣйшую часть работы совершенно независимо отъ него и вскорѣ убѣдился, что это единственный надежный путь.

---

1) Примѣровъ, особенно многочисленныхъ для картъ Генеральнаго штаба я не привожу, чтобы не загромождать своего отчета, но съ удовольствіемъ сообщу ихъ тому, кто этимъ заинтересуется. — Теперь по Пинегѣ дѣлаютъ разбивку и съемку лѣсовъ, но это не поправляетъ дѣла относительно сказаннаго мною, такъ какъ эта съемка очень мало касается населенныхъ мѣстъ съ рѣкой Пинегой.

A priori ясно, что всѣ тексты, могущіе интересовать насъ съ точки зрѣнія нашей задачи, распадаются на двѣ группы [2]): 1) саги историческія, представляющіяся источниками историческими въ узкомъ смыслѣ этого слова, и 2) саги героическія и миѳологическія. Къ первой группѣ относятся такъ наз. Konungasǫgur, Islendíngasǫgur, отчасти Heilagra manna sǫgur и Biskupasǫgur; ко второй — такъ наз. Fornsǫgur и отчасти Lygisǫgur. Отношеніе издателя къ нимъ будетъ неодинаково для обѣихъ группъ. Въ первой категоріи важенъ не литературный памятникъ какъ таковой, а факты, имъ сообщаемые (ср. напр. Eymundarsaga, трактующую о событіяхъ, происходившихъ въ Россіи при Ярославѣ Мудромъ); во второй-же группѣ передъ нами историко-литературный матеріалъ, критика котораго возможна лишь въ рамкахъ цѣльнаго литературнаго памятника (ср. напр. Hervararsaga). Если въ первой категоріи возможно будетъ иногда (но не всегда) ограничиться критическимъ изданіемъ и переводомъ отдѣльныхъ эпизодовъ, поставивъ ихъ въ связь съ остальнымъ текстомъ путемъ пересказа послѣдняго и предпославъ всему введеніе, въ которомъ будетъ изложена исторія текста и т. д., то во второй группѣ какія-бы то ни было сокращенія были бы роковой ошибкой, такъ какъ онѣ обезцѣнили бы текстъ и сдѣлали бы литературную критику его невозможной.

Поясню свою мысль примѣромъ.

Одна изъ обширнѣйшихъ и интереснѣйшихъ Islendíngasǫgur — Egilssaga Skallagrímssonar (критич. изд. F. Iónsson. Копенгаг. 1886—88) — содержитъ въ себѣ только одинъ болѣе значительный эпизодъ, непосредственно интересующій насъ. Это — набѣгъ Эгиля и брата его Þórólf'а на Курляндію (Kúrland) въ 916 году; по поводу разсказа о плѣненіи Эгиля, въ главѣ 46 подробно и живо описывается усадьба куроновъ (Kúrir). Затѣмъ, въ гл. 27 мимоходомъ упоминается о походѣ конунга Эйрика

2) Въ это дѣленіе не входятъ обѣ Эдды, анналы, чисто географическіе тексты, юридическіе памятники, Саксонъ Грамматикъ и Адамъ Бременскій. Внесеніе ихъ въ общій планъ не представитъ затрудненій.

hlódox въ 918 г. на Біармію и о столкновеніяхъ его съ туземцами на Сѣверной Двинѣ (á Bjarmalandi við Vínu), но безъ живыхъ деталей. Нѣкоторый интересъ представляетъ также опредѣленіе, въ гл. 14, земли кареловъ (Kirjálar, Kirjálaland) на востокъ отъ Kvœnland, и упоминаніе, въ гл. 10, о Kylfingar (колбягахъ) — все это въ связи съ событіями, относящимися къ концу IX и началу X вѣка. Пять разъ въ сагѣ упоминается Austrvegr, куда норвежцы предпринимаютъ набѣги, — но безъ ближайшаго опредѣленія мѣстностей, противъ которыхъ набѣги эти направлены. Наконецъ, косвенный интересъ представляетъ яркая характеристика отношеній норвежскихъ конунговъ къ данникамъ-финнамъ въ сѣверной Скандинавіи (finnferð ok finnskattr) въ главахъ 7, 10 и 14.

Ясно, что ради этихъ отрывочныхъ эпизодовъ и попутныхъ упоминаній не стоитъ издавать и переводить всю сагу, главный интересъ которой сосредоточенъ на судьбахъ исландца Эгиля и его семьи, на отношеніи ихъ къ Гаральду Прекрасноволосому и его династіи, т. е. на личностяхъ и фактахъ, ничего общаго съ Россіей не имѣющихъ. Тутъ достаточно будетъ извлечь указанные эпизоды и вкратцѣ пересказать остальное содержаніе, чтобы опредѣлить, въ какомъ отношеніи первые стоятъ къ послѣднему и по какому поводу они приводятся. Въ введеніи должна быть дана общая оцѣнка саги, какъ историческаго источника; иначе говоря, изданію отрывковъ должна предшествовать серьозная работа издателя надъ всѣмъ составомъ саги, но лишь результаты этой работы должны войти въ изданіе вмѣстѣ съ нужнѣйшимъ критическимъ аппаратомъ.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло напр. съ Ǫrvaroddssaga (ed. Boer, 1892). И здѣсь также дѣйствіе лишь въ незначительной части происходитъ въ Россіи: въ гл. 6 — 9 разсказывается, съ очень интересными подробностями, о походѣ героя на Bjarmaland, въ гл. 36 — 41 о его похожденіяхъ въ Húnaland, которое въ большинствѣ рукописей называется прямо Gardaríki; наконецъ, въ гл. 42 — 44 о его походѣ на невыясненное пока, но несо-

мнѣнию русское Bjálkaland. Во всѣхъ-же остальныхъ частяхъ дѣйствіе происходитъ въ Норвегіи, Швеціи, Даніи, Англіи, сказочной странѣ великановъ (Risaland, гл. 10 — 12) и т. д. Но тѣмъ не менѣе сагу эту придется издать тщательно и цѣликомъ. Не говоря уже о связи ея съ Hervararsaga, отражающей въ себѣ древне-готскія преданія изъ южной Россіи, главный интересъ ея заключается въ мотивѣ смерти героя отъ укушенія змѣи, выползающей изъ черепа его любимаго коня, котораго онъ убилъ потому, что вѣщая жена) vǫlva ok seiðkona) предсказала ему смерть отъ него (гл. 2). Вопросъ объ отношеніи этого эпизода къ лѣтописному разсказу объ Олегѣ можетъ быть рѣшенъ сколько-нибудь надежно только въ томъ случаѣ, если изслѣдователь будетъ имѣть передъ собою всю сагу и всесторонне вникнетъ въ вопросъ о ея источникахъ.

Руководствуясь этими соображеніями, я началъ работу съ труднѣйшей части задачи, съ пересмотра сагъ первой группы, т. е. сагъ историческихъ.

Удовлетворительныхъ *критическихъ* изданій этихъ сагъ очень мало, да и тѣ немногія, которыя имѣются въ литературѣ, относятся почти всѣ къ типу Íslendíngasǫgur, т. е. къ категоріи тѣхъ сагъ, которыя, въ общемъ, наименѣе интересны для насъ. (Íslendíngabók, ed. Golther, 1891; Egilssaga Skallagrímssonar, ed. Iónsson, 1886 — 88 и 1894; Eyrbyggjasaga, ed. Gering, 1897; Laxdœlasaga, ed. Kålund, 1889 — 91; Sturlungasaga, ed. Vigfússon, 1878; Bjarnarsaga Hítdœlakappa, ed. Boer, 1896 и немногія другія). Огромное-же большинство изданій какъ этой категоріи, такъ, прежде всего, и важнѣйшихъ для насъ Konungasǫgur, не могутъ быть названы критическими: онѣ даютъ текстъ одной какой-нибудь редакціи или рукописи, иногда нормализируя орѳографію, иногда передавая рукописныя чтенія съ дипломатическою точностью. Послѣдняго рода изданія, однако, особенно цѣнны, такъ какъ они могутъ вполнѣ замѣнить рукопись. Почти всѣ большіе сборники сагъ этого типа уже изданы такимъ путемъ, и на чтеніи и разработкѣ ихъ съ точки зрѣнія

моей задачи лежалъ центръ тяжести моихъ работъ въ отчетномъ году. Такъ, мною прочитанъ самый обширный изъ названныхъ сборниковъ, Flateyarbók (въ трехъ томахъ, изд. Unger и Vigfússon, 1860—68), затѣмъ Codex Frisianus (ed. Unger 1871), Eirspennill, al. Konungasǫgur (ed. Unger 1873), Hauksbók (ed. F. Iónsson, 1892 ss.), Morkinskinna (ed. Unger, 1867).

Изъ Islendingasǫgur мною сдѣланы извлеченія въ предѣлахъ вышепоименованныхъ критическихъ изданій и нѣкоторыхъ другихъ. Что касается, наконецъ, такъ наз. Fornsǫgur и Lygisǫgur, то помимо изданныхъ критически Orvaroddsag'и, Hrólfssaga Gautrekssonar и Ásmundarsaga Kappabana (ed. Detter, 1891), мною прочитаны Þiðrekssaga (ed. Unger, 1853) и сборники Fornaldarsǫgur Norðrlanda (новое изд. въ 3 томахъ. Reykjavík, 1886—91) и Norrone Skrifter af sagnhistorisk Indhold (ed. Bugge, 1864—73).

Такимъ образомъ, подготовительныя работы выполнены мною приблизительно, на половину.

Кромѣ того, я попутно составляю подробный библіографическій указатель всѣмъ изданіямъ и работамъ, относящимся къ данной области, и работаю надъ исторіей саги вообще, независимо отъ отношенія ея къ Россіи: мнѣ кажется, что со временемъ подобный трудъ (Исторія скандинавской саги) будетъ необходимъ для облегченія общей оріентировки, для оцѣнки исторической надежности первой изъ намѣченныхъ мною группъ, и, наконецъ, для опредѣленія общаго состава и источниковъ сагъ.

Для всесторонняго выполненія порученія, даннаго мнѣ Отдѣленіемъ, мнѣ необходимо познакомиться лѣтомъ будущаго года съ рукописными собраніями Копенгагена, Стокгольма и Упсалы. Если это мнѣ удастся, то отвѣтъ на поставленную мнѣ задачу выразится, въ окончательной своей формѣ, въ трудѣ, который я разсчитываю представить Отдѣленію не ранѣе конца будущаго года. Трудъ этотъ, по намѣченному мною плану, будетъ содержать въ себѣ:

1) Мотивировку и общій планъ предполагаемаго изданія.

2) Перечень памятниковъ, долженствующихъ войти въ изданіе цѣликомъ или въ отрывкахъ, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія.

3) Подробный указатель рукописей и изданій каждаго изъ памятниковъ, а также перечень относящихся къ нимъ работъ.

Выполненный въ этой формѣ, планъ мой представитъ полезное пособіе для всякаго, интересующагося русско-скандинавскими отношеніями, независимо отъ того, будетъ ли онъ принятъ Отдѣленіемъ къ выполненію или нѣтъ. Если я успѣю, то я желалъ бы приложить къ плану текстъ одной какой-либо саги съ введеніемъ, переводомъ и комментаріемъ, для иллюстраціи того, въ какомъ видѣ выполненіе его представляется мнѣ возможнымъ и желательнымъ.

Ѳ. А. Браунъ, магистръ, экстраординарный профессоръ Имп. Спб. Университета.

XI.

Такъ какъ матеріальная поддержка со стороны II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ была назначена мнѣ лишь въ концѣ апрѣля, т. е. въ ту пору года, когда преподаватели среднеучебныхъ заведеній бываютъ особенно обременены работой, то воспользоваться ею для своихъ занятій я могъ только съ начала іюня, по окончаніи экзаменовъ. Прежде всего я поставилъ своей задачей разработать планъ намѣченной мною работы о культурномъ вліяніи южнорусскихъ иранцевъ на народности восточной, средней и западной Россіи, которыя въ моемъ представленіи могутъ быть отожествлены въ эту эпоху съ племенами финскимъ, литовскимъ и славянскимъ. Такимъ образомъ, я пришелъ къ заключенію, что для меня прежде всего необходимо разсмотрѣть, съ какими иранскими нарѣчіями можетъ встрѣтиться изслѣдователь славянскихъ, литовскихъ и финскихъ заимствованій изъ

иранскихъ языковъ. Матеріалъ для рѣшенія этого вопроса заключается, прежде всего, въ «варварскихъ» именахъ на южнорусскихъ и кавказскихъ надписяхъ, изданныхъ гг. Латышевымъ и Помяловскимъ. Но, какъ извѣстно, г. Вс. Миллеръ, опредѣлившій среди 425 извѣстныхъ ему «варварскихъ» именъ всего около сотни такихъ, которыя онъ приписываетъ мѣстному иранскому (осетинскому) діалекту, оставилъ неразобранными остальныя имена. Между тѣмъ это — древнѣйшіе опредѣлимые слѣды культурныхъ сношеній греческихъ колоній съ ближними и дальними варварскими народами, а такъ какъ культуры, имѣвшія своихъ представителей въ греческихъ черноморскихъ колоніяхъ и Боспорскомъ царствѣ, могли, а иногда и должны были вліять на иранскихъ скиѳовъ и сарматовъ, съ которыми греки были въ живыхъ сношеніяхъ (какъ это видно по тѣмъ же надписямъ), то мнѣ представлялось необходимымъ опредѣлить національность возможно бо́льшаго числа именъ, а для того, чтобы эти опредѣленія не были лишены исторической почвы, я рѣшилъ выяснить въ краткомъ введеніи вопросъ о древнѣйшихъ международныхъ сношеніяхъ на Кавказѣ и въ Южной Россіи, поскольку они извѣстны классическимъ писателямъ, изслѣдованы ассиріологами (г. Никольскимъ, Винклеромъ и др.) и отражаются въ греческихъ миѳахъ (напр. въ легендѣ о Фриксѣ). Въ настоящее время работа эта закончена и находится въ портфелѣ редакціи «Извѣстій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ», а я занимаюсь изученіемъ варварскихъ именъ, число которыхъ послѣ обнародованія новыхъ надписей доходитъ до 500.

Какъ извѣстно, сарматскія племена (языги, кораллы, аланы) появляются на среднемъ Дунаѣ уже въ I в. по Р. Х. Такъ называемыя Певтингеровы таблицы, составленныя, какъ полагаютъ, въ началѣ нашей эры, знаютъ *венедовъ* рядомъ съ *сарматами*. Это заставляетъ разобрать вопросъ объ иранскихъ именахъ въ средневѣковой Венгріи съ того времени, какъ появляются документы, а также изучить собственныя имена на паннонскихъ латинскихъ надписяхъ. Эта работа, отчасти уже выполненная

мною, показываетъ, что на послѣднихъ (Corpus inscriptionum latinarum, t. III) не мало тѣхъ же именъ, что и на южнорусскихъ надписяхъ (*Madocus*=Μάδακος, *Mico* = Μίκας, *Dasius* = Δάσεις, *Dasas*=Δάσας и т. д.). Весьма важно, что многія изъ этихъ и другихъ именъ на греческихъ черноморскихъ надписяхъ встрѣчаются въ венгерскихъ документахъ XII—XIV в. (напр. *Modach* и *Madach*, *Mika*, *Dosa*, *Mocog*=Μάκαγος и др.). Установивъ присутствіе сильнаго иранскаго элемента въ Венгріи, мы получимъ основаніе для предположенія, что на славянъ иранцы оказали вліяніе въ другомъ мѣстѣ и въ другое время, нежели на литовцевъ и финновъ. Такимъ образомъ, разборомъ именъ я хочу закончить первую часть своей работы, которую надѣюсь довершить къ концу этого года.

Слѣдующій вопросъ, который представляется самъ собою при опредѣленіи географическихъ условій вліянія иранцевъ на ихъ сосѣдей, сводится къ тому, какъ далеко на сѣверъ и на западъ простирались поселенія иранцевъ или заходили ихъ спорадическія колоніи. Здѣсь придется прибѣгнуть и къ разсмотрѣнію скудныхъ и малодостовѣрныхъ показаній древнихъ географовъ, при чемъ я намѣренъ подвергнуть особенно тщательной провѣркѣ достовѣрность важнаго для нашей исторіи Маркіана Гераклейскаго; и къ изученію распространенія такъ наз. «скиѳскихъ древностей», которыя попались въ видѣ отдѣльной находки даже въ Баденѣ и Пруссіи, уже не говоря о Венгріи, изобилующей ими. Наконецъ, я долженъ буду обратиться и къ косвеннымъ выводамъ: такъ напримѣръ, зная, что лапландцы, въ эпоху появленія финскаго племени у береговъ Балтійскаго моря, жили гораздо южнѣе, чѣмъ теперь (приблизительно въ Новгородской, можетъ быть, и въ Тверской губерніи), я долженъ разсмотрѣть, нѣтъ-ли въ лапландскомъ словарѣ иранскихъ заимствованій (до сихъ поръ ихъ не найдено, насколько мнѣ извѣстно). При существованіи послѣднихъ надо предположить сосѣдскія отношенія двухъ племенъ; ихъ отсутствіе заставляетъ думать, что или лапландцы жили сѣвернѣе, или иранцы не заходили выше южныхъ

частей Тверской губерніи. Думать, что иранцы, живя рядомъ съ лапландцами, не оказывали на нихъ культурнаго вліянія, мы не можемъ по двумъ основаніямъ: 1) иранцы имѣли это вліяніе на всѣхъ своихъ сосѣдей (ѳракійцевъ, финновъ и др.), какіе намъ извѣстны; и 2) лапландцы были способны къ усвоенію высшей культуры, что̀ и доказали своимъ культурнымъ подчиненіемъ финнамъ. Остается только думать, что, почти утерявъ свой національный языкъ, лапландцы утеряли и иранскія заимствованія. Во всякомъ случаѣ, изученіе съ этой цѣлью остатковъ стараго лапландскаго языка непремѣнная задача моего изслѣдованія.

Въ третьей части своей работы я хочу сначала дать критическій обзоръ того, что̀ сдѣлано въ области изученія лексическихъ отношеній славянъ, литовцевъ и финновъ съ иранцами, а затѣмъ дополнить собранный ранѣе матеріалъ съ цѣлью опредѣлить характеръ иранскаго культурнаго вліянія и выяснить, изъ какихъ нарѣчій заимствованія дѣлались. На основаніи матеріала, изученнаго мною до настоящаго времени, я могу, кажется, утверждать, что иранское вліяніе на славянъ относится къ гораздо болѣе позднему времени и имѣетъ иной характеръ, чѣмъ то же вліяніе на литовцевъ и финновъ, которые испытали на себѣ вліяніе иранской культуры, повидимому, одновременно, хотя и въ разной степени; именно, литовцы гораздо меньше, чѣмъ финны. Въ связи съ этимъ изслѣдованіемъ мнѣ очень хотѣлось-бы предпринять работу, трудности которой я вполнѣ сознаю. Тѣмъ не менѣе, ожидая отъ нея важныхъ выводовъ, я хотѣлъ бы совершить ее теперь же. Иранскія птицы свѣта и тьмы, пѣтухъ и голубь, пришли въ западную Европу и въ Россію едва-ли не изъ Персіи, и я думаю, что изученіе роли этихъ птицъ въ фольклорѣ европейскихъ народовъ можетъ намѣтить пути, какими распространялось знакомство съ ними въ Европѣ, и если окажется, что эти пути идутъ изъ восточной Европы, отъ литовцевъ, финновъ и славянъ, мы получимъ новый образчикъ иранскаго культурнаго вліянія [1]).

1) Другой путь могъ идти изъ Греціи: уже Аристофанъ зналъ о «мидійцѣ» — пѣтухѣ.

Въ послѣдней части своей работы, которая будетъ имѣть значеніе вывода изъ всего изслѣдованія, я хочу поднять вопросъ о географическомъ распредѣленіи славянъ, литовцевъ и финновъ. Матеріалъ, собранный мною до сихъ поръ, говоритъ, какъ мнѣ кажется, за то, что финны жили въ средней и восточной Россіи, литовцы занимали бассейны сѣверныхъ притоковъ Припяти, жили по Нѣману, Двинѣ и распространились по ея притокамъ до средней Россіи, до предѣловъ Тульской губерніи, гдѣ и соприкасались съ финнами. Славяне, область которыхъ начиналась отъ Припяти, занимали нынѣшнюю Польшу, часть Волыни и Галиціи до Карпатъ и часть Германіи до Эльбы (по крайней мѣрѣ, морское побережье), живя здѣсь въ перемежку съ Германскими народами.

Таковы размѣры задуманнаго и частями выполненнаго или начатаго мною изслѣдованія. Эти размѣры разрослись по неизбѣжному желанію автора округлить свою работу и заполнить въ ней все, что необходимо для постройки стройнаго зданія научной теоріи. Сознавая всю отвѣтственность такого предпріятія, я рѣшаюсь браться за него, ободренный нравственнымъ и матеріальнымъ участіемъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, которому и приношу въ концѣ своего отчета свою искреннюю признательность.

А. А. Погодинъ, магистрантъ,
приватъ-доцентъ Имп. Спб. Университета.

XII.

Задавшись мыслью изучить психологію расъ при параллельномъ разсматриваніи данныхъ—физическихъ условій жизни народа и литературныхъ памятниковъ его, я остановился въ своихъ занятіяхъ на финскихъ племенахъ, какъ мало изслѣдованныхъ. Для первоначальныхъ же опытовъ въ этомъ направленіи

я, зная хорошо зырянскій языкъ, обратился къ изученію именно этого племени, имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ, при болѣе тщательномъ знакомствѣ съ западно-финскими языками, сопоставить особенности восточныхъ и западныхъ финновъ и по возможности опредѣлить ихъ роль по отношенію къ русской народности. Поэтому, по примѣру прошлаго года, въ текущемъ 1900 г., благодаря содѣйствію многоуважаемыхъ профессоровъ И. Н. Жданова, А. Н. Веселовскаго и В. И. Ламанскаго, я предпринялъ поѣздку въ Устьсысольскій уѣздъ къ зырянамъ, чтобы собрать литературные памятники этого народа, оригинальные и заимствованные, а также ближе присмотрѣться къ его психологическимъ свойствамъ, изучая по пути соматическія и этнологическія особенности. Мнѣ удалось сдѣлать это по отношенію къ Устьсысольскому уѣзду, по рѣкамъ Вычегдѣ, Вишерѣ, Локчиму, причемъ работы производились въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) Въ мѣстечкѣ Шойнаты при устьѣ Вишеры, впадающей въ Вычегду, я записалъ три сказки: «Богатый мужикъ» № 1, «Богатый мужикъ» № 2, сказку «Ракъ-молодецъ». Эти сказки, какъ и всѣ остальныя, написаны по-зырянски слово въ слово по шрифту, котораго держится Ю. С. Лыткинъ въ своемъ переводѣ св. Евангелія на зырянскій языкъ. Сказки «Богатый мужикъ» № 1 и № 2, хотя заимствованы отъ русскихъ, но все же интересны, выражая взглядъ на загробную жизнь и на участіе угодниковъ Божіихъ въ судьбахъ человѣка. Сказка «Ракъ-молодецъ» подходитъ подъ типъ сказокъ на мотивъ о подземномъ царствѣ, напоминая нѣкоторыми чертами русскую сказку «Царевна-лягушка». Я думаю, она восточнаго происхожденія.

Въ мѣстечкѣ Шойнаты также я записалъ «Пѣсню нищихъ», напоминающую пѣсню каликъ. Разспрашивалъ крестьянъ объ ихъ древнихъ преданіяхъ, о чудскихъ могилахъ, и кое-что узналъ о чудскомъ гумнѣ; изучалъ рыболовныя сѣти, предметы крестьянской утвари. Сдѣлалъ 12 антропологическихъ наблюденій, измѣряя мужчинъ и женщинъ и изучая тщательно психологію

каждаго для параллельности антропологическихъ (соматическихъ) и психологическихъ данныхъ. Въ Шойнатахъ я пробылъ пять дней. Тамъ же записалъ повѣріе объ «ортъ», двойникѣ человѣка, сопровождающемъ его всю жизнь, какъ тѣнь; записалъ старо-зырянскія слова, названія хозяйственныхъ и домашнихъ предметовъ и тѣ новыя слова, которыя въ сущности — видоизмѣненіе по извѣстному закону русскихъ словъ. Старыя и новыя слова даютъ возможность при помощи филологическаго анализа возстановить черты древней культуры зырянъ.

2) Слѣдующій пунктъ моихъ наблюденій — село Ыджыдъ-видзь. Здѣсь записаны мною 10 сказокъ и суевѣрныхъ разсказовъ: Йиръ-Капъ, о Соломонѣ, Купецъ, Кумъ сатаны, Тюво и др., преданія о волненіяхъ ижемцевъ при императорѣ Николаѣ I, о волненіяхъ устькуломцевъ, о Кузь-Исакѣ, Балинѣ, нѣсколько русскихъ пѣсенъ, которыя поются зырянами, два - три заговора. Сказка Йиръ-Капъ вполнѣ оригинальная, незаимствованная. Йиръ-Капъ — герой охоты, какъ Микула Селяниновичъ — герой земледѣлія у русскихъ. Суевѣрные разсказы также оригинальны. Въ нихъ выражается природа мѣстности и мистицизмъ зырянъ. «Тюво» — образъ древняго зырянскаго туна, и эта краткая сказка интересна въ этомъ отношеніи. Другія сказки заимствованы отъ русскихъ, хотя имѣютъ бытовой интересъ.

Въ Ыджыдъ-видзь я познакомился съ окрестностями села, жизнью крестьянъ, срисовалъ (отъ руки) нѣкоторые предметы хозяйства (старинную мукомолку), фотографировалъ 5 — 6 крестьянъ, сдѣлалъ 13 антропологическихъ измѣреній скользящимъ и толстотнымъ циркулями. На все это ушло 6 дней.

3) Отсюда я отправился въ большое село Вишеру, послѣднее на рѣчкѣ этого же имени. Здѣсь записалъ 8 сказокъ и суевѣрныхъ разсказовъ: «Горный хозяинъ», «Йоремъ», «Мельникъ» и др., разсказы объ охотѣ на озерѣ Сьимты, о горѣ «Каръ-Мылькъ», о продѣлкахъ колдуновъ, до 8 зырянскихъ пѣсенъ и нѣсколько русскихъ. Въ одной русской пѣснѣ упоминается слово буй-туръ.

Въ Вишерѣ я произвелъ 19 антропологическихъ наблюденій и параллельно столько же психологическихъ. Срисовалъ капканы, фотографировалъ 5—6 крестьянъ, также гору «Каръ-Мылькъ» и село Вишеру. На Вишерѣ пробылъ недѣлю.

Проѣзжая черезъ деревню Зулёбъ обратнымъ путемъ, сдѣлалъ 8 антропологическихъ наблюденій, въ Джіанѣ 11.

Въ Шойнатахъ (на обратномъ пути) записалъ сказку «Мѣна», чрезвычайно похожую на русскую сказку подъ тѣмъ же заглавіемъ. Произвелъ 4 антропологическихъ наблюденія.

4) Въ селѣ Небдинѣ на Вычегдѣ записалъ двѣ сказки: «Доренька» и «Иванъ-крестьянскій сынъ», также нѣсколько русскихъ пѣсенъ. «Доренька» — особый варіантъ русской сказки «Воръ» и имѣетъ бытовой интересъ. Въ Небдинѣ было произведено 31 антропологическое наблюденіе. Это обстоятельство и постоянная бесѣда съ крестьянами дали мнѣ возможность, какъ мнѣ кажется, уяснить психологическія особенности зырянъ въ связи съ ихъ древней культурой, съ природой мѣстности и занятіями; имѣлось также въ виду здѣсь промышленное и культурное вліяніе русскихъ. Первое видно изъ экономическихъ данныхъ, второе изъ исторіи и филологіи заимствованныхъ русскихъ словъ.

Здѣсь я продолжалъ записывать зырянскія слова, преимущественно названія вещей матеріальной культуры. Фотографировалъ крестьянъ въ профилѣ и en face. Въ Небдинѣ пробылъ недѣлю.

5) Въ селѣ Корткеросѣ я продолжалъ этнологическое изученіе зырянъ, ихъ экономическое состояніе; тамъ были сдѣланы 8 антропологическихъ наблюденій.

По рѣкѣ Локчиму, впадающей въ Вычегду съ юга, я былъ въ селѣ Позтыкеросъ. Здѣсь записалъ сказку «Обѣщаніе», напоминающую русскую сказку «Мальчикъ и Настасья Адовна». Записалъ названія лѣкарственныхъ травъ, произвелъ 23 антропологическихъ наблюденія.

6) Въ деревнѣ Визяботѣ на Вычегдѣ нашелъ сказку «Иванъ

купеческій сынъ», напоминающую Робинзона-Крузо, легендарный разсказъ о Кöртъ-Айка, зырянскомъ разбойникѣ, другой легендарный разсказъ о колдунѣусть сысольскомъ «Шыбича», который ходилъ и ѣздилъ подъ водою въ рѣкѣ Сысолѣ.

Въ Визяботѣ сдѣлалъ одно антропологическое наблюденіе. 10 дней въ Корткеросѣ и въ Визяботѣ.

7) Для сравненія съ зырянами въ деревняхъ около Устюга произвелъ до 10 антропологическихъ наблюденій, записалъ отрывочныя извѣстія о чудскихъ поляхъ, подъ дремучими лѣсами, гдѣ до сихъ поръ будто бы видать борозды этихъ полей.

Записалъ отъ лоцмановъ на пароходахъ и пристаняхъ всѣ финскія названія деревень и мѣстечекъ по сѣверной Двинѣ. Эти названія — западнофинскія слова, а не зырянскія. Названія рѣчекъ Яренскаго уѣзда, которыя я выписалъ изъ чертежей землемѣровъ, болѣе зырянскаго корня, хотя, повидимому, не всѣ, а есть и западно-финскія.

8) Такимъ образомъ я записалъ 28 зырянскихъ сказокъ и суевѣрныхъ разсказовъ, произвелъ 119 антропологическихъ наблюденій, столько же психологическихъ; изучилъ бытовыя и экономическія особенности народа; записалъ названія вещей матеріальной культуры, 10 зырянскихъ пѣсенъ и около десяти русскихъ. Это было сдѣлано по среднему теченію Вычегды къ ея верховьямъ, и по двумъ ея притокамъ — Вишерѣ и Локчиму. Фотографировалъ зырянъ.

Остальное время лѣта я занимался сличеніемъ и сравненіемъ зырянскихъ сказокъ съ русскими, антропологической таблицы наблюденій надъ зырянами съ антропологическими таблицами Маліева о вотякахъ, пермякахъ.

Такимъ путемъ полученный матеріалъ думаю разработать слѣдующимъ образомъ. Литературныя данныя составятъ содержаніе статей:

1) Народная словесность зырянъ въ сравненіи съ русской.

2) Характеристика зырянскихъ сказокъ.

3) Сборникъ зырянскихъ сказокъ съ текстомъ и переводомъ на русскій языкъ.

4) Синтаксисъ зырянскаго языка (на основанія текста сказокъ и пѣсенъ).

Антропологическія данныя составятъ содержаніе статей:

1) Этнологическій очеркъ зырянъ (сюда входятъ психологическія и литературныя данныя).

2) Антропологическія данныя о зырянахъ, съ таблицами.

3) По Вычегдѣ.

Студентъ Спб. Университета Жаковъ.

XIII.

Изучая время Оттокара II Премысла, А. Петровъ убѣдился въ необходимости обстоятельнаго изслѣдованія *сборниковъ формъ грамотъ* (libri formularum) *Henrici italici*, *Henrici de Isernia*, представляющихъ, какъ извѣстно, существенно важный матеріалъ для внутренней и внѣшней исторіи Чехіи второй половины XIV в. Занимаясь съ этой цѣлью въ библіотекахъ и архивахъ Вѣны, Праги, Кенигсберга и Кракова, а также выписывая въ Вѣну и С.-Петербургъ необходимыя рукописи изъ другихъ книгохранилищъ, Петровъ ознакомился съ составомъ и отмѣтилъ варіанты слѣдующихъ списковъ означенныхъ сборниковъ:

1) Государственнаго архива въ Кенигсбергѣ — сигн. № 281[a].

2) Королевской библіотеки—тамъ же, № 2205.

3) Капитульной библіотеки въ Прагѣ—К. 33.

4) Епископской библіотеки въ Цѣловцѣ—Ms. XXXI [b].

5) Государственнаго архива въ Вѣнѣ—№ 196.

6) Библіотеки г. Фенваковъ въ Чельшенгемѣ—№ 303.

7) Городской библіотеки въ Кольмарѣ—Ms. 245.

8) Придворной библіотеки въ Мюнхенѣ—№ 22303.

9) Придворной библіотеки въ Вѣнѣ—№ 3143.

10) Университетской библіотеки въ Прагѣ—XII B. 12.

11) Университетской библіотеки въ Краковѣ—№ 439.

12) Монастырской библіотеки въ Осѣкѣ.

Хотя собраніе матерьяловъ и было окончено къ 1896 году[1]), но непредвидѣнныя обстоятельства принудили Петрова прекратить на время дальнѣйшія работы. Только въ текущемъ году Петровъ получилъ возможность приступить къ опредѣленію первоначальнаго состава сборниковъ, къ установленію редакцій и взаимныхъ отношеній рукописей, а также къ разрѣшенію вопросовъ о личности составителя или составителей сборниковъ, о степени исторической достовѣрности помѣщенныхъ въ нихъ грамотъ и др.

Не смотря на то, что изслѣдованіе далеко еще не завершено, можно, однако, и теперь намѣтить нѣкоторые общіе выводы:

1) Не смотря на серьезныя возраженія г. Новака (Mittheil. d. hist. für oester. Geschichtsforschung XX, 2 1899), старое мнѣніе Эмлера (Die Kanzlei d. Přemysl Ottokars II und Wenzels II) о тождествѣ Генриха Итальянца и Генриха de Isernia, должно, повидимому, быть признано больше достовѣрнымъ.

2) Генрихомъ составлены два сборника: privilegia и litterae.

3) Ни одна изъ рукописей не есть ни оригиналъ Генриха, ни точный списокъ съ оригинала и не представляетъ текста въ первоначальномъ его видѣ. Въ каждой есть дополненія и пропуски.

4) Наиболѣе близки къ оригиналу рукописи подъ № 2 (отрывокъ), № 1 и 3 — formulae privilegiorum и № 9 — formulae litterarum.

5) Сборникъ привилегій составленъ для потребностей канцеляріи, представляетъ образцы разнаго рода грамотъ, дѣйстви-

---

1) Только съ особенностями рукописи подъ № 6 Петровъ ознакомился нынѣшнимъ лѣтомъ въ Прагѣ, благодаря любезности г. Новака, изучавшаго эту рукопись въ Чельшенгемѣ.

тельно издававшихся королевской канцеляріей, и поэтому имѣетъ историческую цѣнность.

6) Сборникъ писемъ составленъ для школы, для обученія молодежи реторическому искусству, содержитъ почти исключительно выдуманныя письма на разные случаи жизни и тогдашнія историческія событія. Если для сочиненія нѣкоторыхъ образцовъ авторъ, можетъ быть, и пользовался подлинными письмами историческихъ дѣятелей, то во всякомъ случаѣ они дошли до насъ въ совершенно переработанномъ и искаженномъ видѣ и должны быть признаны не имѣющими исторической достовѣрности. (Таковы письма, относящіяся къ борьбѣ Отокара II съ Рудольфомъ, и между прочимъ знаменитое письмо Отокара II къ силезскимъ князьямъ).

А. А. Петровъ, магистрантъ.

XIV.

Лѣтомъ 1900 г. С. Л. Пташицкій находился въ командировкѣ съ ученой цѣлью за границей и въ Россіи и занимался собираніемъ въ польскихъ библіотекахъ матеріаловъ по исторіи древней польской повѣсти въ связи съ исторіей русско-польскихъ литературныхъ отношеній.

За это время прежде всего онъ разсмотрѣлъ всѣ доступныя польскія повѣсти до конца XVII в. свѣтскаго характера и на основаніи собраннаго матеріала приготовилъ Общій обзоръ старинной свѣтской повѣсти въ Польшѣ. Этотъ обзоръ приготовляется къ печати, и составитель его желалъ бы начать его печатаніемъ съ начала будущаго года.

Изъ цикла старинныхъ повѣстей Пташицкій остановился прежде всего на Александріи, какъ сохранившейся въ болѣе древнихъ текстахъ. Въ польскихъ спискахъ латинской Александріи XV в. удалось найти особый видъ группы Cod. Seitenste-

tensis 1433 г. (Zingerle, Die Quellen zum Alexander), интересный введеніемъ и нѣкоторыми подробностями. Въ этомъ отношеніи интересны рукописи библіотеки Краковскаго университета и библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ. Въ связи съ латинскими рукописями и чешскими рукописными текстами представляетъ особенный интересъ польская рукопись 1505 г. библіотеки Замойскихъ въ Варшавѣ. Польскія изданія Александріи, которыя восходятъ къ старопечатнымъ латинскимъ текстамъ, составляютъ особый отдѣлъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пташицкій пополнилъ и исправилъ свое прежнее изслѣдованіе о «Римскихъ Дѣяніяхъ». Существенное добавленіе составляютъ данныя объ угро-русскихъ переводахъ «Римскихъ Дѣяній», собранныя отчасти въ изслѣдованіи д-ра Ив. Франко, отчасти неизвѣстныя этому изслѣдователю. Интереснымъ добавленемъ является рукопись библіотеки перемышльскаго русскаго Собора.

Собранные такимъ образомъ матеріалы послужатъ основаніемъ особаго изслѣдованія, которое г. Пташицкій хотѣлъ бы издать въ теченіе 1901 г.

Занимаясь спеціально исторіей повѣсти, Пташицкій имѣлъ случай ближе познакомиться и изслѣдовать нѣкоторыя русскія рукописи, хранящіяся въ польскихъ библіотекахъ. Изъ нихъ болѣе интересны:

1) Хроника Бѣльскаго по рукописи Музея Чарторыскихъ въ Краковѣ.

2) Кормчая съ законами Юстиніана, писанная въ Академіи Константиновской въ 1599 г., по рукописи Львовскаго Университета.

3) Отечникъ Печерскій по списку 1419 г. съ записью о Щепѣ, по рукописи Львовскаго Университета.

4) Александрія сербской редакціи въ спискѣ конца XVII в. по рукописи Курницкой библіотеки гр. Замойскаго около Познани.

Въ музеѣ Чарторыскихъ Пташицкій описалъ всѣ грамоты XIV в. западно-русскаго письма и съ 4-хъ, болѣе интересныхъ

въ палеографическомъ отношеніи, сдѣлалъ фотографическіе снимки въ ту же величину.

Въ теченіе 1900 г. сдѣлалъ еще слѣдующія работы:

1) По порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества составилъ разборъ изданія Каманина: «Палеографическій Изборникъ», и таковой напечаталъ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія.

2) Въ «Извѣстіяхъ» Русскаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ напечаталъ обзоръ новѣйшихъ сочиненій о Мицкевичѣ.

3) Для тѣхъ же «Извѣстій» приготовилъ обзоръ новѣйшихъ польскихъ трудовъ по исторіи польской литературы и польскую библіографію за 1900 годъ.

4) По порученію III Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ составилъ примѣчанія къ начатому покойнымъ академикомъ А. А. Куникомъ изданію русскаго перевода книги Ржежабка о Юріи II.

С. Л. Пташицкій, магистрантъ,
приватъ-доцентъ Имп. Спб. Университета.

XV.

Отчетъ магистранта, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета В. К. Поржезинскаго напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ т. V (1900 г.), кн. 3, стр. 969—1005 подъ заглавіемъ: — «Нѣсколько словъ, о дошедшихъ до насъ памятникахъ языка Полабскихъ славянъ. (Отчетъ о поѣздкѣ въ Германію лѣтомъ 1900 года)».

XVI.

По приглашенію г. Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, отъ 13-го октября (стар. ст.) за № 354, имѣю честь представить настоящій Отчетъ о своихъ занятіяхъ изданіемъ Супрасльской рукописи. Прежде всего я очень радъ случаю выразить мою глубокую признательность Отдѣленію, какъ за довѣріе и сочувствіе къ моему личному труду, такъ и за дѣйствительную помощь, не разъ оказанную мнѣ Отдѣленіемъ въ виду моихъ денежныхъ расходовъ въ научномъ предпріятіи.

Подъ изданіемъ памятника я разумѣю изданіе его языка, т. е. буду имѣть въ виду палеографически точную передачу текста, какъ лингвистическаго документа, и точную, полно исчерпанную статистику лексики и морфологіи памятника; иными словами, изданіе должно состоять изъ палеографически переданнаго текста и спеціальныхъ словаря и грамматики памятника. Если я при этомъ не упоминаю синтаксиса, то это отнюдь не означаетъ невниманія съ моей стороны: управленіе словъ рѣчи необходимо входитъ въ рамки словаря памятника, а словорасположеніе въ рѣчи, на мой взглядъ, должно изучаться на самомъ текстѣ, въ самомъ ходу рѣчи, отнюдь не ампутированной.

Строго научное изданіе Супрасльской рукописи—дѣло очень сложное, и едва ли кому-нибудь посчастливится привесть это изданіе на ту степень обработки, какая была бы желательна наукѣ. Сложность заключается въ томъ, что Супрасльская рукопись представляетъ собой цѣлый рядъ памятниковъ одного и того же старославянскаго яз., но въ разныхъ индивидуальныхъ его особенностяхъ. Будучи сборникомъ 48 болѣе или менѣе краткихъ отдѣльныхъ переводныхъ статей и нося въ себѣ очевидные признаки непринадлежности всѣхъ статей одному и тому же переводчику, она не поддается нашему критерію для классификаціи ея содержанія по принадлежности перевода тому или другому лицу. Если сложная масса, въ нашемъ случаѣ, старо-

славянскаго языка можетъ изучаться только изученіемъ его отдѣльныхъ моментовъ времени, мѣста и индивидуальности, то и понятна вся строгость требованія науки къ издателю различать въ фактахъ ихъ источники. Задавшись мыслью издать «памятники старославянскаго яз. въ объемѣ Супрасльской рукописи», я пришелъ къ логической необходимости предположить, что имѣю дѣло съ 48-ю отдѣльными переводчиками. Такое предположеніе не введетъ никого въ заблужденіе, и смѣлому изслѣдователю отожествленіе отдѣльныхъ рубрикъ не представитъ труда, какой потребовался бы для расчлененія одной рубрики.

Въ настоящее время палеографическое изданіе текста памятника близится къ концу, и точный отчетъ мой въ держаніи корректуръ представляется Отдѣленію при этомъ особо. Что до настоящихъ моихъ занятій, то я всецѣло поглощенъ составленіемъ спеціальныхъ словаря и грамматики памятника. Вся работа производится на картахъ (числомъ за сто тысячъ), на которыя точно списанъ весь памятникъ отъ перваго до послѣдняго слова, по одному на карту. Карты хранятся въ 48 занумерованныхъ коробкахъ и приспособлены къ тому, чтобы служить изданію во всѣхъ стадіяхъ работы надъ нимъ: то подобранныя въ лексическій алфавитъ создаютъ словарь памятника, то подбираются въ морфологическія рубрики и даютъ статистическую грамматику, то собираются въ общій греческій алфавитъ и представляютъ сравнительную статистику всѣхъ 48 переводовъ съ греч. на старославянскій языкъ.

«Спеціальный статистическій словарь старославянскаго яз. въ объемѣ Супрасльской рукописи» долженъ имѣть слѣдующее устройство. 1) Каждая словарная статья дѣлится на столько рубрикъ, во сколькихъ литературныхъ статьяхъ памятника встрѣчается данное слово; каждая рубрика озаглавливается нумеромъ порядка литературной статьи въ оглавленіи изданія. 2) Въ рубрикахъ ведется прежде всего морфологическій порядокъ фактовъ; въ немъ факты группируются по греческимъ значеніямъ и

въ этихъ группахъ — по управленію словъ; наконецъ, послѣдній порядокъ — порядокъ пагинаціи изданія (страница и строка факта). 3) Словарная статья озаглавливается словомъ въ его начальной формѣ (nominativus, infinitivus, нечленное оконч. муж. р. прилагательныхъ) въ той фактически извѣстной памятнику орѳографіи, какая должна быть признана наиболѣе архаичной. 4) За такимъ заголовкомъ идетъ описательная часть словарной статьи, общая всѣмъ рубрикамъ; именно: при существительномъ обозначается родъ «m.», «n.» или «f.» только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ясно выраженъ въ памятникѣ; въ противномъ случаѣ онъ или умалчивается, или обозначается «не ж. р.» (не женскаго рода), «не ср. р.» или «не м. р.»; въ словахъ съ управленіемъ приводится оно; наконецъ, перечисляются греч. значенія въ начальной формѣ, при чемъ въ глаголахъ начальная форма (infinitivus) строго отвѣчаетъ факту (activum, med. или pass.; инфинитивъ настоящаго, будущаго, обоихъ аористовъ или перфекта); въ описательной части словарной статьи дѣлается ссылка на рубрики, а въ порядкѣ показаній рода и управленія отдается преимущество большинству фактовъ. 5) Причастія и нарѣчія составляютъ особыя словарныя статьи, не мѣшаясь съ глаголами и прилагательными. 6) Искаженія на почвѣ переписки приводятся въ словарь съ отсылкой въ надлежащую статью. 7) Объясненіе принятой въ словарѣ аббревіатуры, библіографическій перечень и характеристика греч. текстовъ, служившихъ словарю, и греч. алфавитный указатель фактовъ передачи греч. словъ на старославянскій яз. (аппаратъ для критики перевода) составятъ предисловіе къ словарю. — Такимъ образомъ словарь составитъ одно цѣлое, въ одномъ алфавитѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представитъ собой параллельные словари всѣхъ 48 статей памятника.

Выше упомянулъ я о затруднительности изданія: она заключается въ недостаткѣ греч. текста, оригинальнаго для Супрасльской рукописи. Богатая литературнымъ содержаніемъ, она указываетъ намъ пробѣлы въ извѣстномъ намъ регистрѣ византійской литературы. Конечно, этотъ недостатокъ былъ причиной

того, что задуманное еще Копитаромъ изданіе Супрасльской рукописи остановилось на изготовленіи въ 1840 г. строго-палеографическаго списка съ пергамена и до самой смерти славнаго словинца въ 1844 г. ни на шагъ не подвинулось впередъ, какъ ничего не выиграло въ этомъ отношеніи и отъ перехода въ руки Миклошича, въ 1851 г., наконецъ, опубликовавшаго собственноручный списокъ Копитара. Въ предисловіи къ изданному тексту (pag. VI) Миклошичъ жалуется на этотъ недостатокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могла дать издателямъ одна вѣнская придворная библіотека? Въ самыхъ натянутыхъ условіяхъ она могла предложить оригинальный греч. текстъ только для 16 статей Супрасльской рукописи. Допустимъ, что еще 7 статей освѣщались рукописями другихъ библіотекъ, по изданіямъ Савилія, Дуцея и Монфокона. Итого 23 статьи освѣщенныхъ греч. контекстомъ при 25 неосвѣщенныхъ: другими словами, 206 страницъ изданнаго текста имѣли греч. контекстъ, и 245 страницъ были вовсе безъ контекста. А какъ должны умалиться и эти жалкія условія, когда вспомнимъ о разности редакцій статей въ Супрасльской рукописи и въ спискахъ греческихъ; да къ тому же напомнимъ, что иные списки и вовсе ускользали отъ развѣдчиковъ, по недостаткамъ въ указателяхъ Несселя и Ламбека.

Чтобы побороть это затрудненіе, я вынужденъ былъ стать въ иныя условія, именно, обратиться къ пристальному библіографическому изученію, не довѣряясь регистрамъ каталоговъ, а прослѣживая ихъ непосредственно, и къ собиранію списковъ по разнымъ библіотекамъ. Библіографіей занимался я преимущественно въ вѣнской придворной библіотекѣ, очень богато снабженной каталогами существующихъ собраній; отчасти и въ библіотекахъ Москвы, Петербурга, Венеціи и Болоньи. Собранная библіографія списковъ войдетъ въ предисловіе къ словарю Супрасльской рукописи. Моей коллекціей греч. списковъ для нашего изданія исчерпаны библіотеки Москвы, Вѣны и Венеціи; исчерпанъ матеріалъ и печатный въ Acta Sanctorum, Analecta Bollandiana, въ изданіяхъ Савилія, Дуцея, Монфокона, «Архива» акад.

Ягича и многихъ друг. Въ послѣднюю свою экскурсію, продолжавшуюся за недостаткомъ средствъ и дороговизной выпавшаго сезона, къ сожалѣнію, всего одинъ мѣсяцъ, я объѣхалъ города сѣверной Италіи (Венеція, Падуа, Феррара, Болонья, Флоренція, Пиза, Ливорно, Генуя, Миланъ и Верона) и преимущественно занимался въ болонскомъ университетѣ и Лаврентьевской библіотекѣ во Флоренціи.

Если я выше высказалъ сомнѣніе, чтобы изданіе удалось кому-нибудь привести въ ту степень обработки, какая желательна наукѣ, то я имѣлъ при этомъ въ виду именно недостаточность греч. оригинальнаго текста. Если Копитару и Миклошичу тяжело чувствовался этотъ недостатокъ въ размѣрѣ 54% неосвѣщеннаго текста, то и намъ, надо признаться, не легко чувствовать этотъ недостатокъ и въ размѣрѣ 17%. Именно, не удалось до сихъ поръ найти контексты для житій Конона (№ 3), Александра (№ 12). Трофима (№ 17), Анина (№ 48), молитвы Піонія (№ 10) и словъ Фотія (№ 29) и Златоуста (№ 37 и 41). Изданныя житія Конона въ Acta Sanctorum и Анина въ Anecdota graeca Буассонада чужды Супрасльской рукописи. Будемъ, по возможности, умалять нашъ недостатокъ пользованіемъ другими славянскими списками, какъ и иноязычными переводами съ греческаго, если не удачны будутъ наши дальнѣйшіе розыски.

Другое затрудненіе, встрѣченное мною, заключалось въ недостаткѣ въ ученой литературѣ грамматики средне-греческаго яз., построенной на рукописныхъ фактахъ, и еще болѣе ощутительномъ недостаткѣ греко-славянскаго словаря, необходимаго для оріентированія въ переводческихъ фактахъ при критикѣ текста и перевода. Чтобы побороть эту трудность, я сталъ работать надъ построеніемъ себѣ такого критическаго аппарата. Еще раньше у меня были составлены греко-славянскіе словари къ Чудовской Псалтыри и Клоцеву сборнику, и имѣлся подъ рукой словарь академ. Ягича къ цетиньскому Октоиху, изданному въ 1494 г. Этотъ матеріалъ широко разросся у меня, когда я перевернулъ на греко-славянскій ладъ цѣликомъ словари Микло-

шича, Маріинскаго Ев., Апостола, изданнаго Калужняцкимъ, Пандектовъ Антіоха и друг. Мнѣ не жаль убитыхъ на то времени и силъ, такъ какъ въ какой-нибудь одинъ годъ я сталъ такъ начитанъ въ греч. переводахъ, что для такой начитанности не хватило бы ни моего вѣку, ни памяти. Что до прочихъ лексическихъ пособій, то здѣсь, въ Вѣнѣ, я—въ очень хорошихъ условіяхъ работы, и въ словаряхъ среднегреческихъ недостатка нѣтъ, не исключая и гигантскаго парижскаго изданія словаря Стефана.

Въ заключеніе своего отчета я еще разъ обращусь къ Отдѣленію съ выраженіемъ моей глубокой признательности за назначеніе мнѣ такихъ руководителей при изданіи, какъ учителя мои, академики Филиппъ Өедоровичъ Фортунатовъ и Алексѣй Александровичъ Шахматовъ.

С. Н. Северьяновъ.

XVII.

Результаты моихъ занятій по славянской и русской филологіи въ истекающемъ году выразились въ слѣдующихъ трудахъ:

1. Разборъ книги румынскихъ библіографовъ гг. Біану и Ходоша «Bibliografia românească veche», напечатанный въ II книжкѣ V тома академическихъ Извѣстій по русскому отдѣленію. Мною указаны неизвѣстные румынскимъ библіографамъ славянскія изданія XVI и XVII вв., отмѣчены ихъ ошибки, неточности и т. д.

2. «Румынскія сказанія о рахманахъ», статья, напечатанная въ I книгѣ «Живой Старины» за нынѣшній годъ. Доказывая книжное происхожденіе этихъ сказаній и пасхальныхъ обычаевъ у румынъ и сосѣднихъ съ ними буковинскихъ русиновъ, я сравнивалъ румынскія данныя съ текстами греко-славянскими

Псевдо-Каллисѳеновой редакціи Александріи, Хожденія Зосимы въ страну «блаженныхъ» и т. д.

3. Отзывъ объ этнографическомъ трудѣ г. Dobrescu, «Psihologia penală țĕranului rumânŭ», напечатанный въ томъ же томѣ «Живой Старины». Изложивъ взгляды автора на румынскіе разсказы о гайдукахъ, я сообщилъ и лично мнѣ извѣстный матеріалъ о томъ же видѣ обще-славянскаго эпоса, пользуясь какъ собственными наблюденіями и записями, такъ и румынскими статьями.

4. Отзывъ о переводѣ «Путешествія антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія», посланный въ редакцію журнала «Живая Старина». Я остановился на выпускахъ I и V, гдѣ архидіаконъ алеппскій Павелъ описываетъ свое пребываніе въ Молдавіи и Валахіи. Указавъ на нѣкоторыя неточности переводчика и неизвѣстные ему румынскіе переводы того же Путешествія съ арабскаго, я дѣлаю попытки объяснить нѣкоторыя выраженія и оцѣниваю разсказы Павла съ точки зрѣнія археологіи, письменности и этнографіи.

5. «Сказаніе вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ, въ Воскресенской лѣтописи», рефератъ, читанный въ послѣднемъ октябрьскомъ засѣданіи Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Въ этой статьѣ я разбираю изслѣдованія объ этомъ же «Сказаніи вкратцѣ» румынскихъ славистовъ— гг. Богдана и Хыждеу, и доказываю книжное происхожденіе Сказанія, появившагося въ Россіи въ началѣ XVI вѣка.

6. Краткая замѣтка о книгѣ проф. Е. Калужняцкаго «Zur älteren Paraskevalitteratur der Griechen, Slaven und Rumänen». Wien. 1899 (въ рукописи).

7. «Румынскій романсъ, послужившій оригиналомъ для стихотворенія А. С. Пушкина «Черная Шаль». Приводится румынскій текстъ, записанный мною въ Яссахъ въ прошломъ году, съ русскимъ переводомъ, который обнаруживаетъ близкое сходство съ текстомъ Пушкинской «молдавской пѣсни» (рукопись).

8. «Опытъ объясненія выраженія Слова о Полку Игоревѣ»

«тропа Трояня», въ связи съ толкованіями румынскаго филолога г. Хыждеу», а именно старо-румынское значеніе слова Trojan—Via strata, встрѣчающееся въ трансильванскомъ словарѣ XVIII вѣка (въ рукописи).

9. «Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ», XXI—XXX. Десять небольшихъ статей и текстовъ, которые должны служить продолженіемъ моихъ работъ, помѣщавшихся подъ такимъ же заглавіемъ въ «Извѣстіяхъ Отд. русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ». Тексты выписаны по большей части изъ рукописей малоизвѣстныхъ библіотекъ.

10. «Румынскіе отрывки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ А. С. Пушкина». Примѣчанія и объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ стихотвореній и поэмъ Пушкина, касающихся румынскихъ мѣстностей, напримѣръ — о погребеніи Мазепы въ Галацахъ, о ссылкѣ Овидія въ Томи (Кюстенджe), и румынскихъ эпическихъ сказаній (добавленія къ «Этюдамъ о Пушкинѣ» проф. Н. Ѳ. Сумцова) (въ рукописи).

Кромѣ этихъ работъ, въ отчетномъ году мною приготовлена къ печати первая часть большого труда «Славянскія рукописи румынскихъ библіотекъ», а именно, рукописи молдавскаго мон-ря Агапіи. Сдѣланы реальныя примѣчанія къ нѣкоторымъ записямъ на рукописяхъ, приведены другіе тексты для сравненія редакцій и переводовъ и пр. Обработаны также нѣкоторые вопросы, относящіеся къ литературной дѣятельности Григорія Цамблака, о которомъ мною приготовляется большое изслѣдованіе, какъ магистерская диссертація.

Съ 1-го октября, получивъ отъ Отдѣленія стипендію на годъ, я сталъ подготовляться къ магистерскимъ экзаменамъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій и въ настоящее время изучаю лекціи проф. Т. Флоринскаго по сербскому и чешскому языкамъ; а также читаю сербскія пѣсни и сказки. Въ связи съ практическимъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій стоятъ библіографическія работы о послѣднихъ болгарскихъ и чешскихъ изслѣдованіяхъ и журна-

лахъ, которыя я произвожу по порученію г-на Предсѣдателя Славянской Коммиссіи для докладовъ на засѣданіяхъ Коммиссіи.

А. И. Яцимирскій.

XVIII.

Почти весь 1900 годъ—за исключеніемъ двухъ мѣсяцевъ—я провелъ въ Вѣнѣ, выполняя программу занятій, намѣченную для меня профессоромъ-академикомъ В. И. Ламанскимъ. Мои занятія сосредоточивались въ двухъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ Вѣнскаго Университета «Institut für Oesterreichische Geschichtsforschung» и «Slavisches Seminar», заключаясь въ слушаніи профессорскихъ курсовъ, поскольку послѣдніе соотвѣтствовали моимъ научнымъ интересамъ, и въ самостоятельной работѣ въ связи съ этими курсами. Мои научные интересы направлялись на политическую и литературную исторію славянскихъ народовъ — западныхъ и южныхъ.

Въ «Институтѣ австрійской исторіи» я занимался латинской палеографіей въ той мѣрѣ, въ какой она необходима историку, имѣющему дѣло съ письменностью, касающеюся славянскихъ народовъ. Только извѣстные роды латинскаго письма изучены были мною; это: 1) лангобардское письмо, нашедшее себѣ примѣненіе въ Далмаціи (напр. рукопись Ѳомы Сплетскаго, нѣкоторыя грамоты), 2) куріяльное письмо, примѣнявшееся до пол. XII в. въ папскихъ документахъ, столь вообще важныхъ для исторіи славянъ католическихъ, 3) письмо минускульное, до XIII вѣка господствовавшее въ Западной Европѣ, въ томъ числѣ и у славянъ латинской культуры (хорватовъ, чеховъ, поляковъ), и 4) письмо курсивное, примѣненное и въ національной письменности — какъ нѣмецкой, такъ и славянской (чешской, польской, хорватской).

Кромѣ латинской палеографіи, я слушалъ въ «Институтѣ»

курсъ проф. Мюльбахера о «Papsturkunden» (лѣтній семестръ 1899—1900 года) и курсъ проф. Реулиха о «Privaturkunden» (текущій семестръ). Значеніе перваго курса для историка славянскихъ народовъ станетъ весьма яснымъ, если вспомнить только о матеріалахъ, собранныхъ Рачкимъ, Ферменджиномъ, Тейнеромъ, Палацкимъ и другими, для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, умножаемыхъ еще и теперь постоянно работающими въ Римѣ чешской и польской научными экспедиціями. Съ другой стороны, если принять во вниманіе, что въ Далмаціи и Хорватіи, Польшѣ и Чехіи городское устройство и монастыри получили свой укладъ изъ Италіи и Германіи, то курсъ проф. Реулиха о приватныхъ документахъ (нѣмецкихъ и итальянскихъ) получаетъ большое значеніе и для изслѣдователя исторіи вышеназванныхъ славянскихъ народовъ. Въ связи съ курсами проф. Мюльбахера и Реулиха мнѣ пришлось въ основныхъ чертахъ познакомиться съ исторической хронологіей и сфрагистикой. Въ самое послѣднее время, пользуясь богатыми пособіями «Института», я занялся и греческой палеографіей, — точнѣе, однимъ видомъ греческаго письма, минускулой. Что касается занятій въ ««Slavisches Seminar», то въ первомъ полугодіи (лѣтній семестръ) я слушалъ два курса проф. Иречка: «Источниковѣдѣніе къ исторіи южныхъ славянъ» и «Средневѣковая географія Босніи». Первый курсъ былъ въ сущности обозрѣніемъ только одного вида этихъ источниковъ — грамотъ (документовъ) болгарскихъ, боснійскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, далматинскихъ, византійскихъ и венеціанскихъ, и примыкающихъ къ нимъ — надписей, корреспонденціи вообще, эпилоговъ рукописей. Проф. Иречекъ далъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ нѣмцы называютъ Quellenkunde, и нѣчто въ родѣ Slavische Urkundenlehre (т. е. Дипломатика). Въ виду или отсутствія полнаго или слабаго развитія южно-славянскаго лѣтописанія, документальный матеріалъ представляетъ исключительную важность для южно-славянской исторіи. Въ виду этого, мои занятія почти исключительно были направлены на изученіе документовъ.

Если, съ одной стороны, я не имѣлъ ни времени, ни необходимости перечитать весь этотъ матеріалъ, то, съ другой стороны это чтеніе не могло ограничиваться только временемъ слушанія курса проф. Иречка, а продолжалось во время моего путешествія на Балканскій полуостровъ, продолжается и до настоящаго времени. Со времени возвращенія изъ путешествія на Балканскій полуостровъ, т. е. съ октября, я изучаю и другіе источники славянскаго происхожденія. Изученіе одного изъ важнѣйшихъ иностранныхъ источниковъ — византійскихъ писателей отложено мною до весны, когда я предполагаю отправиться въ Мюнхенъ, въ семинарій проф. Крумбахера.

Впрочемъ, я допустилъ въ этомъ случаѣ одно исключеніе — для сочиненій Константина Порфиророднаго, о которыхъ я слушаю въ текущемъ семестрѣ курсъ проф. Иречка. Какъ въ лѣтнемъ семестрѣ, такъ и въ текущемъ я изучалъ литературу — преимущественно монографическую — по исторіи балканскихъ славянскихъ государствъ, слушая въ то же время 4-хъ-часовой (въ недѣлю) курсъ проф. Иречка объ исторіи Балканскаго полуострова со времени появленія Турокъ на полуостровѣ до гибели здѣсь послѣднихъ остатковъ славянскихъ владѣній. (Въ этомъ курсѣ проф. Иречекъ воспользовался новымъ матеріаломъ, который даютъ два новыя изданія: «Diplomatarium Veneto-Levantinum», т. II-й и «Notes et extraits», I—II Іорги).

При самостоятельныхъ занятіяхъ по южно-славянской исторіи я наибольшее вниманіе обратилъ на исторію Хорватіи, исходя изъ новаго серьезнаго труда Клаича: «Povjest Hrvata», т. I—II; наряду съ этимъ я познакомился съ главнѣйшими трудами по исторіи Дубровника — старыми, гг. Матковича, Любича и новыми — г. Войновича (Дубровник и Османско Царство, 1898), а особенно съ превосходными трудами лучшаго знатока исторіи Дубровника, г. Иречка: статьями въ XIX и XXI т. «Archiv für Slavische Philologie» и съ книгой — «настольной» при занятіяхъ по исторіи Дубровника — «Die Bedeutung von Ragusa in der Handelsgeschichte des Mittelalters», 1899 (цѣны

особенно примѣчанія). Занятія по исторіи Хорватіи и Дубровника восполнили мои пробѣлы въ этой области, обусловленные направленіемъ моихъ научныхъ интересовъ до сихъ поръ (западное славянство). Сверхъ того, еще одинъ общій вопросъ по исторіи славянскаго права (сравнительнаго) или славянскихъ древностей привлекъ мое вниманіе — это вопросъ о «Задругѣ», ставшій въ два послѣдніе года предметомъ очень оживленной, можетъ быть, страстной, но научной и въ значительной степени плодотворной полемики (работы Кадлеца, Пейскера, Бальцера, Пекаржа).

Въ текущій семестръ я еще слушалъ курсъ проф. Ягича «Славянская — глаголическая и кирилловская — палеографія». До сихъ поръ чтенія проф. Ягича касались только глаголическаго письма съ двухъ точекъ зрѣнія: его происхожденія изъ греческой минускулы и пріоритета передъ кириллицей — съ одной стороны — и развитія этого глаголическаго письма (хронологическое и географическое пріуроченіе памятниковъ письма) — съ другой.

Я постарался ближе познакомиться съ постановкой практическихъ занятій по славяновѣдѣнію у проф. Ягича и Иречка. У проф. Ягича они заключаются въ чтеніи студентами докладовъ на поставленныя профессоромъ темы въ связи съ читаемымъ курсомъ (въ лѣтнемъ семестрѣ — продолженіе работъ предыдущаго семестра по курсу о «Славянскихъ древностяхъ», въ текущемъ — разборы памятниковъ староцерковно-славянскаго языка). Но студенты постоянно стараются нарушать систематичность этихъ работъ, предпочитая для докладовъ темы по исторіи родной литературы и родному языку. Поведеніе студентовъ во время упражненій совершенно пассивное: обсуждаетъ доклады только профессоръ. У проф. Иречка семинарій состоялъ — въ лѣтнемъ семестрѣ — въ чтеніи паннонскаго житія св. Меѳодія и — въ текущемъ — въ чтеніи южнославянскихъ грамотъ. Студенты только переводятъ тексты на нѣмецкій языкъ. Профессоръ даетъ филологическій, литературный и историческій комментарій текстовъ.

Такой характеръ семинарія имѣетъ одну хорошую сторону: онъ позволяетъ знакомиться съ пріемами исторической работы, которые у проф. Иречка слѣдуетъ назвать образцовыми въ самой высокой степени. Я долженъ признаться, что на упражненіяхъ проф. Иречка я многому научился.

Что до моихъ путешествій по славянскимъ землямъ, то они заключались въ поѣздкѣ въ Краковъ (въ началѣ іюня мѣсяца) на III съѣздъ польскихъ историковъ и въ двухмѣсячномъ пребываніи въ Сербіи и Болгаріи. О III съѣздѣ польскихъ историковъ я намѣренъ въ ближайшемъ будущемъ напечатать особый отчетъ. Присутствіе на съѣздѣ дало мнѣ ясную картину современной польской исторіографіи, съ ея сильными и слабыми сторонами, картину, которая не достаточно обрисовывалась для меня при чтеніи польскихъ научныхъ работъ, когда оно постоянно прерывалось ознакомленіемъ съ иными славянскими литературами; кромѣ того, я имѣлъ возможность лично познакомиться со многими польскими работниками въ разныхъ отдѣлахъ историческаго знанія, что̀ такъ важно въ условіяхъ современнаго научнаго оборота.

Въ южно-славянскихъ странахъ я провелъ около двухъ мѣсяцевъ: болѣе мѣсяца—въ Сербіи и остальное время въ Болгаріи. Мои научные интересы наконецъ и самое время — августъ и сентябрь, когда рукописныя отдѣленія библіотекъ закрыты, — объясняютъ вполнѣ то, что я не занимался этими рукописями сербскихъ и болгарскихъ библіотекъ. Я старался, какъ можно полнѣе, изучить современную жизнь сербскаго и болгарскаго народа путемъ знакомствъ съ представителями разныхъ народныхъ слоевъ и группъ, начиная съ людей науки и литературы и кончая «селяками», посѣщая музеи и театры, засѣданія ученыхъ и литературныхъ обществъ (насколько это возможно въ условіяхъ мѣста и времени), знакомясь съ современной печатью. При этомъ я старался ближе и практически изучить сербскій и болгарскій языкъ, — результатами въ этомъ отношеніи я остался въ общемъ доволенъ — и наиболѣе относительно сербскаго языка,

которымъ къ концу пребыванія въ Сербіи уже владѣлъ и въ рѣчи.

Въ тоже время я читалъ произведенія лучшихъ авторовъ — сербскихъ: В. Илича, Веселиновича и Срѣмца, и болгарскихъ— Вазова, Ал. Константинова и Страшимирова; продолжалъ, какъ указалъ выше, работу по изученію южно-славянской исторіи.

Работу по приготовленію магистерской диссертаціи я оставилъ на второй годъ своего пребыванія за границей; по указаніямъ данной мнѣ инструкціи и своихъ научныхъ нуждъ, я за истекающій годъ почти исключительно учился, въ смыслѣ пополненія пробѣловъ въ своихъ познаніяхъ по исторіи славянскихъ народовъ и усвоенія общихъ основъ для самостоятельныхъ изысканій и сужденій въ этой области. Подробности этого ученья изложены въ моемъ Отчетѣ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Въ заключеніе, считаю долгомъ выразить свою глубокую признательность II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ за оказанную мнѣ въ истекающемъ году матеріальную поддержку. Вѣна, 2-е декабря, 1900 годъ.

Магистрантъ Императорскаго С.-Петербургскаго
Университета Николай Ястребовъ.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1900 года

Ординарнымъ Академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

Присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого въ 1900 году принадлежало Отдѣленію русскаго языка и словесности. На соисканіе означенныхъ премій было представлено всего четыре труда, изъ коихъ одинъ отложенъ до слѣдующаго соисканія за позднимъ полученіемъ сообщенія объ отказѣ отъ разбора рецензента, къ которому обращалось Отдѣленіе съ просьбою принять на себя разсмотрѣніе труда, представленнаго на премію. Такимъ образомъ разсмотрѣнію составленной согласно § 15 правилъ о преміяхъ имени гр. Д. А. Толстого коммиссіи подлежали два сочиненія:

1) Магистра В. Н. Щепкина: «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги». Съ приложеніемъ двухъ фототипическихъ снимковъ. Спб., 1899, 8°.

2) «Грамматика Словинскаго языка». Составилъ . . . . . Горица. Типографія А. Габрщека. 1900. 16°.

По просьбѣ Отдѣленія означенныя сочиненія были разсмотрѣны — первое акад. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, второе — акад. Ѳ. Е. Коршемъ.

I.

Отзывъ о сочиненіи В. Н. Щепкина:

«РАЗСУЖДЕНІЕ О ЯЗЫКѢ САВВИНОЙ КНИГИ.

Съ приложеніемъ двухъ фототипическихъ снимковъ, Спб., 1899. Стр. III, XXI, 349».

Двѣ главныя задачи представляются въ настоящее время по отношенію къ изученію старославянскаго языка въ его отдѣльномъ существованіи. Во-первыхъ, требуются спеціальныя изслѣдованія по языку каждаго изъ дошедшихъ до насъ старославянскихъ текстовъ; во-вторыхъ, при изслѣдованіи именно фонетической исторіи старославянскаго языка въ его отдѣльномъ существованіи постоянно долженъ быть принимаемъ во вниманіе вопросъ объ отношеніи живого болгарскаго языка, въ его различныхъ діалектахъ, къ языку старославянскому. Обѣ эти задачи ставилъ передъ собою авторъ «Разсужденія о языкѣ Саввиной книги». В. Н. Щепкинъ остановился на одномъ изъ двухъ главныхъ кирилловскихъ текстовъ старославянскаго письма, именно на евангельскихъ чтеніяхъ, названныхъ Срезневскимъ (который открылъ этотъ памятникъ и издалъ его); Саввиною книгою, внимательно изучилъ рукопись, хранящуюся въ Типографской библіотекѣ въ Москвѣ, и далъ въ своемъ «Разсужденіи», вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ памятника (стр. 1—71), фонетическое изслѣдованіе языка Саввиной книги; въ этомъ изслѣдованіи авторъ опредѣляетъ говоръ, принадлежавшій писцу Саввиной книги, въ его отношеніяхъ къ другимъ старославянскимъ говорамъ и указываетъ для различныхъ фонетическихъ явленій, преимущественно въ исторіи гласныхъ ъ и ь, на близкую историческую связь болгарскаго языка съ языкомъ старославянскимъ. Двѣ страницы памятника воспроизведены въ фототипическихъ снимкахъ, приложенныхъ къ «Разсужденію» В. Н. Щепкина. Методъ изслѣдованія въ разсматриваемомъ сочиненіи, по мнѣнію рецензента, въ общемъ правильный: авторъ не смѣшиваетъ буквъ со звуками и обнаруживаетъ хорошее знакомство какъ съ пріе-

мами опредѣленія фонетическихъ фактовъ, скрытыхъ подъ буквами старыхъ рукописей, такъ и съ общими данными физіологіи звуковъ рѣчи. Выводы и предположенія автора, изложенные въ главной части его сочиненія: «Фонетика» (стр. 72—300), хотя не вездѣ представляются убѣдительными и могутъ требовать, на взглядъ рецензента, дополненій и поправокъ, въ значительной степени обогащаютъ наши знанія фонетической исторіи старославянскаго языка, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ самая группировка матеріала, сдѣланная авторомъ, въ особенности въ обширной главѣ о гласныхъ ъ и ь (стр. 94—257), открываетъ передъ читателемъ новыя перспективы въ изслѣдованіи фонетической стороны какъ этого языка, такъ и новыхъ болгарскихъ діалектовъ; цѣнными представляются также общія заключенія В. Н. Щепкина относительно старославянскихъ говоровъ и ихъ связи съ говорами болгарскими, отчетливо резюмированныя въ предисловіи.

Рецензентъ, расходясь съ авторомъ во взглядѣ на нѣкоторые фонетическіе факты въ языкѣ Саввиной книги и частью въ другихъ старославянскихъ текстахъ, не можетъ признать доказаннымъ и тотъ главный выводъ, къ которому приходитъ В. Н. Щепкинъ въ первомъ отдѣлѣ своего труда, въ «Описаніи памятника», и который затѣмъ имѣется въ виду въ различныхъ мѣстахъ отдѣла «Фонетики». Авторъ думаетъ, что Саввина книга есть непосредственный списокъ съ глаголической рукописи, и дѣлаетъ такое заключеніе на основаніи нѣкоторыхъ описокъ и поправокъ, встрѣчающихся въ этомъ памятникѣ, при чемъ главное, рѣшающее значеніе В. Н. придаетъ тому факту, что нѣсколько разъ буква с передѣлана здѣсь самимъ писцомъ изъ і; по мнѣнію автора, эти ошибки станутъ понятны, если допустить, что писецъ смѣшивалъ глаголическія буквы оригинала: Ⰺ = і, и и Ⱄ = с. Противъ такого заключенія свидѣтельствуетъ, однако, отсутствіе случаевъ обратнаго смѣшенія тѣхъ же буквъ, т. е. отсутствіе случаевъ, въ которыхъ буква і въ Саввиной книгѣ была бы передѣлана изъ с; кромѣ того, рецензентъ не находитъ основанія предполагать, что въ примѣрахъ, указанныхъ авторомъ, буква с

передѣлана, дѣйствительно, изъ буквы ı, а не изъ черты ı, которая является не только въ буквѣ ı, но также и въ началѣ многихъ другихъ буквъ кириллицы, и съ которою могла имѣть значительное сходство средняя часть буквы є въ Саввиной книгѣ (см. фототипическіе снимки). Нерѣдкіе примѣры для буквы є, передѣланной изъ черты ı, извѣстны рецензенту изъ Супрасльской рукописи, по указаніямъ С. Н. Северьянова, который въ настоящее время печатаетъ этотъ текстъ: въ Супрасльской рукописи встрѣчаются также, хотя и рѣже, случаи, гдѣ буква є и нѣкоторыя другія буквы передѣланы изъ черты ı. Ср. въ первомъ снимкѣ у В. Н. Щепкина, во второй строкѣ сверху, первое є слова єже, передѣланное изъ ı; въ данномъ мѣстѣ можно было бы, конечно, предполагать передѣлку изъ того ı, которое входитъ въ составъ знака ѥ, но знакъ ѥ вообще встрѣчается очень рѣдко въ Саввиной книгѣ, и примѣровъ для ѥже, съ ѥ, здѣсь нѣтъ. По мнѣнію рецензента, Саввина книга, при отсутствіи въ ней какихъ-либо ясныхъ указаній въ пользу предположенія В. Н. Щепкина относительно глаголическаго оригинала для этого памятника, скорѣе можетъ свидѣтельствовать противъ такого предположенія, именно извѣстною правильностью въ употребленіи буквъ ꙗ и ѣ, въ соотвѣтствіи съ одною буквою Ⱑ глаголическихъ текстовъ.

Матеріалъ, представляемый Саввиною книгою для фонетическаго изслѣдованія, исчерпанъ авторомъ вообще съ надлежащею полнотою, но въ цѣнномъ спискѣ всѣхъ примѣровъ для выпаденія гласныхъ ъ и ь, стр. 115 — 126, нѣкоторые случаи опущены, именно: иглинѣ л. 45ᵇ и 63, жглоу л. 46ᵇ; разгнѫвъ л. 122ᵇ (ср. съгънѫвъ л. 124); сѫмнѣ л. 41; пѣсцѣ л. 32ᵇ; на случай простри л. 74 авторъ самъ указываетъ ниже, на стр. 144. Съ другой стороны, изъ того же списка должны быть исключены: знати, знаниѥ, знамениѥ и закла; ср. у автора стр. 139 и 144.

Въ виду указанныхъ выше научныхъ достоинствъ разсматриваемаго сочиненія и принимая во вниманіе § 7 Правилъ о пре-

міяхъ имени гр. Д. А. Толстого, рецензентъ смѣетъ думать, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности найдетъ справедливымъ присудить В. Н. Щепкину почетную золотую медаль имени гр. Д. А. Толстого, цѣнностью въ триста рублей.

II.

ОТЗЫВЪ О РУКОВОДСТВѢ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СЛОВИНСКАГО ЯЗЫКА,

представленномъ на премію графа Д. А. Толстого.

Словинская грамматика на русскомъ языкѣ, представленная на премію гр. Д. А. Толстого, заключаетъ въ себѣ довольно полный и очень толково изложенный перечень правилъ словинскаго языка, этимологическихъ и синтактическихъ, извлеченныхъ преимущественно изъ современной литературной рѣчи, но значительно дополненныхъ данными историческими и діалектическими. Вообще эта книга по своему плану должна представлять собою научное изложеніе явленій языка, и слѣдуетъ отдать справедливость автору въ томъ, что свою задачу, за нѣкоторыми исключеніями, онъ рѣшилъ успѣшно. Предисловіе содержитъ въ себѣ: 1) обзоръ памятниковъ словинскаго языка съ древнѣйшихъ временъ, начиная Бризинскими (Фрейзингенскими) отрывками, до XVI в., когда у Словинцевъ являются печатныя книги и съ тѣмъ вмѣстѣ открывается исторія литературнаго языка, входящаго въ программу уже самаго текста грамматики, 2) исторію словинскаго правописанія съ Трубара и Бохорича до Блейвейса и Янежича. Тотъ и другой отдѣлъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ объемѣ, есть нововведеніе автора. Другую особенность этого сочиненія составляетъ точное различеніе четырехъ удареній, существованіе которыхъ въ словинскомъ языкѣ было указано еще Левстикомъ (Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen. Laibach. 1866, стр. 3), но почти безо всякихъ послѣдствій для этого вопроса, пока онъ не былъ вновь поднятъ и послѣдовательно разработанъ Валяв-

цемъ. Авторъ разбираемой здѣсь грамматики не только посвятилъ ударенію особый, сравнительно обширный отдѣлъ, но и въ другихъ частяхъ своего труда постоянно обращаетъ вниманіе на просодическую сторону разсматриваемыхъ имъ формъ, вездѣ размѣчая слова, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ удареніе не явствуетъ изъ общаго правила, четырьмя знаками удареній, принятыми Валявцемъ. Правда, физіологическое опредѣленіе этихъ удареній у него едва-ли вполнѣ безупречно, такъ какъ 1) онъ склоненъ чуть не отождествлять ихъ съ сербскими, тогда какъ на дѣлѣ съ послѣдними совпадаютъ по своему качеству только два— восходящее и нисходящее долгія, а два остальныя—такъ называемыя восходящее и нисходящее краткія—измѣняютъ самый характеръ гласнаго звука, чего по-сербски нѣтъ; 2) онъ отрицаетъ музыкальность восходящаго ударенія у словинцевъ, а между тѣмъ приведенные имъ примѣры, по его мнѣнію, нисходящихъ и восходящихъ удареній въ русскомъ языкѣ, изъ которыхъ первыя оказываются на гласныхъ передъ твердыми согласными, а вторыя—передъ мягкими, не оставляютъ сомнѣнія въ бо̀льшей высотѣ второй части восходящаго ударенія; но этотъ недостатокъ искупается, насколько можно судить о томъ иностранцу, точностью въ разстановкѣ акцентныхъ обозначеній. Намъ, русскимъ, особенно цѣнно то, что авторъ излагаетъ свой предметъ сравнительно именно съ русскимъ языкомъ. Выгоды для насъ такого сближенія весьма существенны въ словосочиненіи, гдѣ нѣкоторыя правила подсказаны прямо свойствами нашей рѣчи, впрочемъ съ другой стороны не безъ значительной пользы для выясненія законовъ словинскаго языка самого по себѣ. Особенно хорошо разработанъ въ этомъ смыслѣ отдѣлъ предлоговъ, какъ разъ одинъ изъ труднѣйшихъ для иностранца. Глава о союзахъ, также не легкая, могла бы быть нѣсколько полнѣе какъ относительно ихъ списка, такъ и по вопросу объ употребленіи соотвѣтствующихъ глагольныхъ формъ, напр. при союзѣ *да* = 1) что, 2) чтобы (какъ а, ut finale; б, ut objectivum), 3) хотя, допустимъ,—что отчасти относится, конечно, къ синтаксису глагола.

Вообще, чуть ли не самый ощутительный недостатокъ книги состоитъ именно въ нѣкоторой скупости автора на факты, даже давно отмѣченные другими учеными. Сравненіе съ церковно-славянскимъ языкомъ, вопреки упомянутому въ началѣ научному характеру сочиненія, появляется спорадически, какъ бы случайно, а перечисленіе грамматическихъ формъ не вездѣ полно. Есть и одинъ внѣшній недостатокъ, непріятно развлекающій вниманіе читателя въ русскихъ словахъ, въ которыхъ онъ его легко видитъ, и смущающій его, хотя бы одною возможностью своей наличности, въ словинскихъ, особенно въ удареніяхъ, въ этомъ языкѣ къ тому же непостоянныхъ и запутанныхъ: это — довольно многочисленныя опечатки, о количествѣ которыхъ приложенный въ концѣ списокъ не даетъ и отдаленнаго понятія. Впрочемъ, авторъ здѣсь, можетъ быть, не при чемъ: его книга печаталась въ Горйцѣ, гдѣ, какъ и въ Люблянѣ, печатаніе кириллицей не процвѣтаетъ. Кромѣ того, этотъ бичъ научныхъ сочиненій коснулся, повидимому, почти исключительно русскаго текста.

Во всякомъ случаѣ этотъ трудъ представляетъ собою не только надежное пособіе при занятіяхъ словинскимъ языкомъ, но и рѣшительный шагъ впередъ въ дѣлѣ разработки словинской грамматики, и я безо всякихъ колебаній позволяю себѣ ходатайствовать передъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о присужденіи автору половины той преміи, на соисканіе которой онъ предъявилъ свою книгу.

По разсмотрѣніи представленныхъ на соисканіе премій имени гр. Д. А. Толстого коммиссія, состоявшая изъ академиковъ А. Н. Веселовскаго, А. А. Шахматова, И. Н. Жданова, В. И. Ламанскаго и Ѳ. Е. Корша, признала справедливымъ удостоить: а) трудъ магистра В. Н. Щепкина «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» — большой золотой медали имени графа Д. А. Тол-

стого и б) «Грамматику словинскаго языка» (напечатанную въ 1900 году въ Гори́цѣ, въ типографіи А. Габрщека) автора, скрывшаго свое имя, — денежной награды въ четыреста рублей. Означенное постановленіе комиссіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ единогласно утвердило.

Библіографическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Л. Н. МАЙКОВА.

(1857—1900).

I. Статьи и замѣтки о Л. Н. Майковѣ и некрологи:

1. Родъ Майковыхъ внесенъ въ VI ч. Родосл. кн. Ярославской и Спб. губ. (Гербовникъ III, 67). Энц. Слов. Брокг. и Ефр. XVIII, стр. 378.

2. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, составленный В. Руммелемъ, т. II, Спб. 1887 г., стр. 1—7 и 872. Много дополненій, поправокъ и вообще свѣдѣній для родословной рода Майковыхъ сообщено было самимъ Л. Н. М—вымъ.

3. Русскій Энциклопедическій Словарь, издаваемый проф. С.-Петерб. Унив. И. Н. Березинымъ. Отдѣлъ III. Томъ I: Л—М. Спб., 1874, стр. 612 (лишь краткое упоминаніе).

4. Дополненіе къ Настольному Словарю Ф. Толля, составленное подъ редакціею В. Н. Воленса. Выпускъ 2. Заг.—Новгородъ), изданіе В. П. Печаткина. Спб. 1877, стр. 683 (со спискомъ трудовъ Л. Н. М—ва).

5. Всемірная Иллюстрація т. XXXVIII, № 25, 12 декабря 1887 г., стр. 480—помѣщенъ портретъ Л. Н. М—ва при статьѣ Н. Быкова: «Императорская Публичная Библіотека».

6. Записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ (1888). (Сборникъ Отдѣленія русскаго яз. и словесности Императ. Академіи Наукъ, т. XLVI, 1890 г., въ «Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Отдѣл. русск. яз. и слов. въ 1888 году», стр. V—VI; записку см. въ Приложеніяхъ къ протоколамъ, I, стр. VII—XII). Ср. тоже въ «Запискахъ Императорской Акад. Наукъ», т. LV, 1889 г., стр. 22—7 и т. LX, стр. 148—153.

7. П. Быковъ. «Л. Н. Майковъ» (Нива, г. XX, 1889 г., 11 марта № 11, стр. 294 (оба столбца), — съ портретомъ на стр. 296 (съ фотогр. Борщевскаго, грав. Нейманномъ).

8. Записка ординарнаго академика М. И. Сухомлинова объ ученыхъ трудахъ адъюнкта Императорской Академіи Наукъ Л. Н. Майкова. Читано въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 17 марта 1890 года. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ т. LII, Спб., 1891 г., IV, стр. 42—44).

9. А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Этнографіи. Томъ II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія Великорусская. Спб. 1891, гл. VIII, стр. 228—9. Въ примѣчаніи 1 на стр. 228—9 перечислены труды Л. Н. М—ва, имѣющіе отношеніе къ этнографіи (за 1863—1886 гг.). См. еще стр. 307. 312. 316—7.

10. Новое Время 1893 г., 6 ноября, № 6355, «Приложеніе» № 147, стр. 1—2, біографія съ портретомъ.

11. Всемірная Иллюстрація 1893 г., т. L, стр. 370 (портретъ) и стр. 380 (біографія, составл. П. В. Быковымъ).

12. Нива, 1893 г., № 47, стр. 1078 (біографія) и стр. 1080 (портретъ).

13. Сѣверъ 1893 г., № 48, столбц. 2505—8 — біографія съ портретомъ.

14. Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. А. Граната. Томъ V (в.в. 57—70). 2 изд. М. 1894, стр. 2919—20 (съ портретомъ).

— Тоже, изд. 3. М. 1896 г. (стр. тѣже).

15. Майковъ (Леонидъ Николаевичъ). [Статья, подписанная: С. Венгеровъ]. Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ XVIII: Лоп.—Мал. Спб. 1896, стр. 377—8.

16. Н. Афанасьевъ. «Л. Н. Майковъ. (Некрологъ)». Новое Время № 8662 (суббота), 8 (21) апрѣля 1900, изданіе первое, стран. 4, стб. 2

— Тамъ же въ «Хроникѣ» (стб. 3) извѣстіе о болѣзни Л. Н. М — ва, о первой панихидѣ и проч.

17. «Л. Н. Майковъ. (Некрологъ)». С.-Петербургскія Вѣдомости, суббота 8 (21) апрѣля, 1900 года, № 96, стр. 3, стб. 2—3.—Тамъ же на 1-ой страницѣ извѣщеніе о кончинѣ его отъ имени Импер. Академіи Наукъ.

18. «Л. Н. Майковъ. (Некрологъ)». (Правительственный Вѣстникъ 1900, суббота 8-го (21) апрѣля, № 80, стр. 2, стб. 3).

19. В. Перетцъ. «Л. Н. Майковъ. (Некрологъ)». (Сѣверный Курьеръ, 1900 г., № 156, суббота, 8 (21) апрѣля, стр. 3, стб. 1—2).

20. «† Л. Н. Майковъ» (Новости и Биржевая газета, первое изданіе, 1900 г., № 98, суббота, 8 (21) апрѣля, стр. 3, стб. 2, отд. Некрологъ).

— Тоже, второе изданіе, суббота, 8 апрѣля, стр. 3, стб. 2—3.

21. «Л. Н. Майковъ» (Петерб. Газета, 1900 г. суббота, 8 апрѣля, № 97, стр. 4, стб. 3—4, съ портретомъ въ текстѣ).

22. «† Л. Н. Майковъ» (Петербургскій Листокъ, г. 37, № 93, суббота, 8 (21) апрѣля 1900 г. стр. 21, стб. 2—3, отд. «Скорбный листокъ»).

23. «† Л. Н. Майковъ» (Биржевыя Вѣдомости XX годъ, № 96, суббота, 8 (21) апрѣля 1900 г., стр. 2, стб. 5—6).

— † Л. Н. Майковъ (тамъ же, 2-ое изданіе, воскресенье, 1900 г., г. XX-й перваго изданія, № 97, годъ VII второго изданія, стр. 3, стб. 2).

24. «Леонидъ Николаевичъ Майковъ». (Некрологъ). (Россія, № 343, суббота, 8 (21) апрѣля 1900 г., стр. 3, стб. 1).

25. «Л. Н. Майковъ. (Некрологъ)». (Сынъ Отечества, суббота, 8 (21) апрѣля, 1900 г., № 97, стр. 2, стб. 6).

26. Русскія Вѣдомости, 9 апрѣля (воскресеніе) 1900, № 99, стр. 2: По телефону (телеграмма отъ собств. корреспондента изъ Петербурга о смерти Л. Н. М—ва).

27. — Тамъ же стлб. 5—6: «*Л. Н. Майковъ. Некрологъ*». Д. А.

28. «У гроба Л. Н. Майкова». (Петербургскій Листокъ, № 98, вторникъ, 11 (24) апрѣля 1900 г. стр. 4, стб. 3, отд. «Скорбный листокъ»).

— «Похороны Л. Н. Майкова». (Тамъ же № 99, среда, 12 (25) апрѣля 1900 г., стр. 3, стб. 2—3, въ отдѣлѣ «Скорбный листокъ»).

29. «У гроба Л. Н. Майкова». (Петерб. Газета, 1900 г., вторникъ, 11 апрѣля, № 98, стр. 4, стб. 6, «Скорбный листокъ»).

30. Новое Время, среда, 12 (25) апрѣля, 1900, № 8664, стр. 9, стб. 3, о похоронахъ тѣла почившаго Л. Н. М—ва.

— Въ иллюстрированномъ приложеніи къ этому же нумеру на стр. 8-ой помѣщены портретъ Л. Н. М—ва (со ссылкою на № 8662) и снимокъ съ его почерка на стр. 7-ой: «Изъ автобіографіи академика Л. Н. Майкова» (на снимкѣ дата отъ «3 ноября 1893 г.»).

31. С.-Петербургскія Вѣдомости, среда, 12 (25) апрѣля, 1900 г., № 98, стр. 4, стб. 1, о похоронахъ Л. Н. М—ва.

32. «Похороны Л. Н. Майкова». (Петерб. Газета, 1900 г., № 99, среда, 12 апрѣля, стр. 3, стб. 5).

33. Русскія Вѣдомости, 1900 г., № 101, середа, 12 апрѣля, стр. 3 (о возложеніи вѣнка).

34. «Л. Н. Майковъ» съ портретомъ (въ 2 стб.). (Петерб. Листокъ, № 100, четвергъ, 13 (26) апрѣля, 1900 г., стр. 3, стб. 1—2).

35. «† Л. Н. Майковъ». (Вѣдомости Спб. Градоначальства, годъ изд. LXI, № 79, четвергъ, 13 апрѣля 1900 г., стр. 2, стб. 5, отд. Некрологи).

36. «Россія», вторникъ, 18 апрѣля (1 мая), 1900 г., № 351 въ иллюстрир. приложеніи *рисунки* на стр. 7: «Похороны Л. Н. Майкова: 1) Печальное шествіе на Забалканскомъ просп.», 2) «Процессія у стѣнъ Новодѣвичьяго монастыря», 3) «Снятіе гроба съ печальной колесницы».

37. Сѣверный Курьеръ 1900 г., 20 апрѣля (3 мая), четвергъ, № 166, въ иллюстрированномъ приложеніи на стр. 8 (портретъ Л. Н. М—ва).

38. Русскія Вѣдомости, 1900 г., № 109, четвергъ, 20 апрѣля, стр. 1 (объявленіе) «Отъ И. Моск. Археологич. Общества», что въ пятницу, 21-го апрѣля въ $7\frac{1}{2}$ ч. веч., въ домѣ Общества, на Берсеневкѣ, имѣетъ быть засѣданіе Общества, посвященное памяти скончавшихся его членовъ — акад. Л. Н. Майкова... Передъ началомъ засѣданія будетъ отслужена панихида. Чтенія: 1) *Памяти Л. Н. Майкова* — С. О. Долговъ, В. Ѳ. Миллеръ и А. И. Кирпичниковъ».

39. Л. Н. Майковъ. (Нива 1900 г. 22 апрѣля, № 17, стр. 341, съ портретомъ на стр. 342).

40. — *я* — «Памяти Л. Н. Майкова». (Русскій Курьеръ, воскресенье, 23 апрѣля (6 мая), 1900 г., № 169, стр. 3—4). Статья эта касается дѣятельности Л. Н. М—ва по преимуществу какъ предсѣдателя Постоянной Комиссіи Императора Николая II для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ и проч.

41. А. Пыпинъ: *«Леонидъ Николаевичъ Майковъ»* (въ Вѣстникѣ Европы, 1900 (г. 35), кн. 5, Май, Томъ III, Хроника: *Некрологъ*, стр. 403—5).

42. П. Н. Полевой: «Памяти Л. Н. Майкова». (Историческій Вѣстникъ, г. 21, т. LXXX, 1900 г., май, стр. 613—616).

43. В. Е. Рудаковъ: «Леонидъ Николаевичъ Майковъ. (Некрологъ)». (Историческій Вѣстникъ, т. LXXX, 1900 г., май, стр. 617—631 (съ портретомъ на стр. 625).

44. «Современный Календарь на 1901 годъ А. Д. Ступина». (М. Дозв. ц., 26 іюня 1900 г., стр. 72, портретъ (стб. 1), некрологич. замѣтка (стб. 2).

45. *Д. А. Корсаковъ* — «Изъ воспоминаній о Леонидѣ Николаевичѣ Майковѣ». (Историч. Вѣстникъ, г. 21, 1900 г., августъ, ст. IV, стр. 466—477).

46. Н. Н. Вакуловскій. «Ученые труды Л. Н. Майкова». (Филологическія Записки г. 40, вып. IV—V, 1900, стр. 1—7 (есть простая перепечатка академической записки 1888 г., составленной акад. А. Н. Веселовскимъ). На стр. 7—8 въ выноскѣ дополнительная замѣтка Ред(акціи).

47. *Вл. Б.* «Л. Н. Майковъ. Некрологъ» (Этнографическое Обозрѣніе 1900 г. № 2: г. 12, кн. XLV, ст. VI, стр. 177—179).

48. Въ Общемъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ 13-го мая 1900 года, академикъ И. Н. Ждановъ сказалъ нѣсколько словъ въ память почившаго Вице-президента Академіи, акад. Л. Н. Майкова. (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Т. XIII. № 2, сентябрь, 1900. Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, V-me Série Tome XIII. № 2. 1900. Septembre, въ «Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Академіи», стр. III—VI).

49. Журналъ Общ. собр. членовъ Костромской Губ. Ученой Архивной Комиссіи, засѣд. 8-го сентября 1900 г., стр. 2.

50. И. Н. Ждановъ. «Учено-литературная дѣятельность Л. Н. Майкова». (Изъ рѣчи, читанной въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 13-го мая 1900 года»). Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, 1900, октябрь, ч. CCCXXXI, отд. Современная Лѣтопись, стр. 71—74.

51. В. Рудаковъ. «Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ Леонида Николаевича Майкова». (Тамъ же, стр. 75—96).

52. Ив. Кубасовъ.—На могилу Леонида Николаевича Майкова. Спб. 1900, 27 стр. 8⁰. (Съ портретомъ, гравир. на деревѣ Хелмицкимъ). (Отдѣльный оттискъ изъ «Русской Старины» 1900 г.).

53. А. М. Лобода. — «Памяти Л. Н. Майкова». (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга XIV, вып. II. Кіевъ, 1900, Отдѣлъ V, стр. 3—10).

54. «*Отчетъ* о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1900 годъ, составленный къ торжественному засѣданію Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1900 года академикомъ А. Н. Пыпинымъ. (Спб., отдѣльный оттискъ, декабрь 1900 г., въ б. 8-ую д. л.).

> См. стран. 1—3 и въ приложеніяхъ «Библіографическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій Ордин. академика Имп. Академіи Наукъ *Л. Н. Майкова* (1857—1900)», сост. П. К. Симони — на стр. 1—46. См. ниже № 56.

55. «Отчетъ состоящей при Императ. Академіи Наукъ Постоянной Комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за

1900 годъ, составленный къ годовому торжественному собранію Академіи 29-го декабря 1900 года Предсѣдателемъ Комиссіи *П. В. Никитинымъ*, (Спб. отд. оттискъ, декабрь, 1900 г., въ б. 8-ую д. л.).

См. стр. 3. 4—5.

56. [И. К. Симони]: Библіографическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій Леонида Николаевича Майкова (Род. 28 марта 1839 г.— † 7 апрѣля 1900 г.). I. Статьи и замѣтки о Л. Н. Майковѣ и некрологи №№ 1—28 (стр. 1—2). II. Перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ Л. Н. Майкова (1857—1900 г.), №№ 1—230, (стр. 3—46).— Корректурное изданіе для дополненій и поправокъ, какъ подборъ матеріала для будущей систематической библіографіи Санктпетербургъ Типогр. И. Ак. Н. 1900 г., въ б. 8-ую д. л. Стр. 1 неп. (посвященіе Памяти Л. Н. М—ва) +46.

Отдѣльный оттискъ изъ приложеній къ «Отчету о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и слов. И. Акад. Наукъ за 1900 годъ». — Указаны рецензіи и дано обозрѣніе содержанія важнѣйшихъ трудовъ Л. Н. М—ва, особенно трудовъ по изученію русской народной старины и поэзіи, изданій сочиненій Батюшкова, Пушкина, монографій и сборниковъ статей по исторіи русской литературы и т. д.). Ср. выше № 54.

57. А. Лященко. — «Нѣсколько словъ памяти Л. Н. Майкова». (Литературный Вѣстникъ — изданіе Русскаго Библіологическаго Общества, т. I, книжка I, 1901 г., стр. 60—65).

При этой же книжкѣ приложенъ портретъ Л. Н. М—ва въ той же ксилографіи, что и выше (см. № 52). См. еще стран. 10—11 (извлеченіе изъ рѣчи Президента Общества А. М. Ловягина о М—вѣ).

58. *В. Р. «Памяти Леонида Николаевича Майкова».* (Филологическія Записки, г. 41, 1901 г., вып. I—II, стр. 1—26).

Статья датированная такъ сказать заднимъ числомъ 22 апрѣля, 1900. — Сн. съ №№ 43, 51.

59. В. Ламанскій: «Л. Н. Майковъ † 7 апр. 1900 г. (читано въ засѣданіи Отдѣл. Этнографіи 12 мая)». (Живая Старина, періодич. изданіе Отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географ. Общества, г. X, выпускъ IV, Спб. 1900 г., стр. 602—603).

60. Памяти Л. Н. Майкова были посвящены въ засѣданіи 21 апрѣля, 1900 г. Предсѣдателемъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности графомъ С. Д. Шереметевымъ нѣсколько теплыхъ словъ. (См. въ Отчетахъ о засѣданіяхъ И. Общества Любит. Др. Письм. въ 1899—1900 году.— въ Памятникахъ др. письменности и искусства № CXLI, Спб., 1901 г., стр. 23—24 и въ Отчетѣ за 1899—1900 г. см. стр. 26.

61. Н. Чечулинъ. «Памяти Л. Н. Майкова». Спб., 1901, 8 стр. въ 8 д. л., (Памятники древней письменности и искусства. № CXLII). Читано въ засѣданіи Имп. Общ. Любит. Древней Письменности 10 ноября 1900 г.

II. Перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ Л. Н. Майкова.

1857.

1. *Поправки къ Смирдинскому изданію сочиненій* Д. В. Давыдова. (Напечатано въ «Библіографическихъ замѣткахъ по русской литературѣ» подъ VI-мъ №, въ «Сборникѣ, издаваемомъ студентами Императорскаго Петербургскаго Университета», вып. I, Спб. 1857, въ отдѣлѣ «Учено-литературныя замѣтки», стр. 348—349).
2. *Ненапечатанные стихи* А. С. Пушкина. — (Тамъ же, вып. I, 1857, замѣтка VII-ая, стр. 349—350). Подпис.: «Л. Майковъ».

   Напечатаны три стихотворенія А. С. Пушкина, не имѣвшіяся въ изданіи у П. В. Анненкова: 1) *Къ К. Б., при посылкѣ одного стихотворенія.* (Нач.: «Простой воспитанникъ природы...», 2) Поэтъ Невѣдомскій, невѣдомый никѣмъ... 3) изъ посланія: мѣсто объ А. С. Шишковѣ.

   Тоже и въ отд. оттискѣ: Спб., въ типогр. II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. 1857, 8⁰ 30 стр. — (вмѣстѣ съ первыми I—V замѣтками, принадлежащими перу Ал. М. Лазаревскаго).
3. «Die Geschich(t)schreiber der deutschen Vorzeit» — бытописатели прошедшаго Германіи. Собраніе источниковъ по германской исторіи до конца XV вѣка, въ нѣмецкомъ переводѣ, издаваемое Г. Пертцомъ, Яковомъ Гриммомъ, К. Лахманомъ, Л. Ранке и К. Риттеромъ. (Тамъ же, вып. I, 1857. Учено-литературныя замѣтки, стр. 374—377). Подпис. «Л. Майковъ».

1858.

4. Преподобный Ѳеодосій Печерскій. («Подснѣжникъ», изд. В. Н. Майковымъ, № 2, стр. 79—94. Подпись: Л. Каймовъ).
5. Замѣтка по поводу седьмаго тома «Сочиненій А. С. Пушкина». («Библіографическія Записки», т. I, № 7, стбц. 200—203).

1859.

6. Илья Муромецъ. («Подснѣжникъ», изд. Вл. Н. Майковымъ, № 1, стр. 88—99. Подпись: Л. М—въ).

1860.

7. Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ. (Сборникъ, издаваемый студентами Имп. Петербургскаго Университета, вып. II. Спб. 1860, VI (статья) стр. 235—244. Подпись: «Л. Майковъ».

Напечатаны: а) обозрѣніе комедіи «Студентъ» (1817 г.) (стр. 237), б) письмо А. С. Грибоѣдова къ П. А. Катенину — Октября 19 (стр. 240), «Лубочный театръ» (с. 242). Выражена благодарность М. И. Катенину за сообщеніе означенныхъ рукописныхъ матеріаловъ.

1862.

*8. *«Разсмотрѣніе драмы Пушкина со стороны ея историческаго характера и въ отношеніи художественномъ»* (письменный отвѣтъ кандидата Л. Н. Майкова при испытаніи на званіе магистра въ факультетскомъ засѣданіи 15 декабря 1862 г.].

*9. *«О сочиненіяхъ Нестора»* [тоже въ засѣданіи 26 декабря 1862 г.].

1863.

10. О былинахъ Владимірова цикла. Изслѣдованіе Л. Майкова на степень магистра русской словесности. Санктпетербургъ. 1863. [На оборотѣ: «Печатать дозволено по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета. 18 Мая 1863 г. Деканъ И. Срезневскій». Въ типографіи Департамента внѣшней торговли]. Стран. 2 непомѣч. + 139 въ мал. 8-ую д. л. [Цѣна 60 коп.].

Содержаніе (стран. 1 и 2 непомѣч.).

Введеніе. Раздѣленіе былинъ на циклы (с. 1).

I. *Общіе вопросы относительно былинъ Владимірова цикла* (с. 5—21):

Изданія ихъ (с. 5). Мѣстности, гдѣ сохраняются былины (с. 7); нынѣшніе пѣвцы былинъ (с. 8); пересказы (с. 9). Изложеніе основного содержанія былинъ (с. 9). 1) Илья Муромецъ (с. 10). 2) Добрыня Никитичъ (с. 12). 3) Василій Игнатьевичъ или Казиміровичъ (с. 13). 4) Алеша Поповичъ (с. 14). 5) Дунай Ивановичъ (с. 15). Михайло Потокъ Ивановичъ. 6) Иванъ Годиновичъ (с. 16). 8) Иванъ Гостиный сынъ (с. 17). 9) Ставръ Годиновичъ и Василиса. 10) Данило (Ловчанинъ). 11) Данило Игнатьевичъ и Сынъ его (с. 18). 10) Хотенъ или Горденъ Блудовичъ. 12) Чурило Пленковичъ. 14) Дюкъ Степановичъ

---

*) Упомянутыя двѣ рукописныя работы Л. Н. Майкова предположено напечатать въ издаваемомъ сборникѣ въ его память.

(с. 19). 15) Михайло Казариновъ (с. 19). 16) Соловей Будимировичь (с. 20). 17) Сорокъ каликъ со каликою. 18) Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси. (Смерть Ильи Муромца). Время и мѣсто сложенія былинъ Владимірова цикла (с. 21); кто могъ пѣть ихъ въ старину? (с. 32). Среди какого общества онѣ возникли? (с. 35). Позднѣйшія наслоенія, которыя приняли на себя былины Владимірова цикла въ слѣдствіе храненія ихъ только въ памяти народа (с. 36).

II. *Разсмотрѣніе былинъ какъ памятниковъ народнаго быта и понятій* (с. 22—93):

Народъ Русскій и народы чужіе. Мѣстность, обитаемая Русскимъ народомъ (с. 45). Пути сообщенія. Города и села; жилища (с. 47). Пища (с. 50); питія; домашняя утварь; одежда (с. 51); способы сообщенія (с. 53). Занятія и увеселенія. — Бытъ семейный (с. 56); отношенія родителей и дѣтей; отношенія супруговъ (с. 59). — Положеніе женщины (с. 60). — Бытъ общественный (с. 61): князь (с. 62); его отношенія къ дружинѣ. — Дружина (с. 67). — Прочіе классы народа (с. 71). — Военный промыселъ (с. 72): вооруженіе (с. 73); военные обычаи (с. 75).—Торговля внутренняя (с. 79) и иностранная (с. 80).— Судоходство (с. 81). — Грамотность (с. 83). — Свѣдѣнія и понятія о чужихъ краяхъ и народахъ (с. 84). — Понятія нравственныя; война и миръ (с. 87); побратимство (с. 88); уваженіе къ старшимъ; гостепріимство (с. 89). — Вѣрованія; суевѣрія; набожность и ея проявленія (с. 90). Калики перехожіе. — Юридическій бытъ: договоры; наказанія (с. 92).

III. *Разсмотрѣніе былинъ въ отношеніи литературномъ* (с. 94—139):

Былины какъ выраженіе дружиннаго быта. Значеніе лица великаго князя въ кругу лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ (с. 96). Герои отдѣльныхъ былинъ (с. 97) — богатыри дружинники; общія черты этого типа и идеализація дѣйствительныхъ лицъ богатырей въ поэзіи: гиперболическое представленіе ихъ свойствъ, элементъ чудеснаго (с. 100). [Существа сверхъестественныя (враждебныя богатырямъ): Великаны и великанши (с. 102); Соловей разбойникъ (с. 103). И(О)долище, Тугаринъ Змѣевичь (с. 104). Бабище Мамаишна. Вѣщія женщины (с. 106). Огненные Змѣи]. Характеристика нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ выведенныхъ въ былинахъ: Илья Муромецъ (с. 113), Добрыня (с. 120), Алеша (с. 126), Василій пьяница (с. 129); женскія лица (с. 130). Историческое и нравственное значеніе былинъ Владимірова цикла для народа (с. 138—9).

Рецензіи и отзывы:

1) въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1863 г., т. CXLIX, № 7, отд. III, стр. 86—87; 2) въ «Библіотекѣ для Чтенія», г. XXX, 1863, октябрь, отд. Библіографіи, стр. 26—32 (безъ подписи); 3) въ «Филологическихъ Запискахъ», 1864 г., вв. 1—2, (ст. А. А. Котляревскаго «Основной элементъ русской богатырской былины», I. Миѳъ, сказаніе, исторія, — стр. 69—82; тоже см.

въ Соч. А. А. К—го, т. II, стр. 243—56); 4) А. Н. Пыпинъ, Ист. Русск. Этногр. II, 228—229. 5) А. М. Лобода, Русскій богатырскій эпосъ. Кіевъ, 1896 г., стр. 178—181. 6) Г. Александровскій. Критико-библіографич. обзоръ трудовъ по русскому богатырскому эпосу, Ревель, 1898, стр. 78а—82.

7) *Н. Ч.* Диспутъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. (Санктпетербургскія Вѣдомости, воскресенье, 9 (21) іюня 1863 г. № 129, стр. 531) въ извлеченіи:

«Въ четвергъ (6-го числа) въ малой залѣ С.-Петербургскаго Университета происходило открытое собраніе историко-филологическаго факультета по поводу защищенія диссертаціи: «О былинахъ Владимірова цикла», представленной кандидатомъ Л. Майковымъ для полученія степени магистра русской словесности.

Положенія магистранта были слѣдующія:

1. Въ былинахъ Владимірова цикла необходимо отличать основное содержаніе отъ «пересказовъ», въ настоящее время передающихъ это содержаніе; не смотря на разнообразіе пересказовъ, содержаніе сохраняетъ характеръ древности.

2. Содержаніе былинъ Владимірова цикла установилось въ XIV вѣкѣ, а вырабатывалось и въ періодъ времени, ему предшествовавшій.

3. Былины Владимірова цикла имѣютъ значеніе не только какъ поэтическія произведенія, но и какъ памятники образованности своего времени.

4. Былины Владимірова цикла изображаютъ княжескую дружину, въ кругу которой, вѣроятно, онѣ и возникли.

5. Лицо князя Владиміра Краснаго Солнышка не имѣетъ опредѣленнаго отношенія къ отдѣльной исторической личности, но есть типическое изображеніе древне-русскаго князя.

6. Богатыри былинъ, главные представители княжеской дружины, не суть произвольныя созданія воображенія, а лица, взятыя изъ дѣйствительной жизни и возсозданныя народною фантазіею.

7. Чудесное, окружающее богатырей и соприкасающееся съ ними, служитъ только для идеализаціи ихъ дѣйствительныхъ человѣческихъ свойствъ.

8. Изображеніе нравственнаго характера лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ Владимірова цикла, знакомитъ насъ съ нравственными понятіями народа. —

Оппонентами со стороны факультета были проф. Никитенко и деканъ факультета, г. Срезневскій, на время офиціальнаго диспута сложившій это званіе и предоставившій его проф. Штейнману. Возраженія, сдѣланныя проф. Никитенко, касались нѣкоторыхъ частностей разсужденія, именно о причинахъ исключительнаго существованія кіевскаго эпоса у великоруссовъ, о присутствіи языческаго элемента въ немъ, о необходимости изслѣдованія народныхъ эстетическихъ и нравственныхъ понятій для точнаго разумѣнія русской народности. Въ

своемъ отвѣтѣ, диспутантъ имѣлъ случай объяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, невольно возникавшія при чтеніи книги. Проф. Срезневскій, соглашаясь съ диспутантомъ относительно главной мысли и пріемовъ его труда, сдѣлалъ два важныя возраженія. Первое касалось нѣкоторыхъ выводовъ разсужденія относительно современной географіи русской богатырской былины. Профессоръ, основываясь на несомнѣнныхъ данныхъ, говорилъ, что всякіе общіе выводы въ этомъ вопросѣ, покамѣсть, преждевременны, а потому и невѣрны, такъ какъ собираніе и записываніе былинъ доселѣ было дѣломъ одного случая. Второе возраженіе было о скоморохахъ и гудошникахъ, которыхъ диспутантъ принялъ за пѣвцовъ (сказителей), хранящихъ и передающихъ былины. Доводы г. Срезневскаго о совершенномъ, коренномъ различіи скомороховъ отъ пѣвцовъ былинъ заставили г. диспутанта отказаться отъ своего мнѣнія. Затѣмъ проф. Штейнманъ отъ имени факультета предложилъ присутствовавшей публикѣ (число которой нельзя сказать, чтобы было велико) принять участіе въ диспутѣ. Первое возраженіе было сдѣлано г. Котляревскимъ противъ исключительности основной мысли разсужденія, что будто бы въ богатырскихъ былинахъ миѳологическій элементъ стоитъ какъ слабая прибавка, а не какъ существенная часть. Согласившись съ диспутантомъ относительно отсутствія языческаго вѣросознанія въ типахъ былинъ, г. Котляревскій — на основаніи самаго разсужденія — полагалъ, что основаніемъ древнѣйшихъ былинъ все же служатъ миѳологическія преданія и міросозерцаніе, что необходимо сравнительное изслѣдованіе этого миѳологическаго матеріала. Диспутантъ защищался, указывая на недостаточность обработки сравнительной миѳологіи и на произволъ, какой господствуетъ въ нашей ученой литературѣ относительно этого предмета. Другое возраженіе, предложенное однимъ изъ товарищей г. диспутанта — было опровергнуто имъ блистательно. Диспутъ окончился заявленіемъ г. декана, что факультетъ признаетъ диспутанта достойнымъ искомой степени и будетъ ходатайствовать объ утвержденіи его въ ней».

1864.

11. *Исторія русской литературы, какъ наука и какъ предметъ преподаванія.* 1) «О преподаваніи русской литературы», соч. Владиміра Стоюнина. Спб., 1864. 2) «Историко-литературные вопросы», статья Красова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1864, №№ 109 и 122, 3) Разборъ исторіи русской литературы Шевырева и Рубини, ст. И. И. Срезневскаго въ «Зап. Имп. Акад. Наукъ», т. II, кн. II, Спб. 1862. («Отечественныя Записки», г. 26, 1864, іюль, т. CLV, отд. I, стр. 169—193. Подпис. *М.*).

1865.

12. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи,

П. П. Семенова при содѣйствіи... Л. Н. Майкова... (нѣсколько статей во II томѣ на букву К.).

1866.

13. Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Мин. Внутр. Дѣлъ. Т. I. Спб. 1866.

(Л. Н. Майкову вмѣстѣ съ А. Д. Добровольскимъ принадлежитъ разработка свѣдѣній о внѣшней торговлѣ и о народномъ просвѣщеніи).

А. Н. Пыпинъ. Ист. Русск. Этногр. II, 307.

14. *Неизданная грамматическая замѣтка Ломоносова.* Съ предисловіемъ. («Русскій Архивъ», № 3, стр. 324—329).

1867.

15. *О жизни и сочиненіяхъ Василія Ивановича Майкова.* — Изслѣдованіе Л. Майкова. С.-Петербургъ. Въ типографіи И. И. Глазунова. 1867. 56 стр. 8°. Сн. №№ 132, 170.

На оборотѣ: «Дозв. ценз. С.-Петербургъ 27 ноября 1867 года. (Отдѣльный оттискъ изъ «Сочиненій и Переводовъ В. И. Майкова», изд. И. И. Глазуновымъ). При семъ приложенъ снимокъ съ почерка В. И. Майкова».

— Тоже вошло и въ изданное подъ редакціей П. А. Ефремова «Собраніе Сочиненій В. И. Майкова». (Изд. Глазунова) 1867.

Реценз. 1) Голосъ 1867 № 347. — 2) Современное обозрѣніе 1868 г. № 1. Т. I, отд. 3, стр. 189—192.

16. Замѣтки о Московской Этнографической Выставкѣ. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. III, № 7, отдѣл. 2 (Геогр. Изв.) стр. 189—194).

17. *«Матеріалы для исторіи русской литературы».* Изданіе *П. А. Ефремова.* С.-Петербургъ, 1867. XII и 216 стр. въ 6 д. л. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867, ч. CXXXV, іюль, № 7, отд. II, стр. 256—263). (Подпис. *Л. М.*).

18. *Новое изданіе сочиненій Фонъ-Визина.* «Русскіе писатели. Изданіе И. И. Глазунова. Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонъ-Визина. Съ портретомъ автора, со статьею «О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина» А. П. Пятковскаго, съ пояснительными примѣчаніями къ тексту и съ библіографическими объясненіями. (Редакція изд. П. А. Ефремова). Спб., 1866. Въ типографіи И. И. Глазунова. Одинъ томъ, LXII и 692 стр. въ 12 д. л.». (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. ч. CXXXIII, 1867, январь, отд. II, стр. 218—230).

19. *Замѣтка къ статьѣ «Преданія о кладахъ».* (Н. Я. Аристова). «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи» т. I, стр. 740—750 (съ приложеніемъ снимка съ чертежа кладовъ).

1868.

20. *Списки населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. Вып. XLVII. Херсонская губ.* Изданъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Обработанъ редакторомъ Л. Майковымъ. Спб. 1868 г. Тип. К. Вульфа, въ б. 8-ку. Стр. I н. + LXXVIII + 2 н. + 189 + 1 карта.

21. *«Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ».* Ч. IV. Народныя былины, старины, побывальщины, пѣсни, сказки, повѣрія, суевѣрія, заговоры и пр. Изданіе Д. Е. Кожанчикова, С.-Петерб. 1867 г.». (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CXXXVIII, 1868 г. май, отд. II, стр. 611—630).

Сообщеніе «о характерѣ нашихъ сказителей въ связи съ эпическими пѣвцами другихъ народовъ».

22. Левъ Юрловъ и его письмо къ родственникамъ, 11-го сентября 1743 г. («Русскій Архивъ», 1868 г., № 7—8, ст. 1058—1064).

1869.

23. Великорусскія заклинанія.— Л. Майкова. С.-Петербургъ. Типографія Майкова, въ д. Мин. Фин. на Дворц. площ. 1869. 8⁰. 164 стр.

(Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Императ. Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи, томъ II, 1869 г., стр. 417—580).

Предисловіе (стр. 3—5).

I. Любовь (стр. 7—24): № 1—33:
1. Заговоры приворотные, присушки и любжи № 1—28 (стр. 7).
2. Отстуды, отсушки № 29—33 (с. 23).

II. Бракъ (с. 24—29): № 34—48:
1. Дѣвичьи приговоры для привлеченія жениховъ. № 34—8.
2. Когда сваху посылаютъ засватывать избранную невѣсту. № 39 (стр. 25).
3. Когда сваха идетъ на сватовство. № 40 (с. 26).
4. При проводахъ жениха. № 41.
5. При проводахъ невѣсты. № 42.
6. Отъ порчи свадьбы № 42 (bis) — 45 (с. 27).

4. При собираніи цѣлебныхъ травъ, с. 103; № 253—4.
5. » входѣ въ лѣсъ за грибами, ягодами и пр., с. 104; № 255.
6. » высѣканіи огня. № 256.
7. » печеніи хлѣба. № 257.
8. » отправленіи въ путь. № 258—260.
9. Чтобы не заблудиться въ лѣсу, с. 105, № 261.
10. » никому нельзя было взять положенный кладъ. № 262.
11. При отыскиваніи кладовъ, с. 106; № 263—8.
12. На пріобрѣтеніе неразмѣннаго рубля, с. 109; № 269.
13. Для прирученія собаки, с. 110; № 270.
14. » » пѣтуха. № 271.
15. Чтобы взять змѣю въ руки. № 272.
16. Отъ муравьевъ. № 273—4.
17. Чтобы корова не лягалась, с. 111; № 275.

V. Промыслы и занятія. (с. 111—146) № 276—336:
1. Земледѣліе.
А. Чтобы растенія хорошо росли, с. 111; № 276—7.
Б. На хорошій урожай озими. № 278.
В. Чтобъ рѣпа не уродилась, с. 112, № 279.
Г. При жатвѣ. № 280—1.
Д. При концѣ молотьбы, с. 113; № 282.
Е. Ко льну. № 283.
Ж. О хмѣлю, како хмѣль водити. № 284.
2. Уходъ за скотомъ.
[А]. Чтобы уберечь скотъ отъ хищныхъ звѣрей, болѣзней и порчи, с. 114. № 285—6.
Б. Чтобы лошади не выходили съ паствы на другое мѣсто, с. 123; № 287.
Б (bis). Для приплода овецъ, с. 124; № 288.
[3]. На удачную охоту за звѣрями и птицами. № 289.
Б. Отъ ворона, мѣшающаго охотнику, с. 133; № 310.
В. Чтобъ отвести птицу отъ охотника, с. 134; № 311.
Г. Чтобы сохранить оружье отъ порчи и уроковъ. № 312.
Д. » испортить ружье у охотника, с. 136, № 317—320.
4. Рыбный промыселъ, с. 137; № 321—4.
5. Пчеловодство, с. 139; № 325.
6. Торговля, с. 142; № 326.
7. Кулачный бой. № 327—8.
8. Ратное дѣло. № 329—336.

VI. Отношенія общественныя (с. 146—156) №№ 337—354:
1. На царскія очи, с. 146; № 337.
2. » подходъ ко властямъ или на умилостивленіе судей. № 338—348.
3. Чтобъ оттерпѣться отъ пытки, с. 154; № 349.
4. Отъ лихаго человѣка или недруга. № 350—1.
5. » воровъ, с. 155; № 352.
6. При просьбѣ, с. 156; № 353.
7. На добрыя дѣла. № 354.

VII. Отношенія къ природѣ (с. 156—8). № 355—361:
1. Къ морозу. № 355.
2. Во время грозы и грома, с. 157; № 356—8.
3. Для утоленія вихря. № 359.
4. Отъ засухи. № 360.
5. Чтобы скорое и хорошее лѣто было, с. 158; № 361.

IX *). Отношенія къ сверхестественнымъ существамъ (с. 158—164). №№ 362—372:
1. Къ домовому. № 362—5.
2. » дворовымъ и лѣснымъ, с. 160; № 366—8.
3. На выживаніе кикиморы, с. 161; № 369.
4. Отъ огненнаго змѣя, летающаго къ женщинѣ, которая по немъ тоскуетъ. № 370.
5. Отъ нечистаго духа. № 371.
6. На хульнаго бѣса, с. 164. № 372.

Тутъ напечатаны сборники русск. заклинаній, составлен. В. А. Яковлевымъ изъ разн. печатн. и другихъ источниковъ и составленный В. И. Ламанскимъ небольшой подобный же сборникъ. Весь матеріалъ этихъ сборниковъ Л. Н. Майковымъ былъ вновь провѣренъ по источникамъ и пополненъ бывшими у него въ рукахъ другими такими же сборниками.

Въ свое собраніе Л. Н. Майковъ внесъ не только тексты заговоровъ, записанныхъ въ послѣднее время, но и изъ старинныхъ рукописей XVII—XVIII столѣтій.

Кромѣ того въ сборникѣ перепечатаны и всѣ заговоры, появившіеся какъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, такъ и въ разныхъ сочиненіяхъ гг.:

Абрамова.	Гуляева.	Малыхина.	Розова.
Аристова.	Даля.	Масловскаго.	Савваитова.
Барсова.	Доброхотова.	Машкина.	Селиванова.
Богословскаго.	Ефимова.	Огородникова.	Соболева.
Бодрова.	Имшенецкаго.	Осокина.	Соколова.
Буслаева.	Карнаухова.	Отто.	Ткачева.
Венитина.	Кашина.	Понязовскаго.	Толмачева.
Вербицкаго.	Кедрова.	Попова.	Харитонова.
Верещагина.	Кривошапкина.	Попова.	Ханыкова.
Виноградова.	Ламанскаго.	Потанина.	Шетенина.
Вологдина	Леопольдова.	Пѣтухова.	Юрлова.
Вѣнкова.	Ляметри.		

См. Ист. Русск. Этногр. А. Н. Пыпина, т. II, с. 225. 326.

На основаніи матеріала, собраннаго Л. Н. Майковымъ въ его «Великор. Заклинаніяхъ» было издано Н. Крушевскимъ изслѣдованіе: «Заго-

---

*) Опечатка вм. VIII-й группы.

воры, какъ видъ русской народной поэзіи» (въ Извѣстіяхъ Имп. Варшавскаго Университета 1876 г. № 3, неофф. отдѣлъ, стр. 1—69). Ср. Проф. Н. Ѳ. Сумцова, «Заговоры (Библіографич. Указатель)». Харьковъ. 1892 г., стр. 8 и 9.

24. *Л. М.* «Великорусскія заклинанія» (Дополненіе). (Записки Имп. Русс. Географич. Общ. по Отдѣленію Этнографіи, т. II, стр. 747—748).

Въ этомъ *дополненіи* помѣщены заговоры, доставленные П. В. Шейномъ и другими; оно не включено въ отдѣльные оттиски «Великор. Заклинаній». (См. № 23):

От лихорадки (стр. 747).
» укушенія змѣи.
» враговъ (с. 748).
» нечистаго духа.

25. Записки Имп. Русск. Географ. Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. II. Изданъ подъ редакціею д. чл. Л. Н. Майкова. Спб., 1869. 8°, стр. 2 неп. + 748 + 93 и 1 карта.

Дополненія и примѣчанія къ статьямъ А. Н. Трунова («Понятія крестьянъ Орловской губ. о природѣ физич. и духовной», с. 1 сл.), И. И. Хрущова («Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти», с. 49 сл.), Н. С. Щукина («Народныя увеселенія въ Иркутской губ.», с. 382 сл.) и А. Я. Кокосова («Круговыя игры и пѣсни въ селѣ Ушаковскомъ», с. 399 сл.) — составленъ редакторомъ.

26. Два донесенія А. П. Сумарокова. Съ предисловіемъ. («Осмнадцатый вѣкъ», П. Бартенева, 1869. кн. III, стр. 182—186).

27. Современное письмо о наказаніи Салтычихи, 22-го октября 1768 г. Съ послѣсловіемъ. Тамъ же, т. IV, стр. 94—96.

1870.

28. «*М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ*». Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности. *Антона Будиловича.* Спб. 1869. («Заря», № 2, библіогр., стр. 166—176). (Подпись: *Л.М.*).— Сн. съ № 132.

29. Письмо о докторѣ Санхецѣ, устраненномъ изъ Академіи Наукъ по причинѣ жидовства. 2 письма, 1749 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ. (Русскій Архивъ, 1870, № 2, ст. 280—8).

На французскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій. Одно писано, вѣроятно, канцлеромъ Бестужевымъ, второе же К. Г. Разумовскимъ.

30. Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ (1767). (Тамъ же, 288—291).

31. Манифесты Пугачева (1774 г.). Тамъ же, № 2, стр. 291—294).

1871.

32. Жизнь И. И. Неплюева, имъ самимъ написанная. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. («Русскій Архивъ», 1871, № 4—5, стр. 577—696).

33. Первая мысль о Морейской экспедиціи графа А. Г. Орлова. Съ предисловіемъ. («Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ», изд. В. Кашпиревымъ, Т. I, стр. 139—145).

34. Сношенія князя А. А. Черкасскаго съ Голштинскимъ дворомъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. (Матеріалы). (Тамъ же, т. I, стр. 194—306).

— Тоже повторено въ «Сборникѣ историческихъ матеріаловъ», изд. Михайловымъ въ 1873 году.

35. Молодость А. А. Башилова. Записка о временахъ Екатерины II и Павла I. Съ предисловіемъ. («Заря», № 12, стр. 192—223).

— Тоже въ «Памятникахъ новой русской исторіи», изд. И. Кашпиревымъ, т. III, 1873 г.

1872.

36 Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Мин. Внутр. Дѣлъ. Серія II. Выпускъ 3. Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи, собранные губернск. стат. Комитетами и обработанные Л. Майковымъ. Часть 1-ая. Спб. 1872. (Тип. Майкова), стр. II н.+IV+361+III въ б. 8-ку.

Рецензія: Вѣстн. Европы 1872, № 10, стр. 928.

37. Письмо къ редактору. (По поводу рецензіи, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», 1872, № 10 о 3-мъ выпускѣ «Статистическаго Временника». («Вѣстникъ Европы», 1872, т. VI, № 11, стр. 431—434).

38. Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Мин. Внутр. Дѣлъ. Серія II, выпускъ 4. Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи и о русскомъ торговомъ флотѣ, съ 1865—1869. Обработана Л. Майковымъ. Спб., 1872. Стр. LXXXV+229.

39. *Обозрѣніе дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи*, дѣйств. чл. Л. Н. Майкова въ книгѣ: «Двадцатипятилѣтіе Имп. Русскаго Геогр.

Общества» 13 января 1871 года. С.-Петербургъ. 1872. 8°, стр. 47—58.

40. *Причитанья сѣвернаго края*, собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть I. М. 1872. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CLXIV, 1872, декабрь, отд. II. (Критич. и библіографич. замѣтки), стр. 388—399. — Сн. ниже съ № 106.

1873.

41. Записки Имп. Русск. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи. Томъ III-й. Изданъ подъ редакціею д. чл. Л. Н. Майкова. Спб. 1873. Типографія В. Майкова. 8°, стр. 628 и 1 карта.
Въ этомъ томѣ предисловіе и примѣчанія къ труду Е. В. Барсова: «Памятники народнаго творчества въ Олонецкой губ.: Объ Олонецкомъ пѣснотворчествѣ», къ главѣ «*Былины*», см. стр. 517, 523) написаны Л. Н. М—вымъ.

42. *Къ исторіи русскихъ суевѣрій.* (Рапортъ въ Шацкую провинціальную канцелярію отъ лекаря Рампау, 1765 г.). (Русская Старина, т. VII, № 5, стр. 725—726).

43. «*Онежскія былины*», *записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ.* (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CLXVIII, 1873, августъ, отд. II. стр. 445—459).
Въ статьѣ этой сдѣланъ «опытъ свода всѣхъ извѣстій о сказителяхъ Олонецкаго края».

44. *М. Ѳ. Каменскій у Фридриха II въ 1765 г.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями. (Письмо къ Вел. Кн. Павлу Петровичу, съ описаніемъ Бреславльскаго лагеря 1765 г., и письмо къ М. Ѳ. Каменскому отъ неизвѣстнаго лица). (Русскій Архивъ, № 8, стр. 1552—1570).

45. *В. А. Чупятовъ.* (Тамъ же, № 9, стр. 1672—1685). — Сн. съ № 132.

46. *Сонъ, видѣнный въ 1765 г.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями. (Сатира Ѳ. А. Эмина на Сухопутный Кадетскій Корпусъ, Академію Наукъ и Академію Художествъ). (Тамъ же, № 10, стр. 1910—1928). — Сн. съ № 132.

47. *Записка объ этнографической картѣ.* (Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества, т. IX, № 10, стр. 246—248).

48. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, П. П. Семенова, т. IV. (Нѣсколько статей на буквы П, Р и С, безъ имени автора).

1874.

49. *Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи.* Письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Переводъ съ англійскаго, редакція и примѣчанія С. Н. Шубинскаго. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CLXXI, январь, отд. II, стр. 223—230).

50. *Объ изученіи системъ родственной связи и формъ семейнаго быта.* — Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества, т. X, № 5. Спб. 1874, отд. 2-й, (Географическія извѣстія 1-го іюня, 1874), стр. 189—194, подпис. «Л. Майковъ», и отдѣльно, безъ загл. листа: 5 стр. 8°. [Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 22-го апрѣля]. — [Отдѣльно отпечатано изъ Извѣстій Имп. Русск. Геогр. Общества, 1874 г., № 5. Въ типографіи В. Безобразова и Комп.].

51. *Замѣтки по географіи древней Руси.* По поводу сочиненія Н. П. Барсова: Очеркъ русской исторической географіи. География начальной лѣтописи. Варшава. 1873. — *Л. Майкова.* Санктпетербургъ. Тип. В. С. Балашева. 1874. 8°. 51 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CLXXIV, августъ, отд. II, стр. 234—284).

[На обор. загл. л.: «*Полтораста отдѣльныхъ оттисковъ*». Дозв. ценз. Спб. 20-го Іюля 1874 г.].

52. *Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула.* («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1874, 15-го августа. Томъ X, № 6, Геогр. Изв., отдѣл. Мелкія извѣстія, стр. 215—220, и отдѣльно 6 стр. 8°. [Отдѣльно отпечатано изъ Извѣстій Импер. Русск. Геогр. Общ. т. X. № 6. Типогр. В. Безобразова и К°. Подп. *Л. Майковъ*].

Въ началѣ замѣтки приведена литература о пѣвцахъ великорусскихъ былинъ — *сказителяхъ*, затѣмъ напечатано въ извлеченіи письмо С. И. Гуляева къ Л. Н. Майкову отъ 21 ноября 1871 г. съ біографическими свѣдѣніями о слѣпомъ крестьянинѣ деревни *Ерской* (въ 5 верстахъ отъ Барнаула) Леонтіи Гавриловичѣ Тупицынѣ.

Потомъ было перепечатано въ книгѣ: «Русскія былины старой и новой записи» — подъ ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ө. Миллера (М., 1894) въ прилож. ко II-му отдѣлу на стр. 269—271.

53. *А. П. Артемьевъ.* (Некрологъ). (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г., ч. CLXXIV, ноябрь, отд. IV стр. 94—109) и отдѣльно.

54. *Письмо А. П. Ермолова къ А. П. Кучину, 1843 г.* (Русская Старина, т. IX, стр. 562—563).

1875.

55. *О сочиненіи* Григорія Новицкаго: *«Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», писанномъ около 1715 года.* (Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества, т. XI, Спб. 1875, выпускъ 1-ый, Географическія Извѣстія, стр. 1—9) и отдѣльно.

56. *Русская театральная публика во времена Сумарокова.* (Древняя и Новая Россія, т. I, № 3, стр. 313—316. (Подпись: Д. Дмитріевъ). — Сн. съ № 132.

57. *Симеонъ Полоцкій.* Историко-литературный очеркъ. (Древняя и Новая Россія, 1875 года, т. III, *№ 9*, стр. 6—24; *№ 10*, стр. 117—133; *№ 11*, стр. 212—229; *№ 12*, стр. 367—380). — Сн. съ № 132.

58. *Челобитная черниговскаго митрополита Лазаря Барановича.* (Русскій Архивъ», т. III, стр. 308—309).

59. *Письма митрополита Евгенія Болховитинова къ преосвященному Архангелогородскому Парфенію, 1811 г.* («Русскій Архивъ», т. III стр. 315—316).

60. *Библіографическая замѣтка.* (Тамъ же, т. III, стр. 496).

Написана по поводу замѣчаній г. А. В., напечатанныхъ къ челобитной Лазаря Барановича въ «Русскомъ Архивѣ», 1875, т. III, стр. 309, и содержитъ указаніе на время подачи Лазаремъ Барановичемъ челобитной — начало 1669 г.

61. *Пугачевскіе листы 1774 г.* («Русская Старина», т. XIII, стр. 272—276 и 440—442).

62. *Эпизодъ изъ исторіи славянофильства: дѣло о запрещеніи изданія «Московскаго Сборника» 1852—1853 гг.* (Тамъ же, т. XIV, стр. 367—379).

63. *Этнографическая карта Европейской Россіи.* Составилъ по порученію Имп. Русск. Геогр. Общества д. чл. А. Ѳ. Риттихъ. Спб. 1875. (Л. Н. Майковъ былъ членомъ спеціальной наблюдательной коммиссіи).

1876.

64. *«Исторія Россійской Академіи»* М. И. Сухомлинова, *II выпускъ.* («Древняя и Новая Россія», № 2, стр. 188—189).

65. *Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья.* («Древняя и Новая Россія», г. и т. II, 1876, № 6, стр. 195—198).

Написана по поводу статьи К. М. Петрова, напечатанной въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1875 г. № 81 и воспроизведенной Л. Н. М—вымъ и въ настоящей его статьѣ. Описана встрѣча К. М.

Петрова съ ямщикомъ, пѣвцомъ былинъ, Алексѣемъ *Ивановымъ* съ Рындозера и съ семидесятилѣтнимъ старикомъ съ Лекшмозера, съ Тимоѳеемъ Никифоровымъ *Брызгуновымъ* (оба эти сказителя не были извѣстны ни Рыбникову, ни Гильфердингу). Время и обстоятельства не позволили г. Петрову записать былины отъ этихъ двухъ хорошихъ сказителей, а равно послушать пѣвцовъ въ Бережно-Дубовскомъ погостѣ, о которыхъ ему говорили названные сказители, но за то онъ записалъ со словъ *Иванова* нѣсколько мѣстныхъ преданій, имѣющихъ тѣмъ больший интересъ, что ими дополняется кругъ сказаній о единственномъ эпическомъ героѣ мѣстнаго олонецкаго происхожденія, (силачѣ-борцѣ), о которомъ единственная былина записана пок. А. Ѳ. Гильфердингомъ [№ 11: *Рахта Рагнозерскій*. Важно указаніе, что Рагнозеро (небольшое озеро и деревенька въ Пудожскомъ уѣздѣ къ ю.-в. отъ Пудожской горы и къ ю.-з. отъ Водлозера) — поселеніе довольно старое: оно упоминается уже въ писцовой книгѣ Обонежской пятины, писанной въ 1582—3 гг.]. Анализъ былины о Рахтѣ въ связи съ мѣстными преданіями о немъ (стран. 196—8).

Ср. тоже въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», за 1876 г., № 100.

66. *Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.* Спб. 1875. А. Н. Неустроева. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CLXXXVI, 1876, іюль, отд. II, стр. 126—167) и отдѣльнымъ оттискомъ: «Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики. — Библіографическія примѣчанія на книгу: Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ *А. Н. Неустроевымъ*. С.-Петербургъ. 1875. — Л. Майкова. — Санктпетербургъ. Типогр. В. С. Балашева. 1876». 8°. Главы I—III. 44 стран.

[На оборотѣ заглавнаго листа: «Дозвол. ценз. Спб., 14-го іюля 1876 г.» — «Полтораста отдѣльныхъ оттисковъ изъ Журнала Мин. Народн. Просвѣщ. за 1876 г., № 7»]. — Сн. ниже съ №№ 132, 210.

67. *Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ.* Съ предисловіемъ. (Статья г. Гашара и донесеніе Екатеринѣ II А. И. Моркова). («Русскій Архивъ», т. II, стр. 45—52).

68. *Атаманъ Запорожской Сѣчи Петръ Калнишевскій въ 1787 и 1801 г.* Замѣтки о его судьбѣ. (Вмѣстѣ съ Г. П. Рѣпнинымъ). («Русск. Старина», т. XV, стр. 217—218).

1877.

69. *Общество любителей древней письменности.* (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CXC, апрѣль, отд. IV, стр. 105—115).

70. *Плѣнъ шведскаго графа Гордта въ Россіи 1759—1762 г.* (Заключеніе Гордта въ Петропавловской крѣпости. Извлечено изъ его «Записокъ» и дополнено). («Русскій Архивъ». Т. II, стр. 294—326).

71. *О Сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова.* Л. Н. Майковъ. Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 1877, 8°, 27 стран. — Отдѣльный оттискъ въ количествѣ 50 экземпляровъ изъ «Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи», вып. VII. — Ср. съ № 115.

72. Записки Имп. Русск. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи. Т. VII. Изданъ подъ редакціею Л. Н. Майкова. Спб. 1877, 8°, 565 стр.

73. *О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка.* (По сочиненію Августа Альквиста: «Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der ältern Kulturgeschichte der Finnen». Helsingfors. 1875). — Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CXCI, іюнь, отд. II, стр. 260—282; ч. CXCII, іюль, стр. 155—198; ч. CXCIV, декабрь, стр. 240—280, и отдѣльно Спб., 1877. (Подпись Л. М.).

Изложеніе содержанія сочиненія проф. А. Альквиста. Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen — съ дополненіями относительно вліянія славянской культуры на финскую на основаніи данныхъ русской литературы по этнографіи. — Ср. А. Н. Пыпинъ Ист. Русск. Этногр., IV, 395.

74. *Для исторіи сношеній Россіи съ Китаемъ при Петрѣ Великомъ.* (Дѣйств. чл. Л. Н. Майкова). (1. Царская грамота купчинѣ Ивану Саватѣеву, 19-го февраля 1702 г. и 28-го марта 1708 г., и пріемная опись 1711 г., выданная изъ канцеляріи Сибирской губ. тому же Саватѣеву). (Извѣстія Имп. Русск. Археологическаго Общества, т. VIII, вып. 5, стр. 545—551 и отдѣльнымъ отт. безъ загл. л. 1—11 стр. въ м. 8-ю д. л.).

1. Царская грамота купчинѣ Ивану Саватѣеву 1702 года (стр. 2).
2. Пріемная отпись, выданная въ 1711 году Ивану Саватѣеву изъ Канцеляріи Сибирской губерніи (стр. 6).

75. «*Исторія Россійской Академіи М. И. Сухомлинова, вып. III.* («Древняя и Новая Россія», № 11, стр. 280). (Подпись *Л. М.*).

1878.

76. *Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани.* (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія ч. CXCV, февраль, отд. IV, стр. 113—134; ч. CXCVI, мартъ, стр. 36—82).

77. *Древнія Россійскія Стихотворенія собранныя Киршею Даниловымъ.* Изданіе третье, коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, по 2-му полному изданію, съ нотами. М. 1878. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CXCIX, октябрь, отд. II, Критич. и библіографич. замѣтки, стр. 326—329).

78. *Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени.* («Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и прекрасной королевѣ Иракліи Флоренской земли»). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1878, ч. CC, ноябрь отд. II, стр. 173—219), и отдѣльно (см. ниже № 89).

Ср. А. Н. Пыпинъ. Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о Гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи. Спб. 1878. (Памятники древней письмен. и иск., № LXIV).

79. «*Oeuvres de Gilbert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste. Recueillies et publiées par Ch. Potvin*, avec des notes géographiques une carte, *par I. C. Houzeau*». London. 1878. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCVI, декабрь, отд. II, стр. 233—243).

80. *Пространство и населеніе Сербскаго княжества. Изъ письма В. Якшича къ Л. Н. Майкову.* (Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества. Т. XIII. Спб. 1877, Географическія Извѣстія, выпускъ 3-ій, Мелкія извѣстія), стран. 189—190).

1879.

81. «*Исторія Россійской Академіи*», *М. И. Сухомлинова. Вып. IV.* Спб. 1878 г.», Древняя и Новая Россія, № 1, стр. 72—73. (Подпись: *Л. М.*).

82. «*Жизнь и труды П. М. Строева*». Соч. Н. Барсукова, Спб. 1878 г.). («Древняя и Новая Россія», № 2 стр. 156—158). (Подпись: *Л. М.*).

83. *Разсказъ гр. Н. И. Панина о воцареніи Екатерины II.* (Изъ записокъ барона Ассебурга). Съ предисловіемъ. («Русскій Архивъ», т. I, стр. 362—369).

84. *Сказаніе объ иконѣ Богоматери на Туровицкомъ погостѣ.* («Памятники древней письменности», т. III, стр. 96—106).

1880.

85. *В. И. Ханыковъ.* Некрологъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCI, январь, отд. IV, стр. 91—107). (Безъ подписи).

86. *Объ этнографическихъ матеріалахъ, собранныхъ* Н. Г. Ординымъ *въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.* («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества», т. XV. 1879 г. Спб. 1880, отдѣлъ 2, Географическія Извѣстія, вып. 1-ый, стр. 20—21. (Вмѣстѣ съ П. И. Савваитовымъ, см. стр. 16—20).

87. *Отчетъ о предварительныхъ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму.* (Вмѣстѣ съ К. С. Мережковскимъ). (Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества, 1880, № 2, стр. 106—148).

88. *И. И. Срезневскій.* (Некрологъ). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCVIII, мартъ, отд. IV, стр. 81—85) и отд. оттискомъ: 5 стран. 8°.

89. *Неизвѣстная Русская повѣсть Петровскаго времени.* — Л. Майкова. — С.-Петербургъ. Типографія В. С. Балашева. 1880. [На обор. загл. л.: Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 28-го мая 1880 года]. 48 стр. въ больш. 8-ю д. л.

Посвящено: *«Александру Николаевичу Веселовскому».* На стр. 3—22 напечатанъ текстъ: *«Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли».*

Повторено съ новыми объясненіями въ сборникѣ историко-литературныхъ монографій, см. ниже № 132.

90. Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета. Вып. I. Губерніи центральной земледѣльческой области. Стр. LXVI + 276 + 10 картъ.

Разработка матеріала вмѣстѣ съ М. Н. Раевскимъ.

91. *Волости и важнѣйшія селенія Европейской Россіи.* Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета. *Вып. I*: Губерніи центральной земледѣльческой области. Стр. VI + 413.

(Разработка матеріала вмѣстѣ съ М. Н. Раевскимъ и наблюденіе за печатаніемъ).

92. *Дневныя записки А. Я. Протасова о воспитаніи Вел. Кн. Александра Павловича.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями. («Древняя и Новая Россія», 1880, № 8, стр. 761—775) и отдѣльно.

93. *Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериною II.* («Историческій Вѣстникъ», 1880, № 10, стр. 411—415).

94. *О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ.* Подпис.: Л. Майковъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1880, ноябрь, ч. CCXII, стр. 197—216). *(Продолженіе слѣдуетъ).*

Здѣсь помѣщено предисловіе и на стр. 202—216: I. *Тексты XVII вѣка.* — Въ своемъ обзорѣ авторъ предположилъ ограничиться только поэзіей великорусскою, и притомъ, только былинами и пѣснями въ тѣсномъ значеніи этого слова: и сказки, изложенныя прозой, и духовные стихи, съ многочисленными отличающими ихъ чертами книжнаго происхожденія, исключены изъ обзора, такъ какъ тѣ и другіе стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ произведеніями письменной литературы.

О пѣсняхъ, записанныхъ для Оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса «еще во время пребыванія его въ Москвѣ» (стр. 203). О былинѣ о Григоріи Отрепьевѣ и Маринѣ, найденной въ бумагахъ К. Ѳ. Калайдовича П. А. Безсоновымъ и напечатанной имъ въ Пѣсняхъ Кирѣевскаго (в. VII, доп. 62 стр.) [записан. около 1688 г.]. О небольшой бытовой пѣснѣ XVII в. (изданной С. М. Соловьевымъ въ Исторіи Россіи, въ прилож. къ т. XIV, по записи около 1698 г.). — Тексты эти, содержащіе въ себѣ большею частію историческія пѣсни въ спискахъ XVII в. подвергнуты Л. Н. М—вымъ подробному изслѣдованію и сличенію какъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ этого времени, такъ и съ позднѣйшими устными пересказами тѣхъ же пѣсенъ. Изъ этого изслѣдованія выясняются въ одной стороны отношенія старинныхъ книжниковъ къ произведеніямъ народной словесности, съ другой тѣ измѣненія, какимъ подвергаются эти произведенія при сохраненіи ихъ въ народной памяти.

Хотя прямого продолженія настоящей статьи и не было, но къ вопросу о текстахъ былинъ по рукописямъ XVIII в. Л. Н. М—въ вернулся въ 1891 году. См. ниже № 148.

См. А. Н. Пыпинъ. И. Р. Этн. I, 75.

95. Въ «*Памятникахъ Древней Письменности*», изд. Общ. Любителей Древней Письменности, 1880. вып. IV, Спб. 1880 г., ст. 2, стр. 75—114 былъ помѣщенъ подъ заглавіемъ «Рукописный сборникъ пословицъ» при замѣткѣ Л. Н. Майкова (на стран. 76) текстъ *сборника пословицъ, поговорокъ и присказокъ*, напечатанный по доставленной редактору Памятниковъ (Ѳ. Н. Булгакову) рукописи конца XVII — начала XVIII столѣтія (стр. 77—114)*).

*) Рукопись была получена Л. Н. М—вымъ въ 1879 году отъ д-ра Н. Г. Ордина изъ г. Кадникова (Вологодской губ.) и затѣмъ была подарена имъ В. В. Богишичу; нынѣ принесена послѣднимъ въ даръ Императорской Академіи Наукъ и хранится въ рукописномъ Отдѣлѣ I-го Отдѣленія Библіотеки И. Акад. Наукъ (подъ шифромъ: 34. 8. 11). Подробное описаніе этой рукописи и текстъ сборника пословицъ см. въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Акад. Наукъ т. LXVI, № 7, стр. 165—171—216 и въ отдѣльномъ оттискѣ («Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Собралъ и приготовилъ къ печати П. Симони». Вып. I: 1—2. Спб. 1899).

1881.

96. *Современные разсказы и отзывы о Петрѣ Великомъ.* («Русскiй Архивъ», т. I, кн. 1, стр. 5—16). (Подпись: *М.*).

97. «*Жизнь Державина по его сочиненiямъ и письмамъ и по историческимъ матерiаламъ*», *Я. К. Грота.* (Спб. 1880). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенiя, ч. CCXIII, 1881, февраль, отд. II, стр. 308—314).

98. *Любовное посланiе XVII вѣка.* Съ объясненiями. («Русск. Архивъ», годъ 19-й. 1881. № 2, книга III, стр. 385—389. Подп.: «Л. Майковъ».

Любовное посланiе 1698 года (с. 386). — Объясненiе въ Разрядномъ Приказѣ (с. 387). — Вѣянiя Нѣмецкой слободы (с. 389).

99. *Хронологическiя справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенiя Сибири къ русской державѣ.* (Тамъ же, ч. CCXIII, сентябрь, отд. IV, стр. 21—36) и отдѣльнымъ оттискомъ: С.-Петербургъ. Типографiя В. С. Балашева. 1881. 8°. 16 стран.

1882.

100. Отзывъ д. чл. Л. Н. Майкова о трудахъ чл.-сотр. Н. М. Ядринцева (Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общества за 1881 годъ. Спб. 1882, въ Приложенiяхъ къ Отчету, I. Докладъ Коммиссiи Отдѣленiя Статистики о присужденiи малыхъ медалей, стран. 41—46).

101. Записки Имп. Русск. Геогр. Общества по Отдѣленiю Этнографiи. Томъ IX. Изданъ подъ редакцiею д. чл. Л. Н. Майкова. Спб., 1882. 8°. Стр. 229 + 73 + 167 + 10 табл. рисунковъ.

Примѣчанiя въ томъ же томѣ (см. стран. 44—159) «Записокъ» къ ст. И. С. Полякова. «*Изслѣдованiя по каменному вѣку въ Олонецкой губ., въ долинѣ р. Оки и на верховьяхъ Волги*». 1) О заселенiи береговъ р. Моши (стр. 44). 2) О преподобномъ Лазарѣ Муромскомъ (стр. 52), 3) О панахъ въ Мошинскомъ краѣ (стр. 53), 4) О Чуди въ Олонецкой губ. (стр. 54), 5) Извѣстiя Тацита и Павзанiя о костяныхъ орудiяхъ (стр. 156) и 6) О раскопкахъ Н. Е. Бранденбурга въ Новоладожскомъ уѣздѣ (стр. 157—159).

103. *Пятый археологическiй съѣздъ въ Тифлисѣ.* (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенiя, ч. CCXIX, 1882, февраль, отд. IV, стр. 17—46; ч. CCXX, мартъ, стр. 30—58, и отдѣльно: — Спб. 1882. Тип. В. Балашева. 8. Стран. 2 неп. + 58. Печатано въ количествѣ ста экземпляровъ.

104. Предисловіе (стр. I—VIII) и алфавитный перечень рукописей (стр. 367—372) къ «Описанію рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Имп. Казанскаго Университета», составленному А. И Артемьевымъ. («Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи», т. VII, и отдѣльно: Спб., 1882. 8⁰. VIII + 372).

Рецензія: И. В. Ягича въ Archiv für Slav. Philologie. Bd. VII, S. 158.

105. Записки Имп. Русск. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи т. X, вып. 1, 2 и 3, (1882—1888 г.). Стр. 214 + XLVI + 276 + 50. (Редакція 1-го и 2-го выпусковъ, а 3-го вмѣстѣ съ Н. И. Веселовскимъ).

106. *Причитанья Сѣвернаго Края, собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть II. Плачи завоенные, рекрутскіе и солдатскіе. Москва, 1882.* (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCXXIII, октябрь, отд. II, стран. 415—424). — Ср. съ № 40.

Тоже въ «Отчетѣ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова». Спб., 1886 г., стр. 66—78 и отдѣльно: «Причитанья... Рецензія Л. Н. Майкова». Іюнь, 1886. 13 стр. 8⁰.

107. *«Исторія россійской академіи», М. И. Сухомлинова. Выпускъ шестой. Спб. 1882».* (Историческій Вѣстникъ, № 11, стр. 469—471.

1883.

108. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія (*Редакція* съ № 2 1883-го года по 7 № 1890 г. (46 книжекъ).

109. *Волости и важнѣйшія селенія Европейской Россіи. Выпускъ IV.* Губерніи нижневолжской области. Стр. IV + 247. (Разработка матеріала и наблюденіе за печатаніемъ).

Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири. — Ср. А. Н. Пыпина Ист. Русск. Этногр. IV. 362—3.

110. *Матеріалы для русской исторіи, хранящіеся въ Чехіи.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями. (Россія при Петрѣ II. — Русскія войска въ Германіи при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ). («Русск. Архивъ», т. III, стр. 227—240).

111. Оглавленіе къ протоколамъ предварительнаго комитета V Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ; указатель именъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ къ этому изданію. («Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества». Т. IX, вып. II—III, стр. 1—42). (Редакція.)

112. *Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ*

Европейской Россіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета. *Вып. IV.* Губерніи нижневолжской системы. Стр. LVI + 180 + 8 картъ.

113. *Старинные русскіе паломники въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества.* 1) Житье и хоженье Данила Руськыя земли игумена, 2) Хоженіе гостя Василья и 3) Странствованія Василія Григоровича-Барскаго. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCXXXIV, іюль, отд. II, стр. 106—121, и отдѣльно).

1884.

114. *«Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году.* Издано подъ редакціею Л. Н. Майкова. Спб. 1884. Стр. VI + 116. 4°. (Памятники древней письменности и искусства № LIII). Печатано въ типогр. В. Балашева въ числѣ 625 экземпляровъ.

Реценз. 1) И. В. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie Bd. VIII, S. 658.—2) А. Н. Пыпина въ Ист. Русск. Этногр., т. IV, 1892 г., стр. 222—322. — 3) А. О—ва въ Историч. Вѣстникѣ 1885 г., № 10, стран. 199—203.

115. [Отзывъ Л. Н. Майкова о рукописи Тобольской духовной Семинаріи, содержащей въ себѣ сибирскую лѣтопись И. Черепанова, съ приложеніемъ I—XII выписокъ. («Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи», вып. VII. С.-Петербургъ, 1884 г., отд. IV (Выписка изъ протоколовъ), стр. 44—52—68). Читано въ засѣданіи 11 ноября 1876 г. = Ср. пр. зас. 24 сентября 1876 г.]. — Сн. съ № 71.

А. Н. Пыпинъ. Ист. Русск. Этнограф. т. IV, стр. 329—330.

116. [Записка Л. Н. Майкова о матеріалахъ для исторіи русской церкви и духовнаго просвѣщенія во второй половинѣ XVII вѣка, найденныхъ имъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ московскихъ библіотекъ: Синодальной, Типографской Синодальной же и Публичнаго Музея. (О сочиненіяхъ Сильвестра Медвѣдева, Симеона Полоцкаго, братьевъ Лихудовъ). Читана въ засѣданіи 10 мая 1877 г. (Лѣтопись занятій Археографич. Коммиссіи, вып. VII, Спб. 1884 г., отд. IV: Выписка изъ протоколовъ, стр. 103—108).

117. Записки Имп. Русск. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи. Томъ XII. Изданъ подъ редакціей д. чл. Л. Н. Майкова: *Сказки и преданія Самарскаго края.* Собраны и записаны Д. Н. Садовниковымъ. Спб., 1884. Тип. Мин. Вн. Дѣлъ. 8°. Стр. 3 неп. + VI + 388.

1885.

118. Отзывъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Л. Н. Майкова и помощника его О. Ѳ. Миллера о трудахъ Члена-сотрудника П. В. Шейна. (Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общества за 1884 г. Спб. 1885. Приложенія, Докладъ Коммиссіи Отдѣленія Этнографіи о присужденіи медалей, стран. 21—25).

1885—1887.

119. Сочиненія К. Н. Батюшкова. — Изданы П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Въ б. 8-ю д. л. *3 тома.* 1885—87.— [Печатано 2135 экземпляровъ; въ продажѣ первоначальною цѣною было объявлено пятнадцать рублей за все изданіе, вскорѣ цѣна была повышена].

Томъ I. С.-Петербургъ. Типографія В. С. Балашева. 1887. Стр. XXVII + 360 + 457 + 3 непомѣч. и 4 листа прилож.: портретъ и факсимиле и 2 снимка.

Предисловіе издателя (стр. V). — Отъ редактора (стр. X).

О рукописяхъ и прежнихъ изданіяхъ сочиненій К. Н. Батюшкова (стр. XIV).

I. [О рукописяхъ К. Н. Батюшкова].

I. Рукописи Императорской Публичной Библіотеки (стр. XV)

II. Рукописи частныхъ лицъ.

II. [Собранія сочиненій Батюшкова: 1817, 1834 и 1850 г.г.] (стр. XVIII).

Оглавленіе (стр. XXIII—XXVII).

О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова. Статья **Л. Н. Майкова.**

---

*) Въ 1-мъ изданіи пагинація обозначена внизу; внѣ скобокъ прибавляемъ соотвѣтственныя указанія на изданіе Маркса, 1896 г.

*) Напечатано было позже во 2-мъ изданіи статьи (Маркса, 1896 г., стран. 241).

*) Курсивныя (косыя) цифры означаютъ страницы примѣчаній (съ особымъ счетомъ).

Приложенный къ I-му тому *портретъ К. Н. Батюшкова* гравированъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ съ оригинала, писаннаго О. А. Кипренскимъ и принадлежащаго нынѣ П. Н. Батюшкову. — Кромѣ портрета, къ I-му тому (между XX и XXI страницами) приложены: 1) два воспроизведенные геліогравюрой (въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ) *фронтисписа*, которые находятся въ I-й и II-й частяхъ «Опытовъ въ прозѣ и стихахъ» 1817 года; фронтисписы эти были рисованы И. А. Ивановымъ по мысли А. Н. Оленина, а гравированы И. Ческимъ. 2) *факсимиле* съ первой страницы одного изъ писемъ К. Н. Батюшкова къ его сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ (съ автографа, хранящагося въ Императ. Публичной Библіотекѣ).

Томъ II. С.-Петербургъ. Типографія (бывшая) Котомина. 1885. Въ б. 8 д. л., стран. 3 непомѣч. + 584 + 1 непомѣч. + 1 листъ (съ 2 портретами и факсимиле). Стран. 2 непомѣч. (Оглавленіе).

Къ этому тому приложены *два портрета* К. Н. Батюшкова (на одномъ листѣ): первый набросанъ имъ для В. А. Жуковскаго, который подписалъ подъ нимъ стихи К. Н. Батюшкова, второй рисованъ для Е. Г. Пушкиной.

Томъ III. С.-Петербургъ. Типографія (бывшая) Котомина, 1886. Въ б. 8 д. л. Стр. V—XV (оглавленіе) + 804 + 2 листа снимковъ съ рисунковъ.

Года.		Письма *).		Страницы текста:	примѣч.
1797	Іюля 6-го	Сестрамъ.	Петербургъ.	1	*597*
1800	Февраля 1-го	Отцу.	»	—	—
»	Ноября 11-го	»	»	2	*598*
1807	Февраля 17-го	Отцу.	»	4	—
»	Марта 2-го	Н. И. Гнѣдичу.	Нарва . . .	6	*599*
»	» 19-го	»	Рига	7	—
»	Мая 11-го	Н. А. Оленину.	Шавли . . .	10	*600*
»	Іюня —	Н. И. Гнѣдичу.	Рига	12	*602*
»	» 17-го	Сестрамъ.	» . . .	14	—
»	Іюля 12-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . . .	15	*603*
1808	Іюня 1-го	»	На походѣ въ Финляндію.	17	—
»	Августа 7-го	»		18	—
»	Сентября—Октября	»		19	—
»	Ноября 1-го	А. Н. Батюшковой.	Иденсальми .	—	*604*
»	» 1-го	Н. И. Гнѣдичу.	» .	21	—
»	Декабря 8-го	Сестрамъ.	Гамлекарлеби	22	*605*
»	» —	Н. И. Гнѣдичу.	»	24	—
»	» 25-го	»	Ваза	—	—

---

*) Нѣкоторыя письма оказались датированными въ текстѣ невѣрно, невѣрности эти указаны въ примѣчаніяхъ и исправлены были въ оглавленіи, которое такимъ образомъ составляетъ и полный хронологическій перечень писемъ. (Примѣч. Л. Н. М—ва).

Года.				Страницы текста:	примѣч.
1809	Марта 24-го	А. Н. Оленину.	Надендаль .	25	*606*
»	» 28-го	Сестрамъ.	» .	27	*607*
»	Апрѣля 1-го	Н. И. Гнѣдичу.	» .	29	—
»	» 12-го	А. Н. Батюшковой.	» .	30	—
»	Мая 3-го	»	Або	32	*608*
»	» 3-го	Н. И. Гнѣдичу.	»	33	—
»	Іюля 1-го	Сестрамъ.	Петербургъ .	36	*610*
»	Августа 4-го	Н. И. Гнѣдичу.	Деревня . .	38	*611*
»	» 19-го	»	» . .	39	*612*
»	Сентября 6-го	»	» . .	41	*613*
»	» 19-го	»	» . .	46	*617*
1809	Сентября-Октября	Н. И. Гнѣдичу.	Деревня . .	49	*619*
»	Ноября 1-го	»	» . .	51	*620*
»	» 23-го	А. Н. Оленину.	» . .	58	*626*
»	» конецъ	Н. И. Гнѣдичу	» . .	60	*627*
»	Декабря	»	Вологда . .	69	*634*
1810	Января	А. Н. Батюшковой.	Москва . . .	71	—
»	» 16-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	72	*635*
»	» —	А. Е. Измайлову.	» . .	74	*636*
»	Февраля 1-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	—	—
»	» 9-го	»	» . .	75	—
»	» середина	»	» . .	77	*639*
»	» 19-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	79	*640*
»	Марта 17-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	81	—
»	» 23-го	»	» . .	82	—
»	Апрѣля 1-го	»	» . .	83	—
»	» 18-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	578	—
»	Мая 3-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	88	*642*
»	» 4-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	91	—
»	» —	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	92	*643*
»	» 11-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	94	—
»	» 13-го	»	» . .	96	—
»	» 23-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	97	*644*
»	Іюля 26-го	В. А. Жуковскому.	Деревня . .	98	—
»	Сентября 26-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	45	*615*
»	» 30-го	»	» . .	100	*645*
»	Октября—Ноября	»	» . .	62	*629*
»	Октября—Декабря	»	» . .	104	*645*
»	Декабря	»	Вологда . .	107	—
»	» конецъ	»	Деревня .	66	*633*
1811	Января 26-го	»	Вологда . .	108	*645*
»	Февраля—Марта	»	Москва. . .	110	*646*
»	Марта 13-го	»	» . .	111	*647*
»	Апрѣля 1-я половина	»	» . .	116	*650*
»	» 24-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	118	*651*

Года.				Страницы текста:	примѣч.
1811	Апрѣля конецъ	Н. И. Гнѣдичу.	Москва. . .	119	—
»	Мая 6-го	»	» . .	122	*657*
»	» 11-го	»	» . .	124	*659*
»	» 29-го	»	Фили. . . .	126	*664*
»	Марта—Мая	Е. Г. Пушкиной.	Москва. . .	129	*665*
»	» »	»	» . .	—	—
»	Мая	»	» . .	130	—
»	»	»	» . .	131	—
»	Іюля	Н. И. Гнѣдичу.	Деревня . .	—	—
»	Августа	»	» . .	134	*667*
»	» 26-го	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	137	*668*
»	Августа—Сентября	»	» . .	138	—
»	» »	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	140	*669*
»	Сентября 9-го—12-го	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	143	—
»	Октября	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	144	*670*
»	» 17-го	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	146	*671*
»	Ноября 7-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	148	*672*
»	» 27-го	К. Ѳ. Муравьевой.	» . .	151	—
»	» исходъ	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	152	*673*
»	Нояб. 27-го—Дек. 5-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	155	*677*
»	Декабря 19-го	Кн. П. А. Вяземскому.	Деревня . .	165	*678*
»	» 29-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	169	*681*
1812	Февраля 16-го	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ.	172	—
»	» 27-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	216	*702*
»	Апрѣль начало	А. Н. Батюшковой.	»	174	*682*
»	» 12-го	»	»	176	*684*
»	» —	В. А. Жуковскому.	»	177	—
»	Мая 1-го	А. Н. Батюшковой.	»	179	—
»	» 5-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	182	—
»	» 10-го	»	»	183	*685*
»	» 17-го	А. Н. Батюшковой.	»	186	*694*
»	Іюня —	В. А. Жуковскому.	»	187	—
»	Іюня—іюля	А. Н. Батюшковой.	»	191	—
»	Іюля 1-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	192	*695*
»	» 1-я половина	»	»	194	—
»	» 21-го	»	»	195	—
»	Августа 9-го	А. Н. Батюшковой.	»	196	—
»	» »	Д. В. Дашкову.	»	198	*696*
»	» 16-го	А. Н. Батюшковой.	»	201	*698*
»	» 2-я половина	Кн. П. А. Вяземскому.	Москва. . .	202	—
»	Сентября 7-го	Н. И. Гнѣдичу.	Володимиръ.	203	—
»	Октября 3-го	»	Н.-Новгородъ	204	*699*
»	» 3-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	205	—
»	» —	Н. И. Гнѣдичу.	»	208	*700*
»	» 27-го	Отцу.	»	213	*701*

Года.				Страницы текста:	примѣч.
1812	Ноября средина	Е. Г. Пушкиной.	Н.-Новгородъ	—	—
1813	Января —	Н. Ѳ. Грамматину.	Вологда . .	214	—
»	» 24-го	Сестрамъ.	Н.-Новгородъ	215	*702*
»	Марта 4-го	Е. Г. Пушкиной.	Петербургъ.	219	*703*
»	» 21-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	221	—
»	Апрѣля 1-го	А. Н. Батюшковой.	»	222	*704*
»	» 24-го	»	»	223	—
»	Мая 3-го	А. Н. Оленину.	»	224	—
»	» 17-го	А. Н. Батюшковой	»	225	—
»	Іюня 10-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	226	—
»	» 30-го	В. А. Жуковскому.	»	229	*705*
»	» —	Е. Г. Пушкиной.	»	230	*709*
»	Іюля 14-го	А. Н. Батюшковой.	»	232	—
»	Сентября—Октября	Н. И. Гнѣдичу.	Теплицъ . .	233	—
»	Октября 30-го	»	Веймаръ . .	235	*707*
»	Ноября 10-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	243	—
»	Декабря 31-го	Н. И. Гнѣдичу.	Д. Фонтенъ .	246	*708*
1814	Марта 27-го	»	Juissi-sur-Seine	249	—
»	Апрѣля 25-го	Д. В. Дашкову.	Парижъ . .	257	—
»	Апрѣля—Мая	Отцу	» . .	264	*710*
»	Мая 3-го	Е. Г. Пушкиной.	» . .	266	—
»	» 17-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	271	*711*
»	» —	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	272	—
»	Іюня 19-го	Д. П. Сѣверину.	Готенбургъ.	274	—
»	Іюля 17-го	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ.	284	—
»	» 27-го	»	»	286	—
»	Августа 27-го	»	»	288	*712*
»	Сентября 21-го	»	»	290	*713*
»	Октября 4-го	»	»	293	—
1814	Октября 13-го	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ.	295	*713*
»	Октября—Ноября	»	»	297	—
»	Октября—Ноября	А. И. Тургеневу.	»	299	—
»	Ноября 3-го	В. А. Жуковскому.	»	302	—
»	» 13-го	Г-жѣ Петиной.	»	307	*714*
1815	Января 29-го	А. Н. Батюшковой.	»	309	—
»	Февраля —	Е. Ѳ. Муравьевой.	Деревня . .	310	—
»	Февраля—Мая	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	311	*715*
»	Мая 3-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	314	—
	» 21-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	315	—
»	Іюня 6-го	»	» . .	316	—
	Іюня 1-я половина	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	318	*716*
»	» —	М. Е. Лобанову.	» . .	320	—
»	Іюля 10-го	Н. И. Гнѣдичу.	Каменецъ. .	331	—
»	» 13-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	333	—
»	Іюля—Августа	А. Н. Батюшковой.	» . .	—	—

Года.				Страницы текста:	примѣч.
1815	Августа 1-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	Каменецъ. .	334	—
»	» —	»	» . .	335	717
»	» 11-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	338	—
»	» —	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	340	—
»	» —	В. А. Жуковскому.	» . .	344	718
»	Сентября 29-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	347	719
»	Октября 7-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	348	—
»	» 12-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	349	—
»	Ноября 4-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	350	—
»	» 19-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	351	—
»	Декабря 12-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	355	—
»	» средина	В. А. Жуковскому.	» . .	356	—
»	» 17-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	361	721
»	» 23-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	362	—
»	» 26-го	»	» . .	365	—
1816	Января 7-го	»	Москва . . .	365	—
»	» средина	А. И. Тургеневу.	» . .	366	—
»	» 20-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	368	722
»	» 30-го	»	» . .	369	723
»	Февраля —	Кн. П. А. Вяземскому.	Москва. . .	370	—
»	» —	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	373	724
»	» 16-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	—	725
»	Марта начало	»	» . .	375	—
»	Марта 3-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	376	—
»	» —	»	» . .	—	—
»	» 14-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	377	—
»	» 19-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	378	726
»	» 20-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	—	—
»	» 29-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	380	—
»	» конецъ	В. А. Жуковскому.	» . .	382	—
»	Апрѣля 3-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	384	727
»	» 3-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	385	—
»	» 19-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	386	72
»	» »	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	387	—
»	Іюля 10-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	388	—
»	Августа начало	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	389	—
»	» 6-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	391	730
»	Сентября начало	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	393	731
»	Сентября 1-я половина	А. Н. Батюшковой.	» . .	396	731
»	» 17-го	»	» . .	397	—
»	» 25-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	399	—
»	» —	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	402	—
»	» 27-го	В. А. Жуковскому.	» . .	403	732
»	Октября 14-го	А. И. Тургеневу.	» . .	405	733
»	» 28-го и 29-го	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	407	—

Года.				Страницы текста:	примѣч.
1816	Ноября 14-го	Е. Θ. Муравьевой.	Москва. . .	410	*734*
»	Декабря 4-го	А. И. Тургеневу.	» . .	411	—
1817	Января 14-го	Кн. П. А. Вяземскому.	Деревня . .	413	*734*
»	Января—Февраля	»	» . .	414	*735*
»	Февраля 2-я половина	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	416	*736*
»	» 21-го	»	» . .	418	—
»	» 27-го	»	» . .	—	—
»	Февраля—Марта	»	» . .	420	—
»	Марта 4-го	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	426	*738*
»	» 1-я половина	В. Л. Пушкину.	» . .	432	*740*
»	» начало	А. Н. Батюшковой.	» . .	435	*741*
»	» 9-го	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	—	—
»	Мая —	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	437	—
»	» —	»	» . .	440	*742*
»	» 6-го	А. Н. Батюшковой.	Москва. . .	442	—
»	Іюня 4-го	А. Н. Оленину.	» . .	444	—
»	» 7-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	445	*743*
»	» —	В. А. Жуковскому.	Деревня. . .	446	—
»	» 23-го	Кн. П. А. Вяземскому.	» . .	450	—
»	Іюля 3-го	Е. Θ. Муравьевой.	Москва . . .	454	*745*
»	» начало	Н. И. Гнѣдичу.	Деревня . .	455	—
»	» 2-я половина	»	» . .	459	*746*
»	» 23-го	П. С. Кондыреву.	» . .	461	*749*
»	Августа 10-го	И. И. Дмитріеву.	С. Даниловское	462	*750*
»	» 17-го	А. Н. Батюшковой.	Устюжна . .	463	—
»	» 24-го	»	Петербургъ.	464	—
»	» 28-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	465	—
»	Августа—Сентября	А. И. Тургеневу.	»	467	—
»	Сентября 13-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	—	—
»	» —	А. И. Тургеневу.	»	469	*752*
»	» —	Е. А. Карамзиной.	»	470	—
»	» 29-го	А. Н. Батюшковой.	»	471	—
»	Октября начало	А. И. Тургеневу.	»	472	—
»	» —	И. И. Мартынову.	»	473	—
»	» 19-го	А. Н. Батюшковой.	»	474	*753*
»	Октября 26-го	И. И. Дмитріеву.	Петербургъ.	475	*753*
»	Ноября начало	А. Н. Батюшковой.	»	476	—
»	» 6-го	»	»	478	—
»	» 1-я половина	М. Н. Загоскину.	»	479	—
»	» средина	А. Н. Батюшковой.	»	480	—
»	» 26-го	А. Н. Батюшковой.	»	481	—
»	» 27-го	»	»	482	—
»	Декабря начало	»	Устюжна . .	483	—
»	Мѣсяцъ не означенъ	Неизвѣстному лицу.	— .	485	—
»	Декабря 6-го	Е. Θ. Муравьевой.	Устюжна . .	486	*754*

Года.				Страницы текста:	примѣч.
1818	Января 1-я половина	В. А. Жуковскому.	Петербургъ.	487	—
»	» » »	»	»	488	—
1818	Января 24-го	А. Н. Батюшковой.	Петербургъ.	489	754
»	Февраля начало	Кн. П. А. Вяземскому.	»	490	755
»	» 22-го	И. И. Дмитріеву.	»	491	—
»	Марта —	А. Н. Оленину	»	492	—
»	Мая —	Н. И. Гнѣдичу.	»	493	—
»	» 9-го	Кн. П. А. Вяземскому.	»	—	756
»	» 11-го	А. Н. Батюшковой.	»	495	757
»	» середина	Е. Ѳ. Муравьевой.	Москва. . .	496	—
»	» 23-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	497	—
»	» исходъ	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	498	—
»	Іюня начало	А. И. Тургеневу.	» . .	500	—
»	» 13-го	»	» . .	502	—
»	» »	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	504	758
»	» »	А. Н. Батюшковой.	» . .	506	—
»	» исходъ	А. И. Тургеневу.	Полтава . .	508	—
»	» »	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	511	—
»	Іюля 12-го	»	Одесса . . .	512	759
»	» »	А. И. Тургеневу.	» . .	516	—
»	» 17-го	А. Н. Оленину.	» . .	518	760
»	» конецъ	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	521	—
»	» 30-го	Е. Ѳ. Муравьевой.	» . .	522	761
»	» »	А. И. Тургеневу.	» . .	523	—
»	Августа 3-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	525	762
»	» »	Н. М. и Е. Ѳ. Муравьевымъ.	» . .	527	—
»	» »	А. И. Тургеневу.	» . .	—	—
»	Августа 26-го	»	Москва. . .	530	763
»	Сентября 10-го	»	» . .	531	—
»	Октября—Ноября	»	Петербургъ.	534	765
»	» »	»	»	—	—
»	» »	»	»	535	—
»	Октября 31-го	И. И. Дмитріеву.	»	536	—
»	Ноября 16-го	А. Н. Батюшковой.	»	—	766
»	» 2-я половина	Кн. П. А. Вяземскому.	»	538	—
1819	Февраля	А. Н. Оленину.	Римъ. . . .	539	766
»	Марта 20-го	А. Н. Батюшковой.	Неаполь. . .	545	767
»	» 24-го	А. И. Тургеневу.	» . .	548	768
»	Мая —	С. С. Уварову.	» . .	779	783
»	» —	Н. И. Гнѣдичу.	» . .	552	769
»	» 24-го	Н. М. Карамзину.	» . .	555	770
»	Августа 1-го	В. А. Жуковскому.	» . .	558	—
»	Сентября 22-го	А. Н. Батюшковой.	» . .	563	771
1820	Декабря 2-го	А. Я. Италинскому.	Римъ. . . .	565	772

Къ III-му тому приложены *два портрета* К. Н. Батюшкова, *имъ самимъ набросанные* въ письмахъ къ Н. И. Гнѣдичу.

Рецензіи: 1) Наблюдатель 1887 г., № 5, стран. 46—9; 2) Русская Мысль 1887 г., № 6, стран. 345—8; 4) проф. Н. Булича въ «Четвертомъ присужденіи Пушкинскихъ премій». Спб. 1888, стран. 2—45 (см. въ Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. XLVI).

---

120. *Еще былины и пѣсни изъ Заонежья.* (Отдѣльный оттискъ изъ «Р. Ф. Вѣстника»). [Дозв. цензурою. Варшава. 21 Февраля 1885 г. Въ типогр. М. Земкевича; — безъ загл. листа и обложки]. 17 стр. 8°. — («Русскій Филологическій Вѣстникъ», т. XIII, 1885).

Напечатаны пѣсни, доставленныя Л. Н. М—ву К. М. Петровымъ, инспекторомъ Народныхъ училищъ въ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ у.у.

[Вводная замѣтка Л. Н. М. подписана *3 Января 1885 г.*].

I. Добрыня и Маринка (с. 3). [Ср. Онежск. Был. А. Ѳ. Гильфердинга № 216]. — *Осада Пскова* (с. 7). — Отчего богатыри перевелись на Святой Руси? (с. 8). — Былина про Добрыню и Илью Муромца (с. 9). — Взятіе Ревеля (с. 12). — Графъ Румянцевъ (с. 13). — Платовъ казакъ (с. 14). — Платовъ казакъ (с. 15). — Преданіе о Гусѣ-богатырѣ. (Разсказъ крестьянки Варвары Ганевой).

121. *Н. И. Костомаровъ.* Некрологъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, часть CCXXXIX, май, отд. IV, стр. 60—63). (Безъ подписи).

122. *Объ ученыхъ заслугахъ гр. А. С. Уварова.* («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества», т. XX, и отдѣльно. Стр. 6).

1886.

123. *Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году.* Дневникъ П. И. Челищева изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Изданія Имп. Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1886. Стр. X + 315 4°. (Изданіе О. Л. Д. П. № LXXXV).

Рец. 1) *П. С—кій: «Сѣверный край въ концѣ прошлаго вѣка».* Ж. М. Н. Пр. 1886 г. Ноябрь, стр. 107—118. 2) Вѣстн. Европы 1886 г.

1887.

124. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія.—*Леонида Майкова.*— С.-Петербургъ. Типографія В. С. Балашева. 1887. Въ больш. 8-ю д. л. Стр. 1 непомѣч. (посвященіе) + 360 + 1 портретъ + 1 снимокъ.

Посвященіе: «Аполлону Николаевичу Майкову, Николаю Алексѣевичу Трескину, Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину и Ѳедору Дмитріевичу Батюшкову — посвящаю мой трудъ, съ любовью писанный и встрѣченный ихъ дружескимъ одобреніемъ. 28-го Марта 1887 года. Леонидъ Майковъ». — Книга эта составляетъ отдѣльный оттискъ изъ I-го тома «Сочиненій К. Н. Батюшкова», Спб. 1887 г. страницъ 1—360 (обозначенныхъ тамъ внизу), съ небольшою переверсткою первыхъ четырехъ страницъ (полулиста). Приложенъ тотъ же портретъ; но къ концу книги присоединенъ фотолитографическій снимокъ съ стихотвореній, писанныхъ разными руками и относящимися къ Сентябрю

1817 г. (Пушк., Жук., Батюшк. и Плещеевымъ?): «Писать я не умѣю...» и Вяземскому: «Зачѣмъ забывши славу...».

125. *Сочиненія К. Н. Батюшкова.* Изданіе пятое общедоступное, съ портретомъ автора. С.-Петербургъ. Типогр. В. С. Балашева. 1887. Стран. XXV + 633 + 1 портретъ, въ 8-ую д. л.

На стран. IX—XXV — помѣщена біографія поэта, составляющая извлеченіе изъ сочиненія Л. Н. Майкова о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова (см. особ. стран. XXII слѣд.). Все изданіе исполнено вѣроятно самимъ издателемъ пок. П. Н. Батюшковымъ подъ ближайшимъ руководствомъ и при помощи Л. Н. Майкова.

126. *О заслугахъ гр. А. С. Уварова въ дѣлѣ русской археологіи.* («Труды Пятаго Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ», стр. XCII—XCIV).

1888.

127. *Князь П. П. Вяземскій.* Некрологъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, CCLVIII, августъ, отд. IV, стр. 79—84, и отдѣльно. (Безъ подписи).

128. *Характеристика Батюшкова, какъ поэта.* Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 22-го Ноября 1887 года членомъ-корреспондентомъ Академіи Л. Н. Майковымъ («Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ», т. XLIII, прилож. № 1, стр. 18—38) и отдѣльнымъ оттискомъ: Характеристика Батюшкова какъ поэта. — Члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ Л. Н. Майкова. Санктпетербургъ. Типографія Императорской Академіи Наукъ. 1887. (Декабрь) 8°. 21.

129. *Симеонъ Полоцкій о русскомъ иконописаніи.* («Библіографъ», 1888 г., стр. 341—350, и отдѣльнымъ оттискомъ: Спб. 1889. 8°).

1889.

130. *Замѣтка для проф. В. В. Качановскаго.* (По поводу его возраженія на критическую статью В. В. Макушева о соч. «Неизданный дубровницкій поэтъ А. Маринъ-Глегевичъ»). — (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCLXII, апрѣль, отд. II, стр. 436—437 и отдѣльно 2 стр.).

131. *Л. Н. Майковъ.* — Первые шаги Ивана Андреевича Крылова на литературномъ поприщѣ. (Посвящается А. А. М.).—С.-Петербургъ. Типогр. Товарищества «Общественная Польза». 1889. 8°. 47 стр. Подп.: «28-го марта 1889 г.». На оборотѣ загл. л.: «От-

тиски изъ журнала «Русскій Вѣстникъ». — Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 24 Апрѣля 1889 года». («Русскій Вѣстникъ», № 5, стр. 125—169).

132. *Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій.* С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1889. Стр. VII + 434 въ м. 8-ю д. л.

Отъ автора (стр. V—VII. Л. М.).

1. *Симеонъ Полоцкій* (с. 1). — Сн. съ № 57.
2. *Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени* (с. 163). — Сн. съ №№ 78 и 89.

Приложенія:

I. Гисторія о матросѣ Василіи и повѣсть о Долторнѣ (с. 225).
II. Любовное посланіе XVII вѣка (с. 229).

3. *Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго* (с. 234). — Сн. съ № 28.
4. *Василій Ивановичъ Майковъ* (с. 252). — Сн. съ № 15. 170.
5. *Литературныя мелочи Екатерининскаго времени:*

I. Театральная публика во времена Сумарокова (с. 310).
II. «Сонъ» Ѳ. А. Эмина (с. 323).
III. Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 г. (с. 342).
IV. В. А. Чупятовъ (с. 356).

6. *Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики* (с. 369).

Указатель личныхъ именъ (с. 425—434).

Важнѣйшія опечатки (с. 434).

«Издаваемый сборникъ содержитъ въ себѣ нѣсколько монографическихъ очерковъ изъ исторіи русской литературы двухъ послѣднихъ столѣтій. Никакой непосредственной связи между отдѣльными статьями сборника нѣтъ, кромѣ той, что онѣ вышли изъ-подъ одного пера. Въ выборѣ содержанія для очерковъ я не руководствовался никакою особенною цѣлью, какъ, напримѣръ, тою, чтобъ изобразить главные моменты нашего литературнаго развитія въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ; тѣмъ не менѣе позволяю себѣ думать, что мнѣ удалось намѣтить, въ отдѣльныхъ примѣрахъ, нѣкоторыя существенныя черты этого развитія.

Статьи, вошедшія въ настоящій сборникъ, написаны въ разное время, въ теченіе двадцати лѣтъ, и были уже напечатаны въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Издавая ихъ вновь, я счелъ долгомъ переработать ихъ сообразно современному состоянію свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. При этомъ, однако, слѣдуетъ сдѣлать кое-какія оговорки.

Самая обширная изъ статей настоящаго сборника — о Симеонѣ Полоцкомъ — была напечатана въ 1875 г. въ журналѣ «Древняя и Новая Россія»... За то *въ нынѣшнемъ своемъ видѣ* статья моя о Симеонѣ Полоцкомъ *снабжена новыми данными изъ рукописныхъ источниковъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться послѣ 1875 г.*

Статья о *повѣсти Петровскаго времени* вызвала нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *важныя замѣчанія* со стороны А. Н. Пыпина. Въ *первомъ при-*

ложеніи къ настоящей перепечаткѣ этой статьи я представляю свое объясненіе по вопросу, возбужденному моимъ почтеннымъ оппонентомъ.

Статья «Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики» написана по поводу извѣстнаго труда А. Н. Неустроева о нашихъ періодическихъ изданіяхъ XVIII вѣка. Въ настоящее время она можетъ имѣть значеніе не какъ разборъ этой въ высшей степени полезной книги, а какъ дополненіе къ ней; поэтому *въ статью эту я ввелъ указанія и на такія изслѣдованія, которыя появились послѣ труда г. Неустроева.*

Считаю нужнымъ упомянуть, что *цитаты, приводимыя мною изъ рукописей, всѣ вновь провѣрены по подлинникамъ* и потому являются теперь въ болѣе исправномъ видѣ, чѣмъ были напечатаны первоначально....» *(Л. М.).*

Рец. 1. *А. В.* въ Вѣстникѣ Европы 1889, Іюнь, стр. 815—817. — 2. Сергѣя Ольгина. Филол. Записки 1889, вып. VI, отд. Библіографіи. — 3) Русская Старина 1889 г., т. LXI, на обложкѣ 3-ьей кн., и 4) Русскій Вѣстникъ 1889 г., № 4, стран. 271—284 (рец. К. Н. Бестужева-Рюмина).

133. *И. А. Крыловъ.* Три басни изъ изданія «Утренніе Часы», въ которомъ онъ былъ сотрудникомъ въ 1788—1789 гг. («Русская Старина», т. LXV, 1890 г. январь, № 1, стр. 93—97).

134. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1889 годъ. Составленный Л. Н. Майковымъ. Санктпетербургъ, 1890 (Февраль). 8°. 16 стран. (прилож. стр. 17—24. — Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. LI, Спб. 1890 г., прилож. № 1, стран. 1—16. — (Тоже въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCLXVII, февраль, отд. IV, стр. 49—91).

1890.

135. *Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ* Л. Майкова. *I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда.* (Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника Отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. LI Спб. 1890 г., прилож. № 4). Спб., 1890. (Мартъ), 8°. 50 стран. — [Cн. съ № 148].

Рец. 1. Жив. Старина. 1890 г. Вып. 1, Отдѣлъ III. Крит. и библіогр. стр. 13.

2. Г. С. Дестунисъ въ Ж. М. Н. Пр. 1890, Сентябрь, стр. 233—69 (*рец.* посвящена преимущественно разбору *топографическихъ* подробностей «Бесѣды»).

3. И. Е. Троицкій (Визант. Временникъ, 1894, I, стр. 167 сл.).

4. Д. Ѳ. Кобеко (Изв. Отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н. 1897. II, *3*, 611 сл. и *4*).
5. Х. М. Лопаревъ (тамъ же, 1898, III, 2, 339 сл.).

136. *Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника.* Съ предисловіемъ. («Живая Старина», вып. I. Спб. 1890, Отд. II, стр. 1—4 и отд. оттискъ, 4 стр. въ б. в. д. л.).

По рукописному сборнику И. Публичной Библіотеки, писанному въ 1803 году (изъ Вологодской губерніи) приведены полностію тексты трехъ нижеслѣдующихъ былинъ: I. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ-кораблѣ (стр. 2). — Добрыня и Марина (ibid.). — III. Князь Михаило Скопинъ (стран. 3).

137. «*Матеріалы для русской библіографіи.* Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800. Составилъ Н. В. Губерти. Выпускъ I-й. М. 1878. V + 372 стр.— Выпускъ II-й. М. 1881. 660 + X + 3 + IV стр.— Выпускъ III-й. Прибавленіе къ I-му и II-му выпускамъ. Рукопись въ листъ, на 302 листахъ мелкаго письма. Разборъ Адъюнкта Академіи Л. М. Майкова». («Отчетъ о тридцать первомъ присужденіи наградъ гр. Уварова», стр. 67—75, и отдѣльнымъ оттискомъ): Іюнь, 1890. 9 стран. 8⁰ (безъ загл. листа и обложки).

138. *Вновь найденныя записки о Екатеринѣ II.* («Записки» граф. Варвары Николаевны Головиной, заимствован. изъ Куракинскаго Архива). («Русское Обозрѣніе», № 6, стр. 811—822).

139. *Н. М. Карамзинъ у гр. Н. П. Румянцева въ 1824 году.* Съ предисловіемъ. (Литературный симпозіонъ). («Русская Старина», 1890 г., т. LXVII, № 9, стр. 449—456).

140. Русская Историческая Библіотека, изд. Археографическою Коммиссіею. Т. XII. *Акты Холмогорской и Устюжской епархій.* Ч. I. 1500—1699 года. Стр. XIII + 15 + 1479 + 126.

(Редакція вмѣстѣ съ Тимоѳеевымъ; указатель составленъ г. Зинченкомъ).

141. *Пушкинъ и Даль.* («Русскій Вѣстникъ», № 10, стр. 1—20).

142. *О началѣ русскихъ виршъ.* — Замѣтка Л. Майкова. С.-Петербургъ, 1891. 13 стран. 8⁰. (Отдѣльный оттискъ рецензіи на статью А. И. Соболевскаго: «Изъ исторіи русск. литературы XVII вѣка»). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCLXXV, 1891, іюнь, отд. II, стр. 443—453).

На страницахъ 12—13 напечатана вирша изъ рукоп. сборника XVI—XVII в. библіотеки Казанской Дух. Академіи № 880, л. 292: «*Лѣтопись книга Історія Козанская*».

143. *Записка адъюнкта Л. Н. Майкова объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Имп. Акад. Наукъ Н. А. Лавровскаго.* Читана въ засѣданіи Отдѣленія русск. яз. и словесн. 20 января 1890 года. («Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. LII, Спб. 1891 г., стр. 34—41).

1891.

144. *Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ.* («Сборникъ Отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ» т. LII № 8, (октябрь) 1891, и отдѣльно, стр. XX + 138. 8°. — Тоже въ Запискахъ И. Академіи Наукъ, т. LXVII, прил. № 6.

Введеніе (стр. I—XX).—Разсказы А. К. Нартова (с. 1—105).—Примѣчанія Л. Н. М—ва (с. 106—138).

Рецензія К. Н. Бестужева-Рюмина (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1892 г., № 2, стр. 491—3).

145. *Валеріанъ Майковъ.— Критическіе опыты,* (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики. Изданіе журнала «Пантеонъ Литературы». С.-Петербургъ. Типогр. А. Лебедева. 1891.

Предисловіе подписано братьями — А. М. и Л. М.

Л. Н. Майкову принадлежитъ вводная статья подъ заглавіемъ: «*Валеріанъ Николаевичъ Майковъ. Матеріалы для его біографіи и литературной характеристики*» (см. на стран. I—XLVII).

146. *Воспоминанія Анны Григорьевны Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году.* Съ предисловіемъ. («Русскій Архивъ», т. III, стр. 309—328).

147. *Князь М. М. Щербатовъ.* Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинымъ. Съ примѣчаніями. (Русская Старина, т. LXXII, 1891 г., № 11, стр. 465—469).

148. *Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ* Л. Майкова. II. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII вѣка.—III. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII вѣка. Санктпетербургъ, 1891. [Декабрь] 8°. 57 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LIII, № 5.—[Ср. съ № 135].

II. **Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII вѣка** (стр. 1—45).

Указано семь отдѣльныхъ текстовъ по рукописямъ разныхъ собраній (стр. 1—4). О писцахъ подобныхъ рукописей (с. 4—5). Рѣшеніе различныхъ вопросовъ относительно способа воспроизведенія былинъ въ рукописяхъ (с. 5) и оцѣнка старинныхъ рукописныхъ текстовъ (с. 7). Заключенія, къ которымъ приводитъ сличеніе текстовъ по содержанію

(по ихъ плану и составнымъ частямъ (с. 8). Цѣль опыта изученія и сравненія текстовъ — заключается въ томъ, чтобы по возможности возстановить «Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII в.

«Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ». («Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ»). (стр. 25—8).

Приложенія. 1. «*Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике.* (По Библіотечному списку)». (с. 29—32).
2. *Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике.* (По рукописи И. Е. Забѣлина № 71). (с. 32—4).
3. *Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ.* (По рукописи И. Е. Забѣлина № 82). (с. 34—45).

III. **Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII вѣка** (стр. 46—57).

Описаніе рукописнаго сборника Императорской Публичной Библіотеки О. XVII. 44. О значеніи повѣсти (с. 47).

Повѣсть о князе Владимірѣ Киевскомъ и о богатыряхъ киевъскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Івановиче и царѣ Кащею Залатой арды (стр. 50—57).

Появленіе настоящихъ статей вызвано, вѣроятно, статьею акад. Н. С. Тихонравова подъ заглавіемъ: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка» (напечатан. въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», 1891, кн. VIII).

Тексты: 1) на стр. 29—32 перепечатанъ въ книгѣ: «Русскія былины старой и новой записи подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера (М., 1894 г.), на стр. 1—4; 2) на стр. 32—4 перепеч. тамъ же на стр. 4—7; 3) на стр. 34—45—перепеч. на стр. 11—24; 4) на стр. 50—7 перепеч. на стр. 25—31, при чемъ текстъ Л. Н. М—вымъ въ корректурѣ вновь былъ свѣряемъ по подлинной Библіотечной рукописи и приложенъ фототипическій снимокъ съ фотографіи, доставленной Л. Н. М—ву В. Г. Дружининымъ, — исполненный фототипіею (Левенсона въ Москвѣ). Описаніе I-ой рукописи на стр. 2—3 перепечатано тамъ же на стр. 68—9; описаніе II-ой рукописи на стр. 46—9 перепеч. на стр. 86—8.

149. *О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ.* (Докладъ о поступившихъ на съѣздъ отвѣтахъ на 57-й запросъ программы: какія могутъ быть указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже конца XVII вѣка и содержащихъ въ себѣ народныя былины, пѣсни и собранія народныхъ пословицъ). («Труды Четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани», т. II, стр. 159—163. 4^{0}).

150. *Отрывокъ былины изъ Сибирской лѣтописи.* («Живая Старина», вып. III, Спб. 1891, Отдѣлъ II: «Памятники языка и народной словесности», стр. 129—132).

— *Ермакъ взялъ Сибирь.* (Изъ «Древней Россійской Вивліоѳики»). (Тамъ же стр. 133—135).

— *Заговоры донскихъ казаковъ.* (Тамъ же, стр. 135—136).

1892.

151. *Д. П. Лебедевъ.* (Некрологъ). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCLXXIX, январь, отд. IV, стр. 75—78. Подпис.: *Л. М.*).

152. *Петръ Великій въ разсказахъ Нартова*, его учителя въ токарномъ мастерствѣ, въ 1712—1725 гг. («Русская Старина», 1892 г., т. LXXIII, № 1, стр. 121—130 и т. LXXIV, № 4, стр. 45—50).

153. *Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ.* I. О стихотвореніяхъ: «Туча» и «Аквилонъ». (Русскій Вѣстникъ № 2, стр. 1—9).—II. О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году. (Тамъ же, № 9, стр. 151—169).

154. *Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ.* (Русское Обозрѣніе, № 4, стр. 611—625 и № 5, стр. 5—25).

155. *Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Вып. II.* А. А. Титовъ. (М., 1892). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCLXXXII, іюль, отд. II, стр. 204—218, и отдѣльно. Подпись: *Л. М.*).

156. *М. П. Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства.* (Русскій Вѣстникъ, № 7, стр. 189—201).

157. *Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ.* (Замѣтки по поводу одного письма). («Русскій Вѣстникъ», № 9, стр. 250—272).

158. Памяти Петра Александровича Плетнева. Чтеніе ординарнаго академика Л. Н. Майкова (въ книгѣ: «Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 Октября 1892 года. Санктпетербургъ, 1892 (Октябрь). Стр. 26—33). (Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ», т. LIV, 1893 г., стр. 26—33).

— Тоже было повторено въ «Славянскомъ Обозрѣніи», т. III, № 10, стр. 181—187.

159. *А. Д. Галаховъ.* Некрологъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCLXXXIV, декабрь, отд. IV, стр. 124—133, и отдѣльно).

160. *Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову, 27 іюня 1818 года.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями (Русская Старина 1892 г., т. LXXVI, № 12, стр. 651—662).

161. П. Н. Батюшковъ. «Бессарабія. Историческое описаніе. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова». Стр. XV—XXXII.

162. *Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 годъ.* Составленный Л. Н. Майковымъ. Санктпетербургъ, 1892 (Декабрь). 20 страницъ 8°. (Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», т. LIV, 1893 г., прил. № 1).
163. *П. В. Анненковъ и его друзья.* Изданіе А. С. Суворина. Редакція (не подписано).

1893.

164. *Записки И. И. Неплюева (1693—1773 г.).* Новое полное изданіе съ примѣчаніями. Изданіе А. С. Суворина. Стр. VIII + 197.
165. *Бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ.* (Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 13 Декабря 1893 г. Типографія Высоч. утвержд. Товарищ. Обществ. Польза). — (Отдѣльный оттискъ изъ Русскаго Вѣстника. Стр. 8—51 8°).
166. *Два письма К. Н. Батюшкова.* (Къ Д. Н. Блудову и графу Н. П. Румянцову, отъ 1818 г.). Съ предисловіемъ. («Русская Старина», т. LXXVII, № 3, стр. 525—528).
167. *Письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову*, 22-го апрѣля 1816 г. Съ предисловіемъ. (Тамъ же, т. LXXIII, № 5, стр. 403—408).
168. *Къ вопросу объ «Исторіи Руссовъ».* (По поводу книги г. Горленка: «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка»). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCLXXXVII, май, отд. II, стр. 213—231, и отдѣльно).
169. Отзывъ дѣйствит. члена Л. Н. Майкова о соч. Д. Н. Анучина: «*Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда.* («Записки Имп. Русск. Археологическаго Общества», т. VI, новая серія, протоколы, стр. XCIV—CII, и отдѣльнымъ оттискомъ безъ загл. листа на 9 стран. въ б. 8 д. л.).
170. *Василій Ивановичъ Майковъ.* («Русская поэзія», изд. подъ редакціею С. А. Венгерова, вып. II, стр. 265—279). (Перепечатано изъ книги «Очерки изъ исторіи русской литературы», 1889).— Ср. выше подъ № 15. 132.

1894.

171. *Николай Саввичъ Тихонравовъ.* Некрологъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCXCI, Январь, отд. IV, стр. 79—92, и отдѣльно). 14 стран. 8°.

172. *Письма И. С. Тургенева къ П. В. Анненкову* (1867—1870 гг.). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. (Русское Обозрѣніе, *№ 1*, стр. 5—28; *№ 2*, стр. 485—499; *№ 3*, стр. 19—31, и *№ 4*, стр. 511—519).

173. *Когда посѣтилъ Константинополь русскій паломникъ, разсказы котораго включены въ «Бесѣду о святыняхъ Цареграда».* (Письмо пр. П. Е. Троицкаго съ вступительной замѣткой Л. Н. Майкова). (Византійскій Временникъ, т. I, вып. I, стр. 167—172).

174. Русская Историческая Библіотека, изд. Археографической Коммиссіей. Т. XIV. *Акты Холмогорской и Устюжской епархій.* Ч. II. Стр. 34 + 1286 + 150. (Редакція вмѣстѣ съ г. Тимоѳеевымъ; указатель составленъ г. Зинченкомъ).

175. Съ 1893—1900 гг. Л. Н. Майковъ раздѣлялъ трудъ въ чтеніи корректуръ вмѣстѣ съ академиками К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ († 2 Янв. 1897 г.) и А. Н. Веселовскимъ второго изданія *«Онежскихъ былинъ, записанныхъ* А. Ѳ. Гильфердингомъ *лѣтомъ 1871 года»*, вышедшаго въ томахъ LIX. 1894 (Іюнь), LX. 1896 (Апрѣль) и LXI, 1-й вып. 1900. (Апрѣль—Іюнь) *Сборника* Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и отдѣльными оттисками (тогда же) т. I, 597 стр., II, 710 стр. и III, 562 стр.

176. *Письма* С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ *къ* И. С. Тургеневу. [1851—1852 гг.]. Съ введеніемъ и примѣчаніями Л. Майкова. (Отдѣльный оттискъ изъ Русскаго Обозрѣнія 1894 г.). Москва. Университетская типографія. 1894. Въ б. 8-ю д. л. 152 стр. [Дозв. ценз. Москва, августа 2 дня 1894 г.]. Печатались въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1893, № 4 и 5 и за 1894 г., № 8, 9, 10, 11 и 12). Напечатано 56 №№ писемъ. Послѣднее исхода 1861 года.

177. *Пушкинъ о Батюшковѣ.* [Новооткрытыя замѣтки Пушкина на стихотворенія Батюшкова]. (Русскій Архивъ 1894 г., кн. 4, т. I, стр. 528—555).

178. *Воспоминаніе о Н. А. Трескинѣ.* — Л. Майкова. С.-Петербургъ. Типогр. В. С. Балашева. 1894. 8° 20 стр. (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCXCIV, іюль, 1894, отд. IV, стр. 26—36. Подпись: *Л. М.*).

Приложеніе.—*Два разсказа изъ семейныхъ воспоминаній Н. А. Трескина.* I. О моихъ предкахъ. (По поводу родословной Мухановыхъ, напечатанной [въ] № 3 Русскаго Архива 1878, (стр. 14).—II. О русскихъ фамильныхъ морскихъ преданіяхъ. (Посвящается памяти крестнаго отца моего П. М. Баранова (стр. 17).

179. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертный трудъ ак. Н. С. Тихонравова. Изданіе Второго Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ. Санктпетербургъ. 1894. Стр. XLVI + 378. 8⁰.

Л. Н. М — вымъ составлены: а) Предисловіе (стран. III—VIII); б) примѣчанія къ I отдѣлу (описаніе тѣхъ рукописей и печатныхъ книгъ, которыми Н. С. Тихонравовъ пользовался при составленіи текста этого отдѣла); в) дополненія къ подбору разночтеній (см. стран. 344 сл.).

Рецензія В. Е. Якушкина въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 1894 г., № 336.

180. [Нѣсколько словъ объ И. М. Муравьевѣ-Апостолѣ, авторѣ «Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» и «Путешествія въ Тавриду». 1823 г.]. (Русскій Архивъ, 1894 г. кн. 4, Вопросы и отвѣты. Вопросъ X, стран. 638).

181. Л. Майковъ. *Историко-литературные очерки.* Крыловъ. — Жуковскій. — Батюшковъ. — Пушкинъ. — Плетневъ. — Погодинъ. — Фетъ. — С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1895. (Типографія и Литографія В. А. Тиханова). 8⁰. 309 + 1 неп. стран. [Обложка книги дозв. ценз. 13 Сентября 1894 года].

Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ. (Посвящается *А. А. М.*). (стр. 1).

Приложеніе. Три басни изъ журнала 1788—1789 г.: «Утренніе часы» (с. 47).

I. Новопожалованный оселъ. — II. Олень и заяцъ. — III. Недовольный гостьми стихотворецъ.

Поэзія Жуковскаго (с. 51).

Характеристика Батюшкова какъ поэта (с. 69).

Бессарабскія воспоминанія Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ (с. 86).

Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ. Замѣтки по поводу одного письма (с. 130).

Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ. I—V (с. 153).

Пушкинъ о Батюшковѣ (с. 190).

О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году. I—II (с. 223).

Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ за Кавказомъ [записка М. И. Пущина] (с. 232).

Пушкинъ и Даль (с. 242).

О стихотвореніяхъ Пушкина «Туча» и «Аквилонъ» (с. 259).

Памяти П. А. Плетнева (с. 266).

Малорусскій Титъ Ливій (с. 273).

Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства (с. 292). — «Написано по поводу VII-й книги сочиненія Н. П. Барсукова: Жизнь и труды М. П. Погодина (С.-Пб. 1893)».

А. А. Фетъ (с. 304). — «Извлечено изъ Отчета о дѣятельности II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 г.».

Рецензіи: 1) Русское Обозрѣніе 1894 г., № 11, стр. 534—9 (рец. К. Н. Бестужева-Рюмина); 2) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXCIX, 1895 г., № 5. отд. 2, стр. 241—2.

182. *Письмо В. Д. Соломирскаго къ А. С. Пушкину.* Съ предисловіемъ. (Русскій Архивъ, 1894 г., кн. 11, т. III, стр. 455—456).

183. *«Сочиненія Гр. С. Сковороды»*, изд. подъ ред. Д. Багалѣя. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. CCXCVI, декабрь, отд. II, стр. 420—430, и отдѣльно).

1895.

184. *О «Фонвизинскомъ сборникѣ» Н. С. Тихонравова.* (Отвѣтъ В. Е. Якушкину). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCXCVII, Январь, 1895 г., отд. Крит. и библіогр., стр. 275—278).

185. *Наталья Кирилловна Загряжская.* (Русскій Вѣстникъ, № 1 стр. 3—17).

186. Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. Вып. X. Стр. IV + 84 + XXIII + 61 + 32 + 130. (Редакція).

187. *Знакомство А. С. Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ.* (1826—1830). (Русское Обозрѣніе, 1895, № 9, стр. 5—27).

188. *Великорусскія народныя пѣсни.* Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ I. Спб. 1895. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія ч. CCCI, 1895, Октябрь, отд. II, стр. 319—324).

189. *Н. С. Некрасовъ.* (Некрологъ). (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1896. ч. CCCIII, Январь, отд. IV, стр. 80—84. Подпис.: *М.*).

190. *Къ біографіи А. С. Пушкина.* Сообщено академикомъ Л. Н. Майковымъ. («Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. I, кн. I, стр. 106—107) и отдѣльно.

191. *Къ біографіи А. Х. Востокова.* Сообщено академикомъ Л. Н. Майковымъ, (Тамъ же, стр. 108—109) и отдѣльно.

192. *Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту.* (Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. I, кн. III, стр. 574—581, и отдѣльнымъ оттискомъ: Санктпетербургъ, 1896. 8°. 8 страницъ). Тоже въ «Сборникѣ Отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. LXIV, Спб., 1899 г. прил. № 5, стр. 1—8.

193. *Е. Е. Замысловскій.* Некрологъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1896 г., ч. CCCVI, Августъ, отд. IV, стр. 53—74, и отдѣльно).

194. *Изъ переписки П. В. Анненкова съ М. Н. Катковымъ въ 1841—1842 г.* (Русскій Вѣстникъ, № 12, стр. 42—52).

195. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ По-

стоянной Комиссіи для выдачи пособій имени Императора Николая II нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1895 годъ, читанный предсѣдателемъ Комиссіи Вице-Президентомъ Академіи Л. Н. Майковымъ. (Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. Томъ IV. № 3. 1896, мартъ (Февраль). — Bulletin de l'Acad. Impér. des Sciences de St.-Pétersbourg. V-e Série. Tome IV. № 3. 1896. Mars — стр. 289—292).

1896.

196. *Л. Майковъ.* «Батюшковъ, его жизнь и сочиненія». *Изданіе второе*, вновь пересмотрѣнное. Съ портретомъ К. Н. Батюшкова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ и печатаннымъ на японской бумагѣ. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Типогр. А. Ф. Маркса. 1896. Въ мал. 8-ю д. л. VI + 287.

Стран. III—VI (Оглавленіе).
» 1 — 4 (Введеніе).
» 5 —240 Главы I—
» 241—287 Приложенія, среди которыхъ впервые въ этомъ только изданіи было напечатано *Письмо С. И. Муравьева-Апостола* къ К. Н. Батюшкову на франц. языкѣ (съ датою: Moscou, le 22 fevrier 1816).

См. выше *первое изданіе* подъ № 124, ср. № 119.

197. *Какъ понимать басню Крылова:* «Водолазы». (Русская Старина, 1896 г., т, LXXXV, № 2, стр. 267—283).

198. Публичное собраніе Императ. Академіи Наукъ въ память ея Почетнаго члена Дмитрія Александровича Ровинскаго. 10 декабря 1895 года. — Санктпетербургъ. 1896 г. (апрѣль). 8⁰. 112 стран.

А. Н. Майкову принадлежитъ вступительная замѣтка къ рѣчи И. Е. Забѣлина (см. на стр. 3) «Воспоминаніе о Д. А. Ровинскомъ» — и редакція всего этого сборника статей въ память о послѣднемъ.

1897.

199. *Княжна Марія Кантемірова.* (Русская Старина, *№ 1*, стр. 49—69, *№ 3*, стр. 401—417; *№ 6*, стр. 425—451, и *№ 8*, стр. 225—253).

200. *Л. Майковъ.* Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ. (По матеріаламъ Остафьевскаго архива). С.-Петербургъ. Типогр. М. Стасюлевича. 1897. 8⁰ б. 19 стр. («Старина и Новизна», кн. I, стр. 305—323).

201. *Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина.* (Журн. Мин. Нар. Просвѣ-

щенія, ч. CCCIX, февраль, отд. IV, стр. 158—163. Тоже и въ «Русской Старинѣ», № 3, стр. 599—603).

Въ Общемъ Собраніи И. Акад. Наукъ 11 января 1897 г. Л. Н. Майковъ прочелъ записку, посвященную памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. (Извѣстія И. Акад. Наукъ. Т. VI. № 3. 1897. мартъ, V Série. — Bulletin de l'Acad. Impér. des Sc. de St.-Pét. въ «Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Академіи», стр. XV—XIX).

— Тоже появилось отдѣльнымъ оттискомъ: «*Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина.* Рѣчь, читанная Академикомъ Л. Н. Майковымъ въ Общемъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ 11-го января 1897 года». Санктпетербургъ. 1897. (Январь). Въ б. 8 д. л. 7 стр.

202. *Молодость В. К. Тредіаковскаго до его поѣздки за границу (1703—1726 г.).* (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія. ч. CCCXII, іюль, отд. II, стр. 1—22, и отдѣльно).

203. *По поводу рукописей А. С. Пушкина, хранящихся у А. Ѳ. Онѣгина.* (Русскія Вѣдомости, 1897, 10-го Февраля).

204. Отчетъ состоящей при И. Акад. Н. Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1896 годъ, читанный предсѣдателемъ Коммиссіи вице-президентомъ Академіи Л. Н. Майковымъ въ торжественномъ собраніи ея 29-го декабря 1896 года. (Извѣстія И. Ак. Н. Томъ VI, № 4. 1897. апрѣль, стр. 431—434).

205. *По поводу «Проказниковъ» И. А. Крылова, въ которыхъ будто бы изображены супруги Княжнины.* («Русская поэзія», изд. подъ редакціею С. А. Венгерова: вып. VI, стр. 219—221. (Перепечатано изъ статьи Л. Н. Майкова: «Первые шаги литературной дѣятельности Крылова» въ «Историко-литературныхъ Очеркахъ», 1895 г.).

1898.

206. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1897 годъ, [составленный Предсѣдателемъ Коммиссіи Л. Н. Майковымъ] и читанный товарищемъ предсѣдателя Коммиссіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Н. Ѳ. Дубровинымъ въ торжественномъ собраніи ея 29-го Декабря 1897 года. (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, т. VIII. № 1. 1898. Январь — Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg. V-e Série. Tome VIII. № 1. 1898. Janvier,—стр. 67—70).

207. *Переписка И. С. Тургенева съ П. В. Анненковымъ.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями. — (Русское Обозрѣніе, № 3, стр. 5—19; № 4, стр. 365—379, и № 5, стр. 5—28. (Не окончено).

208. *Вѣнскій конгрессъ по разсказамъ граф. Элизы фонъ-Бернсторфъ.* (Русская Старина, № 3, стр. 491—496).

209. Л. Н. Майковъ. — *Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 г. и къ Историческому розысканію о нихъ — А. Н. Неустроева.* Спб. 1898. Санктпетербургъ. 1898. 6 стран. 8°. (Извѣстія Отд. русс. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ, т. III, кн. 2, стр. 924—929).

210. *Е. М. Θеоктистовъ.* (Некрологъ). — Л. Н. Майкова. С.-Петербургъ. Тип. В. С. Балашевъ и К°. 1898. 8°. 21 стр. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, ч. CCCXVIII, 1898, августъ, стр. IV, стр. 26—44).

1899.

211. *А. Н. Вульфъ и его дневникъ.* — (Русская Старина, № 3, стр. 499—537, и отдѣльно).

212. *Два письма С. Л. Пушкина по поводу смерти сына-поэта.* — (Тамъ же, № 5, стр. 263—265).

213. *Памяти В. Г. Васильевскаго.* — (Тамъ же, № 6, стр. 581—585).

214. *Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа.* — (Тамъ же, № 8, стр. 297—311, и *№ 9*, стр. 517—530).

215. *Воспоминанія И. С. Тургенева о Н. В. Станкевичѣ.* Съ предисловіемъ. — (Вѣстникъ Европы, № 1, стр. 5—18, и отдѣльно).

216. «Записка объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Пыпина. (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ. Томъ IX, № 3. 1898, Октябрь—Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg. V-e Série. Tome IX. № 3. 1898. Octobre въ «Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности за сентябрь — декабрь 1897 года», Приложеніе I, стр. XXXIV—XXXVII).— Тоже въ «Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. А. Н.», т. LXVI. 1900 г., стран. XLVIII—LII.

217. *Л. Н. Майковъ.* — Объ ученой дѣятельности А. Θ. Бычкова (некрологъ). — С.-Петербургъ. Типогр. В. С. Балашевъ и К°. [На обор загл. л.: «Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1900 г.»].—59 стр. 8°.

(См. въ Ж. М. Н. Просвѣщенія, ч. CCCXXV, октябрь, отд. IV, стр. 43—66; 1900 г., январь, ч. CCCXXVII, отд. IV, стр. 27—

52; ч. CCCXXIX, отд. IV, стр. 109—118 (осталось не оконченнымъ).

218. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1898 годъ, составленный къ годовому торжественному собранію Академіи 29-го декабря 1898 года предсѣдателемъ Коммиссіи Л. Н. Майковымъ. (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ. Томъ X. № 2. 1899, февраль — Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. V-e Série. Tome X. № 2. 1899. Février, — стр. 229—232).

219. Май 1899. — Пушкинская Юбилейная Выставка въ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Каталогъ цѣна *20* коп. Санктпетербургъ. Тип. И. Ак. Н. 1899 г. (май), 95 стран. въ 16 д. л.

— Дополненіе къ Каталогу Пушкинской Юбилейной Выставки въ Императ. Академіи Наукъ. Санктперербургъ. 1899. 7 страницъ въ 16 д. л.

220. Л. Майковъ. *Пушкинъ.* — — *Библіографическіе матеріалы и историко-литературные очерки.* Съ приложеніемъ портрета Пушкина. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1899. (Типографія Императорской Академіи Наукъ). Стран. 3 неп. + 462 въ м. 8-ю д. л.

«Предлагаемый сборникъ содержитъ въ себѣ рядъ статей о Пуш-

кинѣ — біографическаго и историко-литературнаго содержанія. Занимаясь, по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ приготовительными работами по критическому изданію сочиненій великаго русскаго поэта, я изучалъ его произведенія не только въ печатныхъ изданіяхъ, но и въ черновыхъ авторскихъ рукописяхъ, и собиралъ всякаго рода свѣдѣнія объ его жизни и литературной дѣятельности. Этотъ послѣдній матеріалъ, въ составъ котораго счастливый случай позволилъ мнѣ привлечь не мало данныхъ, не бывшихъ доселѣ въ печати, только отчасти можетъ войти въ жизнеописаніе Пушкина, которымъ должно быть закончено академическое изданіе его сочиненій; поэтому я рѣшился издать собранныя мною записки и воспоминанія о Пушкинѣ особою книгой, снабдивъ ихъ моими объясненіями. Таково происхожденіе большей части статей, вошедшихъ въ предлагаемый сборникъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ, другія являются въ печати здѣсь впервые. Полной біографіи поэта онѣ, конечно, не составляютъ; но заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія о разныхъ періодахъ и моментахъ его жизни, будучи показаніями современниковъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ его, могутъ — какъ мнѣ кажется — существеннымъ образомъ служить къ объясненію личности поэта и къ исторіи его творчества.

Приложенные къ сборнику: указатель составленъ Б. Л. Модзалевскимъ, а портретъ отпечатанъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; онъ точно воспроизводитъ гравюру Н. И. Уткина, приложенную къ Сѣвернымъ Цвѣтамъ на 1828 годъ и дѣланную съ портрета Пушкина, который былъ писанъ О. М. Кипренскимъ. *Л. М.*».

221. Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. *Томъ первый.* Лирическія стихотворенія (1812—1817). Санктпетербургъ. (Типогр. Импер. Акад. Наукъ). 1899. (Май) въ б. 8-ю д. л.

Предисловіе отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (стр. V—IX). — Отъ редактора (с. X). — Оглавленіе (с. XI—XIX):

Лирическія стихотворенія:	Примѣчанія (съ особымъ счетомъ стран.) 1—409.
1812 г. (стр. 3).	1812 г. (стр. 17).
1814 » (» 13).	1814 » (» 22).
1815 » (» 95).	1815 » (» 97).
1816 » (» 171).	1816 » (» 223).
1817 » (» 251—296).	1817 » (» 340).

Дополнительныя примѣчанія (стр. 410—418).

Перечень изданій сочиненій Пушкина, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ (с. 419—421).

Приложенія.

1. *А. С. Пушкинъ* 12-ти лѣтъ — по гравированному портрету работы Е. Гейтмана.

2. *Пушкинъ въ лицеѣ*—по портрету, принадлежащему Е. Д. Куломзиной и полученному ею отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина.

3. Шестая строфа изъ стихотворенія 1814 года «Пирующіе студенты» — снимокъ съ рукописи Пушкина, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ № 2364, л. 39 (къ стр. 54 текста).

4. *Лицейская зала* въ Царскосельскомъ дворцѣ — по рисунку, приложенному къ «Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856—1857 годъ» (къ стр. 83 текста).

5. Первыя три строфы изъ стихотворенія 1814 года «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» — снимокъ съ рукописи, поднесенной Пушкинымъ Г. Р. Державину на лицейскомъ экзаменѣ въ январѣ 1815 года и сохранившейся въ бумагахъ Я. К. Грота (къ стр. 83 текста).

6. Послѣдняя строфа того же стихотворенія — снимокъ съ той же рукописи (къ стр. 88 текста).

7. *Императоръ Александръ I.* Рисунокъ Пушкина, сдѣланный имъ около 1817 года.—снимокъ съ рукописи Московскаго Публичнаго Музея, л. 78 об. (къ стр. 163 текста).

8. *Видъ Грибка въ Царскосельскомъ саду* — снимокъ съ акварели, сохранившейся въ рукописи Я. К. Грота (къ стр. 279 текста).

9. «Стихотворенія Александра Пушкина. 1817» — снимокъ съ собственноручнаго заглавнаго листа въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея № 2364 (къ стр. 8 примѣчаній).

10. «Слеза (1815)» — снимокъ съ автографа Пушкина въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея № 2364, л. 4 (къ стр. 144 примѣчаній).

Всѣ эти снимки исполнены въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Рецензіи:

1. *А. П.* «Пушкинская литература» (Вѣстникъ Европы 1899 г., № 7).

2. *Б. В. Никольскій.* «Академическій Пушкинъ» (Историческій Вѣстникъ, 1899 г., № 7, стран. 178—218).

3. *П. О. Морозовъ.* (Вѣстникъ Европы, 1899 г., № 8).

4. *В. Якушкинъ.* «Объ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина. (Русскія Вѣдомости 2-го Сентября 1899 г., № 242. фельетонъ на 2 и 3 страницахъ).

5. *Н. П.* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., № 11).

6. *А. Архангельскій.* «Академическое изданіе сочиненій Пушкина». (Русскій Филологическій Вѣстникъ, издаваемый подъ ред. проф. А. И. Смирнова, томъ XLIII, 1900, №№ 1—2, стр. 93—149 и отдѣльн. оттискомъ: Варшава, 8°.

7. *А. М. Лобода.* Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы. (Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга XIV, вып. 1. Кіевъ, 1900 г., стр. 6 слѣд., стр. 11 слѣд.).

8. *Н. М. Горбовъ.* По поводу академическаго изданія сочиненій Пушкина (Русскій Архивъ, 1900 г., № 2, стр. 309—310).

9. «Искажаемый Пушкинъ» (Ежемѣсячныя сочиненія. Литературный журналъ подъ ред. І. Ясинскаго. — Максима Бѣлинскаго, 1900 г., апрѣль, №№ 2 и 3, Литерат. Обозрѣніе, стр. 217—219).

222. Альбомъ Пушкинской Юбилейной Выставки въ Имп. Ак. Наукъ въ Спб. 250 фототипически исполненныхъ снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и пр. — Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго — исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера въ Москвѣ. — Москва, 1899. (Печатано по распоряженію Императ. Академіи Наукъ. Май 1899 г.). Типогр. Имп. Акад. Наукъ. Въ поллиста (2). 27 стран. + 72 листа фототипич. рисунковъ.

223. *Примѣчанія къ письму Пушкина.* — «Пушкинскій сборникъ въ память столѣтія дня рожденія поэта». — Спб. 1899 г., стр. VI—VIII. (Подпись *Л. Н. М.*).

224. *«Записка объ ученыхъ трудахъ академика Н. П. Кондакова,* составленная академикомъ Л. Н. Майковымъ». [Напечатана въ декабрѣ 1899 года на 4 страницахъ въ листъ писчей бумаги, безъ обозн. м. и г. печ.].

1900.

225. *Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859—1860 г.*— (Русская Старина, № 1, стр. 5—23).

226. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1899 годъ, составленный къ годовому торжественному собранію Академіи 29-го декабря 1899 года предсѣдателемъ Коммиссіи Л. Н. Майковымъ. (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, Т. XII, № 3. 1900, мартъ — Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg. V-e Série. Tome XII. № 3. 1900. Mars, стр. 233—6).

227. *Воспоминанія* К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года). — Изданы академикомъ Л. Н. Майковымъ. Санктпетербургъ, 1900. [Мартъ]. 8°. Стран. 59 и 1 непом. «Опечатки». (Отдѣльный оттискъ изъ LXVII тома «Сборника Отд. русс. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ»).

228. Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорскою Академіею Наукъ въ сотую годовщину дня его рожденія. — Май 1899 г. Санктпетербургъ, 1900. 110 стр. въ 8 д. л. [Издано подъ редакціею ак. Л. Н. Майкова].

229. *Батюшковъ, К. Н.* — (Русскій Біографическій Словарь, изд. Имп. Русск. Ист. Обществ., подъ ред. А. А. Половцева, т. II).

230. Послѣдніе труды Л. Н. Майкова. — I. *О Герасимѣ Поповкѣ*, русскомъ книжникѣ XV-го вѣка.—II. *Николай Нѣмчинъ*, русскій писатель конца XV—начала XVI вѣка. Санктпетербургъ, 1900 [Сентябрь]. 8° 22 стр. Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900), книжки 2-й, стр. 371—392.

231. Сочиненія Пушкина — изданіе Императорской Академіи Наукъ — приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ — *Томъ первый* Лирическія Стихотворенія (1812—1817)— Изданіе второе — Санктпетербургъ Типогр. Импер. Акад. Наукъ 1900 [Мартъ]. Въ б. 8-ую д. л. Стр. XX + 274 + 242 (примѣч.) + 427—459 *(Указатель)* и Снимки, тѣже, что и въ 1-омъ изданіи.

Изданіе это за смертію его редактора ак. Л. Н. Майкова остановилось на листѣ 26-мъ и было допечатано и выпущено уже осенью 1900 года. — Второй томъ тоже былъ начатъ печатаніемъ еще при жизни Л. Н. М—ва и отпечатано всего четыре листа, именно стихотворенія А. С. Пушкина 1818—1820 гг. (стр. 1—64).

Рецензія. 1) А. Лященка въ «Литературномъ Вѣстникѣ». Т. I, кн. 1, 1901 года, Новыя книги, стран. 77—80.

232. Въ «Отчетѣ о двѣнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1897 году». (Спб. 1900) на стран. 100—103 см. ст.: «Стихотворенія Екатерины Бекетовой (Спб. 1895). Критическія замѣтки А. Н. Майкова, приведенныя въ порядокъ академикомъ Л. Н. Майковымъ» (въ «Сборникѣ Отдѣленія русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. LXVI и въ отдѣльн. оттискѣ (Спб. Октябрь 1900 г., 4 стран. въ 8 д. л.

Рецензіи: 1) Новости 26 мая 1899 г., № 143 (1-го изданія), стран. 3, столбц. 3. 2) Е. Еленинъ «Юбилейная литература о Пушкинѣ» (Историческій Вѣстникъ, т. LXXVII, 1899 г., іюль, гл. II, стран. 266—272).

Библіографическій списокъ сочиненій и переводовъ

почетнаго академика отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.

В. С. СОЛОВЬЕВА

(1873—1900).

1873.

1. Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ, — въ «Православномъ Обозрѣніи» 1873. № 11, стр. 635—665.

1874.

2. Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ, — въ «Правосл. Обозрѣніи» 1874, № 1, стр. 28—66; № 3, стр. 277—302; № 5, стр. 529—541; № 9, стр. 319—340; № 10, стр. 424—452.
3. Владиміръ Соловьевъ. Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ. М. 1874.

   [Отдѣльное изданіе предыдущаго, въ дополненномъ видѣ].

   Оглавленіе, 1 непомѣч. стр.

   Введеніе, стр. I—XXIII.

   Кризисъ западной философіи, стр. 1—146.
4. Позитивизмъ, теорія О. Конта о трехъ фазисахъ въ умственномъ развитіи человѣчества, — въ «Правосл. Обозрѣніи» 1874, № 11, стр. 589—608.
5. О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича, — въ Журн. мин. просв. 1874, ч. 176, декабрь, отд. II, стр. 294—318.

1875.

6. Метафизика и положительная наука. Вступительная лекція въ курсъ философіи, сказанная въ Московскомъ университетѣ

27 января 1875,—въ «Православномъ Обозрѣніи», 1875, № 2, стр. 197—206.

7. Странное недоразумѣніе (отвѣтъ г. Лесевичу), въ «Р. Вѣстникѣ» 1875, № 2, стр. 874—883.

8. О дѣйствительности видимаго міра и основаніи метафизическаго познанія. (Отвѣтъ К. Д. Кавелину),—въ «Р. Вѣстникѣ» 1875, № 6, стр. 696—707.

1877.

9. Философскія начала цѣльнаго знанія, — въ Журналѣ мин. просв. 1877, ч. 190, мартъ, отд. II, стр. 60—99; апрѣль, стр. 235—253; ч. 191, іюнь, стр. 199—233; ч. 193, октябрь, стр. 79—109; ч. 194, ноябрь, стр. 1—32. (Не окончено).

10. Три силы. Публичная лекція Владиміра Соловьева. М. 1877.

11. Критика отвлеченныхъ началъ, — въ «Р. Вѣстникѣ» 1877, № 11—12; 1878, № 1; 1879, № 1, 6—8, 10—11; 1880, № 1.

12. Чтенія о богочеловѣчествѣ. Чтеніе первое, — въ «Православномъ Обозрѣніи», 1877, мартъ, стр. 472—478; второе, апрѣль, 714—726; третье, май — іюнь, 308—330; четвертое, іюль, 477—487; пятое и шестое, сент., 108—153; седьмое и восьмое, 1879, окт., 223—251; девятое, 1880, ноябрь, 941—456; десятое, 1881, февр., стр. 317—318; одинн. и двѣнадцатое, сент., стр. 12—32.

1880.

13. Владиміра Соловьева. Критика отвлеченныхъ началъ. М. 1880. [Отдѣльное изданіе предыдущаго].

Стр. III—VI, оглавленіе.

Стр. VII—XIII, предисловіе.

Критика и т. д., стр. 3—374. Примѣчанія, стр. 375—391.

Приложеніе. О законѣ историческаго развитія, стр. 393—435. («Этотъ очеркъ былъ напечатанъ мною въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (мартъ 1877 г.) какъ введеніе къ неоконченному сочиненію «Философскія начала цѣльнаго знанія»).

1881.

14. Историческія дѣла философіи. Вступительная лекція, — въ «Р. Мысли», 1881, № 2, стр. 358—370.

1882.

15. Послѣдняя лекція Владиміра Сергѣевича Соловьева въ С.-Пе-

тербургскомъ университетѣ въ 1882 г. (Лекція 25 февраля). «Жизненный смыслъ христіанства». 24 стр.

16. Рѣчь о Достоевскомъ (подписано: «Владиміръ Соловьевъ»), въ «Новомъ Времени» № 2133.

1883.

17. Великій споръ и христіанская политика. I. Вступленіе. — Польша и восточный вопросъ, — въ «Руси» Ив. С. Аксакова, 1883, № 1.

— Тоже. II. Востокъ и Западъ въ древнемъ мірѣ. — Историческое мѣсто христіанства, — № 2.

— Тоже. III. Христіанство и реакція восточнаго начала въ ересяхъ. Смыслъ мусульманства, — № 3.

— Тоже. IV. Раздѣленіе церквей, — № 14.

— Тоже. V. Византизмъ и русское старовѣріе. Народность въ церкви, — № 15.

— Тоже. VI. Папство и папизмъ. Смыслъ протестантства, — № 18.

— Тоже. VII. Окончаніе, — № 23.

18. Объ истинномъ дѣлѣ (въ память Достоевскаго), — въ «Руси», № 6.

19. Нѣсколько словъ о нашихъ свѣтскихъ ересяхъ и о сущности церкви, — въ «Руси», № 7.

20. По поводу статьи В. С. Соловьева «О нашихъ свѣтскихъ ересяхъ» Ал. Ник. Аксакова, съ примѣчаніемъ В. С. Соловьева, — въ «Руси», № 9.

21. Нѣсколько словъ о брошюрѣ г. Леонтьева «Наши новые христіане», — въ «Руси», № 9.

22. Стихи. В. С. — въ «Руси», № 13.

23. Нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу примѣчаній къ статьѣ «Великій споръ и христіанская политика» въ № 18 «Руси», — въ «Руси» № 19.

[Это были примѣчанія прот. Иванцова-Платонова, который здѣсь, въ № 19, опять помѣстилъ отвѣтъ на «Нѣсколько объяснительныхъ словъ»].

24. На пути къ истинной философіи: B. v. Hellenbach, Der Individualismus, — въ «Руси», № 20.

25. Княжна К. М. Шаховская. Некрологъ. В. С., — въ «Руси», № 24.

26. Жизненный смыслъ христіанства, философскій комментарій на

ученіе о Логосѣ ап. Іоанна Богослова, — въ «Правосл. Обозрѣніи», 1883, № 1, стр. 30—45.

27. Соглашеніе съ Римомъ и московскія газеты. В. С. С—въ [см. замѣтку редакціи], — «Нов. Время», № 2639.

28. О церковномъ вопросѣ по поводу старо-католиковъ. В. С. С—въ, — въ «Нов. Времени», № 2689.

1884.

29. Религіозныя основы жизни, — въ «Правосл. Обозрѣніи», 1884, № 1—3.

— Тоже, отдѣльно. М. 1884.

30. Владиміра Соловьева. Три рѣчи въ память Достоевскаго. (1881—1883 гг.). М. 1884. 55 стр.

Предисловіе, стр. 3—5.

Первая рѣчь, стр. 6—21. (Ранѣе не была напечатана).

Вторая рѣчь. (Сказана 1 февраля 1882 года), стр. 22—30.

Третья рѣчь. (Сказана 19 февраля 1883 г., стр. 31—48).

Приложеніе. Замѣтка въ защиту Достоевскаго отъ обвиненія въ «новомъ» христіанствѣ, стр. 49—55. (Противъ К. Леонтьева).

31. О христіанскомъ государствѣ и обществѣ, — въ «Правосл. Обозрѣніи», 1884, № 4, стр. 750—762.

32. О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи, — въ «Извѣстіяхъ Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества», 1884, № 2, февраль, стр. 8—16.

(Перепечатано въ «Новостяхъ», 1884, 13 — 14 февраля, № 44—45).

33. Письмо въ редакцію (по поводу его статьи и народности и народныхъ дѣлахъ въ Россіи), — въ «Извѣстіяхъ Спб. Слав. Благотворительнаго Общества, 1884, № 3, мартъ, стр. 25—26.

34. Славянскій вопросъ, — въ «Извѣстіяхъ Спб. Славянскаго Благотвор. Общества», 1884, № 6, іюнь, стр. 5—15.

35. Письмо въ редакцію.—тамъ-же, 1884, № 7, іюль, стр. 15—17.

36. Любовь къ народу и русскій народный идеалъ. Открытое письмо къ И. С. Аксакову, въ «Правосл. Обозрѣніи» 1884, апрѣль.

37. Владиміра Соловьева. Національный вопросъ въ Россіи. М. 1884. 107 стр.

Предисловіе, стр. 3—9.

I. Нравственность и политика. Историческія обязанности Россіи, стр. 11—34. (Напечатано подъ другимъ заглавіемъ въ журналѣ «Русь», январь 1883 года).

II. О народности и народныхъ бытахъ Россіи, стр. 35—55. (Напечатано въ «Извѣстіяхъ» Славянскаго Петербургскаго Общества, февраль 1884 г.).

III. Любовь къ народу и русскій народный идеалъ. (Открытое письмо къ И. С. Аксакову), стр. 56—81. (Напечатано въ «Православномъ Обозрѣніи», апрѣль, 1884 года).

IV. Славянскій вопросъ, стр. 81—107. (Напечатано въ «Извѣстіяхъ» Слав. Общ., Іюнь 1884 г.).

На оберткѣ:

«Приготовляется къ печати: «Исторія и будущность теократіи. (Въ двухъ томахъ»).

38. Владиміра Соловьева. Еврейство и христіанскій вопросъ. М. 1884. 65 стр.

Изъ «Православнаго Обозрѣнія». (Помѣчено 1 сентября 1884 г.).

1885.

39. Отвѣтъ Н. Я. Данилевскому (по поводу статьи послѣдняго: «Владиміръ Соловьевъ о православіи и католицизмѣ», въ Изв. Спб. Слав. Бл. Общ.), — въ «Извѣстіяхъ Спб. Славянскаго Благотвор. Общества». 1885, № 3, мартъ, стр. 134—139.

40. Царство Божіе и церковь въ откровеніи Новаго Завѣта, — въ «Правосл. Обозрѣніи» 1885, № 9, стр. 23—49.

41. Догматическое развитіе церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи церквей. — въ «Правосл. Обозрѣніи», 1885, № 12, стр. 727—798.

— Тоже, отдѣльно. М. 1886.

42. «Русь» Ив. Аксакова, 1885. сентябрь: неподписанная статья о государственныхъ экзаменахъ по юридическому факультету (La Russie et l'Eglise universelle, стр. 68—69. прим.).

43. Владиміра Соловьева. Религіозныя основы жизни. Изданіе второе. М. 1885. V и 198 стр.

Въ приложеніи:

О русскомъ народномъ расколѣ. (Стр. 161—198).

44. Новозавѣтный Израиль, — въ «Руси» № 24, 25.

1886.

45. Стихотворенія. «Вѣстникъ Европы». 1886: мартъ, стр. 114; іюнь, стр. 748; іюль, 372; августъ, 613; октябрь, 549; ноябрь, 269.

46. «Новое Время», 1886, № 3582: «Пестрыя сказки. I. Пророкъ. II. Мудрый, осенью. Элегія съ персидскаго. III». Стихотворенія. Князь Эсперъ Геліотроповъ.

— № 3601. Стихотворенія. «I. Раздумье скептика. II. Дамѣ, спросившей поэта, отчего ему такъ жарко? экспромптъ, заимствованный изъ стихотвореній Лермонтова. III. Видѣніе. Сочинено въ состояніи натуральнаго гипноза». К. Геліотроповъ.

— № 3608. «Пестрыя сказки. I. Таинственный пономарь. Баллада. II. Осенняя прогулка рыцаря Ральфа. Полубаллада. III. Полигамъ и пчелы». Князь Геліотроповъ.

— Тамъ же, № 3629: шуточные стихи (съ псевдонимомъ?).

— Тамъ же, № 3738: «Изъ Загреба. Письмо первое». В. С.

1887.

47. Владиміра Соловьева. Исторія и будущность теократіи. (Изслѣдованіе всемірно-историческаго пути къ истинной жизни). Томъ первый. Предисловіе. — Вступленіе. — Философія библейской исторіи. Загребъ, 1887. XXII и 396 стр.

(Отрывки были напечатаны въ «Правосл. Обозрѣніи» 1885, № 1 и 8; 1886, № 5—6).

48. Стихотворенія. «Вѣстникъ Европы», 1887: ноябрь, стр. 151.

49. Что требуется отъ русской партіи? — въ «Моск. Сборникѣ» 1887.

1888.

50. «Россія и Европа», въ «Вѣстникѣ Европы» 1888, февраль, стр. 742—761; апрѣль, 725—767.

(По поводу книгъ Н. Я. Данилевскаго и Н. Н. Страхова).

51. L'Idée russe par Vladimir Soloviev. Paris, librairie académique Didier, 1888. 46 стр. (Paris, 23 mai 1888).

Это было чтеніе въ маѣ 1888, въ Парижѣ, въ домѣ кн. Витгенштейнъ (р. Барятинской), въ русскомъ и французскомъ обществѣ. См. Eugène Tavernier, «Vladimir Soloviev» (extrait de «La Quinzaine» du 16 Novembre 1900). Тавернье съ тѣхъ поръ великій почитатель Соловьева; противъ него выступилъ тогда о. Владиміръ Гетте, статья котораго была переведена въ журналѣ «Вѣра и Разумъ», 1888.

52. Возраженіе, по поводу статьи въ L'Univers 1888, 18 сентября: Coup d'oeil sur l'histoire religieuse de la Russie à propos des articles de M. Soloviev, — въ L'Univers, 1888, 22 сентября.

53. Владиміръ Соловьевъ. Національный вопросъ въ Россіи. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1888. VII и 209 стр.

1889.

54. «О грѣхахъ и болѣзняхъ», въ «Вѣстникѣ Европы» 1889, январь, стр. 356—375.

(По поводу статьи Н. Н. Страхова).

55. «Письмо въ редакцію», въ «ВѢстникѢ Европы» 1889, мартъ, стр. 431 и д.

56. Стихотворенія, въ «ВѢстникѢ Европы» 1889, апрѢль, стр. 581.

57. «Очерки изъ исторіи русскаго сознанія», въ «ВѢстникѢ Европы», 1889, май, стр. 290—303; іюнь, 734—745; ноябрь, 363—388; декабрь, 771—795.

58. Vladimir Soloviev. La Russie et l'Eglise universelle. Paris, Nouvelle librairie parisienne Albert Savine. 1889. LXVII, 336 стр.

59. Красота въ природѢ, — въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1889, кн. 1, стр. 1—50.

1890.

60. Ex Oriente lux! стихотвореніе, въ «ВѢстникѢ Европы», 1890, апрѢль, стр. 623.

61. Китай и Европа, — въ «Р. ОбозрѢніи». 1890, № 2, стр. 673—696; № 3, стр. 187—206; № 4, стр. 761—776.

62. По поводу сочиненія Н. М. Минскаго: «При свѢтѢ совѢсти», въ «ВѢстникѢ Европы», 1890, мартъ, стр. 437—441.

63. Мнимая борьба съ Западомъ, — въ «Р. Мысли», 1890, № 8, стр. 1—20.

(По поводу второго изданія книги Н. Н. Страхова).

64. «Счастливыя мысли Н. Н. Страхова», въ «ВѢстникѢ Европы» 1890, ноябрь, стр. 448—454.

65. «НѢмецкій подлинникъ и русскій списокъ» (по поводу «Россіи и Европы», Н. Данилевскаго), въ «ВѢстникѢ Европы», 1890, декабрь, стр. 707—736.

66. ОтвѢтъ на публичныя чтенія о. іеромонаха Антонія о «Превосходствѣ православія надъ ученіемъ папизма въ его изложеніи Вл. Соловьевымъ». — въ «Церковномъ ВѢстникѢ» 1890, № 19, стр. 320—322.

67. Общій смыслъ искусства, — въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1890, кн. 5, стр. 84—102.

68. Письмо къ редактору. О заслугѢ В. В. Лесевича для философскаго образованія въ Россіи, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1890, кн. 5, стр. 117—125.

69. Новая защита стараго славянофильства. (ОтвѢтъ Д. Ѳ. Самарину). Владиміръ Соловьевъ, — въ «Новомъ Времени», 1890, № 5049.

70. Иммануилъ Кантъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѢ. Переводъ Вл. Соловьева. М. 1890.

Потомъ было изданіе второе; въ «Трудахъ моск. Психологическаго Общества», выпускъ II.

1891.

71. Стихотворенія, въ «Вѣстникѣ Европы», 1891; февраль, стр. 815; «Пусть тучи темныя»... сентябрь, стр. 340; «Неопалимая купина», ноябрь, стр. 351.

72. Идолы и идеалы, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1891, мартъ, стр. 357—376; іюнь, стр. 807 и. д.

73. Запоздалая вылазка изъ одного литературнаго лагеря, въ «Вѣстникѣ Европы», 1891, іюль, стр. 416—420.

74. Народная бѣда и общественная помощь, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1891, октябрь, стр. 780—793.

75. Стихотворенія Владиміра Соловьева. М. 1891. 76 стр.

[Въ предисловіи: «Вошедшія сюда стихотворенія печатались частію безъ моего имени въ «Руси» Аксакова и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова; частію же съ полною подписью въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы»].

76. Русскій національный идеалъ (по поводу ст. Н. Я. Грота въ «Вопросахъ философіи и психологіи»), въ газетѣ «Новости», 1891, № 23.

77. О поддѣлкахъ, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1891, кн. 8, стр. 149—163.

78. Изъ философіи и исторіи, — тамъ же, 1891, кн. 9, стр. 133—157.

79. Руководящія мысли «Историческаго Обозрѣнія», — тамъ же, 1891, кн. 10, стр. 75—86.

79, а. Національный вопросъ въ Россіи. Выпускъ первый. Изданіе третье. Спб. 1891. IX и 206 стр.—Выпускъ второй. Спб. 1891. VII и 343 стр.

80. 1891—1900. «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза-Ефрона (томы IV—XXX).

Слова редакціи: «Въ продолженіе девяти лѣтъ В. С. стоялъ во главѣ философскаго отдѣла Словаря, внося въ него то соединеніе глубокой мысли, всесторонней эрудиціи и общедоступной, изящной формы, которое было отличительною чертою покойнаго писателя. Большая часть главныхъ, руководящихъ статей философскаго отдѣла составлена самимъ В. С.; имъ написаны статьи о *Гегелѣ, Кантѣ, Контѣ, Платонѣ* (этимъ четыремъ этюдамъ онъ самъ придавалъ наибольшее значеніе), *Гартманѣ, Горгіи, Дунсъ Скотѣ, Кампанеллѣ, Люллiи, Мальбраншѣ, Мэнъ де-Биранѣ, Плотинѣ, Проклѣ, о Ведантѣ, времени, вѣчности, дѣйствительности, индійской философіи, метафизикѣ, міровомъ процессѣ, оптимизмѣ, песси-*

мизмѣ, природѣ, причинѣ, пространствѣ, свободѣ воли. Въ исторіи религій его особенно занимали люди и вопросы, болѣе или менѣе связанные съ философіей — и онъ далъ Словарю статьи о *гностицизмѣ* и нѣкоторыхъ выдающихся гностикахъ (напр. *Валентинѣ, Василидѣ*), о *каббалѣ, манихействѣ, мистицизмѣ, монофизитствѣ* и *монофелитствѣ*, о *Несторіи, Оригенѣ, Пелагіи, Сведенборгѣ.* И съ философіей, и съ религіей близко соприкасались *Жозефъ де-Местръ, Н. Я. Данилевскій, К. Н. Леонтьевъ:* оцѣнку ихъ взялъ на себя В. С.—и страницы, имъ посвященныя, принадлежатъ къ числу самыхъ оригинальныхъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера. Образцомъ свойственнаго В. С. Соловьеву искусства сказать многое въ немногихъ словахъ являются статьи о *всемірной монархіи* и о *патріотизмѣ.* Украшеніемъ Словаря служатъ, наконецъ, статьи В. С. о любимыхъ его современныхъ русскихъ поэтахъ — *А. М. Жемчужниковѣ, А. Н. Майковѣ* и *Я. П. Полонскомъ.* И въ словарныхъ работахъ В. С. такимъ образомъ бросается въ глаза необыкновеннымъ разнообразіемъ знаній, изученій, интересовъ, столь характернымъ для покойнаго... [Въ ближайшемъ будущемъ имъ были обѣщаны статьи о Сократѣ, софистахъ, Спинозѣ, спиритизмѣ, стоикахъ, схоластикѣ; затѣмъ оставались бы еще такія темы, какъ философія, эстетика, этика, Фихте, Шопенгауеръ]»...

1892.

81. Стихи: «Тамъ, гдѣ семьей столпились ивы», въ «Вѣстникѣ Европы», 1892, августъ, стр. 752. «Зачѣмъ слова?» Стихотвореніе, — тамъ же, 1892, октябрь, стр. 811.
82. Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія, очеркъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1892, ноябрь, стр. 353—361.
83. Вопросъ о «самочинномъ умствованіи», въ «Вѣстникѣ Европы», 1892, декабрь, стр. 863—868.
84. Смыслъ любви. (Предварительныя замѣчанія). — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1892, кн. 14, стр. 97—107.
    — Тоже. Статья вторая, — тамъ же, кн. 15, стр. 161—172.
85. Иммануэль. Стихотвореніе. — въ сборникѣ «Помочь, Вологодскій сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая». Спб. 1892, стр. 364.
86. На зарѣ туманной юности, — повѣсть, въ «Русской Мысли» 1892, май, стр. 184—198.

1893.

87. Стихотворенія: I. О что значатъ всѣ слова и рѣчи. II. Милый другъ, не вѣрю я нисколько, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1893, февраль, стр. 619.

88. Изъ вопросовъ культуры. Ю. Ѳ. Самаринъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ, — въ «Вѣстникѣ Европы» 1893, май, стр. 363—371; іюнь: Историческій сфинксъ, стр. 780—789.

89. На просторѣ. Путевыя впечатлѣнія. Стихотворенія,—тамъ же, 1893, сентябрь, стр. 342—343; октябрь, стр. 752—754; декабрь, стр. 748.

90. Смыслъ любви. Статья третья,— въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1893, кн. 16, стр. 115—128.

Тоже. Статья четвертая, — тамъ-же, 1893, кн. 17, стр. 130—147.

91. Что такое доктрина Теософическаго Общества, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1893, кн. 18, стр. 41—68.

92. Замѣчанія на лекцію П. Н. Милюкова,— въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1893, кн. 18, стр. 149—154.

93. «Бѣлая Лилія или Сонъ въ ночь на Покрова. Мистерія-шутка въ 3-хъ дѣйствіяхъ». (Подписано: «Владиміръ Соловьевъ. Москва — Пустынька, 1878—1880»), — въ «Художественно-литературномъ сборникѣ «На память». Изданіе Т. И. Гагена, подъ редакціей О. А. Духовецкаго. Книга первая». М. 1893. in 4°, стр. 76—89.

[Объ этомъ ст. К. П. Медвѣдскаго, въ «Наблюдателѣ», 1894, январь].

1894.

94. Стихотворенія: Съ новымъ годомъ, — въ «Вѣстникѣ Европы» 1894, январь, стр. 5; I. Монрепо. II. Сайма въ бурю,—ноябрь, стр. 224; I. У Саймы въ полдень. II. Послѣдняя любовь, декабрь, стр. 629.

95. Первый шагъ къ положительной эстетикѣ, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1894, январь, стр. 294 и д.

96. Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ, — въ «Вѣстникѣ Европы» 1894, февраль, стр. 806 и д.

97. Францискъ Рачкій, некрологъ, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1894, мартъ, стр. 416—418; О. М. Дмитріевъ, некрологъ, — мартъ, стр. 453—454; А. М. Иванцовъ-Платоновъ, некрологъ, — декабрь, стр. 893—894.

98. Споръ о справедливости. I. Утѣшительное междоусобіе. II. Терпимость вообще и принципъ вѣротерпимости. III. Справедливость какъ моя выдумка, — тамъ же, 1894, апрѣль, стр. 785—797.

99. Буддійское настроеніе въ поэзіи. Сочиненія гр. А. Голенищева-Кутузова, — тамъ же, 1894, май, стр. 329—346; іюнь, стр. 687—708.

100. Конецъ спора, въ «Вѣстникѣ Европы», 1894, іюль, стр. 286—312.
101. Нравственная философія какъ самостоятельная наука, — тамъ же, 1894, ноябрь, стр. 345—365.
102. Нравственныя основы общества, — тамъ же, 1894, декабрь, стр. 802—817.
103. Смыслъ любви. Статья пятая, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи» 1894, кн. 21. стр. 81—96.
104. Современное состояніе вопроса о медіумизмѣ, — тамъ же, 1894, кн. 23, стр. 424—437.
105. Первичныя данныя нравственности, — тамъ-же, 1894, кн. 24. стр. 361—380.

1895.

106. Стихотворенія: I. Ночь на Рождество. II. Сайма зимою. III. Сумерки надъ Иматрой. — въ «Вѣстникѣ Европы», 1895, февраль, стр. 457; I. Отшедшимъ. II. Иматра. III. Сонъ на яву. IV. Опять надвинулись, — мартъ, стр. 343. «Лучей блестящихъ», — май, стр. 367; Стихотворенія, I — II, — іюнь, стр. 612.
107. Народность съ нравственной точки зрѣнія, — тамъ же, 1895, январь, стр. 337—335.
108. Принципъ наказанія съ нравственной точки зрѣнія, — тамъ же, 1895, мартъ, стр. 212—235.
109. Поэзія О. И. Тютчева, — тамъ же, 1895, апрѣль, стр. 735—752.
110. Поэзія гр. А. К. Толстого, — тамъ же, 1895, май, стр. 237—259.
110,а. Русскіе символисты, — въ «Вѣстникѣ Европы» 1895, январь, стр. 421—424.
110,б. Оттуда. Разсказы Сергѣя Норманскаго (Сигмы), — рецензія, В. С., тамъ же, 1895, августъ, стр. 850—853.
110,в. Еще о символистахъ. «Русскіе символисты. — Лѣто 1895 года». В. С. — тамъ-же, 1895, октябрь, стр. 847—851.
111. Нравственность и право, — тамъ же, 1895, ноябрь, стр. 323 и д.
112. Значеніе государства, — тамъ же, 1895, декабрь, стр. 803 и д.
113. Стихотворенія. Изд. 2-е. (М. М. Ледерле). 1895.
114. Аскетическое начало въ нравственности, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1895, кн. 26, стр. 68—88.
115. О добродѣтеляхъ. (Изъ нравственной философіи), — тамъ-же, 1895, кн. 28, стр. 331—357.
116. Вильгельмъ Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Пер. д-ра И. Я. Розенбаха, В. С. — тамъ-же, 1895, кн. 28, стр. 372—375.

117. Мнимыя начала правильнаго поведенія. (Критика различныхъ видовъ эвдемонизма), — тамъ же, 1895, кн. 29, стр. 461—483.
118. Безусловное начало нравственности, — тамъ-же 1895, кн. 30, стр. 653—675.
119. Жалость и альтруизмъ. Изъ нравственной философіи, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1895, кн. III, стр. 5—26.

1896.

120. Византизмъ и Россія, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, январь, стр. 342—359; апрѣль, стр. 787—808.
121. Письмо Вл. и Мих. Соловьевыхъ къ редактору, по поводу «извлеченій» изъ записокъ историка С. М. Соловьева, — тамъ же, 1896, апрѣль, стр. 889.
122. С. М. Соловьевъ. Нѣсколько данныхъ для его характеристики, — тамъ же, 1896, іюнь, стр. 689—708.
123. Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія, — тамъ же, 1896, декабрь, стр. 536—569.
124. Дѣйствительность нравственнаго порядка, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1896, кн. 31, стр. 107—130.
125. Каббала, мистическая философія евреевъ, барона Д. Г. Гинцбурга, съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева, — тамъ-же, 1896, кн. 33, стр. 277—300.
126. Нравственная организація человѣчества, — тамъ-же, 1896, кн. 34, стр. 579—608; тоже (окончаніе), тамъ же, кн. 35, стр. 699—732.
127. Личность и общество, I — VIII, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1896, май, стр. 5—28.
128. Сайма. Два стихотворенія, — тамъ-же, іюль, стр. 68—69.
129. Личность и общество, IX—XVI, — тамъ-же, августъ, стр. 5—38.
130. Нравственный смыслъ жизни, — тамъ-же, декабрь, стр. 197—213.
131. Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе. Очеркъ Владиміра Соловьева. Съ изображеніемъ Магомета, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ, — въ «Жизни замѣч. людей», Павленкова. Спб. 1896. 80 стр.
132. Когда жили еврейскіе пророки? — въ «Сборникѣ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ». Спб. 1896, стр. 255—277.

1897.

133. Стихотворенія: Памяти А. А. Фета. — въ «Вѣстникѣ Европы»,

1897, февраль, стр. 791; — октябрь, стр. 514; Родина русской поэзіи, — ноябрь, стр. 347.

134. Изъ Московской губерніи, — тамъ же, 1897, августъ, стр. 850—852.

135. Судьба Пушкина, — тамъ же, 1897, сентябрь, стр. 131—156.

136. Владиміръ Соловьевъ. Духовныя основы жизни. Изданіе третье. Спб. 1897. VI и 177 стр.

Въ этомъ изданіи исключенъ трактатъ о расколѣ, «такъ какъ онъ прямой связи съ предметомъ сочиненія не имѣетъ».

На оберткѣ:

«Приготовляется къ печати:

«Достовѣрность и существо истины (гносеологія и метафизика).

«Серебряный вѣкъ русской лирики (опытъ философской критики)».

137. Оправданіе добра. Нравственная философія. Владиміра Соловьева. Спб. 1897. XXXI, 681 стр.

138. Право и нравственность. (Въ Юридической библіотекѣ, Канторовича). 1897.

139. Понятіе о Богѣ, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1897, кн. 38, стр. 383—414.

140. Замѣчанія на статью Г. Ф. Шершеневича, — тамъ же, 1897, кн. 38, стр. 475—484.

Шершеневичъ писалъ объ «Оправданіи добра».

141. Мнимая критика. (Отвѣтъ Б. Н. Чичерину) — по поводу «Права и нравственности», — тамъ же, 1897, кн. 39, стр. 645—694.

142. Первое начало теоретической философіи, — тамъ же, 1897, кн. 40, стр. 867—915.

143. Необходимыя замѣчанія на нѣсколько словъ Б. Н. Чичерина, — тамъ же, 1897, кн. 40, стр. 779—783.

144. Два стихотворенія: Нѣтъ, силой не сдвинешь... Другу молодости, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1897, февраль, стр. 44—45.

145. Око вѣчности. Стихотвореніе, — тамъ же, мартъ, стр. 73.

146. На смерть А. Н. Майкова. Стихотвореніе, — тамъ же, апрѣль, стр. 45.

Тоже, исправленный варіантъ, стр. 272.

147. А. А. Фету. Стихотвореніе, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1897, іюль, стр. 28.

148. Старому другу. Стихотвореніе, — тамъ же, августъ, стр. 87.

1898.

149. Стихотворенія: I. Мимо Троады. II. Нильская дельта, — въ «Вѣстникѣ Европы», іюнь, стр. 766: 11 іюня 1898, — іюль,

стр. 337; На томъ же мѣстѣ, — августъ, стр. 762; Три свиданья, — ноябрь, стр. 328.

150. Жизненная драма Платона,—тамъ же, 1898, мартъ, стр. 334—356; апрѣль, стр. 769 и д.

151. Я. П. Полонскій, некрологъ, — тамъ же, 1898, ноябрь, стр. 419—420.

152. Достовѣрность разума, — въ «Вопросахъ фил. и психологіи», 1898, кн. 43, стр. 385—405.

153. Альфредъ Фуллье. Темпераментъ и характеръ. Пер. В. Н. Линда. М. 1896, — В. С., — въ Журн. мин. нар. просв. 1898, ноябрь, стр. 193—200.

154. Рибо. Эволюція общихъ идей. Пер. съ франц. Н. Н. Спиридонова. М. 1898, — тамъ же, стр. 200—203.

155. Единство нравственныхъ основъ, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1898, февраль, стр. 5—22.

156. Отзывъ на «пѣсни изъ уголка». Стихотвореніе,—въ Книжкахъ «Недѣли» 1898, мартъ, стр. 82.

157. Пѣсня моря, стихотвореніе, — тамъ же, 1898, іюнь, стр. 44.

158. Стихотворенія. I. Въ Архипелагѣ ночью. II. Слово увѣщательное морскимъ чертямъ, — тамъ же, 1898, іюль, стр. 90—92.

159. Отвѣтъ на «Плачъ Ярославны» (К. К. Случевскаго). Стихотвореніе, — тамъ же, ноябрь, стр. 28.

160. «Лишь забудешься днемъ». Стихотвореніе,—тамъ же, декабрь, стр. 49.

1899.

161. Стихотворенія: Двѣ сестры, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1899, май, стр. 227. Бѣлые колокольчики, — сентябрь, стр. 229.

162. М. С. Корелинъ, некрологъ. — въ «Вѣстникѣ Европы», 1899, февраль, стр. 854—855; Л. И. Поливановъ, некрологъ, — мартъ, стр. 421—422; I. Д. Рабиновичъ, В. Г. Васильевскій, Н. Я. Гротъ, некрологи, — іюль, стр. 453—457.

163. Особое чествованіе Пушкина. Письмо въ редакцію,—тамъ же, 1899, іюль, стр. 432—440.

164. Противъ исполнительнаго листа. — тамъ же, 1899, октябрь, стр. 848—.

165. О значеніи поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина, — тамъ же, 1899, декабрь, стр. 660—711.

166. Изъ замѣтокъ о діалогахъ Платона. А. О составѣ «Перваго Алкивіада». В. Сомнительная подлинность діалога «Лахесъ»,—

въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1899, кн. 47, стр. 146—159.

167. Форма разумности и разумъ истины, — тамъ же, 1899, кн. 50, стр. 881—903.

168. Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1899. XII, 371 стр.

169. М. С. Корелинъ. Очеркъ изъ исторіи философской мысли въ эпоху Возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. Съ приложеніемъ некрологовъ М. С. Корелина, составленныхъ Вл. С. Соловьевымъ и В. О. Ключевскимъ. Изданіе журнала «Вопросы философіи и психологіи». М. 1899. 92 и XV стр. (Некрологъ, Соловьева, стр. I—III).

170. У себя. Стихотвореніе, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1899, іюль, стр. 28.

171. Подъ пальмами. Три разговора о мирныхъ и военныхъ дѣлахъ. Разговоръ первый, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1899, октябрь, стр. 5—36. «Каннъ, 10-го (22-го) мая 1899 г.».
— Тоже. Разговоръ второй, — тамъ же, ноябрь, стр. 126—169. «Москва, 19 октября 1899 г.».

1900.

172. Стихотворенія Владиміра Соловьева. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1900. XV и 231 стр.

Въ «приложеніяхъ», стр. 193—231:

I. Русскіе символисты.
II. ....
III. Еще о символистахъ.
IV. Особое чествованіе Пушкина.

На обложкѣ этой книги:
«Печатается:
«Творенія Платона. Т. II.
«Готовятся къ печати:
«Поэзія Пушкина.
«Русская лирика въ XIX столѣтіи.
«Національный вопросъ въ Россіи. Вып. I, изд. 4-е.
«Теоретическая философія.
«Эстетика».

173. Подъ пальмами. Три разговора о мирныхъ и военныхъ дѣлахъ. Разговоръ третій, — въ Книжкахъ «Недѣли», 1900, январь, стр. 150—187.

— Тоже. Разговоръ третій (окончаніе), — тамъ же, февраль, стр. 171—203.

174. Владиміръ Соловьевъ. Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ антихристѣ и съ приложеніями. Спб. 1900. XXI, 279 стр.

[Отдѣльное изданіе разговоровъ «Подъ пальмами»].

Предисловіе, стр. VII—XXI («Свѣтлое воскресеніе 1900 г.»).

Въ «Приложеніяхъ»: Немезида; Россія черезъ сто лѣтъ; О соблазнахъ; Словесность или истина.

«Семь пасхальныхъ писемъ»: Христосъ воскресъ! О добросовѣстномъ невѣріи; Женскій вопросъ; Восточный вопросъ; Два потока; Слѣпота и ослѣпленіе; Значеніе догмата. (Всѣ письма отъ 1897 г.).

175. Три характеристики. — М. М. Троицкій. — Н. Я. Гротъ. — П. Д. Юркевичъ, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1900, январь, стр. 318—335.

176. Les Revenants. Стихотвореніе, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1900, февраль стр. 800.

177. Упырь. Разсказъ графа А. К. Толстого. Съ предисловіемъ Владиміра Соловьева. Спб. 1900. Предисловіе, стр. I—VIII. 26 ноября 1899 г.

178. В. П. Преображенскій. Некрологъ, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1900, іюнь, стр. 835—837.

179. В. В. Болотовъ. Некрологъ,—тамъ же, іюль, стр. 416—418.

Переводныя книги, изданныя подъ редакціей В. С. Соловьева:

180. Э. Гёрней, Ф. Майерсъ, Ф. Подморъ. Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія. Съ англійскаго «Phantasms of the living». Сокращенный переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Владиміра Соловьева. Изданіе А. Н. Аксакова. Спб. 1893. Предисловіе В. С., I—VI; введеніе I—XLI, 472 стр.

181. Исторія этики въ новой философіи. Фридриха Іодля, профессора философіи въ пражскомъ университетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Владиміра Соловьева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Два тома. М. 1896—1898. «Отъ редактора перевода» — т. I, стр. III—IV.

182. Ф. А. Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящемъ. Переводъ съ пятаго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей и съ предисловіемъ Владиміра Соловьева. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ — Харьковъ. Томъ первый, безъ года. XV и 323 стр. Предисловіе В. Со-

ловьева, стр. III — V. Исторія матеріализма до Канта. Томъ второй. 1900. XVI и 415 стр. Исторія матеріализма со времени Канта.

При второмъ томѣ:

«Принужденный болѣзнью глазъ отказаться на неопредѣленное время отъ всякихъ письменныхъ и книжныхъ занятій, я къ сожалѣнію поставленъ въ невозможность исполнить высказанныя въ предисловіи къ первому тому обѣщанія относительно примѣчаній къ обоимъ томамъ Ланге. Въ этихъ примѣчаніяхъ я имѣлъ въ виду оговорить и выяснить тѣ пункты, въ которыхъ я существенно несогласенъ съ авторомъ «Исторіи Матеріализма». Владиміръ Соловьевъ. 31 августа, 1899 года».

По смерти автора:

183. Вновь бѣлые колокольчики. Стихотвореніе, — въ «Вѣстникѣ Европы» 1900, августъ, стр. 684.
184. По поводу послѣднихъ событій. Письмо въ редакцію, — тамъ же, 1900, сентябрь, стр. 302—306.
185. Драконъ (Зигфриду). Стихотвореніе,— тамъ же, 1900, сентябрь, стр. 316.

[Въ той же книгѣ «В. Европы» некрологи В. С. Соловьева — отъ редакціи, кн. С. Н. Трубецкого, Л. З. Слонимскаго, гдѣ — упоминанія о его работахъ прошедшихъ и предстоявшихъ].

186. Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и пр. [см. выше]. Изданіе второе. Съ портретомъ автора. Спб. 1901. XXII, 2 непомѣч., 279 стр.
187. Лермонтовъ, — въ «Вѣстникѣ Европы», 1901, февраль, стр. 441—459.

Примѣчаніе редакціи: «Публичная лекція, читанная въ Петербургѣ, въ мартѣ 1899 г., печатается по собственной рукописи почившаго автора, доставленной намъ его братомъ, М. С. Соловьевымъ».

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIX, № 1.

ЧЕРНОГОРІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ГЕОГРАФІЯ. — ИСТОРІЯ. — ЭТНОГРАФІЯ. — АРХЕОЛОГІЯ. —
СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

СОСТАВИЛЪ
П. РОВИНСКІЙ.

ТОМЪ II. ЧАСТЬ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ЧЕРНОГОРІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ГЕОГРАФІЯ. — ИСТОРІЯ. — ЭТНОГРАФІЯ. — АРХЕОЛОГІЯ. — СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

СОСТАВИЛЪ

П. РОВИНСКІЙ.

ТОМЪ II. ЧАСТЬ 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ выпускомъ второй части II т. нашего труда этнографическій отдѣлъ почти оконченъ. Остающіеся еще сборникъ пѣсенъ и статьи объ языкѣ мы помѣстимъ въ слѣдующемъ послѣднемъ выпускѣ вмѣстѣ съ археологіей и статьею о современномъ состояніи Черногоріи. А здѣсь считаемъ умѣстнымъ сдѣлать одно указаніе, которое можетъ послужитъ освѣщеніемъ предлагаемаго нами этнографическаго матеріала и обратить вниманіе будущаго изслѣдователя. Это—сходство во многихъ чертахъ между черногорцами и совершенно несродными имъ албанцами. Сходство это замѣчается въ пѣснѣ, характерѣ, образѣ жизни и обычаяхъ, при томъ не общее только, а и въ деталяхъ, что ясно указываетъ на существовавшую между ними тѣсную связь и на ихъ взаимодѣйствіе.

Мы приводили уже албанскія названія мѣстностей въ Черногоріи, сохранившіяся до нынѣ, а также имена личностей, упоминаемыя въ старинныхъ документахъ, что, очевидно, могло произойти отъ совмѣстной жизни этихъ двухъ народовъ. Съ одинаковыми характерными чертами является племенной и родовой бытъ того и другого. Много сходства между ними въ устройствѣ и обстановкѣ жилища, и въ образѣ жизни, дѣлящейся между земледѣліемъ и скотоводствомъ (жизнь на катунахъ).

Многое изъ этого, конечно, можно объяснить вліяніемъ од-

нихъ и тѣхъ же условій мѣстности и одинаковою степенью культуры; но есть фактическія указанія на то, что между ними когда-то происходило смѣшеніе.

Такъ, мы уже знаемъ, что черногорскія племена бѣлопавличи, васоевичи и кучи ведутъ свое происхожденіе изъ Дукадьина, гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного славянина, и отъ албанскихъ племенъ гашей и крастеничей; съ другой стороны у албанцевъ также существуютъ преданія о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ ихъ племенъ изъ Черногоріи, какъ хоты, трепчи, кастраты. Бальшичей, бывшихъ господарей Зеты, мы встрѣчаемъ и въ Албаніи.

До какой степени славяне и албанцы смѣшивались въ исторической жизни, достаточно показалъ намъ В. В. Макушевъ въ соч. Славяне въ Албаніи въ средніе вѣка.

Отмѣтимъ съ своей стороны сходство въ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, примѣтахъ и проч.

Такъ, ночь накапунѣ Рождества албанцы, какъ и черногорцы, проводятъ у огня, положивши на него особенное, срублённое для того деревцо, которое потомъ окончательно сжигаютъ подъ Новый Годъ. На масляницу у тѣхъ и другихъ ходятъ ряженные (простые, народные, а не общеевропейскіе въ маскахъ). Одинаково у нихъ празднованіе Юрьева дня. Есть сходства при исполненіи свадебнаго обряда, напр. при вступленіи молодой въ домъ мужа ей подаютъ ребенка, непремѣнно мальчика, котораго она поворачиваетъ въ рукахъ три раза и, поцѣловавъ и обдаривъ чѣмъ-нибудь, возвращаетъ подавшимъ его. Одинаково заключеніе кумства и побратимства, при чемъ послѣднее носитъ переиначенное славянское названіе *probatinia* (Hahn-Albanesische Studien — стр. 178); даваніе убѣжища и уговоръ мира (*вјера*, по арнаут. *беса*); кровомщеніе и особенный обрядъ примиренія (тамъ-же стр. 177—179). Есть у албанцевъ существа въ родѣ черногорскихъ вилъ, вѣштицъ, дивовъ, вукодлаковъ и здухачей съ тѣми-же почти, какъ у черногорцевъ, именами. Вторникъ одинаково у тѣхъ и другихъ считается тяжелымъ днемъ; не хорошо въ первый разъ весной

натощакъ услышать кукушку; змѣя, живущая въ домѣ, — его духъ покровитель; при постройкѣ дома нужно непремѣнно заколоть какое-нибудь животное, есть преданіе и о человѣческихъ жертвахъ. Есть одинаковые мифическіе разказы, напр. о дьяволѣ, прикованномъ желѣзною цѣпью къ скалѣ, объ томъ, какъ дьяволъ сдѣлалъ волка и др. Очень много одинаковыхъ бытовыхъ словъ, при томъ, очевидно, албанцами заимствованныхъ у славянъ, какъ: *zakoni* (Gebrauch, Gewohnheit), *povejë* (серб. *повеље*), *bujar* (der Vornehme, бояринъ), *domacchin* (богатый человѣкъ, серб. *домаћин*), *vajvoda* (воевода), *gjobare* (судебный приставъ, собирающій штрафныя деньги, черног. *глобар*, отъ *djobe-глоба*).

Въ статьѣ объ языкѣ мы приведемъ рядъ сходныхъ словъ, заимствованныхъ однимъ у другого или взятыхъ ими изъ общаго источника, а частью указывающихъ на ихъ средство въ простарое, доисторическое время.

Ограничившись этими немногими указаніями, мы имѣемъ въ виду обратить на необходимость параллельнаго изученія славянъ и албанцевъ, что должно бросить свѣтъ, какъ на ихъ этнографическій составъ, такъ и на исторію.

С.-Петербургъ — 1901 г. 20 Марта.

XV.

ВОЙНА.

О Черногорской войнѣ вообще.

Въ предисловіи мы уже указали, что война для черногорца была постояннымъ занятіемъ, какъ земледѣліе, скотоводство и домашнее хозяйство; съ нею связано было экономическое состояніе черногорца и въ то-же время она оказывала вліяніе на весь бытъ его и на выработку характера.

Въ такомъ смыслѣ понимаютъ эту войну и старые черногорцы. Во время раскопокъ Діоклеи, которыя производились главнымъ образомъ пиперами, на землѣ которыхъ она и находится, намъ привелось слышать по этому поводу, слѣдующій разговоръ нѣсколькихъ стариковъ пиперовъ. Вспоминая свои старые годы, они разсказывали о замѣчательныхъ ходокахъ своего времени, которые дѣлали въ день до ста километровъ, перескакивали громадныя расщелины, вскакивали на отвѣсныя скалы въ ростъ человѣка и вскарабкивались на высокія, гладкія стѣны турецкихъ укрѣпленій. «Такихъ теперь нѣтъ,—добавляли они,— да и не можетъ быть» и вотъ по какимъ причинамъ: «въ прежнее время черногорецъ не работалъ тяжелыхъ работъ, онъ только пасъ свой скотъ и оберегалъ его отъ волковъ и турокъ, и съ 15 лѣтъ, а иногда съ 10 начиналъ онъ ходить въ четованье. А жилось

между тѣмъ хорошо. Мясо въ домѣ не переводилось круглый годъ: было довольно своего, а то крали у турокъ; при этомъ, чтобы месть со стороны турокъ не падала на цѣлое ближнее село, украденную скотину пригоняли въ *царски грм* *); тамъ её убивали, туши разрубали на части и частями дѣлили по домамъ. Не только мяса, но и всего было вдоволь, всякаго товара, который крали у турокъ въ Подгорицѣ: шелковые пояса, женскіе платки, полотна, сахаръ, кофе, мѣшки съ мукой и т. п. Крали кучи и передавали пиперамъ черезъ Морачу, доставляя на челнокахъ, которые веревкою перетаскивали отъ одного берега до другого. Всѣ жили на счетъ богатой Подгорицы; а теперь этого нельзя, потому что, она *господарева* (принадлежитъ князю Николаю Черногорскому); нельзя обидѣть *турчина*, потому что и онъ *господаревъ*, какъ и мы. Правда, благодаря князю, въ житѣ мы и теперь не нуждаемся; но его нужно *замучити* (т. е. заработать). А кто много работаетъ, въ томъ нѣтъ ни большой силы, ни ловкости и легкости. Негдѣ разгуляться и *юначеству*, потому что всякій связанъ закономъ и исполняетъ только приказанія своей власти».

Въ этой простодушной исповѣди стараго пипера наглядно изображается то старое, доброе время, когда рядомъ съ войной шли *плячка* (грабежъ) и кража, по отношенію къ туркамъ не считавшіяся ни стыдомъ, ни грѣхомъ и составлявшія главный источникъ безбѣднаго существованія. Но рядомъ съ этимъ развивался духъ личной предпріимчивости и отваги, для которыхъ въ настоящее время нѣтъ мѣста и случая; а однообразіе тяжелой работы ради куска хлѣба, изнуряющей тѣло, убиваетъ въ человѣкѣ физическую легкость и ловкость.

Войною тогда поглощалась вся жизнь черногорца. Съ тѣхъ поръ какъ пало Зетское государство и входящія въ составъ его Черногорскія скалы сдѣлались вѣчнымъ убѣжищемъ и въ то-же

*) Густая роща на Дуклѣ, при раскопкахъ которой она срублена, и на томъ мѣстѣ оказались римскія бани.

время военнымъ становъ для той горсти сербовъ, которая не хотѣла признать надъ собою господства азіатскихъ завоевателей; съ тѣхъ поръ и до недавняго времени черногорецъ не полагалъ оружія и не снималъ его съ себя ни днемъ, ни ночью, ни въ работѣ, ни на пиршествѣ, ни даже въ божіемъ храмѣ на молитвѣ. Отъ участія въ войнѣ не освобождали ни слишкомъ ранняя молодость, ни глубокая старость, ни даже духовный санъ. Напротивъ, священникъ или монахъ всегда принимали участіе въ войнѣ, служа примѣромъ другимъ, и бывали даже предводителями войска. Не исключался изъ этого общаго правила даже владыка (митрополитъ). Женщины не только замѣняли войску военный обозъ или санитарный отрядъ, но и участвовали иногда въ бою съ оружіемъ въ рукахъ. Что касается старцевъ, то часто и восьмидесятилѣтніе шли въ бой съ прямою цѣлью погибнуть, чтобы не умереть дома, на постели, такъ какъ самая лучшая смерть на полѣ битвы. Одинъ такой старецъ, отличавшійся во всѣхъ бояхъ и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, разъ удержавшись отъ участія въ битвѣ, потерялъ это уваженіе; а потомъ все-таки пошелъ въ бой, гдѣ и нашелъ свою смерть, чѣмъ и возстановилъ свою прежнюю славу.

Конечно, положеніе Черногоріи въ настоящее время значительно измѣнилось; но какъ бы война ни была нежелательна между просвѣщенными народами, какъ бы ихъ правительства ни увѣряли цѣлый свѣтъ, что цѣль ихъ политики составляетъ поддержаніе всюду мира, чтобы свободно и всецѣло предаться внутреннему своему развитію;—война постоянно угрожаетъ Европѣ, потому что до сихъ поръ не установились еще вполнѣ правильныя, естественныя отношенія между отдѣльными государствами, и въ самой Европѣ есть угнетенные народы и ихъ угнетатели, что и составляетъ горючій матеріалъ, готовый воспламениться при какомъ-нибудь благопріятномъ случаѣ. Такой очагъ съ вѣчно тлѣющимъ подъ пепломъ огнемъ представляетъ собою Балканскій полуостровъ со своими, ждущими еще рѣшенія вопросами— греческимъ, боснійско-герцеговинскимъ, албанскимъ, македон-

скимъ. А Черногорія сидитъ какъ разъ у края этого очага и потому всегда должна ожидать, что будетъ силою обстоятельствъ привлечена къ участію въ рѣшеніи этихъ вопросовъ вооруженною рукою. Да и безъ того она только вооруженною рукою охраняетъ миръ по границѣ съ Турціей. Со стороны Австріи также не установились еще вполнѣ мирныя отношенія, и прежде всего угрожаетъ этому сама Австрія: окруживъ Черногорію цѣпью крѣпостей, укрѣпленныхъ казармъ и блокгаузовъ съ направленными противъ нея орудіями, она слишкомъ ясно показываетъ свои далеко не мирныя относительно ея намѣренія и даже теперь, при мирныхъ отношеніяхъ, пользуясь своею силой и престижемъ великой державы, по всей ея границѣ дѣлаетъ оскорбленія и насилія ближнему черногорскому населенію и вообще обходится съ Черногоріею свысока и вызывающимъ образомъ.

Находясь въ такомъ неестественномъ положеніи, Черногоріи не остается ничего другого, какъ положиться на милость или немилость своихъ далеко не великодушныхъ сосѣдей или стоять вѣчно подъ оружіемъ, чтобы не дать себя въ обиду. Черногорецъ предпочелъ послѣднее и всю жизнь свою посвятилъ войнѣ, которая сдѣлалась для него тѣмъ-же, что вода для рыбы.

Всякій человѣкъ — продуктъ своего прошлаго: такъ и черногорецъ представляетъ собою произведеніе всей его прошлой жизни, проведенной имъ въ вѣчной войнѣ, и безъ изученія его въ этой сферѣ мы не можемъ вполнѣ понять его характера. Какъ эта жизнь отразилась на выработкѣ характера черногорца, мы отчасти уже показали (ч. 1, гл. IV, стр. 376 — 380). Мы должны однако познакомиться и съ самою войною, какъ сферою, въ которой главнымъ образомъ вращалась его дѣятельность и которая создала оригинальный типъ воина-черногорца.

Но прежде чѣмъ говорить о войнѣ и военной жизни черногорца, познакомимся предварительно съ его вооруженіемъ, начиная съ простѣйшаго, первобытнаго и оканчивая усовершенствованнымъ новѣйшаго времени; а также постараемся показать роль Черногоріи, какъ страны военной по преимуществу, въ

военныхъ дѣлахъ общеевропейскихъ и значеніе войны для самой Черногоріи. Самую же войну будемъ разсматривать въ трехъ видахъ: 1) большую войну, которая захватывала собою цѣлую Черногорію или одну изъ ея составныхъ частей; 2) воеванье мелкими отрядами, на мѣстномъ языкѣ называвшееся *четованьемъ*, и 3) поединокъ. Наконецъ въ видѣ вывода изъ разсмотрѣнія фактовъ черногорской войны постараемся представить общія правила и способы воеванья, такъ сказать, тактику и стратегію черногорцевъ.

---

1) Вооруженіе.

А. САМОЕ ПРОСТОЕ И ДРЕВНѢЙШЕЕ.

Первое боевое орудіе черногорца до сихъ поръ составляетъ камень, въ бросаніи котораго онъ упражняется съ ранняго дѣтства въ видѣ игры, а взрослымъ въ состязаніи, и достигаетъ такой силы, что одною рукою можетъ бросать камни въ 10 и до 16 килогр. (1 пудъ). Въ ярости черногорецъ камнемъ убиваетъ на смерть или калѣчитъ корову или лошадь. Вмѣстѣ съ силой удара развивается мѣткость и бросанье на очень далекое разстояніе. Еще не такъ давно было въ употребленіи бросанье камня посредствомъ веревки съ петлей въ родѣ пращи (*праħа*), и нѣкоторые перебрасывали такимъ образомъ поперекъ черезъ все Цетинское поле (разстояніе ок. 1 килом.). Въ послѣднее время это прекращено, потому что доступно дѣтямъ, которыя бываютъ очень неосторожны, и отъ того нерѣдко случались несчастія. Когда-то у сербовъ вообще бросаніе камней возведено было въ осадное орудіе (balista), одинъ видъ котораго назывался *хумка*, можетъ быть, вслѣдствіе его пирамидальной формы. Двѣ такихъ хумки упоминаются въ XV в. у драчскаго (Durazzo) господаря Карла Топіи, слѣдовательно по сосѣдству съ Зетой *).

---

*) Ст. Новаковиħ, Стара Српска војска (стр. 151).

Сплошь въ старыхъ сербскихъ пѣсняхъ упоминается *топуз* или *буздован*, иначе *перни буздован* или *шестопер*, иногда съ эпитетомъ *позлаћен* (Вук, пѣс. кн. II, пѣс. 60, стихъ 86). Употребленіе его было очень различно; но главнымъ образомъ онъ служилъ, чтобы что-нибудь сокрушить прямо изъ рукъ или бросивши, напр. въ непріятеля, закованнаго по обычаю того времени въ латы и броню; ворота или какую нибудь преграду. Служилъ онъ также и для отпарированія ударовъ меча или сабли. Вооруженный имъ, приготовляясь ко встрѣчѣ съ непріятелемъ, обыкновенно прежде играетъ, бросая его кверху. Такъ Муса Кеседжія:

«На вранчићу ноге прекрстио,
Топузину баца у облаке,
Дочекује у бијеле руке» (II, пѣс. 67, стр. 170—172).

Ударъ топузомъ сразу сваливаетъ человѣка и большею частью тутъ-же убиваетъ его на смерть:

«Ману Марко топузином тешком,
Мртав паде крале на капију» (79, стр. 290—291).

Онъ бьетъ и въ догонку, когда Арапъ ударился на утекъ на своей тонкой «бедевији», которая была «брза, као горска вила»

«И тијаше да учете Шарцу,
Паде Марку на ум топузина,
Пак заљуља покрај себе њоме,
Стиж' Арапа међу плећи живе;
Арап паде, а Марко допаде,
Одсијече од Арапа главу» (п. 66, ст. 391—398).

Змай-Деспотъ Вукъ-Огненный топузомъ на лету убиваетъ Змая изъ Ястребца, который, будучи застигнутъ на мѣстѣ преступленія, бѣжалъ,

«Па не бјежи Јастрепцу планини,
Већ побјеже небу под облаке.

А ћера га Змај-Деспоте Вуче,
На високо њега сустигао,
Удари га тешком топузином,
Те му преби у рамену крила;
Змаје паде у зелену траву» и т. д. (п. 43, ст. 157—163).

Собираясь ударить, размахиваютъ имъ:

«Ал' потеже ђемо топузину,
Па заљуља покрај себе њоме,
Јадна Марка међу плећи живе;
Паде Марко у зелену траву» (п. 68, ст. 80—83).

Въ спокойномъ состояніи его вѣшали при ногѣ:

«Преко крила гола сабља бритка,
Покрај чизме буздован позлаћен» (п. 81, ст. 92—94).

Цѣлая манипуляція топузомъ вмѣстѣ съ другимъ холоднымъ оружіемъ прекрасно изображена въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ пѣсни «Марко Краљевић и Муса Кеседжија»:

«Кад то зачу од Прилипа Марко,
Он тад' пушћа своје бојно копље
Своме Шарцу између ушију,
Дели-Муси у прси јуначке;
На топуз га Муса дочекао,
Преко себе копље претурио;
Пак потеже своје бојно копље,
Да удари Кральевића Марка;
На топуз га Марко дочекао,
Пребио га на три половине.
Потегоше сабље оковане,
Један другом јуриш учинише:
Ману сабљом Краљевићу Марко,

Дели-Муса буздован падбаци,
Преби му је на три половине,
Пак потеже своју сабљу нагло,
Да удари Краљевића Марка;
Ал' подбаци топузину Марко
И изби му сабљу из балчака.
Потегоше перне буздоване,
Стадоше се њима ударати;
Буздован'ма пера обломише,
Бацише их у зелену траву;
Од добријех коња одскочише,
Шчепаше се у кости јуначке
И погнаше по зеленой трави». (п. 67, ст. 193—218).

Изъ этого видно, что буздованами бились съ коня, а потомъ ихъ бросали, спѣшивались и шли въ рукопашную схватку.

Употреблялся онъ иногда съ цѣлью не убить человѣка, а только осрамить его передъ народомъ. Такъ въ собраніи пѣсенъ, преимущественно приморскихъ, В. Богишича*), есть одна (№ 9, стр. 28), въ которой Будимскій краль проситъ воеводу Янка (Сибиняннна), сердитаго на деспота Дьордья Смедеревца, не затѣвать ссоры въ королевскомъ дворѣ и не вынимать противъ деспота сабли; а вмѣсто того совѣтуетъ слѣдующее, когда онъ пойдетъ со сватами:

«Тадар њега ухити за његову сједу браду
И ти њега ударај злаћенијем буздоханом» (ст. 25—26).

Онъ такъ и поступилъ: ухватилъ за бороду, «тер га иде ударат' шестоперцем буздоханом».

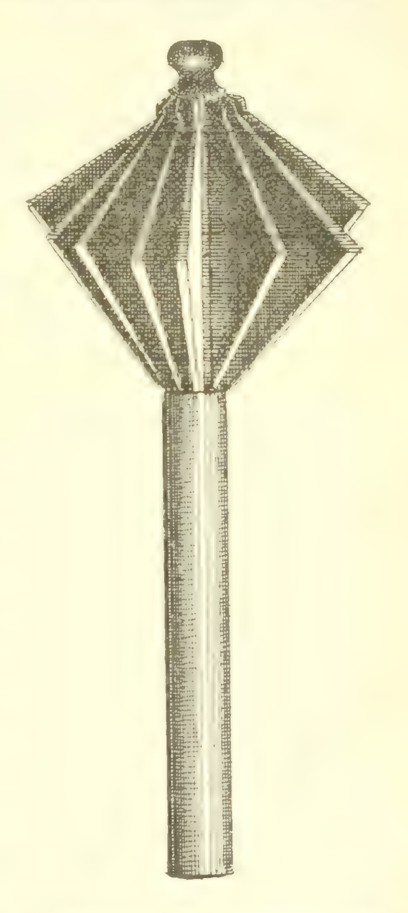
Нѣкій Иванъ Воихновичъ бьется объ закладъ съ которскимъ провидоромъ за 300 золотыхъ дукатовъ и половину Котора,

*) Народне пјесме из старијех највише приморских записа (Гласн. Срп. Уч. Друш. књ. X; 1878).

«Да ће цркву уметнут' од три оке буздоханом,
Ка је црква висока аршинова седамдесет» (Тамъ же № 76, ст. 4—5),

что и исполнилъ.

Есть указанія, что въ старое-же время буздованъ служилъ аттрибутомъ воеводскаго званія, какъ то мы видѣли въ исторіи кучъ и братоножичей (см. ч. I, стр. 80); слѣдовательно былъ то-же самое, что у нашихъ козаковъ булава (также и шестоперъ). Въ Черногоріи и теперь употребляется пословица: «Како који гологуз, одмах ш њиме под топуз» — въ смыслѣ безправія слабѣйшаго передъ сильнымъ. Есть и личное имя Топузко.



Предлагаемъ при семъ рисунокъ буздована, найденнаго въ Дробнякахъ. *)

Въ позднѣйшее время для разбиванія воротъ и дверей, чтобы войти внутрь двора или дома, служилъ *наджак* или *ћулумак* — родъ молотка съ болѣе длинною ручкой, при чемъ одинъ конецъ острый, какъ у топорика. Это кажется, то-же самое, что marteau d'armes въ Западной Европѣ, большею частью XVI в.; подобные-же были и у гуситовъ и служили ихъ военачальникамъ для команды.

*) Это собственно *дванајстоперац*, потому что головка состоитъ изъ 12-ти перьевъ, а размѣры его слѣдующіе: длина всего—42 сантиметра, каждое перо въ длину 12 сантим., въ ширину 6 сантим.; окружность черезъ углы перьевъ—45 сантим.; окружность шишки вверху и рукоятки — 5 сантим.; тяжесть — 1½ килогр. (3 ф. 63 золот.).

Въ числѣ стараго сербскаго оружія упоминается еще *брадве* (Новак. стр. 151), которое было въ родѣ *наджака*; а въ современномъ черногорскомъ быту это плотничій топоръ (ч. I, стр. 488; не то же ли, что нашъ бердышъ?). За этимъ слѣдуютъ копья и стрѣлы. Первыя постоянно упоминаются въ старыхъ сербскихъ пѣсняхъ, при томъ съ эпитетомъ *убојно* или *убојито копље.*

Часть войска была вооружена копьями и въ войскѣ всегда выдѣлялись копейщики (*копљаници*). Такъ въ пѣснѣ «Женидба Тодора од Сталаћа» (Вук. № 82) невѣста его, рѣшаясь отправиться въ Смедерево къ Јеринѣ, проситъ дать ей «12 товаровъ блага» и—

«Дај мене србље витезове,
Седамдесет бојнокопљаника,
Копљаника, избрани јунака» (ст. 207—209).

Это были лучшіе, отборные воины.

На копьяхъ совершался и поединокъ, что называлось «бојна копља уламати» (Богиш., стр. 130 и 47). Упоминается особенное «добро копље костаново» или «коштаново» (Богиш., стр. 131 и 243), очевидно, такъ названное по каштановому дереву, изъ котораго было сдѣлано древко *). Было наконецъ и «*копље отровано*» (Вук, № 44, ст. 479). Копьемъ дѣйствовали въ упоръ, пробивая непріятеля насквозь; такъ Юришичъ Янко, когда сломилась у него сабля, «на копље набијаше турке», при чемъ не помогали ни щитъ, ни панцырь; больше-же оно служило какъ метательное орудіе. Какъ имъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ, мы видѣли ужъ изъ боя Марка Кралевича съ Мусой Кеседжіей; а вотъ и другой бой «*Чернаго Арапина* съ *Дойчиномъ*»:

«Баци копље црни Арапине,
Да удари болесна Дојчина,

---

*) Новаковичъ приводитъ *копље коштуница* или *джида* (тур. слово) и *коштаница* (стр. 164).

Ал' се доро (конь) боју научио,
Клече доро до зелене траве,
Високо га копље претурило,
Те удара у земљицу црну,
Пола копља у земљу нагнао,
А пола се одломило било.
Кад то виђе црни Арапине,
Плећи даде, бијежати стаде,
Право бјежи к бијелу Солуну,
А за њиме болани Дојчине;
Таман Арап на врата Солунска,
А стиже га болани Дојчине,
Па потеже копље убојито,
Прикова га Солуну за врата,
Па повади сабљу аламанку,
Те арапу одсијече главу
Па на сабљи главу дохитио» (Вук, № 78, ст. 237—255).

Какъ его носили, даютъ понятія слѣдующія выраженія:

«Па по ћурку сабљу припасао,
Упртио копље на рамена» (№ 59, ст. 110).

«Кобили се баци на рамена,
Па упрти копље убојито». (№ 66, ст. 49).

Копье ставилось въ головахъ на могилѣ погибшаго:

«Саранише војводу Каицу,
Чело главе копље udariше,
На копље му сокола метнуше,
За копље му коња привезаше,
По гробу му оружје простреше» (№ 81, ст. 245—249).

Вообще оно служило для привязыванья коня въ полѣ передъ шатромъ:

«Пред чадором побијено копље,
А за копље вранац коњиц свезан» (№ 44, ст. 322—23).

Имъ-же дается мѣра высоты:

«Добар доро на колаче скаче,
У пријеко дванаест аршина,
У дужину двадест и четири,
У висину три копља јуначка» (№ 65, ст. 156—59).

Послѣднее не утратилось еще и у современныхъ черногорцевъ, и теперь говорятъ: «сунце је скочило, колико копље»; все равно какъ съ копьемъ сравнивается стройность, тонкость и ростъ парня или дѣвицы.

Такое-же оружіе, отжившее свой вѣкъ въ дѣйствительности, но продолжающее еще жить въ народной памяти, — представляютъ стрѣлы. Стрѣла однако по народной пѣснѣ представляетъ вооруженіе не цѣлой части войска, а отдѣльныхъ лицъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ поединкахъ или состязаніяхъ. Такъ Алилъ-ага вызываетъ Марка Кралевича: «Ајд' на мејдан, да с' надстрелујемо» (Вук. № 61, ст. 22 и 28). Въ другой пѣснѣ (№ 79) какой-то *латинче* со стѣны Смедеревскаго-града вызываетъ праотца сербскихъ хайдуковъ Дебелю-Новака:

«Хајде куме, Старина Новаче!
Те стријељај на кули јабуку».
Гледа Новак војводу Милоша;
Милош скочи на ноге лагане,
Узе стр'јелу за златну тетиву,
Устријели на кули јабуку» (ст. 239—44).

Воевода Сибинскій, Янко, вызываетъ воеводу Каицу:

«Од' јуначе, да с' надстрељујемо,
Да бијемо нишан за облаком»! (№ 81, ст. 188—89),

но въ то время какъ Каица «гледа нишан за облаком», въ него стрѣляетъ Янко Сибинянинъ.

«И устрели војводу Каицу
На зло место баш под сису леву,
Токе разби, срце му расече,
Земљи паде војвода Каица» (ст. 195—98).

Оказывается при томъ, что тѣ стрѣлы (у Янка ихъ было двѣ: «За појасом две убојне стреле» ст. 88) были «пусте отроване, на змијину једу накаљене» (ст. 217—18).

Въ одной пѣснѣ у Богишича Будимскій краль взываетъ къ Вуку Огненому:

«Дје си, Вуче Огњени, моја перена стр'јелице'.
Дје сам тобом стр'јелио, свуд сам добро устр'јелио» (№ 15, ст. 4—5).

И теперь о мѣткомъ выстрѣлѣ изъ ружья выражаются: «погóди, као стријела»; въ переносномъ-же смыслѣ матери часто ласкательно, а иногда въ сердцахъ кричатъ на своихъ дѣтей: «стријела те убила!», разумѣя подъ этимъ стрѣлу небесную, т. е. молнію

Была и особенная стрѣла *татаранка*, которою Марко Кралевичъ на состязаніи въ Цареградѣ побѣдилъ своего противника Алил-агу:

«У којој је стрели татаранки
Девет били соколови пера» (№ 61, ст. 62—63).

Въ той-же пѣснѣ описывается, какъ и происходила эта стрѣльба (ст. 106—124), при чемъ стрѣла Алила перелетѣла, самое большое, на 600 аршинъ, а у Марка

«Оде стрела у пра и у маглу,
Очима се не да прегледати,
А камо-ли премерит' аршином!»

Лукъ и стрѣлы такъ упоминаются въ одной пѣснѣ у Вука (№ 16):

«Предраг скочи на ноге лагане,
Пак узима луке и стриjеле,
Пак излази на друм на бусиjу,
Пак заседа за jелу зелену,
Скида њега стрелом са коњица» (ст. 136—39).

Замѣчательно, что при очень распространенномъ въ народѣ употребленіи слова «стрѣла», слова лукъ и тетива употребляются очень рѣдко; а *тулац* или *тулайца*, въ которомъ носили стрѣлы, почти неизвѣстенъ; какъ будто ихъ носили просто за поясомъ, какъ то мы видѣли изъ приведенныхъ выше словъ пѣсни.

Во многихъ мѣстахъ Черногоріи нерѣдко находятъ въ землѣ наконечники копій и стрѣлъ, иногда съ древками, что указываетъ на ихъ большое распространеніе. Дѣйствительно онѣ долго держались въ Черногоріи рядомъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ XVII в. первыя преобладали надъ послѣднимъ. По свидѣтельству Марина Болицы въ его время во всей Черногоріи изъ общаго числа 8.027 воиновъ было только 800 *аркибузьеровъ*, т. е. вооруженныхъ аркебузами (ружьями); остальные-же были съ мечами, щитами и копьями. Въ тоже время въ Барѣ на 2.762 воина аркибузьеровъ было 400, а остальные, кромѣ вышепоименованнаго холоднаго оружія, имѣли еще стрѣлы и луки. Но въ документахъ, извлеченныхъ изъ венеціанскихъ архивовъ и относящихся ко второй половинѣ того-же столѣтія, это оружіе больше не упоминается, а только мечи (spade) и ружья (schioppi, muschetti), и черногорцамъ Венеціанская республика доставляла порохъ и свинецъ (polvere e piombo).

Постоянное оружіе черногорца составляетъ ножъ, который пройдя всѣ вѣка, остался и до новѣйшаго времени; и это оружіе — самое неизмѣнное, всегда выручавшее черногорца въ крайней нуждѣ.

Когда Муса-Кеседжія повалилъ Марка Кралевича,

«Маче Марко ноже из потаје,
Те распори Мусу-кеседжију
Од учкура до бијела грла;
Мртав Муса притиснуо Марка,
И једва се ископао Марко» (№ 67, ст. 247—51).

Къ старинному оружію, давно уже вышедшему изъ употребленія, должно отнести *мач* (spada, espadon). Правда, не такъ давно, лѣтъ 50 назадъ, мечи еще употреблялись при поединкахъ, но и въ то время они были рѣдки и представляли собою архаическое оружіе.

Такіе мечи и теперь еще можно найти въ черногорскихъ домахъ, и владѣльцы берегутъ ихъ, какъ драгоцѣнность, наслѣдованную отъ предковъ, и даже скрываютъ, чтобы не похитили или не отняли подъ какимъ-либо предлогомъ; при томъ большая часть ихъ сильно попорчена; но съ ними связывается счастье дома. Ихъ можно видѣть въ казенномъ складѣ оружія на Цетиньѣ. Для примѣра приведемъ описаніе и размѣры такого меча, видѣннаго нами въ Дробнякахъ у Іована Лазаревича (Куюнджича) въ с. Превишѣ. Онъ хорошо сохранился, только безъ ноженъ и опала деревянная отдѣлка на рукояткѣ, при чемъ однако сохранилось кольцо, въ которое продѣвался большой палецъ. Вотъ его размѣры: длина вмѣстѣ съ рукояткой 1 метръ 5 сантим.; самая рукоятка (ефесъ)—13 с. съ окружностью посрединѣ; въ самомъ широкомъ мѣстѣ—36 с.; ширина лезвія у самой рукоятки—5 с. Это, конечно,—Degen mit Daumenringe XVI и XVIII вв. Есть *мач-вуковац*, самый большой, присутствію котораго въ домѣ приписывается особенное счастіе. Названіе его указываетъ на «Змаја Вука Огненога», воспоминаемаго въ сербскихъ пѣсняхъ въ концѣ XIV в., который хранится въ ратушѣ г. Пераста (въ Боккѣ); а перастянамъ подарилъ его хорватскій воевода Петръ Зрини за геройскую защиту противъ турокъ въ 1654 г., что и

стоитъ записано на домѣ ратуши. Упоминается въ пѣсняхъ *мачковрдин*.

Юговичи въ гнѣвѣ на царя Степана

«Поскочише на ноге лагане,
Потегоше маче *коврдине*,
Да погубе цара у столици» (№ 32, ст. 142—44).

С. Новаковичъ полагаетъ, что названіе это происходитъ отъ мѣста, гдѣ ковались эти мечи*).

Есть мечи короткіе съ рукояткой, не защищенной снаружи желѣзнымъ ефесомъ, и съ усѣчкой на клинкѣ при концѣ; ихъ, говорятъ, носили сердари, какъ принадлежность своего званія. Называютъ мечъ также *палошина* (палашъ?). Давно также употребляется въ Черногоріи и сабля; но она не составляла непремѣннаго, общаго оружія. Турецкое происхожденіе видно изъ частаго названія ея *димискија* или *демишкиња*, указывающаго на производство въ Дамаскѣ; а также *ћорда*. Въ черногорскихъ пѣсняхъ она часто называется *ћемеркиња*, потому что носится на поясѣ (по тур. *ћемер*), и *крива* по формѣ ея. Сабля-же называется и *гадара* или *гадарина*; но въ одной пѣснѣ гадара упоминается, какъ нѣчто другое: «копља, сабље и гадаре». Въ пѣсняхъ-же она смѣшивается и съ мечемъ: «спјевају маче од појаса», тоже самое, что *ћемеркиње* (Срб. огл. X, 214).

Упоминается еще сабля *каталаса*: она носилась тоже на поясѣ и спускалась такъ, что волочилась по землѣ и гремѣла по каменной мостовой: а въ бою, по народному понятію, она все, что подвернется, сѣчетъ, какъ траву. Сабля *аламанка* самымъ названіемъ показываетъ ея нѣмецкое производство. Наконецъ, есть сабля — *навајлија*, «која сјече дрво, камен и студено гвожђе». О ней С. Новаковичъ полагаетъ, что въ ней заключается особый способъ ковки и закала.

---

*) О германскомъ происхожденіи меча см. В. Ягича, Archiv für sl. Phil. XV, 489.

Какъ сабля ковалась и какъ ею бились, представляетъ пѣсня «Бановић Страхиња» (№ 44):

Но да видиш Страхинића бана!
Кажу има сабљу о појасу:
Ковала су сабљу два ковача,
Два ковача и три помагача,
Од неђеље опет до неђеље,
Од челика сабљу претопили,
У острицу сабљу угодили;
Турчин максу, а дочека бане;
На сабљу му сабљу дочекао,
По поли му сабљу пресјекао.

Но турчинъ защищается половиной:

Половину на врат натураше
И својега врата заклоњаше,
И банову сабљу оштрпкује,
Све откида по комат и комат,
Обадвије сабље исјекоше,
До балчака сабље догонише
Побацише њине одломчине,
Од хитријех коња одскочише,
За бјела се грла доватише,
Те се двије але понијеше
На Голечу на равној планини (стр. 648—76).

Значитъ, и здѣсь, какъ съ топузомъ, дѣло завершается рукопашнымъ боемъ.

Знаменита сабля Марка Кралевича:

На сабљи су три балчака златна,
У балчацим' три камена драга;
Вала сабља три царева града (№ 57, стр. 24—26).

Ему-же подарилъ саблю султанъ, тоже съ тремя золотыми ефесами,

И у њима три драга камена,
И мећ' њима царев печат стоjи,
Да га везир погубит' не може,
Док честитог цара не запита (№ 66, стр. 426—31).

Теперь обратимся къ старинному-же огнестрѣльному оружію.

Можно предположить, что у зетскихъ государей были небольшія пушки. Такъ въ 1386 г. Венеція дозволила Бальшичу Страцимиру имѣть двѣ вооруженныя галеры, на которыхъ должны были находиться пушки. Потомъ Георгій II Б. также имѣлъ два военныхъ бригантина. Съ этихъ судовъ пушки могли быть перенесены и на сушу; но врядъ-ли могли быть употреблены въ дѣло. Въ пѣснѣ «Женидба Максима Црноjевића» (№ 89) хотя и упоминаются пушки въ Жаблякѣ; но это, очевидно, фантастическое добавленіе позднѣйшихъ пѣвцовъ, потому что при тѣхъ средствахъ никуда нельзя было съ ними двинуться; развѣ могла быть кое-какая пушка въ градахъ Жаблякѣ, Соколѣ и на Ободѣ, и то больше для пальбы въ торжественныхъ случаяхъ. Въ позднѣйшее время употреблялась пушка (*топ*) или собственно мортира (*машкула*) для подачи сигналовъ.

Такъ выстрѣлами изъ мортиры, поставленной наверху горы Лисца, данъ былъ знакъ для общаго нападенія на турокъ въ битвѣ, происходившей въ Бѣлопавлицкой долинѣ, въ 1768 г. Объ игуменѣ Пиперскаго монастыря (надъ Спужемъ) говорится, что онъ всегда держалъ *топа-хаберника* (тоже *хабердан* или *хабердар*), посредствомъ котораго онъ извѣщалъ черногорцевъ о движеньи турокъ отъ Спужа и Подгорицы. Придается это названье и ружью, которое принимаетъ большой зарядъ и особенно сильно бьетъ.

Были, говорятъ, у черногорцевъ пушки изъ буковаго дерева, которое не колется продольно, подобно тому какъ въ Сербіи при

Карагеоргіи дѣлали ихъ изъ черешни; но это были весьма рѣдкія попытки; да и не по средствамъ были черногорцамъ пушки, такъ какъ для нихъ требовалось много пороху, котораго не доставало и для ружей. Пушку необыкновенной величины черногорцы и теперь называютъ *баљемез*; а прежде говорилось, что такая находится въ Цареградѣ; по приведенной выше пѣснѣ о женитьбѣ Максима Черноевича два такихъ *баљемеза* находились въ Жаблякѣ, по имени «Крњо и Зеленко»,

А којијех у свој земли није
У влашкијех седам краљевина,
У турскога Отмановић-цара.

Стережетъ ихъ старецъ Недѣлько, «што му б'јела прошла појас брада», которому Иванбегъ поручаетъ:

Нека топе пуни па препуни,
Нека прида праха и олова,
Нек подигне небу под облаке,
Нека пукну стари баљемези;
Хабер подај пољу у сватове,
Нек се наша браћа ослободе,
Нек одмакну коње од обале
Од студене од воде Цетиње;
Е се могу коњи покидати,
У Цетињу воду поскакати,
Браћу нашу кићене сватове
Из убаха ватити грозница;
Ну објави и свој браћи кажи,
Ђе ће пући тридесет топова,
Хоће пући Крњо и Зеленко (ст. 535—54).

Эти имена впослѣдствіи владыка Петръ II далъ двумъ небольшимъ пушкамъ, отнятымъ черногорцами въ 1835 г. у турокъ съ града Жабляка.

Самое оригинальное старинное огнестрѣльное оружіе черногорцевъ представляетъ *шиба*. Это—огромное ружье въ родѣ пищали съ чрезвычайно толстымъ стволомъ, у котораго конецъ раструбомъ. Ложе почти подъ цѣлымъ стволомъ, а прикладъ округленный или на четыре угла; къ ложѣ прикрѣплено два желѣзныхъ кольца, очевидно, для ремня, на которомъ его носили. Въ цетинскомъ складѣ оружія такихъ пять штукъ; а не такъ давно было ихъ болѣе 100, но ихъ передѣлали и перековали въ другія вещи, воспользовавшись только матеріаломъ. Одна изъ такихъ шибъ, принадлежавшая по народному преданію знаменитому ускоку Баю Пивлянину, погибшему въ бою съ турками въ 1692 г., имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина ствола 1 м. 65 с.; ширина отверстія дула у замка, котораго нѣтъ, въ поперечникѣ—38 милим., а при концѣ до раструба—22 мм.; вѣсъ цѣлаго ружья съ ложемъ, но безъ замка—15 килогр. 25 д.—гр. или около 1 пуда.

По количеству найденныхъ экземпляровъ видно, что шиба была распространена въ Черногоріи. И дѣйствительно, въ старое время, говорятъ, знаменитые арамбаши (предводители четъ, малыхъ отрядовъ) всегда имѣли при себѣ такую шибу, и носилась она, не смотря на большую тяжесть, однимъ человѣкомъ черезъ плечо, на что̀ указываютъ и кольца, служившія для ремня; а стрѣляли изъ нея съ какого нибудь наслона; заряжалась-же она, по всѣмъ вѣроятіямъ, мелкою картечью.

Въ томъ-же родѣ, только гораздо меньше и, слѣдовательно, легче, встрѣчается еще ружье *тробун* (tromblon?), тоже съ расширеннымъ въ концѣ дуломъ и заряжавшееся картечью.

Это оружіе до сихъ поръ можно встрѣтить въ Черногоріи; но уже никто съ точностію не знаетъ, какъ оно употреблялось, или знаютъ только по разсказамъ и по догадкѣ.

Пока существовало одно холодное оружіе, приноровлено было къ тому и одѣяніе, способное выносить и отражать удары. Сообразно съ этимъ голова прикрывалась шлемомъ, а все тѣло

панцыремъ и латами. Все это однако давно уже утратилось въ жизни и только подновляется въ народной памяти случайными находками этихъ предметовъ на многихъ мѣстахъ въ Черногоріи, при чемъ все вмѣстѣ т. е. шлемъ и панцырь—называютъ *оклоп*, по отдѣльности-же первое — *тишак* или *гвоздена капа*, а второе—*панцијер* или *гвоздена кошуља*.

Въ одной пѣснѣ (Богиш. № 50) есть такое мѣсто:

Ђе се сави вихар витар из оне густе планине,
Мустаф-аги однесе кацигу и б'јело перје турчину јунаку
(ст. 11—12)

Здѣсь *кацига* означаетъ шлемъ, при томъ украшенный перьями. И въ Черногоріи поется пѣсня, въ которой дѣвушка съ высокаго *чардака* заглядывается на молодца, носящагося на ворономъ конѣ по полю, и говоритъ ему:

О зор делијо и перје твоје!
Твоје ме перје на чардак пење.

Здѣсь, конечно, разумѣются перья на шлемѣ, любуясь которыми, дѣвушка и вышла на чардакъ (балконъ). Извѣстно въ народѣ и самое слово *кацига* *).

Въ позднѣйшее время употребляется только *калпак* и *самуркалпак*—соболья шапка; а украшенья на головѣ *перјаница*, *челенка* и *чекрк-челенка* (см. т. II, ч. 1-я, стр. 518).

Токи, составляющіе въ настоящее время часть обыкновеннаго черногорскаго костюма и служащіе украшеніемъ, замѣнили собою латы. Описаніе ихъ мы дали выше (тамъ же стр. 512). До нѣкотораго времени они однако служили еще нѣкоторою защитою даже противъ пули, и, отправляясь въ токахъ въ бой, люди имѣли въ виду эту защиту. Но и тогда они защищали слабо;

---

*) С. Новаковичъ приводитъ старосербскія названія *кацига* или *кацида*, приводя ихъ въ связь съ роман. словомъ cassis, - idis, а *брња* — русск. броня или кольчуга, сред.—лат. brunea и старонѣм. brunja (стр. 159—161).

пробивала ихъ даже стрѣла, какъ то мы видѣли изъ пѣсни о воев. Каицѣ, котораго стрѣлою поразилъ Янко Сибинянинъ: «токе разби, срце му расече». Поэтому они теперь совсѣмъ утратили свое первоначальное назначеніе.

Извѣстны черногорцамъ и щиты, хотя о настоящей формѣ ихъ и утратилось уже понятіе. Въ пѣснѣ о поединкѣ Мустафы и Карајована (№ 50), говорится, какъ первый

«Копјем га удрио посред штита переногa,
Штитак му је пробио, а проз штитак живо срце (стр. 76—78);

а въ пѣснѣ о воев. Каицѣ краль Дьюрадь привѣтствуетъ его такими словами:

«О Каице, моје чедо драго!
Мој пернати од сунашца штите!»

Въ словарѣ Вука Караджича цитируется мѣсто изъ пѣсни: «О рамену штита објесио, а по коњу копље положио»; и еще у него-же: «од копља ти градили носила, а од штита гробу поклопнице». Всѣ эти мѣста даютъ понятіе о томъ, какъ его носили и что онъ былъ деревянный, и нѣсколько ихъ могли служить крышкой гроба. Въ Черногоріи въ Лѣшанской нахіи близъ града Сокола есть село Штитари, въ названіи котораго можно усматривать указаніе на производство тамъ щитовъ *). Вообще-же, какъ мы замѣтили выше, у черногорцевъ они оставили по себѣ самое слабое воспоминаніе, тѣмъ болѣе что отъ нихъ не осталось никакого слѣда.

Этимъ исчерпываются наши свѣдѣнія о древнемъ вооруженіи, давно уже вышедшемъ изъ употребленія, о которомъ въ настоящее время почти утратилось точное представленіе.

---

*) О сербскихъ щитахъ см. С. Новаковича, стр. 165—66.

Б. НОВѢЙШЕЕ ОРУЖІЕ.

Въ новѣйшее время главное измѣненіе въ вооруженіи состоитъ въ томъ, что возобладало огнестрѣльное оружіе, а изъ холоднаго только и остаются ножъ и сабля; но и ихъ роль въ бою далеко уже не такая, какая была прежде.

И изъ этого остающагося еще оружія ножъ хотя и можно найти въ каждомъ черногорскомъ домѣ; но уже въ послѣднюю войну онъ служилъ больше для отрубанія головъ и носовъ, чѣмъ для дѣйствія въ бою. Самое одѣяніе новаго войска не допускаетъ ношенья ножа; такъ какъ силафъ, въ которомъ онъ носился и который прежде представлялъ собою вмѣстилище для цѣлаго арсенала оружія, теперь такъ малъ, что едва можетъ вмѣстить револьверъ. Съ утратою значенія ножа, лучшіе ножи въ роскошной отдѣлкѣ продаются черногорцами и скоро въ Черногоріи они будутъ рѣдкостью.

То-же самое можно сказать и о старинномъ огнестрѣльномъ оружіи, о пистолетахъ и ружьяхъ, которые замѣнены револьверами и скорострѣльными ружьями новѣйшихъ системъ.

Такое исчезаніе этого оружія и удаленія изъ употребленія тѣмъ болѣе обязываетъ насъ представить его описаніе; но мы не отнесли его къ старинному, потому что оно употреблялось еще до недавняго сравнительно времени и съ нимъ воевалъ черногорскій народъ въ томъ именно періодѣ, въ которомъ мы разсматриваемъ весь его бытъ, и стяжалъ себѣ славу, пронесшуюся по цѣлой Европѣ.

Разсмотримъ по отдѣльности холодное и огнестрѣльное оружіе.

1. Холодное оружіе.

Нож и *хаnджар* — два названія одного и того-же оружія, и первое болѣе распространенное; хотя иногда они какъ будто различаются:

Једноме су за пас пушке мале,
Без никаква ножа ни анджара. (С. О. LVI, 206—207).

Еще рѣже употребляется слово *јатаган*, которымъ означается непремѣнно ножъ въ серебряной оправѣ.

Цѣнятся ножи, конечно, по качеству желѣза, а потомъ и по отдѣлкѣ; но особыя названія даются имъ по внѣшней оправѣ и отдѣлкѣ.

Такъ *срмаjли* или *од сребра* называется ножъ, у котораго рукоятка и ножны отдѣланы серебромъ; *мерджанли*, если сверхъ того украшенъ кораллами. Главнымъ образомъ ножи различаются по верхней части въ рукояткѣ, назыв. *камза: бјелокорац* или *сомли*, у котораго она изъ бѣлой кости, по народному мнѣнію, изъ рыбы сома; *црнокорац*—изъ черной кости; самый лучшій изъ послѣднихъ *побрдјанин* (отъ с. Побрдье гдѣ-то въ Приморьѣ). Одно время черногорскимъ правительствомъ пріобрѣтены были ножи съ черными ручками изъ Австріи *); но въ нихъ было плохое желѣзо, а ручки были изъ какой-то массы, которая размягчалась отъ жара и отъ того портилась и самая форма ихъ.

Есть еще ножъ *курђела* въ родѣ тесака, турецкій; но самый тесакъ у турецкихъ солдатъ назыв. *сатара*. Обоюдоострый ножъ, нашъ кинжалъ, назыв. *шиш* или *ка̀ма*. Все это, конечно, попадается случайно.

О саблѣ мы уже говорили. Первоначально въ Черногоріи только и были сабли, отнятыя у турокъ или покупавшіяся въ Турціи нѣкоторыми главарями и служившія больше, какъ знакъ отличія. Что сабля не считалась черногорскимъ оружіемъ, видно и изъ того, что, и въ позднѣйшее время, когда происходилъ поединокъ, необходимо было достать мечъ, о чемъ будемъ говорить ниже. Въ настоящее время въ Черногоріи есть сабли, полученныя изъ Россіи и составляющія принадлежность офицерскаго званія съ различными его подраздѣленіями.

---

*) Въ восьмидесятыхъ годахъ австр. правительство хотѣло было вооружить ножами свои войска, по крайней мѣрѣ, стоящія въ Босніи и Герцеговинѣ; но послѣ отмѣнило это, и тогда ножи проданы были за дешевую цѣну въ Черногорію.

2. Огнестрѣльное оружіе.

Общее названіе оружія, изъ котораго стрѣляютъ съ руки— *пушка* съ подраздѣленіемъ *веља п.* и *мала п.:* первое названіе означаетъ ружье, а второе пистолетъ и револьверъ (по народному говору *ливор*).

а) *Ружья.*

Тутъ встрѣчаемся съ нѣсколькими видами *джеф̂ердара* (отъ тур. слова *джеф̂ер*—вытравка на стволѣ; оттуда травленный и витой стволъ): *джеф̂ердар* просто — въ серебряной оправѣ съ инкрустаціями изъ перламутра по всему ложу и по прикладу *(седеф, кост од рибе); д. змијоглавац*—съ тонкимъ прикладомъ, какъ змінная голова, и этотъ видъ считается самымъ лучшимъ; *д. крушкоглавац* — съ прикладомъ круглымъ, въ формѣ груши; *д. бучанка*, у котораго стволъ вытравленъ только снаружи, а не витой. Есть еще *тосанка пушка* (отъ алб. плем. Тоска?) Другіе виды ружей: *пушка брешка*—длинная съ узкимъ прикладомъ; въ пѣснѣ она вспоминается такъ:

И дофати сјајну брешакању,
На коју су дванаест павтамах (бляхи, связывающія ложе со стволомъ).

А названіе, по всѣмъ вѣроятіямъ, происходитъ отъ г. Brescia въ Италіи, гдѣ эти ружья производились.

П. танчица, иначе *диљка* и *латинка* или *талијанка*—длинная-же съ тонкимъ стволомъ и узкимъ металлическимъ прикладомъ. Въ пѣснѣ: «пуна ми је преко крила диљка»; или:

Руке држи на пушке обије (мале),
А латинку уз раме лијево.

И тамъ-же выше:

А у руке прекоморку држи. (С. О. LVI, 180 и 209).

П. парагун — также длинное съ мелкою, наружною только вытравкой по стволу (*са ситним' прутовима*) и особенными знаками на замкѣ. Послѣ джефердара, у этого ружья самый лучшій стволъ. Сравнивая между собою эти послѣднія три ружья, пѣсня характеризуетъ ихъ такъ:

Брешка пуца, а латинка гађа;
А парагун и пуца, и гађа.

П. ћошајлија, иначе *кантунача* и *гранајлија*, она-же *преко-морка* и *латинка*—со стволомъ граненнымъ.

П. шеишана (босанка)—короткая, нарѣзная; а *п. жабарица* такая-же, только возлѣ замка сдѣлана фигура лягушки (жаба).

П. гарабин — карабинъ.

Изъ ружей позднѣйшаго времени, пріобрѣтавшихся въ Австріи, а частью отнимавшихся у турокъ и заряжавшихся не сзади, извѣстны: *капсулача* или *мушкет*, то-же самое и *флинта:* «Голе флинте држе преко крила». Охотничье ружье назыв. *лов-ница*, съ двумя стволами *самокрес*, все равно какъ и пистолетъ (упоминается и «о четире грла»). Большая часть этихъ ружей была кремневая.

Носили ружье всегда черезъ лѣвое плечо, и только недавно перемѣнили на правое. Чтобы ружье не терло одежды, на лѣвомъ боку носился кусокъ кожи, *партаљ*, (т. II, ч. 1-я стр. 515).

Для смазки всегда носили *уљарицу*: это коробочка изъ мѣди, въ которой держалось деревянное масло или другая какая-либо мазь. У арнаутовъ для той-же цѣли служатъ *кулеты:* такая-же коробочка иногда серебряная, съ висящими кистями.

б) *Пистолеты.*

Общее названіе пистолета—*кумбура* и рѣдко—*пистољ*.

На первомъ планѣ здѣсь находятся *леденице*, названныя такъ по серебряной оправѣ, которая цѣликомъ вылита въ формѣ,

а не въ видѣ филиграна или инкрустацій. Это литое серебро и называютъ *лед*, и говорятъ: «вас у леду».

Между леденицами различаютъ: *махмутлинка* или *бушатлинка*—самая лучшая по стрѣльбѣ и самая тонкая по отдѣлкѣ; *ибрахимпашинков* — въ родѣ первой и тоже цѣнится высоко; *тушинков*—немного уступаетъ первымъ; *арчаjлиjа*—съ болѣе широкимъ дуломъ и потому требующая больше пороху, отъ чего и получила свое названіе (отъ *арач*—трата, издержки); у нея ложе деревянное, а прикладъ серебряный съ узорами, по стволу-же вовсе нѣтъ серебра. Простые пистолеты: *босанке* — съ прикладами круглыми изъ серебра и съ серебряною-же остальною оправой съ узоромъ пузырчатымъ, въ родѣ шишек (*краставе*); *дибранке, скадранке, змиjоглаве* съ прикладами изъ мѣди; *пећанке* (изъ г. Печи), *ђаковачке* (изъ г. Дьяковицы въ Албаніи) — съ прикладами изъ какого-то бѣлаго металла (*биjеле мjеди*), но не серебра; *шпагарице* — пистонные съ однимъ или двумя стволами, небольшіе, такъ что можно спрятать въ карманъ, откуда и названіе (*шпаг*—карманъ).

Пистолеты въ настоящее время замѣнены револьверами, но у нѣкоторыхъ еще сохраняются дома, безъ употребленія, и очень рѣдко можно увидѣть у кого-нибудь за поясомъ; леденицы также хранятся какъ наслѣдство напоминающее имъ геройскіе подвиги предковъ; а иногда ихъ и носятъ, какъ нарядное оружіе; иные-же ихъ держатъ про черный день, чтобы въ нуждѣ продать какому-нибудь иностранцу или другому богатому человѣку.

в) *Отдѣльныя части оружія и его употребленіе.*

Приведемъ въ заключеніе и названія всѣхъ частей огнестрѣльнаго оружія.

Стволъ назыв. *циjев,* иногда *грло*; прикладъ и ложе вмѣстѣ — *кундак*; а прикладъ собственно — *столица* или *глава од пушке*, послѣднее собственно у пистолетовъ, и также — *jабука;* весь замокъ — *табан*, а курокъ — *ороз;* подушки, въ которыя

вставляется кремень — *чеъуст;* огниво — *кресиво*, *чакмак* или *чарак* (во множ. ч. *чаркови*); собачка, посредствомъ которой спускается курокъ, — *мицалька*, *омицало*, *одпонац*; дужка вокругъ него — *браник;* полка, куда сыплется порохъ, — *прашник* и *каменица*, а идущее отъ него въ стволъ отверстіе, затравка — *фаъа*; пружина внутри замка, управляющая взводомъ и спускомъ курка, — *лук;* прицѣлъ регулирующій разстоянія, исключительно на шеишанѣ и рѣдко на джефердарѣ, — *канат;* поэтому говорится: «подигао је на четире каната»; цѣль на концѣ ствола — *сеньал*.

Заряжать ружье или пистолетъ — *пунити*; для прибитія заряда служитъ *шибка* (шомполъ); а для пистолета была особенная желѣзная палочка съ мѣдною головкой, иногда и съ кольцомъ, — *арбија*. Зарядъ прибивался пыжомъ изъ пакли, назыв. *ступа*. Издавна стали употреблять готовые заряды въ патронахъ, называемые по-турецки *фишек*, которые носили просто въ торбицѣ (сумкѣ); а иногда по-албански въ ременномъ поясѣ, въ которомъ сдѣланы гнѣзда для патроновъ, или въ отдѣльной кожаной сумочкѣ назыв. — *фишеклија*.

Свинецъ для пуль и порохъ получали изъ-за границы, сначала отъ Венеціанской республики, а послѣ изъ Австріи; но въ то-же время черногорцы и сами умѣли приготовлять порохъ, для чего пріобрѣтали только сѣру, а селитру собирали въ пещерахъ, которыя въ продолженіи десятковъ лѣтъ служили стойломъ для скота; лучшимъ углемъ считался изъ лѣсковины (простого орѣшника).

Пули (*зрно*, *балота*, *куршум*) отливали въ формѣ (*калуп*) изъ желѣза или стали, которую тоже сами дѣлали. Пуля была особенной формы: она была коническая, а на концѣ плоской части придѣланъ, на шейкѣ, родъ пуговки, къ которой посредствомъ толстой нитки прикрѣплялся патронъ съ порохомъ, откуда и говорится: «не дам ти ни реп од зрна». Иногда забивали въ одинъ зарядъ двѣ пули, связанныя цѣпочкой, и такая двойная пуля назыв. *синджирлија*; поэтому говорится:

Међу токе у прсе широке
Убила га зрна од синджира.

Иносказательно такія пули называются близнецами: «два брата близнака».

Не входимъ въ описаніе новѣйшаго оружія, которое въ настоящее время черногорскимъ правительствомъ пріобрѣтается за границей и раздается всѣмъ черногорцамъ, способнымъ носить оружіе, какъ ружья Крнки, Верндля, наконецъ русскія берданки *), всѣ онѣ извѣстны (ружья послѣднихъ двухъ системъ еще и не были испробованы въ войнѣ): замѣтимъ только, что до послѣдняго времени самымъ лучшимъ считалось ружье Пибоди Мартини, распространенное въ Турціи и главнымъ образомъ у албанцевъ и переходившее къ черногорцамъ, какъ военная добыча; они называютъ его *мартинка* или *глува*, *глувача*, вслѣдствіе того что нѣтъ наружнаго замка. Револьверы пріобрѣтаются изъ Австріи, гдѣ они приготовляются спеціально для Черногоріи и отличаются величиной и сильнымъ боемъ; они такъ и называются черногорскими, при томъ всѣ съ нумерами, которые при выдачѣ изъ министерства записываются. Сабли теперь все прямыя и частью получены изъ Россіи, а больше покупаются въ Австріи, и только у нѣкоторыхъ еще сохраняются кривыя турецкія.

Что касается пушекъ, то, кромѣ старыхъ, пріобрѣтенныхъ въ послѣднюю войну, есть нѣсколько батарей новыхъ крупповскихъ. Надобно замѣтить, что черногорцы очень любятъ артиллерію и придаютъ ей большое значеніе; но сами не особенно боятся пушечныхъ выстрѣловъ, боясь больше выстрѣловъ ружейныхъ.

---

*) Въ 1898 г. получены изъ Россіи-же и скорострѣльныя ружья новѣйшей системы.

Оружіе, всегда получавшееся въ Черногоріи изъ-за границы, въ старое время имѣло большую цѣнность. За лучшаго вола едва можно было купить среднее ружье, *брешку* или *латинку*, при томъ безъ серебряныхъ или другихъ украшеній; джефердары были очень рѣдки и за нихъ приходилось отдавать 4—5 воловъ; а ханджаръ и пара леденицъ цѣнились еще дороже, вслѣдствіе ихъ богатаго украшенія; одна штука стоила до 50 талеровъ. Бывало, за пару леденицъ и ханджаръ въ серебряной оправѣ, иногда съ золотою насѣчкой и кораллами, платили до 300 тал. Поэтому лучшимъ оружіемъ обладали только главари и зажиточные люди; впрочемъ, тогда не было ни большихъ богачей, ни совершенныхъ бѣдняковъ, а въ то-же время всякій могъ пріобрѣсть хорошее оружіе въ битвѣ, снявъ его съ пораженнаго имъ непріятеля. Обычнымъ-же оружіемъ черногорца были: брешка, латинка и шешана; а за поясомъ простой ножъ или црнокорацъ и пистолетъ скадранка, а потомъ кумбура.

Какъ относился черногорецъ къ этому оружію и какъ имъ дѣйствовалъ, увидимъ при изложеніи войны и способовъ воеванья, о чемъ скажемъ дальше.

2. Участіе Черногоріи въ общеевропейскихъ военныхъ дѣлахъ и ея военное значеніе.

Въ исторической части нашего сочиненія мы показали, какъ въ затѣѣ Карла II Гонзаго Неверскаго (1614 г.), имѣвшей цѣлью изгнаніе турокъ изъ Европы, Черногорія была избрана базисомъ для дѣйствія противъ нихъ, какъ страна свободная, никогда не покорявшаяся Турціи (т. I, стр. 737—743). Въ 1784 г. Австрія, Польша и Венеція, начавши войну съ Турціей, тоже приглашаютъ Черногорію къ участію въ ней, и черногорцы помогаютъ венеціанцамъ отнять у турокъ Новый (Castel Nuovo) въ Боккѣ и въ то-же время Будвѣ помогаютъ отбить

Сулеймана-пашу съ десятитысячнымъ войскомъ. Въ 1711 г. они по приглашенію русскаго императора Петра I поднимаются противъ турокъ и одерживаютъ надъ ними славную побѣду въ Царевомъ-лазѣ, въ предѣлахъ Черногоріи, а затѣмъ переходятъ и на турецкую территорію, съ успѣхомъ осаждаютъ тур. крѣпости Никшичъ, Спужъ, Подгорицу и Жаблякъ, и останавливаются только вслѣдствіе заключеннаго Петромъ В. Прутскаго договора съ Турціей. Въ 1714 г. турки разгромили Черногорію, благодаря безучастному отношенію Венеціи, отказавшей ей въ боевыхъ припасахъ; не смотря на это въ 1718 г. они по приглашенію Венеціи громятъ Баръ и Ульцинъ, которые однако оставляютъ, также вслѣдствіе того что не были поддержаны венеціанами. Въ 1769 г. къ Черногоріи обращается Екатерина II; посланникъ ея кн. Долгорукій не имѣлъ успѣха, потому что она сама тогда переживала смутное время, вслѣдствіе появленія проходимца Степана Малаго, назвавшагося русскимъ императоромъ Петромъ III; но это не помѣшало имъ нанести нѣсколько пораженій туркамъ.

Съ 1806—814 г. черногорцы вмѣстѣ съ русскими принимаютъ самое дѣятельное участіе въ войнѣ противъ французовъ въ Боккѣ и Далмаціи. Объ этомъ есть прекрасное сочиненіе В. Броневскаго—Записки морского офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ отъ 1805 по 1810 г. (Спб. ч. I, 1818, ч. II, 1819; извлеч. въ нашемъ соч. т. I, стр. 840—78).

Въ 1849 г., когда русскія войска вступили въ Венгрію, черногорскій владыка Петръ II самъ хотѣлъ отправиться туда же и вотъ что писалъ онъ по этому поводу гр. Орлову въ Варшаву: «Высокій мой покровитель отправляетъ свое войско погасить пламень буянства, вспыхнувшій въ Венгріи. Мы въ томъ душевное участіе беремъ по чувству единоплеменія съ Россіей и всегдашней черногорской преданности къ трону всероссійскому. Для того и обращаюсь къ Вамъ, графъ Орловъ, какъ особѣ близкой великаго монарха, умоляя Васъ исходатайствовать у могучаго царя, чтобы мнѣ позволили отправиться съ 4—5-ю ты-

сячами черногорцевъ и соединиться съ вашимъ войскомъ противъ венгерцевъ.

«Сѣверная Венгрія — гористый предѣлъ, а наше войско — проворные горцы; я надѣюсь, что они тамъ отъ великой пользы будутъ. Слава Богу, Россія могущественна; однако-же я сильно желаю показать дѣломъ нашу душевную преданность государю императору и единоплеменной Россіи. Я надѣюсь, что государь доволенъ будетъ поведеніемъ и сраженіемъ черногорскимъ».

Въ то время не оказалось потребности въ черногорскомъ участіи, хотя они могли бы участвовать подобно сербамъ Княжества; а въ послѣднюю нашу войну съ Турціей Черногорія привлекла на себя лучшія турецкія войска съ лучшими генералами, какъ Сулейманъ-паша, Мехмедъ-Али-паша и Дервишъ-паша, и тѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ до нѣкоторой степени облегченъ переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай, такъ же какъ переходъ этотъ въ дальнѣйшемъ ходѣ войны спасъ отъ погрома Черногорію.

Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, какое значеніе Черногорія имѣла всегда въ войнѣ противъ Турціи для всей Европы.

Обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что, призываемыя дѣйствовать внѣ своего отечества, черногорцы оказываются такими-же хорошими воинами, какъ и среди своихъ родныхъ скалъ.

И не съ одними турками они воевали, но и съ французами; а въ 1838 г. имѣли столкновеніе и съ австрійцами, и во всѣхъ этихъ случаяхъ они дѣйствовали съ успѣхомъ. Что касается французовъ, то, дѣйствуя противъ нихъ постоянно съ участіемъ русскаго войска, въ 1813 г. черногорцы безъ содѣйствія русскихъ отняли у французовъ Будву и послѣ того разбили французскій отрядъ, шедшій ей на выручку, и въ тотъ-же разъ приступомъ взяли крѣпость Тройцу.

По словамъ Броневскаго, главнокомандующій русскихъ войскъ вице-адмиралъ Сенявинъ высоко цѣнилъ боевую способность черногорцевъ, а въ ихъ вождѣ, владыкѣ Петрѣ I, при-

знавалъ хорошаго предводителя и потому давалъ ему полную свободу дѣйствія, въ чемъ никогда не приходилось раскаяваться; а напротивъ, русскіе два раза пострадали, подъ Клобукомъ и Никшичемъ, вслѣдствіе того, что не послѣдовали его совѣтамъ.

Броневскій, съ одной стороны указываетъ на неудобство черногорской военной организаціи, допускающей каждому по своей волѣ итти на войну или воротиться домой, съ другой—признаетъ, что, поставленные въ положеніе регулярныхъ войскъ, какъ то и было сдѣлано на опытѣ, черногорцы представляютъ собою отличное войско. Мало того: не бывавши никогда на морѣ и страшившіеся его, они потомъ скоро привыкли къ нему и были моряки настоящіе.

Но, само собою разумѣется, они были искусны больше всего въ войнѣ съ турками, которые съ особенною силою и постоянствомъ стали тѣснить Черногорію съ начала XVIII в., т. е. когда она завязала сношенія съ Россіей.

Эта война главнымъ образомъ была оборонительная; но мы нигдѣ не видимъ, чтобы турки съ того времени расширились на счетъ Черногоріи; а напротивъ отъ Турціи постепенно отторгаются и примыкаютъ къ Черногоріи племена бѣлопавличей, кучъ, васоевичей и др. Владыка Петръ II въ 1842 г. отнялъ у турокъ Грахово, хотя и потерялъ за то островъ Вранину, который, не имѣя почти никакого стратегическаго значенія, былъ дорогъ черногорцамъ только своею святынею, монастыремъ св. Николая, построеннымъ еще во время сербскаго просвѣтителя архіеп. Саввы. Въ отдѣльности, черногорскія племена вездѣ оттѣснили турокъ дальше отъ своихъ границъ и овладѣли ихъ пастбищами: озрииичи вытѣснили ихъ съ Ластвы и изъ Рудинъ; пиперы отняли у нихъ обширную планину (пастбищныя мѣста на высокихъ горахъ) Лукавицу; васоевичи завладѣли такой же планиной Бѣласицей. И въ этомъ случаѣ, значитъ, война была не исключительно оборонительная и происходила иногда внѣ предѣловъ Черногоріи.

А между тѣмъ существуетъ общее мнѣніе, что черногорцы

остались свободными, благодаря только неприступности своихъ скалъ и ихъ безплодію, такъ какъ онѣ никому не были нужны и никто не старался ихъ покорить.

Представителемъ такого взгляда можетъ служить Ами Буэ, соч. котораго «La Turquie d'Europe» (4 тома, Paris, 1840) до сихъ поръ представляетъ единственное всестороннее описаніе цѣлаго Балканскаго полуострова, куда, какъ часть его, входитъ и Черногорія.

Въ 4 т. есть глава (II), заключающая въ себѣ «Rapports politiques des peuples de la Turquie d'Eur.», въ которой значительное мѣсто дано и Черногоріи (стр. 130—133) и между прочимъ находятся такія статьи: Leur (des Monténégrins) position relativement à Cattaro; Imperfection de leur gouvernement и Manière de civiliser le Monténégro.

Это — совѣты, какимъ образомъ заставить черногорцевъ сначала подчиниться верховной власти султана въ разсчетѣ, что потомъ можно будетъ достигнуть «leur soumission à une suzeraineté nominale d'un grand monarque juste et tolérant». Этого можно достигнуть, давши имъ болѣе удобныя мѣста для поселеній, послѣ чего они сами постепенно бросятъ свои скалы, которыя сдѣлаются тѣмъ же, чѣмъ когда-то были, т. е. мѣстами лѣтнихъ пастбищъ. «Итакъ, — заключаетъ онъ — совершенно напрасно жертвовать солдатами для завоеванія скалъ, которыми можно овладѣть à la longue безъ пролитія крови и только при помощи нѣкоторыхъ хорошо разсчитанныхъ мѣръ sans arrière pensée de catholicisme». Въ физическомъ описаніи прямо говорится, что Черногорія сохранила свою независимость только «à cause de sa stérilité et de l'âpreté de ses montagnes; sans cela il sera depuis longtemps subjugué» (стр. 26). А если произойдетъ раздѣлъ Турціи, то Черногорія достанется тому, кто будетъ владѣть Горней-Албаніей или Герцеговиной, и для этого нужно только не доставлять ей боевой муниціи и открыть ей равнины для поселеній и т. д. (стр. 27).

Ученый французъ, объясняя положеніе черногорцевъ исклю-

чительно вліяніемъ физическихъ условій, въ которыхъ они находятся, упускаетъ изъ виду, что природа оказываетъ сильное вліяніе на выработку характера живущаго тамъ населенія, и та суровая, неподдающаяся легко усиліямъ человѣка природа Черногоріи создала такое же населеніе, чего никакъ нельзя упускать изъ вида. И чрезвычайно странно мнѣніе, будто Черногорія осталась свободною только потому, что никто не хотѣлъ ее завоевывать.

Напротивъ, Турція для покоренія Черногоріи употребляла всѣ свои усилія, сопровождавшіяся жертвами и потерями, которыми расшатывался ея собственный организмъ; но только все было напрасно. Стремилась къ тому-же и Венеція, только, конечно, не прибѣгая къ войнѣ; были помыслы о томъ-же и у Франціи, какъ теперь, можетъ быть, у Австріи. Но тутъ приходится имѣть дѣло не съ одними горами и неприступными скалами, а и съ народомъ, который вѣками закалился и сдѣлался также твердъ, какъ скалы, среди которыхъ живетъ. Невольно, такъ сказать, сознавая это, Ами-Буэ и предлагаетъ, какъ самое разумное средство для покоренія Черногоріи, — блокировать ее, лишить средствъ существованія и вообще дѣйствовать à la longue.

Это могло однако, случиться въ то время, когда Черногорія была «сирак тужни без нигдје никога»; но далеко не такъ легко въ настоящее время, когда у нея, по черногорскому выраженію, «теплыя плечи» со стороны Россіи. Да и вообще въ политикѣ прошли тѣ времена, когда маленькія единицы служили для удовлетворенія ненасытной алчности великихъ.

Вообще Черногорія въ настоящее время больше, чѣмъ прежде представляетъ собою силу, съ которою непріятелямъ ея не легко считаться; а для пріятелей она представляетъ союзника, на котораго можно положиться.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію главныхъ моментовъ изъ военной жизни черногорскаго народа.

3. Большая война.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить, что это была за война.

Въ главномъ, это была оборонительная война противъ турокъ, которые, занявши равнинную область Зеты, употребляли всѣ свои усилія на то, чтобы покорить себѣ и скалы Черной-Горы, какъ составной части Зетскаго государства, дававшей убѣжище и защиту непокорнымъ элементамъ изъ всѣхъ сербскихъ земель. Цѣль ихъ никогда не была достигнута; но тѣмъ не менѣе они включили Черногорію въ число своихъ провинцій, что̀, къ сожалѣнію, долго признавалось и другими европейскими государствами, кромѣ Россіи.

Причина такого отношенія европейскихъ государствъ, какъ мы показали выше (Т. I, стр. 681), заключалась отчасти въ томъ, что она во всемъ своемъ быту не имѣла никакого образца въ существовавшихъ тогда европейскихъ государствахъ, и потому на нее смотрѣли, какъ на нѣчто незаконное, и желали видѣть ее подчиненною кому бы то ни было, хотя бы и Турціи.

Но, какъ мы видѣли, Черногорія не разъ была приглашаема тѣми же государствами къ участію въ ихъ дѣлахъ, и она исполняла эту роль участницы съ пользою для пригласившихъ и съ честью и голою славой для себя. А въ самостоятельной борьбѣ противъ Турціи она часто переходила въ наступленіе и дѣлала завоеванія отъ этой великой азіатско-европейской державы. Поэтому напрасно турки и ихъ сторонники старались отнять у этой войны ея международный характеръ и низвести ее на рядъ экспедицій со стороны Турціи для приведенія въ повиновеніе вѣчно бунтующей провинціи. Когда наставало временное затишье, если не полнаго мира, то перемирія, тогда между Черногоріей и Турціей были сношенія, какъ между двумя государствами, заключались договоры, которые однако всегда нарушались турками, до сихъ поръ еще плохо понимающими святость договора и не привыкшими соблюдать миръ и порядокъ. Однимъ словомъ, это

была настоящая война между двумя государствами или народами, требовавшая съ той и другой стороны значительнаго напряженія силъ, сопровождавшаяся крупными сраженіями, которыя иногда требовали большой подготовки и искусства и разыгрывались на широкомъ планѣ. Изъ исторіи Черногоріи мы знаемъ, что турки три раза проникали до Цетинья, предавая все опустошенію; но конечный исходъ войны — полное покореніе непріятеля — ни разу не былъ достигнутъ турками: всякій разъ, изъ страха самимъ подвергнуться нападенію, они торопились удалиться, не воспользовавшись своей побѣдой, даже не нанесши Черногоріи большого урона въ людяхъ. При томъ это были моменты, когда въ Черногоріи были какія-либо внутреннія разстройства, вслѣдствіе которыхъ черногорцы и не принимали горячаго участія въ битвахъ и за которыми непремѣнно должно было наступить поднятіе духа, угрожавшее случайному побѣдителю; и, какъ мы видѣли, эти пораженія не мѣшали черногорцамъ вслѣдъ затѣмъ одерживать надъ турками болѣе блестящія побѣды, сопровождавшіяся страшнымъ урономъ въ турецкомъ войскѣ, богатой добычей и многочисленными трофеями, доставшимися побѣдителямъ-черногорцамъ. Такія славныя побѣды одержаны черногорцами въ Царевомъ-лазѣ (1712 г.) и на Крусахъ (1796 г.); менѣе блестящія, сопровождавшіяся однако важными послѣдствіями, были побѣды въ 1756, 1768, 1795 г. и друг.; а менѣе крупныхъ было множество.

Во всѣхъ этихъ сраженіяхъ турки являлись въ подавляющемъ численномъ большинствѣ, несравненно лучше черногорцевъ вооруженные, въ изобиліи снабженные боевыми и другими припасами; предводителями ихъ были паши, беги и другіе, спеціально подготовленные, избранные и опытные военачальники.

Чтобы получить ближайшее понятіе объ этой войнѣ, нужно бы войти въ подробное изображеніе нѣсколькихъ случаевъ, описать самыя сраженія. Къ сожалѣнію, обо всѣхъ этихъ битвахъ мы знаемъ только изъ народнаго преданья и пѣсни, въ которыхъ

поэзія въ значительной степени затемняетъ дѣйствительное событіе. Впрочемъ, главное событіе, побѣды или пораженія, остается всегда нетронутымъ. Если черногорцы пострадали отъ турокъ, то народная пѣсня не скрываетъ того и откровенно выноситъ имена своихъ погибшихъ въ бою; побѣды же подтверждаются такою же гибелью турецкихъ главныхъ предводителей, какъ напр. Махмудъ-паша Бушатлія, и трофеями, которые они не разъ посылали Русскому Двору. Замѣтимъ при этомъ, что о великихъ сраженіяхъ, какъ въ Царевомъ-лазѣ и Крусахъ сохранилось меньше всего подробностей; а пѣсня о битвѣ на Крусахъ чуть ли не самая слабая и мѣшается притомъ съ пѣснью о битвѣ въ Мартиничахъ, бывшей за $2\frac{1}{2}$ мѣсяца передъ тѣмъ. Таково свойство вообще народнаго ума и творчества, что въ великомъ событіи подробности исчезаютъ, а оттого блѣднѣетъ и самое представленіе о цѣломъ событіи. И наоборотъ, относительно другихъ, менѣе крупныхъ происшествій, совершавшихся на небольшомъ пространствѣ и при болѣе ограниченномъ числѣ участвовавшихъ со стороны Черногоріи, сохранилось больше всего подробностей, въ которыхъ такъ живо и ярко рисуется народный способъ веденья дѣла, что какъ будто слушаешь разсказъ очевидца и даже непосредственнаго участника дѣла.

Значительное число этихъ пѣсенъ издано при владыкѣ Петрѣ II и подъ его наблюденіемъ, подъ названіемъ «Српско Огледало» (Сербское зеркало), которымъ историкъ Черногоріи Д. Милаковичъ пользовался, какъ историческимъ матеріаломъ; мы же воспользуемся въ немъ только тѣми частностями, въ которыхъ обрисовывается народный военный духъ и народный способъ воеванья.

На основаніи этого народнаго источника и представимъ нѣсколько случаевъ изъ черногорской войны съ турками.

Впрочемъ относительно сраженія на Крусахъ (1796 г.) мы имѣемъ источникъ, на который можно положиться какъ на историческій документъ; это — записка о немъ русскаго дьякона Алексѣя, служившаго владыкѣ Петру I письмоводителемъ и

главнымъ образомъ для сношеній съ Россіей. Какъ ни коротка эта записка, она даетъ намъ болѣе или менѣе точныя данныя относительно численности войска съ той и другой стороны, о пространствѣ, на которомъ происходила битва, и отчасти объ ея общемъ ходѣ.

Скажемъ однако предварительно, что̀ происходило передъ тѣмъ и какъ подготовлялось это сраженіе.

Битва на Крусахъ составляетъ одно изъ событій и вмѣстѣ съ тѣмъ заключительное дѣйствіе войны, которая длилась не одинъ годъ, а началась съ разоренія Цетинья въ 1785 г. Съ того времени, будучи не въ состояніи удержаться въ Черногоріи сразу, турки повели противъ нея рядъ атакъ съ разныхъ сторонъ: то нападаютъ на Бѣлопавлицкую долину, то на пиперъ, то на Морачу, то опять на мартиничей въ Бѣлопавличахъ. Это была война непрерывная и упорная съ опредѣленною цѣлью истощить Черногорію и покорить во что бы то ни стало. Связанная съ Турціей торговыми выгодами и проникнутая духомъ католическаго прозелитизма, Венеціанская республика никогда не поддерживала Черногоріи; а напротивъ въ угоду Турціи и съ своей стороны выставляла войско противъ черногорцевъ, чтобы закрыть имъ отступленіе на свою землю; а главное — лишала ихъ возможности получать боевые припасы. И Черногорія такимъ образомъ оказывалась совершенно блокированною. Далѣе, о числѣ и расположеніи турецкаго войска мы узнаемъ изъ записки дьякона Алексѣя слѣдующее. Со стороны Турціи въ дѣйствіи было 23,000 войска и въ запасѣ (резервѣ) 17,460, не считая множества башибузуковъ; а со стороны Черногоріи — 6,540 въ дѣйствіи и 3,978 въ запасѣ. При этомъ, кромѣ Крусъ, гдѣ были сосредоточены главныя силы, турецкое войско было разставлено противъ Морачи, Бѣлопавличей, Пѣшивцевъ и въ двухъ мѣстахъ противъ Церминцы, не считая крайней западной границы Черногоріи — Грахова, гдѣ также стояло турецкое войско, о которомъ однако черногорцы въ то время не знали. На всѣхъ этихъ мѣстахъ должно было находиться и черногорское войско; и такъ

оказывается, что боевая линія, не считая Грахова, была растянута въ одну сторону (къ Цермницѣ) верстъ на 50 и въ другую (къ Никшичу) верстъ на 25.

Главный операціонный базисъ турокъ составляла Подгорица, а въ то же время сильный укрѣпленный лагерь находился въ Лѣшкополѣ на Горицѣ (высоты и село), откуда до Подгорицы разстояніе было 1 часъ (ок. 5 в.), а до Крусъ не болѣе $^3/_4$ часа. Въ этомъ лагерѣ турки стояли уже 15 дней, готовясь къ бою. Сильную опору представлялъ г. Спужъ съ крѣпостью и укрѣпленными форпостами, также придвинувшимися къ мѣсту дѣйствія. Все это были очень крѣпкія позиціи, потому что опирались на каменные холмы, которые сами по себѣ представляли укрѣпленія.

Противъ этой турецкой силы одинъ черногорскій отрядъ въ 3,000 чел. подъ командою губернатора Ивана Радонича расположился въ с. Крусахъ, укрѣпившись въ домахъ и сзади его у подножія горы Бусовника, скрывшись въ скалахъ. Другой отрядъ въ 3,590 чел. подъ предводительствомъ владыки Петра стоялъ въ мѣстности Вучьи-Студенци, лицомъ къ Спужу и его форпостамъ, а въ то же время готовясь въ помощь Крусамъ, до которыхъ было верстъ 5—7.

Турецкое войско въ числѣ 15,000 пошло прямо на Крусы четырьмя отрядами, чтобы окружить и уничтожить засѣвшихъ тамъ черногорцевъ. Положеніе села было не высокое и пути къ нему не крутые и не тѣсные; поэтому восхожденіе совершено было быстро и безпрепятственно, и тотчасъ сдѣлана аттака на дома. Несмотря на сильный огонь изъ домовъ, турки пошли на приступъ, сопровождая его сильнымъ крикомъ. На это отвѣтили такимъ-же крикомъ и сильнымъ огнемъ черногорцы изъ-за скалъ Бусовника; эхо скалъ такъ усилило крикъ черногорцевъ, что турки пришли въ нѣкоторое смущеніе; но тотчасъ-же оправились и сдѣлали такой натискъ, что черногорцы поколебались. Въ это время сбоку и съ тыла ударилъ владыка со своимъ свѣжимъ войскомъ и въ то же время подоспѣла помощь отъ Рѣцкой на-

хіи и Цермницы. Тутъ турки окончательно растерялись и бѣжали, а черногорцы били ихъ въ догонку.

Свидѣтель этой битвы дьяконъ Алексѣй говоритъ, что «жаркій бой длился 4 часа (отъ 8 ч. утра до полдня) и войско (турецкое) до тѣхъ поръ стояло на мѣстѣ, пока побѣдители (черногорцы) мѣсто и путь себѣ очистили. На этомъ мѣстѣ было паденіе людей, паденію зданія подобное. Но верхъ благополучія нашей побѣды и совершенное торжество составляетъ то, что съ такою поспѣшностью обратилось въ бѣгство противное турецкое войско, на которое такой страхъ напалъ, что то, что̀ раньше къ оборонѣ имъ служило, того самаго они теперь боялись. Тогда уже *оба наши корпуса* (!), одержавъ совершенную побѣду, погнались за бѣгущими даже и чрезъ самое ихъ лагерное мѣсто и далѣе, сколько возможно было въ такомъ случаѣ побѣдителямъ за бѣгущими успѣвать».

Турокъ въ этой битвѣ погибло такъ много, что для очистки поля отъ труповъ не нашли другого средства, какъ сжигать ихъ. Въ числѣ прочихъ труповъ по незнанію сожжено было и тѣло Махмуда-паши; но раньше отрубленная голова принесена была въ главный станъ, гдѣ и признали, чья она была. Принесенная потомъ на Цетинье, она долго хранилась въ монастырѣ въ особомъ сундучкѣ и недавно только предана землѣ.

Кромѣ войны, которая охватывала всю Черногорію и въ которой участвовали всѣ составлявшія ее племена подъ предводительствомъ ихъ господаря, цетинскаго владыки, безпрестанная война происходила на ея окраинахъ. И въ этой войнѣ турецкаго войска собиралось отъ 10 до 30,000. Ближайшею цѣлью такихъ нападеній было разгромить одну какую-нибудь часть Черногоріи, прежде чѣмъ приспѣетъ ей помощь отъ сосѣдей, а въ такомъ случаѣ туркамъ открывался свободный путь на Цетинье. Слѣдовательно, и въ такомъ случаѣ дѣло шло, если не о покореніи, то о тяжкомъ погромѣ Черногоріи.

Да и что могло назваться въ Черногоріи не окраиной? Впрочемъ, собственное названіе *краишниковъ* присвоивается преимущественно тѣмъ племенамъ, которыя граничили съ турками,

какъ: озриничи, цуцы, бѣлицы, команы, загарчане, цеклиняне и др. И каждая изъ мѣстностей этихъ племенъ имѣетъ свою исторію, состоящую изъ битвъ съ турками въ продолженіи почти двухсотъ лѣтъ.

Съ турецкой стороны это были цѣлыя военныя экспедиціи, которыя предпринимались сильными мѣстными пашами и бегами; таковы были Любовичи, Ченгичи и Ресульбеговичи въ Герцеговинѣ, Бушатліи въ Албаніи; или главарями ближайшихъ къ Черногоріи городовъ, какъ Амза-капитанъ изъ Никшича, Ибрагимъ-паша Пармаковичъ изъ Спужа, бегъ Зотовичъ изъ Скадра, послѣ жившій въ Подгорицѣ, Селимъ-бегъ изъ Бара (Антивари) и др.

Приведемъ изъ этой войны нѣсколько случаевъ, сообщаемыхъ намъ народною пѣсней въ упомянутомъ выше сборникѣ «Српско Огледало»; при чемъ будемъ останавливаться главнымъ образомъ не на самомъ сраженіи, а на способѣ какъ оно велось, и на обстоятельствахъ, обрисовывающихъ духъ и военныя способности народа.

Послѣ погрома Черногоріи въ 1714 г., о которомъ мы уже упоминали, турки ведутъ непрерывный рядъ нападеній на ея окраины, а главнымъ образомъ на цуцкое село Трнины и озриницкое — Чево.

Въ 1717 г. нападаетъ на нихъ герцеговинскій бегъ Ченгичъ Спнанъ-бегъ, имѣя въ виду уничтожить *кулу* кнеза Рогана, «въ которой сушатся турецкія головы и заключаютъ турецкихъ плѣнныхъ, чтобы потомъ брать за нихъ выкупъ» (Срп. Огл. IX). Что представляетъ собою кула, см. наше описаніе ея (т. II, ч. I, стр. 447). Кнезъ Роганъ заперся въ своей кулѣ съ 30-ю удальцами; а въ то-же время, конечно, и другіе жители Трнинъ позапирались въ болѣе крѣпкихъ домахъ, бросивши слабые. Такимъ образомъ туркамъ привелось вести осаду десяти или болѣе блокгаузовъ; дѣло не легкое. А пока они осаждали, успѣли собраться ближніе цуцы, чевляне, велестовцы и бѣлицы и своимъ неожиданнымъ появленіемъ и дружнымъ ударомъ на турокъ, привели ихъ въ смятенье и обратили въ бѣгство. Но бѣгство

было очень трудно, потому что они зашли слишкомъ глубоко внутрь страны, которая представляетъ собою сплошное хаотическое нагроможденіе скалъ и проваловъ между ними, и, попавъ въ нихъ, трудно не сбиться съ пути и въ спокойномъ состояніи, а въ попыхахъ они или падали со скалъ и разбивались, особенно конница, или попадали въ западни, гдѣ ихъ брали живьемъ и уводили въ плѣнъ.

Здѣсь мы видимъ тотъ же маневръ, какъ и на Крусахъ, т. е. пока турки осаждаютъ дома, черногорцы успѣваютъ собраться и нападаютъ на нихъ съ тыла и съ боковъ, въ ту минуту, когда турки значительно пострадали и утомились. То же самое бывало и въ позднѣйшее время; при чемъ, если было время, семейства удаляли въ неприступныя мѣста; но случалось, что оставались и нѣкоторыя изъ женщинъ. Такъ въ 1847 г., когда турки напали на селенья *ускоковъ* Малинско и Стругъ, то въ *чардакъ* *) Алексича, въ числѣ 16 защитниковъ его была и Ружа Лаковича. Этотъ случай и въ немъ подвиги Ружи воспѣты владыкою Петромъ II подъ названіемъ «Чардак Алексича». Около того же времени такую же осаду выдержала и кула Дьюришича въ Цермницѣ.

Турки въ этомъ случаѣ, если верхъ дома былъ деревянный, зажигали его, придвинувши солому и сѣно къ самымъ стѣнамъ на колесахъ и скрываясь за щитами.

Защищались иногда черногорцы въ церквахъ, которыя въ виду этого также строились безъ оконъ и съ маленькими дверями; а окошечко въ алтарѣ представляло собою очень узенькое отверстіе. Случалось, что въ церкви наскоро пробивали пушкарицы и такимъ образомъ отсиживались.

Вторгаясь въ черногорское село, турки безчестили церкви, не имѣя времени ихъ разорить; поэтому въ нихъ обыкновенно и не держалось ничего изъ священной утвари, а хранилась она въ

---

*) То же, что кула; только верхъ деревянный; такіе у дробняковъ и васоевичей.

домѣ священника или же уносилась въ послѣднюю минуту. Тогда турки разбивали колокола, а внутри церкви раскладывали костеръ, наругавшись впередъ надъ стѣнными изображеніями святыхъ. Поэтому черногорцы запирались въ церкви не ради своего спасенія, а для того, чтобъ не дать туркамъ надругаться надъ нею. Такъ въ 1853 г. воевода Мирко, отецъ нынѣшняго князя Николая, отстоялъ Острожскій монастырь, затворившись съ нѣсколькими удальцами въ пещерѣ, гдѣ находились мощи св. Василія, отправленныя въ то время на Цетинье; а въ послѣднюю войну его также защитили отъ Сулеймана-паши. Бѣлопавличи не разъ отстаивали свою церковь (во имя святой Ѳеклы). Но бывало, что защитники и гибли въ церкви. Такъ въ 1714 г., когда визирь Тюприличъ шелъ на Цетинье и все уклонялось съ его пути, бѣлицкій воевода Милія не хотѣлъ оставить свою церковь (во имя Рождества Богородицы) и затворился въ ней съ 12-ю сыновьями и еще нѣсколькими товарищами. Осада длилась 9 дней, и напослѣдокъ турки забрались на крышу, сбросили черепицу и, пробивши отверстіе въ сводѣ, убили всѣхъ. Отъ этого воеводы и теперь въ Бѣлицахъ существуетъ знатный родъ Миличей, возникшій отъ оставшейся беременною его жены.

Спасались и выдерживали осаду черногорцы также и въ пещерахъ, которыми такъ богата Черногорія. Такимъ убѣжищемъ служила пиперамъ ихъ пещера вверху отвѣсныхъ утесовъ въ мѣстности, называемой поэтому Стѣна, съ селомъ того же названія, раскинувшимся у ея подножія, но тоже высоко надъ другими частями Пиперъ.

Она издавна служила убѣжищемъ; а въ 1792 г. въ ней спасались пиперы, когда на нихъ ударилъ Махмудъ-паша Бушатлія. Въ ней же затворялся впослѣдствіи капитанъ Вуле Марковичъ, обороняясь впрочемъ не отъ турокъ, а отъ своихъ же пиперъ, предавшихся туркамъ; и держался онъ тутъ около года, пока не перемѣнились обстоятельства. Въ другой разъ онъ же выдержалъ въ ней осаду въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ (въ 1853 г.), почему она и называется *Вулова-печина*, и ее можно

видѣть съ дороги, идущей отъ Подгорицы въ Даниловъ-градъ, когда поровняешься со Спужемъ.

Еще лучше убѣжище по своему далекому углубленію внутрь представляетъ Граховская пещера, въ которой однажды затворился отъ турокъ воевода Граховскій Яковъ Даковичъ. Турки ничего не могли ему сдѣлать; но его выманили изъ нея обманомъ и умертвили, впередъ намучивши.

Впрочемъ, бывало, что турки направляли въ отверстія этихъ пещеръ пушки и, бросая въ нихъ разрывныя бомбы, производили страшное опустошеніе; тогда осажденные сдавались. Такъ было съ васоевичами, затворившимися въ пещерѣ Жолевицѣ, въ очень давнее время, и съ дробняками не такъ давно въ пещерѣ горы Туріи.

Другой черногорскій маневръ состоитъ въ томъ, что туркамъ не дѣлаютъ никакого сопротивленія, даютъ пройти глубже въ страну и сжечь село, а потомъ уже нападаютъ.

Такъ въ 1722 г. (С. О. XI) нападаютъ турки на село Трнины подъ предводительствомъ невесинскаго бега Любовича, которому удалось увлечь на то и родственника своего по женской линіи требинскаго пашу Хусейна, соблазнивъ его прелестями жены кнеза Рогана, а въ то же время, чтобы отомстить за своего брата Али-бега, убитаго черногорцами въ Соминой, гдѣ онъ охотился. Въ этомъ случаѣ черногорцы бросили свое село на жертву, унесли съ собою все, что было годнаго, такъ что вся добыча турокъ, по насмѣшливому выраженію пѣсни, состояла въ «выщербленной мискѣ, двухъ ложкахъ, одномъ пѣтухѣ и слѣпомъ конѣ, принадлежавшемъ Рогану». Но засѣли черногорцы, приблизительно 1,000 чел., близь дороги, которою турки должны были возвращаться, и тамъ нанесли имъ жестокое пораженіе.

Иногда черногорцы бывали слишкомъ оплошны и совсѣмъ неподготовлены къ встрѣчѣ непріятеля. Тогда они, пропустивши турокъ впередъ, прибѣгали къ какому-нибудь особенному маневру.

Въ 1850 г. *) отправляется на Черногорію боснійскій визирь,

---

*) Српско Огледало, XVIII.

молодой Тьехай-паша, съ 30,000 боснійско-герцоговинскаго войска, а съ нимъ 30 капитановъ (главари округа, какъ Никшичъ и др.). Предпріятіе это объясняется молодостью визиря, желавшаго, конечно, увѣнчать себя военною славой, а въ то же время благопріятствовало тому, по всѣмъ вѣроятіямъ, и нѣсколько разстроенное внутреннее состояніе Черногоріи при слабомъ владыкѣ Саввѣ; такъ какъ въ томъ же году онъ, по требованію народа, долженъ былъ избрать себѣ соправителемъ племянника своего Василія.

Безпрепятственно прошли турки до с. Чевскіе-Убли, откуда легко пройти на Чево, главное мѣсто важнаго въ то время племени озриничей, сломивши которыхъ легко было пройти и на Цетинье. Озриничи одни не смѣли ничего предпринять, а сосѣдніе цуцы также не отваживались безъ своего главнаго вождя Никца Томановича изъ с. Ровинъ, который гостилъ на Нѣгушахъ у своего побратима Тома Жутковича. Услышавъ, однако, объ этомъ, Никацъ тотчасъ отправляется домой и съ нимъ его побратимъ, а на пути къ нимъ присоединился кнезъ Станко изъ с. Предиша со своими бѣлицами. И собралось ихъ такимъ образомъ до 1,500 чел.; а озриницкій сердарь Дьиканъ засѣлъ уже въ скалистомъ хребтѣ возлѣ Убловъ.

Но и тутъ они не смѣли вступить въ открытый бой, а рѣшились на слѣдующее: убить главнаго вождя, зная, что турки въ такомъ случаѣ всегда растеряются, и тогда уже ударить на нихъ со всѣхъ сторонъ и со всею силой, а послѣ того — «что Богъ дастъ и счастье молодецкое».

Исполненіе этого принялъ на себя Никацъ съ 40 избранными товарищами, между которыми были и два побратима. Чтобы достигнуть палатки Тьехая-паши, они приняли видъ, будто хотятъ ему покориться.

Рѣшившись на такой подвигъ, они отправились; но, очутившись лицомъ къ лицу съ дѣломъ, не были равнодушны, и вотъ какъ описываетъ ихъ состояніе пѣсня: «Когда подошли къ тому мѣсту, гдѣ стояли турки, и увидѣли, что все пространство по-

крыто турецкимъ войскомъ, испугались три побратима и съ ними ихъ дружина. Трясутся въ рукахъ у нихъ ружья, отъ дрожи брячатъ на грудяхъ ихъ токи; сидятъ они онѣмѣлые, какъ камни, только туда-сюда поглядываютъ. Да и какъ не испугаться, когда видишь передъ собою неминуемую смерть и жаль становится разстаться съ жизнью? Но тутъ говоритъ имъ Никацъ: «Не бойтесь, соколы, братья мои черногорцы! у меня есть хорошее предзнаменованіе: задрожало все мое тѣло; на нашей сторонѣ съ Божьей помощью будетъ счастье».

Страхъ тутъ былъ не столько за себя, сколько за самое дѣло: погибнуть и не принести никакой пользы, какъ то было съ Милошемъ Обиличемъ на Косовомъ полѣ. Какъ бы то ни было, ободривши своихъ товарищей, три вождя отправляются прямо въ турецкій станъ съ видомъ покорности: но только привели ихъ къ палаткѣ паши и можно было видѣть самого пашу, они быстро обернули свои ружья къ нему и дали залпъ. Паша тутъ же палъ мертвый и изъ бывшихъ съ нимъ семь-восемь беговъ; а затѣмъ, вынувъ ножи, они ринулись черезъ турецкое войско. «Широкая улица отворилась передъ ними,—продолжаетъ пѣсня,—но тутъ же погибло ихъ 34 чел. и между ними Томо Жутковичъ и кнезъ изъ Предиша, а только шестеро ушло и въ томъ числѣ весь израненный Никацъ. Не уйти бы и имъ, если бы не подоспѣло черногорское войско, предводимое сердаремъ Дьякономъ; оно и отбило своихъ соколовъ и ударило на смутившихся турокъ».

Маневръ удался вполнѣ: турки сбитые въ кучу на небольшой равнинѣ, видѣли кругомъ себя только скалы, изъ-за которыхъ мѣтко поражали ихъ черногорскія пули, и много легло ихъ на мѣстѣ; а остальные бѣжали безъ оглядки, побросавши коней, палатки и всѣ свои припасы.

Еще одинъ случай возьмемъ изъ мѣстности на противуположномъ краю Черногоріи, въ Рѣцкой нахіи, при томъ при совершенно другихъ условіяхъ,—бой на Салковинѣ (1840 г.).

Салковина было прежде черногорское село, расположенное на совершенно открытой и низкой равнинѣ, съ одной стороны

которой возвышался высокій каменистый островъ Одринская-гора, принадлежащій Черногоріи, съ другой — турецкая крѣпость Жаблякъ. Село это разселилось, вслѣдствіе усилившихся съ годами наводненій; но въ то время сохранялись еще стѣны брошенныхъ домовъ. Здѣсь и произошла битва; но началось дѣло не отсюда.

Туркамъ вздумалось уничтожить черногорское же село Додоши, находившееся на краю рѣки, какъ разъ подъ Жаблякомъ, въ разстояніи отъ него не больше двухъ верстъ, которому они, однако, ничего не могли сдѣлать, такъ какъ за нимъ невдалекѣ въ горахъ находились другія черногорскія села, всегда готовыя въ помощь додошанамъ. На этотъ разъ изъ Подгорицы и отъ сосѣднихъ арнаутскихъ племенъ собралось турецкаго войска до 7,000, о чемъ додошане ничего не знали. Но замѣтили это движеніе жители с. Рвашей, которые и понеслись на выручку своимъ подъ предводительствомъ Вука Лѣшевича. Поднявши на ноги додошанъ, они вмѣстѣ вступили въ схватку съ турками. Вукъ Лѣшевичъ былъ убитъ тутъ же, но его мѣсто заступилъ додошанинъ, Мрдьенъ Янковичъ.

Въ это время черногорцы увидѣли, что, занявши хоть одну позицію на Салковинѣ, они могутъ дѣйствовать противъ турокъ съ тыла и сбоку; и потому тотчасъ же отдѣлилось 26 человѣкъ и незамѣтно для турокъ они переправились черезъ отдѣлявшій ихъ протокъ Каратуну, заняли одинъ домъ и открыли стрѣльбу въ турокъ.

Тутъ только турки поняли, въ чемъ дѣло, и часть своего войска отправили, чтобы уничтожить засѣвшихъ тамъ черногорцевъ. Эта осада составляетъ главный моментъ во всей битвѣ и потому мы прослѣдимъ ее во всѣхъ частностяхъ по относящейся къ тому пѣснѣ (С. О. LVIII).

Успѣвъ укрыться въ одномъ домѣ, безъ крыши, съ полуразрушенными стѣнами и дверьми, черногорцы съ одной стороны должны были защищать эти двери, въ которыя ломились турки; съ другой—отбивать ихъ отъ стѣнъ, на которыя имъ также легко

было подняться. Одни только и дѣлали, что заряжали ружья и пистолеты, передавая другимъ, которые стрѣляли чрезъ такъ называемыя *пушкарицы*. Но иногда, не успѣвая заряжать ружья, они бились ими *врзимице*, т.-е. съ плеча, прикладами, какъ дубинками. Турки между тѣмъ сосредоточили пальбу въ двери, и тутъ начинаютъ гибнуть черногорцы. Одинъ выстрѣлъ убиваетъ Іова Николина, о которомъ говоритъ пѣсня: «Совсѣмъ еще дитя, но змѣя лютая: осталась послѣ него мать одинокая»; а сквозь него пуля убила Луку Богдановича: оба пали одинъ на другого. Гремятъ выстрѣлы, не переставая, черезъ стѣны и въ двери; и еще у черногорцевъ убили четверыхъ, а шестерыхъ ранили; всѣ 10 пали одинъ возлѣ другого. «Но вотъ бѣда еще пуще! Нашли турки два остожья соломы и, зажегши ее, бросили внутрь дома. Стало душить осажденныхъ дымомъ: а лютые арнауты отъ Хотской горы, Никъ Дьека и родной братъ его Мирашъ, съ голыми ножами кинулись, чтобы отрубить убитымъ головы. Черногорскіе выстрѣлы, однако, положили обоихъ ихъ на мѣстѣ: одного втащили внутрь дома и тамъ отрубили ему голову, другому отрубили голову на порогѣ. Арнауты тогда нападаютъ еще яростнѣе, погибаютъ еще нѣсколько черногорцевъ, а остальнымъ грозитъ гибель неминучая». Но въ это время появляется главное черногорское войско; турки бѣгутъ подъ защиту своей крѣпости, укрываются въ Жаблякъ, откуда уже не смѣли выступить; и тѣмъ бой окончился.

Пропускаемъ битвы, которыя происходили у разныхъ черногорскихъ племенъ: бѣлопавличей, пиперъ, кучъ, васоевичей и др. съ турками, хотя между ними есть очень важныя и въ нѣкоторыхъ частностяхъ дополняющія общую картину, — такъ какъ это задержало бы насъ слишкомъ много. Но, упомянувши выше, какъ черногорцы вмѣстѣ съ нами воевали противъ французовъ, приведемъ одинъ случай изъ ихъ войны и съ австрійцами.

Въ 1838 г. произошло разграниченіе между Черногоріей и Приморьемъ, вступившимъ послѣ подпаденія Венеціанской республики подъ власть Австріи. По этому разграниченію, основан-

ному, конечно, на документахъ, предъявленныхъ Австріей, много земли, считавшейся прежде черногорскою, отошло за австрійскую границу, и это обстоятельство вызвало сильное негодованіе въ черногорцахъ. Австрійскія же власти, вмѣсто того, чтобы смягчить это, сразу повернули дѣло очень круто, и въ августѣ того же года австрійская стража убила одного черногорца, переступившаго границу. Но, чтобы отклонить это отъ себя, австрійцы объявили, что убійство совершено паштровичами (племя въ Приморьѣ), имѣя въ виду въ тоже время поссорить сосѣдей, не только родственныхъ по крови и вѣроисповѣданію, но и одинаковыхъ по нравамъ и обычаямъ. И дѣйствительно тотчасъ же побились паштровичи съ цермничанами, и съ обѣихъ сторонъ пало нѣсколько мертвыхъ и раненыхъ. Пользуясь этимъ столкновеніемъ и смотря на него, какъ на поводъ къ войнѣ, австрійское правительство, кромѣ войскъ мѣстныхъ Которскаго округа, призвало еще войско изъ Дубровника и въ то же время подняло приморцевъ, такъ что собралось войска до 2,000. Собравшееся войско приняло по отношенію къ Черногоріи угрожающее положеніе, а для большаго страха распущенъ былъ слухъ, что идутъ и турки, пропущенные австрійцами черезъ Суторину.

Положеніе правившаго тогда Черногоріей владыки Петра II было затруднительно тѣмъ болѣе, что въ самой Черногоріи было много недовольныхъ заведенными имъ новыми порядками. Онъ, однако, не растерялся и рѣшился защищаться до послѣдней крайности, и тотчасъ послалъ своего двоюроднаго брата Георгія съ 12-ю перяниками, чтобы наскоро собрать цермничанъ и послать на границу, а потомъ должна была собраться и Рѣцкая нахія. Цермничане были тому рады. Австрійцы, не ожидая, чтобы черногорцы собрались такъ охотно и такъ быстро, спокойно стояли на такъ называемой Паштровской горѣ, посрединѣ которой находилось австрійское укрѣпленіе Кропацъ.

Георгій очень ловко обошелъ позицію австрійцевъ и, размѣстивъ свое войско кругомъ, открылъ по нимъ со всѣхъ сторонъ сильный огонь. Командующій австрійскимъ войскомъ Штернъ

былъ этимъ такъ пораженъ, что тотчасъ же выразилъ желаніе вступить въ переговоры, на что Георгій и согласился. Оставивши при себѣ только 10 перяниковъ (личная гвардія) съ сердаремъ Филиппомъ Дьюрашковичемъ и 200 чел. изъ ближайшихъ цермницкихъ селъ, онъ послалъ сказать владыкѣ, что войска больше не требуется, сообщивши о томъ и австрійскому военачальнику.

Но, узнавъ объ этомъ, Штернъ направилъ приморцевъ на черногорскую границу, которые и начали жечь цермницкіе катуны съ запасами сѣна и захватывать скотъ: а самъ занявъ позицію выше черногорцевъ, повелъ на нихъ жестокую аттаку. Георгій однако успѣлъ послать объ этомъ вѣсть владыкѣ и сдѣлать поклнчъ въ Цермницѣ; покуда же приспѣетъ помощь, ему предстояло одно изъ двухъ: сдаться на капитуляцію или взять приступомъ возвышеніе, съ котораго больше всего громили его австрійцы; и черногорцы взяли его. Также и укрѣпленіе Кропацъ, куда скрылись было австрійцы. Тутъ черногорцамъ приспѣла помощь, и австрійцы отступили, оставивши на мѣстѣ 70 человѣкъ убитыми, послѣ чего снова открылись переговоры.

Свѣдѣнія эти мы беремъ у В. М. Г. Медаковича, который вскорѣ послѣ того былъ въ Черногоріи. Онъ же сообщаетъ любопытныя подробности и относительно переговоровъ между обоими военачальниками. «Георгій,—говоритъ онъ,—послалъ сердаря Филиппа Дьюрашковича для переговоровъ съ австрійскимъ военачальникомъ, который спросилъ при этомъ: «А сколько погибло черногорцевъ?» Сердарь ему на это отвѣтилъ: «Изъ нашихъ никто не убитъ; кое-кого только оцарапали (т.-е. легко ранили): а у тебя?»—У меня—никто, отвѣчаетъ Штернъ.—Тогда сердарь, любившій пошутить, спрашиваетъ его со смѣхомъ: «Шутишь ли ты! а вонъ ихъ—*божа ти вjера*—полна долина; не знаю, чьи, только не наши; потому что всѣ въ узкихъ штанахъ, ноги какъ дудки!» Тогда Штернъ попросилъ допустить его посмотрѣть и, когда увидѣлъ, сказалъ: «наши». Затѣмъ онъ попросилъ сердаря: «Нельзя ли, чтобы твои люди перенесли ихъ до казармы?»

Сердарь на это обратился къ своимъ: «Пойдите, ребята, возьмите то мясо и перебросьте къ нимъ». Когда все это было исполнено, Штернъ вынулъ кошелекъ и хотѣлъ заплатить тѣмъ черногорцамъ; но сердарь, въ другихъ случаяхъ любившій деньги, на этотъ разъ отвѣтилъ ему съ презрѣніемъ: «Клянусь Богомъ, не нужно намъ за это мясо ни копѣйки, ни полушки, возьми его даромъ!» *).

4. Четованье и гайдучество.

(Малая война).

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ черногорской войны мы видѣли, что починъ принадлежитъ туркамъ, которые, какъ сильнѣйшая сторона, нападаютъ на Черногорію, а черногорцы только защищаются на собственной территоріи и вступаютъ на турецкую, только преслѣдуя непріятеля. Въ четованьи, напротивъ, нападаютъ черногорцы и при этомъ заходятъ очень далеко въ глубь непріятельской страны. Турки нападали на Черногорію отъ времени до времени, и случалось, что проходило безъ войны два-три года; при томъ, проистекая изъ общаго стремленія Турціи покорить себѣ Черногорію или «поставить ее подъ *арач*» (дань), нападенія эти являлись слѣдствіемъ опредѣленныхъ поводовъ, напр. нападенія черногорскихъ четъ на турецкіе торговые и казенные караваны, убійства кого-либо изъ беговъ или вообще знатнаго турка и т. п. Четованье-же представляло собою явленіе постоянное, не зависящее ни отъ какихъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ или поводовъ. Оно представляло собою такое-же періодическое явленіе, какъ и времена года: начиналось обыкновенно съ Юрьева-дня (23 апр.), а оканчивалось Дмитровымъ днемъ (26 окт.), т.-е. отъ времени, когда лѣсъ одѣвается листомъ, до того времени, когда листъ начинаетъ опадать.

Четованье такъ глубоко вошло въ черногорскую народную жизнь, что сдѣлалось обычнымъ занятіемъ, какъ и другія заня-

*) «П. П. Нѣгош». 1882, стр. 84—88.

тія, распредѣляемыя по временамъ года. По опредѣленію г. Богишича, разница между войною и четованьемъ состоитъ въ томъ, что на войну всякій *долженъ* идти для защиты своего отечества; а въ чету идетъ, кто хочетъ. Но, какъ увидимъ ниже, и четованье было обязательно для каждаго черногорца; тогда какъ и обязательность войны была только въ предѣлахъ одного племени, и случалось, что иныя племена отказывались воевать. Конечно, это осуждалось съ точки зрѣнія нравственной; слѣдовательно, и самая обязательность была нравственная; то же самое было и относительно четованья. Однимъ словомъ, провести границу между войною и четованьемъ по существу дѣла весьма трудно, тѣмъ болѣе, что и послѣднее направлено было только противъ непріятеля отечества, вѣчно грозившаго войною, и часто бывало причиною войны; чета разросталась иногда въ цѣлое войско и начатое ею дѣло заканчивалось большою битвою.

Четованье часто смѣшивается съ гайдучествомъ, которое собственно въ Черногоріи не имѣло почвы и потому развивалось только въ Турціи и другихъ государствахъ, овладѣвшихъ чужими землями и преслѣдовавшихъ чужую народность и вѣру, какъ напр. Венеція въ Далмаціи или Венгрія въ другихъ сербскихъ земляхъ. Тѣмъ не менѣе и въ народной пѣснѣ часто четники называются гайдуками, а предводители ихъ арамбашами (глава разбойниковъ), и гайдуцкая шайка называлась четой. Отождествляя однако то и другое въ названіи, народная же пѣсня дѣлаетъ между ними какое-то принципіальное различіе.

Такъ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что два арамбаши— Вукъ Митюновичъ изъ Велестова и Вукота Балетичъ изъ Чева (по племени оба—озриничи), отправившись въ четованье съ 33 товарищами, остановились у одного мѣста, гдѣ предстояло имъ выбрать путь *вучкій* (волчій) или *айдучкій*. Вукъ Митюновичъ— противъ гайдуцкаго пути и говоритъ Балетичу:

«*Проћ' се врага, ajдучкога трага*;
Но ajдемо уз Ерцеговину».

Не ходи ты гайдуцкой дорогой, а пойдемъ въ Герцеговину.

Но Балетичъ боится отдалиться отъ своихъ овецъ, такъ какъ при нихъ остается только сынъ Раде, а ожидаютъ нападенія турокъ; и потому происходитъ раздѣленіе: Балетичъ пошелъ гайдуцкимъ путемъ и съ нимъ 7—8 человѣкъ; а Митюновичъ пошелъ въ Герцеговину съ остальными 25-ю. Изъ этого видно, что гайдуцкая чета всегда была меньшая числомъ и выполняла задачу меньшаго значенія, держась притомъ близкаго къ своему мѣсту предѣла; тогда какъ настоящая черногорская чета идетъ глубоко въ непріятельскій предѣлъ и готова встрѣтить цѣлое непріятельское войско. Названіе одного пути *волчьимъ* также показываетъ, что съ нимъ соединялось понятіе болѣе широкое и доблестное, такъ какъ въ эпитетѣ *волка*, который часто дается людямъ въ видѣ похвалы, заключается понятіе о смѣломъ и открытомъ образѣ дѣйствія; тогда какъ гайдукъ, не уступая, конечно, никому въ храбрости, всегда дѣйствуетъ скрытно и пробирается путями также болѣе скрытными и узкими.

Есть между ними и болѣе существенная разница. Черногорская чета составлялась изъ людей близкихъ между собою: одного племени или братства, часто ближайшихъ родственниковъ, соединенныхъ общимъ интересомъ, состоящимъ прежде всего въ обезпеченіи себя отъ нападенія турокъ или въ отмщеніи за какой бы то ни было ущербъ; и это было однимъ изъ главныхъ условій, такъ какъ каждая мѣстность имѣла свою чету. Черногорскій четникъ не былъ лишенъ своего отечества, какъ гайдукъ; онъ былъ человѣкъ семейный и домовитый и, если не былъ хорошимъ земледѣльцемъ, то былъ хорошимъ скотоводомъ. Въ четованьи онъ проводилъ извѣстное время и потомъ сидѣлъ дома.

Гайдуцкая-же шайка составлялась изъ личностей, собравшихся изъ различныхъ краевъ, часто предварительно не знавшихъ другъ друга. Ихъ не связывалъ никакой интересъ, кромѣ непримпримой ненависти къ притѣснителямъ своего отечества и личныхъ враговъ, которые лишили ихъ дома и заставили скитаться по бѣлому свѣту.

У черногорской четы цѣль составлялъ *шитьяръ*, т.-е. до-

быча, нажива на счетъ непріятеля; а бой служилъ только средствомъ для достиженія цѣли, доставляя въ тоже время случай показать свою ловкость и молодечество. У гайдуковъ-же, хотя добычею и обезпечивалось ихъ матеріальное существованіе, на первомъ планѣ была месть врагамъ, при томъ месть самая жестокая, не дававшая пощады ни полу, ни возрасту. Гайдуку мало того, чтобы уничтожить своего врага; ему нужно свою жертву намучить, хотя бы то было малое дитя, непричастное къ его страданью.

Въ черногорскихъ четникахъ не было личнаго ожесточенія противъ турокъ; и потому, совладавши съ непріятелемъ, они его убиваютъ и отрубаютъ ему голову, не подвергая однако никакимъ мукамъ; а если захватываютъ въ плѣнъ, чтобы получить хорошій выкупъ, то обходятся съ нимъ мягко, благодушно, какъ съ равнымъ и своимъ человѣкомъ. Женщинъ-же и дѣтей положительно не трогали, въ чемъ далеко не такъ великодушно поступали турки.

Внѣ четованья черногорцы съ турками *братимились* и заключали взаимные договоры, которымъ также чаще всего измѣняли турки; взаимно вступали они въ *шишано кумство* (постригъ маленькихъ дѣтей).

Нерѣдко случалось, что они пируютъ вмѣстѣ, при чемъ турки не брезгуютъ виномъ и *ракіей* (виноградная водка); а потомъ и побьются. Турки со своей стороны также четовали противъ черногорцевъ, и ихъ сезонъ былъ другой, около Петрова-дня (20 іюня),—

Док удари коса у сијено,
Похара се трава на планину.

(Когда косы станутъ косить сѣно, и на планинахъ трава будетъ потравлена),

т.-е. когда черногорцы выпасутъ свои пастбища на горахъ и должны будутъ спуститься съ своимъ скотомъ внизъ; а низ-

менности всѣ находились во владѣніи турокъ. То-же самое бывало и зимой, когда черногорцы прикочевывали со скотомъ на турецкую землю въ низинахъ, гдѣ не было снѣгу. Какъ тѣ, такъ и другіе, конечно, старались застать другъ друга врасплохъ; но турки никогда не углублялись такъ далеко въ Черногорію, какъ черногорцы въ ихъ земли. При томъ *калаузами* (указателями пути) турецкихъ четъ, а иногда и предводителями ихъ, были всегда почти черногорскіе ускоки.

Иногда чета черногорская и чета турецкая встрѣчались, и тогда, конечно, происходила схватка. Это были какіе-то турниры или *мейданы* (поединки), въ которыхъ нѣтъ мѣста чувству мести или озлобленія, а только сильное возбужденіе и одушевленіе, какъ въ какой-нибудь азартной, соединенной съ большимъ рискомъ игрѣ, гдѣ ставится на ставку голова. Здѣсь рѣшается вопросъ, *ко је витез,* причемъ ведется счетъ побѣдамъ и отрубленнымъ головамъ. На этомъ основывалось такъ называемое *пребіянье*, т.-е. сверстка убитыхъ съ той и другой стороны, при чемъ, за неимѣніемъ счетовъ изъ ближайшаго времени и изъ своей собственной среды, относили счетъ на весьма отдаленныя времена. Такъ дробняки съ морачанами, однажды, отправились мстить за Бая Пивлянина, который жилъ и умеръ 200 лѣтъ назадъ.

Не входя болѣе въ формальное опредѣленіе четованья, мы смотримъ на него, какъ на явленіе народной жизни, возникшее и развившееся подъ вліяніемъ совокупности обстоятельствъ, среди которыхъ тогда находился черногорскій народъ. Тутъ дѣйствовали: прежде всего постоянно военное положеніе народа, затѣмъ отсутствіе власти, которая-бы упорядочивала эту жизнь, и наконецъ, имущественная нужда, помочь которой не было другого средства, какъ на счетъ своего вѣчнаго должника, непріятеля.

Но какимъ-бы духомъ ни были проникнуты четы черногорскія, равно какъ и турецкія, ближайшею, матеріальною цѣлью ихъ было поживиться одному на счетъ другого; слѣдова-

тельно, — добыча, состоящая главнымъ образомъ въ скотѣ; а черногорцы пользовались при этомъ также богатымъ оружіемъ и одеждой турокъ.

Турецкія четы нападали на черногорцевъ только тогда, когда они со стадами удалялись отъ своихъ постоянныхъ пастбищъ и жили на *катунахъ*. Тутъ всѣ были *чобаны* (пастухи), которые такимъ образомъ являлись первыми жертвами нападеній и главными участниками во всѣхъ этихъ битвахъ. Поэтому весь кругъ относящихся къ нимъ пѣсенъ можно по справедливости назвать *чобанскимъ*.

Надобно замѣтить, что чобаны въ Черногоріи были лучшіе люди, и въ прежнихъ условіяхъ черногорской жизни они представляли собою людей, такъ сказать, передовыхъ во всемъ. Поэтому исполнять обязанности чобановъ не стыдились и воеводы, сердари и др. народные главари, а въ семьѣ каждый ея членъ проходилъ эту степень обязательно, какъ службу, которая въ то время для маленькаго была повышеніемъ или вступленіемъ на службу. Жизнь черногорскаго чобана проходила, сколько въ пастьбѣ скота и вообще въ уходѣ за нимъ, столько — и даже больше — въ охранѣ его отъ нападеній турокъ. Бродя со своими стадами по окраинамъ, всегда удаленнымъ отъ населенныхъ мѣстъ, и часто по турецкой землѣ, чобаны составляли для своего народа передовую стражу и въ каждомъ бою были не только соучастниками, но, такъ сказать, застрѣльщиками. Изъ нихъ же поэтому выходили и первые *четоводы* или *четобаши* (предводители четъ), дѣлавшіеся потомъ знаменитыми личностями.

Намъ остается еще сказать, изъ сколькихъ человѣкъ составлялась чета.

Между четой въ собственномъ смыслѣ и войскомъ трудно провести границу. Черногорія никогда не располагала опредѣленнымъ числомъ войска, и иногда съ нѣсколькими сотнями принимала на себя удары нѣсколькихъ тысячъ. Поэтому и въ пѣснѣ названія *чета* и *войско* мѣшаются. Такъ одинъ черногорецъ пишетъ:

Покупи ми једну чету малу;
Не мој чету, но велику војску.
(Собери мнѣ небольшую чету; нѣтъ не чету, но большое войско).

И дѣйствительно, тогда собралось 1000 человѣкъ. Но въ другомъ случаѣ то-же число представляетъ собою малое войско. Такъ въ одной пѣснѣ говорится, что съ сердаремъ Бошковичемъ Вуксаномъ изъ Мартиничей и острожскимъ игуменомъ Георгіемъ шло «мало војско, хиляда пушаках» (т. е. тысяча ружей). А М. Медаковичъ, при которомъ четованье еще было въ ходу, говоритъ, что въ четѣ могло быть отъ 20 до 500 чел. *). Въ пѣсняхъ, относящихся къ событіямъ, болѣе отдаленнымъ, когда съ точностью число четниковъ не извѣстно, говорится обыкновенно: «Подигла се една чета мала, оклен се е вазда подизала, чета мала од тридесет другах» **). Это число и можно принять самымъ обычнымъ; но въ помощь ей могло притти и цѣлое войско.

Перейдемъ теперь къ событіямъ изъ четницкой жизни.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ кругомъ пѣсенъ и сказаній о четованьѣ; нѣтъ, кажется, черногорской семьи, въ которой не было хотя бы одного знаменитаго четника, особенно на окраинахъ. Намъ, однако, для того, чтобы ознакомиться съ главными чертами четницкой войны, нѣтъ необходимости распространяться обо всѣхъ ихъ, а достаточно прослѣдить четованье по нѣсколькимъ болѣе замѣчательнымъ личностямъ въ нѣсколькихъ случаяхъ.

---

*) Живот и обичаи Црногораца, стр. 100—106.

**) Т. е.: «поднялася одна малая чета, откуда она всегда поднималась, малая чета изъ тридцати товарищей».

Разсказываютъ, что одна женщина изъ Вукотичей, потерявши въ четованьѣ сына, закляла своихъ, чтобы никогда не ходили въ чету менѣе 120 чел.; но врядъ ли это у нихъ соблюдалось. О цекличахъ говорятъ, что у нихъ такимъ опредѣленнымъ числомъ считается 300 для участія въ какой-нибудь битвѣ, и если будетъ даже больше, когда они напр. соединяются въ одинъ батальонъ, состоящій изъ 600 чел., то непремѣнно должны пострадать.

Такими личностями являются два Томановича въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, съ однимъ изъ которыхъ, Никцемъ изъ Ровинъ, мы уже знакомы; а здѣсь начнемъ по старшинству съ дяди его Вука.

Вотъ одинъ случай изъ его жизни, которая вся прошла въ четованьѣ противъ турокъ или въ оборонѣ отъ ихъ четъ и нападеній.

Въ селѣ Ровинахъ (въ Малыхъ Цуцахъ) у Вука Томановича пируютъ два его побратима: Гавриловичъ Турчинъ (прозвище) и Радуловичъ Симо, оба съ Чева изъ племени озриничей; Вукова жена ихъ угощаетъ. А когда они порядочно выпили вина и отъ вина повеселѣли (заузели тьефа), среди питья затѣяли разговоры. Говоритъ тутъ гайдукъ Вукъ Томановичъ: «О, во имя Бога, мои два побратима! Не въ прокъ вамъ то вино, что попили въ Ровинахъ, когда туркамъ всюду открыты дороги и по нимъ проходятъ ихъ караваны! На Рудинахъ стоятъ турки со стадами, а за насъ никто и не знаетъ».

Изъ этого видно, что значеніе четъ состояло въ непрерывномъ нападеніи на турокъ, чтобы не давать имъ спокойно проходить по дорогамъ и проводить по нимъ караваны съ различнымъ товаромъ. Не можетъ Вукъ Томановичъ смотрѣть и на то, что турки со своими стадами спокойно разгуливали по Рудинамъ, которыя, надобно замѣтить, хотя и граничили съ Черногоріей, но принадлежали никшичанамъ, составляя ихъ планину. Обидно также Вуку, что о нихъ, гайдукахъ, никто ничего не говоритъ, такъ какъ по черногорской пословицѣ: «Тешко вуку, за ким пси не лаю, и юнаку, за ким нема збора» *).

Были, однако, причины такого бездѣйствія со стороны черногорцевъ, на которыя и указываетъ Гавриловичъ Турчинъ:

«По неволѣ, побратимъ мой милый! сильно вооружились турки, и ихъ правители понастроили кулы; а въ кулахъ поставили пандуровъ и стерегутъ они дорогу отъ черногорцевъ».

---

*) Т. е. плохо волку за которымъ псы не лаютъ, и юнаку, о которомъ нѣтъ разговоровъ (что̀ указываетъ на ихъ негодность).

За этимъ идетъ перечисленіе этихъ кулъ: одна въ Банянахъ на пути отъ Требинья; другая на Крестцѣ передъ Никшичемъ, на пути изъ Гацка и Пивы; а въ Рудинахъ двѣ, изъ которыхъ одна—«Омутич-паланка»; въ каждой изъ нихъ по 40 и болѣе пандуровъ, и завѣдуютъ ими отборные *булюкбаши*; въ Омутич-паланкѣ сидитъ знаменитый Сефер-пиперъ изъ Никшича. «Всѣ они стерегутъ дороги къ Рудинамъ и никшицкихъ овецъ въ Рудинахъ».

Такимъ образомъ съ этой стороны Черногорія оцѣплена рядомъ укрѣпленныхъ блокгаузовъ, которые могутъ держаться противъ всякой четы; а стража ихъ также можетъ услѣдить всякую чету.

Все это такъ; но Вукъ Томановичъ выслѣдилъ уже овецъ бега Любовича. «На верхнемъ полѣ Невесинскомъ тысяча барановъ отъ *беглука*, что̀ ему райя доставляетъ въ видѣ дара. Легко могли бы ими поживиться, собравши сорокъ человѣкъ надежныхъ; а что намъ кулы и пандуры!»

Возраженій не было; сказано-сдѣлано. Черезъ день чета готова изъ цуцъ, бѣлицъ и чевлянъ и отправляется, раздѣлившись на три части; въ двухъ отрядахъ по 15 человѣкъ, а съ Вукомъ десятокъ.

Надобно замѣтить, что разстояніе тутъ не малое: по прямой линіи верстъ 80, а по горамъ будетъ и цѣлыхъ сто. Сколько они шли, не извѣстно, но пришли къ назначенному мѣсту прежде сумерекъ и потому спрятались, пока настанетъ ночь, да и отдохнуть нужно и собраться съ силами; а только смерклось, кинулись на чобановъ, которыхъ тутъ было 12 человѣкъ и всѣ вооруженные; ни одного изъ нихъ однако не убили, потому что всѣ они были христіане, только связали и бросили; а овецъ заняли и погнали.

За этимъ слѣдуетъ погоня (*поточ*). Бѣжать скоро съ такимъ большимъ стадомъ невозможно, и потому туркамъ было время собраться.

Въ погоню отправляется сынъ бега Любовича, Османъ-пашичъ съ тремя стами—

«Лака пјешца и брза коњика,
По избору бирана јунака,
А толико хрта и сљедника;
Отидоше поћерати Вука»,—

—легкихъ воиновъ пѣшихъ и конныхъ, молодцовъ отборныхъ, и столько-же гончихъ и ищеекъ; все отправилось за Вукомъ въ погоню.

Погоня быстро приближается; разстояніе между ею и бѣгущими становится все меньше и меньше, такъ что ясно можно слышать, какъ

Стоји вриска пјешца и коњика,
Стоји штехта хрта и сљедњика.

(стоитъ гомонъ отъ пѣшихъ и конныхъ; доносится лай гончихъ и ищеекъ.

Дойдя до Рудинъ, гдѣ были 100 пандуровъ, черногорцы раздѣлились: 20 съ добычею пошли впередъ, а 20 остались съ Вукомъ встрѣтить турокъ.

Ободряя свою дружину, Вукъ заключилъ обычною поговоркой: «један пут се мре» *). Потомъ, размѣстивъ всѣхъ съ двухъ сторонъ долины, по которой должны были проходить турки, онъ дѣлаетъ такое распоряженіе:

Међу собом турке упуштите,
Издалека кавге не чините».
Сва дружина њега послушала,
Улегоше у лист и у траву.

(«пропустите турокъ между собою; не начинайте боя издалека». Вся дружина послушалась Вука, всѣ скрылись въ кусты и траву).

За этимъ слѣдуетъ сцена въ ожиданіи вступленія непріятеля.

*) Отвѣчаетъ нашей поговоркѣ: «Семь смертей не бывать, а одной не миновать».

«Всѣ смотрять одинъ на другого въ ожиданіи, кто откроетъ бой первый: Турчинъ (Гавриловичъ) смотритъ на Томановича Вука, Вукъ смотритъ на Никца, своего сына, Никацъ смотритъ на Радуловича Сима» и т. д.; наконецъ, «Вукъ изъ Бѣлицъ смотритъ на Сенича Живка, юнакъ Живко ни на кого не смотритъ», безъ прицѣла выпалилъ онъ изъ своего джевердара. Сразу убили нѣсколько турокъ и затѣмъ: «Алабанда! завргла се кавга»—черногорцы ударили въ ножи; турки смутились и бѣжали. Османъ-пашичъ попался въ плѣнъ; но, продержавши съ полгода, его отпустили домой по письму боснійскаго валія, за хорошій выкупъ.

Другой случай приведемъ, гдѣ не черногорская чета идетъ на добычу въ Турцію, а обратно.

Турки, какъ уже замѣчено, имѣли свое время для нападенія на черногорцевъ.

Вотъ какъ договариваются они между собою:

«Причекај ме до петрова-дана,
Док удари коса у сијено,
Похара-се трава у планину».

Въ это время скудныя пастбища черногорцевъ поистощатся, и они спускаются съ горъ внизъ и часто, по договору съ турками, на ихъ землю за извѣстное вознагражденіе сыромъ, масломъ или скотомъ.

Прежде всего турки, конечно, разузнаютъ, гдѣ сколько скота, и, главное, сколько пастуховъ и кто эти пастухи.

По словамъ пѣсни, вотъ какую картину рисуетъ одинъ турецкій лазутчикъ пославшему его Ибрагиму-пашѣ Пармаковичу въ Спужѣ:

Колико је дола Ријечкога,
Свега су га струге притиснуле;
По долу се рашириле овце,
На овцама чактари бијаху
А чобани биљегу гађају;

Јест оваца педесет стотинах
И хиљада коњах и воловах;
А чобанах стотина пушаках,
Све момчади ка' мрке вучади.

(Сколько можно видѣть Рѣцкой равнины, всю её покрыли стада; по равнинѣ разсыпались овцы; на овцахъ позвякиваютъ звонки; а пастухи стрѣляютъ въ цѣль. Будетъ тутъ овецъ пятьдесятъ сотенъ и тысяча коней и воловъ; а пастуховъ — сотня ружей, все молодежь, какъ сѣрые волки).

Тутъ, значитъ, нечего и думать нападать.

Въ другомъ мѣстѣ «овецъ мало, а много чобановъ», между которыми девять братьевъ Вукотичей, четыре Домазетовича, два брата Вулашевича—все озрпипчи. А туркамъ нужно, гдѣ «овецъ много, а мало чобановъ». Наконецъ, удается *уходить* на Граховскомъ полѣ тридцать табуновъ.

При нихъ нѣтъ добраго юнака, кромѣ сокола Марковича Вука, изъ Трипнъ, села кроваваго (въ Малыхъ-Цуцахъ). И тотъ остался одинъ, пославши 30 пастуховъ на базаръ въ Рисань (Risano), «чтобъ купили вина и табаку, и патроновъ, юнацкаго продовольствія». Тогда выбираются три добрыхъ юнака изъ Никшича—Хаджиманичъ-Дуро, Ходо-барьяктаръ и Иванъ-Бабичъ, ускокъ изъ Пѣшивцевъ (въ Черногоріи), который берется имъ *калаузить*, т. е. итти впереди и указывать путь; съ собою ведутъ чету въ 300 человѣкъ. А въ это время къ Вуку Марковичу приходятъ еще два, тоже Вука, Томановичъ и Бояновичъ, съ цѣлью пригласить его въ чету. Но Марковичъ по какому-то предчувствію не рѣшается, потому что некому остаться при овцахъ, и оставляетъ гостей у себя ночевать, пока воротятся чобаны.

Закололъ хозяинъ яловую овцу, изготовили ужинъ и угостились, чѣмъ Богъ послалъ:

Вечераше три бијесна Вука,
Па чибуке своје запалише,

Уз чибуке се збора зађедоше.
А све Вуци зборе за јунаштво
Колико су главах одкинуше,
Колико су узели пљеновах;
Би л' на овце турци ударили,
Кад би знали, ко је код овацах.
Рече соко Томановић Вуче:
«Да Бог даде, оба побратима,
Ако игда ктели ударити,
Јутрос ни се турци којасили».
Мало прође, не би николико,
Ударише на торину турци.

(Поужинали три молодца Вука и закурили трубки, и покуривая ведутъ бесѣду. А больше говорятъ Вуки о юначествѣ: сколько кто отрубилъ головъ, сколько захватили добычи; ударили-ли бы турки на овецъ, если-бъ знали, кто при овцахъ. Говорилъ Томановичъ Вукъ соколъ: «Дай Богъ, два побратима, чтобы, если хотятъ когда-нибудь ударить, ударили турки нынче утромъ». Мало прошло времени или нисколько, какъ турки ударили на торъ).

Три Вука скрылись въ ближнихъ скалахъ, а Ходо-барьяктаръ, не видя никого, кинулся, чтобы отворить торину. Въ то время раздается выстрѣлъ Вука Марковича:

И дивно је згодио турчина,
На прси му токе оштетио,
А на леђа срце истурио,
Мртав турчин стругу притворио.

(И ловко попалъ въ турка, на груди ему попортилъ токи, а на спину выгналъ сердце; мертвый турокъ (тѣломъ своимъ) затворилъ ворота).

Овецъ однако угоняютъ; но три Вука, скрываясь за скалами,

идутъ за ними; а защищаетъ овецъ Иванъ Бабичъ. На него и кидается хозяинъ тѣхъ овецъ. Вукъ Марковичъ:

Но га Иван гађа джефердаром,
Десну му је ногу саломио;
Паде Вуче у траву на главу.
А прискочи Бабићу Иване,
Да Вукову посијече главу.
Но се Вуче сјећи не даваше,
На здраву се ногу придигао,
А упири свога джефердара,
Те, погоди Бабића Ивана,
Обије му ноге саломио;
Паде Иван Бабић украј Вука.
Као погибе турска буљукбаша,
Сва се турска војска препанула.

Но Иванъ стрѣляетъ въ него изъ джефердара; сломилъ ему правую ногу; падаетъ Вукъ въ траву внизъ головою; а подскочилъ Иванъ Бабичъ, чтобы отрубить Вуку голову. Но Вукъ не дается; приподнимается на здоровую ногу, стрѣляетъ изъ своего джефердара и попалъ въ Бабича Ивана, сломилъ ему обѣ ноги; палъ Иванъ подлѣ Вука. Когда погибъ турецкій булюкбаша, испугалось все турецкое войско.

Къ тому времени приспѣли тридцать чобановъ и погнали турокъ, а овецъ вернули назадъ.

Весело они возвращаются съ овцами и приходятъ на то мѣсто, гдѣ лежитъ раненый Вукъ Марковичъ, а близъ него мертвый Иванъ. Вукъ Томановичъ хотѣлъ было отрубить голову Ивану, но Марковичъ умоляетъ:

«Не, за Бога, Вуче побратиме!
Доста си се главах посјекао;
Но понесте мене на Ивана,
Да крвнику посјечем главу,

Који ми је крило саломио».
Понесоше Вука рањенога,
Те посјече главу Иванову.

«Нѣтъ, ради Бога, побратимъ Вукъ! довольно ты отрубилъ головъ; но понесите меня къ Ивану, пусть я отрублю голову моему злодѣю, который сломилъ мнѣ крыло». Понесли раненаго Вука, и отрубилъ онъ Ивану голову.

Послѣ того оба гостя отправились въ чету, а Марковича положили на носилки, сдѣланныя изъ ружей, и понесли въ Рисань для излѣченья, и только за годъ онъ вылѣчился, давши за то лѣкарю два джефердара Бабича Ивана и Хода-барьяктара.

Опет Вуче код оваца пође;
Ма не може више четовати.

Опять Вукъ пасетъ овецъ; но уже не можетъ больше ходить въ четы.

Неизвѣстно, когда сходитъ со сцены Вукъ Томановичъ, но послѣ его заступаетъ Никацъ изъ Ровинъ, котораго мы уже знаемъ по его дѣлу на Ублахъ-чевскихъ въ 1750 г. Пѣсня называетъ его сыномъ, а въ дѣйствительности онъ былъ племянникъ. Сынъ же его Живко сдѣлался отступникомъ, принялъ магометанство съ именемъ Каримана, вслѣдствіе тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго ему въ Вельихъ-Цуцахъ, которымъ онъ послѣ мстилъ, водя на нихъ турецкія четы.

О Никцѣ ходитъ много сказаній, изъ которыхъ возьмемъ одно, представляющее встрѣчу двухъ четъ—черногорской и турецкой.

Собралась чета по обычаю въ 30 человѣкъ и *передъ нею*, т. е. во главѣ, какъ предводители, два юнака: Никацъ изъ Ровинъ и Раде Балетичъ съ Чева.

Любопытны здѣсь подробности относительно похода четы:

Отидоше четом уз планину,
Док на воду дошли Милетину;

Ту уморна чета починула;
Воде пила, хљеба заложила,
Осушила на ноге опанке
И јуначке струке и торбице.

Отправляются они четой на планину и пришли на Милетину-воду; тутъ усталая чета отдохнула; попила воды и закусила хлѣба, осушила на ногахъ опанки и юнацкія струки и торбицы.

Когда наступила ночь, опять тронулись въ путь:

Притврдише на ноге опанке,
Посриједа пушке дохватише,
Уз Рудине равне загазише.

Ноћно прошли турске карауле;

Освапуше на сред од Рудинах.

Притянули на ногахъ опанки: взяли поперекъ ружья: вошли въ ровныя Рудины. Ночью прошли турецкіе караулы, разсвѣтало имъ посреди Рудинъ.

Здѣсь уже турецкая область и нужно всякую минуту быть наготовѣ. Никацъ идетъ впереди на разстояніи «менѣе пистолетнаго выстрѣла». За тѣмъ слѣдуетъ картинное описаніе самого Никца:

Ал' какав је Никац од Ровинах!
На њему су токе убојите,
Брци му се по њима просули,
А у руке носи џеферадара,
А с пушком се Никац разговара:
«Џеферадаре, мој уздани друже!
Ако мене дође до невоље,
Не мој мене ватром преварити!
Е ако ме ватром не превари,
Свак ће казат и мене, и тебе:

«Добре пушке у добра јунака!»
Ако-ли ме ватром изневјери,
Нагрдићеш и себе, и мене,
Свак ће рећи и мени, и теби:
«Лоше пушке у лоша јунака!» *)

Но каковъ Никацъ изъ Ровинъ! На немъ боевые токи, а по нимъ опустились усы; въ рукахъ-же джефердаръ; съ ружьемъ своимъ онъ разговариваетъ: «Джефердаръ, мой надежный товарищъ! когда прійдетъ мнѣ нужда, не выдай меня осѣчкой! Если ты меня не выдашь, всякій скажетъ обо мнѣ и тебѣ: «Хорошее ружье у хорошаго юнака».

А если ты мнѣ измѣнишь, осрамишь и себя, и меня; и всякій тебѣ и мнѣ скажетъ:

— Плохое ружье у плохого юнака.

Идутъ они съ цѣлью угнать скотъ у Асанъ-аги Звиздича изъ его кулы на Крстцѣ въ Никшицкой-дугѣ (8 часовъ разстоянія отъ Никшича). Въ то же время тронулась турецкая чета отъ Никшича подъ предводительствомъ ихъ первыхъ юнаковъ Сефера-Пипера и Сукича-барьяктара.

Замѣтивши черногорскую чету и увидѣвъ, кто передъ нею, они притаились и дали черногорцамъ пройти впередъ, а между тѣмъ дали знать въ Никшичъ и поручили привести имъ еще войска, «ђегод нађеш злице и крвавца, а пред њима Шаба-барьяктара», чтобы напасть на обратномъ пути у той-же Милетиной-воды:

Кад уморни дођу црногорци,
На воду ће жедни окренути.

---

*) Въ другомъ мѣстѣ къ этому добавляется:

Ако здраво дођем у Ровине,
Стевењ ћу ти други направити,
А уз тебе од злата пасове;
Главу ћу ти сребром оковати.

Если цѣлъ вернусь въ Ровины, то сдѣлаю тебѣ прикладъ новый, а по стволу золотые пояски, голову твою окую серебромъ.

Ту ми турци западоше,
Западоше шесдесет турака:
По два друга око друма-пута,
На сред пута Сефере-Пипере.

Когда прійдутъ усталые черногорцы, они отъ жажды свернутъ къ водѣ. Тутъ турки засѣли, засѣло ихъ 60 турокъ: по двое около пути-дороги, посрединѣ Сефер-Пипер, который долженъ былъ открыть бой выстрѣломъ въ Никца.

Какъ предполагали, такъ и сбылось. Черногорская чета возвращалась со скотомъ, захваченнымъ изъ кулы Звиздича, и впереди Никацъ, котораго только и ждетъ Сеферъ-Пиперъ:

Да га чека, чекати не смије,
Није лако Никца дочекати!
И у страху пушку опалио,
Те је Никца раном обранио,
Саломи му ногу у кољено;
Паде Никац насред друма пута.

Подождать бы, ждать не смѣетъ; нелегко встрѣтить Никца! въ страхѣ стрѣляетъ изъ ружья и ранилъ Никца, сломилъ ему ногу въ колѣнѣ; упалъ Никацъ посреди дороги.

Тутъ началась общая свалка:

Турци вичу Мујa и Алију,
Црногорци блажену Марију;
Ђе допире блажена Марија,
Не помаже Мујо, ни Алија.

Турки призываютъ Мухамеда и Алію, черногорцы блаженную Марію; гдѣ блаженная Марія, тамъ не помогаютъ Мухамедъ и Алія.

Турки начали уже отступать:

Но Бог уби друга најгрђега
Из Ровинах Вучу Рескoвића!

«Но убей, Боже, товарища самаго послѣдняго изъ Ровинъ Вучу Ресковича!» который закричалъ, что идетъ большое турецкое войско отъ Грахова.

Вступать въ бой съ новымъ войскомъ, конечно, было невозможно, и какъ ни храбры черногорцы, а тутъ струсили и бѣжали, бросивши добычу, и захватили съ собою только своихъ раненыхъ Никца и Жутка Аппллянина и мертваго Живка изъ Залютья.

Какъ былъ Никацъ раненъ, мы видѣли; но и Сефера-Пипера тутъ же убилъ Раде Балетичъ; а въ то же время Шабобарьяктаръ кинулся на Никца съ ножомъ, чтобы отрубить ему голову; но раненый убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета; только Сукичъ-барьяктаръ безнаказанно убилъ Живка изъ Залютья. Пропускаемъ подробности описанія, какимъ образомъ черногорцы угнали скотъ, перелѣзши черезъ каменную высокую стѣну и отворивши ворота, для чего одинъ становился на плечи другого.

Это черногорцы продѣлывали часто. Иногда три человѣка такимъ образомъ забирались во дворъ и угоняли всю скотину, чему отчасти помогала турецкая безпечность и гаремная жизнь, располагающая къ нѣгѣ. Сонъ турка, полагающагося на твердость и неприступность его кулы, бываетъ такъ крѣпокъ, что черногорскій гайдукъ забирается въ его внутренніе покои, снимаетъ со стѣны все его оружіе, переодѣвается въ его платье и уходитъ благополучно. Иногда впрочемъ, и пробудившись, онъ не смѣетъ шевельнуться, такъ какъ не имѣетъ черногорскаго обычая спать, не раздѣваясь и не снимая съ себя оружія.

Послѣ описаннаго случая Никацъ вылѣчился отъ раны и опять мы видимъ его на излюбленныхъ имъ Изворахъ только со своими юными сыновьями Богданомъ и Вукайломъ, да вѣрнымъ псомъ Гаровомъ. Тутъ его нашла и смерть.

Хотя онъ сидѣлъ на Изворахъ, договорившись впередъ съ турками, но все-таки имъ не вѣрилъ и берегся. Цѣлую ночь онъ просиживалъ на какой-нибудь вершинѣ, не выпуская изъ рукъ

джефердара, зорко ко всему присматриваясь и ко всему прислушиваясь, и только днемъ ложился спать, передавая стражу дѣтямъ. Однажды онъ, просидѣвши такъ всю ночь, утромъ захотѣлъ спать.

Тада Никцу санак одолио;
Није санак, него судни данак.

Тогда Никца одолѣлъ сонъ; то не былъ для него сонъ, но судный день.

Прилегъ онъ въ *плужинъ* (маленькій шалашикъ, въ родѣ собачьей конуры, при стадѣ), какъ вдругъ залаяли собаки. Полагая, что это волки напали на овецъ, онъ выскочилъ съ джефердаромъ въ рукѣ; но увидѣлъ, что его окружили турки, и на него прямо бѣжалъ Якшаръ Бабичъ, который его и выслѣдилъ. «Ты-ли, старый Никацъ»? крикнулъ Якшаръ; а Никацъ, узнавши его голосъ, отвѣчаетъ:

«Ево Никца, турски буљукбашо!
Ђе је био, он се није крио».
Трче они један пут другога,
Сретоше се у бијеле овце;
Једанак им пукли джефердари,
Оба мертви пали међу овце.

«Вотъ тебѣ Никацъ, турецкій булюкбаша! гдѣ-бы ни былъ, онъ не крылся». Кидаются они одинъ на другого, встрѣтились середи бѣлыхъ овецъ: въ одно время выстрѣлили изъ джефердаровъ и оба пали мертвые между овецъ.

Такъ окончилась жизнь этого пастуха-воина, вся посвященная борьбѣ съ турками, которыхъ онъ убивалъ всюду: приходили ли они въ Черногорію и на его торины, или бродили со своими стадами на своихъ планинахъ, или безпечно спали въ своихъ гаремахъ, полагаясь на неприступность своихъ укрѣпленныхъ жилищъ и на бдительность всюду разставленныхъ панду-

ровъ. То онъ пастухъ и четникъ, то предводитель войска цѣлаго края, какъ главарь, чѣмъ онъ, однако, номинально не былъ, да и не хотѣлъ быть, потому что и безъ главарства его слушались въ краѣ. Такъ относились къ нему и турки. Однажды собралось турецкое войско подъ предводительствомъ какого-то *аги* и, взявши харачъ въ Вельихъ Цуцахъ, пришло за тѣмъ же и въ Малыя. И зная, что вся сила въ Никцѣ, ага съ 30-ю отборными молодцами пришелъ къ нему въ домъ. Выслушавъ требованіе аги, Никацъ стрѣляетъ въ него изъ пистолета; но пистолетъ осѣкся, и ага тотчасъ схватился за джефердаръ. Тогда Никацъ, нисколько не растерявшись, а спокойно и полушутливо, замѣчаетъ: «Эхъ, турчинъ! если ты испугался незаряженнаго пистолета, то что было бы съ тобой, еслибъ онъ былъ заряженъ»?!. Турчину стало стыдно: онъ опустилъ ружье и сталъ важничать (*зорити се*). Тогда Никацъ стрѣляетъ въ другой разъ и ужъ безъ осѣчки. Началась свалка и турки были прогнаны.

Какое невозмутимое спокойствіе и какая находчивость!

Не бывши никакимъ главаремъ и называясь часто гайдукомъ и арамбашей, онъ не имѣлъ никакого богатства, кромѣ овецъ, которыхъ самъ пасъ и стерегъ съ двоими сыновьями да съ вѣрнымъ псомъ *Гаровомъ*, который, оберегая хозяина, и погибъ отъ турецкаго выстрѣла. Не упоминается нигдѣ, чтобы онъ имѣлъ коня и гарцовалъ на немъ, только разъ везли его на лошади, когда былъ раненъ; онъ всюду былъ, какъ говорятъ черногорцы, «пјешке на опанке». Все его богатство состояло въ блестящихъ токахъ и оружіи, которое, какъ мы видѣли, служило и для расплаты съ лѣкарями.

Такихъ было не одинъ Никацъ, и на этихъ людяхъ безъ важнаго званія и держалась свобода Черногоріи, ими же красится ея исторія.

Всякій булюкбаша, какъ предводитель четы, былъ для нея все: онъ ее велъ, потому что зналъ мѣстность, какъ никто, «знаде кланце и богазе у поноћи, као у сред дана»; сообразно съ тѣмъ онъ назначалъ, гдѣ кому стать и кому начать бой; онъ же испол-

нялъ роль *уходы* (лазутчика, развѣдчика), что вовсе не подобало бы ему, какъ предводителю. Но дѣло въ томъ, что тутъ роли исполнялись не по положенію, какое кто занимаетъ, а по способности и призванію, и между всѣми четниками было полнѣйшее равенство.

Добыча дѣлилась на всѣхъ одинаково, только предводителю давалось нѣчто большее, и называлось *старѣйшинствомъ*: обыкновенно что-нибудь изъ оружія, а иногда конь, кому онъ былъ нуженъ; дѣлили при томъ и на мертвыхъ, какъ на живыхъ, передавая ихъ части семьѣ.

Повиновеніе четы своему четобашѣ было полнѣйшее, проистекавшее при томъ изъ глубокаго убѣжденія, что всѣ его распоряженія непогрѣшимы и потому должны быть выполнены. Къ нѣкоторымъ четобашамъ было какое-то суевѣрное почтеніе; считали, что они состоятъ въ общеніи съ *вилами*, и потому всякій шелъ съ ними съ увѣренностью, что не погибнетъ.

Служа своей четѣ примѣромъ военной доблести и морали, эти люди были очень скромны, и всегда глубоко вѣрующіе и преданные церкви. Передъ какимъ-нибудь особенно важнымъ дѣломъ они брали благословеніе у монаха и иногда исповѣдывались, дѣлали завѣты церкви, которую никогда не забывали своими приношеніями. Послѣ удачно исполненнаго дѣла служили благодарственный молебенъ въ церкви.

Таковы были и всѣ четники. Находясь въ полномъ повиновеніи своему четобашѣ, они между собою держались истинно побратски, тѣмъ болѣе, что многіе были родня между собою. Дѣля всѣ вмѣстѣ, какъ добычу, такъ и славу, зная, что одинъ безъ другого ничего не можетъ, они всегда были готовы другъ другу на выручку и всякую помощь, не питая никакой зависти и не стараясь отличиться, такъ какъ всякій исполнялъ свое дѣло и свой долгъ.

Это было не то, что у турокъ,

Који нема куће, ни баштине,
Који нема тора, ни обора,

Ни другога блага, ни имуħа,
До сим струке и оружја сјајна.

У кого нѣтъ дома, ни поля, ни база, ни двора, ни другого какого богатства, ни имѣнья, кромѣ струки и свѣтлаго оружія.

Или, какъ скадарскій паша Бушатлія, даетъ хасану-пашѣ 6,000 войска.

Арбанаса убојника љута,
Безкуħника и безобразника,
Од зла оца и од горе мајке и т. д.

Арнаутовъ, злыхъ бойцовъ, бездомниковъ и безстыдниковъ, отъ худого отца и еще худшей матери.

При томъ у турокъ *калаузими* (путеводителями) и даже предводителями служили всегда почти черногорскіе измѣнники, У черногорцевъ, напротивъ, всѣ четники были люди, имѣвшіе свой домъ и семью, которыми они жертвовали долгу передъ ихъ родиной. Отъ перваго до послѣдняго въ этомъ войскѣ зналось, кто онъ и какого рода, потому что «скитачина поштења нема», а честное имя было первымъ условіемъ добраго воина. О настоящемъ юнакѣ говорилось:

Јунаштва му у хиљаду нема,
Ни људскога збора, ни разума.

Такого юначества въ тысячи не найдется, ни такой прекрасной рѣчи, ни разума.

Въ старое время въ Черногоріи, особенно па окраинахъ, не было ни одного человѣка, если онъ не былъ какой-нибудь уродъ или калѣка, который бы не ходилъ въ чету; и начиналось это очень рано. Отецъ водилъ съ собою въ чету сына; а если не могъ самъ, то поручалъ его другимъ, при чемъ давалъ ему такое напутствіе: «Если получишь рану сзади, то лучше, чтобъ домъ

твой никогда тебя не видалъ». Напутствіе это, однако, бывало излишне.

Такіе новички обыкновенно бывали черезчуръ храбры и нисколько не крылись отъ пуль, вслѣдствіе чего старшіе бросали въ такихъ камнями, давая тѣмъ знать, чтобъ они присѣдали и скрывались. Иной и самъ уходилъ въ чету, не спрашиваясь у родителей, если представлялся къ тому случай, а на позволеніе родителей не могъ вѣрно разсчитывать. Такимъ образомъ начинали ходить въ четы иногда 14 лѣтніе мальчики. По первому же дѣлу составлялась о немъ слава, съ какою онъ вступалъ въ боевую жизнь и съ которою её оканчивалъ.

Вотъ примѣръ такого юноши, которому привелось имѣть дѣло одинъ на одинъ съ туркомъ, извѣстнымъ уже своею храбростью и опытностью.

Па ми треће момче искочило
Од малога братства Калезићах,
А на име Радовић Новица.
А какав је, весела му мајка!
Наусница нема, ни бркова,
Нема њему до шеснаест љетах;
Већу пушку у бој не понио,
Осим једну малу за појасом.
Он на љуту змију нагазио,
На турчина Малића ћехају,
Буљукбашу од све Тосканије *).
Он турчину загон учинио;
Но га Малић сабљом дочекао,
На Новицу вранца наћерао.
Но се момче листо намјерило,
Уви му се под коњем витезом,

---

*) Одна часть албанцевъ назыв. *тоски*, а другая *геги*; оттуда Тосканія и Гегарія.

Те му турчин не посjече главу;
Сину момче, као змиjа љута!
Уграби му иза сабље руку,
А низ хата нагнуо ћехаjу;
А упири своjу пушку малу,
Те Малиjћа погодио дивно,
Саломи му чело под саруком.
Паде Малиjћ с вранца дебелога,
Новица му сабљу уграбио
И с њом му je главу одкинуо.
(С. О. LVII, 230—258).

Выскочилъ и третій паренекъ изъ малаго братства Калезичей, а по имени Радовичъ Новица. А каковъ онъ, да радуется его мать! На губахъ ни пушка, ни усовъ, едва минуло ему 16 лѣтъ; ружья онъ не взялъ въ бой, а только пистолетъ за поясомъ. Нарвался онъ на лютаго змѣя, на турчина Малійча-тьехаю, булюкбашу надо всѣми тосками. Кидается онъ на турчина: но Малійчъ встрѣчаетъ его саблей и нагоняетъ на Новицу своего воронька. Но парень былъ живой, увернулся изъ-подъ коня-витязя, и турокъ не могъ отрубить ему голову; ринулся Новица, какъ лютый змѣй, ухватилъ за руку съ саблей и потащилъ съ коня тьехаю; а уставилъ въ него свой пистолетъ и хорошо попалъ въ Малійча, пробилъ ему чело подъ чалмой. Палъ Малійчъ съ жирнаго воронька, а Новица ухватилъ его саблю и ею отрубилъ ему голову.

Съ какою любовью и какъ картинно изображаетъ его пѣсня!

За то черногорецъ, до 20 лѣтъ не ходившій въ чету, былъ презираемъ своими сверстниками; съ нимъ не стала бы говорить ни одна хорошая дѣвушка, какъ бы онъ ни былъ красивъ или богатъ. Такимъ образомъ школа эта являлась обязательною и уклоненіе отъ нея приравнивалось къ измѣнѣ отечеству. Молодежь здѣсь дѣйствительно воспитывалась духовно и тѣлесно: она пріучалась къ самопожертвованію и презрѣнію опасностей,

къ перенесенію труда и разнаго рода физическихъ лишеній; научаясь, какъ лучше поразить непріятеля и спасти себя, вырабатывала въ себѣ спеціально военные инстинкты; но въ то же время въ ней не заглушалось чувство человѣчности, а напротивъ еще возвышалось тѣмъ, что тутъ не было мѣста суетности и своекорыстію, а все дѣлалось сообща и во имя идеи, «за крст часни и слободу». Рядомъ съ этимъ развивалось важное въ военномъ отношеніи качество—безусловное повиновеніе, откуда и укоренилась пословица: «у младьега поговора нема». Когда открывалась настоящая война и собиралось большое войско, четы, составлявшіяся всегда изъ людей близкихъ, изъ одного братства или рода, имѣли значеніе отдѣльныхъ частей, управляемыхъ своими старѣйшинами, которымъ нужно было указать цѣль и задачу, и они исполняли ее безъ дальнѣйшей команды по своему разумѣнію. Но передъ тѣмъ непремѣнно происходило совѣщаніе, на которомъ по общему соглашенію вырабатывался планъ дѣйствія, какъ общаго, такъ и для отдѣльныхъ частей, кому куда итти и что дѣлать. Какъ только начинался бой, команда прекращалась и каждая часть, каждая, можно сказать, единица выполняла свое дѣло самостоятельно.

Кромѣ этихъ предпріятій, совершаемыхъ «пѣшке на опанке», черногорское племя цеклиниъ четовало и на лодкахъ, которыя въ обыкновенное время служили имъ для перевозки тяжестей и для рыбной ловли.

Самое крупное предпріятіе цеклинянъ представляетъ взятіе турецкой крѣпости Жабляка въ 1835 г. горстью отчаянныхъ головъ изъ 12 человѣкъ, завершившееся, однако, потомъ столкновеніемъ двухъ войскъ. Жаблякъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней находился въ рукахъ черногорцевъ; но былъ уступленъ обратно туркамъ по приказанію тогдашняго владыки Петра II и по настоянію иностранныхъ консуловъ и особенно русскаго, изъ опасенія, чтобы это не повело къ большой войнѣ съ Турціей.

Крѣпость Жаблякъ стоитъ на скалистомъ холмѣ, на отлогомъ спускѣ котораго къ востоку находилось довольно значительное

турецкое поселеніе; а къ черногорской сторонѣ онъ спускается отвѣсными скалами, что̀ и обезпечивало его отъ черногорскихъ нападеній.

Въ крѣпости находилась постоянная стража подъ командою диздара (коменданта) Якубъ-аги и при томъ было всегда наготовѣ три пушки. Нѣсколько отчаянныхъ головъ цеклинянъ вздумали овладѣть крѣпостью. Но какъ подняться туда? Нашлась возможность смѣрить ея высоту.

Въ крѣпость къ женѣ Юсуфа-аги, диздарева брата, приходила одна цеклинская женщина, чтобы продать кое-что. Въ одно изъ посѣщеній она повела рѣчь о томъ, какой градъ выше— Жаблякъ или Рѣцкій. Жена Юсуфа-аги спустила изъ окна клубокъ съ нитками и, взявъ такимъ образомъ мѣру высоты Жабляка, дала ее цеклинянкѣ, чтобы прикинуть её къ Рѣцкому граду на Ободѣ.

По этой мѣрѣ цеклиняне срубили самую высокую, какую только могли найти, осину и сдѣлали изъ нея лѣстницу, т. е. зарубки на ней. Такимъ образомъ планъ былъ готовъ, а для выполненія его отобралось 12 чел. подъ предводительствомъ Кеня Станкова, и отправились въ лодкѣ, конечно, ночью. Дѣлая лѣстницу, они, однако, не сообразили, что мѣра взята по вертикальному направленію; и потому, когда, приставляя ее, дали нѣсколько наклонное положеніе, высота ея оказалась недостаточною. Но дѣлать было нечего; Ке́нё полѣзъ первый. Добравшись до конца лѣстницы, онъ какъ-то приподнялся еще немного и ухватился за жерло торчавшей въ амбразурѣ пушки, а потомъ взобрался и на самую стѣну. Оттуда онъ спустилъ поясъ, по которому поднялись и остальные. Когда всѣ вошли, онъ лѣстницу столкнулъ; такъ что возврата уже не было. Тихо пробрались они до воротъ, связали стражу и бывшаго близъ нея Юсуфа-агу, а затѣмъ и самого диздара Якуба-агу. Все это, однако, не могло произойти безъ шума, на который поднялся весь городъ. Турки кинулись-было въ крѣпость на выручку. плѣнниковъ; но черногорцы, заваливъ ворота камнями, размѣстились такъ, что отъ

ихъ выстрѣловъ нельзя было подойти близко, а иные не могли даже выйти изъ своихъ домовъ, не рискуя тотчасъ погибнуть. Такъ прошли первый день и второй день до вечера; а тогда собралось уже большое войско отъ Подгорицы и сосѣднихъ арнаутскихъ племенъ. Между тѣмъ и къ черногорцамъ подоспѣлъ Вукъ Лѣшевичъ изъ с. Рвашей съ 200 воиновъ (онъ погибъ въ 1840 г. подъ Додошами). Эти 200 чел. вошли въ крѣпость, присоединились къ своимъ, и оборона была обезпечена. По мѣрѣ того какъ прибывало турецкое войско, собирались и черногорцы. Нападеніе турокъ было окончательно отбито; но, какъ мы уже говорили, по распоряженію владыки, Жаблякъ былъ опять имъ возвращенъ, и черногорцы удовлетворились только славой и трофеями, въ числѣ которыхъ находились и двѣ пушки. Пушкамъ этимъ даны были имена *криа* и *зеленко*, и на одной изъ нихъ вырѣзана слѣдующая надпись, сочиненная владыкой:

Црногорци кад оно витешки
Жабљак тверди турски похараше;
Онда мене старца заробише,
На Цетиње србско донесоше *).

10 марта 1835.

Когда черногорцы геройски взяли Жаблякъ, турецкую крѣпость разорили; тогда и меня, старца, въ плѣнъ взяли, принесли на сербское Цетинье.

Брали черногорцы Жаблякъ и въ другой разъ при кн. Да-

*) Еще, прежде черногорцы унесли пушку и изъ Спужскаго-града, не смотря на его еще большую неприступность, чѣмъ Жаблякъ. И ее владыка тоже снабдилъ надписью:

Јунаштво те Вида и Мирчете
И њихове гласовите чете
Са тврдога Спужа уграбише,
Црној-Гори тебе донесоше.

24 марта 1833.

Храбростью Вида и Мирчеты и ихъ знаменитой четы ты захвачена въ крѣпости Спужа и принесена въ Черную-Гору.

шіплѣ и также взбирались по лѣстницѣ; но тогда было 130 человѣкъ *).

Здѣсь кстати будетъ сказать вообще о набѣгахъ, которые цеклиняне совершали на лодкахъ по всему Скадарскому озеру, при чемъ жгли и грабили турецкія села, лежащія на берегахъ по ту и по другую сторону захватывали скотъ и увозили, не вызывая погони за собою; если же бывала погоня, то они очень ловко отстрѣливались. Дерзость этихъ смѣльчаковъ доходила до того, что они подъѣзжали съ самому Скадру и захватывали скотъ какъ разъ на лугу между городомъ и озеромъ. Точно также свободно они разъѣзжали и по Хумскому-блату. По середамъ, когда въ Скадрѣ бываетъ самый большой базаръ, они подстерегали турокъ, возвращавшихся оттуда съ большими покупками и грабили. Иногда собиралось до 10 лодокъ, а то по 3—4. Въ лодкѣ обыкновенно было 24 чел., изъ которыхъ 9—12 были на веслахъ, а остальные отстрѣливались. При обстрѣливаніи со стороны турокъ главною цѣлью былъ кормчій; поэтому рядомъ съ нимъ всегда находился одинъ на готовѣ, чтобы его замѣнить; а иначе съ потерею кормчаго лодка тотчасъ измѣняла направленіе, становилась поперекъ, давая непріятелю возможность обстрѣливать съ боку, имѣя такимъ образомъ болѣе широкую цѣль; въ то же время задерживался ходъ и нарушался порядокъ по отношенію къ другимъ лодкамъ. Если рѣшались сдѣлать прямое нападеніе на непріятельскія лодки, то они свои лодки сбивали въ кучу (у груп) и ударъ былъ неотразимый. Набѣгамъ этимъ не могли препятствовать и укрѣпленія, сдѣланныя съ тою цѣлью на Вранинѣ и маленькомъ островкѣ Лесендрѣ; такъ какъ цеклиняне проходили эти мѣста ночью. Заведенные въ послѣднее время Турціей два-три парохода, довольно плохой конструкціи, не

*) Въ 1864 или 1865 г. загарчане въ числѣ 15 чел. посредствомъ лѣстницъ влѣзли въ тур. *Сердар-кулу* (близь Спужа), гдѣ находилось до 200 чел. низама, и угнали 60 штукъ мелкаго скота. За это они, однако, жестоко поплатились передъ своимъ правительствомъ.

могли догонять цеклинскихъ лодокъ, которыя, кромѣ того, проходили тамъ, гдѣ пароходъ пройти не могъ.

Однажды, въ позднѣйшее время, турецкій пароходъ, пользуясь большою водой, вошелъ въ устья р. Морачи до рукава Куріоштицы и тамъ остановился, чтобы оттуда доставить провіантъ прямо въ Жаблякъ. На рѣкѣ-же прошелъ слухъ, что пароходъ этотъ пришелъ съ большимъ провіантомъ и сталъ на мели, на основаніи чего явилась мысль овладѣть имъ. Главари вполнѣ понимали невѣрность слуха и невозможность овладѣть пароходомъ; но народъ разсуждалъ по-своему. И вотъ собралось и отправилось туда болѣе 20 цеклинскихъ лодокъ.

Какъ только они приблизились, съ парохода начали стрѣлять по нимъ изъ ружей и пушекъ. Большая часть лодокъ воротилась, но 3 или 4 подошли вплотъ къ пароходу. Тогда въ нихъ стали бросать разрывныя бомбы съ зажженными фитилями и пускать струи горячей воды изъ парового котла; а въ то же время одинъ стоялъ у порохового магазина съ двумя револьверами, чтобы въ крайности все взорвать. Но дѣло до того не дошло, хотя иные уже хватались за бортъ парохода. Цеклиняне удалились, потерявъ 7 или 8 чел. мертвыми, и около 80 чел. было ранено.

Въ 1861 г. цеклиняне со своимъ сердаремъ Савою Іовичевичемъ съ помощью своей флотиліи сдѣлали нападеніе на турецкія укрѣпленія на Вранинѣ: разоривши, что̀ было подъ силу, они убили 130 чел. изъ турецкаго низама; а главный ихъ комендантъ Османъ-Кука, не хотѣвшій передаться, затворился съ нѣсколькими въ кулу и тамъ сгорѣлъ. Затѣмъ былъ знаменитый бой въ Крницахъ (въ Кранинѣ), въ которомъ взяты были въ плѣнъ главные турецкіе вожди Асанъ-хотъ и Мурто съ 300 простыхъ воиновъ, которые всѣ со связанными руками приведены были на Цетинье (послѣ, конечно, всѣ отпущены). А въ слѣдующемъ году отнято у турокъ с. Понары, находящееся какъ разъ за Жаблякомъ.

Въ послѣднюю войну эта флотилія оказала очень важную услугу, провезя пушки со всѣмъ количествомъ боевыхъ припасовъ

и съ значительнымъ числомъ войска какъ разъ мимо вооруженной сильною артиллеріей крѣпостцы Лесендры для осады Бара (1878 г.). Въ послѣдній разъ на 50 лодкахъ провезено было войско съ двумя пушками для занятія Краины. Цеклиняне со своими ладьями всегда были грозою турокъ въ краяхъ, прилегающихъ къ озеру, и изъ исторіи этой непрерывной войны на водѣ могла-бы составиться цѣлая эпопея.

Сербскій *хайдук* или *айдук* и болгарскій *хайдутин*, у грековъ *клефтъ*—одно и тоже; иногда онъ называется *арамія*, а предводитель ихъ—*арамбаша*. Это, какъ мы видѣли, тотъ же черногорскій четникъ, только насиліемъ притѣснителей своего народа лишенный родины и родного крова и всю жизнь свою посвящающій мщенію за себя и свой народъ. Собственно въ Черногоріи, какъ мы уже сказали, не было почвы для гайдучества; оно было только въ странахъ, гдѣ было порабощеніе цѣлаго народа, какъ въ Греціи, Болгаріи, Старой-Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ прежнее время въ Шумадіи, нынѣшнемъ королевствѣ Сербіи. Объ этихъ гайдукахъ говорится много у всѣхъ путешественниковъ по тѣмъ странамъ, начиная съ первыхъ европейскихъ посланниковъ въ Турціи, державшихъ путь черезъ Балканскій полуостровъ до Константинополя. Спеціальное сочиненіе объ нихъ на нѣмецкомъ языкѣ Розена, а на русскомъ прекрасная статья А. Н. Пыпина: Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ (Вѣстн. Евр. 1877 г., іюль, стр. 712—746), въ которой безъ большихъ подробностей дается понятіе о происхожденіи гайдучества и его характерѣ; и тамъ же помѣщенная жизнь знаменитаго гайдука Станислава Сочевицы (перев. изъ соч. Ловрича Osservazioni и т. д.) даетъ намъ живую картину гайдучества, такъ сказать, in concreto *).

---

*) Въ концѣ 1870-хъ гг. на болгарскомъ языкѣ вышли очень любопытныя записки Панайота, который самъ гайдуковалъ передъ послѣднею войною. Объ нихъ есть мое сообщеніе въ Отеч. Запискахъ 1878 г.

Въ Черногоріи же если и были гайдуки, которые ходили въ одиночку далеко въ глубь Герцеговины и Босніи, то это были скорѣе искатели приключеній, удальцы, которымъ не сидѣлось дома; или же ихъ призывали сербы тѣхъ краевъ для наказанія какого-нибудь жестокаго угнетателя ихъ, аги или бега, а иногда и паши. Такъ говорятъ, что Вукъ Мандушичъ изъ Велестова нѣсколько лѣтъ гайдуковалъ въ Котарахъ (въ Далмаціи); а другіе, напротивъ, утверждаютъ, что то былъ его одноименникъ. Въ селѣ Косіерахъ (Рѣцкой нахіи) есть разсказъ, что оттуда изъ-подъ планины ихъ Дебеляка вышелъ родоначальникъ сербскихъ гайдуковъ Новакъ Дебеличъ, между тѣмъ какъ этотъ родоначальникъ представляетъ собою личность историческую изъ XVI в., и родина его была въ Старой-Сербіи, а главнымъ пріютомъ ему служила планина Романія, лежащая на цареградской дорогѣ отъ Сараева черезъ Старую-Сербію; Косіеры же присвоили его себѣ по тождеству его прозвища съ ихъ планиной и усвоили существующую о немъ легенду.

Въ началѣ текущаго столѣтія гайдуковалъ въ сосѣднихъ съ Черногоріей герцеговинскихъ краяхъ чевлянинъ Голубъ Петровъ, о которомъ существуетъ много разсказовъ. Въ Цермницѣ въ с. Подгори существуетъ цѣлый родъ, носящій прозвище Гайдуковичей, вслѣдствіе того, что предокъ ихъ гайдуковалъ главнымъ образомъ въ сосѣдней турецкой части Приморья; а иногда обращалъ оружіе и противъ сосѣдей паштровичей, если они причиняли какую-нибудь обиду или вредъ цермничанамъ.

Это не были, однако, настоящіе гайдуки, такъ какъ никогда не разставались надолго со своимъ роднымъ селомъ и, совершивши какой-нибудь набѣгъ, продолжали жить дома, какъ и другіе односельчане, предаваясь мирнымъ занятіямъ.

Но Черногорія всегда была открыта, какъ убѣжище для гайдуковъ и ускоковъ изъ другихъ сербскихъ земель. Одни изъ нихъ, проводя въ Черногоріи зиму или вообще сколько имъ требовалось по обстоятельствамъ, возвращались въ свои края, гдѣ и продолжали свой промыселъ; а иные потомъ такъ и оставались въ

Черногоріи и дѣлались ся постоянными жителями. Ими населился цѣлый край между Горнею-Морачею и Дробняками, до сихъ поръ по нимъ носящій имя Ускоковъ. По старымъ связямъ и по привычкѣ они и отсюда продолжали свои гайдуцкія похожденія; но не предавались этому исключительно.

Убѣгали въ Черногорію многіе въ одиночку или съ дружиной и изъ Шумадіи, когда турки снова наложили на нее свое иго, подавивъ возстаніе Карагеоргія. Тогда же приходилъ въ Васоевичи хаджи-Проданъ, по имени котораго названа одна мѣстность, гдѣ онъ стоялъ, на горѣ Превіи, изъ-подъ Ерииьей-главы противъ Андріевицы. Тамъ же, говорятъ, кончилъ свою жизнь и воевода Секула, стѣсненный турками.

Въ концѣ прошлаго столѣтія былъ въ Черногоріи извѣстный гайдукъ Лазарь Пецирепъ. Онъ былъ родомъ изъ-подъ Голіи, которая въ то время принадлежала туркамъ. Однажды никшичане, давно имѣя на него зубъ, убили его братьевъ, разорили домъ; и онъ только съ сестрой и съ небольшимъ стадомъ овецъ пришелъ въ Велестово. Тутъ его отлично приняли, и онъ тамъ поселился; но не могъ онъ забыть того, что̀ сдѣлали ему никшичане, и потому постоянно нападалъ на нихъ на пути и дома: убивалъ ихъ, отбивалъ стада, грабилъ ихъ караваны и уводилъ женщинъ. А наконецъ, насытившись всѣмъ и считая, что чувство мести удовлетворено съ избыткомъ, заключилъ съ ними миръ на Сливлѣ и съ тѣхъ поръ ихъ не трогалъ; но оставаться мирно онъ не могъ и перенесъ свою дѣятельность въ Герцеговину. Къ нему приходили Станко и Лука Сочевицы. Изъ многихъ похожденій его разскажемъ плѣнъ бега Любовича.

Однажды онъ со своею четою отправился въ Невесинье, поручивши впередъ нѣкоему Лукѣ Ратковичу приготовить обѣдъ. Этотъ принялъ ихъ отлично и испекъ ягненка, у котораго была черная голова. Пообѣдавши, гайдуки преспокойно отправились на свое дѣло. Но провѣдалъ о томъ бегъ Любовичъ въ Оджакѣ и призываетъ къ себѣ Луку на допросъ. Этотъ сначала отпирался, но когда тотъ сказалъ, что у него былъ испеченъ ягне-

нокъ съ черною головою, увидѣлъ, что бегу все извѣстно, и тогда палъ передъ бегомъ на колѣни со словами: «Ну, сѣки мою голову»!

— Нѣтъ! отвѣтилъ бегъ, — я не сдѣлаю этого; а только ты замани къ себѣ Лазаря, чтобы мы могли его схватить. — Дѣлать было нечего, и Лука обѣщалъ исполнить это приказаніе бега. Ему извѣстенъ былъ притонъ гайдуковъ въ Бабѣ-планинѣ; онъ отправляется туда съ приглашеніемъ ихъ къ себѣ въ гости, которое они охотно принимаютъ. Но въ то же время Лукѣ стало жаль и совѣстно погубить своего брата сербина, и онъ открылъ Лазарю, что ему готовится засада *). Тогда тутъ-же рѣшено было схватить самого бега. Приходитъ Лазарь съ 8-ю товарищами и скрывается около дома; а Лука сообщилъ бегу, какъ было съ нимъ уговорено. Бегъ, увѣренный въ себѣ, человѣкъ необыкновеннаго роста и силы, чтобы еще больше пріобрѣсть славу, беретъ съ собою только 4 человѣкъ, разсчитывая на десятокъ хорошихъ молодцовъ въ домѣ Луки. Приходитъ бегъ и спрашиваетъ, готово-ли все; а Лука отвѣчаетъ: «Звалъ; но вотъ до сихъ поръ нѣтъ; боюсь, что не явится».

Бегъ сталъ угощаться; а когда турки довольно наугощались, гайдуки ворвались въ домъ.

Не легко было справиться съ бегомъ; но съ Лазаремъ былъ Иванъ Драговичъ съ Велестова (дѣдъ нынѣшнихъ Марка и Живка Драговичей, извѣстныхъ своими статьями и въ русской литературѣ), который также отличался ростомъ и силой. Онъ схватилъ бега въ охапку, и его связали; а съ остальными легко было справиться. Справившись такимъ образомъ, бега повели на Чево, гдѣ и держалъ его у себя въ домѣ сердарь Вукале Вукотичъ отъ рождественскаго поста до масляницы. Бегъ получалъ извѣстія изъ своего дома и сообщалъ о себѣ, и жилъ въ полномъ удовольствіи; игралъ *на пловки*, *въ градъ*, *камена-рамена* и т. п.

---

*) Есть пѣсня, въ которой говорится, что удержала Луку отъ такого предательства его жена.

Онъ такъ здѣсь привыкъ, что, когда ему дозволили отправиться домой, разставался съ сожалѣніемъ и обѣщался пріѣхать въ гости на Чево.

Лука Ратковичъ послѣ этого не могъ оставаться въ своемъ мѣстѣ и со всею семьей и скотомъ переселился на Чево. Но тѣснота, недостатокъ земли заставили его воротиться домой. Тамъ его тотчасъ же схватили и повѣсили; а семья его, однако, осталась и снова водворилась на своемъ мѣстѣ, и ей ничего не сдѣлали.

Лазарь Пецирепъ, однако, продолжалъ свои дѣйствія въ Герцеговинѣ и былъ такъ тяжелъ туркамъ, что два визиря мостарскій и скадарскій договорились употребить всѣ средства, только бы схватить его. И нашли они подходящаго для того человѣка Кадича въ Бѣлопавличахъ. Надобно замѣтить, что это былъ родъ, изъ котораго всегда выходили люди съ выдающимися способностями, хотя въ то же время они не держались строго нравственныхъ правилъ, смотря больше на то, что̀ считали для себя выгоднѣе.

Такъ въ 1713 году, спужскій капитанъ, затѣявъ нападеніе на Вука Мандушича, пишетъ письмо воеводѣ Раду и юнаку Петру Бошковичу въ Бѣлопавличахъ, которые въ то время подчинялись туркамъ, и при томъ наказываетъ: «Не остав'те Кадича Манойла», который былъ племянникомъ П. Бошковича и явился главнымъ предводителемъ войска и уходою.

А когда турки ударили на Чурилацъ въ Бѣлопавличахъ 1792 года) и сожгли его, попъ Раде защищалъ церковь св. Ѳеклы,

«У помоћ му добар јунак дође,
Кадић Марко од села Вучице.»

На помощь ему приспѣлъ добрый витязь, Марко Кадичъ изъ села Вучицы.

Но въ то же время одинъ Кадичъ убилъ кн. Даніила въ Которѣ (1860 г.). Изъ ихъ же рода одинъ предалъ туркамъ и Лазаря Пецирепа. И вотъ какъ это было. Какъ извѣстный юнац-

кій домъ, Кадичи были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Велестовомъ. Однажды одинъ изъ нихъ (не Марко-ли?) приходитъ на Велестово и зоветъ Лазаря крестить ему дитя (на крштено кумство), отъ чего по черногорскому обычаю безъ особенно уважительныхъ причинъ никто не откажется. Отправляется Лазарь туда; совершается обрядъ крещенія ребенка съ обычнымъ пиромъ, и затѣмъ всѣ ложатся спать. Между тѣмъ Кадичъ, хозяинъ дома и кумъ, даетъ знать объ этомъ въ Спужъ, откуда и является капетанъ Алиль-ага съ 30-ю отборными молодцами. Лазаря схватываютъ соннаго, связываютъ и отводятъ въ Спужъ. Онъ попросилъ только позволенія написать своей женѣ, кто его должники, чтобъ она могла собрать эти долги и жить. Ему это позволили, и письмо было отправлено съ одною женщиной. Тутъ только на Чевѣ узнали, гдѣ Лазарь и что съ нимъ дѣлается. Озриницкій сердарь Вукале, предполагая, что его поведутъ для казни въ Герцеговину обычнымъ путемъ черезъ Никшичъ, собралъ 80 человѣкъ и самъ съ ними пошелъ ожидать конвоя въ Дугѣ, гдѣ и простоялъ 10 дней. Но турки были въ этомъ случаѣ очень осторожны: они повели Лазаря сокращенными путями черезъ Слатину (въ Бѣлопавличахъ) и Жупу-Никшицкую, а оттуда въ Дробняки. Собрались было отбить его дробняки, но ихъ остановили коджобаши (кнезы, сельскіе старшины). И такъ его безпрепятственно провели въ Плевле, а оттуда въ Травникъ къ валіи, гдѣ и совершена была его казнь.

Сочевицы оба брата послѣ этого ушли гайдуковать въ Лику и Корбаву; а Кадичамъ, конечно, грозили черногорцы, что̀ и принудило ихъ переселиться на другую сторону Зеты.

Въ дополненіе къ разсказу о плѣнѣ бега Любовича на Чевѣ, сообщимъ о Маркѣ Вукотичѣ, бывшемъ заложникомъ въ Никшичѣ. Это былъ гайдукъ, который наносилъ никшичанамъ страшное зло: съ своею четой онъ погубилъ ихъ до сотни. Случился въ Черногоріи голодный годъ; а хлѣба тогда невозможно было достать нигдѣ, кромѣ Никшича. Наличныхъ денегъ въ то время у чевлянъ не было, а турки не вѣрили безъ залога, въ залогъ же

брали кого-либо изъ нихъ же: женщинъ изъ извѣстныхъ семействъ или и мужчинъ. На этотъ разъ турки отвѣтили: «Не надо намъ никого, кромѣ Марка Вукотича», которому въ то время было уже 70 лѣтъ.

Отправляется онъ и помѣщается въ домѣ бега Мушовича, у котораго стригъ двоихъ дѣтей (био је шишани кум); поэтому тутъ онъ жилъ, какъ въ своемъ домѣ. Приходитъ Божичъ (Рождество); хозяинъ приготовляетъ для гостя праздникъ; самъ печетъ барана на вертелѣ, а Марко сидитъ возлѣ огня, держа въ рукахъ маленькаго хозяйскаго сынка, котораго и стригъ. Вдругъ раздается выстрѣлъ, и Марко падаетъ, едва успѣвъ передать ребенка со словами: «Возьмите, чтобы не сгорѣлъ!» Похоронили его, какъ слѣдуетъ, передъ Петровскою церковью, и Мушовичъ показываетъ видъ, что ему это убійство пріятно. «Я не могъ убить его *на љуб и со* (т. е. какъ гостя); но *аферимъ* (честь и слава) тому, кто убилъ; я далъ бы ему за то вотъ этотъ ножъ».

А ножъ богатый: весь въ серебряной оправѣ съ драгоцѣнными каменьями и золотою надписью по клинку. Въ это время подходитъ къ нему одинъ и говоритъ: «Ну, такъ этотъ ножъ—мой», т. е. что онъ убилъ Марка. Да такъ-ли это?—допрашиваетъ Мушовичъ.—Не хвались зря; смотри, чтобы не пришелъ завтра другой и не сказалъ-бы, что ножъ его.—Тотъ клянется и представляетъ доказательства. Тогда Мушовичъ подаетъ ему ножъ, но все будто сомнѣвается и не хочетъ дать; а потомъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ него—и убилъ наповалъ. Послѣ этого никшичи побились между собою, и съ двухъ сторонъ погибло до 30 человѣкъ. Тогда управлялъ Никшичемъ Амза-капетанъ.

Черногорскіе гайдуки иногда продѣлывали надъ турками шутки. Такъ Чоко-Пейовъ изъ Чева съ нѣсколькими товарищами отправились въ Никшичъ, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться. Днемъ они пробрались подъ Будошъ (гора на краю Никшицкой равнины); а ночью отправились въ городъ и забрались въ домъ Мекича. Вошли сначала во дворъ, проломили конобу (нижній этажъ подъ жилымъ помѣщеніемъ), вывели оттуда 5 воловъ; а

Чоко тихонько по ступенькамъ пробрался въ комнату, гдѣ Мекичъ спалъ съ своей булой. Увидавъ ихъ, Чоко спустился обратно внизъ и говоритъ: «Дайте мнѣ ножъ!»—Зачѣмъ?—спрашиваютъ его. «Зарѣжу кого-нибудь»,—отвѣчаетъ онъ спокойно. Товарищи, однако, не дали ему ножа; тогда онъ пошелъ опять вверхъ: взялъ красные турецкіе штаны, висѣвшіе въ головахъ у турка, и на мѣсто ихъ повѣсилъ на гвоздь свои, а тѣ тотчасъ же надѣлъ на себя; взялъ также двѣ леденицы, оставивши вмѣсто нихъ свой плохенькій пистолетъ, повѣсивши также надъ головою турка, и ушелъ; а потомъ всѣ товарищи благополучно отправились съ добычею домой, гдѣ повеселились и попировали; а никшичанамъ отъ того былъ великій стыдъ.

Такихъ разсказовъ у черногорцевъ множество, и во всѣхъ нихъ проглядываетъ удальство, сопровождающееся часто рѣзнею; но нигдѣ не видно жестокости, доходящей у гайдуковъ иногда до звѣрства.

Заключимъ разсказомъ о гайдукѣ Голубѣ Петровѣ и объ одной его продѣлкѣ.

Онъ былъ чевлянинъ и современникъ занятія Далмаціи и Боки французами. Онъ былъ высокаго роста и страшной силы; на немъ гунь безъ рукавовъ; нѣтъ и рубашки, а спереди открытая грудь, поросшая волосами, какъ руно на овцѣ. Однажды французы схватили его брата и заключили въ тюрьму въ Дубровникѣ. Узнавъ объ этомъ, онъ взялъ 5 чел. и отправился съ ними на выручку брата. Шли они черезъ Бѣлую-гору, Зубцы и подъ Дубровникомъ дошли до р. Омблы и стали въ виду Гружа, гдѣ было множество народа. Оставивши товарищей на высотѣ, онъ сошелъ внизъ и сѣлъ на краю дороги. Какъ вдругъ идетъ какой-то латинскій *попъ*, весь въ шелку, и видно, что очень важный. Онъ схватилъ его одной рукою за шею, а другою зажалъ ротъ, и потащилъ, какъ волкъ овцу, въ гору; оттуда съ товарищами довелъ его до Чева, гдѣ и держалъ, предоставивъ ему вдоволь пить и ѣсть и возможное удобство. А между тѣмъ послалъ въ Боку извѣстіе, что попъ у него, но что онъ не будетъ выпущенъ,

пока не выпустятъ его брата. Обѣщались выдать брата черезъ одного добротянина (с. Доброта рядомъ съ Которомъ). Тогда Голубь ведетъ своего попа на Вельи-Залазы, откуда чуть не по отвѣсному спуску сходитъ съ нимъ до одного мѣста и оставляетъ его тутъ, а самъ спускается въ с. Доброту. Спрашиваетъ его извѣстный уже добротянинъ: «А гдѣ попъ».—Тамъ,—отвѣчаетъ онъ, показывая вверхъ на гору.—«Что-жь ты не привелъ его сюда?»—Покуда не приму я брата, не примете вы вашего попа.—Тогда послали въ Дубровникъ, привезли его брата, а онъ передалъ имъ попа, который былъ какой-то важный прелатъ.

Когда было свиданіе владыки Петра съ Мармономъ въ Которѣ, они вели разговоры въ особой комнатѣ, а свита ихъ сидѣла въ другой въ родѣ передней. Черногорцы сидѣли на одной сторонѣ, а французы на другой, и, конечно, не разговаривали, потому-что не знали языка одинъ другого. Тутъ же былъ и Голубь. Между французами, однако, оказался одинъ, должно быть, хорватъ, который зналъ по-сербски. Выступивъ впередъ, онъ сталъ доказывать черногорцамъ, что они напрасно надѣются на свои скалы и ямы, куда могутъ скрываться. «Мы имѣемъ,—прибавилъ онъ,—псовъ, которые будутъ васъ вытаскивать изъ ямъ за уши».—А я полѣномъ по головѣ и пса, и его господина!—отвѣтилъ Голубь, поднявшись во весь ростъ и показавъ во всемъ величіи свою грозную фигуру. Когда хорватъ передалъ этотъ разговоръ французамъ, они много смѣялись и, конечно, поняли, съ кѣмъ имѣли дѣло.

Итакъ гайдучества въ собственномъ смыслѣ, какъ насильственнаго протеста противъ существующаго порядка, въ свою очередь державшагося на насиліи, въ Черногоріи не было. Да и не было для того почвы; такъ какъ всякій черногорецъ былъ свободенъ, не чувствовалъ надъ собою ничьего насилія, исключая какого-либо личнаго столкновенія, вслѣдствіе чего черногорецъ иногда покидалъ свою родину и шелъ служить врагамъ ея, туркамъ.

Отчасти мы уже знакомы съ этими людьми, изъ которыхъ

турки пополняли свои военныя силы. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ типѣ, весьма характерномъ въ жизни Черногоріи, и на причинахъ и обстоятельствахъ, приводившихъ черногорца къ отступничеству.

Начнемъ съ разсказа объ одномъ перебѣжчикѣ, весьма замѣчательной личности, Вукѣ Голубовѣ Перовичѣ изъ Трешнева въ Вельихъ-Цуцахъ. Онъ былъ извѣстный юнакъ, четобаша и гроза турокъ. Но одинъ случай поссорилъ его со своими, и онъ передался туркамъ. Вотъ какъ это было. Пешиканы *) убили одного изъ Перовичей; тогда Перовичи задумали по обычаю отомстить за своего. Однажды три Пешикана приходятъ къ Вуку на какое-то празднество, кажется, на «крсно име». Перовичи рѣшились тутъ-же убить ихъ; но Вуко отвѣтилъ, что въ его домѣ онъ этого не допуститъ, а когда уйдутъ, пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ; но и тогда совѣтовалъ имъ не трогать ихъ, какъ его гостей. Послѣ этого гости отправились, а Вуко, не говоря имъ, что ихъ собираются убить, подалъ только совѣтъ, чтобы остерегались, такъ какъ *должны голову*. «Трое противъ троихъ не боимся, а если ихъ будетъ вдвое больше, то и тогда постоимъ»—отвѣтили они, и дѣйствительно были люди юнаки. Но Перовичи собрали цѣлую чету и, засѣвши на ихъ пути въ одной тѣснинѣ, убили ихъ тутъ и *поськ.ли*. Вуку, который всегда съ малымъ числомъ нападалъ на турокъ въ гораздо большемъ числѣ, это показалось низкимъ и обиднымъ для него. Разсердившись на это, онъ отправился въ Никшичъ, оставивши семью, въ которой, кромѣ другихъ, было 6 сыновей, и оттуда сталъ бить своихъ. Онъ *поськъ* 17 головъ, которыя всѣ были выставлены въ Никшичѣ. Потомъ турки сдѣлали его начальникомъ надъ пандурами въ Рудинахъ, гдѣ они стояли въ двухъ кулахъ на Трубьелѣ и Омутичѣ. Много разъ нападали на него черногорскія четы, но всегда были отбиваемы съ урономъ для нихъ; такъ что черезъ Рудины имъ совершенно былъ закрытъ проходъ, и когда черногорцы однажды хотѣли ударить на

*) Братство въ Цуцахъ; то-же и Пе́ровичи.

Луково, гдѣ были никшицкіе катуны, они были отбиты отъ Рудинъ и принуждены были пойти окольною дорогой черезъ Сливле. Когда Рудины, по размежеванію европейской комиссіи, были присоединены къ Черногоріи, князь (кажется, Николай) звалъ его на Цетинье; онъ не пошелъ и отказался отъ посланной ему медали. Изъ 6 его сыновей пятеро погибли въ разныхъ битвахъ противъ турокъ, а младшій умеръ въ 1889 г.; сынъ же этого послѣдняго Голубь (внукъ Вука) въ настоящее время капетанъ въ Рудинахъ.

Иногда причиною такой измѣны бывала неудачная любовь или скорѣе оскорбленное самолюбіе при сватовствѣ и предпочтеніе другого. Оскорбленный покидалъ свое отечество и не унимался до тѣхъ поръ, пока не убивалъ своего соперника или не завладѣвалъ предметомъ любви; а иногда просто мстилъ всѣмъ и каждому. Надобно замѣтить, что всѣ эти личности обладали сильнымъ характеромъ и рѣдко мѣняли свою вѣру.

Важное значеніе въ отступничествѣ игралъ и сербскій *инат*, о которомъ мы уже говорили выше, и который много сербовъ вообще довелъ до перемѣны вѣры и измѣны отечеству. Иногда же причиною была стѣсненность жизни въ Черногоріи; тогда какъ у турокъ для такихъ людей всегда были распахнуты ворота и для поддержанія ихъ въ томъ не жалѣлись средства. Но, чтобы крѣпче связать перебѣжчика, турки требовали отъ такого, чтобъ онъ убилъ какого-либо извѣстнаго черногорца или принесъ бы вообще черногорскую голову. Тогда ему уже не было возврата домой и онъ вполнѣ отдавался туркамъ. Отъ нужды временно передавались туркамъ цѣлыя племена, какъ мы тоже видѣли выше; поэтому нельзя удивляться отдѣльнымъ личностямъ. Можно даже удивляться тому, какъ ихъ было мало. Но, чтобы былъ измѣнникъ внутри Черногоріи, который бы тайно помогалъ туркамъ, — этого не бывало никогда. Не бывало также, чтобы черногорецъ выдалъ черногорца, хотя бы то былъ изъ другого рода или племени, съ которымъ были въ ссорѣ или имѣли какіе-нибудь счеты. Въ виду турка забывалась всякая

личная вражда. Всякая выдача своего, хотя бы то былъ гайдукъ не черногорецъ, считалась величайшимъ преступленіемъ, послѣ котораго выдавшему не было больше житья въ Черногоріи, какъ то видѣли на Кадичахъ, которые были бѣлопавличи, въ то время не вполнѣ освободившіеся отъ турецкаго господства; и все-таки они должны были покинуть свое родное мѣсто и уйти дальше отъ черногорской границы. Спахичи не пришли на помощь Пикцу изъ Ровинъ, можетъ быть, по слабости и трусости, и это также считается измѣной: «Издаше га погани Спахичи, од них нигдѣ не остаде трага», т. е. «выдали его поганые Спахичи, чтобы отъ нихъ нигдѣ не осталось потомства!» *)

Однимъ словомъ, кромѣ ренегатовъ и людей подневольныхъ, ни одинъ сербъ изъ турецкихъ предѣловъ не поднималъ оружія противъ Черногоріи. Какъ исключительный случай, мы знаемъ, что въ Граховѣ былъ одинъ четобаша Милутинъ Ковачевичъ, который спеціально занимался отнятіемъ скота у своихъ сосѣдей черногорцевъ, цуцъ и озриничей, никогда не поворотивши ружья на турокъ. При отъемѣ скота ему удавалось, конечно, убивать черногорскихъ чобановъ и сѣчь имъ головы. Однажды онъ съ четырьмя товарищами напалъ на озриницкій торъ; но извѣстный юнакъ Дука (собств. Лука) Радуловичъ, предувѣдомленный о томъ, собралъ значительное войско, окружилъ его и заставилъ положить оружіе: обобравши и раздѣвши почти донага, отпустилъ плѣнника домой. Обиды этой Милутинъ не могъ простить и далъ клятву, что не будетъ носить оружія, пока не сниметъ его съ мертваго Дуки. Владыка Петръ I приказалъ

*) Замѣчательно, что изъ того же рода впослѣдствіи нашелся Михаилъ Спахичъ, который, будучи подкупленъ Турціей, два раза покушался на жизнь воеводы Луки Вукаловича, вождя герцеговинскаго возстанія 1857 — 1862 г.; а впослѣдствіи одному изъ спахичей привелось быть при сдачѣ Черногоріей герцеговинскихъ батальоновъ Австріи 17 окт. 1879 г., при чемъ, движимый патріотическимъ чувствомъ, онъ чуть не убилъ Петра Радомана, по порученію своего правительства уговаривавшаго герцеговинцевъ сдаться безъ всякаго сопротивленія. Одинъ Спахичъ раненъ былъ въ 1862 г., когда отъ Рѣки шелъ на Черногорію Омеръ-паша и Дервишъ-паша; отъ ранъ онъ и умеръ.

возвратить оружіе и все, что̀ было отнято у Милутина, и Радуловичъ, какъ черногорецъ, повиновался своему владыкѣ; но Милутинъ не принялъ того, и оставался при своей клятвѣ, а наконецъ, вотъ что̀ сдѣлалъ.

Узнавши, что Дука отправился съ четой глубоко въ Герцеговину въ Заводье (Билечскаго кадилука за р. Требишницей), отправляется въ Никшичъ и, поднявши всѣхъ никшичанъ, захватилъ путь, гдѣ долженъ былъ проходить Дука. Узнавъ объ этомъ, Дука пошелъ окольнымъ путемъ на Стоспуды; но войско было велико, его окружили и завязался отчаянный бой. Радуловичъ былъ раненъ въ ногу и при этомъ упалъ въ щель между двумя камнями и, не видя спасенія, приготовилъ свой джефердаръ, чтобы не умереть *безъ замѣны*, т. е. не отомстивши. Въ такомъ положеніи видитъ его Милутинъ и кидается, чтобы *посѣчь*. Но Дука дастъ выстрѣлъ въ него и убиваетъ наповалъ; а турки затѣмъ *посѣкли* и его.

Кромѣ Грахова мы ни на одномъ краю Черногоріи не знаемъ подобнаго рода отношеній, исключая случаевъ, когда между сосѣдями существовала сильная вражда, какъ, напримѣръ, между цермничанами и паштровичами изъ-за пастбищъ или вообще изъ-за какихъ-нибудь открытыхъ столкновеній.

5. Прекращеніе и вырожденіе четничества и гайдучества.

Четничество въ его истинномъ, первоначальномъ смыслѣ продолжалось только до кн. Данiила, когда Черногорія, принявъ политическую форму княжества, вступила въ систему европейскихъ государствъ, а правительство ея приняло на себя передъ цѣлою Европою обязательство хранить миръ и не давать никакого повода къ пограничнымъ столкновеніямъ. Вслѣдствіе этого четованье, какъ нарушеніе границъ, должно было подвергнуться полному запрещенію.

Князь Николай въ началѣ своего правленія, полный юношескаго увлеченія и проникнутый духомъ старыхъ черногорскихъ

преданій, которыя еще держались въ окружавшихъ его людяхъ, далъ было широкую свободу четованью. Тогда четобашами были сердарь Степанъ Радоевъ изъ Марковины, серд. Дьоко изъ Баняни и воевода Илія Дьюкановичъ изъ Лукова, которые совершенно завладѣли Дугой и прервали никшичанамъ сообщеніе съ Герцеговиной. Однажды они засѣли тамъ въ ожиданіи никшицкаго каравана изъ Герцеговины; а въ это же время проѣзжали въ Никшичъ иностранные консулы, между которыми былъ и русскій. Ихъ, конечно, пропустили; но имъ хотѣлось провести и турецкій караванъ. На это черногорцы не могли согласиться, а чтобы прямымъ отказомъ не возбудить противъ себя консуловъ, главные вожди, знакомые уже имъ, скрылись; переговоры-же вести предоставили Пеку Павловичу, впослѣдствіи извѣстному предводителю въ послѣднемъ герцеговинскомъ возстаніи и воеводѣ, а въ то время онъ былъ младшимъ членомъ, который не могъ принять на себя никакихъ обязательствъ. Послѣ этого господа консулы оказались въ большой опасности въ Никшичѣ, откуда только подъ сильнымъ конвоемъ удалились въ Черногорію.

Это четованье обратилось, однако, уже въ настоящую войну, и въ Дугѣ собралось черногорское войско въ 4000 чел. подъ командою воеводы Петра Вукотича. Въ 1862 г. Дервишъ-паша, чтобы провести изъ Мостара въ Никшичъ провіантъ, долженъ былъ выдержать двѣ битвы, 5-го и 6-го мая, на Пресѣкѣ и Китѣ; и хотя прошелъ, но съ большимъ урономъ (тутъ-же погибъ Сали-паша).

Не дешево, однако, обошлось это и черногорцамъ: въ эти два боя и у нихъ была потеря до 1000 чел. убитыми и ранеными.

Этотъ періодъ черногорскаго четованья совпадаетъ съ возстаніемъ въ Герцеговинѣ подъ предводительствомъ воеводы Луки Вукаловича и іеромонаха Никифора Дучича.

Послѣ того усиленнымъ четованьемъ же открылось и последнее возстаніе въ Герцеговинѣ въ 1875 г.

И въ обоихъ случаяхъ дѣло завершалось открытою войною съ Турціей.

Это уже особенный видъ четованья, которое предпринималось съ неявнымъ дозволеніемъ правительства, а иногда даже по его указанію. Настоящее же народное четованье больше не существовало.

Долго, однако, оставались еще люди, которые были къ нему слишкомъ привычны и которымъ просто не сидѣлось дома. И то сказать: съ прекращеніемъ четованья они потеряли промыселъ, съ которымъ иные соединяли свое существованіе. Эти-то люди и продолжали четованье въ одиночку или вдвоемъ-втроемъ. Но это уже не было четованье, а гайдучество, въ которое оно выродилось, или просто разбой, такъ какъ велось оно съ узкою цѣлью грабежа и наживы. Были, однако, между ними люди, фанатики ремесла, которые не преслѣдовали никакой матеріальной выгоды для себя: убить турка по ихъ понятію значило сдѣлать что-то для души.

Такимъ въ Команахъ былъ нѣкто Булё изъ братства Радуловичей. Онъ часто, взявъ свой джефердаръ, отправлялся, какъ на охоту, и, засѣвши гдѣ-нибудь близь дороги, убивалъ перваго попавшагося турка, не зная даже, кто онъ и куда идетъ; иногда убивалъ работающаго на нивѣ, что̀ было тѣмъ легче, что земли команъ были смежныя съ турками. Это ставило въ чрезвычайно затруднительное положеніе цѣлое племя команъ, такъ какъ постоянно должны были ожидать того же со стороны турокъ и не смѣли ходить на ближайшій имъ базаръ въ Подгорицѣ. Наконецъ, цѣлымъ племенемъ рѣшено было его убить, но, зная, что это не обойдется безъ жертвъ, его заманили въ церковь, при входѣ въ которую онъ долженъ былъ оставить оружіе внѣ, и убили, какъ только онъ вышелъ изъ церкви. Это было въ 1850-хъ годахъ.

Такое явленіе представляетъ собою нѣчто исключительное; но въ немъ во всей рѣзкости выразилось осужденіе народомъ такого, можно сказать, безсмысленнаго убійства. Вообще же гайдуку оказывалось почтеніе, какъ и прежнему четнику, съ тою разницей, что четники считались борцами за народное дѣло

и дѣйствовали во имя своего народа; тогда какъ гайдукъ дѣйствовалъ по своему личному побужденію и преслѣдовалъ свои личныя цѣли, иногда расходившіяся съ интересами общими. Не видя въ гайдукахъ потребности, народъ уважалъ въ нихъ одну изъ основныхъ черногорскихъ доблестей, храбрость, которая при случаѣ могла быть полезна и народу.

Снисходительность и нѣкоторое участіе къ нимъ проявлялись ради претерпѣваемой ими нужды, такъ какъ гайдукъ живетъ

По три дана о лули дувана,
А четврти о букову лишћу,
А по три дни воде не видио.

И не корыстуется онъ своимъ промысломъ: поэтому дома у него нѣтъ ничего: «хајдучкој мајци по обору трње расте».

Есть еще одинъ видъ гайдуковъ — *качкины*. Въ послѣднее время мы знаемъ такихъ въ Васоевичахъ. Это люди изъ турецкихъ предѣловъ, гдѣ они совершали грабежи и кражи, часто сопровождаемыя убійствомъ, но такъ скрытно, что могли оставаться на своихъ мѣстахъ. Въ концѣ концовъ, однако, мѣстная власть узнавала ихъ; имъ угрожала опасность, и они *ускакивали* въ Черногорію, какъ и другіе ускоки. Не имѣя, однако, въ Черногоріи ничего и будучи не въ состояніи получить что либо изъ своего, оставленнаго въ Турціи, они принуждены были жить воровствомъ; крали тамъ скотъ и продавали въ Черногоріи; а иногда случалось и обратное.

Это, однако, не простые воры. Ихъ, во-первыхъ, на то нагнала необходимость, а во-вторыхъ, это — люди отважные, всегда готовые вступить въ бой и вступаютъ, при чемъ случается, что платятся головою.

Но пришелъ и имъ конецъ. При добрыхъ отношеніяхъ между правительствами Черногоріи и Турціи, всякое воровство и другое преступленіе преслѣдуется одинаково, хотя бы совершено было на чужой землѣ. Принимая, однако, во вниманіе, что

преступленіе, хотя бы то было и убійство, совершено человѣкомъ по неволѣ, вслѣдствіе кагого-либо насилія со стороны турокъ, Черногорія можетъ дать ему убѣжище; но онъ уже не смѣетъ переступить границу обратно для совершенія другого преступленія, какъ и черногорскій подданный, за котораго отвѣчаетъ правительство передъ правительствомъ. Низшій видъ вора съ характеромъ все еще международнымъ называется *кокошар*, (который способенъ только куръ красть, называется и *пеленар*— воруетъ дѣтскія пеленки). Къ этому виду относятся уже съ презрѣніемъ.

Дѣлается различіе между грабежомъ (грабеж, отимање) и воровствомъ (крађа, лупештина): въ первомъ предполагается отвага и доля юначества, а во второмъ только дурная привычка, обманъ, хитрость и ловкость, а въ то же время и прежде всего забота о своей шкурѣ.

Разница выражается въ поговоркѣ:

Вук не краде, но отима;
Јунак не краде, но граби.

Поэтому воръ съ нравственной точки зрѣнія становится ниже грабителя; это—презрѣннѣйшій человѣкъ, гдѣ бы онъ ни совершилъ воровство: «Човјек краде због тога, што њему не баста отети», т. е. что̀ ему не хватаетъ духа отнять открыто.

Трудно, однако, провести точную границу между грабежомъ и воровствомъ. Мы уже упоминали пиперъ, которые, по ихъ собственному признанію, производили грабежъ и воровство въ Подгорицѣ. Цуцы и нѣгуши для такого-же промысла спускались въ Боку; изъ краевъ, смежныхъ съ Герцеговиной, нападали на дома богатыхъ турокъ, жившихъ внѣ города.

И это не считалось позорнымъ, потому что носило характеръ международный. Впослѣдствіи, однако, воровство стало практиковаться и между своими. Г. Богишичъ со словъ самихъ черногорцевъ говоритъ: «и воровство прежде было распространено въ Черногоріи, вслѣдствіе того, что судъ не былъ строгъ и по-

слѣдователенъ при отыскиваніи виновника» («Obič.», стр. 639), что, конечно, и побудило кн. Даніила внести въ Законникъ, исключительно для воровъ, наказаніе палками, котораго прежде никогда не бывало въ Черногоріи и которое считалось самымъ позорнымъ и тяжелымъ, даже хуже смерти, вслѣдствіе чего и прибѣгали многіе къ самоубійству, чтобы избѣжать наказанія, или послѣ него, чтобы не терпѣть позора.

И такъ, прослѣдивши всѣ виды и фазы черногорскаго народнаго воеванія и спеціально войны четницкой, которая была школою, развившею черногорскія доблести, мы видимъ, что мѣры, принятыя по политическимъ соображеніямъ, сдѣлавшія четованье невозможнымъ, низвели его на степень гайдучества или просто разбоя, что впослѣдствіи выродилось въ грабежъ и наконецъ въ воровство. Въ связи съ этимъ въ томъ-же направленіи совершалось вырожденіе и народныхъ нравовъ, такъ какъ воровство, развившееся въ позднѣйшее время, прежде въ Черногоріи не существовало.

Остается сказать, наконецъ, еще объ одномъ видѣ войны или собственно боя между двумя личностями, о поединкѣ.

---

4. Поединки.

Сраженіе или бой въ цѣломъ ходѣ войны составляютъ тотъ главный актъ, къ которому велась вся предварительная подготовка и которымъ рѣшается побѣда одной изъ двухъ сторонъ. Разсказываются, однако, случаи изъ стариннаго времени, когда, вмѣсто битвы двухъ войскъ, дѣло рѣшалось поединкомъ между двумя или нѣсколькими лицами, выбранными съ той и другой стороны, или между главными вождями, какъ Гораціи и Куріаціи въ римской исторіи, Рустемъ и Зорабъ въ персидской, и т. п.

Въ средніе вѣка турниры представляли поединки тоже между двумя лицами или между двумя сторонами, и ими рѣшались вопросы весьма различнаго свойства. Были рыцари, которые разъѣзжали по цѣлому свѣту, отыскивая достойныхъ себѣ соперниковъ. На Западѣ рыцари, на Востокѣ богатыри—были люди, посвятившіе всю свою жизнь поединкамъ во имя какой-нибудь идеи и для прославленія своего народа. Въ такихъ поединкахъ международнаго характера всегда проявляется борьба двухъ, противныхъ одно другому началъ, какъ напр. между христіанствомъ и магометанствомъ.

Сербскій эпосъ полонъ разсказовъ о поединкахъ между представителями этихъ двухъ началъ — христіанскаго и магометанскаго: прототипомъ борца за вѣру и народность у сербовъ является Марко Кралевичъ, а со стороны турокъ Гергелезъ Алія или какой-нибудь «черный арапинъ».

Что касается собственно Черногоріи, здѣсь мы знаемъ объ одномъ только поединкѣ съ международнымъ характеромъ въ пѣснѣ, записанной нами въ Кучахъ на Медунѣ; это—поединокъ между воеводою васоевицкимъ Іованомъ Вишничемъ и «Агой од Медуна». Не знаемъ, къ какому именно времени пріурочить этотъ случай; но приблизительно можно сказать, что это могло быть не позже конца XVI в., такъ какъ послѣ того турки совсѣмъ были вытѣснены изъ Кучъ. О воев. Вишничѣ мы не могли ничего дознать въ Васоевичахъ, что̀ также указываетъ на большую давность случая. Между тѣмъ въ Кучахъ съ точностью опредѣляютъ и мѣстность, гдѣ этотъ поединокъ происходилъ, именно на небольшой травянистой равнинѣ на сѣверной сторонѣ небольшого хребта Церовицы, носящей названіе *Потркъ*, и есть еще болѣе частное названіе того мѣста *Илiин-крст*. Но имя Вишнича не было Илія. Очевидно, что въ пѣснѣ произошло смѣшеніе именъ; и вообще она какая-то нескладная; самое событіе, однако, крѣпко держится въ преданіи; на немъ и остановимся.

Что̀ было причиною поединка, неизвѣстно: можетъ быть, турки, завладѣвшіе въ то время кучами, хотѣли безъ войны

расширить свою власть и на васоевичей. Первый вызываетъ Ага, при чемъ пишетъ Вишничу письмо, приглашая:

Да јуначки дијелимо мејдан;

а въ концѣ ставитъ такое условіе:

И доведи вјереницу љубу,
Е ћу са мном узет моју каду.
Ко добије на мејдан јуначки,
Нек он води обје двије љубе.

Приведи съ собой свою вѣнчанную жену, а я возьму съ собою свою кадуну. Кто побѣдитъ на юнацкомъ поединкѣ, тотъ пусть ведетъ къ себѣ обѣихъ.

Отказа, конечно, не могло быть; они бьются на коняхъ. Вишничъ побѣждаетъ: отрубаетъ Агѣ правую руку и хотѣлъ-было отрубить ему голову; но тотъ взмолился, чтобы не убивалъ его Вишничъ, и отпустилъ бы на излѣченье, а тогда закончатъ поединокъ.

Два года прошло съ тѣхъ поръ, и въ продолженіи этого времени Ага вылѣчился и выучился дѣйствовать лѣвою рукой и опять пишетъ письмо съ тѣмъ же условіемъ, только съ добавленіемъ:

Ако л' бисмо сбратимили,
Да ни љубе дарове опреме.

А если бы мы побратались, то пусть наши жены приготовятъ намъ дары *).

По этому можно предполагать, что дѣло можетъ окончиться мирно «на братску».

Вишничъ является раньше; поставилъ свой шатеръ.

Па за шатор ђога (бѣлаго коня) привезао,
А он пије црвенога вина,
И код њега вјереница љуба.

---

*) Побратимы обычно обмѣниваются дарами.

Является и Ага; Іованъ приглашаетъ его къ себѣ.

Ал' му Ага на то и не гледа;
Но овако њему одговара:
«*Е сад братску свршават не ћемо,*
Доклен једном мејдан савршимо».

Но Ага на то и не глядитъ; а такъ ему отвѣчаетъ: «теперь мы побратимства заключать не будемъ, пока не совершимъ поединка».

Значитъ, о полюбовномъ рѣшеніи не можетъ быть и рѣчи.

Дѣло, однако, окончилось по-прежнему, и въ тотъ мигъ, когда Іованъ хотѣлъ Агѣ отрубить голову, этотъ опять взмолился, ссылаясь на то, что

«Нема мајка до мене једнога,
Да ме гледа на огњиште мајка,
Да ме сједи она саморана».

«Я одинъ только у матери; пусть она любуется мною у очага, сидя со мной одинокая».

Іованъ «за Бога», т. е. для Бога, хотѣлъ его отпустить; но тутъ выскочила его жена и говоритъ:

«Ја те кумим и Богом заклињем,
Не мој туре живо оставити:
Ногом ће се сјећи научити
И тебѣ ће јадом дојадити».

«Молю и заклинаю тебя Богомъ, не отпускай турка живымъ: онъ научится рубиться ногой и доканаетъ тебя».

Іованъ послушался.

Те му турску окинуо главу,
Но му узе коња и оружје
И његову булу кадуницу;

Прими љубу на Агина враца,
А була њој коња водпјаше.
Здраво иде у Васојевиће;
И задоби Агу од Медуна
И вјерну му он поведе калу,
Да му служи вјерну љубу;
Здраво иде, весела му мајка!

Отрубилъ его турецкую голову, взялъ его коня и оружіе и его жену кадуну; посадилъ онъ свою жену на Агина воронка, а турчанка повела коня подъ нею. Благополучно вернулся онъ въ Васоевичи, побѣдивши Агу изъ Медуна, и увелъ вѣрную кадуну, чтобы служила его вѣрной женѣ; благополучно онъ отправляется на радость матери.

Въ позднѣйшее время подобные международные поединки были уже невозможны, такъ какъ турки всякаго христіанина называли влахомъ и считали недостойнымъ становиться съ ними на одну доску. Поэтому поединки въ Черногоріи были только между своими и иногда служили средствомъ при рѣшеніи какого-нибудь спора между двумя сторонами. Это называлось «подіелити мейдан» или «поле»; а выходящій на поединокъ «мейданджія» и «заточникъ».

М. Медаковичъ разсказываетъ случай, гдѣ дѣло было предоставлено поединку; но обошлось безъ того. Вотъ какъ это было: «Косіеры—небольшое село или собственно *поселица*, причисленное къ чужому племени бѣлицъ, которые постоянно жгли ихъ и притѣсняли. Надоѣло это косіерамъ и они частью подарками, частью просьбами склонили главарей Рѣцкой нахіи приписать ихъ къ себѣ. Цеклиняне легко на то согласились; но изъ-за этого привелось имъ постоянно биться съ бѣлицами. Тогда бѣлицы сдѣлали поклпчъ катунянамъ: «Во имя Бога, кто катунянинъ, помогите! Рѣцкая нахія отняла у насъ Косіеры». На поклпчъ собралась вся Катунская нахія и послала Рѣцкой запросъ, откуда ей достались Косіеры. Собралась Рѣцкая нахія ниже Косіеръ на Посайкахъ; а катуняне

выше, на Павличевомъ-ждрелѣ. Каждая нахія заняла свои позиціи, чтобы боемъ рѣшить, за кѣмъ останутся Косіеры. Тогда выступаетъ Турчинъ (имя) Перовичъ изъ Цуцъ и вызываетъ сердаря Іова Перова Дьюрашковича: «О сердарь Дьюрашковичъ!» Отзывается ему тотъ: — Эво ме, о!.. — «Помогай тебѣ Богъ!»—Счастливо было и тебѣ!—«Послушай, во имя Бога, два слова! вотъ изъ-за Косіеръ хотимъ побиться мы, двѣ нахіи;—великій то грѣхъ и безсмыслица, столько людей погубить изъ-за четырехъ косіеръ, которые не стоятъ четырехъ корзинъ угля. Но пусть выберется самый лучшій воинъ изъ Рѣцкой нахіи и выйдетъ на Корито-Косіерско, чтобы подѣлить ихъ съ нами на мечахъ».—Въ Рѣцкой нахіи произошла большая тревога: кто выйдетъ на поединокъ? никто не смѣетъ противъ Турчина. Вызываютъ его опять. — «О, Турчинъ Перовичъ!» — Эво ме, о!... — «Прійди самъ-четвертъ на Корито и разберемъ дѣло.» — Выбралось четыре человѣка, сошлись и мирно разговорились. Спрашиваетъ Турчинъ: «Откуда вамъ Косіеры, Рѣцкая нахія?» — Приняли мы ихъ подъ защиту отъ великихъ притѣсненій со стороны бѣлицъ. Послѣ этого выберите вы 24 катунянина и возьмите ихъ (Косіеры) на свою отвѣтственность; а мы тогда передъ вами отрекаемся отъ нихъ.—Катуняне, сообразивъ, что каждый день биться изъ-за нихъ съ бѣлицами они не могутъ, не захотѣли взять ихъ на свою отвѣтственность (*на душу*) и съ общаго договора дали ихъ Рѣцкой нахіи, въ которой они составили пятую *кнежину*». (Живот и обич., стр. 84—86).

Если поединокъ происходилъ между лицами изъ двухъ различныхъ племенъ, то выбиралось для его выполненія нейтральное мѣсто (см. т. II, ч. 1, стр. 251): такъ, между пиперомъ и кучемъ для поединка была выбрана середина р. Морачи, въ самой водѣ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ стояло войско, наблюдавшее за правильностію боя и въ случаѣ уклоненія съ какой-либо стороны отъ правила, дѣло рѣшалось боемъ между двумя войсками.

При поединкахъ въ одномъ племени или селѣ выбирались съ той и другой стороны секунданты (*кумови*, и глаг. *кумовати*); и,

кромѣ того, присутствовали люди, близкіе тому или другому, и просто зрители, но всегда держащіе одну какую либо сторону.

Опять обращаемся къ М. Медаковичу, который еще засталъ эти поединки. «Въ старое время, — говоритъ онъ, — особенно покуда не было огнестрѣльнаго оружія, поединки бывали часто. Черногорцы носили мечи и длинные палаши и, только заспорятъ о чемъ, сейчасъ дѣлается вызовъ и тотчасъ-же выходятъ на поединокъ. Настоящій же поединокъ происходилъ съ бо́льшею подготовкою».

Тотъ, кто хочетъ вызвать, шлетъ другому яблоко. Яблоко это онъ протыкаетъ иголкой и продѣваетъ сквозь него нить изъ *опрслячи* (женскій передникъ). Вызывающій же назначаетъ день и мѣсто. Получившій яблоко съѣстъ его, и скорѣе готовъ погибнуть, чѣмъ не съѣсть; а затѣмъ шлетъ точно такое же яблоко и вызывающему его со словами: «Въ такой-то день и на такомъ мѣстѣ ожидай меня».

Каждый выбираетъ себѣ секунданта, а также призываетъ и все свое братство или племя, а иногда подымается и цѣлая нахія. Два секунданта несутъ по длинному мечу и по палкѣ. Мечи длинные и острые съ обѣихъ сторонъ. Сойдясь на мѣстѣ, секунданты передаютъ каждый своему мечи, а палки держатъ въ рукахъ. Онѣ служатъ для того, чтобы раздѣлить бойцовъ, когда видятъ, что достаточно было боя или когда поединокъ совершенъ, какъ было уговорено. Если уговоръ былъ, чтобы бились, пока не падутъ оба, то секунданты не мѣшаютъ; если же нѣтъ, то разнимаютъ ихъ, какъ только одинъ другого ранитъ до крови (окрвави), и кто первый ранитъ, того и побѣда. Стороны ихъ послѣ этого расходятся — одна съ торжествомъ, другая со стыдомъ (стр. 83—84).

Изъ книги М. Медаковича-же приведемъ и еще примѣръ. «Случился поединокъ, въ которомъ съ одной стороны секундантомъ былъ нѣкто Пейо Марковичъ, который былъ извѣстный юнакъ и въ тоже время шутливый человѣкъ. Когда бойцы изранили другъ друга и оба пали на землю, другой секундантъ го-

ворить Пею: «Ну, Пейо! теперь побьемся я и ты!» А Пейо ему: «*Вала*, не хочу и не сошелъ я съ ума! если эти двѣ дряни (никоговичи), какъ дикіе кабаны, изранили другъ друга, то развѣ и мы должны также? Чего добивались, то и нашли; мы пойдемъ домой, а ихъ пусть несетъ нелегкая, какъ и понесла» (стр. 86).

Бой на мечахъ установился, конечно, въ то время, когда мечи составляли обычное оружіе; но впослѣдствіи ихъ замѣнили ножи, и мечъ сталъ рѣдкостью; тѣмъ не менѣе для поединка отыскивали мечи.

Приведемъ по этому поводу слѣдующій характерный разсказъ. Рассорились Куйо Марковичъ, извѣстный юнакъ изъ Команъ, и Мирчета Пѣшичъ изъ Фрутка въ Бѣлопавличахъ (онъ и Видо Бошковичъ въ 1843 г. унесли пушку со Спужа) и вызвали другъ друга на поединокъ. У Мирчеты тотчасъ нашелся мечъ; а Куйо не могъ найти иначе, какъ пославъ къ одному знакомому человѣку въ Спужъ. Отправилась туда за этимъ женщина; заполучила мечъ, а чтобы вынести, замотала его въ тряпки и засунула въ беремя дровъ, которое взвалила себѣ на плечи, а передъ собою погнала корову и такъ отправилась.

Вышла она изъ Спужа благополучно; но далѣе встрѣчаетъ стража: «Куда идешь и зачѣмъ?»—Гоню скотинку на прокормленіе—отвѣчаетъ женщина. Пропустили. Далѣе опять стража и уже не столь мягкая: одинъ турокъ изъ озорства ударилъ ножемъ по веревкамъ, которыми были увязаны дрова; дрова развалились и съ ними выпалъ мечъ, завернутый въ тряпки. «Что это?» Разматываетъ и видитъ мечъ. А женщина тѣмъ временемъ ушла въ гору и закричала. Тутъ же былъ и Куйо съ четой: онъ ударилъ на турокъ, и мечъ остался въ его рукахъ.

Послѣ того онъ отправляется на поединокъ; а соперникъ его уже ждетъ близь моста черезъ р. Сушицу. Поединокъ однако не состоялся, и первый отступился Куйо: «Я,—говоритъ онъ своему сопернику,—уже старъ, а ты въ полной силѣ; слава моя извѣстна и, убивши тебя, я не прославлюсь больше; но скорѣе ты побѣдишь, какъ молодой и болѣе проворный, а потому и

тебѣ не будетъ большой славы, что убилъ стараго Куя».—И такъ помирились.

Въ томъ же родѣ не состоялся поединокъ между Іокомъ Шпадіеромъ, извѣстнымъ юнакомъ и весьма уважаемымъ въ Черногоріи, и Ивомъ Ивановичемъ, его односельчаниномъ, но еще молодымъ человѣкомъ.

Состоялся однажды поединокъ на пистолетахъ между извѣстными лицами: пиперскимъ сердаремъ Іолемъ Пилетичемъ и ровчанскимъ серд. Павичемъ Влаховичемъ, въ которомъ первый былъ раненъ въ щеку и упалъ. Это было при кн. Даніилѣ, который въ то время былъ на Рѣкѣ и, узнавши объ этомъ по возвращеніи, былъ сильно возмущенъ; а такъ какъ поводомъ къ ссорѣ послужило неповиновеніе Павича какому-то распоряженію князя, то рѣшено было его разстрѣлять. Тогда Іоле кинулся къ князю и сталъ уговаривать, чтобы это рѣшеніе было отмѣнено, выставляя при этомъ всѣ заслуги и высокія достоинства обвиненнаго, и въ то же время разсказалъ всѣ подробности дуэли, не скрывши, какъ онъ трусилъ. Разсказъ его сильно насмѣшилъ князя, и онъ, вмѣсто казни, тотчасъ же назначилъ виновнаго капитаномъ въ Ровцы.

Впослѣдствіи мечи замѣнены ножами и при кн. Даніилѣ были еще поединки на ножахъ и весьма жестокіе; но кн. Николай ихъ окончательно запретилъ; а въ Законникѣ кн. Даніила (1855 г.) мы находимъ слѣдующую 40 статью:

«Дѣлить поле должны одни только соперники, безъ секундантовъ и безъ присутствія войска и безъ чьей бы то ни было помощи; а еслибы кто-нибудь явился секундантомъ или за помощника соперникамъ, тотъ будетъ оштрафованъ сотнею талеровъ».

Изъ приведенныхъ случаевъ видно, что поединокъ между своими не привился въ Черногоріи и вообще не въ духѣ истиннаго черногорца, который безъ страха смотритъ въ глаза смерти, если есть за что умереть и къ тому призываетъ его долгъ передъ отечествомъ, но неохотно подставляетъ свою грудь шальной пулѣ шальнаго человѣка.

Есть еще способъ поединка, когда стрѣляютъ другъ въ друга въ одно время и въ упоръ, при чемъ всегда почти падаютъ оба мертвыми, если у одного изъ нихъ не будетъ осѣчки. Это впрочемъ способъ арнаутскій.

---

7. Правила и способы воеванья, вытекающіе изъ фактовъ военной жизни Черногоріи.

Причины или поводы войны.—Возвѣщеніе войны по Черногоріи и приготовленія къ ней.—Развѣдки относительно непріятеля.—Созывъ и раздѣленіе войска.—Кто управлялъ войскомъ и кто были простые воиники; характеристика тѣхъ и другихъ.—Походъ.—Время нападенія.—Раздѣленіе войска передъ большою битвой.—Общій ходъ битвы.—Мѣсто предводителя въ войскѣ.—Барьяктары и ихъ значеніе въ битвѣ.—Перестрѣлка.—Юришъ (приступъ).—Отдѣльныя картины боя.—Истребленіе побѣжденнаго непріятеля.—Отрубанье головъ.—Сверстка убитыхъ съ той и другой стороны.—Чѣмъ обусловливался счастливый исходъ битвы.—Значеніе мѣстности, искусство въ выборѣ позицій и умѣнье скрываться.—Отсутствіе страха смерти въ бою.—Военная добыча, ея раздѣлъ и особыя награды.—Повиновеніе.—Пощада христіанъ, участниковъ въ битвѣ.—Что дѣлалось въ случаѣ пораженія.—Взглядъ черногорца на битву и военное счастье.—Настроенье при отправленіи на войну и передъ боемъ.—Дополнительныя подробности, относящіяся къ битвѣ.—Изображенія смерти въ бою.—Общее заключеніе.

Представивши фактическую сторону черногорской войны, попытаемся собрать нѣкоторыя постоянныя правила и способы, которыхъ держались черногорцы, насколько это можно видѣть изъ фактовъ ихъ военной жизни.

Прежде всего остановимся на причинахъ, вызывавшихъ войну, и побужденіяхъ, которыми руководились и одушевлялись черногорцы, вступая въ нее.

Въ войнѣ оборонительной, само собою разумѣется, всякимъ народомъ руководитъ естественное чувство самозащиты; но, поднимаясь противъ турокъ по призыву русскаго царя Петра I и потомъ противъ французовъ по приглашенію также Россіи и другихъ бывшихъ съ нею въ союзѣ державъ, черногорцы поднимались противъ тиранства, которое непосредственно на нихъ не тяготѣло, хотя и угрожало имъ въ будущемъ; они руководились

въ этихъ случаяхъ освободительными стремленіями вообще, чтобы помочь угнетеннымъ противъ ихъ тирана. Во имя освободительной же миссіи Черногорія вступила и въ послѣднюю войну съ Турціей въ 1876 г.

Есть, впрочемъ, въ этихъ войнахъ и элементъ политическій. Черногорія дѣйствуетъ въ нихъ, какъ политическая единица, въ видѣ союза племенъ сначала подъ главенствомъ *владыки* (митрополита), а потомъ князя; и причины войны были также политическія, при чемъ участники имѣли въ виду расширеніе своей страны или другія какія-либо выгоды.

Самою характерною, чисто народною формою войны въ Черногоріи является четованье, которое принимало иногда размѣры цѣлыхъ военныхъ экспедицій.

Мы говорили о четованьи исключительно въ старой Черногоріи, гдѣ и у стоящихъ во главѣ ея владыкъ была въ головѣ политическая задача, и часто по внушенію этихъ владыкъ и совершались эти военныя предпріятія.

Но впослѣдствіи къ Черногоріи присоединилось племя васоевичей, составляющее теперь сѣверо-восточную ея часть, а когда-то жившее совершенно на своей волѣ и за свой счетъ всегда воевавшее съ турками, иногда подъ предводительствомъ своихъ воеводъ, а большею частью подъ предводительствомъ простыхъ арамбашей, и проникавшее очень далеко въ глубь турецкой территоріи, напр. въ Шумадію (нынѣшнее кор. Сербію).

Объ одномъ такомъ походѣ въ концѣ XVII или началѣ XVIII в. сохранилась пѣсня, по которой и сообщимъ о немъ. Предприняли его два васоевицкихъ воеводы, Дьека и Вуксанъ изъ Трешнева, и пригласили съ собою кучскаго воеводу Радоню, Райковичъ-Батрича изъ Лѣвой-рѣки (въ Васоевичахъ же), Батрича изъ братоножичей и еще «краля Деду Клименачку главу» *).

---

*) Главарь племени климентъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ кучами и васоевичами, въ настоящее время католиковъ и причисляющихъ себя къ албанцамъ, а когда-то бывшихъ сербами.

Прежде всего они разорили и ограбили сосѣдній Бихоръ до г. Бѣлаго-поля, а потомъ отправились далѣе:

Похараше Пештер и Сјеницу.
Прескочише на Јавор-планину,
Искочише Јелици-планини.
Ту нађоше Лауш-капетана,
Ђе хараше Шумадију равну;
И ту своје смијешаше војске.
Па да видиш невјерна маджара!
Ту отрова војводу Радоњу *).
Ту војводе растурише војску,
Кад им главна не стаде војводе.

Разорили Пещеръ и Сѣницу (въ Новобазарскомъ санджакѣ), пробрались на Яворъ-планину, дошли до Елицы-планины (внутри Сербіи, близь р. Моравы и г. Чачка). Тутъ нашли Лауша-капитана, который грабилъ ровную Шумадію. Тутъ они соединили свои войска. Но посмотри невѣрнаго мадьяра! онъ отравилъ воеводу Радоню; а тогда воеводы распустили войско, такъ какъ не стало главнаго воеводы.

Такимъ образомъ экспедиція разстроилась. Но кто былъ этотъ Лаушъ-капитанъ, какъ онъ попалъ въ Шумадію и зачѣмъ отравилъ воеводу Радоню?

Не имѣя никакихъ указаній для рѣшенія этихъ вопросовъ, мы останавливаемся на томъ только, что оба предводителя (мадьярскій и сербскій) не сошлись въ цѣляхъ и планахъ: въ то время, какъ сербы шли бить и грабить турокъ, какъ враговъ и притѣснителей тамошняго сербскаго населенія, мадьяры грабили этихъ сербовъ и, можетъ быть, держали сторону сильныхъ турокъ.

*) Отравленіе произошло яблокомъ, которое мадьяръ разрѣзалъ на двѣ половины ножомъ, отравленнымъ съ одной стороны, такъ что изъ двухъ половинокъ одна была отравленная, которую онъ и подалъ Радонѣ.

Отправлялись въ Шумадію и простые васоевицкіе арамбаши, какъ Марковичъ Милошъ, Дьиковичъ Милошъ, Лаушичъ Іованъ и др.

Удосужившись отъ сельскихъ работъ и собравшись съ силами, предводители эти набираютъ чету и рѣшаютъ прежде всего вопросъ, куда отправиться:

Али ћемо Плаву, ал' Гусињу?
Али ћемо Пећи, Дукађину?
Ал' крваву граду Колашину?
Али ћемо низа Шумадију?

Пойти ли намъ на Плавъ, или на Гусинье? или на Печь, Дукадьинъ? или на кровавый городъ Калашинъ? или внизъ на Шумадію?

И рѣшаютъ—въ Шумадію, причемъ предводитель четы объясняетъ цѣль этого похода такъ:

Потражићу пашу одъ Зворника;
Е сам чуо и кажују људи,
Да је пашче умом побјеснило
И велики зулум учинило:
Обљубио триста ђевојака
Су његове тридесет дахије;
Родило се триста копилади.
Па сам чуо и кажују људи,
Ђе не смију ђецу покрстити
Од силнога паше од Зворника.
Оће, цуре да му ђецу њиве,
Па да ђецу узме у дахије,
Да и они силни зулум граде
По Србији и по Шумадији.
А ја више то слушат не могу,
Што од срба веље јаде граде

И муке им велике задаjу.
Жив не био, е га нећу наћи
И ш њим ћу се наћи поздравити.

Поищу я тамъ Зворницкаго пашу, о которомъ слышалъ я и говорятъ люди, что онъ, песъ, взбѣсился и дѣлаетъ страшныя насилія: обезчестилъ 300 дѣвушекъ со своими тридцатью дахіями; родилось отъ нихъ триста ребятъ; и, какъ слышно и говорятъ люди, не смѣютъ крестить дѣтей; не даетъ паша Зворницкій. Онъ хочетъ, чтобы дѣвушки тѣхъ дѣтей ему вскормили, а потомъ ихъ взять въ дахіи, чтобы послѣ и они дѣлали насилья по Сербіи и по Шумадіи. Я не могу больше слушать, какія великія насилія причиняютъ сербамъ и какимъ великимъ мукамъ подвергаютъ ихъ. Не хочу быть живъ, если не найду его, а тогда сумѣю съ нимъ поздороваться.

Васоевичи, надобно замѣтить, въ то время находились въ хорошихъ отношеніяхъ со своими *агами* *), на земляхъ которыхъ жили, удѣляя за то кое-что изъ своихъ произведеній: масла, сыра, меду и др., и потому пользовались полнымъ благосостояніемъ. Поэтому такіе военные походы предпринимались никакъ не отъ нужды или съ цѣлью наживы грабежомъ, но съ истиннымъ желаніемъ облегчить судьбу своей страждущей братіи.

При такой подготовкѣ въ прошломъ, васоевичи, въ позднѣйшее время, лишь только заслышали о возстаніи Карагеоргія, тотчасъ устремились подъ его знамена.

Въ мелкихъ предпріятіяхъ отдѣльныхъ четобашей, какъ мы видѣли, причиною и цѣлью бывали: месть за кого-либо изъ своихъ близкихъ, убитыхъ турками; иногда просто удаль и желанье помѣряться силами; а иногда и нажива; но постоянное воеванье вошло, наконецъ, въ нравы и обычаи народа, и для того не требовалось никакихъ причинъ, а только предлогъ и удобный случай.

---

*) Вся земля считалась собственностью турокъ—*агъ* и *беговъ*, а христіане обработывали ее на правахъ пользованья.

Мы говоримъ здѣсь о войнѣ преимущественно съ турками и при этомъ не идемъ дальше правленія владыки Петра II, когда Черногорія жила еще племенною жизнію и управлялась своими племенными главарями; такъ какъ послѣ него племенной бытъ уступаетъ государственному, при которомъ всѣмъ управляетъ государственная власть, забирая въ свое распоряженіе всѣ высшія отправленія народной жизни, и народной волѣ нѣтъ больше свободы и простора.

Что касается начала войны, то тутъ не бывало никакихъ предварительныхъ объясненій. Турція, все время смотрѣвшая на Черногорію, какъ на страну, во что бы то ни стало, подлежащую ея завоеванію, какъ только представлялся удобный случай, напр. внутреннія несогласія въ Черногоріи, — тотчасъ собирала войско и нападала не только безъ объявленія войны, но и стараясь скрыть свое намѣреніе, чтобы застать черногорцевъ врасплохъ. Иногда только этому предшествовало требованіе харача (дани), за отказомъ въ которомъ непремѣнно слѣдовала война; а тогда, конечно, начинали приготовляться и черногорцы.

Если было видно, что турки не могутъ сдѣлать нападенія тотчасъ-же, сразу, то владыка предварительно собиралъ на Цетиньѣ *скупштину* (народное собраніе): собственно сзывались главные вожди ото всѣхъ племенъ, и тутъ прежде всего рѣшался вопросъ, итти-ли на войну, или какимъ нибудь способомъ отклонить ее (отрицательныя рѣшенья впрочемъ врядъ-ли бывали когда нибудь, если внутри не было разлада), и затѣмъ договаривались о главномъ планѣ. Впослѣдствіи въ рѣшеніи вопроса о войнѣ, какъ и въ другихъ дѣлахъ, сталъ играть важную роль *гувернадуръ*, которому иногда повѣрялась и главная команда надъ войскомъ.

Послѣ этого по всѣмъ племенамъ и селамъ разсылались вѣстники (*гласоноша*, *поклисар*, *улак*). Вѣстники эти, приходя въ какое-либо племя, также дѣлали собранье въ опредѣленномъ собственно для того мѣстѣ (на Кчевѣ и Трешневѣ «сборна главица», въ Нѣгушахъ «банак» и др.). Тутъ объяснялось только собрав-

шимся, въ чемъ дѣло, а затѣмъ раздавался выстрѣлъ съ покличемъ... «А! ко' је витез, ко' је црногорац! у име Бога за крст часни!» и всѣ, расходясь съ мѣста собранія по своимъ селамъ, стрѣляли и выкрикивали тотъ же покличъ; и ему отвѣчали тѣмъ же. И задымится тогда каждая скала, застонутъ горы и долы, закопошится каждая яма, въ которой пріютилось жилище, и въ нѣсколько часовъ каждый бѣжитъ къ своему главному мѣсту, гдѣ уже дѣлались надлежащія распоряженія.

Узнавъ, куда итти, каждый схватываетъ оружіе, беретъ свою *торбицу обрамницу* (сумку), въ которую положенъ уже *брашненик* (т. е. хлѣбъ), и боевую аммуницію и несется къ тому мѣсту, гдѣ назначенъ сборъ войска.

На первомъ же совѣтѣ главарей опредѣлялось, гдѣ долженъ быть главный станъ (*око*, род. пад. *окола*), откуда войско дѣлилось на части, и каждая часть отправлялась на указанныя ей позиціи для выполненія опредѣленной ей задачи въ общемъ планѣ.

До начала однако военныхъ дѣйствій первое и самое важное дѣло было собрать точныя свѣдѣнія о непріятелѣ: какія у него силы, расположеніе ихъ и куда намѣрены направиться. Эти свѣдѣнія получались отъ христіанъ, живущихъ въ турецкой границѣ, непосредственно, для чего они тайно являлись въ черногорскій лагерь; или черногорцы посылали отъ себя лазутчика (*ухода*), который иногда прикидывался перебѣжчикомъ и предлагалъ турецкому войску быть его вожакомъ (*калауз* и глаг. *калаузити*), путеводителемъ съ цѣлью завести его на гибельное для него мѣсто.

Дѣло это считалось такимъ важнымъ, что оно поручалось только людямъ самымъ опытнымъ и вполнѣ надежнымъ, и потому, не довѣряя другимъ, главари иногда сами производили эту развѣдку; такъ какъ недостаточно было получить свѣдѣнія о числѣ непріятеля, но требовалось и правильно оцѣнить его силу и занимаемыя имъ позиціи, а также и способности его предводителей.

Такъ передъ битвою на Царевомъ-лазѣ (1712 г.) *уходами*

отправляются два брата Янко и Богданъ изъ знатнаго цеклинскаго братства Дьюрашковичей, а по ихъ просьбѣ присоединяютъ къ нимъ Вука Раслапчевича, по прозванію *Големога,* который

Турску земљу често проходио,
Знаде турски, знаде арбанашки.

Въ турецкій лагерь пробрался только Вукъ Раслапчевичъ и, разузнавъ, что̀ требовалось, о войскѣ, сообщилъ это Дьюрашковичамъ, которые отправились обратно къ своимъ для передачи полученныхъ свѣдѣній; а Вукъ Раслапчевичъ остался, какъ будто предавшись туркамъ и согласившись быть ихъ калаузомъ. При томъ онъ составилъ уже планъ, какъ повести турокъ, и планъ этотъ сообщилъ Дьюрашковичамъ, чтобы сообразно съ нимъ вели свое войско черногорцы.

Воротившись къ своимъ, Дьюрашковичи сообщаютъ полученныя свѣдѣнія прежде всего двоимъ главнымъ вождямъ, попу Жутковичу и Вуку Митюновичу, не скрывая истины, что непріятелей такъ много, что

«Да би смо се сољу прометнули,
Не би смо им ручак осолили».

Если бы всѣ мы обратились въ соль, не могли бы дать имъ соли для обѣда.

Вукъ Митюновичъ при этомъ велитъ имъ передъ владыкою говорить иначе, что̀ и исполнилъ Янко, прибавивши къ тому:

Него се је војска побољела,
Побољела од далека пута;
Хроми кони, а јунаци бони;
Да ја имам стотину јунака,
Ка' сокола Мићуновић Вука,
На сред би му Зете ударио,
На сред Зете и посред ордије,
Наш мегдан би, ако Бог да, био!

8*

Но войско ихъ расхворалось, расхворалось отъ длиннаго пути; хромы кони, а юнаки всѣ больные; еслибъ мнѣ имѣть сотню такихъ молодцовъ, какъ соколъ Митюновичъ Вукъ, ударилъ-бы я на середину его Зеты, въ середину Зеты и въ середину его орды: съ божьей помощью, побѣда была бы наша!

Вукъ же Раслапчевичъ исполнилъ свое дѣло: повелъ турокъ и, идя передъ ними, посредствомъ пѣсни далъ знать своимъ, гдѣ самая сильная сторона у турокъ.

Приведемъ одинъ примѣръ, какимъ образомъ войско созывается, распредѣляется по мѣстамъ и становится на боевую ногу.

Въ 1800 г. никшицкіе турки измѣнили миру, который только что былъ заключенъ между ними и влад. Петромъ I. Владыка рѣшилъ за то наказать ихъ и потому пишетъ на Чево Симу Милутинову, чтобы онъ собралъ войско и напалъ на Рудины, гдѣ обыкновенно никшичи стояли со своими овцами. Симо приглашаетъ на совѣтъ вліятельнаго въ то время булюкбашу Митя Гардашевича. Собирается скупштина на «сборной главицѣ» и потомъ разсылаются письма: Раму Лазаревичу въ Загарачъ, Іовану кнезу Цеклицкому, воев. Вуксану Миличу въ Бѣлицахъ, Шуню Пешикану въ Горнихъ Цуцахъ и въ Нижніе Цуцы, чтобы приготовились къ войнѣ; а сборнымъ мѣстомъ назначены Кобыльи-Долы въ Цуцахъ, куда отправляется и самъ Симо съ Гардашевичемъ и другими озриничами:

Доклен Долу-Кобиљему доће,
А ту младе црногорце наће;
Па од војске купи буљукбаше,
Те вијећу с њима учинио.
Отолен се војска подигнула;
Доклен војска на Јабуку доће,
Ту ми војско разређива дивно;
Што је било старо и нејако,
Њима тура струке и торбице.

Когда прибылъ на Кобыльи-Долы, тамъ засталъ ужъ моло-

дыхъ черногорцевъ; и сталъ собирать по войску предводителей и договорился съ ними. Оттуда войско и тронулось. А когда войско пришло на Ябуку, тогда онъ прекрасно распредѣлилъ войско; старикамъ и слабымъ поручилъ нести струки и торбицы.

А далѣе одному (Шуню Пешикану) поручаетъ съ тремя сотнями ударить на извѣстные дома на Никшицкой равнинѣ; другому (Митю Гардашевичу, иначе Турчиновичу) — ударить на дома никшичанъ въ Требчѣ и т. д.; а главное войско ударило на Рудины. Турки, не приготовленные къ тому, бѣжали и бросили свои стада, доставшіяся въ добычу черногорцамъ. (Србск. Оглед. L.).

Въ другомъ случаѣ войско распредѣляетъ чевскій воевода Митё:

«Ходте мене, Миħа, послушаjте,
Ере ħу вас разђелити дивно:
Хаjде води, Петре буљукбашо!
Хаjде води неколико воjске
У равноме долу Љешковоме,
Да њим не даш побjеħ уз Бањане;
А ти хаjде, Шуњо Пешикане!
Хаjде води други дио воjске
У зелену гору Церовицу,
Да им не даш бjежат Jеловици;
Jа ħу водит треħи дио воjске
Тамо доле, у црно валовље,
Да им не дам бjежат уз Вардаре».

(С. О. LIII, 95—107).

(т. е., послушайте меня, Митя; распредѣлю я васъ чудесно: ты, Петръ булюкбаша, веди войско, веди нѣсколько войска на Лѣшкову равнину, чтобы не дать имъ (туркамъ) побѣжать въ Баняны; а ты, Шунё Пешиканъ, веди другое отдѣленье войска въ зеленую гору Церовицу, чтобъ не пустить ихъ въ Ело-

вицу; я поведу третье отдѣльное войско туда въ темныя долины, чтобъ не дать имъ бѣжать на Вардары.

Здѣсь булюкбаши, тѣ самые, которые прежде водили четы, являются предводителями отдѣльныхъ частей войска, и каждый по своему разумѣнію и на свой страхъ исполняетъ свою задачу. Они же обычно поднимаютъ или собираютъ войско:

Буљукбаше на ноге скочише,
За њима се војска подигнула.

Дѣлилось войско на части по племенамъ и братствамъ. Племенной характеръ виденъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ въ народной пѣснѣ:

Прискочило тридест Брајовићах,
Све војника, све *једнога лика.*

(т. е., подоспѣло тридцать Брайовичей, все войники, лицомъ всѣ, какъ одинъ).

Здѣсь родство усматривается не только въ общемъ прозвищѣ, но и въ сходствѣ ихъ другъ съ другомъ лицомъ.

Или еще:

Па и трећа помоћ долазила,
Од Загреде Митровићу Марко
И за њиме *четирдест Бурићах.*

Изъ того же племени и братства были и предводители этихъ частей и, связанные всѣ родствомъ, они гибли одинъ за другого; тутъ не было мѣста ни зависти, ни соревнованью.

Когда собиралось большое войско изо всѣхъ частей Черногоріи, то былъ всегда одинъ главнокомандующій. Таковыми могли быть: владыка, гувернадуръ или другой какой-нибудь знаменитый, всѣмъ народомъ уважаемый главарь.

Начальниками частей, какъ мы уже говорили, были племенные главари.

Военачальниками были, конечно, люди постарше, уже испытанные въ бояхъ и потому пользующіеся всеобщимъ довѣріемъ и авторитетомъ; а простые воины были изъ молодежи. Поэтому и говорится о цѣломъ войскѣ: «млади црногорци» или иначе *момчад* и *ђеца*, какъ у насъ *ребята*: «те кликује ђецу рвашане»; «скочи Вуче, а за њиме ђеца рвашани»; «листом ђеца на ноге скочише»; «момчад љута бојем привруђила»; «ћерају их момчад црногорска».

Вотъ еще нѣсколько мѣстъ изъ пѣсенъ, указывающихъ изъ кого состояло черногорское войско:

И вијећу (договоръ) таку учинише,
Да сакупе *младе црнгорце*,
По крајини *крваве јунаке*.
А чобанах стотину јунаках,
Све *момчади*, као мрке вуке.
А за Јакшом шестдесет ускоках
Све голога (только) *момка нежењена*,
Кои може стићи и утећи,
А на муку друга причекати
(или: А на страшном мјесту дочекати),
На запету пушку дочекати,
А турачку главу уграбити.

Све по пушци у крвавој руци,
Те од ране јаукнути неће,
Ни до себе уплашити друга;
Но све брзца и љута бојника.

Это была все молодежь въ родѣ описаннаго выше Новицы Радовича, у котораго не было еще усовъ, а онъ уже «посѣкъ» извѣстнаго турецкаго юнака Малича-техаю, будучи вооруженъ только пистолетомъ. Лучшимъ оружіемъ были у него беззавѣтная, можно сказать, безумная храбрость и свойственная только такой молодости легкость, гибкость, ловкость, верткость. Глав-

ное войско набиралось изъ той молодежи, которая, какъ мы видѣли, участвуя впервые въ четованьи, не умѣла крыться за камень, какъ дѣлали старшіе, и которой, при отправленіи на войну, отецъ и мать завѣщали не возвращаться домой съ раною, полученною сзади. Когда требовалось какое-нибудь отчаянное дѣло, какъ напр. было Якшѣ-капитану, то брали «све голога момка нежењена», т. е. исключительно неженатыхъ, потому что нѣтъ привязанности сильнѣе, какъ у отца къ его семейству, которою и умѣрялась бы храбрость.

У старшихъ, конечно, не можетъ быть той горячности, живости, легкости и безумной храбрости, какъ у молодежи; но у нихъ есть опытность, сообразительность, до инстинкта развившееся военное искусство и ловкость, чего не достаетъ молодежи. Поэтому черногорская пословица говоритъ: «старца послушай, но за нимъ не иди», такъ какъ онъ хорошо совѣтуетъ, но итти, въ скорости угнаться за молодежью не можетъ, и въ немъ больше развито чувство самосохраненія; хотя говорится и еще: «Без старца нема ударца», т. е. молодежь съ одними принадлежащими ей качествами не въ состояніи нанести непріятелю рѣшительнаго удара безъ участія въ томъ людей зрѣлыхъ.

Походъ обыкновенно совершался ночью:

Колико им ноћца дуга била,
Сву ноћ иду млади црногорци.

До вступленія въ чужіе предѣлы войско шло спокойно, дѣлая остановки днемъ, гдѣ есть вода и другія удобства, и при этомъ старались хорошо отдохнуть и собраться съ силами:

Кад се срби наједно састаше,
Ту су срби рахат учинили,
Међу собом игру затурили:
Скок скакаху, а камен метаху,
А гађају нишан на бјељегу.
Док их био данак оставио,

А тамна их ноћца приклопила'
Буљукбаше на ноге скочише;
За њима, се војска подигнула
И сва војска низ Сеоца мину (С. О. LV, 81—90).

А когда сербы вмѣстѣ собрались, тутъ они сдѣлали роздыхъ межъ собою затѣяли игры: прыгали, бросали камни, въ цѣль стрѣляли. Когда же ихъ оставилъ день и покрыла темная ночка, булюкбаши вскочили на ноги; за ними поднялося войско и направилось внизъ къ Сеоцамъ.

Но, только вступали въ чужіе предѣлы, спокойствіе это кончалось и все вниманіе обращалось на то, какъ бы не попасть въ засаду. Тогда наблюдалась крайняя осторожность и вниманіе ко всякой мелочи, для простого наблюдателя не имѣющей значенья.

Все это лежало на обязанности предводителя отряда, который сообразно съ тѣмъ принималъ мѣры и дѣлалъ распоряженія. Такъ Байо Гавриловичъ посылаетъ Зека Пешикана:

«Пођи, Зеко, на воду Риђицу;
Ако буду око воде турци,
Биће вода попивена хладна;
А ево ти божју вјеру дајем:
Ако би се турци кајасили,
А и тебе, Зеко, обиграли,
Данас ће те Бајо осветити».
Ма јест јунак Пешикане Зеко,
Посриједи узе джефердара,
Наврх воде излазио хладне:
Кад погледа води у скалине,
Ал су води скале поквашене.
Тако Зеко ријеч проговара:
«Ево турци око воде, Бајо!»

«Пойди, Зеко, на воду Ридьицу (цистерна); если близь нея

есть турки, то вода въ ней будетъ выпита; и клянуся я тебѣ: еслибы турки ударили и тебя бы, Зеко, окружили, тогда-же Байо отомститъ за тебя». Зеко Пешиканъ юнакъ; взялъ онъ свое ружье посрединѣ и пошелъ къ той холодной водѣ; посмотрѣлъ на ступеньки, а ступеньки тѣ мокрыя. Тогда Зеко проговорилъ: «Вотъ они у воды турки, Байо!»)

А вмѣстѣ съ тѣмъ раздается выстрѣлъ и Зеко падаетъ раненый (С. О. XLVIII, 69—82). Нападенье дѣлали обыкновенно на зорѣ или еще раньше: «док у јутро истекла даница» или: «доклен зора није помолила лица».

Въ пятницу не боялись нападенья турокъ:

Дође војско (турецкое) у Морачу тврду
И три дана траје у Морачу.
Кад четврто јутро освануло,
Ту освану петак, турски светац,
Кад с' не боје срби од тураках.

Пришло турецкое войско въ каменистую Морачу и три дня стояло въ Морачѣ. Когда разсвѣтало четвертое утро, была пятница, турецкій праздникъ, когда сербы не боятся, что ударятъ турки.

Когда ожидается большая битва и собирается большое войско, то послѣднее дѣлится на центръ или ядро (*яка*) и два крыла (*крило*). Впередъ пускался отрядъ, назначеніемъ котораго было задѣть непріятеля, вызвать его на дѣйствіе и увлечь на желанную мѣстность, гдѣ и подготовлялся главный, рѣшительный бой. Часть войска всегда находилась въ запасѣ и была скрыта: ея задача была охранять главное войско, чтобы не ударилъ непріятель сбоку, и для подмоги вступившимъ въ бой раньше. Это можно видѣть въ описаніи боя на Крусахъ. Общій же ходъ битвы вмѣстѣ съ подготовкою представляетъ намъ описаніе битвы на Граховѣ въ 1843 г. въ сообщеніи владыки Петра II русскому консулу въ Дубровникѣ. Вотъ это сообщеніе:

«Турокъ (изъ Босніи и Герцеговины), по вѣрнымъ извѣстіямъ, было отъ 12-ти до 15,000; черногорцевъ 4—4,500. Но такъ какъ скадарскій визирь и Албанія тоже начали нападать на наши пограничныя села, то я принужденъ былъ отправить 1,500 чел. на албанскую границу, чтобы остановить визиря, который самъ предводительствовалъ албанцами. Герцеговинцы (турки), какъ только заслышали, что имъ помогаетъ скадарскій визирь, охрабрились и начали толпами вступать на граховскій предѣлъ. *Я не хотѣлъ, чтобы сраженіе произошло на турецкой границѣ; но мы все ждали, чтобы турки ближе подошли къ нашему лагерю и чтобы побиться съ ними вплотную.* Я пускалъ по 5—600 чел., и они имѣли съ турками нѣсколько схватокъ, и турки, не смотря на свое численное превосходство, не имѣли успѣха и не смѣли спуститься на Грахово-поле до 16 сент. Въ тотъ день около 1,000 турецкой кавалеріи напало и разсыпалось по равнинѣ; нашимъ двоимъ отрубили головы и нѣсколькихъ ранили; но черезъ нѣсколько часовъ они принуждены были оставить Грахово, унеся съ собою нѣсколько убитыхъ и раненыхъ и бросивши на мѣстѣ сраженія нѣсколько убитыхъ лошадей. На другой день явилась и пѣхота въ числѣ 4—5,000 чел. и горячо ударила на наше лѣвое крыло, гдѣ нашихъ было не болѣе 800 чел.; но занимали они хорошую позицію. Четыре часа герцеговинцы со всею силою нападали на нихъ, стараясь выбить изъ позиціи, но они храбро защищали свою позицію и не дали туркамъ сжечь ни охапки соломы. *Правое наше крыло, которымъ предводительствовали сенаторы*, не трогалось съ мѣста, потому что на него ожидался самый сильный ударъ; но передъ самымъ вечеромъ одна сотня изъ резерва отправилась въ помощь лѣвому крылу, и это дало такой оборотъ, что турки принуждены были бѣжать; а наши гнали ихъ до крѣпости Клобука.

«Въ этомъ сраженіи погибло много турокъ и ихъ лошадей и послѣ на мѣстѣ сраженія найдено нѣсколько оружія и патроновъ, которые турки побросали; у насъ же было всего нѣсколько раненыхъ; за все время этихъ битвъ у насъ было только два уби-

тыхъ и 20 раненыхъ; а у турокъ было 150 чел. убитыхъ и раненыхъ; сверхъ того у нихъ отнято 60 лошадей, которыхъ столько же осталось издохшихъ. *Это дало урокъ герцеговинцамъ, и они уже не смѣли больше нападать на насъ со всею силою»*.

Изъ этого описанія мы узнаемъ, что главнымъ правиломъ у черногорцевъ было:—встрѣтить непріятеля на своей территоріи и завлечь его, какъ можно глубже, задѣвая малыми отрядами, и, только когда этотъ маневръ удастся, ударить со всею силою, *побиться вплотную*. Ударъ этотъ всегда бываетъ жестокій, при томъ выжданный, хорошо разсчитанный и потому всегда почти дающій побѣду надъ непріятелемъ. Правымъ крыломъ, на которое ожидался самый сильный ударъ, командовали *сенаторы*, т. е. воеводы и вообще испытанные въ бояхъ главари въ родѣ Вука Мандушича, Вука Митюновича и др. на Царевомъ-лазѣ. Планъ цѣлаго боя былъ впередъ намѣченъ самимъ владыкою вмѣстѣ съ другими вождями и всѣ его держались; во время же самого боя владыка находился въ серединѣ того войска, на которое было самое сильное нападеніе, все равно какъ и на Царевомъ-лазѣ владыка Даніилъ, участвуя въ бою, получилъ ударъ саблею, отъ котораго спасъ его только наперсный крестъ. Точно такъ и владыка Петръ I лично участвовалъ въ бою на Крусахъ.

Въ большой битвѣ главный предводитель находился въ серединѣ войска; въ четницкой же войнѣ арамбаши и начальники частей, булюкбаши должны были находиться впереди своихъ отрядовъ; такъ Никацъ, какъ мы видѣли, шелъ впереди своей четы на разстояніи пистолетнаго выстрѣла.

Конницы у черногорцевъ не было; но главнокомандующій и другіе предводители могли ѣхать на коняхъ до мѣста битвы, а тамъ и они спѣшивались.

Вотъ какъ народная пѣсня изображаетъ одного такого предводителя, острожскаго игумена Стефана:

Пред војском је од Острога бане
На његова широка дорина.

А какав је од Острога бане!
На раме му везена шишана,
А о бедру дуга гадарија,
А на раме джида обливена,
А од по ње вуком обшивена;
На врх джиде од међеда глава,
Зинула је, како да је жива. (С. О. LII, 239—247).

Передъ войскомъ банъ Острожскій на своемъ гнѣдомъ конѣ широкомъ. А каковъ тотъ банъ Острожскій! Черезъ плечо у него ружье все въ узорахъ, сбоку виситъ длинный мечъ, а за плечами копье съ рѣзьбою, до половины обшитое волчьей кожей, а на верху ея голова медвѣдя, раскрыла пасть она, какъ будто живая.

Съ наступленіемъ боя и въ продолженіи его всякій дѣйствовалъ, какъ самостоятельная единица, по своему личному влеченію и разумѣнію, руководясь своимъ внутреннимъ побужденіемъ, которое можно назвать военнымъ инстинктомъ; но въ то же время всѣ слѣдовали за однимъ, кого считали искуснѣйшимъ и опытнѣйшимъ, и слушались его приказаній, какъ своего командира. Такимъ образомъ при отсутствіи внѣшней команды и субординаціи мы видимъ у нихъ единство дѣйствія и послушаніе старшему. Единству дѣйствія помогали еще *барьяктары* (знаменщики), которые со знаменами шли впереди цѣлаго войска или отряда.

Барьяктаровъ въ цѣломъ войскѣ было нѣсколько, и, идя впереди, они давали ему направленіе, такъ сказать, вели его за собою; они первые всходили на непріятельскія укрѣпленія и водружали свое знамя на непріятельскихъ позиціяхъ, провозглашая тѣмъ свою побѣду. Зато на нихъ главнымъ образомъ направлялись непріятельскіе выстрѣлы и около нихъ всегда происходилъ самый жестокій бой; поэтому они всегда бываютъ ранены, и главнымъ образомъ искалѣчены руки. Потеря барьяка, принадлежащаго одному отряду, конечно, не рѣшала еще судьбы цѣ-

лаго сраженія; но тѣмъ не менѣе это считалось нѣкоторымъ пораженіемъ и стыдомъ для того отряда, и потому защита его всегда была самая отчаянная: павшаго барьяктара замѣнялъ другой, потомъ третій, всегда братъ брата, сынъ отца.

Впрочемъ у черногорцевъ никогда не было барьяковъ и барьяктаровъ такъ много, какъ у арнаутъ, у которыхъ иногда имѣли барьякъ 20 чел., и съ тѣмъ соединялось главарство въ племени или родѣ. Черногорцы при томъ, воюя всегда въ маломъ числѣ, имѣли больше основаній скрываться и не показывать слишкомъ много барьяковъ; тогда какъ арнауты, отправляющіеся всегда большимъ войскомъ, старались числомъ этихъ знаковъ внушить непріятелю еще большій страхъ.

Въ позднѣйшее время у черногорцевъ надъ цѣлымъ войскомъ, кромѣ отрядныхъ барьяктаровъ, ставится одинъ общій—алай-барьяктаръ.

Ружейная перестрѣлка обыкновенно длилась недолго; издали шло только *препуцаванье*, т. е. рѣдкая перестрѣлка, и все время черногорцы старались какъ можно ближе подойти къ непріятелю. Неизбалованные излишествомъ патроновъ, они всегда берегли ихъ, поэтому ихъ выстрѣлы всегда прицѣльные, и оттуда у нихъ правило—стрѣлять въ непріятеля, когда хорошо *видишь усы и зубы*. Главнымъ образомъ они стараются убить какую-нибудь выдающуюся личность у непріятеля и потомъ, прорѣдивши своими мѣткими выстрѣлами непріятельскіе ряды, улавливаютъ минуту, когда въ нихъ произойдетъ какое-нибудь замѣшательство, и тогда идутъ на *юришъ* (приступъ). Давши нѣсколько дружныхъ залповъ, они съ страшнымъ крикомъ, съ ножами въ рукахъ кидаются на непріятеля. Тогда перестрѣлка умолкаетъ, только слышится какая-то возня, звякъ холоднаго оружія, ободряющіе крики и по временамъ пистолетные выстрѣлы.

Предводителю, наблюдающему цѣлое войско и ходъ сраженія, непріятна затяжка перестрѣлки, такъ какъ то показываетъ, что черногорцы не чувствуютъ перевѣса на своей сторонѣ и могутъ

уступить. Когда-же черногорцы ударили въ ножи, — это значитъ, что они совладали и погнали непріятеля.

Ножъ въ рукахъ черногорца — страшное оружіе: онъ разсѣкаетъ имъ человѣка на двѣ половины сверху до низу, а иногда ножъ застрянетъ въ трупѣ такъ, что съ трудомъ его можно вытащить; ударивъ по ружью, онъ, если не перерубитъ его, то во всякомъ случаѣ дѣлаетъ его больше негоднымъ къ употребленію.

Лучше всего этотъ рѣшительный моментъ битвы представляютъ сами черногорцы въ своихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ для этого и приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ битвѣ съ Махмудомъ-пашой подъ Мартиничами (1796 г. 11 іюля) жестокій бой длился всего 6 часовъ и тогда надъ Мартиничами отъ дыма стоялъ мракъ.

А у тмину пушке спјевају.
Не би река, мио побратиме,
Да јѐ оно бојак огњевити,
Него судни данак страховити!

А во мракѣ сверкаетъ огонь ружейный. Не сказалъ бы, милый мой побратимъ, что это бой жаркій; но судный день страшный!

Около полудня турки стали ослабѣвать.

То виђеше млади црногорци,
Халакнуше, Бога споменуше,
А часним се крстом прекрстише,
Једнокупно пушке опалише,
Пак пламене ноже повадише
И у турке јуриш учинише,
Ћерајући турке, сијекући,
Низ крваве млине мартиничке.

(С. О. XXXI, 199—313).

Видѣли то молодые черногорцы, закричали, призвавши въ помощь Бога, и честнымъ крестомъ перекрестились; сразу выстрѣлили изъ ружей, а потомъ выхватили пламенные ножи и помчались въ средину турокъ штурмомъ, гоня турокъ и рубя вплоть до кровавыхъ Мартиницкихъ мельницъ.

Или:

А пипери тада ударише:
Сваки пушкомъ изгубио свога (въ котораго нацѣлился),
А у оне (остальныхъ) ноже повадише,
Од њих многе јаде учинише (С. О. XX, 213—216).

А пиперы тогда ударили: каждый убилъ изъ ружья своего; а на остальныхъ кинулись съ ножами и произвели въ нихъ великое опустошенье.

И еще:

Бој огњени траја два сахата;
Кад у трећи сахат уљегоше,
Онда срби Бога споменуше
И сви сложно пушке опалише,
А пламене ноже повадише
И у турке јуриш учинише.

Жаркій бой продолжался два часа; а когда насталъ третій часъ, тогда сербы, призвавши имя Бога, всѣ дружно сразу выстрѣлили, а потомъ выхватили пламенные ножи и кинулись въ середину турокъ.

Далѣе представляется самая рѣзня и преслѣдованіе непріятеля, и въ это время

Турци вуку мртве и рањене
Пут крвава Спужа на краину;
А брђани (бѣлопавличи) своје не гледају,
Већ једнако бојем јуришају.

Ту искочи момче од брђанах
С голим ножем у биjелой руци
И уфати живога турчина,
Диздаревић-бега Насу-бега
Под пусатом и свиjем оружjем
И бегову одсиjече главу

(С. О. LVII, 183—209).

(Волокутъ турки мертвыхъ и раненыхъ въ границу кроваваго Спужа; а брдяне на своихъ и не смотрятъ; но одинаково продолжаютъ бой. Тутъ выскочилъ отъ брдянъ одинъ парень съ голымъ ножемъ въ бѣлой рукѣ и ухватилъ живымъ турка Диздаровича-бега Насу-бега въ полномъ вооруженіи и отрубилъ ему голову).

Настоящее кровопролитіе наступаетъ именно тогда, когда пущенъ въ ходъ ножъ:

Пушке бpeчe, а jунаци jeчe;
Нож сиjева, крвца пролиjева.

(Гремятъ ружья, а юнаки стонутъ; сверкаетъ ножъ, проливается кровь).

Когда сломятъ непріятельское войско и погонятъ, то истребленіе бывало ужасное. Такъ въ одной битвѣ въ Дробнякахъ (1834 г.), когда турки бѣжали, началось такое ихъ истребленіе:

Што утече Мини воjеводи,
Не утече Митру калуђеру;
Што утече Митру калуђеру,
Не утече Jакши буљукбаши;
Што утече Jакши буљукбаши,
Не утече Милети сердару;
Посjекоше, нико не утече.

(С. О. LV, 205—209).

Полное истребленіе выражается словами: «од них ока не утече жива», «гласника остануло није», «пилиħника од них не остаде», т. е. не осталось никого, кто бы видѣлъ, ни кто бы понесъ извѣстія и наконецъ отъ кого могло-бы произойти новое поколѣніе. А иногда отпускали одного, чтобы онъ разсказалъ своимъ, какъ погибли его товарищи.

Ножъ завершаетъ и послѣдній актъ побѣды надъ непріятелемъ при отрубаніи головъ, числомъ которыхъ и оцѣнивалась побѣда: «чије су главе, онога витештво».

Отрубленныя головы были трофеями вмѣстѣ съ оружіемъ и другими предметами, взятыми съ непріятеля, и служили доказательствами побѣды:

Сваки носи хајдук по три главе;
Носе турске сјајне џеферадаре,
Воде турске коње седланике,
Носе турске токе и доламе.
(С. О. XIV, 313—316).

Головы знаменитыхъ турецкихъ героевъ приносились на Цетинье и за то давались награды. Такъ чевскій воевода Митё съ такимъ трофеемъ самъ отправляется на Цетинье послѣ одной битвы (1800 г.), завершившейся пораженіемъ турокъ:

Сваки пође на своје дворове,
А војвода преко Горе-Црне;
Доклен дође на поле Цетиње
У владике Петра Петровиħа
И донесе од турчина главу.
Владика га дочекива дивно:
Дарова му пушку о гајтану (пистолетъ на шолковомъ шнуркѣ)
И двадесет у злато дукатах (С. О. Л. 201—207).

Головы эти натыкáлись на колья частокола, находившагося на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дворецъ князя, противъ мо-

настыря, а потомъ на стѣнахъ круглой *кулы* (башни) сзади его на возвышеніи *). На ней-то эти головы и *сушились*, по народному выраженію, при владыкѣ Петрѣ II; но при немъ же это и прекратилось.

Противъ этого варварскаго обычая боролся влад. Петръ II, затѣмъ князь Даніилъ и особенно супруга его княгиня Даринка; издавалъ запрещеніе и нынѣ владѣющій князь Николай; но тѣмъ не менѣе отрубанье головъ вмѣстѣ съ отрѣзываніемъ носовъ дѣлалось и въ послѣднюю войну (1876—79 г.). Сохраненію этого обычая способствуетъ то, что противная сторона, т. е. турки и арнауты не хотятъ отъ него отказаться. Когда былъ бой въ Полимьѣ, въ ноябрѣ 1879 г., въ которомъ погибло много черногорцевъ, мнѣ привелось видѣть 40 обезглавленныхъ черногорскихъ труповъ; а головы ихъ были выставлены въ Плавѣ и Гусиньѣ. Даже Австрія въ 1881—82 гг. платила за доставленныя ей головы герцеговинскихъ усташей; головы въ этомъ случаѣ служили вещественнымъ доказательствомъ убійства того или другого герцеговинца, который убилъ не одного австрійца во время возстанія.

Въ Черногоріи это служило доказательствомъ юначества. И теперь, восхваляя какого-либо юнака, говорятъ, что онъ *посѣкъ* (отрубилъ) столько-то головъ. Въ прежнее время герцеговинскіе гайдуки и арамбаши приносили на Цетинье турецкія головы, какъ доказательство совершеннаго ими геройскаго подвига, и самое доношенье ихъ иногда черезъ австрійскую территорію сопряжено было съ большими затрудненіями.

Вотъ какъ было дѣло съ герцеговинцемъ Драгомъ Обреновымъ, котораго воспѣлъ въ поэмѣ «Osvětnici» боснійскій францисканецъ Фра-Грго Мартичъ.

Теперь онъ живетъ въ Черногоріи и ему уже за 80 лѣтъ,

---

*) Кула эта построена влад. Петромъ II и назначалась для защиты въ родѣ блокгауза; но, увидѣвъ послѣ, что это не имѣетъ смысла, онъ бросилъ ее недостроенною, и на ней стали выставлять отрубленныя головы; въ настоящее время она служитъ монастырю колокольнею.

при томъ онъ страдаетъ глазами и совсѣмъ одряхлѣлъ, хотя держался крѣпко до недавняго времени, лѣтъ за 5 назадъ; а въ то время онъ находился въ турецкой границѣ и началъ гайдуковать, убивши прежде всего своего *агу* (господина земли). Послѣ этого онъ съ нѣсколькими товарищами отправился промышлять на счетъ богатыхъ турокъ и ему съ товарищами удалось отогнать 300 овецъ и 20 воловъ. Но, гоня этотъ скотъ, они въ темнотѣ наткнулись на турецкій блокгаузъ, изъ котораго раздались по нимъ выстрѣлы, и при этомъ Драго былъ раненъ въ бокъ, а одинъ изъ его товарищей въ ногу. Несмотря, однако, на это, они кинулись съ ножами въ блокгаузъ, выбили изъ него стражу, причемъ нѣсколько человѣкъ убили и троимъ изъ нихъ отрубили головы, съ которыми и отправились на Цетинье черезъ Рисань (Risano). Пробравшись съ трудомъ въ Которъ на лошадяхъ, они тамъ встрѣчены были австрійскою стражей, которой должны были отдать оружіе. Отдавъ оружіе, Драго не выпускалъ изъ рукъ лошадь, потому что къ сѣдлу привязана была *зобница* (сумка для овса или ячменя), въ которой находились тѣ три головы. Съ большимъ трудомъ удалось ему провести лошадь вонъ изъ города на такъ называемый *черногорскій базаръ;* затѣмъ, вытребовавъ у стражи свое оружіе, вскочилъ онъ на коня и помчался по дорогѣ, по которой съ трудомъ могъ итти и пѣшій. По пути догналъ онъ женщинъ, несшихъ въ рукахъ жерди, на которыхъ приносили что-то въ Которъ. На эти жерди воткнуты были турецкія головы, и, неся ихъ такимъ образомъ, они продолжали путь до Нѣгушей, гдѣ Драгу съ товарищами дано было хорошее угощеніе. Когда они явились съ этими трофеями къ кн. Даніилу, то, послѣ допроса, ему одному дано было 7 наполеондоровъ и его товарищамъ вмѣстѣ тоже 7. При этомъ кн. Даніилъ спросилъ Драга: «А кто *посѣкъ?*»—Товарищи, тотъ и тотъ,—отвѣтилъ Драго. «А почему не ты?»—Не бастало ми, господару,—отвѣтилъ онъ скромно.

Это «не бастало ми», т. е. не хватило меня на то,—имѣетъ большой смыслъ. *Посѣчь* не такъ легко, какъ оно кажется, и убить легче, чѣмъ убить и *посѣчь.* Часто случалось, что павшій

непріятель убивалъ того, кто кидался къ нему, чтобы отрубить ему голову, или его убивалъ другой. Примѣры этого мы видѣли въ приведенныхъ выше разсказахъ о разныхъ битвахъ. Въ прошлую войну на Глухой-Смоквѣ (близъ Требинья) черногорцы выбили изъ одного шанца турокъ и погнались за ними, а нѣкоторые кинулись отрубать головы убитымъ и чуть не всѣ погибли отъ выстрѣловъ изъ другого турецкаго шанца. Случалось, что одинъ убьетъ, а посѣчетъ другой, и слава достается этому послѣднему, на что первый не претендуетъ, такъ какъ тотъ въ этомъ случаѣ рисковалъ своею головою.

Этотъ рискъ головою и возвышаетъ въ глазахъ черногорцевъ совершившаго отсѣченіе головы непріятеля; а въ то же время это и представляетъ главную причину, по которой слѣдуетъ отмѣнить этотъ обычай, не входя уже въ его нравственную оцѣнку. Кромѣ того, иные создаютъ себѣ изъ того средство прославиться на чужой счетъ: въ то время какъ честные бойцы идутъ впередъ, гоня и поражая непріятеля, эти остаются сзади и занимаются отрубаніемъ головъ и обдираніемъ убитыхъ. Изъ-за этихъ головъ возникали и тяжбы. Не лучше того и отрубаніе носовъ: отрубали носы иногда живымъ, а иногда даже своимъ убитымъ, такъ какъ по носу не легко узнать, кому онъ принадлежалъ. Однимъ словомъ, обычай этотъ въ настоящее время не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія; но въ старое время черногорецъ держался этого, какъ обычая, замѣнявшаго ему законъ и завѣщаннаго отцами, исполняя который, онъ въ то же время мстилъ за своихъ, такимъ же способомъ погибшихъ отъ турецкой руки; и въ исполненіи его онъ находилъ удовлетвореніе и какое-то душевное успокоеніе, а отнюдь не прославленіе себя или какую-нибудь награду. Мы видѣли, какъ арамбаша Вуко Марковичъ, будучи не въ состояніи подняться отъ раны, проситъ товарищей понести его къ трупу врага, ранившаго его и имъ же убитаго,

«Да крвнику посиjечем главу,
Кои ми jе крило саломио».

Къ этому примѣшивается и чувство мести за своихъ погибшихъ, входящее въ религіозный культъ черногорца: «Koj се не освети (не отомститъ), тај се не посвети (не получитъ по смерти прощенія грѣховъ)», потому что «освета је света», т. е. «месть свята» и, только давши удовлетвореніе этому чувству, человѣкъ успокаивается. Такъ отецъ, у котораго турки убили старшаго его сына, говоритъ своему младшему сыну, отомстившему за брата:

«Благо мени, мој синко Радуле!
Кад си мени осветио Батра,
Ка да си га са собом довео!»
(С. О. II. 134—136).

Съ этимъ соединялось и такъ называемое *пребијање* (глаг. пребијати), т. е. сверстка убитыхъ съ той и другой стороны.

Въ частной жизни, если кто убьетъ кого, считался должникомъ семейству или братству убитаго, за что долженъ былъ поплатиться также головою своею собственною или кого нибудь изъ его рода, и для того существовалъ особенный судъ—*крваво коло* или *умирење крви*. То-же самое переносилось и на убитыхъ въ войнѣ, гдѣ часто и неизвѣстно, кто убилъ; поэтому тутъ является отвѣтчикомъ не отдѣльное лицо, а воевавшая сторона. Вотъ образчикъ такой сверстки послѣ битвы въ селѣ Трнинахъ (1722 г.):

И пребише прве за потоње (послѣднихъ):
Хусеина—пашу требињског
За бијелу на Цетињу цркву,
Што Ћуприлић бјеше изгорио;
Љубовића за Мићуновића;
А Ченгића за браћу Милиће;
Јагличића за Томановића;
Мурић-Зука за Мандушић-Вука;
Сијерчића за Мрвалевића.
А Јаганца, турску буљукбашу,

За нашего Вукца харамбашу;
А из Фоче хоџу Сулејмана
За ћорога вранца*) роганова;
А остале турске витезове
За јунаке, младе црногорце,
Кои бјеху у бој погинули
Проти веље војске Ћуприлића.
Пребијају десет за једнога:
Право није, ма лијека није (иначе нельзя).
(С. О. XI, 184—201).

Здѣсь засчитываются черногорцы, погибшувшіе не въ томъ бою, и даже разореніе цетинскаго монастыря; а въ видѣ насмѣшки засчитанъ и слѣпой конь князя Рогана, и вообще засчитывали 10 за одного, что «несправедливо, но иначе нельзя», потому что такъ много было убито турокъ въ томъ бою.

Въ числѣ обстоятельствъ, оказывающихъ вліяніе на исходъ битвы, конечно, весьма важную роль играетъ мѣстность. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы могли замѣтить, что черногорцы стараются привлечь непріятеля на такую мѣстность, которая была бы ему неудобна, а имъ напротивъ предоставляла бы всѣ выгоды. Для этого, конечно, требуется очень хорошее знакомство съ мѣстностью, которымъ и обладали черногорцы. Черногорецъ въ своей мѣстности, само собою разумѣется, зналъ каждую скалу, каждую яму, каждую тропинку, по которой могъ уйти самъ или захватить на ней непріятеля. Но онъ также хорошо зналъ мѣстности и въ турецкой границѣ, куда часто ходилъ съ четами. А туркамъ этого именно и не доставало: они безъ *калауза*-черногорца не могли шагу сдѣлать.

Мѣстность Черногоріи и сосѣднихъ съ нею странъ вообще неблагопріятна для дѣйствія слишкомъ большими массами; а турки главнымъ образомъ и разсчитывали на свою многочислен-

---

*) Слѣпого вороного коня.

ность, которая въ тѣсныхъ мѣстахъ совершенно теряетъ свое значеніе и отнимаетъ у войска способность свободнаго и легкаго передвиженія. Особенно путала турокъ конница, которая была первою цѣлью черногорскихъ выстрѣловъ и потому въ лабиринтѣ скалъ дѣлалась жертвою и первая обращалась въ бѣгство; но бѣжать было некуда, вслѣдствіе чего она сбивала съ позиціи и приводила въ смятеніе свою пѣхоту, которой также ничего не оставалось, какъ бѣжать; бѣжали турки безъ оглядки, притомъ массой, подвергаясь страшному пораженію съ тыла. Черногорцамъ также приводилось дѣлать отступленія; но, отступая, они всегда умѣли находить природныя прикрытія, пользуясь которыми, отстрѣливались и тѣмъ самымъ парализовали быстроту и стремительность непріятельскаго наступленія. При описаніи битвы на Крусахъ, мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что дѣйствовавшее черногорское войско было значительно разбросано и, не смотря на это, въ дѣйствіи всѣхъ частей видимъ единство, такъ что одна другой приспѣваютъ на помощь своевременно, хотя строго выработаннаго, подробнаго плана не было; не было также и общей команды, когда началась битва. Каждая часть дѣйствовала самостоятельно, но руководилась положеніемъ другихъ частей и соображалась съ движеніями непріятеля. Также самостоятельно, не имѣя надъ собою никакой команды, дѣйствовала и каждая единица въ отрядѣ, каждый простой войникъ; онъ отлично зналъ, какимъ путемъ можно скорѣе приспѣть на помощь своимъ, а въ случаѣ неустойки, куда скрыться. Зная до тонкости всѣ условія мѣстности, черногорское войско какъ будто перелетаетъ съ одного мѣста на другое и облетаетъ со всѣхъ сторонъ непріятеля.

Зная хорошо мѣстность, на которой должна произойти битва, черногорецъ умѣетъ выбрать позицію и оцѣнить всякую мѣстность, гдѣ бы ему ни встрѣтился непріятель, а также воспользоваться ею. Трудно прослѣдить эту сторону въ большомъ сраженіи, но, зная, какъ черногорцы и тогда дѣйствуютъ отдѣльными отрядами или даже просто кучками, такъ какъ и самая мѣст-

ность не допускаетъ сбиться въ одну сплошную массу, мы можемъ прослѣдить эту способность черногорца и способы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, въ войнѣ четницкой. Прежде всего они стараются скрыться отъ непріятеля, и вотъ какъ одинъ располагаетъ свою чету въ 50 человѣкъ:

А Илија (Рамовић) пође Загарачу,
Те окупи (собралъ) педесет јунаках,
Отидоше у Коловоз тврди (каменистый);
На друм (дорога) тврди два крвава града (укрѣпленія);
Западоше око друма пута
По двоица и по четворица,
По петина и по двадестина;
Од крваве на Дољане куле,
А до моста Осман-капетана (болѣе версты);
Друм је цио чета ухватила (С. О. LIX, 67—76).

Само собою разумѣется, весь отрядъ этотъ скрывается въ гущѣ кустарника, въ опушкѣ лѣса или въ высокой травѣ, откуда постоянное выраженіе: «све се скрило у лист и у траву». Зная это, турки стали уничтожать лѣсъ близъ дороги. Тогда, если на мѣстѣ не было кустарника, то засѣвшіе нарубали вѣтокъ, которыя приносили и натыкали передъ собою. Кучи, когда нападали на Подгорицу, вокругъ которой на далекое разстояніе стелется равнина, гдѣ нѣтъ ни кустика, ни одного торчащаго камня,— ползли черезъ эту равнину на животѣ, держа передъ головою въ видѣ щита плоскій камень изъ плитняка, и въ то же время лежа стрѣляли. Выстрѣливши, ползущій перевертывался на бокъ, заряжалъ ружье, потомъ опять ложился на животъ и опять стрѣлялъ. Противъ конницы они копали ямы глубиною въ руку до плеча; это дѣлали они ночью съ помощью кирки (*трнокоп*). Всадники не подозрѣвая того, бѣшено неслись, не глядя подъ ноги, и на всемъ скаку падали и убивались; а Кучи *сѣкли* имъ головы и хватали коней.

Обладая особенною способностью и во время самой битвы скрыться за какою нибудь защитой, черногорцы смѣются надъ своими противниками, которые не умѣютъ скрываться. Въ 1768 г., послѣ боя подъ Острогомъ турки дошли до Кчева, но тутъ пострадали именно вслѣдствіе этого своего недостатка:

Млога села турци попалише
И не мало робља заробише,
Па на Кчево табор учинише.
Но им худа срећа прискочила,
Јер се они сакрити не знаду
За дрветом нити за каменом,
Како што се криjу црногорци.
Него бошњак гласовито виче:
«Стани, мишјо душо, црногорче,
На пољану да се огледамо!
Куда бјежиш, како миш у дупљу?»
А из дупље танка пушка пуца,
Турчин пада, одкуд се не нада.

(Много селъ сожгли турки и не мало забрали плѣнниковъ, а потомъ сдѣлали станъ на Кчевѣ. Но плохое было имъ счастье, потому что не умѣютъ скрыться ни за дерево, ни за камень, какъ то дѣлаютъ черногорцы. Но бошнякъ громко кричитъ: «Стой, мышиная душа, черногорецъ, выходи въ поле помѣряться силой! Куда бѣжишь, какъ мышь въ нору?» А изъ норы раздается выстрѣлъ и падаетъ турокъ, гдѣ не ожидаетъ).

Все это дѣлается для того, чтобы неожиданнѣе нанести ударъ непріятелю. Вотъ какъ представляетъ пѣсня одно такое дѣло (1700 г.):

Дивно Раде укрио дружину,
По два друга око друма пута,

Западоше у лист и у траву,
Укрише се, ка'и јаребице (куропатки);
А Радуле на друм насред пута.
Док ево ти Ћоровић-Османа
На халата (рыжій конь), коња од мејдана (боевой).
Радуле га напуштио близу;
Сину (выскочилъ) јунак из траве зелене,
За узду му коња дохватио,
Другом руком за токе турчина;
Паде турчин низ коња халата.
Ножем врже (махнулъ), посјече му главу
И посјече кера (собаку) османова;
Двије пасје зијевају главе (С. О. II, 91—125).

Дѣло не состоитъ, однако, въ томъ только, чтобы скрыться, но главнымъ образомъ въ быстротѣ и стремительности нападенія изъ засады.

Кроется черногорецъ не для того, чтобы сохранить свою жизнь, которую онъ впередъ обрекъ на жертву, но, чтобы, какъ можно, ближе подойти къ непріятелю; и тогда, не смотря на отдаленное разстояніе, саженъ во сто и болѣе, онъ летитъ открыто подъ градомъ пуль, вскакиваетъ на непріятельскій шанецъ и производитъ такую рѣзню, что непріятель приходитъ въ смятеніе; а тѣмъ временемъ за нимъ подоспѣваютъ другіе, и шанецъ взятъ. Это и есть настоящій черногорскій *юришъ*. Такимъ образомъ большею частью влетаетъ въ шанецъ барьяктаръ и водружаетъ тамъ свое знамя. Такой шагъ кажется отчаяннымъ и даже безумнымъ; но онъ всегда бываетъ разсчитанъ, и въ этомъ отношеніи черногорецъ удивительно умѣетъ разсчитать и взвѣсить. Конечно, иной тутъ и погибнетъ; но въ то время, когда все устремляется на него, другіе успѣваютъ воспользоваться минутою непріятельскаго смущенья; и не было случая, чтобы барьякъ былъ отнятъ и чтобы шанецъ въ такомъ случаѣ черногорцы не взяли. Самое трудное для черногорца — сидѣть въ шанцѣ и

обороняться: онъ или бѣжитъ, или кидается на непріятеля, а сидѣть не будетъ.

Чтобы это понять, нужно знать и характеръ черногорца.

Характеристику черногорца съ этой стороны, мы представили раньше (т. II, ч. 1, стр. 376—379).

Не бояться смерти и смѣло итти въ бой, всегда разсчитывая погибнуть, присуще каждому черногорцу, особенно молодежи. При томъ одинъ таковъ по привычкѣ или по натурѣ, а другой не смѣетъ отстать отъ товарищей и стремится въ бой, чтобы потомъ его не пристыдили; такъ какъ самолюбіе составляетъ самую чувствительную струну въ характерѣ черногорца.

И опасно это, потому что я не знаю никого, кто бы, какъ черногорецъ, такъ неумолимо зло умѣлъ преслѣдовать своего же товарища за всякую слабость, хотя бы то и не зависѣло отъ него, а было его прирожденнымъ недостаткомъ: сейчасъ по этой примѣтѣ дается кличка, съ которою онъ останется до смерти; тѣмъ опаснѣе показаться трусомъ.

Какъ ни храбры, однако, черногорцы, передъ началомъ боя всѣми овладѣваетъ какое-то нервное возбужденіе, выражающееся дрожью, какъ то мы видѣли на Никцѣ изъ Ровинъ, и другими физіологическими явленіями. Но это—отнюдь не страхъ, а только нервное возбужденіе, отчасти нетерпѣніе, вслѣдствіе сильнаго желанія ринуться въ бой; это также особенно замѣтно на молодежи, которая вслѣдствіе своей неопытности горитъ нетерпѣніемъ и не умѣетъ сдержать или скрыть это нетерпѣніе.

Всякая война даже при самой строгой дисциплинѣ регулярныхъ войскъ въ большей или меньшей степени не обходится безъ насилій надъ побѣжденнымъ и безъ грабежа. То-же самое дѣлалось и въ черногорскомъ войскѣ подъ именемъ *плячки* (глаг. *плячкати*, *оплячкати*). Когда четы отправлялись въ турецкіе предѣлы, то *плячка* составляла иногда и прямую цѣль, ограничиваясь впрочемъ главнымъ образомъ угономъ скота и снятіемъ

съ убитыхъ оружія, одежды и всего, что̀ находилось при нихъ цѣннаго; а когда нападали на отдѣльный домъ, то уносили изъ него все, что̀ можно было унести. Это былъ грабежъ, который, однако, оправдывался тѣмъ, что черногорскій воинъ шелъ на войну на своемъ содержаніи, не исключая даже оружія и боевой муниціи, въ которыхъ всегда былъ недостатокъ; да и дома онъ не имѣлъ ни въ чемъ избытка, и *плячка* давала ему средства для покрытія его военныхъ издержекъ; а въ то же время могъ онъ принести что-нибудь и домой.

Въ четѣ, какъ мы видѣли, добыча дѣлилась между всѣми поровну, не исключая и убитыхъ, доля которыхъ шла ихъ семействамъ; только вождямъ давалось нѣчто особо подъ названіемъ *старѣйшинства*. Вотъ какимъ способомъ происходилъ этотъ дѣлежъ:

На Јабуку боја раздвојише (прекратили)
И угнаше овце свеколике.
Док дођоше долу Кобиљему,
Ту лијепо овце дијелише;
Арамбашам даше старјешинство,
А војводи коња под тимаром (во всей сбруѣ).

(С. О. L, 195—200).

Здѣсь была собственно не чета, а отрядъ довольно значительный, въ которомъ участвовало нѣсколько арамбашъ и воевода чевскій Митё, который и собралъ это войско, распредѣлилъ его и съ своей стороны *посѣкъ* одного турчина. Но все-таки видно, что главному предводителю давалось нѣчто больше, чѣмъ простому арамбашѣ, хотя, конечно, въ томъ только случаѣ, если онъ самъ участвовалъ въ битвѣ.

Возникалъ иногда и споръ изъ-за дѣлежа добычи. Вотъ что произошло послѣ одной битвы (1835 г.).

Ту лијепо шићар (добычу) дијелили:
Златне токе, свилене доламе,

Златне пушке, сјајне джефердаре
И бегових хиљаду овнова.
Око свашта те се погодише (согласились),
Ма се нигда згодит не могаху
Око тока Пашића Османа.
Дошло им се бјеше поклат (сразиться) туна,
Ко ће носит токе са турчина.

Но тутъ нашелся добрый юнакъ Сеничъ Живко изъ Бѣлицъ, который выступилъ съ такою рѣчью:

Ја сам токе донео с турчина
И турчина ухватио жива;
Ма их носит на дијелу нећу,
Та ми моје не остале пусте!
Него од'те, мени послушајте:
Дајмо токе Пеју Марковићу,
Е је добар, мајка му весела!
Најпрви је посјека' турчина,
А дужан је добра црногорца,
А синовца (племянника) Драшка Поповича
Од крвава Чева на крајину:
Не бил' њима одкупио главу!»
Црногорци њега послушали (С. О. XIV, 328—357).

Важно въ этомъ случаѣ, что споръ рѣшается товарищами, участниками общаго дѣла, которые дѣйствительно лучше, чѣмъ посторонніе судьи, знаютъ и могутъ рѣшить дѣло по̀ «правици»; при томъ какое участіе къ положенію товарища и какое тонкое обоснованіе рѣшенья! Сеничъ имѣетъ право на токи прежде всѣхъ, но у него есть свои хорошіе; а Марковичъ такой же юнакъ; но онъ убилъ одного черногорца изъ сильнаго братства, которое не пропуститъ ему этого даромъ; а если дѣло будетъ рѣшаться народнымъ примирительнымъ судомъ, то потребуется значительная сумма, какой у бѣдняка не найдется, и тогда

онъ долженъ будетъ поплатиться головой; токи же, которые по словамъ ихъ хозяина Османа-пашича стоили сто дукатовъ, могутъ его выручить изъ бѣды.

Послѣ побѣды, которою завершалась большая битва, въ видѣ трофеевъ изъ добычи посылались дары на Цетинье владыкѣ, который за то отдаривалъ и вообще награждалъ отличившихся.

Такъ владыка Даніилъ наградилъ главныхъ участниковъ въ истребленіи магометанъ въ Черногоріи (1702 г.):

Батру даје коња испод себе,
А Ивану двије пушке мале (пистолеты);
Даје Марку сабљу на појасу
И Томашу златну перјаницу (украшенье на шапкѣ);
А Милошу танку талијанку,
Брешку пушку ситнога джефера;
Пак дарива Бориловић Вука
И њем, даје двије пушке мале,
Самокресе по од четир грла,
А међу њих мерджајли—ханджара (украшенный кораллами ятаганъ) (С. О. III, 291—300).

Эти дары, какъ и добыча, отнятая у непріятеля, состояли изъ предметовъ, которые имѣли реальную цѣнность, могли быть употреблены въ хозяйствѣ или на войнѣ. Только при владыкѣ Петрѣ II вышли медали: одна серебряная (*храбра, од срме медаля*) и золотая съ изображеніемъ Милоша Обилича, до сихъ поръ составляющая высшую черногорскую награду за военные подвиги, какъ у насъ георгіевскій крестъ. Это составляетъ уже переходъ къ новѣйшимъ порядкамъ.

Какъ ни важна была для черногорцевъ добыча, но *плячкѣ* они предавались только тогда, когда бой былъ совершенно законченъ и не оставалось ничего больше дѣлать.

Поэтому въ самомъ разгарѣ битвы, когда

Првијенци црногорске војске
У црну су крвцу угрезнули (плавали въ крови)
Од врх главе до зелене траве, —

только раздавалось приказанье:

«Оставите пјачке и шићаре,
Да се данас, браћо, осветимо
Од турчина, србскога крвника!»
Дивно момчад слушају главаре
И не траже (не гонятся за) пјачке, ни шићаре;
Већ (но) бој бију и сијеку главе
Од сванућа (разсвѣта) до мрклога мрака,
Ни сједаше, нити воде пише;
Но све турску војску разагоне
И узимљу коње седланике
И с тураках свијетло оружје (С. О. XXIV, 287—302).

Коней хватаютъ, чтобы не убѣжали, а оружіе помогаетъ въ бою, и потому это не считается плячкой.

Такое повиновеніе старшинамъ, конечно, не возможно въ сбродѣ, какой былъ въ то время въ турецкомъ войскѣ, гдѣ принимался всякій, отрекшійся отъ своего рода и племени, или былъ «од зла отца и од горе мајке».

Нельзя также не отмѣтить, что черногорцы въ самомъ разгарѣ битвы всегда давали пощаду христіанамъ, хотя бы они и участвовали (конечно, по неволѣ) въ битвѣ вмѣстѣ съ турками. Это однако было трудно въ томъ отношеніи, что ихъ нельзя было отличить отъ турокъ по внѣшности, такъ какъ они одинаково съ турками носили фесы и чалмы, брили переднюю часть головы, оставляя сзади *перчин;* а по языку и народности тѣ и другіе были сербы. Только когда надъ головами ихъ заносился ножъ,

они объявляли себя христіанами и въ доказательство того крестились. Такъ, плѣнивши бега Любовича, черногорцы отпустили 12 его чобановъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, которые стрѣляли въ черногорцевъ, защищая охраняемое стадо. Въ другомъ бою случилось то-же самое:

Петнаест им (туркамъ) главах посjекоше
И двадесет жива ухватише,
Те турцима главе посjекоше,
А хришћане на аманет (мольба, заклинанье) пустише,
Не кћеше их посjећ црногорци (С. О. LIX, 114—118).

Одинъ христіанинъ Марунъ прямо бился противъ черногорцевъ и послѣ хотѣлъ бѣжать на конѣ; но его догнали и одинъ схватилъ.

Но га Марун Богом братимио:
«Богом брате Вуjачићу Туро!
Не изгуби брата ришћанина!»
Часниjем се крстом прекрстио
И утече Ивицом-планином.

(С. О, LV, 217—222).

Все это показываетъ, что въ черногорцѣ даже въ бою, когда разыгрываются самые кровожадные инстинкты, никогда не заглушалось нравственное чувство, и въ цѣломъ войскѣ была извѣстная дисциплина.

Попадались черногорцамъ въ плѣнъ и женщины; не дѣлая имъ ни малѣйшаго оскорбленія, ихъ препровождали домой безъ всякихъ условій или, если были какіе-нибудь счеты, то за выкупъ или же подъ условіемъ возвращенія изъ турецкаго плѣна кого либо изъ своихъ.

До сихъ поръ мы разсматривали только тѣ случаи, въ которыхъ черногорцы были побѣдителями; но были и пораженія,

когда они бѣжали. Первою заботою ихъ въ томъ случаѣ было унести своихъ раненыхъ и убитыхъ, которымъ турки еще не успѣли отрубить головы. Мы видѣли уже, какъ въ одномъ бою черногорцы, испуганные своимъ же товарищемъ, бѣжали, бросивши всю добычу, но понесли съ собою раненыхъ, Никца изъ Ровинъ и Жутка Липлянина и убитаго Живка изъ Залюти. Есть люди, которые и въ большихъ битвахъ спеціально выполняли эту задачу вынесенья раненыхъ изъ боя; таковъ былъ морачскій барьяктаръ Огашъ Савинъ, человѣкъ высокаго роста, сильный и не знавшій никакого страха.

Мертвыхъ носили домой, потому что завѣтное желанье у всякаго черногорца—быть похороненнымъ на мѣстѣ своего рожденія, а никакъ не въ другомъ мѣстѣ, хотя бы и въ Черногоріи же. Такъ одинъ проситъ:

«Ја ти тешки аманет (завѣтъ) предајем:
Не мој мене копат у Трешњево,
Но ме носи Чеву на краину;
Па ћеш мене укопати дивно;
Јер од ранах извидат (излѣчиться) се не ћу.
(С. О. XXXIII, 147—151).

Того же обычая держались и турки:

Грдни (посрамленные) турци бјеже пут Никшића,
Оставише струке и саруке,
Оставише торбу и обућу
Вуку (тащатъ) *с собом мртве и рањене.*
(С. О. XXXIII, 130—133).

Но не было въ обычаѣ позволять непріятелю убирать мертвыя тѣла.

Такъ послѣ боя на Салковинѣ на просьбу о томъ хотскаго булюкбаши черногорскій предводитель отвѣчаетъ:

«Не могу ти браħу повратити;
Обичаја нема на крајину,
Да се врħу мртве тјелесине».
(С. О. LVIII, 273—275).

Только австрійцамъ однажды (1838 г.) выдали ихъ убитыхъ (70 чел.), и даже сами черногорцы и перенесли ихъ по просьбѣ главнокомандующаго Штерна.

На битву черногорецъ смотритъ, какъ на *мејдан*, иначе *поле* (поединокъ); поэтому говорится:

Богу хвала, срби задобише,
Задобише мејдан на крајину.

Въ томъ же смыслѣ черногорцы отвѣчаютъ на дерзкое и обидное требованіе паши:

Ми не дамо педесет невјестах
Без крваве сабље и пољане.

Какъ ни увѣренъ черногорецъ въ самомъ себѣ и въ своей удачѣ; но въ успѣхѣ или неуспѣхѣ видитъ волю Божію: «Благо томе, коме Бог помаже»; «биħе наша рука, ако Бог да!» или:

Но ħе помоħ Бога великога
И јуначко срце и прегнуħе (отвага, рѣшимость).
Ту се надај (надѣйся) добру и поштењу.

И свою побѣду черногорцы приписываютъ тому, что они дѣйствовали во имя Бога; а турки гибли, потому что надѣялись только на свою силу. Когда скадарскій визирь, сильный Махмутъ-паша собрался ударить на Черногорію (въ 1796 г.), разорить ее въ конецъ и взять въ плѣнъ владыку, тогда положеніе ея, конечно, было очень трудное; и пѣсня, представляя то, отвѣчаетъ:

Но не веле (не говорятъ) турци: «ако Бог да!»,
Те им Боже ни помоħи неħе.

Въ противоположность туркамъ пѣсня представляетъ настроенье и приготовленья черногорцевъ:

А владика окупи (собралъ) главаре,
Те су они обрнули војску
Пред бијелу Аранђељску цркву;
Ту им наук и благослов даје:
«Црногорци, моја браћо драга!
Сви будите срца Краљевића (Марка),
А десница од Сибиња Јанка.
Једнокупно ноже повадите,
А часним се крстом прекрстите
И вишњем се Богу препоруч'те;
Бог ће нама у помоћи бити
Махмуда ће помоћ придобити (поможетъ побѣдить).
(С. О. XXXI, 175—189).

Когда, при Степанѣ Маломъ, Черногорія со всѣхъ сторонъ была окружена турецкими войсками, а венеціанцы выставили на своей границѣ войско, чтобы не дать черногорцамъ бѣжать въ ихъ границу, тогда

Стаде писка (визгъ, плачъ) жена и ђетета,
До неба се гласи подизаху (поднимались).
Црногорци, од боја јунаци,
Међу собом сабор учинише,
Те наредбу (распоряженье) дивну направише,
Међу собом жалост опростише (простили другъ другу всякое неудовольствіе),
Опростише и изљубише се.
Ка' но, брате, кад ће се мријети (когда предстоитъ умереть).
(С. О. XXIV, 111—119).

Отправляясь на битву, всякій перекрестится. Вотъ какъ отправлялся на бой морачскій сердарь Міятъ:

Из подрума изведе кулаша,
Оседла га и опусати га,
Притеже му на споне колане,
Па износи торбу обравницу,
Објеси њу коњу о ункашу,
О ункашу дебелу кулашу,
И дебела заузда кулаша,
Прекрсти се, сједе на кулаша.

(С. О. XXXVII, 42—49).

(Вывелъ онъ изъ конюшни своего бурку, осѣдлалъ его и снарядилъ, подтянулъ ему на пряжки подпруги, потомъ вынесъ *торбу обрамницу* (походную сумку), повѣсилъ ее на коня на ремнѣ, на ремнѣ на своего жирнаго бурку, и зауздалъ жирнаго бурку, перекрестился и сѣлъ на коня).

Отправляясь въ бой, черногорецъ выказывалъ твердость, рѣшимость и спокойствіе; но никогда въ немъ не было хвастовства и задора.

Наблюдаютъ черногорцы, отправляясь на войну, и различныя примѣты, особенно сны, которые всегда разсказываютъ утромъ, только-что пробудившись; и потому въ пѣсняхъ эти сны составляютъ не произвольную украсу пѣвца, а существенную принадлежность въ числѣ другихъ приготовленій черногорца къ бою и относящихся къ тому соображеній, — сны притомъ чрезвычайно поэтичные. Для примѣра приведемъ сонъ попадьи Радовича изъ Мартиничей:

Сан саснила: «На равно Штитово
Ђе се облак подигнуо густи
Од крвавог града Царевога;
Иде облак преко Малесије
И земле се Зете дохватио;
Зету мину и ње Подгорицу,
Доклен Спужу на краину дође.

Отлен пође селу Мартинићу;
Ту на село облак починуо;
Сташе муње из њег' сијевати
И грмети планински громови;
Доње село муње изгореше,
А на горње чавке попадаше,
Мене, браћо, очи извадише,
И мојијем осам младих снаха,
Мојим снахам и мојим јетрвам;
Него вјетар, ка' и огањ, пухну
Од горњега села и од цркве,
Те из њега чавке подигнуо,
У густи њих облак угонио;
Сагна с'облак до сред поља равна.
У то други пухну од жупине;
Трећи вјетар од воде Слатине;
Те зајмише маглу преко Спужа».
Кад ђевери снаху разумјели,
Од Спужа су војску опазили,
Турску војску Намик-пашу главом
Са својијем ћехај-бегом сином.

(С. О. LIV, 4—31).

(Снился ей сонъ: «Надъ ровнымъ Штитовомъ поднялась густая туча отъ кроваваго Царева-града; идетъ туча черезъ Малесію (Албанія) и коснулась земли Зеты; миновала Зету и Подгорицу, пока достигла предѣла Спужа. Оттуда направилась она къ селу Мартиничамъ; здѣсь надъ селомъ туча остановилась; изъ нея стали сверкать молніи и гремѣть горные громы; нижнее село сожгли молніи, а на горнее пали галки, и мнѣ, братья, глаза выклевали, мнѣ и осьми моимъ снохамъ, снохамъ моимъ и моимъ золовкамъ. Но вдругъ, словно пламень, дунулъ вѣтеръ отъ горняго села и отъ церкви и поднялъ съ него галокъ, вогналъ ихъ въ черную тучу; пронеслась туча до середины ровнаго поля.

Тутъ дунулъ другой вѣтеръ изъ долины; третій вѣтеръ отъ потока Слатины; и понесло тучу черезъ Спужъ». Когда девери выслушали сноху, они замѣтили отъ Спужа войско, турецкое войско подъ предводительствомъ Намика паши съ его сыномъ Техай-бегомъ).

Хотя и говорится: «сан је лажа, Бог је истина»; но снамъ вѣрятъ; часто, впрочемъ, забываютъ, а потомъ вспоминаютъ и толкуютъ ихъ послѣ совершившагося событія.

Приведемъ и еще нѣсколько пріемовъ, которые употреблялись черногорцами во время ихъ военныхъ предпріятій.

Мы говорили уже, какимъ образомъ возвѣщалась война просто выстрѣлами изъ ружья или пистолета, за которыми слѣдовалъ покличъ. Но иногда прибѣгали въ этомъ случаѣ и къ пушкѣ вѣстовщику (*топ хаберник*), если таковая имѣлась.

Такъ въ 1792 г., когда Махмутъ-паша ударилъ на Пиперъ, пушечными выстрѣлами дана была вѣсть изъ Пиперской-келіи (монастырь), господствующей своимъ высокимъ положеніемъ надъ Бѣлопавлицкой долиной. Вотъ какъ изображаетъ это пѣсня:

Игуман се је јунак намјерио,
Вазда држи топа сигурана,
Једанак му даде огањ живи.
Топ испуче, ка'да прогрмјело;
Глас једанак даде до Острога,
До Острога и до Загарача.
То зачуло шестесет пандурах (стража)
У Коприву, ниже Мартинићах,
Ђе чувају од турақах стражу,
Међу њима Савелић Илија и т. д. (С. О. XXIX).

(Нашелся тутъ юнакъ игуменъ, который всегда держитъ пушку на готовѣ; онъ тотчасъ поднесъ къ ней огонь. Пушка выстрѣлила, словно громъ прогремѣлъ; звукъ ея тотчасъ-же донесся до Острога, до Острога и до Загарча. Заслышали то шесть-

десять пандуровъ на Копривѣ, ниже Мартиничей, гдѣ содержать стражу противъ турокъ, а въ ней находился Савельичъ Илья, и т. д.).

Когда тотъ же Махмудъ-паша пошелъ на Черногорію съ большимъ войскомъ изъ Скадра и разбилъ свой станъ

На Доляне више Подгорице,
Ту разапе бијеле шаторе
И ту силан табор учинио,

что можно было видѣть съ Вртіельки, горы близъ Цетинья, — тогда владыка

— топе ужижаше
На високу гору Вртијељку
И главарма књиге отправљаше,
Да кликују браћу црногорце.
(С. О. XXXI, 135—141).

(Стрѣлялъ изъ пушекъ съ высокой горы Вртіельки и главарямъ разсылалъ письма, чтобы скликали братьевъ-черногорцевъ).

Точно такъ и во время Степана Малаго (1768 г.), когда турки со всѣхъ сторонъ ударили на Черногорію, а главная битва должна была произойти въ Бѣлопавлицкой долинѣ, между Никшичемъ и Острогомъ, вѣсть дается пушкой.

Войско было уже распредѣлено, и тогда —

Мало стаде, не би николико,
Доклен кратке пукоше машкуле
На врх Лисца, високе планине,
Скрај шатора Петровић владике.
Када хабер чуше црногорци,
Са три краја удрише турцима
Прије зоре и бијела дана,
Прије зоре по дуга сахата.

Јуришише млади црногорци,
А милога Бога споменуше;
Листом страже турске посјекоше,
У ордију јуриш учинише.
(С. О. XXIV, 254—265).

(Мало прошло времени, почти нисколько, какъ загремѣли короткія мортиры съ вершины Лисца, высокой горы, отъ шатра владыки Петровича. Какъ только услышали черногорцы вѣстовой выстрѣлъ, съ трехъ сторонъ ударили на турокъ прежде зори и бѣлаго дня, прежде зори на поль долгаго часа; пошли на штурмъ молодые черногорцы, поминая милостиваго Бога; изрубили всю турецкую стражу и кинулись на орду на приступъ).

Существовалъ у черногорцевъ, все равно какъ и у турокъ, особенный способъ, посредствомъ котораго двѣ стороны давали знать о себѣ. Это были — особенный свистъ или крики, какъ условные сигналы, узнавши которые, непріятель могъ воспользоваться и употребить противъ своего непріятеля. Такъ чевскій сердарь Вукале послѣ одного дѣла, отправившись въ погоню за турками, обманулъ одного изъ нихъ:

Сердар хукну, а турчинъ звиjукну.
На звиjук га сердар намамио,
Без ране га жива ухватио
И узе му главу и оружје
(С. О. XVII, 235—242).

(Сердарь гукнулъ, а турокъ свиснулъ. На свистъ сердарь его заманилъ; не ранивши, живого ухватилъ и взялъ съ него голову и оружіе).

Въ послѣднюю войну одинъ трубачъ пиперъ выучилъ всѣ турецкіе сигналы и ложными сигналами обманывалъ турокъ; но потомъ онъ погибъ отъ своей-же стражи, когда, какъ лазутчикъ, ночью возвращался изъ турецкаго лагеря.

Въ одной пѣснѣ разсказывается, какъ турецкій лазутчикъ Томо договаривался съ булюкбашей Бетёмъ:

Зави Томо, као горски вуче,
А Беħо га зачу буљукбаша;
Гракну турчин, као гавран црни;
Познаше се до два побратима
По гракању и по завијању;
Познаше се, па се састадоше.

(С. О. XXV, 113—118).

(Завылъ Томо, какъ горный волкъ, а заслышалъ его Бетё булюкбаша; тогда каркнулъ турокъ, словно черный воронъ, узнали другъ друга два побратима по карканью и по завыванью; узнали и сошлися).

А одинъ изъ черногорской четы дѣлаетъ такой наказъ своимъ товарищамъ:

«Чекајте ме води на обалу;
А ја одох у турском околу;
Како нађем пашина шатора,
Завит, ħу ви вучки из окола;
Дотрчите мене по авазу».

(С. О. LXI, 145—149).

(Ждите меня на берегу рѣки, а я отправляюсь въ турецкій лагерь; и какъ только найду шатеръ паши, завою вамъ изъ лагеря по-волчьи; тогда бѣгите ко мнѣ на мой голосъ).

Приведемъ въ заключеніе рядъ отдѣльныхъ сценъ, которыми дополняется общая картина боя, изображая смерть или положеніе тяжело раненаго.

«Али су ме ране допануле,
Љуте ране, сад' ħу погинути;
Убило ме троје синджирлијах,
Једне су ме ногу одкинуле,
Друге руку десну од раменах,
А треħе ми срце изгорјеше».

(С. О. LV, 59—64).

(Но одолѣли меня раны, тяжкія раны, и я долженъ умереть; поразили меня три синджирліи: одна перебила мнѣ ногу, другая правую руку у плеча, а третья сожгла мнѣ сердце).

А погоди голема јунака
Посред паса, не даде му гласа.

(А попалъ въ великаго юнака посрединѣ пояса, не могъ онъ и крикнуть).

Па ми Горчин ужди џефердара,
А погоди Бећовић-Ферата
Посред паса у срце јуначко:
Задрijема турчин на дорина,
Састави га са зеленом травом.
(С. О. LIII, 124—128).

(Выстрѣлилъ изъ джефердара Горчинъ и попалъ въ Бечёвича-Ферата середи пояса въ молодецкое сердце: зашатался турчинъ на гнѣдкѣ; уложилъ его на зеленую траву).

Од образа пали џефердара,
А погоди доброга турчина
Међу очи у турачку главу;
Ни жива га земља не сачека,
Паде турчин низ добра дорина.

(Безъ прицѣла выстрѣлилъ изъ джефердара и попалъ въ добраго турчина, между глазъ въ турецкую голову; не достигъ живой онъ и до земли; палъ турчинъ съ добраго гнѣдого коня).

Па на Зука нишан ухватио,
Па латинки даде ватру живу,
Те погоди Париповић Зука,
Живо му је срце изгорио,
Паде Зуко у зелену траву.
(С. О. XXX, 85—89).

(И нацѣлился на Зука, спустилъ курокъ латинки и попалъ въ Париповича Зука; сжегъ ему живое сердце; палъ въ зеленую траву Зуко).

Изнад воде ужди джефердара,
Те погоди диздар Осман-агу
Баш под грло, ђе пуце запуча:
Паде турчин у крај воде хладне.

(Понадъ водой выстрѣлилъ онъ изъ джефердара и попалъ въ диздара Османъ-агу прямо подъ горло, гдѣ застегивается пуговица: палъ турокъ на краю воды холодной).

Пуче пушка, ка да прогрмјело,
И погоди Осман-барјактара
Међу токе у прси широке;
Убила га зрна на синджире,
Зададе му србин рану ружну:
Проз турчина сунце огријало;
Паде турчин на зелену траву.

(С. О. LV, 180—186).

(Раздался выстрѣлъ, точно громъ прогремѣлъ, и попалъ въ Османа-барьяктара посреди токъ въ широкую грудь; прострѣлила его пуля на цѣпочкѣ, сдѣлалъ рану ему сербинъ худую: сквозь турчина засвѣтило солнце; упалъ турчинъ на зеленую траву).

У јунаку пуче срце Вуку:
Сабљом махну Коичићу Вуче
И одсјече Синан-бегу главу

(С. О. IX, 103—105).

(Разыгралось у Вука сердце: махнулъ саблей Коичичъ-Вукъ и отрубилъ голову Синанъ-бегу).

Или вотъ цѣлая картина.

Ходжа-Саричъ «са дна Гацка равна» выскакиваетъ на бѣшеномъ конѣ:

А у руке дохвати барјака;
Свилен га је барјак поклонио
Саврх главе до зелене траве,
Барјак њега, а кита ђогата;
На Михајла загон учинио,
Да уграби рањена јунака.

(А въ рукахъ онъ держитъ знамя: шелковое знамя всего его покрыло съ головы внизъ до травы зеленой; знамя покрыло его, а кисти его боевого коня: полетѣлъ онъ на Михайла, чтобы покончить съ раненымъ юнакомъ).

Но въ то время —

Узе Васиљ везену шишану,
Подиже јој четири капата,
На турчина нишан саставио.
Поштено му ватра прихватила,
И хоџу је погодио дивно
У врх главе међу очи црне;
Паде хоџа с хата ђогастога,
Звекнуше му празне бакрачлије.

(С. О. XLIX, 111—134).

(Взялъ Василій изукрашенное ружье. поднялъ прицѣлъ на четвертую степень, прицѣлился въ турчина. Ружье не дало осѣчки, и попалъ онъ въ ходжу отлично въ голову между черными очами: упалъ ходжа съ бѣлаго жеребца, звякнули лишь праздныя стремена).

Всѣ эти выраженія въ формѣ очень сжатой представляютъ цѣлую картину, полны силы и дѣйствительной жизни; видно, что они выработались частымъ употребленіемъ, какъ пословицы, и употреблявшимъ ихъ было слишкомъ хорошо знакомо и обычно

самое дѣло. При всей силѣ и образности этихъ выраженій они исполнены простоты и спокойнаго тона, какъ бы дѣло шло о какомъ-нибудь самомъ обыденномъ случаѣ; мѣстами проглядываетъ даже легкая шутка. Такъ, мы видѣли, что сердарь Вукале, ухвативши турка, «узе му главу и оружье», какъ будто бы и голова представляется простою вещью. Дѣйствительно, черногорцы всегда и смотрѣли на обезглавленіе убитыхъ ими турокъ, какъ на самое обыденное дѣло. И теперь черногорецъ, разсказывая о схваткахъ съ турками, о какой-нибудь случайной, мелкой стычкѣ, выражается такъ: «И ту смо *убрали* двіе-тріе главе» т. е. отрубили головы; а употребленное для выраженія того слово — *убрати* одинаково значитъ: сорвать цвѣтокъ, огурецъ, дыню и т. п.

Общее заключеніе.

Поставивъ себѣ задачею представить чисто народную войну и чисто народные способы воеванія, мы остановились на томъ періодѣ, когда Черногорія отъ племенного быта стала переходить къ быту государственному. Но военныя качества черногорца, воспитанныя въ немъ всею его прошлою жизнью, войдя въ его плоть и кровь, не перестаютъ обнаруживаться и въ новомъ періодѣ жизни Черногоріи; они живутъ до сихъ поръ и въ современномъ черногорцѣ.

Какимъ бы измѣненіямъ ни подвергалась народная жизнь Черногоріи подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ и культурныхъ условій этой жизни, черногорецъ прежде всего представляетъ собою типъ воина, проникнутаго мыслію о войнѣ и никогда ни передъ кѣмъ не складывающаго оружія, съ которымъ онъ не хочетъ и не можетъ разстаться даже среди полнѣйшаго мира.

Отсюда отчасти проистекаетъ въ немъ непосѣдливость и любовь къ приключеніямъ и похожденіямъ разнаго рода, колебаніе между осѣдлою и кочевою жизнію, пренебрежительное отношеніе къ мирному труженичеству, къ скромному занятію ремесломъ,

стремленіе къ господству, легкость убійствъ изъ-за пустяковъ въ ссорѣ или по какому-либо предвзятому убѣжденію (idée fixe), иногда по чьему-нибудь наущенію, а случается даже и изъ корыстныхъ цѣлей и т. д. Съ годами однако черногорецъ въ этомъ отношеніи измѣняется: становится трудолюбивѣе, все съ большимъ уваженіемъ относится къ скромнымъ занятіямъ мирной гражданской жизни и высоко цѣнитъ просвѣщеніе.

Но, переходя отъ исключительно военнаго быта къ быту гражданскому и цѣня блага, доставляемыя культурою и миромъ, черногорецъ не теряетъ своихъ прежнихъ военныхъ качествъ.

Тѣ-же самыя качества черногорцы проявили и во всѣхъ последующихъ войнахъ при кн. Даніилѣ и при нынѣ владѣющемъ кн. Николаѣ. Въ послѣднюю турецкую войну черногорцы, сломленные Сулейманомъ-пашой на Крстцѣ, не потеряли прирожденной имъ энергіи и, разбившись на отдѣльные отряды и держась своей старой тактики, дали ему «девять кровавыхъ дней», въ продолженіи которыхъ этотъ знаменитый турецкій генералъ, командуя отборнымъ войскомъ, доведенъ былъ до крайняго истощенія и безъ новой помощи долженъ бы былъ искать спасенія въ Подгорицѣ.

При изображеніи боевой жизни черногорцевъ мы не только ограничились извѣстнымъ періодомъ и исключили послѣднія почти 50 лѣтъ той жизни, но и въ томъ старомъ періодѣ ограничились сравнительно весьма малымъ матеріаломъ, имѣя въ виду только этнографическую цѣль и желая только въ общихъ чертахъ представить военный типъ черногорца. Поэтому массу матеріала мы оставили нетронутымъ; а особенно много его остается даже и несобраннымъ, хранясь до сихъ поръ въ народныхъ, неопубликованныхъ разсказахъ, очень интересныхъ, характерныхъ и поучительныхъ. Но и изъ того немногаго, что собрано и представлено въ нашей статьѣ, надѣемся, можно сдѣлать нѣкоторые выводы, которые могутъ имѣть значеніе не только въ этнографическомъ отношеніи, но и для руководства при опредѣленіи спеціально боевыхъ качествъ и способностей современнаго черногорца.

Такъ военныя способности черногорцевъ, воспитанныя въ нихъ исключительно при оборонѣ отечества, скалистой и неприступной Черногоріи, могутъ проявляться и при другихъ условіяхъ, что̀ и доказали многіе изъ нихъ, участвуя въ русскихъ войскахъ. Ихъ подготовка—не рутинная, отвѣчающая только извѣстнымъ условіямъ, но въ то же время развивающая въ нихъ общія качества: необыкновенную энергію, неустрашимость, рѣшительность, смѣтливость, умѣнье не потеряться и найтись во всякомъ положеніи, выносливость, физическую легкость, ловкость и т. д. Они способны выносить и самую строгую дисциплину, хотя по духу народной войны привыкли дѣйствовать безъ строгой, формальной команды, и каждый дѣйствуетъ самостоятельно, какъ самостоятельная единица. Вслѣдствіе этого слишкомъ строгая команда, ограничивающая эту самостоятельность, можетъ парализовать его природную способность, что̀ можетъ дурно отразиться на дѣлѣ. Племенной духъ также слишкомъ глубоко сидитъ въ черногорцѣ и тоже можетъ ослабить его энергію, если онъ будетъ поставленъ внѣ своего племени или рода. Съ этимъ нужно также сообразоваться и считаться.

Новыя условія, въ которыхъ находится Черногорія въ настоящее время, лишившія ее постоянной военной практики, требуютъ замѣны этого положенія школой, т. е. обученіемъ сообразно съ новыми требованіями. Но, вступая въ эту новую школу, черногорецъ не нуждается, чтобы его много мучили маршировкой и другими упражненіями, которыя имѣютъ смыслъ, какъ гимнастика, развивающая въ солдатѣ ловкость, быстроту, внимательность и напряженность всѣхъ его способностей и т. п.; потому что онъ съ дѣтства занимается гимнастикой и съ дѣтства же пріучается къ маршировкѣ и владѣть оружіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ вступаетъ въ новую школу на половину готовымъ, чего нельзя сказать про всякаго другого европейскаго солдата. Поэтому Черногоріи требуется школа, которая бы впередъ оцѣнила, какъ хорошія, такъ и дурныя качества черногорца и сообразно съ тѣмъ не уничтожала бы добраго стараго и не навязывала ему новаго ненужнаго.

Примѣч. Дополненіемъ и, такъ сказать, иллюстраціей къ этому отдѣлу можетъ служить наша статья: «Черты изъ боевой жизни Черногоріи» («Рус. мысль», 1880, кн. V, стр. 1—34, и VI, стр. 1—33), въ которой по личнымъ наблюденіямъ нами представленъ эпизодъ изъ послѣдней черногорско-турецкой войны— Гусинская экспедиція въ концѣ 1879 г., обрисовывающій качества и нравы черногорскаго войска и вообще военный духъ черногорскаго народа.

XVI.

ОБЫЧАЙ И ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ.

Обычаи вообще и ихъ подраздѣленіе.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ мы познакомились со всею обстановкою жизни черногорца, а также и съ самою трудовою жизнью, въ которой онъ руководится своими матеріальными потребностями. Къ той же области мы отнесли и войну, которая также представляетъ собою борьбу за существованіе.

Во всѣхъ этихъ сферахъ человѣкъ дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ: условій внѣшней природы или условій, вытекающихъ изъ внѣшнихъ-же отношеній къ другимъ, себѣ подобнымъ, дружественныхъ или враждебныхъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, однако, человѣкъ, приспособляясь къ обстоятельствамъ и времени, дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая для достиженія цѣли различныя средства, способы и пріемы. Но есть жизнь иная, въ которой изъ году въ годъ все совершается по одному, однажды заведенному порядку, уклоненій отъ котораго не можетъ и не должно быть. Этотъ однажды установленный порядокъ представляетъ собою обычай, которымъ, какъ положительнымъ закономъ, руководится

народъ во всѣхъ сферахъ жизни: семейной, общественной и религіозной. Всѣ эти обычаи возникли первоначально подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, при которыхъ складывалась и трудовая или дѣловая жизнь народа; но со временемъ они измѣнялись, теряли свой первоначальный смыслъ и форму; давность однако освятила ихъ и сообщила имъ что-то высшее, священное и потому строго обязательное. Поэтому говорится: «Лакше је земљу продати, но њој адет (обычай) изгубити» или: «Боље је да село угине, но у селу адет». При томъ исполненіе обычая сопровождается извѣстными формами, соблюденіе которыхъ также обязательно; это—обряды, въ которыхъ вращается жизнь по обычаю, почему мы и называемъ её иначе обрядовою.

Обрядъ, представляя собою только формальность, которою сопровождается тотъ или другой обычай, составляетъ иногда главное и самое существенное, чѣмъ характеризуется обычай у различныхъ народовъ и въ различныхъ мѣстностяхъ. Свадьба напр. у всѣхъ христіанскихъ народовъ въ сущности представляетъ одно и то же; но громадная разница встрѣчается въ обрядахъ, сопровождающихъ ее, не только у различныхъ народовъ, но даже у одного народа въ различныхъ мѣстностяхъ. Тоже самое въ похоронахъ и отправленіи различныхъ религіозныхъ празднествъ.

Кромѣ того, въ обрядахъ кроются иногда остатки весьма отдаленной старины, напоминающіе совсѣмъ иной бытъ и другую культурную степень народа. Этимъ остаткамъ, наслѣдованнымъ народомъ изъ отдаленной старины и утратившимъ свой первоначальный смыслъ въ жизни современной, англійскіе этнографы и антропологи дали названіе *переживаній* (survivals).

По словамъ Тэйлора, «это—тѣ обряды, обычаи, воззрѣнія и проч., которые силою привычки были перенесены въ новое состояніе общества, отличное отъ того, которому они были свойственны, и остаются такимъ образомъ въ видѣ доказательствъ или примѣровъ прежняго состоянія культуры, изъ котораго развилось новѣйшее» (Первобыт. культура, стр. 15).

Обращаясь къ этой сторонѣ черногорскаго народа, составляющаго часть сербскаго племени, въ главномъ мы не встрѣтимъ ничего существенно новаго, особеннаго отъ общаго сербскаго; но найдемъ разницу въ мелочахъ и деталяхъ, которыми главнымъ образомъ и характеризуется его своеобразный бытъ и въ которыхъ, можетъ быть, задержались черты древняго быта, утраченныя или видоизмѣненныя у другихъ сербовъ, что̀ и заставляетъ изслѣдователя обращать на нихъ вниманіе, не пренебрегая мелочами и малѣйшими различіями.

Описаніе обычаевъ Черногоріи не составляетъ непочатого угла; напротивъ, своеобразность ихъ давно обращала на себя вниманіе ученыхъ и путешественниковъ, у которыхъ можно найти описаніе черногорскаго «*Божича*» (празднованіе Рож. Христова), *славы*, заключеніе *побратимства* и др.

Описанію ихъ посвящены цѣлыя сочиненія: Вука Караджича, Медаковича, Врчевича и др., которыми пользуются ученые этнографы и юристы новѣйшаго времени. Спеціально юридическіе обычаи нашли мѣсто въ книгѣ г. В. Богишича: «Правнички обичаjи jугославена».

Но при всемъ томъ въ этихъ описаніяхъ недостаетъ именно детальности, которой мы придаемъ такое значеніе, и варіантовъ по мѣстностямъ, которыми также значительно пополняется представленіе о цѣломъ обычаѣ; такъ какъ утраченное въ одномъ мѣстѣ можетъ найтись въ другомъ. Кромѣ того, во всѣхъ указанныхъ сочиненіяхъ, обычаи описываются не въ связи, не въ цѣлой системѣ, а по отдѣльности; вслѣдствіе чего является нѣкоторая неполнота и неясность, такъ какъ при такомъ отрывочномъ изложеніи нельзя замѣтить пропусковъ и уловить тотъ общій духъ и смыслъ, которымъ они проникнуты во всей своей совокупности.

Руководясь этими соображеніями, мы прежде всего и заботимся о полнотѣ фактовъ, относящихся къ тому или другому обычаю, не пренебрегая и самыми ничтожными, и о точности описанія; а затѣмъ стараемся всѣ эти факты привести въ си-

стему, въ которой яснѣе выражается ихъ смыслъ. Но, приступая къ систематизаціи всѣхъ обычаевъ, мы замѣчаемъ, что съ одной стороны въ обычаяхъ, касающихся отношеній и явленій жизни чисто мірскихъ, какъ заключеніе побратимства, примиренія кровавой вражды и др., при исполненіи сопровождающихъ ихъ обрядовъ требуется точность и господствуетъ чувство, близкое къ религіозному благоговѣнію, а часто требуется и благословеніе церкви; съ другой — въ исполненіи чисто религіозныхъ обрядовъ всегда примѣшивается доля мірского. Поэтому трудно провести точное разграниченіе между обычаями религіозными и мірскими по ихъ характеру. При такомъ смѣшеніи религіознаго съ житейскимъ, мы считаемъ болѣе сообразнымъ раздѣлить ихъ по актамъ, къ которымъ они относятся: *А.*, религіозные, относящіеся къ прославленію Бога, его святыхъ и важнѣйшихъ моментовъ изъ священной исторіи и христіанской жизни; *Б.*, семейные, относящіеся къ важнѣйшимъ актамъ житейскимъ въ кругу семейной жизни; *В.*, общественные или внѣсемейные, относящіеся къ болѣе важнымъ актамъ изъ жизни общественной, сюда же относимъ и правовые; и наконецъ, *Г.*, мелкіе обычаи, обряды и формальности, встрѣчающіеся въ повседневной жизни семейной и общественной.

А. РЕЛИГІОЗНЫЕ ОБРЯДЫ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый кругъ священныхъ для человѣка моментовъ, которые онъ считаетъ долгомъ отличить служеніемъ въ церкви и дальнѣйшимъ прославленіемъ у домашняго очага. Они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ продолженіи цѣлаго года. Одни изъ нихъ идутъ по числамъ мѣсяца, а другіе по пасхаліи.

Въ числѣ первыхъ главное мѣсто занимаетъ Рождество Христово, съ которымъ соединяется предшествующій ему постъ и послѣдующіе праздники въ продолженіи всего мясоѣда; за-

тѣмъ идутъ праздники, соотвѣтствующіе святымъ, угодникамъ божіимъ и особеннымъ священнымъ событіямъ, не имѣющіе между собою никакой непосредственной связи. Опредѣляемые по пасхаліи праздники и особенные дни группируются около Пасхи, начинаясь масляницей и оканчиваясь Троицей. Между этими праздниками размѣщаются и посты. Кромѣ того есть особенные, чествуемые дни, опредѣляемые по числамъ и по пасхаліи.

Независимо отъ этого общаго распредѣленія празднуется крестное имя, совершаются крестные ходы и освящають на дому масло.

Сообразно съ этимъ мы разсмотримъ обычаи относительно чествованія этихъ праздниковъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Рождество; 2) Пасха; 3) праздники по числамъ мѣсяца; 4) особенные дни; 5) Слава или Крестное имя; 6) крестные ходы и завѣты и 7) освященіе масла на дому.

1. Рождество.

Къ Рождеству же, конечно, слѣдуетъ отнести 6 недѣль поста, который мы называемъ рождественскимъ или филипповымъ, такъ какъ онъ начинается со дня апост. Филиппа (14 ноября).

Въ Черногоріи постъ этотъ хотя и начинаютъ съ того же дня, но заговѣнье, начинающееся съ него, назыв. *мратински поклади* по имени св. Мрата т. е. Мартина, который приходится на 12 ноября (по католическому календарю 11), и самый постъ *божиħни* или *мратински пости* *).

Въ это заговѣнье стараются только получше поѣсть скоромнаго, а никакихъ особенныхъ кушаній не готовится и нѣтъ

*) Объ особенной распространенности имени Мартина въ Черногоріи мы будемъ говорить ниже въ отдѣлѣ «Общія заключенія о религіозныхъ обычаяхъ и обрядахъ», и приписываемъ это западному вліянію.

особеннаго веселья; такъ что вступаютъ въ постъ безъ особеннаго подготовленія, хотя по селамъ его строго соблюдаютъ и имъ не тяготятся, потому что всѣхъ припасовъ вдоволь, да можно ѣсть и рыбу. Только цеклиняне воздерживаются и отъ рыбы послѣ 6 декабря (Николь-день), который они славятъ.

Нѣкоторые же только съ Николя-дня начинаютъ вообще поститься; съ Игнатьева же дня (20 дек.) никто не ѣстъ рыбы.

Послѣднія двѣ недѣли или собственно два воскресенія передъ Рождествомъ (св. праотецъ и св. отецъ) называютъ *материце* и *оцичи*.

Въ первое непремѣнно пекутъ *приганицы* (родъ оладей) и матери дѣлаютъ подарки своимъ дѣтямъ, состоящіе изъ лакомствъ, а во второе подарки дѣтямъ дѣлаютъ отцы. Но при этомъ дѣти стараются незамѣтнымъ образомъ привязать отца за ногу или за руку чѣмъ-нибудь къ ножкѣ скамеечки или стола, когда онъ сидитъ, и подарками онъ отъ нихъ откупается. Тогда подарки бываютъ, кромѣ лакомствъ, и деньгами.

Есть еще одинъ день: *ођтинци*, уже послѣ Рождества, 29 дек. (избіеніе младенцевъ въ Виолеемѣ), когда то же самое продѣлываетъ отецъ съ дѣтьми.

Непосредственно предшествующая Рождеству недѣля называется *бадња недьља*. Въ продолженіи всей этой недѣли въ семьѣ никто никого не смѣетъ ударить, ни родители дѣтей, ни дѣти другъ друга; иначе вскочитъ злой чирей. Если же кто ударитъ кого въ забывчивости, то послѣдній, чтобы избавить отъ бѣды ударившаго, долженъ проговорить: «Чири — мири, двадесет четири» или «сто четирдесет четири», или еще: «Чире — мире, око тебе девет браће било». Здѣсь, по народному толкованію, *мири* или *мире* означаетъ *мили* (милый, дорогой).

День 23 декабря называется *туцин-дан*, оттого что въ этотъ день колютъ скотину (*туци*), обреченную на съѣденіе въ Рождество.

Наконецъ канунъ праздника, 24 дек., называется *бадњи-дан* по *бадњаку*, дереву, которое въ тотъ день срубаютъ, чтобы вече-

ромъ положить на огонь*); вечеръ того дня называется *бадни вечер* или чаще *бадня вече.*

Въ этотъ послѣдній день соблюдается самый строгій постъ; иные до вечера не ѣдятъ ничего (*једноничају*) или ѣдятъ только сухой хлѣбъ; отнюдь нельзя пить кофе или ѣсть, что̀ бы то ни было, изготовленное на огнѣ; только старымъ людямъ допускается рюмочка ракіи. Вечеромъ же непремѣнно должны быть приганицы на оливковомъ маслѣ, иногда посыпанныя сахаромъ; можно изготовить и еще что-нибудь, но совершенно постное: сварить фасоль, картофель и т. п., и тогда же всѣмъ разрѣшается выпить немного водки и вина.

Въ домѣ весь этотъ день идутъ приготовленія къ празднику. Закуплены впередъ водка и вино, если своихъ не имѣется; есть домашняго приготовленія ветчина и сушеное мясо (*кастрадина*); но нужно еще изжарить или собственно испечь цѣлаго барана или барашка, а кто имѣетъ, еще и поросенка.

Заколотое наканунѣ животное обдираютъ, потрошатъ, чистятъ и потомъ насаживаютъ на вертелъ (*ражањ*), собственно длинный тонкій колъ, и въ такомъ видѣ ставятъ въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ, прислонивши къ стѣнкѣ, пока прійдетъ время, чтобы положить его на огонь.

Въ то же время приготовляютъ колбасы, начиненныя мясомъ и саломъ или кукурузной мукой, иногда рисомъ. Поросенка также начиняютъ рисомъ съ изюмомъ; а иногда внутрь его кладутъ курицу, въ курицу же яйцо, и когда послѣднее лопнетъ, это значитъ, что *пециво* готово**).

Покуда все это совершается въ домѣ, *домаћин* (хозяинъ дома) или его старшій сынъ отправляется до полдня въ лѣсъ, собственный (*забран*) или общественный (*метех*, *забио*), чтобы срубить баднякъ. Со взрослымъ всегда почти отправляется еще

*) Самое слово это одного корня съ нашимъ *бадъ*, *бадожокъ* — палка; срв. въ пѣснѣ: «Туру—туру пастушокъ, калиновый бадожокъ» и т. д.

**) Въ Барѣ не пекутъ пецива, а только приготовляютъ болѣе обильный обѣдъ, какъ вообще на праздникъ.

кто-нибудь изъ дѣтей мальчиковъ. Это называется *поћи у бадњаке*. Выбирается для этого непремѣнно дубокъ, прямой и чистый, который въ нижнемъ отрубѣ имѣлъ-бы 10—15 сантим. въ поперечникѣ, а въ длину 2—3 метра. Въ Пивѣ и Дробнякахъ бадиякъ бываетъ такой большой, что его волокутъ на быкахъ. Гдѣ нѣтъ дуба, срубаютъ деревцо еловое или сосновое, а въ Васоевичахъ *молику* (pinus peuce).

Для срубанья бадияка существуетъ особый пріемъ, котораго строго держится срубающій. Облюбовавъ деревцо, онъ поворачивается къ востоку, молится Богу, призывая Его благословеніе, потомъ становится на колѣни и начинаетъ рубить дерево близко къ корню. Надрубивъ до половины съ одной стороны, начинаетъ рубить съ другой на 20 — 25 сантим. выше и также прорубаетъ до половины и останавливается; это называется *забадњачити*. Потомъ онъ встаетъ, беретъ дерево за верхъ и гнетъ на ту сторону, гдѣ оно зарублено ниже. Деревцо ломится, отщепляясь внизу, гдѣ зарублено, и оттого остается конецъ отщепленный, который и называется *пришавак*. Вѣтки всѣ обрубаются и оставляется только одна на самомъ верху, которая тоже укорачивается; но остается часть съ нѣсколькими листьями, что особенно важно. Дубъ въ этомъ отношеніи имѣетъ то преимущество, что не роняетъ листъ, какъ другія деревья, безъ сильнаго вѣтра, а въ Черногоріи иногда сохраняется до Рождества и зеленый цвѣтъ листьевъ. Бадияку этому дается и другое, болѣе нѣжное названіе — *блажено дрво* или *весељак*. Кромѣ его, срубаютъ еще нѣсколько деревцовъ потоньше, которыя называются *бадњорицами*. Нѣкоторыя изъ нихъ срубаетъ маленькій сынишка.

Приносятъ эти деревья къ дому и ставятъ снаружи его, прислонивши къ стѣнѣ съ правой стороны входныхъ дверей. При этомъ черногорцы ставятъ кверху тонкимъ концомъ, какъ было дерево на корню, а герцеговинцы наоборотъ. На Цетиньѣ однажды произошло крупное недоразумѣніе между мужемъ-герцеговинцемъ и женою-черногоркой изъ-за того, что мужъ поставилъ дерево по своему обычаю толстымъ концомъ кверху, а

жена, полагая, что онъ это сдѣлалъ по разсѣянности, переставила по своему. Мужъ же подумалъ, что жена это сдѣлала на зло ему, и отколотилъ ее. Послѣ, узнавши, въ чемъ было дѣло, мужъ раскаялся; неизвѣстно только, проговорила ли она «чире-мире» или не постигло ли мужа божіе наказаніе за нарушеніе святости дня. Въ прежнее время князь Николай самъ съ перяниками и цѣлою свитою отправлялся въ чей-нибудь лѣсокъ и срубалъ баднякъ, а затѣмъ рубили другіе. Онъ платилъ за это хозяину лѣса 50—70 флориновъ, что̀ было для того рождественскимъ подаркомъ.

На Цетиньѣ, гдѣ большинство горожанъ не имѣетъ своей земли, бадняки приносятъ сосѣдніе поселяне и продаютъ по цванцигеру, т. е. по 34 сольда; платятъ и по 50, и 10 и даже по 5 с.

Есть обычай принести кому-нибудь баднякъ и поставить у его дома, не сказываясь, въ видѣ тайнаго дара, изъ особеннаго расположенія къ тому дому.

Наконецъ, все готово. Хозяйки пекутъ приганицы, складываютъ на блюдо и приготовляютъ еще какое-нибудь кушанье, а также ставятъ вино и водку. Когда и это готово, тогда начинаютъ убирать все, что̀ находится близь огнища (посрединѣ избы, гдѣ раскладывается огонь); главнымъ образомъ наблюдаютъ, чтобы не осталось ничего желѣзнаго: убираютъ желѣзный *пријеклад*, на который кладутся концами дрова, и вмѣсто него ставятъ камень; *тркач* (кочережку), которымъ выгребаютъ жаръ; *казан* (котелокъ), въ которомъ варятъ ѣду, повѣшенный надъ огнемъ на желѣзной цѣпи (*вериге*), и эта послѣдняя поднимается выше. Все это должно быть удалено, а также не оставляютъ ни скамеечки, ни какой-либо подстилки для сидѣнья. Убравши все, чисто подметаютъ полъ. Послѣ этого домохозяинъ приноситъ большое беремя соломы и разбрасываетъ его кучками по полу; а дѣти идутъ за нимъ и разстилаютъ эту солому въ ширь. Потомъ по ней валяются не только дѣти, но и взрослые. Въ Кучахъ домохозяинъ, разбрасывая солому и низко согнувшись, клокчетъ, какъ насѣдка, а дѣти, идя за нимъ, «пиликаютъ», какъ цыплята, и роются въ соломѣ, какъ-будто въ ней что-то

отыскивая; иные обходятъ такимъ образомъ вокругъ цѣлаго дома. На огнище кладутъ побольше дровъ и поднимаютъ большое пламя; покурятъ ладономъ. Настали сумерки; пора вносить баднякъ. Хозяинъ дома немного прихорашивается и, перекрестившись и призвавши благословеніе божіе, со всѣми дѣтьми и другими членами семьи мужского пола отправляется за баднякомъ; а хозяйка дома прилѣпляетъ съ двухъ сторонъ дверей по восковой свѣчѣ и становится со всѣмъ женскимъ населеніемъ у тѣхъ же дверей внутри дома, держа въ лѣвой рукѣ деревянную чашку съ житомъ: пшеницей, кукурузой, фасолью и др.

Домохозяинъ беретъ главный баднякъ и, повернувъ его *головой* (толстымъ концомъ) впередъ, вноситъ въ домъ со словами: «Добра вече и честита ви бадня вече!» На это ему отвѣчаетъ хозяйка: «Добра ти срећо (счастье) и добро дошао!» и обсыпаетъ его изъ правой руки житомъ, приговаривая: «Сретан, богат, честит» и т. д.—разныя добрыя пожеланія. За хозяиномъ тѣмъ же порядкомъ всѣ другіе вносятъ бадняриці.

Баднякъ кладется толстымъ концомъ (*глава*) впередъ на *пријеклад* (камень) такъ, чтобы голова его высовывалась изъ огня четверти на полторы; бадняриці кладутся на него поперекъ, накрестъ. Положивши баднякъ, домохозяинъ беретъ сосудъ съ виномъ и льетъ на «голову» дерева (*прелије бадњаку главу*) три раза и кладетъ на него кусокъ хлѣба; затѣмъ выходитъ изъ дома и стрѣляетъ; стрѣляютъ за нимъ и другіе его челядинцы, иногда малыя дѣти. Послѣ того всѣ, начиная съ хозяина, пьютъ понемногу вина «у славу Божу и у славу Рожества (Х)ристова».

Голову бадняка, прежде или когда положатъ, украшаютъ зеленью, особенно если на немъ не было листьевъ, вѣточкою плюща, масличнаго дерева или же елки и можжевельника.

Вносятъ бадняки по всему селу въ одно время, только-что смеркнется; поэтому въ продолженіе получаса или и цѣлаго часа, пока это совершается въ селѣ, всегда почти разбросанномъ на большое пространство по горамъ, вы видите, какъ среди густого

мрака то-и-дѣло сверкаютъ огоньки и раздаются выстрѣлы, раскатываясь громкимъ эхомъ по горамъ.

На Цетиньѣ прежде всѣхъ вносятъ баднякъ у князя и тогда дѣлается одинъ выстрѣлъ изъ пушки; затѣмъ вносятъ всѣ, и тогда, если проходишь по улицѣ, надъ тобою изъ вторыхъ этажей непрерывно гремятъ выстрѣлы, какъ-будто въ самый жаркій моментъ битвы. Несчастій, однако, при мнѣ не случалось ни на Цетиньѣ, ни по всей Черногоріи; тогда какъ въ бытность мою въ Сербіи въ 1868 г. въ эту ночь было 4 несчастныхъ случая. Только я одинъ разъ чуть не пострадалъ: когда я проходилъ мимо углового дома, во время непрогляднаго тумана, одинъ албанецъ выскочилъ и выстрѣлилъ въ меня почти въ упоръ; по счастью, у меня въ лѣвомъ карманѣ былъ цѣлый толстый пакетъ бумагъ, и пуля, пробивши пальто и углы на сгибѣ бумагъ, пошла мимо.

Для этого въ послѣднее время особенно приготовляютъ холостые патроны, и никто стрѣлять полнымъ зарядомъ не смѣетъ.

Если случится гость (конечно, издалека, потому что изъ ближнихъ всякій дома, или иностранецъ), то и онъ вноситъ баднякъ, и присутствіе такого человѣка пріятно хозяевамъ.

На мнѣ, бывало, когда нахожусь на Цетиньѣ, лежитъ обязанность внести баднякъ въ своемъ домѣ, т.-е. у хозяевъ квартиры; затѣмъ у однихъ кумовьевъ я вношу баднякъ и ухожу, а у другихъ по внесеніи бадняка остаюсь на ужинъ; заканчиваю же вечеръ дома, веселясь съ хозяевами.

Женщина не можетъ вносить баднякъ, а непремѣнно мужчина, хотя бы и маленькій мальчикъ; поэтому ко вдовѣ, не имѣющей дѣтей мужского пола, для внесенія бадняка приходитъ кумъ или кто нибудь изъ родственниковъ или пріятелей.

Все это совершается съ благоговѣніемъ, какъ священнослуженіе; дѣти, всегда очень живыя и рѣзвыя, тутъ притихаютъ и внимательно слѣдятъ за всѣмъ, что̀ происходитъ передъ ихъ глазами, а участвующіе въ томъ старшіе мальчики держатся совершенно какъ взрослые.

Послѣ этого садятся ужинать, для чего сверхъ соломы постилается что-нибудь шерстяное (*поњава, струка*), но отнюдь не бумажное или холстяное; нѣтъ также ни стола, ни скамеечки, а ставится все прямо на шерстяную постилку, и сидятъ, скрестивши подъ себя ноги. Передъ ѣдой старшіе выпиваютъ по рюмкѣ водки, а послѣ ѣды пьютъ вино всѣ и дѣти. Ложки непремѣнно должны быть деревянныя.

Вотъ какъ этотъ моментъ изображается въ народной пѣснѣ (С. О. III):

Мало прође, бадњи вече дође,
Стадоше се браћа на вечеру;
Наложише блажене палице,
Бадњакове па и бадњачице,
И ужднше воштану свијећу,
Пак се милу Богу помолише,
Великоме Христову Рождеству,
Да им вазда буде у помоћи;
Још доносе једну чашу вина,
Напијају сви у славу Божу,
И у славу Христа Спаситеља;
Тад' сједоше и повечераше.

(ст. 224—235).

Когда весь обрядъ совершонъ, домохозяинъ усаживается у огнища и на его обязанности лежитъ наблюденіе, чтобы пылалъ хорошій огонь и раньше перегорѣлъ бы на «прекладѣ» бадиякъ, а прежде того онъ не смѣетъ лечь спать. Сидятъ и другіе, кому нѣтъ дѣла, покуриваютъ трубки, разговариваютъ и понемногу попиваютъ вино; а дѣти въ это время предаются веселью: кувыркаются по соломѣ, въ которую иногда старшіе предварительно зарываютъ какую-нибудь монету, а они ее разыскиваютъ; играютъ въ (х)оро (хороводъ), пляшутъ, скачутъ подъ свое собственное пѣніе, поютъ особыя рождественскія пѣсенки, какъ напр. слѣд.:

У Божића три ножића:
Једним реже погачицу,
А једнијем кубасицу,
А трећијем чесницу.
Част Богу и Божићу
И бадњему вечерићу.
Божић зове с Лима:
«Донесте ми вина!»
Божић зове с Мораче:
«Донесте ми погаче!» и т. д.

Напр. прибавляютъ: «С петра: донесте ми вепра»; «с планине: донесте ми сланине»; «с раките: донесте ми ракије».

Во все это время до утра никто изъ постороннихъ не входитъ въ домъ, а изъ своихъ никто не выходитъ. Но до крайности общительный черногорецъ не можетъ вынести этого состоянія, радостнаго, но угнетающаго его уединеніемъ отъ остальныхъ своихъ знакомыхъ. Поэтому, посидѣвъ немного послѣ ужина, онъ выходитъ на дворъ и кричитъ кому-либо изъ сосѣдей, иногда на очень далекое разстояніе: «О, Са-вò!» Пройдетъ моментъ, когда тамъ разберутъ, кого зовутъ, и Саво отвѣчаетъ: «Эво ме, Драго!» Первый тогда опять кричитъ: «На здравље ти бадња вече!» и стрѣляетъ; на что тотъ опять отвѣчаетъ: «И с тобом заједно и сјутра Божић!» и тоже стрѣляетъ. Такая перекличка и перестрѣлка длится цѣлый вечеръ, нарушая отъ времени до времени ночную тишину.

Къ этому общему, такъ сказать, типу обряда наканунѣ Рождества Христова въ различныхъ мѣстностяхъ Черногоріи есть варіанты.

Въ Васоевичахъ на баднякъ, когда онъ уже на огнѣ, кладутъ фасоли, скорупа и цѣлый, нарочно для того испеченный пшеничный хлѣбъ и послѣ того поливаютъ его виномъ и ракіей.

Посыпають домохозяина житомъ послѣ того, какъ положатъ баднякъ. Послѣ того также никто не входитъ изъ постороннихъ; а еслибъ кто вошелъ, то долженъ положить на баднякъ какую-нибудь монету.

Сѣвши ужинать, хозяинъ ломаетъ упомянутый хлѣбъ на своей головѣ, сказавъ впередъ, какая сторона отвѣчаетъ прошлому году, а какая слѣдующему, и по этому гадаютъ объ урожаѣ и вообще о счастьѣ будущаго года; преимущество, конечно, на сторонѣ бо́льшей половины.

Въ герцеговинскихъ краяхъ на Рождество не кладутъ баднярицъ или баднячицъ; а только одну на *мали божич*, т. е. Васильевъ вечеръ.

Въ Подгорицѣ, когда положатъ баднякъ и баднярицы на крестъ, перескакиваютъ черезъ каждое дерево три раза, сначала правою ногой, потомъ лѣвою и опять правою, и только тогда стрѣляютъ; а затѣмъ зажигаютъ свѣчу передъ иконами, покурятъ ладаномъ и садятся за ужинъ.

Навеселившись вдоволь, всѣ, у кого нѣтъ дѣла, ложатся спать; домохозяинъ долженъ ждать, пока перегоритъ баднякъ, что̀ зависитъ отъ толщины его: иной перегоритъ къ 10 часамъ, другой послѣ полуночи и даже почти передъ утромъ. Какъ только онъ перегоритъ, хозяинъ выходитъ и дѣлаетъ еще одинъ выстрѣлъ. Не говорятъ однако: *прегорио је бадњак*, но: *превеселио се.*

Послѣ этого хозяинъ ложится спать, но тутъ же у огнища.

Остается забота о печивѣ. Когда положатъ его на огонь, то опять даютъ выстрѣлъ, и это бываетъ около 10 ч. вечера или послѣ полуночи, иногда даже послѣ четвертыхъ пѣтуховъ, смотря по тому, большое или малое животное печется, и требуется-ли, чтобы оно было готово къ концу заутрени или къ концу обѣдни; вообще же печенье его продолжается отъ 5 до 7 часовъ и требуетъ большого искусства и еще бо̀льшаго терпѣнія. При этомъ, если нѣтъ смѣны, а работаетъ одинъ, то отъ жара и дыма

у него разбаливаются голова и глаза, и человѣкъ чуть не падаетъ въ обморокъ,—какъ говорятъ, *одимио*. Жалобы на это въ большей или меньшей степени слышишь на другой день почти въ каждомъ домѣ.

Близится, наконецъ, и праздникъ. За часъ до разсвѣта раздается колоколъ, призывающій къ заутренѣ, на которую, однако, идутъ немногіе; затѣмъ непосредственно за нею слѣдуетъ обѣдня, на которой обязательно долженъ быть каждый домохозяинъ и съ нимъ еще кто-нибудь изъ домашнихъ. Всякій беретъ съ собою восковую свѣчу, съ селахъ самодѣльную, изъ своего воска, съ которою стоятъ цѣлую обѣдню *). По окончаніи службы священникъ, выйдя изъ алтаря съ крестомъ, возглашаетъ: «Христос се родио!» Всѣ ему отвѣчаютъ: «Ва истину се родио!»—и такъ три раза. Потомъ всѣ прикладываются ко кресту и получаютъ отъ священника *напору* (антидоръ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тутъ-же священникъ помазаетъ молящихся елеемъ, который освящается на заутренѣ. Послѣ этого всѣ цѣлуются между собою, какъ у насъ на Пасху, съ привѣтствіемъ: «Мир Божи! Христос се родио!»; на что другой отвѣчаетъ: «Ва истину се родио»; и это насывается *мирбожати се* и продолжается цѣлую недѣлю. Разговляются иные тотчасъ послѣ заутрени, но только такъназываемымъ *бјелим смоком*, т.-е. безъ мяса: прежде всего съѣдаютъ кусочекъ свиного сала, а потомъ яйца и сыръ. Цеклиняне, занимающіеся рыболовствомъ, разговляются сушеною, прокопченою рыбкой *уклевой*, ловъ которой составляетъ у нихъ важную статью дохода, и при этомъ высказываются пожеланія хорошаго лова. Настоящее же розговѣнье—мясомъ бываетъ послѣ обѣдни, и вскорѣ затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ.

Есть еще одинъ обычай, который совершается между заутреней и обѣдней. Въ это время одинъ изъ младшихъ членовъ

---

*) Въ Герцеговинскихъ краяхъ эта свѣча называется *рањаи*, съ которою стоятъ и за обѣдомъ, пока прочитаютъ молитву; а послѣ ее втыкаютъ въ пшеницу или другое зерно, нарочно для того насыпанное на блюдо, гдѣ она и горитъ до конца обѣда.

семьи отправляется съ поздравленіемъ въ домъ, особенно почитаемый вообще или связанный съ его домомъ кумовствомъ или пріятельствомъ. Это называется *полазити кога*, а исполняющій то—*полазник* или *полажайник*. Отправляясь, онъ беретъ съ собою *торбицу* (сумку), въ которую кладетъ бутылку съ виномъ и нѣсколько штукъ яблокъ, грушъ, апельсиновъ или другихъ фруктовъ, и также беретъ съ собою небольшой баднякъ; послѣдній, впрочемъ, не необходимъ, такъ какъ можно взять одну изъ badнярицъ, стоящихъ при томъ-же домѣ. Войдя въ домъ, онъ прежде всего положитъ на огонь баднякъ, а затѣмъ, взявши обѣими руками главный домашній баднякъ, начинаетъ двигать его впередъ и назадъ, чтобы расшевелить костеръ: искры цѣлымъ снопомъ съ трескомъ поднимаются надъ огнищемъ, а онъ въ это время приговариваетъ свои пожеланія, чтобы столько-же родилось ягнятъ, телятъ и всякаго скота, а семья чтобы множилась и богатѣла. Совершивши этотъ первый актъ поздравленія, онъ кладетъ на баднякъ что-нибудь изъ принесеннаго имъ и потомъ обращается къ хозяину съ привѣтствіемъ: «Добро јутро и честит ви Божиħ!», на что ему отвѣчаютъ: «Добра ти среħа, добро дошао и с тобом Божиħ и сваки благи дан (праздникъ) да буде сретан и честит». При этомъ цѣлуются, и полазникъ передаетъ бутылку съ виномъ; его вино выливаютъ въ свой сосудъ, а ему наливаютъ своего вина. Онъ же обдариваетъ всѣхъ принесенными фруктами, главнымъ образомъ дѣтей и женщинъ, отъ которыхъ получаетъ такое же отдарье. Тутъ же дадутъ ему *ракіи* (водки); но онъ долженъ чуть только прихлебнуть, если еще не окончилась обѣдня. Такого полазника большею частью оставляютъ и на обѣдъ.

Въ Морачѣ и Ровцахъ полазникъ приноситъ подарки деньгами (обыкновенно плету т. е. цванцигеръ) или вещами, какъ чулки, полотенце, платокъ и т. п. Подходя къ дому, онъ издали еще кричитъ свое поздравленіе съ Божичемъ и стрѣляетъ изъ пистолета; а войдя въ домъ, беретъ одно полѣно (*цјепаницу*) или щепку, которыя для того наготовлены хозяевами и непремѣнно

дубовыя, и дѣлаетъ ими крестъ по бадняку, который подталкиваетъ съ различными пожеланіями и потомъ кладетъ на него даръ, который беретъ себѣ доматьица. Въ Васоевичахъ полазника, какъ только войдетъ, обсыпаютъ зерномъ, угощаютъ и иногда дарятъ какою-нибудь монетой.

Тамъ-же есть обычай, что одна изъ снохъ рано отправляется за водой, чтобы притти раньше полазника, и когда принесетъ воду, ее тоже посыпаютъ зерномъ, высказывая различныя добрыя пожеланія, иногда съ примѣсью шутки: «Расти дугачка, дебела, висока» и т. п. Сосудъ съ водой, снявъ съ головы, она ставитъ на полъ передъ огнищемъ; а тогда старшіе домашніе бросаютъ въ него монеты, при чемъ наблюдаютъ, ляжетъ монета кверху орломъ или рѣшеткой, и по этому заключаютъ о счастьи. Монеты эти идутъ въ пользу принесшей воду.

Если двѣ женщины, отправившіяся такимъ образомъ по воду, встрѣчаются—одна съ полнымъ сосудомъ, другая съ пустымъ, то онѣ стараются далеко обойти одна другую, такъ какъ для второй это былъ-бы дурной знакъ, а первая не хочетъ быть тому причиною.

Если нѣсколько положайниковъ намѣреваются пойти въ одинъ и тотъ же домъ, то они стараются одинъ предупредить другого, такъ какъ цѣнится только первое посѣщеніе, которому и приписывается все, что̀ потомъ случится въ домѣ, хорошее или худое; впрочемъ больше первое, потому что полаженье всегда дѣлаетъ честь дому и должно приносить одно счастье, а несчастье можетъ быть приписано чему-нибудь другому.

Въ прежнее время на Цетиньѣ князь Николай тотчасъ послѣ заутрени выходилъ на балконъ своего дома, а одинъ изъ *кабадахій* (старшій изъ *перяниковъ*, личной гвардіи князя) вызывалъ кого-либо изъ находившихся на Цетиньѣ членовъ сената: «О, војводо Иво!» или «О, сердаре Јоле!», на что тотъ откликался: «Ево ме, господару!» Тогда самъ князь закричитъ ему: «Честит ти Божиħ!» и дѣлаетъ выстрѣлъ, на что тотъ: «Фала (спасибо) ти, господару, и с тобом заједно!» и также стрѣляетъ,

но уже нѣсколько разъ, а съ нимъ стрѣляютъ и всѣ находящіеся въ томъ домѣ, такъ-что пальба пойдетъ трескучая.

Посѣщаютъ другъ друга тотчасъ послѣ розговѣнья или пообѣдавши, но это уже не считается положеньемъ, хотя всѣ посѣтители также подталкиваютъ баднякъ съ тѣми же привѣтствіями и пожеланіями. Для пріема гостей разставлены водка, вино, пециво, ветчина, орѣхи, яблоки и т. п., а посрединѣ стола находится *божиһни колач* или *кршњак* или собственно *чесница*: это большой, плоскій пшеничный хлѣбъ съ различными узорами поверху, и въ немъ запечена какая-нибудь монета; возлѣ него стоитъ блюдечко съ ячменемъ, въ который воткнута восковая свѣчка. Если въ домѣ не окажется никакой монеты, то запекаютъ щепочку (ивер), непремѣнно дубовую.

Обѣдаютъ въ этотъ день рано, тотчасъ послѣ обѣдни. Когда хозяинъ приходитъ изъ церкви, то столъ уже готовъ. Это круглый столикъ на низенькихъ ножкахъ, и сидятъ на соломѣ вокругъ него, на полу, скрестивши ноги, такъ какъ скамейки убраны. *Божиһни колач* ставится посрединѣ стола, и въ него втыкается восковая свѣча, которая и зажигается во время обѣда, или же свѣча зажигается въ ячменѣ на блюдечкѣ, о которомъ мы упоминали выше, а колачъ на столѣ стоитъ безъ свѣчи. Колачъ этотъ тотчасъ-же или послѣ домохозяиномъ разламывается на куски, которые онъ раздаетъ каждому изъ членовъ семьи, и счастливъ тотъ, кто въ своемъ кускѣ найдетъ монету.

Такъ какъ на маленькомъ столикѣ не могутъ помѣститься всѣ приготовленныя яства (цѣлый барашекъ, разныя другія яства и напитки), то *колач*, иначе *чесница* помѣщается на другомъ столѣ.

Въ герцеговинскихъ краяхъ *чесница* печется такъ: замѣсивши, ее кладутъ въ црепулю, но не покрываютъ сачемъ, такъ какъ онъ желѣзный и потому удаленъ еще съ бадняго вечера, а просто на него сверху насыпаютъ золы и жара и ставятъ непремѣнно подъ баднякъ. Нѣкоторые вмѣсто этого дѣлаютъ нѣчто въ родѣ питы изъ множества тонкихъ слоевъ (јуфке),

доходящихъ до ста, которая печется въ тепсіи. Во всякомъ случаѣ въ одномъ краѣ запекаются: кусочекъ отъ бадняка, гвоздь, которымъ подковывается лошадь, кусочки роговъ отъ крупныхъ и мелкихъ рогатыхъ домашнихъ животныхъ, и серебряная монета, если найдется старая. Пекутъ ее съ полночи или съ 2 ч. по полун., когда всѣ пойдутъ въ церковь, къ заутренѣ. За обѣдомъ чесницу доматьинъ и доматьица оборачиваютъ въ рукахъ и потомъ ломаютъ пополамъ. Одну половину сами съѣдаютъ за обѣдомъ, а другую оставляютъ для гостей. Счастьемъ считается найти какой-бы то ни было изъ запеченныхъ предметовъ. Иные (въ Нѣгушахъ и Цетиньѣ) вмѣсто свѣчи ставятъ въ середину хлѣба большую лавровую вѣтвь, украшенную разноцвѣтными бумажками; но это составляетъ подражаніе западной елкѣ или Kristbaum. Иногда этотъ колачъ замѣняютъ большимъ круглымъ кренделемъ, въ середину котораго ставится другой съ запеченною монетой. Вокругъ него — яблоки, орѣхи, апельсины.

Послѣ колача со свѣчей главный предметъ на столѣ составляетъ и служитъ его украшеніемъ пециво, которымъ хвалятся, если оно удалось и хорошо испечено. Оно кладется на столѣ на особенной доскѣ, на которой должно быть разрублено ножемъ или саблей кѣмъ-либо изъ почетныхъ или вообще любимыхъ гостей.

Въ прежнее время князь послѣ обѣдни дѣлалъ визиты всѣмъ *сенатамъ* (членамъ сената и вообще высшимъ чиновникамъ) и разсѣкалъ имъ пецива; потомъ это перешло на наслѣдника и ограничивается немногими изъ высшихъ чиновниковъ.

Съ этимъ соединяются различныя примѣты. Мнѣ однажды привелось разрубить пециво въ домѣ, гдѣ *доматьица* (хозяйка дома) находилась въ интересномъ положеніи, разрѣшившаяся потомъ мальчикомъ, а до того времени имѣвшая только дѣвочекъ. «Хорошо-же ты мнѣ разрубилъ»—говорилъ мнѣ послѣ того хозяинъ дома, приписывая тому рожденіе мальчика. Онъ впрочемъ шутилъ; а были въ его-же семьѣ домашніе, которые дѣйствительно въ это вѣрили.

По настоящему въ продолженіи трехъ дней не должно быть ничего, готовленнаго на огнѣ, ни горячаго, ни кофе, и потому на столѣ, кромѣ пецива, ставится еще сыръ, свиные окорока, сушеное баранье мясо, бутылки съ водкой и большіе графины съ виномъ; но теперь это не соблюдается. Люди не могутъ обойтись безъ того, чтобъ не попить кофе; а потому варится и другое кушанье, чтобы имѣть что-нибудь горячее. Главную роль играетъ, конечно, мясо всѣхъ сортовъ, свѣжее и сушеное съ рисомъ и картофелемъ, колбасы непремѣнно съ бадневымъ зельемъ (квашенною вилковою капустой), чорба изъ-подъ мяса и различныя питы. Водку пьютъ рюмками; а вино прямо изъ боцуна (графина).

Когда сядутъ за столъ, то кто-нибудь изъ семьи прочитаетъ «Отче нашъ»; потомъ, поѣвши немного, передъ жаркимъ пьютъ вино «у славу Божу», при чемъ домохозяинъ скажетъ здравицу; потомъ идутъ другія здравицы, и обѣдъ скоро оканчивается.

Вся ѣда остается на столѣ въ продолженіе трехъ дней и убирается только на ночь, чтобы не поѣли кошки или мыши, а утромъ опять выставляется.

Послѣ обѣда люди постарше посѣщаютъ другъ друга и проводятъ время въ тихой бесѣдѣ, покуривая трубки и попивая немного винца; женщины весь этотъ день сидятъ дома и занимаются угощеніемъ посѣтителей, а молодежь предается веселью и забавамъ внѣ дома. Обо всѣхъ этихъ забавахъ внутри и внѣ дома мы уже говорили (ч. I, стр. 737—69).

Вечеромъ, какъ и вообще въ зимніе вечера, собираются по домамъ на *сѣдник*, т. е. посидѣнки или вечеринки, сопровождающіяся также различными играми молодежи и продолжающіяся за полночь; въ то-же время непремѣнно бываетъ и пѣніе *уз гусле*.

Второй день Рождества называется *Божи* или *Божин-дан*, когда отправляются съ визитами хозяйки и вообще женщины, а хозяинъ дома остается для пріема гостей. На третій день—*Стефань-дан* (27 дек., архидіакона Стефана) снохи отправляются

въ *род*, т. е. въ тотъ домъ, изъ котораго онѣ вышли замужъ.

Послѣ трехъ дней убирается солома изъ дома; ее, однако, не бросаютъ, куда попало, но часть даютъ поѣсть скотинѣ, а часть разбросаютъ по нивѣ для урожая.

Всѣ эти дни, сколько-бы ни веселились, а все главнымъ образомъ вращается около *бадняка*: не даютъ никакъ, чтобы убавилось пламя, и для того то-и-дѣло подкладываютъ дровъ, и кто бы, въ какое бы время ни пришолъ, прежде всего подойдетъ къ бадяку, и пошевелитъ его на кострѣ, чтобы искры полетѣли цѣлымъ снопомъ, и выскажетъ свои добропожеланія дому.

Рождество у сербовъ вообще главный общій праздникъ, и Пасха ему уступаетъ. Объ немъ говоритъ игуменъ Стефанъ въ «Горскомъ Вѣнцѣ»:

Нема дана без очного вида,
Нити праве славе без божића.

Свое предпочтеніе Рождеству передъ Пасхой народъ выразилъ въ слѣдующемъ спорѣ между двумя великими праздниками: Рекао ускрс божићу: «Ти си мастан и премастан (жирный)»; а он му одговори: «Ја сам мастан и премастан, али осам дана; а ти си шарен (въ смыслѣ: лијеп) и прешарен до подне, а од подне у коприве».

И дѣти поютъ:

О, божићу, брате!
Наједох се на те,
И два дана пре те,
И четири по те.

Это значитъ, что празднованіе его идетъ цѣлую недѣлю, какъ никакой другой праздникъ.

Тотъ-же игуменъ Стефанъ въ «Горскомъ Вѣнцѣ» даетъ слѣдующую пракрасную характеристику этого праздника:

Славио сам Божић у Витлејем,
Славио га у Атонску Гору,
Славио га у свето Кијево;
Ал' је ова слава одвојила
Са простотом и са веселошћу:
Ватра плама боље него игда;
Прострта је слама испред огња,
Прекршћени на огњу бадњаци;
Пушке пучу, врте се пецива;
Гусле гуде, а кола пјевају,
С унучађу ђедови играју,
По три паса врте се у коло,
Све би река' једногадишници.
Све радошћу дивном наравњено;
А што ми се највише допада,
Што свачему треба наздравити!

Дословный переводъ:

Праздновалъ я Божичъ въ Виѳлеемѣ,
Праздновалъ его я на горѣ Аѳонской,
И въ Кіевѣ святомъ его я славилъ;
Нашъ-же праздникъ ото всѣхъ отмѣнный
Простотой своею и весельемъ.
Не пылаетъ никогда такое пламя;
А кругомъ разсыпана солома;
Накрестъ лежатъ на огнѣ бадняки;
Гремятъ ружья; вертятся *пецива;*
Гудятъ гусли; поютъ хороводы;
Дѣды пляшутъ съ внучатами вмѣстѣ;
Три пояса (поколѣнія) пляшутъ въ одномъ *колѣ*,
Всѣ—сказалъ-бы—будто однолѣтки.
Чудной радостью все дышетъ;
А что по моему всего лучше,
Это то, что всему должна быть своя здравица.

Веселье на Рождествѣ въ большихъ селахъ и особенно въ городахъ, кромѣ Цетинья, какое-то бѣшеное, и, чтобы быть въ немъ участникомъ до конца, нужно имѣть силу и здоровье, потому что продолжается изо дня въ день; а сверхъ того производятся иногда и насилія. Такъ на Нѣгушахъ однажды веселая компанія, придя въ домъ, гдѣ не было хорошаго огня, вслѣдствіе того, что нельзя было принести дровъ отъ выпавшаго тогда громаднаго снѣга, — побросали на огонь колбасы, висѣвшія надъ огнищемъ; въ другомъ домѣ били посуду, ломали скамейки, разбили окно; и все то отнюдь не въ пьяномъ видѣ. То-же самое привелось намъ видѣть и въ Подгорицѣ. Собралась компанія и пошла съ поздравленіемъ къ извѣстному кучскому воеводѣ Марку Миланову, въ то время правителю Подгорицы въ родѣ губернатора; при этомъ у него забирали разставленныя на столѣ яства, особенно сладкія печенья и фрукты, и били посуду. Потомъ пошли въ другіе болѣе зажиточные и именитые дома и производили то-же самое: крали блюдечки, куски мыла, раскрыли сундукъ, въ которомъ хранились печенья, заготовленныя на всѣ дни, растаскали и ихъ.

Украденныя вещи раздаривали въ другомъ домѣ, съѣстное ѣли сами и давали другимъ, встрѣчнымъ, особенно бѣднякамъ. И никто въ такихъ случаяхъ этимъ не огорчается и не жалѣетъ объ ущербѣ, такъ какъ, по народному вѣрованью, все это будетъ вознаграждено отъ Бога.

Впрочемъ, это, кажется, обычай исключительно городской, и ничего подобнаго въ сельскомъ быту мы не замѣтили. Говорятъ, что тотъ-же обычай существуетъ и въ Мостарѣ. Тамъ молодые парни, придя въ домъ, гдѣ есть невѣста или вообще взрослыя дѣвушки, частью поѣдаютъ, а частью уносятъ съ собою печенья, изготовленныя дѣвушкой, съ цѣлью поставить ее въ затрудненье и заставить готовить ихъ снова, если она не догадалась сдѣлать запасъ побольше и скрыть въ другомъ мѣстѣ; но обыкновенно дѣвушка оказывается догадливою и тогда вызываетъ похвалы.

Праздникъ Рождества въ Черногоріи обнимаетъ цѣлый періодъ времени; къ нему-же относится и Васильевъ-день; онъ представяетъ собою какую-то мистерію, сопровождаемую обрядами, примѣтами и гаданьями, напоминающими старую натуралистическую вѣру праотцевъ.

Главные обряды мы уже описали, а также коснулись нѣкоторыхъ примѣтъ; но примѣтъ этихъ много и по нимъ народъ старается угадать свое счастье. Приведемъ еще нѣкоторыя.

На бадній день къ вечеру всѣ вещи, которыя были даны сосѣдямъ на подержанье, какъ чашки, сковородки, мотыга, лопата и т. п. должны быть непремѣнно возвращены въ домъ; остаются только отданныя куда-нибудь далеко. Вещи, находящіяся въ стаѣ (на скотномъ дворѣ), не приносятся въ домъ, такъ какъ и она считается частью дома. Это дѣлается для того, чтобы домъ цѣлый годъ былъ полонъ всего.

Остатокъ свѣчи, съ которою кто-нибудь изъ семьи былъ на Рождество въ церкви, приносится домой и хранится цѣлый годъ, какъ средство противъ нѣкоторыхъ болѣзней. Когда напримѣръ, у кого-нибудь сдѣлается опухоль на горлѣ, подъ мышками или на другомъ мѣстѣ, то огаркомъ этимъ трутъ страдающую часть, вращая кругомъ опухоли, и потомъ ударятъ имъ въ каменную стѣнку со словами: «у кам удрила», и болѣзнь проходитъ. Это дѣлаютъ обыкновенно знахарки съ различными приговорами, и для того такой огарокъ всегда долженъ находиться въ домѣ.

Когда отъ главнаго бадняка начинаютъ отдѣляться и падать угли, то домохозяинъ собираетъ ихъ нѣсколько, кладетъ на полъ и назначаетъ каждому угольку быть: одному—за здоровье людей въ домѣ, другому—за скотину, третьему—за урожай кукурузы и другихъ хлѣбовъ, четвертому—за сѣно и т. п., и примѣчаетъ: на которомъ углѣ образуется больше пепла, въ томъ будетъ больше счастья.

Золу изъ-подъ бадняка собираютъ въ особый мѣшочекъ и, когда дѣлаютъ щелокъ для мытья бѣлья, то кладутъ въ него понемногу этой золы, «да се не омлади роба», т. е. чтобы не испортилась, какъ и на ущербъ мѣсяца.

Когда баднякъ перегоритъ, то голову удаляютъ съ огнища тутъ-же въ сторонку или выносятъ въ огородъ; но каждое утро этотъ кусокъ приносятъ и кладутъ на огнище, гдѣ разжигаютъ его и иногда кладутъ двѣ бадняриці; не даютъ ему однако горѣть пламенемъ, а только что бы тлѣлъ (*тињао*). И это продолжается три дня; тогда выносятъ его окончательно и кладутъ одни въ ясли скоту, другіе на ниву или огородъ (*врт*) особенно въ *лучњак* (гдѣ сѣютъ лукъ). Отъ зубной боли выносятъ его въ зубахъ, или же перегорѣвшую бадняриціу.

Когда онъ положенъ на нивѣ, то наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь его не перевернулъ, хотя-бы нечаянно ногой; такъ какъ тогда перевернется счастье въ домѣ.

Иные оставляютъ его до Васильева вечера.

На баднякъ сажаютъ дѣвочку, достигшую половой зрѣлости и даютъ ей покачаться на немъ, отъ чего въ стадѣ будетъ родиться больше женскаго пола и съ тѣмъ вмѣстѣ больше будетъ приплодъ въ скотѣ.

Въ продолженіи трехъ дней *не пређу огња* на ночь, какъ то дѣлаютъ во всѣ другіе дни т. е. не даютъ прекращаться пламени и не зарываютъ жаръ въ золу.

Вериги (цѣпь, на которую навѣшиваютъ котелъ), какъ мы уже говорили, должны быть подняты кверху; но если и спустить ихъ на огонь, онѣ не накаляются, и за нихъ можно держаться рукой. Это отъ того, что, когда Богородица рождала Христа, она держалась руками за вериги.

Черезъ кольцо отъ веригъ пьютъ вино изъ кубышки, и это предохраняетъ отъ болѣзни вообще.

Въ первый день Рождества скачутъ три раза черезъ огонь, держась за вериги и приговаривая: «Између два огња прођох, а трећега се не боим» и тогда цѣлый тотъ годъ не бойся лихорадки. Дѣлаютъ это и иначе. Выгребаютъ съ огнища нѣсколько полѣнъ съ пламенемъ немного въ сторону, кладутъ передъ нимъ *раоник* (лемешъ) и, ступивши на него ногой, перескакиваютъ огонь три раза каждый изъ семейства.

Въ Пѣшивцахъ есть еще такой обычай.

Когда разрубятъ пециво и остальное мясо и разложатъ на столѣ, тогда отецъ и сынъ присядутъ съ противуположныхъ концовъ стола, припавши совсѣмъ къ землѣ, и спрашиваютъ другъ друга, сначала отецъ сына: «Видишь-ли ме, синко?» — Не ја — отвѣчаетъ сынъ; а за нимъ сынъ отца; и тогда отецъ высказываетъ пожеланье, чтобы и въ слѣдующій годъ они также не могли видѣть другъ друга; выражая тѣмъ мысль, что будетъ такое-же обиліе на столѣ *).

Множество гаданій и примѣтъ, производимыхъ не рождество а также и на Васильевъ-день, относятся къ домашнему скоту; но мы ихъ помѣстили раньше въ отдѣлѣ скотоводства (т. II, ч. 1, стр. 687—89).

На Рождество-же у нѣкоторыхъ (Нѣгуши) есть обычай освящать масло, о чемъ мы будемъ говорить отдѣльно.

Непосредственно за Рождествомъ слѣдуетъ Васильевъ-день или Новый-годъ, иначе называемый *мали-божиħ* или *женски-божиħ*

Наканунѣ этого дня, на Васильевъ-вечеръ кладутъ на огнище и разжигаютъ оставшійся отъ рождественнаго бадняка конецъ (*глава*) и къ нему прибавляютъ нѣсколько бадњарицъ. Это исполняютъ женщины. Пекутъ въ этотъ день особенные хлѣбцы (*василице*), о чемъ также сказано въ I части.

Самый день св. Василія не сопровождается никакими особенными обрядами. Въ Васоевичахъ однако мальчики утромъ отправляются по домамъ, поздравляя съ Васильевымъ днемъ и Новымъ годомъ, при чемъ хозяйка дома посыпаетъ ихъ жи-

*) Тотъ-же обычай, только приноровленный къ другому времени Шеппингъ (Русская Народность въ ея повѣрьяхъ и т. д.) указываетъ у малороссіянъ. «На щедрый вечеръ, 31 дек., — говоритъ онъ,—хозяинъ дома, усѣвшись за ужинъ, прячется отъ дѣтей своихъ за грудою варениковъ и пироговъ, наставленныхъ на столѣ, и спрашиваетъ ихъ: «Хибажъ вы мене не бачите?» и на отвѣтъ: «не бачимо, тату»,—«дай же Боже, щоб и на той рокъ не побачили». Совершенно одинакій обрядъ совершался у западныхъ славянъ на островѣ Рюгенѣ. Въ осенній жатвенный праздникъ Свѣтовида, жрецъ становился также за высокимъ пирогомъ и спрашивалъ у народа: видитъ-ли онъ его? и послѣ отрицательнаго отвѣта, изъявлялъ тоже желанія, чтобы и на будущій годъ его не видать было за высокимъ пирогомъ (стр. 44—45).

томъ, а кто изъ нихъ прійдетъ первымъ, того чѣмъ-нибудь и обдариваютъ. Это представляетъ обратное нашему обычаю, гдѣ сами мальчики посыпаютъ, бросая горстью изъ рукавицы пшеницу, направляя прежде всего въ передній уголъ, къ образамъ, а послѣ на хозяевъ.

На Цетиньѣ въ этотъ день есть обычай *колендати*, который состоитъ въ томъ, что куча ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, встрѣчаютъ васъ на улицѣ съ апельсиномъ въ рукѣ, въ который вы должны ударить какою-нибудь монетою такъ, чтобы она врѣзалась; довольствуются они впрочемъ и простою подачкой. Этотъ обычай принесенъ извнѣ и имѣетъ весьма неблаговидный характеръ: ребятишки стаями подкарауливаютъ васъ и бѣгутъ за вами, требуя подачки. Въ Скадрѣ существуетъ тотъже обычай у католиковъ арнаутовъ. Тамъ встрѣчаетъ васъ толпа мальчиковъ, довольно нарядно одѣтыхъ, и одинъ изъ нихъ подаетъ вамъ бумагу, написанную по-итальянски, изъ которой вы узнаете, что они хотятъ устроить *теферидж* (прогулку съ пирушкой) и просятъ васъ подарить имъ какую-нибудь монету. Требованье это дѣлается довольно нахально; а когда вы дадите флоринъ, то всѣ скинутъ фесы и восхвалятъ ваше великодушіе.

Такъ какъ самомъ въ Скадрѣ этого обычая нѣтъ ни у православныхъ, ни у мусульманъ, то мы заключаемъ, что онъ занесенъ съ католическаго Запада, изъ Италіи; а въ Черногорію перешелъ изъ Боки.

Въ новѣйшее время князь по общеевропейскому обычаю встрѣчаетъ Новый годъ въ 12 ч. ночи съ высшими и средними чиновниками, съѣзжающимися для того и изъ внутренности Черногоріи, и съ представителями иностранныхъ державъ, при чемъ бываетъ стрѣльба изъ пушекъ; а на другой день послѣ обѣдни также всѣ идутъ къ князю и наслѣднику съ поздравленіями. Обычай этотъ постепенно усваивается и другими городами; но сельскій народъ въ томъ не участвуетъ.

Къ Рождеству же можно отнести и Крещенье (6 янв.), по-сербски *богојављење*, иначе *водокршће*.

Въ ночь на этотъ день три раза раскрывается небо и три раза вода въ рѣкахъ и потокахъ превращается въ вино; нужно только уловить эти моменты, что бы набрать вина, сколько хочешь. Тогда же если выскажешь свое, какое бы то ни было, желанье, получишь его исполненіе. Иные такимъ образомъ въ ожиданіи проводятъ цѣлую ту ночь; но всегда что-нибудь помѣшаетъ: или задремлетъ человѣкъ, или не съумѣетъ хорошо выразиться. Такъ одинъ, высунувши голову въ окно и увидѣвши растворившееся небо, хотѣлъ крикнуть: «Дај ми, боже, блага, колико шеник» (мѣра для зерна въ 20 окъ, больше пуда), а закричалъ: «дај ми главу, као шеник» и она у него мгновенно выросла такая, что уже не пролѣзала въ окно обратно, и нужно было выбить косяки. Слѣдуетъ-же свое желанье выражать такъ: «Што је твоја воља, боже, то ми дао!»

Наканунѣ этого дня, какъ и у насъ, *једноничају* т. е. цѣлый день не ѣдятъ ничего до святой воды. Водѣ, освященной наканунѣ крещенья, приписываютъ особенную святость; она имѣетъ такую же силу, какъ святое причастіе; ее грѣхъ держать въ домѣ больше трехъ дней, и потому ее на другой же день пьютъ цѣлымъ семействомъ. При этомъ соблюдается слѣдующее: кладутъ на полъ топоръ, обернувши остріемъ съ себѣ, и, ступивъ на него правою ногою, а лицомъ смотря къ востоку, со словами: «во имя Отца и Сына и св. Духа» хлебнутъ немного и перекрестятся и такъ три раза. Такъ долженъ поступить каждый въ семьѣ отъ мала до велика, мужчины и женщины.

Въ самый день крещенья, гдѣ нѣтъ проточныхъ водъ, освящаютъ воду на колодезяхъ. Съ этою, освященною водою священники ходятъ по домамъ, гдѣ кропятъ ею все, а послѣ окончанія относящагося къ тому моленья обращаются къ присутствующимъ со словами: «На здравље! Христос се јавио».

Срѣтенье Господне (2 Февр.) не имѣетъ никакого особеннаго значенія, кромѣ того, что считается послѣднимъ зимнимъ праздникомъ и переходомъ къ лѣтнимъ.

2. Пасха, приготовленіе къ ней и праздники по пасхаліи.

Пасхаліей опредѣляется продолжительность рождественскаго мясоѣда, во время котораго народъ старается совершить впередъ уговоренные браки; а затѣмъ масляница составляетъ переходъ къ Великому посту, въ свою очередь составляющему приготовленіе къ Пасхѣ.

Съ этихъ приготовительныхъ дней и начнемъ.

Три недѣли передъ масляницей называются: *уша*, иначе *претилица* (въ Которѣ *урса* или *урсена*) — по календарю 37-я недѣля по Пятидесятницѣ; *трапава*, или *себична* (Въ Дибрѣ *правилна*) —отвѣчаетъ нашей сплошной или всеядной, и *задушна*— пестрая; масляница—*бијела недјеля*.

Первая изъ упомянутыхъ недѣль не имѣетъ другого значенія, кромѣ того что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *одивы* (снохи) идутъ въ свой родъ и остаются тамъ цѣлую недѣлю.

На задушной недѣлѣ въ пятницу, кромѣ воздержанія вообще отъ скоромнаго, не ѣдятъ и рыбы; а въ субботу (родительская) справляютъ поминанье усопшихъ; и вотъ какъ это совершается.

Наканунѣ этого дня приготовляются свѣчи. Для этого берутъ кусокъ воску и растапливаютъ его въ *тиганъ* (глиняная сковородка); потомъ берутъ нитку длиною въ 2—3 сажени изъ толстой бумажной пряжи, протягиваютъ ее черезъ этотъ растопленный воскъ и даютъ ему остыть; а потомъ эту навощеную нитку разрѣзываютъ на кусочки, соображаясь съ числомъ душъ которыя нужно помянуть. Это дѣлаетъ доматьинъ или старшій сынъ, вообще мужчина, хотя-бы былъ ребенокъ, но никакъ не женщина. Если въ домѣ только женскій полъ, то приглашаютъ какого-либо родственника, или же сама доматьица идетъ въ домъ родственника съ готовымъ матеріаломъ, только бы дать мужской рукѣ протянуть черезъ воскъ нитку.

Кто это дѣлаетъ, непремѣнно долженъ снять шапку, кото-

рая вообще не снимается въ домѣ, перекреститься и, если умѣетъ, прочитать какую нибудь молитву.

Приготовивъ такимъ образомъ свѣчи, въ субботу рано утромъ домаћинъ раздаетъ ихъ всѣмъ челядинцамъ въ домѣ по одной за каждую усопшую душу за упокой и за живую, которую тотъ хочетъ помянуть за здравіе. Такимъ образомъ каждый получаетъ по цѣлому пучку свѣчей, которыя тутъ-же раздѣляетъ на-двое: однѣ за здравіе, другія за упокой. Собравшись всѣ въ одной комнатѣ передъ иконами, если есть, или передъ столикомъ, зажигаютъ ихъ.

При общей тишинѣ всякій про себя упоминаетъ имена и, давши такимъ образомъ свѣчамъ погорѣть, потомъ прилѣпляетъ ихъ передъ иконой и на деревянный кругъ, на которомъ мѣсятъ хлѣбъ, или на краю стола.

Иные для этого случая приготовляютъ особенный хлѣбъ (*колач*) въ родѣ проскуры и прилѣпляютъ свѣчи на него.

Передъ тѣмъ кто-либо изъ домашнихъ прочитаетъ молитвы, какія знаетъ, и послѣ того, принимая свѣчи, передъ каждою поминается имя, на кого она берется; при чемъ принимающій свѣчу перекрестится, поцѣлуетъ ее и, получивши всѣ, свиваетъ ихъ въ пучокъ и зажигаетъ. Всякій старается зажечь свои свѣчи раньше, чтобы скорѣе утѣшить поминаемыхъ. Или же все это исполняетъ домаћинъ во имя цѣлой семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отецъ, набирая свѣчи, приговариваетъ: «Врјетна-пријетна, за душу Јована» и т. д. пока не переберетъ всѣхъ своихъ; потомъ свиваетъ ихъ и зажигаетъ. При этомъ примѣчаютъ: если свѣчи при горѣніи сильно оплываютъ, то значитъ, что души въ раю радуются. По мѣрѣ того какъ свѣчи сгораютъ, пепелъ отъ фитилей падаетъ на столъ или на кругъ, откуда его потомъ сгребаютъ и завертываютъ въ тряпочку и употребляютъ его противъ болѣзни *задуха* (одышка, астма), какъ и другіе порошки, запивая водой. Иные же не собираютъ пепла въ тряпочку, а только, когда всѣ свѣчи догорятъ, кто нибудь изъ семьи подой-

детъ, перекрестится, поцѣлуетъ его и поклонится три раза, а потомъ соберетъ въ руку и броситъ на огнище.

Послѣ этого идутъ въ церковь къ обѣднѣ. Тамъ тоже ставятъ свѣчу или вмѣсто ея приносятъ недогорѣвшіе свитки; при этомъ подаютъ священнику поминанье (*читулу*), въ которой записаны всѣ и самые древніе предки, для поминанья на литургіи и внимательно слѣдятъ, чтобы священникъ не пропустилъ ни одного имени.

Если человѣкъ умретъ въ этотъ день, то душа его идетъ прямо въ рай; такъ какъ врата ада тогда затворены (то-же самое на Рождество и отъ великой пятницы до конца пасхальной недѣли). На этотъ же день пекутъ небольшіе хлѣбцы (*колачики*) непремѣнно изъ кукурузной муки. На однихъ кладется обыкновенная печать, какъ на проскурѣ; а на другихъ вылѣпливается крестъ; общее названіе ихъ *ђетинске бабице*, а по фигурамъ первыя изъ нихъ назначаются для женскаго пола и называются *бабице*, а вторыя—*крсти* или *рогачи*—для мужского. Даютъ эти колачики дѣтямъ своимъ и своихъ родственниковъ, а также и чужимъ, особенно бѣдныхъ родителей. Обыкновенно дѣти идутъ за колачиками къ теткамъ или къ выданнымъ замужъ сестрамъ. У иныхъ на это выходило до пуда и болѣе муки.

Въ воскресенье той-же недѣли — *месни поклади* (мясное заговѣнье) и затѣмъ наступаетъ масляница: по серб. *бијела недјеља*.

Масляница у черногорцевъ отличается отъ остальныхъ скоромныхъ дней тѣмъ только, что не ѣдятъ мяса, и взамѣнъ того пекутъ *приганицы*, какъ у насъ блины. Сосудъ, въ которомъ ихъ пекутъ или, вѣрнѣе, жарятъ, называется *просуља* и имѣется далеко не въ каждомъ домѣ, такъ что одинъ служитъ для многихъ, откуда и составилась пословица о человѣкѣ непосѣдливомъ, шляющемся: «скита се (шляется), као просуља о бјелој недјели».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по селамъ напр. въ Дробнякахъ есть обычай рядиться на масляницу, для чего выворачиваютъ одежду, придѣлываютъ бороду, громадные усы, представляютъ турка и т. п. въ родѣ нашего сельскаго ряженья въ вывороченн-

шубы, представленье горбатаго старика, поводильщика съ медвѣдемъ и козой и т. п.

На Цетиньѣ однако въ послѣднее время стали появляться маски (*машкаре*), какъ въ западной Европѣ, при чемъ составляются цѣлыя группы, исключительно, конечно, изъ мужчинъ, переодѣтыхъ въ различные костюмы, въ томъ числѣ и въ женскіе. Замаскированные ходятъ по домамъ, съ гармоніей, пляшутъ, гримасничаютъ, страшно пищатъ, чтобы не дать себя узнать по голосу, и продѣлываютъ различныя шутки; это бываетъ не только вечеромъ, но и днемъ. Сначала это продѣлывали такъ называемые *лацманы*, т. е. иностранцы, проживающіе здѣсь въ качествѣ мастеровъ, торговыхъ приказчиковъ, слугъ и т. п.; а понемногу втянулась въ то и черногорская молодежь. Народъ забавляютъ эти маскарады, но на замаскированныхъ своихъ смотритъ онъ не хорошо. Извѣстенъ теперь въ Черногоріи и *карнавал*.

Въ Подгорицѣ такъ же замаскированныя группы середи дня ходятъ по улицамъ; при этомъ кто-нибудь ѣдетъ на ослѣ; музыку замѣняетъ дудка; и такимъ образомъ представляются различныя сцены смѣшного, а иногда скабрезнаго характера съ лицами различныхъ типовъ, какъ попа, ходжи, булы, арапа, доктора, иностранца, коверкающаго языкъ и т. п.

Въ Скадрѣ ряженныя группы ходятъ тоже по улицамъ съ оркестромъ музыкантовъ и представляютъ сцены скандальныя до безобразія. Нравится это и нѣкоторымъ туркамъ, такъ какъ и у нихъ во время поста (*рамазан*) по вечерамъ подобнаго рода представленія, называемыя *чучеци*, бываютъ въ кофейныхъ. Но большинство и тамъ осуждаетъ скабрезность. Поэтому туркамъ больше нравятся представленія во время масляницы православныхъ, въ которыхъ много веселости и смѣшного, но нѣтъ никакихъ неприличій, доводимыхъ до крайности у католиковъ.

Особенно весело проводятъ во внутреннихъ городахъ Черногоріи и по внутренности послѣдній день масляницы — *бијели покладии* (наше заговѣнье и прощеный день). Лучше всего это можно

видѣть на Нѣгушахъ, особенно если масляница приходится на исходѣ зимы. Тогда обыкновенно бываетъ тепло, снѣгъ остается только на горахъ, а внизу зеленѣетъ уже трава, и все населеніе собирается на какой-нибудь равнинѣ, безъ различія пола и возраста, предаваясь веселью и разнаго рода играмъ. Тамъ скачетъ черногорское *оро*, тамъ вертится цермницкое *коло*, тамъ бросаютъ *камена с рамена*, тамъ цѣлая вереница парней и дѣвушекъ играютъ *прометача*, *семер-кобилу*, *квочку* и т. п. Все это скачетъ, бѣгаетъ: верхняя одежа сброшена, иные скинули и обувь для большей легкости скока и бѣга; у молодежи лица горятъ; изъ толпы вылетаютъ отдѣльные веселые крики; всюду слышится пѣсня, шумъ, говоръ. Старые люди въ это время сидятъ гдѣ-нибудь на возвышеньи и любуются молодежью, видимо участвуя сердцемъ въ ея весельи и вспоминая свою, давно минувшую удаль и молодость; иной и изъ нихъ, видя, что не такъ играютъ, не вытерпитъ и начинаетъ учить; одного подбодритъ, другого укоритъ за неправильность и лукавство. И все это трезво, какъ въ постъ. Вечеромъ собираются по домамъ, гдѣ идутъ другія игры, въ родѣ нашихъ святочныхъ, и веселье продолжается до полночи.

Такъ оканчивается рождественскій мясоѣдъ съ веселымъ финаломъ—масляницей, и встрѣчается постъ.

Въ Подгорицѣ до недавняго времени былъ обычай вечеромъ въ послѣдній день масляницы итти другъ къ другу и прощаться. Обычно младшіе шли къ старшимъ, а иногда вообще шли другъ къ другу люди, ссорившіеся между собою въ продолженіи года, просили другъ у друга прощенья и мирились. При прощеньи равные между собою цѣловались въ уста, а младшіе у стариковъ цѣловали руки. Обычай этотъ существовалъ, кажется, и въ другихъ краяхъ Черногоріи; въ герцеговинскихъ краяхъ онъ существуетъ и теперь, только прощенье происходитъ послѣ *сѣдника*, когда расходятся по домамъ.

Наступаетъ постъ.

Въ чистый понедѣльникъ до вечера не готовятъ никакого горячаго кушанья, и иные ничего не ѣдятъ; мужчины не курятъ даже табаку, какъ бы къ нему ни привыкли. Хозяйки въ это время моютъ посуду и домашнюю утварь, даже столы, скамейки и т. п.; а потомъ приходитъ священникъ, освящаетъ воду и кропитъ весь домъ и все, что̀ въ немъ находится.

Въ городахъ, какъ Рѣка, Подгорица и др., мужчины въ этотъ день ничего не дѣлаютъ, какъ на праздникъ, только играютъ *на пловке* и въ другія игры, при чемъ проигравшій угощаетъ всѣхъ ракіей, за которою немного закусываютъ лукомъ, стручковымъ перцемъ изъ разсола и т. п., и въ томъ проходитъ весь день.

Въ селахъ вечеромъ варится *бунгур*; это — горячее изъ кукурузныхъ зеренъ, едва размолотыхъ на жерновѣ, на одной водѣ, безъ примѣси масла; только для вкуса иногда прибавляется немного фасоли.

По народному обычаю, который соблюдается въ селахъ, весь Великій постъ держится строго и, кромѣ извѣстныхъ дней, не ѣдятъ ни рыбы, ни улья (масла оливковаго).

Великому посту придается какой--то особенный, миѳическій характеръ, сочиненный впрочемъ чуть-ли не родителями для дѣтей, чтобы запугать ихъ и не допустить ѣсть скоромное. *Вељи пости*, иначе *коризма* (по-итальянски—quaresima, четыредесятница) представляется дѣтямъ въ видѣ какого-то страшнаго существа, у котораго 7 сыновей (7 недѣль) и каждому свое имя. При этомъ намазываютъ двери золой, что̀ приписываютъ коризмѣ. Съ каждымъ понедѣльникомъ одинъ сынъ расхварывается и къ концу недѣли умираетъ; а когда умрутъ всѣ 7, тогда умираетъ и сама коризма. «Је-ли још жива коризма?» спрашиваютъ дѣти съ первымъ пробужденіемъ на Пасху и отдаются безконечной радости, когда услышатъ, что она умерла. Иные берутъ 7 палокъ, которыя кладутъ гдѣ-нибудь подъ крышей и сжигаютъ по одной по истеченіи каждой недѣли.

Каждая изъ недѣль Великаго поста имѣетъ свое названіе: *чиста*, *пачиста*, *безимена*, *средопостна* или *крступоклоњена*, *глуцва* (или *акатиста*), *цвјетна и велика* или *страстна*.

Вербное воскресенье называется *цвијети* и недѣля *цвијетна*, и тогда освящаютъ въ церкви не вербу, какъ у насъ, а цвѣты, что напоминаетъ нашу Троицу. На Цетиньѣ, гдѣ въ это время цвѣтовъ еще мало, каѳедральная церковь пріобрѣтаетъ ихъ изъ Котора, и послѣ литургіи митрополитъ всѣмъ, приступающимъ къ Св. кресту, вмѣстѣ съ кусочкомъ антидора даетъ по пучечку цвѣтовъ.

Ученики школъ наканунѣ совершаютъ прогулку въ горы, для того чтобы набрать цвѣтовъ, которые и приносятъ въ церковь.

Отдѣльно отъ этого, связаннаго съ церковью обычая, дѣвушки отправляются также наканунѣ за цвѣтами и, набравъ ихъ, особенно фіалокъ, кладутъ въ сосудъ съ водою, которою на другой день и умываются—дѣвушки, чтобы хорошѣть и нравиться женихамъ, а замужніи женщины, чтобы помолодѣть и любили-бы мужья.

Въ Лазареву субботу обыкновенно причащаются дѣвушки; а когда-то былъ обычай справлять *лазарице*, отъ которыхъ теперь не осталось нигдѣ и слѣда. Только въ Зетѣ осталось воспоминаніе, о томъ, что бывало лѣтъ 15 назадъ.

Въ этотъ день собирались парни и, одѣвши одного изъ своей среды, покрасивѣе и женственнѣе, въ женское платье, шли по домамъ и тамъ плясали (играли). Обыкновенно, когда приходили къ чьему-либо дому, невѣста (молодая замужняя женщина), ставши на порогъ дома, правою ногою шагала то впередъ, то назадъ, а два парня стояли у дверныхъ косяковъ и пѣли:

О, Лазаре, младоња!
Обрни се, поврни се.
Ко те боже дарује,

Овце му се јагњиле,
Козе му се козиле,
Краве му се телиле,
Челе му се ројиле,
Свако жито разликом,
А шеница понајбоље.

Съ другой стороны собирались дѣвушки, которыя одну изъ своихъ одѣвали въ хорошее зетское платье, какое носитъ невѣста, и также ходили по домамъ. Когда приходили къ дому, невѣста плясала передъ дверьми, а двѣ ея подруги стояли у косяковъ и пѣли:

О, ђевојко Јаглико!
Једа виђе Лазара?
Ето Лазар у село;
Да је село весело
И штогођ је у село.

И еще пѣли:

Сви дилбери, ал' мојега нема:
Који су му јади, те га нема?
Ал' болује, али ашикује?!
Да бих знала, е болом болује,
Бих му често понуде шиљала;
Шећер с мора, смокве из Мостара,
Груду сира прије Ђурђева-дне,
По јагњета насред драга љета,
Гурабије, медом захваћене.

Это составяетъ ничтожный обрывокъ обычая, который до сихъ поръ еще во всей своеобразности и полнотѣ соблюдается въ Старой Сербіи (см. Ястребова, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ).

Первый день Пасхи называется *ускрс* или *воскрсење* и *велик-дан*, цѣлая-же недѣля *света нећеља,* какъ у насъ *свѣтлая недѣля;* а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — *водена́.* Особенной торжественности въ этотъ день нѣтъ; но разговляются никакъ не раньше окончанія обѣдни: въ этомъ случаѣ соблюдаютъ правило строже, чѣмъ на Рождество.

Если же церковь далеко, и нейдутъ въ церковь, то всѣ встанутъ рано, прежде разсвѣта, умоются и садятся около огнища; а отецъ возьметъ просфору, полученную и сохраненную отъ вербнаго воскресенья, и кладетъ всякому въ ротъ по кусочку, а потомъ даетъ по яйцу, которое однако ѣсть можно только тогда, когда взойдетъ солнце. Существуетъ обычай красить яйца, преимущественно въ красную краску, а гдѣ въ домѣ трауръ, то въ черную; по селамъ же часто бываютъ и некрашенныя. Дѣти и взрослые бьются яйцами. По поводу этого обычая существуетъ такой разсказъ у цеклинянъ.

Въ старое время цѣлое цеклинское племя на Пасху собиралось около церкви св. Ѳеклы (Ђекла). Одинъ сдѣлалъ себѣ яйцо изъ корня виноградной лозы, покрасилъ и поддѣлалъ его такъ, что нельзя было отличить отъ настоящаго по наружному виду; и онъ этимъ яйцомъ выигрывалъ у всякаго. Заподозривъ обманъ, кто-то выбилъ у него изъ руки это яйцо; оно упало на камни и не разбилось; обманъ обнаружился, и тогда всѣ кинулись на него, чтобы избить; другіе вскочили на его защиту; и произошло такое побоище, что 70 человѣкъ понесли на носилкахъ, т. е. было убито или тяжело ранено. Съ того же времени, говорятъ, у св. Ѳеклы больше не собираются и бывшій тамъ базаръ перешелъ на Рѣку, а въ церкви только разъ въ годъ бываетъ служба.

Бывало въ селахъ и такъ, что за неимѣніемъ или отсутствіемъ священника, гдѣ есть церковь, только ударятъ въ колоколъ; а церковь и не отворяется. Иные на другой-же день работаютъ.

Дни отъ Пасхи до Юрьева дня (23 апрѣля) называются *покоризмак покоризмиќ*, котораго иногда и не бываетъ, если Пасха приходится позже.

Вознесенье (*Спасов дан*) и Троица (*духови*) также не сопровождаются никакими особенными обычаями.

Дѣлаются въ эти дни нѣкоторыя наблюденія относительно скота, урожая и вообще погоды, часть которыхъ мы уже сообщили въ главѣ о скотоводствѣ, а другія сообщаемъ въ отдѣлѣ міровоззрѣнія.

3. **Праздники и особенные дни по числамъ мѣсяцевъ.**

Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ мартомъ мѣсяцемъ, которымъ начинается весна и который въ то-же время въ глазахъ народа имѣетъ особенное миѳическое значеніе; и потому на него женщины производятъ различныя гаданья и колдовство; а священники, если женщины спросятъ въ какой день придется 1-е марта, вслѣдствіе того-же скрываютъ его или обманываютъ. Въ этотъ день *вьештицы* (вѣдьмы) голыя ѣздятъ «на вратилу» (валъ изъ ткацкаго станка) и продѣлываютъ разныя колдовства, между прочимъ объѣзжаютъ вокругъ своего дома, чтобы отогнать всякое несчастіе на чужой домъ, и переносятъ урожай съ чужой нивы на свою. А иная хозяйка дома, хотя бы и не была вѣштицей, поднимется до зари, раздѣнется до-нага и мететъ полъ, приговаривая: «Чтобъ не было у меня ни мушки, ни блошки, ни вошки, ни клопа, ни всякой нечисти, а пойдите всѣ въ такой-то домъ», и въ ея домѣ будетъ чистота, а въ томъ всякая дрянь. И дѣвушки ѣздятъ на вратилѣ, приговаривая: «Ове године на вратило, до године на грабило», т. е. чтобы съ наступающимъ годомъ женихи сватались къ ней на перебой. Бьютъ масло въ тотъ день тоже съ приговоромъ: «Мени гука (груда), нека цѣлом свѣту мука». 1-го же марта жгутъ передъ домомъ *буниште* (куча сору или навозу); и куда стелется дымъ, тамъ не будетъ змѣй. Въ 1880 г. въ селѣ Очиничахъ близь Цетинья сгорѣло при этомъ 11 домовъ, и въ нихъ одинъ ребенокъ совсѣмъ сгорѣлъ, а другой сильно обжегся. Нельзя въ этотъ день работать иглой.

О Юрьевѣ днѣ мы уже говорили, указавши, какими обрядами празднованіе его сопровождается у пастуховъ, а послѣ будемъ говорить объ его метеорологическомъ значеніи въ народномъ календарѣ.

1-го мая св. Іеремія, котораго въ Черногоріи почитаютъ; но сопровождается ли его день какими-либо особенными обрядами, мы не могли дознать. По сосѣдству-же съ Черногоріей въ Кривошіяхъ (община Бокка-Которскаго округа), съ которыми Черногорія изстари и до новѣйшаго времени находилась въ самомъ тѣсномъ общеніи, есть гора *св. Іеремія* и тамъ.

Собственно въ Убляхъ, выше села Костайницы, была церковь св. Іереміи, развалины которой можно еще видѣть и теперь; и на эти развалины бываетъ крестный ходъ, при чемъ, въ прежнее время по совершеніи церковнаго обряда, народъ кричалъ: «Јеремија у поље, а све змије у море», и этимъ вся та мѣстность обезпечивалась отъ укушенія змѣй» *).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ отмѣчены три дня.

Вратоломија (Варѳоломея, 11-го іюня): тогда не слѣдуетъ взлѣзать ни на дерево, ни по лѣстницѣ куда-либо; потому что непремѣнно упадешь и, если не убьешься на смерть (*сломити врат* — свернуть шею), то непремѣнно что-нибудь сломишь — руку или ногу. Въ герцеговинскихъ краяхъ въ этотъ день не входятъ въ *врт* (огородъ).

На *Видов дан* (15 іюня) нельзя работать иглой «*од вида*», чтобы не испортить зрѣніе (*вид*).

Въ *Ивањ дан* (24 іюня) берутъ *ивањско-цвијеће* (galium vernum), которое около этого дня начинаетъ цвѣсть. Собираютъ и другіе цвѣты, вьютъ вѣнки и кладутъ ихъ на дома или вѣшаютъ надъ дверьми. Рано утромъ матери купаютъ (собственно обливаютъ водой) всѣхъ своихъ дѣтей подъ какимъ-нибудь деревомъ или вообще подъ зеленью, чтобы не было на нихъ никакой накожной болѣзни.

---

*) Српско-Далмат. Магазинъ, 1844 г., подъ общимъ названіемъ «Далмаціа» стр. 5—31.

Празднуется день св. Прокопія (8-го іюля) и что-то дѣлаютъ около пчелъ: обкуриваютъ ладаномъ и приговариваютъ.

На Кирика и Улиту (15-го іюля) ни за что не станутъ работать изъ страха, чтобъ не ударилъ громъ. И всѣ остальные праздники въ этомъ мѣсяцѣ — прор. Илія (20), Блажена или Огњена-Марија *) (22), св. Пантелеймонъ (28) — особенно почитаются по той-же причинѣ. Ихъ почитаютъ и турки и постоянно справляются, когда будетъ тотъ или другой изъ этихъ праздниковъ, чтобы не согрѣшить работой. Между прочимъ, чтобы приблизить эти имена къ своимъ, они говорятъ: «До подне Илија, од подне Алија», или: «До подне Марија, од падне Мејрима».

Относительно лѣтнихъ праздниковъ можно замѣтить, что, хотя имъ и оказывается должное почтеніе, смѣшанное со страхомъ, но празднованіе ихъ не сопровождается никакими особенными обрядами; на нихъ только бываютъ скупштины на планинахъ. Сюда-же должно причислить и августъ.

Въ сентябрѣ на Воздвиженіе креста (14, *Крстов дан*) даютъ обѣщаніе держать самый строгій постъ (*једноничати*) люди, у которыхъ болятъ *крсти* (поясница, крестецъ). Въ этомъ случаѣ, какъ относительно Видова и Варѳоломеева дней, видно пріуроченіе извѣстныхъ болѣзней къ именамъ святыхъ, по созвучію напоминающихъ названія этихъ болѣзней.

Кромѣ того, на Воздвиженіе, сверхъ самаго строгаго поста на все, нельзя ѣсть ничего, чтò выходитъ *испод млина*, т. е. чтò смолото на водяной или ручной мельницѣ: мучное, кофе, рисъ и др.; а ѣдятъ только овощи и плоды, какъ яблоки, сливы, фиги, виноградъ и др.

За недѣлю передъ Покровомъ Пресв. Богородицы (1 октября) нѣкоторые, особенно женщины, также держатъ постъ, который и называется *посте од покровице*.

На *Врачеве* (1-го ноября, Кузьма и Демьянъ) нельзя ничего работать изъ шерсти; и въ тотъ день на Граховѣ пастухи не-

---

*) Ниже мы приводимъ сказанье, изъ котораго видно, когда и какъ Блажена Марія стала называться *Огњена*.

премѣнно должны заколоть и испечь козу. Все это дѣлается съ въ видахъ благополучія скота.

Нѣкоторые дни въ октябрѣ и ноябрѣ отмѣчаются, какъ указатели, что̀ нужно тогда дѣлать въ хозяйствѣ, или вообще времени года. Такъ на св. Ѳому (8 октября) нужно скотъ сгонять съ планинъ въ село, на зимнія стойла; «св. Лука (18 октября) сњег захука»; «на св. Мрата, сњег иза врата»; отъ Андреева дня (30 ноября) до Васильева (1 января) нельзя начинать никакого тканья.

4 декабря—день св. Варвары называется *варице*. Это собственно названіе кушанья, которое въ тотъ день приготовляется, и здѣсь является ассимиляція по созвучію имени святой съ обычаемъ.

Кушанье это наканунѣ готовится такъ: положатъ въ горшочекъ зеренъ кукурузы и мочатъ ихъ въ водѣ цѣлыя сутки, потомъ въ тотъ же горшочекъ кладутъ понемногу и другихъ зеренъ, какъ: пшеница, фасоль, горохъ, чечевица, какія только употребляются въ томъ мѣстѣ въ пищу и какія тамъ обыкновенно сѣются. А въ тотъ самый день рано утромъ дѣвушки, набравши этого варева въ чашечку, спѣшатъ съ ведрами по воду и, бросивши зерна въ воду, черпаютъ эту воду ведромъ, стараясь, чтобы сколько нибудь изъ брошенныхъ зеренъ попало обратно въ зачерпнутую воду. Бросая зерна, приговариваютъ, чтобъ родилось больше ягнятъ, телятъ, въ домѣ дѣтей мужескаго пола, а ей, дѣвицѣ, больше жениховъ. Если нѣтъ рѣки или ключа, то бросаютъ въ *бистіерну* (колодезь). При этомъ дѣвушки стараются поспѣть одна раньше другой, и которая раньше поспѣетъ на воду, та раньше и замужъ выйдетъ. Если одна изъ нихъ возвращается оттуда съ водой, то идущая туда на встрѣчу подруга непремѣнно обойдетъ ее окольнымъ путемъ, чтобъ не попортить ей ея дѣвическое счастье.

Послѣ этого всѣ пьютъ понемногу только-что принесенной воды и принимаются ѣсть варево, не мѣшая въ него ни масла, ни уксуса, а только соли, и тутъ кто-нибудь приговариваетъ: «Варица варила, Савица (5 декабря) ладио (холодилъ), Николица (6 де-

кабря) кусао». Это составляетъ въ тотъ день единственное кушанье, кромѣ хлѣба.

Захватить нѣсколько зеренъ обратно необходимо для счастья, все равно какъ женщины, занимая одна у другой молока и возвращая долгъ, всегда изъ того же сосуда отливаютъ немного себѣ, и это дѣлается для того, чтобы съ полною отдачею долга не перешло къ другой и все ея счастье.

Въ Васоевичахъ въ этотъ день молодыя женщины въ своей семьѣ связываютъ домохозяина за ноги и подтягиваютъ къ потолку; а старшая въ семьѣ, домаћица должна его откупить *).

Третій день послѣ Николина дня называется *прауставке-никольске*.

13 декабря — *Петозарни мученици* — Евстратій, Авксентій, Мардарій, Евгеній и Орестъ, главы которыхъ находятся въ Печи (Ипекъ) въ большой середней церкви, возобновленной въ 1643 г., въ одной ракѣ, по правую сторону царскихъ вратъ; а принесъ ихъ, по преданію, Арсеній, ученикъ св. Саввы, изъ болгарской столицы Трнова **).

Народъ знаетъ и особенно почитаетъ соборъ Іоанна Крестителя (7 января), и многіе его славятъ, особенно герцеговинцы; св. Савву (14 января) и трехъ іерарховъ (30 января), иначе *три свеца*, тоже почитаютъ но празднованіе ихъ не сопровождается никакими особенными обрядами. Св. Савву въ послѣднее время съ особенною торжественностью празднуютъ школы, а через нихъ чествованье его все больше входитъ и въ народъ; иначе же его отмѣчали только потому, что тогда значительно прибавляется день, сильнѣе грѣетъ солнце и земля становится теплѣе, от-

---

*) Въ Бѣлоруссіи также отмѣчается Варваринъ день, и на него непремѣнно дѣлаютъ вареники изъ гречневой муки съ макомъ (М. Довнара-Запольскаго, Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ, въ Жив. Старинѣ, 1893, III, стр. 421). Тамъ же находимъ, что всѣ заговѣнья сопровождаются блинами и оладьями, а передъ Рождествомъ, кромѣ кутьи и др., непремѣнно должны быть блины, какъ у черногорцевъ приганицы.

**) А. Ѳ. Гильфердингъ, Поѣздка по Герц., Босн. и Старой Сербіи въ 1857 г., стр. 143; въ Запискахъ И. Р. Геогр. Общ. 1859, кн. XIII.

того что св. Савва воткнулъ въ землю раскаленный вертелъ (ражањ).

Въ школахъ въ этотъ день, послѣ службы въ церкви, совершается молебствіе съ водоосвященіемъ въ зданіи школы, послѣ чего инспекторъ училищъ или кто-либо изъ учителей говоритъ рѣчь, затѣмъ декламируютъ дѣти, мальчики и дѣвочки, и лучшимъ изъ нихъ даются награды. Иногда тутъ-же читается годовой отчетъ; такъ что это бываетъ въ родѣ торжественнаго акта. На Цетиньѣ при этомъ всегда присутствуютъ митрополитъ и нѣкоторые изъ высшихъ чиновниковъ; а иногда удостоиваетъ своимъ присутствіемъ и князь съ нѣкоторыми членами своего семейства.

Въ Сараевѣ торжественное празднованье его поддерживается православною общиной. Во главѣ этого празднества стоитъ школа, и особенно интересно наканунѣ этого дня приготовленіе *колива или светосавске панагије* (наша кутья), сопровождаемое особеннымъ священнослуженіемъ и обрядами.

1-го февраля, въ день св. Трифона особенное празднество въ въ Которѣ, гдѣ въ церкви св. Трифона, когда-то православной, а теперь католической, въ нѣсколькихъ ящичкахъ находятся частицы мощей этого святого. Знаютъ его и въ Черногоріи подъ названіемъ *трипуницы*, и въ тотъ день многіе ради того отправляются въ Которъ.

Срѣтеніе Господне (2 февраля), какъ и у насъ, считается послѣднимъ зимнимъ праздникомъ и переходомъ къ лѣтнимъ.

4. Празднованіе и почитаніе особенныхъ дней недѣли.

Когда бываетъ *млада неђеља* (воскресенье) или *млади петак*, первыя по появленіи молодого мѣсяца, тогда дѣтямъ, особенно дѣвочкамъ подстригаютъ волосы, отъ чего они лучше растутъ.

Гдѣ есть рѣка или ключъ, больные въ этотъ день идутъ на

воду, купаются и пьютъ воду; а женщины вообще производятъ различныя ворожбы.

Какъ у насъ понедѣльникъ, въ Черногоріи тяжелымъ днемъ считается вторникъ, когда ничего не слѣдуетъ предпринимать вновь, ни отправляться въ дорогу; но можно продолжать начатое дѣло.

Кучи и васоевичи (а есть кое-гдѣ и въ другихъ племенахъ) не работаютъ по четвергамъ отъ великаго четверга (на страстной недѣлѣ) до Спасова дня (Вознесенье): если же въ четвергъ случится усѣкновеніе главы І. Предтечи, то онъ называется *усјеченик*, и тогда круглый годъ въ четвергъ нельзя начинать никакой работы вновь, а только продолжать начатую. Въ великій-же четвергъ женщины стараются вымыть хоть что-нибудь изъ бѣлья; въ противномъ случаѣ нельзя мыть ни въ одинъ четвергъ до Спасова дня.

Въ субботу нельзя сажать капустную разсаду. Пятница вообще считается легкимъ днемъ и на неё лучше всего начинать что-нибудь.

Но есть работы, которыя нельзя исполнять въ пятницу. Женщины не работаютъ на неё, что̀ бы то ни было, иглой и изъ шерсти; нельзя работать около виноградной лозы, потому что «петак је њезин светац»; нельзя также переносить торъ (пригонъ для скота), ни отправляться со скотомъ на катунъ, ни возвращаться оттуда.

Есть пятницы, въ которыя нельзя ничего работать. Къ такимъ относится *русати петак* передъ Троицей, который нужно почитать также, какъ и страстную пятницу. Въ бытность мою въ Черногоріи, въ с. Бѣлошахъ (близь Цетинья) нѣкоторые въ этотъ день *прашили* кукурузу, и послѣ того ночью на субботу съ 3-го на 4-е іюня на всѣхъ тѣхъ нивахъ кукурузу побило градомъ, тогда какъ у другихъ ничего на тронуло. (Но въ то-же время градомъ попортило не только нивы, но виноградники и всѣ фрукты въ Цермницѣ, гдѣ всѣ такіе дни строго почитаются). Нельзя также работать на *мркли петак* — передъ Петровымъ днемъ и послѣ Иванова дня (24 іюня). Однажды стали работать,

и середи дня сдѣлалось темно, какъ ночью, такъ что должны были бросить работу; оттуда происходитъ и его названіе *).

Въ связи съ пятницей оказывается большое почтеніе и дню св. Параскевы; по-сербски *света Петка* (14 октября).

На почитаніе пятницы есть указанія и въ сербскихъ пѣсняхъ. Такъ, въ одной старой пѣснѣ царь Лазарь, строя церковь Раваницу, ставитъ условіемъ:

Да се гради дванаест година;
А мајстору по дукат надница,
Напојнице по три оке вина;
Да светкују петку и неђељу.

Раде *неимар* (главный мастеръ) особенно жалуется на несоблюденіе этого послѣдняго условія, несоблюденіе великихъ праздниковъ, въ число которыхъ входитъ и пятница:

Не светкују петку, ни неђељу,
Ни Илију, који громом бије,
Ни Марију, која муњом пали.

(В. Кар. II, 36, ст. 108—121; срв. С. В. Максимова о Девятой пятницѣ, «Новости», 1884, № 156).

Существуютъ 12 пятницъ, въ которыя если поститься, то не нужно соблюдать и Великій постъ; но рѣдко кто знаетъ ихъ. Въ окрестности Цетинья, говорятъ, зналъ ихъ только попъ Стефанъ изъ Байцъ, п. Вукацъ изъ Бѣлошей и п. Филиппъ изъ Косіеръ. Намъ досталась одна рукописная книжечка попа Радомана изъ Люботпня (отъ его сына Петра), въ которой находится цѣлое сказаніе объ этихъ пятницахъ.

Подобный списокъ 12 пятницъ напечатанъ М. Г. Миличе-

*) Въ Мостарѣ на другой сторонѣ Неретвы за горой Хумомъ находится мѣсто, называемое *бабун*: тамъ обыкновенно собираются на *источни петак* (первый послѣ Пасхи) и купаются въ ключѣ, текущемъ въ р. Радоболю; больше всего тамъ бываютъ женщины съ дѣтьми.

вичемъ (Живот срба сељака въ Гласникѣ, 1867, кн. V, св. XXII, стр. 98—93); а достался ему этотъ списокъ также въ рукописи отъ отца его, священника. Въ сущности эти два списка представляютъ одно и то-же; но кое въ чемъ есть и разница, вслѣдствіе чего считаемъ не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ нашъ списокъ *).

«Сказание колико се е учинила знамения у петак 1) изгнанъ би адамъ из раіа; 2) у петакъ уби каинъ авела своега брата; то би перва крвъ на свиету; 3) у петакъ пропеше Исуса Христа; 4) у петакъ авгаряни поробише многе земле изагнаше; 5) у петакъ цар фаронски наробии іеросалимъ; бии пустъ деветдесет и трии лѣта; 6) у петакъ посла бгъ исраиля на фараона змие крилате; 7) у петакъ отсѣкоше главу святаго иоанна крстителя; 8) у петакъ потонишеся четири града—содомъ и гоморъ, и гуватъ, и савитъ и у нима четрнаестъ езикахъ; 9) у петакъ изведе пророка моисеа зраилтенъ из египта; 10) у петакъ чудеса пророка иеремие; 11) у петакъ изъби иродъ четрнаест тисущъ Христа ради у староиі иеросалимъ. Надметахусе инадити христианини *абрелима* (евреями) и вргоше два мудрца от книге: едно христианина, а друго *абрела* и с нима еданъ имени мали затворише у едну кутю за трии дани и христианини доби правду, *абрео* се покори и рече *абрео:* кад си добио, кажи ми *ованаестъ великиахъ петакахъ* преко године. Отговори му, да не знаде абрео о истинѣ сердца, побѣже на дворъ, оста сии мали; упита га философ: знаш ли тии мали от дваестъ петакахъ, що доводе на годище? и рече мали: знамъ, ма имамо клетву медю нама, да некажемо христианима, и казамо; а те петке, када вашего апостола мучише абрели и уморише и надиоше у нега свиетак книгах, книге прощише, па нихъ изгореше. У те петке не вала никаква почетки чинити, ни жито сѣяти, ни орати, ни виноградъ садити, ни жене халине кроити».

Одна пятница здѣсь пропущена; но въ той-же книжечкѣ есть другая статья о томъ же, и поименованы хотя только 7,

---

*) Для ясности мы отъ себя передъ каждою пятницей поставили соотвѣтствующія цифры, а также и знаки препинанія, не имѣющіеся въ оригиналѣ.

но между ними находятся двѣ, не находящіяся въ первой статьѣ. Вторая статья составляетъ дополненіе къ первой, поэтому приведемъ и её, пропуская то, что̀ есть въ первой.

«1 пет. у велики часни постъ пред четиридесъ мученикахъ;— ако они петакъ буде поститъ, та чоекъ бес таина христова не умретъ. 2) — пред благовиестъ богородици дѣви; — тога чойка г҃дъ Б҃гъ на сиромащину нигда не пущитъ 3) — страшни велике неделе треба поститъ ради страсти христови, будући деде се распети нашъ царъ и г҃дъ исусъ христосъ те испусти духъ накрсту за насъ грешние у десет ура у вече; они велики петакъ ко пости, та чоекъ осуђенъ буде у царство и получи вѣчну славу 4) (отвѣчаетъ 8-му первой статьи) пред вознесениемъ г҃да нашего исуса христа; ко они петакъ пости, та чоекъ зломъ смерти не умреть. 5) (пропущена въ 1-й статьѣ) пред сошествиемъ светога духа троици; ослобожденъ би иоанъ крестителъ;—та чоекъ буде при конца живота смерт свою знатъ. 6) (тоже нѣтъ въ 1-й) пред рождество иоанна предтеча и крестителя г҃да нашега исуса хр҃та: — тога чойка душа угодна пред господомъ богомъ. 7) (тоже)—Прее свеетога петра и павла;—тога чойка г҃дъ б҃гъ завазда сачува отъ неприятеля;—конецъ и богу завазда слава».

Недѣля употребляется у всѣхъ сербовъ въ смыслѣ воскреснаго дня въ каждой седмицѣ; но она имѣетъ также смыслъ и особеннаго праздника, которому посвящаются церкви, какъ и другимъ святымъ или праздникамъ. Такъ, въ Боккѣ (православныя общины Лепетанъ и Іошицы) пароxіальная церковь *света Неђеља*, и этотъ праздникъ бываетъ въ первое воскресенье послѣ Ильина дня. Въ Черногоріи на Нѣгушахъ есть также посвященная ей церковь, самая старая и очень маленькая, стоящая совершенно отдѣльно отъ села, и въ ней служба бываетъ только разъ въ годъ, въ первое воскресенье послѣ Воздвиженья креста (14 сентября).

Намъ нѣтъ надобности перечислять остальные церковные праздники, празднованіе которыхъ прямо указано церковнымъ

уставомъ, а не сопровождается никакими особенными обрядами, чисто народными. Замѣтимъ только, что народъ ихъ отлично знаетъ и соблюдаетъ. Какой день слѣдуетъ праздновать, а какой нѣтъ, кромѣ священниковъ, народъ узнаетъ отъ какого-нибудь умнаго старца или грамотѣя, читающаго календарь.

Зная дату праздника, стараются расчислить, въ какой день недѣли онъ приходится, и для этого существуетъ способъ по одному извѣстному празднику опредѣлять другіе.

Такъ въ одинъ день приходятся: Лучин-дан (18 октября), Арандьелов-дан (8 ноября), Врачеве (1 ноября), Николь-дан (6 декабря) и Стефань-дан (27 декабря); потомъ Рождественское заговѣнье (14 ноября) и Введенье (21 ноября): Варварин-дан (4 декабря) и Божич; «Трновска петка (преподобномученица Параскева 26 іюля) иде уз Пантелију» (27 іюля), т. е. слѣдуетъ за нимъ.

5. Праздникъ «крестнаго имени»

(крсно име или слава).

Сербы не знаютъ нашего праздника именинъ, въ которомъ каждая отдѣльная личность чествуетъ день того святого, имя котораго дано ей при крещеніи. У нихъ вся семья празднуетъ или, какъ они говорятъ, *славитъ* одного святого, имени котораго можетъ и не быть въ цѣлой той семьѣ; и не одна только семья, а цѣлый родъ, которому она принадлежитъ по кровному происхожденію, и наконецъ цѣлое племя, насчитывающее нѣсколько тысячъ душъ. Изъ прославленія одного и того-же святого совершенно различными племенами дѣлаютъ заключеніе о ихъ родствѣ. Такъ, въ Черногоріи племена озриничей, пиперъ и васоевичей, славящіе день архангела Михаила (8 ноября), считаются между собою родственниками и на этомъ основаніи сложили легенду о своемъ происхожденіи отъ трехъ братьевъ Озра, Пипа и Васа. Въ дѣйствительности это не такъ; но по этой фикціи можно судить, какое важное значеніе дается этому празднику въ

жизни сербскаго народа. Встрѣчаясь гдѣ нибудь, члены этихъ различныхъ племенъ, обращаются другъ къ другу со словами: «О, мой родо!» т. е. родичъ, и всегда готовы на помощь одинъ другому, какъ и дѣйствительнымъ родственникамъ.

Праздникъ этотъ сербы считаютъ отличительною чертою своего народа, такъ какъ его нѣтъ у другихъ славянъ, ни у ближайшихъ къ нимъ хорватовъ и болгаръ, и, встрѣчая его у кого-либо изъ нихъ, они принимаютъ то за несомнѣннѣйшій знакъ ихъ сербскаго происхожденія.

О значеніи и происхожденіи этого праздника почти всѣ согласны въ томъ, что онъ возникъ еще въ то время, когда сербы впервые изъ язычества стали группами переходить въ христіанство, принимая своимъ покровителемъ того святого, въ день котораго происходило ихъ крещеніе или имя котораго было дано главѣ семейства или группы. Вотъ какъ объясняетъ это парохъ изъ Скрадины (въ Далмаціи) I. Яворъ на основаніи исторіи распространенія христіанства въ первыя времена между языческими народами. «Когда язычники и идолопоклонники, — говоритъ онъ, — обращались въ христіанство, то обыкновенно цѣлыя племена собирались на ближнія рѣки, гдѣ и происходило ихъ крещеніе, какъ то видно изъ Дѣяній Апостольскихъ. Напр. Криспъ, обратившись къ Господу, принялъ отъ апостола Павла св. крещеніе со всѣми своими домашними (гл. 18, ст. 8); также и Лидія изъ града Тіатирскаго отъ него-же приняла крещеніе со всѣми своими домашними (гл. 16, ст. 15). Тотъ день, въ который крестились, тотчасъ въ первый же годъ былъ торжественно отпразднованъ, о чемъ также видно изъ Дѣяній Апостольскихъ. Именно, когда Павелъ и Сила крестили одного узника со всѣмъ его семействомъ, Сила пригласилъ крестившихся въ свой домъ, гдѣ приготовилъ для нихъ трапезу и веселился со всѣмъ своимъ домомъ (гл. 16, ст. 33—34). По всѣмъ вѣроятіямъ, какъ въ первый, такъ и въ каждый слѣдующій годъ новообращенный праздновалъ этотъ день въ кругу своей семьи и съ пріятелями, весело проводилъ его въ воспоми-

наніе того дня, въ который они обратились въ христіанство и приняли св. крещеніе. Семейства, считая себя осчастливленными въ день того святителя, когда были крещены, приняли его патрономъ или покровителемъ своего дома и съ того времени праздновали того святого, и до нынѣ славятъ его самымъ торжественнымъ образомъ ихъ потомки» *). Что этотъ праздникъ соединенъ съ воспоминаніемъ о крещеніи, доказываетъ и названіе его *крс(т)но имe* (крестное, данное при крещеніи). Противъ мнѣнія, что крестившіеся уже послѣ того выбирали себѣ святого патрона, также очень основательно возражаетъ г. Яворъ: «Еслибы, —говоритъ онъ,—они выбирали себѣ святого по своей волѣ и послѣ того, какъ приняли христіанство, то не избрали бы они св. Игнатія передъ Р. Х. (20 декабря), съ одной стороны такъ какъ онъ приходится въ постъ, а съ другой—въ виду тяжести для дома отъ большихъ издержекъ на два такіе большіе праздника, слѣдующіе одинъ за другимъ».

Вопросомъ однако остается, почему этого праздника не удержалось у другихъ славянъ. Впрочемъ, слѣды его можно усматривать и у другихъ; похожи на то и наши храмовые праздники, при чемъ воспоминаніе о томъ днѣ можетъ быть соединено съ именемъ храма. У сербовъ, хотя не вполнѣ, встрѣчаемъ тоже самое. Неманичи славили св. архангела Михаила и потомъ въ честь его строили храмы и въ Зетѣ, и на Превлакѣ (въ Боккѣ), и въ Іерусалимѣ. Въ Черногоріи на Цеклинѣ славятъ день св. Николая (6 декабря); но старожилы тамошніе, которыхъ осталось не много, славятъ св. Ѳеклу, имя которой носитъ самая старая, находящаяся тамъ церковка. Иногда съ именемъ церкви соединяется, если не главный праздникъ, то другой, такъ называемая *послужбица* или *преслава*, на что укажемъ ниже. Объясненіемъ-же тому, почему этотъ праздникъ во всей цѣлости удержался только у сербовъ, служитъ основная черта сербскаго народа, во всей

*) Изяснене крстног имена. Срб. Далм. Магазинъ. 1863. XXII, стр. 93—98.

рѣзкости проявляющая себя въ Черногоріи, — это крайняя приверженность его къ своей народности, цѣпкость, съ какою онъ держится за каждую ея мельчайшую особенность, и стремленіе наложить народную печать на все: на жизнь политическую и культурную, даже на самую религію и церковь. Съ такимъ характеромъ подъ именемъ христіанскаго святого они могли сохранить древнѣйшее воспоминаніе о своемъ домашнемъ покровителѣ, когда они находились еще въ язычествѣ, и котораго перемѣнили на христіанскаго. Но что это было дѣйствительно христіанское имя, данное при крещеніи, доказываетъ отсутствіе между таковыми именъ: Вука, Живка, Станка, Рада, Люба и др., которыя вообще въ сербской семьѣ преобладаютъ надъ именами, освященными церковью и дающимися священниками по требнику.

Въ празднованіи дня своего святого покровителя для серба, сверхъ глубокаго религіозно-національнаго чувства, заключается понятіе о чемъ-то такомъ, съ чѣмъ неразрывно связана его судьба, все его счастье и существованіе; поэтому онъ такъ и готовится къ его прославленію, хотя бы нужно было для того отдать послѣднее, что имѣетъ въ домѣ и чѣмъ могъ бы надолго обезпечить свое дальнѣйшее существованіе. Если сербъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ показываетъ свое гостепріимство, то на этомъ праздникѣ гостепріимству его нѣтъ мѣры. Здѣсь вполнѣ оправдывается выраженіе, съ которымъ сербъ хозяинъ привѣтствуетъ гостей: «Домъ Божій и вашъ», и самъ онъ со всею своей семьей не коснется до ѣды, покуда не насытятся его гости, которымъ онъ все время служитъ, стоя на ногахъ съ непокрытою головой и предупреждая всякое желаніе гостей. Въ то время какъ въ празднованіи «Божича» (Рождество Христово), особенно въ главномъ моментѣ его преддверія при налаганіи бадняка, домъ затворяется для всякаго посторонняго и только своя семья предается скромному веселью; здѣсь безъ посторонняго, безъ гостя нѣтъ праздника.

Высокое значеніе этого праздника прекрасно объяснено г. Л. Томановичемъ въ рѣчи, которую онъ когда-то на день св.

Саввы держалъ въ православной семинаріи въ Задрѣ (1868 г.) *). Воспользуемся и мы его толкованіемъ. Дѣло не въ томъ, чтобы накормить и напоить гостей; а въ достойномъ прославленіи имени Бога и его святого, котораго празднуетъ домъ.

Когда Дьюро Смедеревецъ славилъ своего святого Георгія, явился къ нему турокъ, котораго, какъ гостя, онъ прогнать не могъ; а онъ только пилъ и ѣлъ, не давая другимъ исполнять свой долгъ передъ святостью того дня; тогда Дьюро отзываетъ въ сторону свою жену Ерину съ порученіемъ взять чашу вина и выйти на дорогу:

Не би л' кога срећа нанијела
Од србина, од крви јуначке;
Нек попије и нека напије (произнесетъ здравицу),
Нек помене Бога истинога,
Мила Бога и светог Ђорђију,
«*Нека знамо, да смо прославили*»!

Славили *крсно име* и всѣ сербскіе цари; напримѣръ царь Симеонъ:

Симе госте на славу созвао:
Седам краља из седам земаља,
Седам краља и четири цара,
И четири старе патриаре,
А фукаре (бѣдняковъ) ни броја се незна.
Како служи србски царе Симо!
Врло бјеше царе остарио;
Бијела му брада до појаса
На златну се штаку опираше.

Точно также и Стефанъ Душанъ:

Свеца слави србски цар Стјепане,
Свеца слави светог Аранђела.

---

*) Отдѣльный оттискъ изъ Серб.-Далм. Маг. 1868: «О крсном имену».

Сву господу на свеца сазвао,
Па им онда служи ладно вино,
Како царски ваља и требује
Послужити крсно име своје.

Славитъ этотъ праздникъ и самъ св. Архангелъ:

Славу слави свети Аранђеле,
Славу слави светога Јована:
Састали се божи праведници,
Па им служи вино и ракију.

Обязанность хозяина—угощать всѣхъ гостей, стоя на ногахъ, какое-бы онъ высокое положеніе ни занималъ и кто бы ни были его гости, хотя-бы послѣдняя *фукара* (бѣдняки).

И вотъ что случилось съ царемъ Степаномъ (Душаномъ). Когда онъ служилъ всѣмъ по закону,

Стојаше му свети Аранђео,
Стојаше му на десном рамену,
Милује га крилом по образу.

А когда онъ, поддавшись убѣжденіямъ гостей, въ числѣ которыхъ были и владыки, сѣлъ,

Разсрди се свети Аранђео:
Удри цара крилом по образу,
Па отиде из царева двора.

Но милость его возвратилась,

Када царе на ноге устаде
И подиже триста свештеника
И дванајест србскијех владика,
И четири старе патријаре;
Те узеше книге цароставне,

Те читаше велике молитве.
И држаше велика бденија
За три дана и три ноће тавне.

Такъ велика святость этого праздника. Здѣсь между прочимъ мы замѣчаемъ, что празднованіе это не оканчивалось однимъ днемъ.

Кромѣ угощенія гостей, званныхъ и незванныхъ, славящій *крсно име* считалъ своимъ долгомъ ознаменовать его какимъ нибудь добрымъ дѣломъ или милостыней.

Такъ, воевода Тодоръ сидитъ въ темницѣ; а когда насталъ день св. Георгія, его крсно име, онъ проситъ, чтобы его пустили на базаръ:

Да добавим и хљеба, и вина,
Да нараним сужње по тамници
Ради Бога и крсног имена.

Не имѣя при себѣ денегъ, онъ продастъ свой ножъ въ золотой оправѣ и исполняетъ свой долгъ. Угощая заключенныхъ,

Уста Тодор, у славу напија:
«О велика љепа славо божја,
Свети Ђорђе, крсно име моје!
Опрости ме тамнице проклете.

И вдругъ:

На тамници отворена врата,
Отворена врата деветоро
И десета брава дубровачка;

а въ дверяхъ стоялъ воинъ, который показывалъ заключенному, куда онъ долженъ итти домой:

Осврте се војвода Тодоре,
Да јунаку даде чашу вина;
Ал' не стаде коња и јунака.

Увидѣвши двери отворенными, всѣ узники также вышли, а

Тодор оде преко горе Црне.
Када дође двору господскоме,
Али љуба крсно име служи.
Сазвала је госте и званице,
И кумове, и све пријатеље.
Па госпођа крсно име служи
И госпођа у славу напија:
«Помоз', Боже и свети Ђорђије,
Крсно име господара мога,
Опрости га тамнице проклете,
Донеси га ка двору бјеломе!»
У то доба Тодор на вратима.

Вотъ что значитъ честно исполнить свой долгъ передъ своимъ святымъ!

Сообразно тому слѣдуютъ и всѣ здравицы въ этотъ славный день: «За здравље нашега цвијета насред бијелога свијета, цркве Іерусалимске, да јој јаки Господ Бог поможе и избави из пексијанске руке! за здравље нашијех цркава и манастира, ђе год је која, Боже, је помози, да нам буду лијепе и бијеле, окићене и оружане, с двора каменом и клаком, а изнутра сребромъ и златом, крстима и иконама, а најбоље браћом ришћанима, као у права и срећна мјеста ришћанска; за здравље четири васеленска патрпара, и да ни Бог намјести петога у Пећи; за здравље свакога јунака, брата србина, вољнога и невољнога: кои је у вољи, Боже, га подржи; кои ли у невољи, Боже га избави, да се браће нагледа, да се сунца нагрије и да му Господ да власт и област, као данас нама у нашега брата домаћина, ако Бог да»!

Ни одинъ праздникъ не заключаетъ въ себѣ столько религіознаго, какъ *слава*, вслѣдствіе чего требуется непремѣнно присутствіе священника и въ домѣ: для освященія и преломленія *колача*, для благословенія трапезы съ особыми для того молитвами, а также вообще для предсѣданія въ челѣ трапезы и провозглашенія

здравицы во славу Божію. Но это, конечно, невозможно для каждаго. У сербскихъ кралей, какъ мы видѣли, на этомъ праздникѣ присутствовали высшіе духовные сановники, начиная съ патріарха; у простыхъ же людей священникъ всегда бываетъ у кого-либо изъ почетнѣйшихъ лицъ; а въ старое время безъ сомнѣнія это преимущество оказывалось мѣстному главарю и, можетъ быть, главѣ или старшему въ цѣломъ племени или родѣ; остальные довольствовались тѣмъ, что во всей полнотѣ и цѣлости обрядъ совершался у ихъ старшаго. Гдѣ одного святого славитъ цѣлое племя, какъ во многихъ мѣстахъ Черногоріи, тамъ священникъ и не въ состояніи обойти всѣхъ за одинъ день, но обходитъ для благословенія *колача* въ продолженіи двухъ-трехъ дней; и это называется *прекадьивати*. Вслѣдствіе того большинство совершаетъ весь обычай перваго дня славы безъ священника.

Такимъ образомъ обрядъ этотъ сокращается вслѣдствіе необходимости. А отчасти, конечно, дѣйствуетъ и духъ времени. При этомъ болѣе устойчивыми оказываются мѣстности подъ чужимъ господствомъ, вѣрѣ и народности которыхъ угрожаетъ опасность со стороны господствующихъ надъ ними инородцевъ и иновѣрцевъ. Именно, нигдѣ сербы въ отношеніи этомъ не находятся въ такомъ стѣсненномъ положеніи, какъ въ Старой Сербіи, въ округахъ Призрена, Печи, Моравы и Дибры; а между тѣмъ, по описанію покойнаго И. С. Ястребова, тамъ больше всего и удержались всѣ обряды, сопровождающіе празднованіе крестнаго имени. Тамъ это представляетъ цѣлое священнодѣйствіе отъ кануна праздника до его окончанія.

Что касается Черногоріи, то здѣсь праздникъ этотъ всегда стоялъ очень высоко; но черногорецъ, не имѣя средствъ выполнять всѣ обряды, старался вознаградить то безграничнымъ гостепріимствомъ и угощеніемъ, которое длилось обыкновенно три дня, при чемъ въ домѣ поѣдались иногда большіе запасы. Правда, угощеніе это состояло главнымъ образомъ въ мясѣ, что не составляло большого разсчета въ то время, когда Черногорія была богата стадами; что же касается покупного, какъ вино и водка,

то тратилось столько, сколько для того случая было закуплено, и, истребивъ то, гости обыкновенно расходились. Тѣмъ не менѣе и этого было слишкомъ много, и самъ народъ тяготился такимъ положеніемъ, не смѣя, однако, нарушить обычая. Въ этомъ случаѣ помогъ народу кн. Даніилъ, запретивъ празднованіе больше одного дня; такъ что по обычаю собирались ближайшіе родственники и пріятели наканунѣ праздника, а въ самый день праздника и другіе гости, но всѣ должны были непремѣнно отправиться послѣ ужина и прежде полуночи, когда настаетъ уже другой день. Въ Законникѣ кн. Даніила мы, однако, не находимъ этого постановленія, а только запрещеніе *послужбицы*, прославленія другого, второстепеннаго праздника. Вотъ относящійся къ тому § 88.

«Послужбицы крестнаго имени и *торбицы* (о нихъ далѣе) отнынѣ больше не могутъ быть, такъ какъ этимъ люди тратятъ свое имущество и потомъ дѣлаются бѣдняками. Если же кто не послушается, тотъ будетъ оштрафованъ двумя талерами и наказанъ тюрьмою. Достаточно по нашему сербскому обычаю праздновать одно крестное имя въ *воспоминаніе крещенія прадѣдовъ*».

Впослѣдствіи, при нынѣшнемъ уже князѣ, состоялось запрещеніе гостямъ собираться и наканунѣ праздника; а всѣ должны въ одинъ день прійти и уйти. Это окончательно сократило празднованіе, такъ какъ ближніе большею частью славятъ въ одно и то же время, а для отдаленныхъ невозможно за одинъ день прійти и вернуться назадъ. Этимъ распоряженіемъ уничтожилась и одна существенная черта обычая: отправленіе на другой день хозяина съ самыми почетными гостями въ церковь.

Однимъ словомъ, обычай этотъ нѣсколько сокращается и упрощается, частью, какъ мы сказали, уступая духу времени, ведущему народъ къ упраздненію излишней обрядности; частью же вслѣдствіе болѣе осложненныхъ требованій жизни, сопряженныхъ съ большими издержками, и экономическихъ воззрѣній правительства.

Въ королевствѣ Сербскомъ излишества въ празднованіи устранились сами собою безъ всякаго вмѣшательства власти,

часто вслѣдствіе экономическихъ соображеній. Что же касается культурныхъ слоевъ тамъ же, то въ нихъ часто встрѣчаются отказы отъ торжественнаго празднованія крестнаго имени и связанныхъ съ тѣмъ посѣщеній, о чемъ и предупреждаются всѣ путемъ печати.

Въ Черногоріи-же подобнаго рода отказъ немыслимъ. Въ какомъ бы положеніи ни былъ домъ, хотя бы онъ былъ въ печали, и въ домѣ находился тяжело больной, даже умирающій, хотя-бы и глава семейства, крестное имя должно быть прославлено, и домъ не можетъ остаться безъ гостей, не накормить и не напоить ихъ, чѣмъ Богъ послалъ. При этомъ мнѣ приходитъ на память слѣдующій случай.

Въ 1883 г. княжескій домъ постигло большое несчастіе: умерла княжна Марія, любимая дочь княгини, находившаяся въ Петербургѣ въ Смольномъ институтѣ; а Юрьевъ день (23 апр.), который славитъ князь съ цѣлымъ своимъ племенемъ, былъ днемъ смерти княжны, и въ тотъ самый день съ утра стали приходить телеграммы о безнадежномъ состояніи больной. Не смотря на это, князь не отмѣнилъ празднованія и собралъ гостей во дворцѣ по обычаю: однихъ, представителей иностранныхъ державъ и высшихъ чиновниковъ, угощалъ самъ въ верхнемъ салонѣ; а внизу также собрано было, я думаю, болѣе 200 чел. воеводъ, бригадировъ и др. военныхъ и гражданскихъ чиновъ и представителей гражданства, которыхъ угощалъ наслѣдникъ. Получая безпрестанно самыя отчаянныя телеграммы, наслѣдникъ, чтобъ только не смущать насъ, своихъ гостей, сообщалъ намъ, будто положеніе больной улучшается. И такъ праздникъ прошолъ своимъ обычнымъ порядкомъ, а въ то самое время несчастная переселилась въ вѣчность. Это вполнѣ согласно съ тѣмъ характеромъ празднованія крестнаго имени въ смыслѣ не веселья какого-либо, а служенія своему святому, имѣющаго для серба такое же значеніе, какъ и служба въ церкви. Трауръ и всякое несчастіе, постигающее человѣка, не только не освобождаютъ его отъ долга прославить своего святого, а еще болѣе къ тому обязываютъ. Такимъ

чувствомъ къ этому празднику проникнутъ черногорецъ и потому въ этотъ день онъ безропотно покорился бы всему, чтобы только не оскорбить своего святого, и далъ бы все собравшимся во имя его гостямъ, хотя-бы послѣ того самому пришлось итти просить милостыню. Поэтому въ Черногоріи никакое сокращеніе въ праздновоніи не могло произойти иначе, какъ при посредствѣ правительства, которому черногорецъ повинуется безропотно.

Перейдемъ, наконецъ, къ самому празднованію. Главные моменты въ немъ составляютъ слѣдующіе акты: 1) ношеніе въ церковь на литургію свѣчей, просфоры и вина (пуне) и поминовеніе при томъ усопшихъ; 2) освященіе крестнаго хлѣба (крсни колач) въ домѣ, и затѣмъ 3) трапеза, которую также по настоящему долженъ благословить священникъ и во время которой должны быть произнесены извѣстныя здравицы, и между ними главныя во славу Божію и во славу празднуемаго святого*). Свѣчи, хотя бы одна, передаются въ церковь, чтобы во время литургіи горѣли передъ иконой того святого, если таковая имѣется, во славу его, а также и за души усопшихъ. А потомъ одна свѣча должна въ этотъ день горѣть и въ домѣ, воткнутая въ колачъ на трапезѣ или прилѣпленная къ стѣнкѣ въ переднемъ углу. Главнымъ образомъ эта свѣча зажигается «пред душом усопшиjех», и потому по правилу, соблюдаемому въ герцеговинскихъ краяхъ, а также въ сосѣднемъ съ Черногоріей Приморьѣ, свѣча не зажигается въ домѣ въ день св. Архангела, такъ какъ онъ не умиралъ, ни въ день св. Ильи пророка, живымъ вознесшагося на небо; собственно же въ Черногоріи это не соблюдается. Для поминовенія усопшихъ въ церковь передается и домашнее поминанье (читула), если имѣется, или же просто священникъ самъ поминаетъ, кого знаетъ, вообще всѣхъ усопшихъ того дома.

Наканунѣ праздника собирались только самые близкіе дому люди, особенно *одивы* (выданныя замужъ изъ того дома), иногда

*) Въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Старой Сербіи (по Ястребову) въ церковь носятъ еще и кутью (коливо), ладанъ и деревянное масло; а просфора кладется сверху на колачъ.

съ дѣтьми, деверь или вообще кто-либо изъ ихъ семьи, но отнюдь не зять; а также кто-либо изъ самыхъ близкихъ пріятелей. Собравшись къ вечеру, они ужинали, и эта трапеза проходила безъ всякихъ обрядностей, была чисто семейная. А на другой день, вставши рано и распорядившись относительно обѣда и цѣлаго дня, хозяинъ, облачившись въ самое лучшее одѣяніе, шелъ въ церковь и съ нимъ также празднично разодѣтые его гости: онъ несъ свѣчу, а другіе за нимъ кто просфору, кто *пуне* (вино); и чѣмъ больше его свита, тѣмъ больше чести дому; а также большая честь и тому гостю, который несъ что-либо за хозяиномъ. Просфора и вино въ Черногоріи возвращаются домой; а въ герцоговинскихъ краяхъ остается въ пользу священника, которому дается еще кое-что сверхъ того деньгами или домашними произведеніями: руно шерсти, сыръ, масло или что-нибудь изъ женской работы.

Съ отмѣною этого обычая теперь идетъ въ церковь одинъ хозяинъ, а чаще кто-нибудь изъ младшихъ членовъ семьи. Иногда одно лицо исполняетъ это за нѣсколько домовъ, особенно если церковь далеко. Случается, что идутъ на перекрестокъ за часъ пути, по которому должны проходить другіе съ тѣми же предметами, и поручаютъ кому-либо изъ идущихъ уже въ церковь, и тѣ исполняютъ такое порученіе съ охотой, считая то себѣ даже за честь. Освященіе просфоры и вина въ церкви происходитъ до обѣдни и послѣ, какъ кто поспѣетъ.

По окончаніи службы въ церкви священникъ отправляется по домамъ *прекадьивати*, т. е. совершать обрядъ благословенія хлѣба и трапезы въ сопровожденіи кажденія ладаномъ. Этотъ обрядъ, если можно, совершается въ тотъ же самый день и до полдня, причемъ никто прежде того не сядетъ и за трапезу; но это въ большей части случаевъ бываетъ невозможно, и потому *прикадьиванье* идетъ цѣлый тотъ день, а иногда на другой и на третій. На Цетиньѣ взяли обычай совершать это и съ вечера; но во внутренней Черногоріи этотъ обычай не нравится, и всякій охотнѣе готовъ принять священника три дня послѣ, чѣмъ наканунѣ; такъ какъ тому должно предшествовать освященіе *пуня* на литургіи.

Обрядъ этотъ въ общемъ требникѣ не находится; поэтому священники совершали да и теперь еще совершаютъ его по своему разумѣнію и по преданію, подбирая къ тому сообразныя молитвы и священнодѣйствія. Старые священники имѣли для того свои писанныя книжечки и, судя по сходству ихъ между собою, должно полагать, что всѣ онѣ возникли изъ одного какого-то источника. Разница заключается только въ томъ, что въ однихъ поминаются одни святые, въ другихъ другіе, болѣе извѣстные и чтимые въ той или другой мѣстности, и еще въ тѣхъ или другихъ обрядностяхъ около самаго *колача*.

Въ послѣднее время составленъ особый для того «чинъ» сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ. Затѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, на основаніи этой, сочиненной имъ службы внесенъ «чинъ благословенія и рѣзанія колача» въ книгу іерея Василія Николаевича, пароха ириэжскаго (въ Среме): «Дополнительный требникъ» (Нови Сад., 1887. 8°, 460), гдѣ онъ занимаетъ стр. 209—210.

Въ сущности и въ главномъ того же самаго *чина* держатся и черногорскіе священники.

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность этого обряда:

«Священникъ, надѣвъ на себя епитрахиль, начинаетъ обычно: Благословенъ Богъ нашъ; Трисвятое; послѣ Отче нашъ, тропарь святого; слава и нынѣ; кондакъ. Іерей, покадивъ предложенный хлѣбъ и предстоящихъ и взявши колачъ, благословляетъ его трижды крестообразно, говоря: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, благослови хлѣбъ и вино сіе Духомъ Твоимъ Святымъ, всегда нынѣ» и т. д. Потомъ продолжаетъ: «Во славу и честь святого (имя рекъ), приносимъ ти сія, Господи Боже, его же молитвами пріими всещедро жертву сію въ пренебесный твой жертвенникъ». Послѣ этого рѣжетъ колачъ, поя: Святіи мученицы; Слава тебѣ, Христе Боже, и Исаія ликуй.—Окончивъ это, онъ преломляетъ хлѣбъ съ домохозяиномъ, потомъ составляетъ обѣ половины такъ, какъ бы былъ цѣлый хлѣбъ, поливаетъ виномъ и цѣлуетъ его трижды и домохозяина въ уста, а тотъ іерея въ руку, со словами священникъ: «Христосъ посредѣ насъ»; а тотъ отвѣчаетъ: «есть и

будетъ»—трижды. Послѣ того слѣдуютъ еще нѣкоторыя молитвы, стихиры, эктеніи, между которыми послѣдняя: «Еще молимся о домѣ семъ и живущихъ въ немъ (имена всѣхъ), о милости, жизни, мирѣ, здравіи и спасеніи ихъ.—Потомъ возгласъ: «Яко милостивъ» и отпустъ.

Почти вполнѣ такъ совершается этотъ обрядъ на Цетиньѣ и въ другихъ городахъ, а также въ Васоевичахъ. При этомъ, когда поется: «Святіи мученицы» и «Исаія ликуй», священникъ съ хозяиномъ берутъ обѣими руками колачъ и оборачиваютъ его по солнцу. Но во внутренней Черногоріи, какъ въ старой такъ и въ новоприсоединенныхъ герцеговинскихъ краяхъ, этого послѣдняго нѣтъ и не поются тѣ пѣсни. Нѣтъ и преломленія колача; а священникъ только вырѣзываетъ часть изъ средины и поливаетъ изъ стоящаго тутъ же графина или кувшина (боцун или бардак) виномъ и части эти даетъ хозяину и остальнымъ домочадцамъ; или же надрѣзываетъ его накрестъ и, заливши виномъ, вынимаетъ части, а потомъ разламываетъ его вмѣстѣ съ хозяиномъ на-двое. При томъ хозяинъ свою половину передаетъ въ семью доматьницѣ; а священникова остается на столѣ и въ нее вставляется свѣча.

У иныхъ нѣтъ особаго *крснаго колача*, а *проскура*, изъ которой домохозяинъ выщипываетъ частицы, обмакиваетъ въ вино, съѣдаетъ самъ и даетъ другимъ. Такимъ-же кусочкомъ, обмакнутымъ въ вино, онъ гаситъ свѣчу и потомъ съѣдаетъ его. *) Непремѣнное условіе, чтобы колачъ былъ пшеничный и изъ квашенаго тѣста; а такъ какъ въ старое время иные бѣдняки не имѣли другого хлѣба, кромѣ кукурузнаго, то священникъ на этотъ

---

*) На Граховѣ, кромѣ свѣчи на столѣ, прилѣпляютъ къ стѣнкѣ свѣчу, а къ ней накрестъ прилѣпляютъ другую; загнувши ея концы вверхъ, такъ что образуется фигура въ родѣ трикирія. При этомъ наблюдаютъ: если скорѣе сгораетъ средній конецъ, то значитъ, что плохо стоитъ домъ; если лѣвый, то непріятель дома не можетъ ему ничего повредить; если же правый, то это относится къ скоту и другимъ предметамъ хозяйства.

Бываетъ, что на столѣ лежитъ даже не проскура, а простой хлѣбъ, и священникъ его не разрѣзываетъ и не поливаетъ, а поплещетъ виномъ на огонь (въ огнищѣ) накрестъ изъ сосуда.

случай носилъ съ собою немного пшеницы, надъ которою и совершалъ освященіе. Но не было ли это знакомъ того, что прежде и здѣсь, какъ въ Старой Сербіи, при томъ было и *коливо* (кутья)? Въ Бокѣ коливо бываетъ только въ Новской околинѣ.

Теперь слѣдуетъ трапеза со здравицами. Если нѣтъ священника, то кого-либо изъ гостей хозяинъ сажаетъ въ челѣ трапезы, и на немъ лежитъ обязанность провозглашать здравицы или, если не всѣ, то главную изъ нихъ «во славу Божію». Во внутренней Черногоріи эта здравица произносится первою и прежде чѣмъ прикоснутся къ ѣдѣ; а на Цетиньѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ она произносится только тогда, когда на столъ поставятъ жаркое (печенье), а передъ тѣмъ два или болѣе кушанья поѣдаются безъ здравицъ.

Въ другихъ краяхъ, какъ Приморье, и это время не проходитъ праздно, а произносятся обязательныя двѣ здравицы: *у добри час од обѣда и у бољи час од обѣда*. Случалось мнѣ видѣть тоже самое на нѣкоторыхъ обѣдахъ и въ Черногоріи; но это дѣлалось какъ бы въ подраженіе тѣмъ другимъ краямъ. При томъ въ Черногоріи рѣдко можно найти хорошаго говоруна; да и не любитъ черногорецъ въ этихъ случаяхъ многоглаголанія, какъ бы стыдясь того и боясь отнять у праздника его серьезность и считая излишество въ обрядности, какъ и въ говореніи, *лакрдіей* (болтовня, пустяки). Онъ развязывается, становится веселѣе и говорливѣе только послѣ, когда пройдетъ главный, такъ сказать, торжественный моментъ трапезы, и пойдутъ здравицы чисто мірского характера: за домохозяина и другихъ членовъ семьи, за пріятелей и т. п. Въ послѣднее время черногорскій народъ все больше и больше охватываетъ оффиціозность и потому въ первой мірской здравицѣ провозглашается: за здоровье князя, княгини, наслѣдника и всего свѣтлаго дома съ непремѣнными пожеланіями распространенія границъ Черногоріи до Мостара, Призрена и т. п. Въ здравицѣ во славу Божію, иногда заключается и имя святого, котораго празднуетъ тотъ домъ; а иногда для святого особая здравица,

при чемъ высказывается пожеланіе, чтобы онъ былъ всегда въ помощь хозяину, который ему служитъ.

Когда говорятъ: «во славу Божію», то зажигаютъ свѣчу (если не была зажжена прежде), воткнутую въ колачъ, а потомъ колачъ съ нею снимаютъ съ этого стола, гдѣ обѣдаютъ, и ставятъ гдѣ нибудь на другое мѣсто.

Сидящаго въ челѣ трапезы и произносящаго здравицы называютъ *долибаша*. Противоположный конецъ называется *зачелье*, для котораго также выбирается человѣкъ, знающій порядки и умѣющій отвѣтить на здравицы долибаши. Въ ряду здравицъ, когда переберутъ всѣхъ, кто нибудь провозглашаетъ: «Здраво чело и зачелье и оба ребара», т. е. обѣ стороны стола. Но все это, конечно, возможно въ болѣе зажиточныхъ домахъ, гдѣ есть достаточно помѣщенья и столовъ; а въ большей части сельскихъ домовъ нѣтъ другого помѣщенія, какъ возлѣ огнища, столъ представляетъ круглая *софра* на низенькихъ ножкахъ, и гости сидятъ или просто на полу, подостлавши струку или что-нибудь изъ рухляди, или на низенькой скамеечкѣ, а большинство на какомъ-нибудь чурбашкѣ или камнѣ. Впрочемъ многіе въ этомъ случаѣ устраиваютъ временный столъ изъ досокъ, хотя бы и невысокій. Здравицъ такъ много уже напечатано у Вука Караджича, В. Врчевича и др., что мы не можемъ къ тому ничего добавить. Въ видѣ образчика сообщимъ только одну, которая оригинальна тѣмъ, что пересыпана остротами.

«Помози Боже! у славу данашњег дана, а за здравје нашег Господара! здрав и ти, брате домаћине! који си ми чашу подарио, ти се с твојом муком нахвалио; да ти се овден у твој дом сабирају калуђери и попови, моћни и немоћни, вољни и невољни, кнези, витези, све на част и на глас. Рало ти дубоко, слеме ти високо, а под слеме свако сјеме, понајвише мушке главе, да се ш њима дичиш и китиш, као свети Сава ледом и снијегом, као свети Ђорђија листом и травом, као свети Спас сиром и млијеком, као света Петка вином и руметином, као небо висином, као зец брзином као море дубином, као лисица мудрином, као вук јакотом, као

Скадар халинама и пипери димијама, као Подгородица трговином, као Спуж халовином, ка' Подвисци перчинама, ка' брђани симсијама, ка' ћеклићи барјацима, ка' приморци маштрацима. Ко ти бијо брат, он ти бијо здрав; ко ти бијо злотвор, наврнуо ти га бог, да ти је добротвор; одијо низ Сенске лугове, да скужаје бабове дугове; не скужао бабове дугове, нит' се отуд се вратио, но се јаду насмија, што је јадан бестија; на глави му плочица, а под ногама драчица; да га плоча цука, а драча боцка. Здрави, браћо и пријатељи!»

(Сообщ. Стефанъ Јовичевичъ изъ Цеклина).

Особыхъ кушаній на этотъ день нѣтъ; только если онъ приходится въ постъ или постный день, то ни зачто не станутъ ѣсть скоромнаго, хотя бы въ другіе дни не постились. За столомъ всѣ держатся очень серьезно и благоговѣйно; нѣтъ даже большого и громкаго разговора, а все сосредоточено около праздника и соотвѣтствующихъ ему здравицъ и пожеланій дому. Только когда насытятся гости (наблагују се), выйдутъ изъ-за стола и сядутъ около огня или, если теплое время, передъ домомъ; тогда, закуривши трубки, поведутъ разговоръ обо всемъ и не относящемся къ празднику. А за столъ тогда садятся домашніе. Иногда всѣ собираются на какое-нибудь гумно и тамъ затѣвается пѣнье и пляска. А въ домѣ между тѣмъ готовится *ужина*, которая бываетъ часа въ 4 пополудни. Если славятъ все село или много домовъ, то послѣ обѣда домохозяинъ или кто другой изъ дома отправляется къ сосѣду попросить у него нѣсколькихъ изъ его гостей на ужину: тотъ конечно уступаетъ, и пригласившій весело ведетъ къ себѣ новыхъ гостей. Въ этомъ случаѣ честь обоюдная: веселъ пригласившій, за честь себѣ считаютъ приглашенные; а и уступившій гостей гордится ими, такъ какъ это показываетъ ихъ важность.

За ужиной, которая отвѣчаетъ нашему полднику, ѣды меньше и она проходитъ безъ всякихъ здравицъ и другихъ церемоній. Послѣ этого болѣе отдаленные отправляются домой и салютуютъ хозяевамъ выстрѣлами, а хозяева вмѣстѣ съ оставшимися гостями отвѣчаютъ имъ тѣмъ же.

На ужинъ (вечера) остаются только ближніе; но прежде полночи всѣ непремѣнно должны разойтись; иначе будутъ оштрафованы на 2 флорина хозяинъ и каждый гость. Прежде же праздновали три дня и третій день назывался на *уставке* (собств. *оставке*, т. е. поѣдали то, что осталось). Вотъ какъ говоритъ объ этомъ В. Караджичъ: «Празднуютъ такимъ образомъ три дня (только не встаютъ больше *во славу*); второй день назыв. *пojyтopje*, а третій— *уставицu*».

Въ Герцеговинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гости оставались, пока въ домѣ было питье, а когда хозяинъ поставитъ на столъ послѣднее, онъ вынесетъ имъ и опорожненные мѣха, въ которыхъ доставлены были вино и ракія. Увидѣвъ это, гости попьютъ то, что поставлено на столъ, и, взявъ свое оружіе, отправляются домой (Жив. и обыч., стр. 70—71).

Тоже самое было и въ Черногоріи. Былъ также обычай носить *торбицы*. Это состояло въ томъ, что гостямъ—конечно, не всѣмъ, а болѣе близкимъ по родству, или болѣе почитаемымъ—клали въ ихъ торбицы (сумки) на дорогу особенные испеченные для того *колачи*, куски мяса, а иногда давали вина и ракіи. Собственно это не поѣдалось дорогой, а приносилось гостями домой и называлось *колач* (подарокъ) или *част*, и этимъ со стороны хозяевъ оказывалась особенная честь и благодарность гостямъ за то, что потрудились прійти на славу. Эти-то торбицы и запрещаются Законникомъ кн. Даніила.

Относительно гостей есть два обычая. Въ городахъ обыкновенно зовутъ однихъ на обѣдъ, другихъ на ужинъ, хотя большею частью однихъ и тѣхъ-же; а по селамъ не зовутъ гостей, но тѣ сами знаютъ, что ихъ ждутъ. Это обычно родственники, кумовья, одивы (женщины, выданныя изъ того дома замужъ въ другой родъ) и кто-либо изъ ихъ семьи; но, какъ мы уже говорили, отнюдь не зять, который можетъ только ненадолго завернуть съ поздравленіемъ и выпить вина или ракіи. Затѣмъ другіе гости случайные (намјерни): когда кому-нибудь случайно привелось быть въ томъ селѣ, гдѣ слава, его непремѣнно пригласятъ на

обѣдъ и на все время. А сверхъ того приходятъ другіе посѣтители только поздравить, выпить и закусить. Кто былъ на обѣдѣ, остается и на *ужину*, послѣ которой уходитъ; а на ужинъ остаются только ближніе сосѣди. При входѣ въ домъ обыкновенно говорятъ: «На здравье ви слава» или «крсно име» или св. Јован, св. Ђорђе и т. д., а принимая рюмку съ ракіей, также сопровождаютъ её маленькою здравицей: «Здрав био, домаћине! Славу славио, слава те помагала, ове године овако, а друге, како сам стио!» и т. п.

Наконецъ, на славу идутъ бѣдняки, чтобы покормиться хорошо день или больше, а въ то же время понести что-нибудь съ собою домой. Если въ селѣ, празднующемъ славу, есть бѣднякъ, то болѣе зажиточные люди посылаютъ ему, что̀ нужно для праздника, а послѣ идутъ къ нёму съ поздравленіемъ.

Вдумываясь въ смыслъ и характеръ этого праздника, приходишь къ заключенію, что это не праздникъ мірского веселья, а исполненіе долга передъ святымъ, покровителемъ дома, съ сопутствующими ему добрыми дѣлами, гостепріимствомъ и милостыней. Что же касается обрядовой стороны, то существенное и непремѣнное составляетъ первый актъ, а во второмъ актѣ самое простое—благословеніе хлѣба; оборачиваніе же его, преломленіе и т. п. придумано священниками въ позднѣйшее время, чтобы придать этому акту больше торжественности; въ Черногоріи же этого прежде не бывало и стало вводиться въ позднѣйшее время священниками, побывавшими въ другихъ сербскихъ земляхъ, и ихъ послѣдователями, собственно говоря, въ ущербъ первобытной чистой и высокой въ своей простотѣ торжественности.

Надобно замѣтить, что въ другихъ сербскихъ земляхъ священство особенно заботится объ обрядности, чтобы тѣмъ больше дѣйствовать на умы своихъ прихожанъ, отчасти извлекая изъ того и свои матеріальныя выгоды.

Такъ, въ Старой Сербіи по освященіи колача и кутьи въ церкви священникъ въ заключеніе обращается къ славящему: «Шири, домаћине, десно крило!» т. е. запиши или обѣщай что-

либо въ пользу его (см. Ястреб. стр. 10). Въ Черногоріи же священникъ за то не получаетъ ничего, довольствуясь платою, которая вообще опредѣлена ему съ дома, или же ему даютъ просфору и кое-что изъ домашнихъ произведеній. Да и самъ онъ славитъ тотъ день вмѣстѣ со своими прихожанами.

Реалистъ въ цѣломъ своемъ міровоззрѣніи, черногорецъ во всемъ любитъ простоту и потому, глубоко преданный вѣрѣ отцовъ и своей церкви, онъ не любитъ большой обрядности, которая, переходя иногда въ театральность, оскорбляетъ его простое чувство, и тогда онъ не стѣснится сдѣлать священнику замѣчаніе. Такъ, обращеніе колача между священникомъ и домохозяиномъ не нравится простому черногорцу, напоминая тѣмъ обрядъ вѣнчанія. И это безъ сомнѣнія составляетъ добавленіе позднѣйшаго времени; при чемъ недостатокъ одного точно составленнаго «чина», канонизованнаго церковью, давалъ въ томъ полную свободу.

И въ Черногоріи однако былъ одинъ обрядъ, который теперь если не совсѣмъ оставленъ, то въ значительной степени сокращенъ и упрощенъ; это — обрядъ благословенія трапезы, въ который входитъ и извѣстная молитва во славу Божію, приводимая и Вукомъ Врчевичемъ, и парохомъ И. Берберовичемъ, и И. С. Ястребовымъ; послѣдній, впрочемъ, почему-то не называетъ ее молитвой, а ставитъ въ числѣ «благожеланій въ видѣ тостовъ» (стр. 14). Въ различныхъ мѣстностяхъ эта молитва разнится по упоминаемымъ въ ней святымъ; съ такою разницею она напечатана у всѣхъ троихъ упомянутыхъ описателей этого обряда.

Не станемъ приводить весь этотъ чинъ, такъ какъ онъ занялъ бы много мѣста, замѣтимъ только, что самое важное въ немъ состоитъ въ поминовеніи святыхъ въ такой формулѣ: «Во славу и похвалу честному животворящему кресту; — св. славн. пророку и предтечѣ крестителю Іоанну: — четыремъ евангелистамъ; — двѣнадцати апостоламъ; — 318 богоноснымъ отцамъ, иже въ Никеи собравшимся; — во славу великомуч. непобѣдимаго Георгія; — Ѳеодора Стратилата, Пантелеймона, Прокопія; — святыхъ женъ му-

чениць Ирины, Екатерины, Варвары; — Симеона мироточиваго, Саввы просвѣтителя сербскаго; черногорскихъ: Василія Острожскаго, Стефана Пиперскаго, Арсенія Печскаго (мощи въ монаст. Косіеревѣ) и Петра Цетинскаго; и русскихъ Петра, Алексѣя, Филиппа и Іоны».

Въ цѣлой молитвѣ упоминается больше, чѣмъ вдвое означенныхъ нами святыхъ, и всѣхъ ихъ черногорскій священникъ поминаетъ наизустъ безо всякой книжки или записи; а заключаетъ словами: «мир, здравје и спасеније нашем господину домаћину и пријатељима многа љета».

Такая же молитва читалась и за вечернею трапезой.

Само собою разумѣется, что весь этотъ обрядъ совершался только въ нѣкоторыхъ домахъ, и для того требовалась книжка, которую имѣли весьма не многіе; но молитва «во славу и похвалу» должна быть прочитана вездѣ, при чемъ, конечно, дѣлались нѣкоторые пропуски и измѣненія.

Все это показываетъ, что праздникъ «крестнаго имени» былъ праздникомъ религіознымъ и христіанскимъ, какимъ онъ по духу остается и до сихъ поръ.

Кромѣ этого главнаго семейнаго праздника, есть еще одинъ, который назыв. *послужбица* (въ другихъ мѣстахъ *преслава*) и который также обязательно *прислуживаютъ*. Прежде и это былъ большой праздникъ, сопровождавшійся обильною трапезой; а въ послѣднее время ограничиваются тѣмъ, что носятъ *пуне* и свѣчу въ церковь.

И. С. Ястребовъ *) говоритъ по поводу этого второго празднества: «По городамъ и селамъ есть много домовъ, которые, кромѣ *славы*, празднуютъ еще одинъ день въ году и зовутъ его *преслава*, т. е. тѣ, которые держатъ славу въ день Дьюрдьицы (3 ноября), празднуютъ и день св. Георгія 23 апр. (Юрьевъ день); тѣ, которые славятъ св. Николая (6 дек.), празднуютъ преславу св. Николая лѣтняго (9 мая); славящіе св. Петку (14 окт.) чест-

*) Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Спб. 1886.

вуютъ св. Петку 26 іюля; славящіе св. Архангела (8 ноября), празднуютъ его же 13 іюля» (стр. 22—23).

То, что Ястребовъ говоритъ относительно *многихъ* домовъ, въ Черногоріи составляетъ общее правило. Указанное имъ соотвѣтствіе между главнымъ праздникомъ и второстепеннымъ можно найти и въ Черногоріи. Такъ, въ Зетѣ Кликовцы славятъ Дьюрдьицу (3 ноября, обновленіе храма вмч. Георгія), а прислуживаютъ 23 апр.; въ Морачѣ Дуловичи служатъ архид. Стефана 27 дек., и его же 2 авг.; Горній-Загарачъ славятъ Іоанна Крестителя 23 сент., и его же 7 января. Найдутся конечно, и еще подобные примѣры; но въ большинствѣ случаевъ это бываетъ совершенно иначе. Такъ, чевляне (озриничи) слав. Мих. арханг. (8 нояб.), а прислуж. Ильинъ день (20 іюля); Малые Цуцы—Николь-день (6 дек.) и Рож. Богор. (8 сент.), Велик. Цуцы Іоанна Крест. (7 янв.) и день Никол. (9 мая); Дупило, Трново и Папратно (въ Цермницѣ) славятъ арх. Михаила, а прислуживаютъ первое Андрея Первозваннаго, второе Тройцынъ день и третье Богоявленье; Васоевичи тоже Мих. арханг. и Александра патр. царегр. (30 авг.), а иные еще св. Саву (14 янв.) и т. д. А затѣмъ относительно Дуловичей въ Морачѣ извѣстно, что они прежде славили 2 авг., но въ тотъ день однажды сильно пострадали отъ турокъ и потому, чтобы не помрачать день своей славы воспоминаніемъ о своемъ несчастіи, а въ тоже время, чтобы не оскорбить своего святого, перенесли на 27 дек.; точно также по какимъ-то причинамъ перемѣнили и загарчане. Въ нашу бытность въ Черногоріи произошли такія перемѣны. Байцы (село на Цетинской равнинѣ) славило до 1893 г. Рожд. Богор. (8 сент.); но главный тамошній родъ Мартиновичей въ старину въ Герцеговинѣ славилъ Іоанна Крест. (7 янв.), къ которому онъ и возвратился въ 1893 г.; точно также Васоевичи изстари славили Мих. Архангела, а послѣ приняли Александра Невскаго, вслѣдствіе одержанной въ этотъ день побѣды; въ недавнее же время они опять возвратились къ старой славѣ, а Алекс. патр. царегр. сталъ послужбицей.

Такихъ перемѣнъ мы знаемъ въ Черногоріи множество, что

ясно доказываетъ несостоятельность мнѣнія о сохраненіи тѣмъ или другимъ домомъ или родомъ «крестнаго имени» отъ самаго древняго времени. А также мы не находимъ въ Черногоріи безусловнаго подтвержденія указаннаго Ястребовымъ соотвѣтствія между главнымъ и второстепеннымъ праздникомъ. Но вниманіе наше останавливаетъ то обстоятельство, что и этотъ второстепенный праздникъ долженъ быть непремѣнно, также какъ и главный, что̀ указываетъ на ихъ одновременное установленіе и почти одинаковую важность, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ.

И еще одну поправку слѣдуетъ сдѣлать къ толкованію происхожденія этого праздника. По мнѣнію пароха I. Явора, съ которымъ въ общемъ соглашаемся и мы, произвольнаго выбора того или другого святого своимъ патрономъ не было, а зависѣло то отъ дня, въ который тотъ или другой родъ принялъ святое крещеніе; но этого нельзя принять безусловно, такъ какъ мы встрѣчаемъ значительное предпочтеніе однихъ святыхъ другимъ, чего не должно бы быть, еслибъ соображались съ календаремъ. Положимъ, что нѣкоторыя имена, какъ Іоанна и Николая, больше всего встрѣчаются въ святцахъ; но почему въ Черногоріи такое громадное предпочтеніе для празднованія дня арханг. Михаила (8 н.), вмч. Георгія (23 апр.), св. Параскевы (св. Петки, 14 окт.), еванг. Луки (18 окт.), Димитрія Солунскаго (26 окт.), прор. Ильи? И рядомъ съ этимъ чрезвычайно рѣдкое празднованіе Петра и Павла (только два рода Станковичи и Рашовичи въ Зетѣ), а Марка, имя котораго такъ распространено вообще у сербовъ, въ Черногоріи вовсе не славятъ нигдѣ, а только прислуживаетъ с. Слатина въ Бѣлопавличахъ, и въ Подгорицѣ прежде держали крестный ходъ. Св. Николая празднуютъ главнымъ образомъ 6 дек., а Іоанна Крестителя 7 января и меньше 23 сент. Такое предпочтеніе нѣкоторыхъ святыхъ и дней ясно указываетъ на свободный выборъ, который измѣняется по мѣстностямъ; напр. герцеговинскія племена больше держатся Юрьева дня (23 апр.) и Іоанна Крестителя (7 янв.), а въ Старой Сербіи арханг. Михаила (8 ноября).

Въ Черногоріи больше всего празднуютъ арханг. Михаила:

три цѣлыхъ племени озриничи, пиперы и васоевичи съ ихъ развѣтвленіями по другимъ нахіямъ и значительная часть Цермницы. За нимъ слѣдуетъ день св. Николая (6 дек.): племена Цеклинянъ, Кучи и Братоножичи и ихъ развѣтвленія въ Цуцахъ и на Граховѣ, самое большое братство въ Великой (Полимье), значительная часть въ Лѣшанской нахіи, два села въ Нѣгушахъ, большая часть Добрскаго села, многіе въ Зетѣ, Дробнякахъ, Банянахъ и Морачѣ.

Что касается перваго, то могло оказать вліяніе празднованіе этого дня Неманичами, которые во имя его строили храмы и основывали монастыри всюду по сербскимъ землямъ и даже въ Іерусалимѣ. Св. Николай также чтимъ всюду, и во имя его въ Зетѣ изстари существуетъ монастырь на Врапинѣ, который пользовался большою славою.

Рядомъ съ этимъ имѣемъ примѣры, что славятъ святыхъ, очень рѣдко встрѣчающихся и очень немногіе. Такъ, св. Агаѳона (22 авг.) славятъ нѣкоторые роды въ Добрскомъ селѣ и на Цеклинѣ; св. Ѳеклу (24 сент.) одно братство Михалевичей на Цеклинѣ; св. Трифона (1 февр.) Никиновичи въ с. Комарницѣ; св. Олимпа (10 нояб.) братство Милеты Стаматова въ Великой; Кирика и Улиты (15 іюля) Лутово въ Братоножичахъ; Сергія и Вакха (7 окт.) сс. Ясеново и Дюдьевина въ Нижней Морачѣ (прислужив. св. Агаѳона); св. Кирилла, слав. апост. (14 февр.) славятъ Яредичи въ Горней Морачѣ; Лазареву субботу—Бѣличи въ Дробнякахъ.

Бывало и такъ, что славнѣйшіе ро́ды въ племени принимали славу сильнѣйшаго. Въ Дробнякахъ напр. Церовичи, славившіе изстари Юрьевъ д. (23 апр.) и населившіеся тамъ сначала только въ числѣ 7 семействъ, впослѣдствіи усилились такъ, что старожилы между ними совершенно затерялись, а отъ новыхъ поселенцевъ требовали принятія ихъ *славы*, что тѣ и должны были исполнять. Иные въ томъ случаѣ главнаго своего святого славили въ послужбицѣ, что̀ и даетъ особенное значенье и этому второстепенному празднеству.

Нѣкоторое соотвѣтствіе встрѣчается между этимъ праздни-

комъ и церковью въ томъ краѣ. Такъ Байцы, Косіеры, часть Озриничей приняли славу на день Рожд. Богор. (8 сен.), вслѣдствіе того, что на Цетиньѣ находится монастырь съ церковью, посвященною тому дню. Въ Морачѣ общая слава въ день Успенія Богор. (14 авг.) въ честь монастыря того же имени. Хотя обычно чествованіе этихъ храмовыхъ дней сопровождается *скупштиной* (народнымъ собраніемъ) около церкви или монастыря, но скупштина эта не всегда совпадаетъ съ именемъ святого, которому посвящена церковь или монастырь. Такъ въ монастырѣ Василія Острожскаго скупштина бываетъ на Троицу; въ Беряхъ на день св. Николая (9 мая), хотя церковь посвящена великомуч. Георгію.

Мы уже упоминали, что на Цеклинѣ, который почти весь славитъ св. Николая (6 дек.), одно братство славитъ св. Ѳеклу. Тамъ-же находится и самая старая церковка, посвященная этой святой, и передъ нею когда-то бывали великія скупштины и происходилъ базаръ; а теперь въ ней служатъ только разъ въ годъ (24 сент.). По ней-же усвоило свое имя и цѣлое племя Цеклинъ; а также и другое племя Цекличи, которые ведутъ свое происхожденіе изъ Бѣлопавличей, гдѣ также была самая старая церковь св. Ѳеклы. Въ Спичѣ (Spizza) близъ Бара три главныя братства— Папани, Дьюрмани и Мишичи считаютъ свое происхожденіе также изъ Бѣлопавличей и у нихъ самая старая церковь св. Ѳеклы.

При этомъ невольно является вопросъ: откуда происходитъ распространенность имени этой первомученицы въ здѣшнихъ краяхъ? Не помогло ли этому то обстоятельство, что часть ея мощей (правая рука) принесена была изъ Антіохіи первымъ сербскимъ архіепископомъ Саввою вь 1233 г. въ Печь, откуда потомъ патріархомъ Арсеніемъ IV Іоанновичемъ въ 1730 г., послана была соборной церкви въ Сараево, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, находится и теперь? (см. Житіе св. Ѳеклы. М. 1873). И не служитъ ли это указаніемъ того, что часть поселенцевъ Бѣлопавлицкой долины пришла именно изъ краевъ близъ Печи, гдѣ въ то время были въ большомъ почитаніи мощи св. Ѳеклы? *).

---

*) *Du Cange* въ своей «Historia Byzantina» упоминаетъ церковь св. Ѳеклы

Такимъ образомъ эти въ сущности не важные факты изъ обрядовой жизни народа могутъ навести на нѣкоторыя историческія соображенія.

Въ дополненіе замѣтимъ, что о празднованіи крестнаго имени до сихъ поръ живетъ воспоминаніе и у мусульманъ. Такъ, многіе изъ Мркоевичей (Барскаго округа) наблюдаютъ, когда бываетъ Ильинъ день, и посылаютъ тогда свѣчу въ церковь того-же имени; а въ селѣ Сербскомъ близъ Подгорицы одинъ магометанскій домъ каждогодно празднуетъ Троицынъ день.

Въ Мркоевичахъ же есть одинъ крестъ, который они, бывши уже магометанами, отняли у магометанъ же изъ Краины, гдѣ когда-то была митрополія Зетская. Они считаютъ его своею собственностію, но передали его на храненіе одному христіанскому дому въ с. Микуличахъ, принадлежащемъ ихъ-же племени. Въ Троицынъ день каждый годъ бываетъ крестный ходъ на Румію, высочайшую гору въ томъ краю, и въ томъ крестномъ ходѣ всегда участвуютъ мѣстные магометане.

Не останавливаясь много, мы упомянули мимоходомъ объ одномъ мнѣніи относительно происхожденія праздника крестнаго имени, по которому въ немъ усматриваютъ замѣну домашняго патрона языческаго христіанскимъ.

Правда, есть примѣры, что имена языческихъ боговъ замѣнялись именами христіанскихъ святыхъ, какъ: Волоса, *скотіяго бога*, замѣнили св. Власіемъ; Морану, представлявшую собою образъ зимы, на Ивана-Купала дѣти топятъ въ рѣкѣ подъ именемъ «дѣвки Маринки»; аттрибутъ Перуна, громъ и молнія, перешли къ Ильѣ-Громовнику и т. п. Но мы не знаемъ, чтобы у славянъ религіозный культъ былъ такъ развитъ, какъ у грековъ и римлянъ, и чтобы каждый домъ имѣлъ своихъ пенатовъ и ларовъ; и потому полагаемъ, что христіанскій патронъ у сербовъ не замѣнилъ языческаго, а данъ имъ самимъ христіанствомъ. Это тотъ *ангелъ-хра-*

во Влахернѣ (въ Константинополѣ), построенную императоромъ Исаакомъ Комненомъ, и другую тоже въ Константинополѣ; а также въ Селевкіи и «ad portum Juliani», построена Юстиніаномъ (Lib. III, стр. 150). И въ Бокѣ есть маленькая ц. св. Ѳекле на Крушевицѣ.

нитель, котораго имѣетъ каждый христіанинъ отдѣльно въ лицѣ святого, имя котораго носитъ. Если въ другихъ религіозныхъ обрядахъ сербовъ можно замѣчать остатки язычества, напр., *налагать на Рождество баднякъ*, что совершается безъ всякаго отношенія къ церкви или священнику, то во всемъ обрядѣ празднованія крестнаго имени мы не можемъ замѣтить ни одной черты, которая бы напоминала язычество; благословеніемъ церкви и ея служителя оно начинается, имъ и завершается.

Какъ по обряду, такъ и по духу этотъ праздникъ чисто христіанскій; главное дѣйствующее въ немъ лицо священникъ, безъ котораго онъ по настоящему и не можетъ быть; затѣмъ на немъ прославляется имя Бога и его святыхъ; трапеза идетъ въ духѣ самаго глубокаго христіанскаго благоговѣнія и сопровождается добрыми дѣлами, заповѣданными Христомъ: накормить нищаго и облегчить судьбу *невольнаго* (лишеннаго свободы или чѣмъ-нибудь удрученнаго). Праздникъ этотъ у сербовъ очень старый и по всѣмъ даннымъ безъ него они себя и не знаютъ. Если онъ чисто христіанскій, почему же его нѣтъ у другихъ православныхъ славянъ? Нѣтъ даже и слѣдовъ его; хотя есть указанія, что онъ былъ у болгаръ и подъ какимъ-то вліяніемъ исчезъ послѣ, а кое-гдѣ сохранился и понынѣ. И у насъ въ Россіи не есть ли намекъ на то покровительство св. Софіи въ Новгородѣ и такихъ же святыхъ въ другихъ городахъ?

Но въ Россіи, съ того времени какъ возобладалъ общинный бытъ, праздникъ отдѣльнаго рода или племени потерялъ смыслъ, какъ расплылся въ общинѣ и самый родъ или племя. У сербовъ же родовой или племенной бытъ сохранился до нашего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ эту свою святыню, завѣщанную ему предками изъ самой отдаленной старины, отъ первыхъ дней вступленія въ христіанство.

И не найдется ли чего-нибудь подобнаго вообще въ жизни христіанства, особенно въ VII в., когда сербы большими массами заняли Балканскій полуостровъ и стали переходить въ христіанство? Не древнѣе ли это нашего и современнаго греческаго обы-

чая праздновать именины, т. е. святого каждой отдѣльной личности? Что касается нашего простого народа, то мы помнимъ, что онъ именинъ не справлялъ; а въ приходскій праздникъ по возможности открывалъ свой домъ для гостей и заѣзжихъ людей, считая этотъ праздникъ и праздникомъ своего дома.

Вопросъ этотъ пусть рѣшаетъ гіератика, занимающаяся изслѣдованіемъ религіознаго обряда; мы же представили описаніе черногорской *славы*, имѣя въ виду ея этнографическую сторону. Въ этомъ праздникѣ выразилась глубокая религіозность народа, чуждая показности, но вполнѣ искренняя; а сопровождающій и выражающій ее обрядъ во всей своей простотѣ не лишенъ нѣкоторой торжественности и величія, особенно отправленіе въ церковь, благословеніе трапезы и исполненныя глубокой вѣры здравицы во славу Божію. Прирожденное народу гостепріимство здѣсь достигаетъ своей апоѳеозы въ томъ, что домохозяинъ, будь то совершенно простой человѣкъ или царь, со всѣми своими домашними служатъ своимъ гостямъ, не смѣя передъ ними сѣсть, ни участвовать въ трапезѣ, пока гости не насытятся. И въ этомъ случаѣ народный обычай совершенно совпадаетъ съ ученіемъ Христа, призывавшаго всѣхъ служить другъ другу.

Въ заключенье перечислимъ, какихъ святыхъ въ какомъ племени, братствѣ или селѣ славятъ въ Черногоріи, отъ наиболѣе до наименѣе расространенныхъ.

Арх. Михаила (8 ноября): Озриничи съ ихъ развѣтвленіемъ въ Банянахъ, Рудинахъ, Команахъ, Лѣшанской нахіи и Морачѣ; Васоевичи; Пиперы: въ Цермницѣ Душило, Триово, Папрагно, Глухи-до, Буковикъ, нѣкоторые въ Сотоничахъ, Брчеляхъ и Лимлянахъ; братство Андріашевичей на Граховѣ и Маджаревичей въ Зетѣ.

Св. Николая (6 дек.): на Цеклинѣ, въ Кучахъ, одноплеменники въ Граховѣ и Цуцахъ; часть Братоножичей; въ с. Велика (Полимье) самое большое братство Рада Микича; сс. Крусы и Бери Лѣш. нахіи; с. Вуковцы и братство Уячичей и Бакичей въ Зетѣ; сс. Превишъ и Чуровичи въ Дробнякахъ; Дуги - до и Копито въ

Нѣгушахъ; большая часть Добрскаго села; Осредци въ Морачѣ и братство Копривицъ въ Банянахъ.—*9-го мая*: Доня - Подгорь (Вукмановичи, Дьюрдьевичи) въ Цермницѣ.

Св. Параскевы (14 окт.): Бѣлопавличи; Нижній - Загарачъ; Предишъ, Микуличи и Томичи въ Бѣлицахъ; одно братство въ Косіерахъ; с. Врба въ Нѣгушахъ; Вуячичи на Граховѣ.

Св. Георгія (23 апр.): Ераковичи, Раичевичи, Майсторы и Мирацъ въ Нѣгушахъ; почти всѣ Дробняки и большая часть Шаранцевъ; немного на Цеклинѣ; въ Донемъ краѣ Ивановичи, Иванишевичи и Шпадіеры; Хумцы; Ковачевичи на Граховѣ; с. Крушевица въ Цермницѣ (прислуживаютъ Кликовцы въ Зетѣ).

Іоанна Крестителя (7 янв.): Вельи-Цуцы, Градьяны, большинство Шекулара (въ Васоев.); Почеки и Поповичи (съ Ябуки) въ Донемъ-краѣ; Тьировичи и Хрнковичи въ Морачѣ; большинство въ Пивѣ; кое-кто изъ Байцъ и множество проживающихъ въ разныхъ мѣстахъ Черногоріи Герцеговинцевъ; половина Очиничей; Мирковичи, Перовичи, Миляничи и др. въ Баняпахъ.

— 23 сент. Бѣлоши близь Цетинья; Орахово (Барьямовичи), Болевичи и Лимляны въ Цермницѣ; большая часть Брзкута въ Братоножичахъ, значительная часть Пѣшивцевъ; Баошичи въ Морачѣ, Шишевичи въ Вирбазарѣ и немного въ Бѣлопавличахъ.

Рожд. Богородицы (8 сент.): Косіеры; Бандичи въ Команахъ; часть Очиничей; Байковичи въ Вельихъ-Цуцахъ (въ 1893 отступили Байцы); славитъ большое братство Самарджичей въ Кривошіяхъ въ Боккѣ, а часть ихъ въ Черногоріи.

Ильи Пророка (20 іюля): все племя Цекличей; Градацъ Лѣш. нахіи и Миловичи на Граховцѣ.

Димитрія Солунскаго (26 окт.): с. Угни близь Цетинья, Божовичи въ Пиперахъ, Куница въ Лѣш. нахіи; Подгорь - горняя (Страхиничи) въ Цермницѣ; Мараши въ Зетѣ; многіе живущіе въ Черногоріи изъ Дебръ и Македоніи.

Св. Луки (18 окт.): Жупа Никишицкая, Ровцы, Требѣшане въ Морачѣ, Штитари Лѣш. нах.; Папичи въ Банянахъ; Яничичи на Граховѣ.

Архид. Стефана (27 дек.) большое братсво Дуловичей въ Мораче и тамъ-же Пековичи и Екничи; Метили Леш. нах. (перенес. мощей 2 авг. прислужив. Кучи *).

Обновл. храма великомуч. Георгія (Дьюрдица, 3 ноября): с. Боково близь Цетинья; целая Дражевина Леш. нах.; Гребчане и Пешпканы въ Цуцахъ; Клиновцы въ Зете; Поповичи въ Реке (стариной изъ Жабляка).

Безсребр. Врачей (1 ноября): Вельи-Залазы въ Негушахъ; Поповичи въ Зете; Брезовичане въ Полимье (въ тур-гран.); с. Буронье Леш. нах.

Св. Саввы, архіеп. серб. (14 янв.): Дужи и Поштьенье въ Дробнякахъ; Буланчи въ Грахове; Кленчане, Томашевичи, Батьовичи и др. до 60 домовъ въ Банянахъ.

Апост. Петра и Павла (29 іюня): Станковичи и Рашовичи въ Зете.

Сергія и Вакха (7 окт.): Ясеново и Дюдьевина въ нижней Мораче (прислужив. св. Агаоона) и Смоковци въ Люботине.

Св. Василія В. (1 января): Міяцка въ Мораче.

Св. Троицы: Микуличи близь Бара; Шипачно и Орахъ близь Никшича; некоторые въ самомъ Никшиче мостарцы и невесинцы (прислуживаютъ Горніе-Брчели).

Св. Θеклы (24 сент.): Михалевичи на Цеклине.

Св. Агаоона (22 авг.): Яблани и Секлоти въ Добрскомъ-селе; расланчевичи, Рваши, Моштроколы-Рецкой нахіи.

Св. Трифона (1 февр.): Никитовичи въ с. Комарнице въ Дробнякахъ.

Св. Кирилла (14 февр.): Яредичи въ Горней-Мораче.

Св. Олимпа (10 н.): братство Милеты Стаматова въ с. Великой; въ Подгорице Лукачевичи и Пеяновичи; въ Мояновичахъ Дракичи.

Св. Алипія (26 н.): несколько проживающихъ въ Черногоріи изъ Косово-поля и Приштины.

Свв. Кирика и Улиты (31 іюля): Лутовцы въ Братоножичахъ.

---

*) Многіе въ Приморье: въ Паштровичахъ Зеновичи. Радовичи, Вуковичи и Павловичи; въ Гребле Питьяни и Калудьеровичи.

Лазареву Субботу: Беличи въ Дробнякахъ (и замѣчаютъ, что тогда мѣсяцъ свѣтитъ цѣлую ночь).

Вознесенье—прислуживаютъ Доньи-Брчели (Копитовичи, 18 домовъ).

Марковъ день тоже прислуж. и носятъ на него кресты въ с. Слатинѣ (въ Бѣлопавличахъ); а прежде тоже было и въ Подгорицѣ.

Св. Ѳомы (6 окт.): Горачани въ Пиперахъ, и часть Подгоранъ въ Цермницѣ.

По святому, котораго славятъ, называются: *аранђеловштак*, *иваньштак*, *ђурђевштак*, *никољштак* и т. д.

Найдутся, конечно, и еще пропущенныя нами «славы»; мы однако не могли и не имѣли задачей исчерпать эту статью во всей полнотѣ и до мельчайшихъ подробностей; но старались только собрать все, относящееся къ главнымъ народнымъ группамъ, а въ то-же время не пропустить и мелкихъ единицъ, если онѣ представляютъ примѣры, болѣе рѣдкіе и оригинальные.

6. Крестные ходы и завѣты.

Мы уже говорили о скупштинахъ, которыя бываютъ въ различные дни, особенно начиная съ весны и до осени, на различныхъ мѣстностяхъ: около монастыря, какой-либо церкви, а иногда и на планинахъ. Независимо отъ этого и молебствій по случаю бездождія или эпидемической болѣзни, есть обычай въ извѣстные дни совершать крестные ходы вокругъ города, села или какой либо мѣстности, иногда вокругъ цѣлаго своего *худута* (опредѣленной территоріи) какъ-бы по какому-нибудь завѣту или обѣщанью. И это совершается каждогодно, какъ годовое празднество, сопровождаемое молебствіемъ и послѣ угощеніемъ, на которое впрочемъ постороннихъ почти не бываетъ. Совершаетъ это цѣлое племя, братство или какая-либо община сельская или городская.

На Цетиньѣ этотъ обычай уничтожился, и при мнѣ такой крестный ходъ былъ только одинъ разъ, при чемъ, отправившись отъ Влашской церкви и обойдя все поле вокругъ Цетинья и до

границы с. Байцъ, возвратились къ той же церкви и тутъ сдѣлано было угощенье виномъ и ракіей со стороны дольнекрайцевъ, которые собственно и устраивали этотъ крестный ходъ.

Въ Подгорицѣ въ турецкое время носили кресты на Юрьевъ- и Марковъ-дни и обносили ихъ одинъ разъ вокругъ города, а другой — вокругъ Горицы. Теперь носятъ только на Юрьевъ-день вокругъ города, и послѣ всего происходитъ общее веселье за городомъ, гдѣ на то время устраиваются временныя корчмы въ палаткахъ. Тутъ цѣлый день происходитъ пѣнье и пляска.

Отправленіе этого обычая связано съ племенною жизнію: поэтому въ городахъ, гдѣ она не существуетъ, обычай этотъ совершенно исчезаетъ, какъ на Цетиньѣ, которое выросло посреди Дальняго-края, отчасти завладѣвши имъ и принадлежавшею исключительно ему церковью; или утрачиваетъ свой первобытный характеръ, обращаясь въ праздникъ съ обычнымъ весельемъ. И потому онъ главнымъ образомъ держится въ селахъ.

Въ Зетѣ носятъ кресты всѣ сообща 23 апрѣля и 9 мая. Выходятъ изъ разныхъ мѣстъ: изъ Сербской, Махалы и Голубовцевъ, а сходятся вмѣстѣ у Никольской церкви, близь Владней.

Изъ окрестностей Бара на Троицу бываетъ крестный ходъ на Румію, при чемъ носятъ крестъ, по преданію, сербскаго краля Владимира, убитаго болгарскимъ царемъ Владиславомъ; и въ этой процессіи принимаютъ участіе и турки, особенно всѣ Мркоевичи (см. Т. I, стр. 356—361).

Въ Васоевичахъ (собственно Пахія) носятъ кресты: на Троицу въ 1-й день Забрдье, во второй—Божичи, въ 3-й—Слатина; на Вознесенье (Спасов-дан): Конюхи, Дьюличи и часть Полимья; на мали-спасовдан (8-й день по Вознесеньи): Присое, Пеовацъ и Салевичи; на Марковъ-день — Виницкая. Такъ какъ въ послѣднюю войну всѣ церкви въ Васоевичахъ были сожжены и разрушены турками, то божественная служба, предшествующая крестному ходу, совершалась на *црквинѣ* (мѣсто, гдѣ была церковь). При этомъ святили воду и соль. Послѣднюю берутъ планинки и цѣлое лѣто даютъ её понемногу скоту. Послѣ молеб-

ствія идутъ кругомъ села человѣкъ 20 со священникомъ во главѣ и поютъ «Господи, помилуй!», а изъ домовъ имъ выносятъ ракіи, вина, молока, сыру. При этомъ молодые парни продѣлываютъ проказы: отнимаютъ у женщинъ или крадутъ ведерка съ молокомъ, разбрасываютъ кукурузные початки, сложенные въ кошахъ, перевертываютъ посуду съ водой и т. п. Обойдя село, возвращаются на церквину, и тутъ происходитъ обѣдъ, а потомъ игры и веселье. Обѣдъ устраивается по братствамъ, при чемъ всякая семья приноситъ все, что̀ нужно; а постороннихъ, изъ другихъ селъ, которыхъ бываетъ человѣкъ до 200, какъ гостей, дѣлятъ между собою; и всякое братство старается захватить себѣ какъ можно больше гостей. Лучше всѣхъ, говорятъ, устраиваютъ это божичане.

Въ томъ же родѣ тамъ- же бываетъ скупштина и на Пасху; при чемъ, пришедшіе издалека располагаются на площади вокругъ церкви и тутъ спятъ, и имъ также идетъ угощенье отъ мѣстныхъ жителей.

Всѣ Нѣгуши сообща носятъ кресты на Ловченъ на Троицу; а кромѣ того каждое племя по отдѣльности. Такъ, Раичевичи по обѣщанью (завѣту) должны носить на *Павин-дан* (30 іюня); но иногда онъ приходится въ среду или въ пятницу; поэтому во избѣжаніе такого неудобства опредѣлили для того первое воскресенье послѣ Петрова-дни.

Чтобы дать болѣе опредѣленное представленіе объ этомъ чисто церковномъ обычаѣ, на который однако народъ налагаетъ свою особенную, народную печать, опишемъ его такъ, какъ онъ справляется въ самой дѣйствительности. Намъ приводилось участвовать въ этой процессіи много разъ и въ разныхъ мѣстахъ; но болѣе характерною показалась на Ловченѣ, происходившая 3 іюля 1883 г.

Переночевавши на Ловченѣ на катунѣ, у знакомаго мнѣ командира Ника Бетьира, на другой день часовъ въ 9 утра мы отправляемся въ церковь Преображенія въ разстояніи 20 минутъ. Расчитывая провести въ этой процессіи нѣсколько часовъ, мы

предварительно закусилъ но тѣмъ, что не возбуждало бы жажды, такъ какъ время было жаркое. Придя въ церковь, мы застали уже собравшійся народъ человѣкъ до 100; въ томъ числѣ было много дѣтей, но ни одной женщины. Половина народа была съ ружьями. Въ церкви отслуженъ былъ соотвѣтствующій случаю молебенъ, послѣ котораго стали собираться въ крестный ходъ: одинъ взялъ хоругвь, другой крестъ, привинчивающійся на длинное древко, третій требникъ и кадильницу съ необходимымъ количествомъ ладона. Иконъ не было, такъ какъ и самая церковь, затворенная больше, чѣмъ половину года вслѣдствіе неприступности отъ снѣга, снабжена весьма бѣдно всѣми священными принадлежностями. При отправленіи попъ Марко обращается ко всѣмъ съ напутствіемъ: «А вы не забывайте, по старому обычаю пойте и идите по два въ рядъ!» Такъ и устраиваются: впереди идутъ съ крестомъ и хоругвію, за ними десятокъ дѣтей побольше, потомъ священникъ, а за нимъ командиръ и остальные. Образовалась длинная вереница, и такъ идутъ по узкой тропинкѣ. «Крст се диже, Бог се моли, Господи помилуй!» начинаетъ Нико, проговоривъ первую половину скороговоркой, а послѣднее растягивая. Въ пѣсни народъ неискусенъ; поэтому сначала къ командиру Нику пристроился только офицеръ Васо и еще двое-трое, и пропѣли такимъ образомъ три раза. За ними повторили тоже самое въ заднихъ рядахъ, но поддерживаютъ слабо: пропоютъ два раза и замолкнутъ. «Вишь, не хватаетъ вамъ духу на три раза»—замѣчаетъ попъ Марко, а командиръ тянетъ свое и только покрикиваютъ: «Мольсе Богу, мольсе Богу!»

Поютъ черезъ силу; да и трудно, потому что подъемъ въ гору, а солнце съ 10 часовъ сильно уже припекаетъ.

Потѣемъ и задыхаемся, пока сдѣлали перевалъ въ долину, называемую Гладе и потомъ въ Дубоки-до. Идемъ по косогору изъ голаго камня прямо противъ солнца.

Въ концѣ этой долины на небольшомъ возвышеніи слѣды бывшей когда-то церкви (это былъ монастырь) надъ Пачараж-

доломъ. Тутъ останавливаются для литіи: послѣ обычнаго приступа, читаются молитвы, эктеніи, евангеліе; затѣмъ опять эктеніи, молитва «Призри съ небесе», эктенія «о еже сохранитися отъ глада, губительства, труса, потопа» и т. д. и заклинанье противъ злого духа «о еже сокрушитися сатанѣ». Въ это время священникъ беретъ въ руки хоругвь и крестъ и, соединивъ ихъ вмѣстѣ, дѣлаетъ ими крестное знаменіе на четыре стороны. Всѣ присутствующіе поворачиваются за нимъ, крестясь и кланяясь въ ту сторону, обходимъ и переходимъ Пачараждо и поднимаемся на Страшно-ждріело, черезъ которое выходимъ на Руденице, прекрасную равнинку, откуда открывается видъ на море и въ Боку. Здѣсь опять была служба и послѣ того отдыхъ минутъ 10; а когда тронулись въ путь дальше, дали нѣсколько залповъ изъ револьверовъ. Затряслись скалы и громовое эхо понеслось внизъ къ морю. Черезъ тѣснину вступаемъ въ лабиринтъ скалъ и щелей, между которыми маленькія ровныя площадки; это — Кобильи-тори; въ щеляхъ лежитъ еще снѣгъ, которымъ и освѣжаемся по пути. На всемъ ходу мы огибаемъ отдѣлившуюся отъ Штировника высоту Баблякъ, вокругъ котораго и расположились катуны Раичевичей. Выходимъ еще на перевалъ, гдѣ находятся нѣсколько колибъ; останавливаемся на гумнѣ и, по совершеніи службы, опять отдыхаемъ. Изъ сосѣднихъ колибъ вынесли намъ молока въ ведеркахъ: прѣснаго, только-что подоеннаго, дымящагося паромъ, и кислаго, а также ведерка со снѣгомъ и водой; мы мѣшаемъ то и другое и пьемъ; и отдохнувши еще минутъ 10, идемъ впередъ лощиной, по которой разбросались десятка два колибъ и домовъ; это—на Куку. Выйдя на перевалъ на возвышеніе, опять держимъ службу.

Отсюда выходимъ на *Студенци*, гдѣ подъ группой буковыхъ деревъ только-что устроена цистерна. Здѣсь совершается молебствіе съ водоосвященіемъ. Для того приносятъ ведерко воды: крестъ, бывшій на древкѣ, отвинчиваютъ и кладутъ сверхъ ведерка на его края, и съ нимъ вмѣстѣ буковая вѣточка; къ одному краю прилѣпляютъ свѣчку, и священникъ начинаетъ

кадить. Затѣмъ эктеніи, чтеніе апостола, евангелія и молитвъ, и затѣмъ «Спаси, Господи, люди твоя»; священникъ беретъ крестъ, нижнимъ концомъ его проводитъ крестообразно по водѣ, потомъ соединивъ его съ вѣткой, верхнимъ концомъ погружаетъ въ воду и брызгаетъ на 4 стороны. Затѣмъ, когда всѣ подходятъ ко Кресту, онъ ихъ кропитъ вѣточкой. Тутъ намъ изъ домовъ выносили ракіи.

Отсюда опять идемъ черезъ тьяфу (перевалъ) на Вельи-Бостуръ (катунъ) и тутъ опять была служба. За этимъ на катунъ Мали-Бостуръ; и тутъ служба подъ сѣнью буковой рощицы.

Еще одинъ перевалъ черезъ каменную гряду на Блатишта, довольно обширную низкую равнину, куда въ весеннее время сливаются всѣ воды, и потому роскошная растительность: по мягкой, сочной выше колѣна травѣ, ковромъ разсыпался крупными желтыми цвѣтами высокій *туровецъ* (по=русски *козельки*), перепутываясь съ душистымъ горошкомъ розоваго цвѣта и обдающимъ не обычнымъ своимъ запахомъ, а запахомъ розъ; въ въ густыхъ кистяхъ его цвѣта, жужжа, копошатся пчелы, прилетѣвшія откуда-то издалека, потому что на ловченскихъ катунахъ ихъ не держатъ. Обходимъ эту низменность краемъ, снова поднимаемся и совершаемъ еще службу на возвышеніи передъ катунами, гдѣ живетъ командиръ Нико.

Отсюда направляемся лощиной, идущей отъ Ивановыхъ-коритъ, потомъ поднимаемся прямо въ гору черезъ лѣсъ къ церкви, откуда и вышли. Тутъ пропѣли «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже нашъ» два раза, а третій разъ передъ самою церковью. Насъ встрѣтилъ старый протопопъ Мина Радоничъ, который, когда вошли въ церковь, съ клироса отвѣчалъ отправлявшему службу Марку и заключилъ все чтеніемъ «Слава въ вышнихъ Богу». Все это продолжалось съ 10 часовъ утра до 3 пополудни. По пути одни отставали, другіе вступали въ рядъ; а иные выдержали весь путь безъ перемѣны и въ томъ числѣ маленькій сынокъ командира Ника съ нѣсколькими другими дѣтьми. Всѣ были съ непокрытыми головами все время, исключая короткихъ отдыховъ.

Выйдя изъ церкви, всѣ собрались на гумно, построенное еще во время владыки Петра I, и стали приготовлять обѣдъ или, вѣрнѣе, закуску. Всякій принесъ, что̀ могъ: кто хлѣба и сыру, кто одного хлѣба, печенаго мяса, ветчины, сала свиного, ракіи, вина. Все это собрано было въ одну кучу, изъ которой распорядители брали, разрывая на куски и раздавая присутствующимъ. Ракію пили изъ бутылки, а вино изъ боченковъ выливалось въ жестяное ведерко, изъ котораго и пили черезъ край.

Всѣмъ хотѣлось воды, которая недалеко въ Любимѣ-потокѣ, и пронесся слухъ, что пошли за водой; но слухъ оказался ложнымъ, и, кто самъ не пошелъ на потокъ, остался при винѣ. Когда ѣда была приготовлена, священникъ прочиталъ молитву и благословилъ трапезу. Ѣда продолжалась съ полчаса, а затѣмъ болѣе часу обносили виномъ, такъ какъ не было достаточно сосудовъ для питья.

Во время ѣды шелъ мирный разговоръ; но и послѣ того не было ни пѣнья, ни пляски, и никакого веселья; а только по окончаніи всего занялись разборомъ нѣкоторыхъ споровъ: двоихъ тутъ-же помирили; рѣшили какой-то вопросъ относительно *комуницы*; 6 или 7 человѣкъ осмотрѣли и оцѣнили потраву. И такъ разошлись передъ заходомъ солнца.

Я остался ночевать опять у Ника; а на другой день — на Цетинье.

Этотъ обычай вытекаетъ чисто изъ религіознаго настроенія народа и не измѣняетъ этого характера и въ исполненіи его; и если онъ въ другихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ городахъ, сопровождается весельемъ, то веселье это не составляетъ его существенной принадлежности, какъ и при праздкованіи крестнаго имени; а является только какъ бы вслѣдствіе потребности дать себѣ нѣкоторый отдыхъ послѣ труда. Эти крестные ходы обыкновенно устанавливаются обществами по завѣту (завѣтине), и въ нихъ народъ видитъ огражденіе противъ всѣхъ золъ, могущихъ постигнуть городъ, село или ихъ катуны, вслѣдствіе чего, какъ мы видѣли, служба совершается передъ каждою группою

домовъ или колибъ, если они расположены въ разбросъ, а въ городѣ обыкновенно это бываетъ на точкахъ, означающихъ 4 страны свѣта, при томъ идутъ всегда по солнцу т. е. на востокъ, югъ и т. д. и непремѣнно должны окружить всю мѣстность и возвратиться съ востока.

Слѣдовало-бы, можетъ быть, подобно тому, какъ относительно «славы», дать больше указаній, гдѣ и когда носятъ кресты; но по той случайности и свободному выбору дня врядъ-ли это можетъ имѣть большое значенье. Замѣтимъ только вообще, что ношеніе крестовъ входитъ въ кругъ такъ называемыхъ завѣтовъ или обѣщаній. Вукъ Караджичъ въ своемъ сочиненіи «Живот и обичаjи Народа Срп.» (Вѣна, 1867) такъ ихъ и соединяетъ въ особой главѣ: «Завjетине и крстоноше».

Иные дѣлаютъ завѣтъ цѣлымъ домомъ или въ лицѣ старшаго въ домѣ, доматьина или доматьицы, поститься круглый годъ, кромѣ опредѣленныхъ церковью дней, въ понедѣльникъ, четвергъ или субботу, или не работать въ извѣстные дни, напр., въ четвергъ или пятницу. Иные налагаютъ на себя постъ «сваке младе недjеље» т. е. въ первое воскресенье въ новомъ мѣсяцѣ. Чаще встрѣчается, что держатъ постъ нѣсколько дней или цѣлую недѣлю передъ Архангеловымъ днемъ, передъ Савинымъ днемъ, передъ Покровомъ и др. Иные при этомъ одинъ день *еднопичаютъ*, т. е. не ѣдятъ цѣлый день ничего до вечера. Въ Рѣцкой нахіи, особенно городъ Рѣка и нѣсколько домовъ Пейовичей, находящихся по другую сторону рѣки, держатъ постъ три дня послѣ Савина-дня (а передъ нимъ постятся цѣлую недѣлю) до св. Аѳанасія (18 янв.), въ честь храма во имя того святого, находящагося на той сторонѣ, гдѣ недавно устроено и кладбище. Съ рѣчанами держитъ этотъ постъ и Зачиръ, принадлежащій Люботиню; а не такъ строго держатся того и другіе той же нахіи. Иные даютъ обѣтъ въ извѣстные дни не плести плетень, не городить торъ, не начинать тканье и т. п. Все это дѣлается въ видахъ общаго здоровья, и главнымъ образомъ, чтобы предохранить свой скотъ отъ дикаго звѣря *).

*) Объ этихъ обѣтахъ у другихъ сербовъ, кромѣ приведеннаго выше соч.

И въ этихъ обычаяхъ въ основѣ лежитъ христіанское вѣрованье въ постъ и воздержаніе отъ нѣкоторыхъ дѣлъ; но, идя далѣе предписаній церкви, въ нихъ народъ выходитъ на путь суевѣрія, о которомъ будемъ говорить особо.

7. Освященіе масла.

И этотъ обычай отчасти относится къ завѣтинамъ, такъ какъ не вытекаетъ изъ прямыхъ предписаній церкви и совершается по особенному желанію человѣка, который произвольно опредѣляетъ для того случай и время.

Такъ одинъ выбираетъ для этого день своего ангела, который иначе не празднуется, или другого почитаемаго имъ святого; другой въ память своего умершаго отца или дѣда; иные послѣ покойника, по случаю крещенья ребенка или перехода въ новый домъ, или надъ тяжело больнымъ и т. п. Освященье масла можетъ совершаться въ церкви или на дому; но всегда «соборнѣ» т. е. не однимъ священникомъ, а троими или самое меньшее, двоими.

Относительно перваго нечего говорить, такъ какъ оно и вездѣ совершается по требнику; при освященьи-же на дому обрядъ усложняется и нѣсколько видоизмѣняется, такъ какъ происходитъ совершенно при другой обстановкѣ и потому тутъ примѣшиваются обрядности, обусловливаемыя именно этою особенною домашней обстановкой съ участіемъ всѣхъ домашнихъ и приглашенныхъ гостей, людей почетныхъ или ближнихъ тому дому.

Вотъ какъ оно происходило однажды въ нашемъ присутствіи на Нѣгушахъ, гдѣ этому посвящаются первые три дня по Рождествѣ, въ домѣ капит. Іова Савова, 28 дек. 1882. Приглашенный гостепріимнымъ хозяиномъ и прійдя въ домъ, я засталъ уже тамъ нѣсколько гостей и при мнѣ же принесли на рукахъ стараго капетана Лаза (теперь уже покойника, а тогда ему было 83 г.), ко-

---

В. Караджича, есть соч. Н. Беговича—«Живот и обичаји Срба—Граничара» П. С. Иванчевича—«Србски народни обичај». Босанска Вила, 1893, № 24.

торый потерялъ зрѣніе и не могъ стоять на ногахъ; но лицо очень заслуженное и всѣми уважаемое. Надъ огнемъ висѣлъ уже котелъ, въ окружности большой обхватъ, въ которомъ варились колбасы. Покуда не прибыли священники, сообща рѣшали вопросъ, въ чемъ приготовить ихъ: съ рисомъ или капустой; большинство склонилось на сторону капусты. Тогда сварившіяся уже колбасы, вывалили въ другой котелъ и накрыли, чтобы онѣ не охладились; а въ ихъ наваръ положили бѣлую вилковую капусту, тоже до краевъ котла. Главное кушанье такимъ образомъ было готово; а въ тоже время пекся на вертелѣ цѣлый баранъ и варилась похлебка съ мясомъ и картофелью. Между тѣмъ гостей обносили ракіей и давали *замезетити* (закусить). Посрединѣ главной комнаты въ то время стоялъ уже столъ, накрытый чистою скатертью, и на немъ находились слѣдующіе предметы: хлѣбъ съ изображеньемъ сверху, какъ на просфорѣ; блюдечко, посрединѣ котораго какъ-то укрѣплены были три фитилька; бутылка съ виномъ и пузырекъ съ деревяннымъ масломъ и масличная вѣточка; кромѣ этого тутъ же было еще блюдечко съ вареною пшеницей, въ которую вставлена была свѣча. Скоро прибыли два священника Саво и Дьюро Пейовичи (отецъ и сынъ), а слѣдовало бы по настоящему три. Надѣвши священническое облаченіе, сдѣлавши извѣстный приступъ, они начали съ того, что стали кадить. Для этого на желѣзной лопаточкѣ принесли жару, посыпали сверху ладану, и одинъ изъ священниковъ, помахавъ лопаточкой около стола, протягивалъ её каждому предстоящему, а тотъ рукою махалъ дымъ такъ, чтобы пригнать его къ себѣ и понюхать. Потомъ эту лопаточку положили подъ столъ, и оттуда продолжалъ выходить дымъ.

Присутствующіе размѣстились вокругъ стола, при чемъ домашніе отдѣлились немного, сбившись въ кучку. Всѣмъ даны въ руки восковыя свѣчи домашняго издѣлія. Послѣ первыхъ же молитвъ одинъ изъ священниковъ налилъ на блюдечко масла, а потомъ туда-же влилъ и вина: масло поднялось кверху и стало кругомъ посрединѣ, а вино облило его кольцомъ; фитильки были зажжены и отлично горѣли до конца службы. Хозяину и еще од-

ному изъ семьи даны были въ руки кресты, тѣ самые, которые употребляются при требахъ для благословенія и цѣлованія, и съ ними они стояли до конца службы. Вся служба продолжалась около полутора часа, и то благодаря тому, что, когда одинъ священникъ читалъ громко, другой продолжалъ также читать дальше про себя, и еще помогалъ въ томъ учитель; а иначе потребовалось бы много больше; такъ какъ, всего кромѣ множества молитвъ, читаются 7 апостоловъ и 7 евангелій. Апостоловъ читать давали и намъ постороннимъ. Когда читалось евангеліе, то всѣ домашніе подходили къ священнику и наклонялись подъ эпитрахиль; а потомъ цѣловали евангеліе, но не снаружи, а самыя слова. Когда прочитано было послѣднее евангеліе, трое изъ домашнихъ подошли къ столу и, взявшись руками за блюдечко вмѣстѣ со священникомъ, стали поворачивать его въ рукахъ въ правую отъ себя сторону при пѣніи: «Святіи мученици» и «Исаія ликуй».

Послѣ этого подали священнику поминанье, по которому онъ прочиталъ сначала имена живыхъ и провозгласилъ имъ многолѣтіе; а потомъ зажегъ свѣчу въ пшеницѣ и помянулъ усопшихъ, провозгласивъ имъ «со святыми упокой» и «вѣчная память». Когда все было окончено, священникъ посредствомъ масличовой вѣточки мазалъ масломъ каждаго изъ предстоявшихъ, дѣлая крестъ на лбу и называя каждаго по имени; а тутъ было болѣе 30 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Отпускъ завершился цѣлованіемъ креста.

Освященное масло тотчасъ было слито въ особый пузырекъ и будетъ служить для освященья нѣкоторыхъ предметовъ, для совершенія богослуженія на дому и наконецъ для исцѣленья больныхъ. Все заключилось гомерическимъ обѣдомъ и безконечнымъ весельемъ.

На Цетиньѣ у Ефта Вулетина освященіе происходило нѣсколько иначе (20 янв. въ день его ангела св. Евѳимія Вел.). Посрединѣ стола находилась тарелка съ мукой (изъ домашней пшеницы и немного съ отрубями), на которой посрединѣ муки поставлено жестяное блюдечко съ масломъ, и въ немъ фитиль съ четырьмя концами. На мукѣ же лежали 4 палочки вершка въ два

длиною и въ мизинецъ толщиною, обмотанныя бѣлою бумажною ниткой съ кистями на концахъ. Это *сушци* (сучецъ), служащіе для мазанья. Кромѣ того тутъ-же находились два плоскихъ хлѣбца (проскуре), въ одномъ изъ которыхъ была воткнута свѣча. Мазанье производилось священниками попеременно (служили два свящ. и дьяконъ) и нѣсколько разъ мазали лобъ, щеки, бороду и руки на ладони и сверху. При послѣднемъ чтеніи евангелія, священникъ далъ тарелку хозяину и къ нему присоединились другіе домочадцы, и тогда оба священника накрыли ихъ эпитрахилями накрестъ, концы же ихъ держали одинъ священникъ, а другой дьяконъ; одинъ священникъ при томъ читалъ евангеліе, а другой съ дьякономъ держали книгу (кажется, евангеліе же) надъ ихъ головами, не много ее колебля, какъ то дѣлаетъ священникъ воздухомъ надъ сосудомъ, во время принесенія святыхъ даровъ въ олтарѣ. Въ заключеніе священникъ взялъ одинъ хлѣбецъ, вырѣзалъ въ немъ (не насрединѣ) четвероугольную частицу и, вставивъ опять на мѣсто, залилъ виномъ. Потомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ взяли обѣими руками и стали поворачивать, какъ на Нѣгушахъ тарелку. Затѣмъ священникъ дѣлаетъ благословеніе крестомъ и, вынувъ частицу изъ хлѣба съ виномъ, половину взялъ самъ, а половину положилъ въ ротъ Ефту; остальнымъ также давалъ частицы въ руку, которыя и съѣдали послѣ приложенія ко кресту. Когда все было окончено, то хозяинъ, а за нимъ и другіе обращались къ священникамъ со словами: «Благословите не, оци свети, и простите нас грѣшних»; а оба священника на то: «Христосъ Бог својом благодатію да ве прости и благослови; помочь вам од Бога, сотворшаго небо и землю». Но поминанья ни за здравіе, ни за упокой не было.

Послѣ всего обѣдъ со священниками во главѣ; а веселья никакого.

Изъ той муки, на которой стояло блюдечко съ масломъ, назавтра испекутъ хлѣбъ, и кто его будетъ ѣсть три дня, тотъ можетъ не бояться никакой болѣзни.

Общія заключенія о религіозныхъ обычаяхъ и обрядахъ.

Какъ-бы ни противуполагались одна другой религія и народность, онѣ всегда и вездѣ оказываютъ взаимное дѣйствіе и вліяніе одна на другую. Съ одной стороны народъ воспитывается подъ вліяніемъ религіи, которую однажды усвоилъ, и церкви, которой онъ подчиняетъ свой умъ и свою совѣсть; съ другой эта самая церковь, управляющая народною совѣстью, национализируется. Въ Западной церкви это выразилось въ раздѣленіи ея на протестантскую, которая возникла и развилась на сѣверѣ, главнымъ образомъ среди германскаго племени, и католическую, которой остались вѣрны южные, романскіе народы. Сознавая это и видя невозможность удержать народы отъ этого дифференцированья вѣры, католическая церковь, чтобы удержать хотя-бы одинъ видъ единства, придумала главенство папы и унію въ его особѣ, мирясь съ различіемъ обрядовой стороны. Эта зависимость религіи отъ народности такъ велика, что между самыми католиками вы видите различное пониманіе ея и еще большее различіе въ обрядахъ у итальянца, француза, нѣмца и славянина. Кромѣ разныхъ особенностей, дѣйствуютъ тутъ причины очень разнообразныя: мѣстность и климатъ, богатство или скудость природы и наконецъ исторія, подъ вліяніемъ которой, какъ мы уже не разъ замѣчали, мѣняется и самая народность.

То-же самое мы, конечно, найдемъ и въ Восточной Церкви, хотя она въ противуположность Западной, отвергая личную унію въ одномъ ея представителѣ и признавая автономность и автокефалію отдѣльныхъ церквей, стремится къ единству внутреннему, органическому, и въ этомъ смыслѣ, по нашему мнѣнію, стоитъ на болѣе правомъ пути и болѣе отвѣчаетъ духу христіанства. И напрасно она старалась бы сгладить тѣ различія, которыя возникли и возникаютъ подъ вліяніемъ упомянутыхъ условій.

Такъ, аскетизмъ, произведеніе глубокаго Востока, усвоенный христіанствомъ, какъ орудіе борьбы противъ злоупотребленій плотского человѣка, и вошедшій въ непремѣнное условіе подвиж-

никовъ Восточной христіанской церкви, достигъ наивысшаго своего развитія въ Россіи, какого мы въ настоящее время не можемъ найти нигдѣ у грековъ, кромѣ Аѳонскихъ монастырей. И въ то время какъ монахи греческіе, а съ ними сербскіе и болгарскіе, держась одного съ нами устава Іоанна Студійскаго, внѣ положенныхъ церковью постовъ свободно вкушаютъ мясо, наши монахи отрекаются отъ него на всю жизнь. Въ русскихъ монастыряхъ не только не совершаютъ браковъ, такъ какъ по основному своему принципу они не благословляютъ брака; но и не крестятъ дѣтей; а въ сербскихъ не только крестятъ, но и вѣнчаютъ. Въ Черногоріи это было вслѣдствіе необходимости, потому что монастыри были въ то-же время приходскими церквами, въ которыхъ совершались всѣ требы; а въ Морачѣ, одномъ изъ самыхъ большихъ племенъ, до недавняго времени не было ни одной церкви, кромѣ монастыря, и ни одного мірского священника. Но еще чаще вѣнчанье происходило даже не въ церкви, а на дому, и вообще бракъ приближался болѣе къ актамъ гражданской жизни, а не религіозной. Въ Черногоріи-же крещенье совершалось и совершается нынѣ не погруженіемъ ребенка въ купель, а обливаніемъ; да и купель найдешь въ рѣдкой церкви: мы знаемъ только въ Цетинскомъ монастырѣ, да и та служитъ, кажется, единственно для княжескаго дома; обыкновенно же святятъ воду въ какой-нибудь чашѣ или другомъ широкомъ сосудѣ; а потомъ священникъ держитъ ребенка въ рукахъ надъ тазомъ или ведромъ, а кумъ льетъ на него воду. Въ Морачскомъ монастырѣ есть купель, очень древняя, но ее не употребляютъ; существованіе ея однако показываетъ, что когда-то крестили въ купели; но потомъ она вышла изъ употребленія, такъ какъ въ большей части церквей не было почти никакой церковной утвари. Едва можно было въ каждой церкви найти святую причастную чашу, иногда самой простой формы въ видѣ стакана, произведеніе какого-нибудь мѣстнаго жестяника. И все это немногое вмѣстѣ съ антиминсомъ хранилось не въ церкви, а на дому у священника, потому что всегда можно было ожидать нападенія турокъ.

Вѣчное военное положеніе, въ которомъ изстари находилась Черногорія, довело народъ до нѣкотораго одичанія и пренебреженія къ исполненію христіанскихъ обрядовъ и обязанностей и подъ вліяніемъ нужды искаженію ихъ, какъ напр. что̀ мы указывали выше, непосѣщеніе церкви иногда въ продолженіи всей жизни и непринимаціе святого причастія, крещеніе взрослыхъ и т. п. Въ Черногоріи не одни мірскіе священники, но и монахи не только колютъ барановъ, но даже убивали и рѣзали людей; и только въ послѣднее время они исключены изъ войска и освобождены отъ всякой военной службы; не говоримъ уже о томъ, что они ни одеждой и ничѣмъ другимъ не отличались отъ простого мірянина. «Нужда закон мијења», говоритъ черногорская пословица; нуждой-же можно объяснить и многое въ церковно-религіозной жизни Черногоріи. Но, и помимо этой нужды, есть вещи, въ которыхъ можно усматривать вліяніе Запада. Не тому-ли вліянію слѣдуетъ приписать и крещеніе обливаньемъ, а не погруженіемъ ребенка въ воду, какъ то было и у насъ въ Малороссіи?

Какъ ни охраняла Черногорія свою независимость и православную вѣру противъ турокъ, а были въ ея жизни моменты, когда она давала у себя пріютъ магометанству, политически-же она иногда склонялась передъ Венеціанской республикой. Къ концу XVII ст. магометанство сильно утвердилось въ Катунской нахіи; на Цетиньѣ и въ другихъ мѣстахъ были ихъ мечети; а рядомъ съ этимъ на Цетиньѣ угнѣздились венеціанцы, держа въ своихъ рукахъ даже и владыку, не говоря уже о главаряхъ, которые были у нихъ на жалованьи *).

Венеціанцы оставили Цетинье тотчасъ вслѣдствіе его погрома турками въ 1692 г.; а въ 1702 г. послѣдовало истребленіе магометанъ въ Черногоріи по иниціативѣ влад. Даніила Петровича. Вслѣдъ за тѣмъ Черногорія вступаетъ въ сношенія съ Россіей,

*) Это особенно подтверждается документами изъ венеціанскихъ архивовъ съ 1687—1735 г., изд. въ Римѣ по желанію и иждивеніемъ Итальянскаго короля въ 1896 г. подъ общимъ заглавіемъ: «Il Montenegro».

что сообщаетъ ей новыя силы въ борьбѣ противъ турокъ и католиковъ и упрочиваетъ православіе. Черногорскій народъ это вліяніе Россіи на сохраненіе православія выражаетъ слѣдующими простодушными, но проникнутыми глубокимъ смысломъ словами: «Без Русије не би било крста од три прста», т. е. не было бы трехперстнаго сложенія, чѣмъ отличаются православные отъ католиковъ.

Весь этотъ темный и тяжелый періодъ отъ паденія Сербскаго царства, Зеты и Константинополя до начала XVII ст., открывающаго новую эру въ исторіи Черногоріи, православіе, угрожаемое съ востока и запада, хотя и сохранилось, но не могло не пострадать до нѣкоторой степени въ смыслѣ чистоты и вѣрности первоначальнымъ его установленіямъ, которыя соблюдать вполнѣ иногда не было и возможности. Западнымъ вліяніемъ мы объясняемъ и популярность въ Черногоріи имени Мартина (епископа римскаго, 11 ноября) по народному говору св. Мрата, по которому рождественское заговѣнье и постъ называются мратинскими; тогда какъ имя апост. Филиппа ради его забыто, хотя оно приходится какъ разъ на день заговѣнья.

Не знаемъ, какъ этотъ день празднуется вообще на Западѣ; но случайно мы встрѣтили относительно его свѣдѣніе въ ст. К. К. Уленбека «Нидерландскія народныя пѣсни» (Жив. Стар. 1893, II, стр. 207), изъ которой узнаемъ, что въ Голландіи въ городахъ и деревняхъ въ этотъ день дѣти ходятъ по дворамъ съ зажженными свѣчами и съ пѣснями, чтобы выпросить у жителей нѣсколько центовъ, при чемъ въ пѣсняхъ этихъ щедрыхъ выхваляютъ и обѣщаютъ имъ за то долгую жизнь, а по смерти царство небесное; скупыхъ-же осыпаютъ насмѣшкой и бранью, обзывая «скупыми чертями».

Въ Бокѣ въ Прчани (Perzagno) въ этотъ день вечеромъ тоже бываетъ особенное препровожденіе времени, похожее на сербскій бадній вечеръ. Отсюда это могло перейти и въ Черногорію.

Имя Мартина напоминаютъ двѣ мѣстности въ Черногоріи: Мратинье село и мѣстность въ сѣв.-вост. углу Пивы, принадле-

жавшей до послѣдней войны Герцеговинѣ, и въ Люботинѣ тоже Мратинье—мѣстность, равнина, на которой находится церковь. Церковь эта не принадлежитъ ни одному люботинскому селу въ отдѣльности, какъ то въ обычаѣ всюду по Черногоріи; и что еще больше: вокругъ ея на большомъ пространствѣ находится множество могилъ, также не принадлежащихъ какому-либо люботинскому селу, гдѣ погребались посторонніе люди, напр. множество бѣлицъ. Прежде служба въ ней совершалась нѣсколько разъ въ году, между прочимъ въ Петровъ день (29 іюля) въ ней многіе причащались. Теперь же этого нѣтъ и служба бываетъ только разъ въ годъ, 11 ноября, именно въ день св. Мартина; но на то-же число приходится и день сербскаго св. Стефана Дечанскаго, которому теперь и посвящается служба. Церковь эта очень старая и о ней никто не знаетъ, когда и кѣмъ она построена; но не была-ли она когда нибудь посвящена св. Мартину?

По имени Мартина называется большое братство Мартиновичей въ с. Байцахъ (возлѣ Цетинья), а въ Бѣлопавличахъ тоже большое братство или родъ, занимающій нѣсколько селъ, Мартиничи.

Мы уже говорили вообще о недостаткѣ въ черногорскихъ домахъ иконъ; а, если кто и желалъ имѣть икону, то не имѣлъ возможности пріобрѣсть; только бывавшіе въ Цареградѣ и Греціи приносили иногда иконы оттуда греческія; иные имѣли и изъ Россіи; но больше всего распространялись австрійскія иконы на бумагѣ, католическаго типа, хотя надписи и были славянскія. Эти картины получили-было такое распространеніе, что попадали даже въ церкви. Распространеніе это было однако остановлено распоряженіемъ нынѣшняго митрополита Митрофана. Надобно замѣтить, что въ бытность мою въ Черногоріи одинъ разъ пріѣзжалъ русскій изъ Тульской губерніи съ иконами и другими русскими произведеніями, и иконы были раскуплены всѣ на расхватъ.

Черногорское духовенство, принужденное въ послѣднее время носить особое отъ мірянъ одѣяніе, приняло форму, усвоенную сосѣднимъ далматинскимъ православнымъ духовенствомъ, отличающуюся отъ русской и греческой и также приближающуюся къ

католической. Не говоримъ уже о томъ, что здѣсь священникамъ и монахамъ не вмѣняется въ грѣхъ, какъ у насъ, подстригать волосы на головѣ и бороду, и напротивъ оставляя усы рости свободно. Найдется, можетъ быть, много мелочей въ обрядахъ и въ бытѣ черногорскаго духовенства, которыя навѣяны Западомъ, такъ какъ Черногорія изстари находится съ нимъ въ самомъ тѣсномъ общеніи. Но рядомъ съ этимъ есть черты, отнюдь не навѣянныя какимъ-либо внѣшнимъ, постороннимъ вліяніемъ, а вытекающія прямо изъ національнаго характера черногорцевъ. Объ одномъ, о слишкомъ сильно развитомъ въ черногорцѣ чувствѣ собственности по отношенію къ церкви и всему принадлежащему ей, мы уже говорили (Т. II, ч. 1, стр. 403—407). Тамъ-же мы указали на нѣкоторую отчужденность черногорца отъ церкви и недостатокъ внѣшнимъ образомъ выражаемаго благоговѣнія (стр. 407—410), что вытекало изъ обстоятельствъ его жизни и отсутствія поученія, но не мѣшало ему быть преданнымъ церкви до самопожертвованія.

Замѣтно также стремленіе священному придать народный характеръ, такъ сказать, омірщить его. Поэтому читаютъ и поютъ священныя книги, молитвы и пѣсни, не держась строго напечатаннаго, а съ выговоромъ сербскимъ. Въ церкви на богослуженіи свободно допускается пѣть духовные стихи, неизвѣстно, кѣмъ сочиненные, и неканонизованные.

Такъ, въ день св. Николая поютъ пѣсню: «О кто, кто Николаю служитъ; О кто, кто Николая любитъ, тому святый Николай, на всякъ часъ помогай: Николае, Николае!» и т. д.

Это та пѣсня, которую въ Малороссіи поютъ въ домахъ наканунѣ Рождества; а сербы её занесли на свою родину изъ Кіева, гдѣ учились богословскимъ и другимъ наукамъ. Пѣсня св. Саввѣ такое-же новѣйшее стихотвореніе, которое домашними пѣвцами измѣняется по мѣсту и потому поется различно въ Австріи, въ Сербіи и въ Черногоріи *). Въ томъ-же родѣ и пѣсня св. Васи-

*) Эти двѣ пѣсни и еще одна, произведеніе новѣйшихъ стихослагателей, какъ церковныя, занесены и въ «Катавасію», изданную въ Сербскихъ-Карловцахъ.

лію Вел. Поютъ въ церкви даже «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» за концертъ передъ причастіемъ. Читать апостола въ церкви можетъ всякій, хотя-бы на него не былъ возложенъ стихарь; поэтому часто читаютъ ученики, а на Цетиньѣ иногда читаетъ слѣпецъ, выучивши цѣлый апостолъ наизусть отъ какого-нибудь ученика. Это, впрочемъ, обычно у всѣхъ сербовъ. Вообще въ обрядахъ при церковнослуженіи найдется много такого, что̀ отличаетъ его отъ нашего русскаго, хотя и не противорѣчитъ святымъ канонамъ.

Такъ, по покойникѣ читается не псалтырь, а евангеліе; просфору всякій печетъ для себя дома; для церкви же она печется въ домѣ священника, а въ городахъ заказывается простому хлѣбопеку *); «Отче нашъ» и «Вѣрую» никогда не поются, а читаются: если митрополитъ не служитъ, то читаетъ онъ; а то кто нибудь изъ поющихъ на клиросѣ. Князь Николай въ своей домашней церкви это исполняетъ самъ, и для того передъ нимъ ставятъ аналой.

При крещеніи ребенка кумы нѣтъ, а только кумъ, и родители во время совершенія обряда не удаляются. Нѣтъ обычая передъ причащеніемъ говѣть въ смыслѣ посѣщенія церкви въ продолженіи нѣсколькихъ дней, если не цѣлой недѣли; а приходятъ на вечерню или даже послѣ нея наканунѣ, исповѣдаются и на другой день причащаются. На большомъ выходѣ, вмѣсто нашего «Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго» поминаютъ «Благочестивый православный родъ христіанскій». Дьяконъ существуетъ только при митрополичьей церкви (въ настоящее время сверхъ того, есть и протодіаконъ); а иногда посвящаютъ въ дьяконы, чтобы вскорѣ потомъ рукоположить его во священника; дьячковъ и пономарей тоже не существуетъ, да и потребности въ нихъ нѣтъ; а ихъ обязанности исполняетъ *црквењак*, мірской человѣкъ изъ того-же прихода: онъ мететъ церковь, зажигаетъ свѣчи и лампады,

*) Въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи это поручаютъ благочестивой старушкѣ, вдовѣ или засидѣвшейся дѣвушкѣ; грѣхъ также понести въ церковь покупную свѣчу.

приготовляетъ, что нужно, для разныхъ требъ; онъ-же и звонитъ. Но звонить много охотниковъ и безъ него, при чемъ колокола прикрѣплены къ балкѣ, которая качается посредствомъ подергиванья веревки привязанной къ рычажку, придѣланному въ концѣ балки; дергающіе за веревки сами поддаются обратному колебанію колоколовъ и подскакиваютъ за поднимающеюся обратно вверхъ веревкою; звонъ, конечно, выходитъ болтающійся, какъ вездѣ на Западѣ. Колокола въ церкви очень любятъ черногорцы и нерѣдко богатые люди дарятъ ихъ церквамъ, что считается однимъ изъ лучшихъ приношеній за душу свою или своихъ родныхъ.

Разница съ нами есть и въ названіяхъ обрядовъ или относящихся къ нимъ предметовъ. Такъ, *парастос* называется—панихида, *благодарење*—молебенъ, *коливо* или *панагија* — кутья, *полијелеј* или въ старинныхъ монастыряхъ *богородично коло* — паникадило, *саландар*—сорокоустъ и т. п.

Какъ съ именемъ святого соединяется извѣстное понятіе по созвучію, мы уже видѣли (св. Видъ, Ваѳоломей). Въ св. Троицѣ, хотя различаютъ *тројичин-дан* и потомъ *духови*, тѣмъ не менѣе празднованье должно быть три дня, какъ и у нашего народа. Однажды обратились къ митрополиту съ вопросомъ, можно-ли работать на третій день; онъ отвѣтилъ, что помолившись Богу, можно; но никто не сталъ работать. День свв. апостоловъ Петра и Павла раздѣляютъ на два дня: первый—Петра, а второй—*Павлов-дан*.

Вообще всякій праздникъ называется *светац*, хотя-бы относился не къ лицу, а къ какому-нибудь событію, какъ Богоявленье, Воздвиженье креста и т. д.; изрѣдка слышится и «праздникъ». Большому празднику дается эпитетъ—*страшан*. Однажды я говорю, что нынче Іоанна Богослова (26 сент.); а меня спрашиваютъ: «Је-ли страшно?» и когда я, не понявши этого выраженія, попросилъ объяснить, то вопросъ измѣнили такъ: «Је-ли страшан светац?» т. е. большой-ли праздникъ и не страшно-ли, не опасно-ли на него работать. Въ этомъ видно, что святой представляется существомъ грознымъ, которое за неуваженіе къ нему непре-

мѣнно накажетъ, и больше всего можно оскорбить святого, работая въ его день, и еще больше, принуждая другихъ работать. Отсюда произошло такое выраженье «Оћемо-ли данас грјеховати?» т. е. работать въ какой-либо небольшой праздникъ.

Вообще говоря, въ домашнемъ христіанско-религіозномъ культѣ черногорца мы встрѣчаемъ очень мало обрядности, и домъ черногорца во всей своей обстановкѣ ничѣмъ не напоминаетъ христіанства его жителей. Черногорецъ, какъ мы уже говорили, не знаетъ никакихъ почти заученныхъ молитвъ. Все это однако происходитъ не отъ недостатка религіозности, но отъ недостатка школы, вообще поученія, а частью вслѣдствіе отсутствія и средствъ создать себѣ такую обстановку. Но рядомъ съ этимъ религіозность и глубокая вѣра у него выражалась въ страхѣ божіемъ, вслѣдствіе чего онъ отдавалъ свою жизнь за церковь и наказывалъ смертью хулителя Креста Христова; никто не нарушалъ клятву, принесенную въ храмѣ божіемъ или въ другомъ святомъ мѣстѣ передъ Христовымъ распятіемъ; глубоко вѣрилъ онъ въ неотразимую силу благословенія или проклятія святого человѣка, напр. владыки Петра I, котораго считали святымъ заживо; вѣрилъ въ чудо, которое можетъ сотворить молитва и божественное слово. Потому, не зная молитвъ и не умѣя молиться наружно, черногорецъ любилъ имѣть въ домѣ писанныя молитвы, между которыми было много относящихся къ различнымъ случаямъ: противъ болѣзней и несчастій, могущихъ безъ того постигнуть человѣка. Самая распространенная въ этомъ родѣ молитва была, извѣстная и у насъ подъ именемъ «Сна Богородицы». Одинъ такой экземпляръ мы нашли въ частномъ домѣ. Онъ написанъ на бумагѣ въ видѣ ленты, свернутой въ трубку, шириною въ 5 сантим., а длиною въ 2 м. 34 с. Намѣреваясь представить его цѣликомъ въ приложеніи, мы здѣсь приведемъ его конецъ, по которому видно, какое придается ему значеніе. По изложеніи сна находится такое объясненіе: «кои жели ови сань при себе носити, томе духь лукавь приступити не може, но андьели господьни нега чувају от свакоіе мечтаніи дьяволское, тако и от зліе люди, разбоиника из-

бавлень буде. Ако путомъ путуе нега ови сань при себе имадне, та ни се бои звіера, ни лютого гада, ни зміе, ни мадьіе, ни лукавога чойка и от зле смерти сохранень буде. Оли подье пре судомъ велпкіе(х), нека ови сань при себи имадне; то залуду осудьень не буде.—Ови листь таку силу има, ко буде нега при себи носит и у ови домь держати, томе дому не може, и коя есть жена тешка, те не може родити, нека ови сань при себе има дне, та жена ласно хотье родити».

При весьма малой распространенности грамотности въ Черногоріи въ старое время, люди старались имѣть этотъ Сонъ въ домѣ, хотя-бы въ немъ не было никого, кто-бы умѣлъ прочитать. Но иногда, въ извѣстныхъ случаяхъ, призывали для чтенія его священника или просто грамотнаго человѣка; иные при этомъ заучивали на память нѣкоторыя мѣста и читали ихъ про себя.

Чтобы имѣть дома, иные довольствовались иногда тѣмъ, что имъ отрѣзывали кусочекъ отъ цѣлаго.

Здѣсь, очевидно, вѣра, усвоиваемая грубо, матеріально, соприкасается уже съ суевѣріемъ, о которомъ еще будемъ говорить въ особомъ отдѣлѣ.

Изъ дома Филиппа Дьюрашковича на Цеклинѣ, бывшаго протодіакономъ при влад. Петрѣ II и живущаго въ добромъ здравіи и нынѣ, сыномъ его Крцуномъ сообщена мнѣ оригинальная молитва, которую онъ помнитъ наизустъ, такъ какъ въ старое время она читалась у нихъ въ особенные праздничные дни передъ обѣдомъ. Вотъ она:

«Дванаест врховнпје; једанаест васкресенија; десет заповједи божије; девет имена ангелскија; осам слова сколарија; седам тајна црковнија; шестоперна Марија; пет бан-трепетан; четири евангела; три велики патријаре; два сеји Моисеји; један син дјеве Марије, који царствује на небеса и над нама». Молитва эта, безъ сомнѣнія, находилась въ рукописи; но, перейдя окончательно въ устное употребленіе, исказилась такъ, что явились выраженія совершенно безсмысленныя.

Ту-же молитву А. Н. Пыпинъ отмѣтилъ въ собраніи Кирѣевскаго подъ назв. «Евангелистая пѣснь» и приводитъ весь текстъ ея почти въ той-же формѣ и порядкѣ, какъ у насъ, только точнѣе и потому яснѣе *). Параллель къ этому произведенію онъ указывалъ въ бретонской пѣснѣ, передающей въ 12 вопросахъ и отвѣтахъ образчики средневѣковыхъ космогоническихъ вѣрованій.

Таковъ же средневѣковой латинскій текстъ отвѣтовъ на 12 вопросовъ, начиная съ «Duodecim apostoli» и оканчивая «Unus est Deus, qui regnat in coelis».

Э. Тэйлоръ («Первобытная культура») приводитъ подобнаго же рода средневѣковое еврейское стихотвореніе, которое начинается съ числа 13.: «Тринадцать божественныхъ свойствъ, двѣнадцать колѣнъ», а въ заключеніи: «но одинъ есть нашъ Богъ на небѣ и на землѣ». Тэйлоръ замѣчаетъ: «Это одна изъ цѣлаго ряда стихотворныхъ нумерацій, повидимому, очень цѣнныхъ въ средневѣковыя христіанскія времена, *такъ какъ онѣ еще и до сихъ поръ не совершенно забыты въ деревняхъ*» (англійскихъ, конечно) и далѣе приводитъ латинскій текстъ, начиная однако съ «Unus». Тотъ-же латинскій текстъ мы нашли у одного католика-албанца (Григорій Вьарда) въ Ульцинѣ (Dulcigno) въ Черногоріи, со словъ котораго и записали его въ слѣдующемъ видѣ:

Dic mihi, Domine: Quid est unus?
— Unus est Ille, qui regnat in coelis.

Quid sunt duae?—Duae tabulae Moisi.
» » tres?—Tres patriarchae.
» » quator?—Quator evangelistae.
» » quinque?—Quinque plagae Christi.
» » sex?—Sex idriae, positae Canna Galilae.
» » septem?—Septem sacramenta.
» » octo?—Octo beatitudines.
» » novem?—Novem chores angelorum.
» » decem?—Decem praecepta Domini.

*) Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857.

Далѣе онъ не умѣлъ намъ сказать. Этотъ текстъ совершенно сходенъ съ текстомъ «Евангелистой пѣсни» только въ обратномъ порядкѣ; съ нимъ-же сходенъ приведенный нами славянскій текстъ, различающійся нѣсколько отъ текста Кирѣевскаго. Такъ числу 9 отвѣчаютъ «имена ангелскиjа», chores angel., у Кир. «9 въ году радостей»; седам таjна црковниjа, — sacramenta; у Кир. «чиновъ ангельскихъ». За то испорченные въ нашемъ текстѣ стихи 6 и 5 можно исправить по Кирѣевскому списку: шестоперна Мариjа — шесть крылъ херувимскіихъ; пет бан-трепетан — пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ.

Вниманіе наше останавливаетъ то обстоятельство, что это произведеніе западной схоластики, переведенное на различные языки и въ томъ числѣ на славянскій, и читавшееся, по словамъ Тэйлора, до недавняго времени въ англійскихъ деревняхъ, употреблялось, какъ передобѣденная молитва, въ черногорскомъ сельскомъ домѣ.

Здѣсь мы видимъ, что произведеніе Запада, переведенное на славянскій языкъ, не только читается, какъ умное, ученое, и полезное, но проникаетъ въ религіозный культъ, какъ домашнее.

Б. ОБЫЧАИ, СОПРОВОЖДАЮЩІЕ ГЛАВНЫЕ АКТЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

1. Бракъ.

Держась порядка по возрастамъ человѣческимъ, слѣдовало-бы начать съ рожденья; но мы ставимъ впередъ женитьбу, какъ тотъ актъ семейной жизни, ту ячейку въ жизни человѣка, изъ которой вытекаютъ рожденье и всѣ остальныя явленія семейной жизни.

Въ отдѣлѣ семьи мы уже намѣтили главныя стороны этого акта, вытекающія изъ положенія въ ней обоихъ половъ, и специально остановились на общемъ положеніи жениха и невѣсты и

ихъ отношеніяхъ до и послѣ женитьбы. Здѣсь намъ остается описать только обрядовую сторону, въ деталяхъ которой проявляются иногда и особенности принципіальнаго свойства.

Насколько этотъ актъ всегда и давно уже обращалъ и обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей народной сербской жизни, очевидно изъ относящейся къ тому литературы. У Вука Караджича въ его кн. «Живот и обичаи» изъ 327 стр. женитьбѣ принадлежатъ 83 стр., у Вука Врчевича изъ 270—ей посвящено 122; у И. С. Ястребова 160 изъ 466; у Богишича тому же посвящено также ок. 150 стр. изъ обширнаго сочиненія о юридическихъ обычаяхъ юго-славянъ. А какая масса описаній свадьбы въ статьяхъ по разнымъ журналамъ!

Такое обиліе литературы съ одной стороны затрудняетъ того, кто хочетъ еще писать о томъ же предметѣ, такъ какъ тему эту можно считать исчерпанною, и ему больше нечего писать; а съ другой—это въ значительной степени и облегчаетъ ему трудъ, такъ какъ онъ можетъ заняться сводомъ всего того, что̀ уже написано, и пополнить деталями, если таковыя имѣются изъ собственныхъ наблюденій.

Въ послѣднихъ, можетъ быть, и заключается главный интересъ новаго сочиненія. Наша задача однако другая: мы должны дать по возможности картину, представляющую цѣлую жизнь страны и народа, въ которой детали служатъ только ея уясненьемъ и освѣщеніемъ главныхъ фактовъ; и потому мы не можемъ останавливаться особенно на какомъ-либо одномъ актѣ. Такъ и въ описаніи свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ мы должны выставить самое существенное изъ нихъ, дополняющее характеристику черногорскаго народа; а детали идутъ, такъ сказать, въ дополненіе ко всему, какъ матеріялъ. И это послѣднее однако мы отнюдь не исключаемъ изъ нашей задачи; но должны сознаться, что послѣ того, что̀ уже было писано, мы не можемъ представить многаго, такъ ка̀къ люди, писавшіе о свадьбѣ, принадлежали и сами той народности и даже мѣстности, къ которой относилось ихъ описаніе, или располагали мѣстными силами и

пользовались ихъ услугами, какъ г. Богишичъ при составленіи его капитальнаго труда о юридическихъ обычаяхъ югославянъ или Ю. Даничичъ, при составленіи словаря, ученый авторитетъ которыхъ обязывалъ всякаго, къ кому они обращались съ вопросами, поторопиться съ готовымъ отвѣтомъ. Не имѣя такого вполнѣ заслуженнаго учеными людьми авторитета, мы располагаемъ единственно своими личными наблюденіями и непосредственными разспросами. Относительно же свадьбы имѣемъ единственно записанное и доставленное намъ о подгорицкихъ обычаяхъ молодымъ человѣкомъ Закомъ Рогошичемъ, который въ то-же время доставилъ намъ и нѣсколько пѣсенъ, по большей части относящихся къ тому же предмету. Сдѣлаемъ при этомъ еще одно замѣчаніе. Во всѣхъ описаніяхъ свадьбы рядомъ съ описаніемъ какого-либо обряда приводятся и соотвѣтствующія тому пѣсни. Особенно много ихъ въ описаніи свадьбы у Ястребова.

Намъ приводилось много разъ присутствовать на свадьбахъ въ Черногоріи, а иногда принимать и участіе въ какомъ-нибудь званіи со стороны жениха или невѣсты и слѣдовательно, дѣйствовать; но мы въ то время отчасти не могли услѣдить за всѣми пѣснями; а отчасти замѣтили, что, кромѣ спеціальныхъ, относящихся къ тому пѣсенъ, поются и пѣсни обыкновенныя, преимущественно, конечно, такъ называемыя женскія и любовныя, которыя приводится слушать и при другихъ случаяхъ. А между тѣмъ эти обыденныя пѣсни цитируются иногда, какъ спеціально свадебныя, напр. у Ястребова: «Продьох кроз гору, не знам кроз коју», «Ой ябуко зеленико» (стр. 326). «Сараево огнем изгорело»; (380) или совсѣмъ не идущія ни къ какому обряду: «Иван-бане три веселья чини» (314), «Фала Богу, фала едином!» (315), «Пошетали девет бега млади» (323) и др., пѣсни чисто эпическаго характера.

Относительно спеціально Черногоріи для насъ имѣютъ значенье слѣдующія слова В. Врчевича въ началѣ главы: «Црногорске сватовске пјесме» (Три главне народне свечаности): «Въ продолженіе моего трехлѣтняго пребыванія въ Черногоріи въ ка-

чествѣ секретаря кн. Даніила, я собралъ хорошій матеріалъ, но произведеній ума очень мало, *а меньше всего свадебныхъ* (*сватовскихъ*) *пѣсенъ*. Главная причина этого заключается въ томъ, что этотъ юнацкій и страдальческій народъ, вслѣдствіе трудности своего положенія, вѣчно борясь съ турками, мало обращалъ вниманья на женскія пѣсни, а только на юнацкія пѣсни *уз гусле*».

«Я просилъ многихъ изъ моихъ друзей и знакомыхъ, чтобы сообщили мнѣ какую-либо свадебную пѣсню; но все было напрасно, такъ какъ ни они, а еще больше того я, не могли съ тѣмъ обратиться къ женщинѣ; да если бы и обратились, навѣрное, получили бы въ отвѣтъ: «не знаю никакой». Но, сказавши въ началѣ книги, что я хочу описать три праздника, которые существуютъ въ Бокѣ Которской, Черногоріи и Герцеговинѣ, я сообщаю нѣсколько изъ нихъ, которыя тамъ слышалъ. Изъ этого можно видѣть, что есть онѣ и въ Черногоріи, только въ настоящее время не поются или мало по малу исчезли» (стр. 246). За этимъ онъ приводитъ всего 8 пѣсенокъ: 1, когда мѣсятъ хлѣбъ для свадьбы; 2, наканунѣ свадьбы; 3, когда отправляются сваты; 4, когда сваты уже отправились; 5, когда сваты видѣли невѣсту; 6, и еще тогда-же; 7, когда сваты прибудутъ на мѣсто и 8, еще тогда-же (стр. 246—249). Правду сказать, немного больше пѣсенъ на различные моменты свадьбы приводитъ В. Врчевичъ и относительно другихъ мѣстностей: Герцеговины, Боки Которской и южнаго Приморья; а больше всего относительно Рисна; но и тутъ немного; при томъ нѣкоторыя не спеціально свадебныя.

Это свидѣтельство мѣстнаго человѣка, знатока народной жизни, лучше всего могло бы намъ доказать, что таковыхъ спеціальныхъ пѣсенъ тамъ и не существуетъ. Правда, особенное положеніе этихъ краевъ и главнымъ образомъ Черногоріи не благопріятствовало развитію пѣсенъ подобнаго рода, при чемъ значительно сокращаются и самые обряды, сопровождающіе свадьбу; тѣмъ не менѣе мы должны засвидѣтельствовать, что собирателю въ этомъ отношеніи и въ Черногоріи открыто широкое поле, но только для туземца или для человѣка, отдавшагося тому спеціально. На дѣ-

вичникахъ намъ случалось слушать женское пѣнье въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и при этомъ мы слышали массу пѣсенъ, новыхъ для насъ, которыхъ въ обычное время не приводилось слушать. Но, чтобы записать ихъ, нужно ихъ знать самому или воспользоваться чужимъ знаніемъ; а это и составляетъ здѣсь весьма трудное дѣло, особенно для чужеземца. Ниже мы предлагаемъ небольшое собраніе пѣсенъ, прямо или косвенно относящихся къ свадьбѣ и поющихся во время свадьбы; но по малому количеству ихъ у насъ пусть не заключаютъ вообще о бѣдности этого рода поэзіи въ Черногоріи; наше собраніе пусть обратитъ на нихъ вниманіе мѣстныхъ собирателей, какъ то сдѣлалъ для насъ г. З. Рогошичъ относительно Подгорицы, и окажется, что такихъ пѣсенъ въ Черногоріи не меньше, чѣмъ въ другихъ краяхъ. Приступая къ описанію свадебныхъ обрядовъ, мы рѣшились исключить изъ того пѣсни, такъ какъ внесеніемъ ихъ безъ пользы растягивается и отчасти затемняется самое описанье; и только въ крайней необходимости будемъ приводить начало пѣсенъ. Въ отдѣльномъ собраніи пѣсенъ, будетъ означено, къ чему которая изъ нихъ относится.

Въ цѣломъ этомъ обычаѣ мы различаемъ два главные акта: 1, сватовство, которое закрѣпляется обрученьемъ и завершается отводомъ невѣсты изъ дома и 2, отводъ невѣсты сватами въ домъ жениха съ окончательнымъ скрѣпленіемъ брачнаго союза вѣнчаньемъ въ церкви. Остальные обычаи и обряды размѣщаются въ этихъ двухъ актахъ, какъ дѣйствія въ цѣлой драмѣ, съ подраздѣленіями на болѣе мелкія части—явленія и сцены.

Надобно замѣтить, что какъ въ другихъ, такъ и въ свадебныхъ обычаяхъ въ главномъ и существенномъ сходятся всѣ православные Черногоріи, Герцеговины и Боки съ Приморьемъ, различаясь только въ нѣкоторыхъ частностяхъ. А эта послѣдняя разница найдется и внутри самой Черногоріи, особенно со времени ея расширенія отъ послѣдней войны. И тутъ однако, не смотря на наи-

большую отдаленность отъ настоящей Черногоріи Васоевичей, въ главномъ находимъ одно и тоже. Что-же касается мелкихъ различій, то онѣ заключаются иногда только въ большемъ или меньшемъ соблюденіи обрядности сообразно съ духомъ времени. Зависитъ это иногда и отъ семействъ, къ которымъ принадлежатъ женихъ и невѣста; и бываетъ, что въ одномъ и томъ-же селѣ одни придерживаются больше старины, другіе стараются все упростить въ духѣ новаго времени, какъ то мы видѣли и въ другихъ обычаяхъ.

Мы же постараемся описать эти обычаи во всей ихъ полнотѣ хотя бы они иногда вполнѣ и не соблюдались, отмѣчая при томъ нѣкоторыя особенности, принадлежащія преимущественно одному какому-либо краю.

а) СВАТОВСТВО И ОБРУЧЕНЬЕ.

Починъ дѣла идетъ, само собою разумѣется, отъ женихова дома. Рано родители начинаютъ соображать, съ какимъ домомъ имъ желательнѣе бы было войти въ родство, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты, и, какъ мы уже говорили, иногда условливались о томъ, когда дѣти были еще въ колыбели, а иногда и прежде рожденья ихъ. Въ основаніи этого лежатъ соображенія интересовъ дома, а не счастье отдѣльныхъ личностей, будущихъ супруговъ; вслѣдствіе чего о свободномъ выборѣ послѣднихъ не можетъ быть и рѣчи. Да въ старое время обычно и не возникало въ этомъ отношеніи съ ихъ стороны никакихъ личныхъ требованій и вопросовъ; все состояло въ волѣ родителей. Принимался съ той и другой стороны во вниманіе прежде всего извѣстный домъ (*оглашена кућа*), въ которомъ хорошо живутъ и изъ котораго выходили люди, пользующіеся доброю славою въ народѣ за ихъ юначество; за умъ, дававшій высокое общественное положеніе; за доброту и гостепріимство, пріобрѣтавшія имъ много друзей и приверженцевъ. Что это за домъ, о томъ мы уже говорили. Не стѣсняются въ этомъ отношеніи отдаленностью; а на-

противъ, чѣмъ отдаленнѣе, тѣмъ болѣе чести и славы тому и другому дому. Иногда между домами жениха и невѣсты нѣсколько дней пути, вслѣдствіе чего и говорится, когда сваты хотятъ уводить невѣсту:

Азурала, кита и сватови!
Кратки данци, а дуги конаци.

Эти дальнія путешествія за невѣстой и съ нею и ночлеги на дальнемъ пути даютъ возможность сватамъ показать ихъ важность и щедрость; но и тѣ мѣста, гдѣ они проходятъ, не отстаютъ въ щедрости и стараются показать все свое гостепріимство, особенно когда сваты возвращаются съ невѣстою. Бываетъ, что дающіе ночлегъ, хотя бы то были корчмари, отказываются брать плату за ночлегъ и угощенье; это особенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если вступающіе въ родство пользуются дома всеобщимъ уваженіемъ. Въ такихъ случаяхъ не могло быть безъ множества сватовъ, которыхъ въ старое время, по пѣснямъ, собирались сотни, и то было цѣлое войско, тронувшееся въ походъ, и значеніе такого похода было нисколько не меньше какого-либо военнаго предпріятія. Въ старое самовольное время эти, такъ называемые *походjани* (наши поѣзжане), дѣйствительно представляли собою войско; такъ какъ нерѣдко подвергались нападеніямъ со стороны соперника, и дѣло рѣшалось кровавымъ боемъ. И безъ того могъ завязаться бой, если на дорогѣ встрѣчались сваты отъ двухъ сторонъ и ни тѣ, ни другіе не хотѣли уступить дорогу. Объ этихъ случаяхъ существуютъ пѣсни и еще больше разсказовъ.

Одною изъ причинъ, почему не женились изъ своего племени, было то, что на бракъ смотрѣли, какъ на средство заключить союзъ съ другимъ племенемъ, чтобы имѣть въ немъ, въ случаѣ нужды, подпору и помощь. Этимъ путемъ завязывалось *пріятельство*, которое въ своемъ племени ненужно, такъ какъ всѣ живущіе въ одномъ племени считаются родственниками, и уже одно родство обязываетъ всѣхъ помогать другъ другу. Это до нѣкоторой степени напоминаетъ браки между владѣтельными дворами,

цѣль которыхъ составляли политическіе союзы. Такъ было въ Черногоріи при обособленности племенъ; а и теперь путемъ брака заключаются союзы между отдѣльными родами. Это можно бы отнести только къ знатнымъ родамъ, къ родовичамъ; но въ Черногоріи съ трудомъ найдете домъ, который не считался бы знатностью рода, такъ какъ въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ съ честью погибшихъ на полѣ битвы, а въ томъ и состоитъ знатность черногорца.

Впрочемъ, есть тутъ и другія соображенія: одиночество (*инокоштина*) семьи побуждаетъ родителей скорѣе женить сына, чтобы имѣть въ домѣ новую рабочую силу; желаніе скорѣе увидѣть внуковъ, чтобы не прекратился родъ; иногда желаніе самого сына, и въ рѣдкихъ случаяхъ разсчетъ на богатое приданое невѣсты.

О бракѣ вообще и обстоятельствахъ, при которыхъ браки заключаются, нами достаточно сказано въ 1-ой ч. этого тома (стр. 236—262), и потому теперь мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ особенныхъ актовъ, которыми выражается окончательное заключеніе его, и сопровождающихъ ихъ формальностей или обрядовъ.

Прежде всего идетъ сватовство, посредствомъ котораго рѣшеніе одной или двухъ сторонъ заключить бракъ доводится до его заключенія.

Если родители, какъ мы упоминали выше, рѣшили судьбу своихъ дѣтей раньше или вообще могли договориться между собою вслѣдствіе большой близости, дружбы и частыхъ сношеній между обѣими семьями; то сватовство составляетъ одну формальность; договариваются только о времени, когда приступить къ дѣлу. Если же того нѣтъ, то женихова семья, намѣтивши какую-либо невѣсту, иногда не зная хорошо и её, старается отъ другихъ узнать, какъ о ней самой, такъ о расположеніи ея семьи *).

---

*) «Ушима, а не очима ваља се женити», говоритъ черногорская пословица, т. е. не нужно прельщаться красотою дѣвушки, а нужно отъ людей разузнать

Хотя прямого отказа никто не смѣетъ дать, если невѣста не обѣщана впередъ другому, чтобы не оскорбить жениха, а всегда дается неопредѣленный отвѣтъ подъ предлогомъ, что дѣвушка еще молода или необходима въ семьѣ и т. п.; тѣмъ не менѣе никому не желателенъ и такой отвѣтъ. Поэтому сначала дѣлается предварительная развѣдка и только послѣ нея рѣшаются приступить къ первому акту *просить дѣвушку*. Отправляется для этого отецъ или вообще старшій въ домѣ, старшій братъ или какой родственникъ, а иногда кто-нибудь изъ близкихъ сосѣдей, другъ дома; въ Васоевичахъ отправляются непремѣнно двое и берутъ съ собою до 1/2 оки ракіи въ плоской баклажкѣ (*буклиjа*) и даръ. Но до времени это держится въ скрытности. Если будетъ отвѣтъ отрицательный, хотя бы косвенный, обѣ стороны обязываются то держать въ глубочайшей тайнѣ; объ этомъ, какъ говорятъ: «ни црна земља нема знати, осим ко je дошао да говори и отац ђевојке» (Бог. стр. 164). Это называется въ однихъ мѣстахъ *покушај*, въ другихъ *мала прошња*; при томъ одни при удовлетворительномъ отвѣтѣ тотчасъ договорятся о главномъ, а другіе только послѣ того посылаютъ формально двоихъ или троихъ на такъ называемую *велику прошњу*. Вообще же послѣ *малой прошни* и при благопріятномъ отвѣтѣ все остается въ тайнѣ и то называется *таjна риjеч*, вѣроятно вслѣдствіе того, что послѣ этого дѣло еще можетъ разстроиться. У Васоевичей-же рѣшается дѣло на этомъ первомъ сходѣ. Получивъ согласіе родителя, пришедшіе *просци* или *просиоци* вынимаютъ изъ торбицы буклію съ ракіей (*просачка ракиjа*) и ставятъ её на столъ; а *доматьинъ* отправляется позвать нѣсколько ближнихъ родственниковъ и родственницъ, которые къ тому уже готовились на всякій случай.

Когда всѣ собрались, *просци* предлагаютъ отцу невѣсты первому попить ракіи: тотъ беретъ въ руки буклію, произ-

---

о ней, какая она. Эта мысль въ арнаутской пословицѣ выражается лучше: «Vete itinvet, temramia puno sidzvet», т. е. разспроси сотню (людей), а поступи, какъ самъ знаешь; другими словами: разузнавай, но не полагайся на выборъ другихъ.

носитъ здравицу гостямъ и высказываетъ свое рѣшенье дать имъ то, что̀ они просятъ, и пьетъ. За нимъ пьютъ всѣ, сначала однако невѣстина сторона; а *просци* ихъ благодарятъ. Потомъ главный сватъ вынимаетъ деньги (наполеондоръ, больше или меньше), кладетъ на софру и требуетъ, чтобы дѣвушка вышла и приняла деньги. Если отецъ увѣренъ въ дочери, то беретъ деньги самъ или старшій братъ во имя сестры; если же нѣтъ, то зоветъ дочь, чтобы она взяла сама и тѣмъ, такъ сказать, связала бы себя. Но и безъ того безъ особенныхъ причинъ (дѣвушка можетъ быть нездорова или въ тотъ моментъ отсутствовать изъ дома) дѣвушка всегда выходитъ, что̀ особенно пріятно сватамъ, и принимаетъ даръ; это называется *прстен* или *мали прстен.* Выйдя изъ *камары*, для принятія этого дара, дѣвушка сначала поцѣлуетъ отцу и матери руки, съ братомъ поцѣлуется въ губы, потомъ въ руки же поцѣлуетъ сватовъ, и только послѣ того начинаетъ собирать со стола деньги; а сваты въ то время стрѣляютъ. Дѣвушка же, постоявши немного, уходитъ на свое дѣло. Послѣ этого опять пьютъ; между тѣмъ готовятъ обѣдъ и отъ хозяина дома также выносятъ на столъ ракію и вино. Тутъ уговариваются, когда формально прислать сватовъ; но о самой свадьбѣ не говорится еще ничего. Это, такъ сказать, частный семейный уговоръ безъ всякой публичности. Уходя, сваты даютъ дары, понемногу денегъ матери и сестрамъ дѣвушки; а мать отъ имени дочери ихъ отдариваетъ: даетъ чулки, полотенце, платокъ и т. п. и что нибудь посылаетъ жениху. При разставаніи сваты опять стрѣляютъ.

Въ другихъ же мѣстахъ, какъ мы замѣтили, за первымъ, такъ сказать, тайнымъ сватовствомъ, слѣдуетъ второе, сопровождающееся такимъ же обрядомъ, какъ и описанный выше; съ тою разницей, что здѣсь дается дѣвушкѣ перстень и это называется *вѣридба* (обрученье), а о дѣвушкѣ говорится, что она *вѣрена* такому то, а также *заручена, прстенована*, или *вѣреница заручница* того-то.

У другихъ обрядъ обрученія совершается въ то время,

когда сваты прибываютъ за дѣвушкой, чтобы вести её къ вѣнцу; поэтому описаніе этого обряда мы отнесемъ къ концу, чтобы можно было сопоставить вмѣстѣ различія въ немъ.

Одни прямо послѣ этого уговариваются о времени свадьбы и о приходѣ сватовъ за невѣстой; а у другихъ сходятся для того еще третій разъ. Въ старой Черногоріи есть еще обычай—*ити на сыилу ђевојци*, и бываетъ это дней черезъ 15 или черезъ мѣсяцъ послѣ *великой прошни* или *обрученья*. Отправляется мать жениха (*вјереника*) съ другими женщинами къ невѣстѣ съ дарами, какъ: платки, если можно шелковые, чулки, коретъ или что-нибудь изъ украшеній, при томъ какія-нибудь лакомства: грецкіе орѣхи, яблоки, айвы и др. а также и изъ съѣстного: прѣсная погача, окорокъ ветчины и т. п. Иногда это соединяется съ уговоромъ о вѣнчаньи, для чего тогда же отправляется доматьинъ или кто другой,—*углавар*, чтобы *углавити свадьбу*, т. е. опредѣлить, когда и какъ чему быть.

У Васоевичей эта вторая (или третья) сходка называется *долазак съ ракијом* и также бываетъ дней черезъ 15 или черезъ мѣсяцъ. Отправляются человѣка 4 или 5. Идутъ отецъ жениховъ, братъ и кто-нибудь изъ сосѣдей или родственниковъ. Они несутъ съ собою дары: за невѣсту ожерелье (*ђердан*), мыло, платокъ, бумажной пряжи и др. Все это припасаютъ женщины изъ женихова дома. Отцу невѣсты несутъ нѣчто деньгами; дѣтямъ—*колаче*, т. е. печенья изъ тѣста сладкія или сдобныя; и сверхъ всего 5—6 окъ ракіи. Остаются они тамъ обыкновенно 1 день и 2 ночи или два дня и 1 ночь. Невѣстинъ домъ приглашаетъ для этого случая и сосѣдей, мужчинъ и женщинъ, и подругъ невѣсты на вечеринку (сједник, сједница). Тутъ непремѣнно присутствуетъ и невѣста; она всѣхъ встрѣчаетъ, со всѣми любезна; цѣлуетъ кого въ руку, кого въ губы. Все время пьютъ, ѣдятъ, поютъ, затѣваютъ разныя игры, особенно коло или оро. Въ то-же время между старшими дѣлается уговоръ, когда быть свадьбѣ, когда должны прибыть сваты за невѣстой и сколько ихъ должно быть. Иногда однако этимъ дѣло не кончается, и

отецъ послѣ всего отвѣчаетъ: «Увидимся еще и разговоримся»; тогда должны еще разъ прійти *на уговор* одинъ или двое.

На окончательной сходкѣ договариваются и о дарахъ со стороны жениха: сколько денегъ отцу невѣсты, особенно *братске паре* (брату невѣсты); дядѣ даются јеменіе и т. п.

На этотъ разъ сваты даютъ всѣмъ понемногу денегъ и сами опять получаютъ дары на каждаго члена жениховой семьи (*сваком чељадету*) и даже кое-кому изъ ближнихъ сосѣдей: чулки, навершци, рубашку, перчатки и т. п. Уходя, сваты стрѣляютъ. Иногда отецъ невѣсты тутъ-же беретъ отъ жениховой стороны порядочную сумму денегъ, и это дѣлается въ родѣ залога ради большей вѣрности съ той и другой стороны, такъ какъ въ случаѣ разстройства дѣла, съ невѣстиной стороны, все это должно быть возвращено, чѣмъ слѣдовательно и связывается невѣстина сторона; а если разрывъ отъ жениховой стороны, то онъ лишается права искать возврата всѣхъ сдѣланныхъ имъ издержекъ, считая въ томъ и подарки *).

Срокъ свадьбы назначается иногда весьма отдаленный: въ Подгорицѣ напр. сосватаютъ иногда совсѣмъ малолѣтнюю дѣвочку, и тогда должно ждать годъ и даже два; а обычно, если сватовство сдѣлано съ весны или лѣтомъ, то для свадьбы терминъ, когда сойдутъ со скотомъ съ планинъ или вообще, когда окончится уборка полей, приблизительно отъ Покрова (1-го окт.) до

---

*) Въ Подгорицѣ первое прошенье называ. *мали прстен*; а послѣ, дней черезъ 20 или больше, отправляются къ невѣстѣ кумъ еще съ однимъ близкимъ человѣкомъ и понесутъ съ собой: шолковый платокъ (большой, на голову), золотой перстень, букетъ цвѣтовъ, голову сахару, до 10 коробочекъ конфетъ, 5 коробокъ мыла, 1/2 килогр. гвоздики (*карамфила*); а имъ потомъ въ невѣстиномъ домѣ дадутъ: жениху нижніе панталоны, рубашку и шитый золотомъ платокъ, и это назыв. *бошчалук*; будущему свекру платочекъ тоже съ золотымъ шитьемъ (јаглак) и деверямъ тоже (*чевра*), будущей свекрови бѣлую фату (*фаћело*), которою покрываются замужнія женщины съ головы внизъ ниже пояса или обматываютъ вокругъ шеи; золовкамъ по шелковому платку или шаль на голову (*шамију*), а пославшимъ подарки по красному бумажному платку (*крмес*) и сладкому печенью (*гурабије*). За этимъ слѣдуетъ уговоръ о самой свадьбѣ и это назыв. *пресијецање свадбе*.

рождественскаго заговѣнья (14 ноября); если же осенью, то послѣ Рождества; а потомъ послѣ Пасхи.

Данъ невѣстѣ перстень, какъ знакъ ея обрученья жениху, или какой другой даръ вмѣсто перстня, это имѣетъ одинаковое значенье, что уговоръ о брачномъ союзѣ совершенъ. Поэтому говорится: «Ракиjа попивена, ђевойка добивена» и «Прстен jе наjвећа вjера». Тѣмъ не менѣе этотъ уговоръ, пока его не освятила церковь вѣнчаньемъ, можетъ быть расторгнутъ. Поэтому періодъ между этимъ послѣднимъ уговоромъ и свадьбой имѣетъ двоякое значеніе: обыкновенно считается, что онъ служитъ для того, чтобы съ той и другой стороны могли приготовиться къ свадьбѣ; а иногда въ продолженіи его могутъ измѣниться и отношенія. Союзъ этотъ, заключенный только мірскимъ порядкомъ, можетъ быть тѣмъ же порядкомъ и расторгнутъ, по уважительнымъ, конечно, причинамъ, если та или другая сторона при дальнѣйшемъ ознакомленіи одна съ другою окажутся несостоятельными въ томъ или другомъ отношеніи; напр. узнаютъ о какой-нибудь неизлѣчимой болѣзни одного или одной изъ нихъ. Тогда являются два вопроса: о оскорбленной чести и объ издержкахъ. Въ настоящее время и то, и другое рѣшаетъ судъ; а въ старое время искалось только удовлетвореніе чести, при чемъ отвергнутый женихъ иногда отнималъ свою *вjереницу* силой, особенно если отказъ сдѣланъ не по ея желанію, даже въ то время, когда её уже новые сваты вели къ другому жениху, и на пути къ церкви, гдѣ должны были вѣнчаться.

Вотъ почему обрученье имѣетъ больше силы и смысла только въ послѣдній моментъ, когда жениховы сваты пришли за невѣстой, чтобы повести её въ церковь. Въ Призрѣнѣ, по словамъ г. Ястребова, вслѣдствіе бывавшихъ случаевъ, когда женихи отказывались жениться на сосватанныхъ невѣстахъ и обратно, по наговору разумѣется родныхъ обѣихъ сторонъ, православною общиною постановлено: при обмѣнѣ *большого белега* (вjеридба) носить перстень, который долженъ вручить дѣвушкѣ самъ священникъ. Такимъ образомъ обмѣну белега придано значеніе почти формальнаго обрученія (Пѣсни и проч. стр. 297—298).

На послѣдней сходкѣ передъ вѣнчаньемъ договариваются обо всемъ: что приноситъ съ собою невѣста въ приданое (*пртија*), не исключая и ея *ђевојчке скриње*, о днѣ свадьбы и о числѣ сватовъ.

Главныхъ сватовъ пять. *Стари сват* или *первенац*, а иногда тотъ и другой, при чемъ въ однихъ краяхъ одинъ играетъ первую роль, въ другихъ другой. Старымъ сватомъ или первенцемъ выбирается одинъ изъ старшихъ родственниковъ, большею частью дядя жениха по матери; а можетъ быть и совсѣмъ посторонній, всѣми уважаемый человѣкъ, который при томъ хорошо знаетъ всѣ порядки. *Кумъ* — изъ постороннихъ уважаемый человѣкъ, который является поручителемъ вѣнчающихся, и называется *вјенчани кум*; онъ же потомъ креститъ ихъ дѣтей, является другомъ ихъ и какъ бы духовнымъ отцомъ, который имъ совѣтуетъ, помогаетъ и въ случаѣ какого несогласія миритъ ихъ и вообще заботится о томъ, чтобы они между собою хорошо жили. *Деверь* — родной братъ жениха, а въ тоже время можетъ быть и другой, двоюродный братъ или даже посторонній человѣкъ, самый близкій другъ *жениха*, которому поручается и обрученье невѣсты, и потому онъ называется *прстенски ђевер;* если же деверей два, то одинъ—*десни ђевер*, а другой *лијеви*. Ихъ обязанность постоянно находиться при невѣстѣ, охранять её и заботиться о ней. *Барьяктаръ* выбирается изъ родственниковъ, а если не изъ нихъ, то человѣкъ, который самъ извѣстенъ, какъ юнакъ, или его семейство.

При распредѣленіи этихъ должностей на послѣднемъ ужинѣ бывали споры и даже ссоры изъ-за нихъ. Напр. изъ-за барьяктарства между *ујаком* и *зетом*; или-же никто не хочетъ быть воеводой тамъ, гдѣ это званіе не пользуется почетомъ. Тогда кто-нибудь, чтобы вывести домъ изъ затрудненія, заявляетъ: «Если не хочетъ онъ (имя), то я займу его мѣсто». Доматьинъ съ благодарностью, конечно, принимаетъ такое предложеніе. Первая роль по мѣстностямъ мѣняется между первенцемъ и старымъ сватомъ; а у иныхъ первую роль занимаетъ кумъ.

Кромѣ этихъ сватовъ, имѣющихъ опредѣленное званіе, можетъ быть ихъ больше безъ званій, такъ называемые *пустосвати*, число которыхъ неопредѣленное: 10, 20, 30 и до 100 и чѣмъ славнѣе свадьба, т. е. чѣмъ знатнѣе или богаче женихъ и его домъ, тѣмъ больше сватовъ. Въ прежнее время и потребность была въ томъ, потому что шли какъ на битву; а въ послѣднее время самое большое число можетъ быть до 30. Изъ послѣднихъ выбираются *муштулукджіи* одинъ или два, которые являются передовыми вѣстниками сначала въ домѣ невѣсты, а потомъ въ домѣ жениха. О числѣ сватовъ уговариваются впередъ, потому что столько же сватовъ должно быть и съ невѣстиной стороны и сообразно съ тѣмъ въ невѣстиномъ домѣ приготовляется необходимое помѣщеніе за трапезой и угощеніе *).

Кромѣ сватовъ на коняхъ, за ними идутъ пѣшіе слуги, которые должны держать имъ лошадей и носить за ними разныя вещи, потребныя въ дорогѣ. Въ этихъ сватахъ заключается вся честь и слава свадьбы; поэтому они стараются, какъ можно, лучше нарядиться и выбрать лучшихъ лошадей.

На этомъ останавливается весь предварительный уговоръ, и обѣ стороны сообразно съ нимъ готовятся къ свадьбѣ. Просватанная дѣвушка пользуется свободой отъ обычныхъ работъ, занимаясь только приготовленіемъ своего приданаго. Родители становятся къ ней нѣжнѣе, больше заботятся о ея здоровьѣ, чаще посѣщаютъ её ея подруги и веселятся на-послѣдяхъ передъ разлукою. Въ жениховомъ домѣ также идутъ приготовленія и веселятся больше обыкновеннаго. Сношенія между обоими домами не измѣняются, а не допускается только свиданіе между сосватанными.

---

*) Въ Подгорицѣ за старымъ сватомъ идетъ *вељи сват*, какъ у другихъ первенецъ, и кромѣ того, за невѣстой въ церковь идутъ, *јенђија*, чтобы не оставить её сразу одну, и *кумà*, которая несетъ вѣнцы, приготовляемые обыкновенно дома.

Б) ОТВОДЪ НЕВѢСТЫ СВАТАМИ ВЪ ДОМЪ ЖЕНИХА и ВѢНЧАНЬЕ.

Когда приблизится день свадьбы, еще разъ посылаютъ другъ другу извѣстія о готовности и собираются одни отправиться за невѣстой, другіе ко встрѣчѣ ихъ.

Въ домѣ невѣсты идутъ различныя приготовленія; а въ тоже время съ вечера собираются ближніе и пріятели того дома, чтобы поужинать и въ то же время договориться относительно завтрашняго дня и назначаютъ съ своей стороны сватовъ; осматриваютъ невѣстины одежды и все, что дается ей въ приданое; заготовляются подарки и т. п. Веселья большого нѣтъ, потому что не прибываетъ, а убываетъ членъ семьи, большею частью всѣми любимый. Невѣста все время остается въ особой камарѣ, окруженная своими подругами, которыя непрерывно поютъ пѣсни, относящіяся къ положенію невѣсты или же обычныя, стараются развеселить её и сами съ нею повеселиться. Мужчины тоже поютъ отдѣльно, а женщины повторяютъ за ними каждую пропѣтую строфу. Затѣвается пляска и отъ времени до времени женщины съ мужчинами смѣшиваются, или по одиночкѣ въ черногорскомъ «аро» или хватаясь за руки всѣ вмѣстѣ въ зетскомъ или герцеговинскомъ «колѣ». Главная забота гостей развеселить хозяевъ, которые озабочены и печальны. Кромѣ ужина, безпрестанно обносятъ виномъ, кофеемъ, разными закусками и сластями. Сваты невѣсты приносятъ ей съ своей стороны подарки и для врученья ихъ требуютъ её въ общую комнату, чтобы въ то же время видѣть, какъ она смотритъ: хвалятъ её и одобряютъ. Такъ продолжается часовъ до 10, и гости понемногу расходятся, остаются только тѣ, которые на завтра должны будутъ принять участіе во встрѣчѣ и проводѣ сватовъ жениха, и тутъ обо всемъ окончательно договариваются. Иные, кому далеко идти домой, тутъ и ночуютъ; ночуютъ также съ невѣстой и нѣкоторыя ея подруги.

Совсѣмъ иначе проводится время въ жениховомъ домѣ: тамъ полное шумное веселье; всѣ отлично разодѣты и договариваются,

какъ бы на-завтра лучше показать себя, похвалиться оружіемъ, одеждой, лошадьми и ловкостью. Въ сватовской поѣздъ не берутъ плохого, вялаго человѣка, и если у кого нѣтъ своего хорошаго одѣянія, коня и всѣхъ другихъ принадлежностей, то занимаютъ у другихъ; и рѣдко въ такихъ случаяхъ кто откажетъ, потому что хорошими сватами потомъ долго хвалится цѣлое село или племя. Здѣсь иногда веселье длится всю ночь; а рано утромъ сваты собираются въ походъ. Безъ предварительной закуски и выпивки не отправляются и съ собою берутъ одну баранью тушу, или больше нѣсколько пшеничныхъ хлѣбовъ; на всякаго свата по литрѣ вина и ракіи, а старый сватъ разнаго питья 5—6 окъ, и непремѣнно особенную погачу, которую должны дать невѣстиному дому.

Передъ отправленіемъ сваты просятъ благословенія у домашнихъ, которое и дается ими въ видѣ различныхъ пожеланій довести дѣло до конца и съ хорошимъ успѣхомъ.

Есть обычай по дорогѣ непремѣнно остановиться и поѣсть; если же разстояніе до невѣстина дома слишкомъ малое, если женихъ и невѣста изъ одного мѣста, напр. идутъ сваты изъ Цетинья въ Дольній-край или обратно, то все-таки остановятся на находящемся между ними кургашикѣ, вынутъ хлѣбъ, пециво и проч.; а такъ какъ сами они, отправившись изъ женихова дома послѣ доброй закуски, не въ состояніи ѣсть, то угощаютъ чобановъ, людей, работающихъ въ полѣ и другихъ, случившихся тутъ.

Отправляются они въ слѣдующемъ порядкѣ, если ѣдутъ далеко на лошадяхъ. Впереди всѣхъ ѣдетъ *барьяктаръ* со знаменемъ въ рукѣ, махая имъ туда и сюда; за нимъ старый сватъ, воевода и др.; деверь сзади всѣхъ ведетъ коня для невѣсты; впрочемъ изъ дому онъ ѣдетъ на немъ, а спѣшивается, только когда приблизятся къ невѣстину дому *). Всю дорогу сваты поютъ

*) Пѣшіе идутъ иногда въ такомъ порядкѣ: 1. первенецъ; 2. старый сватъ; 3. барьяктаръ; 4. правый деверь; 5. невѣста и лѣвый деверь; 7. сваты просто; 8. пустосватъ и 9. воевода. Послѣдній какъ бы охраняетъ всѣхъ сватовъ; но тѣмъ

и стрѣляютъ. Когда близко къ невѣстину дому, посылаютъ одного муштулукджію или двоихъ, которые подлетаютъ къ дому, стрѣляютъ и тѣмъ возвѣщаютъ прибытіе сватовъ; имъ за это подносятъ ракіи или вина и даютъ платокъ.

Подъѣхавъ къ дому, сваты соскакиваютъ съ лошадей, передавая ихъ на руки домашнимъ невѣстина дома, и входятъ въ домъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ доматьинъ и усаживаютъ тотчасъ за готовую трапезу или софру, на которой стоятъ ракія, вино и разныя закуски. Прежде всего идетъ угощенье ракіей, потомъ кофеемъ. Если это рано утромъ, то гости сначала закусываютъ и затѣмъ начинается пѣнье и веселье, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока будетъ готовъ обѣдъ, послѣ котораго они отправятся въ обратный путь, и въ такомъ случаѣ привезенная сватами, собственно деверямъ, баранья туша также готовится къ обѣду. Если же сваты прибыли къ обѣденному времени, то усаживаются по чинамъ за столъ; а иногда прибываютъ послѣ обѣда, и тогда остаются на ночевку, и баранья туша готовится до другого дня для завтрака. Во всякомъ случаѣ весь церемоніалъ совершается за столомъ, обѣдъ то или завтракъ. Ночуютъ очень рѣдко; а то всѣ тотчасъ по прибытіи садятся за столъ, по окончаніи котораго отправляются. Войдемъ теперь въ подробности, относящіяся къ этому акту.

Правая сторона стола, считая отъ входа, назначается для гостей, а лѣвая для домашнихъ; при томъ прежде усаживается женихова сторона: во главѣ старый сватъ или первенецъ, а другіе за нимъ; точно такъ и съ невѣстиной стороны сватъ садится ря-

---

не менѣе идти позади всѣхъ считаютъ обиднымъ и потому въ компанію ему даютъ пустосвата.

Кумъ обыкновенно остается при женихѣ и, если сваты отправляются прямо въ церковь, съ нимъ-же пойдетъ въ церковь, гдѣ и ожидаютъ прибытія сватовъ. Муштулукджія вступаетъ въ невѣстинъ домъ первый съ баклажкой вина, а его на порогѣ встрѣчаютъ съ кувшиномъ (крчаг) вина и на немъ платокъ. Платокъ этотъ онъ возьметъ и положитъ въ карманъ, а съ кувшиномъ входитъ въ домъ и пьетъ съ поздравленіями. За нимъ первый входитъ барьяктаръ и водружаетъ въ домѣ свой барьякъ.

домъ со своимъ соименникомъ, а остальные одинъ противъ другого. Все угощенье со стороны домашнихъ, причемъ женихова сторона невѣстиной не предложитъ ни трубки табаку: она, такъ сказать, господствуетъ, а другая служитъ. Однажды мы отправились съ Рѣки за невѣстой изъ Подгорицы на пароходѣ до Плавницы, и подгоричане по особенному уговору, чтобы не мучить насъ, привели невѣсту къ намъ на пароходъ; они же привезли съ собою всякое угощенье и угощали насъ; а мы имъ за трудъ не дали ни глотка ракіи и я, какъ старый сватъ, едва упросилъ своихъ товарищей дозволить мнѣ угостить ихъ, по крайней мѣрѣ, папиросами.

Послѣ перваго кушанья начинаются здравицы въ видѣ привѣтствій одной стороны другой, а починъ всегда на сторонѣ жениховыхъ сватовъ; потомъ старый сватъ въ иносказательной формѣ высказываетъ, зачѣмъ они прибыли: что они выѣхали на охоту, погнали куницу, потеряли её изъ виду, но слѣдъ ея пошелъ на этотъ домъ, гдѣ они её и ищутъ, и готовы за неё дать выкупъ. Тутъ начинается нѣчто въ родѣ торговли между обоими старыми сватами. Ставится передъ ними погача, на которую жениховъ сватъ и кладетъ нѣсколько наполеондоровъ или дукатовъ, а иногда и серебряной монеты, спрашивая, довольно-ли. Невѣстинъ сватъ не довольствуется тѣмъ и требуетъ прибавки, тотъ надбавляетъ еще, и такъ до трехъ разъ, послѣ чего деньги эти собираются и передаются брату невѣсты; а жениховъ сватъ выноситъ какіе-нибудь подарки и для невѣсты, которая должна выйти и принять ихъ. Это въ томъ случаѣ, если обрученье совершено прежде; а иначе дѣло еще продолжается.

Въ Васоевичахъ, какъ только всѣ сваты разсядутся за столомъ на обѣдъ, деверь выноситъ прѣсную погачу и кладетъ её на столъ передъ старыми сватами, а на неё вѣнокъ изъ красной хлопчатой пряжи или изъ шолка (*котур*). Отецъ невѣсты подходитъ и кладетъ на неё наполеондоръ, 1 или 2 талера, вообще какую-нибудь звонкую монету, только бы не мѣдную; за нимъ кладетъ старый сватъ и непремѣнно больше; хотя бы на

одинъ цванцигеръ; за ними кладутъ деньги другіе по порядку, а деверь каждому цѣлуетъ руку, погачу же подвигаетъ дальше на другой конецъ стола. Когда обойдетъ каждаго, деньги соберетъ и завяжетъ въ платокъ; а погачу опять отнесетъ въ свою торбу. За этимъ пьютъ сначала ракію, потомъ ѣдятъ и затѣмъ начинаютъ пить вино съ различными здравицами *). Приблизительно въ половинѣ обѣда старый сватъ жениховъ вызываетъ деверей, приказывая имъ отправиться на свое дѣло: это значитъ, отправиться къ невѣстѣ и наблюсти, чтобы все было готово къ отъѣзду. Если она уже обручена прежде, то её выводитъ изъ камары братъ и передаетъ деверю, или деверь выводитъ её самъ и приводитъ передъ гостей за столомъ. Если же она еще не была обручена, то прежде совершается обрядъ обрученья. Вообще въ Черногоріи для этого идетъ къ ней въ комнату деверь и несетъ съ собою торбицу, въ которой должны быть опанки или башмаки и прѣсная погача. Одну ногу невѣстѣ непремѣнно долженъ обуть деверь, а другую она сама; иные же просто оставляютъ ей эту обувь и погачу; а потомъ деверь надѣваетъ ей перстень и выводитъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. у Озриничей и въ Лѣшнахіи) деверь при этомъ даетъ брату ея, стоящему при ней, ружейный полный патронъ, и объ этомъ уговариваются впередъ.

Въ Васоевичахъ обрученье производится слѣдующимъ образомъ.

Послѣ обѣда пьютъ вино и кофе; поютъ и пляшутъ; а деверь идетъ *прстеновати ђевојку*, которая находится въ особой камарѣ, и съ нею братъ. Она вся съ головы до ногъ покрыта тонкимъ бѣлымъ покрываломъ съ разрѣзомъ спереди; волосы убраны позамужнему; спереди высокая перяница, если можно, серебряная съ позолотой въ видѣ пера; кругомъ такой же ободокъ, въ видѣ вѣнца, съ котораго свѣшиваются въ видѣ бахромы *трепетлике* изъ такихъ же тонкихъ пластинокъ и мелкихъ монетокъ. Она

---

*) Собственно число здравицъ опредѣленное: до вывода невѣсты ихъ не должно быть больше пяти, а потомъ еще двѣ; и за этимъ наблюдаетъ старый сватъ.

стоитъ, какъ статуя, опустивши руки внизъ. Входитъ деверь непремѣнно въ струкѣ; снявъ съ себя, онъ кладетъ одинъ конецъ ея на голову невѣсты, а другой спускается внизъ. Затѣмъ деверь вытаскиваетъ изъ ноженъ ножъ и кладетъ его передъ ногами невѣсты остреемъ къ ней. Она наступаетъ на него правою ногой; а деверь начинаетъ сыпать ей на голову мелкія серебряныя монеты (цванцигеры или что мельче) одну за другою, и онѣ по струкѣ спускаются внизъ. Послѣ этого деверь снимаетъ съ нея струку; она собираетъ деньги и передаетъ брату, а потомъ поднимаетъ ножъ и влагаетъ его деверю въ ножны*). Послѣ этого начинается обрученье.

Невѣста складываетъ руки ладонями вмѣстѣ и палецъ съ пальцемъ; а деверь беретъ перстень и дотрогивается имъ до каждой пары пальцевъ, какъ бы считаетъ ихъ и послѣ обводитъ кругомъ; дѣлаетъ это онъ три раза, послѣ чего надѣваетъ кольцо на подмизинный палецъ правой руки. Совершивъ это, деверь выходитъ передъ домъ и стрѣляетъ. Послѣ этого покровъ на невѣстѣ зашиваютъ, оставивши небольшое отверстіе противъ глазъ. Тоже самое въ прежнее время было въ Дробнякахъ и Пивѣ.

Начинаются сборы въ путь. Сваты получаютъ дары: старый сватъ—рубашку и еще что-нибудь, воеводѣ и деверю тоже даютъ рубашки, другимъ шитые платки, полотенца, чулки и т. п. Дары эти раздаетъ мать невѣсты. На барьякъ навязываютъ *тамію* (большой платокъ, шаль), и тоже самое на коня подъ невѣстой и еще на двухъ, идущихъ съ ея имѣньемъ. Въ другихъ мѣстахъ имѣнье это отправляется послѣ, обычно на другой день.

Есть варіанты, которыми отчасти пополняется этотъ обрядъ въ невѣстиномъ домѣ, а отчасти сообщается ему нѣсколько другой характеръ. Такъ во время одной изъ свадебъ на Нѣ-

*) Сравни съ этимъ: въ Олонецкой губ. невѣста одѣвается къ вѣнцу въ чуланѣ и стоитъ при этомъ на разостланной овечьей шкурѣ мѣхомъ вверхъ, на пилѣ и наточенномъ топорѣ (Докладъ о поѣздкѣ въ Олон. губ. Н. Лѣскова Жив. Стар. 1893, III, стр. 432).

гушахъ, когда жениховы сваты вошли въ невѣстинъ домъ, то имъ дали умыть руки; сватовъ со стороны невѣсты нашли уже занимающими свои мѣста и вскорѣ послѣ обмѣна обычныхъ разговоровъ и закуски невѣстинъ же старый сватъ потребовалъ отъ гостей погачу такими словами: «Милости просимъ закусить съ нами чего-нибудь (а столъ былъ полонъ яствъ и питій); но принесли-ли вы съ собою хлѣба?» Оказалось, что она уже была сдана въ невѣстиномъ домѣ, и её тотчасъ положили передъ требовавшимъ ее старымъ сватомъ, который, разсматривая ее, нашелъ недостатокъ, именно ее нужно было еще *позолотить*; вслѣдствіе чего старый сватъ жениховъ высыпалъ на нее цѣлую горсть золотыхъ монетъ, а потомъ еще два раза дополнялъ. Эта сумма прежде въ дѣйствительности передавалась невѣстину дому; а теперь ее потомъ возвращаютъ, оставивши одну какую-нибудь монету за знакъ и на память (въ другихъ мѣстахъ это дѣлаетъ деверь, и деньги идутъ въ пользу невѣсты). Послѣ этого тотъ же старый сватъ погачу эту разломилъ на головѣ, назначая впередъ, какой сторонѣ назначается та или другая половина, и конечно, сдѣлалъ такъ, что ему досталась бо̀льшая *).

Тамъ же при концѣ стола всѣмъ жениховымъ сватамъ роздано было по одной австр. кронѣ (половина флорина; а прежде бывало по 1 или 2 цванцигера) и по платку; слугамъ ихъ тоже по платку.

Невѣсту вывелъ передъ сватовъ ея дядя и вызвалъ деверей (ихъ было два), чтобы приняли её; старый сватъ тотчасъ же одному изъ нихъ (правому) поднесъ вина; а этотъ, выпивши вина, кубокъ положилъ себѣ въ карманъ **).

Передъ этимъ совершается прощанье родителей и всѣхъ

---

*) Въ другихъ мѣстахъ преломленіе погачи совершаютъ оба свата вмѣстѣ, причемъ иной изловчится переломить такъ искусно, что другому останется только край; въ Подгорицѣ же ломаютъ её девери, и на жениховой сторонѣ непремѣнно должна быть большая половина.

**) Въ Подгорицѣ, когда сваты отправляются, то невѣсту выводитъ изъ дома братъ и въ дверяхъ передаетъ ее деверямъ; а дѣвушки въ это время поютъ ей напутственную пѣсню.

родныхъ съ невѣстой въ отдѣльной комнатѣ и всегда сопровождается плачемъ; только не должно быть громкихъ рыданій. И невѣста, какъ бы ни была смущена и опечалена, не смѣетъ этого показать передъ сватами, хотя всегда бываетъ блѣдною и какою-то убитою.

Передъ сватами и всѣми гостями, родители даютъ ей свое благословеніе (за отсутствіемъ родителя это исполняетъ старый сватъ), а она цѣлуетъ имъ руки и отправляется съ деверями.

Выводъ этотъ необходимъ, потому что всѣ сваты желаютъ видѣть, какую невѣсту они берутъ и поведутъ съ собою, такъ какъ послѣ во всю дорогу она бывала покрыта (теперь это вывелось).

Выводъ невѣсты передъ сватовъ и слѣдующее за тѣмъ передъ ними-же прощанье съ нею родителей совершается въ видѣ особаго обычая: *давать молитву* или *выводить невѣсту на добру молитву*. Обычай этотъ хотя и составляетъ существенную часть во всемъ свадебномъ обрядѣ, въ Черногоріи не всегда соблюдается или же сокращается. Но во всей полнотѣ онъ продолжаетъ существовать у сербовъ въ Боккѣ, особенно у рисшнянъ (община Рисань, Risano), отъ которыхъ взялъ свое описаніе Вукъ-Караджичъ («Живот и обичаи»). Чтобы дать нашимъ читателямъ полное понятіе объ этомъ обычаѣ, мы и воспользуемся его описаніемъ.

«По приказанію стараго свата девери выводятъ невѣсту къ столу *на добру молитву*. Приводятъ её братъ и одинъ изъ деверей: братъ держитъ за правую руку, а деверь за лѣвую. Когда её такимъ образомъ выведутъ, сваты позовутъ родителей (или кто заступаетъ ихъ) и остальное семейство, чтобы ей дали *добру молитву*; потомъ, взявши большой *колач*, иначе называемый здѣсь (въ Риснѣ) *сомун*, и посрединѣ его на особенномъ, сдѣланномъ для того мѣстечкѣ ставятъ серебряную чашицу (рюмку, бокалъ) съ виномъ и подадутъ её прежде отцу, который, сѣвши на скамеечку, подзоветъ деверей и спрашиваетъ ихъ: «Чего хо-

тите отъ меня, грѣшнаго?» А они отвѣчаютъ. «Мы хотимъ, чтобы такой банъ проговорилъ доброе слово своему дитяти; да дастъ и тебѣ Богъ всякое добро, какого бы ты попросилъ у него!» Тогда онъ, держа колачъ съ чашей, говоритъ: «Дочка! Дай Богъ тебѣ всякое счастье и всякое доброе, чего бы я желалъ самъ себѣ!» Сказавши это, онъ хлебнетъ немного вина, а другіе тогда запоютъ:

Добар чоече!
Добро ти рече!
Добро ти рече,
Брзо се стече!
У добре часе
Подпуне чаше,

Свему роду и племену на велику част,
А нашијем млад'јенцима у најбољи час!
А свак реци и помисли: Да је добар час!
Тако вама и Бог дао вазда добар час!

Послѣ этого онъ передаетъ колачъ матери, которая выражаетъ свое благословенье приблизительно слѣдующими словами: «Дочка! Дай Богъ тебѣ всякое счастье! сколько шаговъ ты сдѣлаешь отъ своего дома, столько дай тебѣ Богъ добрыхъ и счастливыхъ часовъ!» Въ этомъ же смыслѣ выражается и остальная семья. Пѣвцы, послѣ каждаго поютъ тоже, что и послѣ отца, перемѣняя только: *добра мајчице* вмѣсто *добар чоече*; теткѣ: *добра банице*; брату *добар брате*. Невѣста послѣ каждаго припѣва кланяется, кромѣ припѣва: *а нашијем млад'јенцима*; тогда она только стыдливо смотритъ внизъ. Когда это совершится, деверь оставляетъ невѣсту у брата; а *муштулукджія* возьметъ *молитвени сомун*, понесетъ его въ церковь на вѣнчанье и тамъ передастъ священнику. А чашу, послѣ того какъ изъ нея попьютъ молодые при вѣнчаньи, оставляетъ молодой на память» (стр. 130—131).

Буквально то-же самое описаніе находимъ у В. Врчевича, который, кажется, и сообщилъ его В. Караджичу.

Въ Черногоріи же, какъ мы сказали, этого или вовсе нѣтъ, или исполняется иначе и короче. Обыкновенно выводятъ невѣсту принять благословенье родителей, причемъ деверь беретъ чашу (обыкновенный стеклянный стаканъ) и, наполнивъ ее виномъ съ общаго стола, подаетъ сначала матери невѣсты, которая немного хлебнетъ и выскажетъ краткое поученье дочери въ такомъ родѣ: «*Просто ти је млијеко, којијем сама тебе задоила и одгоила*»; а теперь ты вступаешь въ другую семью; будь и тамъ такою же доброю, какою была дома и т. п. Затѣмъ беретъ чашу отецъ и тоже высказываетъ поученіе съ благословеньемъ, послѣ чего выпьетъ вино до дна и бросаетъ чашу, которую деверь подхватываетъ и беретъ къ себѣ; и чаша эта, называвшаяся *молитвенною,* называется теперь *деверевою.* Деверь же потомъ передаетъ ее невѣстѣ, которая и хранитъ ее, какъ семейную драгоцѣнность. Въ пѣснѣ о раздѣлѣ братьевъ Якшичей, когда они зассорились изъ-за «вороного коня и сокола» и одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что велитъ своей женѣ отравить его брата, а ея деверя, она придумала слѣдующее:

Она оде у подруме доње.
Те узима *чашу молитвену*,
Саковану од сувога злата,
Што је она од оца донела;
Пуну рујна наточила вина,
Так је носи својему ђеверу,
Љуби њега у скутъ и у руку,
И пред њим се до земљице клања:
«На част теби, мој мили ђевере!
На част теби и чаша и вино,
Поклони ми коња и сокола».

Богдану се на то ражалило,
Поклони њој коња и сокола. (II, 98 ст. 51—61).

Изъ этого видно, какое значеніе имѣла эта чаша; а и теперь услышите, что кто-нибудь, не желая пить, отказывается такими словами: «Не ћу попити, и ако би била молитвена чаша». Есть и пословица: «Празна чаша нема молитве», т. е. что она должна быть полная, а также за-даромъ никто ничего не сдѣлаетъ.

Когда въ невѣстиномъ домѣ все окончено, сваты отправляются съ невѣстой. Сначала съ $^1/_4$ часа провожаютъ ее и свои родные, и братъ ведетъ коня рядомъ съ деверемъ, тоже идущимъ съ нею. Потомъ пріостанавливаются, пьютъ и прощаются.

Когда отправятся, то братъ зоветъ невѣсту по имени, чтобы она обернулась къ нему; а женщины поютъ:

Обрни се, невјестице;
Мајка те зове!

Если она обернется, то братъ даетъ выстрѣлъ, но, кромѣ него, не смѣетъ стрѣлять никто. Въ тоже время деверь крѣпко держитъ ее за голову, не давая обернуться. Дѣло въ томъ, что, если она обернется, то дѣти будутъ въ ея родъ; а если нѣтъ, то въ жениховъ родъ, и тѣмъ рѣшится, къ кому больше склонна невѣста: къ своей прежней семьѣ или къ семьѣ, въ которую вступаетъ.

Съ этого момента невѣста окончательно оторвана отъ своей семьи, на что указываетъ слѣдующая пѣсня:

Одби се бисер-грана од јоргована
И љепа Мара од оца и мајке и т. д.

или: Одвила се златна жица од ведра неба;
То не била златна жица од ведра неба,
Веђ то била добра срећа од мила Бога,
Савила се младожења око свога драга и т. д.

или: Одби се Мара од рода,

Каконо чела од роjа;
Приви се милом ђеверу,
Каконо злато к jумаку и т. д.

Если это на близкомъ разстояніи, въ одномъ селѣ или городѣ, то съ невѣстою отправляются прямо въ церковь, куда въ то же время приходитъ и женихъ, непремѣнно особо и, если можно, совсѣмъ другою дорогой; а если далеко и прибываютъ только къ вечеру, то ее приводятъ въ жениховъ домъ. Тутъ, какъ и въ первомъ случаѣ, впередъ посылаютъ *муштулукджій*. Какъ при отправленіи изъ невѣстина дома, такъ и, приблизившись къ дому жениха, сваты стрѣляютъ, а всю дорогу пьютъ и поютъ. Невѣстина коня подводятъ къ самому порогу дома; въ Дробнякахъ заставляютъ ее на конѣ подняться на высокое каменное крыльцо ступеней въ 10. Тутъ приводятъ къ ней или приносятъ ребенка лѣтъ 2—4 (непремѣнно мальчика) и сажаютъ на коня передъ невѣстой; это—*наконче*. Невѣста, взявъ его, поворачиваетъ, какъ куклу, съ востока на западъ, поцѣлуетъ и подаритъ чѣмъ-нибудь, и затѣмъ его берутъ отъ нея, а ее снимаютъ съ лошади. Одна изъ женщинъ, обычно свекровь, выноситъ ей изъ дома рѣшето съ пшеницей, иногда съ овсомъ, и она бросаетъ это горстями черезъ себя на-крестъ три раза; затѣмъ вынимаетъ изъ кармана яблоко и бросаетъ его вверхъ, при чемъ всѣ кидаются за нимъ, чтобы схватить; иныя бросаютъ его черезъ крышу дома и при невысокихъ постройкахъ перебрасываютъ.

Невѣста все время находится подъ покрываломъ съ высокою перяницей на челѣ. Входя въ домъ и ступивъ черезъ порогъ непремѣнно правою ногой, она кланяется всѣмъ такъ низко, что перяницей почти касается до земли. Потомъ ее обводятъ три раза вокругъ огнища, при этомъ она поцѣлуетъ его, и наконецъ ее сажаютъ на скамеечку у огня. Женщины всѣ подходятъ къ ней, здороваются, цѣлуются, иногда даютъ ей поѣсть немного меду. Такимъ

образомъ невѣста посидитъ немного и послѣ всего женщины отводятъ ее въ камару, чтобы отдохнула.

Сватовъ угощаютъ и даютъ имъ также отдохнуть. Между тѣмъ собираются сосѣди, мужчины и женщины, и готовится ужинъ; но ужинаютъ только сваты, которые тамъ и ночуютъ, и самые близкіе люди; а остальные идутъ на ужинъ домой и послѣ того приходятъ только посидѣть. Для спанья невѣста отводится въ особую камару и съ нею спятъ, не раздѣваясь, конечно, девери. Въ герцеговинскихъ краяхъ невѣста должна всѣхъ, остающихся въ жениховомъ домѣ на ночь, разуть и всю ихъ обувь высушить, а на другой день всякому подать, что̀ его. Девери и тутъ заботятся, чтобы къ невѣстѣ не прикоснулась женщина. Комната, гдѣ они спятъ, не запирается, а кто-нибудь изъ сватовъ старается украсть ночью какую-нибудь вещь, чтобы тѣмъ доказать недостаточную бдительность деверей.

На другой день невѣста даетъ сватамъ умываться; деверь ей помогаетъ; а она все подъ покрываломъ. Всякій, умывшись и утеревшись, бросаетъ въ тазъ (леђен) какую-нибудь монету. Затѣмъ пьютъ кофе, ракію и что-нибудь закусываютъ. Послѣ того отправляются въ церковь; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священникъ приходитъ въ домъ и тамъ совершается обрядъ вѣнчанья *). Передъ тѣмъ невѣсту выводятъ, и кумъ передъ всѣми сватами разрѣжетъ нѣсколько швовъ въ покрывалѣ невѣсты; а остальное довершаютъ женщины; но откроютъ только лицо до груди. Въ церковь невѣста отправляется съ деверями и еще

---

*) Насколько гражданскій обрядъ въ бракѣ ставится выше церковнаго, видно изъ того, что вѣнчанье въ церкви не составляетъ непремѣннаго условія. Недавно, въ 1893, женился одинъ байца; но такъ какъ ихъ старая церковь развалилась, вслѣдствіе дурной постройки, а новая еще лишь строилась, онъ вѣнчался въ своемъ домѣ; хотя возлѣ нихъ въ Дольнемъ-краѣ находится церковь, которою пользуются всѣ цетиняне, какъ приходскою, и вѣнчаются въ ней всѣ безъ различія племенъ; не хотятъ только байцы, потому что одинъ изъ нихъ убитъ былъ дольнекрайцемъ безъ всякаго однако участія цѣлаго племени; а церковь и подавно тутъ не причемъ. Это еще больше подтверждаетъ высказанное нами относительно взгляда черногорца на церковь и поблажки самаго правительства племеннымъ счетамъ.

съ нѣсколькими сватами; а женихъ отдѣльно съ кумомъ, старымъ сватомъ и другими.

Вѣнцовъ постоянныхъ въ церкви не имѣется; а всякій приноситъ свои. Для этого дѣлаютъ изъ прута ободокъ, обматываютъ его лентами или какими-нибудь цвѣтными лоскутками, иногда съ золотомъ, а если возможно, и съ природными или искусственными цвѣтами. Кумъ стоитъ сзади нихъ и кладетъ имъ на головы вѣнцы, три раза перемѣстивъ съ головы жениха на невѣстину и обратно, а потомъ все время стоитъ, положивши руки имъ на плеча и держа свѣчи. Когда поется: «святіи мученици» и т. д. и обводятъ вокругъ налоя, священникъ соединяетъ въ своей рукѣ руки жениха и невѣсты, а иные связываютъ полотенцемъ. Кумъ также ходитъ съ ними кругомъ, не снимая съ нихъ рукъ. Тутъ же происходитъ вторично и обрученіе, при чемъ священникъ три раза перемѣщаетъ кольца съ рукъ жениха и невѣсты и дотрогивается кольцомъ до лба той и другого. Дается имъ попить вина изъ одной чаши и кусочекъ освященнаго хлѣба или просфоры; но они не цѣлуются. Уходятъ изъ церкви также, какъ и приходятъ; при чемъ стараются идти совершенно различными дорогами. Выйдя изъ церкви, женихъ дѣлаетъ выстрѣлъ, другіе сваты ему вторятъ*).

Послѣ этого въ домѣ идетъ обычный пиръ, въ которомъ участвуетъ и женихъ, впрочемъ больше всего стараясь всѣхъ угостить и развеселить; тогда какъ невѣста въ другой комнатѣ

---

*) Въ церковь женихова сторона приноситъ и погачу, которую тамъ старый сватъ ломаетъ на головѣ и раздаетъ куски сначала всѣмъ сватамъ, а послѣ и другимъ присутствующимъ. На Цетиньѣ же ломаетъ погачу церковнякъ на шеѣ и раздаетъ куски дѣтямъ.

Въ Подгорицѣ послѣ вѣнчанья первый уходитъ женихъ и, взявши блюдо и наполнивши его ячменемъ, миндалемъ и монетами, ждетъ прибытія сватовъ съ невѣстой. Въ тоже время одна изъ женщинъ выходитъ съ погачей въ рукахъ и кувшиномъ вина, которые передаетъ невѣстѣ, чтобы она съ тѣмъ вступила въ домъ и приговариваетъ: «С великомъ срећом уљегла у овај дом!»; а женихъ въ это время горстью обсыпаетъ ячменемъ и прочимъ изъ блюда. На Цетиньѣ есть обычай, что, когда невѣста послѣ вѣнчанья войдетъ въ домъ, изъ него бросаютъ на улицу конфеты, которыя подбираютъ собравшіяся дѣти.

все время неподвижно сидитъ на кровати или на сундукѣ между деверями.

Въ Васоевичахъ пиръ этотъ идетъ такимъ порядкомъ.

Изъ дома каждаго свата приходятъ люди и приносятъ: испеченнаго барана или хлѣбъ, или питу; а старый сватъ непремѣнно то и другое. Это называется *поклон* (даръ).

Пока изготовится обѣдъ, поютъ и пляшутъ. Потомъ обѣдъ подаютъ на двухъ столахъ. За однимъ столомъ обѣдаютъ сваты и отмѣнные гости, и имъ служатъ женихъ и невѣста; за другимъ—женщины. Деверь, какъ и въ невѣстиномъ домѣ, кладетъ на столъ погачу и собираетъ на нее деньги, причемъ домашніе не даютъ ничего. Женщинамъ также предлагаютъ погачу, и онѣ даютъ дары: перстень, гребень и мыло, зубунъ, чулки и другія вещи для невѣсты.

Во время обѣда женщины поютъ пѣсни каждому свату отдѣльно, за что тѣ отплачиваются; но это не обязательно; можно отдѣлаться поднесеніемъ вина со стола или какого-либо лакомства. Послѣ обѣда опять веселье *).

Передъ ночью большая часть сватовъ уходитъ домой; невѣста цѣлуетъ ихъ въ руки, а они опять ей что-нибудь дарятъ; уходя, стрѣляютъ. Только кумъ и деверь остаются и ту ночь въ

---

*) Въ Подгорицѣ и въ этомъ случаѣ есть нѣкоторыя особенности. Такъ, послѣ обѣда старый и велій сваты затѣваютъ шутки, напр. бьютъ по ногамъ деверей, барьяктара и жениха, разбиваютъ стаканъ, изъ котораго кто-нибудь пьетъ вино и т. п. Подъ конецъ же деверь выноситъ погачу, которая сверху вся изукрашена, а посрединѣ сдѣлано отверстіе, и ставитъ ее сначала передъ кумомъ, который кладетъ на нее половину наполеондора, потомъ старый и велій сваты даютъ по 2 флорина, остальные, кто сколько хочетъ. Когда все это кончится, деверь пересчитываетъ деньги, завяжетъ ихъ въ платокъ и передаетъ куму со словами: «Држ, куме»! Кумъ хранитъ ихъ, а завтра передастъ молодому доматьину.

На ужинѣ остаются только тѣ, которые принесли въ домъ пециво, а остальные расходятся.

На другой день всѣ приходятъ къ молодому на ракію; а отъ него тоже идутъ на ракію ко всѣмъ сватамъ и на обѣдъ опять къ молодому. Туда-же приходитъ и братъ невѣсты съ однимъ родственникомъ и потомъ остаются на ужинъ и тоже дарятъ на погачу 2 флорина.

домѣ молодого. Первую ночь молодая спитъ съ деверемъ или съ кумомъ. На другой день деверь, если онъ изъ другого дома, всѣ деньги, собранные имъ, передаетъ брату молодого, пересчитавъ ихъ, и уходитъ, даря невѣстѣ не менѣе талера и до наполеондора; а она ему въ отдарье положитъ въ торбу рубашку, чулки съ навршками и полотенце. Кумъ также, прощаясь, даритъ и получаетъ отдарье.

Вечеромъ, когда пора ложиться спать, невѣста разуваетъ свекра и деверьевъ (братьевъ мужа); а младоженю нѣтъ, какъ бы стыдится. Его раздѣваютъ сестры; а послѣ къ нему приходитъ молодая. Въ другихъ мѣстахъ, особенно въ старой Черногоріи, молодымъ не даютъ сойтись въ продолженіе трехъ ночей; но и тогда сведенье ихъ маскируется. Молодая одну или больше ночей спитъ со свекровью, и только послѣ, въ одну изъ ночей, мать, договорившись съ сыномъ, уйдетъ отъ снохи, когда она заснетъ, и пошлетъ на свое мѣсто сына. Или-же сходились они гдѣ-нибудь внѣ дома, и то длилось долгое время; отсюда между новобрачными являлось иногда взаимное охлажденіе и нерасположеніе другъ къ другу. Если же свекровь была мачиха, то, какъ мы уже говорили прежде, съ ея стороны бывали злоупотребленія, послѣдствіемъ чего мужъ и жена, оставаясь слишкомъ долгое время чуждыми другъ другу, въ концѣ концовъ и совсѣмъ расходились *).

Въ настоящее время съ устраненіемъ многихъ неправильностей и злоупотребленій при самомъ заключеніи брака, на которыя мы указывали выше (см. 1 ч. стр. 260), къ лучшему измѣнены и эти отношенія и за устраненіемъ ихъ въ Черногоріи

---

*) Въ Загорьѣ (Рисанск. общины) бывало такъ: «послѣ вѣнчанья молодой ударитъ молодую рукой между плечъ и побѣжитъ отъ церкви на планину къ своему тору; и только послѣ трехъ мѣсяцевъ молодая понесетъ ему ѣду, и тамъ они познакомятся ближе» (Далм. Маг. 1848, стр. 95—115). Срв. съ этимъ слѣд.: «У прокезовъ и гуроновъ молодые супруги обязаны были прожить другъ съ другомъ цѣлый годъ, какъ братъ и сестра, чтобы доказать строгую воздержность и что ихъ свели болѣе благородныя наклонности, чѣмъ удовлетвореніе плотскихъ желаній» (Пешель, стр. 240).

сведенье молодыхъ чуждо всякихъ нескромностей, сопровождающихъ этотъ послѣдній актъ свадьбы въ другихъ, сербскихъ же странахъ, какъ то можно видѣть въ описаніи того у В. Богишича (§ 93, стр. 221—260).

б. МЕЛКІЯ ДОПОЛНЕНІЯ и ПОСЛѢБРАЧНЫЕ ОБЫЧАИ.

Чтобы не нарушать связи въ описаніи главнаго обряда, мы пропустили кое-какія частности, которыя и постараемся дополнить. Въ настоящее время невѣсту водятъ въ домъ жениха совершенно открытою; тогда какъ прежде это отнюдь не допускалось, и изъ-за этого выходили иногда очень крупныя столкновенія между сватами.

Такъ, вели однажды невѣсту изъ Пиперъ въ Бѣлопавличи. При ней по обычаю былъ деверь; но не успѣлъ еще отойти и провожавшій ее братъ. Въ это время дунулъ вѣтеръ и открылъ лицо невѣстѣ. Деверь, вообразивъ, что это она сдѣлала сама, ударилъ ее такъ, что она упала бы съ лошади, еслибъ не поддержалъ ее братъ, который тогда кинулся на деверя и убилъ бы его на мѣстѣ, еслибъ не вмѣшался въ то бывшій со сватами старый капетанъ: онъ ударилъ нѣсколько разъ чибукомъ деверя и тѣмъ удовлетворилъ оскорбленнаго брата. Какъ бы ни были хороши отношенія между деверемъ и невѣстой, которая называла его дорогимъ для нея именемъ брата, онъ всегда имѣлъ право ее ударить за нарушеніе какого-либо правила или обряда.

Въ прежнее время въ церковь на вѣнчанье не ходили женщины, хотя бы и замужнія; это считалось неприличнымъ; а теперь, особенно въ городахъ, идутъ даже дѣвушки. Съ невѣстой, когда сваты возьмутъ ее изъ родительскаго дома и ведутъ далеко, отправляется иногда женщина изъ того дома. Когда сваты приближаются къ женихову дому съ невѣстой, то имъ дѣлается встрѣча тоже на коняхъ и выносятъ сосудъ съ виномъ, на которомъ выставляется платокъ; тогда изъ свиты невѣсты выскакиваютъ нѣсколько человѣкъ и на-перегонки мчатся, чтобы

прежде схватить платокъ и выпить здравицу. Вообще-же изо всѣхъ домовъ, мимо которыхъ проѣзжаютъ или проходятъ сваты съ невѣстой, выносятъ имъ здравицы, т. е. сосуды (обыкновенно большіе графины) съ виномъ или ракіей и съ положенными на горлышкѣ сосуда—апельсиномъ, яблокомъ, айвой и т. п., и сваты должны немного попить и взять фрукты. Идя съ невѣстой сваты никому не отдаютъ чести, ни съ кѣмъ не раскланиваются, хотя бы имъ кланялись.

Когда невѣста приняла перстень и ее подводятъ къ столу передъ сватовъ, то деверь заботится, чтобы къ ней не прикоснулась ни одна женская рука, потому что тогда бракъ былъ-бы безплодный; а иная женщина изъ злого умысла подкрадется и нарочно потянетъ ее слегка за юбку три раза. Если то замѣтитъ деверь, то можетъ возникнуть крупная ссора и окончиться боемъ, и свадьба отъ этого можетъ разстроиться.

Ворожба надъ молодыми можетъ быть произведена злыми людьми и въ церкви. Такъ, чтобы сдѣлать бракъ безплоднымъ, нужно пойти въ то время въ церковь и, взявъ съ собою висячій замокъ, повернуть въ немъ ключъ такъ, чтобы онъ заперся, и потомъ бросить его въ колодезь съ ключемъ или безъ ключа. Если замокъ этотъ вынуть и отпереть, то ворожба теряетъ свою злую силу. Чтобы вообще избѣжать колдовства (*да не замаħиjajy*), женихъ беретъ буравчикъ и затыкаетъ себѣ за поясъ, когда идетъ на вѣнчанье; а когда воротится, то ввернетъ его гдѣ нибудь въ своемъ домѣ въ стѣнку, если домъ деревянный, или въ какую-нибудь балку. И никакое колдовство тогда не подѣйствуетъ.

Становясь передъ налоемъ при вѣнчаніи женихъ и невѣста стараются наступить одинъ другому на ногу, чтобы имѣть верхъ одинъ надъ другимъ.

Въ Васоевичахъ есть одинъ оригинальный обычай, не встрѣчающійся въ другихъ мѣстахъ въ домѣ.

Послѣ главнаго обѣда въ домѣ жениха по приводѣ невѣсты, воевода выходитъ на дворъ и лѣзетъ на крышу дома, какъ-бы желая ее раскрыть. Но ему даютъ какой-нибудь даръ (платокъ, чулки или деньгами), и онъ отступаетъ отъ своего намѣренія. Ему выносятъ потомъ курицу, онъ стрѣляетъ въ нее и убитую кладетъ въ свои бисаги (переметная сумка на сѣдлѣ). Другіе сваты подаютъ ему деревянную ложку, которую онъ затыкаетъ за околышъ шапки, и это его перяница. Лѣзетъ онъ потомъ на другіе сосѣдніе дома, о которыхъ знаетъ, что они состоятъ въ близкихъ отношеніяхъ съ невѣстинымъ домомъ, и также возвращается, получивъ подарокъ.

Онъ напоминаетъ *ћаjу* въ боснійскихъ свадьбахъ, какъ у православныхъ, такъ и у католиковъ. Это—нѣчто въ родѣ дружки—потѣшника (см. нашу статью въ Журналѣ мин. просв. 1879. Ч. CCVIII, отд. 2, стр. 39 и 53).

На другой день свадьбы—были сведены молодые или нѣтъ,—молодая должна встать раньше всѣхъ, развести огонь, принести воды и всѣмъ сватамъ дать умыться, за что ей даютъ какія-нибудь монеты, и это назыв. *полевачине.* Въ Дробнякахъ это самое дѣлаетъ деверь на 3-й день.

Въ настоящее время голову невѣсты тотчасъ же убираютъ, какъ принято вообще для замужнихъ женщинъ; а прежде была особенная высокая шапка съ разными украшеніями и высокою перяницей, называющаяся *ћук.* Въ герцеговинскихъ краяхъ была *круна*—дѣйствительно въ видѣ позолоченной короны. И этотъ головной уборъ невѣста надѣвала по праздничнымъ днямъ, когда шла въ церковь, въ продолженіи полугода или даже года. Въ герцеговинскихъ же краяхъ, выйдя замужъ, женщина носила за поясомъ небольшой ножъ до того времени, какъ рождала перваго ребенка.

Теперь о приданомъ, которое непосредственно слѣдуетъ съ невѣстой (*прћиjа*) и состоитъ исключительно изъ одежи: это—

ђевојачки ковчег или *скриња*. Его дѣвушка сама себѣ заготовляетъ собственнымъ трудомъ и изъ подарковъ родителей и другихъ домашнихъ и родственниковъ; а потомъ, когда имѣется въ виду замужество и особенно когда дѣвушка просватана, дѣлаются и болѣе значительныя затраты отъ цѣлаго семейнаго имущества. Просватанная дѣвушка не работаетъ ничего другого, какъ только приготовляетъ себѣ это приданое, въ чемъ помогаютъ ей всѣ домашніе и даже подруги изъ другихъ домовъ. Главное составляютъ рубашки съ вышитыми воротничками и грудями, которыхъ заготовляется 10, 15 до 30 и даже до 50; затѣмъ идутъ кореты, самое меньшее 5 до 20 и даже болѣе; якеты, джемаданы, у болѣе богатыхъ кованные серебряные пояса, шолковые платки и т. д. Обо всемъ этомъ договариваются обѣ стороны, сколько чего должно быть, и все это приданое сначала осматриваютъ сваты невѣстиной стороны, а потомъ и жениховы. Сверхъ всего этого идутъ постели, подушки, одѣяла и т. п.

Въ однихъ мѣстахъ (напр. Васоевичи) это приданое отправляется тотчасъ же со сватами, прибывшими за невѣстой; а въ другихъ (Старая Черногорія) это приданое идетъ на другой или третій день, и съ нимъ отправляются мать, иногда еще какая-нибудь родственница и братъ. О прибытіи ихъ должны знать впередъ, и молодая выходитъ немного изъ-за села на встрѣчу. Приданое это все вынимается изъ сундуковъ и раскладывается посрединѣ комнаты на полу; а принесшая его сидитъ также тутъ, пока ее не пригласятъ встать, занять другое мѣсто, и тогда ей дается угощеніе, наполеондоръ или другая монета деньгами и какой-нибудь подарокъ вещами.

Если невѣста бѣдная дѣвушка, иногда и безъ родителей и живетъ у родственниковъ, то было въ обычаѣ, если женихъ изъ зажиточнаго дома, справлять кое-что изъ одежи получше изъ женихова дома; но законъ черногорскій это запретилъ: «Строжайше запрещается при испрашиваньи дѣвушки давать что бы то ни было, кромѣ принятыхъ по обычаю кольца или цекина

деньгами. За нарушенье этой статьи платится штрафа 50 талеровъ» (Мин. вн. дѣлъ. 1888, № 747; ст. IV).

По прошествіи 8 дней посѣщаетъ молодую братъ и приноситъ ей какія-нибудь мелочи: орѣховъ, яблокъ, сахару; переночуетъ и отправляется домой. Дней черезъ 15 или черезъ мѣсяцъ навѣщаютъ свою дочь отецъ и мать, а также одинъ изъ братьевъ и кто-нибудь изъ сосѣдей, всего человѣкъ 5. Это называется *ити у походе*, а посѣтители *походјани*. Они приносятъ съ собою хлѣба, сыра, питу, ракію и иногда баранью тушу; а всякому члену жениховой семьи по какому-нибудь подарку. Прійдя на вечеръ, они остаются и весь другой день. Въ домѣ идетъ угощенье и дается обѣдъ, на который приглашается и кое-кто изъ сосѣдей. Тутъ договариваются, когда дочь прійдетъ къ нимъ *въ родъ у првиче*. Отецъ молодого или самъ молодой дарятъ тещу и другихъ женщинъ, пришедшихъ съ нею; а отецъ молодой также обдариваетъ всѣхъ женщинъ въ семьѣ и свою дочь. Отправляются домой послѣ второй ночи. Подходя къ дому и отходя, стрѣляютъ.

Если свадьба была передъ рожественскимъ постомъ, то идутъ *у првиче* тотчасъ по Рожествѣ; если въ рожественскій мясоѣдъ недѣли за двѣ до масляницы, то въ четвергъ на масляницу; а если какъ разъ передъ масляницей, то послѣ Пасхи. При этомъ соображается, чтобы лучше можно было угостить и веселѣе провести время.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодая отправляется только съ деверемъ и остается только одну ночь; въ другихъ-же съ нею идетъ непремѣнно *ђевер прстенски* и другой братъ мужа; только изъ женщинъ не идетъ никто. Провожатые ночуютъ одну ночь и уходятъ; а молодая остается дней 10 или 15; и обратно ее отводитъ братъ. Черезъ годъ она чаще идетъ въ родъ и остается на болѣе продолжительное время, и это назыв. *родовати*, *родованье*. Для этого есть особенные дни, въ которые *одивы* идутъ въ свой родъ: 3-й или 4-й день Рождества, на сплошной недѣлѣ (передъ масляницей) и еще нѣсколько. Все это, конечно, пока не пойдутъ дѣти; а тогда настаютъ заботы, которыя не даютъ пойти никуда

далеко и надолго. Въ заговѣнье передъ Великимъ постомъ, молодая не смѣетъ оставаться въ своемъ домѣ; а непремѣнно уходитъ въ другой домъ, къ деверю или къ кому-нибудь изъ родственниковъ.

Въ Подгорицѣ есть обычай, что *зет долази у тазбину* (домъ тестя и тещи). Это бываетъ обыкновенно въ первый годъ женитьбы во второй день Рождества.

Утромъ въ этотъ день приходитъ братъ молодой и говоритъ: «Поздравио је вас N., да дође М. ноћас с ким год'љубо на вечеру». Его оставляютъ обѣдать, а послѣ обѣда около 3 часовъ по полудни онъ отправляется и съ нимъ сестра. Вечеромъ приходитъ и зять съ товарищами. Приходъ его сопровождается выстрѣлами; послѣ пьютъ ракію, при чемъ произносятся взаимныя здравицы, а наконецъ садятся ужинать. Между различными кушаньями ставятъ сушенаго зайца, свареннаго съ свинымъ саломъ, и голову его кладутъ нѣсколько приподнятою, такъ что торчатъ два зуба. Зять бросаетъ въ него ножъ, стараясь попасть между зубами; если попадетъ, то всѣ очень веселы, а если нѣтъ, то продолжаютъ товарищи, и кто-нибудь да попадетъ.

Послѣ ужина поютъ, играютъ, веселятся, а послѣ уходятъ, при чемъ всѣмъ имъ дарятъ по платку. Уходятъ тоже со стрѣльбой.

Тоже самое бываетъ на *бабице*: тогда онъ приходитъ одинъ или съ двумя товарищами, и тогда ихъ тоже одариваютъ.

в) ДУХЪ И СМЫСЛЪ БРАЧНАГО ОБРЯДА.

Помимо значенія брака, какъ учрежденія, установленнаго и освящаемаго церковью, по идеѣ и духу христіанскаго ученія, въ немъ есть много такого, что̀ носитъ на себѣ печать народности, въ средѣ которой онъ совершается, и слѣды старины, давно минувшей, но задерживающейся въ обрядахъ и формахъ, сопровождающихъ бракъ.

Желая проникнуть въ духъ черногорскаго брака и уяснить

себѣ смыслъ сопровождающихъ его формальностей, мы постараемся изъ массы ихъ выдѣлить самыя главныя и существенныя и, по возможности, объяснить ихъ смыслъ и значеніе, что̀ и дастъ возможность опредѣлить духъ и дать общую характеристику брака въ Черногоріи. При этомъ мы должны припомнить и все то, что̀ уже было сказано о положеніи въ семьѣ женщины вообще и въ частности дѣвушки.

Иниціатива въ бракѣ, какъ и вездѣ, принадлежитъ жениху и его сторонѣ; тогда какъ невѣстина находится въ положеньи пассивномъ и ожидаетъ предложенія. Мы знаемъ, что въ прежнее и не очень давнее время существовало похищеніе невѣстъ, впрочемъ всегда почти съ ихъ тайнымъ согласіемъ. Бывали случаи, что невѣста сама приходила въ домъ жениха и дѣлалась его женой; но такой давалось презрительное названіе «самопошла». Ея иниціатива никакъ не должна проявляться: ее выдаютъ и берутъ. Только вскользь проявляется ея воля въ такомъ выраженьи, относящемся къ дѣвушкѣ: «Би-ли узела тога или тога?» При пассивной роли невѣсты, сторона ея однако во время сватовства стоитъ высоко: женихова сторона является просителемъ и, чтобы расположить въ свою пользу невѣстину сторону, старается задобрить ее безпрерывными подарками. Это длится однако только до заключенія окончательнаго договора, послѣ котораго, особенно послѣ отвода невѣсты, роли мѣняются: больше подарковъ дѣлаетъ сторона невѣстина, чтобы расположить въ ея пользу ея новую семью. Впрочемъ и старая, родная семья не снимаетъ окончательно съ нея своихъ рукъ и заботится о ней, какъ бы она далеко ни была. Мы уже говорили о томъ, что браки не заключаются въ одномъ братствѣ, хотя бы по числу степеней то и было возможно, въ тѣхъ видахъ, чтобы пріобрѣсть пріятелей въ чужомъ братствѣ. А дѣвушку, сверхъ того, по черногорскимъ понятіямъ лучше выдать въ другое племя или братство еще и въ томъ отношеньи, что, еслибы ей было тамъ не хорошо, то отъ чужого можно ее опять взять, и даже побиться съ нимъ изъ-за того; а между своими это нейдетъ. Такое толкованіе

подтверждается и фактами. Въ прежнее время нерѣдко случалось, что жена, обижаемая мужемъ и его семьей, уходила обратно въ свой родъ, который ее больше уже не выдавалъ мужу. Иногда родные ея приходили сами и уводили ее обратно или отнимали. Бывало, что, отнявши ее у одного, выдавали потомъ за другого; но и безъ того она могла оставаться въ своемъ домѣ, какъ будто никогда не выходила изъ него. Это прямо противорѣчитъ черногорскимъ же пословицамъ: «Ђевојка је туђа роба», и другимъ въ томъ же родѣ, въ которыхъ, какъ мы замѣчали, часто бываетъ односторонняя утрировка. Напротивъ врядъ-ли гдѣ можно встрѣтить болѣе крѣпкую связь между выданными замужъ и ихъ родомъ, какъ въ Черногоріи.

Указавши прежде на совершенную подчиненность дѣвушки въ семьѣ и на отсутствіе съ ея стороны всякой инипіативы въ дѣлѣ устройства ея собственной судьбы, не можемъ не замѣтить, что такое положеніе ея создалось практикою жизни; въ крайне подчиненномъ положеніи ея мы видимъ обычное и естественное злоупотребленіе силы; тогда какъ по идеѣ и она не лишена инипіативы. Не говоря уже о томъ, что церковь, носящая во всемъ на себѣ печать высокаго ученія Христа, не допускаетъ брака безъ согласія жениха и невѣсты одинаково, требуя сверхъ того, чтобы онъ основывался на взаимной ихъ любви; въ народныхъ обычаяхъ, сопровождающихъ бракъ, какъ они ни грубы и суровы по отношенію къ дѣвушкѣ, также признаютъ необходимость согласія невѣсты. Правда, о ней договариваются ея родные, желающіе выдать ее за человѣка, котораго она не знаетъ; потомъ братъ ея передаетъ ее изъ рукъ въ руки жениховой сторонѣ и беретъ за то деньги, что̀ напоминаетъ продажу; но въ то-же время родители не смѣютъ дать слова жениху, пока не получатъ ея согласія, и только заручившись этимъ согласіемъ впередъ, они сразу принимаютъ подарки; а если этого соглашенія впередъ не было и предложенье дѣлается безъ ея предварительнаго вѣдома, родители того не смѣютъ сдѣлать и ожидаютъ, приметъ она подарокъ, кольцо или деньги, или нѣтъ, и только

тогда дѣло считается рѣшеннымъ. Принявъ подарокъ, дѣвушка сама себя связываетъ словомъ, которому никто не измѣняетъ безъ причинъ особенной важности. Отказъ послѣ этого съ той или другой стороны равносиленъ нанесенію безчестья жениху или невѣстѣ, и потому все стараніе употребляется какъ можно больше закрѣпить этотъ договоръ. Давши кольцо невѣстѣ, женихъ ее уже связалъ; связанъ, конечно тѣмъ и онъ; но невѣстина сторона менѣе обезпечена: жениху, бросившему невѣсту, легче найти другую, чѣмъ ей другого. Вотъ почему невѣстина сторона не торопится, требуетъ больше сходокъ, чтобы дѣло больше огласилось, а отчасти, чтобы женихова сторона больше потратилась и тѣмъ показала свою безповоротную рѣшимость, и въ тѣхъ же видахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отецъ невѣсты беретъ отъ жениха впередъ порядочную сумму денегъ взаемъ. Это нѣчто въ родѣ задатка (*капара*).

Таковъ черногорскій бракъ въ сущности и, такъ сказать, по черногорской идеѣ и духу; но на практикѣ, конечно, встрѣчались злоупотребленія: родители выдавали дочерей противъ ихъ воли и даже насильно, противъ чего и выступила свѣтская власть съ закономъ, а церковь со строгими наказами священникамъ, чтобы не вѣнчали безъ ясно выраженнаго согласія на то жениха и невѣсты.

Есть въ черногорскомъ бракѣ и черты совершенно оригинальныя, которыя можно правильно понять и оцѣнить, только зная черногорскую народную жизнь. Таковъ обычай, что невѣста первыя три ночи спитъ съ деверемъ однимъ или двоими. Многіе въ этомъ видятъ остатки или слѣды бывшаго когда-то *левирата*. Дѣйствительно, мѣряя жизнь народовъ тысячелѣтіями, можно найти и у цивилизованнѣйшаго нынѣ народа періодъ чисто скотоподобной жизни съ людоѣдствомъ, общимъ половымъ сожительствомъ и другими, характеризующими его чертами. Но, выйдя изъ этого періода, народъ дѣлается субъектомъ нравственнымъ, и на этихъ нравственныхъ началахъ развивается его новая историческая жизнь. Поэтому въ бытовыхъ чертахъ историческаго

народа естественнѣе искать остатковъ не первобытнаго періода, а болѣе близкой исторической и культурной жизни. У сербскаго народа, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ его исторія (а тому прошло уже около 2000 лѣтъ) мы не находимъ левирата; поэтому не имѣемъ основанія искать его въ современномъ быту, и спанье деверя съ невѣстой въ Черногоріи вытекаетъ прямо изъ характера черногорца, изъ его крайней стыдливости передъ женщиной, какъ то мы показали выше (гл. III, стр. 242). Прежде всего этимъ маскируется актъ сведенья молодыхъ, на что мы также указали выше; а затѣмъ деверь, обыкновенно братъ или самый близкій жениху человѣкъ, его самый интимный другъ, которому онъ вѣритъ, какъ самому себѣ, является самымъ вѣрнымъ стражемъ ея невинности, и никакое злоупотребленье съ его стороны въ Черногоріи немыслимо *). Онъ принимаетъ невѣсту изъ рукъ ея брата, который былъ ея первымъ другомъ и покровителемъ въ родной семьѣ, заступая его ей въ семьѣ своего брата. Объ этихъ отношеніяхъ мы тоже говорили. Но маскировка и прикрытіе продолжается и послѣ того. Актъ этотъ не только маскируется, но еще и отдаляется для того, чтобы молодые имѣли время ближе познакомиться другъ съ другомъ, такъ какъ прежде они, можетъ быть, никогда не видались. Это—остатокъ того времени, когда черногорецъ юноша никогда не думалъ о женщинѣ и отчасти смотрѣлъ на нее, какъ аскетъ, и бѣжалъ отъ нея вслѣдствіе крайней стыдливости. Теперь такіе юноши стали рѣдкостью; а прежде—и то сравнительно не очень давно—таковы были они всѣ. Тутъ и слѣдуетъ искать объясненія обычаю, а не за тысячи лѣтъ назадъ.

Другіе обряды, сопровождающіе бракъ, не представляютъ собою никакихъ характерныхъ особенностей. Въ другихъ описаніяхъ перечисляются особенныя кушанья на свадьбахъ; въ Черногоріи мы не замѣтили, чтобы были особенныя кушанья;

*) Е. П. Ковалевскій хотя и говоритъ, что это бывало, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ; но мы никогда того не слыхали и потому относимъ это къ догадкамъ, а не къ фактамъ.

только что невѣста, пока не совершатся всѣ церемоніи, ѣстъ въ особой комнатѣ, что принесетъ и предложитъ деверь.

Въ 8-й день или въ ближайшій праздникъ молодая идетъ въ церковь со свекровью или другою женщиной ихъ семьи, но весьма скромно, почти скрытно, и тамъ ей читается молитва.

Дальнѣйшая жизнь и положеніе молодыхъ, равно какъ и ихъ взаимныя отношенія, представлены нами въ описаніи семьи.

Относительно второго брака говорятъ, что тогда вѣнецъ не надѣвается на голову молодымъ, но кладется на плечо; а при третьемъ на поясъ.

2. Рожденье и крещенье.

Прямую цѣль брака по народному понятію составляетъ увеличеніе семьи. Со вступленьемъ снохи въ семью произошло увеличеніе ея на одну работницу; а затѣмъ идетъ рожденіе, причемъ общее желанье, чтобы рождалось больше дѣтей мужескаго пола. Поэтому и въ здравицѣ на «крсно име» говорится: «Рано ти дубоко, шлеме високо, и под шлеме свако сjеме, а *наjвише мушкиjех глава*». Поэтому же, какъ мы видѣли, принимаются особенныя мѣры противъ колдовства, посредствомъ котораго злые люде стараются сдѣлать бракъ безплоднымъ; а потомъ, чтобы рождались дѣти мужескаго пола, при первомъ вступленіи на порогъ мужа невѣстѣ даютъ въ руки мальчика, котораго она иногда вноситъ въ домъ и кладетъ на брачную постель. Стыдливость однако никогда не покидаетъ черногорца, и потому беременность жены какъ ни пріятна мужу и остальнымъ семьянамъ, скрывается; и, когда то станетъ очевидно, беременная старается не показываться передъ посторонними, да и передъ своими стыдится. Незадолго до рожденья она уходитъ, если близко, къ матери; а то въ какой-нибудь ближній домъ, гдѣ мало людей; иногда тамъ и разрѣшается или же приходитъ въ послѣдній моментъ и скрывается въ каморкѣ, или же дѣло совершается гдѣ-нибудь на дворѣ, въ сарайчикѣ.

О беременной женщинѣ говорятъ: *тешка* или *самодруга*. Когда у кого родится ребенокъ, то говорятъ: «њему се нашло дијете» или «ја *сам бацила* дванаестаро»; а никакъ нельзя сказать: *родило се дијете*, особенно у цермничанъ; на это каждый отвѣтитъ рѣзко: «родио се Христос, син Божи»! Если же родится дѣвочка, то нѣкоторые съ презрѣньемъ говорятъ о родившей женщинѣ: *окотила се*.

Какъ относятся къ рожденью мальчика или дѣвочки, мы уже знаемъ. Послѣ дѣвочки иногда родительницѣ не даютъ и отдохнуть, какъ бы слѣдовало. Вообще же въ обычаѣ приходить на *бабине*. Приходятъ женщины и приносятъ подарки, главнымъ образомъ изъ съѣстного (*понуде*, какъ больной): яблоки и другіе фрукты, пригоницы, яйца и др. иногда вмѣстѣ съ какимъ-нибудь платочкомъ, полотенцемъ или другимъ чѣмъ-нибудь, и все это называютъ *повојнице*. Это продолжается цѣлую недѣлю, при чемъ кто нибудь остается при родильницѣ и ночью, что предохраняетъ ее, особенно-же ребенка отъ колдуньи и вѣштицы; иные на другой же день приглашаютъ священника *закрстити водицу* и окропить весь домъ и его обитателей въ видѣ очищенія отъ совершившагося грѣха; а другіе отлагаютъ это на послѣ, когда крестятъ ребенка, и тогда у нѣкоторыхъ освящаютъ масло.

Въ старое время, какъ мы уже говорили, съ крещеньемъ не торопились, при чемъ отчасти имѣлось въ виду, что потребуется ребенокъ для заключенья кумовства при умиреніи кровавой мести; а то просто запускалось и крестили ребенка такого большого, что онъ уходилъ отъ крещенья въ горы. Только если ребенокъ слабъ, тотчасъ призывали священника, который съ короткимъ призваніемъ благословенія Божія поливалъ ребенка водою со словами: «крещается рабъ Божій (имя рекъ), во имя Отца и Сына и Св. Духа», и это называется *ставити у мали крст*, къ совершенью котораго допускался и простой мірянинъ, если священника не могли тотчасъ привести вслѣдствіе дальняго разстоянія. Иногда съ этимъ малымъ крещеньемъ оставался человѣкъ и на всю свою жизнь. Въ новѣйшее время однако ду-

ховная власть наблюдаетъ, чтобы обрядъ крещенья совершался вполнѣ и оно не откладывалось-бы слишкомъ надолго; а тѣмъ не менѣе часто крестятъ ребенка послѣ мѣсяца и больше. Иногда это отлагается въ ожиданіи болѣе теплаго времени, гдѣ въ обычаѣ крестить непремѣнно въ церкви, гдѣ она есть и близко, а то на *церквинѣ*; часто-же крестятъ и на дому.

При крещеніи бываетъ только воспріемникъ (*кум*), безъ воспріемницы. *Кумъ вѣнчаный* креститъ только перваго ребенка, а для остальныхъ приглашаютъ другихъ, при чемъ иногда соображаютъ въ кумѣ найти сильнаго или богатаго друга крещаемому и всему дому, иногда же выбираютъ особенно счастливаго человѣка. Если всѣ дѣти мрутъ, то идутъ съ ребенкомъ на дорогу и просятъ быть кумомъ перваго встрѣчнаго, хотя бы то былъ совершенно нищій. Иные держатся всегда одного кума въ виду вступленія черезъ то въ родство, которое послѣ можетъ мѣшать при заключеніи брака. Кумъ, который креститъ ребенка, назыв. *крштени кум.*

При крещеньи дается имя ребенку. Иногда даетъ имя кумъ, иногда дѣдъ или бабушка, смотря по тому, мальчикъ или дѣвочка; даютъ имя кого-нибудь изъ старшихъ въ родѣ, но отнюдь не отца или матери; или же родители предоставляютъ выборъ священнику, по святому, какой означенъ въ святцахъ въ тотъ самый день или немного впередъ, при чемъ, конечно берутъ имена, употребительныя въ народѣ. Такимъ образомъ даютъ имена:

Спасое передъ спасовымъ днемъ (Вознесенье), *Крсто* передъ крестовымъ д. (14 окт), *Божо* передъ Божичемъ и т. п.

При отреченіи отъ сатаны кумъ плюетъ и для большаго эффекта растираетъ ногой. Но ребенокъ не погружается въ воду въ купель, а обливается сверху, при чемъ однако священникъ старается, чтобы не осталося ни одного мѣстечка, котораго не коснулась бы вода. Не надѣваютъ также на ребенка ни рубашечки, ни креста. Купелей, какъ мы уже замѣчали, и нѣтъ ни въ одной церкви, кромѣ цетинской каѳедральной.

Вотъ какъ происходило крещенье ребенка (*колевке*) при мнѣ въ Васоевичахъ (въ 1879 г.).

Для освященія воды принесена была деревянная чашка, изъ которой мы обыкновенно ѣли горячее, и поставлена на столъ. Когда происходило отрицаніе, то кумъ бралъ колыбельку съ ребенкомъ головою въ лѣвую руку, и къ переднему углу становился задомъ; а когда шло «сочетаніе Христу», то перемѣнилъ положеніе ребенка. Когда пѣлось «Елицы во Христа», священникъ и кумъ съ ребенкомъ обходили трижды вокругъ стола. Постриженіе и мiропомазаніе совершаются обычнымъ порядкомъ, а потомъ священникъ кропилъ ребенка водой съ креста, который стоялъ все время или погруженный въ чашу съ водой, или вставленный въ подставку передъ нею. Вмѣсто погруженія ребенка вынесли на дворъ и тамъ въ углу, гдѣ нѣтъ никакой нечистоты, его обливали водой, при чемъ священникъ держалъ ребенка, а кумъ поливалъ и потомъ понесъ его въ домъ. Послѣ всего въ томъ-же углу священникъ и кумъ умывали руки, поливая одинъ другому.

Когда минетъ ребенку годъ, тогда его стригутъ (*шишају*) и для того приглашаютъ кого-либо изъ посторонних, съ которымъ желаютъ быть въ особенной дружбѣ, и тому, кому это предложатъ, тѣмъ дѣлается честь; онъ также называв. *кум* съ прибавкою *шишани* (*шишано кумство*). Это постриженіе также сопровождается обѣдомъ, при чемъ кумъ даритъ ребенка. Иногда одинъ кумъ стрижетъ и всѣхъ дѣтей. Тотъ же обычай существуетъ и у сербовъ магометанъ; поэтому православные приглашали на постригъ магометанъ и наоборотъ.

Въ Васоевичахъ есть обычай черезъ нѣкоторое время послѣ рожденія ребенка приглашать гостей, которые, послѣ угощенья кофеемъ и ракiей или виномъ, кладутъ на колыбельку (*лучац*) какую-нибудь монету. О дальнѣйшемъ уходѣ за ребенкомъ и его воспитаніи мы уже говорили (въ 1 ч. стр. 317—319).

3. Смерть и похороны.

Самое тяжелое для черногорца умереть не въ бою, а дома, лежа на кровати (*омрцинити се*); и дѣйствительно вся обстановка умирающаго очень тяжелая. Если никакія лѣкарства не помогаютъ, и человѣкъ очевидно слабѣетъ и близится къ смерти, тогда прибѣгаютъ къ послѣднему средству: освящаютъ масло, которымъ и мажутъ его. Только огласится, что человѣкъ при смерти, всѣ сосѣди отправляются къ нему и въ той комнатѣ набивается такъ, что дышать нечѣмъ. Въ то же время, не стѣсняясь, выражаютъ свои сожалѣнія о неизбѣжности смерти, иногда обращаясь къ самому умирающему; а въ головахъ торопятся зажечь восковую свѣчу. Домашніе и близкіе родные пристаютъ съ различными вопросами, кому, что онъ завѣщаетъ и какое вообще оставляетъ распоряженіе. Это бываетъ часто совсѣмъ несвоевременно, и больной переживаетъ только тяжелый кризисъ; но этимъ участіемъ его окончательно убиваютъ. Если тутъ случится врачъ, то онъ, конечно, прежде всего выгонитъ всѣхъ лишнихъ людей, чтобы очистить воздухъ. Все это однако дѣлается не изъ одного участія къ умирающему, но по долгу и обычаю, какъ бы за душу; такъ какъ, по мнѣнію народа, это должно облегчить послѣднія минуты умершаго и придать нѣчто къ его славѣ и уваженію въ народѣ. Если умирающій до послѣдняго момента жизни сохранитъ память и присутствіе духа, то со всѣми прощается и въ заключеніе говоритъ: «Опраштам све: и змију под крш, и тицу у гору».

Въ ожиданіи, когда умирающій готовъ испустить послѣднее дыханье, всѣ домашніе стоятъ готовые ударить въ плачъ, и только это совершится, всѣ заплачутъ и закричатъ; а въ то же время одинъ изъ главныхъ мужчинъ или больше ихъ выскакиваетъ на дворъ и также закричатъ: «куку! леле!» Это — не плачъ и рыданіе, а раздирающій крикъ изступленнаго человѣка, какъ будто кто напалъ на него, и онъ въ отчаяніи взываетъ о по-

мощи. Всѣ сосѣди то знаютъ, и еслибы то было даже среди глухой ночи, встаютъ и отправляются въ тотъ домъ выразить свое сожалѣніе. Умершаго немедленно обмываютъ и одѣваютъ въ его лучшія одежды. Покуда покойникъ находится въ домѣ, не перестаютъ приходить посѣтители, въ продолженіи дня и ночи.

Въ то-же время священники читаютъ евангеліе (а не псалтирь, какъ у насъ). Посѣтителей все время угощаютъ кофеемъ, ракіей и виномъ.

Въ герцеговинскихъ краяхъ въ домѣ покойника за все время, пока его похоронятъ, не разводятъ огня и потому не готовится кушанье, а все это приносится гостями изъ ближнихъ домовъ; особенная же забота ихъ о дѣтяхъ. Это дѣлается на томъ основаніи, что домашніе убиты горемъ, ходятъ, какъ растерянные, и ни о чемъ больше не въ состояніи мыслить, какъ толко о покойникѣ. Впрочемъ въ тушеніи огня есть принципіальный смыслъ; особенно если умретъ единственный сынъ, отецъ сейчасъ зальетъ огонь водой; это значитъ *угасила се свијећа у кући.*

Съ погребеніемъ не торопятся; но и не оставляютъ мертваго въ домѣ долго, особенно лѣтомъ; наименьшій однако срокъ 24 часа, а иногда и больше; особенно если обстоятельства смерти были сомнительныя и если того потребуетъ случившійся при томъ докторъ, опасающійся, не мнимая ли то смерть или временное обмиранье. Впрочемъ черногорцы это и безъ доктора довольно хорошо умѣютъ узнавать.

Гробъ рѣдко дѣлается; а обычно, одѣвши покойника, покрываютъ большимъ кускомъ полотна, кладутъ на скамейку или на какой-нибудь помостъ изъ досокъ, и около раскладываютъ еще его одежду, оружіе и ордена, въ чемъ видны его заслуги, значеніе и достоинство. Для выноса покойника сбиваются изъ бревенъ или узкихъ грядокъ носилки, съ которыхъ его спускаютъ затѣмъ въ могилу. Въ могилѣ, по правилу, выкопанной въ ростъ человѣка, выкладываютъ каменьями края, на которые, когда опустятъ мертвеца въ могилу, кладутъ поперекъ каменныя же плиты, чтобы

насыпь сверху не раздавила тѣло. Для людей значительныхъ дѣлался деревянный гробъ, а теперь, гдѣ есть кому, и для людей простыхъ дѣлается досчатый гробъ (*мртвачка скриња* или *сандук*); прежде-же этого не было; поэтому гробомъ и теперь называется выкопанная для того яма (могила).

Съ отпѣваніемъ не торопятся, а ждутъ, когда соберутся всѣ родственники изъ сосѣднихъ селъ, которымъ дано извѣстіе тотчасъ, какъ только умеръ человѣкъ. Это бываютъ группы по 20 и болѣе мужчинъ и женщинъ, и всѣ отъ времени до времени *нарицаютъ* и *лелечутъ*. Мужчины идутъ одинъ за другимъ, тихо и уперши руки въ бока. Когда они приблизятся, то отъ церкви, гдѣ происходитъ отпѣваніе, съ покойниковой стороны одинъ или двое идутъ имъ навстрѣчу, лелекомъ же отвѣчая на ихъ лелекъ, и провожаютъ ихъ до церкви. Пришедшіе же бѣгомъ вскакиваютъ въ церковь въ шапкахъ и начинаютъ неистово скакать и кричать у гроба, бить себя кулаками по головѣ, при чемъ конечно шапки слетаютъ; прежде же царапали себѣ лицо ногтями; женщины бьютъ себя въ грудь, тоже царапая лицо. Иные расцарапывали себѣ лица еще дома, какъ только услышатъ, что умеръ человѣкъ; но главнымъ образомъ это производилось на могилѣ. Для этой цѣли нарочно не обстригали совсѣмъ ногтей или оставляли, по крайней мѣрѣ, на нѣсколькихъ пальцахъ. Изъ родственниковъ подвергали себя этому главнымъ образомъ сестры, снохи, сынъ по отцѣ, а также и родители по своимъ взрослымъ сыновьямъ. Но отецъ не плачетъ по своемъ сынѣ, какъ бы ни было то тяжело; и въ этомъ полагается юначество и достоинство его, какъ мужчины.

Когда умретъ главарь, то въ прежнее время производилось это всѣми, находившимися подъ его главенствомъ безъ различія родства. Женщины: жена, сестра, сноха, сверхъ того, обрѣзывали косы и клали ихъ на могилу. Обычаи эти отмѣнены еще законникомъ кн. Даніила и запрещеніе строго соблюдается и въ настоящее время, а нарушители его подвергаются наказанью штрафомъ и лишеніемъ чина или званья, если они таковое носили.

Носилки, на которыхъ спускали мертвеца, сжигаются, а также и одежда, въ которой онъ умеръ, или же ее отдаютъ какому-нибудь бѣдняку. Послѣ оружія и орденовъ больше всего бережется шапка покойника и иногда при ней прядь его волосъ, что̀ служитъ при дальнѣйшемъ обычаѣ оплакиванья его.

Въ церкви при отпѣваніи покойника и на могилѣ при опусканіи тѣла бываютъ ужасныя, раздирающія сцены. Съ криками: «ку-ку! ле-ле!» мужчины прыгаютъ, какъ изступленные, ударяя себя въ голову кулаками, теребя свои волосы и царапая лицо; а женщины бьютъ себя въ грудь такъ сильно, что, не видя, а слушая только тотъ звукъ, раздающійся даже среди общаго, неистоваго крика, можно подумать, что бьютъ въ пустую бочку. Иные кидаются въ могилу. Иногда женщинъ останавливаютъ; но мнѣ случалось видѣть, какъ дѣвушки колотятъ себя въ грудь, а никто и не думаетъ удержать ее отъ того, наблюдая только, чтобы не упала въ могилу. Когда весь обрядъ похоронъ конченъ, женщины, ближайшія родственницы доходятъ до того, что не въ состояніи держаться на ногахъ и не помнятъ себя; тогда ихъ ведутъ или тащатъ подъ руки, а онѣ въ истеричномъ состояніи кричатъ, стонутъ и плачутъ, но не причитаютъ. Нѣкоторыя женщины и не изъ очень близкихъ падаютъ въ обморокъ, и одна при мнѣ пролежала въ обморочномъ состояньи болѣе часу, такъ что думали, не умерла-ли она. А бывало, что умирали. Опустивши мертвое тѣло, поливаютъ его виномъ, за неимѣньемъже вина уксусомъ и деревяннымъ масломъ, а также изъ кадильницы высыпаютъ угли.

Когда погребенье окончено, то всѣ разсаживаются на кладбищѣ на могильныхъ плитахъ, а часть разсядется въ два ряда, такъ, чтобы между ними образовалась дорога, на которую вступаютъ двѣ женщины. Медленно, мѣрно шагаютъ онѣ одна за другою, слѣдъ въ слѣдъ, покачиваясь грудью впередъ, и передняя причитаетъ, а другая повторяетъ за нею, вполнѣ подражая ея движеніямъ. Такъ онѣ проходятъ по дорожкѣ взадъ и впередъ разъ 10—20, пока истощится ихъ запасъ для при-

читанья. Это называется *тужити* и *дјелкати*. Сидящихъ же по краямъ сначала обнесутъ кутьей (*коливо*, *панагија*), а потомъ нѣсколько разъ обносятъ виномъ и ракіей, кто что пьетъ. Кутья непремѣнно изъ пшеницы и поверхъ ея лежитъ восковая свѣчка, которую всякій поцѣлуетъ и приложитъ ко лбу, прежде чѣмъ взять кутьи. Тутъ же спокойно курятъ табакъ и ведутъ обычные разговоры. Прежде при каждой церкви было для того устроенное особое помѣщеніе въ видѣ двухъ параллельныхъ стѣнокъ высотою 15—20 сантим., называвшееся *трпеза*, потому что здѣсь дѣйствительно въ старое время происходилъ обѣдъ, состоящій изъ варенаго и печенаго мяса, хлѣба и напитковъ. Посрединѣ иногда на камняхъ клались доски въ родѣ стола. Угощенье это было для всѣхъ, кто только пришелъ на похороны; а часть гостей угощалась въ домѣ. При этомъ дѣлались громадныя издержки, что и дало правительству поводъ запретить этотъ обычай; такъ что теперь, кромѣ кутьи, вина и ракіи на кладбищѣ, никому не дается ничего, и даже родственникъ или близкій человѣкъ, хотя-бы пришедшій издалека, не смѣетъ войти въ домъ покойника выпить чашечку кофе, закусить немного и отдохнуть. Для этого отыскиваютъ другой домъ. По совершеніи погребенія, если можно, въ тотъ же день приходитъ священникъ въ домъ покойника «закрстити водицу», что̀ необходимо какъ для очищенія дома отъ слѣдовъ тяжкой болѣзни и смерти, такъ и для будущаго благополучія домашнихъ.

Угощенье по покойникѣ назыв. *даћа* и бываетъ три раза: въ сороковой день, въ полугодіе и по прошествіи года. Въ церкви въ тѣ же сроки служится панихида (*парастос*). Если умершій былъ человѣкъ, занимавшій высокое положеніе, или пользовался всеобщимъ уваженіемъ, то выразить свое сожалѣніе приходятъ и изъ другихъ селъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, напр. съ Нѣгушей на Цеклинъ или наоборотъ.

Изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ приходили только на другой, на третій день; иногда, занятые какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ дома, возвѣщали, въ какой именно день придутъ. По смерти

Филиппа Петровича это продолжалось больше недѣли, потому что хотѣли выразить свое сожалѣнье всѣ племена.

Это называется *ити на покајање.* Отправляются мужчины и женщины, но, конечно, тѣ и другія отдѣльно. Женщины идутъ обыкновенно попарно, старшія впереди; на всѣхъ струки, свернутыя узко и скрещенныя спереди, а края пущены назадъ изъ-подъ рукъ, у всѣхъ одинаково; во всемъ костюмѣ ничего не должно быть цвѣтного. Двѣ женщины причитаютъ поочередно, обычно когда проходятъ мимо какого-нибудь населеннаго мѣста. Поютъ не всѣ, а только умѣлыя. Это —*покајнице*; а мужчины —*покајници.* У мужчинъ этотъ строй не такъ строгъ, хотя тоже отъ времени до времени и они выстраиваются попарно, и изъ нихъ поочередно одинъ «лелечет»; но вспоминаютъ при томъ не того, на поминки котораго идутъ, а кого-нибудь изъ своихъ, тоже не такъ давно потерянныхъ. Ихъ трауръ состоитъ въ томъ, что несутъ ружья съ обернутыми внизъ дулами и выворачиваютъ на изнанку джемаданы. Прійдя на могилу, *покајники* всѣ въ одинъ голосъ залелечутъ и продѣлываютъ все то, что продѣлывалось при погребеньи. Затѣмъ, если церковь отворена, войдутъ въ нее и помолятся Богу; а послѣ идутъ въ домъ покойника, гдѣ имъ даютъ вина и ракіи, или же все это выносятъ на кладбище.

Семья умершаго облекается въ трауръ, который состоитъ въ томъ, что навыворотъ носятъ джемаданъ или елекъ, покуда потомъ сдѣлаютъ другой изъ чернаго сукна: на капицѣ верхушка также черная, и нигдѣ нѣтъ золотого шитья; не брѣются въ продолженіи года. Женщины, и безъ того неносящія почти ничего цвѣтного, надѣваютъ черную юбку и тщательно заматываютъ голову чернымъ платкомъ, чтобы нигдѣ не было видно волосъ; а жена при этомъ перевяжетъ косы спереди назадъ. Безъ надобности никто изъ того дома не стрѣляетъ, ни на «крсно име», какъ то въ обычаѣ.

Женщины, мать или сестра, причитаютъ и лелечутъ каждый день по нѣскольку разъ въ продолженіи недѣли, и непремѣнно рано на зорѣ, когда всѣ спятъ; а потомъ рѣже въ продолженіи года; иныя три года, иныя-же и всю свою жизнь, едва

только останутся наединѣ. Въ Подгорицѣ жена по мужѣ должна кукать каждый день въ продолженіи двухъ недѣль, а потомъ цѣлый годъ по праздникамъ и не выходить никуда изъ дому. Турецкія булы тоже кукаютъ по пятницамъ; поэтому тамъ вы круглый годъ по пятницамъ услышите куканье рано утромъ съ разныхъ сторонъ.

Тяжелыя сцены представляютъ вообще похороны; а въ Черногоріи онѣ тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Хотя и отмѣненъ обычай царапанья лица и обрѣзыванья женщинами косъ, тѣмъ не менѣе кое-когда и теперь можно встрѣтить этотъ обычай; а неистовые крики и теперь остаются въ полной силѣ; особенно потрясающимъ образомъ дѣйствуетъ, когда по спущеніи мертваго въ могилу весь народъ человѣкъ до 300 закричитъ изо всей мочи: «Куку-ле-ле-ле-ле!...» Какъ это происходило въ прежнее время, можно видѣть изъ повѣсти Степана Любиши «Поп Андрович. Нови Обилич». Это описаніе хотя относится къ Паштровичамъ въ Приморьѣ и къ концу прошлаго столѣтія; но происходило тоже въ томъ же духѣ и въ Черногоріи до не такъ давняго времени.

Отмѣтимъ еще нѣкоторые мелкіе обычаи. Если умретъ кто днемъ и церковь близко, то сейчасъ звонятъ въ маленькій колоколъ, но не раскачивая балку, къ которой онъ прикрѣпленъ, а только потягивая за языкъ, чтобы ударялъ въ края, при томъ удары нѣсколько чаще, почему всякій и узнаетъ, что кто-либо умеръ.

Въ сосѣднемъ домѣ узнаютъ это по первому лелеку, и тогда всякая ручная работа прекращается, иначе потомъ руки будутъ дрожать; а вода, находящаяся въ домѣ, выливается на дворъ, такъ какъ она дѣлается *дебела* и пить ее нельзя.

Услышавъ похоронный звонъ, особенно при выносѣ тѣла, каждый долженъ встать и перекреститься. А въ томъ домѣ, изъ котораго выносятъ мертвеца, двери должны быть оставлены отворенными, пока окончится погребеніе. На погребенье своего покойника уходятъ обычно всѣ и просятъ только кого-либо изъ сосѣдей понаблюсти, чтобы въ домъ не вошла собака и не на-

шкодила бы. При выносѣ наблюдаютъ, чтобы гробъ или носилки не задѣли за косяки дверей, такъ какъ это предсказываетъ вскорѣ еще покойника; поэтому иные на то время выбиваютъ, по крайней мѣрѣ, порогъ дверей, и послѣ опять вставляютъ; нужно избѣгать этого и въ церкви.

Три утра не пьютъ воду, принесенную съ вечера (Васоевичи). Покуда покойникъ въ домѣ, строго наблюдаютъ, чтобы черезъ него не перескочило какое-либо животное—кошка или собака, потому что онъ сдѣлается *тенац* (объ этомъ ниже).

Въ Подгорицѣ, когда выносятъ покойника, за порогомъ женщина ждетъ съ водой (съ полною кадушечкой) и, только минуетъ покойникъ, вноситъ ее въ домъ. За покойникомъ тоже носятъ кадушечку съ водой и коливо.

Въ Цермницѣ, когда выносятъ покойника изъ дома, то разбиваютъ *тикву* (кубышку, въ которой носятъ воду) или *лопижу*, *лопац* (горшокъ), чтобы этимъ завершилось всякое несчастье и впредь его не было.

Отъ покрова покойника отрываютъ полосу, навязываютъ на балку подъ крышей и оставляютъ, пока она сама собою куда-нибудь не исчезнетъ. Вѣшаютъ также опанки. Если умретъ доматьица, то подъ *шљеме* (крыша) вѣшаютъ мотыгу, и она остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не вступитъ въ домъ новая сноха, которая ее и сниметъ.

Когда приходятъ въ домъ посидѣть тотчасъ послѣ похоронъ, то всѣ непремѣнно должны быть въ шапкахъ, хотя-бы тутъ были иконы и горѣли свѣчи.

Примѣчаютъ за посѣтителемъ, послѣ того какъ въ домѣ былъ покойникъ, какъ онъ выходитъ изъ дома: если «повукује ногом о праг», т. е. зацѣпляетъ порога, то значитъ, что вскорѣ и еще будетъ покойникъ; если «очистио ноге о праг», то значитъ противное, т. е. все будетъ благополучно. Это говорится и въ другихъ случаяхъ, безъ покойника, такъ какъ видятъ въ этомъ знакъ, имѣетъ-ли человѣкъ что-нибудь противъ того дома или нѣтъ.

Мы уже говорили, что жена не смѣетъ передъ всѣми оплакивать своего мужа; только на третій день рано утромъ, на зорѣ собираются къ ней другія женщины или только свои домашнія и вмѣстѣ съ нею идутъ на могилу, гдѣ она и выплачется, и напричитается. Сопровождавшія ее женщины съ нею-же возвращаются въ домъ, и тутъ ихъ по обычаю угощаютъ.

Что касается надгробныхъ памятниковъ, то отъ стараго времени имѣется множество ихъ и различной формы. Самые старые изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды большой работы; а позже только кресты въ головахъ, иногда съ полинявшею надписью, а большею частью природная, необтесанная и необдѣланная плита или нѣсколько плитокъ, а въ головахъ такой-же камень удлиненной формы; иногда просто земляная насыпь, обставленная кругомъ небольшими камнями въ видѣ ободка. Только въ Васоевичахъ, Дробнякахъ, Пивѣ и частью въ Морачѣ ставятся деревянные кресты, съ треугольникомъ вверху, иногда украшенные рѣзьбою. Тамъ-же можно видѣть на этихъ крестахъ или на отдѣльныхъ шестахъ развѣшанные платки и разные цвѣтные лоскутки или полосы какой-нибудь матеріи въ видѣ ленты, иногда пряди женскихъ волосъ.

Заботамъ объ украшеніи могилъ какими-либо памятниками мѣшали двѣ вещи: недостатокъ мастеровъ и необезпеченность со стороны турокъ; а въ мѣстностяхъ, находившихся подъ господствомъ Турціи, христіанинъ и не смѣлъ поставить никакого памятника, потому что турки считали бы то оскорбленіемъ для себя. Гдѣ возможно, стараются, чтобы кладбище было между деревьями, или же сажаютъ-какое нибудь дерево, чтобы была тѣнь для посѣщающихъ могилы своихъ.

Въ настоящее время люди со средствами ставятъ надъ могилами настоящіе памятники изъ хорошаго камня, гладко обтесанныя плиты и въ головахъ кресты съ различными надписями и рѣзьбою, и на это не жалѣютъ тратъ *).

---

*) Въ послѣднее время правительствомъ узаконено, чтобы памятникъ состоялъ изъ простой плиты и креста; а въ надписи было бы означено только:

Кладбище находится непремѣнно вокругъ церкви или гдѣ была когда-то церковь, при чемъ, какъ мы уже говорили, оно подѣлено между отдѣльными братствами или родами.

Хоронятъ въ старыя могилы своихъ умершихъ, когда послѣ того пройдутъ три года, и любятъ смѣшивать ихъ кости; а если умретъ въ домѣ кто-либо, когда не прошло трехъ лѣтъ послѣ погребенія перваго, то временно погребаютъ въ могилѣ сосѣда, который по дружбѣ и уступаетъ охотно на такую просьбу; а потомъ переносятъ на свое мѣсто. Иначе-же чужого не любятъ принимать на свое кладбище, кромѣ какъ еслибы случился человѣкъ совершенно безродный, хотя бы то былъ католикъ или лютеранинъ. Если умретъ такимъ образомъ на чужбинѣ ребенокъ, то иной приметъ его въ свою могилу «за душу». Вообще-же стѣсняются копаньемъ новыхъ могилъ, какъ вслѣдствіе трудности, такъ какъ приходится иногда ломать для того сплошной камень, такъ и изъ экономіи мѣста, котораго вообще мало. Хоронятъ иногда и подъ старыми памятниками, гдѣ они есть.

Гдѣ бы ни умеръ черногорецъ или погибъ въ бою, если позволяютъ средства, тѣло его непремѣнно перенесутъ домой на свое кладбище. Для этого отправляются иногда за нѣсколько дней пути цѣлымъ братствомъ. Не дѣлаютъ этого конечно тогда, когда погибаютъ много въ сраженіи. Но гдѣ бы ни погибъ человѣкъ, на томъ мѣстѣ для знака ставится камень (*киљан*, *циљан*, *циљ*, *мрамор*), хотя бы тѣло его или кости оттуда были перенесены впослѣдствіи. Такихъ знаковъ множество по всей Черногоріи, иногда очень далеко отъ жилого мѣста. Когда кто умираетъ на катунѣ, а село далеко, то тамъ-же его и погребаютъ, и для того есть особыя мѣста, какъ кладбища.

Некрещенный ребенокъ и самоубійца не могутъ быть похоронены на общемъ кладбищѣ, а гдѣ-нибудь въ сторонѣ, притомъ въ такомъ разстояніи отъ церкви, чтобы тѣнь отъ нея не могла

имя покойника и время рожденія и смерти; другихъ же надписей и украшеній никакихъ отнюдь не должно быть. Распоряженіе это вызвано желаніемъ удержать народъ отъ излишнихъ издержекъ.

достигать ихъ могилъ. Тоже самое и относительно кузнецовъ, всегда почти цыганъ (Бог., стр. 535—6).

Теперь слѣдуютъ *тужбалицы*, которыя женщины поютъ по умершимъ.

Мы сказали, что онѣ поются при погребеніи и послѣ того всякій разъ, когда покойнику дѣлаютъ поминки. Но есть обычай причитать и на большихъ собраніяхъ (скупштинахъ), которыя бываютъ при монастыряхъ, какъ Острожскій, Морачскій, Пивскій и др., и это бываетъ не однимъ способомъ. Такъ, разъ было при мнѣ въ Морачскомъ мон., въ день Успенія Богородицы (15 авг.). Группа женщинъ изъ двухъ дѣвушекъ и двухъ замужнихъ, всѣ въ черномъ, обнявшись стали прохаживаться по монастырскому двору и одна изъ нихъ запѣла тужбалицу, каждый отдѣлъ которой, приблизительно въ 20 стиховъ, заканчивала криками: «ох-ох»!... протягивая ихъ съ ужасными стонами, точно въ истерикѣ. Она пѣла, медленно прохаживаясь по двору туда и сюда съ остальными подругами, двѣ изъ которыхъ присоединялись къ ея послѣднимъ крикамъ, и въ то же время поддерживали, когда она въ изступленіи близка была къ тому, чтобы упасть. По сторонамъ стоялъ народъ, безмолвно, но внимательно прислушиваясь къ печальной пѣснѣ. Это были три сестры, оплакивавшія отца, погибшаго въ послѣднюю войну, и еще одна ихъ родственница. Длилось это не менѣе получаса.

Въ другой разъ мнѣ привелось видѣть это въ другой формѣ. Пожилая женщина сидѣла просто на землѣ и причитала, держа передъ собою капицу, на которой лежала медаль и какой-то военный значекъ и вмѣстѣ съ ними прикрѣплена была нитками прядь волосъ; подлѣ нея сидѣла дѣвушка. Это были мать и дочь, оплакивавшія одна сына, другая брата, который не погибъ въ бою, а умеръ послѣ войны дома отъ болѣзни. Причитала мать. Это не была пѣсня, а простое воспоминанье о покойникѣ, какой онъ былъ еще молодой, красивый и здоровый; а теперь его нѣтъ больше въ живыхъ; былъ онъ въ тѣхъ и тѣхъ битвахъ, и нигдѣ не тронули его ни пуля, ни сабля; прошелъ онъ всю Герцеговину,

терпя голодъ, жажду и всякую нужду, и тамъ никакая болѣзнь его не коснулась; а пришелъ домой, чтобы расхвораться и умереть на рукахъ матери и т. д. въ томъ-же родѣ, постепенно прибавляя и то, что̀ относилось къ ней и сестрѣ, оставшихся безъ него сиротами, потерявшими въ немъ все, что̀ имѣли. По временамъ она останавливалась, какъ бы не въ состояньи продолжать, припадала на плечо къ дочери; та ее обхватывала обѣими руками, и крикъ «охъ!» исчезалъ въ глухихъ стонахъ и рыданьяхъ обѣихъ. Потомъ мать снова продолжала свой тихій речитативъ; она какъ будто просто раскызывала людямъ, въ молчаніи внимавшимъ ея горю. Окончивши, онѣ поднялись и отправились куда-то, какъ бы исполнивши свой долгъ, и смѣшались съ остальною толпою.

Причитаютъ обыкновенно медленно и очень внятно, особенно если стоишь близко, и записать было бы легко, еслибъ не было тяжело слушать: при всей простотѣ, это бываетъ такъ трогательно, что, прослушавши немного, чувствуешь потребность удалиться и перевести духъ. А между тѣмъ стоящій кругомъ народъ, такъ внимательно прислушивающійся къ каждому слову причитанья, относится къ этому съ какимъ то равнодушіемъ: эти люди столько перенесли своего собственнаго горя и наслушались *тужбаницъ* въ собственномъ домѣ, что чужая печаль какъ будто уже не можетъ на нихъ дѣйствовать; а иной слушаетъ будто свое собственное горе; и потому это не смущало общаго веселья; и рядомъ съ этою сценой слышалось дикое гиканье скачущихъ въ черногорскомъ *оро* и плавное нѣжное пѣнье въ хороводѣ герцеговинцевъ и герцеговинокъ; и въ то же время отдѣльныя группы спокойно пили и ѣли среди веселаго разговора.

Образцомъ тужбалицъ можетъ служить та, которую владыка Раде въ своемъ «Горскомъ Вѣнцѣ» вложилъ въ уста сестры Батрича, оплакивавшей своего брата и потомъ отъ тяжкаго горя убившей себя ножомъ. О ней В. Караджичъ выразился такъ: «Я не скажу, что̀ бы это все такъ составили и располо-

жили сестра Батрича или какая другая черногорка, но поистинѣ можно сказать, что въ ней нѣтъ ни слова, котораго не произносили бы въ Черногоріи покайницы» (Жив. и Об., стр. 176). Затѣмъ онъ приводитъ ее цѣликомъ среди другихъ, записанныхъ изъ устъ народа, всего болѣе 30.

Въ заключеніе сдѣлаю еще замѣчаніе, навѣянное мнѣ случайностью.

Случилось мнѣ заночевать въ одномъ домѣ, въ такъ называемой Пивской планинѣ. Изъ любопытства собралось около меня много народу и между массою вопросовъ о Россіи одинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Плачутъ-ли у васъ, когда кто умретъ?» Вопросъ странный; но еще страннѣе было то, что другой, вмѣсто меня съ полною увѣренностью, далъ ему такой отвѣтъ: «У нихъ плачутъ, когда родится человѣкъ; а когда умретъ, то пьютъ и веселятся». Откуда-же могло явиться такое предположеніе, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи съ самыми простыми и естественными побужденьями человѣка, къ какой бы народности онъ ни относился? Исторія знаетъ, конечно, что въ древнія времена тризны по усопшимъ сопровождались цѣлыми пиршествами; но откуда это могло прійти въ голову простого пивлянина? Не навело-ли его на эту мысль то, что по сосѣдству съ Пивой на Езерахъ есть два старинныхъ большихъ кладбища, на которыхъ есть памятники съ изображеньемъ людей, пляшущихъ въ *коло*? Еслибъ онъ зналъ, что то памятники сербскіе, онъ совершенно справедливо отнесъ бы къ своимъ предкамъ то, что теперь предполагаетъ въ насъ, русскихъ.

В) МЕЛКІЕ ОБЫЧАИ и ПРАВИЛА ИЗЪ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

Мы видѣли, какими обычаями сопровождаются особенные дни въ теченіи года и болѣе важные моменты вообще въ семейной жизни; посмотримъ теперь, какъ черногорецъ проводитъ каждый день, ненарушаемый никакими празднествами или особенными семейными событіями и обстоятельствами, при чемъ

однако, опять держится извѣстныхъ правилъ и формальностей, также установившихся временемъ и вошедшихъ въ обычай. Начнемъ по дневному порядку съ пробужденія отъ сна утромъ.

Черногорецъ, любящій долго засиживаться по вечерамъ, встаетъ не рано, если нѣтъ особенной надобности. Но одна изъ дочерей или младшая сноха должна подняться раньше всѣхъ, чтобы развести огонь и приготовить горячей воды. Рано также поднимаются чобаны лѣтомъ для выгона скота на пастбище, а зимой, чтобы дать ему сѣна или другого корму.

Нѣтъ обычая у черногорца, вставши, одѣться на скорую руку, чтобы прежде всего умыться: онъ тотчасъ-же одѣвается вполнѣ, начиная съ опанокъ и оканчивая поясомъ и силавомъ, и уже совсѣмъ одѣтый немного поплескаетъ по лицу (васоевичи говорятъ, что больше двухъ разъ не нужно) и потретъ руки. Дѣти сплошь и рядомъ вовсе не умываются. Неодѣтыхъ-же въ полный костюмъ можно видѣть только лѣтомъ, и всегда на головѣ капица.

Молиться Богу въ домѣ нѣтъ мѣста, нѣтъ большею частію и иконы; поэтому для молитвы, которая все-таки считается необходимою, черногорецъ выходитъ на дворъ и молится, обратившись къ востоку: «Сунце на исток, Бог на помоћ» и затѣмъ читаетъ молитву собственнаго своего сложенія, обращаясь ко Христу, Богородицѣ и Святымъ Николаю, Георгію, Петру (Цетинскому), Василію Острожскому и т. д. и прося ихъ помощи, при чемъ старается употреблять тѣ слова и выраженія, которыя когда-либо слышалъ въ церкви или при совершеніи церковныхъ обрядовъ. Въ послѣднее время все больше являются въ домахъ иконы и новое поколѣніе читаетъ уже молитвы, выученныя въ школѣ.

Окончивъ все это, по большей части и поселяне даже пьютъ черный кофе, но только старшіе, въ томъ числѣ мать, бабушка или одни мужчины; иногда выпиваютъ рюмку ракіи; другіе-же ѣдятъ только по куску хлѣба и сыра. Затѣмъ начинаются дневныя занятія, объ которыхъ мы уже говорили въ отдѣлахъ земледѣлія и скотоводства.

Когда нѣтъ большихъ работъ въ полѣ и всѣ сидятъ дома

или исполняютъ какія-нибудь легкія работы около дома, то до обѣда и не полагается никакой ѣды; а если идутъ полевыя работы и особенно если есть работники изъ чужихъ, то между 9-ю и 10-ю часами полагается *ручак* (нашъ завтракъ), состоящій большею частью изъ сухоястія, хлѣба и сыра; иногда бываетъ свиное сало или мелкая копченая рыба (уклева), чтобы, «присмочити»—сдобрить сухой хлѣбъ. Закусить чего нибудь наскоро назыв. *чалабркнути* и потому говорятъ: «чалабрчак—мали ручак».

Около полдня бываетъ обѣдъ: «Ручак смо окрпили,—говорятъ рабочіе,—сад на ови час ођемо да објeдујемо». Въ иныхъ мѣстахъ это называется *предручак* или *доручак*, а обѣдъ — ручак (васоевичи). Такъ какъ въ простыхъ сельскихъ домахъ большого стола нѣтъ, чтобы помѣститься за нимъ цѣлому семейству, и сверхъ того есть обычай выдѣлять изъ общаго стола женщинъ, то вся ѣда часто происходитъ въ разбивку. Если-же соберутся всѣ, главнымъ образомъ *доматьинъ* съ дѣтьми, то тутъ соблюдается извѣстный порядокъ.

Передъ тѣмъ моютъ руки; затѣмъ садятся. Доматьинъ прочитаетъ молитву, какую знаетъ или просто по-своему; а если изъ дѣтей есть кто-нибудь, учившійся или учащійся въ школѣ, то онъ читаетъ «Отче нашъ», «Во имя отца», «Слава тебѣ, Боже» и др. Священникъ въ своемъ домѣ или въ чужомъ всегда благословляетъ трапезу и при этомъ читаетъ соотвѣтствующія тому молитвы, которыя всѣми благоговѣйно выслушиваются стоя.

Выше (стр. 261—263) мы говорили объ одномъ произведеніи средневѣковой схоластики, извѣстномъ и въ старинной русской письменности подъ именемъ «евангелистой пѣсни», которое въ Черногоріи читалось, какъ передобѣденная молитва и найдено нами въ домѣ одного духовнаго лица на Цеклинѣ, гдѣ оно читалось до недавняго времени.

Тамъ-же мы приводимъ и текстъ этой молитвы съ добавленіемъ ея на латинскомъ языкѣ, записаннымъ нами также въ Черногоріи отъ одного албанца-католика въ г. Ульцинѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что молитва эта, въ настоящее время мало

кому извѣстная, прежде имѣла гораздо большее распространеніе. Такъ, съ точностью извѣстно, что она читалась въ Васоевичахъ, при томъ въ болѣе правильномъ видѣ, хотя намъ не могли сказать, въ какомъ именно случаѣ.

Для насъ достаточно знать, что въ извѣстномъ намъ мѣстѣ она служила передобѣденною молитвой и, принимая ее за таковую, мы продолжимъ описаніе порядка, въ которомъ совершается черногорская трапеза.

Когда всѣ сѣли за столъ, дается на всѣхъ одно полотенце (убрус), настолько длинное, что можетъ достать кругомъ всего столика (*софра*), и лежитъ у каждаго на колѣняхъ. Но скатерть (*тавaja, чаршав*) на столѣ бываетъ только при торжественныхъ обѣдахъ и то не всегда.

Прежде всего раздается хлѣбъ. Рѣжетъ его домаћинъ; но предварительно, взявши его обѣими руками, сожметъ между пальцами и стукнетъ имъ слегка по столу. Никакъ нельзя рѣзать отъ себя, а непремѣнно къ себѣ, и это не вслѣдствіе неудобства перваго способа, но неприлично и грѣхъ; потому что, рѣжа отъ себя, мы его какъ-бы отталкиваемъ. Или-же рѣжутъ его, положивши на столъ, и тогда разрѣзываютъ его сначала накрестъ на четыре куска, а потомъ мельче. Куски (а не ломти, какъ у насъ) кладутся передъ каждымъ на столъ разрѣзанною стороною къ краю стола и непремѣнно верхнею коркою кверху. Во время ѣды нельзя разговаривать и должно сидѣть съ благоговѣніемъ. Прежде всего съѣдятъ немного сыру; затѣмъ первое кушанье составляетъ юха или чорба изъ-подъ вареннаго мяса, если есть, и ея ѣдятъ понемногу; затѣмъ идетъ мясо, а въ заключеніе опять непремѣнно сыръ. Само собою разумѣется, что часто обходятся безъ горячаго и безъ мяса (о кушаньяхъ см. т. II, ч. 1, отдѣлъ «Пища» и проч.)

Окончивши ѣду, дѣлаютъ движеніе обѣими руками къ сосуду, въ которомъ она была, какъ-бы желая его обнять или приласкать, и дотрогиваются слегка до его краевъ; или тоже самое дѣлаютъ,

относясь къ столу; а то просто поднимаютъ руки кверху со словами: «Намприо ти Бог!» и послѣ того читаютъ молитву.

Послѣ обѣда опять моютъ руки, и это необходимо, такъ какъ ѣдятъ безъ всякихъ орудій, кромѣ ложекъ. При этомъ, если что-нибудь пристало къ ладонямъ, то нельзя потереть ими одну объ другую, а нужно очистить пальцами приставшее къ нимъ и потомъ уже обмыть.

Если кусочекъ хлѣба упадетъ со стола, его подниметъ кто-нибудь, поцѣлуетъ и положитъ опять на столъ. Не даютъ падать со стола и крошкамъ хлѣбнымъ; а по окончаніи стола собираютъ ихъ и бросаютъ въ огонь или даютъ курамъ, отчего онѣ лучше несутся. Крошки, собранныя наканунѣ Рождества (бадњи вечер), сохраняютъ, а на Юрьевъ-день, смѣшавъ съ солью, относятъ ихъ коровамъ, которыя тогда даютъ больше молока.

Если ложекъ не достаетъ на всѣхъ, что бываетъ, когда ѣдятъ внѣ дома, напр. чобаны, при пастбѣ скота, то *пола́жу-се* (полагати се), т. е. передаютъ одинъ другому.

Относительно мѣстъ замѣтимъ, что мѣсто, кто какое занималъ за ужиномъ наканунѣ Рождества, заіметъ непремѣнно и въ самый день Рождества.

Около 4-хъ ч. по полудни бываетъ *ужина* (полдникъ), а потомъ *вечера* (ужинъ), которая совершается въ томъ-же порядкѣ, какъ и обѣдъ.

Спать послѣ обѣда нѣтъ обычая; развѣ только во время лѣтнихъ работъ, когда встаютъ очень рано. Но отдыхъ состоитъ въ томъ, что посидятъ, покуривая трубки или папиросы и разговаривая; иногда и полежатъ немного, но не спятъ; это называется «*пружитисе*», т. е. протянуться и расправить члены или *тренути* — подремать.

У женщинъ, конечно, нѣтъ и такого отдыха.

По вечерамъ любятъ засиживаться вокругъ огня, и всегда найдутся гости. О такомъ препровожденіи времени на досугѣ мы уже говорили (II т., 1 ч., Досугъ).

Женщины и дѣти ложатся раньше; но одна изъ женщинъ,

на обязанности которой лежитъ все прибрать и приготовить для другого дня, ложится послѣ всѣхъ. Изъ дѣтей мальчики постарше также засиживаются со взрослыми, особенно если разговариваютъ о военныхъ дѣлахъ.

Если кто куритъ, то не разстается съ трубкой ни днемъ, ни ночью. Спятъ, какъ мы уже говорили, всѣ въ повалку; только для старшихъ есть кровать, иногда и отдѣльная каморка.

Спятъ мужчины часто въ шапкахъ, а иногда, сверхъ того, обматываютъ голову полотенцемъ въ видѣ чалмы. Это понятно зимой и еще въ домѣ безъ потолка, гдѣ изъ-подъ крыши свободно дуетъ холодный воздухъ; но иной это дѣлаетъ и въ комнатѣ, совершенно защищенной отъ вѣтра и теплой.

Укладывая дѣтей спать, наблюдаютъ, чтобы они ложились на правый бокъ, а также и вставали-бы на правую сторону, ступая прежде правою ногою. Взрослые, конечно, должны наблюдать надъ собою то-же самое. Обувать также нужно прежде правую ногу, и это предохраняетъ отъ зубной боли. Вообще правая сторона считается счастливою, тогда какъ лѣвая наоборотъ. Поэтому, когда дѣло идетъ хорошо, говорятъ: «Дигао-се с десне ноге» или «стране»; а если плохо то: «Пошао је за лиjевом руком, ђавољим путем» или «трагом».

Невѣста, вступая впервые въ домъ своего мужа, старается стать прежде правою ногою. Плевать можно только черезъ лѣвое плечо, а отнюдь не черезъ правое, на которомъ стоитъ ангелъ-хранитель. При встрѣчѣ на дорогѣ каждый держится правой стороны.

Въ описаніи жилища со всею обстановкой, одежды и пищи черногорца мы часто приводили и черты изъ самой жизни, вызываемыя и обусловливаемыя ими; но кое-чему въ тѣхъ отдѣлахъ не нашлось мѣста; это и постараемся пополнить.

Такъ, надѣвая новую рубашку, предварительно становятся правою ногою на *врат* (воротъ, воротникъ), что-бы она прежде сносилась и не пережила носящаго ее; также поступаютъ и со всякою другою одеждой, помявши, потоптавши ее немного ногою.

При опоясываніи ребенка въ Черногоріи мы не могли узнать объ какомъ-нибудь обрядѣ; а только когда ему минетъ 7—8 лѣтъ, мать опоясываетъ его какою-нибудь полоской (*узицом*) отъ стараго, износившагося отцовскаго пояса или отъ гашника.

Когда ребенокъ впервые начнетъ ходить (*прохода*), то мать въ этотъ день испечетъ особенную *погачу поступаоницу* и угощаетъ домашнихъ *).

Идя къ Св. причастію, нужно имѣть если не всю одежду новую, то хотя что-нибудь новое. Больше всего это наблюдается въ Подгорицѣ, Рѣкѣ и другихъ городахъ, частію во всемъ Цеклинѣ и на Цетиньѣ, въ другихъ-же мѣстахъ, особенно въ глубинѣ Черногоріи меньше, тѣмъ болѣе что и вообще на одежду мало обращается вниманія. Идти въ бой въ новомъ нельзя.

Мы уже говорили, какъ дѣвушка и вообще женщина, расчесывая свои волосы, старается, чтобы того никто не видалъ. Никто также не долженъ видѣть, какъ стригутъ ногти, мужчина и женщина; и обстригши ихъ, нужно собрать въ руку и даже завязать въ тряпочку и положить въ такое мѣсто, куда никто не заглядываетъ, большею частію засовываютъ въ отверстія между камнями въ каменной стѣнѣ. Если упадетъ хоть одинъ обрѣзанный ноготь, рѣзавшій не успокоится до тѣхъ поръ, пока его не найдетъ. Рѣзать ногти въ чужомъ домѣ—невѣжливо и даже обидно тому дому. Точно такъ, и обстригши волосы, стараются скрыть ихъ гдѣ-нибудь; обычно закапываютъ глубоко въ навозную кучу или просто въ землю, гдѣ никто не ходитъ. Все это дѣлается частію изъ приличія, а частію противъ колдовства, которое совершается на какой-нибудь частицѣ человѣческаго тѣла.

Мы знаемъ уже, что вечеромъ на огнищѣ оставляютъ часть жара, засыпавши его золой (*запретају*), отъ котораго разводятъ огонь на другой день. Если по сосѣдству прійдутъ попросить

*) Въ Герцеговинѣ, когда мальчику впервые надѣваютъ фесъ, то подъ верхнюю пуговку зашиваютъ кусочекъ отъ рога жука, назыв. *јелен* или *лелен и јеленак*, чтобы онъ былъ легокъ, какъ тотъ летающій жукъ (или какъ олень?).

жара, пока сами хозяева не развели огня, то не дадутъ ни за что; а поспѣшатъ сами раздуть огонь и потомъ бери, сколько нужно. Если же въ домѣ родился ребенокъ, то покуда его не крестятъ, никто не попроситъ изъ него огня; а если-бы кто попросилъ по незнанію этого, то сами хозяева отвѣтятъ: «Опростите, код нас дијете још није крштено».

Мы видѣли также, что, возвращая занятое молоко, при переливаніи изъ своего сосуда, стараются немного оставить, чтобы онъ никогда не былъ празднымъ: возвращая чужой сосудъ, воспользовавшись содержавшимся въ немъ, непремѣнно положатъ въ него чего-нибудь, если нечего, то муки, соли или даже золы.

Грѣхъ великій плюнуть на огонь: а если кто сдѣлаетъ это нечаянно или въ забывчивости, то долженъ, собравши вмѣстѣ всѣ пальцы на правой рукѣ, подуть въ нихъ. Это дѣлается и въ другихъ случаяхъ, если сдѣлано что-нибудь непозволительное, напр. если почешешь пальцемъ горло: иначе можетъ случиться зобъ или другая какая горловая болѣзнь. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. противъ болѣзни нужно сверхъ того тѣми-же пальцами ударить въ каменную стѣну со словами: «у кам удрило!»

Относясь къ огню, какъ стихійной силѣ, съ какимъ-то, можно сказать, религіознымъ уваженіемъ, черногорецъ также относится къ водѣ и землѣ. Если вода въ какомъ-нибудь сосудѣ, поставленномъ на огонь, долго кипитъ, а въ ней ничего нѣтъ,— «грехота је», потому что она *мучи-се*», и въ нее бросаютъ щепотку муки, если она назначается для варенья кушанья, а если не для ѣды, то золы.

Иной сидитъ и въ забывчивости бьетъ по землѣ палкой; тогда другой непремѣнно остановитъ его: «грехота је бити земљу». Это также распространяютъ и на другіе предметы. Такъ, одинъ принесъ въ судъ прошеніе: писарь взялъ его, прочиталъ и, положивъ передъ собою, постукиваетъ по бумагѣ пальцемъ. Тотъ поднялъ цѣлую бурю изъ-за того, что писарь «шиба моју књигу». Тутъ однако не одно благоговѣніе къ предмету, а чувство самолюбія и правило приличія и этикета.

Строго наблюдаютъ, чтобы молоко, когда его кипятятъ, не перелилось черезъ край, такъ какъ это влечетъ за собою несчастіе для дома, главнымъ образомъ неблагополучіе въ скотѣ. Въ предупрежденіе несчастія слѣдуетъ тотчасъ-же бросить на огонь сырую съ листьями вѣтку и нужно, чтобы она затрещала.

Пролить вино—обѣщаетъ счастье, тоже и кофе; но ракію пролить — будетъ несчастіе или ссора. Относительно соли мы не могли узнать никакой примѣты; и это объясняется тѣмъ, что въ сельскомъ домѣ, хотя и есть солонка, но на столъ она не ставится, а когда кто потребуетъ соли, то приносятъ на блюдечкѣ или-же просто щепотку въ рукѣ.

Въ смыслѣ экономіи существуетъ пословица: «трпеж и крпеж полак свиjета држе» и потому домъ, въ которомъ какъ-бы хорошо ни одѣвались, а если не видно *крпежа*, т. е. починокъ и заплатъ на одежѣ, не считается порядочнымъ. Точно также требуется, чтобы все въ домѣ было прибрано и стояло на своемъ мѣстѣ, начиная съ посуды и оканчивая послѣднею тряпкой или обрывкомъ веревки. Поэтому, приведя въ домъ молодую сноху, испытываютъ ее такъ: бросятъ что-нибудь на полъ и замѣчаютъ, подниметъ она или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ объ ней составляется мнѣніе, какъ о нерадивой и негодной.

Въ главѣ о скотоводствѣ мы пропустили двухъ домашнихъ животныхъ, кошку и собаку. Первая—несчастнѣйшее созданіе въ домѣ. Ей не только нѣтъ своей опредѣленной порціи въ ѣдѣ, но не даютъ ей даже объѣдковъ, развѣ что-нибудь упадетъ со стола и она успѣетъ то схватить; но и къ столу она почти не подходитъ, потому что всѣ ее бьютъ и гонятъ; ея мѣсто подъ крышей и внѣ дома, гдѣ и живетъ она ловлею мышей и мелкихъ птичекъ.

Не встрѣтите у черногорца жирнаго кота или кошки; а все такія тощія, скрюченныя, голодныя, готовыя вскочить на малаго ребенка и отнять кусокъ, что и совершаетъ кошка, укусивши и иногда изувѣчивши ребенка (т. II, ч. 1, стр. 346). Поэтому она дичаетъ, а иная совсѣмъ уходитъ въ лѣсъ, гдѣ и проводитъ свою жизнь, дѣлая на домъ свои набѣги для хищничества.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи собака, особенно *торни пас* (овчарка), которую держутъ на цѣпи у тора для охраны скота. Бывали страшные псы, которые не столько оберегали отъ волка, сколько отъ человѣка: когда завязывался бой между чобанами и нападавшими на нихъ турками, песъ принималъ участіе въ бою, нападая на непріятеля, и убить его было тоже, что убить человѣка юнака. Есть псы, объ которыхъ разсказываютъ, какъ объ извѣстныхъ герояхъ—людяхъ. За то и цѣна имъ была большая; бывали до ста талеровъ или давали за пса лучшую лошадь. У одного былъ песъ, который три раза перегрызалъ желѣзную цѣпь и переранилъ до 20 чел., за что конечно, платился хозяинъ и потомъ долженъ былъ сломать ему зубы, но и послѣ того его никогда не спускали съ цѣпи; только, когда онъ совсѣмъ ослабѣлъ (*oматуфио*), ему дали свободу; тогда онъ уже и не лаялъ, но въ домѣ пользовался почетомъ, какъ старый ветеранъ. Пса никто не смѣетъ убить, какъ и человѣка; за его голову убившій долженъ поплатиться деньгами или подвергнется мести; допускается это только въ крайнемъ случаѣ, при самозащитѣ, что̀ должно доказать сильными свидѣтельствами. И такое страшное животное, говорятъ, никогда не трогаетъ женщинъ и дѣтей; а если кидается на человѣка, то не хватаетъ за ноги, а за части тѣла, которыя выше пояса, руки, грудь, голову.

Главная забота о немъ лежитъ на хозяйкѣ дома, и плоха та хозяйка, у которой собаки не накормлены хорошо. У пса есть свой домикъ, въ которомъ онъ укрывается отъ непогоды, и своя пища, которую для него приготовляютъ; а когда кормятъ его вечеромъ, то хозяйка все время, покуда онъ не поѣстъ, держитъ передъ нимъ зублю для освѣщенія.

Гораздо меньше заботы объ охотничьей собакѣ (*кер*, *биза*, *бизин*).

Много обычаевъ по отношенію къ домашнему скоту мы уже изложили въ отдѣлѣ скотоводства.

Обычаи, касающіеся отношеній между собою всѣхъ членовъ семьи или дома, мы также изложили, говоря о семьѣ и

жизни внутри ея. Дополнимъ ранѣе сказанное еще нѣсколькими мелочами.

Выраженіемъ любви и другихъ нѣжныхъ чувствъ служатъ объятія и поцѣлуй.

Знакомые и близкіе другъ другу люди, встрѣчаясь другъ съ другомъ послѣ болѣе продолжительнаго времени, обнимаются или собственно берутъ одинъ другого за плечи и цѣлуются въ щеки три раза и послѣ начинаютъ распрашивать другъ друга о здоровьѣ, о семьѣ и обо всемъ, относящемся къ нимъ; а затѣмъ усаживаются. Потомъ къ пришедшему гостю начинаютъ подходить другіе члены семьи, при чемъ женщины и малыя дѣти цѣлуютъ ему руку. Тѣмъ-же обрядомъ сопровождается встрѣча людей и внѣ своего дома. Здѣсь нѣтъ настоящаго поцѣлуя, а только прикладываются другъ къ другу, иногда-же просто только чмокаютъ по воздуху. Крѣпче цѣлуются между собою женщины и женщина цѣлуетъ мужчину, но не наоборотъ. При этомъ поцѣлуй сопровождается иногда нюханьемъ. Особенно этимъ сопровождаются поцѣлуи, которыми страстно обсыпаетъ мать своего маленькаго, въ колыбели еще, ребенка; а также и другія женщины и дѣвушки. Нюхаютъ и мужчины другъ друга, выражая тѣмъ свою любовь. Были два перяника (впослѣдствіи извѣстные воеводы и герои), которые, приходя на службу при князѣ на Цетиньѣ, спали вмѣстѣ въ одной комнатѣ и на одной кровати. Одинъ изъ нихъ нюхалъ другого и притомъ говорилъ: «Ти ми миришиш лијепо». Вообще это бываетъ при цѣлованіи мужчинъ между собою, какъ выраженіе особенной любви. Въ основѣ этого, конечно, лежитъ страстность; но въ то-же время, видимо, такой способъ выраженія любви и нѣжности вошелъ въ обычай.

То-же самое мы встрѣчали у монголовъ и нашихъ инородцевъ въ Сибири, бурятъ, тунгузовъ и др., у которыхъ этимъ способомъ мать выражаетъ свое чувство къ больному, умирающему сыну. Не пришелъ-ли такой обычай съ Востока?

У князя всѣ черногорцы цѣлуютъ руку; то-же самое и у митрополита, при чемъ иной сверхъ того прикоснется къ его

рукѣ лбомъ. Простые Черногорцы обычно воеводу и всякаго высшаго чиновника цѣлуютъ въ плечо, а иные въ грудь и полу одежды, что собственно княземъ запрещено, но практикуется, потому что льститъ тѣмъ высшимъ чиновникамъ, изъ которыхъ иные привыкли къ тому изстари. Вмѣсто практиковавшагося до недавняго времени скиданія капицы, введена отдача чести по-военному, о чемъ былъ особенный указъ, напечатанный въ «Гласѣ Черногорца».

Обыкновенныя привѣтствія: когда кто войдетъ въ домъ, то говоритъ: «Помагај, Бог!»; ему отвѣчаютъ: «Добро дошао!»; а онъ опять: «Боље вас нашао». При встрѣчѣ на дорогѣ на первое привѣтствіе отвѣчаютъ: «Добра ти срећа»; а если одинъ догоняетъ другого, то говоритъ: «Добро стиже», а пасущимъ стадо говорятъ: «Добро пасе».

Въ общее употребленіе вошло пожатіе руки (*руковање, руковати се*) и также говорить: «Добро јутро, добар дан, добар вече». При прощаніи говорятъ «с Богом!» и ему отвѣчаютъ «Срећан пут, с Богом пошао»; уходя ночью, говорятъ «Добра или лака поћ», на что ему отвѣчаютъ: «Била ти на помоћ». Заставши кого за ѣдой, говорятъ: «На здравље» или «љеб и со», на что отвѣчаютъ: «Фала» или съ прибавленіемъ «Сједи с нама». На пожеланіе добраго здоровья или просто на привѣтствіе «Добар дан» отвѣчаютъ: «Бог ти добро дао».

О гостепріимствѣ и пріемѣ гостя въ домѣ говорено выше (т. II, ч. 1, стр. 382—387); есть еще обычай, отправляясь въ далекій путь, оставить немного денегъ, чтобы его друзья и близкіе люди выпили за его здоровье, и это назыв. *по*(х)*одње* (*множ. ч. отъ ед. походња*); такъ говорятъ: «Изволите доћ код Андра (отправившійся въ путь), да пијете поодње»; или вмѣсто денегъ оставляется извѣстная мѣра ракіи или вина. По возвращеніи, близкіе и друзья встрѣчаютъ его *добродошлицом*, состоящею въ такомъ же угощеніи.

Говоря о Святомъ, прибавляютъ: «Слава му и милост»; о покойникѣ, недавно погребенномъ: «лака му земља»; а вспоминая

его позже, говорятъ: «покојни, душа му се смијала или се веселила!»

Когда кто-либо на вопросъ объ имени скажетъ его, тогда спросившій отвѣтитъ: «Да си здрав» или «поштен», и потомъ уже разговариваетъ, называя его по имени.

При обращеніи къ одному лицу по народному говорятъ *ты*, будь то воевода, министръ или князь; но вводится въ употребленіе и *вы*, при чемъ простой человѣкъ, не понимая, что множ. ч. употреблено изъ вѣжливости, отвѣтитъ—*мы*.

Называютъ другъ друга по имени: Божо, Марко, Станко и т. д., для большей опредѣленности прибавляютъ отчество: Иво Јовов, Марко Драгов и т. п., или Нико попа Јова и наконецъ фамилію: Станкович, Попович. Тоже и относительно женскихъ именъ. Не дѣлаютъ исключенія и для лицъ высокопоставленныхъ, прибавляя иногда титулъ *господинъ*: г. Божо (Петровичъ), г. Шако (тоже), поп Илія (Пламенацъ, воевода и министръ), Гавро Миляновъ (Вуковичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ) и т. д.

Вмѣсто полнаго имени употребляютъ большею частію ласкательныя и уменьшительныя, а иногда совсѣмъ перемѣняютъ имя на другое, даже вмѣсто христіанскаго магометанское. Именамъ мы посвящаемъ особую статью. А также много выраженій, связанныхъ съ извѣстнымъ обычаемъ или относящихся къ извѣстному случаю, приведемъ въ отдѣлѣ о языкѣ.

Во всѣхъ этихъ мелочахъ выражается духъ и бытъ народа; многія изъ нихъ представляютъ правила житейской мудрости и соединены съ другими болѣе крупными явленіями семейной жизни и потому упоминаются нами въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ именно разсматривается эта жизнь. Но много такихъ мелочей ускользаетъ отъ вниманія посторонняго наблюдателя; поэтому мы ограничиваемся тѣмъ немногимъ, что̀ могли замѣтить, и остаемся въ полной увѣренности, что обратятъ на то свое вниманіе мѣстные наблюдатели.

г) Обычаи внѣ-семейные и правовые (юридическіе).

Это тѣ обычаи, которыми сопровождаются отношенія, выходящія изъ круга одной семьи, а происходящія между отдѣльными семьями и отдѣльными лицами или группами, принадлежащими различнымъ семьямъ или стоящими еще дальше, изъ различныхъ племенъ.

На этихъ обычаяхъ держатся общественныя отношенія народа, во многихъ случаяхъ съ характеромъ междуплеменнымъ и международнымъ.

Цѣль этихъ обычаевъ установить добрыя отношенія и внѣ семейнаго круга, заключая союзы и договоры; а въ то-же время общими силами, общимъ договоромъ бороться противъ общаго зла и преслѣдовать его: защищать невиннаго и наказывать виновнаго, отыскивая однако нѣчто срединное, примиряющее: установлять порядокъ и формы, какими лучше всего можно достигнуть этой цѣли, и принимать средства и мѣры противъ ихъ нарушителей.

Все это относится къ тому времени, когда черногорцы жили исключительно своею племенною жизнію: тогда какъ съ возникновеніемъ въ Черногоріи государственнаго быта и государственной власти, кое-что изъ этого вошло въ законъ, потерпѣвъ при этомъ большія или меньшія измѣненія, а многое и совершенно упразднено или замѣнено другимъ.

Сюда относятся народныя понятія о правѣ, опредѣляющемъ различныя отношенія по имуществу и экономическому сотрудничеству, какъ: опредѣленіе границъ земельныхъ владѣній, пользованіе различными угодьями и сосѣдскіе договоры относительно того, взаимопомощь, даръ, мѣна, торговля и тому подобныя общественныя или гражданскія отношенія. Въ случаѣ-же нарушенія правильности этихъ отношеній народный обычай даетъ правила и указанія для возстановленія ихъ, что̀ и достигается розыскомъ, разслѣдованіемъ дѣла, судебнымъ про-

цессомъ и въ заключеніе окончательнымъ присужденіемъ или рѣшеніемъ.

Одно изъ оригинальныхъ народныхъ учрежденій, совершенно забываемое и до нѣкоторой степени стѣсняемое современнымъ черногорскимъ законодательствомъ, представляетъ *побратимство* или *посестримство* и *кумство*. Это—союзъ, который заключается между лицами отдѣльныхъ семействъ и даже различныхъ племенъ, на основаніи и съ цѣлью отнюдь не экономическихъ выгодъ и соображеній, а чисто по нравственному побужденію и съ такими-же нравственными обязательствами, которыми совершенно чужія личности вступаютъ въ родство и напоминаютъ тѣмъ вступленіе въ бракъ съ тою, конечно, разницею, что послѣдній обусловливается непремѣнно отношеніями различныхъ половъ.

За этимъ слѣдуютъ отношенія, основанныя главнымъ образомъ на имуществѣ и ведущія къ достиженію извѣстныхъ экономическихъ цѣлей.

Третью категорію составляютъ отношенія, нарушающія обычный порядокъ, столкновенія изъ-за матеріальныхъ интересовъ или нанесеніе нравственныхъ оскорбленій и лишеній, что влечетъ за собою разборъ дѣла и судъ.

По этимъ тремъ категоріямъ мы и расположимъ нашъ матеріалъ; при чемъ въ послѣдней въ особыхъ отдѣлахъ разсмотримъ: уговоръ мира, какъ мѣру предупредительную противъ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій; даваніе убѣжища; кровавую месть и ея умиреніе, и наконецъ судъ съ его отдѣлами: судъ собственно, какъ учрежденіе, его составъ и организацію; преступленіе; судебный процессъ и наказаніе.

Такъ какъ многія изъ этихъ отношеній взяло въ свои руки правительство и издало для того письменныя законоположенія, частью основанныя на народномъ обычаѣ, а частью совершенно новыя; то мы постараемся указать и на соотношеніе между обычаемъ и писаннымъ законодательствомъ и отчасти остановимъ вниманіе на самомъ законодательствѣ.

1. Побратимство или посестримство и кумство.

Побратимство заключается между двумя лицами, которые сжились другъ съ другомъ, какъ товарищи, и привыкли другъ къ другу, проводя вмѣстѣ время, одинаково участвуя и помогая другъ другу въ разныхъ дѣлахъ, особенно въ опасностяхъ, угрожающихъ тому или другому, или обоимъ вмѣстѣ, какъ мщенье или четованье, и стали въ такія отношенія, какъ родные братья. Тутъ требуется не одно платоническое влеченіе другъ къ другу, но привязанность, показываемая на дѣлѣ и соединенная съ принятіемъ на себя обязанности не выдавать другъ друга и оказывать, хотя бы съ рискомъ, доходящимъ иногда до жертвы жизнію, помощь въ нуждѣ.

Такое побратимство по взаимному влеченію другъ къ другу и свободному выбору заключается большею частію между молодыми людьми, и сопровождается извѣстными формами и обрядами; а въ старое время завершалось въ церкви при содѣйствіи священника.

Самая обычная однако форма состоитъ въ томъ, что договорившіеся берутъ вина и, наливши его въ чашу, каждый разрѣзываетъ себѣ палецъ, выдавливаетъ кровь изъ него въ то вино и пьютъ, сначала одинъ (старшій или взявшій на себя починъ) со словами: «Да си ми брат по Богу» и обѣщаніями стоять другъ за друга; другой отвѣчаетъ ему тѣмъ-же; потомъ они обнимаются и цѣлуются. При этомъ обмѣниваются оружіемъ или другими подарками.

Такой способъ называется *гайдуцкимъ*, такъ какъ онъ обычно практиковался между гайдуками и четниками. Эта форма самая обычная, при чемъ обходятся иногда и безъ кровопусканія.

Въ томъ-же родѣ и приблизительно по тѣмъ-же побужденіямъ заключается и посестримство между двумя женщинами или же между мужчиной и женщиной. Случалось, хотя очень рѣдко, что такой союзъ со временемъ заканчивался брачнымъ,

противъ чего церковный законъ не имѣетъ ничего, такъ какъ не признаетъ перваго союза; но со стороны народа къ такимъ людямъ относились съ презрѣніемъ и насмѣшками.

Послѣднее заключалось иногда въ тѣхъ случаяхъ, если двое полюбили другъ друга, но не могутъ вступить въ бракъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, какъ: родство въ извѣстной, недопускающей того степени, воля родителей или что другое. Такія отношенія вполнѣ уважаются другою стороною, по законному праву вступившею съ одною изъ тѣхъ личностей въ бракъ, съ полною увѣренностію въ святости и ненарушимости ихъ чисто нравственнаго союза. Этотъ союзъ личный превращается въ союзъ двухъ семей. Случалось, что двое родителей впередъ обрекали на бракъ своихъ дѣтей, если у одного родится сынъ, а у другого дѣвочка; если-же рождались у обоихъ дѣвочки или мальчики, то ихъ тогда тоже *сестримили* или *братимили.*

Есть еще побратимство и посестримство *невоље*, когда кто-либо, находясь въ опасности, призываетъ случившагося близь него: «Помози ми, тако ти Бога и светога Јована, узимам те за Богом брата!» И отказа въ этомъ случаѣ не можетъ быть. Оно заключается и между иновѣрцами, даже между постоянными врагами, черногорцемъ и турчиномъ. Отсюда и поговорка, отчасти направленная противъ такого союза и указывающая на его неестественность: «О, турчине, за невољу куме!»—«И ти, влаше силом побратиме!»—т. е. что въ нуждѣ не разбираешь и врага своего назовешь братомъ или кумомъ. Въ одной пѣснѣ побратимились Іоаннъ Креститель и царь Дуклянъ (Вук Кар. II, № 17).

Остановимся на обрядѣ заключенія побратимства въ церкви, которое называется *причестно*, потому что побратимившіеся въ церкви пьютъ вино изъ одной чаши, какъ на причастіи.

Желающіе заключить побратимство идутъ къ священнику и объявляютъ ему о своемъ желаніи. Тогда священникъ ведетъ ихъ въ церковь и совершаетъ этотъ обрядъ, надѣвъ эпитрахиль, какъ при совершеніи какой-либо требы. Онъ ставитъ ихъ передъ налоемъ, какъ жениха и невѣсту, старшаго съ правой стороны;

складываетъ ихъ правыя руки вмѣстѣ, а въ лѣвыя даетъ имъ свѣчи, а иногда и крестъ. Тутъ же при этомъ ставился и колачъ съ разными фигурами въ родѣ того, какъ на «крестное имя». Послѣ извѣстнаго приступа священникъ говоритъ эктеніи, читаетъ апостолъ, евангеліе и особенныя, относящіяся къ тому молитвы. Иной священникъ, взявши ихъ за руки, водилъ ихъ вокругъ налоя съ пѣснею «Исаія ликуй» и т. д., какъ жениха и невѣсту, что̀ и дало одному изъ присутствующихъ замѣтить: «Ты, попъ, кажется, не братимишь ихъ, а вѣнчаешь».

Потомъ священникъ вырѣзывалъ въ колачѣ серединку, заливалъ виномъ и давалъ кусочки братимящимся, а послѣ и вина.

По окончаніи обряда, когда выходили изъ церкви, оба стрѣляли изъ пистолетовъ, а также и всѣ присутствовавшіе при томъ. Потомъ у одного изъ нихъ, по предварительному договору, приготовлялся обѣдъ, на который приглашались гости. Кромѣ обѣда всякому, случившемуся тутъ или пришедшему поздравить, давалось также угощеніе. Въ настоящее время этотъ обычай совершенно запрещенъ въ Черногоріи, а лѣтъ 20 — 25 назадъ совершался еще въ Васоевичахъ.

У старыхъ священниковъ былъ особенный, писанный чинъ. Одинъ такой находился въ библіотекѣ Серб. Ученаго Общества въ Бѣлградѣ, и М. Миличевичъ напечаталъ его въ «Гласникѣ» (1867, кн. V, свес. XXII, стр. 85—90).

Въ молитвенникѣ Божидара Вуковича, изданномъ въ Венеціи между 1538—40 гг., также есть статья: «Чинъ бываемый на братосьтвореніе» (тетр. 34-я). А въ молитвенникѣ (Евхологіон), изданномъ во Львовѣ въ 1694 (стр. 102), есть статья о запрещеніи этого обряда *). Приводимъ изъ молитвенника Б. Вуковича молитву, читавшуюся при братотвореніи, какъ она напечатана г. В. Богишичемъ въ его сочиненіи «Pravn. obič.» (Zagreb 1867).

«Господи Боже нашь иже вьса кь спасенію намь дарова лю-

*) Ср. въ книгѣ Богишича ссылку, относительно «братосотворенія», на глоссарій Дюканжа.

бити дроугь дроуга и прощати дроугь дроугоу прѣгрѣшеніа, самь человѣколюбче господи и благолюбче, и ради твоіе сіие, иже доуховною любовию себѣ вьзлюбльшихь вь храмь твои сьи освѣтитисе и благословитисе; дароуи имь вѣроу не постыдноу, любовь не лицемѣрноу, якоже дарова святымь своимь оученикомь и апостоломь твои мирь и твою любовь и сию симь подаждь Христе Боже нашь; дароуи имь вьса іаже кь спасенію прошеніа и животь вѣчніи; ти бо іеси свѣть истьнни и тебѣ славоу вьзносимо оцоу и синоу и свѣтомоу доухоу».

О кумствѣ, заключаемомъ при вѣнчаніи (вјенчано кумство) и при крещеніи ребенка (крштено), мы уже говорили. Остается только добавить, что оно считается такимъ-же родствомъ, какъ и кровное, и потому бракъ между семействами, состоящими въ кумовствѣ, до извѣстной степени, указанной въ церковномъ законѣ, не допускается, и принимается еще строже, чѣмъ при кровномъ родствѣ. Кумомъ называютъ не только въ той семьѣ, гдѣ онъ вѣнчалъ или крестилъ; но и въ другихъ семьяхъ, состоящихъ съ тою семьею въ родствѣ, говорятъ: «наш кум».

Есть еще кумство *шишано*, которое возникаетъ при обрядѣ пострига, происходящаго такимъ образомъ.

Приблизительно когда ребенку исполнится годъ, родители приглашаютъ для этого какого-нибудь уважаемаго человѣка. Онъ приходитъ, садится, беретъ ребенка на руки; ему подаютъ ножницы и онъ выстригаетъ ему по-немногу волосъ съ четырехъ мѣстъ на-крестъ и передаетъ обратно матери, которая даетъ ему въ подарокъ что-нибудь изъ рукодѣлья; а иногда и онъ кладетъ какую-нибудь монету на блюдо, на которомъ ему подали ножницы. Иные при этомъ угощаютъ его обѣдомъ.

Послѣ этого родители сами обстригаютъ всю голову ребенка. Магометане также имѣютъ этотъ обычай, и въ краяхъ смежныхъ нерѣдко случалось, что христіане постригали дѣтей у турокъ и обратно. Этимъ они до нѣкоторой степени обязывались взаимно охранять другъ друга. Богатые турки обыкновенно и послѣ по-

казывали вниманіе къ своему постриженику (кумче) и отъ времени до времени дѣлали ему подарки.

Въ Дечанахъ (монастырь въ Старой Сербіи) настоятель заключаетъ кумство съ главою или воеводою сосѣдняго албанскаго племени (фис), который и называетъ настоятеля *кумбар* (compare); но это можно назвать кумствомъ *невоље*, объ которомъ будемъ говорить въ отдѣлѣ объ умиреніи крови.

2. Имущественныя отношенія.

Здѣсь на первомъ планѣ являются отношенія къ землѣ, т. е. владѣніе ею и опредѣленіе границъ, что мы уже разсмотрѣли въ предыдущей части нашего сочиненія*). Остаются еще мелкія подробности, которыми общее лучше характеризуется и точнѣе опредѣляется.

При крайне ограниченномъ количествѣ земли, которою пользуется черногорецъ, въ его хозяйствѣ имѣютъ цѣнность и голыя скалы, повидимому, ни къ чему непригодныя мѣста, и онъ ихъ ограждаетъ и тщательно оберегаетъ, чтобы не вошла на нихъ чужая скотина, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ не допускаетъ черезъ такія пустыя мѣста пройти и пѣшему человѣку. Этотъ смыслъ заключается въ томъ выраженіи, которымъ сопровождается покупка земли: «Купио сам све, и змију под камен». Обычай при каждомъ раздѣлѣ, хотя бы маленькой, въ нѣсколько десятковъ кв. саженъ нивы, ставить знаки заключается въ слѣдующемъ выраженіи: «Метнула је мени мајка пил (межевой знакъ, камень) насред баштине»—говоритъ братъ о родившемся еще братѣ въ смыслѣ, что баштина будетъ раздѣлена между имъ и братомъ.

Говоря о племени (т. II, ч. 1, стр. 135—58), мы указали на его обособленность, ставящую преграды войти въ него и сдѣлаться его членомъ человѣку постороннему, изъ другого племени

*) Т. II, ч. 1. глава «Племя», отдѣлы «Территоріальныя границы и способы ихъ опредѣленія» и «Отношеніе къ землѣ» (стр. 149—58).

и еще больше изъ другой страны. Тамъ же мы имѣли случай привести возникшій въ этомъ смыслѣ обычай не допускать посторонняго никоимъ способомъ къ пріобрѣтенію земли; а если-бы кому была крайняя необходимость продать свою землю, то прежде онъ долженъ предложить кому-либо изъ своего племени, и только тогда можетъ продать ее постороннему, если между своими никого не найдется. Это называется право *рече купъе* (praeemtio). Этотъ старый обычай, относящійся къ племенной жизни Черногоріи, усвоенъ и новымъ Законникомъ, въ которомъ ему посвящены §§ 48—64.

Проф. Ѳ. Зигель въ статьѣ «Общій имуществ. Законникъ для Черногоріи» (Юрид. Вѣстн. 1888, № 9) слѣдующимъ образомъ высказывается по поводу этого закона: «Всѣ эти статьи имѣютъ своею цѣлью оградить общину отъ вторженія чужихъ членовъ, могущихъ внести элементъ разложенія въ тѣсный общинный кругъ. Особенно важно послѣднее постановленіе (что владѣтелемъ недвижимаго имущества въ Черногоріи можетъ быть только черногорецъ), имѣющее въ виду устранить иностранцевъ. При близкомъ сосѣдствѣ Черногоріи съ Австріей, при почти постоянной напряженности отношеній, наконецъ, при бѣдности самихъ черногорцевъ, очевидно, необходимо было положить твердую препону всякимъ поползновеніямъ внести анархію въ мирныя черногорскія племена, братства и села» (стр. 72).

Брешь въ этомъ основномъ законѣ сдѣлана уже §-омъ 64 Законника (изд. 1888 г.), въ которомъ говорится, что и иностранецъ можетъ пріобрѣсти въ Черногоріи недвижимое имущество, если ему дастъ его государь страны, хотя «подъ условіями, которыя для всякаго такого случая будутъ поставлены самимъ государемъ».

Еще прежде изданія этого Законника, исконный черногорскій обычай былъ нарушенъ княжескою властью тѣмъ, что допущено было турецкой дипломатической миссіи купить для себя на Цетиньѣ домъ съ дворомъ отъ извѣстнаго Маши Врбицы; а потомъ ей же дарована земля для сада на площади черезъ дорогу; хотя

вся та земля, на которой стоитъ Цетинье, принадлежитъ не казнѣ и не частному какому-либо лицу или обществу, а монастырю *). Тамъ же одно время владѣлъ домомъ одинъ австріецъ изъ Боки Которской; но послѣ продалъ его черногорцу. А потомъ и австрійская дипломатическая миссія пріобрѣла землю отъ частныхъ владѣтелей, на которой и выстроила свой домъ, превосходящій величиной всѣ находящіеся на Цетиньѣ дома, не исключая и княжескихъ дворцовъ. Но, чтобы этимъ новымъ владѣтелямъ земли поставлены были какія-либо условія, мы не знаемъ. Въ австрійской миссіи устраивается католическая церковь, въ которую будутъ ходить проживающіе на Цетиньѣ католики; подобнымъ образомъ и турецкая миссія, если пожелаетъ, можетъ устроить молельню, въ которую будутъ ходить тамошніе магометане.

Еще прежде этого въ г. Ульцинѣ купилъ себѣ домъ австрійскій консулъ, имѣвшій свой оффиціальный постъ въ сосѣднемъ Скадрѣ. По смерти его владѣтельницею этого дома стала его вдова. Въ Подгорицѣ также пріобрѣлъ себѣ домъ одинъ торговецъ, англійскій подданный съ о. Мальты. Баварскому принцу Арнульфу князь подарилъ зданіе бывшей турецкой крѣпости въ такъ называемой Никшицкой-Дугѣ (верстахъ въ 20 отъ Никшича) для устройства охотничьяго дома съ правомъ охотиться (зданіе это однако послѣ сгорѣло). Нашъ бывшій представитель К. М. Аргиропуло построилъ себѣ маленькій домикъ въ Ульцинѣ, получивъ отъ князя въ даръ мѣстечко, состоявшее правда изъ голаго, каменистаго косогора, но, хотя и съ большими усиліями, украсившееся кое-какими насажденіями.

Въ городахъ торговцы албанцы пріобрѣтаютъ дома или сами строятъ и владѣютъ или подъ именемъ какого-нибудь черногорца, а иные для того принимаютъ черногорское подданство, хотя-бы только номинально. Вообще въ городахъ племенное начало разрушается. Такъ, мы знаемъ, что въ Черногоріи каждое племя

---

*) Въ этомъ 1900 г. пріобрѣли мѣста для постройки своихъ домовъ миссіи Россійская и Итальянская.

имѣетъ свою церковь, которую считаетъ своею собственностію, а также и находящееся при ней мѣсто для погребенія, но только своихъ; чужого же не допускали ни въ какомъ случаѣ. Теперь на Цетиньѣ такъ называемая Влашская церковь, принадлежавшая селу Дольнему-Краю, сдѣлана приходскою для цѣлаго города и служатъ въ ней священники изъ другихъ племенъ; кладбище также сдѣлалось общимъ, а наконецъ тамъ теперь совсѣмъ не хоронятъ; старые же надгробные камни, кромѣ двухъ большихъ, древнихъ, сравнены съ землей или должны замѣниться другими по указанной формѣ, а для кладбища отведено другое мѣсто.

Все это только бреши, пробиваемыя въ старомъ зданіи, которыми оно въ концѣ концовъ и должно быть разрушено.

Въ самихъ племенахъ ослабѣваетъ уже прежній духъ обособленности, нѣтъ той ревности въ отстаиваніи своей территоріи отъ вторженія людей изъ другого племени, и часто планины (пастбищныя мѣста въ горахъ) волею правительства отчуждаются у одного племени и передаются другому.

Въ самомъ Законникѣ новаго изданія (1898 г.) послѣдній § 64 подвергся такому измѣненію: «Кромѣ иностранца, которому, на основаніи какого-либо международного договора, дано право имѣть въ Черногоріи недвижимую собственность, можетъ пріобрѣсти это право еще тотъ только иностранецъ, которому его дастъ именно государь и подъ условіями, которыя онъ ставитъ особо для каждаго случая.— Однако, владѣя недвижимымъ имуществомъ, иностранецъ не пріобрѣтаетъ по закону *права прече купње* (§§ 47—62), которое уже по самой природѣ этого права можетъ имѣть только черногорецъ».

Здѣсь дѣлается ссылка на какой-то международный договоръ, объ которомъ прежде не было извѣстно, и теперь мы не знаемъ, откуда онъ взялся и въ чемъ состоитъ; а послѣднія слова о преимуществѣ черногорца передъ иностранцемъ теряютъ значеніе передъ сказанными выше, что государь можетъ ставить условія по своему личному усмотрѣнію.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ и явленіемъ народной

жизни, которые отжили свое время и во имя новыхъ началъ постепенно должны уступать передъ волею государя и новымъ законодательствомъ.

О раздѣлѣ земли и угодій внутри племени по братствамъ, родамъ и домамъ или семействамъ, и способахъ владѣнія или пользованія всѣмъ этимъ, мы говоримъ въ отдѣлахъ о племени, о земледѣліи и о скотоводствѣ. Остается сказать о сосѣдскихъ отношеніяхъ, которыя выражаются прежде всего огражденіемъ противъ вреда, который можетъ сдѣлать одинъ сосѣдъ другому, а потомъ пользованіемъ одинъ отъ другого угодьями такимъ образомъ, чтобы первый могъ имѣть пользу, а второй не терпѣлъ-бы ущерба отъ сдѣланной имъ уступки.

Эта часть прекрасно разработана въ Законникѣ въ двухъ раздѣлахъ: о пограничныхъ уступкахъ (о помеђашној уго̂дби) и о пограничныхъ услугахъ (о помеђашном послужју *), (главы по перв. изд. V, §§ 110—143, стр. 42—53; и VI §§ 144—155, стр. 53—57).

Въ первой изъ этихъ главъ заключаются слѣдующія статьи: о разграниченіи, о перевѣсѣ вѣтвей на чужую сторону (если вредятъ, должны быть срублены), о деревѣ на межѣ, о кореньяхъ дерева, проходящихъ въ чужую землю, о правѣ прохода черезъ чужую землю, о водѣ вообще, объ орошеніи, о постройкѣ зданій рядомъ, о зданіи, угрожающемъ своимъ разрушеніемъ причинить вредъ сосѣду.

Во второй заключаются статьи объ общемъ проходѣ черезъ дворъ того или другого, о выведеніи дымовой трубы въ сторону сосѣда, о томъ, чтобы сосѣдъ сосѣду не заступилъ свѣтъ, возводя какую-либо новую постройку и т. п.

Разница этихъ отношеній въ объяснительной части въ § 851 толкуется такъ: «пограничныя уступки опредѣляетъ законъ, хотя-бы объ томъ не было никакого уговора или какого-либо поста-

*) Собственно первое—договоръ, а второе сервитутъ; у Энгеля—пограничное служеніе.

новленія между самими сосѣдями; тогда какъ, напротивъ, желаетъ ли сосѣдъ войти въ соглашеніе или нѣтъ, дѣло не закона, а самихъ владѣтелей».

Вторая часть представляетъ нѣчто новое, такъ какъ въ селахъ и теперь дома стоятъ далеко одинъ отъ другого и трубъ въ нихъ нѣтъ; а относится она къ жизни городской, которой тоже не было въ старой Черногоріи; тогда какъ предметы, заключающіеся въ первой части, взяты прямо изъ жизни народа, только въ Законникѣ они получаютъ бо́льшую обязательность и лучше разъяснены и приноровлены къ современной жизни. Но есть случаи, гдѣ это право народъ понимаетъ еще шире, и потому для огражденія себя отъ вреда, причиняемаго напр. какимъ-нибудь потокомъ, идущимъ отъ сосѣда, вы имѣете право принимать мѣры и возводить постройки на его землѣ, не причиняя, конечно, вреда и ему.

Такъ, съ высотъ Ловчена въ зимнее время изъ-подъ черногорскаго села Мирца низвергается цѣлою рѣкою потокъ и, неся массу камней, отлагаетъ ихъ на находящейся внизу равнинѣ въ Приморьѣ, принадлежащемъ Австріи. Жителямъ Приморья допущено въ предѣлахъ Черногоріи строить въ верхней части русла этого потока стѣну, за которою и отлагается весь камень, а далѣе внизъ идетъ вода, уже освободившаяся отъ него. И работа эта возобновляется періодически по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по мѣрѣ того какъ камень наполняетъ пространство за стѣной.

Всѣ эти отношенія прекрасно объясняются и мотивируются въ Законникѣ. «Когда говорится о сосѣдскихъ уступкахъ и соглашеніяхъ,—гласитъ § 849,—то подъ сосѣдскими землями разумѣются не только тѣ, которыя граничатъ одна съ другою, но и тѣ, которыя хотя и отдалены, но при всемъ томъ могутъ приходить во взаимную связь ради какой-нибудь работы или дѣла, которое касается одной изъ нихъ или нѣсколькихъ. Поэтому слова *сосѣдскія уступки и соглашенія* нужно принимать въ широкомъ смыслѣ». Въ томъ-же духѣ идетъ и слѣдующій § 850: «Сосѣд-

ская уступка и права, которыя она въ отдѣльныхъ случаяхъ предоставляетъ сосѣдямъ, происходитъ отъ обоюдныхъ соприкосновеній и потребностей, которыя создаетъ между сосѣдями только сосѣдство. Сообразно съ тѣмъ законъ, соглашая ихъ интересы, въ виду порядка, пользы и болѣе полной утилизаціи ихъ имѣній, опредѣляетъ, *чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ сосѣдъ ради сосѣда кое-что перетерпѣлъ, кое — въ чемъ стѣснился-бы, кое-что уступилъ-бы изъ цѣлости своего права*, чего не потребовалось-бы внѣ сосѣдскихъ соприкосновеній».

О водѣ вообще и пользованіи ею для различныхъ цѣлей, какъ для питья людей и для пойла скота, для мельницъ и для орошенія, трактуется въ §§ 117—135 (стр. 44—50); въ нашей книгѣ (т. II, ч. 2, стр. 579—585) частью приводятся эти статьи, а въ то же время сообщаются факты, показывающіе, какъ это дѣло стояло по народному обычаю прежде изданія Законника и вообще исполняется на практикѣ. Тамъ-же (стр. 695—700) о владѣніи и пользованіи мельницами для молотья хлѣба, для валянья сукна и для выжиманія оливковаго масла, что въ Законникѣ пропущено.

Соединеніе силъ для общаго труда представляетъ спряжка (*спрега*, участвующіе въ ней *супружници*, а глаголъ *спрегнути-се* или *сватити-се*), когда двое соединяютъ свой скотъ для обработки земли или для какой другой работы, напр. вывозки бревенъ изъ лѣсу, камней, доставки какой-нибудь клади и т. п., при чемъ условливаются впередъ, какъ относительно производства этихъ работъ, такъ и дѣлежа общаго заработка. Къ этому въ Законникѣ относятся §§ 446—56 и 893. Сюда же относится смѣсная пастьба скота (*супаша, супона и супоници*); въ Законникѣ къ ней относятся §§ 442—45 893; а въ нашей книгѣ т. II, ч. 1, стр. 660.

По́мочь гуртомъ, міромъ мы знаемъ въ Черногоріи въ двухъ случаяхъ: когда хотятъ помочь какому-либо бѣдняку, вдовѣ и сиротѣ или когда кто-либо зоветъ на помочь при постройкѣ дома.

Въ первомъ случаѣ не только ничего не требуется отъ того,

кому помогаютъ; но еще и даютъ ему же; иногда покупаютъ ему землю, строятъ домъ, даютъ скотъ. Во второмъ случаѣ народъ самъ предлагаетъ помощь своему односельчанину или приходитъ по его приглашенію, чтобы ускорить работу въ виду скоро наступающей зимы или по какому другому случаю.

Въ такомъ случаѣ, при постройкѣ дома, гуртовая помощь состоитъ въ подвозѣ матеріяла, а потомъ въ подачѣ его мастерамъ, особенно при возведеніи соломенной крыши въ деревянныхъ домахъ.

Кромѣ угощенія, здѣсь не требуется ничего, и потому говорится: «Куħа се гради, село се рани». Условій и обязательствъ тутъ нѣтъ никакихъ; хорошее угощеніе, хорошо и работаютъ: «Каква јеђа, таква међа», и помощь можетъ длиться нѣсколько дней; а въ противномъ случаѣ всѣ уходятъ въ тотъ-же день. Закону и суду тутъ нечего дѣлать, если не было какихъ-нибудь столкновеній, не относящихся къ работѣ. Иное дѣло помочь взаемъ, которая въ Черногоріи никогда не бываетъ міромъ; а договариваются двое или рѣдко болѣе окопать напр. кукурузу или картофель, сжать пшеницу или скосить лугъ—сначала у одного, потомъ у другого. Тутъ является уговоръ и взаимныя обязательства. Или-же зовутъ всякаго, кто можетъ, прійти въ помощь, и это называется *моба*, а помогающіе—*умоници* (отъ *молити*—просить), при чемъ объявляется впередъ, какое ихъ ожидаетъ угощеніе и вознагражденіе, иногда и небольшая плата. И въ этомъ случаѣ передъ закономъ стоитъ не самый фактъ помочи со всѣми подробностями, а уговоръ за точнымъ исполненіемъ котораго онъ наблюдаетъ. Въ Законникѣ къ этому относятся §§ 341—347.

Въ черногорскомъ народѣ, до сихъ поръ находящемся больше на степени скотовода, чѣмъ земледѣльца, очень распространенъ и играетъ важную роль обычай отдавать скотъ на зимовку или на лѣтнюю паству. Въ законникѣ этому посвященъ одинъ отдѣлъ: «Объ отдачѣ скота исполу и огулом (у наполицу и под кесим)» (по нов. изд. §§ 313—328). Въ немъ видно желаніе

составителя его войти въ глубь народной жизни, въ отношенія частныя и личныя, которыя однако до такой степени разнообразны, что трудно поддаются одному общему опредѣленію. Въ книгѣ нашей (т. II, ч. 1, стр. 680—682) мы дали объясненіе этихъ двухъ формъ отдачи скота на время въ чужія руки и привели примѣры; но есть и еще формы, не подходящія подъ это предѣленіе. Такъ, въ Пивѣ принявшій на зимовку скотъ, продержавъ его до Юрьева дня (23 апр.), возвращаетъ хозяину половину старыхъ овецъ, а другую половину и весь приплодъ удерживаетъ на лѣто, при чемъ снимаетъ шерсть и пользуется всѣми молочными скопами; затѣмъ на день св. Димитрія (26 окт.) возвращаетъ остальныхъ, также и половину приплода: а другую половину, значитъ, беретъ за зимовку.

Условія бываютъ весьма различны, по мѣстности и смотря по тому, каковъ былъ урожай сѣна. Нѣкоторые торговцы, скупщики скота у поселянъ, платятъ за зимовку деньгами. Существуетъ еще покупка скота съ осени съ условіемъ, чтобы скотъ перезимовалъ у прежняго хозяина до извѣстнаго срока, главнымъ образомъ до Юрьева дня. Изъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ своихъ *планинъ*, какъ напр. Ѣшанская-нахія, отдаютъ скотъ на лѣто другимъ, у которыхъ есть планины, какъ Комъ у кучей. Условія однако и здѣсь различны.

Есть, наконецъ, обычай помогать другъ другу въ содержаніи скота безъ всякихъ выгодъ и договоровъ, въ видѣ взаимной помощи и одолженія, при чемъ хозяинъ скота даетъ для него только соли и еще кой-чѣмъ помогаетъ содержателю. Въ прежнее время, особенно въ герцеговинскихъ краяхъ Черногоріи, бывшихъ прежде подъ турецкимъ господствомъ, народъ содержалъ такимъ образомъ скотъ, принадлежащій его главарямъ. Этотъ обычай въ Черногоріи, конечно, уничтоженъ.

Законникъ дѣлаетъ ошибку, стараясь урегулировать эти отношенія въ деталяхъ, что для него не возможно, такъ какъ онъ не въ состояніи ихъ исчерпать. При томъ въ касающихся этихъ отношеній вопросахъ не компетентенъ ни одинъ судья; и лучше

всего ихъ рѣшаетъ общество, въ средѣ котораго они возникли. Ему и должно предоставить разборъ подробностей; передъ закономъ-же стоятъ только два вида отдачи скота въ чужія руки: на зимовку и на лѣтнюю паству, съ уговоромъ или безъ всякаго уговора. Въ первомъ случаѣ, т. е. съ уговоромъ, судъ можетъ требовать исполненія уговора; во второмъ возможно только полюбовное рѣшеніе дѣла, не доводя его до суда.

Рабочую скотину (воловъ) отдаютъ на пахоту (*на изор*), за что хозяинъ скотины выговариваетъ себѣ часть изъ урожая или получаетъ деньгами, а работающій обязывается содержать ее, какъ свою собственную, и возвратить хозяину въ цѣлости. Объ этомъ въ Законникѣ перваго изд. былъ § 327; но во второмъ изданіи онъ выброшенъ и вставлена только оговорка въ § 328: «Для остальныхъ родовъ договора относительно скота будетъ въ свое время особенный законъ; а до тѣхъ поръ нужно руководиться правилами, которыя находятся въ обычаѣ».

За этимъ слѣдуютъ различные виды найма (*најам*). Прежде всего мы тутъ встрѣчаемся съ арендою земли (*о најму или закупу* земаља), которая бываетъ различна; но въ главномъ два вида: «*на ћесам*», когда по уговору арендаторъ долженъ дать хозяину извѣстное количество жита, будетъ урожай или нѣтъ, и отъ урожая: половину, четвертину и т. д. Этому въ Законникѣ посвящены §§ 297—312.

Наемъ домовъ подъ квартиру (*под ћирију*) представляетъ новое явленіе, потому что это принадлежность городовъ, которыхъ въ старой Черногоріи почти не было. Но теперь это составляетъ важную доходную статью и большинство въ городахъ, строя дома, имѣетъ ввиду именно эту выгоду; поэтому Законникъ, имѣя вообще относительно найма 25 параграфовъ (между 271 и 926), а относительно найма дома одинъ § 275, не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, и потому существуютъ постановленія обществъ, въ различныхъ городахъ различныя. Между прочимъ, на какой бы срокъ ни былъ заключенъ контрактъ, хозяинъ можетъ потребовать очищенія дома и раньше срока, если про-

далъ его другому или хочетъ его передѣлывать, давши нанимателю какой-то небольшой срокъ.

Наконецъ нельзя не сказать о наймѣ слугъ.

Въ прежнее время собственно наемныхъ слугъ и не было въ Черногоріи, кромѣ того, что были въ монастыряхъ или у богатыхъ поселянъ. И это собственно не были слуги, а бѣдняки, иногда безродные и изъ чужой стороны, которыхъ принимали въ домъ и держали на-равнѣ съ другими, младшими членами семьи, отъ которыхъ они отличались только тѣмъ, что не имѣли права на наслѣдство въ томъ домѣ. У нихъ было все общее съ хозяевами и одинаковое: пища, одежда и работа; имъ не полагалось и жалованья; но, если слуга оставлялъ домъ добрымъ порядкомъ, то получалъ отъ хозяина въ видѣ награды за службу все, что̀ ему нужно было на дорогу и для новой жизни, одеждой и другой домашней рухлядью, и часть деньгами. Иногда давалось ему и нѣсколько скота; это зависѣло отъ того, богатъ-ли домъ и чѣмъ богатъ. Иногда такимъ образомъ принимались въ домъ дѣти, которые оставались въ немъ до совершеннаго возраста, ихъ женили, а дѣвушекъ выдавали замужъ. Общее названіе слугѣ было *најамник* или *пристав*, и еще чаще—*момак* и женская прислуга—*момица*. Но имя *слуга* не было въ употребленіи, и до сихъ поръ вмѣсто *служити* говорятъ *слушати*, *послушати*. Ища службы, говорятъ: «Рад би био послушати кога», т. е. наняться слугой къ кому-нибудь.

Часто эти люди были ускоки изъ Турціи или Австріи, и они оставались въ Черногоріи, дѣлаясь черногорцами. Бывали въ томъ числѣ сербы, чехи и другіе славяне изъ Австріи и даже мадьяры. У люботинскаго воеводы Петра Вуйовича (умеръ лѣтъ 8 тому назадъ) былъ такой слуга мадьяръ, который былъ совершенно своимъ домашнимъ человѣкомъ. Христіанки, служившія и теперь служащія у турокъ, носятъ особенное названіе, по-гречески, *орфана* (сирота).

При такихъ отношеніяхъ не требовалось вмѣшательства закона; но теперь отношенія эти измѣнились и требуется урегули-

ровать ихъ, чтобы не было злоупотребленія ни съ той, ни съ другой стороны, и прежде всего, конечно, взять подъ защиту слабѣйшаго, т. е. слугу или наемнаго рабочаго, котораго самая нужда обездолила, заставивши искать хлѣба подъ чужимъ кровомъ.

Въ этомъ направленіи составлены статьи въ гл. VIII третьяго отдѣла и особенно важенъ § 335: «Если слуга, — говорится въ немъ, — живя въ хозяйскомъ домѣ, расхвораетея, исполняя хозяйскую работу, а не по своей винѣ, хозяинъ не можетъ его уволить за то, но долженъ заботиться объ немъ и лѣчить, какъ домашняго члена. Если болѣзнь продлится больше мѣсяца, а стороны не согласятся относительно дальнѣйшаго, то опредѣлитъ судъ, соображаясь съ обстоятельствами». Изъ § 334 видно, что составитель Законника имѣлъ въ виду и особые нравы и привычки черногорца. Такъ въ немъ говорится: «хозяинъ не имѣетъ права заставить работника или наемника исполнять работы, противныя закону или чувству стыда (што је стидно), равно и то, что превосходило-бы его силу». Слѣдовало-бы еще перечислить хотя нѣкоторыя работы, противныя чувству стыда или приличія; потому что иной считаетъ стыдомъ для себя взять метлу въ руки, чтобы вымести дворъ, перенести черезъ улицу какую-нибудь громоздкую вещь, какъ столъ, вывезти въ тачкѣ соръ, пойти по воду и т. п.

Былъ обычай отдавать вещь на сохраненіе (*аманет*, *остава*). Это бывало, когда человѣкъ отправлялся куда далеко, принуждаемый къ тому необходимостію, или на войну, а дома не на кого было положиться; тогда оставлялъ вещи или деньги другому; часто это дѣлалось тайно; и вещь сохранялась цѣлою и неприкосновенною. Поручить кому-нибудь что-либо на *аманет* и принять это порученіе — представляло собою такой актъ довѣрія, что несоблюденіе его считалось немыслимымъ, и въ такомъ случаѣ по народному обычаю не существуетъ никакихъ мѣръ противъ несоблюденія. Иное дѣло, если это дѣлается при свидѣтеляхъ.

Законникъ эту статью развилъ, примѣняя въ современной

жизни, такъ, что сюда входитъ и храненіе или сохранность вещей, оставленныхъ путешественникомъ въ гостинницѣ и другіе подобнаго рода случаи (§§ 378—95).

Первый видъ съ одной стороны добровольнаго отчужденія собственности и съ другой такого-же пріобрѣтенія представляетъ даръ.

О дарѣ въ книгѣ Богишича «Zbornik» и т. д. мы находимъ слѣдующее: «Что кому-либо подарено, хотя-бы онъ сдѣлался величайшимъ непріятелемъ дарователю, послѣдній не потребуетъ даръ назадъ, и даже не напомнитъ ему. Это было-бы величайшимъ стыдомъ для него». Такому понятію о дарѣ отвѣчаютъ и пословицы: «Даровано је тврдје, но продано», потому что «Продава-се од потребе, дарова се од добре вольe» (стр. 506). Въ такомъ смыслѣ и духѣ народомъ понимается даръ и до настоящаго времени.

Законникъ совершенно извращаетъ это народное понятіе, подчиняя его такимъ формальностямъ, которыя не отвѣчаютъ смыслу его, какъ акту взаимнаго личнаго расположенія, а главное, признаетъ нарушеніе его въ томъ именно случаѣ, въ которомъ народъ никакъ не видитъ нарушенія. Приведемъ эту статью цѣликомъ: «Даръ, однажды законнымъ образомъ совершенный и вопреки закону ненаносящій никому вреда, не можетъ быть потребованъ назадъ, если не было что-либо другое условлено. Только если одаренный показалъ себя крайне неблагодарнымъ по отношенію къ дарователю, послѣдній можетъ потребовать возвращенія дарованнаго назадъ» (§ 487). Вся эта глава занимаетъ §§ 480—93.

Что касается другихъ актовъ, вытекающихъ изъ имущественныхъ отношеній, какъ заемъ, долгъ, залогъ, мѣна, купля и продажа, мы остановимся только на народномъ опредѣленіи этихъ понятій и на нѣкоторыхъ своеобразностяхъ при совершеніи этихъ актовъ.

Заемъ (*зајам*) означаетъ вообще предоставленіе однимъ другому во временное пользованіе денегъ или другихъ предметовъ;

по различаются два рода займа: *рукодаћа* (или сред. р. *рукодаће*)— большею частью деньги или и другіе предметы, какъ хлѣбъ, сѣно, строительный матеріалъ и т. п., которыя должны быть возвращены въ томъ самомъ количествѣ, но не тѣ самые; и *наруч или посуда* — даванье на подержаніе какого-либо орудія, посуды или другого предмета, который (тотъ самый предметъ) долженъ быть возвращенъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ и принятъ. Заимодавецъ — *дужитеъ*, а должникъ — *дужник*, но народъ часто дужникомъ называетъ заимодавца. Въ Законникѣ-же есть и такіе термины: *рукодавалац* или *давалац у наруч* и *узајмилац* или *узималац у наруч*; но эти термины плохо прививаются народу.

По займу перваго рода платится — *интерес* или *добит* (процентъ); въ Законникѣ сверхъ того есть еще терминъ *већинак* (род. пад. већинка), тоже мало употребительный. Въ другомъ случаѣ никакого процента не полагалось; а только обязывало и того на подобную-же ссуду.

Процентъ по уговору бывалъ огромный, 10% въ мѣсяцъ или цванцигеръ на талеръ; закономъ-же теперь установлено, что не можетъ быть больше 10% на годъ, если сдѣланъ уговоръ; а если уговора не было, то разсчитывали 8%. Въ герцеговинскихъ краяхъ, бывшихъ прежде подъ турецкимъ господствомъ, главари злоупотребляли этимъ и ссужали деньги подъ хлѣбъ, скотъ и даже подъ землю, которыя имъ-же потомъ продавали или арендовали, и чрезъ то становились всесильными богачами, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю торговлю, держали подъ управленіемъ другихъ лавки, а народъ разорялся и закабалялся имъ. Въ настоящей Черногоріи тоже были такіе люди, но дѣйствовали не такъ широко и свободно, болѣе сдержанно и скрытно. Лавочный заборъ въ долгъ называется *вересија* и записывается въ книгу (*тефтер дућански*); а такъ какъ эти мелкіе долги (доходящіе однако со временемъ до крупныхъ суммъ) выплачиваются не сразу и не въ точно опредѣленные сроки, а часто и не выплачиваются вполнѣ, то говорится: «вересија гола шија»; о невѣр-

номъ должникѣ говорятъ: «Платиће на светога Живка», потому что этого святого нѣтъ и въ сербскихъ святцахъ.

Уплата долга по займу бываетъ въ опредѣленный срокъ (рок, вада); обыкновенно осенью—*на мали госпоин-дан* (8 сент.), *митров-дан* (26 окт.) и *божић*, откуда и пословица: «јесен дугове плаћа»; иногда на весенній юрьевъ день (23 апр.). Или-же бываетъ нѣсколько сроковъ (на ваде, на рокове): первая *вада* на юрьевъ день, вторая на рожество Богородицы, третья на день св. Димитрія. Отгуда слово *ваћевина* — долгъ, уплачиваемый въ извѣстный срокъ. Особенно это примѣняется къ займу хлѣба у казны.

Прежде давали въ долгъ не только на слово и безъ всякихъ документовъ, но и безъ свидѣтелей, и однимъ изъ условій было, чтобы никто объ томъ не зналъ и самъ должникъ чтобы объ томъ не проговорился; да и давалось иногда не ради наживы, а чтобы помочь нуждающемуся, хотя-бы пришлось ждать годы, а то и вовсе не получить.

Но были люди, которые взыскивали долги и проценты на нихъ, строго требуя выполненія условленнаго срока, и для этого существовалъ свой оригинальный способъ взысканія.

Такъ какъ заимодавцами были главнымъ образомъ цеклиняне, которые въ то время, обладая единственною въ Черногоріи доходною статьею, рыбною ловлею, были единственными богачами, а единственное базарное мѣсто, Рѣка-Черноевича, находилось также въ ихъ владѣніи, то они на Рѣкѣ и производили свои взыски, для чего отбирали у являвшихся на базаръ своихъ должниковъ леденицы, ножи, струки и другія болѣе или менѣе цѣнныя вещи, которыми и наполнялись тамошнія лавки; и оставались онѣ тамъ, пока не былъ уплаченъ долгъ. Случались при этомъ взаимныя оскорбленія и побоища. Вслѣдствіе такого столкновенія однажды возникла вражда между цеклинянами и нѣгушами, и послѣдніе не могли приходить на рѣцкій базаръ въ продолженіи трехъ лѣтъ, пока не достигнуто было между ними примиреніе.

Теперь на все требуется документъ, заключенный въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ и занесенный въ протоколъ. Это правительственное скрѣпленіе называется — *тврђа* или *тврђава*, а долговая росписка — *признаница.*

При уплатѣ долга заимодавецъ расписывается въ полученіи на той-же роспискѣ или выдаетъ особую, которая называется *намирница* или *одужница.* Скрѣпить такой договоръ, обставивши всѣми требуемыми закономъ формальностями, — *потврдити* или *оздравити:* «оно, што смо уговорили, *оздравио сам*».

Иногда заемъ дѣлается за чьимъ-нибудь поручительствомъ (*јемство и јемац*); поручитель потомъ и привлекается къ отвѣтственности, если должникъ оказывается неисправнымъ плательщикомъ.

Мѣна (*мијена и промијена*) совершается на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и торговля.

Покупка, какъ и вездѣ, совершается за чистыя деньги или въ долгъ (*за готов новац* или *на вересију*). Въ послѣднемъ случаѣ дается задатокъ (*капара* и глаг. *капарисати*, итальянское слово caparra) и на невыплаченную сумму дается росписка.

Въ старое время запись при покупкѣ земли или дома называлась *тапија*, а вообще продажная запись *темесуђ* (оба слова турецкія).

Въ прежнее время продажа была безъ возврата или съ возможностію получить вещь назадъ, выплативши купившему продажную цѣну; но это должно быть впередъ уговорено. Особенно этого держатся, когда кто продаетъ все свое имущество, собираясь на переселеніе въ другіе края, не будучи однако увѣренъ, что дѣйствительно тамъ останется.

Такъ было въ 1887 г., когда нѣсколько тысячъ черногорскихъ семействъ отправились въ Сербію и, поживши тамъ нѣкоторое время, воротились опять на свои мѣста. Но у нихъ тогда не было чѣмъ выкупить свое имѣніе, поэтому водвореніе ихъ произошло при посредничествѣ правительства, которое однимъ помогло деньгами, другимъ дало новыя земли. Вообще-же затруд-

неніе отъ того было великое. Если продается безповоротно, то говорится *продати у цик.*

Есть еще покупка *на обид* или *окушај* — на пробу, при которой уговариваются впередъ, что, если вещь понравится, окажется такою именно, какую онъ желалъ и за какую выдавалъ её прежній хозяинъ, то онъ оставитъ её, а въ противномъ случаѣ возвращаетъ. Это главнымъ образомъ относится къ покупкѣ лошади или вола, качества которыхъ могутъ оказаться только при пробѣ въ ѣздѣ и работѣ: лошадь можетъ быть съ норовомъ, спотыклива, пуглива; волъ пріученъ ходить въ плугу только съ правой стороны, а нуженъ лѣвый. Для этого не выплачивается вся сумма сразу, а часть задерживается до окончанія испытанія.

При продажѣ лошади идетъ и недоуздокъ: *«улар с коњем иде»*; тоже и при продажѣ рогатой скотины: *«гдје је јуне, тамо и уже»*. При покупкѣ вола для пахоты смотрятъ, чтобъ у него были широкія копыта, такъ какъ тогда ноги его меньше грузнутъ.

Когда покупаютъ у одного продавца много скота (мелкаго), то продавецъ накинетъ еще одну голову безплатно; а покупатель дастъ нѣсколько деньгами его чобанамъ. Когда покупаютъ землю, то купившій дастъ продавшему что-нибудь изъ одежи: капицу, штаны изъ раши, платокъ, доламу и т. п. Былъ еще обычай, что при заключеніи какого-нибудь договора, при покупкѣ и продажѣ, платилось нѣчто въ пользу того мѣста, гдѣ онъ заключался, и чиновниковъ, которые его писали и подтверждали, а также и въ пользу свидѣтелей; это въ старыхъ записяхъ называлось — *карате;* а въ народѣ это-же называется *ресам*, что̀ въ новѣйшее время означаетъ пай, долю въ какомъ-нибудь дѣлѣ, а въ то-же время несовсѣмъ законные поборы со стороны чиновниковъ, нѣчто въ родѣ взятки.

Для примѣра приведемъ здѣсь относящіяся къ тому мѣста изъ трехъ записей — одной дарственной и двухъ купчихъ.

Въ записи времени владыки Руфима Болевича (приблизительно около 1675 г.) послѣ изложенія, какъ и кѣмъ сдѣланъ даръ, въ заключеніи читаемъ слѣдующее: «и семѹ писмѹ седокъ вѹко

манеза и карак дрꙋкшиђъ и хꙋсеинъ мехведовиђъ и омеръ мемниђъ и(з) жабљака и попъ виђентіе и предъ истиема сиедоцима влка ѿ Цетиња Куръ Рꙋфимъ истога вꙋчинꙋ караћанина (даро- вателя) прими и дарова капу и доламꙋ и чакшире ѿ меневиша свите».

Въ другой записи (1764 г.) отъ имени главарей Рѣцкой- нахіи и 24-хъ кметовъ говорится въ концѣ: «и за то узесмо от влаке обиедъ и *каратахъ двадесетъ и четири гроша* и воевода цекинъ и племя хиљадꙋ и сувише влака поклони Іани Иовишиной ђꙋрдію о три цекина, то све влака василіе подмири пред наше кметовске очи, и часть учини и стꙋпъ землѣ прифати, и за то ми кметови овꙋ книгꙋ учинисмо да за то веђъ посадъ поговора не бꙋде». И еще въ одной записи 1797 г. говорится такъ: «И ми главари узесмо *обичне карате* од обије парте (стороны) це- кинах здравијех тридесет».

Со временемъ торговыя и всякія другія имущественныя отно- шенія усложнились отъ болѣе тѣсныхъ сношеній съ другими на- родами, а также отъ бо́льшаго оживленія и внутри Черногоріи, въ послѣднее время значительно расширившейся и принявшей въ себя новые элементы. Такое осложненіе отношеній вызвало на- стоятельность и неотложность регулировать ихъ писаннымъ за- кономъ, что̀ и выполнилъ составленный г. В. Богишичемъ Закон- никъ (1888 г.).

Въ основѣ его положенъ народный обычай; но жизнь ослож- нилась и приняла въ себя столько новаго, что обычай далеко не въ состояніи удовлетворить новымъ потребностямъ, и кромѣ того, многое, существующее въ обычаѣ, находится, можно ска- зать, въ первичномъ, почти зародышномъ состояніи, и потому нуждается въ развитіи и уясненіи, что дѣлаетъ Законникъ. Но, задавшись мыслію создать Законникъ на основаніи народнаго обычая, составитель не мо́гъ съ одной стороны не внести мно- жества новаго, съ другой—кое-что не измѣнить къ лучшему, если въ немъ что-нибудь встрѣчалось не отвѣчающее духу вре- мени, отзывающееся слишкомъ глубокою стариной и суровостью.

Поэтому для юриста Законникъ представляетъ большой интересъ въ цѣломъ его составѣ, со всѣми подробностями, по всѣмъ статьямъ имущественныхъ отношеній; для насъ-же, имѣющихъ въ виду этнографію, полагаемъ достаточно представленныхъ данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о жизни и принципахъ черногорскаго народа въ области имущественныхъ отношеній. Но есть еще одна статья, которая интересуетъ насъ, это «объ обществѣ собственникѣ» (гл. X, отдѣлъ 5-й, §§ 723—54). Тѣ общества, о которыхъ говорится въ Законникѣ, представляютъ ассоціаціи съ цѣлями экономическими или просвѣтительными и нравственными, не имѣютъ никакого отношенія къ племенной и семейной жизни Черногоріи, и почти не существуютъ еще, кромѣ обществъ читаленъ, которыя, возникши недавно, находятся уже во всѣхъ почти городахъ и въ нѣкоторыхъ селахъ. Было покушеніе создать и акціонерное Общество пароходства, составленъ былъ статутъ и уже получены были взносы за акціи; но князь Николай остановилъ это дѣло, справедливо не предвидя, чтобы это общество могло существовать и дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, не обладая для того ни матеріальными средствами, ни духовными силами. Въ послѣднее время существуетъ въ Никшичѣ Общество на акціяхъ, которое содержитъ свою типографію и издаетъ газету «Оногошт». Поэтому законъ относительно ассоціацій можетъ имѣть примѣненіе въ Черногоріи только въ будущемъ. Но есть въ Черногоріи чисто народная ассоціація для рыбной ловли, основанная однако на племенномъ началѣ и принадлежащая цѣлому племени Цеклину. Ловъ производится въ Рѣкѣ-Черноевича и ея устьяхъ, и для того существуютъ свои неписанныя правила, которыя вѣдаются цѣлою организаціей, выбираемой изъ того же племени, и всѣ касающіяся этого лова дѣла не переносятся ни въ какой другой судъ, кромѣ своего племенного. Было одно дѣло, доходившее до князя; но самъ князь предоставилъ рѣшеніе его племени. Описаніе, какъ лова, такъ и всей этой организаціи находится въ нашей книгѣ (т. II, ч. 1, стр. 719—731).

Этимъ мы можемъ закончить статью объ имущественныхъ

отношеніяхъ, и только въ заключеніе съ этнографической точки зрѣнія постараемся сдѣлать оцѣнку посвященнаго имъ Законника, какъ предполагали это выше.

Высокія достоинства этого законодательнаго памятника признаны всѣми выдающимися представителями юридической науки какъ: у французовъ R. Dareste, J. Brissaud, G. Ardent, A. Toubeau; у нѣмцевъ K. Dickel, M. Koch, D-r Fuchs, I. Trakal; у итальянцевъ Marino d'Amelio, у англичанъ F. Pollock, у испанцевъ R. Altamira; не будемъ перечислять славянскихъ ученыхъ юристовъ, что повело-бы слишкомъ далеко; укажемъ только на русскихъ, какъ Ф. Ф. Зигель, К. П. Побѣдоносцевъ, Р. М. Губе, В. Д. Спасовичъ, П. Матвѣевъ. Законникъ переведенъ уже на многіе языки, и всѣ указываютъ на него, какъ на unicum во всѣхъ современныхъ законодательствахъ, которымъ онъ долженъ послужить примѣромъ. Въ главную заслугу ставится ему то, что въ основу его положено народное, обычное право. Нѣсколько замѣчаній съ точки зрѣнія обычнаго права и указаній недостатковъ въ этомъ смыслѣ, конечно, не могутъ умалить достоинствъ этого труда одного человѣка, надъ которымъ должны бы работать цѣлыя коммиссіи; но тѣмъ не менѣе и они должны быть высказаны, что мы беремъ на себя, такъ сказать, по неволѣ, сталкиваясь съ нимъ и въ значительной степени пользуясь имъ при описаніи обычаевъ въ области правовой жизни черногорскаго народа. Въ этой самой главѣ мы имѣли уже случай указать на статьи Законника относительно сосѣдскихъ отношеній и положенія слугъ, прекрасно обработанныя, вполнѣ соотвѣтствующія вообще чувству справедливости и разумности и въ то-же время согласныя съ духомъ и обычаями народа; но тамъ-же встрѣчаемъ статью о дарѣ, которая не отвѣчаетъ моральному смыслу дара, акта человѣческой воли, преисполненнаго полнаго безкорыстія и до нѣкоторой степени самопожертвованія, и находится въ совершенномъ несогласіи съ понятіемъ объ немъ черногорскаго народа. Такое-же извращеніе народнаго понятія и дѣйствительности встрѣчаемъ

въ опредѣленіи семьи, что̀ и заставило насъ обратить на это особенное вниманіе (т. II, ч. 1, стр. 191—206).

И еще болѣе уклоненія отъ обычая встрѣчаемъ въ опредѣленіи семейнаго положенія женщины (см. тамъ-же, стр. 207 и 273—82).

Мы не скрываемъ, что положеніе женщинъ въ Черногоріи на практикѣ очень тяжелое, вслѣдствіе суровости, вообще сопровождавшей жизнь черногорца среди непрерывной войны и другихъ неблагопріятныхъ для мирной жизни обстоятельствъ; но въ принципѣ находится много началъ, уравнивающихъ женщину съ мужчиной, напр. въ правѣ заступать его, во время отсутствія, въ управленіи домомъ, наслѣдовать и свободно передавать, кому хочетъ, наслѣдство. Есть въ томъ, можетъ быть, неопредѣленности и противорѣчія въ нѣкоторыхъ случаяхъ практической жизни; дѣло закона въ этомъ случаѣ такіе зачатки, вполнѣ отвѣчающіе справедливости и гуманности, развить и, давъ имъ болѣе точное опредѣленіе, поставить на болѣе твердую почву, какъ то сдѣлано имъ по отношенію къ опредѣленію сосѣдскихъ отношеній; а не игнорировать ихъ и ставить на ихъ мѣсто опредѣленія, болѣе суровыя и несправедливыя, какъ то Законникъ сдѣлалъ по отношенію къ женщинамъ, на что обратилъ вниманіе и г. Спасовичъ, усматривая въ этомъ заимствованіе и «водвореніе на славянской почвѣ чуждаго ей начала имущественной неравноправности женщины» (Сочин. III, стр. 538—539).

Не признавая за женщиной имущественныхъ правъ и никакой власти въ семьѣ, новый законъ надъ вдовою ставитъ опеку. Это бывало и по народному обычаю, если вдова оставалась слишкомъ молодою, чего она и сама искала, или если въ ней прежде замѣчалась расточительность или какіе-либо другіе недостатки и ненормальности. И тогда всю заботу объ этой семьѣ брали на себя ближайшіе родственники, изъ которыхъ выбирался для наблюденія попечитель въ родѣ опекуна. И въ такихъ случаяхъ никогда не бывало злоупотребленій. Теперь-же, не взирая ни на что, надъ всякой вдовой назначается опекунъ

капитаномъ или вообще политическою властью. Такимъ образомъ власть безъ всякой надобности вмѣшивается въ дѣло чисто семейное и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаетъ права рода и племени, которыя всегда были автономными единицами, какъ въ другихъ мѣстахъ общества сельскія, городскія или сословныя, имѣющія свой кругъ дѣятельности, не подлежащій вѣдѣнію полиціи или другой политической власти.

Надобно замѣтить, что весь Законникъ проникнутъ какимъ-то полицейскимъ духомъ, все регулирующимъ и не признающимъ автономіи общества; онъ входитъ въ мелочи жизни, которыхъ не въ состояніи подвести подъ нормы; онъ путается въ этихъ мелочахъ, безъ надобности умножаетъ число параграфовъ, и при всемъ томъ сущности дѣла не исчерпываетъ, какъ то мы видѣли въ статьяхъ относительно отдачи скота на зимовку или на лѣтнюю паству. Тоже самое находимъ и въ опредѣленіи условій при отдачѣ въ наемъ земли (§§ 309—312).

Мы видѣли, какъ имущественный Законникъ дѣлаетъ неправду и нарушаетъ обычай, вмѣшиваясь въ семейное и наслѣдственное право, которое до сихъ поръ не разработано; точно такъ онъ вмѣшивается и въ уголовное право, которое также держится на обычаѣ, имъ презираемомъ. Сюда относится цѣлая глава отъ § 570 до 585.

Между прочимъ тамъ есть § 583: «Запрещено и убивать, и захватывать чужую скотину, которую кто-либо найдетъ на принадлежащей ему землѣ; допускается только согнать ее съ той земли». Далѣе требуется заявить объ томъ полевому сторожу, «который въ этомъ случаѣ поступитъ по особымъ правиламъ своей службы».

По народному обычаю практикуется непремѣнно захватъ скотины, потому что иначе нельзя доказать, что она была въ потравѣ. Нѣкоторые для улики снимали съ барана *чактаръ* (бубенчикъ, погремушка) и все стадо, захваченное въ потравѣ, отпускали; но это по народному понятію наносило безчестіе дому и потому возникала крупная ссора; поэтому единственнымъ средствомъ для

улики осталось задержаніе хоть части скота. Убивать же скотину, само собою разумѣется, не допускается и по обычаю, и это считается такимъ поступкомъ, за который совершившій его подвергается суду прежде, чѣмъ рѣшится дѣло о потравѣ. Особенно строго относились къ убіенію собаки, стерегущей домъ или стадо, цѣнность которой иногда доходила до 100 гульденовъ и превосходила цѣнность вола или лошади. Убіеніе такой собаки приравнивалось почти къ убійству человѣка, потому что она защищала человѣка отъ непріятеля и иногда погибала за своего хозяина, и бывало въ старое время, что турокъ убившій такого пса, являлся передъ своими героемъ, все равно какъ-бы убилъ какого-либо юнака. Поэтому черногорецъ, всегда вооруженный, не рѣшится убить собаку, напавшую на него и могущую загрызть; и рѣшается на это только въ послѣдней крайности.

Въ Законникѣ кн. Даніила относится къ этому слѣдующая 42 статья: «Если-бы черногорецъ или брдянинъ убилъ на потравѣ коня или вола, вообще какое-нибудь животное (домашнее), то долженъ платить казенный штрафъ 10 талеровъ и стоимость убитаго животнаго его хозяину. А самовольно никто не смѣетъ поступать, прежде чѣмъ общій и мѣстный судъ не опредѣлитъ, сколько слѣдуетъ ему получить за убытки отъ потравы; *только можетъ убить собаку, если захватитъ ее въ шкодѣ*».

Въ Цермницѣ-же былъ народный обычай, что всякій имѣлъ право убить собаку, если найдетъ ее въ своемъ виноградникѣ, когда виноградъ становится близокъ къ созрѣванію, потому что тогда собаки любятъ имъ лакомиться. Поэтому есть и пословица: «Погинуо je, као пас у грожђу», т. е. такъ, что за то и суда не можетъ быть. Для предупрежденія этого всѣ хозяева на то время своихъ собакъ крѣпко привязываютъ.

Въ этомъ обычаѣ имѣлась въ виду невозможность захватить собаку въ потравѣ, какъ всякую другую скотину. Но спеціально относительно виноградниковъ въ томъ-же смыслѣ была и 107-я статья въ Полицкомъ законѣ, которая гласитъ слѣдующее: «а когда на лозѣ будетъ уже виноградъ или когда она выгоняетъ

молодые побѣги, тогда мелкая скотина *платитъ за то головой*. Мелкая скотина, особенно коза, платитъ головой» *).

Этотъ примѣръ показываетъ съ одной стороны, что народный обычай разумнѣе и справедливѣе новаго закона; а съ другой, что составитель Законника недостаточно цѣнитъ народный обычай, (хотя и считается законникомъ, основаннымъ на этомъ обычаѣ).

Приведемъ еще одинъ и послѣдній примѣръ, изъ котораго можно видѣть, какимъ духомъ проникнутъ Законникъ. Мы уже говорили, что въ смыслѣ ассоціаціи въ Черногоріи существуютъ общества читаленъ, которыя вырабатываютъ себѣ уставъ, подносятъ его на разсмотрѣніе и утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, и если онъ будетъ утвержденъ, то по нему общество управляется, живетъ и дѣйствуетъ. Уставы эти съ малыми варіаціями сходны съ уставами подобнаго рода обществъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Между прочимъ по уставу общества Цетинской народной читальни, существующей болѣе 20-ти лѣтъ, она, свободно принимая членовъ за извѣстный годовой взносъ и съ извѣстными нравственными качествами, можетъ и исключать ихъ прежде всего за невзносъ денегъ, если не помогаютъ тому никакія напоминанія и разсрочки; а есть, кромѣ того, и § 10: «какъ не можетъ быть членомъ общества лицо, осужденное (государственнымъ судомъ) за дурныя дѣла; такъ точно общество должно исключить и члена, который бы потомъ былъ осужденъ за какое-либо дурное дѣло (опять судомъ оффиціальнымъ). Это исключеніе вершитъ комитетъ, и со времени его рѣшенія тотъ членъ освобождается отъ всѣхъ обязанностей и правъ». Этимъ параграфомъ, очевидно, общество хочетъ оградить себя передъ правительствомъ противъ обвиненія, что оно принимаетъ въ члены людей, осужденныхъ имъ, слѣдовательно явно и оффиціально выставленныхъ негодными. По

---

*) Беремъ эту цитату у г. Родославлевича изъ его соч. «Еволуција Српске Задруге». 1886, стр. 116.

правиламъ-же внутренняго порядка (домаћи ред) общества по статьѣ 18, «еслибы членъ уличенъ былъ въ томъ, что въ книгу заявленій, желаній и жалобъ онъ записалъ что-нибудь неприличное, то также комитетъ можетъ его исключить, но онъ можетъ жаловаться скупштинѣ» (собранію общества).

А между тѣмъ въ Законникѣ есть § 742, который гласитъ: «вслѣдствіе особенно важныхъ и серьезныхъ причинъ отдѣльный членъ можетъ быть исключенъ изъ общества, *но только на основаніи рѣшенія суда по требованію общества»*.

Государственная власть, конечно, можетъ потребовать измѣненія устава въ духѣ новаго Законника; но есть-ли для того основаніе? И дѣло-ли суда рѣшать вопросъ объ исключеніи члена частнаго общества, которое одно только и компетентно какъ въ выборѣ, такъ и въ исключеніи того или другого изъ своихъ членовъ, такъ какъ оно только можетъ и имѣетъ право судить о его пригодности или непригодности? И что въ этомъ актѣ можетъ быть государственнаго, чтобы вмѣшивать въ него государственную власть?

3. **Уговоръ мира** (вѣра, по-арнаут. «беса»).

Рядомъ съ черногорскимъ названіемъ мы въ скобкахъ поставили и арнаутское, которое въ большей части Черногоріи извѣстно всякому. Это — обѣщаніе, которое даютъ одна другой враждующія стороны, что отъ такого-то до такого времени возстановляются свободныя сношенія между ними въ полной увѣренности, что во имя прежней вражды никто никому не сдѣлаетъ зла. Это—перемиріе, за которымъ должно послѣдовать заключеніе окончательнаго мира, а если не сойдутся, то по минованіи срока должны опять открыться враждебныя дѣйствія или же, въ виду только неподготовленности къ полному миру, дѣлаютъ новый уговоръ о продолженіи перемирія. Такіе уговоры народъ, во время своей племенной жизни, заключалъ съ сосѣдними турками и арнаутами или же и въ своей средѣ между различными

племенами и братствами. Къ такому modus vivendi прибѣгали, когда вышло какое-нибудь столкновеніе, не дающее основанія для общей вражды, напр. убійство, совершенное въ случайной ссорѣ, иногда ненамѣренное, которое однако можетъ быть принято другою стороною очень горячо и повести къ гибельнымъ послѣдствіямъ; и потому благомыслящіе люди тотчасъ, пока дѣло еще не разгорѣлось, стараются остановить его на время перемиріемъ. Или же обѣ стороны такъ утомились вѣчною войною, что пожелали выхода изъ такого положенія, который и дастъ имъ на первое время перемиріе.

Пока не прекратились враждебныя дѣйствія, вступаютъ въ сношеніе черезъ посредство женщинъ, которыя пользуются полною свободой и обезпеченностью и среди самой ожесточенной войны. Черезъ нихъ посылаются письма и такимъ образомъ договариваются о сходкѣ главныхъ людей съ той и другой стороны въ какомъ-нибудь пограничномъ пунктѣ.

Турки иногда, не смѣя приблизиться къ границѣ, зовутъ черногорцевъ, чтобы они вошли въ турецкую границу, на что черногорцы отвѣчаютъ: «Мы пойдемъ, но, гдѣ будетъ наша сходка, тамъ должна быть и наша граница», и турки на то соглашались. Если же соглашеніе не состоялось, то главари удалялись со словами: «Кад не можемо ништа на лиjепе учинити; а оно на вjеру смо дошли, на вjеру пошли; па да се намируjемо, како знамо и како можемо» (Мед. 110).

На этой сходкѣ стараются прійти и къ общему миру; но то рѣдко удается, потому что, установивши общія начала мира, нужно каждой сторонѣ сдѣлать большой разборъ дѣла и между своими; потому всегда устанавливается миръ только на извѣстный срокъ, на 3—4 мѣсяца, отъ Юрьева дня до Митрова, по истеченіи котораго опять сходятся для уговора объ общемъ мирѣ. Главный расчетъ былъ, чтобы мирно прошло лѣто, когда народъ живетъ на планинахъ и вообще больше отдаляется отъ своего села, чѣмъ и пользуются задумавшіе мстить; а зимой и безъ того всякія подобнаго рода дѣйствія прекращаются. Этимъ промежуткомъ вре-

мени и пользуются, чтобы подготовить полное примиреніе. Случается, что до полнаго мира заключаютъ два и три такихъ перемирія.

Когда во враждѣ находятся цѣлыя племена, какъ то бывало между Байцами и Дольнимъ-краемъ на Цетинскомъ-полѣ, между Цеклиномъ и Люботиномъ, гдѣ вражда эта длилась по 7 лѣтъ, главари той и другой стороны обращались къ третейскому суду влад. Петра I, котораго при жизни считали святымъ. Прекращали на время вражду въ виду угрожающаго непріятеля или по случаю какого-либо важнаго событія, касающагося всѣхъ племенъ. Такъ, когда умеръ влад. Петръ I 1830, 18 окт., то принята была *вѣра* по всей Черногоріи, чтобы всѣ могли прійти отдать послѣдній долгъ умершему владыкѣ и выбрать новаго, и тогда уговорились держать ее до Юрьева дня (23 апр. 1831); а потомъ установилось новое правительство, которое до нѣкоторой степени и положило конецъ междоусобіямъ.

Заключивъ такое перемиріе, говорятъ: *уватисмо вјеру*, а объ окончательномъ мирѣ: *углависмо мир*. Когда кто нарушитъ этотъ договоръ, то говорятъ: «преметнули су вјеру; преварили су нас, убили нам чоека, зајмили плијен — на вјеру», и за этимъ опять открывается война. Нарушеніе этого предварительнаго мира считается болѣе преступнымъ, чѣмъ что-либо, сдѣланное послѣ окончательнаго мира; такъ какъ въ томъ видятъ хитрость и обманъ съ нарушившей стороны, которая хотѣла тѣмъ воспользоваться, чтобы пополнить, такъ сказать, свои счеты съ непріятелемъ; тогда какъ послѣ главнаго мира всѣ старые счеты окончены и открываются новые.

Полной безопасности однако не было: такъ какъ перемиріе заключалось только между частью населенія Черногоріи, Герцеговины или Албаніи, или между отдѣльными племенами; между тѣмъ какъ другія въ то же время находились въ войнѣ, и легко могла произойти ошибка. Поэтому и тогда принимались мѣры осторожности, особенно если человѣкъ отправлялся куда-нибудь

одинъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Д. Медаковичъ, при которомъ такія отношенія были еще въ полной силѣ.

«Если въ дорогѣ или гдѣ-бы то ни было,—говоритъ онъ,—черногорецъ встрѣчался съ чужимъ человѣкомъ или съ непріятелемъ своего отечества или даже со своимъ личнымъ врагомъ, а точно не знаетъ, ни кто онъ и что, но боится, чтобы не быть убитымъ; тогда онъ тотчасъ приготовляетъ оружіе, чтобы убить его, прежде нежели то сдѣлаетъ онъ. Прежде однако спрашиваетъ, кто онъ и откуда; и если тотъ не отвѣчаетъ, то значитъ, что онъ замышляетъ противъ него зло и хочетъ убить. Если же неизвѣстный попроситъ *вѣру* у черногорца, спрашивая: «Је-ли вјера, да се састанемо?» тогда черногорецъ отвѣтитъ: «Вјера ти је, не бој се ништа!» и послѣ того незнакомецъ подходитъ, привѣтствуя его словами: «Помагај Бог!»; а черногорецъ отвѣчаетъ: «Добра ти срећа!» Потомъ разговорятся и, если имъ одна дорога, тогда идутъ вмѣстѣ, какъ товарищи, не боясь одинъ другого, но держатся, какъ братья, готовые одинъ за другого погибнуть. — Случалось, что такимъ образомъ сойдутся *на вѣру*, а потомъ изъ разговора черногорецъ узнаетъ, что этотъ турокъ ему личный заклятый врагъ: убилъ его отца или брата или дядю или кого изъ его братства; и тогда онъ не сдѣлаетъ ему ничего, потому что *далъ вѣру*; а только при разставаніи скажетъ: «Жаль мнѣ, что далъ тебѣ Божью вѣру, потому что на вѣру не могу тебѣ ничего сдѣлать; но если встрѣтимся гдѣ нибудь въ другой разъ, нѣтъ тебѣ моей вѣры; теперь же ступай съ Богомъ!» (стр. 108—109).

Медаковичъ-же разсказываетъ одинъ случай нарушенія вѣры въ 1843 г., въ чемъ первыми были турки, а черногорцы только отплатили имъ тѣмъ-же.

«Турки Піюки (братство въ Колашинѣ) убили *на вѣру* родственника сердаря Милеты Меденицы изъ Морачи, за что Милета рѣшился отомстить имъ. Договорились сердарь Милета и капетанъ Митаръ позвать своихъ враговъ на сходку, чтобы заключить вѣру. Піюковъ было 9 братьевъ; всѣ они пришли на договоръ и привели съ собою еще много турокъ. Митаръ и Милета также

отправился съ товарищами, но условились, чтобы Митаръ пошелъ на договоръ, а Милета сдѣлалъ бы засаду въ одномъ густомъ лѣсу. Изъ Митровой дружины нѣсколько человѣкъ стали выше мѣста, гдѣ была сходка. Митаръ наказалъ своей дружинѣ, чтобы никто не стрѣлялъ въ турокъ, прежде чѣмъ онъ убьетъ одного Піюка.—Приближаясь одни къ другимъ, они держали въ рукахъ ружья со взведенными курками.

«Когда приблизились и сошлись, обмѣнялись обычными привѣтствіями. Чтобы обмануть Піюка, Митаръ понесъ съ собою за пазухой яблокъ, будто на даръ турку. И началъ Митаръ вынимать изъ пазухи яблоки одно за другимъ, а самъ внимательно смотритъ въ глаза турку, и говоритъ: «Вотъ это послала тебѣ моя мать, чтобы ты понесъ твоей матери». Онъ слѣдитъ глазами за Піюкомъ, а Піюкъ за нимъ, кто кого обманетъ. Какъ вдругъ раздался выстрѣлъ Митровой дружины; просыпались яблоки и некому было подбирать ихъ; но каждый схватился за оружіе; а въ тоже время кричатъ тотъ и другой: «Что это, что?!» Убѣжали всѣ турки; но бѣжа наткнулись на сердаря Милету, который имъ закричалъ: «Не смѣете сюда, Піюки и турки! Милета здѣсь!» и далъ первый выстрѣлъ, а за нимъ и остальная дружина. Погибло 6 Піюковъ» (стр. 111—112).

Дѣйствительно. Колашинцы изо всѣхъ другихъ непріятелей Черногоріи меньше всего стѣснялись даннымъ словомъ и всегда ему измѣняли. За то съ ними и Морачане научились хитрить и измѣнять слову

4. **Даваніе убѣжища** (примање под кров, asilum).

Г. Медаковичъ соединилъ это съ гостепріимствомъ (*дочек*), оказываемымъ вообще страннику, котораго какой-нибудь случай, пристигнувшая ночь, непогода или опасность заставили искать крова и гостепріимства. Даваніе убѣжища имѣетъ свое начало именно въ этомъ гостепріимствѣ. Черногорскій домъ въ такихъ случаяхъ не только давалъ кровъ и пищу своему гостю; но по-

лагалъ всю заботу объ гостѣ: если онъ озябъ, старался его обогрѣть; если промокъ до костей, давалъ ему свою сухую одежду, пока его одежда осушится; если боленъ, то прилагалъ всю заботу къ его излѣченію, и лежи онъ тутъ недѣли, мѣсяцы, если онъ издалека, хозяинъ его не тронетъ. Это сохранилось въ Черногоріи до сихъ поръ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ корчемъ. Мнѣ самому случалось не разъ, подойдя къ селу и встрѣтивши человѣка изъ него, спросить, могу-ли гдѣ переночевать, и получалъ на то отвѣтъ: «Выбирай домъ, какой хочешь; всякій для тебя отворенъ». Или, подойдя къ дому, спрашиваю, могу-ли войти; а стоявшая на порогѣ женщина отвѣчаетъ: «Кто-же можетъ не пустить тебя, да еще въ такое время?!»

Такого рода незваный гость вполнѣ отдается принявшему его дому, предавая ему на охраненіе свою жизнь и имущество. Пробывши гостемъ въ этомъ домѣ ночь или больше, вы дѣлаетесь его другомъ. Домъ этотъ считаетъ за честь, что судьба привела къ нему гостя, и благодаренъ ему за эту честь, за которую онъ беретъ гостя подъ свое покровительство не только у себя, но сколько можетъ, и далѣе внѣ его крова. Домъ этотъ считаетъ своимъ долгомъ, какъ слѣдуетъ, проводить гостя и поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ могъ продолжить свой путь.

Чѣмъ-бы ни оказался этотъ человѣкъ изъ дальнѣйшихъ разспросовъ или изъ другихъ какихъ-либо обстоятельствъ, въ домѣ этомъ онъ гость, священная личность и больше ничего. Съ другой стороны домъ черногорца неприкосновененъ, и никто не смѣетъ переступить его порога, если имѣетъ что-либо противъ него, его домашнихъ, а также и гостя, который принятъ въ ихъ среду.

Убѣжище это давалось всякому безъ различія: его могъ найти себѣ и турокъ, врагъ Черногоріи, и какой-нибудь простой преступникъ, убійца или воръ, даже личный врагъ того дома, убившій кого-нибудь изъ его домашнихъ. Покуда онъ подъ кровомъ, никто ему не смѣетъ ничего сдѣлать. Если была черногорская погоня за такимъ человѣкомъ, она останавливалась передъ

порогомъ дома, давшаго ему убѣжище, прекращалось всякое преслѣдованіе, потому что и всякій поступилъ бы, какъ онъ.

Въ этомъ однако не было сообщничества съ преступникомъ. Какъ скоро объяснялось, кто̀ гость — и это должно было быть — домохозяинъ рѣшалъ альтернативу: защищать его или удалить изъ дома, такъ какъ оставаться въ домѣ вѣчно онъ не могъ. Во всякомъ случаѣ для спасенія его дѣлалось все возможное. Если-же домъ тотъ принималъ подъ свою защиту прибѣжавшаго подъ его кровъ и самое дѣло, то онъ защищалъ его до крайности и вступалъ въ войну съ его преслѣдователями. На этотъ случай больше, чѣмъ ради обороны противъ внѣшняго непріятеля, черногорскіе дома строились съ приспособленіями для защиты.

Когда, при владыкѣ Петрѣ II (1843), подъ Острогомъ черногорцы кинулись на никшичанъ, будто-бы намѣревавшихся заманить къ себѣ и убить владыку, и девять человѣкъ убили; трое изъ нихъ успѣли вбѣжать въ домъ одного черногорца, и никто не смѣлъ его тронуть. А продержавши этихъ турокъ нѣсколько дней, черногорецъ потомъ, улучивъ моментъ, благополучно препроводилъ ихъ черезъ границу. Дѣло однако въ томъ, что, по народному мнѣнію, тѣ турки были убиты *на вѣру*, такъ какъ пришли на договоръ; а что они замышляли, до того народу дѣла нѣтъ, и это, по народному мнѣнію, лежитъ чернымъ пятномъ на памяти владыки *).

Въ цитированной выше повѣсти М. Любиши «Поп Андровић» есть очень трогательный эпизодъ объ одномъ, совершившемъ невольное убійство и бѣжавшемъ вслѣдствіе того въ Скадръ, откуда потомъ онъ долженъ былъ бѣжать и судьба загнала его искать крова въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ онъ совершилъ убійство. Что испыталъ отецъ, встрѣтивъ на порогѣ своего дома убійцу своего сына, трудно передать; но онъ подавилъ въ себѣ естественное отеческое чувство, взывавшее сверхъ того къ мести

*) Объ этомъ дѣлѣ, см. въ моей книгѣ: «Петръ II», стр. 122—127.

и по обычаю страны принялъ его, несмотря на негодованіе жены и другихъ членовъ семьи, и потомъ проводилъ его, снабдивъ всѣмъ необходимымъ на дорогу, объявивши только, что бы въ другой разъ онъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Этотъ случай взятъ писателемъ изъ дѣйствительности, и онъ не былъ исключительный.

Кромѣ другихъ благородныхъ и возвышенныхъ сторонъ этого обычая, хорошъ онъ былъ и тѣмъ, что иногда народъ воздвигалъ гоненіе на человѣка, не разобравши хорошо дѣла и увлекаясь побужденіями его противника, при чемъ въ страстномъ увлеченьи могли его и убить, какъ говорится, на *правду божу*. А между тѣмъ по прошествіи перваго пыла страстей люди приходили къ болѣе спокойному и справедливому взгляду на дѣло, и тогда преслѣдованный могъ оказаться невиннымъ. Это былъ тормазъ противъ всякаго рѣшенія сгоряча, происходило-ли оно отъ народной массы или отъ власти.

Первый изъ властителей Черногоріи пришелъ въ столкновеніе съ этимъ обычаемъ влад. Петръ II. При немъ совершался въ Черногоріи переходъ отъ племенной жизни къ государственной, вслѣдствіе чего въ народѣ проявлялось недовольство, доходившее до полнаго возмущенія. Для борьбы съ противниками новаго порядка и была учреждена гвардія изъ 32 чел., выбранныхъ изъ лучшихъ семействъ, людей вліятельныхъ и сильныхъ характеромъ и физически. Члены ея ходили по всѣмъ племенамъ, чтобы разбирать междоусобныя распри и чинить на мѣстѣ судъ и расправу.

Ихъ боялся народъ, но и они не смѣли войти въ домъ, чтобы схватить укрывшагося въ немъ отъ ихъ преслѣдованія. Въ такихъ случаяхъ вокругъ того дома раскладывали огонь, и преслѣдуемый выходилъ и самъ предавался въ руки власти.

Съ развитіемъ государственныхъ учрежденій этотъ обычай постоянно ослабѣвалъ, терялъ смыслъ и наконецъ совсѣмъ исчезъ. При кн. Даніилѣ прямо противъ него направлено три статьи Законника. Въ одной изъ нихъ, § 20, говорится: «Если бы отъ

земской власти посланы были или главари, или судьи, или старѣйшины, или перяники въ какое-либо племя или село, чтобы схватить виновнаго, а найдется кто-нибудь, кто станетъ его защищать, то эти люди, посланные властью, имѣютъ право того защитника, который защищаетъ виновника, схватить и предать суду». А по § 21, еслибъ онъ поднялъ оружіе противъ посланныхъ, то они имѣли право его убить. И наконецъ по § 22, прямо скрывшій преступника подвергается тому же наказанію, на которое былъ-бы осужденъ самъ преступникъ: «Если бы кто виноватому черногорцу или брдьянину, котораго власть хочетъ схватить, какимъ-бы то ни было способомъ, далъ возможность уйти, тотъ за такой проступокъ отвѣчаетъ жизнію или присуждается къ наказанію, какое было опредѣлено виновнику».

Такимъ образомъ сообразно съ духомъ времени и съ перемѣною политическаго строя народа, законъ вытѣсняетъ обычай.

Въ томъ-же смыслѣ принятія подъ кровъ внутри Черногоріи каждое отдѣльное племя давало у себя убѣжище всякому, искавшему его вслѣдствіе совершеннаго имъ преступленія въ своемъ племени, большею частію, конечно убійства, что называлось бѣгствомъ *отъ крови*.

Изъ этихъ бѣжавшихъ когда-то отъ крови впослѣдствіи образовались цѣлыя братства, которыя потомъ въ своемъ убѣжищѣ разрослись до того, что стали тамъ господствующими, какъ напр. Озриничи въ Банянахъ и Команахъ, Кучи на Граховѣ, Клименты на Цеклинѣ и т. д. Были особенныя территоріи, которыхъ населеніе составилось главнымъ образомъ изъ такого рода перебѣжчиковъ. Такую территорію представляетъ собою Затребачъ, принимавшій къ себѣ бѣжавшихъ отъ крови изъ сосѣднихъ Албаніи и Черногоріи.

Наконецъ вся Черногорія была такимъ убѣжищемъ для всѣхъ, кто по какимъ бы то ни было причинамъ былъ вынужденъ бѣжать изъ сосѣднихъ съ нею странъ: Албаніи, Старой

Сербіи, Герцеговины, Приморья и даже изъ болѣе отдаленныхъ краевъ Австріи—изъ Венгріи, Чехіи и др. Это право и долгъ давать убѣжище Черногорія, организовавшись уже въ государственную форму, приняла наконецъ какъ принципъ, въ свои, такъ сказать, регламенты въ международныхъ отношеніяхъ.

Преслѣдуя однако и карая преступленія вообще противъ человѣчества, Черногорія, какъ государство, не могла покровительствовать преступникамъ подобнаго рода, и распространила свое покровительство исключительно на политическихъ преступниковъ, въ число которыхъ входятъ и дезертиры изъ войска. Это послѣднее было усвоено впервые владыкою Петромъ I, при которомъ одинъ такой дезертиръ былъ изъ Черногоріи преданъ австрійскимъ властямъ въ Которѣ и тотчасъ же подвергнутъ наказанію палками. Владыка, узнавъ объ этомъ (иные говорятъ, что ему самому привелось это видѣть своими глазами), сказалъ, что отнынѣ ни одинъ бѣжавшій изъ австрійскаго войска солдатъ не будетъ выданъ обратно. Этотъ законъ остался въ Черногоріи и до сихъ поръ; но еслибъ бѣжавшимъ совершена была кража или другое какое-либо простое преступленіе гражданскаго или уголовнаго свойства, то онъ судится въ Черногоріи по черногорскимъ законамъ, какъ и всякій черногорецъ. Это относится и ко всѣмъ перебѣжчикамъ изъ другихъ государствъ; выдача же ихъ не допускается*).

5. Кровавая месть и примиреніе (освета и умир крви, крваво или крвно коло).

Мстительность въ бо́льшей или меньшей степени присуща всѣмъ народамъ и составляетъ свойство человѣка, лежащее въ природѣ его и вытекающее первоначально изъ чувства самозащиты. Но проявленія этого природнаго свойства въ мести зави-

*) Въ послѣднее время, однако, дѣлались выдачи, если улики были слишкомъ сильныя; а если не хотятъ выдать, то его поселяютъ въ какомъ-нибудь удаленномъ отъ границы краѣ, гдѣ онъ живетъ инкогнито.

сятъ отъ степени гражданскаго развитія и культурности народа и вообще отъ обстоятельствъ, оказывающихъ вліяніе на его жизнь, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ: отъ того, какъ относятся къ этому мѣстные законы и власти, и отъ бо́льшаго или меньшаго совершенства суда, а также и отъ сосѣдства.

Въ Черногоріи законъ абсолютно не допускаетъ кровавой мести; но тѣмъ не менѣе народъ, частію по старой привычкѣ, частію вслѣдствіе неудовлетворительности судовъ, все еще прибѣгаетъ къ мести, какъ къ средству вознаградить себя за претерпѣнную обиду или потерю свою личную и близкаго человѣка, и чтобы оградить себя отъ того-же впредь. При этомъ замѣчается, что въ краяхъ, прилегающихъ къ Албаніи, на восточной границѣ, какъ Кучи, Цермница, она труднѣе искоренима; тогда какъ въ западныхъ, герцеговинскихъ краяхъ ея почти нѣтъ.

Насколько это свойство лежитъ въ природѣ черногорца, мы по возможности объяснили въ отдѣлѣ, гдѣ даемъ вообще характеристику его физическаго и моральнаго типа (т. II, ч. 1, стр. 363—68). Тамъ-же мы указали и на обстоятельства, имѣвшія и теперь еще имѣющія вліяніе на бо́льшее или меньшее развитіе этого явленія, между которыми главное составляетъ обычай, вообще оказывающій неотразимое вліяніе на направленіе природныхъ инстинктовъ народа.

Теперь мы разсмотримъ это явленіе въ жизни черногорскаго народа, именно какъ обычай; а затѣмъ будемъ говорить о томъ, къ какимъ средствамъ самъ-же народъ прибѣгаетъ, чтобы ослабить и предупредить дальнѣйшія гибельныя послѣдствія этого злого обычая, и водворить между враждующими миръ.

а) МЕСТЬ (ОСВЕТА, ВРАЖДА).

Въ извѣстной книгѣ г. В. Богишича объ юридическихъ обычаяхъ юго-славянъ находимъ такой отвѣтъ одного изъ его корреспондентовъ относительно этого обычая въ Герцеговинѣ, Черногоріи и Бокѣ: «Во всѣхъ трехъ предѣлахъ,—говоритъ онъ —

къ сожалѣнію существуетъ злой обычай мести, такъ какъ народъ считаетъ, что кромѣ естественнаго долга, то должно быть и по Божіей заповѣди. Въ Символѣ вѣры слова: «*Свѣта отъ свѣта, Бога истинна*» и т. д. народъ понимаетъ такъ: «Месть (освета) есть святая, Божія истина» *). Извѣстна пословица: «Ко се не освети (не отомститъ), тај се не посвети». Месть эта должна постигнуть главнымъ образомъ и прежде всего за убійство или пораненіе или ограбленіе на дорогѣ. Если-бы кто не отомстилъ въ теченіе года, сынъ за отца, родной или двоюродный братъ за брата, а также побратимъ за побратима, то онъ самъ считалъ-бы себя за послѣдняго человѣка; онъ стыдился-бы передъ женщинами своего села и, пока не отомстилъ-бы, не смѣлъ-бы ни съ кѣмъ начинать никакой тяжбы, потому что каждый мужчина или женщина тогда скажутъ ему: «Еслибъ ты стоилъ чего-нибудь и имѣлъ чувство чести, ты отомстилъ-бы отца, брата» и т. д. Даже мать укорила-бы его за то словами: «Когда ты не въ состояніи отомстить, ты скинь штаны и дай ихъ мнѣ, а самъ надѣнь опреглячу» (родъ передника). Въ Грблѣ въ селѣ Главатичахъ, около 40 лѣтъ назадъ, изъ мести застрѣлили священника въ церкви, во время чтенія имъ Евангелія. Въ Герцеговинѣ отецъ убилъ сына за убійство имъ другого его сына, т. е. своего брата. Во всѣхъ трехъ краяхъ власти употребляютъ самыя строгія мѣры, чтобы сколько возможно, искоренить этотъ обычай; но все напрасно» (Богиш., стр. 577—78).

Другой отвѣтъ относится къ Герцеговинѣ и спеціально къ Катунской нахіи въ Черногоріи. «Мщеніе,—говорится въ немъ,—прежде всего совершается за убійство, рану и обиды, которыя наносятся чести, какъ: если кто кого ударитъ чубукомъ или дастъ оплеуху; когда кто обезчеститъ или броситъ сосватанную имъ невѣсту. Что касается убійства, то отомстить долженъ ближайшій

*) Можемъ увѣрить, что черногорскій народъ такого толкованія не знаетъ, какъ не знаетъ и самаго Символа вѣры, и толкованіе это придумали книжники.

родственникъ; прежде всего братъ, а если брата нѣтъ, то сынъ убитаго, и послѣ нихъ вообще все братство. Отомщаютъ, если возможно, самому убійцѣ; если-же нельзя, то кому бы то ни было изъ его братства. Родственники и братство не отвѣчаютъ однако, если виновникъ прежде совершенія преступленія былъ формально отлученъ (одличен) отъ родства. Это бываетъ такъ. Если въ какой-нибудь семьѣ или въ братствѣ найдется негодный человѣкъ, который учинилъ уже кому-нибудь зло и боятся, что и еще учинитъ; тогда тѣ прійдутъ къ его родственникамъ и заявятъ, что ихъ задѣваетъ тотъ или тотъ родственникъ N. или крадетъ у нихъ, добавляя къ тому: «Если убьемъ его, пусть не падаетъ на насъ отвѣтственность». И если на то его родственники отвѣтятъ приблизительно такъ: «дѣлайте съ нимъ, что хотите», то хотя-бы и убили его, убившіе не отвѣчаютъ *за кровь* его родственникамъ, такъ какъ онъ убитъ, будучи отлученъ» (стр. 578).

Это послѣднее впрочемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, случается очень рѣдко, такъ какъ находится въ противорѣчіи съ слишкомъ глубоко сидящимъ въ черногорцѣ пристрастіемъ къ своему роду, и можетъ быть въ томъ только случаѣ, если негодяй принадлежитъ очень слабому братству; сильное-же братство не только не потерпитъ обиды своему, хотя бы и самому негодному члену, но и не признаетъ его за таковаго, хотя бы между собою всѣ гнушались имъ.

Примѣровъ мести такъ много, что ихъ не стоитъ и приводить. Скажемъ только, что въ наше время въ цетинской тюрьмѣ сидѣлъ одинъ молодой парень, убившій человѣка, дѣдъ котораго убилъ когда-то его дѣда; а этого своего дѣда онъ и не зналъ.

Классическою страною такого рода убійствъ изъ мести является Албанія. Приведемъ одинъ случай, въ которомъ во всей рѣзкости выступаетъ принципіальная сторона дѣла.

Тамъ путешествовать можно только *на бесу*, т. е. заручившись словомъ какого-нибудь арнаута, который поручитъ его другому, тотъ третьему и т. д. Приходитъ такимъ образомъ кучъ (черногорецъ) къ арнауту и, переночевавъ у него, отправляется дальше; но

самъ хозяинъ пойти съ нимъ не могъ, а далъ ему свою собаку, по которой всякій видѣлъ-бы, на чьей *бесъ* онъ идетъ. Его однако убили на дорогѣ и собаку тоже. Тогда оскорбленный убиваетъ четверыхъ: одного за убитаго куча, голова за голову, другого за безчестіе дому, двоихъ за собаку, въ которой погибъ проводникъ гостя и членъ дома.

Говоря о родственныхъ отношеніяхъ, мы указывали на особенное почитаніе племянниковъ къ дядѣ по матери (уjак), болѣе сильномъ, чѣмъ къ дядѣ по отцу (стриц), что выражено и въ пословицѣ: «Не трогай *стрица*, если у него есть *синовацъ* (плем. по отцу), чтобъ не ужалила тебя змѣя; ни *уяка*, если у него есть *сестричъ* (плем. по матери), чтобъ не ужалили тебя двѣ змѣи». Это говорится именно въ смыслѣ кровавой мести, и историческій примѣръ того мы имѣемъ въ Маркѣ Кралевичѣ. Онъ былъ сынъ Вукашина Мрнявчевича и Ефросиньи, сестры воеводы Момчила, коварнымъ образомъ убитаго Вукашиномъ. Марко вышелъ совершенно похожимъ на уяка Момчила и, смотря на него, мать однажды воскликнула:

Боже мили, ала теби хвала,
Хвала теби на твом лепом дару!
Jе-л'се јоште тако догодило,
Да с'наметне нећак на уjака.

Вукашинъ, подслушавъ эти слова и боясь, чтобы сынъ Марко не отомстилъ ему за смерть своего дяди, произнесъ проклятіе Марку:

Сине Марко, не̑ грijало те сунце,
Нит'ти умро, нит'ти с'гроба знало,
Што се роди мени на освету,
Ти ћеш твога осветити уjка!

Этимъ только и предупредилось совершеніе преступленія сына надъ отцомъ, которое безъ того непремѣнно должно было совершиться. Дѣйствительно, никто не знаетъ о Маркѣ, гдѣ, когда и какъ онъ умеръ или, какъ говоритъ народная легенда, онъ не умеръ, а спитъ въ какой-то пещерѣ и долженъ пробудиться и выйти, когда пробьетъ часъ освобожденія сербскаго народа.

Какъ мы видѣли выше (ч. 1, стр. 254, въ сноскѣ), и въ Русской Правдѣ «сестринъ сынъ» являлся также мстителемъ за своего дядю.

Полную оцѣнку и уясненіе смысла этого обычая мы сдѣлаемъ въ заключеніи вмѣстѣ съ обычаемъ *умиренья крови*, къ описанію котораго теперь и переходимъ.

б) УМИРЕНІЕ КРОВИ.

Сербское названіе этого обычая показываетъ, что тутъ разумѣется возмездіе за пролитую кровь, а *крваво* или *крвно коло* — собраніе во имя этого кроваваго дѣла, ради его разбора и мирнаго рѣшенія. Въ войнѣ этому отвѣчаетъ *пребијање* въ смыслѣ сверстки убитыхъ съ той и другой стороны. Въ частномъ-же дѣлѣ это способъ, коимъ народъ становится на путь дальнѣйшему кровопролитію и водворяетъ миръ.

Описаніе этого обычая составляетъ цѣлую литературу. Ни одинъ путешественникъ по тѣмъ краямъ, гдѣ этотъ обычай дѣйствовалъ, не пропускаетъ, чтобы не дать описанія его, начиная съ венеціанскаго аббата Фортиса, котораго мы не разъ упоминали, и оканчивая новѣйшими путешествіями по Черногоріи. Больше же всего можно найти о немъ въ далматинскихъ изданіяхъ, какъ Сербско-далматинскій Магазинъ, Mjesečnik, Strenna Triestina и др. Есть описаніе его у В. Ст. Караджича (Живот и обичаји Срба 1850), у М. Г. В. Медаковича (Жив. и обич. Црног. 1860); въ повѣстяхъ Ст. Любиши (Поп Андровић), въ разсказахъ изъ юридическаго быта въ Бокѣ, Черногоріи и Герцеговинѣ—В. Врчевича (1881 и 1890 г.); въ Сербско-далмат. магаз.

1844 г. (стр. 62—74) есть обширная статья іерея Д. Васильевича «Крвно коло».

Подробно также описанъ этотъ обычай у В. Богишича въ его Сборникѣ подъ статьями: крварина (стр. 513), крвно коло (541), объ отвѣтственности села (565) и наконецъ умиреніе крови (579 — 83). Б. Петрановичъ въ соч. «Osveta, mirenje i vražda» (Rad jugosl akad, kn. VI), кромѣ подробнаго описанія обряда, старается объяснить духъ обычая и причины его возникновенія. Ученое изслѣдованіе вопроса представляетъ Ф. Миклошича — «Die Blutrache bei den Slaven» (Wien, 1887). Новѣйшее извѣстное намъ сочиненіе Миленка Р. Веснича — «Die Blutrache bei den Südslaven» (Stuttgart, 1889). Это небольшая брошюрка, которая однако вполнѣ исчерпываетъ предметъ и даетъ о немъ самое отчетливое и ясное представленіе *).

Надобно замѣтить, что въ Черногоріи этотъ обычай давно уже не дѣйствуетъ и положительно его теперь знаютъ только старики, да и изъ тѣхъ не многимъ приводилось видѣть его самимъ такъ какъ къ этому средству прибѣгали въ крайности и потому очень рѣдко. При томъ при влад. Петрѣ I, когда больше всего происходили кровавыя столкновенія въ Черногоріи, мирилъ ихъ онъ; а затѣмъ при Петрѣ II и кн. Даніилѣ стала водворяться крѣпкая власть, которая замѣняла этотъ обычай судомъ. Одинъ случай однако былъ, говорятъ, и при князѣ Николаѣ, вѣроятно, въ самомъ началѣ его княженія. Поэтому, кромѣ того, что̀ уже напечатано относительно исполненія этого обычая въ Черногоріи, намъ оставалось бы дополнить нѣсколько по слышаннымъ нами разсказамъ. Но случайно привелось намъ лично присутствовать при актѣ умиренія въ сосѣднемъ Приморьѣ, которое, какъ извѣстно, прежде составляло одно цѣлое съ Черногоріей и, нѣтъ еще 50-ти лѣтъ, какъ вышло изъ-подъ юрисдикціи черногорскихъ митрополитовъ; по народности же, по этнографическому типу, харак-

---

*) Обращаемъ вниманіе и на нашу маленькую рецензію на него въ черногорскомъ журналѣ «Нова Зета», 1889 г., св. V, стр. 196—201.

теру и образу жизни приморцы—совершенно черногорцы, такъ что нѣкоторыхъ, какъ поборы, браичи и гребляне, отъ нихъ и не отличишь.

Это было лѣтомъ 1890 г. въ Грблѣ, когда вмѣстѣ съ другими черногорцами и я былъ приглашенъ присутствовать въ качествѣ гостя одной стороны и до нѣкоторой степени почетнаго свидѣтеля. Какъ русскому, мнѣ было оказано особенное вниманіе, за обѣдомъ меня посадили въ челѣ трапезы и вообще поставили въ такое положеніе, чтобы отъ моего наблюденія не ускользнула ни малѣйшая подробность. Это и дало мнѣ возможность лично познакомиться съ этимъ обычаемъ и вникнуть въ духъ и смыслъ, проникающіе его обряды и формы.

Замѣчательно здѣсь то, что, принадлежа глубокой старинѣ, исчезнувшій или изгнанный изъ Сербіи и Черногоріи, этотъ обычай практикуется въ наши дни подъ властью одной изъ наиболѣе культурныхъ державъ Западной Европы, находящею необходимымъ допустить его, не смотря на рядомъ существующій вполнѣ благоустроенный государственный судъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію видѣннаго, мы считаемъ необходимымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о самой странѣ и племени, гдѣ это происходило, о личностяхъ, участвовавшихъ въ кровавой драмѣ, и о сопровождавшихъ ее обстоятельствахъ.

аа) *Характеристика страны, ея жителей и враждовавшихъ между собою сторонъ; обстоятельства, сопровождавшія убійство; подготовка примиренія, описаніе цѣлаго обряда и сентенція.*

Южное Адріатическое Приморье, принадлежавшее когда-то Зетскому государству и послѣ перешедшее подъ власть Венеціи, а потомъ (съ 1815 г.) Австріи, до недавняго времени (1882 г.) не давало правительству ни солдатъ, ни ландвера и пользовалось

широкою автономіей, благодаря чему и сохранило главныя черты своего исконнаго племенного быта, въ которомъ живетъ и до сихъ поръ. Теперь у нихъ эта прерогатива отнята силою, у нихъ отобрано оружіе и позволено носить только старое кремневое оружіе и небольшіе ножи. Но тѣмъ съ бо̀льшею ревностью они оберегаютъ свою внутреннюю автономію, а въ томъ числѣ и обычай умиренія крови, не довольствуясь тѣмъ, что̀ дѣлается для наказанія преступленія правительственнымъ судомъ. Приморье состоитъ изъ нѣсколькихъ племенъ, какъ Паштровичи, Браичи, Поборы, Маины, Грбаль, Луштица и др.

Грбаль, иначе называемый Жупа (Хира), составляетъ самую большую въ Приморьѣ общину (23 села и до 4000 душъ об. п.). Помимо другихъ, онъ упоминается въ старинныхъ документахъ, касающихся исторіи Зеты. Община эта и теперь дѣлится на 4 *кнежины* или рода (по-итальянски — contea, а Нѣмцы переводятъ Grafschaft *): Любановичи, Бойковичи, Лазаревичи и Туйковичи.

Изъ нихъ первые три рода живутъ въ нѣсколькихъ долинахъ, прилегающихъ къ морю, съ богатою почвой; но источниковъ воды, кромѣ цистернъ, и то весьма жалкихъ, нѣтъ совершенно никакихъ; сообщеніе съ базарными мѣстами, какъ Которъ и Будва, также крайне затруднительное. И при всемъ томъ они богаче, чѣмъ остальные Грбляне, пріобрѣтая состояніе частью на собственныхъ сравнительно обширныхъ земляхъ, частью заработками въ Цареградѣ и другихъ мѣстахъ Турціи. Они горды, высоко держатъ честь своего рода и, обладая средствами, относятся къ другимъ заносчиво. Въ образѣ жизни они весьма просты, хотя дома ихъ построены, какъ *кулы* (большой каменный домъ съ приспособленіями для защиты), и въ одеждѣ ихъ замѣтна большая роскошь. Въ характерѣ ихъ много суровости. Туйковичи, напротивъ, пріютившись какъ разъ у подножія Черногоріи подъ Ловченомъ и Штировникомъ, имѣютъ много воды: всюду вы

*) E. Schatzmayer — Dalmatien. Geographisch-historisch-statistische Beschreibung. Triest. 1877. 8⁰, 48.

видите мельницы; сады и нивы всѣ почти находятся подъ поливой; поэтому растительность всюду густая, роскошная. Но эти же самыя воды и разносятъ землю; вслѣдствіе этого Туйковичи постоянно бѣднѣютъ землею, такъ что не помогаетъ имъ и близость базара и удобство сообщеній. Но, при всей бѣдности, вы вездѣ встрѣчаете благоустроенность и культурность. Когда шла борьба за независимость, они поднимались первые, хотя положеніе ихъ гораздо затруднительнѣе, такъ какъ всюду находятся крѣпости (Тройца и Горажда) или жандармскія станціи.

Описываемая нами вражда открылась между Туйковичами, именно между семействомъ Зецовъ, которое всегда играло роль и занимало почетное мѣсто въ цѣломъ Грблѣ, и Ивомъ Бойковичемъ.

Послѣдній, кромѣ знатности рода, богатства и вліянія на общественныя дѣла, славился какъ великій *юнакъ*, человѣкъ очень умный, рѣшительный и предпріимчивый. Къ тому же онъ былъ и отличный торговецъ, извѣстный по цѣлой Бокѣ и Черногоріи. Одинъ только важный недостатокъ былъ въ его характерѣ: слишкомъ большая горячность и постоянная готовность поссориться и побиться. Въ этомъ отношеніи всякъ его опасался. Однажды въ горячности онъ убилъ своего близкаго человѣка Бойковича-же, послѣ чего бѣжалъ въ Черногорію, гдѣ и прожилъ около десяти лѣтъ.

Когда австрійскій императоръ Францъ Іосифъ впервые посѣтилъ Боку, князь черногорскій Николай, при личномъ свиданіи съ нимъ, испросилъ у него дозволеніе вернуться домой всѣмъ перебѣжчикамъ; въ томъ числѣ вернулся домой и Иво Бойковичъ.

Когда началась послѣдняя война Черногоріи съ Турціей, приморцы также вступили въ черногорскія войска; и Иво Бойковичъ отправился въ Черногорію. И вотъ, когда происходила осада Никшича и дѣло затянулось, онъ рѣшился отправиться домой; чтобы прославить свое «крсно име», день Успенія Пресв. Богородицы, 15 августа (1877 г.). Купивши коровку для закланія на свой праздникъ, 14-го августа сошелъ онъ уже въ

Грбаль, гдѣ проходило много народу съ которскаго базара. Тутъ онъ встрѣтился со Стойомъ Зецомъ; произошелъ крупный разговоръ, при чемъ Бойковичъ сильно оскорбилъ Зеца. Зецъ, тоже гордившійся своимъ именемъ и высокимъ уваженіемъ въ цѣломъ краю за свой умъ, характеръ и горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ и также не допускавшій никому стать себѣ на ногу, отойдя немного отъ народа, закричалъ Бойковичу: «Стой! попробуемъ оружіе!», вызывая этимъ его на поединокъ; а тотъ былъ уже готовъ: отскочивши немного въ сторону, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ револьвера, и Зецъ палъ мертвый на мѣстѣ.

Бойковичу ничего не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ; но куда? въ Черногорію онъ не смѣлъ, такъ какъ и тамъ былъ бы судимъ, какъ простой убійца. И онъ 7 лѣтъ держался, то въ своихъ, то въ пограничныхъ горахъ. Преслѣдовали его цѣлые отряды жандармовъ, сбивали на поиски весь народъ. Но не легко было встрѣтиться съ нимъ лично; въ то же время боялись и его сильнаго братства. Наконецъ онъ самъ какъ-то черезъ Черногорію и Старую Сербію пробрался въ Королевство Сербское. Имѣлись уже достовѣрныя свѣдѣнія, что онъ тамъ; а затѣмъ пришло извѣстіе, что онъ убитъ, неизвѣстно кѣмъ: по всѣмъ вѣроятіямъ, убили его хайдуки, разсчитывавшіе на поживу.

И такъ, собственно отвѣтственнаго лица, такъ называемаго, *рукоставника* не стало; остался послѣ него только сынъ Јово, которому и теперь едва двадцать лѣтъ; а отъ Зеца тоже Јово, такихъ же лѣтъ, и еще моложе Нико.

Народъ однако смотритъ на дѣло иначе. Виновникъ погибъ; но дѣло его не погибло: домъ лишился отца и все осталось на малолѣтнихъ; поэтому домъ долженъ разориться; Бойковичи, богатые и сильные, не давши въ то же время и моральнаго удовлетворенія дому погибшаго, будутъ еще горделивѣе и своевольнѣе. Кромѣ того, цѣлый родъ лишился добраго главаря, и это было въ ущербъ силѣ и значенію рода.

Въ силу соображеній такого рода дѣло не кончалось случайною смертью виновника: вмѣсто него долженъ погибнуть кто-ни-

будь изъ его рода, и при томъ одинъ изъ лучшихъ его представителей: «месть—святое дѣло!».

Отношенія были самыя натянутыя: одинъ родъ съ другимъ совершенно не хотѣлъ имѣть никакого дѣла; одинъ другого опасался; одинъ другому старался вредить, чѣмъ только можно. Чувствовалось и сознавалось всѣми все зло такого положенія, и вотъ понемногу начали хлопотать о примиреніи съ той и другой стороны; но больше, конечно, со стороны Зецовъ, у которыхъ тутъ страдали честь и имя; а въ тоже время они страдали и матеріально. Одинъ старецъ между ними, больше всѣхъ хлопотавшій о примиреніи, узнавши о томъ, радостный умеръ всего за нѣсколько дней до исполненія обычая. Это особенный случай; обыкновенно же умиренія ищетъ *крвник* (убійца или кто-нибудь изъ его рода).

Наконецъ общими усиліями было достигнуто, что Бойковичи признали себя виновною стороною и предоставили Јову Зецу право избрать 24 кметовъ (судей), рѣшенію которыхъ онъ покоряется.

Кметы эти выбраны были Зецомъ изъ различныхъ сторонъ, и чуть-ли не большинство ихъ было изъ партіи Бойковичей. Это былъ хорошій знакъ, указывавшій на искренность отношеній и взаимное довѣріе.

Кметы собрались въ селѣ Вишневѣ (тоже въ краю Бойковичей) и постановили слѣдующее:

1. Јово Бойковичъ, какъ наслѣдникъ *рукоставника* (крвника, убійцы), платитъ въ видѣ мыта (подкупъ, плата или даръ, чтобы привлечь кого-либо на свою сторону) 30 цекиновъ (60 флориновъ) и цѣну мертвой головы Јову Зецу и его брату Нику—сумму въ 133 цекина и два гроша и половину пары.

2. Јово же Бойковичъ долженъ устроить обѣдъ Јову Зецу и его сторонѣ на 300 чел.

3. Јово Бойковичъ долженъ послать Зецу два посланника (изъ числа кметовъ) съ 12-ю кумствами.

4. Въ знакъ вѣчнаго мира и любви обѣ стороны должны дать одна другой 12 великихъ и 12 малыхъ побратимствъ.

5. По старинному обычаю, Бойковичъ долженъ исполнить обрядъ передачи *пушке-крвнице* (ружья, которымъ совершено убійство) пострадавшему со всѣми унижающими его формами.

День назначенъ 27 августа (понедѣльникъ).

Мы, нѣсколько человѣкъ съ Цетинья, наканунѣ отправились въ коляскѣ въ Сутвару (мѣстечко въ Грблѣ), гдѣ и ночевали у знакомыхъ. Байцы отправились черезъ Ловченъ и прибыли тоже наканунѣ въ село Пелиново, гдѣ живутъ пострадавшіе Зецы.

Назначено было всѣмъ, принадлежащимъ сторонѣ Зецовъ, собраться въ Пелиновѣ въ 6 ч. утра.

Это маленькое сельцо, удалившееся отъ главной дороги въ горы (къ Черногорской границѣ) на полчаса. Кругомъ журчатъ потоки, домики ютятся въ размоинахъ и кроются въ зелени деревъ. Домикъ Јова Зеца—совсѣмъ маленькій съ одною комнатой наверху, а внизу *коноба* (отдѣленіе для скота). Онъ сидитъ въ какой-то ямѣ, такъ что входъ въ верхнее отдѣленіе съ сосѣдняго бережка устроенъ по мосткамъ. Тамъ теперь помѣстились, кромѣ членовъ семьи, 12 чел., которые должны принять 12 кумствъ. Рядомъ тутъ же круглое гумно, прекрасно выложенное тесаннымъ камнемъ, какъ блюдо съ закраинами. На этихъ закраинахъ и помѣщаемся мы, всѣ сторонники Зецовъ; иные взобрались на сосѣднія скалы и на деревья, чтобы оттуда лучше видѣть всю церемонію. Въ домикѣ происходитъ договоръ, кому какъ дѣйствовать.

Около 7 ч. у. показались женщины, несущія колыбели на головахъ. Не за долго до ихъ прихода домикъ затворился, и кругомъ водворилась какая-то таинственная тишина. Женщинамъ этимъ предстояло идти часа три; поэтому онѣ должны были тронуться еще до разсвѣта, когда подувалъ съ горъ свѣжій сѣверный вѣтеръ; а тутъ пригрѣло солнышко, и носильщицъ охватило солнечнымъ жаромъ. Впереди нихъ шли два посланника для переговоровъ.

Подошли эти женщины къ дому Зеца и спустили на землю колыбельки, тяжело переводя духъ. Никто имъ ни «помагай Бог»,

ни онѣ никому. Дѣти, закутанныя въ своихъ колыбелькахъ, также не подаютъ ни знака жизни.

Посланники, одинъ съ графиномъ ракіи, другой съ виномъ, входятъ на мостокъ и, не стучась въ дверь, какъ бы въ какомъ-то страхѣ, скромно привѣтствуютъ: «Доброе утро въ домѣ кума!» Отвѣта нѣтъ. Они опять повторяютъ то-же самое. Мертвая тишина по прежнему, словно никого и въ домѣ нѣтъ. «Богъ и святой Іованъ! Во имя Бога и святого Іована, доброе утро куму!» Тогда дверь распахивается, и посланники входятъ внутрь. Кромѣ угощенія виномъ и ракіей, они, опять въ видѣ «мыта», подаютъ «умирнику» двѣ леденицы (пистолеты, отдѣланные въ литое серебро безъ куска дерева или другого металла, кромѣ стальныхъ стволовъ и замковъ). Затѣмъ начинаютъ входить женщины съ колыбельками. У каждаго ребенка подъ головкой завернутая въ бумагу какая-нибудь мелкая серебряная монета. Всякій поднимаетъ головку ребенка, посмотритъ, что тамъ есть, и иной возьметъ, а другой оставитъ. Это тоже мыто со стороны матерей. Первый принимаетъ кумство главный изъ Зецовъ; принятіе это выражается поцѣлуемъ ребенку. Такъ точно поступаютъ и всѣ остальные.

Прежде бывало, что колыбели приносились по три утра; съ ними были и другіе; и всѣ они, стоя передъ домомъ, всячески умоляли и заклинали принять кумство. Теперь эта форма смягчена.

Прежде приносили непремѣнно некрещенныхъ дѣтей, и иные нарочно медлили съ крещеніемъ, чтобы пригодилось къ подобному случаю; а теперь только случайно можетъ найтись ребенокъ некрещенный; но кумство заключается настоящее.

Послѣ этого женщины съ колыбельками отправляются домой, въ свое братство къ Бойковичамъ, на общее сборное мѣсто. Зецъ съ своими гостями отправляется черезъ полчаса, чтобы дать женщинамъ съ колыбельками возможность прійти на мѣсто раньше. Но народъ этотъ не можетъ идти умѣреннымъ шагомъ, а всякій летитъ, какъ можетъ, особенно при тяжелыхъ подъ-

емахъ въ гору. Мы нѣсколько разъ догоняли и обгоняли женщинъ, останавливались и давали имъ пройти впередъ, а на сборное мѣсто пришли въ одно время.

По пути мы встрѣчали толпы народу изъ разныхъ селъ; одни были наши товарищи, другіе шли къ Бойковичамъ. Послѣднимъ мы не отвѣчали на ихъ привѣтствіе: «помагай Богъ!» Мы еще не помирились; при томъ они заискиваютъ у насъ, а не мы у нихъ.

Наконецъ, черезъ три часа ходу мы достигли сборнаго мѣста. Главари съ той и съ другой стороны выскочили впередъ и остановили своихъ людей, чтобъ не смѣшались между собою. Остановились одни передъ другими точно два враждебныя войска, и между ними оставлено нейтральное пространство шириною метровъ во сто.

Насталъ короткій моментъ тишины, а затѣмъ съ той стороны выдѣляется группа людей. Сынъ убійцы, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и безъ шапки ползетъ на четверенькахъ; а на шеѣ у него виситъ длинное ружье на ремнѣ (всегда длинное ружье, для бóльшаго эффекта, хотя бы убійство совершено было и изъ пистолета); его съ концовъ поддерживаютъ два кмета, тоже безъ шапокъ. Увидя это, Зецъ торопливо побѣжалъ впередъ, чтобы сократить эту тяжелую, унизительную сцену. Онъ подбѣгаетъ къ Бойковичу, чтобы его скорѣе поднять; а этотъ въ тотъ самый моментъ цѣлуетъ его въ ноги, груди, плечи. Снявши ружье съ шеи Бойковича, Зецъ обращается къ нему съ слѣдующими словами, которыя ради силы ихъ приведемъ по сербски: «Прво — брате; пак крвниче; пак завазда брате! је-ли ово она пушка, те узела живот моме оцу?..» и, не дожидаясь отвѣта, вручаетъ ружье назадъ Бойковичу, выражая этимъ полное прощеніе прошлаго, и оба цѣлуются, братски обнимаясь.

Послѣ этого съ той и съ другой стороны выходятъ по одному человѣку, которые по спискамъ выкликаютъ лицъ, долженствующихъ побрататься. При этомъ не извѣстно, кто съ кѣмъ побратается, потому что списки предварительно не считываются.

Между этими 24 побратимствами называются *вельми* тѣ 12, которыя прежде уже приняли кумство съ колыбельками. Со стороны Бойковича всѣ выходятъ безъ шапокъ и съ покорнымъ видомъ.

Послѣ этого, кметы и главные люди изъ Бойковичей зовутъ Іова Зеца съ его дружиной и гостями на обѣдъ.

Трапеза была устроена высоко подъ скалами: посрединѣ широкія доски, поднятыя на камни, представляли собою одинъ длинный столъ, а передъ нимъ, тоже изъ досокъ на камняхъ немного только пониже, родъ скамеекъ. Чело трапезы обращено было къ востоку. Первыя мѣста заняли два начальника (podestà) грбальскій Іоко Николевичъ и паштровицкій Нико Давидовичъ; по правой сторонѣ сѣли Зецъ съ 24 вельими и малыми побратимами, а по лѣвой, противъ него, 24 кмета. Остальные 300 человѣкъ и даже болѣе размѣщены были также по старѣйшинству и размѣщеніе это продолжалось съ часъ. Меня помѣстили между двумя начальниками. На столѣ разложены были говядина и баранина, вареная и печеная, хлѣбъ, сыръ. Когда все было готово, одинъ изъ священниковъ (онъ же и кметъ) прочиталъ молитву, и затѣмъ стали всѣхъ обносить ракіей. Ѣли, конечно, просто руками, безъ ножей и вилокъ, и во время ѣды обносили виномъ. Здравицъ не было никакихъ; только кто пилъ, призывалъ имя Божіе и вкратцѣ выражалъ желаніе, чтобы миръ былъ искренній и прочный. Всѣ ѣли; но Іово Зецъ и 12 принявшихъ кумство не прикасались ни къ чему: это значитъ, что умиреніе еще не окончено.

Когда обѣдъ былъ оконченъ, кметы напомнили, что теперь пора платить. Распорядители со стороны Бойковичей вынесли цѣлое блюдо завернутыхъ въ бумагу монетъ и стали раскладывать передъ каждымъ зецевымъ гостемъ, начавши, конечно, прежде съ него самого. И это длилось около получаса. Іово Зецъ поднялся съ мѣста и спросилъ своихъ, всѣ-ли получили должное, и опять сѣлъ, получивши утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ опять кметы приказываютъ, чтобы въ дополненіе къ недостающему въ

деньгахъ снесено было передъ Зеца оружіе. Тотчасъ началось обезоруженіе бойковичевой стороны, и все это при самой глубокой тишинѣ. Въ моментъ обезоруженія кое-гдѣ послышался женскій плачъ, тотчасъ однако заглушенный.

Между тѣмъ передъ Зецомъ поставили огромное металлическое блюдо, и на него стали сносить лучшее оружіе: леденицы и тоже отдѣланные въ серебро большіе ножи, иногда въ позолотѣ и украшенные кораллами и дорогими каменьями. Каждая леденица заряжена и курокъ поднятъ на первый взводъ. Принесли до 34 леденицъ и 11 ножей. Спрашиваютъ Зеца: «Довольно-ли»? — «Нѣтъ», отвѣчаетъ онъ. Приносятъ еще 6 леденицъ и 3 ножа. Опять недовольно. Собираютъ какъ бы послѣднее: кладутъ еще двѣ леденицы и ножъ. «Довольно» — говоритъ Зецъ, и молчаніе продолжается. Передъ нимъ стоитъ не только груда серебра, но и отличнаго цѣннаго оружія, съ которымъ соединены, Богъ знаетъ, какія воспоминанія у его бывшихъ владѣтелей! а теперь оно больше не ихъ. Извѣстно, что все это будетъ возвращено; но тѣмъ не менѣе, у каждаго на лицѣ сомнѣніе: а что будетъ дальше? ну, а какъ онъ все это возьметъ себѣ? Это неопредѣленное состояніе прерываютъ кметы: именно одинъ изъ нихъ, священникъ съ прекраснымъ лицомъ, обрамленнымъ падающими на плечи сѣдыми, кудрявыми волосами — встаетъ и обращается къ Зецу съ такими словами: «Не подаришь-ли ты что-нибудь намъ, такъ какъ мы, по твоему желанію, потрудились на примиреніи?» — Встаетъ Зецъ и, молча, подаетъ имъ черезъ столъ десятокъ леденицъ и нѣсколько ножей. Опять пауза; снова къ Зецу обращается съ подобною же просьбой распорядитель обѣда. И ему даются двѣ леденицы. Затѣмъ Зецъ обращается внѣ стола: «А гдѣ мой кумъ? позовите его сюда». Онъ является попрежнему раздѣтый, подходитъ къ своему куму съ покорностью и цѣлуетъ въ плечо. Тотъ-же беретъ цѣлое блюдо съ оружіемъ, при помощи другихъ, весь дрожа (отъ волненія или напряженія?), приподнимаетъ его и передаетъ своему крвнику. Этотъ, поцѣловавши опять кума въ плечо, принимаетъ блюдо при помощи другихъ, а

Зецъ говоритъ: «Возвращаю тебѣ все: и прощается смерть моего отца, и забывается все, что было; между нами же да будетъ братство, миръ и любовь. Не надо мнѣ и это твое мыто (вынимаетъ и передаетъ ему двѣ леденицы, принятыя утромъ), ни бѣлой тряпки со стола не понесу отъ тебя, и возвращаю еще и это мыто»—беретъ и передаетъ ему замотанную въ бумагу монету. «Возвратите и вы все»—обращается онъ къ своимъ.

Затѣмъ настаетъ еще пауза, чисто ради душевнаго успокоенія, потому что сцена была трогательная. Послѣ этого Зецъ спрашиваетъ, гдѣ его кума. Подходитъ кума съ колыбелью, которую ставитъ передъ нимъ, а сама цѣлуетъ въ руку кума... «Вотъ тебѣ твое мыто назадъ», — говоритъ Зецъ, возвращая принятую утромъ монету,—«а вотъ тебѣ и еще» и вручаетъ флоринъ. «Воротите и вы все своимъ кумамъ, что приняли отъ нихъ»,—говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ. Тѣ такъ и поступаютъ, возвращая принятое, и прибавляютъ еще какую-нибудь монету, иной сверхъ того даритъ платокъ.

Когда весь обрядъ исполненъ, тогда одинъ изъ кметовъ встаетъ на столъ и читаетъ сентенцію—рѣшеніе 24-хъ *) — и передаетъ её Зецу, а этотъ въ свою очередь передаетъ Бойковичу.

Назавтра долженъ быть обѣдъ для главнаго кума Зеца съ другими 11-ю. Тогда сентенція будетъ изготовлена въ двухъ экземплярахъ, которые будутъ связаны шолковыми шнурками за мелкую монетку, турецкую пару или какую-нибудь старинную венеціанскую. Монетка эта разрѣзается ножницами, и при каждомъ экземплярѣ остается только по половинкѣ ея. Вотъ почему, какая-бы сумма ни опредѣлялась за мертвую голову, всегда упоминается и половина пары.

Въ заключеніе намъ могутъ задать вопросъ: какое положеніе занимала во всемъ этомъ оффиціальная власть? Ее представляли собою 4 или 5 жандармовъ изъ мѣстной команды; дер-

*) Мы приведемъ ее при заключеніи.

жась сначала совершенно въ сторонѣ, они потомъ смѣшались съ толпою и были любопытными зрителями, какъ и всѣ. Два же упомянутые выше начальника—выборные представители власти и при томъ состояли въ роли кметовъ.

Этимъ все и кончилось. Мы позваны были знакомыми завернуть въ ихъ дома; а сверхъ того сочли за долгъ и честь посѣтить домъ нынѣшняго митрополита черногорскаго Митрофана, который родомъ именно изъ села Главатаго, гдѣ живутъ его старикъ-отецъ и братъ, семейный человѣкъ. Къ вечеру мы пѣшкомъ вернулись въ Сутвару, а на другой день въ коляскѣ — въ Цетинье.

Передавши такимъ образомъ съ возможными подробностями и точностью все, что происходило передъ нашими глазами, постараемся, сколько возможно короче, собрать въ одно и тѣ впечатлѣнія, которыя оставило въ насъ непосредственное наблюдедение факта.

Первое впечатлѣніе то, что всѣ эти сцены, весьма трогательныя и даже суровыя, придуманы съ цѣлью дѣйствовать на душу народа и, устрашая этими формами, отъ исполненія которыхъ не можетъ уклониться ни одинъ виновный, предупреждать возможность убійства. И это, въ дѣйствительности, производитъ на народъ эффектъ ужасный. Тутъ вы у многихъ могли видѣть слезы на глазахъ, а иной приглушалъ въ себѣ рыданія, не говоря о женщинахъ, которыя плакали. Это, значитъ, не пустыя формы и сцены въ родѣ театральнаго представленія, а вѣрно разсчитанныя на нравственное, воспитательное вліяніе. Что же касается матеріальнаго наказанія виновнаго на счетъ его имущества, такъ какъ тутъ страдаютъ и матеріальные интересы потерпѣвшаго, то оно играетъ чуть ли не послѣднюю роль: за голову платится 266 флор. и 2 гроша *) — сумма ничтожная, сравнительно съ значеніемъ потери главнаго человѣка

*) Въ Черногоріи платилось то-же самое; въ Краинѣ — 40 талер. (80 флор.) и въ другихъ мѣстахъ тоже различно.

въ домѣ. Тѣмъ не менѣе прежде она взималась. Это было особенно умѣстно тамъ, гдѣ съ той и съ другой стороны погибало нѣсколько человѣкъ; тогда такимъ способомъ подводились общіе счеты; кромѣ того, тутъ-же взималось за лѣченье раненыхъ и за различные другіе случившіеся при томъ убытки. Но нравственная сторона постоянно брала верхъ, и со временемъ стало какъ бы неприличнымъ цѣнить деньгами голову своего человѣка. Весьма важную роль тутъ играетъ мыто; вмѣстѣ съ платою за голову присуждаются 30 цекиновъ (60 флор.) мыта, и кромѣ того подарки на каждомъ шагу.

Выпрашиваніе кумства — также своего рода мыто, только моральное, какъ великая почесть одной сторонѣ и униженье другой.

Что касается обѣда,—а прежде бывали обѣды по три дня,— то это единственно и падало тяжестью на виновныхъ. Но тутъ помогаетъ цѣлый родъ: и что стоитъ имъ угостить 300—500 человѣкъ гостей? особенно въ прежнее время, когда со скотомъ некуда было дѣваться; а все угощенье и состоитъ въ мясѣ. Въ настоящее же время угощеніе это доводится до возможно скромныхъ размѣровъ.

Итакъ, въ основаніи этого обычая положенъ принципъ моральный, при чемъ неизбѣжныхъ издержекъ несравненно меньше, чѣмъ на всякомъ современномъ судѣ, гдѣ одно сидѣнье по тюрьмамъ составляетъ страшную экономическую и моральную тяжесть.

Послѣ этого останавливаемся на слѣдующемъ фактѣ: пострадавшій принадлежитъ роду Туйковичей и не имѣетъ за собою никого больше; тогда какъ на сторонѣ виновнаго, кромѣ Бойковичей, стоятъ еще Любановичи и Лазаревичи; и не смотря на все это, Туйковичи выигрываютъ. Этого никакъ не добился бы одинъ родъ, еслибы ему не помогали, проникнутые сознаніемъ его правоты, и всѣ другіе роды, весь Грбаль. Значитъ, судъ этотъ — результатъ того чувства справедливости, которое глубоко лежитъ въ цѣломъ Грбальскомъ народѣ. И никогда еще не бывало, чтобы судъ этотъ судилъ иначе.

Сколько, наконецъ, нужно имѣть доброй воли и энергіи, искусства и стойкости, чтобы цѣлый сильный родъ заставить принять такія тяжкія условія, которыми онъ принижается до крайней степени!?... Все это показываетъ на глубоко внѣдренныя въ народѣ гражданскія добродѣтели.

Приведемъ теперь подлинную сентенцію, по которой рѣшено это дѣло; а также нѣсколько извлеченій изъ черногорскихъ сентенцій стараго времени. Въ приложеніяхъ-же мы сообщимъ нѣсколько старыхъ черногорскихъ сентенцій вполнѣ.

«У име Исуса Христа. Вишњево у Грбљу 27 августа 1890 г.

Да се зна, да је вјеровано, чувено и виђено пред свакијем судом и господаром, власти и области, а то како данас ми, доље подписати и крстом забиљежени, главари и старешине обћине Грбаљске и његових обћина окружија Бококоторског, као брацки погодитељи и помиритељи, по најдревнијем обичају ове земље, бројем двадесет и четири кмета, бисмо именовани од часне куће Зечеве, а позвани од куће Бојковића, окуписмо се у кућу Ђура Турова Бојковића у Вишњеву услед најпонизније молбе Јова, сина покојнога Ива Бојковића, и све његове породице за помирити их с Јовом и Ником, синовима покојног Стоја Зеца и со свом њиховом породицом из села Пелинова у Грбљу, којијем бјеху дужни главу њихова покојного оца Стоја, који је погинуо на 14 августа 1877 године, погинуво је на Милотковини у наведеној обћини, услед неповолног и опорног рјечања његова и Ива Бојковића, који за по несрекњем случају и своје слабе разборитости из пушке уби.

Предходно су се с питањем односно наступајућег мира три кратке напомене испуниле; ми, доли забиљежени, по обичају земље брацки помиритељи, помолили смо се и призвасмо свезнајућега Бога у помоћ, који је извор свакога добра, правде и истине; те како бисмо што душевније и савјесније ову повјерену нама тешку задаћу извршили.

Пошто даклен овом најтруднијом задаћом доста се забависмо и вијећасмо, пођe нама у толико за руком, што бисмо срекњи,

те Јово Зец са својом свом породицом на наше капе и нашу молбу обећа, да ће се с наведениjем Бојковићем и цијелом његовом породицом, с њима и с њиховијема потомцима умирити; онда по *хајдету* и земаљском обичају нагодисмо, у толико слиједи (см. выше 5 пунктовъ на стр. 383). Наведени Јово изврши, како пред речене, тако и ову наредбу, те на уговорену месту границу Ковачку Главацку изврши, на руке и кољена одећи и крвницу пушку о врату посећи, приступи к Јову Зецу, који га срете и са земље подиже, те се с наведениjем Бојковићем и с његовом породицом пољуби и опрости му мртву главу покојного оца Стоја и пушку крвницу пред нама старешинама и цијелијем присутсвујућем народом, без да му за њу мртву главу узе ни најмање ситничке паре, него их прими за браћу кумове и пријатеље, одмах прослиједише пољубци дванаjест великијех и дванаjест малијех побратимства с једне и друге стране, те за то обадвије породице остадоше у вјечити мир и љубав. Со тим се пак изврши овај прастари обичај, кога сви доље изложени брацки помиритељи својеручнима подписима или крстима потврдисмо.— Начелник Грбаљски Јоко Никољевић, начелник Паштровски Нико Давидовић, Воин Бућин, Михаил Ђуда, Божо Кроћ, поп Д. Васиљевић, поп Ј. Радановић, Јоко Симов Божовић, Шпиро Милић, Митар Кроћ, поп Ф. Микиjељ, Ђуро Вукотић, поп Н. Тичић, Ђуро Мочић, Марко Поповић, Стјепо Радановић, Ђуро Вучетић, Стево Тујковић, Нико Вукадиновић, Шпиро Цвјетковић, Саво Лазаровић, поп Ј. Микијељ, Иво Љубановић, Божо Бојковић.»

Тѣмъ-же способомъ происходило это и въ Черногоріи. Но встрѣчается разница въ частностяхъ. Такъ, когда происходило «мireніе крови» на Крнёй-елѣ (въ Морачѣ), тамъ со стороны отвѣтчика шелъ священникъ въ эпитрахили и съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ шли двѣ женщины съ колыбельками и потомъ отвѣтчикъ съ ружьемъ на шеѣ съ видомъ покорности и униженія. Когда они были близко къ дому пострадавшаго, ихъ встрѣтилъ отецъ

убитаго и послѣ извѣстнаго уже обряда повелъ его въ домъ, гдѣ встрѣтила ихъ мать, у которой виновникъ также цѣловалъ ноги и руки. А послѣ на условленномъ мѣстѣ былъ обѣдъ, на которомъ и состоялось рѣшеніе, завершенное сентенціей.

Были и особыя мѣста, гдѣ производилось это миренье. Такое мѣсто между Буроньемъ Лешанской нахіи и Команами по этому получило названіе—*Мирачине*; не оттуда-ли и названіе *Мирацъ*, село Нѣгушскаго племени?

Сентенціи печатались въ разныхъ сербскихъ изданіяхъ и между прочимъ въ журналахъ «Право» и «Правник». Приведемъ нѣсколько извлеченій изъ этихъ сентенцій, приведенныхъ д-ромъ П. Миляничемъ въ журналѣ «Правник» (Постанак цетињске тамнице, 1893 г., кн. III, св. 9 стр. 536—49), за убійства и другія тяжкія оскорбленія.

Въ 1723 г. мирили братства Крстиничей и Прибиловичей и при этомъ девять убійствъ оцѣнено было по 90 грошей за голову, при чемъ одинъ Прибиловичъ долженъ былъ дать 6 колыбелей (для крещенія и кумствъ), 40 грошей чистыми деньгами, полтора локтя тонкаго сукна и еще три кумства за двоихъ раненыхъ. Въ томъ-же случаѣ сыновья Ника Дьюрича засчитали голову своего отца за голову брата противной стороны. При концѣ сентенціи сказано: «Наша сентенца бити ће посједочена и потписана от господина владике Данила и од господина патріарха Арсенија».

Въ 1800 г. тогдашній судъ разбиралъ рядъ дѣлъ въ Драговоличахъ между Павичевичами и Гойкашами, и при этомъ одинъ за то, что избилъ чужого мальчика, долженъ былъ заплатить 4 цекина. На одного сказали, что онъ укралъ беремя лука и доилъ чужихъ козъ; онъ признался, что взялъ только одинъ пучекъ лука, и за то долженъ былъ дать талеръ. Кромѣ того, за убитую собаку заплачено глобы два цекина; а за перерубленный баднякъ одинъ.

Когда убиты были двое Брабовичей (1819 г.) главари черногорскіе и брдскіе изнали совершившихъ убійство изъ Черногоріи, а семейства ихъ изгнали изъ ихъ домовъ, чтобы ихъ

кормили ихъ братство и пріятели; а Брабовичи что бы никого не убивали, кромѣ тѣхъ двоихъ виновниковъ.

За похищеніе дѣвушки (1832 г.), которая потомъ сама себя убила, виновникъ долженъ былъ заплатить 50 цекиновъ глобы, а за самоубійство позвать въ кумовья отца и братьевъ погибшей.

бб) *Кровавая месть и умиреніе крови—два нераздѣльныя народныя учрежденія.*

Кровавую месть по справедливости считаютъ остаткомъ старины, указывающимъ на дикость нравовъ того отдаленнаго времени и отсутствіе закона и законности, которыми обуздывались бы грубость и самоволіе дикарей. Но въ этомъ взглядѣ есть односторонность и несправедливость. Кровавая месть вмѣстѣ съ умиреніемъ крови въ то время дикихъ и грубыхъ нравовъ представляетъ одно изъ учрежденій, которое не столько множило убійства и поощряло ихъ, сколько предупреждало.

Вотъ что мы читаемъ по поводу этого у Оскара Пешеля въ его «Народовѣдѣніи» *). Сказавъ, что зачатки гражданскаго общества лежатъ въ семьѣ, онъ продолжаетъ: «Къ священнѣйшимъ обязанностямъ, которыя связываютъ членовъ семьи, принадлежитъ кровная месть, постановленіе, къ которому мы должны относиться отнюдь не съ негодованіемъ, а напротивъ того съ уваженіемъ, какъ первой попыткѣ къ обоснованію законной охраны. Всѣ народы земли соблюдали въ первобытныя времена этотъ обычай, удержавшійся и по наши дни среди албанцевъ, и лишь недавно утерявшій свое значеніе на Корсикѣ. Конфуцій обязывалъ сына не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока онъ не настигнетъ убійцы своего отца и не убьетъ его. — Месть переходила отъ отца на сына, а съ послѣдняго на ближайшихъ родственниковъ (Фиджи). — Благопріятное вліяніе этой обязательной охраны

*) Перев. подъ редакціею Э. Ю. Петри (Peschel - Kirchhoff. Völkerkunde), выпускъ I. 1890.

выражается также тогда, если наказующая рука не настигаетъ самаго преступника, а кого-либо изъ состоящихъ съ нимъ въ томъ-же союзѣ мстителей (собственно на кого обращена месть)» (стр. 242).

Въ древнее время, во время племенныхъ формъ народной жизни, кровавая месть охраняла общую безопасность противъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Когда не было хорошей администраціи и полиціи, всякій воздерживался отъ нанесенія обиды кому-либо и нарушенія мира, зная, что его неминуемо постигнетъ за то казнь и если не его лично, то его родственника или одноплеменника (срв. дикая вира, отвѣтственность цѣлаго села), передъ которыми онъ также долженъ былъ отвѣчать. Особенно этимъ охранялась честь женщины.

Что въ послѣдствіи изъ этого произошло много зла, въ томъ виновато не учрежденіе, а культурная ступень народа и самый характеръ этой культуры. Больше всего зла принесла война, которая выше всѣхъ добродѣтелей и способностей человѣческихъ ставитъ храбрость и умѣніе справляться со своими жертвами; затѣмъ отсутствіе законности и неуваженіе со стороны самой власти къ народнымъ обычаямъ и учрежденіямъ.

На Балканскомъ полуостровѣ Турція явилась военною ордою, въ которой все дѣлалось по мысли и волѣ ея главнаго военнаго повелителя падишаха и его служителей. Держась все время принциповъ войны и насилія, она создавала въ этомъ духѣ и весь свой государственный и соціальный строй. И въ этомъ обезображенномъ государствѣ явилось только два элемента: съ одной стороны народъ, низведенный на степень скота (райя), съ другой—насильники. Понятно, что при такомъ основномъ строѣ потеряли всякое значеніе всѣ народныя учрежденія, которыя съ того времени не могли болѣе дѣйствовать или стали подвергаться извращенію. Это больше всего отразилось на албанцахъ, объ чемъ мы скажемъ ниже.

Между тѣмъ прежде было иначе.

При сербскихъ короляхъ Неманичахъ кровавая месть счи-

талась учрежденіемъ народнымъ и государственнымъ. Царь Стефанъ Душанъ, издавъ законникъ, которымъ хотѣлъ замѣнить всѣ другія учрежденія, кровавую месть не уничтожилъ совсѣмъ, а регулировалъ, замѣнивъ ее другими законами.

Интересный случай приводитъ г. Весничъ (Die Blutrache, стр. 32—33) изъ начала XIV в. «Одинъ Дубровчанинъ убилъ сербина; дубровницкій князъ (comes) хотѣлъ казнить его смертью, по итальянскому закону; но Дубровчане не дали, и дѣло было сообщено въ Венецію. Тутъ рѣшено было передать дѣло сербскому кралю (тогда былъ Милутинъ), тѣмъ болѣе, что пострадалъ сербинъ. Краль на это отвѣтилъ, что онъ никакъ на это не соглашается, не желая проливать кровь своихъ, и что желаетъ, чтобы судили и рѣшили по древнему его и его предковъ обычаю *вражды*, и иначе не соглашается никакъ, *такъ какъ онъ это подтвердилъ даже присягою*, а что рагузинцы могутъ поступать со своими рагузинцами, какъ хотятъ; онъ же самъ *съ этими людьми не поступитъ иначе, какъ по обычаю вражды*» *).

Этотъ случай лучше всего показываетъ намъ, какъ полезно въ свое время было это учрежденіе умиренія крови, которое составляетъ только заключительный актъ кровавой мести.

Между прочимъ г. Весничъ обращаетъ вниманіе еще и на тотъ фактъ, что у западныхъ славянъ, чеховъ и поляковъ, уничтоженію кровавой мести главнымъ образомъ помогло католическое духовенство, чего совсѣмъ не замѣчается у сербовъ (стр. 20 — 21), и далѣе объясняетъ это невысокимъ уровнемъ образованности сербскаго духовенства, а потомъ добавляетъ: «Даже когда сербская церковь мѣшалась въ дѣла кровавой мести, священники и тогда являются, какъ судьи, и участвуютъ *не какъ*

---

*) Отвѣтъ короля Уроша, 1308 г. въ Сербск. Памят. М. Пуцича (1862, стр. 153): «Quod in hoc nullo modo assentiret et quod nolebat spargere sanguinem suorum, sed volebat sententiare et tenere antiquam consuetudinem vrasde praedecessorum suorum et suam et quod aliud non faceret aliquo modo, quia hoc etiam firmaverat per sacramentum et quod Racusei facerent de suis Racuseis quidquid vellent, sed ipse non faceret de suis hominibus nisi secundum dictam consuetudinem vrasdae».

слуги церкви, но скорѣе, какъ главные люди своего племени» (стр. 69—70).

Въ этой послѣдней замѣткѣ все правда; мы только дадимъ ей надлежащее освѣщеніе.

Католическое духовенство никогда не было народнымъ; поэтому оно никогда и не держалось народныхъ обычаевъ, а скорѣе уничтожало ихъ, не щадя даже самой народности; тогда какъ сербское духовенсто всегда было чисто народное и потому держалось народныхъ обычаевъ, какъ своихъ родныхъ, собственныхъ. И потому, участвуя во всѣхъ народныхъ дѣлахъ, какъ люди, стоящіе по уму и другимъ качествамъ выше остального народа, духовныя лица старались не уничтожать народныя учрежденія, а оберегать ихъ отъ искаженій и вносить въ исполненіе разныхъ предписываемыхъ ими формъ только порядокъ, любовь, смыслъ и идею, что̀ и приличествуетъ вполнѣ ихъ пастырскому призванію. Въ этомъ случаѣ не корить ихъ слѣдуетъ, а благодарить за святое храненіе народности со всѣми ея древними обычаями и учрежденіями.

А что касается Запада, то тамъ надъ искорененіемъ этого обычая работало много факторовъ: общее благоустройство жизни и культурность нравовъ, просвѣщеніе и просвѣщенная власть, гуманныя идеи, которыя распространялись въ народѣ великими, просвѣщенными умами; въ томъ же смыслѣ помогало и католическое духовенство; но отнюдь не оно одно. Сербамъ же досталась иная доля: турецкое господство, военная власть, мухамеданство со всякимъ сопровождающимъ его зломъ; а все, что̀ сербскій народъ сохранилъ, вопреки всѣмъ обращеннымъ на него гоненіямъ, всѣ тѣ качества, которыя впослѣдствіи помогли ему освободиться отъ чуждаго ига и занять съ достоинствомъ мѣсто между культурными народами, сохранено преимущественно его духовенствомъ.

Вотъ почему духовныя лица были не за истребленіе такихъ обычаевъ, какъ кровавая месть и умиреніе крови, а за ихъ лучшее примѣненіе на практикѣ.

Говоря о кровавой мести, не нужно забывать, что тутъ примѣшивается нѣчто и изъ религіознаго чувства. «Ко се не освети, тај се не посвети», говоритъ сербъ. Это значитъ: «тотъ не можетъ быть святымъ, т. е. удостоиться заслуженной его добродѣтелями жизни на томъ свѣтѣ, кто не будетъ отомщенъ».

Это далеко отъ разнузданнаго убійства, которое совершается въ Албаніи, а когда-то бывало и въ Черногоріи и Приморьѣ, когда не изъ мести, а просто изъ пустяковъ кидались другъ на друга, и тутъ падали десятки жертвъ.

В. Врчевичъ *) разсказываетъ, какъ въ Грблѣ же въ 1842 г., начавши шуткой, окончили тѣмъ, что убили троихъ на смерть, а 6 ранили. Но и это не все. Въ дополненіе къ тому, четверо, встрѣтивши священника и изъ разговора съ нимъ узнавши, что онъ идетъ причастить одного изъ раненыхъ, убили и его на мѣстѣ.

Это—разнузданность, дошедшая уже до какого-то опьянѣнія кровью, и какое-то пренебреженіе къ человѣку и человѣческой жизни. Для такихъ случаевъ, мы бы сказали, и нѣтъ умиренья; но народный духъ и тутъ нашелъ выходъ, чтобы только избѣжать зла еще бо̀льшаго.

Въ упомянутомъ сочиненіи О. Пешеля мы опять встрѣчаемъ указанія, которыя даютъ возможность сдѣлать оцѣнку разсмотрѣннаго нами народнаго учрежденія съ точки зрѣнія общечеловѣческой.

«Естественное умиротвореніе,—говоритъ онъ,—происходило тогда только, если число смертныхъ случаевъ и пораненій было одинаково на обѣихъ сторонахъ. Недочетъ долженъ быть вознагражденъ денежною цѣною. Съ смягченіемъ нравовъ умиротвореніе путемъ денежной платы становится дѣломъ обыденнымъ, и отсюда вырабатывается обычай виры (Wehrgeld или что тоже, Leutgeld). Гдѣ налагается подобная вира, тамъ прежде повсюду

---

*) См. В. Врчевић, «Низ приповиједака» Панчево 1881; статья: «Крвава умоба», стр. 196—206.

господствовала кровная месть. Предки германцевъ выплачивали виру частью семьѣ убитаго, частью общинѣ» (стр. 244).

Поэтому въ отдаленныя времена дикихъ нравовъ и при беззаконіи и безсудности, какія до сихъ поръ господствуютъ внутри Турціи, такъ называемое умиреніе крови составляетъ учрежденіе благодѣтельное; ставя денежное вознагражденіе на мѣсто убійства, оно дѣлаетъ значительный шагъ впередъ на пути гражданственности.

Само собою разумѣется, что, какъ указанныя массовыя убійства не имѣютъ ничего общаго съ кровавою местью, такъ и кровавая месть теряетъ смыслъ тамъ, гдѣ государство беретъ на себя охрану жизни, чести и имущества каждаго. Тѣмъ не менѣе Австрія, стоящая на высотѣ культурнаго развитія, не считаетъ нужнымъ уничтожить этотъ народный обычай, посредствомъ котораго умиротвореніе достигается полнѣе, чѣмъ посредствомъ государственныхъ учрежденій.

Черногорское и турецкое правительства, имѣя особыхъ коммисаровъ для разбора распрей между пограничными жителями, въ концѣ концовъ не находили никакихъ другихъ средствъ къ прекращенію этихъ безконечныхъ распрей, какъ прибѣгнуть къ старому народному обычаю умиренія крови. И въ декабрѣ 1892 г. такой миръ заключенъ между черногорскими подданными Васоевицкаго и Колашинскаго округовъ и турецкими подданными Косовскаго вилайета. Оба правительства въ этомъ случаѣ играли только роль посредниковъ между сторонами въ лицѣ своихъ коммисаровъ, которые участвовали въ подготовкѣ дѣла и потомъ скрѣпили рѣшеніе рядомъ съ главными лицами изъ народа той и другой стороны.

Какъ и въ другихъ случаяхъ, предварительно собраны были свѣдѣнія о погибшихъ и вообще о пострадавшихъ съ той и другой стороны, которыя и представлены были коммисарамъ, при чемъ точно означены имена виновниковъ и лицъ пострадавшихъ,

годъ и мѣсто событія, а отчасти и обстоятельства, при которыхъ дѣло произошло.

По этимъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ десятилѣтній періодъ съ 1882 до конца 1892 г. убито у турокъ 100 человѣкъ, у черногорцевъ—84, ранено у первыхъ 22, у вторыхъ 41. Всего съ той и другой стороны пало 255 чел. или на каждый годъ по 25 человѣкъ.

По правилу слѣдовало - бы дать удовлетвореніе по каждому отдѣльному случаю, по отдѣльности родственнику каждаго погибшаго или каждому пострадавшему. Но это была бы безконечная исторія и при всемъ томъ могло не только не удовлетворить никого, но и поселить еще бо̀льшую вражду; такъ какъ, по признанію самихъ составителей списковъ, многіе, можетъ быть, не попали въ эти списки, а иные попали неправильно, вслѣдствіе путаницы въ именахъ виновниковъ. Для точности слѣдовало-бы нарядить цѣлую комиссію, да и та не въ состояніи была-бы довести дѣло до конца и удовлетворить каждаго. Принявъ все это въ соображеніе, главари той и другой стороны въ договорѣ со своимъ народомъ рѣшили объявить полное всепрощеніе, такъ какъ разница въ цифрахъ павшихъ съ той и другой стороны весьма незначительная.

Въ этомъ смыслѣ они и подали комиссарамъ слѣдующую записку въ видѣ выраженія своего желанія и взгляда на дѣло:

«Царско-Оттоманскому Комиссару Г. Тахиръ-пашѣ и Княжеско-Черногорскому Комиссару Г. Баю Гардашевичу.

Такъ какъ между подданными Его Величества Султана изъ Косовскаго вилайета и подданными Его Высочества Князя Черногорскаго, граничащими съ нимъ, совершено много убійствъ, пораненій, кражъ и грабежей, а вы позваны все то умирить и вмѣстѣ съ тѣмъ все то зло между ними прекратить и всюду водворить порядокъ, то и мы отъ всего сердца высказываемъ наше желаніе того-же. Но, если-бы вы стали мирить и давать удовлетвореніе по каждому дѣлу въ отдѣльности, то вы никогда не пришли бы къ концу его, тѣмъ болѣе, что народъ обѣихъ сторонъ

бѣдный и потому для удовлетворенія потерпѣвшихъ у многихъ привелось-бы продать все ихъ имѣніе, что ихъ совершенно разорило-бы, полное же примиреніе достигнуто-бы не было, а только возбудило-бы еще большее раздраженіе другъ противъ друга. Вы и сами то хорошо знаете. Поэтому мы, нижеподписанные, просимъ васъ избавить насъ отъ такого способа умиренія; но мы во имя всего того, по нашему старому обычаю, «бросаемъ камень въ воду»; все, сдѣланное до сихъ поръ съ той и другой стороны, прощаемъ и возстановляемъ миръ и добрый порядокъ.

Таковы желанія, которыя выражаемъ вамъ мы, уполномоченные народомъ главари.

А если-бы кто отнынѣ учинилъ какое зло, мы обязываемся такихъ хватать и предавать своимъ мѣстнымъ властямъ, дабы они были по закону подвергнуты наказанію. Мы, уполномоченные народомъ, это вамъ предлагаемъ и просимъ васъ исполнить, обязуясь, что за все вышеписанное стоимъ поручителями. 19 дек. 1892 г., село Виницкая». За этимъ слѣдуютъ подписи 32-хъ главарей черногорскихъ и 34-хъ турецкихъ. Черногорцы, подписавши свои имена, ставили кресты; а турки, подписавши свои имена по-турецки, прикладывали свои печати (мухур), находящіяся у каждаго на перстнѣ.

На основаніи этого заявленія комиссары въ договорѣ съ упомянутыми народными представителями, составили окончательное рѣшеніе, дополнивши статьями относительно способовъ для поддержанія порядка, точно указавши той и другой сторонѣ ихъ границы, означивши пограничныя мѣста для взаимныхъ сношеній и т. п.

Когда все это было улажено, рѣшеніе цѣлому собравшемуся народу прочитано, всѣ, начиная съ комиссаровъ, стали бросать каменья въ р. Лимъ; при этомъ комиссары и нѣкоторые главари, по двое, турецкій и черногорскій подданные, брали и бросали одинъ камень. При бросаньѣ камней высказывалось желаніе и обѣщаніе, чтобы, какъ они безвозвратно исчезаютъ въ водяной пучинѣ, такъ были-бы забыты и всѣ прошлыя обиды.

По тому одушевленію, съ какимъ все это дѣлалось, видно было, что всѣмъ были тяжелы вѣчно натянутыя отношенія, каждый дѣйствительно отъ души радовался всеобщему миру съ твердою и искреннею рѣшимостію не нарушать его.

Заключился этотъ торжественный актъ общимъ пиромъ подъ открытымъ небомъ, во время котораго съ еще большею горячностью выражались тѣ-же благія пожеланія и всѣ разошлись въ самомъ благодушномъ настроеніи. И дѣйствительно начались отношенія самыя дружественныя. Но вскорѣ, черезъ мѣсяцъ или два, стала откуда-то появляться критика этого акта; туркамъ стали внушать, что это черногорскій князь приготовляетъ себѣ путь въ Призренъ, Печь и далѣе, что такимъ способомъ онъ хочетъ только обмануть, провести албанцевъ и т. п.

Слухи эти распространялись изъ Австріи, которой никакъ не желательны такія мирныя отношенія и которая по цѣлому Балканскому полуострову имѣетъ своихъ эмиссаровъ, а также имѣетъ на услугѣ турецкихъ чиновниковъ и албанскихъ беговъ. Съ открытіемъ весны черногорцы и турки опять были на ножахъ, началось прежнее и граница закрылась. Албанцы опять стали проявлять свою дикость; но народъ былъ въ томъ не виноватъ: онъ дѣйствовалъ по внушенію другихъ, инициатива шла извнѣ, а турецкіе порядки всегда были и остаются самою плодотворною почвою для всякихъ золъ и безпорядковъ.

Въ дополненіе остановимъ вниманіе на спискѣ убитыхъ и раненыхъ съ той и другой стороны, составленномъ по сообщеніямъ ихъ уполномоченныхъ. Въ этихъ сообщеніяхъ всѣ погибнувшіе и пострадавшіе называются по именамъ, указано мѣсто, гдѣ убійство произошло, какимъ способомъ и при какихъ обстоятельствахъ, отдѣльными лицами или *четами* и т. д. И въ этихъ указаніяхъ есть много характернаго, чѣмъ различаются черногорцы и турки.

Такъ, у турокъ больше убитыхъ (100 противъ 84), а у черногорцевъ больше раненныхъ (41 противъ 22). Турки убили женщинъ и двухъ маленькихъ дѣвочекъ 3-хъ и 4-хъ лѣтъ, и 6 жен-

щинъ ранили; черногорцы-же всего только одну женщину ранили и то ненамѣренно, въ схваткѣ съ ея мужемъ. Правда, и турками колашинцами убито 2 женщины и 2 дѣвушки и 5 ранено, во время нечаяннаго нападенія цѣлаго ихъ войска на с. Поля, гдѣ стояли почти безоружные черногорцы. На колашинцы стрѣляли въ этихъ женщинъ въ то время, какъ онѣ, оставивши своихъ мужчинъ защищаться въ домахъ, сами бѣжали, расчитывая, по мѣстному черногорскому и турецкому обычаю, на свою неприкосновенность. А другихъ—двухъ дѣвушекъ и одну женщину убили при ихъ стадахъ, которыя онѣ стерегли, и еще двухъ женщинъ, работавшихъ въ полѣ. Впрочемъ, турки колашинцы отличаются тупою дикостью, исключающею великодушіе и благородство. Нѣсколько убійствъ и по турецкимъ же понятіямъ, совершено ими безчестно. Такъ, одного они убили, пригласивши «на вѣру»; одинъ убилъ въ своемъ домѣ гостя; другой цѣлую семью перестрѣлялъ и поранилъ, самъ бывши въ ней гостемъ, пользуясь тѣмъ, что хозяева заснули. Черногорцы однажды напали на турецкій катунъ (20 колибъ) и зажгли ихъ, при чемъ сгорѣло двое дѣтей; а такъ какъ мужчинъ взрослыхъ тутъ не было, то они женщинъ не тронули и только угнали скотъ.

Однажды черногорцы сдѣлали засаду на колашинцевъ у Београдскаго озера, которое съ цѣлою окрестностью запрещено для ловли рыбы и охоты на звѣря и черногорцамъ, такъ какъ составляетъ заповѣдную дачу князя; колашинцы же пришли туда тайкомъ; тогда черногорцы восьмерыхъ убили и одного ранили.

Албанцами убита одна только черногорская женщина и одна ранена.

Еще особенность въ томъ, что турки убиты всѣ на своей, турецкой территоріи, а только 2 случая на черногорской и еще 3, неизвѣстно, гдѣ; черногорцевъ-же турки убивали при самой границѣ: такъ, на Мокрой планинѣ, въ Кутахъ, на Чакорѣ и др., гдѣ они стоятъ вмѣстѣ со скотомъ, или въ турецкой границѣ на пути туда по какому-либо торговому дѣлу; одного убили, когда онъ возвращался изъ Дечанскаго монастыря, гдѣ онъ былъ на богомольѣ.

6. Судъ.

Въ настоящее время правительствомъ учреждены суды по всей Черногоріи и нѣсколькихъ инстанцій: сельскіе, гдѣ судитъ сельскій старшина; племенскіе, въ которыхъ судятъ капитаны; окружные для нѣсколькихъ племенъ, состоящіе изъ нѣсколькихъ лицъ, и наконецъ одинъ на всю Черногорію *великій судъ* на Цетиньѣ, высшая инстанція; на него можно апеллировать только князю. Одно существованіе столькихъ инстанцій показываетъ, что они представляютъ собою нѣчто другое отъ того суда, какимъ онъ былъ въ старое время. Что касается гражданскихъ дѣлъ, то они судятся по новому Законнику. Со времени выхода этого законника народъ говоритъ: «Сад се не суди по аманету, него по закону» т. е. не по совѣсти и личному взгляду судьи, чтò бываетъ измѣнчиво, но по закону, въ которомъ все опредѣлено съ точностію, не дающею судьѣ возможности наклонить рѣшеніе въ ту сторону, куда влечетъ его личная воля или личный взглядъ. Для дѣлъ уголовныхъ, однако, остается пока Законникъ кн. Даніила. Но въ основаніе этихъ законниковъ положенъ народный обычай, а что касается процесса и формъ суда, то и онѣ, большею частью, задержались отъ стараго времени, да и самые судьи не могутъ отъ него вполнѣ отрѣшиться.

Поэтому въ прошломъ мы найдемъ первообразъ всего того, чтò мы находимъ въ современныхъ судахъ; къ нему теперь и обратимся.

И здѣсь, какъ въ предъидущихъ статьяхъ, главнымъ источникомъ служитъ извѣстная книга г. В. Богишича, гдѣ находятся спеціальныя главы: гражданскій и уголовный процессъ (стр. 539 — 86) и уголовное право (стр. 587 — 642), въ которыхъ много собрано также относительно Герцеговины, Бокки и Черногоріи. Затѣмъ слѣдуютъ указанныя выше сочиненія В. Караджича, Медаковича и Врчевича. Для спеціалиста юриста большой интересъ должны представить судебные процессы изъ

новѣйшаго времени, печатавшіеся въ газетѣ «Глас Црногорца» восьмидесятыхъ годовъ.

Для стараго времени очень важны такъ называемыя *сентенціи* (рѣшенія суда), печатавшіяся въ разныхъ изданіяхъ. Множество такихъ сентенцій находилось въ Цетинскомъ монастырѣ. Мы ограничимся только обычаями и формами, которыми сопровождался этотъ судъ, и весь этотъ матеріялъ расположимъ въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) судъ, какъ особое учрежденіе (его составъ и организація); 2) преступленіе; 3) вчинаніе дѣла; способы раскрытія истины, сужденіе и рѣшеніе, и наказаніе.

а) СУДЪ, КАКЪ ОСОБОЕ УЧРЕЖДЕНІЕ.

Въ старое время не было особеннаго суда и судей, которые занимались бы исключительно разборомъ дѣлъ и ихъ обсужденіемъ и рѣшеніемъ. Народный главарь въ одно и тоже время былъ правитель и судья. Онъ, однако, могъ разбирать только мелкія и несложныя дѣла, касающіяся болѣе общественнаго порядка; когда же возникала какая-либо большая тяжба или распря, гдѣ нужно было найти виноватаго и дать удовлетвореніе пострадавшему, тамъ никогда не было единоличнаго суда, а всегда коллективный. При томъ судьи выбирались народомъ.

Вотъ какъ характеризуетъ ихъ Законникъ кн. Даніила, § 6: «Судьи, какъ скоро займутъ свои мѣста, чтобы судить, разбирать дѣла по ихъ разуму и разсужденію, *прежде всего должны помнить, что они гласомъ народа по волѣ божіей избраны за судей и правителей*, чтобы судить по правдѣ и по душѣ, и каждый судья долженъ соблюдать данный имъ обѣтъ и присягу не преступать (своего долга) или не судить по угожденію комулибо, но по справедливости всякому, малому и великому. Суды должны выслушивать доводы той и другой стороны по порядку и не допускать тяжущихся перебивать другъ друга и (наблюдать), чтобы оба говорили безъ азарта и крика, чтобы каждый судья могъ слышать ихъ доводы, а при случаѣ переспросить, чтобы

(судящійся) повторилъ несовсѣмъ ясно высказанное въ первый разъ или не забылъ-ли чего сказать; и спрашивать долженъ одинъ судья, а не всѣ сразу; и, когда обѣ стороны, сколько имъ хотѣлось, выскажутъ всѣ свои доводы; тогда они (судьи) должны удалиться, чтобы свободно могли все по порядку и ясно обсудить, и справедливо и правильно постановить рѣшеніе, которое будетъ сообщено тому, къ кому относится; а и кромѣ того, должно быть занесено въ судейскій протоколъ, чтобы было извѣстно, какъ было рѣшено дѣло и когда было рѣшено». Далѣе къ нимъ же относится и § 13: «Такъ какъ судьи и правители, а также остальные старшины (кметы) поставлены за общенародный счетъ, то они не должны думать ни объ чемъ другомъ и не заниматься никакими дѣлами, какъ дѣлами земскими, и исполнять свою должность правильно, какъ-бы лучше сохранить въ странѣ миръ и спокойствіе; потому-же никто изъ ихъ не долженъ отлучаться домой по своимъ дѣламъ или отправляться куда въ дорогу, ни на свою торговлю; но до опредѣленнаго времени должны судьи исполнять земскую службу вѣрно, такъ какъ и поставлены на то».

Внушая всякому черногорцу слушаться «добрыхъ и честныхъ судей и остальныхъ главарей и старшинъ», Законникъ въ тоже время предписываетъ (§ 15): «Если какой судья или главарь или старшина обругаетъ черногорца или брдянина, то долженъ заплатить за то 20 талеровъ».

Далѣе идутъ статьи, направленныя противъ возможныхъ съ ихъ стороны злоупотребленій. «Если судья станетъ кого-либо въ судѣ защищать, хотя бы не было для того достаточно основаній и не обращая вниманія на мнѣніе своихъ товарищей, единственно, чтобы провести свою мысль, а не другого, который относится справедливѣе; таковой считается потатчикомъ, дѣйствующимъ лицепріятно, взяточникомъ и смутьяномъ суда, а не истиннымъ судьею и правителемъ народа. За то онъ долженъ быть изгнанъ изъ суда и навсегда лишенъ всякой главарской чести и уваженія и, сверхъ того, долженъ быть оштрафованъ 120-ю талерами. Это самое относится и къ тѣмъ, которые за

взятку или по пріятельству или по своему непониманію (неразуму) откроютъ тайну, которая должна быть соблюдена ради общенародной пользы; потому что ни одно дѣло не можетъ имѣть желаннаго успѣха, если между товарищами находится измѣнникъ и шпіонъ» (§ 7). «Если найдется судья, который требовалъ бы или принялъ отъ кого взятку, именно чтобы оправдать виновнаго, а осудить невиннаго человѣка, такового нужно прогнать изъ суда и оштрафовать 120-ю талерами» (§ 8). Наконецъ сыщикъ (сок), который открылъ бы судью взяточника, получаетъ въ вознагражденіе 50 тал.; а эти 50 тал. взыскать съ судьи взяточника и поступить съ нимъ, какъ предписываетъ то § 8 (§ 10).

Есть еще два параграфа, которыми опредѣляется, въ случаѣ разногласія судей между собою, если въ томъ не видно вышеуказанныхъ злоупотребленій, рѣшать дѣло большинствомъ голосовъ (§ 11); а если окажется судья, поселяющій между своими товарищами разладъ или вообще лѣнивый и относящійся къ дѣлу нерадиво, то такого нужно исключить, а на его мѣсто поставить другого, болѣе достойнаго (§ 12). Подвергается наказанію и тотъ, кто даетъ взятку: во 1-хъ, онъ считается проигравшимъ дѣло; а во 2-хъ, за каждый цекинъ (2 тал.), данный имъ въ видѣ взятки, онъ долженъ отсидѣть недѣлю въ тюрьмѣ, а *взятка* эта должна поступить въ общенародную кассу (§ 9).

Это — относительно суда, какъ постояннаго учрежденія, который: во 1-хъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, выбираемыхъ народомъ и смѣняемыхъ и наказуемыхъ за каждое злоупотребленіе и нарушеніе общенародныхъ интересовъ; и во 2-хъ, членъ котораго не имѣетъ права вести никакихъ своихъ частныхъ дѣлъ, пока остается при исполненіи своей должности.

Эти статьи Законника относятся вообще къ учрежденіямъ, облеченнымъ властью судить и управлять. Высшую инстанцію въ то время составлялъ сенатъ, въ который входили представители всѣхъ племенъ; а, кромѣ него, сообразно своему болѣе тѣсному кругу, отправляли ту-же функцію и другіе главари и старѣйшины, къ которымъ одинаково относятся приведенные

выше параграфы Законника. Они также не судили единолично, а непремѣнно приглашали къ тому нѣсколько человѣкъ, пользующихся народнымъ уваженіемъ и довѣріемъ.

На вопросъ есть-ли различіе въ разборѣ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, въ книгѣ г. Богишича, находимъ такой отвѣтъ: «Различія другого нѣтъ, какъ только то, что, когда разбирается мелкое дѣло, то меньше и членовъ суда, а если дѣла болѣе крупныя и важныя, то судей бываетъ больше».

Нѣкоторыя дѣла меньшей важности можетъ разбирать и рѣшать кнезъ или сельскій старшина съ двоими или троими изъ лучшихъ людей въ селѣ, какіе случатся; такъ какъ впередъ назначенныхъ судей по селамъ нѣтъ. Къ такимъ дѣламъ относятся мелкія кражи, потравы хлѣбовъ или луговъ (похара, потра, шета; глаг. потрпјети; сущ. потрник, похарник, оштетник) и всѣ гражданскія тяжбы. Для разбора дѣлъ большей важности, какъ крупная кража (вола, коня, стада овецъ и т. п.), поджогъ, убійство,—нужно, чтобы въ судѣ было больше членовъ, но опредѣленнаго числа нѣтъ, а всѣ видные люди того края, къ которому относится разбираемое дѣло, участвуютъ въ судѣ.

«Если кто-либо изъ судей находится въ родствѣ съ однимъ изъ тяжущихся, противная сторона имѣетъ право требовать его отвода; а часто случается, что сами судьи удалятъ изъ своей среды такого, который очевидно дѣйствуетъ пристрастно» (стр. 540). «Есть гражданскія дѣла, которыя обычно разбираютъ *добрые люди* (међу на добре људе), напр. исправленіе земельныхъ границъ, раздѣлъ задруги, если члены ея не могутъ между собою согласиться, потрава хлѣба или другихъ произведеній земли. Изъ уголовныхъ дѣлъ бываетъ, что *добрымъ людямъ* предоставляется и умиреніе крови. При раздѣлѣ бываютъ обычно 2 — 3 чел., при оцѣнкѣ потравы — два, а иногда и одинъ человѣкъ» (стр. 542).

Въ старое время былъ обычай, что подпавшій суду, идя на судъ, вѣшалъ себѣ на шею камень; это строго запрещено Законникомъ кн. Даніила, въ которомъ § 65 гласитъ такъ:

«Кои бы Црногорацъ или Брђанинъ поданасъ дошао суду на жалобу са обѣшенимъ каменомъ о врату, бю правъ или кривъ, бы ће тѣлесно кастигатъ».

б) ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Г. Богишичъ въ своей книгѣ перечисляетъ слѣдующія, чаще всего случающіяся преступленія, общія для Герцеговины и Черногоріи. 1) Ложная присяга; 2) ложное свидѣтельство (по лицепріятію или за подкупъ); 3) запирательство передъ судомъ и передъ людьми въ томъ, что долженъ; 4) месть; 5) ложь, т. е. человѣкъ отречется отъ своихъ словъ, если то касается хотя бы самаго ничтожнаго интереса или было бы въ ущербъ его имѣнію или чести; 6) воровство, которое хотя и не бываетъ такъ часто, но если иному попадется чужой ягненокъ, козленокъ, волъ или корова, онъ очень падокъ и лакомъ съѣсть что-нибудь чужое, и то однако, когда вполнѣ увѣренъ, что объ этомъ никто не можетъ узнать; 7) похищеніе дѣвушекъ, но съ ихъ согласіемъ. Спеціально для Черногоріи отмѣчены еще: четованье, хайдучество и кража въ пограничной, турецкой землѣ (стр. 594).

Тамъ-же и въ другомъ отвѣтѣ поименованы: «Кража, грабежъ, убійство, ссоры, отъ которыхъ часто дѣло доходитъ до боя; поджоги рѣдко, чаще бываютъ обманы; убійства и поджоги больше всего бываютъ изъ мести или вообще по злобѣ» (стр. 594).

Кромѣ того поименованы преступленія, изъ которыхъ въ глазахъ народа одни болѣе тяжки, чѣмъ смотрятъ на нихъ государственные законы: блудъ, оскорбленіе чести, поруганіе вѣры и закона, битье своей жены и дѣтей; другія легче: если кто кого ударитъ чубукомъ или заушитъ (замлатницом), грабежъ, убійство и месть (стр. 595—96).

Всякое преступленіе, а въ томъ числѣ и кража, если соединено съ рискомъ жизнію, въ глазахъ народа много легче, чѣмъ совершенное исподтишка съ обезпеченіемъ себѣ всѣхъ спосо-

бовъ скрыть свое преступленіе, и еще хуже, если оно совершено на *вѣру* или *хлѣбъ-соль*. Объясненіемъ этого взгляда народнаго служатъ слѣдующія пословицы: «Ко на силу отима, он и главом ризика»; «хајдучка глава о концу виси»; «Ако хајдук хајдукује, а но јади и гладује»; «јунак ради јавно, а безобразник тајно» (стр. 597).

Есть и еще обстоятельства, отягчающія преступленіе: Разломъ воротъ отягчаетъ кражу; отогнать вола изъ огороженнаго двора хуже, чѣмъ взять его на пастбищѣ; украсть вола рабочаго хуже, чѣмъ двѣ или три коровы; барана со звонкомъ (чактар) хуже, чѣмъ простыхъ два или три.

Покража оружія — преступленіе тяжеле кражи всякой другой вещи той-же стоимости; также кража на пожарѣ; самая тяжелая кража въ церкви (стр. 597).

Помощники преступленія и укрыватели приравниваются къ преступникамъ и даже на нихъ падаетъ больше вины: «Да није јатака, не би било лупежа»; «јатак је гори од лупежа» (стр. 598).

Рана и самая смерть, причиненныя въ самозащитѣ, не вмѣняются въ преступленіе совершившему; точно такъ въ отмщеніе за безчестье жены или другой женщины, изъ его семьи; заставши свою жену на мѣстѣ преступленія съ кѣмъ-либо, мужъ имѣетъ право её изувѣчить (отрѣзать носъ) или убить.

Вообще взглядъ на преступленіе въ значительной степени измѣняется сообразно съ положеніемъ, въ которомъ находился совершившій его, и обстоятельствами, при которыхъ оно совершено. Такъ, если кто-либо находился въ крайней нуждѣ, если нечего было ѣсть, и онъ закололъ чужую скотину или взялъ бы что-нибудь, никто, знающій и даже видавшій то, не выдастъ его передъ властью, не смотря на вознагражденіе, обѣщаемое обыкновенно въ такихъ случаяхъ пострадавшимъ; все равно какъ и зло совершенное за границей. Такого человѣка, обнаружившаго преступленіе, назвали-бы *шпијун*, отъ котораго всякій честный человѣкъ долженъ сторониться. Исключеніе составляютъ

случаи, когда покража произведена у какого-либо бѣдняка или въ церкви.

Этотъ самый народный взглядъ на преступленіе проглядываетъ и въ Законникѣ кн. Даніила; хотя во многихъ случаяхъ онъ расходится съ такимъ взглядомъ, какъ то увидимъ изъ опредѣленія наказаній.

в) ВЧИНАНІЕ ДѢЛА, СПОСОБЫ РАСКРЫТІЯ ИСТИНЫ, СУЖДЕНІЕ И РѢШЕНІЕ.

Разсмотрѣнію суда подлежатъ дѣла двоякаго рода: мелкія ссоры, споры и тяжбы, въ которыхъ передъ нимъ являются двѣ тяжущіяся стороны, и преступленія, въ которыхъ на лицо является пострадавшая сторона, тогда какъ преступникъ представляетъ собою искомую личность.

Въ обоихъ случаяхъ прежде всего требуется найти истину, при чемъ въ первомъ, кромѣ разнаго рода доводовъ и доказательствъ, — разъясненію дѣла помогаютъ свидѣтели; тогда какъ во второмъ настоящихъ, открытыхъ свидѣтелей часто не бываетъ. Въ такомъ случаѣ пострадавшій самъ старается найти какіе-нибудь слѣды, напр. прямо слѣды ногъ на мокрой землѣ или на снѣгу, просыпанныя зерна украденнаго жита, растерянныя по дорогѣ сѣно или солома и т. п.

Если слѣдъ доведетъ до чьего-либо дома къ его воротамъ, то идутъ въ домъ и говорятъ, что слѣдъ привелъ къ нему. На этотъ случай истецъ кликнетъ кого-либо изъ ближайшихъ сосѣдей, въ качествѣ свидѣтелей улики. Если тотъ дѣйствительно виноватъ и не можетъ оправдаться, то тутъ же повинится, и дѣло оканчивается сдѣлкою съ истцомъ или же передъ ближайшею властью и передъ *добрыми людьми*. Но обвиняемый можетъ найти слѣдъ, идущій далѣе его дома, тогда онъ говоритъ: «Отъ моего дома я отвелъ слѣдъ (очистих траг); вы ступайте, ищите вашу вещь, а я буду искать съ васъ мою обиду (напаст), кото-

рую вы нынче сдѣлали мнѣ *на правди Бога*». И это несправедливое обвиненіе называется *потворитина*, за которую пострадавшій долженъ быть вознагражденъ.

Безъ достаточныхъ уликъ однако войти въ домъ и сдѣлать обыскъ въ немъ никто не смѣетъ. А если всѣ обстоятельства указываютъ на тотъ домъ, то, чтобы не было ему обидно, когдабы въ немъ не нашлось того, что искали, обыскиваютъ прежде его и другіе дома, на которые не можетъ быть никакого подозрѣнія.

Иногда укравшій, видя, что не можетъ скрыться, возвратитъ вещь, тайнымъ образомъ подбросивши её, или если то скотина, пустивши куда-нибудь на настбище. И тогда никакого суда нѣтъ.

Есть еще способъ отыскивать украденное или вообще раскрывать совершенное преступленіе—это *сокъ и сочбина*. Вотъ какъ этотъ обычай описываетъ В. М. Г. Медаковичъ: «*Сочбиной* въ Черногоріи зовутъ тотъ даръ или награду, которыя обѣщаются человѣку за открытіе какого-либо дѣла, напр. за украденную или потерянную вещь. Потеряется у человѣка что-нибудь и онъ не можетъ не только найти потерянное, но и напасть на слѣдъ; тогда онъ оглашаетъ по всему селу или племени, что онъ даетъ столько-то сочбины тому, кто покажетъ, гдѣ находится его вещь, напр. ружье, ножъ, коза, овца, или крупная скотина; но сочбина не можетъ превышать цѣну отыскиваемой вещи. Тотъ, кто знаетъ обстоятельства покражи и укравшаго, идетъ къ обѣщавшему награду, разскажетъ ему все и въ то-же время возьметъ отъ него что-нибудь въ задатокъ. Этотъ человѣкъ, доказывающій, кѣмъ и какъ украдена вещь, и называется *сок*». (Жив. и об., стр. 122). Это, такъ сказать, доказчикъ, которому случайно привелось дознать что-либо, чѣмъ онъ отличается отъ *жбира и шпіуна*, которые спеціально занимаются розыскомъ различныхъ дѣлъ. *Сок*, чтобы безъ крайней необходимости не нажить себѣ врага въ ворѣ и чтобы дѣло могло быть окончено безъ огласки, подошлетъ къ вору кого-либо другого сказать, что есть человѣкъ, знающій, какъ онъ то и то укралъ, и что лучше

ему пойти къ обкраденному и покончить дѣло мирно. Этотъ человѣкъ, котораго *сок* шлетъ къ вору, назыв. *сокорджица* или *сокорджац*» (В. Караджичъ, Ж. и О., стр. 273).

Иногда эти переговоры ведетъ самъ пострадавшій. «Онъ призываетъ вора и говоритъ ему, что дѣло извѣстно начисто и имѣется на то доказчикъ, и предлагаетъ покончить дѣло мирно, только заплатить сочбину. Часто случается, что воръ тотчасъже сдается и возвращаетъ украденное или выплачиваетъ деньгами, а въ то-же время проситъ простить ему что-нибудь изъ сочбины. Истецъ, разговорившись объ томъ съ сокомъ, если сокъ согласенъ, попускаетъ ему, и дѣло оканчивалось такъ, что никто не зналъ за вора, ни воръ за сока, а пострадавшій получалъ обратно свое. Если-же воръ (надѣясь на недостаточность доказательствъ или на защиту сильнаго братства) защищается и отрицаетъ кражу; тогда идутъ на судъ. Пострадавшій, кромѣ сока, чтобы прикрыть его, водитъ съ собою еще человѣка (сокоджицу). Прійдя на судъ, пострадавшій обвиняетъ вора, разсказавъ все, какъ онъ укралъ, куда понесъ, гдѣ оставилъ, гдѣ ночевалъ, гдѣ продалъ или самъ употребилъ. Воръ защищается, сколько возможно, а наконецъ спрашиваетъ своего обвинителя: «Есть-ли у тебя *сокъ*, который знаетъ начисто, какъ что было?» Тотъ отвѣчаетъ, что есть. Судъ однако не желаетъ выдать сока и потому еще разъ уговариваетъ вора показать все безъ него. Если-же воръ настаиваетъ, то судъ тогда обращается къ истцу: «Гдѣ сокъ? дайте его сюда!» До этого момента никто не зналъ, кто сокъ; а тутъ онъ выходитъ со стыдомъ и начинаетъ разсказывать со всѣми подробностями, какъ воръ укралъ, гдѣ отдыхалъ, гдѣ ночевалъ, съ кѣмъ встрѣчался, и покажетъ такимъ образомъ, что ему все извѣстно, все равно, какъ еслибы былъ ему товарищемъ. Когда судъ, выслушавши все то и увидѣвъ, что обвиняемый дѣйствительно воръ, то обращается къ нему со словами: «Ну, теперь тебѣ некуда пятиться; онъ знаетъ все, что̀ ты дѣлалъ; ничего тебѣ не остается, какъ платить сочбину, а также за то, что тобою украдено, т. е. *одсудбину*, и сверхъ того глобу». — Если послѣ того воръ

сразу признается, тогда говоритъ: «Виноватъ я; вотъ судъ; къ чему онъ меня присудитъ, плачу̂». Сокъ въ глазахъ черногорцевъ безчестный человѣкъ (срамотан), вслѣдствіе того, что изъ своей корысти доказываетъ (сочи) что-либо или выдаетъ человѣка, а такой человѣкъ ради своей корысти можетъ выдать и всякое дѣло. Совсѣмъ другое дѣло, если онъ является сокомъ не изъ личной выгоды, а такъ сказать, по долгу. Тогда онъ выступаетъ прямо и не скрываясь, или же скрывается до времени, чтобы не дать вору на основаніи его открытія принять свои мѣры: перепрятать вещь, сдать другому и вообще запутать дѣло. Тѣмъ не менѣе, если двое объ чемъ-нибудь разговариваютъ между собою тайно, и одинъ изъ нихъ выдастъ, то другой скажетъ: «Просочио ме, црн му образ био!» Поэтому неохотно черногорецъ выступаетъ сокомъ и часто случается, что онъ доказываетъ что-нибудь, а когда предстанетъ на судъ или передъ людьми, то отрекается отъ того, что онъ сокъ и что онъ объ томъ дѣлѣ что-нибудь знаетъ (Медаковичъ, стр. 123—124).

Если же кража не можетъ быть доказана сокомъ, вышедшимъ передъ судъ, то всѣ издержки и плата за обиду подаютъ на сока.

За этимъ слѣдуетъ раскрытіе истины въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ посредствомъ свидѣтелей. «Свидѣтелями могутъ быть только извѣстные честностью люди. Если кто извѣстенъ за вора (лупеж) или однажды ложно клялся, тому никогда больше не вѣрятъ, хотя бы и предполагалось, что въ данномъ случаѣ онъ не солжетъ. Число свидѣтелей зависитъ отъ важности дѣла. Если гражданское дѣло, то можетъ быть и одинъ свидѣтель; а въ уголовныхъ, самое меньшее, должны быть два. Въ случаяхъ, гдѣ требуются присяжные, ихъ обычно бываетъ до 5—6, только въ случаѣ убійства (за мртву главу) требуются 12». (Бог., стр. 555—556). О свидѣтельствѣ въ убійствѣ говорится: *личити крв на кога.* Относительно свидѣтелей нужно обратить вниманіе и на слѣдующее: «Нигдѣ (т. е. ни въ Герцеговинѣ, ни въ Черногоріи, ни въ Боккѣ) не станутъ принуждать сына свидѣтельствовать

противъ отца, брата противъ брата, сестры, дяди, и т. д., хотя и допустили-бы, если-бы они вызвались на то добровольно; но тогда на нихъ, какъ судьи, такъ и народъ — смотрѣли-бы, какъ на безбожниковъ» (Богишичъ, стр. 556). Въ важныхъ дѣлахъ тѣ-же свидѣтели спрашиваются подъ клятвой или присягой (клетва, заклетва).

Черногорецъ въ обычныхъ вещахъ и разговорахъ часто клянется: «тако ми Бога! тако ми светого Петра или Іована! тако ми св. Ђивота! тако ми неба и земље!» и т. п.; но это не есть настоящая клятва или присяга, какъ онъ ее понимаетъ. М. Г. Медаковичъ объ этомъ говоритъ: «Нелегко клянется черногорецъ. Клятвы и проклятія (уклин) боится онъ, какъ огня. Часто черногорецъ охотнѣе готовъ потерпѣть убытокъ, чѣмъ закляться; считаетъ себя виноватымъ или справедливымъ, закляться же ложно считаетъ величайшимъ срамомъ и грѣхомъ. Клятва у черногорца имѣетъ высшую силу убѣдительности. Ничто не можетъ такъ довести черногорца до истинной исповѣди, ничто не можетъ его такъ заставить высказать самую сокровенную тайну, какъ клятва. Если человѣкъ скажетъ объ чемъ-нибудь, что было такъ, а не иначе, тогда отъ него требуютъ, чтобы онъ въ томъ поклялся, и тогда черногорецъ тому вполнѣ вѣруетъ.—И на судѣ имѣетъ большое значеніе клятва. Если тягаются двое и ни тотъ ни другой не отступаются отъ своего, тогда или кто-нибудь изъ нихъ самъ вызывается дать присягу или судъ опредѣлитъ то одному изъ нихъ. Когда рѣшатъ, кому изъ нихъ принести присягу, тогда двое изъ суда поведутъ его въ церковь, вынесутъ евангеліе, икону и крестъ; прежде всего поцѣлуютъ ихъ сами, а потомъ дадутъ клянущемуся въ руки крестъ, и одинъ изъ нихъ заклинаетъ его такимъ образомъ: Заклинаю тебя животворящимъ крестомъ, которымъ держатся небо и земля, скажи, если знаешь что-либо объ дѣлѣ, въ которомъ позываетъ на тебя этотъ человѣкъ, только не свидѣтельствуй ложно; отъ суда-же тебѣ не будетъ ничего. «Тако ти, даклен, не погинуо траг по трагу; тако ти шлеме не пануло на долину, тако ти људска губа неулегла у кућу; тако

ти не погинуо род у баштину; тако ти не изјела живина; тако се не разгуба, тако те не изјела вукоједина, да се свака василенa од тебе заклиње, и тако ти род не погинуо у баштину, род у земљу, плод и људски, и скотски!» На это всѣ три раза отвѣчаютъ «аминь», потомъ цѣлуютъ крестъ, евангеліе и икону. — Кто клянется, тотъ до послѣдняго *аминя* держитъ въ рукахъ крестъ».— «Нѣкоторые (истцы) требуютъ, чтобы тотъ клялся девять утръ подъ ракою святого Петра или просто въ церкви; а другіе и сами вызываются присягнуть за правое дѣло: «заклеħу се ти девет јутара на дванаест мушкије глава у цркви и под ħивот светог Петра».—Когда обѣ стороны согласятся между собою, чтобы заклялся одинъ, тогда онъ, взявши въ руки крестъ, говоритъ самъ: «Тако ми овог животворјештег креста и тако га се не одрекао, и тако мании на њега не пљувао и тако ме не помамио, тако ме не поразио Бог и свети Јован и свети Василије, свети Петар и сви свеци, божи угодници; тако се наски не крстио, тако ми траг по трагу не погинуо, тако се не разгуба, тако ми шљеме и сјеме не погинуло, тако ми ђаво душу не понио, тако ме гром из ведра неба не убио, тако ме муња не опалила, тако се земља пода мном не пропанула, ка и Содом, тако ме не убио Бог, ако сам ишто о тој работи, за коју се кунем, сјетан и како се право клео, онако ми Бог јаки помога мене и мој дом». Другіе отвѣтятъ на то: «амин!» — Если же черногорецъ подозрѣваетъ, что тотъ заклялся ложно, то скажетъ: «О његовој души, гријех му на душу» (стр. 136—139).

Вотъ что находимъ о томъ-же у г. Богишича. «Если нѣтъ свидѣтелей, то все рѣшается въ гражданскихъ, равно какъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, присягою обвиняемаго. Но судъ прежде спрашиваетъ истца, достаточно-ли для него присяги самого обвиняемаго. Если онъ отвѣтитъ, что—нѣтъ, то съ нимъ должны присягнуть и еще 5—6 чел. изъ его рода. И то бываетъ такимъ образомъ. Всѣ, которые должны присягать, вмѣстѣ идутъ въ церковь, и тамъ прежде всего присягнетъ обвиняемый и отецъ его или дядя, а потомъ на основаніи ихъ присяги клянутся и другіе

родственники 5—6 чел. *Обвинителю или истцу судъ не дозволяетъ присягать, такъ какъ, говорятъ, не приличествуетъ клясться за свое добро (врх свога добра *).* Въ Черногоріи свидѣтелемъ можетъ быть всякій, кромѣ сумасшедшаго и дитяти; но долженъ присягнуть на ракѣ св. Петра. Въ Герцеговинѣ, сверхъ того, не можетъ быть свидѣтелемъ родственникъ одного изъ тяжущихся, если онъ въ народѣ извѣстенъ за нечестнаго человѣка, и наконецъ банкротъ» (стр. 554—559).

«Если одинъ изъ тяжущихся требуетъ, чтобы присягнулъ его противникъ, то пepяникъ поведетъ обѣ стороны въ церковь св. Богородицы, позоветъ монаха, который одѣнется въ церковное облаченіе, зажжетъ двѣ свѣчи, откроетъ крышку раки, чтобы можно было видѣть мощи св. Петра, и обратится къ тому, кто долженъ присягнуть: «Вотъ, Никола (или какъ его имя), заклинай его, какъ хочешь!» Никола выйдетъ изъ церкви, выберетъ плоскій камень и сломитъ вѣточку терна и положитъ тому, который требуетъ присяги, напр. Милошу, камень на голову, а сверхъ него терновую вѣтку, которые тотъ Милошъ придерживаетъ обѣими руками, чтобы не упали. Послѣ того Никола спрашиваетъ приблизительно такъ: «Хочешь-ли ты, Никола, присягнуть, что ты мнѣ не долженъ?» М: «Еслибъ не хотѣлъ, я не пришелъ бы сюда». Н: «Тако ти се не окаменила три сjемена: људско, скотско и земаљско, као тај камен, што на глави држиш, и тако ти црни трн по куħњему огништу не растао, што у руци држиш. Јеси-ли и колико си ми дужан остануо послиjе нашега конта, кад учинисмо?»

«М. повторяетъ тоже самое въ первомъ лицѣ и заканчиваетъ: «нијесам ни паре једне (или толико и толико, а не више)».

«Потомъ присягнувшій сниметъ съ головы камень и вѣтку, подойдетъ къ ракѣ и поцѣлуетъ руку св. Петра.

---

*) Само собой разумѣется, что не могутъ присягать обѣ стороны; но теперешній великій судъ перваго совсѣмъ не соблюдаетъ, а иногда грѣшитъ и противъ послѣдняго.

«Монахъ послѣ этого скинетъ облаченіе, а перяникъ поведетъ обоихъ предъ сенаторовъ и скажетъ, какъ Милошъ присягнулъ по волѣ Николы. Секретарь запишетъ въ протоколъ, какимъ образомъ между ними окончена тяжба». И еще находимъ тамъ же: «Обычно присягаютъ въ церкви, но можно и внѣ ея. Если въ церкви, то всегда бываютъ свѣчи; а въ судѣ безъ нихъ. Въ церкви оборачиваютъ свѣчу верхнимъ концомъ внизъ, а нѣкоторые вымазываютъ её въ черное. Крестъ или икона должны быть непремѣнно, въ церкви то или въ судѣ».

Отъ воли обвинителя зависитъ присяга въ церкви или въ судѣ, и онъ всегда при томъ присутствуетъ. Иные, зная какого нибудь священника, который славится тѣмъ, что умѣетъ заклинать хорошо и страшно, водятъ къ тому священнику, который, однако, прежде чѣмъ приступить къ заклинанію, совѣтуетъ тому, который долженъ, присягнуть, если онъ виноватъ, признаться впередъ, «чтобы не погубить свою душу». Приведемъ и еще одинъ примѣръ заклинанія: «Заклињем те, Петре, богом и светијем Јованом, и колом небесним, да ми се право закунеш, да ми нијеси дужан (или за другое что). Ако би се криво заклео, да даде јаки Бог, да се твоја кућа ископа од мушкијех глава, да ти свака срећа закамени, као станац камен, на овом се свијету вазда мучио, а никад среће не имао, кад умро, душу ти ђаволи растезали, а тијело ти се по смрти не распануло, него га земља из гроба избачивала» (стр. 557—559).

Есть церкви, въ которыхъ присяга особенно цѣнится; такъ въ Цетинскомъ монастырѣ на гробницѣ св. Петра, въ Острогѣ на гробницѣ св. Василія, въ Пиперской-келіи на гробницѣ св. Стефана; изъ церквей, гдѣ нѣтъ мощей, особенно славится Берская церковь (св. Георгія) и др.

Для полноты приведемъ и то, что говорится о способѣ присяги у В. Караджича. «Тамъ (въ Черногоріи),—говоритъ онъ,—люди не клянутся, какъ у насъ, а клянущіеся садятся въ церкви передъ алтаремъ, обернувшись внутрь церкви (къ дверямъ), а тѣ, которые приводятъ ихъ къ присягѣ, станутъ передъ ними и

одинъ изъ нихъ, знающій дѣло лучше чѣмъ другіе, возьметъ въ руки крестъ и станетъ говорить тѣмъ, которые сидятъ, или, правильнѣе говоря, заклинать ихъ: «Ако сте ви то учинили па нама кажете да нијесте, да Бог да вам се окамени у жени дијете, у крави теле, у овци јагње, у земљи сијеме!» и т. д., а сидящіе должны въ это время отвѣчать: «Амин, да Бог да!» Когда держащій въ рукѣ крестъ выговоритъ все, тогда присяга кончена. Такимъ образомъ тамъ присягаютъ люди въ томъ, что они поистинѣ не знаютъ, напр., селяне за своего односельца, что онъ сдѣлалъ что-нибудь преступное; но требующіе присягу опредѣляютъ, кто именно долженъ присягнуть и сколько дѣтей мужескаго пола должны они привести съ собою и посадить въ церкви съ собою рядомъ.

«Кто такою присягою оправдается, тотъ сообразно своему умѣнію долженъ тѣмъ, которые клялись, заплатить *оклештину* (собственно плата тѣмъ, которые клянутся за другихъ)» (Ж. и О., стр 271).

Этотъ обычай былъ въ давнее время, а теперь присяга производится ближе къ вышеописаннымъ формуламъ.

Ложная клятва (кривоклетство) конечно осуждается, какъ одинъ изъ величайшихъ грѣховъ:

Ко се крив куне, по трагу гине.
Криву клетву на дом не понеси.

Но и отъ клятвы въ правдѣ нужно воздерживаться, потому что «И ко се прав куне, рђа га бије».

Должно замѣтить, что теперь черногорцы смотрятъ на присягу легче, чѣмъ смотрѣли прежде, въ чемъ можно видѣть вообще ослабленіе вѣры и старыхъ обычаевъ; но отчасти виноваты въ томъ и суды, которые её профанируютъ, слишкомъ часто прибѣгая къ ней и допуская людей, которые даже по народному обычаю не должны бы быть допускаемы.

Есть еще одно чисто средневѣковое средство испытанія

истины посредствомъ огня или горячей воды, которое однако въ послѣдній разъ употреблялось въ правленіе владыки Петра II, въ тридцатыхъ годахъ. Оно называется *вадити мазију*.

Вукъ Караджичъ при описаніи этого обычая въ Сербіи добавляетъ: «я не знаю ни одного случая, въ которомъ бы вынимавшій мазію не обжегся: а знаю двоихъ, которые обожгли руки» (Жив. и обич., стр. 274).

Обычай этотъ сопровождался нѣкоторою торжественностью обстановки. Собирался народъ, главнымъ образомъ старшины и люди, пользующіеся почетомъ. Призывали священника, который именемъ Бога заклиналъ кипящую воду показать всю правду; или же это исполнялъ и простой человѣкъ, искусный въ подобнаго рода заклинаніяхъ.

Къ тому прибѣгали большею частью въ дѣлахъ, касающихся женщины, поэтому *вадила мазију* женщина, чтобы доказать свою невинность, или мужчина, на котораго падало сильное подозрѣніе въ оскорбленіи женщины. Вотъ одинъ случай, который помнятъ еще люди, и теперь находящіеся въ живыхъ. Это было въ началѣ правленія владыки Петра II, слѣдовательно приблизительно въ 30-хъ годахъ.

Въ Банцахъ былъ священникъ Стефанъ изъ братства Мартиновичей, жена котораго, очень красивая, была изъ Рѣцкой нахіи; но мужъ почему-то её не долюбливалъ и, кажется, не довѣрялъ ей. Однажды она испекла хлѣбъ и положила на окно, чтобы онъ простылъ. А въ это время проходилъ мимо знакомый молодой парень изъ другого братства. Увидѣвъ хлѣбъ, онъ вздумалъ пошутить: такъ какъ это было во второмъ этажѣ, то онъ подставилъ какое-то бревно, взлѣзъ и унесъ хлѣбъ. Попадья, не видѣвши, кто унесъ, сказала объ этомъ мужу; а потомъ похитившій самъ явился и объяснилъ свой поступокъ. Но мужу этого было достаточно, чтобы обвинить жену въ любовныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ парнемъ и прогнать ее.

Семейство же ея, въ которое она воротилась, не могло по-

мириться съ такимъ безчестіемъ и, увѣрившись въ невиновности своей *одивы*, потребовало удовлетворенія, и одинъ изъ ея братьевъ рѣшился *вадити мазију*.

На высокомъ гумнѣ разложили костеръ; поставили сохи, между которыми на поперечной перекладинѣ повѣсили котелъ съ водой и положили на огонь кусокъ желѣза. Вода вскипѣла, желѣзо раскалилось, и его бросили въ воду. Выходитъ братъ обвиняемой и произноситъ такое заклинаніе: «Боже великій и святой Петръ! Если моя сестра виновата, пусть сгорятъ и отпадутъ у меня обѣ руки; если-же нѣтъ, то сохраните ихъ невредимыми!» Затѣмъ, засучивъ рукава, онъ сунулся руками въ котелъ, выхватилъ желѣзо и бросилъ въ сторону. Желѣзо попало на соломенную крышу сосѣдняго сарайчика и крыша загорѣлась. Руки остались цѣлы.

Доказавъ такимъ образомъ невинность сестры, братъ во имя цѣлаго своего племени, потребовалъ удовлетворенія, и Богъ знаетъ, чѣмъ-бы окончилось это дѣло; но главари той и другой стороны утишили обиженныхъ и дѣло умирилось.

Тоже самое находимъ и въ Душановомъ законникѣ (см. статью 84: «За оправѣ котлене» по изд. Ѳ. Зигеля. Спб. 1872).

Иногда такимъ же способомъ испытывали и *вѣштицъ*.

Но противъ нихъ употребляется и другой способъ испытанія, тоже огнемъ.

Если падало подозрѣніе на какую-либо женщину, что она *вѣштица* и съѣла того и того, то её старались неожиданно захватить на какомъ-нибудь народномъ собраніи; потомъ, раскаливши на огнѣ цѣпь, которою волочатъ копны сѣна (влочег, влачуге), и раздѣвши до рубашки подозрѣваемую, опоясывали её цѣпью поперекъ и стягивали за концы, такъ что раскаленныя кольца въѣдались въ тѣло. Одна такимъ образомъ выдержала все это испытаніе, и до конца ея жизни въ глубокой старости отъ того оставались знаки; но она такимъ образомъ оправдалась. Это было въ Пивѣ лѣтъ тридцать назадъ; а разсказывалъ намъ человѣкъ, которому въ числѣ другихъ дѣтей она показывала эти знаки.

і) НАКАЗАНІЕ (казаꙓ).

Что въ Сербскомъ Царствѣ существовали самыя разнообразныя наказанія и въ томъ числѣ тѣлесное въ самыхъ различныхъ видахъ, доказательствомъ служитъ Законникъ Стефана Душана. Зета однако, хотя и составляла нераздѣльную часть Сербскаго Царства, во многомъ отличалась отъ него (см. Т. I, стр. 456—459).

Вообще мы сказали бы, что всѣ отношенія въ ней были мягче и гуманнѣе. Не имѣя отъ того времени никакого законодательнаго памятника, мы заключаемъ объ этомъ вообще по духу исторіи Зетскаго Государства. Между прочимъ въ одной рукописной книгѣ Цетинскаго монастыря есть грамота (въ позднѣйшемъ спискѣ) Георгія и Степана Черноевичей (1492 г.), въ которой дается знать: «Како Радоніа Лаловиħ и сии му Иванъ *убише Иованца сн҃а попа Болашина*, кои ніе имъ бю кривникъ ни дужникъ и за сагрѣху ми ему успоменусмо и прве сагрѣхе, кое су биле пращане, реченога Радоніа и сина му Ивана *прогнасмо* и ону проню на кою ови су седили на селу нашем на Орахову-лютъ ту проню узесмо» и т. д.

Изъ этого видимъ, что убійство при обстоятельствахъ, отягчающихъ преступленіе («ни крива, ни дужна» и сына священника), наказано изгнаніемъ. Это и было въ то время самое суровое наказаніе. Иванбегъ, собравши вокругъ себя остатки непокорившихся туркамъ зетянъ, за отступленіе отъ народной защиты, соотвѣтствовавшей въ то время измѣнѣ отечеству, также не нашелъ другого наказанія, какъ изгнаніе съ позоромъ, состоявшимъ въ томъ, что измѣнившему надѣвали женскій передникъ.

Марино Болица (1614 г.) говоритъ о бѣлопавличахъ, кучахъ, братоножичахъ, пиперахъ и васоевичахъ, что они не признавали надъ собою власти турокъ, за что и называетъ ихъ вмѣстѣ съ горными арнаутскими племенами ribelli, и что они рав-

нымъ образомъ не допускали воеводъ, которые представляютъ собою исполнителей суда или, вѣрнѣе, судей, и наказываютъ за каждое преступленіе *по турецкому обычаю* (?), такъ что, если какой-нибудь проступокъ наказывается взыскомъ съ имѣнія, то сверхъ того платится *глоба* (la globa), т. е. въ пользу воеводы, который, платя санджаку за воеводство каждые три мѣсяца, представляетъ въ той странѣ его лицо (Т. I, стр. 806—807).

Здѣсь мы встрѣчаемъ противорѣчіе и неправильное пониманіе самого М. Болицы. Если эти племена не допускали къ себѣ воеводъ, назначаемыхъ Турціей, то само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи о какой бы то ни было платѣ имъ; и *глоба* (штрафъ, пеня), какъ и самое названіе показываетъ, вовсе не представляетъ собою турецкаго обычая, а чисто славянскій. Это была именно плата сверхъ всѣхъ судебныхъ издержекъ въ видѣ наказанія, которая дѣлилась между судьями и тяжущеюся правою стороною.

И такъ, въ народныхъ обычаяхъ мы имѣемъ только два вида наказанія: глобу и изгнаніе.

Первое было за воровство и вообще за ущербъ, нанесенный другому, и состояло въ платѣ за тотъ ущербъ, удвоенный, иногда утроенный, чтобы отбить охоту къ повторенію того-же проступка, а также въ пользу судей, свидѣтелей и на покрытіе другихъ издержекъ по этому дѣлу. Иногда глоба падала на цѣлое село, если очевидно было, что преступникъ изъ него, а село не хотѣло его выдать или само не могло его указать (Богиш., стр. 545).

Изгоняли же одного преступника или вмѣстѣ съ нимъ и его семейство. Такому наказанію подвергался человѣкъ, если оказывался неисправимымъ (лупеж, свадљивац, пјанац, блудник и т. п.) и преступленіями своими позорилъ или вводилъ въ отвѣтственность все село или племя; или если онъ не хотѣлъ покориться народному суду. Тогда все село поднималось, шло къ дому преступника и брало его приступомъ, потому что онъ за-

щищался, и, взявши, прежде всего перерубали конекъ на крышѣ (это называлось *пресјећи шљеме*), потомъ разрушали его или сжигали. При владыкѣ Петрѣ I это совершалъ такъ называемый кулукъ или гвардія (т. I, стр. 636); также и при Петрѣ II; а при кн. Даніилѣ этого уже не бывало.

За этимъ слѣдуетъ лишеніе свободы, соединенное съ тюремнымъ заключеніемъ и оковами.

Есть много мѣстъ въ Черногоріи, которыя, по народному понятію, служили въ старое время темницами: въ развалинахъ градовъ Пирлитора и Сокола, въ одной пещерѣ на Цетиньѣ за монастыремъ и даже въ зданіяхъ монастыря на остр. Рѣцкомъ-Комѣ. Но все это—плодъ народной фантазіи. Всмотрѣвшись въ эти мѣста ближе, мы убѣдились, что они имѣли совершенно иное назначеніе, служа для склада хозяйственныхъ припасовъ или для скота (см. т. I, стр. 419).

Тамъ, гдѣ высшимъ наказаніемъ было изгнаніе, гдѣ и плѣнники жили на свободѣ, не было никакой потребности въ тюрьмахъ, а въ позднѣйшее время, когда Черногорія жила на своей волѣ, каждое племя отдѣльно, этому и вовсе не было мѣста.

Тюрьма въ Черногоріи—произведеніе новѣйшаго времени, и о ней народъ зналъ только по существованію ея въ Турціи и другихъ сосѣднихъ земляхъ. Въ пѣсняхъ она не называется иначе, какъ «проклета тамница», и смерть считается лучше.

О тѣлесномъ наказаніи палками, употребительномъ также въ новѣйшее время, черногорцы тоже имѣли понятіе только по употребленію его у сосѣдей и относились къ тому съ достойнымъ свободнаго народа омерзѣніемъ. Владыка Петръ I, увидѣвши разъ въ Которѣ наказаніе австрійскаго солдата шпицрутенами, объявилъ, что всякій солдатъ, которому угрожало бы подобное наказаніе, пусть бѣжитъ въ Черногорію, гдѣ онъ и можетъ остаться жить наравнѣ со всѣми черногорцами. И съ того времени было множество подобнаго рода перебѣжчиковъ.

Насколько это наказаніе ненародно и омерзительно, видно

изъ того, что многіе сами себя убивали, чтобы только не подвергнуться такому наказанію, или послѣ того.

Не было также и смертной казни черезъ разстрѣливаніе или повѣшенье.

Все это представляетъ явленія новыя, занесенныя извнѣ, ненародныя, и потому здѣсь, имѣя дѣло съ обычаями чисто народными, мы ихъ не будемъ разсматривать, оставивъ до разсмотрѣнія современнаго положенія Черногоріи; а только укажемъ время ихъ возникновенія въ Черногоріи.

Къ тюремному заключенію и смертной казни впервые сталъ прибѣгать самозванецъ Степанъ Малый. При влад. Петрѣ I, лично гнушавшемся всякихъ жестокостей, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ примѣнены были палки при допросѣ аббата Дольчи (1804 г.), производившемся въ присутствіи черногорскаго губернатора Вука Радонича и русскаго консула Мазуревскаго, послѣ чего несчастный осужденъ былъ на вѣчное заточеніе въ темницѣ, гдѣ онъ вскорѣ и окончилъ свои дни. Дѣло это однако было выходящее изъ обычныхъ преступленій; имѣло международный характеръ и представляетъ собою единственный случай (см. т. I, стр. 626—30).

При влад. Петрѣ II сталъ практиковать тѣлесное наказаніе и вообще жестокія мѣры прибывшій изъ Россіи въ 1831 г. Иванъ Вукотичъ, извѣстный въ Черногоріи подъ именемъ генерала Ивановича Подгоричанина (собственно «богодуховскаго уѣзда унтеръ-лейтенантъ и кавалеръ», какъ читаемъ его подпись на одномъ русскомъ документѣ 1839 г.).

Онъ, говорятъ, за убійство опредѣлилъ разстрѣливаніе, а за кражу повѣшеніе; для внушенія же страха были поставлены висѣлицы на Цетиньѣ, на Рѣкѣ, на Крстцѣ, Прентиной-главицѣ (нынѣшній Даниловградъ) и въ Цермницѣ. Нѣкто Јово Дьюкановъ изъ Дольняго-края укралъ два локтя холста въ одной лавкѣ на Рѣкѣ; его схватили и посадили въ тюрьму; ночью же Ивановичъ собралъ сенаторовъ, которые однако не хотѣли идти и пошли только по третьему позыву; тутъ подписали смертный приговоръ

и повѣсили виновника, давъ приказъ, чтобы трупъ не снимали, пока не сгніетъ. Тогда поднялось 100 байцъ; они сняли трупъ и предали погребенію. А за то они съ помощью цѣлой Рѣцкой-нахіи и катунянъ были принуждены уплатить штрафъ въ 600 талеровъ.

Послѣ тѣлесное наказаніе было употреблено только разъ въ 1845 г. и имѣло самыя дурныя послѣдствія. Главу о наказаніяхъ (казни, кастиг) при владыкѣ Петрѣ II М. Медаковичъ заключаетъ слѣдующими полными глубокаго смысла словами: «Изъ этихъ примѣровъ съ дурными послѣдствіями становится ясно, какъ трудно вводить новые обычаи, оскорбляющіе народную честь, и что палка не для черногорца; такъ какъ она можетъ довести его до того, что онъ потеряетъ стыдъ, честь да и самое юначество» (стр. 128—132).

Но смертная казнь употреблялась въ широкихъ размѣрахъ, сначала въ видѣ тайныхъ убійствъ, а потомъ, какъ формальное публичное разстрѣливаніе, при влад. Петрѣ II, что вызывалось происходившимъ въ то время переломомъ въ жизни черногорскаго народа и вытекавшими изъ того смутами (въ моей книгѣ «Петръ II», стр. 141 и др.).

Народъ однако смотрѣлъ на это, какъ на убійство, и считалъ долгомъ мстить его исполнителямъ, вслѣдствіе чего и было постановлено, чтобы въ разстрѣливаніи участвовали непремѣнно и люди изъ того самаго братства, изъ котораго былъ и разстрѣливаемый; все равно какъ и въ составленіи приговора участвовали сенаторы, представители всѣхъ племенъ. Тѣмъ не менѣе и тогда это считалось беззаконіемъ и въ народѣ ходили разсказы, какъ на могилѣ того или другого разстрѣленнаго по ночамъ видѣлась горящая свѣчка, а одного совсѣмъ произвели во святые.

Кн. Даніилъ окончательно внесъ въ Законникъ тѣлесное наказаніе (палками) спеціально за воровство, а за высшія преступленія смертную казнь для мужчинъ черезъ разстрѣливаніе, для женщинъ чрезъ повѣшенье.

Была наконецъ въ старое время еще одна жестокая, не касающаяся однако чести, казнь, это — каменованье, что называлось *метнути под гомилу* (могила, курганъ изъ набросанныхъ камней).

М. Медаковичъ говоритъ, что этой казни подвергалась обыкновенно женщина, совершившая убійство; а производилась она слѣдующимъ образомъ: «Собиралось множество народа, каждый съ камнемъ въ рукѣ, и бросали въ преступницу до тѣхъ поръ, пока она не упадетъ; а тогда её заваливали каменьями.— Люди не помнятъ,— добавляетъ Медаковичъ, — когда совершалась эта ужасная казнь, такъ какъ въ позднѣйшее время (на памяти живущихъ) она не случалась; но и теперь, если женщина согрѣшитъ, услышите: «слѣдовало её подлую бросить подъ гомилу» (стр. 128).

Эта казнь была не только за убійство, но и за согрѣшеніе женщины съ мужчиной, и тогда одинаковой съ нею казни подвергался и соучастникъ ея мужчина; но его трудно было уличить и онъ всегда могъ убѣжать; поэтому его могла преслѣдовать только кровавая месть.

Въ Подгорицѣ, тотчасъ послѣ ея занятія черногорцами, мнѣ показывали колодезь, заваленный каменьями, въ который за такой грѣхъ была брошена турецкая женщина.

Въ Герцеговинѣ былъ обычай цѣлымъ селомъ убивать своего старѣйшину (кмета или кнеза), если онъ былъ невыносимъ народу своимъ жестокимъ отношеніемъ къ нему, а управы у турецкихъ властей на него не было.

Убивши, надъ нимъ тоже набрасывали *гомилу*, которая называлась *наметна* или *приметна*.

Сообщая это, покойный архим. Іоанникій Памучина добавляетъ, что въ общинѣ Попово-поле (Требинскаго окр.) есть такая гомила не очень давняго времени, и что въ его время тамошніе жители, недовольные своимъ старѣйшиною и особенно греческимъ владыкою, однажды такъ разговаривали между собою:

«Најбоље, брате, да га убијемо и навалимо на њега наметну гомилу, па ћемо свак по козу, те га платити» *).

Мы уже говорили о существованіи въ Черногоріи, въ Лѣшанской нахіи, насыпи, носящей названіе *«гомила Корнетског владике»*, который будто бы былъ каменованъ народомъ за согрѣшеніе съ дѣвушкой, хотя мѣстные жители это опровергаютъ (т. I, стр. 497). Если не было этого факта, то народный разсказъ о немъ указываетъ на существованіе подобнаго обычая въ очень старое время. Набрасывая такимъ образомъ гомилу, всякій произноситъ при этомъ проклятія каменованному грѣшнику, и это исполнялъ потомъ всякій проходящій; отчего съ временемъ гомилы эти увеличивались, и имъ было названіе *проклетије* (не имѣетъ-ли какого-нибудь отношенія къ тому названіе цѣлаго хребта къ востоку отъ Плава и Гусинья *Проклетија?*).

Въ Старой Сербіи и Болгаріи, говорятъ, много гомилъ съ такимъ названіемъ; а о возникновеніи ихъ разсказываютъ слѣдующее: жители, ожесточенные противъ своего старѣйшины, будучи не въ состояніи ему ничего сдѣлать, набрасывали такую гомилу съ проклятіями, увѣренные, что послѣ этого его непремѣнно должна постигнуть кара небесная.

Въ Черногоріи же былъ обычай также предавать проклятію человѣка, совершившаго какое-нибудь великое зло, котораго однако не могли схватить или уличить, или-же совсѣмъ не могли открыть.

Тогда шли въ церковь въ какомъ-нибудь большомъ монастырѣ, зажигали свѣчи на «коло светога Луке или Богородичино» (поліелей, большое паникадило посреди церкви), и монахи читали «бденија», а по окончаніи моленія гасили свѣчи и три раза возглашали: «овако да се угаси живот и душа того или тога, који је свршио то и то». Этотъ обычай уничтоженъ кн. Даніиломъ.

---

*) Срб.-Далм. магаз. 1886, XXV, стр. 60—62.

д) *Заключеніе.*

Такая несложная система наказаній, исключавшая лишеніе свободы и тѣлесное наказаніе, какъ недостойное свободнаго черногорца, и вообще недопускавшая оскорбленія чести, особенно женской (нерѣдко дѣвическіе грѣхи прикрывались и дѣвушекъ не выставляли передъ судомъ, какъ то дѣлаютъ теперь, и не принуждали перемѣнять одежду), оказывалась вполнѣ достаточною для тогдашней несложной жизни, и преступленій было несравненно меньше, чѣмъ въ настоящее время. Воровство между собою было весьма рѣдко и состояло въ кражѣ какого-нибудь барана, чтобы съѣсть, или улья съ медомъ, чтобы полакомиться, куска матеріи, чтобы принарядиться, и то безъ особенныхъ воровскихъ ухищреній и подготовокъ; и потому усиленная плата за причиненные кражею убытки была достаточною, чтобы отбить у совершившаго ее охоту къ ея повторенію. Въ самомъ способѣ раскрытія кражи и укравшаго видна разумная гуманность: дѣло заключается не въ томъ только, чтобы уловить виновника, но чтобы совершившаго кражу случайно, по слабости и соблазну не толкнуть на путь профессіональнаго воровства. Только для огражденія чести женщины и для раскрытія колдовства употреблялись средства жестокія, основанныя однако на твердой вѣрѣ, что праведный всегда восторжествуетъ и останется невредимъ. Жестокое было и наказаніе.

Убійство также примирялось платою за голову, такъ какъ потерявшая своего члена семья страдала отъ того въ экономическомъ отношеніи; а сверхъ того давалось удовлетвореніе и ея нравственному страданію, и дѣло завершалось полнымъ взаимнымъ удовлетвореніемъ и примиреніемъ. Мелкія преступленія противъ общественнаго порядка судились и рѣшались на мѣстѣ и также оканчивались миромъ. Только неисправимаго человѣка изгоняли и тѣмъ освобождали другихъ отъ его преступленій и отъ зараженія его дурнымъ примѣромъ. Слово

держалось крѣпко безъ документовъ; заемъ денегъ дѣлался съ глазу на глазъ безъ свидѣтелей, а клятва была ненарушима и къ ней прибѣгали рѣдко. О безконечныхъ тяжбахъ, разоряющихъ цѣлыя семейства и даже села, не было и помину.

Таковъ былъ юридическій бытъ въ старой Черногоріи.

7. Законодательство.

Кромѣ *сентенцій*, въ которыхъ обычай получаетъ болѣе опредѣленную форму и, такъ сказать, закрѣпляется, мы имѣемъ два законодательныхъ памятника, которые также основаны на народномъ обычаѣ и получили народную санкцію; это два Законника— владыки Петра I (1803 г.) и князя Даніила (1855 г.). Какъ возникъ первый Законникъ, мы говорили уже въ I т. нашего сочиненія (стр. 635—37); повторимъ только, что въ основу его положенъ принципъ: «законы нужно приспособлять къ народамъ, а не народы къ законамъ»; а второй составленъ на основаніи перваго и тоже одобренъ, какъ сказано въ заключеніи, «единодушно и соборне, со всѣми главарями, собравшимися въ этотъ день (23 апр. 1855 г.) на Цетиньѣ, главномъ мѣстѣ Черногоріи и Брдъ» и т. д. Состоитъ онъ изъ 95-ти статей, вмѣсто 33-хъ перваго.

Чтобы познакомиться съ содержаніемъ, перечислимъ статьи того и другого Законника сначала параллельно, насколько они совпадаютъ, затѣмъ приведемъ отдѣльно статьи Данилова Законника, которымъ нѣтъ соотвѣтственныхъ въ Законникѣ влад. Петра I.

Параллельно статьи по Законникамъ.

	Вл. Петра:	Кн. Даніила:
О измѣнникѣ отечеству	1	16 и 17
О убійцѣ	2, 3, 4 и 5	27, 28, 29 и 30
О ударѣ оружіемъ и ранѣ . . .	6	31
О ударѣ и ранѣ, нанесенныхъ другимъ чѣмъ.	7	32

	Вл. Петра:	Кн. Даніила:
О смерти вслѣдствіе удара . . .	8	34 и 35
О убійствѣ или ранѣ ненамѣренныхъ	9	33 и 37
О самозащитѣ и убійствѣ при самозащитѣ	10	36 и 38
О томъ, кто возьметъ чужую жену или похититъ дѣвушку	11	69
О священникѣ, который вѣнчаетъ съ чужою женой. . . .	12	»
Вообще о кражѣ	17	»
О кражѣ и ворѣ	13 и 14	76—82
О продажѣ недвижимаго имущества	15	45
О взысканіи долга	16	»
О мирѣ съ сосѣдями и наказаніи за нарушеніе мира	18	24, 25 и 26
О порядкѣ и мирѣ на базарѣ . .	19	
Наказаніе за нарушеніе мира передъ церковью	»	85
О податяхъ	20	59, 60 и 61
О мейданѣ (поединкѣ)	21	40
О порядкѣ въ судѣ и судопроизводствѣ	22 и 23	6 и 7
О мытѣ (взяткѣ, подкупѣ) судьѣ	24	8
О томъ, кто подкупаетъ.	25	9 и 10
Объ оказаніи судьямъ почтенія	26	14
Какъ поступить, если судьи не согласны между собою, и о негодныхъ судьяхъ	27 и 28	11 и 12
Судья не смѣетъ оскорблять никого въ судѣ	»	15
Судья не имѣетъ права вести торговлю.	29	13

	Вл. Петра:	Кн. Даніила:
О потравахъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ	30	83 и 84
Противъ самосуда	31	»
Обязанность священника служить въ церкви, поучать и проч.	32	66
Опять объ измѣнѣ отечеству .	33	»
Вѣра или *беса* (по-арнаут.). . .	1	»
Долгъ защищать отечество и другъ друга и казнь измѣннику	2, 3 и 4	16—19
Заключеніе	5 и 6	»

Отдѣльныя статьи Даніилова Законника:

Равенство всѣхъ черногорцевъ передъ судомъ .	1
Обезпеченіе всякому чести, имѣнія, жизни и свободы	2
О князѣ и его достоинствѣ	3, 4 и 5
Кто защищаетъ виновнаго, самъ подвергается его участи . . . . , ...	20
Виновника, поднявшаго оружіе, имѣютъ право убить	21
Отвѣтственность, если кто пропуститъ или скроетъ виновнаго	22
О поджогѣ	41
О животномъ, захваченномъ въ потравѣ	42
О преимуществѣ односельчанъ въ куплѣ недвижимаго имѣнія.	45 и 46
Пока живы отецъ или мать, безъ ихъ воли не можетъ быть раздѣла семьи	47
Отецъ свободно располагаетъ ненаслѣдственнымъ имѣніемъ	48 и 49

Уже изъ одного сопоставленія этихъ двухъ Законниковъ можно видѣть, что они близко стоятъ одинъ къ другому, и въ то-же время, въ чемъ они разнятся. И въ томъ и другомъ дѣла гражданскія и уголовныя не раздѣляются, тутъ-же и государственное право; однимъ словомъ, они стараются захватить народную и политическую жизнь во всемъ ея объемѣ.

Въ Законникѣ кн. Даніила, очевидно, принятъ за основаніе Законникъ влад. Петра I, хотя въ указѣ и говорится, что черногорцы до него не имѣли Законника. Это потому только, что тотъ Законникъ не былъ напечатанъ и не былъ распространенъ

въ народѣ. Но замѣтимъ, что та-же участь постепенно постигаетъ и Законникъ кн. Даніила. Напечатанный въ большомъ количествѣ, онъ валялся въ одной изъ канцелярій въ такъ называемой «бильярдѣ», бывшемъ помѣщеніи влад. Петра II, гдѣ теперь находятся всѣ министерства; и наконецъ его теперь трудно найти гдѣ-нибудь; а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и его примѣненіе въ судахъ, кромѣ наказаній, хотя новый Законникъ касается только имущественныхъ дѣлъ и отношеній.

Имѣлъ ли какой-нибудь образецъ при составленіи Законника влад. Петръ I, мы не имѣемъ на то никакихъ указаній, но въ одномъ спискѣ книгъ, находившихся въ ризницѣ Цетинскаго монастыря, между другими, преимущественно богослужебными книгами (42 названія), упоминаются «врачевникъ» и «2 законника велики». Въ вѣрности же его духу и правовымъ понятіямъ черногорскаго народа не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Нѣтъ никакого основанія предполагать какія-бы то ни было чужія вѣянія и въ Законникѣ кн. Даніила, который самъ лично глубоко былъ проникнутъ черногорскимъ духомъ и представлялъ собою самый типичный черногорскій характеръ. А помогавшій ему въ составленіи Законника и подписавшійся подъ нимъ его секретарь М. Медаковичъ всею своею жизнію, насколько она принадлежала явности, и своими сочиненіями показалъ себя не только патріотомъ, но и противникомъ всякихъ новшествъ и особенно иностраннаго вліянія.

Что въ немъ противно обычаю, какъ тѣлесное наказаніе для воровъ и вообще много статей, относящихся къ воровству, то мы указали въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что все это, въ родѣ закона Линча въ Америкѣ, вызвано было необходимостью и могло быть одобрено народомъ на томъ основаніи, что простой воръ (лупеж, кокошар) считается послѣднимъ человѣкомъ и какъ-бы не черногорцемъ.

Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду того, что хорватскій ученый юристъ Конст. Войновичъ, желая отстоять нѣкоторыя статьи новаго Законника (1888 г.), противорѣчащія Законнику кн. Да-

ніила, поистинѣ ретроградныя, старается доказать, что «кн. Даніилъ въ то время находился подъ иностраннымъ вліяніемъ и потому въ его Законникѣ и проявляется тотъ свободный духъ, который послѣ 1848 г. проникъ и въ черногорскія скалы, гдѣ въ продолженіи столѣтій свобода купалась и укрѣплялась въ крови» и т. д.

Относительно новѣйшаго Законника мы уже имѣли случай говорить выше; болѣе-же подробный разборъ его можно найти въ моей статьѣ: «Имущественный законникъ Черногоріи 1888 г. и его отношеніе къ народной жизни и обычному праву» (Юридическій Вѣстникъ, изданіе моск. Юридич. Общества, 1892, т. XII кн. 2 (окт.), стр. 159—75, и кн. 4 (дек.), стр. 491—524. Тамъ-же находится и разборъ мнѣній его апологета К. Войновича.

Законникъ этотъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1898 г., но произведенныя въ немъ измѣненія не касаются нисколько существа дѣла и относятся больше къ исправленію слога или, какъ говорится въ указѣ (Глас Црног. 1898, № 10), модификаціи отдѣльныхъ статей.

Кромѣ этого Законника черногорское правительстяо постоянно издаетъ новыя постановленія относительно различныхъ сторонъ народной и государственной жизни, цѣль которыхъ внести въ жизнь черногорскаго народа новыя юридическія начала и понятія.

XVII.

ОБЩЕЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ.

Опредѣленіе содержанія и его подраздѣленіе.

Давши придварительно понятіе о физическихъ и нравственныхъ способностяхъ черногорца и о проявленіи ихъ въ различныхъ сферахъ жизни, мы потомъ показали и его дѣятельность въ сферѣ матеріальныхъ нуждъ и потребностей. А теперь перейдемъ къ проявленію тѣхъ-же способностей его въ сферѣ чисто умственной, свободной и независимой отъ матеріальныхъ цѣлей и потребностей, въ сферѣ, такъ сказать, свободнаго умственнаго творчества.

Вѣнцомъ этой дѣятельности, конечно, является литература; но мы считаемъ необходимымъ остановиться прежде на элементахъ, которые входятъ въ нее и сообщаютъ ей своеобразный народный характеръ и направленіе. Мы разумѣемъ подъ этимъ тѣ воззрѣнія народа, которыя живутъ въ немъ слитно, такъ сказать, съ его природой и независимо отъ его воли, и только впослѣдствіи перерабатываются его свободнымъ творчествомъ въ формѣ сначала мелкихъ поэтическихъ образовъ, а потомъ въ цѣлой литературѣ. Многое изъ этого отразилось и на практической жизни и дѣятельности черногорца, которую мы уже разсмотрѣли;

а здѣсь возьмемъ, независимо отъ практической жизни, воззрѣнія его на внѣшній міръ, матеріальный или естественный и духовный или сверхъестественный *).

А) МІРЪ МАТЕРІАЛЬНЫЙ ИЛИ ЕСТЕСТВЕННЫЙ.

Здѣсь мы намѣрены представить взглядъ черногорца на природу и отношеніе его къ ней на основаніи раціональнаго ея пониманія, насколько то возможно простому уму, невооруженному знаніями научными, но старающемуся отрѣшиться отъ фантазіи и стать на почву реализма. Само собою разумѣется, что полное отрѣшеніе отъ фантазіи тутъ невозможно: не обладая знаніями, такой умъ дѣлаетъ заключенія на основаніи наблюденій, весьма неточныхъ, несистематичныхъ и шаткихъ; а иногда, лишенный возможности непосредственнаго наблюденія, онъ многія вещи рѣшаетъ по догадкѣ, прибѣгая именно къ помощи фантазіи или преданія. Тѣмъ не менѣе стремленіе къ раціонализму очевидно тѣмъ болѣе, что изъ этихъ наблюденій и выводовъ изъ нихъ народъ составляетъ себѣ правила для практической жизни, которыя осуществляетъ на дѣлѣ, сообразуясь съ ними въ веденіи своего хозяйства, въ охраненіи здоровья, въ лѣченіи болѣзней и т. п. И такъ, мы встрѣчаемся здѣсь только съ бóльшимъ или меньшимъ стремленіемъ къ раціонализму, съ большею или меньшею способностью и подготовленностью народа къ раціональному пониманію вещей; тутъ мы увидимъ, что преобладаетъ въ народѣ: реализмъ или фантазія. И такъ, выдѣливши изъ этой части все, что носитъ на себѣ характеръ чистой фантазіи и чему предназначается особый отдѣлъ, мы и здѣсь не можемъ не дать мѣста объясненіямъ, которыя по самому свойству и складу народнаго ума не могутъ не заключать въ себѣ доли прикрасъ поэтическихъ и фантастическихъ, а отчасти

*) Часть изъ этого подъ загл. «Міровоззрѣніе черногорскаго народа» была уже напечатана въ «Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. Общ.» (тт. XXII и XXIII 1887).

отражаютъ въ себѣ и традицію также фантастическую, иногда весьма отдаленную и при томъ заимствованную.

Сообразно съ тѣмъ въ этомъ отдѣлѣ мы представимъ наблюденія черногорца въ слѣдующихъ областяхъ: 1, видимаго небеснаго свода съ его тѣлами; 2, атмосферныхъ явленій (народная метеорологія и календарь), и 3, земли съ ея произведеніями въ царствахъ неорганическомъ, растительномъ и животномъ.

1. Наблюденіе видимаго неба съ его тѣлами.

Практическій умъ черногорца не любитъ пускаться въ выспреннія области и напрасно трудиться надъ постиженіемъ непостижимаго; поэтому небесный сводъ занимаетъ его мало. Повторяя о немъ то, что̀ по преданію перешло отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ, черногорецъ часто добавляетъ: «тако баведају код нас», т. е. такъ болтаютъ, и тѣмъ какъ бы отказывается выразить собственный взглядъ, а, напротивъ, относится самъ къ сообщаемому имъ съ недовѣріемъ.

Понятіе о сводѣ небесномъ заключается въ слѣдующемъ выраженіи относительно сильнаго холода, мороза: «пукло је у оној *соји небесној*» или «као у *соси*» (соа, соха), или «као у великај планини, гђе је велика хлад и зима». Поэтому видно, что черногорецъ имѣетъ понятіе о чрезвычайномъ холодѣ въ высшихъ слояхъ воздуха. Тамъ и обитаетъ Богъ; и именемъ этого высшаго существа, обитающаго въ высшихъ сферахъ, черногорецъ клянется: «Тако ми попа небеског, тако он се на мене не расрдио!» или: «тако ми кола небеског!», чѣмъ выражается понятіе о небесномъ пространствѣ со всѣми мірами.

Плавая часто по морю и посѣщая Приморье, черногорцы имѣютъ возможность изъ разговоровъ съ моряками получить нѣкоторыя астрономическія свѣдѣнія и смотрѣть на небо спокойно, безъ суевѣрнаго страха, относиться безъ особенныхъ опасеній ко всему, что̀ происходитъ на немъ, видя въ томъ общій законъ

со всѣмъ тѣмъ, что осязательно могутъ наблюдать и обслѣдовать на обитаемомъ ими клочкѣ земли.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя традиціонныя представленія держатся въ народѣ и теперь. Такъ, видимое небо представляется твердымъ сводомъ, который по временамъ можетъ открываться и тогда можно видѣть высшій міръ, гдѣ обитаетъ Богъ съ сонмомъ ангеловъ и сродниковъ божіихъ. Это, какъ мы видѣли, бываетъ въ ночь наканунѣ Богоявленія (6 января), и увидѣвши это чудо, стоитъ только высказать какое-либо пожеланіе Богу, и оно будетъ исполнено.

Млечный путь называется *кумова слама*, про которую говорится слѣдующее: кумъ у кума солому укралъ и, какъ тащилъ ее, оставилъ слѣдъ за собою, по которому и былъ найденъ; а въ ознаменованіе этого, на стыдъ совершившему такое тяжкое преступленіе и въ поученіе потомству, Богъ означилъ этотъ слѣдъ на небѣ *).

Венера, вечерняя и утренняя звѣзда, называется *даница* и *вечерњача* и извѣстна всякому, даже ребенку, потому что по ней распредѣляютъ время. Утромъ по ней выгоняютъ стада на паству, а вечеромъ, съ ея появленіемъ, гонятъ домой. Означая раннее время пѣсня говоритъ: «Заря еще не заалѣла, ни даница не показала своего лица». Или: «*таман* саба-зора отворила, и *јутрења* истекла *даница*». Черногорецъ знаетъ, что утренняя и вечерняя звѣзда въ разное время одна и та же, и потому для нея существуетъ одно и то же имя, хотя съ разными эпитетами: такъ *преодница* она называется, потому что предшествуетъ восходу солнца; *овчарица* и *говедарица*, потому что ею руководятся пастухи овецъ и крупнаго скота (говеда); есть, говорятъ, названіе и *воларица* (отъ вола), но мнѣ не приводилось его слышать; называютъ её также *скробарица*, потому что вечеромъ, пригнавши стадо по ея появ-

*) Срв. Тэйлора, Первобыт. культ.: «Млечный путь у сирійцевъ, персіянъ и турокъ—*соломенная дорога*: они такимъ образомъ сравниваютъ его со своими улицами, усыпанными обрѣзками соломы, выпадающими изъ сѣтей, въ которыхъ ее перевозятъ» (стр. 330). Толкованіе — врядъ-ли правильное.

леніи, пастухи разсчитываютъ поѣсть *скроба*—жидкой похлебки изъ кукурузной муки.

Даница—одно изъ любимыхъ именъ, какія черногорцы даютъ своимъ дочерямъ; ея имя часто играетъ роль въ пѣснѣ. Такъ въ одной пѣснѣ мѣсяцъ коритъ ее тѣмъ, что она спитъ цѣлую ночь, тогда какъ онъ всю ночь ходитъ дозоромъ и многое видитъ. Вотъ эта пѣсня.

Мјесец кара звијезду Даницу:
«Ој, Данице, једна лежакињо!
Ти пролежа вечер до сабаха (до зори),
А я пређох земље и градове,
И ја виђох чудо невиђено» и т. д.

Большую Медвѣдицу называютъ: *седмице*, *кола*, *попови волови*; Плеяды — *влашичи* и считаютъ въ нихъ 9 звѣздъ. Собираясь въ Которъ на базаръ, нѣгушане и другіе ночующіе въ Нѣгушахъ, поднимаются тогда, когда взойдутъ *влашичи*, чтобы чуть свѣтъ поспѣть къ базару.

Любя привлекать и природу къ участію въ своихъ дѣлахъ, въ своихъ забавахъ, весельѣ и въ печали, сербскій народъ въ своей пѣснѣ вспоминаетъ часто и влашичей. Между прочимъ одна подгорицкая пѣсня устраиваетъ изъ нихъ цѣлое коло:

Сунце игра преко ведра неба,
А влашићи преко Влашке земле.
У влашића чудно коло игра:
У то коло девет јетрвица;
Свака игра својијем ђевером;
Љепа Јања покрај кола сама, и т. д.

Здѣсь *Влашка земля*—очевидно употреблена ради созвучія съ *влашичами*; но не происходитъ-ли названіе этого созвѣздія отъ уменьшительнаго имени отъ *влаха* — пастухъ, имя вообще горныхъ жителей, живущихъ исключительно скотоводствомъ,

такъ какъ они по этому созвѣздію тоже узнаютъ время, когда нужно вставать.

Кстати будетъ привести разсказъ о влашичахъ, слышанный мною отъ одного магометанина изъ Гусинья, родомъ куча.

Были шесть братьевъ Асхаби-тьефови (что̀ значитъ это имя, разсказчикъ самъ не зналъ) и при нихъ песъ Китмиръ. Братья были очень добрые, благочестивые, и ихъ любилъ народъ; какъ вдругъ воздвигъ на нихъ гоненіе какой-то великій человѣкъ, правитель той земли, *краль*, *бегъ* или *забитъ*, и хотѣлъ ихъ погубить. Тогда они бѣжали и скрылись въ одной пещерѣ, гдѣ и заснули, и съ ними песъ. Когда они проснулись, то захотѣли ѣсть; а такъ какъ при нихъ не оказалось ничего, то послали одного изъ своихъ въ ближайшій городъ купить чего-нибудь. Тамъ всѣ удивились этому человѣку, какъ его невиданной одеждѣ, такъ и монетѣ, относившейся къ глубокой древности. Изъ любопытства они пошли за нимъ, чтобы узнать мѣсто, откуда онъ пришелъ, и выслѣдивши такимъ образомъ, возвратились и объявили. Тогда пошли люди къ этой пещерѣ; но, прійдя на то самое мѣсто, пещеры не нашли; а только съ того времени засвѣтились тѣ семь звѣздъ, шесть братьевъ и съ ними песъ *).

Созвѣздіе Оріона называется *штапови* и три звѣзды въ поясѣ—*споредниц̂е*, или *волујица*; Сѣверный вѣнецъ съ Геммою по срединѣ—*богородичино коло;* близь млечнаго пути съ юго-восточной стороны отличаютъ *петров крст*, въ видѣ равноконечнаго креста съ одною звѣздочкой еще съ правой стороны; а къ югу отъ него

---

*) Въ Герцеговинѣ есть названіе созвѣздія *волови*, которыя, не знаю, относятся къ Большой Медвѣдицѣ или къ Плеядамъ; но и въ нихъ седьмую звѣзду волкъ съѣлъ, а потому остались только 6: «два Иволета, Симо и Милета, Шурко и Пурко, пред њима мали Мишурко, који носи теслицу». Есть еще звѣзда самосвѣтящая, *кажипут*—вправо отъ млечнаго пути, глядя къ сѣверу; въ полночь она всегда скрывается подъ горизонтъ. *Зорица*, вправо отъ Плеядъ; на Рождество, когда она видится, бываетъ близко заря.

Въ соч. Миличевича «Живот Срба сељака» упоминаются звѣзды: зорњача, вечерњача, влашичи, штапци, кола и др. Во влашичахъ различаютъ 7 звѣздъ: «Мика и Миока, Рака и Раока, Орисав и Борисав и седми Милисав» (стр. 79).

двѣ звѣздочки, очень близкія одна къ другой и въ игрѣ блеска по временамъ какъ бы сливающіяся назыв. *грлице*, потому что *грле се* (обнимаются). Одно созвѣздіе называется *радонице*; но я не могъ узнать, къ какому именно созвѣздію относятъ это названіе (Васоев.); кажется, къ большой медвѣдицѣ. Комету называютъ *метла* или *байраклія* (со знаменемъ) и въ появленіи ея видятъ предзнаменованіе войны или какого-либо общаго несчастія, въ родѣ эпидеміи или повсемѣстнаго неурожая.

Падающая звѣзда означаетъ смерть человѣка, потому что каждый человѣкъ имѣетъ свою звѣзду на небѣ, счастливую или несчастную, и со смертью его она падаетъ. Или это значитъ, что кто-нибудь бѣжалъ изъ тюрьмы и вообще вырвался изъ неволи, преимущественно отъ турокъ. Поэтому, увидѣвши падающую звѣзду, нужно крикнуть: «За грмен, друже!» (за кустъ) и тогда побѣгъ удастся. Но отнюдь не нужно говорить объ этомъ въ первомъ домѣ, куда прійдешь, у огня, потому что тогда онъ попадется. О падающей звѣздѣ говорятъ: «пролила се је звијезда».

Иногда это бываетъ огненный змѣй, который летаетъ большею частью ко вдовицамъ, а иногда и къ замужнимъ женщинамъ въ отсутствіе ихъ мужей, но какъ будто противъ воли женщины. Объ этомъ существуетъ много разсказовъ. Змѣй этотъ бываетъ просто оборотень-человѣкъ; а большею частью особаго рода дьяволъ, который и живетъ въ какомъ-нибудь озерѣ въ пустынномъ мѣстѣ: таково озеро Рикавацъ въ Кучахъ, на границѣ съ землею Гусинья.

Солнце представляется свѣтлымъ шаромъ, отъ котораго земля получаетъ свой свѣтъ и теплоту. Объ немъ существуетъ нѣсколько разсказовъ. Одинъ въ пѣснѣ сообщенъ Вукомъ Караджичемъ подъ заглавіемъ «Цар Дуклијан и крститељ Јован» (кн. II, № 17), гдѣ послѣдній крадетъ солнце у перваго. Мы записали простой разсказъ въ прозѣ, имѣющій разницу съ разсказомъ этой пѣсни, и потому помѣщаемъ его цѣликомъ.

Спачала Богъ владѣлъ только мѣсяцемъ, а солнце было у

дьявола. Призываетъ Богъ Илію и говоритъ: «Какъ-бы обмануть дьявола и выманить у него солнце»?

— Никакъ нельзя,—отвѣчаетъ Илія. — Ты знаешь, что онъ лукавъ. Одно только средство: ложно заклясться твоимъ именемъ.

— «Но это величайшій грѣхъ!» говоритъ Богъ. А въ то же время сталъ раздумывать: «Безъ солнца не можетъ жить на землѣ ни растеніе, ни животное. А какое благо было бы отъ него для моихъ людей!» Раздумавши такъ, говоритъ Ильѣ: — «Поди, постарайся обмануть дьявола такъ, просто; а если не сможешь, то заклянись и моимъ именемъ».

Отправляется Илія. Сдѣлалъ онъ два золотыхъ шара и идетъ къ дьяволу.

— Давай бросать шары: кто покатитъ дальше?

Сталъ катать Илія первый, да нарочно сталъ ближе къ морю; шаръ и упалъ прямо въ море.

Что дѣлать? Проситъ онъ дьявола достать ему шаръ, потому что самъ не смѣетъ, такъ какъ море дьяволово. — Ни шара мнѣ не выдадутъ,—говоритъ Илія, — ни самого не выпустятъ.

— Сдѣлалъ бы я это для тебя, да ты украдешь у меня солнце. Заклянись мнѣ именемъ Бога, что не украдешь.

Илія заклялся, а дьяволъ—булькъ въ воду! Только дьяволъ туда, а Илія ударилъ палкой по водѣ, приговаривая: «Во имя Отца и Сына и св. Духа», девять разъ; море и покрылось девятью льдами; а затѣмъ схватилъ онъ солнце и полетѣлъ къ Богу. Дьяволъ чуетъ это, но не можетъ пробить ледъ сразу; а подъ конецъ все таки пробилъ и полетѣлъ за Ильей; но не догналъ его, а только въ догонку пустилъ въ него копьемъ и попалъ въ ногу, да и вырвалъ изъ нея цѣлый кусокъ мяса.

Жалуется Илья Богу, а Богъ на это: «Не могу я противъ этого сдѣлать ничего, а пусть же съ этого времени и у всѣхъ людей будетъ выемка на подошвѣ». Такъ оно и стало, и эта выемка называется—*глада*.

Въ нашемъ разсказѣ дѣйствуютъ другія лица, что не имѣетъ

никакого значенія; но существенная разница въ томъ, что въ пѣснѣ Богъ позволяетъ заклясться собою, но не своимъ именемъ, прибѣгая такимъ оброзомъ къ хитрой діалектикѣ; а въ нашемъ разсказѣ Богъ жертвуетъ своимъ именемъ изъ любви къ человѣку, ради великой пользы, которая отъ того можетъ быть для него. Затѣмъ въ нашемъ разсказѣ ясно говорится, что Богъ владѣлъ только мѣсяцемъ, а солнце было въ рукахъ у дьявола, и что дьяволъ обладалъ также и моремъ. Впрочемъ пѣсня, напечатанная у Вука, извѣстна и въ Черногоріи.

Есть и еще одинъ разсказъ, изъ котораго узнаемъ, что вначалѣ было три солнца *).

Было когда-то три солнца, какъ вдругъ появилась *аждая* (громадная змѣя): съѣла она одно солнце, затѣмъ другое; хотѣла съѣсть и третье; но жаль стало ласточкѣ: взяла она и заслонила его крыломъ; змѣя испугалась и оставила солнце, а тогда человѣкъ пришелъ и убилъ змѣю. Солнце спаслось и удивилось силѣ человѣка, который въ глазахъ его былъ муравьемъ въ сравненіи съ гигантскою змѣей, и съ тѣхъ поръ оно всегда, какъ только увидитъ, что человѣкъ убиваетъ змѣю,—говоритъ: «цвала ти!» и еще: «Мрваљ бије аждају». Съ того времени люди и уважаютъ такъ ласточку.

Иногда солнце называютъ звѣздой: «Иљинска звијезда», «припекла је звијезда»; въ одной пѣснѣ есть припѣвъ: «звјездане дане, мој мио брале».

9-го марта, когда становится день длиннѣе, говорятъ: «сванули су дани»; а о солнцѣ въ то время: «исправља се сунце» съ добавленіемъ иногда: «на ноге».

О мѣсяцѣ мнѣ не извѣстно никакого разсказа; только у Вука есть сказка о солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздѣ подъ заглавіемъ «Три прстена» (Српске Народ. Припов. Додатак, № 9).

---

*) Въ матеріалахъ, собранныхъ г. Добровольскимъ въ Смоленской губерніи, есть подобный же разсказъ о томъ, какъ было два солнца, и одно изъ нихъ выпила змѣя.

Пятна на мѣсяцѣ означаютъ двухъ борющихся братьевъ, изъ которыхъ старшій убилъ младшаго, подобно тому, какъ въ исторіи Каина и Авеля.

Если солнцу приписывается вся жизнь на земномъ шарѣ, то мѣсяцу или, вѣрнѣе, различнымъ его фазамъ приписывается также вліяніе на нѣкоторыя отдѣльныя явленія. На ущербѣ нельзя солить мясо, запасать въ прокъ капусту и другіе овощи, потому что попортятся; раздерется скоро и бѣлье, вывѣшенное въ то время для просушки. Самое благопріятное время—*млада нeђeља*, и особенно *млади петак*, первыя послѣ мѣны мѣсяца и пятница на ней; въ это время дѣтямъ, особенно дѣвочкамъ, подстригаютъ волосы, чтобъ были гуще и росли лучше.

Если увидишь молодой мѣсяцъ, то нужно подскочить нѣсколько разъ, взявшись за уши; или ударить по кошельку, если въ немъ есть деньги; или вырвать изъ земли нѣсколько травы и бросить черезъ себя; или возьмутъ ребенка, поднимутъ кверху и чмокнутъ ему губами, въ родѣ поцѣлуя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушки, схвативши сами себя руками за уши, перевернутся три раза, прискакивая и приговаривая: «Ти стар, а ја млада». Не замѣтилъ я при этомъ, дѣлается-ли разница въ томъ, если увидятъ молодой мѣсяцъ съ правой стороны или съ лѣвой; кажется, что не дѣлается; но нехорошо видѣть его въ первый разъ съ пустымъ карманомъ.

Иной, не зная, какой мѣсяцъ, допытывается непремѣнно, когда мѣна его, увѣренный, что тогда перемѣнится и погода. О мѣсяцѣ говорятъ: «мјесец грије» вмѣсто употребляемаго выраженія въ другихъ сербскихъ же земляхъ—*сјаје*; и изъ этого возникаютъ иногда недоразумѣнія въ разговорѣ между черногорцемъ и сербомъ изъ другихъ мѣстъ, напр. изъ Дубровника.

Бородавки у дѣтей являются отъ того, что они по вечерамъ считаютъ звѣзды.

Въ прежнее время, когда бывало затмѣніе солнца или мѣсяца, всѣ принимались стрѣлять, чтобы отогнать держащее ихъ существо. При мнѣ на Цетиньѣ было затмѣніе мѣсяца (23 ноября,

1881 г.): начавшись около 7 час. веч., оно продолжалось до $7^3/_4$ ч. Бывшій тутъ магометанинъ изъ Подгорицы удивлялся, что не предпринимаютъ противъ того никакихъ мѣръ, и, обращаясь къ другимъ, говорилъ: «Что вы смотрите? нужно стрѣлять; иначе его долго будетъ держать». Самъ онъ не имѣлъ при себѣ оружія, другіе же не смѣли стрѣлять, потому что въ городѣ стрѣлять запрещено; итакъ, мѣсяцъ держало почти цѣлый часъ, къ прискорбію турчина.

Въ поэзіи, какъ мы уже отчасти указали, небесныя свѣтила играютъ важную роль. Есть между прочимъ одна пѣсня, воспѣвающая, какъ Царь Небесный женилъ солнце, при чемъ сватами были—святые Петръ апостолъ, Илья пророкъ, Іоаннъ Креститель, Георгій Побѣдоносецъ, Николай угодникъ, Михаилъ архангелъ и два ангела, а невѣста была *светодуха Яня* (всѣ полагаютъ, что это Божія матерь), которую солнце и унесло, когда всѣ сваты, уставши отъ дороги, заснули на небѣ.

Въ другой пѣснѣ Даница останавливаетъ мѣсяцъ, говоря, что и она хочетъ пойти съ нимъ въ поле, чтобы тамъ брать воловъ и пахать долы, сѣять коноплю и ткать полотно; вязать деверей и золовокъ, которые лежатъ около телѣгъ, какъ бычки около *торовъ* (загоновъ для скота), за то что они не идутъ въ коло: «нынче славный Юрьевъ день, а они себѣ лежатъ цѣлый день».

Есть и загадки, относящіяся къ этому.

«Полны носилки проса; ни носилки не угибаются, ни просо не просыпается»—небо, усѣянное звѣздами; или: «Впереди овецъ золотой пастухъ, а за нимъ идетъ Пуро сгорбленный, собираетъ ихъ красна дѣвица»—солнце, мѣсяцъ и Даница.

Черногорецъ отлично умѣетъ оріентироваться по странамъ свѣта и, разсказывая вамъ о границахъ или положеніи какой-либо мѣстности, всегда держится ихъ. Встрѣтивъ давно брошенную церковь, онъ старается угадать, какому она святому была посвящена, соображаясь съ положеніемъ алтаря: если прямо на востокъ, то какому-нибудь святому около осенняго или весенняго

равноденствія; если южнѣе, то зимнему, а сѣвернѣе — лѣтнему святому.

При этомъ длину земли считаютъ съ востока на западъ, а ширину съ сѣвера на югъ; въ направленіи къ западу она спускается ниже; а иные считаютъ пониженіе съ с. на ю. «Отити у бестрв» въ безконечность, откуда нѣтъ возврата, — на востокъ.

2. Наблюденіе атмосферныхъ явленій.

(Народная метеорологія и календарь).

Воздухъ вообще называютъ *ваздух*; но чаще слышится — *арија* (итальянск.) въ смыслѣ воздуха, которымъ дышимъ: «здрава, љепа» или «слаба, нездрава арија»; изрѣдка слышится *зрак*: «стријељати у зрак; дигло је у зрак» — взорвало порохомъ.

Изъ воздушныхъ постоянныхъ явленій прежде всего обращаетъ на себя вниманіе вѣтеръ, оказывающій большое вліяніе на урожай, смотря по тому, приноситъ онъ съ собою влагу или напротивъ сушитъ. Сообразно съ тѣмъ, кромѣ названій по странамъ свѣта, различнымъ вѣтрамъ даютъ различные эпитеты, выражающіе ихъ свойства. Такъ сѣверный вѣтеръ называется просто *сјевер*, и иначе: *празновреħа*, потому что онъ слишкомъ сушитъ и при его преобладаніи всегда бываетъ неурожай; въ Кучахъ его зовутъ *сухи вјетар* и вліянію его приписываютъ, что однажды у нихъ не было урожаевъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Потому-же объ немъ говорятъ: *нема зла времена без сјевера* и *сјевер — бабин ђевер* т. е. деверь старухи. Въ Барѣ онъ называется *бриа* по мѣстности, откуда дуетъ; тамъ онъ производитъ страшныя опустошенія въ маслинадахъ, ломая деревья, и при немъ ни одно судно не можетъ удержаться въ портѣ (это, кажется, собственно grego-tramontana или bora, NE). Въ Васоевичахъ очень сильный сѣверный вѣтеръ называется *узбојник*, *узбојници*, очень опасный для скота и для людей зимою; онъ же въ Дробнякахъ называется *пометеник*, бываетъ съ мятелью и сбиваетъ съ ногъ лоша-

дей съ вьюками; онъ же называется и *метьява*, какъ самый сильный и опасный вѣтеръ. Въ то-же время ему приписываютъ хорошее вліяніе на здоровье, потому что онъ освобождаетъ воздухъ ото всякихъ вредныхъ испареній и, не смотря на сухость и суровость, бодритъ человѣка; поэтому его называютъ *јунак*, а также *москов*, которымъ бывало сербы угрожали своимъ домашнимъ туркамъ; сами же турки въ видѣ проклятія говорили: «*московска ти длака у нос*».

Южный вѣтеръ просто *југ* или *шилок* (sirocco) считается влажнымъ и особенно зимой онъ всегда сопровождается дождемъ и тепломъ. Поэтому, когда бываетъ слишкомъ суровая и продолжительная зима, обращаются къ южному вѣтру: «Ој, југе, југовићу! погинула је ти буха сестра у лед и снијег». Объ немъ говорится: «југ — бабин кожух», т. е. онъ грѣетъ, какъ шуба. Вліяніе на здоровье считается однако разслабляющимъ.

По народному примѣчанію, если лѣтомъ дождь постоянно приходитъ съ сѣвера, будетъ очень урожайный годъ; однако эти тучи осаждаютъ свою влагу большей частью на горахъ сѣверной половины Черногоріи, оставляя безъ дождя — южную или приморскую, и наоборотъ.

Каждое мѣсто имѣетъ свой гнилой уголъ, откуда находятъ тучи съ дождемъ или снѣгомъ. Для приморской части, какъ мы говорили, такимъ вѣтромъ считается южный; но для лѣта главнымъ образомъ *гарбин* ЮЗ.; въ другой половинѣ *криваи* и чуть СЗ.; въ Подгорицѣ такимъ считаютъ *гарчаник* (дующій отъ горы Гарча) СЗ; но больше дождя падаетъ, если тучи идутъ отъ горъ Проклятыхъ; въ Васоевичахъ *колашинац* СЗ.

Восточный вѣтеръ называется *источник* и *устока* (Езера) — большею частью тихій, зимой приносящій снѣгъ, поворачивающій потомъ на югъ съ дождемъ. Юго-восточный вѣтеръ, очень сильный на Скадрскомъ озерѣ, называется *мурлан* (потому, вѣроятно, что дуетъ отъ моря), а на Нѣгушахъ его зовутъ *блатник* (отъ Скадрскаго-блата), а также *смутина* (Жапев-до).

Прямо западный вѣтеръ бываетъ рѣдко и съ особенною си-

лою свирѣпствуетъ при морѣ, гдѣ его называютъ *пуленат* (ponente).

Въ Рѣцкой и Лѣшанской нахіяхъ знаютъ два постоянныхъ лѣтнихъ вѣтра: одинъ *даник*, дующій днемъ какъ будто съ ЮВ., другой *ночник* — съ сѣвера.

Кромѣ того на Скадрскомъ озерѣ бываетъ *смута* или *упор*, вѣтеръ порывами (refoli), иногда съ вихремъ, который можетъ перевернуть лодку, идущую парусомъ, если она ихъ скоро не уберетъ; *сијавица* или *пријепор*, съ дождемъ или снѣгомъ.

Вообще сильный вѣтеръ, вздымающій пыль, особенно сѣверный, называется *мећава*, а на морѣ *фортуна*.

Бура (bora) въ смыслѣ сѣверовосточнаго вѣтра говорится только при морѣ, а во внутренности Черногоріи то означаетъ дождь: *кад падне бура, биће добро; кад буде бура у љету, биће род; бурно љето* — дождливое (въ переносномъ смыслѣ *буран живот* — въ полномъ довольствѣ).

Наблюдаютъ также продолжительность вѣтра: обыкновенно три дня, а если не остановится, то 9 дней или 2 недѣли; это относится къ болѣе постояннымъ вѣтрамъ — сѣверному и южному.

Дурное время, непогода съ вѣтромъ, дождемъ или снѣгомъ, буря, гроза называются *вријеме* или *бријеме*; рѣдко *олуја* (собств. гроза).

Дождь — *киша* и *дажд*. О дождѣ говорится: *пада*, *находи*, *удара: находили-ли?*—идетъ-ли дождь? О снѣгѣ: *мете*, тоже безъ прибавки *снијег*. Если идетъ дождь понемногу, то говорится: *ромиња* и *прши*. Градъ также называется и по-сербски; а сверхъ того *туча*: *ударила је туча* (а наше *туча* — по серб. *облак*); мелкій градъ, крупа — *крупа*, *суљага, циганчић*. Когда падаетъ дождь съ перемежками и по временамъ проглядываетъ солнце, то называется *провјеске*; а самое пространство голубого неба между расходящимися облаками называется *приједорина*. Снѣгъ падаетъ хлопьями — *лоптама* или мелкій, сухой — *пепељавац*; погода морозная, безъ снѣгу — *сухомразица;* слишкомъ морозная — *цича*. Когда сильный холодъ, то говорятъ: «*сада зец мајку*

тражи» т. е. не можетъ согрѣться безъ матери или «*пуцаће и гвоздене паланке*». Мокрый снѣгъ, падающій и тотчасъ тающій или съ дождемъ, называется *клапавица* или *лапавица*, *молава*, *молокавица*, *лапа;* а образующаяся оттого внизу густая мокрая масса—*музгавица*. Это считается самое дурное время, чаще всего бывающее въ приморской половинѣ Черногоріи: «зли смок млађавица, зло вријеме клапавица». Морозъ, побивающій растенья весною или осенью, когда нѣтъ снѣга, называется *слана*; а иней тоже *иње*, *хине*, *кита* и *стријеж* (тоже самое и осадокъ виннаго камня въ бочкахъ, бывшихъ съ виномъ); а есть еще названіе: *сријеш*, когда съ осени падаютъ дожди и затѣмъ наступаютъ морозы безъ снѣга, отчего верхній слой земли вспучивается и поднимается вмѣстѣ съ травой или зернами посѣяннаго озимаго хлѣба; говорится: *сријешило је траву* или *жито*. Наростъ, ледяная кора, образовавшаяся на снѣгѣ послѣ оттепели, называется *површица*. Наша гололедица называется просто *лед*; тоже и сосульки, висящія подъ крышами: *ледови* или *мосур* (тоже и относительно сталактитовъ этой формы). Снѣжная лавина называется *усов*, *загон*, *утрг*. Туманъ называется *магла* и кое-гдѣ слышится *туман*; а въ Герцеговинѣ *думан* — тонкая водяная пыль, стоящая надъ водопадомъ. Наша же мгла, сухой туманъ выражается словомъ *чаина*, которая сопровождаетъ очень сухое время и вредно дѣйствуетъ на растенія, осаждая на нихъ тонкій налетъ, называемый *хала* и *маћа*. Самое жаркое время года или дня называется *розопек*. Самое жаркое солнце въ іюлѣ, около Ильина-дня; поэтому говорятъ: «ударило је *илинско око*».

Послѣ этихъ обычныхъ явленій природы, обусловливающихъ вообще времена года и погоду, перейдемъ къ явленіямъ болѣе рѣдкимъ, проявляющимся въ болѣе рѣзкой формѣ и потому сильнѣе дѣйствующимъ на человѣка.

Прежде всего здѣсь обращаютъ на себя вниманіе громъ и молнія (*гром грми*, *муња сијева* или *меће свијеће*). Особеннаго страха передъ громомъ черногорецъ не чувствуетъ, хотя грозы въ Черногоріи очень часты и сильны и всегда почти сопровождаются

какимъ-нибудь разрушительнымъ дѣйствіемъ: то бьетъ онъ въ церковь, особенно если она находится на какомъ нибудь возвышеніи; то убиваетъ людей. Случалось, что убивало цѣлое стадо овецъ, укрывшихся отъ бури въ пещеру, и съ ними пастуха. А однажды громъ ударилъ въ скалу на высокой горѣ, подъ которою находился домъ, каменный въ два этажа, и при томъ оторвавшимся камнемъ пробило, какъ бомбой, стѣну въ этомъ домѣ, гдѣ въ то время, по счастію, никого не было. Въ 1881 г. въ Барской крѣпости громъ ударилъ въ мечеть (сдѣланную изъ большой католической церкви), въ которой хранились огромные запасы пороху, бомбъ и другихъ боевыхъ снарядовъ, принятыхъ черногорцами отъ турокъ, при чемъ 12 человѣкъ убито на смерть и столько-же изувѣчено или тяжело ранено. На Цетиньѣ часто разрушало телеграфные столбы и однажды ударило въ зданіе, гдѣ приготовляются патроны и находится складъ боевыхъ снарядовъ; но взрывъ былъ небольшой и пожаръ скоро потушенъ.

При всемъ томъ черногорецъ, вѣчно носящій при себѣ оружіе, привлекающее удары грома, никогда не принимаетъ противъ того никакихъ мѣръ. Недавно случилось, что громъ ударилъ въ стволъ ружья и разорвалъ его въ куски; по счастію однако это случилось въ то время, когда черногорецъ прислонилъ его къ дереву. Одного только остерегаются: становиться во время грозы подъ орѣховое дерево, такъ какъ громъ постоянно бьетъ въ него, чтобы поразить кроющихся подъ нимъ *вѣштицу* или *дьявола*. Вообще громъ не бьетъ, куда попало, а непремѣнно цѣлится во что-нибудь, и потому говорится: «гром у коприве не биjе», потому что въ ней, какъ въ сорной травѣ, ничто путное, имѣющее значеніе, не кроется. Изъ той-же предосторожности строго соблюдаютъ праздники въ іюлѣ мѣсяцѣ: Кирика и Улиты (14-го), *огњена* или *блажена Мариjа* (17-го; собственно вел.-муч. Марины), *св. Илиjа громовник* (20-го) и *св. Пантелиjа* (27-го), которые управляютъ громомъ и могутъ наказать за непочитаніе ихъ. Этихъ святыхъ почитаютъ и магометане и потому всегда спрашиваютъ у христіанъ, въ какіе дни они приходятся, и жгутъ

восковую свѣчу дома или передаютъ её христіанину, чтобы отнесъ въ церковь. Кучи держатъ постъ въ четвергъ, чтобы не побило градомъ хлѣбъ или не зажгло бы чего и не убило кого. Не потому-ли, что это день Юпитера или германскаго Тора (Donnerstag)? Сюда-же относится и почитаніе св. Ивана (24 іюня).

Вмѣстѣ съ молніей упадаетъ на землю стрѣла (*стриjелица небеска*), которая и поражаетъ виновнаго. Её можно найти и полезно держать въ домѣ для предохраненія отъ грома; иные кусочекъ отъ нея съ тою-же цѣлью зашиваютъ въ свою одежду. Это то-же самое, что у насъ *чертовъ палецъ* (белемнитъ).

Въ проклятіи: «стрjела те убила» разумѣется именно эта стрѣла; но часто говорится и «стриjела те заклала».

Въ вихрѣ и вообще въ вѣтрѣ, налетающемъ вдругъ страшнымъ порывомъ или завывающемъ ночью, въ переходное время, осенью или ранней весной, видятъ особенныя существа *здухачей*, которые бьются другъ съ другомъ; объ нихъ мы будемъ говорить отдѣльно. Имъ-же, т. е. здухачамъ, приписываютъ вліяніе вообще на погоду и урожай; относясь къ нимъ со страхомъ и почтеніемъ, стараются ихъ не прогнѣвить, но никогда не прибѣгаютъ къ ихъ помощи, не просятъ ихъ, а обращаются за помощью къ церкви: служатъ литургію съ молебствіемъ и водоосвященіемъ, ходятъ кругомъ церкви и на поля, прося: «Дажд, Бог дажд!» Дѣти же обращаются къ дождю, чтобы пересталъ, съ пѣсенкой:

Падај, падај кишице!
Мајка те молила,
На камену стајала,
Двоје ђеце држала:
Једном име нафора,
Другом име—префора.
Преврни се, небо,
Начини се ведро,
Као чисто сребро.

Съ радугой не соединяется, какъ у насъ, понятіе о знаменьи, что дождя не будетъ; но дается толкованіе тремъ главнымъ цвѣтамъ въ ней: красный (собственно фіолетовый) означаетъ вино, желтый (и оранжевый) айву и апельсинъ, а зеленый — жито; и какой цвѣтъ преобладаетъ, того плода больше и родится въ томъ году. Называется она просто *дуга*, и есть пословица, заключающая въ себѣ угрозу, которую однако нужно понимать обратно: «Ко не види дугу, не виђела га мајка до Петровданка», такъ какъ невозможно, чтобы не случилось когда-нибудь видѣть радугу.

Между блудящими огоньками различаютъ: *луча*, являющійся надъ могилами и высохшими болотами, которому не придаютъ никакого особеннаго значенія, какъ гнилушкѣ или свѣтляку; и *свјечице*, въ которыхъ видятъ какія-то существа: это *врагови* (дьяволы) или *здухачи*.

Въ пѣснѣ о женитьбѣ солнца встрѣчаемъ такое распредѣленіе природы въ видѣ даровъ сватамъ:

Илији даше муње и громове,
Светом Петру у снопе пшеницу,
Барјактару светитељу Ђурђу
Дароваше цвјеће и прољеће».

Въ другой пѣснѣ (женитьба мѣсяца) распредѣленіемъ даровъ управляетъ молнія:

Стаде муња даре дијелити:
Даде Богу небесне висине,
Светомъ Петру петровске врућине,
А Јовану (7 янв.) леда и снијега,
А Николи воде и бродове.

Внимательно слѣдя за всѣми явленіями природы и удерживая ихъ изъ году въ годъ въ своей памяти, а потомъ передавая изъ поколѣнья въ поколѣнье, народъ стремится къ той-же цѣли,

къ какой стремится и научная метеорологія: при помощи этихъ наблюденій найти законы тѣхъ варіацій, которыя происходятъ въ природѣ, и опредѣлить періоды этихъ варіацій, чтобы на основаніи того достигнуть возможности до нѣкоторой степени опредѣлять ихъ впередъ.

Подобно тому, какъ опытный морякъ предвидитъ приближеніе бури и принимаетъ противъ нея свои мѣры, житель суши имѣетъ свои примѣты, по которымъ гадаетъ о времени и на близкомъ разстояніи, напр. съ вечера на завтра или рано утромъ за дальнѣйшее время дня, угадываетъ довольно вѣрно. Такъ на Цетиньѣ соображаются съ Ловченомъ: если онъ кажется слишкомъ близко и стоящая на немъ часовенка обрисовывается слишкомъ острыми чертами, то завтра непремѣнно будетъ дождь или вообще ненастье. Тоже самое, если дымъ отъ очаговъ въ домахъ стелется по землѣ, крыши дымятся и слышится запахъ различныхъ готовящихся кушаній. За день и за два предсказывается дурная погода, если ночью звѣздъ особенно много и всѣ онѣ сильно трепещутъ. Въ Цермницѣ говорятъ: «Магла у Лонац (высшая точка въ хребтѣ Сутерманѣ)—киша у долац». Въ Барѣ ожидаютъ ненастья, если на Лисинѣ собираются облака; на Езерахъ, если на Дурмиторѣ; въ Васоевичахъ, если на Комѣ и т. д. Каждое мѣсто имѣетъ свой особый гнилой уголъ.

Изъ-за дождя, если утромъ туманъ долго лежитъ въ долинахъ горъ и исчезаетъ какъ-то незамѣтно, будетъ ведро; если же поднимется быстро, то также быстро соберутся тучи, и будетъ дождь. Если солнце, взойдя ясно, тотчасъ скроется въ облако, быть дождю; и наоборотъ. Сильная роса тоже предвѣщаетъ дождь. Въ пещерахъ, имѣющихъ ходы далеко подъ землею, передъ дождемъ, особенно передъ бурей—слышится какой-то особенный звукъ въ родѣ рокотанья, и въ томъ смыслѣ о Стругарской пещерѣ (въ Цеклинѣ) говорятъ: «пећина лаје». Въ Шавникахъ того же имени рѣка особенно часто въ продолженіи дня останавливаетъ свое теченіе *(мукавица фата)*. Относительно быстрыхъ горныхъ рѣкъ замѣчаютъ, что когда ведро или передъ тѣмъ, воды ихъ

катятся тихо, съ мало слышнымъ шумомъ; передъ ненастьемъ же онѣ становятся шумнѣе; особенно это наблюдаютъ на Андріевицѣ (въ Васоевичахъ) относительно р. Лима: «кад јекне, биће киша» или вообще ненастье. Передъ дождемъ сильно маритъ (*омарина, запарно*). Это чисто метеорологическія наблюденія, лишенныя только научнаго толкованія. Другого рода выводы о погодѣ по различнымъ дѣйствіямъ и состояніямъ животныхъ, а также и человѣка. Пѣтухи поютъ не во̀ время, въ ясную погоду — передъ ненастьемъ и наоборотъ; если трясогузка (плиска, тисгузица), воробьи и др. птицы, слишкомъ много купаются и плещутся въ водѣ, то означаетъ, что долго будетъ стоять ясная погода; *дуждевњак* (тритонъ) передъ дождемъ лѣзетъ изъ воды на сушу, а во время суши ищетъ воды и болота. Ласточки передъ сушей исчезаютъ съ Цетинья. Есть особенная птица *зловременица* (чайка съ черными крыльями и бѣлымъ брюшкомъ, и съ хохолкомъ, въ родѣ чибиса или крячика), появленіе которой со стонущими криками предсказываетъ бурю, особенно осенью и при началѣ зимы. Ночная птица *тюк*, въ извѣстное время цѣлую ночь издающая жалостные крики, передъ ненастьемъ стихаетъ; летучія мыши тогда тоже мало вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ. Лѣтомъ мухи, особенно такъ назыв. *конская*, передъ дождемъ слишкомъ назойливо льнутъ къ животнымъ и къ человѣку; блохи и другіе домашніе паразиты также больше мучатъ человѣка передъ дождемъ. Осенью и зимой появленіе густыхъ роевъ мошекъ, крылатыхъ муравьевъ и еще одной ночной мухи съ мягкими бѣлыми крыльями—предвѣщаетъ теплую погоду съ южнымъ вѣтромъ и дождемъ (*објужи*).

Люди, страдающіе отъ ревматизма, предугадываютъ ненастье по ощущаемымъ ими страданіямъ.

Народная метеорологія имѣетъ въ виду практическія цѣли и главнымъ образомъ вліяніе погоды на урожай. Въ этомъ случаѣ недостаточно предвидѣть, какая погода будетъ завтра или послѣ завтра; но нужно знать, какова будетъ зима, что̀ очень важно для перезимовки скота, и какой урожай предвидится лѣтомъ.

Для этого о зимѣ гадаютъ осенью, а о лѣтѣ заключаютъ по зимѣ и веснѣ.

Такъ на *Петков-дан* (св. Петка или Параскева, 14 окт.) а иные на *Лучин-дан* (18 окт.) наблюдаютъ ночью или на разсвѣтѣ, какъ лежатъ овцы: если онѣ лежатъ, протянувши переднія ноги, то зима будетъ мягкая; если же поджавши ихъ подъ себя, то—суровая. Въ Шаранцахъ тоже самое наблюдаютъ на *Митров-дан* (26 окт.). Суровой же зимы нужно ожидать, если овцы раньше обыкновеннаго побьются (омркају се).

Каковъ день заговѣнья передъ рождественскимъ или филипповымъ постомъ (15 ноября) или турецкій рамазанъ, таковъ будетъ и весь постъ до Рождества; иные считаютъ только до Николина-дня (6 дек.). Въ Цермницѣ держатся той-же примѣты по первому четвергу Филиппова поста. Но Рождество еще осенній праздникъ (Божић је јесенски светац); «није зиме, докле Божић не мине» и «није зиме, ни зимице до которске Трипунице» (св. Трифона 1 февр.). Нѣкоторые же считаютъ начало зимы отъ *наунова дня* (1 дек.). Настоящіе зимніе мѣсяцы—январь и февраль; а если они будутъ теплые, то зима наверстаетъ свое въ мартѣ и даже въ апрѣлѣ: «Ако зима главом не уједе; она репом ошине».

Если первый день Рождества съ дождемъ или снѣгомъ, то будетъ хорошій урожай: «мутан Божић, пун кошић; цибри Божић—празан кошић», или: «ни дао Бог ведрога Божића, ни облачна Ђурђева дне». Всѣ дни, предзнаменующіе плохой годъ, выражены въ слѣдующей цермницкой пословицѣ: «сачувај, Боже, од водичних (богоявленскихъ) сјевера и марчаних сијавица (мятель), ведра Бижића и облачна Ђурђева-дне». Говорится однако и такъ: «Божић јужан-кужан»; но это относится, можетъ быть, къ здоровью. Суровая же зима предвидится, если первый день Рождества прійдется во вторникъ (тяжелый день): «уторна зима — зла зима».

Частыя грозы вообще обѣщаютъ урожайный годъ, особенно же въ мартѣ мѣсяцѣ: «марчана грмљавина — родна година».

Урожай фруктовъ не всегда совпадаетъ съ урожаемъ хлѣба; а если хорошо родится косцела (celtis austr.), то навѣрное не родится хлѣбъ. Хорошій же урожай обѣщаютъ дожди во время покоса травы: «нема рода без труда откоса»; это тоже самое, что у насъ: «сѣно черное, хлѣбецъ бѣлый».

Переходимъ къ календарю, по которому черногорецъ живетъ и дѣйствуетъ, пріурочивая къ извѣстнымъ днямъ свои работы и досуги, сопровождаемые празднествами.

Юрьевъ-день (23 апр.) и Димитріевъ-день (26 окт.) дѣлятъ годъ на двѣ половины — зимнюю и лѣтнюю, и къ нимъ черногорецъ пріурочиваетъ всѣ свои гражданскіе договоры, какъ: аренда земли или дома, наемъ рабочихъ, заемъ денегъ или хлѣба, отдача скота на лѣтованье или зимовку и т. д. Оба эти дня составляютъ рѣшительный поворотъ: первый — къ лѣту, и тѣмъ возбуждаетъ въ человѣкѣ радость и самое веселое чувство; второй—къ зимѣ, и заставляетъ человѣка задумываться о томъ, какъ самому прожить и скотину прокормить. Въ этой заботѣ первымъ вопросомъ является, какая будетъ зима, т. е. мягкая или суровая, продолжительная или короткая. Ключъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ находится у зимы; поэтому и календарь начнемъ съ нея или съ ея преддверія, осени.

Мы уже упоминали о значеніи св. Петки, св. Луки и св. Димитрія; есть и другіе важные дни въ этомъ мѣсяцѣ: «свети Томо (6 окт.) ћера планинке дома»; «на светог Мрата (Мартина 12 окт.) сњег за врата»; а «од св. Луке тур у њедра руке» или «На св. Луку сњег захука». Около этого послѣдняго дня бываетъ самая ужасная погода: дождь съ грозой, иногда со снѣгомъ; иногда пещеры переполняются и отъ того на Цетиньѣ бываетъ наводненіе. Такая страшная погода была, когда умеръ владыка Петръ I, а также и когда умеръ Петръ II (18 окт.).

Послѣ этого, какъ мы тоже упоминали, отмѣчаются *мратински поклади* (14 нояб.). *Никољ-дан зимни* (6 дек.) считаютъ самымъ короткимъ днемъ и тогда говорятъ: «сад не свиће, него мркне»; а Рождество хотя и причисляется къ осеннимъ праздникамъ, но

тѣмъ не менѣе послѣ него уже имѣется въ виду, что болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ прокормили себя и скотъ запасами лѣта, а остается еще столько же или половина зимняго времени; поэтому говорятъ: «Божић дође—зима прође». При томъ, начинаетъ прибывать день, хотя и мало; полагаютъ, что до новаго года прибываетъ дня столько, сколько пѣтухъ можетъ прыгнуть съ порога, и тогда говорится: «сад не мркне, него свиће». На Богоявленіе (6 янв.) зима начинаетъ понемногу уступать: «Водокршће зими jедно око прште»; а св. Савва (14 янв.) втыкаетъ въ землю раскаленный вертелъ и оттого она начинаетъ согрѣваться, а въ тоже время начинаетъ сильнѣе пригрѣвать и солнце.

Около трехъ Святителей (30 янв. три Иjерарха) въ низкихъ мѣстахъ, какъ Подгорица, Баръ, Ульцинъ, настолько тепло, что уже посѣяна бываетъ разсада табаку.

Двѣ недѣли посрединѣ февраля въ герцеговинскихъ краяхъ Черногоріи называются *джембра*, когда ощутительно согрѣваніе земли солнцемъ и надъ землею замѣчается какое-то дрожаніе воздуха: онъ будто струится. Это заимствовано изъ магометанскаго ученія потурченцевъ, по которому 7-го февр. теплота проникаетъ въ воду, 14-го въ землю, а 21-го въ воздухъ, отчего и происходитъ его дрожаніе. Цѣлый февраль, кромѣ трехъ послѣднихъ дней, нельзя сновать сукно, потому что тогда стадамъ не будетъ мира отъ волка. Семь дней, составляющіеся изъ послѣднихъ трехъ дней февраля и четырехъ марта, составляютъ переходную стадію отъ зимы къ веснѣ, и назыв. *замjеница*. Иные считаютъ въ томъ 9 дней, причисляя къ тому періоду цѣлую недѣлю отъ марта, и назыв. *бабино љето*. По поводу этого существуетъ разсказъ. Однажды въ Бѣлопавличахъ передъ мартомъ настало такое теплое время, что въ горахъ выросла трава; тогда старуха, имѣвшая козла и двухъ козъ, отправилась съ ними въ горы; но только поднялась она надъ Острогомъ, какъ ударила мятель, которая замела ее и заморозила вмѣстѣ со стадомъ. И теперь тамъ показываютъ камни, въ которые обратились она и ея стадо. Такую же окаменѣлую старуху со стадомъ показы-

ваютъ близь Мостара и въ Зимьѣ, по старой дорогѣ изъ Коньица въ Мостаръ; фигуры эти называются *бабини јарчеви* или *козе* (есть и въ другихъ мѣстахъ). Время передъ мартомъ, сопровождаемое дурною погодой, называется *сјеч* (въ Призренѣ февраль—*сјеч*).

Въ мартѣ идетъ борьба между зимой и лѣтомъ, вслѣдствіе чего и происходятъ частыя перемѣны погоды: то вдругъ оттеплѣетъ и начнетъ рости трава (оттого кучи назыв. его *мамитравац);* то ударитъ мятель, и точно зимой, снова покроетъ землю снѣгомъ, что конечно вредно отзывается на стадахъ. Поэтому мартъ перекоряется съ козой: «Коза пријети марчу: одреѣу ти гору (обгложу лѣсъ за неимѣніемъ травы); марач пријети кози: одреѣу ти чапру (сдеру съ тебя кожу)». Говорится также: «Благовјест—приповјест» и при этомъ разсказывается, какъ погибъ отъ мятели цѣлый караванъ, отправлявшійся куда-то за товаромъ, на другой день Благовѣщенія *).

Тѣмъ не менѣе зима уступаетъ, и о падающемъ тогда снѣгѣ говорятъ: «јалови—се зима», т. е. приноситъ выкидыша, такъ какъ снѣгъ не остается; тогда какъ о падающемъ снѣгѣ при началѣ зимы говорятъ: «зима се тели». «На мученике» (9-го марта 40 мучен.) обыкновенно садятъ плодовыя деревья и кустарникъ. Съ половины марта на нѣкоторыхъ деревьяхъ, особенно на вербѣ, надувается уже почка, и потому это время назыв. *врбопук*, а падающіе тогда дожди называются *пупчане воде.* Тогда-же начинаютъ кричать лягушки. Этому времени приписывается самое сильное развитіе страсти въ женщинѣ.

Въ мартѣ же мѣсяцѣ легче всего получается солнечный ударъ; поэтому говорятъ: «Боље је, да те змија заколе, него да те марчано сунце огрије».

Мартъ первый весенній мѣсяцъ и назыв. *прољетњак.* Наконецъ весна вступаетъ въ свои права, и спрашиваютъ зиму: «ђе си зима зимовала?»; а она отвѣчаетъ: «зимовала сам у дјечије

---

*) Въ томъ-же смыслѣ есть и арнаутская поговорка: «Ноцјата (annunziata) мештргата, три дит пара, три дит мрапа»—Благовѣщенье дурная погода—три дня передъ нимъ, три дня послѣ.

руке и ноге», потому что дѣти больше всего любятъ бѣгать по снѣгу и играть въ снѣжки (*грудати се*).

О снѣгѣ загадываютъ такъ: «Полеће орловски, паде соколовски, постаје (или сједе) царски, погибе пасви». Или еще: «Паде соко без крила, на дубу без грана; устрјели га цар без стријеле, изједе га царица без зуба». Здѣсь дубъ безъ вѣтвей означаетъ голую землю; царь безъ стрѣлъ—солнце; беззубая царица—опять земля, которая впиваетъ въ себя воду отъ растаявшаго снѣга.

Названіе вербной недѣли—*цвѣты* само собою показываетъ значеніе, какое ей приписываетъ человѣкъ въ кругу временъ года. Пасха не имѣетъ того значенія перваго весенняго праздника, какъ у насъ, и, мѣняясь по времени на цѣлый мѣсяцъ, не можетъ служить какимъ-нибудь моментомъ среди измѣненій по временамъ года; но вотъ приближается Юрьевъ-день, давно желанный и ожидаемый, и только съ него человѣкъ отдыхаетъ отъ заботы и страха за свои стада: «Ђурукиу кос наврх сјенокос; љепши му глас, но свилен пас»; «Нема брата, док не роди једна мајка, ни права љета (или: прољећа) без Ђурђева данка». Съ этого же дня выходили изъ своихъ зимнихъ логовищъ *хайдуки*, чтобы цѣлое лѣто подъ прикрытіемъ густой листвы лѣсовъ, а гдѣ нужно, западая въ такую же густую траву, дѣлать нападенія на турокъ, непріятелей личныхъ и ихъ народа, пока опять природа не оголѣетъ, приблизительно до Митрова-дня; поэтому говорится: «Ђурђев-данак—хајдучки састанак; а Митров-данак хајдучки растанак». Какими обычаями сопровождается празднованіе этого дня, мы уже говорили, а здѣсь укажемъ только порядокъ, въ какомъ по народной поговоркѣ слѣдуютъ эти первые весенніе праздники и что они приносятъ съ собою человѣку: «Васкрсење и шарена јаја; на Ђурђев-дан и зелена трава; на Марков-дан— печени јаганци; на Спасов-дан (Вознесенье) и кисело мљеко». Къ этому послѣднему дню молока бываетъ столько, что его начинаютъ уже квасить и дѣлать сыръ.

На Троицу большею частью выступаютъ со скотомъ на планины, хотя бы сначала только на ближнія. Вообще съ Троицына

дня устанавливается лѣто и не бываетъ никакихъ особенно рѣзкихъ перемѣнъ, зависящихъ отъ времени года; поэтому и народный календарь не отмѣчаетъ никакихъ особенныхъ явленій. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ отмѣчается грозовой періодъ, какъ мы уже говорили выше.

Но есть одинъ періодъ, отмѣчаемый народомъ какъ самый жаркій, который назыв. *међудницe* или *замјеницe*; одни считаютъ его съ 1-го до 15-го авг., а другіе съ 15-го авг. до 1-го и даже до 8-го сент., и говорятъ: «пече, као у међудницу». Въ это время, кромѣ того, чаще, чѣмъ въ другое, перемежающіяся рѣки перемежаютъ свой токъ *(фата мукавица)*; молоко получаетъ наибольшую густоту и сласть (јардум, грушавина), зрѣетъ виноградъ и другіе южные плоды. Тогда же *сѣкутъ листъ*, т. е. рубятъ вѣтви деревьевъ на зиму для корма скота и тутъ часто подвергаются укушенію змѣй, которыя въ то время взбираются на деревья.

Отъ 1-го до 8-го сент. называютъ *михољско љето*, по *михољу-дневи* 6-го сент. (чудо архистратига Михаила въ Хонѣхъ).

Въ заключеніе о черногорскомъ календарѣ замѣтимъ, что народныхъ названій мѣсяцамъ у черногорцевъ, какъ и у другихъ сербовъ, не сохранилось, хотя есть указанія, что они когда-то были. Такъ Февраль иногда называется *вељача* и *сјеч*, при чемъ послѣднимъ именемъ, какъ мы уже видѣли, означаются послѣдніе его дни и первые дни марта, и чаще употребляется въ смыслѣ дурного времени. Обыкновенно же имена мѣсяцевъ пріурочиваютъ къ главнымъ праздникамъ: *божични* (декабрь), *богоявленски* (январь), *срѣтенски* (февраль), *марач* или *пролѣтняк* (мартъ), *дьюрдьевски* (апрѣль), *петровски* (іюнь), *илински* (іюль), *господински* (августъ), *крстоводански* или *малогосподински* (сентябрь), *покровски* (октябрь), *арандьеловски* (ноябрь). Названіе *листопад*, какъ мы уже замѣтили выше, означаетъ именно время опаденія листа съ деревьевъ, которое для различныхъ мѣстъ различно; а мартъ называютъ *прољетнякъ* и иногда—*мамитравац*.

Есть впрочемъ сказка о 12-ти мѣсяцахъ, какъ о 12-ти братьяхъ, въ которой однако видно книжное вліяніе.

3. Наблюденія земли съ ея произведеніями.

a) ОБЩЕЕ ПОНЯТІЕ О ФОРМѢ ЗЕМЛИ И НЕОРГАНИЧЕСКІЙ МІРЪ.

Округлость земли отчасти уже входитъ въ понятіе черногорца, какъ черезъ школу, такъ и черезъ общеніе съ сосѣдями моряками; но по простому народному представленію она плоская, и при томъ конца ей нѣтъ; другіе же говорятъ, что можно дойти до конца; и одинъ дошелъ до того конца: сѣлъ тамъ, спустивши ноги «у ништа» и плевалъ «у ништа». Конецъ тотъ предполагаютъ гдѣ-то на сѣверѣ за ледовитымъ моремъ, куда чтобъ достигнуть, нужно ѣхать непремѣнно черезъ Россію. (Послѣднее я слышалъ въ Сербіи).

Отъ общаго вида земли обратимся къ такъ называемымъ четыремъ элементамъ или стихіямъ, т. е. воздуху, огню, водѣ и землѣ.

Воздухъ есть жилище и поприще различныхъ духовъ, какъ мы видѣли уже, говоря о вѣтрахъ. На человѣка же онъ оказываетъ громадное вліяніе; поэтому черногорецъ въ вопросѣ о здоровьи или нездоровьи весьма много приписываетъ его вліянію. «Убила мене арија» (воздухъ), говоритъ онъ, или: «ова арија мени прија» или «не прија», т. е. благопріятствуетъ или не благопріятствуетъ; «лепа арија». Здѣсь подъ именемъ *аріи* разумѣется собственно климатъ, хотя черногорцу извѣстно и это послѣднее слово. Житель горъ весьма неохотно рѣшается поселиться въ низменности, воздухъ которой считаетъ для себя нездоровымъ, что̀ конечно и справедливо, такъ какъ и туземные жители также постоянно подвергаются эпидемическимъ болѣзнямъ.

Огню приписывается очищающее и сверхъ того какое-то особое таинственное значеніе. Мы уже упоминали, что, видя падающую звѣзду, которая означаетъ побѣгъ кого-нибудь изъ плѣна, не слѣдуетъ говорить о томъ при огнѣ. Точно также, если, найдя гдѣ-нибудь птичье гнѣздо съ яйцами, вы скажете объ этомъ кому-нибудь у огня и потомъ пойдете посмотрѣть на это

гнѣздо, въ немъ вмѣсто яицъ окажется змѣя. На *божичъ*, взявшись одною рукою за *вериги* (цѣпь, на которой навѣшиваютъ котелокъ), нужно перескочить черезъ огонь три раза, приговаривая: «између два огња прођох, трећега се не боим»; тогда не будетъ лихорадки до конца года; а если была, то отстанетъ. Вообще же переступать черезъ огонь не слѣдуетъ; все равно какъ нельзя плевать на огонь, не говоря уже о свѣчѣ, горящей въ домѣ во время «славы»: отъ свѣчи этой нельзя зажигать ни для какой потребы, и нельзя по-настоящему задувать её, а затушить кусочкомъ освященнаго хлѣба, да еще обмакнутаго въ вино, и потомъ съѣсть его. И это называется—*утјешити свијећу*. Огонь, добытый изъ кремня, считается чище огня отъ спички; поэтому нѣкоторые считаютъ необходимымъ держать въ домѣ кремень и огниво именно для того, чтобы отъ времени до времени обновлять огонь этою чистою искрой *). Огонь въ домѣ не долженъ прекращаться ни на одну минуту: всегда должна быть головешка или угли горячіе, которые нарочно для того «запретају» (засыпаютъ пепломъ), чтобъ отъ нихъ каждый день разводить новый огонь. Выраженія «утулила се свијећа» или «ватра у кућу» равносильны вымиранію семьи или прекращенію въ ней мужского поколѣнія. Огнище въ домѣ составляетъ центръ, вокругъ котораго сосредоточивается жизнь и передъ которымъ рѣшаются всѣ жизненные вопросы; вокругъ него самое лучшее препровожденіе времени; домъ безъ огнища, хотя бы и была печь, смотритъ для черногорца чѣмъ-то безжизненнымъ, не домомъ.

Къ водѣ также относятся съ уваженіемъ; нѣкоторые приписываютъ открытіе ея какому-нибудь святому; такъ есть Савина вода и Савино озеро на Дурмиторѣ, приписываемыя св. Саввѣ; надъ Добрскимъ селомъ (близь Цетинья) Кралична-вода, которую извела изъ камня св. Кралица (Елена); но за то въ иныхъ живутъ и кроются злые духи: такъ въ Бокумирскомъ озерѣ сидитъ какое-то

---

*) Объ огнѣ, добытомъ посредствомъ тренія, мы уже говорили (Т. II, ч. I, стр. 478—479).

существо *караконджула* и топитъ всякаго, кто осмѣлится плавать по нему; въ Рикавцѣ купаются огненные змѣи. Говорятъ также, что изъ него вылѣзаетъ быкъ и *риче* или *рика*, откуда производятъ и названіе озера. По одному сказанію, моремъ обладаетъ дьяволъ; есть особенныя существа, *здухачи*, которые живутъ на землѣ или на водахъ и потому называются земными или водяными, и они вѣчно враждуютъ другъ съ другомъ. *Дуклянъ* (дьяволъ) прикованъ на желѣзной цѣпи тоже въ водѣ, именно въ р. Морачѣ у Везирева моста.

Отношеніе между огнемъ и водой можно видѣть изъ сказанія о кончинѣ міра (мы его цѣликомъ приводимъ ниже), по которому земля загорится, чтобы очиститься отъ всего грѣшнаго, и вода въ видѣ дождя не въ состояніи будетъ ее потушить.

Земля сама по себѣ, слишкомъ доступная для самаго точнаго обслѣдованія глазомъ и осязаніемъ, не предетвляетъ ничего загадочнаго и потому является предметомъ чисто практическихъ наблюденій. Есть впрочемъ и таинственныя мѣста—пещеры, въ которыхъ живутъ вилы, и ровныя площадки на вершинахъ горъ называются вилиными *гумнами*, гдѣ вилы молотятъ хлѣбъ; есть просто круговинки, черезъ которыя опасно переходить, потому что, если попадешь на коло вилъ, то онѣ за нарушеніе ихъ порядка отомстятъ; есть наконецъ плоскіе камни въ родѣ столовъ, носящіе названія святыхъ трапезъ, на которыхъ обѣдали или святая кралица, или сама Богородица, и на эти трапезы нельзя садиться. Впрочемъ страхъ передъ этими мѣстами теперь чувствуютъ далеко не всѣ. Близь Данилова-града на правомъ берегу Зеты находятся развалины какой-то древней довольно обширной постройки, откуда никто не смѣлъ взять камня. Кто пробовалъ брать, у того или телѣга ломалась, или быки издыхали. А потомъ священнику пришла мысль взять оттуда камни для церковной постройки; народъ однако не рѣшался на это, пока не былъ отслуженъ молебенъ, а потомъ стали возить благополучно и на частныя потребы. Такое-же мѣсто представляетъ и Комъ-рѣцкій, холмъ на островѣ Одринской-горы близь

Жабляка. Тутъ былъ когда-то монастырь, а теперь маленькая-премаленькая церковка во имя Успенія Богородицы, внутри которой находится могила Стефана Черноевича и его жены Мары. Тутъ никто не смѣлъ взять ни прутика, ни пучка травы; а если кто возьметъ, то не выйдетъ оттуда, хотя весь холмикъ въ окружности не болѣе двухъ верстъ. Одинъ такимъ образомъ плуталъ, плуталъ; да потомъ развязалъ поясъ, а оттуда вывалилось зерно гранатнаго яблока: оно-то его и путало; а какъ выпало, то онъ и отправился свободно. Подобнаго рода случаевъ разсказываютъ множество. А въ послѣднюю войну русскому полковнику Филипенку, занимавшемуся на Рѣкѣ Черноевича отливкою бомбъ, понадобился лѣсъ, какого не было на другихъ островахъ, кромѣ Кома; стали брать, и не случилось ничего.

Такимъ образомъ на земной поверхности таинственность постепенно уступаетъ точному обслѣдованію мѣстности, и всѣ преданія о чудесахъ многихъ мѣстъ теряютъ смыслъ и значеніе для современности. Тѣмъ не менѣе вы и теперь услышите, что Комъ «сјеновито мјесто», т. е. оно имѣетъ свой *сјен* или духа, который его охраняетъ и можетъ дѣлать разныя чудеса, и наказываетъ преступающихъ уставъ или обычай того мѣста.

Землѣ конечно приписывается вліяніе на здоровье, какъ воздуху и водѣ. Такъ иногда человѣкъ чувствуетъ какую-то слабость и лѣность; если ляжетъ, то съ трудомъ можетъ подняться; это состояніе приписывается также землѣ, и говорится: «земља ме притеже».

Что касается поверхности Черногоріи, то здѣсь проявляется вполнѣ наблюдательность черногорца въ созданіи цѣлой топографической номенклатуры. Для обозначенія цѣлаго хребта, кряжа или цѣпи горъ у черногорца нѣтъ точнаго, опредѣленнаго выраженія; только и есть *планина* и *брдо*, которыя имѣютъ въ разныхъ случаяхъ различныя значенія; но за то для обозначенія отдѣльныхъ горъ и вершинъ—множество. Вотъ эти названія: врх, ком, бріег, хум, хобер, горица, вис, сук, главица, крш и др.; части горы и разная форма: шлеме, гребен, греда, стіена, обруч,

хрид, страна, ивица, скала, клик, литица, склад, прло, точило, сопот, загон и т. д. Въ массѣ названій есть конечно и синонимы; но большею частью во всякомъ названіи заключается какая-нибудь особенность мѣстности.

Обращаясь къ составнымъ частямъ земной коры, доступной народному наблюденію, черногорецъ прежде всего останавливаетъ свое вниманіе на различныхъ породахъ камня (*крш*, *кам*). При однообразіи геологическаго состава Черногоріи, онъ только и умѣетъ опредѣлить главные виды известняка (*клак*, у васоев. *вар*), въ которомъ различаетъ: *бјели крш*, служащій для лучшихъ построекъ, для косяковъ дверныхъ и оконныхъ, для надгробныхъ плитъ и памятниковъ, приближающійся иногда къ мрамору (особенно *маљатскій* въ Бѣлопавличахъ), и *црни-крш*, изъ котораго выжигаютъ только известь. Отличаетъ онъ также слоевое сложеніе породы (*слојеви*, *дамари*, фена или вена), и сообразно съ тѣмъ залегающіе тонкими слоями шиферы известковые или глинистые называетъ: *шкриља* или *шкриљавац* (срв. чеш. skřidlice), *листник*, *плоча*, *плока*. Очень твердый камень назыв. *љутац*, откуда названія мѣстностей: Люта, Залютье, Лютеза и др. Мягкій камень, который легко тешется, въ родѣ литографскаго, *милут или мулињак* (въ Стар. Серб. *мéла*); всякій камень, дающій искру, называется *кремен*, а кристаллическаго сложенія, по преимуществу известковый шпатъ, *зәрста или чәрста*, и тѣмъ же именемъ называютъ кварцъ, попадающійся весьма рѣдко. Туфъ назыв. *сига*, *сидра* и *туфла;* мѣсто, гдѣ онъ берется, назыв. *тушина*, и оттуда названіе мѣстности Тушина (рѣка и село), гдѣ особенно много туфа и откуда возили его для постройки Морачскаго монастыря. (Близь Мостара есть камень *милевина*, который служитъ для построекъ и сначала мягкій, а послѣ твердѣетъ; не туфъ-ли?).

Камни съ примѣсью металловъ и часто попадающіеся пириты назыв. *руда*; а содержащій лучшее желѣзо, гематитъ — *убојни камен*, который, какъ мы уже говорили, употребляется, какъ средство внутреннее для возстановленія крови послѣ ея по-

тери и для срощенія сломленныхъ костей. Камень булыжникъ называется *бубуљ*, *ваљутак*, а измельченный и обтертый водой щебень и галька — *шљунак*, *грез*, *пиљак* или *пиљан*, *пржина* и *песак* или *кум*. О пескѣ, произшедшемъ изъ размельченнаго кварца, здѣсь не имѣютъ понятія, потому что такового въ Черногоріи и не имѣется; а также измельченную массу известняка или другой породы называютъ *мулина*.

Въ Подгорицѣ конгломератъ изъ гальки, изъ котораго состоятъ берега Морачи и Рыбницы и все Цемовское поле, называютъ *ђер и джера* (тур. назв.).

Имѣютъ понятіе о каменномъ углѣ (камени углен, ћумур, гарбун) и отыскиваютъ его; знаютъ также и окаменѣлыя кости, раковины, улитки и т. п.; но такія же окаменѣлости белемнита, называемаго у насъ чертовымъ камнемъ, считаютъ громовою стрѣлой, а маленькіе кружки, собственно звѣнья какого-то суставчатаго животнаго, называютъ *парице свете кралице*, соединяя съ тѣмъ особенное преданіе (объ этомъ далѣе, въ гл. XVIII).

Названія металловъ большею частью тѣ-же, что и у насъ; только оловомъ называютъ свинецъ, а олово въ нашемъ смыслѣ называется *коситер* и *калај*. Изъ камней, служащихъ для украшенія, знаютъ немногіе: *диаманат*, *јакик* (сердоликъ), *јашмак* (яшма), *алем-кам* (неопредѣленно, какой-то драгоцѣнный камень, должно быть, рубинъ); кораллъ — *мерджан*, жемчугъ — *бисер*, янтарь *ћелибар*.

О различныхъ родахъ земли мы уже говорили въ отдѣлѣ земледѣлія.

б) **Растительный міръ.**

Разнообразіе, встрѣчающееся въ этой области, представляетъ богатый матеріалъ для наблюденій съ разныхъ сторонъ. Прежде всего конечно наблюдается польза или вредъ, пригодность растенія на потребу человѣка и его стадъ, затѣмъ наружный видъ,

красота или уродливость и вообще особенности формы, особенный пріятный или непріятный запахъ растенія.

Въ этомъ отношеніи растеніе является символомъ разнаго рода отношеній, пріятныхъ или непріятныхъ, даетъ содержаніе поэзіи и фантастическимъ представленіямъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ растеніяхъ и ихъ названіяхъ, чтобы видѣть, куда и какъ направляется наблюдательность черногорца въ этой области.

Желая показать, что растеніе обладаетъ какими-то особенными сильными внутренними свойствами, черногорецъ придаетъ ему эпитетъ *велье* (великое): *велье виље* (atropa belladona), *велье зелье* (mandragora officinalis), *вельа трава* (неопредѣлено).

Сокъ нѣкоторыхъ травъ ядовитъ для рыбы, поэтому ихъ употребляли прежде для отравленія рыбы (теперь это строго запрещено); таковы: *млѣч* (verbascum), *кршняк* (sedum), *балам* (неопредѣлено). Есть трава *сомина* (у Шулека juniperus sabina), которую даютъ овцамъ, чтобы произвести выкидышъ, если онѣ побились слишкомъ рано; а *тетивицу* даютъ для возбужденія страсти.

Есть у черногорцевъ знатоки травъ, которые собираютъ ихъ и знаютъ ихъ употребленіе; но такихъ людей конечно немного, и не любятъ они никому передавать свои знанія; вообще же знаніе травъ больше распространено въ Кучахъ, Васоевичахъ, Пивѣ, Дробнякахъ, вообще, гдѣ богаче растительность; тоже и въ Цермницѣ; слабѣе въ Катунской нахіи. Преимущественно же знаніе это можно найти у людей, которые долго были чобанами. Есть у нихъ цѣлый разрядъ людей, занимающихся лѣченіемъ, для чего также употребляли прежде преимущественно мѣстныя травы и другія домашнія средства; теперь же и они стали прибѣгать больше къ аптекарскимъ средствамъ или занимаются исключительно хирургическими болѣзнями. Во всякомъ случаѣ здѣсь довольно распространено въ народѣ знаніе лѣкарственныхъ травъ, такъ: *хайдучка трава* (millefolium), *боквица* или *иванъ-лист* (plantago lanceolata) противъ порѣзныхъ ранъ; *метвица* (menta, дикая)

для предупрежденія гангрены; *шлез* (althaea officinalis) противъ кашля, *пелим* (salvia officinalis) противъ общей простуды; капля соку *млѣчара* (euphorbia) на кусочкѣ хлѣба, принятая внутрь, служитъ самымъ сильнымъ слабительнымъ; горькій отваръ *кичицы* (erythraea centaureum) пьютъ отъ лихорадки, *линцура* (gentiana) тоже противъ лихорадки и противъ общаго разслабленія организма, въ видѣ ежедневнаго питья рюмочками въ водяномъ настоѣ или въ водкѣ; *жабурину* или *ружицу* (bellis perennis) пьютъ родильницы; *ярич* (sedum acre) противъ желтухи; подкуриванье *буники* (hyosciamus niger) употребляется противъ глазной и зубной болѣзней, причемъ изъ-подъ вѣка или изъ дупла зуба вываливаются какіе-то червячки, и т. д.

Многія растенія употребляются въ пищу, какъ приправа или отдѣльно: *жутяница* (cichorium endivia), *штир* (amaranthus blitum), *лобода* (chenopodium bonus Henricus) тушт (portulacca) *киселица* (rumex), нѣсколько видовъ дикаго лука и между прочимъ *сріемоша* (allium ursinum), *куке*, собственно только показавшіеся изъ земли побѣги *шкромутовины* (clematis) и др. Впрочемъ эти травы умѣютъ приготовлять только горожане; а поселяне употребляютъ ихъ кое-какъ сваренныя отъ нужды, когда не достаетъ въ огородахъ капусты, свеклы и луку, а вообще къ питающимся этимъ относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Такъ въ одной пѣснѣ черногорцы говорятъ о гусинскихъ туркахъ:

Још се хвале, да се добро хране̑,
У прољеће сријемужом травом.

Въ голодные годы, сверхъ упомянутыхъ выше растеній, ѣдятъ корень растенія *козалац* (arum maculatum), *гомулице* (не знаю научн. назв.), *сѣрак* (sorgo), плоды можжевельника и черной малины, которыхъ въ обыкновенное время не ѣдятъ, и др. Иныя растенія употребляютъ для домашней промышленности, напр. для крашенія шерсти и другихъ тканей: *руй* (rhus cotynus), *бротъ* (rubia tinctorium), *српуля* (serratula tinctoria), *жутокора* (ber-

beris), листья разныхъ деревьевъ и т. д. *Матичнякъ* или *челина любица* (melissa offic.) служитъ для приманки пчелъ; изъ *жуквы* (spartium junceum) прядутъ нитки и послѣ дѣлаютъ грубую ткань, и др. Нѣкоторымъ растеніямъ приписывается особенное таинственное дѣйствіе: *одолен-траву* (valeriana officinalis) носятъ дѣвушки, чтобы не поддаться соблазнамъ парня; *вратич* (tanecetum vulgare по Шулеку; но на дѣлѣ другое) составляетъ приворотный корень; чеснокъ предохраняетъ отъ вѣштицъ; *расковник* — разрывъ-трава; дреновый или терновый колъ забиваютъ въ трупъ *тенца*, чтобъ онъ не выходилъ изъ гроба; а качанье, устроенное на дреновомъ деревѣ, избавляетъ отъ падучей болѣзни. Яблоко является символомъ плодовитости и потому его дарятъ молодымъ.

Народная пѣсня придаетъ иногда растеніямъ извѣстное значеніе по созвучію одного имени. Такъ мать даритъ своей дочери, выходящей замужъ:

Каранфила (гвоздика)—да се не карате,
Милодуха (ligusticum levisticum)—да се милуjете,
Љубичице (фіалка) — да те често љуби,
Да те љуби, кад гођ се пробуди.

Ружа (роза)—эмблема невинной дѣвушки; а о дѣвушкѣ, потерявшей свое дѣвичество, пѣсня выражается такъ:

Почупан струк босиљка (душистые васильки)
И ђевоjка обљубљена.

Душистые васильки (basilika, ocimum odoratum) играютъ постоянную роль въ любовныхъ отношеніяхъ. Между прочимъ въ одной пѣснѣ разсказывается, какъ Станко, пригнавши стадо во дворъ къ своей Станѣ, хотѣлъ ее разбудить игрою на свирѣли; но она заснула еще крѣпче; лаяли собаки, блеяли овцы, ничто не помогаетъ; тогда Станко догадался:

Ускочио у нову градину,
Утргао стручак босиока;

Ударио Стану по образу,
Стаде Стана, ка да није спала.

На могилахъ парня и дѣвушки, любившихъ другъ друга, но разлученныхъ при жизни и только погребенныхъ рядомъ, выростаютъ два растенія, которыя сплетаются, какъ два любовника:

Из момка је зелен бор никао,
Из ђевојке винова лозица
И фата се бору за огранке,
Ка ђевојка момку око врата.

Или:

Из Омера зелен бор никао,
Из Мериме зелена борика;
Борика се око бора вила,
Како свила око ките цмиља,
Чемерика око обадвога.

Къ цвѣтку *јаблана* (trollius europaeus?) дѣвушка обращается съ жалобой на свою судьбу:

Цмиљ ђевојка по планини брала,
Цмиљ је брала, јаблан прескакала,
Па јаблану тио говорила:
«Ој, јаблане, ој јаблане! и тебе бих брала,
Али не мам драга, коме бих те дала,
Но ме мајка за недрагом дала;
За недрагом, ђе је доста блага.
Није благо ни сребро, ни злато;
Но је благо, што срдцу је драго».

Многимъ растеніямъ черногорецъ даетъ эпитеты *дивли* или *питоми:* первое означаетъ дико растущее, а также грубое, низшаго сорта растеніе, второе — обратно. Такъ *дивли бор* или черный—pinus halepensis, а *питоми* или бѣлый—сосна; и табакъ

высшій сортъ *питоми*, низшій *дивли*, хоть въ дикомъ состояніи его тамъ нигдѣ не бываетъ. Хмѣль утратилъ свое названіе, хотя онъ встрѣчается по Черногоріи всюду, отъ приморскихъ мѣстъ до сѣверныхъ предѣловъ въ Пивѣ, и его называютъ *дивли бротъ*, т. е. дикая марена; иногда впрочемъ смѣшиваютъ его и съ другими вьющимися растеніями. Иногда различная форма одного и того же слова вводитъ въ заблужденіе относительно самаго растенія; такъ *кун* и *клен* считаютъ различными деревьями, а на дѣлѣ это одно и то же, только что въ первомъ словѣ *у* вм. *лъ*, подобно тому какъ *пун* вышло изъ *плън*. И васъ непремѣнно будутъ увѣрять въ различіи: но я убѣдился въ тожествѣ, видѣвъ лично то и другое.

Подъ именемъ *ружи* разумѣютъ не только одинъ цвѣтокъ розу, но и цвѣтокъ вообще, и этимъ могутъ поставить васъ въ большое затрудненіе: вы черногорцу показываете то тотъ, то другой цвѣтокъ, и онъ вамъ отвѣчаетъ о всякомъ, если не знаетъ его спеціальнаго названія, что это ружа. У васъ составится понятіе, что онъ не въ состояніи дѣлать различія между цвѣтами; тогда какъ у него ружа имѣетъ двойное значеніе: частное и общее, служащее для обозначенія цвѣтка, которому спеціальнаго названія не знаетъ. Такъ маргаритку (bellis perennis) одни называютъ *яня*, *янига*, *жабурина*, *орница*; другіе *ружица*; полевой нарциссъ имѣетъ свое спеціальное названіе *доколън*, а многіе зовутъ его *горска ружа; дуб*, кромѣ своего спеціальнаго значенія, употребляется еще въ смыслѣ вообще дерева.

Относительно картофеля въ послѣднее время стали различать ранній и поздній, бѣлый и розовый, американскій и т. п., но до сихъ поръ еще многіе лучшій сортъ называютъ русскимъ или *русіянка*, а плохой или мелкій *шманяк* или *циганка*.

Шалфей называютъ *пелин*, вслѣдствіе сѣраго цвѣта его листьевъ, какъ у полыни; въ Сербіи же и Босніи его называютъ *кадуля* (кажется, турецкое названіе).

Употребленія грибовъ вовсе не знаютъ.

Остановимся немного на самыхъ названіяхъ растеній: чѣмъ,

какими признаками руководится черногорецъ, присвоивая растенію то или другое имя. Прежде всего конечно обращаетъ на себя вниманіе наружный видъ листьевъ или цвѣтка; такъ: *шаролист*—plantago съ пестрымъ листомъ отъ *шаре*—пятна; въ родѣ того же растенія *рутаваи,* у котораго листъ покрытъ волосками, а *рутав* значитъ — мохнатый; *зеленика* — вѣчно зеленый дубъ; трава *класача,* bromus mollis, названа по колоскамъ, которые она выметываетъ, и т. п.; или по мѣсту, гдѣ растутъ: *поточарка*—myosotis, близь потока; *жабокрек* — въ мѣстахъ, гдѣ квакаютъ жабы, *лужаня* — растущее на лугу; *бараи* растетъ по болотамъ и т. д.; также по другимъ свойствамъ: *жутокора* (berberis) по желтой древесинѣ; *цѣдилька,* изъ которой дѣлаютъ ситко для процѣживанія молока, когда подоятъ; *гроздобо̀я,* служащая для подкрашиванія вина; *жара* — крапива и др.

Другія названія, хотя и произошли изъ наблюденія наружнаго вида, но уже подъ вліяніемъ болѣе фантастическаго представленія такъ: *висибаба* или *висигаче* (galanthus nivalis) названъ по свѣсившейся чашечкѣ цвѣтка; *доколѣн* — потому что на длинномъ голомъ стеблѣ цвѣтокъ этотъ смотритъ голенастымъ и вышиною почти въ колѣно человѣку; *куке,* о которыхъ мы уже говорили, напоминаютъ то орудіе, которымъ копаютъ землю (кука и мотика); въ названіяхъ *чуваркутя* и *зебрице* (umbilicus pendulinus, Панчичъ), первое дано, потому что всегда лѣпится по стѣнамъ домовъ и на воротахъ; второе напоминаетъ той же формы жабры у рыбы; *тиква-дивля* (bryonia alba) потому, вѣроятно, что на ея кругломъ мелкомъ плодѣ, также какъ на тыквѣ, сидитъ цвѣтокъ чашечкой и ея шероховатый стебель съ разрѣзными листьями тянется по плетнямъ, цѣпляясь своими усиками; *синджираи* (taraxacum) служитъ забавой для дѣтей, которые, разрывая стебель его на кусочки, такъ, однако, чтобы съ одной стороны кожица оставалась, дѣлаютъ цѣпочки и надѣваютъ себѣ на шею; гранатъ (punica granatum), какъ и шиповникъ, называется *шипак,* по сходству плода съ твердою кожицею снаружи, а внутри полнаго мягкихъ

зернышекъ; *краставац* (огурецъ) по прыщамъ (*красте*) на нѣкоторыхъ сортахъ его, и т. д. Такъ народъ вообще перекрещиваетъ чужія, неизвѣстныя ему растенія, давая имъ имена извѣстныхъ уже ему, собственныхъ, напр. *пелин*, *ракита* (vitex Agnus castus), морская *репа* (земляная груша), *лопух* (крупнолистная жолтая вербаска) и т. п. Инымъ придаютъ какой-нибудь эпитетъ для отличія отъ общеизвѣстнаго, напр. *пасій трн* (крушина), *зечіе грождье* (ежевика), *зечій купус*, *зечья кртола* (cyclamen), *кумрино грождье* и т. п. Съ иными соединяется понятіе объ особыхъ отношеніяхъ пріятныхъ или непріятныхъ, объ особомъ дѣйствіи, или цѣлое фантастическое представленіе, напр. *любица*, *милодух*, *милиглед* (anemone hepatica), *одолен*, *крволоча*, *вилина коса* (кажется, cuscuta Epithymum, Панч.), *майчина душица* (богородская трава), *оман* (отъ омамити — очаровать) и др.

Иное растеніе имѣетъ два названія и болѣе, оттого что смотрятъ на нихъ съ различныхъ сторонъ: такъ вербаска имѣетъ свое спеціальное названіе *дивизма*, но одни за крупный листъ называютъ ее *лопух*, другіе *млѣчь*, потому что если ее мять въ водѣ, какъ то дѣлали для отравленія рыбы, то сокъ ея, мѣшаясь съ водой, даетъ этой послѣдней цвѣтъ молока; такимъ образомъ она смѣшивается съ лопухомъ и молочаемъ; ольху тоже одни называютъ общимъ у всѣхъ славянъ именемъ *іоха, іова* или *іоша*, а въ Кучахъ ее называютъ *орашковина*, потому что у нея цвѣтъ висюльками, какъ у орѣшника; чилимъ (озерный рогатый орѣхъ, trapa natans) одни называютъ *касароня*, другіе *рашац*. Первое впрочемъ — чужое имя; все равно какъ и кукуруза, чужое растеніе, имѣетъ въ Черногоріи нѣсколько названій: *кукуруза*, *фурметин* (итальян. formentone) и *коломботъ* (въ Васоевичахъ и Кучахъ, одинаково съ арнаутами), а въ Дубровникѣ есть еще четвертое имя — *голокуд*. Вслѣдствіе того является смѣшеніе, и потому легко спутаться, принявъ разныя имена за различныя растенія.

Вообще народный языкъ не стѣсняется въ переносѣ понятій

эъ одного предмета на другой, а черногорцы съ ихъ чрезвычайно живой фантазіей дѣлаютъ это чрезвычайно смѣло. О дитяти, вмѣсто того, чтобъ сказать «маленькое», говорятъ глупое—*лудо*; на томъ же основаніи говорятъ и о молодой пшеницѣ или ржи, если ихъ колосья еще пустые, не налились: *још луда*; а также и о различныхъ плодахъ, если они не созрѣли. Встрѣчается также и обратное: перенесеніе качества неодушевленнаго предмета на человѣка. Въ пѣснѣ о постройкѣ Скадрскаго града обреченная на *зазиданье*, т. е. замурованіе въ стѣну града, жена Гойка, такъ молитъ своихъ деверьевъ:

Не дајте ме, ако Бога знате,
Узидати младу и *зелену?*

Подобнымъ же образомъ, путемъ метафоры произошло смѣшеніе сѣраго цвѣта съ зеленымъ, вслѣдствіе чего говорится конь *зеленъ, какъ трава.*

Это объясняется характеромъ черногорца, любящаго чрезвычайно сильныя выраженія: онъ самъ увлекается фразой до такой степени, что не замѣчаетъ ея несообразности. Такъ одинъ разсказываетъ про ножъ, который присланъ изъ Москвы отличившемуся въ послѣднюю войну, кучу Милошу Новакову, будто въ немъ есть одинъ такой камень, что съ нимъ можно и ночью видѣть, и потому ему позволено надѣвать тотъ ножъ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, не больше какъ три раза въ годъ. Милоша этого всякій видитъ или на Цетиньѣ, или въ Подгорицѣ, точно также и ножъ, который онъ, если не носитъ при себѣ постоянно, то показываетъ охотно; слѣдовательно обманывать никого тутъ невозможно, и это вполнѣ понимаетъ разскащикъ, и не думаетъ онъ обманывать; но посредствомъ такой гиперболы хочетъ только сильнѣе убѣдить васъ, нагляднѣе представить вамъ высокое качество того камня. Это языкъ старой сербской пѣсни, въ которой отъ лица красавицы сіяетъ весь домъ или весь лѣсъ; а одна красавица своимъ чернымъ окомъ зажгла гор. Травникъ. Черногорецъ до сихъ поръ еще частицею

своего существа принадлежитъ тому періоду поэтическаго творчества, когда пылъ фантазіи не сдерживается никакими формулами логики, ни требованіями сухого реализма. Онъ до сихъ поръ еще не отрѣшился отъ языка гиперболъ, которыхъ не сочиняетъ, а онѣ живутъ, такъ сказать, въ немъ и составляютъ наивное, вполнѣ естественное воплощеніе его мысли и чувства.

в) Міръ животный.

Если, какъ мы видѣли, черногорецъ относится иногда къ растеніямъ, какъ къ чему-то, имѣющему, подобно ему самому, смыслъ и душу, и потому дѣлаетъ ихъ участниками своей высшей, духовной, семейной и общественной жизни; то съ міромъ животнымъ онъ совершенно отожествляетъ себя.

Такъ про медвѣдя говорится, что онъ когда-то былъ человѣкъ, но потомъ обращенъ Богомъ въ простого звѣря въ наказаніе за то, что однажды мѣсилъ хлѣбъ ногами. Поэтому онъ и можетъ ходить, какъ человѣкъ, и дѣйствовать передними лапами, какъ руками, и можетъ даже вступать въ половую связь съ женщиной, о чемъ имѣются разсказы, какъ и у нашего народа. Такъ медвѣдь, захвативъ дѣвушку, прежде всего вылизалъ ей подошвы, чтобы она не могла ходить, а потомъ кормилъ ее медомъ и всѣмъ, что только могъ найти; ухаживалъ за нею, и наконецъ родился у нихъ ребенокъ, который былъ совершенный человѣкъ; былъ при томъ громаднаго роста, обладалъ нечеловѣческой силой, только не могъ говорить и часто становился на четвереньки. Цѣлая сказка объ этомъ помѣщена у Вука Караджича подъ именемъ «Медведович».

О волкѣ говорятъ, что онъ созданіе дьявола, и объ этомъ существуетъ особая легенда, которую и приводимъ здѣсь, такъ какъ она весьма характерна и займетъ мѣста не болѣе короткой передачи ея содержанія.

Святой Савва, чортъ и волкъ.

Св. Савва и чортъ (враг) вмѣстѣ пасли свои стада: у Саввы были черныя овцы, а давали бѣлое молоко; у чорта бѣлыя козы давали молоко черное.

— Что это такое? говоритъ чортъ. — Давай помѣняемся.

— Это все равно,—отвѣчаетъ Савва:—я сдѣлаю, что и твои козы будутъ давать бѣлое молоко. Давай ударимся объ закладъ: если это будетъ такъ, то мои и овцы, и козы; если нѣтъ, то оба стада твои.

— Хорошо, — говоритъ чортъ и взялъ назадъ своихъ козъ.

Пригнали стада домой и стали доить. Подоилъ чортъ своихъ козъ — молоко черное; а Савва взялъ свою палку, перекрестилъ ею молоко трижды со словами: «Во имя Отца и Сына, и св. Духа»; оно и стало бѣлое.

Досадно стало дьяволу и обидно.

«Ну постой,— говоритъ онъ про себя,—я сдѣлаю волка, который поѣстъ Саввиныхъ овецъ».

Взялъ онъ глины и сталъ лѣпить волка. Лѣпитъ-лѣпитъ, валяетъ туда и сюда и приговариваетъ: «Диж се, вуче, изjиj Савине овце!»

Вотъ и готовъ уже волкъ, разѣваетъ свою пасть, потягивается, а встать не можетъ.

— Дай, я его подниму? — говоритъ Савва.

— Ну, подними! — отвѣчаетъ чортъ.

И ударилъ его Савва своей палкой, приговаривая: «Диж се, вуче, изjиj врага!» — и такъ три раза.

Волкъ вскочилъ и съѣлъ чорта; а самъ тотчасъ же убѣжалъ въ лѣсъ.

Однажды Савва вздумалъ пересчитать своихъ овецъ вечеромъ; анъ — одной нѣтъ. На другой день еще одной не досчитался; на третій, на четвертый день — четырехъ уже нѣтъ.

— Э! — думаетъ онъ, — это волкъ.

Пошелъ онъ въ лѣсъ, нашелъ волка и говоритъ: «Дай я тебя окрещу!»

— Крести, — отвѣчаетъ волкъ.

И сталъ его св. Савва крестить. Креститъ и читаетъ разныя молитвы, да долго. А овцы идутъ мимо и скрываются за лѣсомъ.

Видитъ то волкъ и говоритъ:

— Ну, Савва, поскорѣй крести: видишь, сколько овецъ ушло за лѣсъ; я долженъ съѣсть ихъ нѣсколько.

Тогда Савва бросилъ его и сказалъ: «Что отъ дьявола, то вѣчно останется дьявольскимъ.»

Только онъ это сказалъ, а волкъ — скокъ въ лѣсъ. Савва успѣлъ только въ догонку ударить его своей палкой по задней части.

Отъ того у него въ задней части нѣтъ большой силы: только овцу можетъ понесть; а еслибъ была, какъ передняя, онъ могъ бы понесть и быка.

Отнято у него за это и обоняніе, иначе онъ прямо приходилъ бы въ торъ, гдѣ овцы; а теперь онъ нападаетъ на то только, что̀ увидитъ глазомъ.

Отсюда и пословица: «Волка крести, а онъ — въ лѣсъ».

Есть повѣрье, что если пастухъ увидитъ его раньше, то у волка окаменѣютъ челюсти, и онъ ничего не въ состояніи сдѣлать овцамъ; въ противномъ же случаѣ цѣлому стаду нѣтъ спасенія.

Разсказовъ о подвигахъ волковъ, и конечно на погибель человѣка и его стадъ, множество въ Черногоріи; при томъ черногорецъ изучилъ его характеръ до мельчайшихъ подробностей и сообразно съ тѣмъ различаетъ между волками три главные типа: *гаров*, *чучало* и *пожмиреп*. Первый — настоящій юнакъ: врывается въ кошару или въ пригонъ и, не обращая вниманія на лай собакъ и поднявшуюся тревогу, дѣлаетъ свое дѣло, выбираетъ себѣ любую овцу и уноситъ ее подъ преслѣдованіемъ со-

бакъ и людей; второй идетъ съ нѣкоторымъ страхомъ, смотритъ подолгу издали и только визжитъ отъ нетерпѣнія, выжидая момента, когда не будетъ опасности; а третій, подойдя къ стаду и увидѣвши собакъ или людей, подожметъ хвостъ и удираетъ безъ оглядки.

Есть пословица: «стиди се, као вук у јаму», основанная на слѣдующемъ наблюденіи: выкапываютъ глубокую яму или находятъ такую природную и спускаютъ туда ягненка или овцу для приманки; волкъ, увидѣвши это, кидается туда; но, тотчасъ же понявши, что вылѣзти оттуда не можетъ, впадаетъ въ такое состояніе, что уже не покушается на добычу, и остается съ нею мирно, не трогая ея, какъ бы отъ стыда; а тѣмъ временемъ приходятъ люди и убиваютъ его. То-же самое бываетъ, если волкъ вскочитъ въ *прибой*, откуда не можетъ выскочить.

Шакалы здѣсь рѣдки; они водятся только въ Суторманѣ и на нѣкоторыхъ островахъ въ устьяхъ рѣки Черноевича; и рѣдкому черногорцу удавалось его видѣть, потому что онъ бродитъ только ночью, и только слышенъ особенный, какой-то дерущій крикъ, отчасти похожій на усиленный плачъ ребенка. Потому объ немъ составилось странное представленіе, что онъ тоже получеловѣкъ: онъ тонкій и длинный, какъ *стап* (сосудъ, въ которомъ сбиваютъ масло), а голова человѣчья; голодный онъ приходитъ къ селу и плачетъ, думая, что тутъ его мать, которая его и накормитъ.

Особеннымъ уваженіемъ пользуется въ Черногоріи *ласица* (mustela, ласочка), иначе называемая *ку́ма* и *невѣстица* (срв. итал. donnola). Она и заслуживаетъ того, потому что истребляетъ мышей и крысъ, не дѣлая въ то-же время никакого вреда человѣку. Поэтому счастливъ тотъ домъ, въ которомъ она поселяется, и ее стараются привлечь всяческими средствами и иногда переносятъ въ домъ дѣтенышей съ ихъ гнѣздомъ. Однажды, разсказываютъ, принесено было такимъ образомъ цѣлое гнѣздо ласочкино въ домъ и поставлено гдѣ-то подъ крышей. Въ тотъ же день является мать и начинаетъ ихъ отыскивать. Неизвѣстно,

нашла ли она ихъ, только замѣтили, что она все ходила подъ крышей по перекладинамъ, на одной изъ которыхъ на веревочкѣ повѣшено было ведро съ молокомъ, чтобы мыши не могли добраться до него. Видя, какъ ласочка мучится безъ дѣтей, хозяинъ отнесъ ихъ обратно. Тогда опять явилась ласочка и опять стала бродить по перекладинамъ, и вслѣдъ затѣмъ вдругъ падаетъ ведерко съ молокомъ, при чемъ молоко, конечно, разливается по полу. Случившаяся тутъ собака стала хлѣбать это молоко и тутъ же издохла; притащили кошку, дали ей этого молока, издохла и она. Очевидно, что въ это молоко впущенъ былъ какой-то ядъ ласицей, которая хотѣла отравить людей за похищенныхъ у нея дѣтенышей; а когда ихъ воротили, то ей стало жалко людей и она перегрызла веревку у ведерка, чтобъ молоко разлилось. За всякій вредъ, нанесенный ей, она чѣмъ-нибудь мститъ: иногда ночью спящему человѣку обгрызетъ всѣ волосы. Убить ее — грѣхъ великій, за это постигаетъ тотъ домъ какое-нибудь несчастіе: или умретъ кто-нибудь изъ семейства, или издохнетъ любимое животное. А между тѣмъ добыть какимъ-нибудь способомъ ея шкурку и держать въ домѣ — полезно; особенно это облегчаетъ роды женщинъ.

Животнымъ, какъ и у другихъ народовъ, присвоиваются качества, какими обладаетъ самъ человѣкъ. Между прочимъ рядомъ съ лукавою лисицей выступаетъ неуклюжій философъ язвецъ, который иногда перехитритъ и ее. Мышь отъ жадности и скупости можетъ убить сама себя, потому о человѣкѣ, трясущемся надъ своимъ добромъ, говорятъ: «заклао се као миш за љшнике». При томъ существуетъ особый разсказъ. Мышь имѣетъ обыкновеніе запасать въ своей норѣ на зиму орѣхи; а люди обыкновенно отыскиваютъ эти норы и растаскиваютъ ея запасъ, подобно тому, какъ въ Сибири маленькая мышка *хулгунай* запасаетъ на зиму *мыкыръ* (корень растенія изъ рода polygonum), а люди расхищаютъ эти запасы, для чего существуетъ особенный терминъ *урганачить*. Одна мышь, найдя расхищеннымъ свой запасъ орѣховъ, разодрала когтями жилы на шеѣ и та-

кимъ образомъ умертвила себя. Впрочемъ, тутъ видна не жадность или скупость, а предупрежденіе болѣе мучительной смерти отъ голода. Въ Сибири тоже разсказываютъ, что мышь тогда или топится въ водѣ, или убивается, кинувшись съ дерева; а мнѣ случалось тамъ-же видѣть ихъ позднею осенью, жалко плетущихся на добычу, но тутъ же издыхающихъ отъ голода и холода. Если мыши особенно сильно нападаютъ на домъ и грызутъ все: одежду, обувь, книги, и т. д.; то значитъ, что у хозяина этихъ вещей попросила чего-нибудь беременная женщина, а онъ ей отказалъ.

Изъ птицъ, соколъ и орелъ съ ихъ быстрымъ и высокимъ полетомъ являются представителями не одного хищничества, а и молодецкой удали, силы и отваги; поэтому сравненіе съ ними составляетъ лучшую похвалу: поэтому самый обычный эпитетъ — *соко сиви*, и храбрить войско выражается словомъ *соколити*; многія мѣстности называютъ ихъ именемъ: *Соко*, гора надъ Бѣлошами, надъ Рѣкой, въ Церквицахъ, въ Кучахъ; *Орлов-крш* надъ Цетиньемъ; есть Орлово-брдо, Орлія, Орья — или собственно Орля-лука. Соколъ является спутникомъ человѣка, какъ песъ и конь. На Косовомъ полѣ за погибшими девятью Юговичами

«Закукало девет удовица,
Заплакало девет сиротица,
Завриштало девет добри коња,
Залајало девет љути лава,
Закликтало девет соколова».

Лебедь отличается высокимъ полетомъ и на далекія пространства; потому жена стараго Югъ-Богдана, чтобы посѣтить Косово поле, проситъ:

«Да јој богда очи соколове
И бјела крила лабудова»,

Иванбегъ Черноевичъ посылаетъ сокола въ Стамбулъ, чтобы узнать, что̀ дѣлается съ его сыномъ Станишей, и соколъ приноситъ ему вѣсти, что онъ потурчился.

Одна пѣсня о гибели Сербскаго царства начинается такъ:

Полетио соко тица сива
Од светиње од Iерусалима;
И он носи тицу ластавицу.
То не био соко тица сива,
Веће био светитељ Илиjа;
Он не носи тице ластавице,
Веће књигу од Богородице,
Однесе jе Цару на Косово».

Одно изъ лучшихъ именъ, какія черногорцы даютъ своимъ дѣтямъ, *Лабуд*, и женское имя *Лабуда* *).

Видѣть во снѣ орла, сокола или лебедя значитъ имѣть въ виду что-нибудь хорошее для себя. Совсѣмъ другое представляетъ воронъ. Вороны не только постоянные спутники и свидѣтели кровавыхъ сценъ, они потомъ питаются тѣлами павшихъ въ битвѣ и разносятъ ихъ части; такъ было и послѣ Косовской битвы:

Али лете два врана гаврана,
Крвава им крила до рамена,
На кљунове бjела пjена тргла;
Они носе руку од jунака,
И на руци бурма позлаћенена,
Бацаjуjе у крилоце маjци,

матери девяти Юговичей.

Если вороны прилетятъ и загракчутъ на воротахъ, они приносятъ недобрую вѣсть.

Сороку (сврака) по народному вѣрованію создалъ дьяволъ изъ своего плевка, и она охраняла ему солнце, когда онъ, состязуясь съ Іоанномъ Крестителемъ, нырялъ въ море, и въ пѣснѣ она называется тица злогласница (Вука Кар. кн. II, № 17).

*) Имена *Лабуд* и *Ластавица* даютъ и лошади, какъ особое отличіе высскихъ качествъ.

Другихъ зловѣщихъ птицъ черногорецъ не знаетъ; поэтому ни сова, ни филинъ своимъ крикомъ не производятъ на него никакого впечатлѣнія. Бережется онъ только, не услышать бы первый разъ весной кукушку натощакъ, и поэтому, выходя изъ дома, черногорецъ всегда нарочно съѣстъ хоть маленькій кусочекъ хлѣба; въ противномъ случаѣ плохо родится жито; если кто недавно женился, то въ томъ-же году не зачнется ребенокъ; будетъ цѣлое лѣто портиться молоко, не будетъ хорошаго сыра. О кукушкахъ есть обще-сербское преданіе, что въ нихъ обратились дочери царя Лазаря и съ тѣхъ поръ все оплакиваютъ его; оттуда выраженіе «*кукати*»—оплакивать умершихъ: *кукавицей* называютъ человѣка, который вѣчно жалуется на свою судьбу и при малѣйшемъ затрудненіи не умѣетъ помочь самъ себѣ, а только жалуется.

Къ голубямъ нѣтъ того уваженія, какъ у насъ, и не считается грѣхомъ убивать ихъ; напротивъ, на нихъ часто охотятся, отправляясь по зорямъ къ пещерамъ, въ которыхъ они собираются стаями, и которыя оттого называются *голубиняци*. Тѣмъ не менѣе во многихъ домахъ Рѣцкой нахіи подъ крышами бываетъ рядъ отверстій, въ которыхъ голуби вьютъ свои гнѣзда (это въ родѣ римскаго колумбарія).

За то ласточка почитается больше, чѣмъ у насъ, и ей приписывается очень многое; а главное, она, какъ мы видѣли, спасла для насъ солнце, и съ тѣхъ поръ, изъ страха мести змѣи, постоянно вьется около человѣка. Если ласточка влетаетъ въ комнату, не смущаясь присутствіемъ человѣка, хорошо тому дому. Въ Герцеговинѣ мать, снаряжая своего сына въ первый разъ въ школу, поймаетъ ласточку, вольетъ ей въ ротъ воды и потомъ заставитъ сына выпить эту воду изъ ея клюва: тогда ему будетъ легко учиться и вообще онъ будетъ больше набираться ума. Замѣтимъ кстати, что подобное же вѣрованіе есть и въ Италіи въ Абруццахъ; но тамъ для этого убиваютъ ласточку, вынимаютъ изъ нея сердце, пекутъ его и даютъ ребенку съѣсть, но такъ, чтобъ онъ самъ того не зналъ; тогда изъ него выйдетъ необык-

новенно умный человѣкъ. Но какая разница въ способахъ дикихъ черногорцевъ и культурныхъ итальянцевъ! *).

Передъ вечеромъ ласточки цѣлой стаей усядутся гдѣ-нибудь и дружно щебечутъ; это онѣ поютъ вечерню или «акаѳистъ» Богородицѣ.

Въ слишкомъ сухое время въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ рѣки, ласточки улетаютъ; а появленіе ихъ вновь обѣщаетъ дождь **).

Если кто убьетъ ласточку, того постигнетъ несчастіе самое тяжкое: умретъ мать или кто-нибудь самый дорогой его сердцу ***).

Въ заключеніе приведемъ одно сказаніе о ласточкѣ и комарѣ у ульцинскихъ арнаутовъ-магометанъ.

Когда Ноевъ корабль носился по водамъ, на немъ оказалась дыра; онъ сталъ наполняться водой и долженъ былъ потонуть. Тогда Ной собралъ всѣхъ, и людей и животныхъ, и сталъ спрашивать, кто могъ бы помочь этому дѣлу. Никто не могъ ничего придумать; вызвалась только змѣя, поставивъ условіемъ, чтобы ей послѣ этого дали напиться самой сладкой крови. Ной обѣщалъ исполнить ея условіе; тогда она свернулась въ кольцо, заткнула

---

*) A. De-Nino. Uzi Abruzzesi. Firenze. 1879.

**) Срв. пѣсню *На деца*:

Ластавица по небо лети,
По небо лети, облацы збира,
Облацы збира, роса да роси,
Роса да роси, трава да ница;
Трава да ница, паун да пасе,
Паун да пасе, перья да шири;
Перья да падев, моме да берев,
Да се некитив на дьн Дьюрдьевдан
(І. Х. Веселиновић. Лазарице у Враню
Брaство. Беогр. 1890 кн. 10, стр. 90).

***) Въ Кучахъ не держатъ въ домѣ бѣлаго пѣтуха, потому что несчастенъ.—Когда пролетаютъ журавли, то дѣти кричатъ: «На уже, на решето!» нѣсколько разъ. Въ первомъ случаѣ они вытягиваются въ линію, какъ веревка (*уже*), а во второмъ сбиваются въ кучу. Приговариваютъ и другія вещи. Если въ это время забить въ землю ножъ, то они смутятся и будутъ не въ состояніи летѣть дальше; но это дѣлать грѣхъ.

собою дыру и оставалась въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока корабль не сталъ на мель.

Змѣя потребовала условленной награды; но чья же кровь самая сладкая? Этого никто не зналъ, и сама змѣя не знала, такъ какъ до того времени не вкушала ничьей крови. Но узналъ это комаръ, только попившій человѣческой крови, и полетѣвшій уже извѣстить о томъ змѣю. Догадалась ласточка, зачѣмъ онъ летитъ; стало ей жаль человѣка и полетѣла въ догонку за комаромъ; а догнавши и спрашиваетъ, чья кровь самая сладкая; но только онъ открылъ ротъ и проговорилъ, она схватила его за языкъ и вырвала.

Съ тѣхъ поръ комаръ не можетъ ни говорить, ни пѣть, а только жалобно пищитъ; змѣя же отомстила бы за него ласточкѣ, но не смѣетъ при человѣкѣ, за котораго она постоянно прячется *).

Изъ пресмыкающихся змѣя возбуждаетъ какой-то суевѣрный страхъ, поэтому избѣгаютъ ея прямого названія, а вмѣсто того прибѣгаютъ къ описательной формѣ и называютъ ее: *повукуша*, *поземуша*, *непоменица*, *поганица* и др.; но въ то же время есть змѣи, которыми держится благополучіе дома. Иногда она забирается въ колыбель ребенка, спитъ свернувшись у него подъ шеей и никогда вреда ему не дѣлаетъ, и ребенка этого въ будущемъ ожидаетъ большое счастье. Она бережетъ иногда кладъ. Если громъ ударитъ въ орѣшникъ, куда обыкновенно никогда не бьетъ, то тамъ непремѣнно живетъ змѣя, у которой въ головѣ находится *алем-камен* (рубинъ).

Появленіе змѣй слишкомъ рано весной и въ большомъ количествѣ предвѣщаетъ войну или болѣзни. Послѣ Успеньева-дня онѣ забираются на деревья, чтобы грѣться и ловить птичекъ. Черногорцы очень ловко хватаютъ ихъ за хвостъ или за шею у самой головы. Иные, говорятъ, сзываютъ ихъ свистомъ, и онѣ соби-

---

*) Похожее сказанье встрѣчаемъ въ «Словѣ еже о ластавице» (Starine, кн. XI, стр. 199—202).

раются около положеннаго имъ обруча, черезъ который протягиваютъ голову, а онъ выбираетъ такую, какая ему нужна.

Если змѣя окажется въ домѣ, то убить ее грѣхъ; а чтобы выгнать её, зажигаютъ тряпку и кладутъ въ щель, черезъ которую она вылѣзаетъ, и отъ этого дыма (*када*) змѣи уходятъ.

Убивши змѣю, не слѣдуетъ ее перерубать, а перенося на другое мѣсто, нужно ее волочить по землѣ, которой непремѣнно должна касаться, хотя-бы только хвостомъ; иначе убившій подвергнется мщенію со стороны другихъ змѣй.

Мы уже говорили объ огненныхъ змѣяхъ и *аждаяхъ*, гигантскихъ змѣяхъ, бывшихъ въ Скадарскомъ озерѣ, отъ которыхъ иногда не было проѣзда въ лодкѣ *).

Между насѣкомыми въ видѣ бабочки (*лептир*) является иногда *вѣштица*; если конская муха сядетъ на человѣка, то кто-нибудь прибудетъ неожиданно; если влетитъ въ комнату *зузар* (родъ жучка, вьющагося съ жужжаніемъ надъ скошенною травой)—къ деньгамъ: пчела похитила у дьявола для человѣка тайну, какъ строить мельницы, объ чемъ будемъ говорить ниже. О домашнихъ животныхъ мы уже говорили въ отдѣлѣ скотоводства. Но приручать дикихъ животныхъ у черногорца нѣтъ обычая; былъ однако у одного поселянина изъ села Барьямовичи (въ Озриничахъ) ручной волкъ, съ которымъ связана слѣдующая печальная исторія. Волкъ этотъ, взятый, конечно, еще щенкомъ, былъ совершенно какъ собака, только не лаялъ; хозяинъ оставлялъ его въ *стаъ* съ овцами, и овцы всегда были цѣлы. Однажды хозяинъ оставилъ его такимъ образомъ съ овцами на ночь, а самъ ушелъ домой, на разстояніе приблизительно болѣе одного километра. На другой день онъ приходить провѣдать овецъ и видитъ такую картину: посрединѣ лежитъ куча зарѣзанныхъ

*) Въ сборникѣ Петрановича есть нѣсколько пѣсенъ, которыя или прямо относятся къ змѣю, «Змај огњени и троглав Арапинъ», III, № 4, или упоминаютъ его съ другимъ содержаніемъ, какъ дѣйствующаго; въ той-же III книгѣ №№ 7, стихи 52—59,—24, ст. 204—205, 212—221, 308—313;—27, ст. 6—17;—37, ст. 1—9, 17—30, 31, 35—37 и т. д.;—38, ст. 97—98.

овецъ, а подлѣ нихъ спокойно лежитъ волкъ, весь окровавленный. Не думая долго, хозяинъ вынимаетъ пистолетъ и убиваетъ волка; но потомъ, разобравши кучу заколотыхъ овецъ, онъ нашелъ подъ нею двухъ волковъ, загрызенныхъ безъ сомнѣнія ручнымъ волкомъ. Объясняется это дѣло такъ: тѣ два волка ворвались въ стаю черезъ крышу, которая дѣйствительно оказалась разваленною, и тутъ началась борьба. Пока ручной волкъ боролся съ однимъ дикимъ, другой, его товарищъ, переколол всѣхъ овецъ, хотя потомъ и былъ въ свою очередь, какъ и первый, загрызенъ ручнымъ. А этотъ послѣ на трупы тѣхъ волковъ навалилъ заколотыхъ овецъ, что и есть въ обычаѣ волковъ — всѣ трупы сваливать въ кучу. Прійдя къ такому заключенію относительно событія, хозяинъ въ отчаяніи, что такъ неблагодарно отплатилъ своему вѣрному другу, тутъ же убилъ и самъ себя. Не любитъ также черногорецъ приручать или держать въ клѣткѣ птицъ, какъ то дѣлаютъ жители бывшихъ турецкихъ городовъ, особенно арнауты, у которыхъ часто надъ дверьми лавки виситъ въ клѣткѣ куропатка, дроздъ или какая-нибудь другая пѣвчая птица. При туркахъ на Плавницѣ водилось много аистовъ, которые были постоянными жителями тѣхъ мѣстъ, какъ домашняя птица; но со времени занятія этихъ мѣстъ Черногоріей, они уже не живутъ тамъ постоянно, и громадныя гнѣзда на вѣтвяхъ высокихъ пирамидальныхъ тополей остаются порожними. Причина послѣдняго заключается въ необыкновенной страсти черногорца стрѣлять во что бы то ни было, а иногда просто ни во что.

У черногорскаго народа есть много разсказовъ изъ животнаго міра, въ которыхъ является перенесеніе на него человѣческихъ понятій. Такъ напр. лисица и пѣтухъ; медвѣдь, лисица и мѣсяцъ; лисица и медвѣдь клянутся на Евангеліи; лисица и язвецъ и др. Лисица зовется всегда ласкательнымъ именемъ — *лија*, *лијо*, а медвѣдя зовутъ *стрико Мијо* т. е. дядюшка Миша. Иногда между дѣйствующими лицами является и предметъ неодушевленный. Таковъ разсказъ *ћук* и *драча* (ночная птица, родъ сыча и *колючій кустарникъ*), въ которомъ объясняется, почему

первый постоянно кричитъ жалобно ночью и не смѣетъ показаться днемъ, а второй хватаетъ людей за платье *).

Есть и сатирическія пѣсни, въ которыхъ выводятся на свѣтъ разныя несообразности, какъ — подкованная утка, гусь осѣдланный, лисица въ монистахъ, волкъ въ зеленой доламѣ; медвѣдь въ чалмѣ во 100 грошей и заяцъ въ шальварахъ изъ *бехара* (цвѣтъ на плодовыхъ деревьяхъ).

Много игръ называются по животнымъ, которыя играютъ извѣстныя роли въ представленныхъ ими сценахъ, напр. заяцъ, пухъ (лѣсная мышь въ родѣ бѣлки), кобыла, насѣдка, козы, пчелы, бой барановъ, драть медвѣдя, шмель, и др.

Наконецъ, есть средство понимать языкъ всѣхъ животныхъ, и тогда человѣкъ узнаетъ, какъ животныя слѣдятъ за нимъ, толкуютъ обо всемъ касающемся его и при томъ могутъ дать ему много полезныхъ совѣтовъ. Такъ одинъ человѣкъ, спасши жизнь одной змѣѣ, получаетъ этотъ секретъ понимать языкъ животныхъ, съ условіемъ, подъ страхомъ смерти, никому не выдавать этого секрета; и вотъ онъ по гракланью ворона узнаетъ, гдѣ лежитъ кладъ, беретъ его и обогащается; подслушиваетъ онъ разговоръ волка съ его собаками, при чемъ вѣрнымъ остается одинъ только старый песъ, котораго бросили было уже кормить, а тутъ онъ вступаетъ въ прежнюю честь, молодые же повѣшены; жена вымогаетъ отъ него секретъ, и когда онъ было уже хотѣлъ сообщить, подвергая себя вѣрной смерти, изъ разговора собаки и пѣтуха узнаетъ, какимъ образомъ избавиться отъ этого и избавляется. Это средство состояло въ слѣдующемъ. Пѣтухъ, увидѣвши пса крайне опечаленнымъ и узнавъ, что назавтра ихъ общій господинъ долженъ непремѣнно умереть, вслѣдствіе ведущаго къ тому требованія жены, дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Удивляюсь я хозяину, какъ онъ не справится съ одною женою, когда я справляюсь съ 30-ю. Я поступаю такъ: найду одно зерно и начну кликать; жены мои соберутся; тогда я

*) Разсказы эти приводятся въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

зерно съѣмъ самъ, а ихъ каждую долбну въ голову; онѣ и слушаются. Такъ слѣдуетъ сдѣлать и хозяину нашему: подозвать жену къ сундуку, будто хочетъ что-нибудь ей дать; а когда она подойдетъ, схватить ее за волосы, ущемить ихъ въ сундукъ и запереть его, да и бить ее до тѣхъ поръ, пока она не откажется отъ всякихъ секретовъ». Такъ человѣкъ и поступилъ, и тѣмъ не только спасъ себѣ жизнь, но и вообще сталъ жить съ женою лучше, чѣмъ жилъ прежде. А способъ подобнаго рода усмиренія женъ буквально практиковался нѣкоторыми въ Черногоріи до недавняго времени.

Наконецъ, въ миѳѣ *о здухачахъ* проводится та идея, что всѣ животныя обладаютъ душою, какъ человѣкъ. Имѣя въ виду подробное изложеніе этого миѳа въ другомъ отдѣлѣ, мы останавливаемъ вниманіе только на сближеніи и отождествленіи въ немъ духовнаго существа, человѣка съ остальнымъ животнымъ міромъ.

Б) МІРЪ ДУХОВНЫЙ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ.

Въ народномъ воззрѣніи невозможно провести строгую границу между дѣйствительностью и произведеніемъ воображенія; мы видѣли то при изложеніи понятій черногорца о матеріальной природѣ, какъ онъ при малѣйшемъ безсиліи дать явленію реальное объясненіе прибѣгаетъ къ помощи воображенія и простой матеріальной природѣ даетъ толкованіе духовное, приписывая ей тѣ-же духовныя отправленія, какими живетъ и самъ. Такимъ образомъ представленіе о природѣ является у черногорца опоэтизированнымъ и одухотвореннымъ. Таково, конечно, представленіе и у всякаго народа, не вооруженнаго средствами науки и философіи. Но рядомъ съ этимъ и въ представленіяхъ о мірѣ духовномъ или сверхъестественномъ всегда почти существуетъ подкладка матеріальная.

1. Понятіе о высшемъ существѣ (Богѣ).

Единственно чисто духовное представленіе существуетъ только о Богѣ, какъ о высшемъ бытіи, которымъ все создано и отъ котораго зависитъ все на свѣтѣ до самыхъ мелкихъ явленій въ природѣ и жизни человѣка. Вслѣдствіе этого черногорецъ ничего и не предпринимаетъ, не сказавши: «ако Бог да». Я слышалъ выраженіе: «самосаздани Бог», въ которомъ ясно запечатлѣнъ эпитетъ, данный ему первыми христіанскими философами «несотворенный, имъ-же вся быша». Есть ли это представленіе чисто народное или составилось подъ вліяніемъ христіанства, не беремся рѣшать; склоняемся однако болѣе въ пользу перваго, такъ какъ по сказаніямъ древнихъ писателей греческихъ и римскихъ вообще славянамъ было присуще это понятіе о высшемъ существѣ. Но живая народная фантазія не можетъ воздержаться, чтобы въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ и этому существу не дать плотской, человѣческій обликъ. Такъ въ приведенномъ выше разсказѣ объ томъ, какъ св. Илія обманомъ отнялъ у дьявола солнце, Богъ изъ любви къ человѣку, вопреки высочайшей справедливости (Бог је истина), допускаетъ Ильѣ совершить грѣхъ и учитъ его при этомъ чисто человѣческой хитрой уловкѣ. Другой примѣръ представляетъ разсказъ изъ недавняго времени.

Собрались однажды цуцы на гумнѣ въ с. Трешневѣ (въ Цуцахъ) и, натолковавшись обо всемъ, остановились на вопросѣ: что дѣлаетъ Богъ на небѣ? Одни говорили, что онъ, сотворивши міръ, ничего не дѣлаетъ, другіе, что онъ двигаетъ всѣмъ міромъ, посылаетъ на землю дождь, громъ и молнію и т. п. Но все это не удовлетворяло собравшихся. Тогда вызывается одинъ: «Я пойду къ владыкѣ (св. Петру) и спрошу его». Всѣ согласились и дали ему за то каждый по половинѣ цванцигера, что составило 30 цван. (ок. 12 флор.). Приходитъ онъ на Цетинье, идетъ къ монастырю и застаетъ тамъ владыку, сидящаго на гумнѣ возлѣ

монастыря и окруженнаго народомъ, и сообщаетъ ему, зачѣмъ пришелъ; а владыка, ничего не говоря, перекладываетъ табакерку изъ одной руки въ другую. Стоялъ-стоялъ посыльный и спрашиваетъ наконецъ: «что-же сказать народу, святой владыка?» — Скажи, что̀ видѣлъ, и больше ничего. — «Да что-же это?»—опять допрашиваетъ посланный.—А у одного беретъ, другому даетъ. — Тотъ, думая, что владыка, какъ святой, узналъ, что онъ взялъ деньги, воротилъ ихъ тотчасъ, какъ только пришелъ; а собраніе поняло и рѣшило отвѣтъ такъ: Богъ дѣлитъ счастье людямъ неодинаково, при томъ у однихъ беретъ, а другихъ надѣляетъ.

Въ формѣ притчи здѣсь выражена идея, что человѣчеству суждено отъ Бога жить одному на счетъ другого и всѣ одинаково надѣлены быть не могутъ. Таже мысль проведена и въ пословицѣ относительно дѣлежа *по-божьему* или *по-человѣчески*: въ первомъ случаѣ дѣлежъ по жребію неравный, но справедливый, отвѣчающій заслугамъ; а во второмъ равный, но несправедливый. Это перенесеніе на Бога человѣческихъ качествъ видно и во всѣхъ приведенныхъ нами выше пословицахъ, относящихся къ тому предмету. (Т. II, ч. I, стр. 400—402).

2. **Злой духъ** (дьяволъ).

Рядомъ съ Богомъ, отъ котораго происходитъ все доброе и справедливое, ставится злой духъ, который имѣетъ свою область и борется съ Богомъ. Изъ разсказа о св. Ильѣ мы узнаемъ, что изъ двухъ самыхъ близкихъ къ намъ небесныхъ свѣтилъ солнца и мѣсяца, первое принадлежало дьяволу; а и на землѣ во владеніи его находится море.

Прослѣдимъ теперь понятіе черногорца объ этомъ зломъ духѣ.

Общее названіе его: ђаво (род. пад. ђавола), которое часто отождествляется съ именемъ *дукъан* съ добавленіемъ эпитета «царь»; называется онъ также и *сантаил* или *сото̀на*, и еще *враг* (врагови).

Остановимся немного на имени *Дукљан*, которое принадлежитъ спеціально Черногоріи и главнымъ образомъ восточной ея части, гдѣ находятся развалины древняго римскаго града Діоклеи (собственно Doclea), посерб. Дукля. Объ немъ знаютъ преимущественно пиперы и кучи, а къ остальнымъ перешло это имя и соединенное съ нимъ преданіе отъ нихъ. По этому преданію ему приписывается и постройка града Діоклеи.

Сила и гордость его дошли до того, что онъ не только посредствомъ канала провелъ въ свой градъ воду изъ р. Цѣвны, но и создавалъ искусственный дождь. Для этого онъ между окружающими то пространство горами растягивалъ кожу, пробитую дырочками, какъ въ рѣшетѣ, и пускалъ на нее воду, которая падала оттуда въ видѣ дождя. О проведеніи канала есть и другой разсказъ.

Была у Дукляна сестра красавица, на которой онъ хотѣлъ самъ жениться; но она полюбила другого, который и сватался за нее. Не желая уступить ему сестру, Дуклянъ въ видѣ насмѣшки согласился на то подъ условіемъ, чтобы онъ въ извѣстный, весьма короткій, срокъ довелъ воду изъ Цѣвны. Тотъ довелъ воду и явился за невѣстой; Дуклянъ отпустилъ ихъ, потомъ въ догонку бросилъ за ними камень; но не попалъ; камень-же остался и теперь въ Загоричѣ (между Горицей и Морачей), вбившись на половину въ землю. Это цѣлая природная скала, торчащая на голой равнинѣ, которую народъ считаетъ за брошенный Дукляномъ камень черезъ пространство приблизительно въ два километра.

Какимъ образомъ онъ отожествился съ дьяволомъ, объ томъ по народному преданію не доберешься; но онъ всегда называется *проклятымъ* за его строптивость передъ Богомъ.

Это не историческій Діоклетіанъ, извѣстный гонитель христіанъ, въ которыхъ онъ видѣлъ разрушителей Римской державы; но чисто сербскій народный миѳъ, которому дано имя по имени напоминающаго его града. А строители всѣхъ этихъ градовъ за то, что они строились народомъ по великому принужденію, не

пользуются у сербовъ добрымъ именемъ. Извѣстна Ирина, жена Дьюрдья Смедеревца, которую за то народъ и называетъ проклятою, и ей приписывается постройка градовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она не имѣла никакого дѣла.

У сербовъ Королевства въ родѣ Дукляна есть царь Троянъ. Царь же Троянъ въ видѣ какого-то упыря, боящагося солнечнаго свѣта, отъ котораго онъ и погибъ, существуетъ и въ сказаніяхъ литовскаго народа (см. Klechdy, Войцицкаго); а Троянова дорога упоминается въ Словѣ о Полку Игоревѣ и показывается также въ Галичинѣ.

Къ этимъ историческимъ именамъ пріурочено только народное представленіе о существѣ, борющемся противъ Бога и угнетающемъ человѣчество, иначе говоря, о дьяволѣ.

Объ такомъ именно Дуклянѣ и разсказывается въ сербскомъ народѣ, премущественно (если не исключительно) въ Черногоріи, прежней Зетѣ или Діоклитіи.

Изъ одного разсказа мы уже видѣли, какъ св. Илія обманомъ похитилъ у Дукляна солнце; теперь приведемъ разсказъ, какъ тотъ же св. Илія и тоже обманомъ приковалъ Дукляна на цѣпь у Визирева моста черезъ Морачу близь Подгорицы. Съ этимъ разсказомъ соединено понятіе черногорца о томъ, какимъ образомъ міръ окончитъ свое существованье.

Велѣлъ св. Илія цыгану сковать цѣпь и залилъ ее свинцомъ въ одну скалу подъ мостомъ на Морачѣ, гдѣ нынче Визиревъ мость; а потомъ вызываетъ Дукляна: «Кто оборветъ эту цѣпь?» Лукавый Дуклянъ! «Начни прежде ты» — говоритъ онъ Ильѣ.

Влѣзъ Илья въ цѣпь; ворочался-ворочался въ ней, чтобъ разорвать; не можетъ никакъ. Сѣлъ Дуклянъ и разорвалъ ее сразу.

Приказываетъ Илья опять цыгану: «Скуй крѣпче».

Тотъ работалъ два мѣсяца, и опять случилось то же.

Разсердился Илья на цыгана: «Если опять будетъ такъ-же, я отрублю тебѣ голову!».

Работалъ цыганъ полгода и приноситъ. Посмотрѣлъ Дуклянъ и сразу увидѣлъ, что не можетъ. «Нѣтъ, не хочу, — говоритъ, — ты меня обманешь».

Заклялся Илья, а тотъ и сѣлъ; рвался-рвался, ничего не можетъ сдѣлать.

«Пусти!» проситъ онъ Илью.

А Илья: «Нѣтъ не пущу!» Да еще крѣпче залилъ свинцомъ. Такъ тамъ Дуклянъ и остался донынѣ.

Съ тѣхъ поръ онъ тамъ сидитъ и все грызетъ цѣпь; на бадній вечеръ она дѣлается тонкая-претонкая; но въ то время его одолѣваетъ сонъ; а цыгане въ самую заутреню начнутъ всѣ сразу бить по всѣмъ наковальнямъ, и цѣпь становится снова такою же, какою и была.

Но все-таки придетъ время, когда онъ ее перегрызетъ и вызоветъ Илію на бой на сабляхъ и отрубитъ ему мизинецъ, изъ котораго прольется кровь, и отъ этой крови загорится вся земля, и будетъ она горѣть, пока не проговоритъ три раза: «Я чиста, какъ огненная Марія». Тогда останется только огненная рѣка и черезъ нее будетъ мостъ, какъ тонкій волосокъ. И станутъ черезъ него проходить души: праведная перейдетъ по нему свободно, а грѣшная испугается и свалится въ ту рѣку.

Богородица тогда опуститъ туда сѣть, которую плететъ отъ начала своей жизни, а окончитъ при кончинѣ міра; и которыя души вынутся, тѣ и спасутся; а будетъ Богородица закидывать эту сѣть только три раза, и всѣ, не попавшіе въ нее въ тѣ три раза, останутся тамъ навсегда и будутъ вѣчно горѣть и мучиться. Будутъ онѣ молить Бога, чтобъ онъ послалъ имъ дождь, и Богъ пошлетъ имъ дождь; но и дождь, только прикоснется къ этой рѣкѣ, будетъ горѣть пламенемъ *).

Приводя этотъ разсказъ, мы должны сдѣлать оговорку. Пред-

*) Срв. то-же преданіе русское (Чт. Общ. Ист. и Древ. годъ 3-й, IX, 200—205, у Аѳанасьева I, 702), и о переводѣ душъ черезъ огненную рѣку Михаиломъ Архангеломъ (тамъ же, 576—577). Въ собраніи сказокъ Вука Караджича къ царю Дукляну относится № 40.

ставленная въ немъ картина кончины міра слишкомъ мистична и мрачна и не соотвѣтствуетъ вообще свѣтлымъ, можно сказать, веселымъ воззрѣніямъ черногорца. Поэтому мы отнесли бы его къ воззрѣніямъ, занесеннымъ извнѣ, и не смотримъ, какъ на самобытно - народное представленіе *). Въ подтвержденіе этого приведемъ разсказъ въ чисто народномъ духѣ о предметѣ, имѣющемъ для отдѣльнаго человѣка такое-же значеніе, какъ и кончина міра. Это сказаніе о томъ, какъ немного требуется для того, чтобы попасть въ рай.

Пошелъ апостолъ Петръ въ рай и не взялъ съ собою ни мать, ни жену, ни сестру. Плачутся онѣ ему, а онъ имъ отвѣчаетъ: «Вы не можете войти въ рай, потому что во все время вашей жизни никому не сдѣлали добра: ты, мать, когда пряла чужую шерсть, всегда часть изъ нея утаивала себѣ; ты, сестра, то же дѣлала съ шолкомъ, когда шила *ошвицы* (обшивки на разрѣзѣ женской рубашки); а ты, жена, отнимала у чужихъ дѣтей и давала своимъ». Жена не унялась, однако, и пошла къ дверямъ рая. Спрашиваетъ ее привратникъ: «А что ты сдѣлала добраго на этомъ свѣтѣ?»

— Я изъ моего огорода дала одному бѣдняку двѣ головки лука, — отвѣчаетъ она.

— Ну, хорошо ступай! эти двѣ головки тебя вынесутъ, — сказалъ привратникъ и отворилъ ворота.

Тутъ она увидѣла тѣ самыя двѣ луковицы, ухватилась за нихъ и полетѣла; а на пути еще душа ухватила ее за ногу и умоляетъ: «Вынеси и меня съ собой!» Тогда она толкъ ее ногой и отбила; та и полетѣла внизъ; а въ то же время и сама оторвалась отъ луковицы, упала и опять очутилась за воротами. Тутъ ей и говоритъ привратникъ: «Видишь, какъ легко ты могла спасти свою душу и еще одну; но ты не хотѣла милости сдѣлать для другой, такъ не стоишь того и сама».

---

*) Подобное сказаніе мы имѣемъ отъ магометанъ, которые говорятъ, что оно находится въ коранѣ.

Дьяволъ, иначе Дуклянъ, въ своей вѣчной борьбѣ противъ Бога, какъ ни старается нанести зло любимому Его созданію, человѣку, всегда остается побѣжденнымъ и этому же человѣку противъ своей воли оказываетъ пользу. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Люди вначалѣ, не смотря на то, что природа многое давала даромъ, жили плохо, а главное не умѣли смолоть зерна, чтобы имѣть хорошій хлѣбъ. Они его толкли въ *ваганѣ* (деревянная большая чашка для горячаго или молока) и никогда не могли достаточно получить муки: да и какая то была мука! ныньче и скоту мѣсятъ лучше. Жаль стало человѣка св. Іовану; говоритъ онъ объ томъ другимъ святымъ, и сдѣлали они скупштину. Толковали, толковали, какъ бы помочь человѣку; но не могутъ ничего придумать. Тогда Іованъ же предлагаетъ: «Лучше всего, — говоритъ онъ,—позвать Дукляна: онъ мастеръ на выдумки». Зовутъ его, а онъ отвѣчаетъ: «Какъ я пойду къ вамъ, когда тамъ сидитъ Илія, который меня столько разъ обманывалъ? онъ же насмѣется мнѣ». Переговорили между собою святые и рѣшились опять послать за нимъ, давши ему слово, что не будетъ никакого обмана, ни насмѣшки, а между собою также положили запретъ, чтобы никто не усмѣхнулся, особенно обратили вниманіе на Илью. «Съ какой стати буду я смѣяться? пусть идетъ», отвѣчаетъ Илья. И позвали. А онъ сѣлъ верхомъ на козла задомъ напередъ и, принявъ при этомъ самую безобразную и смѣшную позу, является на скупштину святыхъ. Какъ увидѣли святые Дукляна, такъ и сталъ ихъ разбирать смѣхъ; но всѣ кое-какъ съ трудомъ удерживаются и скрываются; а Илья не стерпѣлъ: «*ких-ких!*» на все собраніе. «Ну вотъ видите!»—говоритъ дьяволъ—«не скажу же вамъ ничего!» и тѣмъ же путемъ отправился назадъ. Всѣ накинулись на Илью; а Илья имъ: «Стойте! я знаю, какъ устроить дѣло; позовите сюда пчелу».—Позвали; явилась пчела; тогда Илья наказываетъ ей: «Лети скорѣй, догони дьявола, сядь ему гдѣ-нибудь, чтобъ онъ не замѣтилъ, и слушай все, что̀ онъ будетъ говорить, и все то пиши, пиши, а послѣ скажи намъ». Пчела тотчасъ поле-

тѣла и сѣла дьяволу на плечо; а онъ начинаетъ разсуждать вслухъ: «Глупые! не знаютъ, какъ помочь дѣлу. А вотъ потокъ: отвести его канавкой, а на канавкѣ построить домикъ, сдѣлать колесо» и т. д., и высказалъ цѣлый планъ мельницы. Когда онъ окончилъ, пчела поднялась съ плеча и, полетѣвъ, зажужжала. Тогда дьяволъ догадался, кинулся за нею и ухватилъ двумя пальцами; но она его ужалила и онъ выпустилъ. Пчела полетѣла, а дьяволъ въ догонку ей закричалъ: «Пусть же тотъ, кто тебя послалъ, ѣстъ твои изверженія». А гдѣ онъ её ухватилъ, такъ и остался перехватъ. Возвратилась пчела, все передала, добавивши: «Сказалъ онъ мнѣ и еще нѣчто, но то слишкомъ гадко и потому я не могу передъ вами высказать». Святые однако настояли, чтобъ она высказала и то послѣднее, что̀ она и исполнила. Доложили обо всемъ Богу; а онъ сдѣлалъ такъ, что въ ея изверженіяхъ находятся медъ и воскъ: первый человѣкъ ѣстъ самъ, а второй отдаетъ Богу и его святымъ, дѣлая изъ него свѣчи. А съ того времени человѣкъ сталъ строить мельницы.

Дьяволъ въ черногорскомъ представленіи, какъ мы уже замѣтили, смѣшивается съ человѣкомъ и далеко не имѣетъ той страшной физіономіи, съ какою онъ является въ разсказахъ нашего народа. Да наконецъ оказывается, что его уже и нѣтъ на землѣ. И вотъ какъ это случилось.

Было одно бѣдное семейство. Проситъ ребенокъ у матери чего нибудь *присмочити* (смок), чтобъ не ѣсть сухого хлѣба.

«Нѣтъ ничего» — отвѣчаетъ мать.

— Дай хоть яичко! — пристаетъ ребенокъ.

«Негдѣ его испечь, потому что нѣтъ ни жару, ни дровъ».

— Дай только; а я его испеку самъ.

Удивилась мать; но дала.

Ребенокъ же нашелъ шило и легонько имъ проковырялъ скорлупу сначала съ одного конца, потомъ съ другого, и продѣлъ сквозь него деревянную спичку; затѣмъ нашелъ тонкихъ прутиковъ, зажегъ ихъ и сталъ печь яйцо, поварачивая надъ маленькимъ пламенемъ.

Тогда чортъ, сидѣвшій гдѣ-то въ углу, не вытерпѣлъ и говоритъ: «Ну, ужъ если дитя такъ мудро, то намъ тутъ больше нѣтъ дѣла».

Такъ черти всѣ и ушли.

Есть и другой разсказъ относительно того-же предмета въ связи съ изобрѣтеніемъ пороха и ружья.

Не зная никогда покоя и вѣчно что-нибудь придумывая и изобрѣтая, дьяволъ взялъ однажды угля и сталъ его толочь и растирать въ мелкій порошокъ; а когда растеръ его до мелкой пыли, поднесъ къ нему зажженную лучину: онъ тотчасъ загорѣлся и обратился опять въ угольную массу. Тутъ ему пришла въ голову идея ружья; но мастеромъ онъ никакимъ не былъ, поэтому обратился къ кузнецу съ заказомъ особеннаго небывалаго орудія. Долго онъ мучилъ кузнецовъ, пока они сковали ему стволъ, а послѣ и приборъ, черезъ который можно было зажигать вложенный въ стволъ порошокъ; но не могъ добиться, какъ зажечь его безъ обычнаго огня. Странствуя съ этою мыслію, онъ замѣтилъ одного пастуха, который, наполнивши табакомъ трубку, мучился надъ тѣмъ-же. Пастухъ этотъ какимъ-то кускомъ желѣза ударялъ по камнямъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ камень, изъ котораго вылетала искра; затѣмъ онъ искалъ предмета, который бы легко загорѣлся: отрывалъ отъ своей изношенной одежды кусочки, растрепывалъ ихъ, направлялъ на нихъ искру, вызываемую ударомъ желѣза о камень, и видѣлъ, что это мелкое вещество обугляется, но не горитъ. Наконецъ онъ нашелъ трутъ и съ помощью его добылъ огонь, посредствомъ котораго разжегъ свою трубку. Послѣ этого дьяволъ тотчасъ приладилъ къ своему прибору кремень и трутъ, а въ дуло положилъ передъ угольнымъ порошкомъ кусокъ свинца: привелъ въ дѣйствіе приборъ, уголь загорѣлся, но безъ всякаго взрыва, и свинецъ вывалился тутъ же передъ дуломъ. Цѣль была на половину достигнута, и дьяволъ сталъ придумывать, какъ бы придать больше воспламеняемости и силы углю. Взялъ онъ одинъ мѣшочекъ и, наполнивъ его толченымъ углемъ, положилъ въ воду; продержавъ

тамъ нѣкоторое время, вынулъ его и сушилъ нѣсколько дней на солнцѣ; а когда онъ совсѣмъ высохъ, то попробовалъ и увидѣлъ, что онъ быстро вспыхиваетъ пламенемъ. Задача была рѣшена. Зарядивъ такимъ образомъ ружье, дьяволъ взбирается на одну гору, приводитъ въ дѣйствіе свой приборъ и раздается выстрѣлъ, переполошившій все окрестное населеніе. Собралась тысяча народу и окружила дьявола. «Что? какъ?» допрашиваютъ дьявола. Тотъ объяснилъ дѣло и тогда начали просить его, чтобъ онъ уступилъ имъ это орудіе. «Какъ уступить вамъ? тогда вы имъ же меня и убьете!» — Заклялись, что этого не будетъ; онъ и уступилъ; а самъ, не довѣряя ихъ клятвѣ, шмыгнулъ между народомъ и оставилъ землю, въ полной увѣренности, что съ этого времени люди и безъ него будутъ достаточно истреблять другъ друга. Найдя такимъ образомъ самое истребительное средство для человѣчества, которое оно неизбѣжно должно было употребить само противъ себя, дьяволъ удалился, предоставивъ людей самимъ себѣ.

Тѣмъ не менѣе, живя постоянно въ своемъ другомъ свѣтѣ, дьяволъ приходитъ и на этотъ свѣтъ и никогда не оставляетъ человѣка въ покоѣ. Для этого, въ то время какъ у всякаго человѣка на правомъ плечѣ невидимо сидитъ его ангелъ хранитель, чтобы поучать его и направлять на добро, дьяволъ садится на его лѣвое плечо, стараясь всячески совратить его съ пути добра и истины. Поэтому никогда не слѣдуетъ плевать черезъ правое плечо, потому что наплевалъ бы на ангела; а ложась спать, непремѣнно нужно три раза плюнуть черезъ лѣвое плечо, чтобы отогнать дьявола. Забирается онъ однако внутрь человѣка, отчего и бываютъ бѣсноватые (бјесомучаи), которыхъ, какъ мы уже видѣли, отчитываютъ и лѣчатъ другими способами, дѣйствующими на дьявола. Легко онъ вселяется въ некрещеннаго ребенка, особенно если его долго не крестятъ. Еще недавно въ Дробнякахъ одинъ ребенокъ, котораго не крестили до году, бился иногда съ такою силою, что деревянная колыбелька, въ которой онъ лежалъ, трещала и чуть не разваливалась. По совершеніи же обряда крещенія все прошло. Тотъ же священникъ, сообщившій

мнѣ объ этомъ ребенкѣ, разсказывалъ, какъ онъ молитвой, а также при помощи палки изгналъ бѣса изъ одной женщины въ Шаранцахъ.

Вертится на землѣ только какой-то маленькій дьяволенокъ, объ которомъ разсказываютъ слѣдующее. Находясь въ царствѣ дьяволовъ, въ аду, онъ проситъ сатану дать ему въ управленіе землю, чтобы дѣлать всевозможныя пакости человѣку. «Гдѣ тебѣ сдѣлать что-нибудь, когда ты еще маленькій?» — Тогда дьяволенокъ, увидѣвши издали проходящаго человѣка, большого роста и сильнаго на видъ, говоритъ сатанѣ: «Видишь того большого человѣка? я сейчасъ его повалю» — и отправился. Онъ заскочилъ тому человѣку впередъ и, когда тотъ проходилъ мимо, бросилъ ему камушекъ въ опанокъ. Человѣкъ, сначала не замѣчая этого, а потомъ вслѣдствіе того что стало смеркаться и нужно было торопиться, не позаботился вынуть камушекъ и все терпѣлъ, пока не растеръ ногу до того, что она опухла, и онъ не могъ никуда дальше тронуться. Видя такую способность въ дьяволенкѣ, сатана исполнилъ его желаніе, предоставивъ въ его распоряженіе землю, хотя въ сущности дѣла ему здѣсь мало.

Однако съ удаленіемъ дьявола имя его въ Черногоріи получило такое распространеніе, какое мало гдѣ можно найти. Спрашиваете черногорца: — Имате-ли љеба, је ли родило? — Ђаволи залагај, ђавоље зрно, ђаво попио или изјио. — Имате-ли пушке? — Ђавоља, која би ваљала. — Све сам дао ђаволу! — У женщинъ, замужнихъ и дѣвушекъ, вообще не употребляющихъ никакихъ дурныхъ словъ, *ђаволе* составляетъ чуть-ли не десятое слово; есть и глаголъ *ђаволисати* — то, что у насъ послать къ чорту.

3. Духи земные, принимающіе иногда обликъ человѣка и другихъ живыхъ существъ.

Кромѣ дьявола есть на землѣ и другія существа, обладающія сверхъестественными силами и качествами, которыя дѣйствуютъ въ своей опредѣленной области.

а) *Дьинъ и сънъ.*

Дьинъ — это духъ, оберегающій какую-нибудь отдѣльную мѣстность, гору, лѣсъ, озеро и т. п. Это впрочемъ названіе турецкое, и черногорцы заимствовали отъ своей братьи магометанъ пословицу: «Дьин ба́шка, шејтан ба́шка», т. е. что и при сродствѣ между собою въ сущности они не одно и то-же. Оттуда безъ сомнѣнія названіе Дьиново-брдо надъ Цетинскою равниной. По-черногорски это существо называется *сјен* и *сјеновик*. Такой *сјен* находится на Рѣцкомъ-Комѣ, который потому называется *сјеновито мјесто*, гдѣ человѣкъ, находясь одинъ, испытываетъ много страховъ отъ совершающихся въ немъ чудесъ. До послѣдней войны считалось, что оттуда нельзя взять ни прута, ни травки, ни плода граната, которыхъ тамъ много; а на мѣстѣ пользуйся, сколько угодно. Нѣсколько черногорцевъ однажды отправлялись на Комъ и возвращались оттуда еще днемъ; но вдругъ наступилъ такой туманъ, что они не знали, куда идти, хотя пространство небольшое и отлично извѣстное всякому цеклинскому лодочнику. Сколько ни бились, не могли выйти. Тогда рѣшились осматривать другъ друга, не понесъ ли кто что-нибудь. Когда одинъ изъ нихъ распоясался, у него вывалилось зерно граната, запавшее туда само собою, и, когда выбросили его, тотчасъ нашли дорогу. Въ с. Каручѣ (при одномъ изъ рукавовъ рѣки) одинъ цеклинянинъ, извѣстный юнакъ, побился объ закладъ на 20 желтыхъ цекиновъ (дукатъ, $^1/_2$ наполеондора) передъ своими односельчанами, которыхъ тутъ было 20 или болѣе человѣкъ, что онъ ночью отправится на Комъ и на дверяхъ церкви для знака повѣситъ кисетъ съ табакомъ. Перевезли его туда черезъ воду и оставили; онъ пошелъ и повѣсилъ кисетъ; но только обернулся назадъ, чтобы уходить, какъ видитъ кругомъ тысячи народа. Куда ни сунется, не можетъ пройти сквозь народъ; не помогаетъ и оружіе, которое онъ взялъ съ собою: пистолетъ не стрѣляетъ и ножъ не сѣчетъ. Тогда онъ догадался, что сдѣлать: воротился

къ церкви, поклонился ей и обѣщался дать 100 талеровъ на церковь и попамъ. Тогда все исчезло, и онъ благополучно вышелъ. И всякій домъ также имѣетъ свой *сјен*, генія хранителя, которымъ можетъ быть кто-либо изъ людей, живущихъ въ томъ домѣ, или домашнее животное: кошка, собака, особенно же змѣя; и ихъ нужно беречь, потому что на нихъ держится счастіе дома.

Въ Байцахъ въ домѣ воев. Марка Драгова Мартиновича, говорятъ, нашли однажды змѣю, обвившуюся вокругъ шеи у полуторагодового ребенка въ колыбели. Мать испугалась и не знала, что̀ дѣлать. Но догадались позвать одного знающаго эти дѣла человѣка: онъ только дотронулся до нея, она выпала изъ колыбели на полъ и спокойно поползла подъ крышу, гдѣ и живетъ постоянно. Во́ды, собственно озера, также имѣютъ своихъ особыхъ обитателей, которые ихъ оберегаютъ.

б) *Водяныя существа.*

Относительно Горняго-Блата разсказываютъ слѣдующее. Одинъ ловилъ рыбу удочкой съ челнока, и удочка зацѣпилась; тогда, чтобы отцѣпить её, а больше изъ любопытства, онъ спустился вдоль лесы внизъ и увидѣлъ, что она зацѣпилась за пробой въ дверяхъ церкви; а въ то же время увидѣлъ онъ женщину громаднаго роста, необыкновенной красоты съ большими голубыми глазами, которая расчесывала свои волосы, зеленые, какъ трава, и длинные до пятъ. Посмотрѣвъ на него, она сказала: «Счастливъ ты, что я теперь занята дѣломъ, а то не видали бы тебя больше ни отецъ, ни мать». Онъ наскоро отцѣпилъ удочку и выскочилъ назадъ. Послѣ того, однако, хворалъ онъ 2 мѣсяца; но выздоровѣлъ. Прошло потомъ нѣсколько лѣтъ; увидѣлъ онъ, что скотина его на другой сторонѣ рукава Морачицы и можетъ войти на турецкія нивы; чтобы перенять её, а не идти много въ обходъ, онъ кидается въ бродъ черезъ Морачицу, которая въ то время была мелкая; при томъ онъ былъ отличный пловецъ; но только вступилъ въ

воду, какъ что-то его потянуло, и онъ утонулъ. Нужно при томъ сказать, откуда произошло Горнее-Блато. Прежде тутъ была обширная равнина между Синьцемъ и Космачемъ (теперь островъ), и на ней было расположено село, какъ городъ. Выше же его былъ устроенъ огромный резервуаръ воды, собиравшейся изъ потока Боня (или Боля) — сестра. Воду изъ этого резервуара брали черезъ кранъ, который завертывался, чтобы вода оттуда не растекалась. Одна женщина, уже передъ вечеромъ, пришла за водой и набрала полную кадушечку, какъ кто-то крикнулъ, что прибылъ ея мужъ, долго находившійся въ отлучкѣ въ Цареградѣ. Обрадовавшись, она поставила кадушечку на голову и торопливо пошла домой, забывъ завернуть кранъ, и вода стала вытекать. А такъ какъ дѣло было къ ночи, то никто больше не выходилъ и не замѣтилъ, что равнину заливаетъ водой, и за ночь вода наполнила все и потопила село съ цѣлымъ его населеніемъ и съ церковью. Когда малая вода, можно видѣть тамъ эту церковь и различныя постройки; а иногда слышится звонъ колоколовъ и пѣніе.

Одинъ цеклинянинъ, отличный нырокъ, увидѣвши эту церковь, нырнулъ туда, вошелъ внутрь ея и увидѣлъ все на мѣстѣ и готовое какъ бы для служенія литургіи. Онъ вошелъ въ алтарь, взялъ большой крестъ съ престола, весь изъ золота (онъ и теперь хранится въ церкви въ с. Вуковцахъ) и благополучно вышелъ назадъ. Но скоро расхворался и черезъ двѣ недѣли умеръ.

Въ озерѣ Рикавцѣ въ Кучахъ живетъ какой-то огненный змѣй, который то летаетъ по свѣту, то возвращается назадъ и падаетъ въ озеро съ трескомъ и громомъ, откуда и произошло его названіе (као год риче).

Еще больше разсказывается о Бокумирскомъ озерѣ, тоже въ Кучахъ, въ области бывшихъ когда-то бокумировъ (собств. богумилы). И въ настоящее время, говорятъ, никто не можетъ переплыть черезъ него, потому что какое-то существо въ водѣ схватываетъ и топитъ (плавалъ, однако, въ немъ свободно старый попъ Радое, недавно умершій; вообще же тамъ никто не умѣетъ

плавать); а въ старое время оно было полно какихъ-то демоновъ, вслѣдствіе чего ночью мимо него не было прохода. Но случайно двоихъ застигла ночь, какъ разъ когда приводилось проходить мимо этого озера. Одинъ изъ нихъ былъ *домишлянъ* (человѣкъ мудрецъ), который отчасти вѣдается и съ сверхъестественными существами Онъ зналъ все, что̀ ихъ здѣсь ожидаетъ, и зналъ характеръ тѣхъ существъ, отъ которыхъ угрожала имъ погибель. Сообразно съ тѣмъ они скинули штаны и соединили ихъ въ одно; затѣмъ всунули свои ноги въ одну калошу, какъ будто у нихъ только одна нога, и такъ спокойно легли спать, разсчитывая, что тѣ озерные духи удивятся тому и имъ ничего не сдѣлаютъ. И дѣйствительно въ полночь выходитъ изъ озера чудовище и прямо къ нимъ. Что за чудо! одна нога, два трупа, двѣ головы и четыре руки; это тоже чудовище! Вышедшій изъ воды вертѣлъ, вертѣлъ ихъ туда и сюда; но ничего не могъ понять и бросилъ, заключивши: «Плохо намъ тутъ; выживутъ они насъ отсюда! вѣдь вотъ стоитъ только подкопать этотъ камень, чтобы онъ наклонился къ озеру; потомъ разложить большой костеръ, чтобъ камень раскалился до красна, а затѣмъ столкнуть его въ воду: вода вскипитъ и намъ конецъ»[1]). Проговоривъ это, глава тѣхъ духовъ ушелъ; а домишлянъ все то выслушалъ и назавтра разсказалъ бокумирамъ, которые такъ точно и поступили. Всѣ дьяволы изъ того озера выскочили и послѣднимъ вышелъ ихъ старѣйшина на конѣ и съ обожженнымъ плечомъ; и при этомъ изрекъ проклятіе бокумирамъ, что они должны погибнуть и слѣда ихъ не должно остаться. Проклятіе осуществилось. Бокумиры однажды перессорились и перебили другъ друга, такъ что никого не осталось отъ нихъ. Оттуда и теперь въ Кучахъ пословица: «Утр'ó се траг, као бокумирима». На Момоневѣ близъ Бокумирскаго озера есть мѣсто, называемое «бокумирско гробље». Это ровная голая

---

1) По другому разсказу озерные дьяволы для разрѣшенія этой загадки послали за *домишляномъ исподъ Каримана*, который и прибылъ къ нимъ верхомъ на козлѣ и высказалъ упомянутое выше мнѣніе.

мѣстность изъ сплошныхъ плитъ, въ которыхъ находятся трещины, и въ каждой трещинѣ стоитъ камень, всего до сотни или болѣе. Камни эти торчатъ въ родѣ того, какъ часто имѣютъ обычай дѣлать то чабаны; а могли быть поставлены и въ старое время въ воспоминаніе множества погибшихъ тутъ людей, тѣла которыхъ положены не подъ этими природными плитами, для поднятія которыхъ и теперь нѣтъ человѣческихъ силъ, а въ другомъ мѣстѣ или просто брошены, гдѣ попало; знаки-же эти поставлены только въ воспоминаніе ихъ и по числу погибшихъ, какъ то дѣлалось и въ позднѣйшее время. Въ Плавскомъ озерѣ также живетъ какое-то чудовище *караконджула*, которое по ночамъ выходитъ на берегъ, хватаетъ человѣка, садится на него и, будучи въ четыре раза больше его, заставляетъ возить себя цѣлую ночь. Поэтому тамъ люди ночью никогда не проходятъ въ одиночку, а всегда партіями. То-же разсказываютъ и объ озерѣ Рикавцѣ (въ Кучахъ): люди видятъ, какъ по ночамъ огненный змѣй падаетъ въ него, возвращаясь изъ своихъ похожденій по бѣлому свѣту.

в) *Дивы и псоглавы.*

Кромѣ водныхъ, есть особенныя существа и въ пещерахъ, которыхъ множество по всей Черногоріи.

Одно изъ такихъ существъ представляетъ собою *див*, въ настоящее время исчезнувшій. Это демонъ въ образѣ человѣка, обладающій необыкновенною, сверхъестественною силой, которую онъ и практикуетъ постоянно надъ обыкновеннымъ, сравнительно съ нимъ весьма слабымъ человѣкомъ. Въ сборникѣ Вука Стеф. Караджича есть пѣсня «Іован и дивски старјешина», которую Аѳанасьевъ приводитъ въ параллель съ нашею былиной о змѣѣ Горынычѣ. Въ Черногоріи также есть разсказы объ дивѣ, который обыкновенно хватаетъ человѣка, если онъ случайно, укрываясь отъ непогоды, попадаетъ въ пещеру или недалеко отъ нея попадется ему на дорогѣ.

Такъ шелъ однажды человѣкъ по дорогѣ, а его встрѣчаетъ

дивъ, и пошли они вмѣстѣ. Проходятъ мимо громадной черешни, какъ дубъ. «Давай черешни ѣсть» — говоритъ человѣкъ. — Давай! — отвѣчаетъ дивъ. «Прихвати одну вѣтку» — опять продолжаетъ человѣкъ. Дивъ схватилъ дерево за самую верхушку, пригнулъ её до земли: «На — говоритъ — держи!» — Только человѣкъ ухватился за неё, а она расправилась и подняла человѣка такъ, что его перебросило черезъ дерево; но на счастье онъ упалъ на снопы жита, гдѣ сидѣлъ заяцъ, котораго онъ и придавилъ своимъ тѣломъ. «Что ты такъ подскочилъ?» — спрашиваетъ дивъ. — А я увидѣлъ зайца и вотъ онъ. — Удивился дивъ ловкости и высокому скоку человѣка. — «Ну, вижу я, — говоритъ дивъ, — что ты хорошо прыгаешь; теперь давай помѣряемся силой». — Взялъ дивъ камень, сжалъ его въ рукѣ такъ, что онъ весь обратился въ песокъ; а человѣкъ вынулъ изъ торбицы яйцо, сжалъ его въ рукѣ, треснуло оно, и пролилась жидкость. Тогда дивъ схватилъ кусокъ сухого дерева, сжалъ его такъ, что изъ него выступила вода; а человѣкъ вынулъ небольшую кубышку съ виномъ, сжалъ её, она растрескалась, и изъ нея потекло вино, которое дивъ принялъ за кровь. «Теперь, давай поборемся» — говоритъ дивъ. Схватились; сжалъ дивъ человѣка такъ, что у него глаза налились кровью и чуть не выскочатъ. «Что ты такъ смотришь?» — А я теперь только начинаю приходить въ ярость и смотрю вверхъ, куда бы тебя забросить. — Э! если такъ, то не надо намъ больше; а лучше мы будемъ съ тобою побратимы. — Отпустилъ его дивъ и побратимились они, давши обѣщаніе помогать другъ другу.

Есть еще разсказы (одинъ изъ нихъ приведемъ ниже во всей цѣлости) о дальнѣйшихъ ихъ похожденіяхъ; но для насъ достаточно и этого для характеристики дива, какъ существа, въ которомъ смѣшиваются два начала: природное человѣческое и сверхъестественное демоническое. Близки къ нему по характеру *псоглави*: это люди съ однимъ глазомъ во лбу, громаднаго роста и соотвѣтствующей тому силы, совершенно какъ циклопы въ греческомъ преданіи. Въ Морачѣ есть равнина «на Татаришта», на воз-

вышеніи Косъ, носящая названіе *псоглавья ливада* и тамъ же ихъ пещера. Они дѣлали различныя насилія людямъ; но одинъ морачанинъ хитростью перебилъ ихъ всѣхъ изъ ружья и съ тѣхъ поръ ихъ не стало больше (въ томъ же родѣ въ собраніи сказокъ Вука Караджича: *Дивлян*, № 38; а мы также приводимъ ниже цѣлый небольшой разсказъ [1]).

г) *Унгревы.*

Въ очень давнее время былъ какой-то народъ *унгреви*, необыкновенно сильный и воинственный. Они жили въ Комѣ и, сверхъ силы, обладали способностью взбираться по самымъ неприступнымъ крутизнамъ, даже по отвѣснымъ скаламъ и утесамъ. Они воевали съ вилами, но вилы ихъ одолѣвали; а иногда они бывали другъ съ другомъ въ союзѣ, и тогда были конечно страшно сильны и опасны для человѣка. Когда не стало вилъ или ихъ осталось немного, унгревы стали для людей еще страшнѣе. Юнаки обыкновенно старались найти между ними себѣ союзниковъ и если находили, то были непобѣдимы, потому что въ критическія минуты ихъ всегда выручали союзники. Оружіе унгревовъ состояло изъ стрѣлъ, копій и буздовановъ, и они тотчасъ исчезли, какъ только было найдено огнестрѣльное оружіе. О человѣкѣ особенно сильномъ и юначномъ, который всегда побѣждаетъ, и теперь въ Кучахъ говорятъ *унгревит чоvjек*, т. е. вѣдающійся съ унгревами.

Какъ ни сильны всѣ эти народы или существа, представляющія собою смѣшеніе человѣческой природы съ демонической, человѣкъ всегда остается побѣдителемъ, при чемъ ему помогаетъ истинный Богъ или собственный умъ и хитрость. Въ прежнее время и сами люди обладали другими высшими способностями. Такъ, они впередъ знали, когда должны будутъ умереть; но это было вредно для нихъ самихъ, и потому способность эта была у

---

1) Въ русскихъ преданіяхъ они представляются такими же, при томъ необыкновенно прожорливыми и съ собачьими головами *песиголовцы* (въ сказ. объ Алекс. Макед. *Кинокефалы*); см. Аѳанасьева, Поэтич. воззр. Слав. I, 721.

нихъ отнята, и вотъ какимъ образомъ это произошло. Одинъ человѣкъ, зная, что онъ завтра непремѣнно умретъ, беретъ папоротникъ и дѣлаетъ изъ него огорожу. Приходитъ въ это время арханг. Михаилъ и говоритъ ему: «Что ты дѣлаешь? папоротникъ высохнетъ, и у тебя опять не будетъ огорожи». — А что же мнѣ хлопотать,—отвѣчаетъ онъ,— когда я знаю, что завтра умру?— Тогда архангелъ ударилъ его палкой по затылку, и у него тотчасъ же потерялось это сознаніе; и съ тѣхъ поръ люди остаются въ полномъ невѣдѣніи относительно своей смерти [1]).

д) *Вилы.*

Такимъ образомъ черногорецъ рядомъ съ собою отводитъ на землѣ мѣсто для жилища и существамъ сверхъестественнымъ, которыя одарены совершенно иными качествами, иными формами, но тѣмъ не менѣе находятся въ постоянномъ общеніи съ человѣкомъ, то помогая ему, то враждуя, смотря по обстоятельствамъ, по заслугѣ самого человѣка или по ихъ собственному доброму или злому характеру. Первое мѣсто между этими существами занимаютъ вилы, о которыхъ мы до сихъ поръ не упоминали, чтобы на нихъ больше остановиться; такъ какъ онѣ играютъ весьма важную роль, какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи черногорца, и разсказами объ нихъ преисполнена цѣлая страна.

Объ нихъ у сербовъ такъ много поется въ пѣснѣ и разсказывается, что намъ остается только сдѣлать изъ всего выборъ болѣе характерныхъ мѣстъ. И не только сербская народная поэзія знаетъ объ нихъ, но и вообще древнее славянское преданіе. Такъ въ словѣ Христолюбца о славянахъ говорится: «вѣруютъ въ Перуна и въ Хорса..... *и въ вилы, ихъ же числомъ тридевять сестрѣницъ*, глаголять невѣгласи и мнять богинями, и тако по-

1) Собственно Богъ послалъ архангела посмотрѣть, какъ живутъ люди, и, получивъ отъ него извѣстіе объ томъ, послалъ его опять, чтобы онъ отнялъ у человѣка это предвѣдѣніе.

кладывахуть имъ теребы (и короваи имъ ломятъ) и куры имъ рѣжють»; и ниже: «молятся огневи подъ овиномъ и *виламъ* и Мокоши». Есть и въ другихъ памятникахъ древней письменности упоминаніе объ нихъ: «и начаша жрѣти молніи и грому, и солнцю, и лунѣ, а друзіи Перуну, Хорсу, *виламъ* и Мокоши, оупиремъ *и берегынямъ, ихъ же нарицають тридевять сестриницъ*» [1]). Эпитетъ *берегыни* даетъ намъ понятіе, что горы были преимущественно ихъ обиталищемъ. Поэтому мы можемъ сказать, что вилы — существа женскаго пола, обладательницы горъ и лѣсовъ, обитательницы уединенныхъ, почти неприступныхъ пещеръ на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ. Чаще всего встрѣчаются эпитеты ея: *бѣла*, *биогорска вила* или *вила бѣлогорка*, а также *загорка*, *загоркиня;* а затѣмъ идутъ названія по отдѣльнымъ планинамъ: *комска*, *ловченска*, *са врх Широкара*, *са врх Дурмитора* и т. д. Прежде каждая планина имѣла свою вилу и вездѣ были ихъ пещеры и гумна. Въ первыхъ онѣ жили и отдыхали, и передъ ними обыкновенно разстилали холстъ и сукно, а на вторыхъ молотили жито и «играли коло». Такое гумно находится наверху Пустого-Лисца въ видѣ площадки изъ природныхъ плитъ; а Вилина пещера находится и близь Цетинья. *Вилино коло* называется круговинка, покрытая мелкою зеленою травой посреди какой-нибудь голой каменистой равнины: здѣсь онѣ обычно играютъ коло, и кто переѣзжаетъ черезъ такую круговинку, тотъ разрываетъ (развиjа) ихъ коло, и за то вилы мстятъ жестоко. Откуда онѣ произошли и какъ рождаются, объ томъ ничего не знаетъ ни пѣсня, ни вообще народное преданіе; есть только одинъ отрывокъ пѣсни, въ которой вила сама объ себѣ говоритъ:

Мене jе гора родила,
У зелени листок повила;
Jутрења роса падала,

---

1) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. кн. 3, стр. 152—153 и далѣе о вилахъ до стр. 194.

Мене је вилу дојила;
Од горе вјетрић пухао,
Мене је вилу шикао:
То су ми били дадије.

О жилищѣ вилы даетъ намъ понятіе слѣдующая пѣсенка:

Бјела вила град градила,
Ни на небо, ни на земљи,
Витој јели на загранке,
На загранке под облаке [1]);
На град гради троје врата:
Једна врата сувог злата,
Друга врата од бисера (жемчуг),
Трећа врата од мерджана (коралъ).
Што су врата сувог злата,
На њи вила сина жени;
Што су врата од бисера,
На њи вила шћер удаје;
Што су врата од мерджана,
На њи вила сама сједи,
Сама сједи, па бесједи.

Иногда онѣ посѣщаютъ одна другую и вмѣстѣ проводятъ время:

Вила вилу преко горе звала:
«Ој вилице, моја другарице!
Да идемо на Ком на планину,
Да беремо јаблана с Љубана,
Да пијемо воде с Маргарите,
Да гледамо града Колашина,
Како су га чавке прекрилиле».

---

1) Иные поютъ: «Већ на грану од облака».

Странныя однако существа эти вилы! онѣ не злы и своему человѣку, т. е. живущему въ районѣ ихъ планины, всегда покровительствуютъ: предупреждаютъ его объ угрожающей ему опасности, а иногда просто выручаютъ изъ бѣды; вступаютъ съ людьми въ побратимство или посестримство. Но въ то же время онѣ жестоко мстятъ за какую-нибудь мелочь, напр. если кто-нибудь помѣшалъ имъ играть въ хороводѣ. Разсказываютъ случай не изъ давняго времени, какъ одинъ человѣкъ ѣхалъ подъ Комомъ верхомъ; вдругъ конь споткнулся и упалъ, а съ нимъ и всадникъ; ушиблись оба очень сильно, но остались живы. Конь однако издохъ черезъ 5 — 6 дней; а всадникъ тоже захворалъ: у него стала сохнуть вся лѣвая сторона тѣла и наконецъ совсѣмъ высохла. Потратилъ онъ много денегъ на лѣченіе; но все было напрасно, и онъ съ отчаянія самъ себя убилъ изъ пистолета. И все это произошло отъ того, что онъ встрѣтилъ на пути *вилино коло* и *развилъ* его. Такая же месть постигаетъ и того, кто отправится по ихъ слѣду, чтобы открыть ихъ тайну.

Можно вилу ухватить, скрывши ея рубашку, когда она купается, и тогда она сама пойдетъ за похитителемъ и можетъ выйти за него замужъ; но рано или поздно улетитъ, а если будутъ дѣти, то украдетъ и ихъ.

Объ этомъ существуетъ пѣсня, которую приводимъ въ отдѣлѣ пѣсенъ. Случается однако, что вила остается съ мужемъ навсегда. Такъ было въ Ровцахъ съ воеводой Вуксаномъ Булатовичемъ, который избѣгъ плѣна и казни въ Скадрѣ (С. О. № LX.— «Плач три тавничара»). Воротившись домой, онъ познакомился съ вилой и жилъ съ ней въ одной пещерѣ на Комѣ на такой высотѣ и крутизнѣ, на которую никто не могъ взойти. Онъ понесъ туда свое оружіе и всѣ другія домашнія необходимыя принадлежности. Народъ видѣлъ, какъ онъ съ женой разстилали на солнцѣ сукно голубого и краснаго цвѣта. Назадъ тому лѣтъ 35 упалъ внизъ изъ пещеры Вуксановъ мечъ, почему знаютъ, что онъ умеръ; такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ бы его схватилъ. А вилу видятъ и теперь, какъ она то разстелетъ полотно и сукно,

то черезъ 2—3 часа опять собираетъ («Црногорац», 1871, № 11).

Кроясь въ пещерахъ, вилы любятъ зеленую траву и воду; въ одной болгарской пѣснѣ (сборникъ Миладинова) одна «стара самовила» задержала у себя на высокой горѣ 70 ключей и пустила ихъ только для Марка Кралевича, когда онъ её порядочно поколотилъ (Аѳанасьевъ, стр. 184). Есть и въ Комѣ *вилин-извор* и около него *вилино коло*, имѣющее около 20 метровъ въ діаметрѣ. Вода Маргарита подъ вершиной Кома — любимое мѣсто вилъ. Есть и другіе ключи, носящіе названіе *вилина вода*.

Вилы бываютъ капризны и жестоки.

Не на счастье иногда и любовь вилы. Такъ понравилась ей одна дѣвушка Айкуна: три дня она кричала, пока не отозвалась ея мать *дизđар-ајница* и на вопросъ, что ей нуженъ, отвѣтила: тѣло Айкуны, и съ того часа бѣдная дѣвушка расхворалась, а потомъ и умерла.

Одна вила побилась съ дѣвушкой объ закладъ, кто раньше встанетъ и принесетъ воды: вила отвѣчала своимъ богатствомъ, а дѣвушка своею русою головой, и дѣвушка навѣрное погибла бы, еслибъ не разбудила ее ласточка.

Иногда она является, наоборотъ, благодѣтельницею какой-нибудь несчастной. Такъ, одна дѣвушка была слѣпая, и такою её просватали, потому что ни жениху, ни другимъ изъ его родныхъ невѣсту не показывали; а на дорогѣ, когда её везли въ село жениха, спустилась вила и дала ей глаза.

И её самоё постигаетъ иногда несчастіе. Вотъ одна пѣсенка, изображающая несчастіе, постигшее вилу:

Извир вода извирала;
На њу сједи бјела вила;
Бјело лице нагрдила (попортила, исцарапала);
Русу косу подкратила.
Питали ју друге њене:
«О, за бога, друго наша!

Што си лице нагрдила,
Русу косу подкратила?»
— Како, што сам, друге моје?
Имала сам милу шћерцу;
У петак је испросила,
У суботу надомила,
У неђељу укопала!
На гробу јој два ђевера
Лијепу јој пјесну поју:
«Наш бостане објавлени!
У петак си објавио,
У суботу процватио,
У неђељу увенуо!»

Есть пѣсня о женитьбѣ одного барьяктара изъ Кучъ на вилѣ; мы её приведемъ отдѣльно въ сборникѣ пѣсенъ.

e) *Другія мелкія таинственныя существа.*

Есть существо, въ которомъ является воплощеніе дьявола, готоваго человѣку на услугу и въ то же время на погибель его души; это *мачич* (во множ. ч. *мачичи*), котораго если добыть, то будешь всю жизнь богатъ и денегъ будешь имѣть, сколько хочешь, а черезъ нихъ можешь добиться и всего, чего хочешь. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Дж. Ловричъ, описывая обычаи и нравы морлаковъ, говоритъ объ этомъ существѣ, въ которое они вѣруютъ, и называетъ его folletto (mazich). «По народному представленію,—говоритъ онъ,—это чрезвычайно живой и красивый мальчикъ, а въ сущности дьяволенокъ (un diavolino), отъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ отдѣлаться: онъ обыкновенно за-

1) Въ Далмаціи говорится о вилахъ еще и то, что онѣ «сверху до колѣнъ, какъ обыкновенныя дѣвушки; а ниже колѣнъ имѣютъ ослиныя ноги» (Срб. Далм. Магаз. 1865, стр. 42). Въ Черногоріи же мы этого не слыхали, хотя и разспрашивали объ томъ.

нимается служеніемъ кому-либо и спитъ подъ кроватью своего патрона, чтобы всякую минуту быть готовымъ исполнить его приказаніе. И если кому везетъ во всемъ счастье, то говорятъ, что онъ имѣетъ мачича» (Osservazioni, стр. 200). У черногорцевъ мы не нашли такого описанія этого существа, но взамѣнъ того узнали способъ, какимъ образомъ можно его получить. Для этого, во время Великаго поста, нужно взять куриное яйцо, только-что снесенное, и носить его подъ мышкой. Черезъ нѣсколько времени выведется *мачич*; но при этомъ все то время не нужно ходить въ церковь и не дѣлать никакихъ добрыхъ дѣлъ; и душа такого человѣка по смерти его будетъ принадлежать дьяволу. Это тоже самое что у насъ—запродаютъ душу дьяволу, давши ему запись кровью изъ мизинца правой руки и т. п. [1]).

Блудящіе огни называются *сьвиjиће* и *врагови*: слѣдовательно и въ нихъ также усматривается злой духъ (у герцеговинцевъ напротивъ: добрыя души, ангелы).

Въ Далмаціи разсказывается еще про одно существо — *орко* (у Ловр. Orco, Maninorgo — Proteo degli antichi). Это — оселъ съ короткимъ хвостомъ и особенно длинными ушами, который при томъ обладаетъ способностью летать по воздуху, хотя и не имѣетъ крыльевъ. Онъ обыкновенно продѣлываетъ такую шутку съ проходящимъ: начинаетъ ласкаться къ нему, валяться передъ нимъ, и кончается тѣмъ, что путникъ, прельщенный миловидностью и любезностью ослика, садится на него и ѣдетъ; а осликъ идетъ такъ плавно, что путникъ отъ удовольствія задремлетъ; пользуясь этой минутой, *орко* поднимается кверху, летитъ съ путникомъ и выноситъ его на какую-нибудь высоту, съ которой онъ безъ чужой помощи не можетъ сойти: на колокольню, крышу какого-либо высокаго дома, на вершину какого-нибудь высокаго дерева и т. п. и, оставивши его тамъ, исчезаетъ, потѣшаясь тѣмъ,

1) Отъ одного далматинца я слышалъ, напротивъ, что, нося яйцо подъ мышкой, нужно все время поститься и не допускать себѣ никакого нечистаго дѣла. Но это, очевидно, искаженіе основного миѳа.

какъ будетъ около него собираться народъ и какъ будутъ его снимать (С. Далм. Магаз. 1865, стр. 45 — 46). Въ Черногоріи подобное разсказывается, какъ отдѣльный случай. И вотъ какъ и что произошло. Дьяволъ рѣшился погубить одного человѣка; но, не смѣя напасть на него открыто, превращался въ различныхъ животныхъ: въ змѣю, волка, бѣшеную собаку и т. д.; ничего однако не могъ сдѣлать: человѣкъ тотъ всегда спасался. Тогда онъ обратился въ ослика, который и занесъ его далеко на какую-то высокую гору и посадилъ на вершину самаго высокаго бука, откуда тотъ свалился и разбился въ прахъ.

Въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, можетъ быть, задержался остатокъ цѣлаго миѳа, существующаго еще въ Далмаціи.

Для полноты, думаемъ, кстати будетъ сказать и о происхожденіи *орка*, черпая свѣдѣніе изъ того же, хотя бы и чужого, источника.

Когда женщины метутъ комнату въ субботу утромъ и, не выбросивши соръ тотчасъ же въ общую навозную кучу, оставятъ его лежать въ какомъ-нибудь углѣ дома до вечера и вынесутъ только вечеромъ по заходѣ солнца накапунѣ воскресенія или въ самое воскресеніе прежде обѣдни, тогда въ этомъ сорѣ зарождается какое-то четвероногое животное въ родѣ жеребеночка. Черезъ 24 часа оно выростаетъ въ осла, который произвольно можетъ претвориться и въ хорошаго коня или лошака. Чѣмъ бы ни сдѣлался изъ этихъ животныхъ, онъ тотчасъ же убѣгаетъ отъ того дома и идетъ возлѣ дороги, показывая видъ, будто пасется, пока не случится какой-нибудь путникъ.

Въ Далмаціи же знаютъ особенное существо, назыв. *вада*, о которомъ также упоминаетъ Ловричъ: «Эхо (vaďa) — не можетъ вредить никому, а есть какой-то духъ, который не дѣлаетъ никакого другого зла, какъ только подшутить надъ кѣмъ-нибудь или напугать кого» (стр. 202). Въ Черногоріи этого миѳа не существуетъ; а *вада* называется мѣсто, отдающее эхо. Такъ одинъ, потерявшій овецъ, на вопросъ, гдѣ онъ ихъ нашелъ, отвѣчаетъ: «А тамъ, въ той проклятой *вадѣ*».

Пугаломъ дѣтей, чтобы они не ѣли скоромнаго въ постные дни, служитъ *корача*. Одинъ отецъ при томъ поступилъ такъ съ сынкомъ, который забирался на *петеръ* и таскалъ съ него оттуда колбаски. Замѣтивъ, что мальчикъ отправился туда, отецъ притаился, а потомъ молча схватилъ его сзади за волосы и приподнялъ, а потомъ сунулъ его тамъ же въ какую-то большую корзину. Тотъ, конечно, завопилъ благимъ матомъ; на крикъ его сбѣжались всѣ домашніе, а въ томъ числѣ и отецъ, который тутъ и объявилъ, что то была корача. Мальчикъ съ тѣхъ поръ уже не скоромился; а въ то же время его примѣръ и разсказы застрашили и другихъ дѣтей:

4. Люди, превращающіеся въ существа сверхъестественныя.

а) *Мора* и *стуха.*

Есть наконецъ еще существо *мора* (кошмаръ), которое по ночамъ душитъ человѣка, наваливаясь на него, и тогда онъ не можетъ пошевелить ни однимъ членомъ. По черногорскому толкованію, это непремѣнно—дѣвушка, которую однако посылаетъ другая женщина, *вѣштица*. Когда она подойдетъ къ спящему, то прежде всего у него начинаютъ отниматься ноги и руки; и тогда, если человѣкъ догадается произнести самую ужасную ругань противъ пославшей ее вѣштицы, ничего не будетъ; если же не предупредитъ, то она схватываетъ его руками за горло и душитъ, сколько хочетъ, впрочемъ всего нѣсколько минутъ. Въ Далмаціи добавляютъ къ этому, что, если, освободившись отъ душенія, вслѣдъ этой *морѣ* бросить ножъ, она не въ состояніи будетъ выйти изъ комнаты и останется на мѣстѣ совсѣмъ голая. Кромѣ того, если дѣвушка была *морой*, то, выйдя замужъ, она тотчасъ сдѣлается вѣштицей. Ловричъ называетъ её Incubo o Smara (Morra) и причисляетъ къ вѣштицамъ (стр. 201). Въ Боккѣ существуетъ особенная молитва противъ *моры и штриги* (stregha, вѣштица): «Ора-мора! не улази у ова двора, јер

су ова двора закључана кључевима светог Тиодора. Свети Тиодоре, свети Симе и Симуне и Симане! сестра ти је верендија (veneranda?), мати ти је топанија. Оне лове не уловиле, док на небу све звијезде не пребројиле, на мору пјеска, по дубовима лишћа, по свјету огништа, а по мору бродове». (У Вука Караджича тоже самое, нѣсколько иначе).

Подобно *морѣ* проникаетъ въ дома еще *стуха*, не смотря ни на какіе замки и запоры; она можетъ пролѣзть во всякую щель и въ замочную скважину. Ея дѣло только все перевернуть *(накутарити)* и перемѣшать, произвести безпорядокъ въ домѣ. Когда кто-нибудь войдетъ въ комнату такъ, что никто его не замѣтитъ, и потомъ увидятъ его неожиданно, то говорятъ, что онъ вошелъ, какъ *стуха*. Это тоже видъ вѣштицы *). Послѣднія два существа не дьяволы уже, а люди, которые однако проникнуты злымъ духомъ и причиняютъ человѣку, если не зло, то безпокойство.

б) *Вѣштица.*

Вѣштица — человѣкъ, можетъ быть и мужчина, а обычно женщина, преимущественно пожилая или совсѣмъ старая, которая питается человѣческою кровью, высасывая ее по ночамъ у избранныхъ ею людей, главнымъ образомъ у родственниковъ или вообще близкихъ. Поэтому есть пословица: «Куд ће вјештица, него на свој род?» Больше всего онѣ нападаютъ на дѣтей и на молодыхъ людей, молодая кровь которыхъ помогаетъ имъ сохранять свою молодость. «Вјештица је на ђецу похлапна, као мора на младога момка» (Гор. Вјен.). Слѣдовъ отъ высасыванія крови не остается никакихъ; только человѣкъ чахнетъ, постепенно слабѣетъ и въ концѣ концовъ умираетъ. Иногда вѣштица мать дѣлаетъ соучастницею и свою дочь. Такимъ образомъ мать и дочь вмѣстѣ рѣшились извести первая своего сына, вторая —

---

*) Въ Босніи её смѣшиваютъ со *здухачами.* (см. З. П. Старович, «И о стухама коју» Босанска-Вила. 1893. № 1. стр. 8 — 10).

брата, и начали свое дѣло. Тотъ сталъ сохнуть съ каждымъ днемъ и наконецъ сталъ совершенно приближаться къ смерти. Въ это время приходитъ одинъ человѣкъ и, увидѣвъ его, въ какомъ онъ положеніи, и разспросивъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, даетъ ему такой совѣтъ: «Ступай въ вашу Велью-долину; тамъ ты увидишь двѣ *куплены* (rubus fruticosa, черная малина), перекрестившіяся такъ, что вершина одной вросла въ землю у корня другой; самый путь приведетъ тебя на это мѣсто, только ты берегись; возьми съ собой двѣ леденицы и ножъ, и когда прійдешь, посѣки ихъ обѣ». Такъ онъ и сдѣлалъ; а когда вернулся, то нашелъ мать и сестру *посьченными* (зарѣзанными); а онъ съ того времени сталъ поправляться и совсѣмъ выздоровѣлъ.

Или вотъ еще одно дѣло, бывшее на Полицѣ, въ турецкихъ Васоевичахъ. Были два дома: въ одномъ множится народъ, а въ другомъ или гибнутъ гдѣ-нибудь (въ битвѣ), или умираютъ, и отъ 9-ти сыновей осталось только двое. Случилось, что у послѣднихъ потерялись козы; пошли сыновья отыскивать козъ, а старый отецъ, по имени Паунъ, остался дома. Ночь; всѣ домочадцы заснули; огонь потухъ; и старикъ заснулъ подлѣ огнища, завернувшись въ свою *япунджу* (родъ плаща); какъ вдругъ на порогѣ показались три женщины: дѣвушка, замужняя и старуха. Послѣдняя тотчасъ превратилась въ курицу и вскочила внутрь дома къ огнищу; потомъ черезъ потухшія головни подошла къ спящему; ступила ему сначала на щиколку ноги, потомъ на колѣно, затѣмъ на кукъ (вертлюгъ, бедренное сочлененіе). Спящій все это чувствуетъ и приготовляется, чтобъ её схватить изъ-подъ япунджи и схватилъ её за обѣ ноги. Она запищала; а подруги стрекнули изъ дома. Ухвативши курицу, Паунъ нашелъ црепулю (въ которой печется хлѣбъ), только безъ отверстія посрединѣ, какъ то бываетъ обычно, и посадилъ въ нее курицу, а сверху прикрылъ сачемъ и еще привалилъ камнемъ. Приходятъ сыновья благополучно. На другой день справляются, не умеръ-ли кто въ Заградьѣ. Оказывается, что въ Дольнемъ-Заградьѣ не умеръ никто, а въ Горнемъ умерла попадья, женщина еще не очень старая и здоровая. Тогда Паунъ

наказалъ своимъ сыновьямъ: «Я пойду, а вы стерегите двери». И стали они въ дверяхъ, держа въ рукахъ ножи. Между тѣмъ Паунъ приходитъ въ Горнее-Заградье, а тамъ уже попадью отпѣли и собрались опустить въ могилу. «Стойте! — говоритъ онъ — она еще живетъ; только соберите сейчасъ 24 добрыхъ человѣка, главарей семействъ». Удивились всѣ, но послушались; собрались 24 добрыхъ человѣка. Тогда Паунъ беретъ изъ нихъ 6 и ведетъ къ себѣ въ домъ. Тутъ застали все, какъ было, и, когда подняли сачъ, изъ црепули выскочила курица, вскочила на порогъ и мгновенно ея не стало; только осталось на порогѣ какая-то слизь и немного пепла, какъ-бы отъ сгорѣвшей соломенки. Возвращаются тѣ-же въ Заградье, а попадья потянулась и пробудилась, удивляясь тому, что ее уложили и убрали, какъ мертвую. Ясно было, что она вѣштица, въ чемъ и сама призналась, и показала еще четверыхъ такихъ. Она же погубила Пауну семерыхъ сыновей и потому семья ея платила Пауну 7 кровей и сверхъ того взяли кумство.

Трудно рѣшить, какъ то было въ дѣйствительности, но что былъ такой процессъ и состоялось такое рѣшеніе, кромѣ разсказчика, подтвержали и другіе.

Изъ этого видно, что можно уловить вѣштицу въ ея продѣлкахъ и избавить отъ гибели намѣченную ею жертву. Такой случай былъ, тоже не такъ давно, на Рѣкѣ-Черноевича. Разболѣлся одинъ; говорятъ, что у него чахотка и спасенія нѣтъ; онъ умираетъ. Тогда по чьему-то совѣту жена его и еще одна знакомая берутъ его капицу и отправляются съ нею въ Голубовцы въ Зетѣ на Кулячинъ-убао, гдѣ жилъ одинъ *вѣштацъ*, который сейчасъ же сказалъ, что все это дѣло его матери, вѣштицы, которая и хочетъ его съѣсть (онѣ обыкновенно съѣдаютъ у человѣка сердце). Отправились онѣ, конечно, никому, не сказавшись, ночью, скрытно, чтобы не узнала мать; а она между тѣмъ все то узнала и явно говорила, что онѣ пошли туда-то и затѣмъ-то, «но, — добавляла, — не одолѣть имъ меня!» Народъ слушаетъ и смѣется такому чуду, не вѣруя ничему. Между тѣмъ вѣштацъ далъ тѣмъ

женщинамъ траву, которую нужно было зашить въ капицу, и велѣлъ имъ набрать воды съ трехъ мѣстъ: часть этой воды больной долженъ былъ выпить, а другою частью умываться. Лѣченіе это должно было продолжаться 6 недѣль и за все время чтобы не пускали къ больному матери. Такъ онѣ и поступили, прогнавши изъ дома мать, какъ только воротились,—и больной выздоровѣлъ; а траву ту вынули изъ капицы и спрятали въ сундукъ, чтобы старуха-мать не нашла ея; потому что иначе она опять могла взять свое.

Легко узнать вѣштицу по наружному виду:

Ласно ти је познати вјештицу,
Сједих коса, а крст испод носа;
Под облак ће устријелит ждрала,
Камо л' не ће изјести дијете! (Гор. Вјен.).

Болѣе точное описаніе со своими заключеніями сообщаетъ г. М. Шобаичь: «Сухое лицо, худое и блѣдное; глаза сѣрые съ огнемъ, бѣгающіе; длинные подбородокъ и уши; иногда имѣетъ небольшіе усики (*наусниџе*); носъ тонкій и заостренный, а подъ нимъ крестъ; капризный характеръ и т. д. Несчастныя женщины съ такими признаками, данными имъ природой, обречены были на жизнь до самой смерти во всеобщемъ презрѣніи, завидуя своимъ подругамъ, которыя были полныя и румяныя, красивыя, любезныя и за то всѣми любимыя. Такимъ образомъ цѣлая треть женскаго пола осуждена была на презрѣніе и ненависть всѣхъ окружающихъ».

Вотъ еще средство противъ болѣзни, напущенной вѣштицей.

Берутъ ваганъ (большая деревянная чашка), наливаютъ въ него воды и ходятъ по домамъ, предлагая каждой замужней женщинѣ обмыть руки, приговаривая: «Ја изјела, ја вратила»—три раза. Это предлагается всѣмъ, чтобы подозрѣваемая не обидѣлась. Но она, какъ только увидитъ, что подходятъ къ ея дому, старается уйти подъ какимъ-нибудь предлогомъ: за дровами, за водой и т. п. Такую замѣчаютъ; она и есть настоящая вѣштица.

Её задержатъ и заставятъ продѣлать то, что̀ всѣ дѣлали. Потомъ этою водою умоютъ больного и дадутъ ея немного попить, и онъ выздоровѣетъ, если тутъ попалась именно та, которая его испортила.

Вѣштицы имѣютъ свои сборища. Такимъ сборнымъ мѣстомъ служитъ Медено-гувно (между Невесиньемъ и Гацкомъ надъ истоками р. Неретвы), какъ для кіевскихъ вѣдьмъ Лысая-гора. Собираясь туда, онѣ чѣмъ-то намазываются, и это даетъ имъ способность летать. Летя, онѣ приговариваютъ: «Ни о дрво, ни о камен; испод трна, испод драче, нег' у поље под орах на Медено-гувно». А одна свекровь, увидѣвши, какъ то дѣлала ея сноха, найдя завѣтный горшочекъ, намазалась изъ него и полетѣла, но въ приговорѣ спуталась, говоря: «И о дрво, и о камен» и т. д. и вся изодралась; а когда прилетѣла на мѣсто, то ее вѣштицы избили такъ, что послѣ нашли ее всю окровавленную и чуть живую.

Онѣ обращаются въ какое-нибудь летающее существо, въ птицу или бабочку (лепериц̀а). Поэтому, если влетитъ вечеромъ въ комнату бабочка, то нужно поймать ее, опалить ей усики и сказать: «Дођи сјутра, даћу теби соли»; на другой день непремѣнно прійдетъ кто-нибудь за солью, и это будетъ вѣштица. Особенно онѣ дѣйствуютъ на заговѣнье передъ Великимъ постомъ. Тогда случается, что курица вечеромъ вдругъ полетитъ къ огню; ее нужно тотчасъ толкнуть въ огонь, чтобы обгорѣла; а назавтра непремѣнно найдется какая-нибудь обожженная женщина.

Чтобы изобличить вѣштицу, есть много средствъ. Между прочимъ во время совершенія литургіи въ церкви нужно перевернуть надъ алтаремъ черепицу, и тогда всякая вѣштица, находящаяся въ церкви, упадетъ въ обморокъ. Священникъ можетъ узнавать ихъ на исповѣди. Или вотъ еще средство узнавать вѣштицу, впрочемъ довольно сложное.

На первое марта раньше заутрени нужно набрать въ кубышку воды и, пока не окончилась обѣдня, обойти село или городъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ не было бы слышно пѣнье пѣтуха, и на четырехъ мѣстахъ на перекрестъ полить той воды; затѣмъ

взять одну частицу чесноку и войти въ церковь; тамъ увидишь вѣштицу, сидящую на бѣломъ конѣ.

Наканунѣ заговѣнья (у очи бијелијех поклада) передъ Великимъ постомъ, утромъ только-что возьмешь съѣсть первый кусокъ хлѣба или картофеля, откуси и положи подъ лѣвое колѣно и носи до вечера; а послѣ сдѣлай изъ того кружокъ съ пустою серединой и засуши то. Потомъ выйди въ полночь, стань на мѣсто, откуда видны всѣ дома или большая часть ихъ, и посмотри въ то колечко, тогда увидишь, какъ вылетаютъ вѣштицы.

Въ Далмаціи говорятъ, что священникъ, когда выйдетъ со святыми дарами на литургіи, взглянувши на народъ, можетъ увидѣть всѣхъ вѣштицъ, потому что у всякой такой женщины съ головы виситъ какая-то *цуца*, какъ у индюка, а у мужчины— рожокъ на головѣ.

Тамъ же говорятъ, если въ какомъ-нибудь домѣ умираютъ дѣти скоропостижно и есть какая-нибудь старая женщина, то домашніе тотчасъ нападаютъ на неё: «Ступай и исповѣдайся священнику, старая вѣштица!» Бѣдная старуха идетъ къ священнику и заклинаетъ его солнцемъ и мѣсяцемъ сказать, вѣштица-ли она» (Срб. Далм. Маг. 1865, стр. 43 — 44).

Въ Черногоріи говорятъ, что человѣкъ родится иногда въ рубашкѣ, которая бываетъ бѣлая или красная: въ первомъ случаѣ изъ родившагося выйдетъ *здухач*, о которомъ еще будемъ говорить, и такую рубашку нужно беречь, а безъ нея ребенокъ умретъ; изъ красной же рубашки выходитъ вѣштица, и потому ее нужно тотчасъ же сжечь; тогда тотъ человѣкъ будетъ все знать, какъ вѣштица, но не въ состояніи будетъ никому сдѣлать зла.

Всѣхъ разсказовъ о вѣштицахъ не переберешь. Ловричъ называетъ ихъ *viexizce* (streghe); *штригами* же онѣ называются иногда и въ Черногоріи; и еще называетъ *чаровника*—factor di stregherie; а въ противуположность имъ *бахорнице*, которыя предохраняютъ отъ вѣштицъ; поэтому чтобы обезпечить себя отъ «malia convien farsi amiche le baornizce». Объ нихъ онъ го-

воритъ достаточно, указывая на различныя средства, употреблявшіяся противъ нихъ въ древнія времена, ссылаясь на римскаго натуралиста Плинія (стр. 195 — 198).

в) *Тенацъ*, *вампиръ* или *вукодлакъ*.

Послѣднее названіе почти неизвѣстно въ Черногоріи; оно больше извѣстно въ герцеговинскихъ краяхъ; а обычныя названія другія два, отъ которыхъ произведены глаголы *потенчити-се* или *повампирити-се*. Будемъ держаться перваго, какъ болѣе распространеннаго, такъ какъ часто приходится слышать и проклятія: «Да Бог дасе потенчио!».

Тенацъ оказывается только по смерти, при чемъ тѣло такого умершаго человѣка не разлагается, и онъ можетъ подняться изъ могилы и ходить, безпокоя живыхъ людей. Оставивши молодыхъ женъ, они приходятъ по ночамъ къ нимъ, при чемъ не могутъ помѣшать имъ никакіе запоры; а иногда ходятъ и къ чужимъ женамъ, и отъ этихъ посѣщеній могутъ быть существенныя послѣдствія. А иногда они просто безцѣльно бродятъ, безпокоя и страша людей. Чтобы понять сущность этого особаго состоянія человѣка, всего лучше приведемъ нѣсколько разсказовъ объ нихъ.

Умеръ одинъ человѣкъ и погребенъ былъ, по обычаю, на кладбищѣ около церкви. Прошло нѣкоторое время, какъ жена его объявляетъ барьяктару, что она не имѣетъ отъ него покоя: каждую ночь онъ приходитъ къ ней и ложится, и не помогаютъ при томъ никакіе запоры. Не вѣритъ барьяктаръ; но ставитъ кругомъ дома вдовы крѣпкую стражу; запираютъ двери засовами; иные не спятъ всю ночь по очереди; отъ порога до кровати той вдовы посыпали золы. Встаютъ утромъ, вдова свидѣтельствуетъ о посѣщеніи ея покойникомъ, а еще бо́льшимъ доказательствомъ того служатъ оставшіеся на посыпанномъ золой полу слѣды. Убѣдившись *несомнѣнно* въ бродяжествѣ мертвеца, отправляются

провѣдать его на мѣстѣ, посмотрѣть, какъ онъ находится въ могилѣ, и взяли при этомъ терновый колъ. Откапываютъ могилу, а онъ тамъ сидитъ, «избуліо очи» и говоритъ имъ: «Зачѣмъ несёте колъ? посѣките меня ножемъ!» — а ножъ ему, извѣстно, ни почемъ; поэтому, вмѣсто ножа, ударили въ него острымъ коломъ; изъ него потекла жидкость, и онъ уже больше не вставалъ. Тенацъ, сохраняя тѣло, не имѣетъ костей и представляетъ собою мѣхъ, наполненный кровью или другою какою-то жидкостью; поэтому онъ и можетъ пролѣзать сквозь самыя малыя дырочки и щели, какъ мышь. Такъ въ Братоножичахъ убило громомъ одного офицера: онъ весь побагровѣлъ, и люди поторопились его похоронить на планинѣ Турьякъ. Прошло нѣкоторое время, какъ онъ сталъ выходить изъ могилы, кричать по ночамъ и навѣщать свою жену, которая и жаловалась на то. Проходили мимо его могилы въ позднее время по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и видѣли, какъ онъ встанетъ изъ могилы въ саванѣ (мртвачка кошуля) и кричитъ, чтобы не приближались къ нему, иначе постигнетъ бѣда. Не только ночью, бывало то и днемъ: встанетъ онъ и кричитъ: «Кои сте и зашто сте пошли?»... Замутились и всѣ Кучи. Тогда отправилась толпа; изъ нея нашелся одинъ храбрый человѣкъ, который рѣшился допросить его, кто онъ, и когда узналъ, что онъ *лампиръ*, проткнулъ его штыкомъ отъ турецкаго ружья: тогда изъ него хлынула кровь, и онъ упалъ, послѣ чего его опять уложили въ могилу и закопали, и онъ уже больше не вставалъ. При этомъ видѣли, что могила была совершенно цѣлая, только и была маленькая дырочка, въ которую могла бы пройти мышь!

Продѣлываютъ они и другія штуки. Такъ въ одномъ мѣстѣ въ Васоевичахъ (въ Турціи) былъ такой случай. У одного хозяина было достаточно овецъ; поставятъ ихъ въ торъ; какъ на другой день овцы разогнаны, а сѣно разбросано по всему тору. Стали догадываться. Взяли *пастуха* (жеребца) и повели его по кладбищу: шелъ онъ вездѣ спокойно, а черезъ одну могилу не идетъ, что ни дѣлали съ нимъ. Тогда стали раскапывать могилу и нашли въ ней мертвеца съ совершенно цѣлымъ тѣломъ, только

разодраны были чулки, вслѣдствіе странствованій, которыя онъ совершалъ по ночамъ. Тогда взяли дреновый колъ и проткнули имъ мертвеца какъ разъ въ сердце: онъ издалъ такой страшный крикъ, что было слышно до неба; но потомъ его закопали и уже никакихъ проказъ больше не было. Это было въ 1874 г.

Тенцемъ не родится человѣкъ, какъ вѣштица или здухачъ, а дѣлается имъ впослѣдствіи. Это человѣкъ, который всю жизнь свою дѣлалъ зло, а никогда добра: ни одному бѣдняку не давалъ ни сольда, давалъ деньги взаемъ подъ большіе проценты, продавалъ вино, подмѣшивая къ нему воды; продавая жито, также предварительно смачивалъ его водою, чтобы оно было тяжеле, и вообще мѣрилъ фальшивою мѣрой и т. д. Одинъ такой былъ погребенъ въ святомъ мѣстѣ, которому за то сдѣлалъ значительное пожертвованіе; но это не помогло: по ночамъ онъ вставалъ, бродилъ, держа въ зубахъ саванъ, и кричалъ до тѣхъ поръ, пока не прокололи его дреновымъ коломъ. Разсказывая объ этомъ, мнѣ добавили, что должны еще два потенчиться, изъ которыхъ одинъ при мнѣ уже умеръ, понесши много грѣховъ на душу; но прошло уже два-три года и ничего изъ того нѣтъ; а другой, носящій на душѣ еще больше грѣховъ, еще живъ, но удалился въ Австрію, гдѣ тенцевъ не полагается (умеръ и онъ). Существуетъ и та примѣта относительно тенцевъ: черезъ такого мертвеца, пока онъ находится въ домѣ, всегда перескочитъ кошка или собака, тогда какъ черезъ чистаго, добраго человѣка — никогда.

Въ Серб. Далм. Магазинѣ (1865) мы читаемъ такое опредѣленіе вукодлака: «Это мертвецъ, который на третій день выходитъ изъ могилы, но безъ тѣла, такъ какъ дьяволы снимутъ съ него кожу, надуютъ её, какъ мѣхъ, она тотчасъ оживетъ и въ видѣ человѣка бродитъ и пугаетъ свѣтъ; больше 40 дней она однако не можетъ жить и послѣ того опять возвращается въ могилу. Если на могилѣ окажется трещина, тогда навѣрное мертвецъ изъ нея вылѣзъ. Его можно убить только коломъ терновымъ или изъ боярышника; стрѣлять же въ него нельзя, потому что разорвало бы ружье. Гдѣ появится вукодлакъ, тамъ никто не смѣетъ

ночью выйти на дворъ, чѣмъ пользуются нѣкоторые для воровства или для какихъ-нибудь проказъ. У обоихъ исповѣданій (православ. и катол.) есть убѣжденіе, что православные не вукодлачатся и не вылѣзаютъ изъ могилъ, а только римско-католики; православные же бываютъ *очайници* (стр. 44—45). Ловричъ называетъ ихъ vampiri (vukodlaci), «spiriti erranti di notte»; они, какъ и всѣ другіе, состоятъ изъ кожи, которую дьяволы надули и наполнили кровью. Ихъ узнаютъ по тому, что черезъ нихъ перескакиваютъ животныя, какъ собака, кошка, мышь и т. д. Далѣе онъ говоритъ: «Дурного отъ нихъ происходитъ только то, что они ходятъ къ чужимъ женамъ, которыя потомъ безъ стыда разсказываютъ, какъ вампиры силой вынуждали согласіе ихъ на свое требованіе. Questi sono spiriti, come ben se vede, cui piace adulterare». Это по его мнѣнію — уловка, посредствомъ которой женщины, грѣша съ другими, стараются умирить ревность своихъ мужей. «Se poi qualche marito, trovasse in otto il vampiro colla propria moglie, si crede, che il vampiro gli salti addosso, ed alle volte eserguisca ancora qualche spago brutale.— Cosi gli uomini scaltri si sanno prevalere fra noi della ignoranza altrui, per soddisfare ai proprj appetiti» (стр. 199 — 200).

Черногорскіе вампиры этимъ занимаются гораздо меньше, чѣмъ далматинскіе, потому что черногорецъ тотчасъ расчитался бы съ женой и съ вампиромъ, еслибъ его засталъ съ нею; они больше только пугаютъ. Бываютъ тутъ и плутни какія-нибудь или просто желаніе опозорить какой-нибудь домъ; а чаще всего это происходитъ отъ чрезвычайно живой фантазіи черногорца, создающей ему самые причудливые образы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и склонности къ преувеличенію во всемъ: изъ какого-нибудь туманнаго пятна онъ создаетъ цѣлую картину, изъ падающей звѣзды — огненнаго змѣя, изъ крика птицы — стоны и завыванья мертвеца и т. д. Но вѣрованіе въ это существо такъ глубоко сидитъ въ черногорскомъ народѣ, что въ настоящее время, когда я пишу эти строки (1892, 15 сент.), возникло по поводу повампирившагося дѣло на Цеклинѣ, гдѣ вотъ уже цѣлую

недѣлю производятъ слѣдствіе два члена великаго суда, и это будетъ стоить огромныхъ издержекъ, потому что судьямъ полагается за то извѣстная діурна и путевыя издержки, тоже самое привлекаемымъ къ слѣдствію свидѣтелямъ, затѣмъ идутъ штрафы, а не обходится дѣло и безъ тюрьмы. И не смотря на все это, если не отроютъ мертвеца и не найдутъ тѣла его въ разрушающемся состояніи (умеръ около полугода назадъ), народъ останется при своемъ вѣрованіи. Просвѣщенный владыка Петръ II такимъ именно путемъ и поученіемъ разрушалъ это суевѣріе: онъ позволялъ раскапывать, но посылалъ для этого людей, о которыхъ зналъ, что не поддадутся общему увлеченію и ему не солгутъ.

г) *Здухачи.*

Человѣкъ помимо своей воли можетъ сдѣлаться *здухом* (множ. ч. *здухови*) или *здухачем*, который называется также *вједогоња*. Здухачемъ можетъ быть и всякое домашнее животное: собака, волъ, кошка, курица. Это собственно особенное состояніе человѣка или животнаго, при которомъ душа отрѣшается отъ тѣла, оставивъ его въ полумертвомъ состояніи, и носится въ пространствѣ. Человѣкъ впадаетъ въ такое состояніе большею частью ночью и все проходитъ благополучно, такъ какъ тогда никто его не тревожитъ; поэтому и спятъ они отдѣльно. Если это состояніе случится днемъ и обмершаго перенесутъ на другое мѣсто, то духъ уже не воротится въ тѣло и человѣкъ умретъ. Одинъ обмеръ такимъ образомъ гдѣ-то внѣ дома; его принесли въ домъ и, считая мертвымъ, зажгли въ головахъ восковую свѣчу. Онъ очнулся и сказалъ: «Охъ! что вы сдѣлали! вы сожгли меня свѣчой, иначе я остался бы живъ» и тутъ же умеръ.

Случилось также, что одинъ обмеръ и лежалъ на дворѣ, въ то время какъ была сильная гроза съ дождемъ; и его хотѣли внести въ домъ; но нашелся знающій человѣкъ, который отклонилъ отъ того, и онъ потомъ ожилъ. Иногда жизнь и смерть здухача зависятъ отъ погоды, и онъ впередъ знаетъ, что съ нимъ

будетъ. Такъ пришелъ на Цетинье одинъ браичъ, расхворался немного и говоритъ: «Если вечеромъ будетъ ведро, я останусь живъ; а если будутъ тучи, то умру» — и умеръ вслѣдствіе того, что въ пасмурные дни здухачи летаютъ и бьются; и онъ, какъ здухачъ, былъ убитъ.

Когда здухачи летаютъ, то объ нихъ говорятъ: «*отишли су у вјетрове*». И это бываетъ обыкновенно отъ заговѣнья передъ Филипповскимъ постомъ до рождества, пока не легъ снѣгъ, но бываютъ сильные вѣтра; а также при концѣ зимы во второй половинѣ февраля и до половины, а иногда до конца марта. Иной годъ ихъ вовсе не бываетъ. Въ 1884 г. мартъ мѣсяцъ былъ особенно благопріятенъ для нихъ. Моя квартирная хозяйка каждую почти ночь слышала, какъ они свистятъ въ воздухѣ, носясь съ бурею, и однажды разбудила меня послушать ихъ. То было 16 марта передъ разсвѣтомъ; погода была страшная: снѣгъ мѣшался съ дождемъ; порывы вѣтра несли эту массу въ видѣ густого тумана; сверкала молнія, грохоталъ громъ, въ воздухѣ происходила какая-то кутерьма и слышался то свистъ, то завываніе. Растворивъ окно и высунувшись немного, и я слышалъ эти свистъ и вой вѣтра; а хозяйка моя въ какомъ-то благоговѣйномъ настроеніи говоритъ: «Чу! какъ поютъ они — *путници;* пошли они высоко-высоко! *срећан им пут!*» Затѣмъ стали пѣть пѣтухи и здухачи затихли.

Можно ихъ слышать и днемъ въ высокихъ горахъ, гдѣ есть большой лѣсъ. Иногда, вопреки всѣмъ добрымъ признакамъ, хорошая погода не устанавливается: это все они мутятъ.

Летая въ воздухѣ, здухачи бьются между собою въ одиночку или цѣлымъ войскомъ, въ которое соединяются безъ различія вѣры и народности, пола и возраста, не исключая и простыхъ животныхъ. Они дѣлятся на здухачей съ этой стороны Адріатическаго моря и съ той или *прекоморски*. Дѣлясь такимъ образомъ на два войска, они бьются, отстаивая урожай на все (беріћет) и сборъ всего: молока, всякихъ плодовъ и овощей и т. д., и вообще за счастье цѣлаго своего края. Есть между ними осо-

бенно сильные и юнаки. Таковъ былъ Махомутъ-паша, который погибъ на Крусахъ. Онъ былъ великій здухачъ, потому что мать носила его въ утробѣ три года, и противъ него ничего не могли сдѣлать заморскіе здухачи. Это признавалъ и владыка св. Петръ и потому никакъ не хотѣлъ съ нимъ воевать и три раза писалъ ему письма, чтобы уладить дѣло миромъ. Но онъ не послушался и святой проклялъ его со словами: «Дай, Богъ, чтобъ ты сгорѣлъ!» Такъ и случилось; только раньше того отрубленная голова была принесена владыкѣ. А польза отъ него была большая цѣлому краю, вмѣстѣ и съ Черногоріей; съ тѣхъ поръ нѣтъ уже такихъ урожаевъ, какіе были прежде; все уносятъ заморскіе здухачи. Умнѣйшій владыка Даніилъ (не князь-ли Даніилъ?) не вѣрилъ въ вѣштицъ; а здухачей признавалъ. Въ Кучахъ однажды говорили: «Мы померли-бы съ голода, еслибъ не *шаров* (собака) *пиперски* и *ђевојка из Диноша*», которые были здухачи.

Въ одномъ селѣ въ Пиперахъ былъ такой волъ. Бывало, только надвинутся тучи, особенно ночью, онъ и ляжетъ, какъ мертвый, и только стонетъ; и никто не смѣетъ его тогда тронуть, потому что тогда онъ не остался бы живъ. И это было большимъ счастіемъ для села. А смерть такого животнаго всегда сопровождается какимъ-нибудь несчастіемъ. Если животное стонетъ по ночамъ, то оно непремѣнно здухачъ, и имъ нужно дорожить.

Здухачи бываютъ еще *земски* и *морски*: первые насылаютъ сухіе вѣтры и производятъ засуху, а вторые — дождь. Поэтому погода зависитъ отъ того, какой здухачъ одолѣлъ. Есть одинъ поноръ въ Черногоріи, изъ котораго по временамъ поднимается паръ; тамъ сидитъ земной здухачъ, загнанный морскимъ, и, усталый, тяжело дышетъ, отчего и поднимается паръ. Оружіемъ въ битвахъ здухачей служатъ: соломенка, листъ съ дерева, тонкая вѣточка, лучинка, щепка, яичная скорлупа и другіе легкіе предметы; а главное оружіе составляетъ полѣно, обгорѣлое съ двухъ концовъ. Поэтому никогда не допускаютъ, чтобы полѣно на огнищѣ горѣло съ двухъ концовъ; а также нельзя зажигать и лучину то съ одного, то съ другого конца, потому что это по-

служило бы здухачамъ самымъ жестокимъ оружіемъ. Потому-же никогда не оставляютъ цѣльною скорлупу яичную, а непремѣнно её раздавятъ. Если въ клубкѣ какой-либо пряжи подмотокъ изъ обрывковъ той же пряжи, особенно шерстяной, то имъ здухачи будутъ убивать; поэтому наматывать пряжу нужно непремѣнно на щепочку, корочку хлѣба или окласину.

Не смотря на такое плохое оружіе, ударъ здухача очень жестокъ, и рана, получаемая отъ него, неизлѣчима: человѣкъ умретъ непремѣнно, хотя не вдругъ, а дается срокъ въ нѣсколько дней или недѣль, и умираетъ, какъ будто отъ болѣзни. А можно и спасти.

Былъ одинъ цеклинянинъ здухачъ, и забили его другіе здухачи такъ, что онъ долженъ былъ умереть и вотъ умираетъ. Приносятъ ему разныя лѣкарства (*понуое*); онъ не принимаетъ ничего, потому что все напрасно. Наконецъ онъ выгоняетъ изъ дома всѣхъ, кромѣ одного брата, извѣстнаго юнака; отогнали и отъ дверей всякаго, чтобы не подслушали. Тогда умирающій и говоритъ брату: «Я умру непремѣнно, *ако се не замијеним* (т. е. не погибнетъ его противникъ); а ты можешь это сдѣлать и спасти меня, если только хватитъ духа». Братъ, конечно, даетъ обѣщаніе; тогда больной продолжаетъ: «Ты долженъ въ эту же ночь отправиться на такую-то планину, часа за три или за четыре отсюда, и путь идетъ почти сплошь черезъ густой лѣсъ. Дойдешь ты подъ одну *ска́лу* (крутой спускъ по уступамъ, какъ по лѣстницѣ) и тамъ остановись, а будетъ тебѣ очень страшно. Для ободренія себя возьми двѣ твои леденицы и ножъ въ серебряной оправѣ». — Возьму и ружье, — добавляетъ братъ. — А тотъ продолжаетъ: «Можешь взять его, но тоже только для бодрости, а помощи отъ того никакой не можетъ быть, только ножъ непремѣнно долженъ быть при тебѣ». — Могу пойти и вовсе безъ оружія, *с бритвом* (малый ножикъ), если приведется на одного, а съ оружіемъ хоть на сотню, — опять перебиваетъ братъ. — Тогда больной продолжаетъ: «Не храбрись много; а только ножъ возьми непремѣнно. Когда ты дойдешь подъ ска́лу, то будетъ на небѣ ведро,

свѣтло и въ воздухѣ тишина; а потомъ примѣтишь отъ Руміи полосу облака (*један прам облака*) и подуетъ вѣтеръ. Облако разростется въ громадную тучу, которая покроетъ все небо, и наступитъ мракъ, какого ты никогда не видалъ; задуетъ вѣтеръ со свистомъ, ревомъ и шипомъ, какихъ ты тоже никогда не слыхалъ; встанутъ дыбомъ у тебя волосы на головѣ, такъ что шапка поднимется, и боюсь, чтобъ ты отъ страха съ ума не сошелъ. А если выдержишь, то увидишь, какъ изъ тучи упадутъ на землю три быка: половой, пестрый и черный (плавоња, шароња и галоња). Послѣдніе два начнутъ бить третьяго, который слабѣе всѣхъ, потому что уже раненъ. Ты старайся ножемъ посѣчь тѣхъ двоихъ; но остерегайся, чтобъ не задѣть плавоню; отъ того была бы мнѣ смерть, а также, еслибы тѣ два одолѣли его».

Выслушавъ все это, братъ беретъ двѣ леденицы, подсыпалъ на полки пороху, подострилъ кремни, приготовилъ такъ, что *не дали бы осѣчки ни на отца родного;* заткнулъ ихъ за поясъ, между ними ножъ и сверхъ того ружье черезъ плечо. Отправляется. Идетъ онъ по темному лѣсу; приходитъ подъ скáлу; мѣсяцъ и звѣзды свѣтятъ, какъ днемъ; а тишина кругомъ и такъ пріятно; сѣлъ онъ и закурилъ трубку. Не прошло много времени, какъ показалось облако отъ Руміи, загремѣло, зашумѣло, и все стало, какъ говорилъ больной, Волосы становились дыбомъ, такъ что онъ три раза прижималъ шапку на головѣ. Наконецъ изъ тучи падаютъ три вола и начинаютъ бой; все, какъ сказано. Тогда онъ ударилъ ножемъ по шеѣ шароню; тотъ зашатался и упалъ; а плавоня ободрился. Затѣмъ ударилъ галоню, и тотъ свалился; а плавоня только добиваетъ ихъ рогами. Не удовлетворился онъ этимъ, и боясь, чтобы повалившіеся не встали опять, ну ихъ рубить ножемъ, пока въ нихъ совсѣмъ духа не стало. А тучи вдругъ не стало; съ нею и плавоня исчезъ. Опять свѣтитъ мѣсяцъ и звѣзды; опять тишина и благодать. Идетъ онъ домой лётомъ; приходитъ и застаетъ брата сидящимъ у огнища и подбрасывающимъ на огонь дрова, здоровымъ, какъ будто болѣзни и не бывало.

Мой разсказчикъ пріурочилъ этотъ случай къ своей мѣстности Цеклину; а между тѣмъ тотъ же самый разсказъ существуетъ и въ сосѣднемъ Приморьѣ, и, можетъ быть, есть и въ другихъ мѣстахъ. Слѣдовательно, это не есть разсказъ, возникнувшій изъ какого-нибудь частнаго случая и изъ головы одного, но общій цѣлому краю, основанный на вѣрѣ въ миѳъ о здухачѣ. Если крутится вихрь, это бьются здухачи; и потому никогда не должно въ него бросать камнемъ: здухачу только вышибешь глазъ, а онъ убьетъ тебя на смерть.

Вообще здухачи, какъ люди, считаются очень умными и добрыми, и потому къ нимъ относятся съ уваженіемъ.

Разница между здухачемъ и тенцемъ та, что первый дѣйствуетъ при жизни и таковымъ родится, а второй дѣлается такимъ по смерти вслѣдствіе его дурныхъ дѣлъ. Поэтому есть брань или проклятіе: «Да Бог да, петенчио се, као што и оћеш, ако Бог да!» У тенца тѣло безъ души, только надутое дьяволами; въ здухачахъ тѣло остается въ обмершемъ состояніи, а носится только духъ.

5. Змѣи, превращающіяся въ людей и обратно.

Мы уже сообщили взглядъ черногорца на змѣю, какъ на существо изъ животнаго царства, заключающее въ себѣ нѣчто особенное, сверхъестественное. Подъ вліяніемъ такого взгляда у народа сложился миѳъ о превращеніи змѣи въ человѣка и человѣка въ змѣю; но, отрѣшившись совсѣмъ отъ своей природы, это существо погибаетъ. У Вука С. Караджича есть пѣсня «Змиjа младожења» въ двухъ варіантахъ, изъ которыхъ одинъ (недоконченный) полученъ изъ Черногоріи. (II, №№ 12 и 13),

По одной пѣснѣ у будимскаго краля Милутина девять лѣтъ не было дѣтей, а когда жена его по совѣту вилы съѣла правый плавень (десно крило) золотоперой рыбы, тогда она забеременѣла; но родилась у нея змѣя. Змѣя эта потребовала у родителей, чтобы её женили на дочери Призренскаго царя. Обладая чудо-

дѣйственною силой, она добивается своего; а когда её, какъ жениха, свели съ дѣвушкой, то она сбросила съ себя змѣиную шкурку и превратилась въ красавца; тогда же мать королева на шумъ, доносившійся изъ комнаты молодыхъ, пошла къ нимъ наверхъ и

«На одаји отворила врата,
Шта да види? чуда големога!
На јастуку од змије кошуља,
У душеку добар јунак спава,
Загрлио Призренку девојку!».

Мать украла змѣиную шкурку и сожгла её; но тогда молодой оказался мертвымъ.

Въ черногорской пѣснѣ такую же, родившуюся отъ женщины змѣю полюбила старшая ея сестра Веруша, передъ которою змѣя ночью —

«Бачи крила и окриље
И отури од себе кошуљу»

и превратилась въ невиданное чудо:

«Није ово змија краосица,
Но је ово огњанити змају»

съ какими-то особенными знаками. Въ то же время этотъ змѣй открылся сестрѣ:

«Да ће сутра лећет' под облаке,
За годину дома доћи не ће».

Чтобы предупредить это, мать сжигаетъ его рубашку, а съ нею сгораетъ и онъ.

Змѣй изъ Ястребца летаетъ къ Милицѣ, женѣ царя Лазаря, и надѣляетъ её своими ласками, конечно, тоже въ видѣ человѣка. По ея жалобѣ, царь Лазарь призываетъ Змай-Деспота-Вука, который и убиваетъ этого змѣя. Когда онъ летѣлъ изъ горы Яст-

ребца, то вся эта гора сіяла отъ него. Въ этомъ отношеніи онъ подобенъ бокумирскому и другимъ огненнымъ змѣямъ.

Но есть пѣсня, въ которой племянникъ воеводы Янка Сибинянина Секула, когда оба они были на Косовомъ полѣ, обратился въ летучую змѣю и ухватилъ турецкаго царя, превратившагося въ сокола; но по какому-то недоразумѣнію Янко стрѣляетъ въ эту змѣю и убиваетъ своего племянника (II, №№ 85 и 86: Секула се у змиjу претворио).

Есть общее между змѣемъ и вилой въ томъ отношеніи, что оба они стремятся къ половому соединенію съ человѣкомъ, сбрасываютъ для этого съ себя обычную свою форму или рубашку, какъ она называется въ пѣснѣ, безъ которой змѣй погибаетъ, а вила навсегда лишается своей волшебной силы. И тотъ, и другая не вступаютъ въ союзъ неразрывный, а послѣдняя хочетъ всегда сохранить за собою свободу улетѣть прочь.

Въ послѣдней пѣснѣ о Секулѣ мы въ природѣ змѣи находимъ общее съ здухачами. Подобно здухачамъ эта змѣя носится по воздуху съ облаками и хочетъ сдѣлать добро своему человѣку; но по неразумію или вслѣдствіе непослушности послѣдняго отъ него-же и погибаетъ.

6. Таинственныя явленія, средства и примѣты.

Кромѣ этихъ миѳовъ, представляющихъ въ своей совокупности цѣлое воззрѣніе на сверхъестественный міръ, есть въ народѣ много суевѣрій, на которыя можно смотрѣть, какъ на мелкіе остатки или обрывки цѣлыхъ, отдѣльныхъ вѣрованій.

Такъ по черногорскому вѣрованію каменьщикъ (*зидар*) обладаетъ тоже какою-то сверхъестественною силой, вслѣдствіе того, что вѣдается съ духами. Онъ напр. можетъ снять мѣру съ твоей тѣни, заложить въ стѣну, и ты непремѣнно умрешь. Нѣкоторые говорятъ, что отъ такого человѣка послѣ того и не бываетъ тѣни. Или онъ переброситъ свой молотъ черезъ домъ, и въ домѣ

всегда будутъ какія-нибудь несчастія. Все это бываетъ, конечно, въ томъ случаѣ, если мастеръ недоволенъ чѣмъ-нибудь; а потому хозяинъ старается всячески угодить ему. Есть обычай, когда выведутъ стѣны и нужно ставить стропила для крыши, то на углѣ колютъ барана, такъ чтобы по стѣнѣ потекла кровь; если не барана, то, по крайней мѣрѣ, пѣтуха. Но кровь необходима. Это остатокъ стараго вѣрованія о необходимости кровавой жертвы при какой-нибудь болѣе или менѣе важной постройкѣ; а иногда приносились въ жертву люди, какъ напр. при постройкахъ Скадарскаго града, моста въ Вышеградѣ и др. Остатокъ этого вѣрованія въ настоящее время мастера обратили въ свою пользу и, чтобы имѣть чаще свѣжее мясо, требуютъ отъ хозяина жертвъ много разъ: какъ только заложатъ фундаментъ, когда кладутъ порогъ въ главныхъ дверяхъ и потомъ когда выведутъ постройку до оконъ.

Кровавая жертва требуется, если открывается новая вода: выкапывается колодезь или проводится изъ какого-либо источника; когда человѣкъ вступаетъ во владѣніе какою-нибудь водою, тогда *треба њу закрвавити*, заколовши какое-нибудь животное и пустивши въ воду немного той крови или порѣзавши себѣ палецъ.

Открытіе вновь какой-либо воды всегда связывается съ появленіемъ козла.

Такъ появилась и Рѣка-Черноевича, вытекающая изъ Ободской пещеры, и объ этомъ существуетъ такое преданіе.

Иванъ-бегъ охотился однажды въ той мѣстности, носящей названіе *Ободъ*, и когда были возлѣ пещеры, изъ нея выскочилъ необыкновенной величины дикій козелъ, весь мокрый, и сталъ отряхивать съ шерсти воду. Охотники устремились на него и убили; но въ тотъ самый моментъ пещера загудѣла, и изъ нея ринулась цѣлая рѣка, такъ что едва не потопила всѣхъ охотниковъ, и съ тѣхъ поръ здѣсь течетъ постоянная рѣка.

Кстати замѣтимъ, что есть преданіе объ этой же пещерѣ, повторяемое иностранцами, писавшими о Черногоріи, будто въ

этой пещерѣ спитъ Иванъ-бегъ со своими воеводами, подобно Карлу Великому съ его паладинами; но народъ объ этомъ ничего не знаетъ, какъ не знаетъ легенды о происхожденіи Васоевичей, выдуманной Экаромъ (см. Т. II, ч. I, стр. 107).

Есть еще Нова-вода, покрытый резервуаръ ключевой воды, между Лупоглавомъ и Вртіельской подъ Добрскимъ-селомъ. Тутъ тоже прежде всего появился козелъ, котораго ухватили и отрѣзали ему ухо, послѣ чего также хлынула вода. Въ добавокъ, отрѣзавшій козлу ухо вскорѣ послѣ того умеръ, и это такъ и должно было быть.

Козелъ въ этихъ случаяхъ представляетъ собою не совсѣмъ чистое существо; поэтому и Дуклянъ является въ сонмъ святыхъ на козлѣ; а когда чудовища изъ Бокумирскаго озера призвали къ себѣ *домишљана испод Каримана*, онъ тоже является на козлѣ. Въ одной сказкѣ, которую приводимъ ниже, старуха колдунья также ѣздитъ на козлѣ.

Что дикія козы находятся подъ особымъ покровительствомъ какихъ-то духовъ, видно изъ одного разсказа, слышаннаго нами въ Кучахъ.

Наверху Кучскаго-Кома есть равнина, называемая *Кољат-од Кома*, на которой обычно собирались дикія козы; мѣсто это было такое, что къ нему и съ него доступъ только съ одной стороны, и если этотъ проходъ занять, то собравшимся козамъ некуда уйти. Собрались однажды тамъ козы со всего Кома; узнавъ объ томъ, Кучи собрали цѣлое войско и окружили ихъ, такъ что ни одна коза не могла уйти. А тутъ на Рогамѣ есть *вилина кућа* или *пећина*, изъ которой и послышался голосъ: «Идите за Кариманс на море, да донесу мађеве-ђускије, да просјечете стијене од Кома: погибе траг козама дивљима у Кољат од Кома». Послышался стукъ-громъ, развалилися утесы, заграждавшіе ту равнину, и козы ушли; только три изъ нихъ оборвались съ утеса и упали, и опять послышался голосъ: «Убише се три; нека за вечеру људима».

Козелъ открываетъ и кладъ. Такъ, былъ въ Голіи нѣкто Кан-

карашъ, который держалъ цѣлое козье стадо и въ немъ одинъ козелъ постоянно взбирался на одну плиту и лежалъ на ней. Погналъ онъ однажды козъ на базаръ въ Рисань, а между ними и того козла, какъ ни жаль ему было; но нужда была. Нашелся купецъ, сторговались, только не могутъ согласиться относительны цѣны козла; хозяинъ требуетъ за него 2 талера, въ тѣ времена цѣна неслыханная, а купецъ не соглашался, прибавивъ къ тому: «Не далъ бы этой цѣны, хотя бы то былъ Канкарашевъ козелъ, который стережетъ богатый кладъ подъ плитой». Намоталъ себѣ это на усъ Канкарашъ, радуясь, что не продалъ. Приходитъ домой и прямо къ той плитѣ: огромная, такъ что не можетъ её сдвинуть съ мѣста; собрали людей и съ большимъ трудомъ подняли, а подъ нею нашли котелъ, полный денегъ; и такимъ образомъ Канкараши сдѣлались богатыми людьми (теперь опять бѣдняки).

Какъ съ овцой соединяется представленіе о существѣ простомъ и невинномъ, такъ въ козѣ предполагается нѣчто хитрое и частью демоническое. Если въ стадѣ смѣшаны овцы и козы, то волкъ переколетъ всѣхъ овецъ, а не тронетъ ни одной козы: причина заключается въ томъ, что овца въ такомъ случаѣ не издастъ никакого крика; тогда какъ коза будетъ жестоко кричать и тѣмъ пробудитъ человѣка. Кромѣ того козы обладаютъ особенною способностью находить воду. Много разъ случалось, что чабанъ, замѣтивъ у козы мокрую бородку, слѣдитъ за нею и находитъ воду въ какой-нибудь сокровенной ямкѣ или въ дуплѣ дерева.

Въ с. Метеризахъ подъ Острымъ-брдомъ (Рѣцкой нахіи) близь дома Пера Митрова Јовичевича есть вода Нова-яма, найденная тоже козломъ; и такихъ много.

Отсюда и проистекаетъ нѣсколько фантастическій, отчасти суевѣрный взглядъ черногорца на это домашнее животное, въ сущности такое же невинное, какъ и овца.

Нахожденіе кладовъ также окружено таинственностями. Обыкновенно привидится человѣку во снѣ, что тамъ и тамъ лежитъ великое *благо* (богатство, кладъ). Не слѣдуетъ никому объ томъ говорить и по дорогѣ ни съ кѣмъ не здороваться; поэтому

лучше всего отправляться ночью и то очень скрытно. Копая, не смѣешь призывать имени Бога; а когда дойдешь до самыхъ денегъ и увидишь ихъ, слѣдуетъ закровавить, иначе онѣ обратятся въ уголь. Одинъ такимъ образомъ дошелъ до горшка съ деньгами, которыя увидѣлъ и ощупалъ, поднявши крышку; но, чтобы закровавить, ударилъ себя по пальцу трнокопицей (родъ кирки) и такъ сильно, что не вытерпѣлъ и закричалъ; а деньги тотчасъ и обратились въ уголь. Всегда почти наверху сосуда съ деньгами лежитъ змѣя, которую не нужно трогать, а она уйдетъ сама: это — *блйзна*, стерегущая, какъ мы видѣли, и счастье дома; она и есть настоящій стражъ клада. Иногда послѣ находки клада человѣкъ сходитъ съ ума; а то умретъ, передавши его дѣтямъ; душа же его часто достается дьяволу.

Находятся же клады иногда случайно въ развалинахъ древнихъ построекъ, старыхъ монастырей, какъ напр. Ртацъ, между Баромъ и Спичемъ (обогатился этимъ Измаилъ-паша, бывшій вали въ Скадрѣ), или по записямъ.

Когда я занимался раскопками въ Діоклеѣ, одинъ пиперъ все предлагалъ мнѣ запись относительно скрывающагося тамъ богатства, желая выманить денегъ; я, конечно, отказался, имѣя свой планъ раскопки систематической. А вотъ исторія одного клада, найденнаго, если не по записи, то по точнымъ устнымъ указаніямъ.

Жилъ въ Цареградѣ одинъ армянинъ, который давно-прежде жилъ въ Черногоріи; и говоритъ онъ одному черногорцу: «Эхъ, еслибы вы знали, сколько тамъ блага скрыто въ черногорскихъ скалахъ!» А потомъ, когда черногорецъ сталъ разспрашивать, продолжалъ: «Есть тамъ у васъ одно мѣсто, которое называется Бегово-гувно (поселеніе въ 6—7 домовъ въ Цеклинской Жупѣ, выше Волача, съ полчаса пути по направленію отъ него къ Друшичамъ; тамъ же и Вукова-греда); тамъ теперь корчма и передъ нею лежитъ камень, искусно обдѣланный; на немъ обыкновенно сидятъ и хозяинъ, и посѣтители, когда угощаются какимъ-нибудь питьемъ. Въ этомъ камнѣ лежитъ большое благо, состоящее изъ

дукатовъ. Только нужно найти въ немъ двѣ дырочки замочныхъ и два ключика; отопри и крышка откроется». Отправился этотъ черногорецъ въ то мѣсто и въ ту корчму; видитъ все, какъ было сказано, и начинаетъ торговать завѣтный камень. Хозяинъ долго не уступалъ; но наконецъ продалъ; а тотъ перенесъ его къ себѣ, отворилъ и нашелъ полно дукатовъ; съ того времени онъ и разбогатѣлъ.

Отыскивая клады, черногорцы перекапываютъ малѣйшіе слѣды какихъ-либо сооруженій человѣческихъ рукъ и при этомъ все безпощадно ломаютъ въ предположеніи, что сокровище можетъ быть скрыто даже внутри камня.

Въ Дубровникѣ, въ саду передъ домомъ графа Мата Поцца находится колоннада, служившая для виноградной аллеи; колонны же очень интересны фигурами, вырѣзанными на ихъ капителяхъ, все различными; но каждая почти колонна въ то-же время, если не сломана, то просверлена: это, говорятъ, сдѣлали черногорцы, занимавшіе Дубровникъ во время войны съ французами, отыскивая, не скрыты ли въ нихъ сокровища.

Иные впрочемъ говорятъ, что это было произведено конавлянами и вообще мѣстнымъ сельскимъ населеніемъ, которое тогда воспользовалось смутнымъ временемъ, чтобы пограбить своихъ помѣщиковъ.

Мы видѣли, что на змѣѣ иногда держится счастье дома; у нея же можно найти и *алем-камен* (рубинъ); она же за оказанную ей услугу можетъ указать человѣку и сокровище: одинъ такимъ образомъ получилъ сокровище, спасши змѣю съ ея дѣтенышами изъ пожара, охватившаго лѣсъ, и узналъ *немушти* языкъ.

Вообще и при отыскиваніи кладовъ, какъ при отыскиваніи воды, мистическое смѣшивается съ реальнымъ.

Мы видѣли (т. II, гл. IV), какъ хорошо черногорецъ понимаетъ анатомическое строеніе человѣческаго тѣла и его отправленія, и какъ иногда раціонально смотритъ на болѣзни, ихъ происхожденіе и устраненіе; но въ то-же время видѣли въ томъ много и мистическаго. Что касается повальныхъ болѣзней, какъ чума

или холера, то, понимая, что онѣ заносятся изъ другихъ странъ чрезъ прикосновеніе людей другъ къ другу, черногорцы рядомъ съ тѣмъ представляютъ ихъ въ видѣ какого-то особеннаго существа (*морија*), которое ходитъ и поражаетъ болѣзнью людей (см. Вука Врчевича, Народне Басне, стр. 88). Противъ этого, чтобы не допустить *морію* въ село, его опахиваютъ раломъ (сохой) и это производится на людяхъ. Для того разыскиваютъ двѣ пары близнецовъ или братьевъ погодковъ, которые слѣдовали непосредственно другъ за другомъ. Двое изъ нихъ запрягаются въ ярмо, одинъ управляетъ раломъ, а другой погоняетъ. Чтобы не было обидно, въ ярмо впрягаются по одному брату изъ двухъ паръ. Народъ собирается на какой-нибудь равнинѣ и кругомъ него обходитъ рало (*оборати, обориватu*); а посрединѣ на какомъ-нибудь камнѣ ставятъ вѣтку, и если она упадетъ сама собой, т. е. уронитъ вѣтеръ или какое-либо животное, то хорошій знакъ: значитъ, болѣзнь пройдетъ. Въ послѣднія времена служатъ при этомъ молебствіе съ водоосвященіемъ. Такія опахиванія были въ Баицахъ, Добрскомъ-селѣ, Цермницѣ, а можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ во время холеры 1867 г. Бывали опахиванья и противъ скотской эпидеміи; опахивали иногда кругомъ цѣлое село въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Средство очищать домъ отъ болѣштины (тифъ), если въ немъ кто умеръ отъ той болѣзни:

Какъ только похоронятъ умершаго, соберутъ съ огнища всю золу чисто-на-чисто и ссыплютъ её въ мѣшечекъ. Съ этимъ мѣшечкомъ нужно пойти далеко, гдѣ не слышно ни человѣческаго голоса, ни пѣнія пѣтуха, ни лая собаки, и тамъ, вынимая золу полною горстью, нужно разложить её кучками по дорогѣ; а воротиться нужно другимъ путемъ. Прійдя домой, нужно мѣшечекъ связать за верниги, какъ котелокъ, надъ огнемъ, и такъ онъ долженъ весь сгорѣть до тла; и болѣзнь изгнана.

Средство отъ сглаза. Берутъ сосудъ съ водой, стаканъ или кружку, и одна женщина, искусная въ ворожбѣ, выбираетъ угли и, назначая ихъ тому или другому по имени, на кого есть подо-

зрѣніе, что онъ причинилъ больному болѣзнь, бросятъ въ воду: если угли плаваютъ, то ничего; если же потонутъ и тамъ издаютъ звуки, — то, значитъ, угадали злого человѣка; стаканъ нужно прикрыть ладонью, пока прекратится шипѣнье углей, и потомъ этою водой поятъ больного. Объ этомъ говорятъ: «да метнемо у воду» *углевље*) или «да заварчимо воду».

Вѣрятъ черногорцы во *встрѣчу злую или добрую*. Встрѣтить на пути зайца — несчастье или неудача; для идущаго на охоту или на добычу съ оружіемъ несчастье встрѣтить и лисицу, а также женщину; напротивъ, хорошо встрѣтить волка, вслѣдствіе чего воротившагося съ такого дѣла спрашиваютъ: «вук или лисица?» Есть люди, встрѣча съ которыми обѣщаетъ счастье или несчастье (см. т. II, ч. I, стр. 380), и различныя примѣты, обѣщающія тотъ или другой исходъ дѣла, о которыхъ тоже мы упоминали; а всѣхъ ихъ не перечислить. Часто услышите въ Черногоріи выраженіе: «Сочувај, Божеі, од злијех биљега» (худыхъ предзнаменованій), при которыхъ ничтожные случаи могутъ производить великія несчастія. Такъ брдскому командиру (въ Бѣлопавличахъ) Мирку Бошковичу одинъ мальчикъ нечаянно попалъ камнемъ въ колѣно: онъ расхворался и на пятый день померъ. Это случилось въ *зли час*; то, что у насъ говорится: «въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать», чтобы не случилось чего-нибудь дурного безъ всякой видимой внѣшней причины, при чемъ у насъ и поплюютъ, чтобы не сглазить и вообще не попортить дѣла. Въ Черногоріи, когда говорятъ о какой-либо тяжелой и опасной болѣзни, чтобы она не приключилась отъ одного поминанія ея, всегда добавляютъ: «у кам удрила! вода њу понијела!» и др.

Есть примѣты, которымъ никакъ не найдешь источника, откуда онѣ возникли. Такъ, если кто-нибудь войдетъ въ домъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, «изјешће вук нечију кучку»; если при чесаньѣ шерсти положатъ её сразу на обѣ щетки, вмѣсто одной, то значитъ, что завтра кто-нибудь прійдетъ на обѣдъ; если поясъ самъ собою завяжется узломъ, то владѣтелю

его предстоитъ полученіе денегъ; если будешь свистать въ домѣ, то будутъ сильно плодиться мыши и все поѣдать; если женатый мужчина пройдетъ между двумя или болѣе женщинами, то у него родится дѣвочка и т. п.

Вѣря въ различныя примѣты, черногорецъ, отправляясь на какое-либо дѣло, гадаетъ объ удачѣ или неудачѣ. Такъ, гайдуки срываютъ траву *мислица* или *хајдучка трава* (родъ невысокой осоки), свиваютъ цѣпочку изъ 9 колечекъ, продѣтыхъ одно въ другое, оставивъ концы незамкнутыми, растягиваютъ, пока цѣпочка разорвется, при чемъ счастье или несчастье опредѣляется по количеству оставшихся колечекъ на той или другой сторонѣ, по предварительному о томъ уговору.

Гайдуцкое же *средство обезпечить себѣ удачу* состоитъ въ слѣдующемъ:

Пойти ночью на кладбище, лечь навзничь на неизвѣстную могилу и въ такомъ положеніи взять съ нея обѣими руками земли; затѣмъ встать и пойти. За тобой будетъ крикъ, стукъ, свистъ громъ — не обращай вниманія, иди: все то само собою перестанетъ. А этою землею можно дѣлать чудеса: брось ея чуточку на замокъ, какой бы тяжелый ни былъ, онъ отопрется самъ собою; брось собакѣ, она перестанетъ лаять.

Есть еще и *воровское средство*. Наканунѣ заговѣнья взять кошку черную безъ отмѣтины, положить въ мѣшокъ и пойти на перекрестокъ дорогъ, но далеко, гдѣ не слышно ни человѣчьяго голоса, ни крика домашнихъ животныхъ, и то въ полночь; разложить огонь, навѣсить котелъ, зарѣзать кошку и варить её въ томъ котлѣ до тѣхъ поръ, пока все мясо станетъ само собой отдѣляться отъ костей. Тогда вынуть мясо и отдѣлить отъ костей, выбрать одну изъ позвоночнаго хребта при хвостѣ. Въ это время кругомъ будетъ происходить шумъ, крикъ, разныя угрозы ему; на то не должно обращать вниманія и продолжать свое дѣло. Съ этою костью пойди, куда хочешь, какіе бы ни были замки, посмотри только въ ихъ отверстіе, и они отопрутся, и ты бери, сколько хочешь.

Если убьешь человѣка, то, чтобы не схватили, нужно положить на убитаго какую-либо изъ своихъ вещей: ножъ или пистолетъ, а лучше всего то орудіе, которымъ убилъ его. Это впрочемъ относится къ убійствамъ спеціально воровскимъ, а не къ тѣмъ, какія привыкъ совершать черногорецъ, идя прямо на своего непріятеля, не скрывая отъ своихъ, или изъ мести и въ припадкѣ раздраженія.

Когда у пастуха потеряется изъ стада какое-нибудь животное, а поздно уже, ничего не видать и искать невозможно; то онъ возьметъ топоръ, со взмаха вгонитъ его въ какое-нибудь дерево и такъ оставитъ на ночь; тогда этому животному ничего не можетъ сдѣлать волкъ, такъ какъ оттого у него окаменѣютъ челюсти.

Если черногорецъ идетъ черезъ кладбище, котораго вообще боится, то распускаетъ одинъ конецъ пояса, чтобы волочился по землѣ, и тогда не появится никакое привидѣніе (*у́твара*, *аветина*).

Такихъ мистическихъ средствъ у черногорскаго народа, какъ и у всякаго другого, множество. На нихъ держится большая часть народной медицины, о которой мы уже говорили, а также и стоящая съ нею близко ворожба или знахарство (*врачање*).

Обращаютъ вниманіе на то, если въ какой-нибудь части тѣла происходитъ дрожаніе или трепетаніе. Изъ подобнаго рода наблюденій въ старое время составлялись, такъ называемые, *трепетники*.

Особенное же значеніе придаютъ снамъ. Нигдѣ я не слышалъ сновъ такихъ фантастическихъ и поэтичныхъ. Иной разскажетъ вамъ сонъ, полный такихъ приключеній и притомъ въ связи, составляющихъ нѣчто цѣльное, точно его пылкая фантазія всю ночь работала надъ составленіемъ поэтическаго произведенія. Это можно замѣтить больше всего въ военное время, когда, пробуждаясь отъ сна, начинаютъ разсказывать, что кому видѣлось — сначала одинъ, потомъ другой, третій и т. д. Сны толкуютъ и вѣрятъ имъ, хотя и говорятъ, что «сан је лажа».

Поэтому въ большомъ почетѣ тотъ грамотникъ, который имѣетъ такъ называемый «Велики календар» и «Сановник», вмѣстѣ съ *рождаником* и *трепетником*, какіе обыкновенно издаются въ Новомъ-Садѣ и Панчевѣ. Къ этому календарю прибѣгаютъ за справками; выпрашиваютъ книгу на прочитаніе и зачитываютъ, а иногда и просто украдутъ, потому что книга для простого народа довольно дорогая (1 флор.).

О гаданьи по лопаткѣ молодого баранчика мы уже говорили. Льютъ также воскъ и олово и гадаютъ по вышедшимъ изъ того фигурамъ.

Сообщили мы также о различныхъ примѣтахъ и толкованіи ихъ, взятыхъ изъ наблюденій жизни домашнихъ животныхъ, и о таинственномъ дѣйствіи нѣкоторыхъ растеній.

Совокупность всѣхъ этихъ наблюденій представляетъ собою ту область, въ которой вращается фантазія народа, а толкованія и выводы изъ нихъ составили бы цѣлый кодексъ, которымъ человѣкъ руководится на всемъ пути своей жизни, часто безсознательно блуждая въ лабиринтѣ практическихъ загадокъ и, повидимому, лишенныхъ всякаго смысла случайностей.

Какъ ни мелки и безсмысленны иногда эти наблюденія и ихъ толкованія, онѣ цѣнны тѣмъ, что вводятъ насъ въ самые интимные и сокровенные уголки духовной жизни народа. Поэтому мы и остановились на нихъ; но приводимъ ихъ отрывочно, не въ строгой системѣ, потому что для систематизированія необходимо имѣть бо́льшій запасъ матеріала; а это намъ не по силамъ и не входитъ спеціально въ нашу задачу. Мы желали бы только обратить на то вниманіе мѣстныхъ наблюдателей въ увѣренности, что жизнь черногорца въ этомъ отношеніи представляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ.

При изложеніи отдѣльныхъ миѳовъ мы иногда мимоходомъ указывали на сходство ихъ съ нашими русскими или на какое-либо другое происхожденіе ихъ изъ глубокой древности, какъ напр. представленіе о кончинѣ міра. Болѣе подробное изученіе ихъ показало бы намъ, по какимъ фазамъ культурной жизни про-

ходилъ народъ, съ кѣмъ жилъ, подъ вліяніемъ какихъ природныхъ и культурно-историческихъ условій развивался.

Общій выводъ.

Подводя итогъ міровоззрѣнію черногорца въ области матеріальной природы и въ мірѣ духовномъ, мы во всѣхъ его наблюденіяхъ усматриваемъ умъ положительный съ значительною долею реализма и рядомъ съ этимъ богатую фантазію, полную ѳбразовъ живыхъ и яркихъ, но не чудовищныхъ.

Обладая хорошими ѳрганами для внѣшнихъ наблюденій, черногорецъ все схватываетъ чрезвычайно быстро и легко, нисколько не мучась, подолгу не задумываясь надъ вопросомъ. Правда, схватываніе это поверхностное и отчасти одностороннее, но всегда ясное, отчетливое, такъ сказать, рельефное и картинное. Для него нѣтъ абстракціи, а все живетъ и движется, являясь въ конкретной формѣ, съ плотью и кровью: растенія у него живутъ человѣческою жизнію и говорятъ; животныя также принимаютъ непосредственное участіе въ его жизни, и міръ чисто духовный наполняется существами въ человѣческихъ ѳбразахъ. Во всѣхъ представленіяхъ дьявола мы нигдѣ не находимъ того страшнаго образа, въ какомъ онъ является у насъ: непремѣнно съ рогами и хвостомъ, мохнатый, съ ужасными зубами. У черногорца на всемъ лежитъ весьма живой и веселый колоритъ; всѣ его образы ясно очерченные и свѣтлые. При всей фантастичности многихъ представленій изъ міра сверхъестественнаго, въ нихъ нѣтъ туманности и очень мало мистицизма; а болѣе склонный къ реальному пониманію вещей, черногорецъ и самъ какъ бы не довѣряетъ своимъ представленіямъ изъ этого міра и постоянно къ разсказываемому добавляетъ: «Тако код нас баведају» т. е. болтаютъ; и иногда къ тому добавляетъ: «а ти ми не вјеруј».

Дьявола онъ совершенно изгналъ съ земли и населилъ ее существами получеловѣческими, которыя тоже доживаютъ свой

вѣкъ, все меньше и меньше показываясь человѣку и удаляясь въ неприступныя пещеры. Вмѣсто дьяволовъ, демоновъ, вообще духовъ, осталось только нѣчто демоническое, проникающее природу и человѣка, подобно тому какъ и древніе греки въ лицѣ своихъ философовъ отвергали демоновъ, признавая только ихъ духовное, демоническое начало.

7. Суевѣрія магометанъ въ Черногоріи.

Эти магометанскія вѣрованія основываются главнымъ образомъ на коранѣ, слѣдовательно не народнаго происхожденія; но онѣ вошли въ народную жизнь, которая наложила на нихъ свою печать; кое-что изъ этого перешло отъ нихъ къ ихъ братьѣ христіанамъ; и сами они не совсѣмъ свободны отъ вліянія христіанъ.

Запись ихъ доставилъ намъ Максимъ Шобаичъ, проживающій въ Никшичѣ самоукъ торговецъ, который написалъ уже многое по исторіи и о древностяхъ своего края и еще постоянно собираетъ для того-же новые матеріалы. Знатокъ жизни своего народа, онъ въ то же время не чуждается знакомства и съ черногорскими магометанами и частицею почерпнутого изъ этого знакомства матеріала онъ подѣлился со мною.

Сообщеніе его носитъ такое заглавіе: «Из мухамеданске науке (по причама никшичких потурица)», въ формѣ разсказа самого объ себѣ магометанина, которую удерживаемъ и мы, сдѣлавъ только переводъ.

«1. Въ нашихъ книгахъ говорится, что въ давнее время съ неба спущена была цѣпь почти до самой земли, и тогда, если возникалъ споръ между двоими, то не было никакого другого суда, какъ только шли къ той цѣпи; и, если человѣкъ былъ правъ, то цѣпь давалась сама собой ему въ руки, что̀ и служило ему оправданіемъ.

Если же подходилъ неправый человѣкъ, то цѣпь поднималась къ небу. Слушай теперь, какъ цѣпь совсѣмъ убрана на небо.

Люди попортились, дѣлались все лукавѣе и лукавѣе и стали придумывать, какъ бы лучше обмануть одинъ другого. Одинъ добрый человѣкъ далъ взаймы *досту* (пріятелю), напр. 100 меджидій; а когда пришелъ срокъ уплаты, лукавый человѣкъ началъ *ашати* (отказываться). Тогда добрый человѣкъ говоритъ: «Если такъ, то пойдемъ къ цѣпи». — Лукавый на то согласился, но заявилъ, что готовъ пойти только назавтра. А въ тоже время онъ придумалъ слѣдующее: сдѣлалъ палку, провертѣлъ её внутри, вложилъ туда 100 меджидій и отправляется на судъ. Когда прибыли на мѣсто, правый человѣкъ говоритъ лукавому: «Ну, схвати цѣпь». Лукавый отвѣчаетъ: «Хорошо, только подержи мнѣ мою палку». — Добрый человѣкъ взялъ въ руки палку, въ которую были вложены деньги, а лукавый подошелъ къ цѣпи; цѣпь ему далась, и онъ оправдался. Великій Аллахъ, видя, что сдѣлалъ лукавый человѣкъ, потянулъ ту цѣпь на небо, да такъ она тамъ осталась и донынѣ. Цѣпь та, говорятъ, спускалась выше Петрова монастыря у Требинья.

2. На землѣ живутъ $77\frac{1}{2}$ милета (народностей), и въ томъ числѣ половину милета составляютъ цыгане, которые держатся всякой вѣры, куда прійдутъ.

3. *Потопъ.* По винѣ дурныхъ людей былъ и потопъ въ старое время, когда былъ *пехамбер Нухо* (пророкъ Ной). Послалъ къ нему Аллахъ *Джебраила* (архангела Гавріила) объявить свое намѣреніе (сдѣлать потопъ) и научить, чтобъ онъ построилъ дьемію (корабль, судно), въ которую вошелъ бы онъ со всѣмъ своимъ семействомъ и взялъ бы съ собою по одной или по двѣ пары всякихъ животныхъ для размноженія въ новомъ свѣтѣ. Тогда, говорятъ, жили и какіе-то *велики джинови* (великаны). Пехамберъ Нухо зоветъ одного джина принести одно беремя *япіе* (брусьевъ для постройки), за что онъ дастъ ему хорошо пообѣдать. А джинъ этотъ могъ въ одно беремя принести цѣлый лѣсъ, а съѣсть цѣлаго вола на завтракъ. Отправляется джинъ на планину и начинаетъ вырывать изъ корня цѣлыя ели и сосны и складывать въ кучу.

Въ это время приходитъ къ нему *шейтан* (дьяволъ), обратившись въ повара, и говоритъ, что пехамберъ не готовитъ для него ничего, кромѣ одного горшечка. Разсердился джинъ, отправляется безъ лѣса и спрашиваетъ пехамбера, гдѣ его обѣдъ. Пехамберъ приноситъ ему горшечекъ и говоритъ, чтобы ѣлъ; а тотъ отвѣчаетъ, что этимъ онъ не можетъ даже губы помазать. Пехамберъ ему говоритъ, чтобы онъ сказалъ только: «бицмилла» (Боже, помоги) и будетъ достаточно. Джинъ отвѣчаетъ: «Не скажу». — А почему не скажешь? — спрашиваетъ пехамберъ. «Не скажу биц милла»—отвѣчаетъ джинъ. А когда онъ это сказалъ, онъ сдѣлался божьимъ человѣкомъ, пообѣдалъ изъ горшечка, и было ему довольно, даже еще осталось. Послѣ этого джинъ хотѣлъ отправиться, чтобы принести лѣсъ; а пехамберъ отвѣчаетъ, что ему не нужно больше того, что онъ уже принесъ; а это былъ лѣсъ, который застрялъ у него кое-гдѣ въ опанкахъ, и онъ принесъ его, самъ того не замѣчая. А изъ этого лѣса пехамберъ и построилъ дьемію.

4. Когда пехамберъ Нухо по повелѣнію Аллаха построилъ дьемію и вошелъ въ нее со своею семьей, взявъ и по двѣ пары отъ всякаго *молуката* (животнаго), тогда Аллахъ послалъ великую воду и потопилъ всю землю кромѣ дьеміи, которая плавала по водѣ. Тогда пехамберъ приказалъ, чтобы всѣ постились и соблюдали всякую чистоту. Но собаки и кошки не послушались приказанія. Когда была самая высокая вода и дьемія плавала 40 локтей выше самой высокой горы, является кошка къ пехамберу и говоритъ, что песъ ѣздитъ на сукѣ. Пехамберъ велѣлъ ей замолчать, но она опять является съ тѣмъ же донесеніемъ. Тогда пехамберъ разсердился на оба эти рода и проклялъ ихъ. Такъ прокляты и многія животныя.

5. По нашимъ книгамъ на землѣ было 300 тысячъ пехамберовъ, а потомъ прибылъ *ак пехамбер* (бѣлый, истинный пророкъ), и написано 100 *ћитаповъ* (законовъ); но главныхъ только 4: первый — *теврат Мусин* (Моисеевъ законъ), второй — *зебул Даудов* (Давидовъ), третій — *инджил Исапеамбе-*

ровъ (Евангеліе Іисуса Христа) и четвертый — *коран Мухамедовъ.*

Всѣ пехамберы, а въ томъ числѣ и Иса (Іисусъ), писали о нашемъ ак-пеамберѣ, что онъ придетъ и всѣ остальные законы дополнитъ и исправитъ. И тяжко тому, кто ему не вѣруетъ. Невѣрные попадутъ въ *дженем*, а вѣрные въ *дженет* (рай). И стоитъ въ коранѣ, что придетъ время, когда всѣ народы покорятся ему. О Иса-пеамберѣ говорится въ коранѣ, что онъ-великій пеамберъ, и все правильно училъ до крещенія; а нашъ ак-пеамбер учитъ, что крещенія не должно быть, но нужно *кланяти*. Послѣ ак-пеамбера величайшій пеамберъ Иса, который живой отлетѣлъ на небо и опять придетъ, когда будетъ *кіямет* (страшный судъ).

6. О кіаметѣ наши книги пишутъ, что прежде всего Аллахъ пошлетъ Иса-пеамбера съ *милитьима* (съ ангелами) на землю, и тотъ претворитъ всѣ воды въ улье (оливковое масло) и зажжетъ его, и такимъ образомъ сгорятъ море и земля и все, что̀ есть на нихъ. Не останется и семи небесъ, а создадутся новая земля и новыя небеса. И тогда только настанетъ судъ: злые пойдутъ въ адъ, а добрые въ рай. И, сказалъ бы, по-нашему кіяметъ близко, такъ какъ подошли всѣ тѣ обстоятельства и всѣ зла на землѣ, которыми, по книгамъ, долженъ свѣтъ попортиться. Что можетъ быть хуже, когда братъ брату не желаетъ добра, никто никому не вѣритъ, а все одинъ другому готовитъ зло. Всѣ лгутъ и клянутся напрасно; такъ что не знаешь, кто лучше,—христіане или турки. Изъ сотни не выбралъ бы одного добраго человѣка. И то еще сказалъ пеамберъ, что когда будетъ конецъ нашему (турецкому) царству, тогда будетъ и кіяметъ. И по всѣмъ обстоятельствамъ то должно случиться въ этихъ годахъ.

7. Нашъ ак-пеамберъ, когда Аллахъ объявилъ ему свою послѣднюю волю въ коранѣ, который Богъ написалъ своею рукою, повелѣвъ учить по нему, сталъ учить народъ, что нѣтъ Бога иного, какъ единый Богъ на небѣ, котораго мы не видимъ, и то — великій Аллахъ, который *яратиса* (создалъ) все, что̀ мы видимъ и чего не видимъ; а другой послѣ него слуга его Мухамедъ

ак-пеамберъ. Но въ первое время люди не повѣровали ему, пока не увидѣли отъ него чудесъ, которыя записаны въ нашихъ *сурахъ*. И тогда однако не всѣ увѣровали. Но пеамберъ собралъ большое войско и ударилъ на одинъ городъ (Мекку), который не вѣровалъ въ него; а когда овладѣлъ имъ, повѣровалъ.

Во время боя одинъ изъ невѣрныхъ ударилъ пеамбера и выбилъ ему одинъ зубъ. Великій Аллахъ видитъ съ неба, что отъ того можетъ произойти великое зло, и скорѣе послалъ Джебраила, который слетѣлъ съ седьмого неба и рукою подхватилъ этотъ зубъ; а еслибъ онъ упалъ на землю, то на немъ умерли бы всѣ живыя существа.

8. Великій Алія — правая рука пеамбера и величайшій юнакъ на землѣ. Онъ и обратилъ большую часть человѣчества въ мухамедову вѣру. Онъ однимъ взмахомъ своего *зуфагара* (меча) рубилъ по 300,000 человѣкъ. Однажды его разсердили невѣрные; тогда онъ замахнулся на нихъ, чтобы всѣхъ изрубить въ куски, и отъ этого замаха затрепетала вся земля, испугавшись своей погибели; но Аллахъ послалъ Джебраила, который удержалъ его руку, чтобы не разрубилъ землю.

9. Въ старое время жилъ какой-то пеамберъ Солиманъ (Соломонъ), который заспорилъ со своею женой, кого больше на свѣтѣ, — мужчинъ или женщинъ. Пеамберъ утверждалъ, что на свѣтѣ больше мужчинъ, а жена его, что больше женщинъ. Тогда пеамберъ собралъ на землѣ весь молукатъ (живыя существа); а въ то время умѣло говорить всякое животное, и на собраніи всѣ отвѣтили, что больше мужского пола, чѣмъ женскаго. А тюкъ (родъ сыча, ночная птица) явился поздно, но рѣшилъ, что больше женскаго пола. Пеамберъ возражаетъ, что этого не можетъ быть; а тюкъ настаиваетъ, что можетъ, такъ какъ онъ считаетъ съ женщинами и тѣхъ мужчинъ, которые слушаютъ женъ. Мудрый пеамберъ усмѣхнулся тому и одобрилъ слова (лакрдію) тюка, вслѣдствіе чего опредѣлилъ, чтобы ему для пищи каждый день были готовы по 2 птицы. Благодарный за то тюкъ съѣдаетъ каждый день по одной только птицѣ, а другую пускаетъ на волю.

10. Пѣтухъ безъ отмѣтины. Пеамберъ говорилъ, что никто не знаетъ, какую цѣнность имѣетъ въ домѣ пѣтухъ безъ отмѣтины. Онъ охраняетъ свой домъ и 40 сосѣднихъ отъ всякаго *таксирита* (случайнаго зла, несчастья). (Не потому-ли кучи особенно любятъ держать бѣлаго пѣтуха?).

11. Добрый конь—самое счастливое для человѣка животное; тѣнь его счастья оберегаетъ 40 сосѣднихъ домовъ. Одинъ бѣднякъ пожаловался ак-пеамберу, что долженъ помереть съ голоду вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. «А есть-ли у тебя конь?» — спрашиваетъ пеамберъ; а фукара (бѣднякъ) отвѣчаетъ, что нѣтъ. — «А ты ступай, говоритъ онъ, къ первому сосѣду, отвори дыру выше его коня въ стѣнѣ и тамъ прислонись головой, такъ чтобы могъ дышать его паромъ до утра, и тогда будешь имѣть». Бѣднякъ такъ и поступилъ, и Богъ далъ ему такъ, что онъ не знаетъ, чего у него больше, т. е. всего вдоволь.

12. Пеамберъ говорилъ, что есть одна минута счастливая ночью, и чего-бы *инсан* (человѣкъ) тогда ни попросилъ у Бога, то ему Богъ и дастъ. Этотъ моментъ приходится на 2 часа по полуночи. Но рѣдко кто изъ людей можетъ угодить на ту минуту. Богъ всякому впередъ опредѣляетъ его счастье».

Сообщивъ это, авторъ (Шобаичъ) добавляетъ: «Сообщаю это для того, чтобы читатели имѣли понятіе, какъ образованность нашихъ братьевъ потурченцевъ и теперь та-же, какою была въ средніе вѣка; о прогрессѣ-же свѣта они не имѣютъ и понятія, только лишь о юначествѣ».

Какъ ни рѣзокъ этотъ приговоръ, нельзя не признать, что умъ магометанина дѣйствительно сковываетъ его религія.

Тѣмъ не менѣе сербы христіане кое-что заимствовали отъ потурченцевъ или черезъ ихъ посредство съ Востока. Особенно много разсказовъ, извѣстныхъ съ именемъ Насради́на, восточнаго мудреца, а подъ тѣмъ-же вліяніемъ, можетъ быть, составились и нѣкоторые миѳы, какъ напр. о кончинѣ міра.

XVIII.

ПЛОДЫ СВОБОДНОЙ ФАНТАЗІИ И ОСТРОУМІЯ.

Обычное міровоззрѣніе народа даетъ намъ понятіе объ элементарныхъ проявленіяхъ его ума, знакомитъ насъ съ его складомъ и направленіемъ. Въ немъ мы имѣемъ дѣло съ первыми основами свободнаго духовнаго творчества человѣка, въ которыхъ нѣтъ ни цѣльности, ни законченности и опредѣленности. Это — отрывочныя созданія ума, изъ которыхъ только можетъ быть создано нѣчто цѣльное. При томъ въ этой первоначальной работѣ ума нѣтъ еще свободнаго творчества, а видно невольное и отчасти инстинктивное стремленіе уяснить себѣ окружающій его міръ и опредѣлить свои отношенія къ нему, безъ чего онъ не можетъ успокоиться. Умъ человѣка въ этомъ случаѣ работаетъ не произвольно, а подъ давленіемъ необходимости все знать и всему дать какое-нибудь объясненіе, такъ какъ безъ этого невозможно сколько нибудь независимое и спокойное существованіе, представляющее собою борьбу или взаимнодѣйствіе силъ природы. Отъ пониманія матеріальныхъ силъ природы зависитъ его матеріальное существованіе; а въ вѣрѣ онъ находитъ разрѣшеніе моральныхъ задачъ и въ концѣ концовъ душевное успокоеніе.

Только по временамъ, чувствуя себя совершенно свободнымъ отъ этой, такъ сказать, принудительной работы умомъ, во время досуга и успокоенія отъ жизненныхъ заботъ, человѣкъ предается свободному творчеству и создаетъ не для удовлетворенія какихъ-либо практическихъ потребностей, а чисто по внутреннему побужденію; такъ какъ умъ и фантазія никогда не могутъ оставаться въ покоѣ, въ бездѣятельномъ состояніи, что было-бы ихъ омертвеніемъ.

На этихъ-то свободныхъ, цѣльныхъ и законченныхъ произведеніяхъ мы и намѣрены теперь остановиться.

Однѣ изъ этихъ произведеній держатся на какомъ-нибудь реальномъ основаніи и составляютъ воспроизведеніе какого-либо факта или явленія изъ міра дѣйствительнаго.

Таковы преданія и сказанія о лицахъ и событіяхъ историческихъ, переработанныя народною фантазіей. Такія преданія существуютъ въ каждомъ черногорскомъ племени свои, какъ напр. о Бѣломъ-Павлѣ Ликогатьѣ, о Бокумирахъ (богомилахъ), о братьяхъ Озрѣ, Пипѣ и Васѣ и др. Мы ихъ исключаемъ изъ этого отдѣла, отнесши къ исторіи отдѣльныхъ племенъ, гдѣ онѣ отчасти и приведены нами. Но въ нихъ нѣтъ свободной фантазіи и преслѣдуются практическія цѣли придать своему племени значеніе и вообще уяснить его отношеніе къ другимъ племенамъ.

Совсѣмъ другое представляютъ собою разсказы о святыхъ, въ которыхъ, кромѣ именъ, нѣтъ ничего реальнаго и все представляетъ плодъ фантазіи. Таковы разсказы о св. Саввѣ, о св. Кралицѣ, о св. Димитріѣ и др. Въ томъ же родѣ есть разсказы на историческую тему о Русскомъ царѣ Динарѣ и Стефанѣ Высокомъ и о происхожденіи Враничей (село и братство близъ Подгорицы), въ которыхъ также все фантастично, только пріурочено къ именамъ изъ дѣйствительности.

Затѣмъ идутъ сказки, въ которыхъ въ основаніи лежитъ какой-нибудь миѳъ и присоединяется къ тому моральная идея, не составляющая однако главной сущности и цѣли разсказа; такъ какъ главная цѣль его занимательность и очарованіе слушателя

чудеснымъ и необыкновеннымъ. Басни и притчи также фантастичны; при томъ въ нихъ всегда преслѣдуется извѣстная мораль и тенденція, облеченныя въ форму разсказа для большей наглядности и занимательности. Въ нихъ дѣйствуютъ люди, животныя и фантастическія существа. Нѣчто среднее между сказкой и басней или притчей есть разсказы фантастичные, какъ сказка, иногда довольно большіе, въ которыхъ однако тенденція или мораль составляетъ главное; иногда они принимаютъ сатирическій характеръ и шутливый тонъ. Мы ставимъ ихъ тотчасъ за сказками.

Всѣ эти произведенія имѣютъ тѣсную связь съ общимъ міровоззрѣніемъ народа. Въ такомъ-же отношеніи находятся и загадки, въ которыхъ воззрѣнія эти представляются аллегорически; а по формѣ онѣ тѣсно связаны съ образованіемъ метафорическаго языка.

Это какъ-бы упражненія въ метафорическомъ языкѣ; а форма ихъ и складъ иногда носятъ на себѣ слѣды глубокой древности.

Отчасти въ томъ же родѣ пословицы и поговорки, между которыми на иныхъ лежитъ печать отдаленной старины; вообще же въ нихъ выражается народная мудрость, частью завѣщанная отдаленными предками, а частью почерпаемая изъ опытности позднѣйшихъ поколѣній.

Здѣсь, кромѣ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ и богатой фантазіи, проявляется еще и народное остроуміе.

Послѣднее еще больше выступаетъ, составляя самую суть произведенія, въ анекдотахъ и шуткахъ, характеризующихъ духъ и направленіе ума современнаго человѣка.

Далѣе остается языкъ съ цѣлымъ его лексическимъ и грамматическимъ богатствомъ, представляющимъ, такъ сказать, количественный запасъ понятій и представленій, а въ особенныхъ оборотахъ и фигуральныхъ выраженіяхъ представляющій его художественную сторону.

Все это наконецъ вѣнчается народною поэзіей въ формѣ пѣ-

сенъ лирическаго или эпическаго содержанія, которыя мы помѣщаемъ въ особомъ отдѣлѣ.

Изъ дальнѣйшаго перечня можно видѣть, что произведенія свободнаго творчества представляютъ собою самую обширную и самую разнообразную область. На нихъ поэтому постоянно больше всего обращалось вниманіе собирателей и изслѣдователей всѣхъ сербскихъ странъ, такъ какъ эти произведенія составляютъ большею частію общее достояніе всѣхъ сербовъ, гдѣ бы они ни жили, раздѣленные политическими и территоріальными границами. Многія сказки, разсказываемыя въ Сербіи (королевствѣ) или Босніи, разсказываются и въ Черногоріи; тоже самое относительно загадокъ, пословицъ и пѣсенъ. Въ Черногоріи поются пѣсни о Царѣ Душанѣ, о Маркѣ Кралевичѣ, о Котарскихъ сердаряхъ, о воеваніи Карагеоргія, о Георгіѣ Кастріотѣ и т. д. одинаково съ пѣснями о своихъ собственныхъ, мѣстныхъ герояхъ. Тоже самое можно сказать о пѣсняхъ лирическихъ и обрядовыхъ.

Кромѣ цѣлыхъ собраній этого матеріала, какъ Вука Караджича, Вука Врчевича, Петрановича, Райковича, Юкича, Ястребова и др., имъ полны всѣ сербскіе журналы отъ первыхъ, выходившихъ въ началѣ XIX ст., до новѣйшихъ. Это цѣлая литература, въ которой трудно разобраться. Поэтому мы, помѣщая собранный нами матеріалъ, не можемъ поручиться, чтобы кое-что изъ него не было, когда-нибудь, гдѣ-нибудь, напечатано, хотя стараемся избѣжать этого и притомъ помѣщать только то, что дѣйствительно находится въ Черногоріи. Поэтому нѣкоторыя вещи, какъ сказки: Немушти језик, Чудновата длака, Пепељуга, Међедовић, Ћосо воденичар, Цар Тројан-козје уши, — мы записали было въ Черногоріи, но потомъ бросили, такъ какъ онѣ до мельчайшихъ подробностей сходны съ находящимися въ собраніи В. Караджича, въ которомъ иныя такъ и означены, что доставлены изъ Черногоріи или изъ Бокки. Замѣтимъ кстати, что эти сказки отличаются передъ другими поэтичностью; таковы слышанныя нами въ Черногоріи: Чудновата длака, Ђевојка бржа од коња, Вилина гора и др.

Стараясь такимъ образомъ помѣстить только то, что̀ не было напечатано или представляетъ интересный варіантъ, мы весь этотъ нашъ матеріалъ, кромѣ пѣсенъ, свели на весьма небольшое количество, которое скорѣе можно назвать примѣрами и образчиками; а потому и печатаемъ его въ общемъ текстѣ, не отводя особаго мѣста. Только пѣсни представляютъ болѣе значительное количество и потому мы ихъ помѣщаемъ отдѣльно.

Относительно записыванія считаемъ нужнымъ объяснить, что прозу мы только въ немногихъ случаяхъ успѣли записать по-сербски дословно, какъ то слышали; а въ большей части случаевъ мы успѣвали записывать только содержаніе и то по-русски, но съ сохраненіемъ порядка и тона, а также съ удержаніемъ особыхъ выраженій на сербскомъ языкѣ. Иныя же вещи мы получили прямо записанными по-сербски и передаемъ ихъ безъ малѣйшихъ измѣненій и исправленій, хотя бы въ языкѣ и были неправильности.

Располагаемъ мы этотъ матеріалъ въ указанномъ выше порядкѣ.

А. СКАЗАНІЯ О СВЯТЫХЪ И О СОБЫТІЯХЪ СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ ИМЕНАМИ И ПО ПОВОДУ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

1. Св. Савва.

Торжественное празднованіе имени св. Саввы въ сербской церкви началось не такъ давно, и подъ вліяніемъ школы оно все больше распространяется и пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Но въ народѣ его имя всегда высоко чтилось и объ немъ сложилось много легендъ. Многіе въ новѣйшее время избрали его имя за *крестное*; но есть празднующіе его изъ давняго времени; на Цетиньѣ есть одно герцеговинское семейство, празднующее его болѣе ста лѣтъ. Этимъ объясняется и присвоеніе его имени нѣкоторымъ мѣстностямъ въ Черногоріи.

Одинъ разсказъ объ немъ мы уже сообщили въ главѣ «Общее

міровоззрѣніе черногорца»; имѣемъ еще два болѣе большихъ разсказа.

а) *Св. Савва въ работникахъ.*

Согрѣшилъ что-то св. Савва, и за то Богъ назначилъ ему двѣнадцать лѣтъ оставаться на землѣ и трудиться, какъ всякій простой, наемный слуга.

Пошелъ онъ и своротилъ въ первый попавшійся домъ. Оказалось, что хозяинъ дома попъ.

— «Примешь-ли меня въ услуженіе?»—спрашиваетъ Савва.

— Какъ не принять!—отвѣчаетъ попъ:—какую только плату ты потребуешь?

— «Что дашь,— продолжаетъ Савва:— мнѣ только бы прокормиться, а ты, конечно, заплатишь по заслугѣ».

И остался.

Посылаетъ его попъ прежде всего пасти стадо и при этомъ наказываетъ: «Смотри, береги овецъ отъ волковъ; тутъ ихъ много».

— Буду, — отвѣчаетъ Савва.

Начинаетъ пасти. Выгонитъ онъ овецъ и сядетъ гдѣ-нибудь; овцы же ходятъ сами, гдѣ хотятъ, отлично наѣдаются и потомъ сами же возвращаются домой. Молока, сыра, скорупа много; ягнятся все двойнями; веселъ хозяинъ.

Посылаетъ онъ своего работника пахать. Савва запряжетъ воловъ въ плугъ и пуститъ; идутъ они сами туда и назадъ, и нива вспахана. Разбросаетъ онъ сѣмя, какъ попало; каждое зернышко само западаетъ въ землю такъ, что не нужно ни бороновать, ни волочить. Урожай, какого нѣтъ ни у кого изъ сосѣдей.

Попъ богатѣетъ; работникъ же, повидимому, ничего не дѣлаетъ, а всякое дѣло у него спорится. Удивляется попъ и начинаетъ разспрашивать работника, откуда онъ и кто.

«Сирота я и бѣднякъ,— отвѣчаетъ Савва,— а откуда, сказать по правдѣ, и самъ не знаю. Съ ранняго дѣтства я сталъ ски-

таться по бѣлому свѣту и службой у добрыхъ людей зарабатывать кусокъ хлѣба».

Замѣтилъ однако хозяинъ, что у работника его есть прутъ, съ которымъ онъ никогда не разстается, и еще: придя домой и войдя въ избу, онъ никогда не садится на скамеечку (*столац*) или стулъ (*столовач*), а всегда подброситъ подъ себя какую-нибудь, первую попавшуюся вещь, будь то полѣно, тряпка, мѣшокъ, — такъ и садится. Однажды хозяева, отпустивши его съ овцами, въ ожиданіи возвращенія, убрали все, на что онъ могъ бы сѣсть, кромѣ скамеечки и стула; позабыли только недоуздокъ (*ȍглав*). Приходитъ онъ и садится на этотъ недоуздокъ, — и хитрость не удалась. Проходитъ уже такимъ образомъ двѣнадцатый годъ, когда приведется разстаться. Обращается однажды Савва къ хозяину со словами: «Столько времени я служу у тебя, попъ, а ни разу не былъ съ тобою въ церкви».

— Чтожъ, — отвѣчаетъ попъ: — нынче воскресенье, пойдемъ.

И пошли.

Попъ служитъ въ алтарѣ, а Савва стоитъ на порогѣ. Служитъ попъ и отъ времени до времени взглядываетъ на своего работника, не замѣтитъ ли чего въ его лицѣ. Работникъ этотъ — надобно замѣтить — въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ ни разу не улыбнулся; а тутъ вдругъ онъ усмѣхнулся.

Пришли они изъ церкви домой и спрашиваетъ попъ работника, чему онъ усмѣхнулся.

«А вотъ чему», отвѣчаетъ онъ:

«Когда ты служилъ въ алтарѣ, тамъ же стоялъ дьяволъ и, взявши въ руки самую большую ослиную шкуру, все на ней записывалъ: и что ты проговоришь и прочитаешь, и что кто другой проговоритъ или шепнетъ въ церкви. Это нужно ему, чтобы донести все старшóму надъ дьяволами. Писалъ онъ, писалъ и написалъ столько, что кожи не хватаетъ. Тогда онъ взялъ одинъ край ея въ зубы, а другой въ руки и сталъ её растягивать, чтобы была шире. Въ это время я какъ дерну кожу и выдернулъ

ему изъ зубовъ; а онъ головой объ стѣнку-трахъ! и разбилась голова, какъ яйцо».

Послѣ этого попъ еще больше присталъ къ работнику, требуя, чтобы сказалъ, кто онъ. Тогда Савва объявилъ ему свое имя и сказалъ: «Я былъ наказанъ Богомъ и выдержалъ наказаніе; а теперь прощайте»! и тутъ же въ облакѣ поднялся на небо.

(Разсказъ Петка Гавриловича изъ Загарча).

б) *Откуда произошло Черное-озеро въ Езерахъ подъ Дурмиторомъ.*

Озеро это находится на сѣверной сторонѣ Дурмитора на высокомъ плато, которое вслѣдствіе множества находящихся на немъ небольшихъ озеръ носитъ названіе *Езера*, гдѣ прежде находились только катуны племени Дробняковъ, а теперь возникло нѣсколько постоянныхъ поселеній съ торгово-административнымъ мѣстечкомъ Жаблякомъ.

Озеро это пріютилось въ углу между высокими горами, у подножія Дурмитора, спускающагося здѣсь отвѣсными стѣнами, достигающими высоты приблизительно 200 метровъ, а надъ ними высятся вершины его: Медвѣдь, состоящій изъ скалъ и трещинъ, Главы—зубчатый гребень, и на заднемъ планѣ Тьирова-печина, также вся въ зубцахъ, составляющая высшую точку Дурмитора.

Озеро это имѣетъ въ себѣ нѣчто таинственное: кругомъ обступаютъ его ель и сосна, напоминающія наши сѣверные виды; вода его вслѣдствіе большой глубины, которую никто еще не измѣрялъ, представляется темною, почти черною; на немъ нѣтъ никакой жизни, ни одного челнока, ни водяной птицы; даже рыба не водится въ немъ, хотя и бросали её въ него для развода; все куда-то исчезаетъ. Изъ суевѣрнаго страха въ немъ никто не купается и по нему никто не осмѣливается плавать въ лодкѣ. (Полное описаніе см. выше, т. I, стр. 64 — 66).

А когда-то на этомъ мѣстѣ, по народному преданію, былъ

монастырь, большой и богатый, и въ немъ было много монаховъ, которые однако, живя въ богатствѣ, забыли Бога: не кормили народъ, когда онъ голодалъ, какъ то дѣлали другіе монастыри; не принимали безъ платы странниковъ, а сами жили во всякомъ обиліи и роскоши.

Приходитъ однажды какой-то странникъ, будто монахъ, и съ нимъ два *дьяка* (ученики, пóслушники). Просится онъ переночевать въ монастырѣ; а ему отвѣчаютъ: «Пустить мы можемъ, а только будетъ ли у тебя, чѣмъ заплатить?». — Заплачу — отвѣчаетъ онъ, и его пускаютъ.

Изготовили ужинъ; поѣли странники и легли спать; какъ передъ зарей запѣлъ пѣтухъ и такъ понравился гостю, что онъ захотѣлъ купить его у монаховъ. Утромъ, когда встали, онъ спросилъ, сколько нужно заплатить за ночлегъ и ужинъ. Монахи потребовали какую-то большую сумму. Странникъ, однако, вынувъ кошелекъ, полный червонцевъ, безропотно заплатилъ и сталъ просить, чтобы продали ему пѣтуха, который такъ ему понравился своимъ пѣньемъ и красивымъ видомъ.

«Этого не можемъ сдѣлать — отвѣтилъ игуменъ — потому что онъ будитъ насъ къ заутренѣ и мы съ нимъ не боимся проспать; а вотъ лучше мы дадимъ вамъ чего-нибудь на дорогу, чтобъ съѣсть» — и взялъ у нихъ торбицу, которую потомъ принесъ обратно, полную какой-то провизіи, и странники ушли.

Не успѣли они отойти далеко отъ монастыря, какъ за ними погоня. Догоняютъ ихъ монахи и останавливаютъ со словами: «У насъ пропалъ пѣтухъ и безъ васъ некому его взять». Тѣ отрекаются, но потомъ даютъ имъ осмотрѣть торбицу, въ которой и находятъ зарѣзаннаго пѣтуха, подложеннаго конечно самими монахами. «А, такъ вы за гостепріимство красть!» — закричали на нихъ монахи.

Запираться было напрасно, потому что улика была на лицо, и въ чужомъ еще мѣстѣ.

«Ну дѣлать нечего — говоритъ св. Савва (это былъ онъ подъ видомъ странника) — возьмите за то, что хотите».

Они взяли у него весь кошелекъ съ золотомъ и весело отправились домой; а Савва вслѣдъ имъ изрекъ свое проклятіе.

Пройдя немного, онъ говоритъ дьякамъ: «Оглянитесь назадъ и скажите, что увидите». — Оглянулись. —«Видимъ монастырь и бѣлыя церкви съ колокольнями, а къ нему приближаются на коняхъ монахи» — отвѣчаютъ они. Прошло еще немного; велитъ Савва опять имъ посмотрѣть; а тамъ не видятъ ни монастыря, ни церквей, и на томъ мѣстѣ разстилается озеро.

Такъ и исчезъ монастырь; а выступившее на мѣстѣ его озеро бездонное, вода его мертвая и потому въ немъ не можетъ жить рыба и ничто живое. Но на великіе праздники, когда быть заутренѣ, изъ глубины его слышится пѣнье пѣтуха и звонъ колоколовъ, а иногда можно слышать и какъ поютъ въ церкви.

Тамъ-же отъ главнаго хребта выступаетъ высокая коса, замыкая озеро съ восточной стороны, и вершина ея называется *Савинъ-кукъ*, тоже по имени св. Саввы, который ходилъ по нему со своими дьяками; и на немъ-же есть ключикъ, называющійся *Савина-вода*, открытый имъ-же для утоленія жажды дьяковъ; а для удовлетворенія голода нашелъ онъ имъ траву, которая и теперь называется *савин-лук*.

На Савиномъ-кукѣ прежде бывало большое народное собраніе со всего Дробняка, а частью и изъ Пивы, на 15-е августа. Собирались съ вечера; проводили тамъ всю ночь и, уловивъ первый моментъ восхожденія солнца, спѣшили умыться водою изъ того ключика и пили её, а потомъ предавались обычному въ такихъ случаяхъ препровожденію времени въ играхъ, пѣньѣ, стрѣльбѣ въ цѣль и въ ѣдѣ, тѣмъ болѣе что это было розговѣнье послѣ двухнедѣльнаго успенскаго поста.

Теперь эта скупштина бываетъ въ Жаблякѣ, гдѣ находится церковь Успенья Богородицы; но она потеряла уже свой прежній характеръ и прелесть.

Есть и другія мѣстности, которымъ приписываются какія-нибудь отношенія къ св. Саввѣ.

Такъ, въ Кучахъ изъ подъ Кржани и Безьова идетъ огромный оврагъ, пересѣкающій все такъ называемое Кучко-површье и внизъ высокаго края этого плато Цвилина, спускающееся къ селу Ублямъ. Это теперь сухое русло (*сувоарина*), загромажденное грудами валуновъ и наполняющееся водою только во время сильныхъ дождей, когда образуется страшный потокъ, заваливающій камнями всю находящуюся подъ нимъ равнину Ублей.

По народному преданію, это когда-то была постоянная рѣка, которая осушилась вслѣдствіе проклятія св. Саввы за то, что однажды во время его путешествія по великой надобности она поставила ему препятствіе. Но на память объ этой рѣкѣ остался только постоянный, никогда не изсякающій ключъ въ Безьовѣ, который однако тутъ же неподалеку исчезаетъ въ бездонной пропасти (въ понорѣ).

Такихъ разсказовъ про св. Савву въ различныхъ мѣстахъ Черногоріи множество.

2. Святая Кралица.

Это — Елена, жена сербскаго короля Уроша I, изъ дома Валуа, во время малолѣтства Милутина и Драгутина, въ качествѣ опекунши управлявшая Сербскимъ королевствомъ. Она была ревностная католичка, строила церкви и монастыри, тоже католическіе, въ то же время дѣлала много добра вообще народу; поэтому народъ вспоминаетъ её, какъ святую и притомъ правовославную.

Для совершенія этихъ добрыхъ дѣлъ она, по народному преданію, разъѣзжала по всему своему королевству на конѣ одна или съ очень малою свитой, вслѣдствіе чего была иногда неузнаваема и подвергалась оскорбленіямъ. Такъ, въ Цермницѣ въ одномъ селѣ она попросила воды напиться, ей отказали; въ другомъ она получила отказъ въ рыбѣ, которую тутъ-же при ней

поймали, и за то она ихъ прокляла и однихъ назвала «сотоне» (сатаны), почему и село прозвалось Сотоничи, а другимъ сказала, чтобы они назывались глухими, такъ какъ они остались глухи къ ея просьбѣ, и село ихъ потому прозвалось Глухи-до; въ слѣдующемъ селѣ ей дали немного мелкой рыбы, и потому оно прозвалось Болевичи отъ слова *бољи*-лучшій. Когда-же многіе гнались за ней, требуя денегъ или просто чтобы ограбить её, она выбрасывала имъ деньги, которыя потомъ обращались въ каменные кружочки, во множествѣ и теперь находящіеся въ глинистыхъ слояхъ въ горѣ Сутарманѣ, и народъ ихъ называетъ *асприце* или *парице краљице Елене.* Это собственно позвонки ископаемаго червя (Encrinites Monileformis *).

Очевидно, что тутъ фантазія создавала исторію, пріурочивая къ существующимъ географическимъ именамъ. Тамъ-же въ Лимлянахъ въ истокахъ р. Цермницы одно глубокое мѣстечко называется *Краљичино око.*

Другое Краљичино-око находится въ р. Церковницѣ (племя Команы), гдѣ до сихъ поръ видны остатки алтаря, которые подмываютъ зимнія и весеннія воды, а кругомъ тоже слѣды построекъ, которыя считаютъ остатками того-же монастыря и приписываютъ постройку его той-же Кралицѣ.

Недалеко оттуда, тоже на землѣ Команъ, подъ горою Бусовникомъ есть глубокая яма съ прекрасною холодною водой, которую однако называютъ Погана-яма, и объ ней существуетъ такое преданіе.

Прежде тутъ протекалъ постоянный потокъ, впадавшій въ р. Матицу; а теперь остается сухое русло, наполняющееся водою только въ дождливое время. Въ то время въ этомъ потокѣ водилось много рыбы. Однажды проѣзжала тутъ св. Кралица, когда мѣстные жители бросали сѣть, и попросила ихъ за извѣстную плату закинуть сѣть на ея счастье т. е. чтобы рыба была ея. Закинули и, когда вытащили сѣть, она оказалась полна прекрасной, круп-

*) W. Ebel — Zwölf Tage auf Montenegro (стр. 101).

ной рыбы. Рыболовамъ стало жаль такой рыбы и они обѣщали отдать ей второй забросъ. А на этотъ разъ рыба попалась еще крупнѣе; имъ стало еще больше жаль, и они обѣщали ей третій забросъ. Но она отказалась и, проклявъ ихъ, удалилась; а когда вытащили сѣть, то въ ней оказалось только мелкая рыбешка *гловица* (малявки).

Видя въ этомъ особенное знаменіе, они испугались и погнались за Кралицей, чтобы испросить у нея помилованіе. Настигли они её въ Лѣшкополѣ (близъ Подгорицы), пали передъ нею на колѣни и стали просить милости. Тогда она дала имъ ящичекъ съ наказомъ, чтобы они бросили его въ свою рѣку, но до того времени чтобы не смѣли его открывать. Они отправились назадъ; но не вытерпѣли, чтобы не открыть ящичекъ; открыли его, какъ разъ когда перебродили р. Ситницу: изъ него выскочила въ рѣку какая-то рыбка, и съ тѣхъ поръ тамъ отлично ловится рыба, особенно *скобаль* (родъ сельди), что теперь составляетъ хорошую доходную статью; а въ ихъ рѣкѣ или потокѣ не только не стало рыбы, но исчезла и самая вода, задержавшись только въ упомянутой ямѣ. И эта вода, несмотря на ея хорошія качества на вкусъ, считается очень вредною: скотъ отъ нея дохнетъ и люди подвергаются какимъ-то особеннымъ болѣзнямъ. Разказывавшій мнѣ объ этомъ Саво Радуловичъ изъ Команъ, будучи одного году, лишился, по его словамъ, ноги, а его двоюродный братъ — руки отъ того, что имъ давали пить ту воду, пренебрегши народнымъ вѣрованіемъ. И съ тѣхъ поръ еще больше упрочилась дурная слава этой воды. Надобно замѣтить, что мой разсказчикъ человѣкъ отлично окончившій курсъ первоначальной школы и вообще весьма интеллигентный; а одна нога у него сократилась и недоразвилась, какъ будто отъ параличнаго состоянія (не дѣйствіе-ли это слишкомъ большого холода на мозгъ, отъ котораго и произошелъ частичный параличъ одной стороны?).

Всѣ эти случаи такого рода, что вызывали со стороны доброй Кралицы кару на недобрыхъ людей, а и оказанныя ею по-

томъ милость обращалась въ пользу не ихъ, а другихъ, что опять вызывалось ихъ малодушіемъ и непослушностью. Но есть случаи, въ которыхъ она проявляла только свою добрую сторону.

Такъ, ѣхала она на конѣ по одну сторону Добрскаго села (близь Цетинья), лежащаго въ глубокой котловинѣ, и услышала плачъ двоихъ дѣтей на другой сторонѣ этой котловины. Ударивъ коня, она въ одинъ скокъ перескочила на другую сторону (по воздушной линіи это составляетъ разстояніе до двухъ километровъ) и спрашиваетъ дѣтей, что они плачутъ. «Мы помираемъ отъ жажды» — отвѣчаютъ дѣти. Тогда она ударила прутикомъ по скалѣ и изъ нея хлынула вода рѣкой, на которой могли-бы работать десять мельницъ. Опять дѣти плачутъ. «Что плачете»— опять она ихъ спрашиваетъ; а они отвѣчаютъ: «Твоя рѣка потопитъ все наше село; а намъ воды нужно, чтобы только напиться и сварить немного качамака (родъ густой каши изъ кукурузной муки)». Тогда она опять ударила прутикомъ и вода осталась только въ ямкѣ, въ которой можно её зачерпнуть кружкой или маленькимъ ведерцемъ. Кралица, какъ прискакала, такъ и ускакала, опять продолжая свой путь; а покуда она была здѣсь, конь ея сталъ валяться и, гдѣ ударился головой, тамъ образовалось углубленіе, отвѣчающее формѣ конской головы.

Вода эта находится на дорогѣ, идущей отъ Цетинья къ Рѣкѣ, на уступѣ подъ высокими горами, спускающемся отвѣсно къ проходящему подъ нимъ шоссе. Къ ней поднимаются по лѣсенкѣ, высѣченной въ этомъ утесѣ, и посредствомъ кружки наливаютъ воду въ боченки или другую болѣе большую посуду. Середи лѣта она всегда стоитъ на одной мѣрѣ, чуть переливаясь черезъ край; а въ мокрое время весною, осенью и зимой, она, тихо журча, нѣсколькими струйками скатывается на дорогу, и потому черная скала, вышиною до двухъ метровъ, вѣчно украшена зеленью водяного салата, мяты, какихъ-то растеній въ родѣ хвоща и другими, что бываетъ эффектно зимой.

Зелень эта и тогда, благодаря теплотѣ ключевой воды, не страдаетъ отъ холода и во всей свѣжости, космами спускается

внизъ, рѣзко выступая на темномъ фонѣ скалы, съ которой свѣшивается середи кругомъ бѣлѣющаго снѣга.

Вода эта, находясь въ природномъ углубленіи въ камнѣ, не обдѣлана; а однажды хотѣли было её обстроить, какъ другія цистерны, и приготовили уже матеріалъ, тесаные камни и цементъ; но вода тотчасъ исчезла, и потому рѣшили оставить её навсегда въ такомъ видѣ, въ какомъ создала природа.

Случилось мнѣ однажды, возвращаясь изъ путешествія, идти отъ Команъ черезъ Косіеры и Дебелякъ на Цетинье съ цѣлою толпою мужчинъ и женщинъ, которые также шли на Цетинье на Петровъ-день, чтобы поклониться гробу св. Петра Цетинскаго.

На одномъ мѣстѣ всѣ остановились для отдыха, причемъ я сѣлъ на одну природную плиту, лежащую на другомъ камнѣ; какъ вдругъ одна старуха кричитъ мнѣ: «Встань, встань!» — Не понимая, въ чемъ дѣло, и полагая, что всѣ уже поднимаются, чтобы идти, я всталъ; но послѣ объяснили мнѣ, что это «святая трапеза, на которой обѣдала святая Кралица», и потому на неё никто не садится, а кто сядетъ, того постигнетъ болѣзнь или какое-нибудь несчастіе.

Такія трапезы св. Кралицы или Богородицы есть и въ другихъ мѣстахъ.

3) **Святой Димитрій — арамбаша** (разбойничій атаманъ).

Святой Димитрій былъ когда-то великій арамбаша и собиралъ четы по 200 и до 300 чел. Четовалъ онъ гдѣ-то далеко отсюда, въ Македоніи или еще дальше. Грабилъ онъ и убивалъ со своими гайдуками всякаго, кто только попадался; не щадилъ онъ и монастырей и убилъ за все время четованья своего 90 владыкъ (епископовъ). Однажды пристигла ихъ жестокая зима; никто не проходитъ, ни проѣзжаетъ; нѣтъ никакой добычи; а живутъ они въ лѣсахъ и пещерахъ. Оголодало войско и стало роп-

тать на арамбашу: «Веди насъ, куда хочешь — говорятъ ему — а въ такомъ положеніи оставаться нельзя». Отвѣчаетъ имъ арамбаша: «Знаю я одинъ только монастырь, на который мы моглибы напасть, гдѣ есть церковь, въ которой почиваетъ *Блажена Марія;* но на него напасть не смѣю».

— Все равно — кричитъ дружина — веди насъ туда; не умирать же намъ съ голоду!

Дѣлать нечего, отправляются; перебили всѣхъ монаховъ; церковь всю обыскали и обшарили; перевернули даже святую трапезу (престолъ); а сокровищъ никакихъ не нашли. Остался только *ковчег* (рака) Блаженной Маріи. Тронули и его; но только подняли крышку, поднялась Блаженная и пустила страшный огонь, которымъ сожгло все почти войско, и остались только тѣ, что тотчасъ упали на колѣни, и огонь прошелъ надъ ихъ головами. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Димитрій. Пораженный такимъ чудомъ, онъ рѣшился покаяться и отправился за тѣмъ къ патріарху на Святую Гору.

Пришелъ онъ къ патріарху на исповѣдь, кается, а въ то-же время говоритъ ему, чтобы онъ остерегался, такъ какъ не ручается самъ за себя и можетъ при случаѣ согрѣшить и тутъ-же убить его, патріарха. Патріархъ нисколько не смути́лся, а только успокаивалъ его. Арамбаша такимъ образомъ исповѣдалъ всѣ свои грѣхи и послѣдній, тягчайшій грѣхъ относительно Блаженной Маріи, которая съ того времени стала называться *Огњена.* Патріархъ выслушалъ его спокойно и только приговариваетъ: «Добро, синко!», а когда вся исповѣдь кончилась, онъ, вмѣсто всякаго наказанія, назначилъ ему слѣдующее: «Облачися въ монашескую одежду и вотъ тебѣ монастырь съ игуменомъ и нѣсколькими монахами. Тамъ есть садъ, въ которомъ произрастаютъ всякіе плоды и овощи, а возлѣ него проходятъ различныя дороги: ты смотри, когда кто-либо проходитъ или проѣзжаетъ, зазывай всякаго въ монастырь, чтобы отдохнулъ и отвѣдалъ отъ всякаго плода и овощи. А въ то-же время возьми три сухихъ гнилыхъ буковыхъ пня и закопай ихъ въ концѣ сада въ землю глубиною

на цѣлую сажень и поливай ихъ каждый день утромъ и вечеромъ. Если эти пни оживутъ (*зену* — покроются листьями), дадутъ листья и вѣтви, тогда значитъ, прощены тебѣ всѣ твои грѣхи, какъ-бы тяжки ни были».

Такъ онъ и сдѣлалъ. Зазывалъ и угощалъ всякаго и поливалъ сухіе, гнилые пни. Однажды зазвалъ онъ двоихъ, парня и дѣвушку, которые намѣрены были скоро сочетаться бракомъ. Были они и ушли, какъ слѣдомъ за ними ѣдетъ человѣкъ на конѣ. Зазываетъ Димитрій и его, а онъ отвѣчаетъ, что некогда и спѣшно погналъ дальше.

Тогда Димитрій, удивленный и оскорбленный такимъ отказомъ, садится на своего коня, на которомъ давно уже не ѣздилъ; надѣваетъ на себя, по старому своему обычаю, оружіе для всякаго случая, чего также давно не дѣлывалъ, и отправляется въ догонку. Догоняетъ онъ путника и опять умоляетъ его свернуть въ монастырь; но тотъ отказывается наотрѣзъ. Тогда Димитрій спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ такъ спѣшитъ, на что проѣзжій отвѣтилъ: «А вотъ тутъ сейчасъ прошли парень и дѣвушка, которые хотятъ сочетаться бракомъ; мнѣ-же та дѣвушка понравилась и я рѣшился завладѣть ею. Знаю впередъ, что парень не будетъ её давать, а потому я его убью».

Димитрій сталъ отговаривать его отъ того, представляя, какой великій грѣхъ для своей прихоти разрушить чужое счастье, но тотъ и слушать не хочетъ. Тогда Димитрій убиваетъ его и, взявъ его коня и всѣ доспѣхи, возвращается.

Какъ разъ въ воротахъ монастыря встрѣчаетъ его патріархъ и спрашиваетъ, куда онъ ѣздилъ и что было.

Димитрій разсказываетъ все, какъ было, глубоко скорбя объ томъ, что Богъ далъ ему такой дурной характеръ. А патріархъ на то: «Ну, сынокъ, теперь не знаю, какъ поступить съ тобою. Но посмотримъ, что сталось съ тѣми сухими пнями».

Когда пришли къ нимъ, то увидѣли, что они пустили вѣтви по аршину и всѣ зеленѣютъ въ листьяхъ. Это было знакомъ, что Богъ простилъ ему всѣ его грѣхи. Тогда Димитрій отъ умиленія

палъ на колѣни и сталъ молиться Богу и тутъ-же скончался, какъ святой, а тѣло его осталось нетлѣнно и теперь почиваетъ въ какомъ-то великомъ градѣ.

4) О Черногорскихъ Святыхъ.

Въ Черногоріи находятся мощи (цјелокуп) святыхъ печскаго архіепископа Арсенія (только голова), Стефана Пиперскаго, Василія Острожскаго и Петра Цетинскаго. Всѣ они одинаково почитаемы народомъ; на нихъ смотрятъ черногорцы, какъ на свой палладіумъ, и говорятъ, что только ими и держится Черногорія. Поэтому въ виду опасности, угрожающей со стороны турокъ монастырямъ, гдѣ эти мощи находятся, ихъ спасаютъ прежде всего. Но свойства приписываетъ народъ этимъ святымъ различныя: такъ, Арсеній необыкновенно строгъ и жестоко караетъ; за нимъ идетъ Стефанъ, а послѣ Петръ; Василій-же изо всѣхъ самый милостивый. И въ синаксарѣ *) ему въ заключеніи мы читаемъ: «Якоже въ животѣ бѣ милостивъ къ немощнымъ и недужнымъ тѣломъ и душею; тако и по смерти велми милосердствуя помогаетъ не токмо вѣрнымъ, но и простодушнымъ мухамеданцомъ, иже приходятъ къ нему, ища и моля его о помощи и исцѣленіи отъ недуговъ и бѣсовскихъ нахожденій».

Кромѣ разсказовъ объ томъ, какія гоненія онъ терпѣлъ не только отъ турокъ, но и отъ своихъ-же сербовъ, подкупленныхъ турками, и какъ наконецъ онъ нашелъ убѣжище въ Острожскихъ-гредахъ, не представляющихъ ничего особеннаго, есть одинъ разсказъ, въ которомъ видна работа фантазіи.

Онъ относится къ тому времени, когда Василій, будучи молодымъ и стремясь къ высшему призванію, подвергался разнаго рода испытаніямъ.

Пришелъ онъ къ Корнетскому владыкѣ и поступилъ къ нему

*) *Серблякъ*, содержащій «Богослужебная молебная правила святымъ сербскаго рода». Бѣлградъ. 1861 г.

въ услуженіе. А владыка этотъ не отличался высокою нравственностью и, взявъ къ себѣ въ услуженіе дѣвушку, согрѣшилъ съ нею; а чтобы отклонить это отъ себя, рѣшился свалить все на своего молодого слугу Василія. Но Василій и въ то время былъ уже извѣстенъ своею высокою нравственностью и благочестіемъ. Поэтому владыка придумалъ слѣдующее: «Пойди — говоритъ онъ той дѣвушкѣ — на великую пятницу, возьми кувшинъ молока и стань у церкви, а когда будетъ тамъ проходить Василій, закляни его, чтобы онъ хоть немножко хлѣбнулъ молока».

Такъ она и сдѣлала. Василій отказывался; но она такъ его заклинала всѣмъ святымъ, что онъ не могъ ей отказать: «Боже, прости мнѣ! — сказалъ — не хочу я, но ради великой просьбы этой женщины долженъ» — и хлѣбнулъ — *за ајтар Бога* — три раза.

Между тѣмъ владыка собираетъ скупштину и объявляетъ, что слуга его согрѣшилъ съ дѣвушкой и что она забеременѣла и скоро должна разрѣшиться. Никто этому не вѣритъ, потому что Василій такой благочестивый. «Какой благочестивый! — отвѣчаетъ владыка — онъ за любовь къ женщинѣ на великую пятницу молоко хлѣбалъ». — Спрашиваютъ Василія, и онъ не отрицаетъ. Тогда его осуждаютъ на повѣшеніе. Но онъ проситъ подождать, пока родится ребенокъ и чтобы ему позволили присутствовать при этомъ. Это ему дозволено. А когда наступило время разрѣшенія, собрался народъ, и тамъ-же былъ Василій. Когда ребенокъ родился, то Василій взялъ его въ руки, три раза дунулъ на него и заклялъ сказать, чей онъ. Къ великому чуду ребенокъ проговорилъ: «Корнетскаго владыки».

Тогда Василій оправдался, а владыку каменовали и насыпали надъ нимъ каменный курганъ, который и теперь называется «могилою корнетскаго владыки». Владыка этотъ былъ Мардарій, объ которомъ см. наше соч. т. I, стр. 496 — 98.

Лѣшняне-же, чтобы очистить память этого владыки, своего земляка, разсказываютъ обратное т. е. что Мардарій былъ оклеветанъ калудьеромъ, у котораго онъ служилъ, и оправдался, по-

слѣ чего проклялъ свой народъ и удалился въ Кучи, гдѣ проповѣдывалъ православіе, такъ какъ они были католики, и довелъ ихъ до того, что они призвали владыку Руфима, который и совершилъ ихъ присоединеніе къ православной церкви; самъ же онъ послѣ ушелъ въ Дечаны, гдѣ и померъ.

Это второе преданіе ненародное, очевидно, сложенное патріотомъ, вкусившимъ книжности.

О св. Петрѣ Цетинскомъ есть много разсказовъ характеризующихъ его любовь къ народу, доходящую до самопожертвованія, его высшую мудрость и справедливость. Но есть и фантастичные.

Такъ, когда арнауты, собравшись въ огромномъ количествѣ ударили на черногорское село Салковину, гдѣ черногорцевъ было очень мало, послѣднимъ предстояла гибель неминучая; но арнауты вдругъ побѣжали назадъ. А это потомъ объяснилось такъ. Въ самый рѣшительный моментъ, когда арнауты кинулись на черногорцевъ, чтобы ихъ, такъ сказать, раздавить своею многочисленностію, впереди передъ черногорцами показался какой-то всадникъ на бѣломъ конѣ. Одинъ арнаутъ подскочилъ къ нему, даетъ выстрѣлъ изъ одной леденицы, потомъ изъ другой; но всадникъ остается невредимъ, а изъ него ударило зеленое пламя, котораго тотъ не могъ выдержать и бѣжалъ, крикнувъ своимъ: «Напрасно биться, когда передъ черногорцами св. Петръ».

Послѣ того, когда перемѣняли одежды на святомъ, башмаки его оказались полны песку. Значитъ, онъ дѣйствительно выходилъ изъ гробницы.

5) Русскій царь Динаръ и Стефанъ Высокій.

Жилъ одинъ царь, тѣло котораго было покрыто чешуей, какъ на рыбѣ или на аждаѣ-змѣѣ, откуда и прозвище его, такъ какъ чешуйки эти были величиною съ мелкую монету динаръ. Имѣлъ онъ огромный ротъ и поѣдалъ всего страшное количе-

ство. Тяжело и зазорно передъ людьми было ему такое состояніе, а потому онъ объявилъ по цѣлому свѣту, что кто его избавитъ отъ этого, тому онъ дастъ все, чего только тотъ онъ него потребуетъ.

Является Стефанъ Высокій (сынъ царя Лазаря) и говоритъ: «Я тебя избавлю». Царь соглашается съ радостью. Тогда Стефанъ велѣлъ испечь свѣжаго бараньяго мяса и сварить большой котелъ молока. Когда все было готово, онъ взялъ котелъ, поставилъ передъ царемъ и велѣлъ ему сѣсть, наслонившись спиной на стѣнку.

Дымится паромъ горячее молоко, смѣшиваясь съ запахомъ свѣжаго, только что испеченнаго бараньяго мяса. «Открой ротъ!» — говоритъ Стефанъ царю. Тотъ открылъ пасть, какъ яму; а оттуда показалась змѣя. Стефанъ схватилъ её за шею и вытащилъ. «Открой еще!» Опять змѣя; вытащилъ и ту; затѣмъ третью.

Послѣ этого онъ выкупалъ царя въ молокѣ и тогда только далъ ѣсть; а передъ тѣмъ три дня не давалъ ему ничего. Послѣ этого сама собой стала опадать шелуха, и царь сдѣлался человѣкъ человѣкомъ.

«Теперь покрестись въ православную вѣру»—требуетъ Стефанъ—«и перекрести весь твой народъ». Тотъ такъ и поступилъ. Затѣмъ они вмѣстѣ отправились на турокъ, очистили отъ нихъ всѣ свои земли и загнали ихъ въ Шамъ (Аравія).

Послѣ этого Стефанъ Высокій бросилъ свой буздованъ въ море со словами: «Бундос-буздован! ако буздован на моју кућу, и турци на мене!» Возвращается онъ домой, а буздованъ какъ разъ посреди его дома, а вотъ и турки за нимъ.

Собираетъ Стефанъ войско и опять прогоняетъ турокъ, и опять съ тѣми-же словами бросаетъ буздованъ. И такъ дѣлалъ онъ до трехъ разъ и всякій разъ буздованъ возвращался въ домъ и являлись турки. Послѣ этого, видя, что нѣтъ спасенія, Стефанъ говоритъ: «Ја могу, коњ ми може; Бог не да, и фала је Богу»! Земля разступилась и проглотила его.

6) Како су постали Врањићи.

(Записалъ Зако Рогошичъ въ Подгорицѣ).

Близь Подгорицы находится отдѣльный, невысокій, но довольно обширный холмъ Велье-брдо, которое, какъ мѣсто пастбищное и лѣсистое, имѣло большую цѣнность для всѣхъ ближнихъ жителей. Оно принадлежало племени Пиперъ, но слишкомъ близкое сосѣдство подгорицкихъ турокъ дѣлало для нихъ очень затруднительнымъ пользованіе имъ. Здѣсь происходили постоянныя схватки между турками и пиперами. Кромѣ того, тамъ-же укоренился сильный родъ Враничей, которые съ помощью подгоричанъ совершенно завладѣли Вельимъ-брдомъ и закрыли пиперамъ доступъ къ нему. Около 1800 г. пиперы собрались большими силами, напали на село Враничей и разорили его; главныеже ихъ вожди одни погибли въ бою, другіе отселились, и съ того времени объ ихъ существованіи напоминаютъ только носящія ихъ имя мѣстности: Враницкія нивы, Враницкая-рупа и др.

Къ этому-то роду и относится озаглавленное выше преданіе, которое и предлагаемъ по записи Зака Рогошича.

Негда у старо доба између Вељег—и Малог-брда живјаше један сиромашан човјек са својом фамилијом. Овај сиромашак немаше ништа до једну краву. Једног вечера, кад је сељак спавао, дође му нешто на сан и рече му: «Закољи твоју краву и понеси кожу њену у Котор, коју ћеш скупо продати, тако да ћеш се обогатити». Сиромах сељак, кад се пробуди, стаде мислити, како ће да ради; на посљетку се рјеши да закоље краву и рече својој жèни: «Чуј, жено! ја ћу заклат ову краву». Жèна се упропасти, кад чу ове ријечи, и рече: «Како, јадове, да је кољеш, кад немаш живо до њу једну!». Сељак њој каже сан и закоље краву. Сјутри дан урани сељак и пође у Котор. Чим дође на пазар, срете га један човјек и упита: «Имаш-ли што да продаш?» Сељак му каже, да има говеђу кожу, коју му и показа. Купац га

упита, колико ју да; а сељак му одговори: «Не умијем је цијенити, јер нијесам има' ништа до ову краву и присни ми се, да ћу се од њене коже обогатити, па сам је за то и заклао». Купац се насмије и рече: «Проклети сотона што може учињет од глупа човјека!» па настави: «и мене, брате, долази у сну ђаво и говори да пођем негђе у свијет у Дука *), па да на ђурђев-дан прије сунца сједем под једну магриву; тун ће доћи црни гавран на исту магриву, и треба три пут да гракне, а ђаво рекне да га не пуштим до једном да гракне; па онда да копам под магривом и да ћу нађ пун казан пара. Но ко ће слушат ђавола! но ако оћеш да ти дам за кожу цекин; па ђаво што те је преварио, нека Богу плати!».

Сељак промисли у себе: «Мени Дука код куће» и рече: «Трговче, сретња ти била кожа!».

Трговац извади цекин и даде га сељаку.

Сељак се поврати кући; срете га жена и упита, колико даде ону кожу. Сељак одговори: «Цекин» и стаде каживати жени све, што му је купац казао.

Чим дође ђурђев-дан, сељак бјеше уранијо, што није никад тако. Упита га жена: «Ђе си кренуо тако рано?» Сељак рече: «Да тражим паре» и пође на Дука.

Чим доће, сакри се под једну магриву; тун стане неколико; у то црни гавран дође и гракну; а сељак га одма исћера, да не би и другом гракнуо. Чимъ гавран полеће, сељак стаде копат и заисто нађе пун казан дуката. Овесели-се, онда рече: «Да ѝ сад носим дома, немам вјере у жене, јер ће сваком казати». Премјести паре на другу страну и пође кући, да прова жену.

Чим дође, није још ни сио, а жена га упита, колико је наша пара. Он одговори, да није ништа наша: «Само из мене изљекоше двије вране». Жена пође на воду и каже другарицама: «Из мога мужа излећеле пет врана». Сељак сеђаше пред кућом на плочу, а жене иду с воде и покажују прстом пут њега: «Ономе су јутрос

*) Такъ мѣстные жители называютъ развалины древней Діоклеи.

излеђеле пет врана». Кад сељак чу, сјети се да га је жена проказала и да је придала три вране; онда би рекле за свака два дуката, да сам наша пет; онда сељани би скочили и узели ми све. За то сељак дође у Подгорицу, потурчи себе и своју фамилију, и назову га Врањић. И данас се по томе зову Врањићи».

Намъ нѣтъ ни возможности, ни надобности входить въ разборъ, правильно-ли въ этомъ разсказѣ объясняется происхожденіе прозвища Враничей; мы въ немъ видимъ только примѣръ, какъ народная фантазія работаетъ и, ухватившись за какое-нибудь имя историческое или географическое, создаетъ цѣлое сказаніе, иногда очень обширное и сложное.

7) Болѣе мелкіе разсказы.

Мы уже упоминали, какъ черногорское селенье Косіеры присвоило себѣ историческаго Новака Дебелича, родоначальника сербскихъ гайдуковъ, на томъ основаніи, что у нихъ находится гора Дебелякъ *).

При этомъ существуетъ такой разсказъ.

Онъ рано лишился отца и остался при матери вдовѣ, которая жила въ бѣдности, а сынъ ея сверхъ того былъ невидный и слабый, такъ что всѣ его обижали, даже когда онъ сталъ уже взрослымъ парнемъ. Бывало, пасетъ онъ своихъ пять-шесть овечекъ, а ему кричатъ: «Прочь отсюда! вишь, всю планину выпасъ!» И уходитъ онъ въ такія трущобы, гдѣ никого нѣтъ. Однажды, бродя такимъ образомъ со своими овцами, онъ увидѣлъ, что-то подъ буковымъ деревомъ лежитъ, будто человѣкъ. Подходитъ и видитъ женщину: она необыкновеннаго роста, съ бѣлымъ красивымъ лицомъ, лежитъ, распустивши свои длинные черные волосы, и спитъ. А тѣнь, подъ которую она укрылась отъ палящаго солнца, уходитъ. Жаль ему стало ея; нарубилъ косіеромъ вѣтокъ и об-

*) Еще болѣе основанія имѣлъ-бы Барскій округъ, такъ какъ тамъ есть родъ *Дебели*.

ставилъ ими ея изголовье. Почувствовавъ перемѣну, она просыпается и, увидѣвъ пастуха, разспрашиваетъ, кто онъ и что его побудило такъ поступить. Разсказалъ онъ все и объяснилъ, что ему просто было жаль человѣка, при томъ, судя по виду, чуждаго этому краю и, можетъ быть, заблудившагося. А это была вила той самой планины Дебеляка.

«Вижу я, что ты добрый человѣкъ — говоритъ она ему — а я могу тебѣ все сдѣлать; проси-же у меня, что тебѣ надо».

— Мнѣ ничего не нужно — отвѣчаетъ онъ — какъ только, чтобъ я могъ свободно пасти своихъ овецъ и никто-бы не могъ меня обидѣть.

«Ну, теперь этого не бойся. Попробуй, пошатни вонъ то дерево — сказала она — показавъ на дерево въ толщину человѣка».

Подошелъ онъ къ дереву и сразу вырвалъ его съ корнемъ, какъ траву.

«Ну, этого для тебя слишкомъ много. Теперь, подойди вонъ къ тому камню, что торчитъ надъ селомъ».

А это была цѣлая скала, которую человѣческой силѣ не стронуть. Подошелъ онъ, уперся въ скалу руками: шевелится.

«Стой, стой!. — кричитъ вила — если камень свалится, онъ половину села задавитъ. Будетъ съ тебя» — и изъ этого еще ему поубавила силы.

«Вотъ тебѣ за то, что ты добрый человѣкъ; только ты своихъ не обижай, а вонъ тебѣ турки, что угнетаютъ твой народъ, ихъ и бей».

Съ этими словами она скрылась; а онъ сначала испробовалъ свою силу на своихъ: кто только тронетъ его, онъ толкнетъ напавшаго чуточку, тотъ и летитъ, словно мелкій камушекъ; тогда, испытавъ такимъ образомъ свою силу, онъ и отправился въ планину Романію, мимо которой проходилъ главный цареградскій путь, гдѣ и побивалъ турокъ (по разсказу косіерскаго капитана Николы).

Прекрасная пѣсня о воеводѣ Момчилѣ (у Вука Караджича «Женидба краља Вукашина» кн. II, № 25) возникла на сходствѣ географическихъ именъ Пирлитора въ Черногоріи и града Перитеоріи на берегу Эгейскаго моря; а въ Дробнякахъ, гдѣ находится Пирлиторъ самымъ точнымъ образомъ покажутъ вамъ всѣ мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе съ нѣкоторыми добавленіями, не находящимися и въ пѣснѣ.

О происхожденіи Марка Кралевича въ Троношскомъ лѣтописцѣ говорится, что онъ «ѿ горныя зети изъ села м'рняка»; на этомъ основаніи въ Черногоріи указывается нѣсколько мѣстъ, напоминающихъ своимъ названіемъ Мрнявчевичей, изъ рода которыхъ происходилъ Марко Кралевичъ.

Между прочимъ въ Бѣлопавличахъ близко къ Орьей-Лукѣ на берегу р. Зеты есть мѣсто Мрне, гдѣ находятся слѣды какихъ-то построекъ. Въ Загарчѣ, между двумя вершинами горы Гарча также находится мѣсто, называемое *Мрланъ*, гдѣ будто бы Мрнявчевичи стояли, по изгнаніи ихъ турками изъ Скадра.

При томъ фактъ, разсказанный въ пѣснѣ «Зидање Скадра», считается причиною гибели Мрнявчевичей въ борьбѣ съ турками И самый этотъ фактъ разсказывается нѣсколько иначе. Вотъ какъ это разсказывается въ Черногоріи.

Стали братья Мрнявчевичи въ Скадрѣ строить мостъ на р. Боянѣ; но, что̀ состроютъ за день, то ночью развалитъ вода (въ пѣснѣ поэтичнѣе говорится: вила).

И приспилось старшему изъ нихъ Вукашину (въ пѣснѣ—ихъ научила тоже вила), что нужно найти Нену и Неноя (въ пѣснѣ Стоянъ и Стояна), брата и сестру или жену и мужа, и заложить ихъ въ стѣну (зазидати). Но такихъ не нашлось, и тогда они рѣшили пожертвовать для этого одну изъ своихъ женъ.

Далѣе все, какъ въ пѣснѣ; иначе только конецъ. Въ пѣснѣ говорится, что заложенная въ стѣну мать кормила ребенка еще цѣлую недѣлю, и потомъ, когда она уже умерла, въ продолженіи года шло ребенку молоко изъ отверстія, вставленнаго для груди; а въ простомъ разсказѣ говорится, что мать, когда всѣ ея мольбы

были отвергнуты, попросила, чтобы ей дали покормить ребенка въ послѣдній разъ, что̀ и исполнили; а она, покормивши его, ударила имъ объ камень и бросила въ воду.

И этотъ обманъ двоихъ братьевъ, совершенный противъ третьяго, по сказанію, и былъ причиною того, что Богъ попустилъ туркамъ завладѣть Скадромъ, и Мрнявчевичи должны были бѣжать.

Иначе, чѣмъ въ исторіи, разсказывается и о послѣднихъ дняхъ Георгія Бранковича.

Стѣсненный турками, онъ съ женою Ериной бѣжалъ, взявши съ собою *три товара блага*, и прибѣжалъ онъ въ *одинъ латинскій градъ при морѣ* (Дубровникъ). Тутъ онъ оставилъ все свое богатство на сохраненіе и велѣлъ записать: «Ђурађ' дође и *донесе* три товара блага»; а когда вернулся, то нашелъ запись передѣланною: «Ђурађ дође и *пронесе* три товара блага» и богатства ему не возвратились, а тогда они оба кинулись въ море и утопились.

Черногорецъ любитъ исторію, свою черногорскую и сербскую, и знаетъ её по главнымъ моментамъ; а на основаніи этого въ деталяхъ, особенно въ примѣненіи къ отдѣльному какому-либо краю или племени, дополняетъ её по своимъ соображеніямъ, стараясь держаться реальнаго основанія, но больше всего тутъ работаетъ фантазія.

Очень характерный въ этомъ отношеніи разсказъ о происхожденіи царя Лазаря изъ Грбля. Онъ относится, правда, не къ Черногоріи, а къ сосѣднему съ нею племени или общинѣ, состоящей подъ властью Австріи, но, какъ этнографическая единица, грбляне и черногорцы составляютъ одно и тоже, тѣмъ болѣе, что и они политически отдѣлены одинъ отъ другого только въ началѣ XIX ст. Вотъ этотъ разсказъ, который по характеру напоминаетъ сказку, хотя главныя дѣйствующія лица взяты изъ исторіи.

У Стефана Душана была сестра очень некрасивая, вслѣд-

ствіе чего она не могла выйти замужъ, и всѣ её не любили. Видя это, она собираетъ всѣ свои вещи и между ними богатыя одежды и украшенія, зашиваетъ въ мѣшокъ, а на себя надѣваетъ самое простое и бѣдное платье и отправляется, куда глаза глядятъ.

Странствуя такимъ образомъ, она пришла въ Грбаль и попросилась въ одинъ домъ. Это былъ домъ кнеза (старшины) Бойковича, гдѣ её впустили и приняли служанкой. Служитъ она отлично. А въ томъ домѣ былъ такой же несчастный слуга. Тогда ихъ женили; а потомъ у нихъ родился сынъ, которому дали имя Лазарь, и дочка.

Между тѣмъ Стефанъ Душанъ, обозрѣвая свое царство, тоже прибылъ въ Грбаль и также остановился у Бойковича.

Бойковичъ-же, заранѣе увѣдомленный, что Стефанъ Душанъ будетъ въ Грблѣ и остановится у него, былъ обезпокоенъ тѣмъ, что никто у него не умѣетъ хорошо изготовить кушанье, чтобы угостить царя, и хотѣлъ достать откуда бы то ни было, повара; но служанка сказала, чтобы онъ не безпокоился, и что она умѣетъ готовитъ, какъ не умѣетъ никто. Дѣйствительно царь былъ въ восторгѣ отъ кушаній, которыя были тѣ самыя, какъ и у него дома, и пожелалъ увидѣть кухарку. Она одѣлась въ свое лучшее платье, вышла, и царь, узнавъ въ ней свою сестру, захотѣлъ взять её съ собою.

Но мужъ ея, который былъ глуповатъ, возпротивился этому; а когда её все таки взяли, онъ засѣлъ на дорогѣ, чтобы убить царя; но былъ открытъ и царемъ помилованъ. Потомъ онъ опять что-то предпринялъ и тогда былъ схваченъ и казненъ. Послѣ царю стало жаль его и онъ построилъ за душу его монастырь въ Грблѣ, а сына его взялъ ко двору, гдѣ его воспиталъ и чрезъ то онъ послѣ сдѣлался царемъ; по рожденію же своему въ Грблѣ онъ назывался Гребляновичемъ.

По другой версіи сестра Стефана Душана, еще живши при дворѣ, согрѣшила съ какимъ то слугою, за что была прогнана; а потомъ, прійдя въ Грбаль, разрѣшилась сыномъ, которому и дано было имя Лазаря.

Также фантастичны и также легко складываются разсказы, пріурочиваемые къ извѣстнымъ названіямъ мѣстностей. На Нѣгушахъ есть Дѣвойкинъ-долъ, про который существуетъ такая легенда.

Дѣвушка побилась объ закладъ, что она за день сожнетъ всю находящуюся тамъ ниву, засѣянную пшеницей. Но, когда она брала уже послѣднюю горсть пшеницы, чтобы её срѣзать, и догарали послѣдніе лучи солнца, подъ нею провалилась земля, и дѣвушка исчезла въ пропасти, которая такъ послѣ того и осталась въ видѣ *понора* (отверстіе, въ которое всѣ воды уходятъ подъ землю). Въ рѣкѣ есть *Дѣвоячки-виръ*, потому что одна дѣвушка на Цеклинѣ кинулась въ поноръ, и гдѣ осталось ея тѣло, не извѣстно, а капицу ея вынесло водою въ томъ *вирѣ*. Въ Васоевичахъ на Комѣ, подъ самою его вершиной, гдѣ проходитъ сокращенный путь на Андріевицу, находится ключикъ, называемый *Вода-Маргарита*. Мѣсто это очень высокое, откуда открывается далекій видъ на Морачу и къ Колашину, а подъ собою вы видите глубокую долину р. Тары, часто наполненную туманомъ въ видѣ клубящихся облаковъ. Вода эта чистая, прозрачная, лѣтомъ необыкновенно холодная, и потому путники всегда на ней останавливаются, чтобы отдохнуть и закусить, и пригоняютъ это къ полуденному, самому жаркому времени. Мѣсто это, однако, не совсѣмъ безопасно отъ живущихъ не подалеку арнаутъ, а также оно *сѣновито*, какъ говорятъ черногорцы, т. е. бываютъ въ немъ сверхъестественныя явленія; поэтому одинъ туда никогда не отправляется, и остаться тамъ заночевать или даже пойти туда, чтобы тотчасъ же вернуться, мало кто рѣшится.

На довольно далекомъ разстояніи оттуда находятся катуны. И вотъ однажды на катунѣ поздно вечеромъ спохватились, что нѣтъ воды. Кто принесетъ? Охотниковъ не оказывается. Тогда вызывается дѣвушка; а дѣвушки черногорскія вообще отличаются смѣлостью и готовностью на самопожертвованіе.

Но, чтобы она взяла воды съ того именно мѣста, а не съ другого, ей дали ножъ, который она должна была для знака

воткнуть въ землю у той воды. Пошла она, набрала воды и воткнула ножъ въ землю, для чего должна была присѣсть, и при этомъ приколола къ землѣ подолъ своей рубашки. Вставая, дѣвушка почувствовала, что её что-то держитъ, и вообразивъ, что это нечистая сила, объ которой такъ много говорилось, она тутъ же умерла. Имя ей было Маргарита, и такъ съ того времени и прозывается этотъ ключъ.

Съ печальнымъ же и еще болѣе мрачнымъ характеромъ сложилась легенда въ Загарчѣ по поводу названія мѣстности *Мртвило* и среди нея *Валудьерова яма.* Былъ неурожайный годъ. Во время мясоѣда народъ кое-какъ перебивался сыромъ и мясомъ. Но насталъ постъ, и обращается народъ къ калудьеру съ вопросомъ, можно-ли ѣсть скоромное. «Нѣтъ ни за что!» отвѣчаетъ калудьеръ. Мучится народъ, терпитъ одну недѣлю, другую и больше; становится наконецъ не въ моготу, и опять обращаются къ калудьеру съ тѣмъ же вопросомъ; а онъ имъ: «много вы терпѣли, а теперь наступила страстная недѣля; попоститесь еще немного; я васъ исповѣдаю и въ субботу пріобщу; а тамъ и великій день».

При калудьерѣ былъ дьякъ, который всюду его сопровождалъ и помогалъ уговаривать народъ. Пришла суббота; велѣлъ калудьеръ дьяку звонить въ церкви. Звонитъ онъ, звонитъ, а никто не приходитъ. Тогда посылаетъ калудьеръ дьяка въ село узнать, что это значитъ. Приходитъ онъ въ первый домъ, всѣ померли; въ другой, третій тоже, и такъ во всемъ селѣ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Тогда калудьеръ и говоритъ дьяку: «Согрѣшили мы тяжко передъ этимъ народомъ; померли всѣ, не зачѣмъ и намъ жить». Подошли они къ находящейся тамъ бездонной ямѣ и кинулись оба въ нее. Оттого яма эта и прозвалась Калудьеровой, а цѣлое то мѣсто—Мртвило.

Б. СКАЗКИ.

1. Злая мачеха.

Жили-были мужъ и жена; родились у нихъ сынъ и дочь; оба они прекрасны и растутъ на утѣшеніе родителямъ. Какъ вдругъ мать умираетъ и отецъ женится на другой. У отца опять жена; а у дѣтей уже не мать, а мачеха. Не даромъ говорятъ: «маћеха—зла утјеха». Не взлюбила мачеха пасынковъ и говоритъ мужу: «Мичи ми ову дјецу, нећу држати ни пошто!».

— Како ћу моју срећу изгубити?—отвѣчаетъ отецъ.

«Лако!» отвѣчаетъ жена и учитъ: «ты ступай съ ними въ далекій лѣсъ и возьми съ собой топоръ, будто рубить дрова, и колачъ хлѣба. Хлѣбъ этотъ брось гдѣ-нибудь въ глубину; дѣти и побѣгутъ за нимъ; а ты повѣсь пустую кубышку на дерево и уйди: кубышку будетъ вѣтеръ качать и стучать ею объ дерево, и они подумаютъ, что это ты рубишь дрова; а затѣмъ настанетъ ночь, и они не найдутъ дороги домой».

Такъ онъ и сдѣлалъ. Только дѣвочка догадалась и взяла съ собою золы въ чулокъ, которую и просыпала по дорогѣ.

Вотъ они идутъ; вышли на высокую гору, а подъ нею глубокая долина. И говоритъ отецъ: «Ну, теперь поѣдимъ немного» и вынулъ изъ торбицы погачу, да какъ будто нечаянно и выпустилъ её изъ рукъ, а она и покатилась внизъ. И говоритъ онъ дѣтямъ: «сбѣгите, дѣти, внизъ, и отыщите погачу; а я покуда порублю дровъ. Когда вернетесь, вы услышите, гдѣ я стукаю топоромъ; по стуку и найдете меня».

Дѣти побѣжали, а онъ повѣсилъ пустую кубышку на дерево и ушелъ домой. Дѣти, сбѣжавъ внизъ, нашли погачу какъ разъ у самой воды; взяли её и пошли на стукъ. А когда пришли, отца не было и только пустая кубышка, раскачиваемая вѣтромъ, постукивала объ дерево.

Сестра и говоритъ: «пойдемъ, братецъ, я знаю дорогу»—и пошла слѣдомъ по разсыпанной золѣ, а братъ остался.

Сестра пришла къ дому какъ разъ тогда, когда отецъ и мать ужинали и стали ѣсть питу. «Эхъ, жена! — говоритъ отецъ — еслибъ здѣсь были дѣти, было-бы и для нихъ довольно».

А дѣвочка залѣзла подъ крышу подъ стреху и кричитъ: «Ја ме овђен, бабо!» Отыскали её и привели въ домъ.

А сынъ между тѣмъ шелъ лѣсомъ: шелъ онъ, шелъ и видитъ огонь въ какой-то пещерѣ. Входитъ въ неё: а тамъ слѣпая бабушка; сидитъ она возлѣ огня и грѣется; а около нея много-много козъ. Сѣлъ и онъ около огня; грѣется и помалчиваетъ; какъ бабушка: «Заколи се, јарче!» Козелокъ самъ себя закалываетъ. «Пристави се, јарче!» Зарѣзанный козелокъ самъ собою разрѣзывается на куски, куски такъ же лѣзутъ въ горшокъ, а горшокъ становится на огонь. Прошло нѣкоторое время, старуха говоритъ: «Постави се преда мном». Становится столъ (трпеза), на немъ простирается скатерть и ставится кушанье.

Сѣла старуха къ столу и начинаетъ ѣсть; а мальчикъ придвинулся къ столу и тоже ѣстъ, но такъ тихо, что старуха его не слышитъ. Замѣтила она, однако, что мяса было какъ-то меньше обыкновеннаго. «Да нѣтъ-ли тутъ кого?» спрашиваетъ она и начинаетъ кругомъ стола шарить руками.

«Ево ме, бабо, код тебе!» кричитъ мальчикъ.

— Чиј си ти, синко?—спрашиваетъ она. «Ја сам твој и божи, бабо!» опять отвѣчаетъ мальчикъ.

— Лако је!—продолжаетъ она—ја ћу те турити на једну трупицу, удариħу три пута гвозденим маљем; ако останеш жив, мој си; ако не, — божи.

Посадила его она на колодку и замахнулась молотомъ; а онъ соскочилъ и оставилъ на бревнѣ только верхнюю одежонку (хаљиницу). Замахнулась старуха и ударила изо всей силы, а потомъ спрашиваетъ: «Јеси л' живъ?».—Жив сам—отвѣчаетъ онъ. Она ударила его въ другой разъ и опять спрашиваетъ, а онъ:—Теке жив.—Она и въ третій разъ ударила, а онъ:—У мали живот.

«Ну, теперь вѣрю, что ты мой сынъ»—говоритъ старуха — оставайся и живи у меня».

— А ђе су теби очи, баке?—спрашиваетъ мальчикъ.

«Извадише виле, моје дијете».

— А како су извадиле, баке?

«Зарекосмо се, да ја свирим, а оне да пијевају. Па који кога надсвири, онај другоме извадиће очи. Оне су мене надпијевале и обје су ми очи извадиле».

— Би л' се могле очи тебе врнути? — допрашиваетъ мальчикъ.

«Би се могли, ал' ти не ћеш тога умјет. Чувајсе и ти од њих. Кад будеш чувао моје козе, не мој ње ћерати тамо, ђе се виле купљу; извадиће и тебе очи».

Былъ у старухи козелъ, на которомъ она всегда ѣздила, и была свирѣль, которая сама играла. Узнавъ это, мальчикъ проситъ у старухи то и другое. Старуха сначала ему отказывала; а послѣ дала съ такимъ однако напутствіемъ: «Если найдешь вилъ, онѣ непремѣнно захотятъ поступить съ тобой, какъ и со мной поступили. Ты возьми свирѣль и держи её прямо и она сама будетъ играть, а козелъ научитъ тебя всему, какъ что нужно. И когда ты ихъ переиграешь, тогда и потребуй отъ нихъ старухины глаза».

Отправляется мальчикъ со стадомъ и приходитъ на озеро; а тамъ вилы на скупштинѣ, и послѣ все произошло такъ, какъ впередъ говорила старуха. И побился онъ тутъ съ вилами объ закладъ, чтобы онѣ воротили старухины глаза или бы у него ихъ вынули.

Начали вилы пѣть и плясать, а мальчикъ въ свирѣль играть. Вилы утомились, перестали и начали разбѣгаться; а мальчикъ схватилъ одну изъ нихъ и обращается къ стоявшей вблизи ему: «О јелице, по Богу сестрице! сагни вршек до црне земљице!». Ель нагнулась, а онъ и привязалъ къ ней вилу за косу. Ель затѣмъ поднялась и подняла съ собою вилу. Взмолилась тогда ему вила, чтобы отпустилъ, и обѣщаетъ ему за то все, что только онъ потребуетъ. «Дај ми, вило, што смо погодили» отвѣчаетъ онъ. Тогда вила кричитъ своей подругѣ:—Ој, сестрице другарице! донес' очи испод пријеклада!.

Та принесла; а мальчикъ спрашиваетъ у козла: «Јесу л' то бабине очи?».—Нијесу, него су коњске—отвѣчаетъ козелъ. Тогда онъ начинаетъ бить привязанную вилу; а она опять кричитъ: «Донесте му очи испод невћара (начве)». То оказались собачьи глаза, и мальчикъ опять принялся бить вилу. А тогда она кричитъ: «донесте очи из кутије, е ме уби дијете на јелу!».

Принесли, и то были настоящіе старухины глаза. Но мальчикъ все не пускаетъ вилу, а по сказу козла, спрашиваетъ, какъ ихъ вставить. Тогда вила учитъ: «Смочи ей глазныя ямки (пећине) теплою водой и вставь въ нихъ глаза; а назавтра спроси: «Видиш ли што, баке?» Она отвѣтитъ: «Виђу, као кроз маглу». Тогда ты вымой глазныя ямки холодною водой, и она опять скажетъ, что видитъ, «као кроз решето». Сдѣлай также и въ третій разъ, послѣ чего она скажетъ, «что видитъ, какъ въ молодости; тогда и оставь». Послѣ этого мальчикъ отвязалъ вилу, сѣлъ на козла и отправился домой, гоня передъ собой козъ.

Прійдя домой, онъ сдѣлалъ все, какъ научила его вила, и старухѣ воротились глаза; а тогда она его спрашиваетъ: «Что тебѣ лучше, сынокъ: чтобъ я тебя женила или дала-бы тебѣ несчетное богатство?».

— Лучше всего—отвѣчаетъ онъ—дай мнѣ коня и оружіе, чтобы я могъ пойти и отыскать мою сестру.

Старуха не хотѣла отпустить его, пока онъ не далъ ей «божу вјеру тврду», что опять вернется къ ней, и дала ему ключи отъ пещеръ съ такими словами: «Ајде сине! отвори прву пећину и узми блага, колико треба; па отвори другу, узми коња и оруже, које теби мило; има тамо седам коња; бирај којега ти драго. Само не мој улазити у трећу пећину: ту има аждаја, прождреће те, сине!».

Отворилъ онъ двѣ пещеры, вошелъ и въ третью; а тамъ стоитъ вороной конь; на груди у него свѣтлый мѣсяцъ, на челѣ блестятъ звѣзды. Взялъ онъ этого коня, сѣлъ на него и поскакалъ. А старуха, увидѣвъ его, крикнула ему вслѣдъ: «Сбрусила се ти земља, као ови брус» и бросила камень; а потомъ схватила

частый гребень и еще крикнула: «Чтобъ тебѣ на пути былъ частый лѣсъ, какъ этотъ гребень!».

Такъ все и сбылось. Но прошелъ онъ сквозь каменныя горы; а не могъ только пройти сквозь лѣсную чащу и долженъ былъ вернуться къ старухѣ. Старуха же встрѣтила его и говоритъ: «Сврни, синко, у поточину, одери међедину, огрни себе и коња; има змиjа-душа, оћеш пропанути од змиjа очи» (Далѣе дѣлаю пропускъ, потому что не могъ записать).

Все это онъ исполнилъ. «Па пођe земљом и свиjетом, док дођe своjoj кући и нађе оца, маћеху и сестру-сироту.

Узме праха и олова (сумпора или катрана?), намаже маћеху и зажди. Сестри даде благо и лиjепе хаљине и удаде њу; а сам се врати код бабе: «Сад ме, баке, жени! али нећу никакву, само вилу».

Тогда старуха научила его: «Пойди отсюда на то самое озеро, на которое ты гонялъ козъ; схвати рубашку, которую увидишь тамъ на берегу, и бѣги, не оглядывайся, чтобы вилы тебя не догнали и не вынули глазъ; бѣги ко мнѣ».

Такъ онъ и поступилъ; а вила сама пришла за нимъ.

Старуха взяла ту рубашку и прилѣпила её смолой (катрамом) къ камню въ пещерѣ, гдѣ былъ ея домъ. Прошло девять лѣтъ и родили они девять сыновей; осьмерыхъ они женили, а девятый остался.

Когда женили и этого, мать стала просить, чтобы дали ей ея рубашку; такъ какъ безъ нея она не можетъ проплясать, какъ-бы хотѣла, на свадьбѣ у своего сына: «Убѣжать я теперь не могу, потому что имѣю девять сыновей». Мужъ сжалился и далъ ей рубашку; а она проплясала немного да и поднялась въ облака, покинувъ девять сыновей и девять снохъ.

(Разсказывала дѣвушка Стояна, дочь попа Милича на Андріевицѣ въ Васоевичахъ).

2. Бѣднякъ и дьяволъ.

Жилъ въ селѣ одинъ человѣкъ, который, какъ ни работалъ, все оставался бѣднякомъ; а семья у него была большая.

Рѣшился онъ отправиться въ городъ, чтобы поступить тамъ въ услуженіе и вообще найти какую-нибудь работу. На пути ему попадается потокъ; нѣтъ черезъ него ни моста, ни *скакалъ*, и перепрыгнуть нельзя. Начинаетъ онъ разуваться, чтобы перейти въ бродъ; а на той сторонѣ на пенькѣ сидитъ человѣкъ. Видитъ бѣднякъ, что человѣкъ этотъ сидитъ беззаботно, а сзади подкрадывается къ нему волкъ, чтобы схватить его и съѣсть.

«Берегись! — кричитъ ему бѣднякъ — сзади хочетъ схватить тебя волкъ».

Тотъ обернулся и вскочилъ, а волкъ побѣжалъ прочь.

Бѣднякъ продолжаетъ разуваться; а тотъ ему кричитъ: «Остановись, не разувайся, такъ перейдешь».

— Какъ такъ перейду? — думаетъ бѣднякъ; а разуваться пересталъ.

Тогда человѣкъ съ той стороны—скокъ! подхватилъ бѣдняка подъ мышку и съ нимъ, какъ съ порожнимъ мѣшкомъ, обратно на ту сторону.

Задивился бѣднякъ. «Спасибо, человѣче! — говоритъ онъ тому — только чѣмъ я могу тебѣ отплатить за твою услугу?».

— А ты мнѣ уже отплатилъ тѣмъ, что спасъ меня отъ волка — отвѣчаетъ тотъ — и давай теперь побратимимся.

— «Э, когда такъ — продолжаетъ бѣднякъ — то пойдемъ въ городъ, и я угощу тебя виномъ, чтобы чѣмъ-нибудь тебя отблагодарить».

— Ничего этого непужно—возражаетъ тотъ—давай только поцѣлуемся, и мы — побратимы. Знай, что я дьяволъ тотъ изъ бездонной пропасти; а ты скажи мнѣ, что тебѣ нужно.

Бѣднякъ разсказалъ ему всю свою нужду.

— Ну, такъ пойдемъ со мной — говоритъ дьяволъ — я тебѣ помогу.

Приходятъ они въ городъ; дома все на этажъ; на базарѣ народу столько, что и не протолкаться сквозь него; а кругомъ все лавки съ разнымъ товаромъ. Но они идутъ, какъ будто все пусто и никого нѣтъ. Подходятъ они къ одному большому дому; у воротъ

стоитъ стража, вооруженная съ головы до ногъ; а они проходятъ, и никто ихъ не окликаетъ и будто не замѣчаетъ.

— Ну, слушай — говоритъ дьяволъ — это царская казна; ступай внутрь и бери денегъ (блага), сколько хочешь.

Вошелъ бѣднякъ внутрь и видитъ, что тамъ нѣтъ счета столамъ, за которыми сидятъ чиновники и считаютъ деньги, все золото, чистые дукаты.

«Какъ я могу взять, когда тамъ столько народу?» — говоритъ бѣднякъ.

— Иди и бери — настаиваетъ дьяволъ — никто тебя не тронетъ и не увидитъ, и меня только ты видишь. Ступай туда; а я буду стоять на порогѣ, потому что не смѣю черезъ порогъ ни впередъ, ни назадъ, пока ты не вернешься.

Послушался бѣднякъ. Подходитъ онъ къ первому столу и начинаетъ брать дукаты; никто ему ни слова и будто не видятъ его. Набралъ онъ въ торбицу, сколько хотѣлъ, и возвращается, а потомъ вмѣстѣ отправляются домой.

Разбогатѣлъ бѣднякъ; построилъ не домъ, а настоящій дворецъ. А дьяволъ опять пришелъ и спрашиваетъ: — Нужно-ли еще что? — «Нужно теперь и одѣться, какъ слѣдуетъ» — говоритъ бѣднякъ; и отправляются опять въ городъ.

Входятъ въ магазинъ, большой-большой, и полонъ всевозможной одежи, и все изъ шелка и золота; а приказчиковъ и мальчиковъ не пересчитать.

— Раздѣнься — говоритъ дьяволъ — повѣсь твою одежонку и твои опанки вонъ на тотъ крючекъ; а самъ выбирай одежду, какая только тебѣ понравится.

Разодѣлся бѣднякъ такъ, что и узнать нельзя; только нѣтъ обуви; да хотѣлось-бы ему купить лошадь, чтобы не идти домой пѣшкомъ.

— Этого не надо — говоритъ дьяволъ — развѣ тебѣ трудно идти со мной?.

Дѣйствительно идутъ они такъ легко, словно летятъ. И далъ ему при этомъ дьяволъ приказаніе, чтобы онъ не ѣздилъ на ло-

шади дальше, какъ около своего дома и назначилъ ему границу, а въ городъ чтобы всегда ходилъ босой.

— Пойдемъ опять въ городъ, если тебѣ что нужно — предлагаетъ дьяволъ

Отправляются; набралъ тотъ всевозможныхъ драгоцѣнностей.

Вышли они изъ города, а на встрѣчу имъ всадникъ; весь онъ въ золотѣ и бриліантахъ, а при бедрѣ у него сабля звенитъ и вся сіяетъ драгоцѣнными камнями. Но всего лучше конь подъ нимъ: такого чуда красоты и убранства нельзя и задумать.

«Возьму — говоритъ человѣкъ — этого коня». А дьяволъ на это: — Этого я тебѣ не дозволяю, потому что тогда ты погибнешь. — «Возьму»—настаиваетъ тотъ и, не смотря ни на какія запрещенія дьявола, кидается на всадника, сбиваетъ его съ коня, а самъ вскакиваетъ на него, и только-бы ему помчаться, какъ его окружили со всѣхъ сторонъ, схватили и повели на судъ.

Зоветъ онъ своего побратима, а тотъ отвѣчаетъ:—Самъ виноватъ, что не послушался; а все таки не бойся, не погибнешь.

«Вотъ тотъ человѣкъ, который совершилъ столько кражъ»—кричатъ всѣ, и судъ приговорилъ его къ повѣшенію.

Ведутъ его на висѣлицу; опять онъ взываетъ къ побратиму; а тотъ все одно твердитъ: — Не бойся, не погибнешь.

Привели его на широкую равнину и ставятъ подъ висѣлицу; накладываютъ петлю на шею. «Спаси, побратимъ!» — кричитъ онъ; а побратимъ все одно и то-же.

Подтягиваютъ его; онъ виситъ, но ничего не чувствуетъ, точно это не онъ, и какъ будто у него нѣтъ и петли на шеѣ. А подъ нимъ побратимъ, на плеча котораго опирается онъ ногами.

Проходитъ часъ, другой. — Охъ, какъ тяжело мнѣ тебя держать!—говоритъ побратимъ—посмотри, не увидишь-ли чего-нибудь?

А кругомъ голая равнина и пустыня и весь народъ собрался. «Не вижу ничего»—отвѣчаеть повѣшенный.— Охъ какъ тяжело мнѣ тебя держать!—говоритъ побратимъ.—Посмотри опять по пристальнѣе, не увидишь-ли чего.

Смерклось уже совсѣмъ, только чуть заря алѣетъ и видно, какъ что-то двигается. Посмотрѣлъ повѣшенный и закричалъ: «Вижу: двигается оселъ; а на немъ навьючены изодранные опанки, будетъ десятка три беремъ, и исподъ нихъ ничего не видать, только морда и длинныя уши осла».

— Это—говоритъ дьяволъ—все твои братья, съ которыхъ я снялъ опанки—и оставилъ побратима висѣть въ петлѣ.

(Отъ Петка Гавриловича изъ Загарча).

3. Сирочад па богаташ.

Био један богаташ, којі је сасвијем добро живио: имаше жену и два сина, с којијема врло добро живјаше. Једну ноћ, кад је спавао, јави му се анђео у сну и запита га: «Или си радији, да се у младос мучиш, а у старос да си добро, или у старос да мучиш, младос да си добро?» Богаташ одговори, да је радији, да се у младос мучи, па у старос да је добро.

Чим сјутра устане, приповједа жени, што му се приснило; а жена му пофтори, да је и њој исто се случило назад неколико дана.

Изгоре богаташу кућа и оста онъ на ништа и без ништа. Пошто није има ништа да ради, крене се са својом фамилијом и дође у неку другу варош, ђе је имао свога кума. Ал' кад ту не нађе радње, остави своју фамељу код свога кума, а он пође у друго мјесто. Његов кум заљуби се у своју куму, тако да више пута нудио, да је узме за жену; али ова га је од тога одвраћала.

Пошто овај виђе, да му не помага, учини договор с једним морским капетаном, кад је пошље на његов вапор, да је поведе са собом. Што рече, то и учине.

Сјутри дан зовне куму и пошље је некијем посломъ код капетана. Али ова чим дође код капетана, капетан крене путоват своим вапором и тако растави мајку од своје ђеце.

Посље неколико дана дође отац ђечин и упита, ђе му је жена.

Овај му одговори, да не зна за жену ништа; него да је неђе утекла. Кад чу сиромах, што му кум рече, остави му ђецу на аманет, а упути се, да тражи своју жену.

Путујући дође у једну варош, ђе бијаше тако јака бољест, да је мало ко од ње скапулао. Он се у овај град устави, ђе временом постане началник. Он пише своме куму, да му пошље ђецу. Овај му одговори, да му ђеца умрла.

Пошто ђеца узрасту код свога кума, рече старији брат млађему: «Ајде, брате, да тражимо родитеље», на што и оба пристану. Путујући неко вријеме, дођу на једној ријеци, на којој није било моста. Ријека бијаше велика; али ипак рече старији брат млађему: «Ти, брате, стани овђе, док ја прегазим; па ако прегазих, — гази и ти; а ако се удавим, не мој ти газит, да обоица гинемо». Старији брат прегази воду; за тим се упути и млађи да гази. Чим дође на сред воде, вода нанесе једно дрво, које га свали под собом. Тако га је једно вријеме носило, али се овај извуче испод њега и сједе на њем, доклен га близу једног града изнесе. Овај се у истом граду настани; уђе у службу код грацког началника.

А његов старији брат чим виђе, да га однесе вода, упути се сам низ ријеку, док дође у једној вароши, ђе за неко вријеме служи. За тијем се упути у другу варош и дође у исту варош, ђе му је брат, и уђе код началника грацког у службу, ђе се држао са својим братом у име друга.

Али једног вечера упита старији млађега: «Драги друже! ево три године одкако служимо код овога поштеног газде, не упитасмо један другога за своје порекло». А овај му одговара: — Ја ти не знам за моје порекло казати, јер ђететом сам оста без својих родитеља, тако да их једва памтим; а имао сам једног брата, с којим се упутих да тражим родитеље и путујући дођосмо на једној ријеци, на којој мој старији брат прегази, а ја кренух да газим, и вода ме однесе, ђе ме избаци у овај град и тако дођох у службу код овог човјека.

Чувши за ово његов друг стане плакати и рече: «Ја сам твој

брат, кои сам прегазио ону ријеку, кад смо изашли из нашег кума. Ја сам родитеље тражио, али их нијесам мога наћ. Па фала богу, кад мене судбина с тобом састави; него да идемо, да тражимо опет родитеље».

За тијем изађу пред свом газдом и рекоше, да те из њега излазити. Ал' овај милостив чојек стане их совјетовати, да се не мичу из њега; па ће им плату придат; на што они и пристану.

Посље неколико дана дође подъ овај град један вапор. Начелник зовне капетана са својом госпођом на час' и пошље за њих своје слуге. Чим ђеца дођу на вапор, крене капетан својом госпођом у начелников двор.

Али његова госпођа угледа се у ово двјое момчади и увјери се, да су њена ђеца. Капетан нађе се на чуду, зашто њих госпођа тако гледа. А она му одговори, да јој се чини, да су браћа. У то дођоше у начељников двор, ђе их начељник добро дочека.

Кад бијаху при вечери, госпођа упозна свог првог домаћина и упита га, што му долазе ова ђеца. А он јој одговори, да су слуге. Кад зачу госпођа, заплакасе и рече: «ово ти су синови, а ја сам твоја жена, коју си оставио код твого кума; а он ме прода овоме капетану».

Кад начељник разумије, уфати капетана и осуди му, за девет година да не гледа своје родбине; а жену и ђецу прими код себе и с цијелим тим грађанством учини велико весеље. «У младос' да се млого мучи, а у старос' да уживаш».

(записалъ Богданъ Лалевичъ, сынъ попа Милича на Андріевицѣ въ Васоевичахъ).

4. Псоглав-људождер и два брата.

Били два брата, па пођу у лов у рибе; па један паде у воду и помете се; па вићоше ватру у пећину и реку: «Ајде да идемо у ону пећину, да се угријемо»—и пођоше. Кад у пећину један

псоглав, који има једно око наврх главе. Кад дођу код њега, а псоглав узме једну плочу, која имађаше 1000 ока, па је метне на врата, да не могу ови два брата изаћи. Па стави један гвоздени ражањ на ватру, па довати једног брата и другог, те виђе, који тежи. Кад онај, што је пао у воду тежи. Па га метну на ражањ, те га испече, те га изједе. А ови гледа; а оће и њега сјутра за ручак. Кад би поноћи, псоглав заспа. А ови узе онај ражањ, те га угрије, па га завреће псоглаву у оно око. Кад псоглав скочи, па поче да га тражи. А ови се крије кроз козе; и узе једну кожу, те одере и обуче кожу на себе. Кад псоглав отвори врата, па козе пушћа и пипне, да му не прође они; кад га пипне и помисли да је коза. Кад прође он викне: «Ја прођо! одјави козе, а ти липши од глади!». Та ма псоглав викне: «Кад ти одјави козе, на ти ову свирају, те свири пред козама». Ови пружи руку, кад му рука пријену за свирају. Псоглав маши руком, да га ували; а ови другом руком узе нож, те ону своју руку окиде и козе одјави за брата и за руку; а псоглав остаде без коза и без ока, те липса од глади.

(Записалъ тотъ-же).

5. Шого *) и див.

Жилъ одинъ бѣднякъ *Шого*; не имѣлъ онъ ничего, кромѣ курицы, козы и шипка (гранатовое яблоко); а былъ женатъ. Отправляется онъ по всему свѣту искать счастья, заработать что-нибудь и беретъ съ собою кусочекъ сыру, яйцо и шипакъ. Идетъ онъ дорогой; какъ на встрѣчу ему *дивъ*: «Помагај бог, бре!»—говоритъ дивъ, «свороти съ дороги, а иначе я сдѣлаю изъ тебя вотъ что!»—Схватилъ онъ первое попавшееся дерево, сжалъ его въ рукѣ, а оно все въ щепы распалось. Тогда Шого: «А я сдѣлаю изъ тебя вотъ что!» сжалъ въ кулакъ сыръ, онъ весь разсыпался въ мелкія крошки.

*) Плѣшивый или лысый.

Дивъ опять взялъ и стиснулъ въ рукѣ сухое дерево такъ, что изъ него потекла вода. А Шого сдавилъ яйцо, и оно разлилось. Дивъ потомъ сдавилъ камень, и изъ него потекла вода; а Шого сдавилъ шипакъ, изъ котораго потекъ красный сокъ; а дивъ подумалъ, что это кровь.

Дивится всему этому дивъ и видитъ, что Шого лучше его.

«Давай побратимимся», говоритъ дивъ Шогу, и побратимились. Однако дивъ все думаетъ, какъ-бы погубить Шога. И зазываетъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ живетъ со старухой матерью. Пришли; а дивъ и говоритъ Шогу: «Ступай, принеси воды!» и даетъ ему мѣхъ, въ который можетъ стать 10.000 окъ. «Что мнѣ этотъ мѣхъ?—отвѣчаетъ Шого—я принесу цѣлую рѣку». Пошелъ онъ, прокопалъ канавку, вода и потекла къ дому.

Поужинали они и легли спать. Но Шого не спитъ и слышитъ, какъ дивъ велитъ своей матери вскипятить огромный котелъ воды, чтобы сварить его.

А Шого потихоньку слѣзаетъ съ кровати и кладетъ на неё чурбанъ, обернутый въ его одежу; самъ-же залѣзъ подъ кровать дива.

Вскипѣла вода; тогда дивъ беретъ котелъ съ водой и бухъ её на кровать! а потомъ взялъ топузъ и сталъ имъ молотить чурбанъ; измолотилъ его въ мелкіе кусочки и отправился спать, а Шого тогда опять легъ на свою кровать.

Утромъ, услышавъ, что дивъ проснулся, Шого тоже начинаетъ потягиваться на кровати и зѣвать. Тогда дивъ вскакиваетъ и къ его кровати: «Како си ти, бре?»—Хорошо,— отвѣчаетъ Шого, — только какъ будто кто-то полилъ меня теплою водицей и что-то поцарапало по тѣлу.

Сбился дивъ съ толку окончательно и говоритъ матери: «Ну, онъ лучше меня; скорѣе нужно съ нимъ разстаться; иначе намъ отъ него будетъ бѣда». Насыпалъ онъ Шогу полну шапку дукатовъ и отпустилъ. И зажилъ себѣ Шого припѣваючи.

6. Правда и кривда.

Били су два брата и имали два дућана. Један је радио право, а други—криво, и онај, што је радио криво, имаше доста свега; па дође код свога брата и рече му: «Зашто, брате, ти немаш ништа? а кад смо се подијелили, имали смо поједнако». Одговори му брат:—Ја радим право, па ће бог дати добро.—А онај, што ради криво, рече: «Зашто бог дао да ти радиш право? но ради криво, јер боља је кривда, него правда; ради криво, па имаћеш свега доста». А он му одговара:—Боља је правда, него кривда!—Па тако се зареку да питају, кога срету најприје, и који буде бољи, да извади очи другоме.

Тако пођу путем и срету врага и питају њега; а он наравно је одговорио, да је боља кривда. Тада онај, што је био за кривду, рече: «Дај да ти извадим очи!» А други му на то:—За бога, брате, немој, док питамо још једног човјека.

И он га остави, и тако питаше из три пут, и исти ђаво рече, да је боља кривда, и он узе те му извади очи, па пође дома. А онај без очи побауља и нађе једно дрво високо и попење се на то дрво. Кад ухвати ноћ, дођу ђаволи подъ оно дрво и окупе се и стану зборити, што је кои урадио. Рече један од њих: «Ја сам два брата завадио, те је један другоме очи извадио око правде и кривде». А други рече: «А ја сам побољио цареву ђевојку»; а трећи рече: «Ја сам уставио воду једном калуђеру, који бјеше позвао 300 радника те не могаше, да њу изведу». И четврти рече: «Еј, да зна онај, што су му очи извађене, да дође на ову воду, да се омије, би му очи оздравиле. Па да зна царева ђевојка да узме од ове воде, да се окупље, би оздравила. А да зна калуђер, да узме од овога пепела *), да поспе, би му вода пошла».

А то све слуша они без очи са древета, па кад зора освану, ђаволи се разиђоше, а они сиде с древета и побауља на ноге и на

---

*) Очевидно, тутъ есть пропускъ относительно *пепела* такъ какъ выше объ немъ не говорилось.

руке и нађе ту воду, те омије очи и прогледа; очи му оздравише. Па пође и завати те воде и пепела, и пође код цара и рече цару: «Шта ћеш ми дати, да ти дам лијек, да ти оздрави твоја ђевојка?» Цар му рече: «Даћу ти њу за жену и с њом доста блага». Узе он ђевојку и окупа у ту воду, и ђевојка оздрави. Па пође код калуђера и рече: «Што ћеш ми дати, да ти воду изведем?» А калуђер рече: «Ишти, шта оћеш». А сиромах рече: «Дај ми, што је право». И нађу да је право, да му дадну 1000 дуката. И он узе од онога пепела и посу онијем јазом, и вода пође.

Па се сирота врати код цара и цар му даде ђевојку и даде му доста блага, и начини му кулу, и даде му коња.

Кад једном пође они зет царев и срете га његов брат, који му је очи извадио, и кад га виђе, рече: «Зар си жив? одкуд' ти бише очи?» А он му одговори и рече: «Даде ми бог и правда, те доби очи и шћер цареву и блага доста. Но, мој брате, што си тако го и бос? што ти кривда не поможе? да знаш, да је боља правда, него кривда. Ти си мене извадијо очи на кривду, а бог и правда ми поможе и даде ми очи, а тебе кривда узе све, што си имао». А он му рече: «Да бога ти, брате, ђе ти то нађе, кажи мени, да и ја пођем да што нађем». А он му рече: «Знаш, ђе си мене извадио очи, те бјеше оно дрво, и ја се попе на оно дрво» и све му исприча, како је било.

А брат пође, те се попе на дрво. Кад мрче, скупише се ђаволи па стану говорити, је-ли који што учинио, и кажу, да није ниједан, па реку: «Ма да није ко слушао с овога дрвета, те калуђер изведе воду, они добије очи и ђевојка царева оздрави?». Па погледају уз дрво и виђу онога, што је доша' да чује, што говоре. Па скочише, те га уватише и бачише га у воду.

И тако му помаже кривда; а они, што је радио право, постане велики везир, и бог му даде свега на свету.

(Записалъ тотъ-же).

Во всѣхъ этихъ сказкахъ главнымъ факторомъ является сверхъестественная сила: вилы и рядомъ съ ними какая-то ста-

руха, тоже одаренная особенными нечеловѣческими свойствами (№ 1); дьяволъ (№ 2), псоглав (№ 4), дьяволъ (№ 5) и опять дьяволы (№ 6); только въ одной (№ 3) эта сверхъестественная сила является неолицетворенною въ видѣ особаго существа, а въ видѣ судьбы, которая бросаетъ человѣка въ самыя противуестественныя положенія и только при концѣ дѣлаетъ ему то, что должно было случиться при естественномъ ходѣ вещей. Рядомъ съ этимъ проводится побѣда добраго нравственнаго начала надъ злымъ и человѣка надъ дьяволомъ; а человѣкъ, отдающійся дьяволу, въ концѣ концовъ гибнетъ, какъ въ разсказѣ подъ №№ 2 и 6.

По содержанію, эти сказанія—общеевропейскаго происхожденія и очень старыя; но разсказчикъ на все налагаетъ свою печать: у него является уже пароходъ; подъ именемъ царя разумѣетъ онъ турецкаго султана, и потому заслужившій награды получаетъ чинъ визиря.

Въ слѣдующихъ разсказахъ это сверхъестественное, страшное устраняется, какъ и вообще мрачный характеръ, уступая мѣсто веселому тону, шуткѣ и ироніи.

7. **Судрка** (дурачекъ).

Были два брата: одинъ умный, другой придурковатый, а оба бѣдняки. Пошли они искать службы и нанялись у попа. Умный приставленъ былъ къ обработкѣ земли; а дурачку дали пасти овецъ. Послали дурачка за обѣдомъ; дали ему нѣсколько круглыхъ хлѣбцевъ и здобныхъ лепешекъ (масеницe). Несетъ онъ обѣдъ; дошелъ до крутой горы и ну бросать хлѣбцы, любуясь, какъ они катятся внизъ. Идя далѣе, видитъ онъ щели въ камняхъ и ну ихъ затыкать лепешками. Пришелъ онъ; а братъ только что выпрягъ воловъ изъ рала. «Гдѣ обѣдъ?» — спрашиваетъ; а этотъ тогда разсказалъ все, какъ было. «О, глупый!»—говоритъ братъ и отправляется самъ за обѣдомъ.

Въ это время дурачекъ залѣзъ на грушу; а овцы подъ гру-

шей. Сталъ онъ трясти грушу и наказываетъ овцамъ, чтобы каждая сберегла ему по три груши. Но, когда слѣзъ съ дерева, онъ увидѣлъ, что овцы поѣли всѣ груши; только на угичѣ (баранъ-вожакъ) остались три, запутавшись въ его косматую шерсть. «Ахъ, вы такія-сякія!»—крикнулъ онъ на овецъ и закололъ ихъ тутъ-же всѣхъ; оставилъ только угича.

Приходитъ братъ и видитъ бѣду. Но дѣлать нечего. Собрали они овецъ и свалили въ одну большую яму; одного угича пригнали домой и поставили въ стаю; онъ только колокольчикомъ позванивает. Затѣмъ входятъ они въ домъ, гдѣ ихъ дожидаетъ ужинъ.

«А гдѣ овцы?» — спрашиваетъ хозяинъ.

— Загнали въ стаю, — отвѣчаетъ умный.

— Всѣ лежатъ въ ямѣ, — отвѣчаетъ дурачекъ.

«Что?!» — спрашиваетъ попъ.

— Э, что ты слушаешь дурака — всѣ овцы въ стаѣ; слышишь, какъ звонитъ угичъ!».

Даетъ имъ попъ ракіи—умному двѣ рюмки, а дурачку одну. Обидно стало послѣднему.

— Когда мы сваливали овецъ въ яму,—говоритъ онъ,—онъ носилъ по одной, а я по двѣ; теперь-же ему двѣ рюмки, а мнѣ одна.

«Что?» — опять спрашиваетъ попъ.

— Э, глупый самъ не знаетъ, что болтаетъ, — отвѣчаетъ умный.

Послѣ ужина оба брата берутъ расчетъ у попа и на другой день, рано, еще до разсвѣта уходятъ изъ его дома. Проходятъ они мимо мельницы; проголодались они; а въ мельницѣ никого нѣтъ, чтобы попросить хлѣба. Увидалъ дурачекъ жерновъ и крикнулъ отъ радости: «Ево мајчин пршљен!» (кружокъ изъ глины, прикрѣпляемый на конецъ веретена для запрядки). Какъ ни уговаривалъ его братъ оставить, онъ схватилъ жерновъ и понесъ.

Идутъ они лѣсомъ, какъ слышатъ издали, что идетъ какая-то большая толпа народу.

Боясь, не погоня-ли это за ними, они рѣшились скрыться на ель. «Брось камень!» — говоритъ умный; а тотъ ни за что не хочетъ разстаться съ жерновомъ и лѣзетъ съ нимъ наверхъ. Скрылись они въ густыхъ вѣтвяхъ ели; а тутъ проходятъ сваты съ невѣстой, нѣсколько купцовъ и попъ, и сѣли отдохнуть подъ елью, на которой сидѣли братья.

Сидѣлъ-сидѣлъ дуракъ, какъ захотѣлось ему пустить воду. Умный братъ уговариваетъ его потерпѣть, а если не въ могуту, то предлагаетъ ему для совершенія потребности свою шапку. А тотъ: «Не смѣю я въ братнину шапку!» и пустилъ внизъ и попалъ прямо на голову старому свату. «Лијепа-ли је млака кишица!»—говоритъ старый сватъ, а затѣмъ бухъ! на него упалъ жерновъ. Убило его и съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ; а остальные испугались и побѣжали, бросивши на мѣстѣ невѣсту и все, что взяли съ собою.

Потомъ сваты одумались и посылаютъ попа назадъ посмотрѣть и узнать, что̀ это было: «Тебѣ, — говорятъ, ему — какъ попу, ничего не можетъ быть».

Приходитъ попъ, застаетъ тамъ братьевъ и спрашиваетъ; а дуракъ: «Стой, попъ! у тебя на языкѣ что-то прилипло; дай я сниму». — Попъ высунулъ языкъ; а тотъ хвать ножемъ! и отрѣзалъ. Побѣжалъ попъ, себя не помня. Когда онъ прибѣжалъ къ своимъ, спрашиваютъ его, а онъ только мычитъ. Тѣ испугались еще больше и продолжали свое бѣгство.

Братья между тѣмъ стали дѣлить оставшееся послѣ сватовъ имущество. Дуракъ взялъ себѣ только вьюкъ ладана, который везли купцы; а брату уступилъ все остальное и невѣсту.

Умный отправился домой; а этотъ говоритъ: «Ја ћу богу прекадити»; взошелъ на высокую гору и зажегъ ладанъ.

Почувствовалъ Богъ запахъ ладана и посылаетъ ангела спросить этого человѣка, который куритъ ему такой ѳиміамъ: «Чего онъ хочетъ?» А онъ въ отвѣтъ: «Дай мнѣ топоръ, который-бы самъ рубилъ лѣсъ, и свирѣль, отъ которой, какъ только заиграю, все-бы плясало». Богъ и далъ ему.

Тогда идетъ онъ къ попу и нанимается пасти ему козъ. Пуститъ онъ топоръ въ лѣсъ, лѣсъ такъ и ложится, какъ трава подъ косой; а самъ заиграетъ на свирѣль и козы все время ему пляшутъ. Пригонитъ онъ козъ домой, а онѣ голодныя-преголодныя и ихъ совсѣмъ скрючило.

«Что ты дѣлаешь?—накинулся на него попъ, — ты вовсе не пасешь козъ!».

— А я все лѣсъ рубилъ, — отвѣчаетъ дурачекъ.

Посмотрѣлъ попъ и дѣйствительно лѣсу нарублена тьма. Но прознала попадья, что у пастуха есть свирѣль, подъ которую все пляшетъ; сказала попу и вмѣстѣ стали уговаривать пастуха, чтобы заигралъ.

«Ну, хорошо, заиграю, — говоритъ пастухъ, — только тебя, попъ, нужно будетъ привязать къ чему-нибудь покрѣпче; а то ты запляшешься до смерти».

Привязали его къ кровати и голову прикрутили крѣпко накрѣпко. Затѣмъ, только онъ заигралъ, все пошло плясать; а попъ сталъ биться объ кровать. Бился-бился онъ и умеръ, только зубы ощерилъ; а когда тотъ пересталъ играть, попадья подошла къ попу и говоритъ: «Вишь, какъ попъ отъ удовольствія и зубы ощерилъ!».

Какъ посмотрѣли, а онъ мертвый.

Попа схоронили; а попадья, погоревавъ немного объ немъ, вышла замужъ за дурачка; только онъ пересталъ уже быть дуракомъ.

8. Ћосо *) и попадија.

Шелъ Тьёсо по дорогѣ и застала его ночь. Своротилъ онъ въ домъ попа; а попа не было дома; отправился онъ по инуріи (по приходу).

Въ отсутствіе его попадья пригласила къ себѣ любовника (јарана). Просится Тьёсо на ночлегъ; но попадья не пускаетъ. Тогда онъ пролѣзъ снаружи подъ стреху и тамъ легъ на стѣнѣ;

*) Человѣкъ, у котораго не ростутъ ни усы, ни борода.

но не спитъ, а все смотритъ внутрь дома, что̀ тамъ дѣлается. Приходитъ любовникъ; совершилъ съ попадьею все, что̀ хотѣлъ, и собираются ужинать; а наготовлено всего. Какъ вдругъ пріѣзжаетъ попъ и стучится въ двери.

Попадья тотчасъ начинаетъ прятать все, что̀ было приготовлено для ужина: въ одинъ уголъ мясо, въ другой погачу, въ третій бутылку съ виномъ; а яйца засыпала золой на огнищѣ; любовникъ-же забился подъ кровать.

А затѣмъ она, будто съ просонья, окликаетъ, кто стучится, и, узнавъ голосъ попа, одѣвается и впускаетъ его.

Попъ голоденъ и спрашиваетъ, нѣтъ-ли чего поѣсть. Попадья отвѣчаетъ, что нѣтъ готоваго ничего и собирается готовить.

Въ это время Тьосо вылѣзъ изъ-подъ стрехи и стучится въ дверь. Попъ отворилъ дверь, впустилъ и по настоятельной его просьбѣ оставилъ на конакъ (переночевать).

Сѣлъ Тьосо у огня и грѣется, а попъ, послѣ обычныхъ разспросовъ, откуда онъ идетъ и куда, говоритъ: «Ну, разскажи мнѣ что-нибудь».—Да что?—отвѣчаетъ онъ:—былъ я однажды на планинѣ съ овцами; какъ вдругъ на меня волкъ. Ружья у меня не было; я схватилъ одну плитку (плочицу), вотъ какъ та погача, и показываетъ на полку. Попъ туда и находитъ погачу.—Я той плиткой въ него!—продолжаетъ гость. А потомъ попался круглый голышъ (бубуљ), вотъ какъ это яйцо—и выкопалъ его изъ золы.—«И еще попался одинъ камень, вотъ какъ тотъ горшокъ съ вареньмъ мясомъ».—Нашелся и горшокъ.—«Я какъ схвачу его, да ударю волка, а изъ него и хлынула кровь, красная, какъ то вино въ бутылкѣ»,—нашлось и это.

—«Волкъ такъ и повалился, только зубы оскалилъ, вотъ какъ тотъ, что лежитъ подъ кроватью».

Заглянулъ попъ подъ кровать, а тамъ лежитъ человѣкъ. Вытащилъ онъ его оттуда и началъ бить при помощи гостя. Избилъ его, сколько душѣ хотѣлось; жену прогналъ; Тьоса же не только оставилъ на конакъ, а и принялъ его, какъ брата, и подѣлилъ съ нимъ все свое имѣнье.

9. Поп и попадија.

У попа была большая инурија и потому онъ часто отлучался изъ дома и подолгу не возвращался домой. Попадья была молодая, тяжело ей было оставаться одной и потому, спознавшись съ однимъ молодымъ парнемъ, она стала съ нимъ проводить время.

Однажды, воротившись изъ продолжительной отлучки, попъ замѣтилъ какіе-то слѣды и приструнилъ попадью.

Та сначала запиралась, а наконецъ говоритъ: «Ну, скажу тебѣ всю правду. Повадился летать ко мнѣ огненный змѣй и не могу я отъ него отбиться, да и ты не сможешь ничего ему сдѣлать, потому что онъ *силан и огњевит, спалиће и тебе и мене, ако се наљути*. Потому я тебѣ и не говорила».

«Хорошо,— говоритъ попъ,— пусть будетъ, что будетъ; а я хочу непремѣнно его видѣть и посчитаться съ нимъ и для того скроюсь подъ кроватью».

— Ладно,— отвѣчаетъ попадья,— только смотри, притаись, не подавай ни знака жизни, не дохни; потому что онъ по дыханію узнаетъ, если есть въ домѣ еще кто.

«Притаюсь, — говоритъ попъ, — какъ мушка».

Сказала ему попадья, когда обычно прилетаетъ къ ней змѣй; а въ то-же время предупредила своего любовника и договорилась съ нимъ обо всемъ.

Настала ночь; попъ забирается подъ кровать; попадья легла на кровати. Скоро является и змѣй: сыплетъ гнилушки во всѣ стороны, а отъ нихъ такъ и сіяетъ.

Послѣ всего онъ вдругъ сталъ что-то нанюхивать. «Что это— говоритъ онъ — я чувствую, что тутъ есть что-то живое?».

Попадья увѣряетъ, что никого нѣтъ; а онъ все настаиваетъ на своемъ, шипитъ и злится. Притаился попъ въ великомъ страхѣ, да вдругъ не сдержался и чихнулъ.

«Это что?»—спрашиваетъ змѣй.

— Да это наша собака подъ кроватью,—отвѣчаетъ попадья.

А у то поп ригне, као псето. Успокоился змѣй и ушелъ, опять разсыпая за собой гнилушки.

Тогда вылѣзаетъ и попъ.

«Ну, и умно-же ты сказала на собаку», — говоритъ онъ попадьѣ.

— А и ти си добро ригнуо, као псето!—отвѣчаетъ попадья.

«Э! — отвѣчаетъ попъ, ткнувши себя пальцемъ въ лобъ: — Э, попадија! имам ја још ту нешто памети!».

Послѣдніе два разсказа мы слышали въ герцеговинскомъ краѣ Черногоріи, въ Пивѣ, гдѣ ихъ множество; есть про монаховъ и про владыкъ грековъ. Что это не черногорскій разсказъ, видно по его характеру и по всему складу; но проникаютъ они и въ Черногорію.

Есть разсказы, очевидно, заимствованные у турокъ; но распространенные въ Черногоріи. Къ нимъ относятся слѣдующіе три разсказа.

10. Двје тврдице, погубљене преко одже.

Били два трговца, који су имали свега доста, а нијесу давали ни љеба сиромау, ни Богу колача, ни цару харача. Па се домисли један оджа, те узме једно магаре, те му тури 3 гроша у г-у, па га појаши испред дућана онија два трговца; па пођера магаре брзо и удари га узенђијама; а магаре п..е и бачи оне паре пред оне 2 дућана и прође. А они два реку: «Оджо! просу ти магаре паре». А оджа рече: «Да ја купим паре, та он просипа, те би имао хиљаду товара пара». А они викну: «Оджа! ну повриисе мало, да те питамо: би-ли продао тога магарца, што с..е паре?» А оджа рече: «Неби! јер ја немам другија пара без њега». А они речу: «Ми ћемо ти дати пара за њега доста, док си жив». И тако се погоде за хиљаду дуката, и питају они: «Оджо! што си давао овоме магарцу, да би више пара давао?»—А онај рече:—Затворите га у избу; па му дајте један товар ражи и

једну арапију воде; па га затворите за неђељу; не мојте гледати нијеван и чувајте, да ви ко не украде паре.

И они узму, те га послушају. Кад се напуни неђеља, они пођу на врата, кад магаре најело се ражи и напило се воде, па липсало и оскренуло ноге к вратима. Кад они виде плоче, па речу: «Гледај, колике су ове паре!» Па немају кад чекат да отворе врата, него их разбију. Кад онамо!... Магаре липсало: А они речу: «Гледој оџе! како нас прелажа. Ајде да идемо, да он нама врати паре». И пођу. А оџа, знајући да ће ови доћи, имађаше два зеца; па једнога доведе са собом на орање и рече жени: «Кад дођу они два човјека, а ти донеси ручак и доведи тога зеца».

Мало прође, кад ево они два трговца иду и речу оџи: «Зашто ти нас превари? а нама липса магаре; но дај нам наше паре». А оџа рече зецу: «Иди реци домаћици, да донесе ручак за три чојка». Кад оџа зеца пусти; а зец утече преко брда. Оџиница виђе, па узе онога зеца, што је остао код куће, и ручак за три човјека и дође код оџе. А ови два речу оџи: «Ђе си набавио овога зеца? да га ођеш нама продат, да нас слуша на дућане, јер немамо слуге ни један». Оџа рече: «Не могу ја вама дати зеца: јер ја немам ђеце, да ме слушају; а ви, ако ви је криво магаре, ви га доведите мене; ја ћу вама паре вратити». Ови речу: «Магаре је липсало; нас је убила штета; већ дај нам зеца».

Оџа даде зеца за 100 дуката. Они питају оџу: «Како ћемо учити овога зеца, да нас слуша?» Оџа рече: «Поведи га ти код твога дућана и кажи му, ђе је дућан твој; тако и други; па посље ће вас слушати».

Ови поведу зеца, као што их је оџа научио, и кажу зецу сваки свој дућан. Па један рече зецу: «Иди донеси нешто из онога другога газде». Зец крене уз варош, да бјежи; а пси га уфате и свега изједу. Кад дође они други газда и рече: «Што ми ти не шиљеш тога зеца?» А ови му одговори: «Ја сам послао». Кад дође један човјек, и рече: «Једнога зеца изједоше пси више

чаршије». Кад они чуше, реку: «Ајде, да идемо код одже, да нам врати паре, јер нас је преварио».

И пођу. А знајући, да ће доћи ови два трговца, оджа напуни један водењак крви, те га свеже жени под грло и рече: «Кад дођу они два чојка, ти ћеш мене ружити; а ја ћу тебе убос' ножем, а ти умри, да се они зачуде; а ја ћу узети свирају, да засвирим; ти се дигни».

Кад дођу они два трговца и реку: «Зашто ти нас превари, те нама даде зеца, те га пси изједоше!» Оджа рече: «Доведите ми зеца, ја ћу вам паре вратити». А жена рече: «Зашто ти, лаже са лажовима, мене досади!» А оджа се наљути, па рече жени: «Што вичеш!»—па узе нож, па убоде ју; а она паде мртва. Ови два реку: «Што закла жену? ми да смо знали, не би искали паре; но би и још дали». А оджа рече: «Ја би ју сад дига». А ови узму разговор и реку: «Да су ти паре на поклон!» А оджа узе свирају, те засвире, а жена се диже. Онда ови два реку: «Дај нама ову свирају; ми ћемо ти дати још тоја (толико?), јер можемо коју пару добити, да дигнемо којега из мртви». И оджа рече: «Не би ви ју дао; ма ћу ви дати, јер сте штетовали на магаре и на зеца; за то вам дајем свирају».

И ови два пођу дома, и кад дођу, викне жена једноме од њих: «Камо паре из одже?» А ови рече: «Ево свираја, која ће нам бит' корисна!» А жена рече: «О будало! што те оджа раскући!» Ови се наљути, па узе нож, па ју убоде; а ђеце стаде писка: «Куку, мајко!» Ови рече: «Не плачите! мајка ће се дићи». Па узе свирају, те поче свирет; а жена умрла, није боље свирет.

Кад мало би, трчи дијете онога другога газде и виче: «Дајте ту свирају; закла бабо мајку». А ови одговоре: «И ми нашу заклали, па није фајде свирет».

И тако укопају оба двије жене; па пођу да убију оджу. А оджа, знајући, да ће доћ ови два газде, рече жени: «Ја ћу умрет и ископат гроб, а ти кажи, да сам умро». Оджа пође у гробље и понесе са собом један тегар жара. Кад ево ови два трговца, па викну: «Ђе је оджа?» А оджиница кроз плач одговори, да је оджа

умро. Они реку: «Кажи нама, ђе је његов гроб?» Она им каже и они пођу код гроба. Па рече један: «Да кад му ништа, да му помо на гроб». Оджа из гроба чујући, па погледа више себе, па угрија гвоздену шипку, те убоде једнога у г-цу; а ови скочи. Пита га други: «Што ти је?»

— Зло од жива, зло од мртва: ево ђе ме убоде.—А ови рече: «Ја ћу му се..». Па оджа исто, као првог. Кад они речу: «Нека враг носи наше паре!» И пођу дома.

Кад они пођу, оджа дође код куће, па рече жени: «Ја ћу да идем код судије», и пође, па рече: «Аман, за царево здравље! не даду зли људи ни умријет». А судија рече: «Ко' су ти зли људи?» Он их каже на име. Судија их запита: «Јесте-ли ви два овому оджи по-ли се на гроб?» Они одговоре, да нијесу. Оджа рече: «Ако немају рану на стéгно, ја лажем». Кад им свуку гаће, ево рана на г-цу. И осуде их на смрт, и оба два посјекоше.

Тако добише од одже; тако ради свака тврдица.

(Богданъ Лалевичъ).

11. **Лажа по заповјести старијега.**

Био је један човјек по имену Мамут, који је све лагао. Дође код Асан-ефендија Ћоровића и рече: «Добро јутро господине!»

Асан рече: — Бог добро дао! ну ми причај какву лажу!

А ови рече: «Немам што, беже, без зла за мене, јер ми је умрла мајка, па немам ни што за укоп, ни ћевина, ни памука, ни да оджи платим».

Онда рече Асан: «Ја ћу ти све купити» — па пође у пазар, те купи све, што треба за укоп и даде Мамуту, који се звао Троњар, и рече му: «Ајде дома, те укопај мајку».

А Мамут на ово: «Дашто да копам живу мајку, кад није умрла?».

А Асан рече: «Што си, бре, лагао?»

А ови рече: — Ти си рекао, да те што лажем; ја сам те послушао, као старијега.

(Отъ Станы Милетиной въ Васоев.).

12. Селякъ и брадобрей.

Одинъ селякъ привезъ въ городъ на базаръ дрова на ослѣ; приходитъ брадобрей (берберин) и спрашиваетъ: «Что ты возьмешь за все дерево (по серб. *дрво*—дрова и дерево) на ослѣ?»—Тотъ отвѣчаетъ, что 4 гроша. А берберинъ тогда взялъ дрова и все, что̀ было на ослѣ деревяннаго, т. е. самаръ. Обидно селяку; но дѣлать нечего, покорился.

А послѣ того селякъ приходитъ въ цырюльню, опять съ осломъ, и спрашиваетъ цырюльника, сколько онъ возьметъ, чтобы обрить двоихъ. Тотъ отвѣчаетъ, что 30 паръ. Тогда селякъ садится и бреется; обрился. «А теперь, — говоритъ, — обрей и моего осла, такъ какъ мы сторговались за двоихъ». Тотъ не соглашается, и пошли къ кадіѣ. А кадія рѣшилъ въ пользу селяка и тотъ долженъ былъ обрить осла.

13. Краль, дающій загадки.

Если многія сказки общеевропейскаго происхожденія, то предлагаемая представляетъ прямое заимствованіе изъ Италіи.

Одинъ король, очень могущественный и въ то же время самовольный, отправившись на охоту, своротилъ къ одному богатому человѣку, своему подданному, и говоритъ ему: «Теперь я отправлюсь на охоту; а когда вернусь, ты долженъ будешь отвѣтить мнѣ на три вопроса: если ты отвѣтишь хорошо, то я дамъ тебѣ все, чего ты потребуешь; а въ противномъ случаѣ поплатишься головой.

Запечалился этотъ человѣкъ; а слышавшій то мальчикъ говоритъ: «Не печалься, господинъ, я отвѣчу; только переряди меня въ твое платье». Такъ и сдѣлали.

Воротился король и спрашиваетъ «Сколько звѣздъ на небѣ?» А тотъ отвѣчаетъ: «Сколько волосковъ на моемъ ослѣ». «Это можетъ быть — продолжаетъ король. — А какая мнѣ цѣна?» — Сколько стоятъ три добрыхъ лѣтнихъ дождя, то и тебѣ цѣна.— «И это можетъ быть. Теперь скажи мнѣ, что я думаю».—Ты думаешь, что я тотъ человѣкъ; а я его мельникъ. — И король былъ побѣжденъ.

Тоже самое мы находимъ у Декамерона съ тою разницей, что у него задаетъ вопросы какой-то conte, тоже очень могущественный и причудливый; а отвѣтъ долженъ былъ дать пріоръ, котораго заступилъ его слуга. И относительно звѣздъ тотъ отвѣтилъ, что ихъ столько-то мильоновъ; а о цѣнѣ ему самому — 29 динаровъ, такъ какъ за 30 динаровъ Іуда продалъ Христа «а ты— добавилъ онъ—стоишь однимъ динаромъ меньше».

14. Домишлянъ.

Много у сербовъ остроумно - поучительныхъ разсказовъ, въ которыхъ играетъ роль турецкій мудрецъ Насрадинъ.

Но у сербовъ есть свой, домашній мудрецъ *домишљан,* объ которомъ существуетъ множество разсказовъ. Для характеристики этихъ разсказовъ приведемъ два изъ обращающихся въ Черногоріи.

а) *Хорошій совѣтъ лучше денегъ.*

Одинъ человѣкъ, прожившп много лѣтъ на сторонѣ въ работникахъ (пристав), скопилъ всего три дуката и съ ними возвращался домой. На пути зашелъ онъ въ корчму, гдѣ было много людей.

Всѣ говорятъ; а одинъ молчитъ. «Что это — спрашиваетъ онъ другихъ—сердитъ онъ или глупъ»?

— Это *домишлянъ* — отвѣчаютъ ему — его каждое слово — дукатъ.

«Попробую его за одинъ дукатъ — думаетъ про себя нашъ прохожій и обращается къ мудрецу: «Проговори мнѣ что-нибудь»! А тотъ ему: «Когда встрѣтишь на пути мутный потокъ, не ходи черезъ него».

Даетъ ему дукатъ, а про себя думаетъ: «Это я безъ тебя зналъ; за что-же я дуракъ отдалъ ему дукатъ? А попробую еще». Отвѣчаетъ домишлянъ и еще: «Когда прійдешь въ корчму, гдѣ мужъ старый, а жена молодая, не оставайся ночевать».—«И это глупость; а ну еще». — «Замахнись, но не ударь».

Какъ ни жаль было бѣдняку три дуката, а отдалъ и пошелъ дальше ни съ чѣмъ.

На пути встрѣчается мутный потокъ, но небольшой, такъ что его легко перебрести, снявши только обувь, и онъ начинаетъ разуваться; но, вспомнивъ слова домишляна, онъ пріостановился. Въ это время подъѣзжаетъ турокъ на конѣ и за нимъ слуга гонитъ осла съ его имуществомъ.

«Иди» — говоритъ турчинъ: а онъ: «Иди, беже, ты впередъ; я передъ тобой не смѣю да и на лошади ты».

Только онъ сунулся, какъ лошадь и сѣдокъ нырнули съ головой и потонули. Осталось его имущество, которое слуга и прохожій раздѣлили между собой.

Идетъ онъ дальше и приходитъ въ корчму, гдѣ молодая и красивая хозяйка, а мужъ ея дряхлый старикъ. Вспомнивъ слова домишляна, онъ тутъ не остался ночевать. Потомъ оказалось, что жена съ любовникомъ своимъ убила старика-мужа, а вся вина пала на какого-то заночевавшаго тамъ прохожаго.

Наконецъ онъ совсѣмъ близко къ своему дому и остается еще на одну ночевку въ корчмѣ; но тутъ-же встрѣчаетъ свою жену съ какимъ-то молодымъ парнемъ. Она его не узнаетъ, и онъ къ ней не признается; а въ сердцѣ закралась уже ревность къ тому парню.

Приходитъ ночь; всѣ остаются ночевать и укладываются; а жена ложится спать съ молодымъ парнемъ. Всѣ скоро заснули, а ему не спится отъ ревности. Наконецъ, онъ встаетъ и съ но-

жемъ въ рукѣ идетъ къ нимъ, чтобы зарубить обоихъ. Но, замахнувшись уже, вспомнилъ слова домишляна и оставилъ дѣло до утра. Утромъ спрашиваетъ онъ жену: «Кто тебѣ этотъ парень»?— Сынъ мой — отвѣчаетъ она. «А гдѣ твой мужъ»?

— Пошелъ куда-то въ свѣтъ, да вотъ столько лѣтъ объ немъ никакого слуха, и я вотъ живу одна, а все жду его не дождусь!.

Тогда онъ понялъ слова домишляна и не раскаевался, что заплатилъ ему три дуката.

б) *Домишлянъ и его враги.*

Слава о домишлянѣ пошла такая, что къ нему идутъ больше, чѣмъ къ царю; а о придворныхъ и говорить нечего: ихъ никто и знать не хотѣлъ. И стали они говорить объ этомъ царю, какое это зло и какая обида ему царю. Обидѣлся царь и велѣлъ схватить домишляна, заковать въ кандалы и посадить въ подвалъ подъ своею комнатой, чтобы никто не могъ съ нимъ сообщаться; такъ какъ онъ могъ своею мудростью привлечь къ себѣ всякаго.

И призываетъ царь къ себѣ своихъ сыновей на совѣтъ, какъ поступить съ нимъ.

Одинъ говоритъ: «Я привязалъ-бы его коню за хвостъ да и пустилъ-бы по полю». А домишлянъ изъ подвала: «На свою голову». Другой говоритъ: «Ему прежде всего нужно щипцами вырвать языкъ, а послѣ отрубить голову или повѣсить». Опять слышится голосъ: «На свою голову». Наконецъ говоритъ третій: «Онъ ничего дурного не сдѣлалъ; поэтому его нужно выпустить». И опять слышится: «На свою голову».

Когда всѣ ушли, задумался царь; велѣлъ вытащить домишляна изъ подвала и спрашиваетъ, что значатъ его слова: «На свою голову», которыя онъ говорилъ каждому.

Тогда онъ отвѣчаетъ: «Если-бы ты зналъ, кто они, ты поступилъ-бы съ ними такъ именно, какъ они совѣтовали тебѣ поступить со мной: одинъ изъ нихъ мясникъ (касапин), другой — кузнецъ, а третій — твой настоящій сынъ. Когда отправишься

на охоту, ты возьми ихъ съ собой и прислушайся, что каждый изъ нихъ будетъ говорить».

Такъ и сдѣлалъ царь. Отправились они, ѣдутъ; а одинъ изъ нихъ, увидѣвъ сучковатое дерево, говоритъ: «Эхъ, какъ это дерево удобно, чтобы развѣшивать на немъ мясо и бараньи туши»! А другой, увидѣвъ громадный дубъ, говоритъ: «Эхъ, сколько-бы можно было выжечь изъ него углей для кузнеца»! А третій только восхищается мѣстностью и въ восторгѣ не вытерпѣлъ, чтобы не воскликнуть: «Я ничего не желалъ-бы, какъ построить здѣсь дворецъ»! и т. д.

Воротившись домой, царь сдѣлалъ дознаніе, по которому оказалось, что только одинъ былъ его сынъ, а тѣ были не его; а потому онъ тѣхъ казнилъ, настоящаго-же своего сына объявилъ своимъ наслѣдникомъ.

В. ПРИТЧИ.

Это маленькіе разсказы, цѣлью которыхъ выставить рельефнѣе какую-либо истину, въ ея простомъ видѣ трудно или неохотно сознаваемую и усвоиваемую народомъ.

1. **Невоља** (нужда, необходимость).

Посылаетъ хозяинъ слугу въ лѣсъ дровъ нарубить и привезти ихъ на конѣ. «А кто поможетъ мнѣ ихъ навьючить (натоварити)?»— спрашиваетъ слуга. — Нужда, — отвѣчаетъ хозяинъ. Тотъ отправляется. Нарубилъ дровъ, связалъ ихъ веревкой въ два беремя, что бы навьючить съ двухъ сторонъ самара (вьючное сѣдло). А что теперь? Одну сторону поднялъ и прихватилъ веревкой за самаръ; только пошелъ на другую сторону, тяжесть переваливаетъ самаръ и падаетъ. Что дѣлать? *Кука и лелече* слуга, а помощи ни откуда нѣтъ; нужно что-нибудь придумать. Срубилъ онъ тонкую сошку и подперъ ею навьюченную сторону; а потомъ сталъ увязывать другую и послѣ связалъ ихъ вмѣстѣ. Тогда дрова больше не падали.

Воротившись такимъ образомъ благополучно домой, онъ съ упрекомъ говоритъ хозяину: «Ты сказалъ, что тамъ мнѣ поможетъ Нужда; я кричалъ-кричалъ; а тамъ никого нѣтъ».—Какъ-же ты сдѣлалъ?—спрашиваетъ хозяинъ. Тотъ разсказалъ все какъ было. «А вотъ это и есть та нужда, которая тебѣ помогла и научила уму-разуму», отвѣтилъ хозяинъ.

Эта сошка (соха, сова) и составляетъ непремѣнное орудіе кираджій (возчиковъ), съ помощью котораго можетъ навьючить человѣкъ одинъ безъ помощи другого.

2. **Срећа** (судьбина, доля).

Одинъ человѣкъ всю свою жизнь бился и не могъ выбиться изъ нужды; а наконецъ рѣшился идти въ свѣтъ искать счастья. Отправился; шелъ онъ, неся свои пожитки и терпя голодъ; а путь тяжелый все въ гору. Остановился онъ отдохнуть подъ холмикомъ; сбросилъ съ плечъ бремя и кинулся на землю со вздохомъ: «Ухъ!» А изза холмика тоже раздается: «Ухъ!»

— Кто ты тамъ?—спрашиваетъ онъ. «Твоя судьбина»—отвѣчаетъ оттуда.—Э, когда такъ, то незачѣмъ и ходить; отъ своей доли, значитъ, никуда не уйдешь. — И воротился назадъ домой.

Г. БАСНИ.

Это собственно животный эпосъ, въ которомъ на основаніи характера животныхъ, а отчасти и растеній воспроизводятся сцены и дѣйствія по аналогіи съ жизнію человѣка съ весьма тонкою и отдаленною аллюзіею на эту жизнь и вытекающею изъ того моралью; а иногда и безъ того.

Такихъ разсказовъ множество у черногорцевъ; приведемъ и изъ нихъ нѣсколько.

1. Ћук и драча (родъ сыча и колючій кустарник, paliurus acculeata).

Договорились между собою тюкъ и драча торговать: тюкъ взялъ на себя найти корабль для перевозки товара; а драча взялась пріобрѣсти товаръ, главнымъ образомъ матеріи для одѣянія— шерстяныя, бумажныя и шелковыя.

Нанялъ тюкъ корабль въ кредитъ; драча набрала въ кредитъ товару, и отправили все это моремъ. Поднялась буря, потонулъ корабль со всѣмъ, что въ немъ было, и остались тюкъ и драча ни съ чѣмъ въ долгахъ неоплатимыхъ.

Съ той поры драча держится все возлѣ дороги и хватаетъ каждаго прохоядщаго за одежду, думая, что все это изъ ея товара; а тюкъ, не смѣя отъ долговъ носа показать, днемъ кроется въ дырахъ и щеляхъ брошенныхъ каменныхъ построекъ, и только ночью выходитъ и жалобно выкрикиваетъ свое «тююк!», будучи не въ состояніи забыть свое неудачное предпріятіе.

2. Цар и ћук.

Био је један цар, који је радио све по вољи своје жене; тако што је год она шћела, све се по њеној вољи свршавало.

Једном она рече, да цар окупи птице и да их покоље, па да од њихових кости начини једну кућу. Цар нареди, како је била жеља царице.

Све се птице окупе; само ћука нема; кад ево и ћука, дошао је. Цар упита га љутито: «Чвороглаве, што си досад радио?» Ћук одговори: «Честити царе! ја сам рачуна, али је више људи, али жена на свијет». Цар му одговори: «Бог је оставио подједнако».— Бог—слава му и милост!—јест учинио подједнако; ал' ја сам наша' три дијела жена, а четврти људи. — Цар га упита: «А како?»—Ћук одговори: «Ја сам рачуна' и људи, који за љубав своје жене би учинио свешто, да није бољи, но жена и да спада међу њима. С тијем сам рачун заклопио».

Цар се промисли и рече: «Чвороглаве! за што си истину казао, дајем ти сваки дан да по једну птицу једеш» — и отпусти све животинье, да их не коље.

Съ того времени, говорятъ, тюкъ каждый день съѣдаетъ по одной птичкѣ—ни больше, ни меньше.

(Отъ Петка Гавриловича изъ Загарча).

3. Лисица и медвѣдь присягаютъ на евангеліи.

Лисица и медвѣдь пошли на охоту. До ночи наловили они всякой дичи и послѣ трудовъ легли спать. На другой день, глядь! а многаго изъ добычи не стало. Медвѣдь на лисицу; она на него; оба оправдываются. «Пойдемъ присягнемъ на евангельи»—говоритъ лисица. «Пойдемъ»!—говоритъ медвѣдь, и пошли. А лисица знала, гдѣ былъ поставленъ большой капканъ; туда и повела медвѣдя. Приходятъ. Присягаетъ лисица первая, чуть только дотронувшись лапкой до капкана. А медвѣдь всею лапой — трупъ! а капканъ хвать!—Медвѣдь такъ и остался тутъ, пока не пришли люди, которыхъ лисица-же и оповѣстила, и не убили его. А тогда лисица пошла и прибрала все, что было наловлено медвѣдемъ.

4. Лисица, медвѣдь и мѣсяцъ.

Шли вмѣстѣ медвѣдь и лисица и приходятъ они къ рѣкѣ; а въ рѣкѣ на глубокомъ мѣстѣ (вир) отражается полный мѣсяцъ, словно кругъ бѣлаго сыра. «Гле!—говоритъ лисица—ено груда сира!» Что пользы — отвѣчаетъ мудро медвѣдь—когда онъ въ водѣ и на самомъ глубокомъ мѣстѣ? «Ну, что выдумалъ, стрико Мијо *)»!—возражаетъ еще мудрѣе лисица—мы воду вылочемъ, и сыръ останется на сухомъ»,—и тотчасъ-же принялась локать воду; а медвѣдь за нею. Лисица едва захватываетъ воды кончи-

---

*) Наше—*Мишка*.

комъ языка; а медвѣдь лочетъ всею пастью. Но и тутъ лисица дѣлаетъ ему замѣчаніе: «Ты, стрико Мијо, слабо лочешь; поналяжь крѣпче»! Медвѣдь пріударилъ еще пуще и локалъ до тѣхъ поръ, пока тутъ-же не лопнулъ. А лисица тотчасъ-же принялась его потрошить и лакомиться его мясомъ.

5. **Лија и кокот.**

Нацѣлилась лисица на пѣтуха; а пѣтухъ, увидѣвши её еще издали, тотчасъ взлетѣлъ на дерево и сидитъ на вѣткѣ.

Подходитъ лисица и говоритъ: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ! была большая скупштина, на которой всѣ звѣри и люди заключили миръ; только мы съ тобой остаемся: сойди внизъ, заключимъ миръ и мы»!—А пѣтухъ поднялся еще выше на одну вѣтку выше. Лисица опять къ нему; а онъ еще выше. Тогда лисица ему: «Что ты такъ высоко забрался? сойди внизъ и утвердимъ миръ».

«А я смотрю — говоритъ сверху пѣтухъ — что вонъ тамъ идутъ люди съ собаками; такъ если мы заключимъ миръ, то пусть они будутъ свидѣтелями».

— Эти люди не были на нашей скупштинѣ, поэтому намъ ихъ и ждать нечего!—сказала лисица и тотчасъ шмыгнула въ сухой потокъ, да тамъ и скрылась, оставивъ въ покоѣ пѣтуха.

6. **Лисица и јазавац** (язвецъ, барсукъ).

Шли они вмѣстѣ дорогой; проворная лисица впереди, а неповоротливый барсукъ за нею. Какъ вдругъ лисица примѣтила впереди капканъ; остановилась и говоритъ: «Что я дѣлаю глупая! я, женская голова, иду впереди! извольте вы пойти впередъ!»—обращается она къ нему съ самымъ вѣжливымъ тономъ. Тотъ сначала упирался; но потомъ не могъ не согласиться на убѣдительныя *лсины* рѣчи и пошелъ первый.

Но только сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ попалъ въ

капканъ. Понялъ онъ тотчасъ же, что это лисица его подвела; но спасенья нѣтъ; а только бы какъ-нибудь ей отомстить.

«Подойди — говоритъ онъ лисицѣ — осталось у меня дома много кое-чего, хотѣлъ бы тебѣ завѣщать».

Раззарилась лисица на чужое добро и подошла къ барсуку: а тотъ её хвать за морду своими цѣпкими и крѣпкими когтями! и не выпускалъ её до тѣхъ поръ, пока не пришли два брата — Янко и Дражко. Они лисицу убили для шкуры; а барсука выпустили, за то что онъ поймалъ имъ лисицу.

Д. ЗАГАДКИ.

Загадки (загонетка или гаталица), какъ мы уже замѣчали, въ старое время вмѣстѣ съ пословицами и поговорками заключали въ себѣ разбитое на детали міровоззрѣніе народа и его мудрость; но впослѣдствіи стали служить, такъ сказать, пробнымъ камнемъ для человѣческой мудрости, догадливости и остроумія. Ихъ загадываютъ другъ другу люди, не преслѣдуя никакихъ цѣлей, ни практическихъ ни высшихъ, выходящихъ изъ круга обыденной жизни; а просто находятъ въ томъ препровожденіе времени, средство наполнить свой досугъ, какъ пѣнье, музыка и игры.

Загадывается такъ: «Што ми ти је, да ми ти је»? или: «Што ми је зашто»? и еще: «Што ми ти се нену-гонену»? — И затѣмъ идетъ загадка, на которую другіе должны найти въ отвѣтъ отгадку.

Загадокъ, какъ и пословицъ, напечатано множество въ различныхъ изданіяхъ. Въ собраніи сербскихъ пословицъ Вука С. Караджича многія отмѣчены, какъ спеціально черногорскія; а также и въ другихъ изданіяхъ сообщаются пословицы, собранныя въ Черногоріи. Поэтому намъ ничего не остается, какъ указать на эти изданія, что мы и сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ; но и здѣсь приведемъ ихъ нѣсколько ради примѣра. Большая часть ихъ собрана нами въ Васоевичахъ, откуда меньше всего сообщеній въ литературѣ, что однако не исключаетъ употребленіе

ихъ не только по всей Черногоріи, но и въ другихъ сербскихъ краяхъ.

Какъ ни мало предлагаемое нами количество загадокъ, мы постараемся расположить ихъ не въ алфавитномъ порядкѣ, что имѣетъ свои удобства и неудобства, а по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

I. Внѣшняя природа со всѣми происходящими въ ней явленіями.

1. Јави овце златни чобане, а за њима погрчени Пуро, окупља их љепа ђевојка (солнце, мѣсяцъ и звѣзда Даница).

2. Једна чаша брашна, друга - масла; цјелом свјету доста (солнце и мѣсяцъ).

3. Ћурево-ћућурево, кад се ћурко ћућурне, све се небо љуљаје (вѣтеръ).

4. Изатка Мара бјељ (или поњаву), цио свјет покри, себе не може (снѣгъ).

5. Стреха му мјера, а рок ђурђевдан (то-же).

6. Паде соко бес крила на дубу без грана; устријели га цар без стрјела, изједе га царица без зуба (падаетъ снѣгъ, солнце его растопитъ, а земля попьетъ воду).

7. Међед меле на јелу, лија му репом брише (тоже снѣгъ, когда его несетъ вѣтеръ).

8. Ћурикну кос наврх сјенокос; љепши му глас, но свилен пас (юрьевъ день).

9. Без ивера на воду ћуприја (ледъ на рѣкѣ).

10. Кад наш мркоња легне, цио свијет да скочи, не може, да га дигне; док дође плавоња и он га дигне (ночь и день).

11. Ивер скаче у осоју, глас се чује у присоју (эхо).

12. Писано-ћурулисано, прстом не тицано (змѣя).

II. Человѣкъ.

1. Два бока, четире ока и четирдесет наката (беременная женщина).

2. Ја поспјао зелен лан, на ливаду нерадан; ни се лан зелени, ни ливада весели (неродимља, женщина, которая не родитъ).

3. Иде коситер преко поља окићен (невѣста, идущая къ вѣнцу).

4. Овчар чекетар, чекетарски говораше, арбанашки навијаше, свакој овци име знаше, а броја им незнаваше (попъ, который знаетъ прочитать всякое слово и всякую букву, а числа имъ не знаетъ).

5. Честа гора честана, испод горе пољана, под пољаном глођана, под глођаном сопот, под сопотом грохот, под грохотом провалија. Ко то мјесто не погоди, мјесто му се провалило (волоса на головѣ, лобъ, глаза, носъ, зубы и зѣвъ).

6. Двије вране — заједно трче, једна другу не види; цио вјек радише, једна другу не виђеше (два глаза).

7. Сјекутићи сјеку, вукотићи вуку, сам даћа превраћа (зубы, языкъ и горло).

8. Кад немам воде, пијем воду; кад имам воде, пијем вино (мельникъ, которому безъ воды, когда мельница стоитъ, не на что купить вина, и потому онъ пьетъ воду; а въ противномъ случаѣ — вино).

9. Што у мене, то у тебе; у овце бјелице и у зрну пшенице (бороздка на губѣ у человѣка, которая также находится у овцы и на пшеничномъ зернѣ).

10. Црвен јарац проз одају шеће (языкъ).

III. Домъ и домашняя обстановка человѣка, все, относящееся къ ѣдѣ, одеждѣ и домашнимъ занятіямъ.

1. Има брата Алетицу, скроји њему Хаљиницу, а једнако кратка и узка (крыша на домѣ: земли не достаетъ, а кверху узкая).

2. Четири мачка у четири буджака, сваки мачак по једнога мачка пред собом гледа (4 угла въ домѣ; а при этомъ спрашиваютъ: «Колико је било мачака?»).

3. У кућу распето, у собу напето (печь въ васоевицкомъ домѣ: въ кутьѣ, гдѣ огнище, она вровень со стѣной, а въ собѣ, гдѣ спятъ, выступаетъ отъ стѣны и возвышается надъ поломъ).

4. Куцук носим при себѣ; куцнемъ га, ја тебе, а ти другу до тебе (огниво, кремень и трутъ).

5. Имам гвоздени маљ, па ударим у камен-град; кад искочи дрвендика краљ (огниво, кремень и вылетающая изъ него искра).

6. Искочи срна из грма; ђе скочи, там умре (искра).

7. Мање од ораха, тежје од товара (горячій уголь).

8. Црн галоња наврх куће гаће веже (дымъ).

9. У вечер те завучем, а у јутру извучем (головня, которую съ вечера зарываютъ въ золу, чтобы сохранился жаръ; а утромъ её вынимаютъ, чтобы отъ нея развести огонь).

10. Бјела бјелу сама себе једе (свѣча).

11. Двје буле-тамбуле иду цару на вечеру (двѣ свѣчи).

12. Имао сам двоје ђеце: док су били слијепи, мили ми бијаху; пошто прогледаше, онда ми омрзоше (опанки новые, безъ дыръ и старые въ дырахъ).

13. Овчи тор, говеди гној (опанки).

14. На једна врата уљега, на троје излегао (рубашка, надѣвая которую, вы сперва влѣзаете въ станъ, а послѣ просовываете голову и двѣ руки).

15. Оздол нана, озгор тата; међу њима дивота ђете (црепула, сач и погача).

16. Стариј син од оца (когда замѣсятъ хлѣбъ и положатъ црепулю на огонь, то отъ него отщипнутъ кусокъ тѣста и, сдѣлавши маленькій хлѣбецъ, положатъ на црепулю, гдѣ онъ и испечется раньше, чѣмъ большой, который только послѣ того положатъ въ црепулю и покроютъ сачемъ).

17. Отуд иде зелен јарац, исплази црвен к—ц, људи га посу (бардак, кувшинъ и выливающееся черезъ насикъ красное вино, которое люди пьютъ).

18. Девет се баба низ лед фујају се (приганицы, плавающія по сковородѣ въ маслѣ, когда ихъ жарятъ).

19. Што ти виси низ г....у, то тимисли у г....и (торбица, которую человѣкъ, когда несетъ на себѣ, спускаетъ ниже пояса, а внутри ея брашненикъ, служащій для желудка).

20. Крља крљу тишти, међу њим кремељава пишти (пита, состоящая изъ тонкихъ слоевъ, и между ними начинка).

21. Обријан делија на подини спава (яйцо).

22. Што се о клину објесити не може? (тоже).

23. Два гувна, ни зрна жита (яйцо съ двумя впадинками).

24. Узајми ми твој, док се напне мој; кад се напне мој, вратићу ти твој (дрожжи, закваска для хлѣба).

25. Срце иртено, ребра дрвена, зуби гвоздени (наполненный рухлядью деревянный сундукъ съ желѣзнымъ нутрянымъ замкомъ).

26. У аси срабац међеда (висячій замокъ на большомъ сундукѣ).

27. Ујак ујну гиликће, ујна му се примиче (ключъ въ замкѣ)

28. У љеску трљеску огањ гори, у огањ се човјек види (зеркало).

29. Црни галоња проз одају шета, сви га турци у г....у љубе (чубукъ или трубка).

30. Вазда иде, на једно мјесто стоји (стѣнные часы).

31. Једно мече (медвѣжонокъ) уз поље клече; што оно рече, ни цар не порече (безменъ).

32. Ја стојим врећи на завезак, а ти к....у на зарезак (тоже).

33. Галоњица наврх куће гризе, огризине му на земљу падају (бурав).

34. О клину виси, о злу мисли (ружье).

35. Два се старца преко плота вуку (два гребня, расчесывающіе шерсть).

36. Мртви живе низ планину вуче (гребень чешетъ волосы на головѣ).

37. Трпста кобила уз брдо иду; једној клинац паде, свака стаде (остановка ткацкаго станка, когда оборвется нитка).

38. Зеленбач брешће проз зелено рашће; петина га ћерају, а петина чекају (ткацкій челнокъ).

39. Ражањ месни, месо гвождено (перстень на рукѣ).

40. Завучем голо у руњато (руку въ шерстяную перчатку).

41. Бјела њива, црно сјеме, мудра глава сије (бумага, по ней человѣкъ пишетъ).

IV. Сельское хозяйство.

1. Златан голуб проза земљу вуче (сошникъ у рала).

2. Лелек лелече на камен: «леле мене цио вјек! пасем и не напасем се (серпъ)».

3. Прескочи овца преко 303 коца (трава валится подъ косой).

4. Сјечено, тесано, горено, преврћено; орано, сијано, жњевено и млаћено; стрижено, чешљано, предено, ткано; све наједно саставлено (самаръ: деревянныя дощечки держатъ на огнѣ, чтобы ихъ удобнѣе выгибать; стеля изъ шерстяной ткани, набитая соломой и т. д.).

5. Четири брата трчаше, цјео вјек трчаше, један другога не стигоше (4 колеса въ телѣгѣ).

6. Боже повелење, људско створење, змија оседлана (мостъ и рѣка подъ нимъ).

7. У гору сјеч, пољем вуц', у воду брч (лодка).

8. Цигутићи цигуће (или цицибан цицибани) у лугу; да није цигутића у лугу, цјело би село било за ругу (мельница).

9. Дванаест прасади наједно леже; ниједно на крај није (12 ложекъ на водяномъ колесѣ въ мельницѣ).

10. На мога враичића триста и три покровчића (перья на курицѣ).

11. Цивиле,ципеле, шаровите буле, цара укопале, вечер на покладе кључе изгубиле, у море бачиле (яйца и куры; на заговѣнье не оставляютъ ни одного яйца для ѣды).

12. Што воду пије, у небо гледя? (курица).

13. Роди кобила кост; не иде кост за кошћу мајком, но за

мајком кобилом (цыплята, вылупившіеся изъ яйца, идутъ за курицей).

14. Двје путе-парапуте и још двје (ноги), те читири; двје клапе (уши)—пет и шест: двје виле (рога)—седам-осам и вратјељ (хвостъ)—девет (быкъ или корова).

15. Црна кудеља, бјела жица (черная корова и молоко).

16. П...а ти на челу, м. .а у шаке, а камен под г....у (когда доятъ корову, то садятся сзади, такъ что голова подъ хвостомъ; въ рукахъ вымя, а сидѣньемъ служитъ камень).

17. Изнесе повисоко, па погледа понизоко: када ђаво бабу шапура (сбиванье масла).

18. Чич прдне, све се море смрзне (закваска въ молокѣ).

19. Сефа сефи у Сефину-граду; пар њу проси; окован њу брани (овца, волкъ и цѣпной песъ).

20. Мотовило-вило свуђ по гори било; ни воде ни пило, ни траве пасло (бубенчикъ на баранѣ).

21. Мотовило-вило проз гору ходило, само дома доходило (пчелы).

22. Миш иде уз копље, низ копље, лику дере, киту веже, пет кит камадрит, пусто перо на вадрит (кукуруза).

23. Која гора дебља наврх, но у дну? (капуста).

24. Прде бухо кличек, би ти био ручак (капустная разсада).

25. Пуна јама загонита листа (капуста въ кадушкѣ).

26. Зелено је, штир није; реп има, миш није; сољ лиже, во није (редька).

27. У мога тате мало брадице и то на г....и (чеснокъ).

28. Бачи штицу у море; штица пушти тракове, а тракове тоноте, а тоноте — тумбете (тыква, разбрасывающая свои плети).

29. Пуна п..а гњилица (смоква, винная ягода).

30. Пуна школа ђака, ни откуд јој врата (шипак).

31. Црна кошара, црвена говеда, зелен реп, гвозденим се кључем заклапа и одклапа (марена, дающая красную краску, желѣзною лопатой закапывается и откапывается).

Есть загадки въ родѣ особенныхъ задачъ, для разрѣшенія которыхъ нужна сообразительность; напр. такая:

Мужчина и женщина работаютъ въ полѣ. Проходитъ мимо одинъ человѣкъ и говоритъ: «Помагај Бог, муж и жено!» а женщина на то: «Какви муж и жена?! моја мајка родила је његову мајку». Вопросъ: Какъ они доводятся другъ другу? (мать и сынъ или тетка и племянникъ).

Два отца и два сына отправились на охоту и убили трехъ зайцевъ, а каждый принесъ домой по одному (то были — дѣдъ, сынъ и внукъ).

Есть загадки чисто ариѳметическія:

Иду девет попова кроз девет бобова, сваки носи по девет тољага, на сваку тољагу по девет тораба, у свакој торби по девет погача, а уза сваку погачу по девет колача. — Колико је свега?

Кад десет оваца за десет година рађа све овца по овцу; колико ће послије девет година бити свега оваца?

Како би надијелио 17 коња између три брата, код један има од њих једну половину, други једну трећину, а трећи једну деветину, али без исплаћивања један другоме?

Стојаху два реда људи, окренути један другоме у оба реда подједнако. Рекоше једни: «Ајте дођите од вас двојица овамо код нас, бићемо онда наполи више друга овамо, него тамо». Они други рекоше: «Ми нећемо, но хајте ви овамо, па ћемо бити ми вишина наполи, но ви који тамо останете». — Колико је у који ред, али оба, људи?

Летијаху голубови на пет јата: у 1-м онолико, у 2-м колико у првом, у 3-м половина од онолико, у 4-м четвртина од оно-

лико, у 5-м један голуб, и кад прође овај један, њим би равно 100 голубова. Колико је било у сваком јату голубова?

Купио сам 100 говеди за 100 талијера, платио сам вола 10 тал., краву 5 тал., теле 1 фиорин. Колико има ту волова, колико крава, а колико телади?

Један пуж ође да изиде наврх једнога зида, који је висок 12 метара. Иде дневно 4 метра уза зид, а враћа се 3 метра на ниже. Колико ће дана проћи, док он изађе на врх зида?

(Послѣднія шесть мы взяли изъ черногорскаго журнала «Луча», 1899, №№ V, VI, VII, VIII. Въ тѣхъ-же нумерахъ и въ другихъ есть и еще подобныя загадки).

Е. АНЕКДОТЫ И ШУТКИ.

У черногорцевъ, кромѣ сказаній, которыми они пополняютъ свою исторію, о чемъ мы уже говорили выше, существуетъ множество мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ, относящихся къ ихъ историческимъ личностямъ, дорисовывая, такъ сказать, ихъ характеръ и физіономію. Каждое племя, каждый родъ имѣетъ своихъ замѣчательныхъ людей, о которыхъ и складываются эти разсказы.

Держась въ устномъ преданіи, и эти разсказы, какъ легенды изъ болѣе отдаленнаго времени, народною фантазіей подвергаются переработкѣ; но въ основѣ ихъ лежитъ непремѣнно фактическая дѣйствительность, и они всегда имѣютъ видъ совершеннаго правдоподобія. Поэтому ими можно пользоваться, какъ историческимъ матеріаломъ. Отчасти и мы пользовались ими, особенно при изложеніи исторіи отдѣльныхъ племенъ, которой они собственно и принадлежатъ.

Въ этомъ отдѣлѣ однако мы имѣемъ въ виду не ихъ, а тѣ мелкіе разсказы, которые, хотя тоже служатъ характеристикой

отдѣльныхъ личностей, иногда извѣстныхъ и дѣйствительныхъ, или цѣлыхъ группъ; но составляютъ плодъ досужей фантазіи, проистекаютъ изъ веселаго настроенія человѣка и даютъ мѣрку его наблюдательности и остроумія.

Черногорцы вообще склонны къ такому настроенію; но нѣкоторыя племена и середи нихъ отдѣльныя группы склонны къ веселому настроенію больше и больше обнаруживаютъ остроумія; другія меньше.

Такъ, ни у кого, говорятъ, нѣтъ такой тонкой и пріятной шутки, какъ у Чевлянъ (жителей Чева, гдѣ Вукотичи и другіе Озриничи), и особенно Войничей (братство тамъ-же). Никто больше ихъ не шутитъ, и тотъ, на кого обращена эта шутка, не сердится. За ними мы поставили-бы Нѣгушей, у которыхъ, сказали-бы, больше веселости. Цуцы, не смотря на непосредственное сосѣдство съ Приморьемъ, по простотѣ жизни приближаются къ жителямъ самыхъ глухихъ мѣстъ Черногоріи и потому кажутся и даже стараются казаться самыми простыми; но подъ этой простотой скрывается тонкая наблюдательность и остроуміе; у нихъ также много шутки, но всегда почти серьезной, цѣлящей на какую-нибудь важную личность или важную сторону народной жизни.

То-же самое можно сказать и о Кучахъ, у которыхъ изъ-за личной скромности проглядываетъ племенная гордость. Работая подолгу съ пиперами на раскопкахъ Діоклеи, мы и у нихъ замѣтили большую склонность къ шуткѣ и отсутствіе обидчивости, какъ у чевлянъ, а напротивъ, они часто шутятъ сами надъ собой.

Очень много остроумія и фантазіи у Морачанъ; они-же считаются лучшими гуслярами. Много у нихъ шутокъ; но шутки эти нерѣдко направляются противъ кого-нибудь съ цѣлью сдѣлать ему зло, и тогда создаются такія исторіи, въ которыхъ нельзя не удивляться ихъ сложности.

Шутка поэтому переходитъ въ насмѣшку. Въ этомъ отношеніи вообще черногорцы большіе мастера и бываютъ безпо-

щадны къ тому, кто имъ ненавистенъ или въ комъ замѣтятъ какую-либо слабость.

Серьезностью и нерасположеніемъ къ шуткѣ и даже нетерпимостью къ ней изъ всѣхъ черногорцевъ отличаются Цермничане. За малѣйшую шутку цермничанинъ способенъ разсердиться до такой степени, что можетъ убить человѣка.

Однажды перяники отправились въ путь; у одного изъ нихъ, цермничанина, упалъ съ ноги башмакъ; а другой, шедшій за нимъ, подхватилъ его на дуло ружья и поднялъ со словами: «Прострѣлю!» А тотъ, приставивъ револьверъ къ его груди: «Попробуй — говоритъ — сейчасъ и я!» и то была не шутка; а потому тотъ оставилъ башмакъ.

У другого перяника цермничанина-же за общимъ столомъ кто-то выпилъ стаканъ вина; онъ такъ озлобился, что готовъ былъ убить похитителя, еслибъ только узналъ. Но, не найдя таковаго, онъ разразился проклятіями и ругательствами, сдѣлавшись въ родѣ сумасшедшаго, такъ что капитанъ перяниковъ нашелъ необходимымъ унять его своею властью.

Сказалъ-бы, что Цекличи и Бѣлицы также не совсѣмъ спокойно выносятъ обращенную на нихъ шутку; но въ гораздо меньшей степени.

Мы не разъ уже имѣли случай замѣчать, что, какъ ни малочисленно населеніе Черногоріи и какъ ни однообразны условія жизни, въ которыхъ живутъ отдѣльныя племена, между ними есть различія, и по этимъ различіямъ, по говору, манерѣ и другимъ мелкимъ признакамъ, сами черногорцы всегда распознаютъ другъ друга, кто изъ какой мѣстности. Такъ и въ шуткѣ они улавливаютъ особенный характеръ того или другого племени.

Мы-же не можемъ этого сдѣлать и, ограничившись только этими замѣчаніями, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Владыка Петръ I часто путешествовалъ по Черногоріи, чтобы мирить народъ и разбирать распри, и при этомъ поучалъ его.

Однажды онъ былъ въ Цуцахъ и, бесѣдуя съ народомъ о многомъ, между прочимъ говорилъ о Христѣ, какъ онъ всюду

ходилъ со своими апостолами и поучалъ народъ. Когда онъ окончилъ, то одинъ изъ собравшихся тутъ, Байо Кривокапичъ, спрашиваетъ его: «А скажи, святой владыка, кто были апостолы Христовы, про которыхъ ты намъ говорилъ?» — То были его ученики, — отвѣчаетъ владыка. — «А откуда и кто они были?» — продолжаетъ тотъ допрашивать.

— Христосъ собралъ ихъ изъ разныхъ мѣстъ, при чемъ были между ними и люди книжные, а больше рыболовы и простые люди, — опять отвѣтилъ владыка. «Слѣдовательно, они не были всѣ изъ одного племени и братства?» — Нѣтъ.

— «А какъ-же ты, владыка, водишь съ собою только Ераковичей?» — Это — братство, которому принадлежалъ самъ владыка и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ то время окруженъ былъ преимущественно людьми изъ того братства, такъ какъ въ то смутное время онъ не полагался на другихъ, что̀ было другимъ обидно и казалось неправильнымъ.

Въ этомъ случаѣ сказалось глубоко сидящее въ черногорцѣ чувство племенной обособленности и требованіе, чтобы въ центральной власти не было преобладанія одного какого-либо племени. Поэтому въ прежнее время и владыки выбирались изъ различныхъ племенъ; а впослѣдствіи изъ различныхъ-же племенъ выбирались и члены сената, являясь какъ бы представителями всѣхъ племенъ.

Васоевичи, присоединившіеся къ Черногоріи позже другихъ и до того жившіе совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ старые черногорцы, проникнуты были сознаніемъ этой особенности до недавняго времени и это высказывалось во многихъ случаяхъ.

Подмѣтивъ эту сторону, черногорцы и сложили отъ ихъ имени слѣдующую здравицу: «Жив био војвода Миљан, поп Машан (капитанъ невасоевичъ) и два Зарији (Бакичъ и Протовичъ, главари Васоевичи)! *живио и онај, што сједи на Цетињу*, (т. е. князь), и ако није васоевић, ал добар човјек!».

Они-же, будто-бы, собравшись на какую-то скупштину, раз-

суждали такъ: «Ставиһемо војводу Миљана за књаза, Тодора (его сына) за војводу, а књаза Николу да закраљимо». — «А што һемо с Гавром (другой сынъ воеводы)?» вспомнилъ кто-то.

— Да завладичимо.

Такимъ образомъ складываются анекдоты обо всѣхъ племенахъ на основаніи подмѣчаемыхъ въ нихъ слабостей.

Такъ, о Нѣшивцахъ разсказываютъ, что они жаловались на мастера, построившаго имъ церковь и повернувшаго её къ нимъ г....омъ, т. е. алтаремъ.

Они-же, въ селѣ Кункѣ, какъ разъ на краю надъ Никшицкой равниной, раннею весной, увидѣвши, что земля ихъ на Сливлѣ (нижняя часть Никшицкой равнины), обычно потопляемая надолго водою, совершенно суха, принялись пахать и сѣять больше, чѣмъ когда-либо. Всходы вышли превосходные, ростъ буйный. Любуясь и радуясь они дали обѣщаніе купить на церковь колоколъ—«Звоно велико и лијепо; нека се звони и чује чак до Граһана (Никшичъ, въ то время турецкій), да знаду, какви смо!» Но послѣ того пошли дожди, и затопило все. Вышли они на Повію (возвышеніе), смотрятъ и говорятъ: «Купујте сад чакалицу (бубенчикъ), г-но!»

Въ Опутной Руднинѣ нашлось на дорогѣ зерно винограда, которое уронила птица, неся его изъ сосѣдняго края, гдѣ ростетъ виноградъ. Одинъ руднинянинъ, найдя его и не зная, что это, позвалъ другихъ. Собрались люди и рѣшили, что это у Бога выпалъ глазъ. Нашедшій его попробовалъ,—сладко, и воскликнулъ тогда: «О, да Бог да, и друго око испало, а ја да наһем!»

О бѣлицахъ разсказываютъ, какъ они, неся соль изъ Котора, рѣшили, что лучше её посѣять, чтобы не мучиться ходить за нею въ Которъ, и посѣяли два «багажа». Зашла на это мѣсто скотина и накинулась; при этомъ не только съѣдена была трава, но и корни выгрызены изъ земли.

Приходятъ посѣявшіе и дивятся, кто-бы это могъ произвести такое опустошеніе? Какъ вдругъ видятъ большую зеленую кобылку. «А вотъ онъ нашъ врагъ!»—кричатъ; а она прыгъ одному на грудь! Тогда этотъ кричитъ другому: «Бей его! только прицѣлься хорошенько, не промахнись!» Тотъ прицѣлился и попалъ; а увидѣвши, что товарищъ его свалился и лежитъ, кричитъ: «Что ты шутишь? вѣдь я убилъ врага-то нашего!»

Точно также шли люди изъ Котора и нашли по дорогѣ кубышку (родъ тыквы). Не видѣвши ея никогда, они рѣшили, что это «јаје од мазге», изъ котораго можетъ вывестись мазга, и взяли его съ собой. Но на крутомъ подъемѣ въ гору, несшій её выронилъ, и она покатилась внизъ, дѣлая прыжки. А въ это время изъ куста выскочилъ заяцъ: «Тпрусь-тпрусь!»—кричитъ онъ на зайца—«вотъ твоя мама!» и показываетъ на поднятую имъ разбитую кубышку.

Изъ Котора же шли однажды 15 чел. цуцъ, купивши муки и возвращаясь домой. Устали они и проголодались. На пути попался имъ колодезь (собственно цистерна, *бистијерна*). «Эхъ!»—говоритъ одинъ,—«вотъ и вода, да не съ чѣмъ её пить (нѣтъ ни куска хлѣба)! сварить-бы качамакъ, да не въ чемъ!»—«Стой, братцы!—кричитъ другой—заболтаемъ кашицу: сыпь одинъ багажъ въ колодезь!» Высыпали; но оказывается мало: каша совсѣмъ жидкая, и муки даже въ водѣ незамѣтно. Высыпаютъ другой багажъ, третій и такъ всѣ 15. Одинъ слишкомъ внимательно смотрѣлъ въ колодезь, что дѣлается съ мукой; какъ нога у него поскользнулась, онъ и полетѣлъ туда внизъ головой. Плавать не умѣетъ, а потонуть не хочется, онъ и барахтается. «Гляди, братцы!—кричитъ одинъ—онъ все поѣстъ!» да за нимъ бухъ въ воду! затѣмъ другой, третій, да такъ тамъ всѣ и остались.

Приходитъ одинъ въ свой торъ и видитъ, что нѣсколько овецъ заколото и одной вовсе нѣтъ. А заколовшій ихъ волкъ, весь окро-

вавленный, — и ноги въ крови до колѣнъ — выскочилъ изъ тора и остановился не вдалекѣ, смотря, что̀ будетъ. Тогда хозяинъ кричитъ: «Эй, ты тамъ въ красныхъ доколѣнницахъ! не видѣлъ-ли ты, кто порѣзалъ моихъ овецъ?» — А волкъ бѣжать. «Стой, не бѣжи! — опять кричитъ хозяинъ — скажи! не выдамъ». А волкъ бросился бѣжать! И тутъ только хозяинъ увидѣлъ, что это волкъ, а не человѣкъ въ красныхъ доколѣнницахъ. Взять-бы ружье, да волкъ не ждетъ, отъ него и слѣдъ простылъ.

Въ Опутной Рудинѣ намъ привелось слышать разсказъ, какъ жена одурачила мужа, подбросивши ему, когда онъ пахалъ, въ борозду рыбу, да еще сухую, и довела его до того, что на него посмотрѣли, какъ на человѣка, который «преврнуо је свиjест», и связали. А потомъ, взявши съ мужа обѣщаніе, что онъ не будетъ съ нею дурно поступать, она его освободила и объяснила дѣло.

Этотъ разсказъ, существующій вообще у сербовъ, послужилъ темою Змаю Јовановичу въ его шуточной пьесѣ «Шаран». Онъ существуетъ и у малоруссовъ.

Анекдоты эти напоминаютъ совершенно въ томъ-же духѣ разсказы у насъ о вятчанахъ и пошехонцахъ, у чеховъ о пржелоучанахъ, у нѣмцевъ о швабахъ и т. п.

Въ нихъ есть нѣчто очень старое, общее и другимъ европейскимъ народамъ, пріуроченное только къ опредѣленной мѣстной обстановкѣ.

Такою всеобщностью ихъ устраняется всякое предположеніе въ нихъ какой-бы то ни было реальной подкладки въ данной мѣстности; и цѣль ихъ составляетъ не воспроизведеніе дѣйствительности, а желаніе разсказать нѣчто остроумное и возбудить въ слушателяхъ смѣхъ и веселое росположеніе духа, наполнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ пустое, досужее время.

Въ другихъ разсказахъ больше мѣстнаго колорита и возможно предполагать въ основаніи дѣйствительные факты, хотя-бы и сильно утрированные.

Такъ, много разсказываютъ о нѣкоемъ Ромаданѣ въ Цеклинахъ, собственно о Божкѣ, котораго прозвали Рамаданомъ. Это былъ человѣкъ большого роста и необыкновенной силы, но простъ умомъ и въ то же время спѣсивъ.

Похваляются люди, кто въ какихъ битвахъ участвовалъ и сколько разъ былъ раненъ; а Рамаданъ слушалъ - слушалъ да и говоритъ: «Что все это! я два раза былъ раненъ: одинъ разъ плясалъ у такого-то въ домѣ, подо мной провалился полъ, и я сломилъ ребро, упавши на край кадушки съ кислою капустой, и рана эта такъ и пойдетъ со мною въ могилу; а еще разъ ѣхалъ на ослѣ и получилъ ушибъ въ пахъ, и эта рана до могилы». Когда онъ шелъ на войну, то въ его торбицѣ былъ брашненикъ, котораго хватило-бы на 30 человѣкъ, а онъ это все самъ съѣдалъ. Разъ онъ повалился съ горы и катясь внизъ, поломилъ весь лѣсъ, который и теперь тамъ не ростетъ. Тогда-же «носили су њега од Инока до дола Дубока (всего нѣсколько шаговъ), носаше га тридесет људи три бијела дана без престана».

Выдумали это на цекличей, потому, вѣроятно, что замѣчали въ нихъ кичливость, которой не отвѣчало ихъ дѣйствительное положеніе.

Имя Рамаданъ—магометанское и взято отъ того, что тамъ есть родъ Рамадановичей, безъ сомнѣнія, потомковъ тѣхъ магометанъ, которые держались тамъ, какъ и на Цетиньѣ, до начала XVIII в., когда они и были истреблены или же обратились опять въ христіанство. Бѣдность страны принудила цекличей искать средствъ къ жизни въ другихъ мѣстахъ и заниматься торговлей, поступая сначала слугами къ купцамъ въ Которѣ и другихъ городахъ. Поэтому въ нихъ, подобно нѣгушамъ, развилась склонность и способность къ торговлѣ. Между ними Рамадановичи, явившись въ Которъ бѣднякамп, впослѣдствіи своимъ трудомъ, экономіей и способностями пріобрѣли хорошее состояніе и въ об-

ществѣ занимаютъ въ настоящее время видное положеніе; между прочимъ одинъ изъ нихъ агентъ черногорскаго правительства.

Въ Катунской нахіи въ прежнее время жилось очень бѣдно; но рядомъ Цеклинъ и Церминца славились богатствомъ: у цеклинянъ была рыбная ловля, приносившая большой доходъ, а у церминчанъ виноградники, дававшіе вино и ракію, которыми они снабжали другіе края и за то выручали хорошія деньги. Но въ то время какъ церминчане въ жизни всегда были экономны и скромны, цеклиняне жили господами: щегольски одѣвались (отъ нихъ шла и мода въ черногорскомъ костюмѣ), хорошо пили и ѣли; а денегъ было такъ много, что они, какъ говорятъ, отъ времени до времени, разсыпали по каменному гумну талеры и цванцигеры, чтобы ихъ просушить и очистить отъ плѣсени.

Деньгами они ссужали черногорцевъ хозяевъ, а совсѣмъ бѣдняки приходили къ нимъ въ услуженіе и главнымъ образомъ для того, чтобы хорошо поѣсть.

Два брата цекличи, крайніе бѣдняки, отправились въ эти мѣста для заработка, а главное, чтобы покормиться хорошенько. Одинъ изъ нихъ притворился нѣмымъ, чтобы больше возбуждать участіе.

Приходятъ они къ цеклинянину и прямо попадаютъ на работу; а послѣ работы вошли въ домъ, чтобы пообѣдать. Сварили имъ цицвару, дали сыру и хлѣба, сколько душѣ хочется. Ѣдятъ они; а нѣмой все посматриваетъ кверху, гдѣ развѣшаны цѣлыя полосы свиного сала. «Что это онъ»?—спрашиваетъ хозяинъ его брата.—А что? ничего!—отвѣчаетъ братъ; а на нѣмого: «Перестань пялить глаза!» — но онъ все свое. Опять спрашиваетъ хозяинъ; тогда братъ, будто нехотя: «Видитъ сало, котораго давно уже не видалъ; а голоденъ»....—Сейчасъ дамъ,—отвѣчаетъ хозяинъ,—только ножа нѣтъ, чтобы отрѣзать; онъ мечется туда и сюда, а нѣмой смотрѣлъ-смотрѣлъ да и не вытерпѣлъ: «У меня есть ножъ»!—Тогда братъ, чтобы поправить дѣло, воскликнулъ: «Благо мени, у срећну је кућу проговорио!»

Хозяинъ, однако, догадавшись, что они обманываютъ, взялъ палку да по обоимъ и прогналъ ихъ.

Приморцы и черногорцы собственно одинъ и тотъ-же народъ, какъ по физическому типу, такъ и по нравамъ и обычаямъ. Но первые, находясь въ прежнее время подъ управленіемъ Венеціи, а впослѣдствіи Австріи, усвоили себѣ кое-что изъ болѣе культурной жизни и этимъ возвышаются передъ черногорцами, о которыхъ сочиняютъ анекдоты, характеризующіе ихъ простоту и некультурность. Эти въ свою очередь гордятся тѣмъ, что они люди свободные и никому не платятъ дани (мы говоримъ о старомъ времени).

Однажды черногорецъ зашелъ къ сосѣду по землѣ приморцу и затѣяли они разговоръ о томъ, гдѣ лучше; каждый, конечно, хвалилъ и отстаивалъ свое.

Пришло время ужинать; хозяинъ оставляетъ гостя на ужинъ. Ужинаютъ они, а котъ все время сидитъ передъ ними и держитъ въ переднихъ лапкахъ свѣчу. «Видишь,—говоритъ приморецъ,—у насъ и кошки ученыя»!

«Хорошо»,— подумалъ про себя черногорецъ и приглашаетъ къ себѣ на ужинъ приморца, поставивъ условіемъ, чтобы онъ привелъ съ собою и того ученаго кота. А самъ къ тому времени поймалъ мышь и спряталъ въ ящичкѣ.

Приходитъ гость и котъ съ нимъ. Садятся за ужинъ; положили на столъ хлѣбъ и сыръ, поставили миску съ горячимъ. Сидитъ и котъ, держа въ переднихъ лапкахъ свѣчку. Хозяинъ въ это время и выпустилъ мышенка. А котъ, какъ увидѣлъ, да за нимъ, бросилъ свѣчку и перевернулъ все, что было на столѣ.

«Вотъ тебѣ и наука»! — говоритъ черногорецъ приморцу.

Когда Приморье находилось во власти венеціанцевъ, они щедро раздавали титулы людямъ, выдающимся богатствомъ или пользовавшимся вліяніемъ на народъ. И этимъ отнимали у народа

лучшихъ людей, прежде всего привлекая ихъ въ католичество, а затѣмъ отдѣляя ихъ отъ народа, на который они потомъ уже смотрѣли свысока. Такимъ образомъ тамъ создалось много *контовъ* (conte), и вообще въ приморцахъ развилась страсть величаться знатностью рода, особенно передъ черногорцами, у которыхъ всѣ были одинаковы и не было даже титула *господинъ*, распространяющагося только теперь; тогда какъ приморцы иначе не относятся другъ къ другу, какъ *шьор* (signor). Подмѣтивъ эту слабость приморцевъ, черногорцы сочинили про нихъ такой анекдотъ.

Продаетъ приморецъ на базарѣ охотничью собаку (*биза*); а черногорецъ, желая ее купить, говоритъ: «Купилъ-бы я, да незнаю, хорошей ли породы»? — Я далъ-бы 100 цекиновъ, еслибъ былъ такой-же (породы) — отвѣтилъ приморецъ.

Въ герцеговинскихъ краяхъ Черногоріи, присоединенныхъ къ ней только послѣ турецкой войны 1876 — 1878 г., много анекдотовъ относительно духовенства, которое тамъ вообще не пользовалось расположеніемъ народа, какъ въ Черногоріи. Причиною было то, что митрополиты были люди, чуждые народу: греки-фанаріоты по происхожденію, они и сами дурно относились къ народу и только эксплоатировали его; а священники, хотя и были мѣстные люди, должны были дѣйствовать въ томъ же духѣ, да и получали мѣста не по заслугѣ и достоинству, а за мзду.

По этому поводу существуетъ такой разсказъ.

Одинъ владыка былъ великій мздоимецъ и всѣ мѣста давалъ за деньги. Тогда одному поселянину пришло въ голову *запопить* осла, чтобы черезъ него имѣть доходы отъ инуріи (церковный приходъ). И отправляется онъ со своимъ осломъ, подвязавши ему сзади между ногъ мѣшочекъ съ дукатами. Пришелъ онъ къ владыкѣ и излагаетъ свое желаніе, намекая, что онъ съ своей стороны его отблагодаритъ. Владыка, какъ только выслушалъ это, вспылилъ, затопалъ ногами, застучалъ палкой: «Вонъ, вонъ! — кричитъ на него — и самъ ты оселъ, что просишь за осла»! А

тотъ все кланяется, скинувъ шапку, и проситъ: «И я заплатилъ бы не хуже другихъ, и мои дукаты не хуже, чѣмъ у кого другого».

Владыка не хочетъ и слушать, и гонитъ его вонъ. А когда поселянинъ повелъ осла, владыка, увидѣвъ у него что-то между ногами, остановилъ и спрашиваетъ, что это. «Да это то,—отвѣчаетъ поселянинъ,—что я принесъ было тебѣ». Тогда владыка взялъ мѣшочекъ, разсмотрѣлъ, сколько въ немъ дукатовъ, и говоритъ: «Ну, хорошо: пусть будетъ попомъ, и ако не умије читати, али добар ће бити за појање».

Это изреченіе нерѣдко услышите въ Черногоріи въ видѣ пословицы, когда человѣкъ глупый, ничего не понимающій, получаетъ какое-нибудь мѣсто на государственной или общественной службѣ, добавляя иногда: «Ни у цјело стадо владичино нема оваквога (т. е. магарца, осла)».

Въ другомъ разсказѣ рисуется, какъ народъ смотрѣлъ на своего владыку, не понимая его сана и положенія, а видя въ немъ только эксплоататора.

Мостарскій владыка отправился по епархіи за обычнымъ своимъ сборомъ, какъ говорятъ «отишао је у писанију». Прибылъ онъ въ Пиву и сталъ объѣзжать епархію отъ церкви до церкви: тамъ отслужитъ молебенъ кому-нибудь, тамъ панихиду, тамъ прочитаетъ молитву надъ больнымъ и все беретъ дукаты и наполеондоры. Наконецъ сворачиваетъ онъ къ одному богатому поселянину (по имени Милош Цицмио), который впервые въ жизни видитъ владыку и не имѣетъ понятія объ томъ, какъ къ нему относиться.

Трапеза обильная; сидятъ они, угощаются и между угощеніемъ хозяева стараются занять владыку разговорами. Сынъ домохозяина, чтобы выразить владыкѣ свое участіе, обращается къ нему съ такими словами: «Какъ это, святой владыка, ты такой старый, идешь всюду самъ, терпишь по дорогѣ всякую муку и нужду, чтобы собрать свою *ругу;* какъ будто не могъ-бы послать за тѣмъ своего сына»! А отецъ, чтобы еще польстить вла-

дыкѣ, добавляетъ: «Е, синко! не знаш ти, да нема лова без стара гарова». Сынъ, значитъ, не имѣя понятія о безбрачіи владыки, предполагаетъ, что у него, какъ и у другихъ, непремѣнно долженъ быть сынъ; а отецъ, держась въ главномъ того-же взгляда, объясняетъ это тѣмъ, что старый опытнѣе и потому искуснѣе сумѣетъ вытянуть изъ народа, сколько можно больше, и приравнялъ его къ старому *сърку*, который также незамѣнимъ для удачной охоты.

Очень много анекдотовъ скабрезнаго характера, которыхъ мы привести не можемъ.

Есть разсказы и собственно въ Черногоріи о его духовенствѣ; но они совершенно невинные и безобидные. Ими характеризуется только недостаточная подготовленность священника къ отправляемой имъ должности, его простота, а также простота и въ отношеніяхъ къ нему и къ церкви самого черногорскаго народа.

У одного священника на Чевѣ кто-то потравилъ пшеницу на нивѣ, и не могъ онъ найти виновнаго, чтобы взять съ него должный штрафъ. А былъ постъ; народъ говѣлъ; священникъ исповѣдалъ всѣхъ и никто не признался ему въ потравѣ; заказалъ онъ, чтобы назавтра до причастія никто не смѣлъ ни ѣсть, ни пить, ни курить. Собирается народъ въ церковь, отстаиваетъ обѣдню; а наконецъ выходитъ священникъ со святыми дарами, прочиталъ предпричастную молитву, послѣ чего народъ приступаетъ къ причастію; а тогда священникъ останавливаетъ и объявляетъ: «Ђавољу каи неђете попити, док не кажете, ко је похарао моју пшеницу». — «Па платиђемо», — закричали всѣ, — и тогда онъ сталъ ихъ причащать.

Это совершенно въ духѣ черногорской пословицы, что «свое имѣю право взять и съ престола въ алтарѣ».

Одинъ, выходя изъ церкви послѣ причастія, спрашиваетъ другого, сколько (причастія) далъ ему священникъ; а тотъ отвѣчаетъ,

что полную ложечку; тогда первый съ досадой: «А мени, дјавоъу! само при дну мало нешто!»

На заутренѣ читалъ попъ евангеліе и, такъ какъ было темно, что мальчикъ держалъ свѣчку и свѣтилъ ему. Читалъ онъ книгу рождества: «Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Іакова, Іаковъ роди»... Въ это время дунулъ вѣтеръ, и свѣча потухла, тогда попъ, прижавъ пальцемъ мѣсто, на которомъ остановился, кричитъ мальчику: «Брже огња, да видим, како-се зове онај што се родио!» — Прибавляютъ еще къ этому «онај ђаво»; но это уже прикраса, которая совершенно не отвѣчаетъ черногорскому духу.

По случаю засухи на Цетиньѣ служили молебствіе съ водоосвященіемъ. Старый священникъ плохо разбиралъ, чтò напечатано въ книгѣ, а больше читалъ на память, и когда сталъ читать молитву: «Призри съ небесе и виждь и посѣти виноградъ сей», по ошибкѣ сказалъ *прижди*. Тогда одинъ старецъ останавливаетъ его: «Па што читаш, попе? доста је приждило, читај што друго!» Тогда, посмотрѣвъ внимательнѣе въ книгу, священникъ поправляетъ: «Није тако, него *призри*».—Па добро, — не удовлетворяясь отвѣтомъ, продолжаетъ старецъ:—тада није за нас ни оно, што се збори о винограду; а стави умјесто тога купус и кромпир».

Это уже не вымышленные анекдоты, а воспроизведеніе дѣйствительности, и въ такихъ разсказахъ вполнѣ выражается взглядъ черногорца на церковь, какъ на свою собственность, и на священника, какъ на народнаго слугу, которому всякій имѣетъ право сдѣлать замѣчаніе, если онъ въ чемъ ошибается, и это ему нисколько не обидно.

Недавно, въ нашу бытность въ Черногоріи, былъ такой случай.

Въ Байцахъ крестили одного ребенка и крещенье совершалъ священникъ, весьма старый и въ послѣднее время немного забывающійся. По окончаніи обряда, вышли изъ церкви всѣ, кто былъ при этомъ: женщина, носившая ребенка, кумъ и другіе.

Вышли они и сѣли отдохнуть на камняхъ подъ деревомъ; а тутъ же проходитъ большая дорога. Подходитъ къ нимъ молодой священникъ, сынъ служившаго старика; поздравляетъ со счастливымъ исполненіемъ священнаго обряда; а потомъ спрашиваетъ, какое ребенку дали имя. Женщина не знаетъ и обращается къ куму; а тотъ тоже не знаетъ. «Спросимъ попа, когда онъ выйдетъ изъ церкви». Спрашиваютъ его, а онъ тоже не знаетъ. Тогда отправляются всѣ опять въ церковь и тамъ дали ему имя по календарю, а не по домашнему прозвищу, съ которымъ черногорцы въ прежнее время оставались всю свою жизнь, бросивши имя, данное при крещеніи.

Таковы были времена и нравы; но многое изъ этого держится и до сихъ поръ у черногорцевъ.

Кромѣ разговоровъ о текущихъ дѣлахъ, любимый разговоръ у черногорцевъ о дѣлахъ военныхъ, какъ говорится въ одной пѣснѣ:

Вечераше па чибуке запалише,
Уз чибуке се збора зађедоше,
А све зборе за јунаштво:
Колико су главахъ одкинули,
Колико су узели пљеновах.

При этомъ не обходится безъ анекдотовъ и шутокъ на чей-нибудь счетъ.

Такъ, разсказываютъ о нѣкоемъ М., извѣстномъ хвастунѣ и лгунѣ. Заспорилъ онъ съ другимъ, кто изъ нихъ въ послѣднюю войну *посѣкъ* того-то турка. Чтобы придать больше убѣдительности своему разсказу, М. приводитъ такую подробность, какой его противникъ не могъ представить. «Догналъ я турчина,— говоритъ онъ,—а онъ видитъ, что нѣтъ спасенія, самъ нагнулъ голову и крикнулъ: «Э, М.! посјеци ме јуначки!»

Всѣ, конечно, ударились въ смѣхъ, потому что, откуда могъ знать его имя турокъ?

Турокъ настигъ одного пѣшивца, хватаетъ его за плечо и кричитъ: «Стој, влаше, ти си мој!» А тотъ, растерявшись, турку: «Бре, турчине ја сам твој!» вм. ти си мој.

Былъ въ Пиперахъ Илія Дьюричинъ, никогда не отличившійся ни въ одномъ бою; такой же былъ у него и сынъ Раде; а такому и въ своемъ домѣ не даютъ почета, и потому онъ только пасъ стадо. Вотъ однажды онъ забрался въ пещеру, какихъ много по берегу Морачи, и начинаетъ тамъ представлять примѣрный бой. Держитъ онъ палку, какъ ружье; будто взводитъ курокъ и спускаетъ; и все кричитъ сначала рѣдко: «тан!... тан!»... потомъ все чаще и чаще: «тан-тан-тан!»... и храбритъ самъ себя: «А Илија, јуначки! а удри, Илија! а Раде, (сынъ) у помоћ! заскочише Илију! а не дај, Раде! тан-тан-тан! А Илија! посјече Илија! Аферим ти, јуначки Илија!» И такъ это продолжалось съ часъ и болѣе. А случилось въ это время проходить тутъ перянику, возвращавшемуся изъ Цетинья, тоже пиперу. Услышавъ эти крики, онъ подошелъ къ краю пещеры и сверху слушаетъ все, что тамъ происходитъ. Какъ вдругъ раздается крикъ: «Куку мени!» А перяникъ сверху: «Што се догоди?» — Погибе Илија! — отвѣчаетъ тотъ, увлекшись воображеніемъ до совершеннаго забвенія дѣйствительности.

Курьезы бываютъ на судбищахъ передъ княземъ.

Такъ, батальонный командиръ представилъ князю одного войника, какъ самаго лучшаго въ его батальонѣ, за что онъ и былъ отличенъ медалями и крестомъ. А потомъ тотъ войникъ отказалъ въ чемъ-то командиру. Командиръ, разсердившись на него, представляетъ въ другой разъ, какъ самаго плохого. Началась тяжба; предстали они оба передъ княземъ, и войникъ обращается къ нему: «Господару! знаш-ли, како он је зборио за мене прије?» — Знам, — отвѣчаетъ князь, — као о најбољем. — «А што збори сад?» — Као најгорем. — «Нека он каже, господару, кад он је тебе лагао, сада или прије?»

Другой командиръ напалъ на своего войника со словами: «Знаю я тебя! когда былъ бой, ты все по ямамъ прятался». — «Хорошъ-же и ты значитъ, когда все время былъ со мной»!

Раздавали медали и кресты; при этомъ не досталось ничего одному, который считалъ себя лучше многихъ другихъ, получившихъ эти знаки отличія. Является онъ съ тою же жалобой къ князю, который въ то время сидѣлъ подъ извѣстнымъ вязомъ; а вокругъ стояли чиновники, перяники и остальной народъ. Выслушавъ обиженнаго, князь говоритъ ему: «Ну, покажи хоть одного изъ стоящихъ здѣсь, который носитъ ордена, а хуже тебя». Посмотрѣлъ онъ и видитъ, что все чиновники и воеводы, люди заслуженные; перяники — тоже избранные; одинъ только человѣкъ, не старый еще, но худенькій и вообще невидный, какъ-то съежился подъ своею старою струченкой и стоитъ скромно, смотритъ убого, а на груди медали и кресты. «Да ужъ во всякомъ случаѣ я лучше вотъ этого!» — сказалъ онъ, показавъ на того невзрачнаго человѣка. А это былъ извѣстный барьяктаръ изъ озриницкаго батальона Новакъ Рамовъ, весь израненный, съ изломанными руками, которыми и не владѣетъ хорошо, но барьякъ ни въ чьихъ рукахъ не стоитъ тверже, какъ въ рукахъ Новака Рамова.

Богатство фантазіи черногорцевъ сказывается въ снахъ, которые они любятъ разсказывать и толковать ихъ значеніе. Сны эти отличаются необыкновенною сложностью содержанія и поэтичностью. Къ сожалѣнію мы не могли записать ни одного.

Мы видѣли, какія исторіи черногорцы сочиняютъ въ своей генеалогіи, чтобы привести свой родъ въ связь съ какимъ-нибудь знаменитымъ именемъ. Прибѣгаютъ они къ сочиненію подобныхъ исторій и съ цѣлью подвести кого-нибудь и даже погубить, и достигаютъ этой цѣли. Тутъ мы встрѣчаемся иногда съ такою интригой, какая удивительна при простотѣ и несложности черногорской жизни; и изъ того возникали уголовныя дѣла.

Приведемъ здѣсь одинъ такой случай, въ которомъ однако главнымъ образомъ проявляется съ одной стороны остроуміе, а съ другой глупость, и послѣдняя получаетъ справедливое и безобидное возмездіе.

Поставилъ князь капитаномъ въ Морачѣ человѣка, который совсѣмъ не годился для такого мѣста, а еще меньше между морачанами, про которыхъ сами черногорцы говорятъ, что они «јогунасти људи», т. е. такіе, съ которыми трудно справиться. Отправляется по этому поводу депутація къ князю отъ всего народа, и во главѣ ея нѣкто В., человѣкъ умный и пользующійся вообще народнымъ расположеніемъ. Приходятъ они на Цетинье къ князю и говорятъ, что ихъ послалъ весь народъ просить объ удаленіи того капитана, потому что онъ глупъ, и народъ его не терпитъ.

«Что-же онъ сдѣлалъ глупаго?» — продолжаетъ князь. Да онъ и не можетъ ничего сдѣлать ни глупаго, ни умнаго, потому что никто къ нему нейдетъ и никто его знать не хочетъ. Вјеруј, господару, нема он у глави више, *но брав* (баранъ), — настаиваетъ депутація.

Это было уже дерзко, и князь, разсердившись, сказалъ рѣшительно: «Не мичем га, док *не проблеје*» т. е. проблеетъ, какъ баранъ. Это было просто фигуральное выраженіе, которымъ устранялась всякая возможность его удаленія, какъ превращеніе человѣка въ барана.

Воротились они и сами-же сообщаютъ капитану, какая участь постигла ихъ миссію, и капитанъ повеселѣлъ.

Но къ нему опять никто ни съ чѣмъ нейдетъ, и онъ вѣчно остается одинъ; положеніе тяжелое. Только разъ приглашаютъ его въ одинъ домъ на *сѣдникъ*, провести вечеръ.

Онъ пошелъ съ радостью. Было тутъ пѣнье юнацкихъ пѣсенъ «уз гусле»; молодые плясали и забавлялись; люди постарше сидѣли, вели разговоры, попивая кофе и покуривая трубки; а потомъ предложили игру «на цикаре» или «козе» (см. выше, т. II, ч. 1 стр. 749—50), въ которой участвуютъ всѣ; участво-

валъ и капитанъ. А въ этой игрѣ выигравшая партія назначаетъ проигравшей различныя вещи: быть монахомъ и исповѣдывать всѣхъ, продавать что-нибудь, пропѣть, проплясать и т. д.

Капитанова партія проиграла и ему назначено было, чтобы онъ три раза *проблеjао*, т. е. проблеялъ, какъ баранъ. Собственно въ этомъ обиднаго ничего нѣтъ; а отказъ невозможенъ, потому что онъ можетъ повлечь за собою послѣдствія серьезныя: самое малое, изобьютъ и опозорятъ, а то и пулю всадятъ, если разгорячатся.

Выходитъ капитанъ на середину избы и кричитъ: «Бе»!..—И еще разъ—требуютъ отъ него; онъ въ другой и въ третій разъ. «Jе-ли капетан проблеjао»?—спрашиваетъ одинъ. «Jест»!—отвѣчаютъ всѣ. «Jе-ли сва три пута»? — Jесте, сва три пута.

И тѣмъ дѣло кончилось; всѣ разошлись по домамъ; а В. на другой день отправляется на Цетинье и является къ князю съ прежнимъ. «Я сказалъ вамъ, что не смѣню его,—отвѣчаетъ князь,—и не смѣню»!—Не, господару, ти ниjеси тако рекао,—отвѣчаетъ В.—«Да, я добавилъ, *док не проблеjе*».—Ал' он jе проблеjао, господару,—отвѣчаетъ В. и разсказываетъ все, какъ было. «Ну, если такъ,—рѣшилъ князь,—то, значитъ, онъ глупъ»—и смѣнилъ.

Это характерно, какъ фактъ изъ народной жизни, и въ тоже время рисуетъ простыя отношенія между княземъ и народомъ, и было недавно. Но въ настоящее время это невозможно: теперь другія времена и другіе нравы; теперь нѣтъ уже мѣста такому прямому проявленію народнаго характера.

Остроумный разсказъ или шутка называются *досjетка* и человѣкъ *досjетлив*, остроумный, догадливый, который всегда найдется, что̀ отвѣтить, а также и придумать что-нибудь интересное, шутливое и веселое, и такіе люди особенно любимы въ обществѣ. И это большею частью люди очень серьезные и невеселые.

Такъ, идутъ вмѣстѣ Пеко Павловичъ, извѣстный юнакъ, а послѣ воевода; Перо Сердаревичъ, тоже заслуженный человѣкъ,

капитанъ надъ перяниками, и еще одинъ, совсѣмъ плохой. Но, идя съ такими людьми, онъ и себя чувствуетъ выше. Остановились они гдѣ-то по дорогѣ отдохнуть; сѣли и закурили трубки; а этотъ и говоритъ: «Ево нас три Вука»! напоминая тѣмъ знаменитыхъ Вуковъ Томановича, Марковича и Бояновича, ходившихъ вмѣстѣ въ четованье; да и воообще человѣка храбраго называютъ *вук*.

На это Пеко: «А и волки бываютъ различные: есть *вук-гаров*, который кидается на стадо и, не смотря на собакъ, беретъ свое и уноситъ; другой *чуħало:* онъ подкрадывается со страхомъ, выжидаетъ благопріятную минуту и тоже уноситъ овцу; а третій *пожмиреп*, который, только залаютъ собаки или покажется человѣкъ, подожметъ хвостъ и удираетъ безъ оглядки».

Кто-же изъ насъ какой?—спрашиваетъ тотъ.

«Я — отвѣчаетъ Пеко — *гаров;* Перо — *чуħало*, а ты — пожмиреп».

Тотъ умолкъ и больше уже не похвалялся.

Одинъ цуца, отправляясь на Цетинье, проситъ у другого капицу, потому что его собственная старая и затасканная. «А тебѣ куда идти»? — спрашиваетъ онъ. — На Цетинье. — «Ну, такъ иди въ старой,— продолжаетъ онъ,— а какъ только пройдешь Байцы (первое село на Цетинскомъ-полѣ), ты её скинь и спрячь подъ мышку; все равно приведется идти безъ шапки, потому что долженъ будешь скидать её передъ господами, а господа тамъ на каждомъ шагу».

Господъ съ того времени стало еще больше; но легче въ томъ отношеніи, что шапку уже не скидаютъ, а отдаютъ честь по-военному, прикладывая только руку подъ капицу.

Когда строилась дорога отъ Котора до Цетинья (въ 1879 г.), случилось тутъ проходить извѣстному Груѣ Богданову изъ Цуцъ. Видя по всей дорогѣ массу народа и узнавъ, что за все это платится, онъ замѣчаетъ: «Велика-ли пара овђеп ради, Богу фала!

а који то издаје толико грдан новац»? — Машо Врбица, — отвѣчаютъ ему. «Фала Богу, на дугачак-ли уривак пушта њега господар, да се напасе»! Другими словами: Какая большая свобода дана этому человѣку, который въ народѣ былъ извѣстенъ за ловкаго плута.

Все, что выходитъ изъ ряда вонъ, черногорецъ сопровождаетъ какимъ-нибудь замѣчаніемъ и въ старое время онъ не стѣснялся въ этомъ случаѣ ни высокимъ саномъ того, на счетъ котораго онъ дѣлалъ замѣчаніе, ни другими его достоинствами.

Такъ, владыка Петръ II отличался красотой и высокимъ ростомъ, чѣмъ въ первой молодости онъ, можетъ быть, и рисовался.

Случилось ему быть гдѣ-то въ Цуцахъ, когда тамъ собралось много народу подъ высокимъ ясеневымъ деревомъ. Всѣ большею частью сидѣли на землѣ; а владыка сталъ подъ деревомъ и одною рукой держался за вѣтку выше своей головы, отчего казался еще выше.

Тогда одинъ старецъ смотрѣлъ-смотрѣлъ и не вытерпѣлъ, чтобы не замѣтить: «Боже мој, колико-ли висок порастао! ни највећи јарац (козелъ) не би могао дофатити».

Другіе постарались это замѣчаніе замять, поворотивъ вообще на высокихъ людей изъ рода Петровичей; но владыка, не обижаясь, понялъ его и перемѣнилъ позу.

Цеклинянъ прозвали *голоногими* за то, что они носятъ доколѣнницы, плотно обхватывающія ногу, и осуждаютъ за ихъ щегольство въ одеждѣ. Не одобряя неряшества въ женщинѣ, ставя ей въ одно изъ достоинствъ, если «чиста, паћ», они особенно заботящейся объ томъ замѣчаютъ: «гладикоси — јагњад овце посу».

Бережливость и экономія, конечно, добродѣтели, а самъ черногорецъ въ обычной жизни воздерженъ и экономенъ; а въ особенные дни, какъ «крсно име» или пріемъ дорогого гостя, онъ не жалѣетъ ничего. У турокъ они этого послѣдняго не находятъ, и разсказываютъ, какъ одинъ турокъ, желая пороскошничать, ве-

лѣлъ положить въ чорбу (супъ) цѣлое яйцо и оттуда поговорка: «Е, кад се jиjе, нек' иде цjело jаjе у чорбу»!

Еще больше достается сербамъ подгоричанамъ, которые только бережливостью и могли пріобрѣсти что-нибудь; да передъ турками и должны были прикидываться бѣдняками. Эта ихъ бережливость черногорцами возводится въ скупость, на счетъ которой и сочинили разсказы.

Разсказываютъ, какъ шестеро подгоричанъ торговцевъ прибыли куда-то и купили себѣ для обѣда каждый по одному легкому; а варить должны были въ одномъ котлѣ. Тогда они, чтобы не смѣшать ихъ, каждый свое держалъ за выходящее изъ него горло; другіе-же говорятъ, что каждый навязалъ особый значекъ, но что потомъ спутались, и изъ того вышла великая ссора.

Въ лавку *туфекджіи* (ружейный мастеръ) забралась собака и съѣла 7 окъ масла, которое онъ купилъ для дома и оставилъ тамъ. Захвативъ собаку, онъ ущемилъ её въ рабочіе тиски и выжалъ изъ нея 9 окъ.

Въ отместку женамъ, укоряющимъ мужей въ питьѣ, мужья сочинили и про нихъ.

Такъ, приходитъ женщина въ корчму и спрашиваетъ: «Имате-ли што попити меко»? Ей предлагаютъ мягкой ракіи, сливовицы, ликера, ципра (кипрское вино), — все не по ней; а потомъ она спрашиваетъ: «Имате-ли рума»? который, конечно, крѣпче всего, что ей предлагали.

Или жалуются нѣгушскія женщины: «Камено ти женско пиће (т. е. очень мало имъ даютъ)! двиjе жене три конате (равняется боцѣ, или двумъ окамъ); даj, капетане, jош по боце»!

Изъ этой склонности и умѣнья подмѣчать въ человѣкѣ какія-нибудь слабыя стороны или вообще выдающіяся его свойства проистекаетъ множество прозвищъ, которыми совершенно замѣняются имена, данныя при крещеніи, какъ: Мргуд, Цото, Цикавац, Шкрњо, Зеко, Мркан, Чупа, Грмуша, Кеба, Кокпа и т. п.

Важнѣйшія опечатки и мелкіе авторскіе недосмотры.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
Введеніе.			
I	10 св.	пѣснѣ	типѣ
6	13 св.	стр.	ст.
—	17 »	—	—
8	1 »	падбаци	подбаци
45	1 сн.	1850	1750.
49	2 »	подпаденія	паденія
51	16 св.	его. Также	его, а также
55	11 »	совладавши съ непріятелемъ	совладавши непріятеля
103	5 »	калу	каду
111	2 »	Дьиковичъ	Дьиновичъ
—	12 »	Калашинъ	Колашинъ
165	5 »	примиренія	примиреніе
—	10 сн.	обряды	обычаи
169	8 »	бадњорицами	бадњарицами
171	14 св.	срећо	срећа
176	10 »	съ	въ
183	13 »	једногадишници	једногодишници
192	1 сн.	выворочен-	вывороченныя
196	3 св.	глуцва	глува
—	7 »	перковь	церковь
198	1 »	воскресење	васкресење
200	10 »	и тамъ. Собственно	и тамъ, собственно
201	11 »	падне	подне
227	3 »	на	по
231	15 »	Дунило	Дупило
—	4 сн.	Александра Невскаго	Александра
239	9 »	раслапчевичи	Раслапчевичи
—	2 »	Косово-поля	Косова-поля
241	12 св.	Дальняго—	Дольняго—
243	15 сн.	пѣсни	пѣньѣ
244	9 св.	сторону,	сторону;
261	7 »	има дне	имадне
278	1 »	Б	б
—	6 »	времи	время
—	15 сн.	аро	оро
279	10 св.	больше	больше,
280	14 »	деверямъ	деверями

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
283	7 сн.	тамію	шамію
294	5 св.	б.	в.
299	8 сн.	в	г
305	13 св.	пригоницы	приганицы
306	17 »	крештени	крштени
319	13 сн.	тужбаницъ	тужбалицъ
327	11 »	мучи-с».	мучи се
341	4 »	или	ими
392	12 »	нниведеноj	наведеноj
409	14 св.	шета	штета
416	4 сн.	позываетъ	ссылается
418	11 »	Никола	Милошъ
420	15 св.	умѣнію	имѣнію
450	11 сн.	*находили*	*находи-ли*
468	14 св.	камнемъ	пальцемъ
469	11 »	*виље*	*биље*
494	2 »	Силдеревца	Смедеревца
503	4 сн.	войти	пойти
505	9 св.	калошу	холошу (штанину)
514	15 »	пѣсенъ.	пѣсенъ. 1).
524	10 »	дасе	да се
527	16 »	otto	atto
—	18 »	spago	sfago
530	1 »	Махомутъ	Махмутъ
537	6 »	Вртіельской	Вртіелькой
538	13 сн.	чабанъ	чобанъ
542	6 св.	воду» *углевље*)	воду углевље»
—	16 »	сочуваj	сачуваj
565	6 »	*гловица*	*гаовица*
578	2 сн.	вставленнаго	оставленнаго
582	10 св.	Валуђерова	Калуђерова
585	8 сн.	ему	ели
593	12 »	твого	твога
604	8 »	та	те
605	5 св.	оскренуо	окренуо
—	7 »	липсало: А	липсало; а
—	8 »	гледоj	гледаj
618	15 сн.	бес	без
—	2 »	наката	ноката
621	1 св.	тимисли	ти мисли
623	13 сн.	бухо	буха
624	11 »	код	кад
638	4 св.	что	то
645	5 сн.	а	и

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXIX, № 2.

ИСТОРІЯ

о

КАЗАНСКОМЪ ЦАРСТВѢ

(ЕЯ СПИСКИ).

Г. З. Кунцевича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

„Исторія о Казанскомъ царствѣ". (Ея списки).[1]

«Исторія о Казанскомъ царствѣ», или т. н. Казанскій лѣтописецъ, была напечатана въ 1791 г. подъ слѣдующимъ названіемъ: «Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія, по двумъ старинным спискамъ. Въ С.-Петербургѣ, Иждивеніемъ Императорской Акад. Наукъ 1791 года». (Стр. 4 + X + 263)[2].

Какъ можно видѣть уже изъ «Предувѣдомленія» къ печ. изданію, на «Исторію о Казанскомъ царствѣ» было обращено вниманіе «любителей Исторіи»[3]) еще въ XVIII в.

Дѣйствительно, въ «Опытѣ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ, сочиненномъ Петромъ Рычковымъ, Статскимъ Совѣтникомъ, Санкпетербургской Императорской Академіи Наукъ Корреспондентомъ и Вольнаго Экономическаго Общества Членомъ (въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1767 г.)» на стр. 66 читаемъ: «Глава четвертая. О началѣ города Казани. — Сочи-

---

1) Часть этой статьи была читана въ И. О. Л. Д. П. 11 дек. 1898 г.

2) Въ концѣ «Предувѣдомленія» (стр. 4): «Э. С. — Въ Москвѣ 1790 г., октября 10 дня».

3) «Предувѣдомленіе» стр. 1: «О Казанскомъ царствѣ и о покореніи онаго Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ хотя и въ особой книгѣ, подъ заглавіемъ, *опытъ Казанской Исторіи древнихъ и среднихъ временъ сочиненъ Петромъ Рычковымъ въ С.-Петербургѣ при Импер. Академіи Наукъ 1767 г.*, въ 8, напечатанной, какъ и въ Скиѳской Исторіи Андрея Лызлова, въ 1-й части довольно пространно повѣствуемо; однакожъ любителямъ Исторіи не непріятно будетъ читать Исторію онаго царства неизвѣстнаго сочинителя. . .».

нитель прежней Казанской исторіи въ первой главѣ объявляетъ, что о началѣ Казанскаго царства въ Россійскихъ лѣтописцахъ ничего онъ не нашелъ; . . . .» Къ слову «исторіи» Рычковъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Съ прежней Казанской Исторіи или лѣтописи имѣю я у себя разные списки въ разныя времена полученные, изъ которыхъ полнѣйшій сообщенъ мнѣ послѣ всѣхъ, отъ господина Коллежскаго Совѣтника, Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Члена и Исторіографа Миллера. Содержитъ онъ въ себѣ 91 главу, и продолженъ по взятье города Казани Царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Штиль въ немъ старинной схожъ съ церковнымъ, и внесено въ него много такихъ вещей, которыя къ Исторіи гражданской существенно не принадлежатъ. Прочіе списки такого жъ штиля и содержанія; видно, что учинены изъ одного подлинника съ нѣкоторыми изъятіями и прибавленіями. Сочинитель оной исторіи нигдѣ не показалъ своего имени, но только объявляетъ о себѣ, что онъ взятъ былъ въ полонъ, отведенъ въ Казань, и тамъ подаренъ былъ Царю Сафагирею, у котораго былъ онъ при дворѣ его въ почтеніи и въ близости 20 лѣтъ и имѣлъ случай о всемъ освѣдомляться. По взятіи жъ Казани вышелъ онъ къ Царю Ивану Васильевичу, который обратилъ его паки въ христіанство, и пріобща къ святой церкви, далъ ему для пропитанія землю. Въ послѣдованіи сего опыта, всѣ оные списки случая буду считать за одинъ, и стану изъ нихъ сокращать и вносить здѣсь одно то, что покажется мнѣ вѣроятнѣе, достойнѣе примѣчанія, и съ нынѣшнимъ состояніемъ сходственнѣе, раздѣляя оное на главы по сходству приключеній и времени. Что жъ касается до описанія Лызлова о Казани, вмѣщеннаго въ Скискую его исторію (часть 3), то, понеже онъ писалъ въ лѣто 1690, чему немногимъ болѣе 70 лѣтъ, и какъ видно большая часть взята у него изъ предъозначенной исторіи, кою для преимущества ея въ годахъ должно предпочесть; для сего буду изъ него включать здѣсь тѣ только обстоятельства, кои ко объясненію той исторіи востребуются» (указ. соч. стр. 66—68).

Уже изъ приведенныхъ словъ П. Рычкова можно видѣть, что исторіографъ Г. Ф. Миллеръ интересовался такъ называемымъ Казанскимъ лѣтописцемъ. Яснѣе на это указываютъ нѣкоторыя бумаги Миллера, именно въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ портф. № 347(19) Г. Ф. Миллера находится: «Historiae Casaniae commentarius, ex vetusto volumine exceptus, de origine Casaniae, на 6 лл.» (См. Труды IV Археолог. съѣзда въ Казани въ 1877 г., т. II. Казань, 1891. Приложенія. «Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губ. и хранящихся въ Моск. Главн. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его библіотекѣ» Н. О. Токмакова, стр. 294: «Портфели исторіографа Г. Ф. Миллера. Портф. 19» [1]).

«Commentarius» — сокращенное изложеніе части «Исторіи» съ нѣкоторыми добавленіями Миллера, напр. на л. 5: (по поводу пораженія русскихъ у Казани въ вел. княженіе Вас. Ив.) «ut hic nobis Casanici campi idem sint quod olim Romanis Cannae».

Въ Моск. же Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ портфеляхъ проф. Кера [2]) значится (портф. 17, см. Труды IV Арх. съѣзда, Сборникъ и указатель Токмакова, стр. 296): «De origine Kazani eoque per Russos destructo». Не скрывается ли и здѣсь пересказъ «Исторіи»? Къ сожалѣнію, указаннаго портфеля подъ означеннымъ номеромъ въ 1897 году не нашлось.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Карамзинъ въ И. Г. Р.

---

1) Въ 1897 г. онъ значился подъ № 347, подъ какимъ и былъ выданъ.

О рукописи «Исторіи» Миллера см. еще Н. Барсукова. Рукописи Археографической Коммиссіи. Спб. 1882 г. стр. 4—5. Говоря здѣсь о рукоп. Археографич. Коммиссіи № 16, г. Барсуковъ добавляетъ: «Рукопись доставлена въ Археограф. Комм. графомъ Д. Н. Блудовымъ, при отношеніи отъ 14 мая 1844 года. Не есть ли это та же самая рукопись, которая нѣкогда принадлежала исторіографу Миллеру? (Рычковъ, «Опытъ Казанской исторіи. Спб. 1767 г.», 8⁰, стр. 66—67)».

2) Георгій Яковлевичъ Kehr (1692—1740 г.) — первый въ Россіи оріенталистъ. Біографію его написалъ М. Шуваловъ въ «Сборникѣ Моск. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ», вып. V. М. 1893. — Энциклоп. словарь, издав. Ф. А. Брокгаузомъ и И. А. Ефрономъ. Спб. 1895, т. XV.

воспользовался «Исторіей», при чемъ отнесся къ ея свидѣтельствамъ весьма скептически, напр. про извѣстія «Исторіи» о походѣ подъ Казань 1547 г. Карамзинъ говоритъ: «*Это басня*» (И. Г. Р., изданіе Эйнерлинга, т. VIII, пр. 211). Еще, въ прим. 236 того же VIII т. находимъ: «Казан. Лѣт. *баснословитъ*, что Алей хотѣлъ тогда жениться на Сююнбекѣ. . . .» См. также И. Г. Р., т. V. 25, пр. 40, 289; VI. 99; VIII, пр. 150; 218, 222, 237, 245, 327. (Мѣста указаны по «Ключу» П. Строева. Спб. 1844) [1]).

Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія (1810 г.) Казанскій Университетъ началъ снова издавать въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» (ч. IX, стр. 101 и слѣд.) «Исторію» (См. Казан. губ. вѣд. 1852, № 15. Ч. неофиц., стр. 150 въ статьѣ «М. С. Рыбушкинъ и его Исторія Казани» [2]).

«Исторіей о Казанскомъ царствѣ» интересовался и графъ Н. П. Румянцевъ. 2-го октября 1821 г. изъ Гомеля онъ писалъ между прочимъ Малиновскому: «Въ одной Нѣмецкой библіотекѣ одинъ изъ моихъ пріятелей отыскалъ русскую рукопись о взятьи царства Казанскаго, и прислалъ копію съ большей части ея оглавленій; я здѣсь, Милостивый Государь мой, къ Вамъ ее препровождаю, прося Васъ приказать сіе оглавленіе сличить съ разными уже напечатанными извѣстіями о Казанскомъ взятьи; въ этомъ оглавленіи видно, что рукопись не однѣ дѣла о Казани содержитъ, и худая моя память мнѣ не рѣшительно напоминаетъ, что нынѣ желаемое мною сличеніе было уже сдѣлано, не помню,

---

1) Ср. «Исторія Россіи съ древнихъ временъ». Изд. 1-е Товар. «Обществ. Польза», кн. I, т. V, стр. 1581, пр. 1: «......Во всякомъ случаѣ, извѣстія Герберштейна заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ извѣстія Сказанія, источника очень мутнаго».... И еще тамъ-же стр. 1638, пр. 1: «.....нѣтъ никакой нужды вмѣстѣ съ авторомъ высокопарнаго Сказанія о Землѣ царства Казанскаго подозрѣвать Бѣльскаго опять въ подкупѣ; вообще мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться этимъ слишкомъ мутнымъ источникомъ».

2) Въ Имп. Публ. Б. нѣтъ ни одной части «Казанскаго Вѣстника»; въ библ. Акад. Наукъ нашлось лишь нѣсколько отдѣльныхъ частей его, въ одной изъ которыхъ (ч. X) я увидѣлъ текстъ «Исторіи», продолженіе. — Изданіе не окончено: см. Казанск. Губ. вѣд. 1856, № 36, стр. 278.

Вами ли или инымъ кѣмъ, и что рукопись почтена была за неважную; когда для сличенія Вамъ списокъ уже не понадобится болѣе препровождаемой съ оглавленія, прошу мнѣ его возвратить.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.» (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. росс. 1862, кн. 1 «Переписка государств. канцлера графа Н. П. Румянцева съ Московскими учеными. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ Е. В. Барсова. Ко дню 50-лѣтняго юбилея Румянц. Музея». Стр. 196. Письмо № 210).

23 октября того же (1821) года Калайдовичъ уже писалъ (Малиновскому): «Исполняя волю Его Сіятельства Государственнаго канцлера, честь имѣю отвѣтствовать, въ разрѣшеніе вопроса объ Исторіи Великаго Царства Казанскаго, хранящейся въ рукописи въ Берлинской Королевской библіотекѣ: та ли эта исторія, которая извѣстна по печатному въ С.-Петербургѣ изданію 1791 года? Та самая. Несходство въ числѣ и оглавленіи главъ составляетъ только отличія въ спискахъ впрочемъ одинаковаго содержанія. Вчера я имѣлъ случай сіе повѣрить по рукописямъ графа Ѳ. А. Толстова. Въ одномъ изъ таковыхъ списковъ, принадлежащихъ Его Сіятельству, находится 92 главы, одною болѣе противъ изданнаго. Сочинитель Казанской Исторіи есть священникъ Іоаннъ Глазатой. При семъ имѣю честь возвратить Вашему Превосходительству описаніе Берлинской рукописи». (тамъ же, стр. 340. Письмо № 388). Въ дополненіе къ этому отвѣту Калайдовича можно указать, что въ «реэстрѣ бумагамъ и книгамъ К. Ѳ. Калайдовича» значится: «49. «Его же (т. е. Калайдовича), объ исторіи Казанскаго царства»[1]). (См. Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Др. рос. 1862 г., кн. 3. «Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности». Стр. 203).

---

1) Ив. Аѳ. Бычковъ обязательно указалъ мнѣ, что этого № бумагъ Калайдовича нѣтъ въ Имп. Публ. Б., равно какъ не поступали и нѣкоторыя другія его бумаги.

Наконецъ, въ Лѣтописяхъ занятій Археографической Коммиссіи (вып. VII, за 1878—81 г. Спб. 1888, отд. IV, стр. 8; вып. VI, 11) находимъ указаніе, что Археографическая Коммиссія «возлагала на А. Е. Викторова порученіе» издать т. н. Казанскій лѣтописецъ; но «по причинѣ разстроеннаго здоровья» А. Е. Викторовъ не нашелъ возможнымъ исполнить это порученіе «въ близкомъ будущемъ», и возвратилъ въ Археографич. Коммиссію выписанныя изъ разныхъ библіотекъ рукописи (Имп. Публ. Библ., Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, Спб. Дух. Акад., Археогр. Комис.).

По этому случаю «опредѣлено: списки Казанскаго лѣтописца, принадлежащіе Имп. Публ. Библ., возвратить по принадлежности; остальные хранить въ Коммиссіи. Объ изданіи же этого лѣтописца возобновить сужденіе въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Коммиссіи» (Лѣт. зан. вып. VII, стр. 8). Но въ позднѣйшихъ выпускахъ «Лѣтописей занятій Арх. Комм.» (VIII, IX и т. д.), сколько могъ замѣтить, нѣтъ слѣдовъ того, чтобы изданіе снова было поручено другому лицу.

Такимъ образомъ можно видѣть, что «Исторіей» интересуются уже давно и отдѣльныя лица и цѣлыя учрежденія.

Обратимся теперь къ самимъ спискамъ «Исторіи».

Еще А. Е. Викторовъ въ описаніи рукописей И. Д. Бѣляева замѣтилъ, что «по разнымъ нашимъ библіотекамъ списковъ этого памятника найдется болѣе сотни». («Моск. Публичный и Румянц. музей. Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева. А. Викторова. Издано къ 50-лѣтнему юбилею Рум. музея. М. 1881», стр. 7. — Ср. «Описаніе памятниковъ славяно-рус. литературы, хранящихся въ Публ. библіотекахъ Германіи и Франціи, со снимками изъ рукописей. Составлено Сергіемъ Строевымъ. Издалъ Павелъ Строевъ. М. 1841», стр. 95: Казан. губ. вѣд. 1844, № 15: «I. Исторія. Нѣчто для исторіи Казани (Статья А. И. Артемьева)», стр. 225.

Мнѣ болѣе или менѣе извѣстно до сихъ поръ 152 списка «Исторіи»; но я увѣренъ, что, если хорошо поискать во всѣхъ

нашихъ библіотекахъ, общественныхъ и частныхъ, найдется еще не одинъ десятокъ списковъ. При отсутствіи каталоговъ и какихъ бы то ни было указаній, иногда совершенно случайно наталкиваешься на списки «Исторіи» тамъ, гдѣ ихъ и не предвидѣлъ. (Указаніе списковъ «Исторіи» см. у С. М. Шпилевскаго. Древніе города и болгарско-татар. памятники въ Казанской губ. Отдѣльно и въ Извѣстіяхъ и Учен. Зап. Казан. Унив. 1877, № 6. Стр. 552—6 (указано вмѣстѣ съ отрывками 57 списковъ). См. еще В. С. Иконникова. Опытъ русск. исторіографіи. Стр. 728, 741, 786, 855, 887, 890, 931, 951, 1001, 1007, 1038, 1045, 1046, 1092, 1156, 1210, 1245, 1309.

Теперь списки «Исторіи», сколько мнѣ извѣстно, хранятся:

I. С.-Петербургъ.

а) Имп. Публ. Библ.: 11 списковъ изъ древлехранилища Погодина (см. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1852 г. Спб. 1853, стр. 33—34), именно: 1) Погодинъ [1]) № 1478, 4 д. л., 201 л. Рукопись состоитъ изъ двухъ частей: 1 ч. — л. кг (sic) — мѕ писана скорописью, размашистой, весьма отличной отъ скорописи 2-ой ч. Повидимому, эта 1-я ч. рукописи взята изъ другой рукописи и пришита. Начинается 1-я ч. Хожденіемъ Богородицы по мукамъ. 2-я часть рукоп. нѣчто цѣльное [2]). Скоропись весьма старательная, заглавіе «Исторіи» — киноварью и первыя 5 словъ его вязью: «Книга глаголемая исторія о Казанскомъ црствіи. Сказания вкрацѣ ѿ началѣ црства казаньскаго. Како и ѿкꙋды и в которыя лѣта начаса. И [3]) ѡ побѣдаˣ великиˣ кнзеи москоскихъ с цармы казаⁿскими и ѡ взятиі црства казаⁿского. Блговѣрнымъ цремъ і великимъ кнземъ Іваноᵐ васиˡевичемъ всея великия росия самодержьцѐ». — Нач. «Красныя ꙋбо й по-

---

1) Такъ какъ въ Отчетѣ И. Публ. Библ. не указаны номера рукописей и описанія ихъ нигдѣ нѣтъ, то я рѣшаюсь привести здѣсь нѣкоторыя свои замѣтки.

2) Сверху болѣе поздней, чѣмъ письмо, рукою, выставленъ счетъ лл. славянскими буквами, отдѣльно отъ 1-ой части рукописи.

3) Доселѣ киноварь.

выѧ повести сея достойтъ на радостно» и т. д. Оглавленія отдѣльнаго нѣтъ. (Сзади уже на современной нашей бумагѣ пришито оглавленіе (74 главъ), писанное рукой нынѣшняго вѣка). На послѣднемъ же бѣломъ л. рукописи: «доставлена Димитр. Вознесенскимъ 1840 г. дек. 22 дня». Въ верху этой же стр.: «Твер. семинаріи проф. Ивана Головина». Въ текстѣ всѣ оглавленія и счетъ главъ киноварью. Сравнительно съ печ. изд. нѣтъ послѣд. главы о «чудѣ о водѣ св. Никиты». На корешкѣ переплета рукописи пожелтѣвшій ярлычекъ: «Исторія Казани XVII в.».

2) Погодинъ № 1479. 4 д. л., 202 л. На корешкѣ переплета рукоп.: «Казанская исторія XVII в.» Скоропись старательная, первой половины XVII в. Въ концѣ рукоп. 2 л. вырвано. Въ текстѣ «Исторіи» ра глава. (Отдѣльнаго оглавленія нѣтъ). Кончается «Исторія» разсказомъ о поставленіи 10 церквей на Москвѣ, въ томъ числѣ и церкви Василія Блаженнаго, «в лѣто ҂зѯп мца ѡктября в аде». Внизу, по лл.: «Сия книга лѣта рѯе году мца марта в здень купил сию книгу исторѣю казанскую чебоксар своее(?) ѿ ступитского двча никоlского мтырѧ пѡ алеѯѣи михаилов снъ а по рѣлу пушкарев во градѣ казани на торгу а подписал сию книгу по наказу отца своего попа алеѯѣѧ спишко его Сенка в топж денъ». (Нумерація листовъ позднѣйшая; но древней рукой внизу, славянскими цифрами, счетъ тетрадей).

3) Погодинъ № 1480. 4 д. л., 283 л.; скоропись, довольно небрежная, первой половины XVII в. Оглавленія нѣтъ. Начало и конецъ, какъ въ печ. изд. Заглавіе черными чернилами въ родѣ вязи: «Книга глаголемая історія [1]) ѡ казанскомъ црьствіі Сказание вкратце ȏ началѣ црства казанского ӥ ȏ брани ӥ ȏ побѣдахъ великихъ кнзеі московскихъ со црьми казанскими и ȏ взятіі црства казанского». Сзади, на послѣднемъ листѣ: «рмȏ августа в кде продал сию книгу казанское взяте челобитного приказу подячій михаило яковлев снъ власовъ подписалъ своею рукою».

---

1) Доселѣ родъ вязи.

4) Погодинъ № 1481. 4 д. л., 207 л. Скоропись, XVII в., старательная и разборчивая. Рукопись весьма опрятная, съ красивыми заставками передъ вступленіемъ и началомъ «Исторіи». Есть оглавленіе (впереди), 79 гл. На бѣл. л., впереди [1]), рукой новой: «Лѣтописецъ Казан. царства, сочиненный, какъ полагаютъ, свящ. Іоан. Глазатымъ, въ XVI в.» Въ текстѣ помѣтки карандашомъ указываютъ на чье-то внимательное чтеніе. Начало и конецъ обычные, какъ въ печатномъ изданіи.

5) Погодинъ № 1482. 4 д. л., 471 л. Скоропись XVII в. (скорѣе 2-ой половины, чѣмъ 1-ой), размашистая, но разборчивая. Оглавленія нѣтъ. Заглавія киноварью. 91 глава; послѣдняя, «О водѣ Никиты Переславскаго чюдотворца», не окончена: видимо вырванъ конечный листъ.

6) Погодинъ № 1483. 4 д. л., 208 л. Рукопись ветхая, XVIII в. Скоропись, довольно неразборчивая, чернила мѣстами очень блѣдныя. Впереди оглавленіе, 83 гл. Кончается хожденіемъ по св. мѣстамъ и рожденіемъ царевича Ѳеодора. Повидимому, теперь нѣтъ дѣйствительнаго конца, хотя написано «конецъ» (иной рукой). Киновари нѣтъ. Въ началѣ рукописи, на довольно измаранномъ л.: «Сия книга князь василья асанова отдана в церковь божию иоанна предтеча иное. . . . [2]); для достопамятства въ вечные годы; которую хранить въ церковной ризнице. Вдана сія книга 1797 года Августа л дня при свщенникѣ александре Петрове».

7) Погодинъ № 1484. Въ нашъ полулистъ, 79 л. Скоропись, довольно старательная, XVII в. Заглавіе «Исторіи» киновар. вязью, съ заставкой. Оглавленія киноварью. Внизу рук. видны славян. цифры, (нач. ҃тд —, тпа конецъ), которыя указываютъ, что рук. взята изъ другой бо́льшей; вверху араб. цифры новой рукой. Кончается (л. 77) какъ въ печ. изд. и еще прибавлена грамота Гермогена: (л. 77) «Списокъ з' грамоты Ермогена

---

1) Нумерація листовъ позднѣйшая, арабскими цифрами.

2) Трудно разобрать.

митрополита казанского к иеву патриарху московскому и всеа руси о побиты под казаню преж взятя и после взятя казанского и о мучнцех пострадвших в казани».

8) Погодинъ № 1485. 4 д. л., 164 л. Скоропись, довольно мелкая, хотя не очень неразборчивая, 2-ой половины XVII в.[1]). Заглавіе «Исторіи» и обозначеніе каждой главы киноварныя. Послѣдняя глава пд: о покоряющихся и крестящихся казанцевъ. — Нач.: Прочии же людие казанстии вси живущі во окрестныхъ странахъ града того вся земля казанская також де і вся земля сибирская с молениемъ прихождаху ко гдрю црю покоряющеся...

9) Погодинъ № 1486. 4 д. л., 172 л., хотя сверху написано: 178 л. Дѣйствительно, начало вырвано: начинается: «бывшу тамо у него не мнея дватцати летъ». Сначала очень старательная скоропись, съ заставками (кинов. и синяго цвѣта). На корешкѣ ярлычекъ: «лѣтописецъ XVII»[2]). Главъ 91. Въ гл. ча замѣтка новой рукой: «конецъ въ печ. изд. о Казанск. царствѣ». Далѣе гл. чв: посланіе в црь град. — Нач.: в лѣто ,зоп го году от гдря цря і великого кнзя іоанна василевича всея росиі во црь град посолъ андрей шеинъ да дьак василеі алексиев к црю Мурат салтану турскому...

л. 159 об. (кинов.): дьякъ црю статю говорил. — Нач.: Не велишъ ему гдремъ цре и великии кнземъ иоанно василевиче всея росии в кретно целованіи и в мирно (?) поставленіи крепко стояти...

л. 160 (кинов.): Статья Гдва посла. — Нач.: Посол говорил буди тебѣ црю вѣдомо...

л. 160 об.: (кинов.): Дьякъ статью говорил. — Нач.: 'И то тебѣ црю турскиі буди вѣдомо...

л. 160 об. (кинов.): Црь же турскиі муратъ салтанъ пелимовичъ (?) с пашами гдря нашего полу рѣчь говорил поданну. — Нач.: Славнаго и великаго кнзя Московскаго и іных всея росіи Сибирския земли и сѣверныя страны повелителя...

---

1) Опредѣленіе Ив. Аѳ. Бычкова.

2) По опредѣленію Ив. Аѳ. Бычкова, 2-я половина XVIII в.

л. 161 об. Статья гдрва посла. — Нач.: Гдрь нашъ црь и великии кнзь иоаннъ васи̑левичъ всея росіи съ своими дѣ̑ми з двѣма црвичи с̓ царевичемъ иоанно̑ иоанновичѐ да съ црвичемъ ѳеодоро̑ иоанновичѐ много лѣтствуетъ а̓ црствуетъ единъ а̓ думаетъ съ своими црвичи....

л. 162. Ста̑тя гдрва посла. — Нач.: Нашъ велики̑ гсдрь црь и велики̓ кнзь иоаннъ васи̑левичъ всея росиї...

л. 162. Дьякъ статью говори̑. — Нач.: Гдрь нашъ црь і велики̓ кнзь дани і выходы развѣ дару не даетъ нико̑...

л. 162. Статья гдрва посла. — Нач.: Гдрю нашему црю і велико̑ кнзю иоанну васи̑левичу...

л. 162 об. Дьякъ статью говори̑. — Нач.: Ты ли црю не вѣдаешь ты с турцы црьствуешь...

л. 163. Статья гдрва пола. — Нач.: Ты ли црю не с му̑рыми и̓ з глупыми паши дума̑ гдрю нашему тако̑ црю і̓ велико̑ кнзю ѿвещаешъ...

л. 164. Црь с паши ѿвѣща̑. — Нач.: Азъ с ваши̑ гдремъ цремъ і великиі̑ кнземъ иоанномъ васи̑левичемъ всея росіи брани не хочу...

л. 164 об. Глава чг. д. — Нач.: Посланiе в лето ,зпд году црь і велики кнзь иоаннъ васи̑левичъ всея росіи ѿ то̑ посла̑ к бли̑нему своему благоприятелю в цысарь к̓ цысар̓ско̑ и к римско̑ королю максимиану црю посла своего захарїа ивановича Сугорского...

л. 171. Посланiе православнаго црѧ к турско̑. Глава чд-ю.— Нач.: Высоковластно̑ властелю прево̑несенно̑ чтию...

л. 171 об. Послание турского црѧ ѿника (sic) къ православно̑ црю. — Нач.: Кто у тебя таковъ явися...

л. 172, въ концѣ, заставка: два ангела держатъ платъ съ кистями, съ надписью: «конецъ и бгу слава». — Впереди «Исторіи» на чистомъ л.: «177 го̑ ноября 30 дня я ниженодписавш» (подписи нѣтъ). На переплетѣ (1-ой, внутр., сторонѣ) новой рукой: «изъ библ. Г. Актова 1844 г.» — Сзади на об. послѣдняго листа: «стоитъ градъ на пути а пути к нему нетъ идетъ посо̑

немъ несетъ грамоту неписаную. Стоитъ море на пяти стол̑па̑ца̑ реч̑е море еси море потеха моя а царица рече море еси море погибе̑ моя: Въ низу посл. л. об.: «Сеи летописецъ села Іванова крестьяніна а̑дрея иванова сына есіпа поскова». На внутр. задн. сторонѣ переплета размашистой рукой: «Иванъ Свиркинъ купецъ Тулски̑ подписалъ своею рукою».

10) Погодинъ № 1487. Въ нашъ полулистъ, 71 л. Скоропись, 2-ой половины XVIII в. [1]). Чернила выцвѣтшія. Нумерація листовъ араб. цифрами, сверху. Впереди на л. 1. заглавіе выцвѣтшими чернилами, а оставшееся свободное мѣсто измарано. Можно разобрать: «Сия исторія принадлежитъ Господину

Саратовскомꙋ

Усердный.

(внизу л. 1.): василью (л. 1 об.) «Губернаго (корешокъ переплета) (л. 2): ономꙋ. — Губернаторꙋ Саратовскомꙋ. — беляновъ». Сверху л. 13 об., черн. чернилами, крупно: «Издана въ 1803 годꙋ маія дня» (далѣе ушелъ л. въ корешокъ). На л. 59 об., такимъ же образомъ, какъ на л. 13 об., сверху: «Издана в томъ же году», и далѣе л. 60, такимъ же образомъ: «Издана въ 1802 году Июня, дня»; л. 71 об. весь исписанъ и измаранъ. Можно однако разобрать: «Сия книга саратовскаго купца петра васильевича бурнина». Повыше, къ самому краю л., выцвѣт. чернил. «за секретаря петр Саповск» (розчеркъ). Сбоку: «Сия книга симбирскаго мѣщанина». Далѣе измазано, можно разобрать отдѣл. слова: «хранилъ, хранилъ [2]) Иванъ Клоповъ». Еще: «накладная для отпуску». Кончается «Исторія» какъ въ печ. изд. На концѣ: «досего ѡ градѣ казани. Конецъ».

11) Погодинъ № 1488. 4 д. л., 110 л. На корешкѣ переплета ярлычекъ: «XVIII вѣка Исторія Каз. царства». (По опредѣленію Ив. Аѳ. Бычкова 2-я половина XVIII в.). Нумерація лл. новая, арабск. цифрами, вверху. Начало (л. 1) обычнаго

1) Опредѣленіе Ив. Аѳ. Бычкова.

2) Это въ разныхъ мѣстахъ.

предисловія (см. печ.) не имѣетъ (похоже что вырванъ л.). Скоропись, мѣстами весьма подходящая къ полууставу. Кончается «Исторія» главой «о крещеніи татаръ», но видимо послѣдніе листы вырваны. Счета главъ нѣтъ. Рукопись богата замѣтками впереди, сзади нѣкот. лл. внизу. Впереди на внутр. сторонѣ переплета: «с 798го перебывало в роте ротныхъ командиръ

Капитанъ силиппо́въ 1-й
капитанъ зеленовской
капитанъ богдановъ
порутчикъ князь шалеевъ

(и весьма выцвѣт. чернил.). Сія книга села высокой горы діакона Петра (ниже) Petr Andreev». Начиная со 2-го л., внизу: «Сія книга діакона Андреа архипова собственая своя», и далѣе на л. 13: «Сія книга села высокой» [1]). Сзади, на посл. стр., вверху: «итого 83 главы», сбоку: «фелфебиль Калинкинъ», рядомъ, внизу: «удыръ офице^{р}ъ пісковъ». Чернилами такими же, какъ послѣдняя глава: «Сія історія подлина хорошое писаніе порядочное». Внизу, подъ этимъ, чернилами такими же, какъ боковая надпись: «Спасиба чья Гисторїя сія. ее списалъ всю но то^{л}ко не болно складна». «Снизу, очень размашисто, новымъ, почти нашимъ почеркомъ: «понеже ты дуренъ (sic) мало разобралъ». Сзади, на внутр. сторонѣ переплета, очень выцвѣтш. чернилами: «Сія книга села высокой горы д....» и далѣе еле что-то видно, такъ что разобрать трудно.

12) См. «Реестръ Погодинскаго древлехранилища» (рукописный экземпляръ И. П. Б.): Погодинъ № 1489. Въ л., 250 л. Скоропись, разборчивая, XVIII в.; л. 1 и л. 2: «Сказаніе глав^{м} настоѧщиѧ книги сея [2]).

Исторія ѡ казанско^{м} ц҃рствиї . . . а҃» и т. д. Послѣднія главы:

---

1) П. Семеновъ. Геогр.-стат. словарь Рос. Имп. т. I. Спб. 1863, стр. 574. *Высокогорская* муж. пустынь Нижег. губ., Арзам. уѣзда, въ 5 в. отъ Арзамаса (по высокой горѣ). *Высо(со)кое* село: 1) Кур. губ., Бѣлг. уѣз. 2) Рязан. губ., Скопин. уѣз. 3) (казен.) Самар. губ., Николаев. уѣз.

2) Эти слова киноварью.

«ѡ црскомъ хоⷤденіи по свты мѣсто чадородия радⁱ . . . . . . оѳ
(ѡ) поставленіи цркве на москвѣ на рвꙋ трцы . . . . п
(ѡ) чети сщеⁿническа чину каков бѣ попъ . . . . па».

Послѣ оглавленія одинъ л. чистый [1]).

На л. 3 заставка и киновар. вязью: «Книга глмая история ѡ казаⁿскомъ [2]) цртве сказание вкратцѣ о начале црьства казанского како и ѿкꙋды и в которые лѣта нача сѧ и о брани и ѡ победаˣ великиˣ кнзеи московскиˣ со црьми казанскими и ѡ взятіи цртва казаⁿско блговѣрны цремъ і великимъ кнземъ іваномъ васильевичемъ всеа рꙋсіи великимъ самодержцемъ.

К[3])расныя убо и новые повести сея достой намъ радостно послушат» . . . . . и т. д. обыч. вступленіе, см. печ. изд.

л. 4: «Исторія о казанско цртвіи гл а.

Б[4])ысть ꙋбо ѿ начала руския земли яко же повѣдають ру и варвари. . . .» л. 119 об. — конецъ «Исторіи»; л. 200, 201 чистые; л. 201 об. — большая заставка, подъ ней вязью и киное.: «ѡ взятіи сибирския землі како [5]) блгочестивомꙋ гдрю црю и великомꙋ кнзю іванꙋ васильевичю всеа рꙋсіі подарова бгъ сибирское гдрьство ѡбладати емꙋ гдрю и победити мꙋтаземева сна кꙋчюма салтана сибирскаго и сна его црвча маметкꙋла взя (л. 202) жива и како просвѣти бгъ тꙋ сибирскꙋю землю свтымъ крещение і стыми бжіими црквами.

В[6])ниде в слуˣ благочестивому гдрю црю і великому кнзю івану васильевичю всеа росиі ѿ частыˣ приходеˣ бусормерскиˣ воиною на ево гдрвꙋ землю пермьскꙋю оᵀ сибирскиˣ людѐ. . . .» Разсказъ раздѣленъ киновар. оглавленіями, но счета главъ нѣтъ. Послѣдняя глава (л. 237—238 об. включ.): «ѡ ꙗсашномъ зборѣ». На л. 238 об.: «Сия словеса о семъ преходятъ в конецъ се. повесть всякъ бо чтныі да разꙋмѣетъ и дѣло толикия вещи

1) Въ числѣ 250 листовъ не считается.
2) Доселѣ вязь.
3) Доселѣ киноварь.
4) Заглавіе и эта буква киноварью.
5) Доселѣ вязь.
6) Доселѣ киноварь.

не забываетъ на воспоминание сие писание написа^х да не за^бвено будетъ толикия вещи трꙋдъ». Немного пониже этого, чернил. выцвѣтш.: «За мол҃твы святы^х ѡ҃цъ наши^х г҃дн исꙋсе хр҃те сн҃е божиї помилꙋи насъ аминъ». Далѣе половина л. 238 об. чистая. л. 238—250 (конецъ рукоп.): «ѡ҃ приходѣ турецкаго и тата^р-скаго во^иства под а^траха^н лѣта о^т со^здания мира ҂зоз҃.

Ѿ рожества хр҃ства ҂а ф ҃ ѯ҃ март҃а въ к҃е сели^м су^лтанъ турецки хотиниє^м и завистию ро^змноженія ради црьства своего во^збужденны ис констянтинаполя землею и морє^м великое свое во^инство ту^рковъ ко^нны^х ке ҂и яичаровъ ҂і о^тряди морє^м же р҃и галеръ то есть велики^х ладе^й или струговъ по^слалъ к томꙋ еще три о^рды тата^р переконски^х нагаиских крымски^х повеление^м же его до ҂и во^иство его со^брася иже до^лгими ра^зными и ску^дными путми чре^з великия реки блаты і езера во гра^д азовъ придоша. . . .»

13) См. «Реестръ Погодинскаго древлехранилища» (рукопис. экземпляръ И. Б.): Погодинъ № 1490. 4 д. л., 260 л., XVIII в., скороп. Съ л. 239 по 259 об. чернила поновѣй и рука другая. На л. 237: «въ 707 годꙋ прислана с Москвы въ Тоболскъ великого г҃дря грамота къ имышꙋ озерꙋ по со^л доищенками ходи^т не велено и по то великаго г҃дря грамоте къ имышꙋ озерꙋ по соль въ 707 году о^тпускꙋ не было». л. 237 об. и л. 238 «артикулы новгородцко^й 192 го^ду по^лковника мирона баищева». л. 238 об. чистый. Въ концѣ л. 259 об.: «ге^нваря 2 дня 1767 году списано въ яицко^м горо^дке». л. 260 и л. 260 об. чистые. На л. 1-мъ (*съ текстомъ*: впереди л. чистый), рукой одинаковой съ писавшей 2-ю ч. рукописи: в се^й кн҃ге гисторіи

---

1) Теперь въ рукоп. на л. 239.

2) Окончаніе отрѣзано.

На л. 2 (вязью): «Краткое ѿписаніе црс҃тва казанскагѡ, ѿ началѣ цр҃ства казанскаго, како и̓ ѿкꙋда, имѧ ѡно произыдѣ»; Нач.: «в древнія лета бысть ѿ начала руские зе҃ли иже поведаю̑ рꙋсь тꙋ҇же и ва҇рварії идеже н҃не стои̑ гра҃ казань продо҇жающеся в длинꙋ ѿ нижняго новаграда на во҃токъ по обе стороны великия реки во҇ги в ширинꙋ про҃тираючиса҃ на полночь вяцкие зе҃ли и до пермские на полдень до поло҇цки̑ пре҇ловъ вси же бе де҇ржава і̓ о҇ласть была кие҇ская и вла҃мерская потомъ московская» и т. д. пересказъ начала «исторіи»: см. печ. изд.; л. 47: «О поставлени в казани соборныя це҃ркви» см. Ундол. списокъ № 774 [1]), сходно почти буквально съ л. 172 Унд.: о поставленіи церкви Благовѣщенія пресвятой Богородицы въ Казани въ лѣто ҂зѯг.

По сравненію съ рукоп. Унд. и другими, на этомъ собственно и кончается «Исторія», хотя далѣе сейчасъ же (на л. 47, съ новой строки) той же рукой: «воизвестие о архиепископа҃ и епископа҃ митрополита҃ ѿ взятия града казани сколко которы правяще каза҇скꙋю епархию ле҃ значи̑ ниже а именно.

1) въ 7063ᵉ февраля 3 дня поставле҇ в каза҇ первый архиепископъ чюдотворецъ гурей і ꙋготникъ а преставися (л. 47 об.) 7072ᵉ декабря 5 дня въ 8 ча҇ ночи.

2) въ 7073ᵉ марта 12 дня поставленъ в казань вторы архиепископъ чюдо҃ворецъ герма҇ садыревъ полевъ а преставися 7076 ноября 6 дня» и т. д. до л. 49 об. включит.; л. 49 об. конецъ. «23. 1738 года марта 9 числа оной архиепископъ гаври҇ переведенъ въ устюжскую епархию а на ево место переведенъ ꙋстюжско҇ епархи епископъ лꙋка». (л. 50): «Краткое о положени места города казани описание.

горо҃ каза҇ издревле помянꙋетца болга҇ски о че҃ обстоятелно явствꙋетъ в каза҇ской истори а лежитъ ѿ волги реки растояниемъ с пяти ве҇стъ по лꙋговой стороне. . .» и т. д. краткая топографія Казани, указаны церкви: (л. 50) «главны соборъ пресвятые богородицы честнаго ея благовещения при ней коло-

1) О немъ ниже.

колня з боевыми часами».... И далѣе указано еще 9 церквей (л. 50 об.). л. 50 об. конецъ: «при оно̇ соборе до̇ архипастыря каза^н^ского каме^н^ной со все̇ строение̇ проти^в^ дому духовная консистория (или приказъ ево)+». л. 51 сначала: «в ризнце соборной сыскано древности а имянно

лета. 7063. го^ду^ февраля въ 3. де^н^ поставле^н^ в каза^н^ первы архиепископъ гурей пас церковь божию восе̇ летъ и девя̄ мц̄овъ и преставися лета 7072 декабря 5 дня в 8ом часу ночи мосчи же его честныя обретены быстъ в лето 7104».... (объ обрѣтеніи мощей Гурія и Варсонофія).

л. 52. «Ерлыки» (хановъ Золотой орды рус. духовенству)[1]..... «первы ярлыкъ тюлюбекъ цр̄я михаилу митрополиту: во окончанії ерлыка пишетъ тако рекъше утве^р^дихомъ со алою тамгою и ярлыкомъ дали есмъ овечью лета дарыка в се^м^ сотъ осмое лето солчата мц̄а въ 10 нова на велико^м^ лузе нареченно^м^ о^р^да кочевая писано».

2. «дала тай^ду^ла цр̄ца иоан'ну митрополиту киевско^му^ и всеа россиї в лето 6600 е».....

3. (л. 52 об.) «далъ менгу темиръ цр̄ь петру митрополиту киевско^му^ и всеа россиї в лето 6816».....

4. «дала чзени бекова цр̄ца феогносту митрополиту. тай^ду^ла в лето 6851».....

5. «бердебекъ цр̄ь далъ алеѯѣю митрополиту в лето 6862»....

6. (л. 53) «сеи ерлыкъ томужъ алеѯию митрополиту дала тай^ду^ла цр̄ца чзени бекова коли е^му^ случится ко цр̄ю гра^ду^ итьти»...

Въ концѣ л. 53: «й окроме оного в показанной ризнїце други^х^ древни^х^ вещей и писе^м^ видения достойны^х^ для гистори роскои не ймее^т^ца».

Далѣе л. 53 об. снач.: «оная жь крепость во основанй имеетъ длины 250 саженъ ширины проти^в^ до^му^ архиерейскаго 120. У

1) См. «О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству. Историко-филологическое изслѣдованіе В. Григорьева». М. 1842.

преображенскиˣ воротъ 80 саженъ а поᵈ крепостию и окрꙋгъ ея прилегъ дикои камеⁿ и зеᵐля песошная.

Ещеᶾ внꙋтри крепости на вратехъ церковь нерꙋкотворенного образа гда нашего исꙋса христа.

Церковь воскресения христова ꙋ житныˣ аⁿбаровъ.

вороты.

1. спаския. 2. преображенския. 3. николския. 4. воскресенския. 5. дмитревские. башенъ окрꙋгъ города четыре.

церковь рожества пресвятые бдцы при неи пределъ свтыˣ мꙋченикъ киприана и ꙋстины построена (на) взятие града казани оᵈним днеᵐ и освещена того жъ дня.

цркв живоначалныя троицы на поᵈворье сергиева мнтря.

(л. 54) мнтрь мꙋжеской окрꙋгъ ево ограда і в неᵐ кели каменыя в неᵐ цркв преображенна гдня цркв теплая николая чюдоᵗворца на вратеˣ цркв великомꙋченицы варвары и часть мощеˊ ея.

пределъ чюдотвоʳца ваʳсонофия где и мощи ево святыя опочивают во оноᵐ же мнтре в крестаˣ мощеи свтыˣ тритцать чаˢтицъ а кꙋриоᶻныˣ і видения достоиныˣ древниˣ вещеи й писеᵐ не имееᵗца.

протиᵛ показаⁿного мнтря гꙋбернская канцелярїя о двꙋ поˢтаментаˣ каменная домъ гꙋбернаторскои деревянной со всякимъ строениеᵐ протиᵛ доᵐ архиерейскаго цеигаꙋзъ каменнои где пꙋшки и протчие аʳтилерискые припасы кладꙋтца.

О реке кӓзӓⁿке.

Оная рекӓ в вешнее время наводнение ӥмеетъ с зӓпадной стороны от реки воˡгӥ ӥ рӓˢпроˢтӥраетцӓ во все поемные места и заливаетъ многие слободы ӥ ꙋлицы (л. 54 об.) в нискиˣ местаˣ лежащие в верхъ по онои реке продолжаетца вода до 15 верстъ и болше а начало наводнение бываетъ в апреле мцѐ по вˊскрытӥ воды ӥ продоˡжаетца до впаденӥя в берега по шти и по семӥ

неде^л бываетъ а в меженъ[1]) оная река бываетъ широтою по 30. саженъ и болше глубиною въ .2. и 3. аршина местами грунтъ пе^счаной и каменис^тои ·:| О деревя^нои крепости в которо^м году построена была и ке^м известия нетъ а ^в бытнос^ть губернатора волынскаго разрушена до основания.

Оная начало свое имела с западнуе сторону о^т николски^х воро^т и о^т реки каза^нки и продо^лжалася чре^з реку булакъ и в мокрую слободу а о^ттуда х тата^рско^му мосту которо^й лежитъ на булаке и прямо на го^ру чре^з проло^мную улицу и ^х кузнечно^му ря^ду увало^м потомъ же (к) Ѳедоровско^му мнтрю а о^т Ѳедоровскаго мнтря по увалу жъ реки казан^ки вни^з прямо до каменно^й же крепости х црkви велико^й мученицы пара^кеви нарече^нныя пятницы и ^х дмитриевски^м ворота^м.

(л. 55). внутри деревянной крепо^сти ско^лко церквей и приходо^в тако^ж и ^строения каменнаго и древянного и ^сколко улицъ болши^х и малы^х и переулковъ и протчаго описано по^д си^м ниже». Далѣе (л. 55—65) идетъ указаніе церквей: указано 30.

(л. 55 об. конецъ). «8. мнтрь девичеи каза^нския пресвятыя бдцы ограда каменная в не^м црквъ теплая рожества бдцы предѣлъ (л. 56) священно мученика а^нтипы на святы^х врата^х црквъ иоанна богослова на други^х врате^х свтаго благовернаго царевича димитрея мо^сковскаго. -+-

О явлени иконы пресвятыя владычицы нашея бдцы и при^снодевы марии во гра^де казани.

в лето 7085ом го^ду при державе благочестиваго и хри^столюбиваго гдря цря и великого кнзя иоанна васильевича всея россии самодержца при ^святейше^м митрополите а^нтонии московско^м и всея россии и при а^рхиепи^скопе каза^нско^м иереми бысть явление иконы

---

1) См. В. Даль. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. 2-е изданіе, т. II, стр. 320: «*Межень, меженокъ меженица* ж. средина, по протяженію (особ. въ вышину) или по времени; всякое среднее состояніе, между двухъ крайностей. *Межень лѣта*, іюнь іюль, августъ; собств. средолѣтье, іюнь. . . . . *межень воды*, средній уровень, какой устанавливается послѣ половодья, въ іюнѣ, до чрезмѣрной засухи».

пресвятые бдцы во граде казани» — и далѣе разсказъ о явленіи, до половины л. 59.

л. 59: «о создании цркви пресвятые бдцы и освящение ея.

Образъ же пречистые бдцы несчетна и много исцеления подаваетъ приходящим с верою».... (до л. 60 верха).

л. 60: «во оной церкви крестъ золотои построен въ 7156ом году церковною казною благословением преосвященнным маркелом митрополитом казанским в лето 7202ом году в животворящем кресте моще святых 23. частицы.

Описание святаго евангелия.

Евангелие болшое печатано на алеѯандриской бумаге в лето от сотворения мира 7194ом году».... (до л. 62), л. 62: «оное святое евангелие во время литургии выносят из святаго олтаря дьяконовъ двое».

Внизу л. 64, послѣ перечня церквей (послѣдняя 30-я): «і окроме выше показанного при оных црквах древности для гистории россиской ничего не отыскано.

і того в каменном и деревянном городе и за городомъ каменных црквеи при них предилов 93. деревяных и предилов 9. (л. 65) всего црквеи и пределовъ. 102.

домов каменных жилых дворянских и посацких 11. кладовых. 17. ратуша о двух постаментах одна.

деревянных всяких разных чиновъ людеи. 3939. дворовъ Гарнизонная геометрическая школа одна богаделенъ. 5.

Улицъ болшихъ

1. арская. 2. воскресенская. 3. проломная. 4. Успенская і владимерская. 5. мокрая. 6. ямская. 7. варламская. 8. кирпишная. 9. суконная малыхъ улицъ и переулковъ 170. торговищь и площадеи 10».

л. 66: «О купечестве», «О промыслахъ и ремеслахъ ихъ».

л. 66 об.: «О гостинном дворе и рядах», «О ѳабриках», «О торгах купеческих людеи» (до л. 68).

л. 68: «О платье».

л. 68 об.: «О чистоте народа» (до л. 69).

л. 69: «О свадбахъ

свадебные поезды и убранство при браке жениха и невесты имѣетъ также какъ і в протчих росписких городах бываетъ и при зговорах о приданомъ договоръ имѣетъ а иныя нетъ.

а окуратнее и пространнее описано будетъ по пунктам которыи при насъ имеетца данныя от академии наукъ и прислано обще при ланкартах будетъ [1]).

О мнстыряхъ

которыя не в далномъ ростоянии от города казани» (до л. 70 об., указано 5 монастырей). л. 69 об.: «3. семиозерная пустыня [2]) каменно монастырь растояниемъ от града 14 верстъ в ней

црквь смоленския пресвятыя богородицы чюдотворнаго ея образа при неи пределъ варлаама и асаоа црвича пустынных жителеи.

---

1) См. л. 71 этой же рукописи. — Ср. «Бесѣды въ Общ. Любит. Росс. словесн. при Моск. Ун.» М. 1871, вып. III, стр. 84 (изъ «Письма М. В. Ломоносова къ Ив. Ив. Шувалову», сообщ. Н. С. Тихонравовымъ): «Всевожделѣнный и долговременный покой внутри нашего отечества черезъ 150 лѣтъ въ кое время, послѣ разоренія отъ поляковъ, не нужно было стѣнами защищаться отъ непріятелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣть попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и потому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и много провинціальныхъ и губернскихъ городовъ не токмо стѣнъ каменныхъ, или хотя деревянныхъ палисадниковъ или тыновъ не имѣютъ, — что *не безъ сожалѣнія вижу изъ отвѣтовъ, присылаемыхъ на географическіе вопросы въ Академію Наукъ изо всѣхъ городовъ* указомъ Правительствующаго Сената, по моему представленію. (Этотъ указъ разосланъ по губерніямъ и провинціямъ въ январѣ 1760 г. См. Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, с. 396 и 421). См. еще о запросахъ, которыми требовались въ Академію Наукъ географическія извѣстія изо всѣхъ городовъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ Россійскаго государства для сочиненія вновь исправнѣйшаго россійскаго атласа въ оной Академіи (Чтенія въ Моск. Общ. Истор. и Древн. 1865, кн. 1: Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ, матеріалы, сообщенные В. И. Ламанскимъ, стр. 124—127. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ, т. II, стр. 667; см. еще у Пекарскаго, стр. 858—859).

2) См. ниже: одинъ изъ списковъ Седміозерной пустыни.

цр҃квь теплая во^з^несение гд҃не на врата^х^ цр҃квь апостола андрея первозванного итого 5 церкввеи.

(л. 70) 4. монастырь зилантовъ каменно^і^ ра^с^тояниемъ о^т^ града. 4. версты въ немъ:

цр҃квь успения пресвятыя бд҃цы цр҃квь тепълая все^х^ свт҃ы^х^ на врата^х^ цр҃квь алеѯіа митрополита на други^х^ ворота^х^ преподобнаго герасима иже на їордане: итого. 4. цр҃кви». . . .

(л. 70 об.) . . . . «всего^ж^ в манастыряхъ. 32. церкви.

А впредь что ещо сысъкано и собрано мною будетъ (л. 71) по данной мне инъстрꙋкъцыи (и) приобщенныхъ пꙋнъктахъ то в канцелярию оренбꙋрской комисиї къ еограѳическимъ деламъ донесено будетъ со и^з^яснениемъ по пꙋнъктамъ имянно».

Далѣе 3 листа чистыхъ, а потомъ — «ѡ цр҃стве астраханскомъ» (л. 72, по счету *писанныхъ* листовъ), только одно это.

л. 73: «Сказание о приходе к великомꙋ гд҃рю цр҃ю и великомꙋ кн҃зю иоаннꙋ васильевичꙋ всея великиа россиї самодержцꙋ из а^с^траханского цр҃ства к москве о^т^ я^м^гꙋрчея цр҃я и и^з^ нага (sic) о^т^ смаила мꙋрзы пословъ и^х^ и к ни^м^ о послехъ великого гд҃ря и о послани с москвы дербꙋть алея цр҃я касимовского и ^с^ни^м^ воево^д^ его великого гд҃ря цр҃ского пресветлого величества со многими ворꙋженными ратными людми и^с^ полками кн҃зя юръя іваковича шемякꙋ пронского с товарищи для взятия цр҃ства а^с^траханского волгою рекою в стрꙋгахъ и со ^м^ногими огнедыхающими наряды медными и железными.

в лето 7059 го^ду^ приходилъ к великомꙋ гд҃рю цр҃ю и великомꙋ кн҃зю иоаннꙋ васильевичю всеа великиа росиї самодержцꙋ к москве ис цр҃ства а^с^трахани о^т^ ямгꙋрчея цр҃я посо^л^ ево кн҃зь иши^м^ мꙋрза и бил чело^м^» . . . .

л. 91: «О сибирстеи зе^м^ли и царстве и к немꙋ принадлежащихъ странахъ и о взяти ея атаманомъ Ермако^м^ тимоѳеевы^м^ с товарыщи». (до л. 239).

Съ л. 239 до конца рукоп. (л. 259 об.), какъ уже сказано, рукой болѣе новой и чернилами болѣе свѣжими: «Ѡ҃писание ѡ со^с^тояни и заведени ѧицкаго казачьего горо^д^ка каки^м^ ѡ^б^разомъ

яицкия казаки на яике реке заведены и ѿколе начало свое приняли и где сперва селение свое имели и сколь давно значить под спмъ.

1.

в прошлом 1740 году по имянному блаженныя и вечно достоиные памяти великие гдрни императрицы анны иоанновны указу между протчіи велѣно на како основании яицкия казаки ѿперва жит поселѣны с какою собственною ползою и какия вол-ности и притом жалованныя грамоты даны были ѡ всем розсмотрить военной калегии..... и т. д. до конца рукописи.

На обрѣзѣ рукописи можно прочесть теперь: «аикъ» (старин. чернил.). И еще есть что-то, но на столько выцвѣло, что разобрать трудно.

Далѣе, въ «Обстоятельномъ описаніи славяно-рус. рукописей гр. О. А. Толстова (издали К. Калайдовичь и Н. Строевъ. М. 1825») указаны слѣдующіе списки «Исторіи»:

14) Отд. I № 168 (= F. IV. 217). Скоропись разныхъ почерковъ, конца XVII в., на 269 лл. Въ ней: ...... 4) л. 210 [1]) «О походѣ Государя Царя и Вел. Кн. Ивана Васильевича всея Росіи и о взятіи Казанскаго царства» [2]).

15) Отд. II № 18 (= Q. IV. 100). 89 гл., скоропись. Написана въ 7205 (1697) г., дьячкомъ Вас. Ив. Бовою; на 156 лл.

16) Отд. II. № 29 (= Q. IV. 104). См. выше № 18. Скороп. конца 17 в.; на 167 лл.

17) Отд. II. № 50 (= Q. IV. 106). Скороп. XVII в.; на 189 лл. «Въ 7197 (1689) г. февраля 14 куплена Сидоромъ Власовымъ Иконниковымъ г. Казани Соборной церкви у протопопова сына».

18) Отд. II. № 104 (= Q. XVII. 65). Сборникъ, писанный скорописью разныхъ почерковъ XVII в.; на 497 лл. «Исторія» — л. 78 — л. 245. См. выше № 18.

---

1) До л. 216.
2) Ср. ниже рукоп. И. П. Б. Q. IV. 211.

19) Отд. II. № 242 (=Q. IV. 90). Отрывокъ Исторіи о Каз. царствѣ, съ гл. 9 по 39. См. выше № 18. Скороп. XVII в.; на 123 лл.

20) Отд. II. № 280 (= Q. IV. 81). Скороп. нач. XVII в.; на 238 лл. Нѣкогда принадлежала князю Гр. Ив. Шахматову[1]).

(Отд. II. № 359. Рукоп. сборникъ. Скоропись XVII в.; на 258 лл. «Исторія», по свидѣтельству «Обст. описанія», была здѣсь съ л. 46 по 359 (конецъ рук.). Въ рукописномъ IV каталогѣ И. П. Б. сказано, что часть рукоп. съ л. 46 «отдѣлена въ особую рукопись»).

21) Отд. II. № 425 (=Q. XVII. 78). Сборникъ. Скоропись нач. XVIII в.; на 285 лл. Изъ Архангел. библіотеки. «Исторія» здѣсь л. 1—241. (На л. 258: О мученикахъ въ Кизичестѣмъ градѣ мученыхъ).

22) Отд. IV[2]) № 32. На 113 лл. (F. IV. 14).

23) Отд. V[3]). № 42 (= Q. IV. 5). На 200 лл.

24) Отд. V. № 71 (= Q. IV. 7). На 155 л.

Въ «Описаніи церковно-славян. и русск. рукоп. сборниковъ И. П. Б.», составленномъ А. Θ. Бычковымъ (ч. I. Спб. 1882, с. 365; с. 413) указано 2 рукописныхъ сборника, имѣющихъ «Исторію»:

25) Погодинъ № 1955. Скороп. разныхъ почерковъ XVII в., 4 д. л. «Исторія» л. 1—190.

26) Погодинъ № 1624. Сборникъ, писан. полууставомъ и разн. почерками XVIII в. «Исторія» съ л. 109—231.

Кромѣ этого въ томъ же Описаніи А. Θ. Бычкова указаны: (с. 259) Погодинъ № 1598, сборникъ нѣск. рукоп. 3-я рук. здѣсь писана скороп. XVIII в. На л. 173 (ея): «О рати на Казань; побѣда на Казань; о царевиче Муртузе». — Это не «Исторія». Еще тамъ же, на стр. 374, указанъ рукоп. сборникъ изъ Погодинск. древлехранилища № 1953, писан. скорописью въ 1678 г.

---

1) Экземпляръ хорошій, весьма четко написанъ почти полууставомъ.

2) Т. е. «рукописи новыя въ л.»

3) Т. е. «рукописи новыя въ IV долю».

Здѣсь л. 129: «О посылкѣ воеводъ, въ 7052 и 7058 годахъ, подъ Казань и о заложеніи въ 7059 г. Свіяжска.... Ѡ воинѣ Казанской и ѡ походе боар і воевод в Казан въ 7092 году».... Здѣсь только всего одна сторона л. 129: (скороп.) «В казанском взятиі написано в лѣто ҂знв: воспомяну же воеводам началны в конской рати полемъ воеводы кнзь борис суздалской горбатой іван лятцкой да хабар симъской да михаило воронцовъ а с ними рати было кромѣ ладѣйных ҂р҃н а всѣх воевод .в҃і.»

Ї паки в третиі великиі кнзь московскиі спустя вторагѡ послания .ѕ. лѣтъ посылаетъ различными воинствы конскою ратию і в лодиях іако же преже всего дващи послан бѣ воеводамъ же началнымъ имена. кнзь іван бѣлской ј кнзь михаило глинской лвовъ ј кнзь михаило суздалской[1]) кислыі кнзь ѡсипъ дорогобужскиі кнзь ѳедор ѡболенскиі ј всѣх л҃.»

В лѣто ҂зно. мца июня въ л.ден здѣлаша град свияжскъ[2]) і в немъ создаша црковь соборную ржтва бдцы.» (л. 129 об.)

Ѡ взятиі цртва сибирскаго начал писати съ чвѡ. ј донеле.»

Ѡ цртвующаго убо града москвы на востоную страну есть цртво рекомое сибирское....(до л. 130) об.)

(л. 130 об.) ѡ убиении ермака ј казаковъ (до л. 131 об.). На л. 131 об. (почти на срединѣ листа): ѡ воинѣ казанской и ѡ походе бояр і воевод в казан. — Разсказъ о возстаніи казанцевъ въ «лѣто ҂зчв». Подавленіе возстанія было затруднительно: (л. 132) црь же јѡанъ видя их суровство и посла в казан бояр своих ј воевод и повелѣ их пленити ѡни же погании противляхуся против рати московские побиваху много московских людеі ѡвогда на станах ѡвогда на походѣхъ бояре ж і воеводы не можаху их ѡбратити.»

Изъ «Обзора хронографовъ русской редакціи» (А. Попова,

---

1) На поляхъ около этого слова киноварью: «кнзь суздал» (далѣе край рук. обрѣзанъ).

2) На поляхъ противъ этого слова киноварью: поставлен гра (край рукоп. обрѣзанъ) свияжски.

вып. II. М. 1869, с. 199; с. 271) узнаемъ, что «Исторія» была внесена въ хронографъ:

27) Погодинъ № 1444 (3-ій разрядъ списковъ 3-ей редакціи);

28) Погодинъ № 1452 (хронографъ особаго состава);

29) Хронографъ, собствен. А. Попова (изъ «*лицевыхъ списковъ хронографа 2-й редакціи*») имѣетъ «отрывки изъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, по Стриттерову изд. 1791 г., соотвѣтствующіе главамъ 22, 53, 59 и 69; и опущенныя въ печатномъ изданіи, но извѣстныя по спискамъ, статьи той же Исторіи: о пророчествѣ юродиваго татарина, чудо о коровѣ и дѣтищѣ, чудо о рыбной ловитвѣ, чудо во градѣ Казани».

30) Списокъ «Исторіи», принадлежащій А. Попову, въ которомъ сейчасъ указанныя статьи помѣщены въ гл. 54-ой.

Въ Отчетѣ Имп. Публ. Б. за 1894 г. (Спб. 1897, с. 270; с. 275; с. 277) среди другихъ рукописей Ѳ. И. Буслаева описанъ одинъ полный списокъ «Исторіи» и два отрывка:

31) Q. XVII. 208 (отрывокъ) [1]);

32 и 33) Q. XVII. 209 (полн. списокъ и отрывокъ) [2]).

Наконецъ, въ рукописномъ каталогѣ Имп. Публ. Б. отд. IV, указаны еще слѣдующіе списки «Исторіи»:

34) F. IV. 134. «Казанская исторія, подъ заглавіемъ: Сказаніе вкратце о началѣ царства Казанскаго и о брани и о побѣдахъ Великихъ Князей Московскихъ со царями Казанскими и о взятіи того же царства Казанскаго; 85 л., скороп. XVII в. — принадлежала архіеп. Варлааму. Съ 9 л. идетъ подстрочная granписка вкладной записи: Лѣта 7153 (1445) г. Авг. 4 сію книгу положилъ за вкладъ въ Архангел. мон. преже бывыи архіепископъ Варламъ». Отмѣчу, что въ этой же записи далѣе читаемъ: «по^{д}писа^{л} казенно^{i} дј'ячо̑ гришка бе^{р}днико^{в}». (О Варламѣ см. П. Строевъ. «Списки іерарховъ россійскія церкви». Спб.

1) Л. 95—105. Полууставъ и частью (л. 104 об. — 105) скороп. XVII в.

2) Рук. сборн., скороп. разныхъ почерковъ 2-ой половины и конца XVII в. «Исторія» л. 195—261; отрывокъ л. 358—361.

1877. стр. 740: «№ 2. (Волог. епархіи мон.) Архангельскій (т. е. монастырь), въ городѣ Устюгѣ. . . . Архимандриты: . . . . Варлаамъ, съ 1614, а 8 окт. 1626 г. хирот. въ архіепископа Вологодскаго». См. тамъ-же с. 822: Архангельскій (монастырь) въ Архангельскѣ. Игумены: . . . . «Варлаамъ, въ янв., ноябр. 1614»).

Q. IV. 170. «Сказаніе вкратцѣ о началѣ царства Казанскаго, како и откуду и въ которые лѣта начася, и о брани и о побѣдахъ великихъ князей Московскихъ съ царми Казанскими и о взятіи царства Казанскаго благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Великой Россіи самодержцемъ. 253 л., скороп. XVII в. — Куплена въ 1863 г. послѣ И. П. Сахарова». 2 лл. первые чистые и послѣдніе 7 тоже. Оглавленіе отдѣльное, впереди, 79 гл. На л. 9 об. киноварью: «пре́мова до чите́ника», писано рукой той же, которая писала заглавіе «Исторіи». Съ 10 л. внизу, по лл.: «сия книга івана а^р^темонова сп҃а безминова». (На первой внутр. сторонѣ переплета рукой, малоопытной въ письмѣ, начала нынѣшняго вѣка: «книга алеѯея алеѯан. . .[1]) владимирова».

Q. IV. 173. «Такое же самое заглавіе[2]), того же вѣка скоропись и тогда же куплена». 79 главъ. На л. 8: «Сія кни́га мно́га во словесѣ^х^, глаго́лемая исторі́а каза^н^ская, в̓ не̓ пи́санѡ хра^б^ство і̓ побѣ́ды велики^х^ кн҃зе́й по ни^х^ ҇ г҃дря цр҃я і велик҃ кн҃зя і̓ѡ́анна васи^л^евича всеа҃ росиї самоде^р^жца, преславная побѣда на каза́нь. Пре^л^мова до чите^л^ника[3]). Красныя убо и новыя повѣсти» и т. д. (см. печ. изд.). На задней внутренней сторонѣ переплета, чернилами выцвѣтш.: «прода^л^ и҃ колоко^л^наго ря^ду^ данилы алеѯеево отецъ алеѯей 1742 июня в з^де^».

37) Q. IV. 271. «Сборникъ, скороп. XVII в. Изъ собранія Трехлѣтова № 57: . . . . . 3) Исторія о Казанскомъ царствѣ[4]);—

1) Стерто.
2) Т. е. что въ пред. № 170.
3) Эти 3 слова киноварью.
4) Добавлю: л. 26—284.

на листѣ, приклеенномъ къ переплету и на переплетной доскѣ записаны разныя Ярославскія событія». Есть отдѣльное оглавленіе «Исторіи (л. 26—35): гл. ркѕ послѣдняя (таже по содержанію, что въ печ. изд.). Послѣ окончанія этой главы проведена линія и чернилами болѣе свѣжими, скороп. XVIII в.: «в лѣто ҂ѕ ц҃ѯа мая въ кө^де^ бе^з^зако^н^ны^і^ ма^г^метъ са^л^танъ турецки^і^ пообладалъ греки в цр҃ъ гра^де^ сѣде на престолѣ ца^р^скомъ благороднѣ'шемъ сущи всѣхъ иже по^д^ сонцемъ и обладаше владѣющи^х^ двема чати вселеныя, и одолѣ одолѣвши^х^ го^р^даго а^р^таѯе^р^кса, невмѣстимаго пучинами мо^р^скими и господаря земли, и потреби по^т^ребивши^х^ трою пре (л. 284 об.) дивную семидеся^т^ію и четы^р^ми крали обороняему; но убо да разумѣеши, окаяне, аще вся пре^ж^де реченаа меѳодиемъ па^т^рски и л'вомъ прему^д^рымъ и знамения о гра^де^ семъ сове^р^шишася, то и по^с^лѣдняя не пре'дутъ; пише^т^ бо яко руски' ро^д^ со пре^ж^де со^з^дате^л^нымъ (sic) всего и^з^маи^л^та побѣди^т^ и се^д^мохо^л^маго пріиме^т^, со пре^ж^ закоными его, и в немъ воцри^т^ся аминь». Далѣе внизу: «1718 году Іванъ андрѣевъ снъ Зато^в^ попови^н^ кутию в це^р^кви укралъ» [1]).

36) Q. IV. 374. «Сборникъ. Скороп. XVII в., 301 л. Въ немъ: 1) л. 1. Сказание вкратце о началѣ царства Казанскаго, і о брані і о побѣдахъ велікіхъ князей Московскихъ со цармі Казаньскімі і о взятіи того царьства Казанского благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ Іваномъ Васильевичемъ, всеа Русіи самодержцемъ (Казанскій лѣтописецъ). 2) л. 232. Сказаніе вкратце о Мамаеве побоище. . . . . Ср. Описаніе русскихъ сборниковъ И. Публ. Библ. А. Ѳ. Бычкова ч. I, 134. На л. 1 и 61 имѣются узорчатыя заставки и украшенія на поляхъ рукописи, рисованныя чернилами. По лл. 6, 8, 11, 13, 15, 17 и 20 внизу

---

1) Въ указанномъ каталогѣ И. П. Б. подъ № 211 (Q. IV. 211) имѣется: «Походъ царя Ивана Вас. на отложившееся царство Казанское, въ лѣто 7034 г. (sic), а по Рожд. Хр. въ 1526 г. 63 л. 36 гл., скороп. нач. XVIII в.». См. эту же рукопись въ Отчетѣ И. П. Б. за 1867. Спб. 1868, стр. 65. Но это совсѣмъ не «Исторія». Начинается извѣстіемъ свіяжскихъ воеводъ объ измѣнѣ казанцевъ. Очень много мѣста занимаютъ «разряды»: цѣлые перечни именные. Кончается разсказомъ о возвращеніи къ Москвѣ.

шла скорописная запись XVII в., большая часть которой выскоблена; не выскобленными остались лишь слова: Андрея (л. 15) и Дашкова (л. 20). Но вслѣдствіе того, что слова были выскоблены не вполнѣ начисто, можно возстановить почти всю запись, которая была слѣдующая: «Исторія царства Казанского столника Андрея. . . . сына Дашкова».

b) *Имп. С.-Петербургскій университетъ.*

39) Рукопись Спб. Унив., поступила отъ Ильи Александр. Березина въ 1868 г. 4 д. л., 236 л., второй половины XVII в., скорописи разборчивой. Съ л. 7 (гдѣ заглавіе «Исторіи») по 29, внизу по лл. запись: Сия книга г҃лголемая историа о казанско҃ к (sic) ца^р^стве свия^ж^ского поса^д^цкого ч҃лвка ѧкова чеснокова (л. 29). Внизу же идетъ счетъ тетрадей; послѣдняя 29-ая.

л. 1—5. Отдѣльное оглавленіе рукописи: ѡ сказанїї главамъ книги сїа:

ѿ началѣ ц҃рьства каза^н^скагѡ ка҃ и ѿкꙋды началась гла҃. .а҃.
ѡ воинѣ батыѧ ц҃рѧ и ѡ ^в^зятии гра^да^ владимера. . . . . . .в҃.

. . . .

Послѣдняя гл. о҃о: ѿ ц҃ркомъ хѡжденї по ст҃ы мѣстамъ и҃ ѡ рѡж'денії ц҃ркихъ чадъ.

л. 7 (кин. и вязью): Книга г҃лемаꙗ и҃торіꙗ ѡ каза҃ [1])скомъ ц҃рьствіи. Сказаниа въкра^т^це ѡ нача^ле^ ц҃рьства казаского. Какѡ и҃ ѿкуды и҃ в которыя лѣта начася. И ѡ побѣда^х^ [2]) великихъ князеі моско^в^скихъ с ца^р^мі казаньскимі. И ѡ взятіи ц҃рства казаньского б҃говѣрнымъ ц҃ремъ і великимъ к҃иземъ іваномъ василье̑вичемъ в'сеа҃ рꙋсии самѡдержцемъ. — Нач.: Красныя оу̑бо и҃ нѡвыя повѣсти сея достоитъ намъ радостно послушати. . . Кончается «Исторія» на л. 234: . . . . и҃же все҃ восприе̑мникъ бысть единъ ѿ с҃тыя купѣли преѡсще̑нныи макарі митрополи^т^ мо-

1) Доселѣ вязь.
2) Доселѣ киноварь.

сковскиі і всеа̀ рꙋсиі. — Послѣ этого заставка, рисованная чернилами (пирамидальная цѣпь колецъ).

На л. 6, [1]) вверху, скорописью: Спаси г҃ди люди твоя и бл҃гослови достояние твое побѣды бл҃говѣрномꙋ цр҃ю нш҃емꙋ петрꙋ на сопроти^вныя даруя и твое сохроняя кр҃томъ твоимъ жите^лство. Далѣе написанъ весь кондакъ: Дѣво днесь пресꙋщественнаго ра^ждае^т. . . .

л. 234 об. разборчивымъ почеркомъ: «1815 Году месеца Сентября 3-го числа

Былъ Пожаръ Въ Казани згорело 2660 Домовъ Кафедральной соборъ Церквей 20 Пределовъ 36 Гостины ряды. 1830 Года месеца Сентября

13-го Дня въ суботу въ Казани былъ заразный Моръ на людей

И округъ Города Казани былъ поставленъ Карантиръ и не было Пропуску ни в городъ ни из городу».

л. 235 (скороп., почеркомъ болѣе древнимъ): стоп^т сто^лпъ на пꙋти стоп^т сто^лп. — л. 235 далѣе и 235 об. чистый.

л. 236 (скороп.): да ꙋт҃вердится ср^дце мое (в) воли твое^і хр҃те іже на^д водами н҃бо ꙋтверждe^і второе і на^д водами основа^л землю всеси^лне. Далѣе: По м҃лтв бж҃иї г҃ велики^х светителеі петра алеѯѣя ионы ѳилиппа і всеа Росиї моско^вски^х чюдотво^рцо^в і всехъ ст҃ы^х твои^х Аминь.

Далѣе рукой, которая писала о событіяхъ на л. 234 об.: «Сія Книга Принадлежитъ Казанской Суконной (sic) Мастеровому Матвѣю Григорьевичу Серебрякову». Далѣе, внизу л. 236, нарисованы ноты; надъ нотами: «блага-сло-ви-ду».

л. 236 об. Скорописью написанъ весь тропарь: «Спаси Господи люди твоя». . . («цр҃ю нш҃ему Петру». . .). Далѣе, той же скорописью: за млтвы свтыхъ оц҃ъ нши^х г҃ди исе хр҃те бж҃е нш҃ъ помилу^і насъ аминь.

---

1) Этотъ л. передъ заглавіемъ «Исторіи» и на немъ внизу стоитъ а҃, т. е. 1-я тетрадь.

c) *Спб. Духовная Академія.*

См. А. Родосскій. «Описаніе 432-хъ рукописей, принадлежащихъ Спб. Дух. Ак.». Спб. 1894. Стр. 298—299; стр. 318—319 [1]):

40) № 302 Спб. акад. Рукоп. писана скороп. XVII в. «Исторія» л. 242—472.

41) № 318 Спб. ак. Сборникъ, въ 4 д. л., писан. скороп. XVII в. «Исторія» занимаетъ 6-ую «тетрадь» (л. 35—240).

(Кромѣ этого въ томъ же Описаніи А. С. Родосскаго указанъ рукописный сборникъ № 293 Спб. Д. ак., въ л., писанный мелкой скорописью разныхъ почерковъ XVI—XVII в. Во 2-ой его части (л. 159—314) — лѣтопись царствованія Ив. Вас. Грознаго, которая «начинается исторіей завоеванія казанскаго царства».... «На первомъ листѣ описываемой рукописи сохранилась надпись въ 3 строки скорописью XVIII в., гласящая: «Рукопись князя Курбскаго, жившаго при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ». Подъ этимъ заглавіемъ описываемая рукопись и внесена въ академическій каталогъ». — «Описаніе 432-хъ рукоп. Спб. Дух. Ак.» А. Родосскаго, стр. 290—292).

c) *Имп. Академія Наукъ.*

См. «Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ Россійской Исторіи и Географіи принадлежащимъ и въ Академической библіотекѣ находящимся, по приказанію Господина Президента Имп. Академіи Наукъ Сергія Семеновича Уварова, вновь сдѣланный ст. сов. Соколовымъ». 1818 года. Стр. 16; 41; 43:

---

1) Несомнѣнно, въ богатомъ рукописномъ собраніи Спб. Д. А. есть еще списки «Исторіи». См., напр., Лѣтопись занятій Археогр. Ком. вып. VIII. Спб. 1888; отд. IV, стр. 8: «Вмѣстѣ съ симъ г. Викторовъ возвратилъ въ Коммиссію 14 списковъ названнаго (т. е. Казан.) лѣтописца именно:....... 3) Спб. Дух. Акад. № Ж. 295».

42) № 48, въ л. «Исторія» «съ разными личными изображеніями» [1]).

43) № 21, «въ 4 д. л. Исторія о Казанскомъ царствѣ». (Объ этомъ спискѣ только и сказано).

44) № 22, 4 д. л., «Такая же Исторія, съ пріобщеніемъ въ концѣ краткой Исторіи о держаніи г. Пскова въ осадѣ отъ поляковъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. (Прислана въ Академію отъ Тифинскаго купца Григорія Попова 1767 г.»

45) № 23. 4 д. л. «Исторія о взятіи Казани, 6995 (1687). Писана стариннымъ письмомъ и довольно ветха».

46) № 38. 4 д. л. «Тоже [2]), старин. письма и разныхъ рукъ съ приложеніемъ описанія разныхъ походовъ, Исторіи о взятіи Казани и разныхъ другихъ Историческихъ записокъ».

d) *Археографическая Коммиссія.*

См. «Рукописи Археогр. Коммиссіи. Описалъ П. Барсуковъ». Спб. 1882. Стр. 4—5; 5; 34—35; 42; 81 [3]).

47) № 16. «Исторія о Казанскомъ царствѣ. Скорописью XVII в., in 4°, 50 листовъ». «Исторія эта раздѣляется на 91 главу и оканчивается статьями: «О церковномъ хожденіи по святымъ мѣстамъ» по взятіи Казани, и «Чюдомъ о святей водѣ Никиты Столпника Переяславскаго чудотворца». Рукопись доставлена въ Археограф. Коммиссію графомъ Д. Н. Блудовымъ, при отношеніи отъ 14 мая 1844 года. Не есть ли это та же самая рукопись, которая нѣкогда принадлежала исторіографу Миллеру? (Рычковъ, «Опытъ Казанской Исторіи. Спб. 1767, 8°, стр. 66—67)».

48) № 17. «Скорописью XVIII в., in F°, 90 л. Въ началѣ слѣдующая надпись: «Сія история Александръ Петрова сына

---

1) См. ниже № 98. Моск. Дух. Ак.

2) Т. е. что № 37: О бракахъ разныхъ древн. Вел. Князей Россійскихъ.

3) См. «Лѣтопись занятій Археогр. Ком. вып. VIII, стр. 8: А. Е. Викторовъ возвратилъ Арх. Ком. рукописи «библіотеки Арх. Ком., № 4 и 11». (Какія это рукописи, изъ указанныхъ ?).

Бычкова». Въ концѣ л. 88: «окончена сія исторія писаніемъ лѣта 1761 года, мѣсяца октября 30 дня».

49) № 45. «Сборникъ. Полууставомъ XVII—XVIII в., въ листъ, 221 л. Л. 1. Исторія о Казанскомъ царствѣ. Списокъ грамоты 7063 году (1555 мая) отъ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича въ Казань болярину и воеводѣ князю Петру Иванову Шуйскому. Л. 1 об. Списокъ съ памяти архіепископу Казанскому Гурію 7063 году (1555 9 іюля). Л. 3 об. Сказаніе вкратце о началѣ царства Казанскаго и о бранѣхъ и о побѣдахъ великихъ князей Московскихъ со цари Казанскими, и о взятіи того царства Казанскаго благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ всеа Русіи самодержцемъ. Нач.: «Красныя убо и новыя повѣсти сія достоитъ намъ радостно послушати, о христоименитіи люди».

50) № 60. «Исторія», въ листъ, 84 л.; скорописью XVIII в.

51) № 141. Хронографъ *второй* редакціи съ русскими прибавленіями. Писанъ четкою скорописью XVIII в., въ большой л., на 309 л. «Исторія» л. 235—255.

52) Кромѣ этого у Н. Барсукова же въ томъ же описаніи указано на стр. 36: № 47. «Сборникъ. Полууставомъ XVIII в., въ л., 95 л.» «л. 26. О мученіи святаго мученика Іоанна, жителя Нижнего Новаграда, мучившагося во градѣ Казани. Выписано изъ Казанской Исторіи. Глава 22».

e) *Имп. Общество Любителей Древней Письменности.*

См. «Описаніе рукописей Имп. Общ. Люб. Древ. Письмен.» Хрусанѳа Лопарева, ч. II. Спб. 1893. Стр. 108—109:

53) № L (1886). Сборникъ, на 225 л.; ½ уст. XVII в. «Исторія» л. 1—134.

f) *Музей Имп. Русскаго Археологическаго Общества.*

См. Д. Прозоровскій. «Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русскаго Арх. Общ.» Спб. 1879. Стр. 55:

54) № 35. «Скоропись XVII в. Въ 4-ку. На 280 л. (По старинной помѣтѣ буквами 278 листовъ, но числа 152 и 274 повторены два раза)». Книга въ кожаномъ переплетѣ. Она принесена въ даръ Обществу помѣщикомъ Владимирской губ. г. Умановъ и занесена въ протоколъ 5 янв. 1863 г. (Изв. Общ., т. IV, стр. 476) [1]).

II. Тверь.

См. М. Н. Сперанскій. «Описаніе рукописей Тверскаго музея». М. 1891. Стр. 161:

55) № 129 (3146). Сборникъ. Рук. въ 8 д. л., 406 л., скороп. конца XVII в. Въ началѣ листы перепутаны: они должны итти въ такомъ порядкѣ: 7, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и т. д. «Исторія» л. 7—165 об.; л. 165 об. — 264· «ѿ казанскѡмъ хр҇товѣ мч҇нике їване».

III. Москва.

а) *Имп. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.*

См. «Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». М. 1845. Стр. 30, 47, 82:

56) № 76. «Исторія Казанская, скоропись исхода XVII вѣка въ четвертку, 285 листовъ...... Списокъ исправный, лучше печ. изданія (Спб. 1791, въ 8 д. л.)».

57) № 77. «Исторія Казанская, таже.... списокъ небрежный XVII в., въ четвертку, 128 листовъ».

58) № 127 «Лѣтописецъ Русскій, скороп. исхода XVII в. въ л., 560 листовъ». «Исторія» съ л. 437 до конца.

---

1) См. еще «Каталогъ военно-ученаго Архива Главнаго Штаба. Матеріалы о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскія войска. Вып. I. Спб. 1886», стр. 4: (Войны до Петра I) «1(41724). Копія съ доставленной гр. Мусинымъ-Пушкинымъ рукописи о походѣ царя Іоанна IV на Казань».

59) № 198. «Сборникъ, изъ трехъ отдѣльныхъ рукописей, скороп. исх. XVII в., въ четвертку, 232 листовъ». «Исторія» л. 142—217[1]).

60) Кромѣ этого см. «*Исторію Россіи*» *Соловьева*. Изданіе 1-е Товарищества «Общественная польза». Книга первая, т. V, стр. 1581, примѣчаніе 1: «Въ сказаніи о Землѣ Царства Казанскаго (гл. XIV, *рукоп. библіот. Московскаго Университета*) говорится, будто Казанцы раскинули на Арскомъ полѣ шатры по случаю ярмарки, на которую сошлось много народа; всѣ пировали, веселились, какъ вдругъ нагрянула врасплохъ сила московская и произвела страшное кровопролитіе; Казань была бы взята, но побѣдители, вмѣсто того, чтобы добывать городъ, бросились грабить шатры, пировать въ нихъ, упиваться; этимъ воспользовался Магметъ Аминъ, въ свою очередь напалъ на нихъ врасплохъ и поразилъ. — Это понятно въ разсказѣ автора сказанія, который говоритъ объ одномъ только этомъ дѣлѣ, ведетъ прямо Русскихъ изъ судовъ на Казань, гдѣ они застаютъ пирующихъ; но, принявъ извѣстія лѣтописей болѣе достовѣрныхъ о двукратномъ приступѣ къ Казани, нѣтъ никакой возможности вставлять разсказъ Сказанія, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, ибо нельзя предположить, чтобы Казанцы не знали, что Русскіе, послѣ первой неудачи, не сѣли еще на суда, не удалились, и открыли ярмарку. Если же принять извѣстіе о пораженіи въ шатрахъ казанскихъ и вставлять его въ разсказъ лѣтописей, то должно принять извѣстіе Герберштейна (стр. 68), внесенное нами въ разсказъ. . . . Во всякомъ случаѣ извѣстія Герберштейна заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ извѣстія Сказанія, источника очень мутнаго: въ немъ, напримѣръ, тутъ же воевода Киселевъ означенъ въ числѣ убитыхъ, тогда какъ лѣтописи выставляютъ его побѣдителемъ при отступленіи

---

1) Ср. «Обзоръ рус. духовной литературы. 862—1863. Соч. Филарета (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго. Изд. 3-е, съ поправками и дополненіями автора». Спб. 1884. Стр. 142: указано 3 списка «въ Библ. Общ. Ист. № 76, 77, *178*».

къ Мурому». — (Не одинъ ли это изъ списковъ Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ?).

б) *Московскій Публичный и Румянцовскій Музей.*

См. «Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное А. Востоковымъ». Спб. 1842. Стр. 355—6; 555—6; 566—8; 754—760:

61) № CCLII. «Лѣтописецъ Русскій и Кіевскій (такъ въ заглавіи названа) въ л., 536 л. новаго письма» . . . . «л. 417 об. присовокуплена Казанская исторія, начинающаяся статьею: «о изгнаніи Улуба Ахмета Царя отъ Златыя Орды и о смиреніи его и о бранехъ его съ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ». Потомъ слѣдуетъ: л. 421. Сказаніе вкратцѣ о началѣ царства Казанскаго и бранехъ и о побѣдахъ велики[х] Князей Московскихъ съ Царьми Казанскими и о взятіи того жъ царства Казанскаго отъ благочестиваго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи Московскаго».

62) № CCCLXXIX. «Историческій сборникъ, въ 4-ку, 449 л., скороп. XVII в.» «Исторія» съ л. 239 до конца.

63) № CCCLXXX. «Сборникъ, большею частью историческаго содержанія, въ 4-ку, 481 л., скорописью XVII в.» «Исторія» — л. 212—378. Добавляю: начало обычное, но нѣтъ (л. 212 об.) слова «новыя» (повѣсти), а есть «сладкія» повѣсти. Глава н҃ (л. 309): «О Христовѣ мученикѣ Іванѣ иже въ Казани». Глава н҃а (л. 310 об.): «О мученіи мученика Петра иже въ Казани». Глава н҃ѳ: «Повѣсть *полезная* о Казанскомъ взятіи» и т. д. см. Ундольскаго № 774, л. 112 об. Послѣдняя глава п҃ѳ обычная (см. Ундольскаго № 774, печатное изданіе «Исторіи»), но здѣсь въ концѣ ея прибавлены слѣдующія слова: возвещено же бысть чудо сие̜ самодержцу государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи о[н] же бл҃годарение и хвалу бг҃у во[з]да[де] і ѹго[д]никѹ его прпномѹ ѿцѹ нш҃емѹ чюдотворцѵ никите.

По первымъ 28 листамъ этого сборника внизу запись: «Сия книга Московские большіе таможні подьячего дмитрея андрѣева сн҃а губина». Сзади л. 476—482 — таблица умноженія (цифры славянскія). На л. 484 об. (посрединѣ): «Сия кн҃га по наследству ѿ онога Губяна подячему Павлу Лаврентьеву сн҃у богьданову вь 724 годꙋ».

64) № CCCCLVI. «Тожь [1]). Со вставками и присовокупленіями. Въ л., 518 л. скорописью, а потомъ полууставомъ XVII в.» «Исторія» л. 371—432.

См. «Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1883—1885 г.» М. 1886. — «Собраніе Ал. К. Ѳедорова». — Стр. 21:

65) № 28 (2916). «Казанскій лѣтописецъ. Скоропись конца XVIII в., въ л. Раздѣленъ на 91 главу.»

66) № 29 (2917) «Лѣтописецъ Казанскій, въ 73 главы. Скоропись конца XVIII в., въ л. Отличенъ отъ предыдущаго, котораго онъ короче». . . .

См. «Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи. Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева и А. Викторова. Издано къ 50-лѣтнему юбилею Румянцовскаго Музея». М. 1881. Стр. 7—8; 8—9; 9; 10:

67) № 9 (1515). Сборникъ историческій, скоропись Петровскаго времени, въ л., 217 л. «Исторія» — л. 92—175.

68) № 10 (1516). Казанскій лѣтописецъ, съ разными приложеніями въ концѣ, скоропись XVII в., въ 4-ку, 517 л. Казанскій лѣтописецъ оканчивается на 252 л.

69) № 11 (1517). Казанскій лѣтописецъ, скоропись XVII в., въ 4-ку, 280 л. Съ л. 231 идутъ приложенія.

70) № 12 (1518). Казанскій лѣтописецъ, скороп. XVII в., въ 4-ку, 314 л. Приложенія идутъ съ л. 244.

См. «Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева.

---

1) Т. е. что № 455, что № 454: хронографъ, содержащій въ себѣ библейскую и всеобщую исторію отъ сотворенія міра до взятія Царяграда турками.

Изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ». М. 1871. Составленъ А. Е. Викторовымъ. Стр. 51:

71) № 184. Сборникъ историческій, писанный полууставомъ разныхъ почерковъ XVII в., въ 4-ку, 509 л. Содержитъ: 1. Путешествіе Трифона Коробейникова. 2. Новый лѣтописецъ. 3. «Исторію». Въ концѣ ея подпись писца: «Писалъ Крироскій дьячекъ Васька Ивановъ Бова [1]), лѣта 7200 (1692)» [2]).

См. «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. Изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. М. 1870». Стр. 22:

72) № 1283. «Лѣтописецъ отъ начала русской земли до царя Алексѣя Михаиловича, поморскаго письма, XVIII в., въ л., на 158 л., съ исторіей Казанскаго царства въ концѣ». Добавлю: «Исторія» — съ л. 134 до конца. Заглавіе обычное: (кинов.) «Книга глагóлемаѧ і҆сто́рїѧ ѡ҆ каза́нскомъ цртвїи. Сказа́ніе в̓ кра́тцѣ ѡ҆ началѣ црства каза́н̓скаго, ка́ко и҆ ѡ҆́кꙋдꙋ и҆ в̓ которыя лѣта нача́ся, и҆ ѡ҆ бра́ни и҆ побѣ́дахъ вели́кихъ кнзе́и моско́вскихъ с̓ црьми казански́ми [3]). и҆ ѡ҆ взѧ́тіи црства каза́нскагѡ. блговѣрнымъ цремъ, и великимъ кнзе и҆ваномъ васи́льевичемъ в̓сеа рѡссі́и вели́кимъ самоде́ръжцемъ». Начало: Кра́сныя ꙋбо и новыя повѣсти сея достоитъ намъ радостно послушати и т. д. «Исторія» не окончена. Послѣдняя гл. ке: «Ѡ тре́тьемъ взя́тиі цря сафагирѣ́я на црство в̓ казань, и ѡ҆ ско́рои смерти егѡ. и ѡ҆ црицахъ, и ѡ҆ казни велмо́жъ моско́вскихъ, и҆ ѡ҆ посланіи воевѡ́дъ ѿ цря, и вели́каго кнзя на каза́нь». Послѣ этой главы идутъ чистые листы до конца рукописи.

1) Ср. рук. Толстова II, № 18 (= И. П. Б. Q. IV. 100).

2) Кромѣ этого, въ томъ же описаніи, на стр. 47—48: № 178. Степенная книга, скоропись половины XVIII в., на 355 л., въ 2 столбца. Оканчивается 14-ою степенью. Въ промежуткахъ между разсказами вставлены отдѣльныя сказанія, такъ на л. 273—279: Повѣсть о Казанскомъ взятіи. — Ср. Ж. М. Н. П. 1898, іюль, стр. 135—145 и «Отчеты о засѣданіяхъ Имп. Общества Любителей древней письменности за 1897—1898 г.» Приложенія, с. 23—35.

3) Такъ.

73—77) Далѣе, въ томъ же описаніи рукописей В. М. Ундольскаго, читаемъ: «Пять списковъ Казанскаго лѣтописца или Казанской исторіи, — одинъ (№ 774) конца XVI в., съ приложеніемъ въ концѣ грамоты архіепископа Гермогена къ патріарху Іову, 1692 г., о казанскихъ мученикахъ; два (№ 775, 776) XVII и два (№ 777 и 778) XVIII в.». Это все, что сказано объ указанныхъ рукописяхъ: прибавлю нѣсколько своихъ замѣтокъ.

Списокъ Ундольскаго № 774 — древнѣйшій, сколько мнѣ извѣстно [1]). Писанъ онъ тщательно скорописью, подходящею къ полууставу [2]), на 182 листахъ. Къ сожалѣнію, въ немъ есть пропуски, а начальныхъ листовъ и совсѣмъ нѣтъ, именно списокъ начинается собственно 9-мъ листомъ, какъ видно изъ помѣтки старинными чернилами на этомъ листѣ [3]). Его первыя слова: всеми е блгими оузорои. и по оубіеніи велікаг кнзѧ геωргиѧ всеволодича вламерскаг . . . .», а послѣднія: «и ωтнасѧ слва и чть ея но не во вѣки и поработи богомерску црю и лукавнейшоу паче все». Листъ же 1-ый, по *теперешнему* счету листовъ, выставленному вверху арабскими цифрами, начинается: «и землѧ и предана бысть ıако иерлмъ в наказаніе навходносору црю валоскому [4]) ıако

1) См. «Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева» А. Викторова. М. 1881, стр. 7. Здѣсь по поводу рукоп. № 9 (1515) сказано, что Казанскій лѣтописецъ былъ изданъ въ Спб., въ 1791 г., по 2-мъ спискамъ XVIII в., «между тѣмъ какъ по разнымъ нашимъ библіотекамъ списковъ этого памятника найдется болѣе сотни, и изъ нихъ половина принадлежитъ XVII в. Списокъ XVI в. намъ извѣстенъ только одинъ, въ собраніи Ундольскаго, подъ № 774». См. еще Труды IV Археологическаго съѣзда, т. II. Приложенія. «Сборникъ и указатель» И. Ѳ. Токмакова, стр. 292: здѣсь указана рук. № $^{688}{}_{1200}$ писанная «скорописью конца XVI в., на 226 лл.» Это — XVII в. Такъ опредѣлилъ и А. И. Соболевскій.

2) По опредѣленію А. И. Соболевскаго, этотъ списокъ конца XVI в. — нач. XVII в.

3) Это и есть первый листъ *теперешній*, хотя въ рукописи онъ и не помѣченъ первымъ, а помѣченъ первымъ слѣдующій л., собственно 10-й листъ. Можетъ быть, это произошло оттого, что этотъ собственно 1-ый л. (= «9») отдѣленъ отъ рукописи.

4) Такъ.

да смири^т^ца.....» Такимъ образомъ очевидно, что теперешній л. 1-ый есть собственно 10-й, но, чтобы не было недоразумѣній въ счетѣ листовъ, я далѣе при указаніи листовъ, слѣдую счету выставленному вверху.

На л. 1: Ѿ взатїи велї (л. 1 об.) — лика^х^ [1]) нова^г^ города ѿ велика^г^ кнза ивана васильевича и похвала тому^ж^ великомоу кнзю [2]). глв г — Нач.: Ноугоро^д^скимъ бо лю^де^мъ не хоте^в^ши^м^ъ е^г^ на^д^ собою гдре^м^ имѣти и велїки^м^ъ кнза^м^ звати.

л. 2 об.: Ѿ после^х^ ѿ црѧ прїше^д^ши [3]) де^р^зост'но к' великому кнзю московъскому. и ѡ ярости црве на не^г^ і ѡ храбрости великого кнза [4]). — Нач.: Црь же ахма^т^ восприя^т^ цртво златыя ѡр'ды.

л. 4: Ѿ коне^ч^но^м^ запоустенїи златыя ѡ^р^ды и ѡ цре ея и ѡ свобо^де^ [5]) и ѡ величестве роускиа земла и ѡ чти (л. 4 об.) и ѿ красоте преславна^г^ града моск'вы. — Нач.: И приидоша ногаи п^же^ речен'ныя ма ниты по моско^в^ско^м^ воиства....

л. 5: Ѿ великомъ кнзе ярославе и ѡ поновленїи роу^с^кихъ гра^до^вовъ [6]) ѿ него и ѡ пооученїи ѿ него люде^м^ свои^м^ и ѡ воста^в^шемъ паки матежи на роускоую зем'лю ѿ са^и^на цра ар'динъскаго. гла^в^ ѕ. — Нач.: Великомоу же кнзю ярославоу всеволодичю живоущоу в' сматение люде^м^ своимъ....

л. 6 об.: Ѿ пе^р^вомъ началѣ каза^н^ского цр^ства и ѡ мѣстно^м^ оугоди і ѡ зм^е^иномъ жилище. глва з. — Нач.: Пославъ црь саинъ по мѣсто [7]) искати прехода и ѡбрете мѣсто..... Въ этой главѣ есть пропускъ [8]): л. 7 об. кончается: и во^з^гради на мѣсте то^м^ гра^д^ казань никомоу^ж^ тогда ѿ дер'жав'ны^х^ нши^х^ смѣюще емоу сопроти^в^ рещи что^же^ и есть гра^д^ каза^н^ стои^т^ и донне всѣми (л. 8)

1) Такъ.
2) Доселѣ киноварью.
3) Такъ.
4) Киноварью, какъ и вообще заглавія здѣсь всѣ киноварью.
5) Въ рук.: свово^де^.
6) Такъ.
7) Такъ.
8) См., напримѣръ, печатное изданіе «Исторіи», стр. 10—14 (= глава IV).

роускиѧ землѧ гоубители пременѧюще цртвоваше в казани лѣта многа. — Далѣе гл. 8-я.

л. 8: О первомъ взатиї казастемь и ѡ иныx граде [1]) богарскихъ. И ѡ повоеваніи великиѧ ѡрды. глва и. На нюж ходи певрое кнзь юрье дмитреевичь в лѣта ѕцге. — Нач.: Посла кнзь великий василей дмитреевичь з братомъ своим со кнзем юрьем дмитрѣевичем. . . .

л. 8 об.: О изгнаніи црѧ ѿ златые ѡрды и ѡ смиреніи е. и ѡ бранеx с великим кнземъ московскимъ. глва ѳ. — Нач.: И в тож во едино времѧ спoустѧ г лѣтъ. по оумертви зелеа сатана црѧ великиѧ ѡрды (л. 10) дмитреѧ галецькаго по реклому шемакоу и с ним к воѡружен ныхъ вои посласта ѡба кнзѧ тверскиѧ и по г тысѧчь своихъ вои и бы всехъ. м да шедъ ѿженоутъ црѧ ѿ предѣлъ роускиѧ землѧ. — Изъ сравненія съ другими списками, видно, что здѣсь, начиная съ л. 10, пропускъ. См., напримѣръ, печатное изданіе «Исторіи», стр. 17—22. — Л. 10 об. кончается:..... и прежнюю любовъ мою к немоу аки любезному снoу забывъ видѧ мѧ инѣ в велице напасти і бѣде оу теснѧема зелно и погибающа ѿ всюды не сведаю бо собою аз ни ѡ чем же престу (л. 11) мъ творѧютъ ѡ блажен ное смирение и покорение ѩко не ток мо спомогает кртьѧномъ но и поганымъ на првде собьствоуетъ. — Далѣе гл. 11-я. Такимъ образомъ и здѣсь видимъ пропускъ. (Ср., напримѣръ, печатное изданіе «Исторіи», стр. 24—25).

л. 11: О второмъ началѣ казанскомъ и ѡ прихоженіи казаньского црѧ на роускиѧ грады. І ѡ смрти его и ѡ взати в пленъ великаго кнзѧ васильѧ васильевича. глва аі. — Нач.: Поганыиж црь оулу ахметъ победець [2]) московскиѧ воѧ і ѡбоимa ихъ ѡбогатисѧ вел ми....

Въ этой главѣ опять пропускъ: л. 12 об. конецъ: ... и приѧтъ по немъ црьство казаньское снъ его момотакъ ѿ скорпи зми и ѿ

1) Такъ.
2) Такъ.

то л'ва лютыи звер и кровопиица се (л. 13) ловѣки и много крепивса црь прельстивса злыа жены своеа и послоуша проклатаго совѣта еа ѡкаанныа, ѡ безоумию его, измени.... (Ср., напримѣръ, печ. изд. «Исторіи» главу VIII, стр. 28—29; гл. XIII, стр. 40—43).

л. 14: Ѿ приходе махметемина цра казанъского к нижнемоу новоу градоу и ѡ падени во его оу града и ѡ страсе московъских воеводъ и ѡ смрти великаго кнза івана. глва гі. — Нач.: И еще не оудолиса казанъски цра [1]) богатъствомъ роуских люде в'затыхъ в' казани же....

л. 16: Ѿ послани воеводъ московъскихъ к хазани і ѡ падении их вои их оу града. Глва ді. — Нач.: Великии василеи ивановичь хота ѿмѣститъ измѣноу изменъникоу своемоу рабу казаскому црю махметеминоу. . . .

л. 19: Ѿ проказе црве махметеминове. і ѡ покаанїи его и ѡ послани его з дары къ великомоу кнзю. і ѡ смрти того цра [2]). — Нач.: И за сие престоупление поразви его бгъ иазвою...

л. 21 об.: Ѿ смиренїи великаго кнза с казанъцы. и ѡ посланїи на црство в' казанъ цра шигалѣ. Глва ѕі. — Нач.: И оумилиса кназь велики ѡ прощенїи цра того і забы злаа его вса. . . .

л. 23: Ѿ печали великаго кнза ѡ христианехъ погиб'шихъ в' казани и радость его ѡ ших алѣеве животе. глва зі. — Нач.: И слышавъ сие кнзъ велики василе ивановичь и в раскаание приде еж ѡ мироу с казанцы. . . .

л. 25: Ѿ престати воевания на време великаго кнза на казанъ. и ѡ брани і ѡ смирени его с польскимъ королемъ. і ѡ въторомъ послани воевод московъскихъ на казанъ. глв иі. — Нач.: И потомъ мол'ча долго велики кнзь. аі лѣтъ. не моги братиса с казаньцы. . . .

---

1) Такъ.

2) Числа главы нѣтъ.

л. 28: О третиемъ послани московскихъ воеводъ х' казани. и ѡ в'зати казанъскаго ѡстрога великаго. глава ӗі. — Нач.: По семъ же ѡт тѣр'певъ лѣт ѕ. и конечно стисноувъ спре свое ѿ велиа скорби...

л. 32: О мироу казанцевъ с великимъ кнземъ и ѡ в'зати цр҃а с москъвы и ѡ оубиени его. глава к҃. — Нач.: Воеводы же со ѡстав'шимиса во граде казанцы премирение оучиних и в'заша выход и ѡброки. . . .

л. 34: О смрти великаго кнза васпльа и ѡ приказе црства ѿ него сноу его и ѡ самовластии бояръ его. глава ка҃. — Нач.: И ѿ того времени на дол'го времѧ велико зло бы хртианомъ ѿ казанъцовъ. . . .

л. 35 об.: О воцрнии великаго кнза івана васильевича. и ѡ разоумѣ его і ѡ премоудрости и ѡ зблении ѿ него боляръ его и ѡ сгляданиі его землѧ своеѧ и ѡ люб'ви его къ воемъ его (л. 36) и ѡ оувѣдани [1]) его ѡ казанъскомъ црстве. глава кв҃. — Нач.: Восраст'шоу великомоу кнзю иваноу и велик [2]) разоумъ пришедшоу. . . .

л. 39 об.: О пленени казанъцевъ на рускоую землю и ѡскверненп ѿ нихъ стыхъ цквеи і ѡ наруганіі кртьаномъ. глава кг҃. — Нач.: (л. 40). И како могоу сказати іли списати напасти тоѧ грозныѧ тоуги. . . .

л. 44 об.: О молени к' бгоу цря і великаго кнза івана васиевича и ѡ жалости хртианскаго народа. глава .кд҃. — Нач.: Православныи црь и велики кнзь иванъ васиевичь всеѧ руси. всегда сиа реченаа слыша. . . .

л. 46 об.: О встав'шемъ матежи в' казани і согнати цра ихъ і ѡ в'зати с москъвы цра ших алѣа і ѡ избежании его из казани; и ѡ оубиении кнза чюры. глава .ке҃. — Нач.: И возста в' казани в' велможахъ и во всемъ народе сметение велико [3]). . .

---

1) въ рук.: оу ѡ вѣдани.

2) Такъ.

3) Въ рук.: велико.

л. 53 об.: Ѡ третиемъ взаᵀ цр҃а сапкирѣа на цр҃тво и ѡ скоᵖби і ѡ см҃рти его. и ѡ црцахъ его и ѡ казни велʹможъ московъскихъ и ѡ посланіи воеводъ на казанъ. гл҃ва к҃ѕ. — Нач.: И по иˢвѣрʹжени цр҃а шиˣалʹлѣа иˢ казаніи идоша казацы в нага за аикъ. . . .

л. 58: Ѡ пеᵖвомъ хожени самого цр҃а і великаго кн҃за івана васильевича всеа руси х казани і ѡ иˢлюбленіи мѣста граᴬнаго свиꙗᵂского. гл҃ва .к҃з. — Нач.: Цр҃ь же кн҃зь велики слышавъ цр҃а казаᴴскаго сапъкиреа ˢлаго воина лютаго звера кровопиицу злѣ оумеᵖша. . . .

л. 59 об.: Ѡ видени сн҃а цр҃а и великаго кн҃за ивана васильевича всеꙗ руси і ѡ вʹторомъ его послани воевоᴬ его х казани і ѡ постановлени свіꙗᵂскаго граᴰᵃ. гл҃ва .к҃и. — Нач.: (л. 60). И абие видитъ видѣние нѣкое во сне. . . .

л. 61 об. О бывшемъ звону на мѣсте томъ и о чюдотворение (л. 62) и явлении Сергия чюдотворца[1]). глава .к҃ѳ. — Нач.: И многа тогда быша исцеления отъ тои иконы великаго чюдотворца Сергия. . . .

л. 64 об.: Ѡ волъхвѣхъ прорицающе вʹзатие казанъское и ѡ сѣтовани казанъскихъ старѣишинъ. і ѡ гоᵖдѣні ихъ. гл҃ва л҃. — Нач.: Многаᵂды бо и ѿ веможъ нѣцы сами вʹ полудне видахоу. . . .

л. 66 об.: О царицыне прореченіи о Казаніи. Глава л҃а. — Нач.: При царе бо нѣкогда ходившим казанъцемъ воиною на руские предѣлы. . . .

л. 67 об.: Ѡ бѣсе де[2]) творащимъ мечта предъ ч҃лки живоущимъ во граᴰᵉ. Гл҃ва .л҃в. — Нач.: К сему же и се треᵀее знамение при мне же бысть еще (л. 68) бо ми тогда живоущоу не вʹ коемъ оулусе казаскомъ. . . .

л. 69: Ѡ црцнѣ владенье казанъю всею і велʹможи с нею боᴴшихъ и печалъ ѡ поставлени града свияжьского. Гл҃в. л҃г. —

1) Въ рук.: чютворца.

2) Такъ.

Нач.: Цр҃ѧ же в' то времѧ не бѣ в' казани ꙗко преже ре҃ оумеръ бо бѧше. . . .

л. 71: (О) люб'ве блоуд҃нои со црцею кощака і' ѡ избеженіі его из казани (л. 71 об.) і' ѡ ати его и ѡ смрти его [1]). — Нач.: Того҃ црвча кощака не ток'мо вси каза҃ские люд҃и вѣдаху ѿ своеѧ ему жены прелюбы со црцею творѧще после цр҃ѧ но и на мос҃ве словѧще речь та і' во многи҃ ѡрдахъ. . . .

л. 73: Црвнно прорицание ѡ казани. — Нач.: Ꙗко же совозгор'дѣша црвна ихъ иже бѣ се(л. 73 об.)стра мах'метемину црю иже грамоте тата҃рсте наоучена бысть. . . .

л. 73 об.: Оуродиваго татарина прорицание ѡ казани. — Нач.: Нѣк'то (та)таринъ [2]) в' казани оуродивъ по граду ходѧ нача напрасно вопити. . . .

л. 74: Диво ѡ рыбнои ловитве на рѣкѣ волге. — Нач.: Нѣкогда рыболовѧ казанъскимъ ловѧщимъ рыбу на вол'ге извлекоша мрежоу два леща в' неже видеша члка жива. . . .

л. 74. об.: Диво во граде же казани. — Нач.: Имѣѧхоу тогда многие избы во граде в' казани в'копаны в' землю. . . .

л. 75: (О) думе вельможеи казаньскихъ со црцею ѡ казани і' ѡ мироу иже со цремъ ши҃алѣемъ касимовъским(ъ) [3]). глва .л҃е. — Нач.: По избежени из казани црвча кащака собрашасѧ ко црце вси каза҃скиe вел'можи. . . .

л. 77 об.: (О) црцне ѡтраве даньне на смрть црю и ѡ гневѣ его на црцоу. глв. л҃ѕ. — Нач.: (О)на же аки на радости велице посла ко црю нѣкиѧ дары. . . .

л. 78 об.: (О) смрти сеитове і' всего роускаго плена из поущение изъ Казани; глва л҃з. — Нач.: По црце҃ и сеита своего казанцы к' н(и)гамъ [4]) оучтлѧ ложнаго ꙗзыка ма҃метева сами руками своими ꙗв'ше приведше ѿдаша. . . .

1) Числа главы нѣтъ.
2) Въ рук.: таринъ.
3) Въ рук.: касимовскими.
4) Въ рук.: к' ногамъ.

л. 79: Ѡ и͡зведени͏̏ цр͞цы(с)[1]) сн͞омъ е̓ѧ изъ казани і̓ ѡ̓ плачи еѧ; гл͞ва .л͞и. — Нач.: Егда ведоме быти цр͞це изъ казани тогда посла по ню цр͞ь велико͡г воеводу московъскаго кн͞зѧ михаила серебрѧнаго і̓ ,г͞ воѡ̓руже͡нныхъ во͏̏и с нимъ. ,а͞ ѡ̓гненыхъ стре͡лцовъ. . . .

л. 83 об.: Ѡ̓ оу̓тѣшени͏̏[2]) гл͞ехъ вое̓воды (л. 84) ко цр͞це и̓ ѡ̓ провоженіе̓ (е)ѩ ѿ народа казанъскаго. гл͞ва .л͞ѳ. — Нач.: Вое̓вода пристав̓никъ бли͡з прише͡д к не̓ и бол̓шиѧ ве͡мможи каза͡ские̓ оу̓вѣщавахоу цр͞цоу сла͡дкими словесы да не плачетъ и не тужитъ. . . .

л. 86: Ѡ̓ поведени͏̏ цр͞ц(ы) к̓ мос̓квѣ и͡з казани и̓ ѡ̓ плачи е̓ѧ ѿ свиѧжского града идоущи. гл͞ва .м͞. — Нач.: И̓ прѡ̓водиша цр͞цоу ѿ свиѧ͡жского града .д͞. вое̓воды. . . .

л. 88 об.: Ѡ̓ быв̓шеи вѣсти ѿ тоуръскаго цр͞я ѡ̓ казани и ѡ̓ цр͞це і̓ ѡ̓ послани е̓го з дары к моу͡рзамъ нога̀ски͡м. гл͞ва .м͞а. — Нач.: Скоро же доиде слухъ ѡ̓ казани і̓ ѡ̓ цр͞це и до сомого нечистиваго цр͞ѧ тоу͡рскаго салътана. . . .

л. 90: Ѡ̓ пошествіе̓ в̓ казанъ цр͞ѧ шпа͡лѣѧ и̓ ѡ̓ посажени͏̏ е̓го на цр͞тво в̓ третіе̓ і̓ ѡ̓ и̓͡збпе̓ніи ѿ него вел̓можъ казанъскихъ. Гл͞ва .м͞в. — Нач.: Цр͞ь шихъ а͡лѣи пославъ цр͞цоу к москве изимавъ ю вины ради сеѧ хоте бо ѡ̓на е̓го ѡ̓травою ѡ̓ко͡рмите ѩко пре͡ж рѣхъ. . . .

л. 93 об.: Ѡ̓ прелагатае̓ кн͞зе чапкупе и̓ ѡ̓ и͡змѣне с нимъ казанъцевъ. гл͞ва .м͞г. — Нач.: В то͡ж времѧ бѣ на москве бегоунъ казанъски̓ ва͡рвари͡н кн͞зь чапкоунъ именемъ. . . .

л. 96 об.: Ѡ писани̓ вое̓водъ ко цр͞ю і̓ великомоу кн͞зю на цр͞ѧ шихъ а͡лѣа і̓ ѡ̓ изъшествіи̏ цр͞ѧ ши͡х а̓л̓лѣѧ и͡з казаніи і̓ ѡ̓ по̀мани казанъцевъ. гл͞ва .м͞д. — Нач.: Вое̓вода же испытав̓ше сие̓ гораз̓до многими лю͡дми и поѧше вѣры казанъцемъ. . . .

л. 99 об.: Ѡ̓ весели пира вое̓водъ и̓ ѡ̓ послани̓ в̓ казань ѿрокъ ихъ и̓ ѡ̓ сетованиѥ̓ казаньцевъ по вел̓можахъ своихъ.

---

1) Что въ скобкахъ, добавлено мною.

2) Такъ.

Гл̃ва м̃е. — Нач.: Сами же воеводы того дн̃и со цр̃емъ почаша пировати и веселити̑ . . . .

л. 101 об.: Ѿ см̃рти ѿроковъ воеводъскихъ. Гл̃ва .м̃ѕ. — Нач.: Тех'же воевоᵈскихъ юношъ в' казань поустив'ше и ѧша всехъ и поноудиша ихъ преᶻ ласканиемъ ѿтоврещи̑ вѣры хр̃тиѧнъскиѧ и приѧти ихъ боусоуᵖманъскаѧ вѣра . . . .

л. 102: Ѿ пошестви̑ воеводъ на оутро х' казани і̓ хоулѧ и̓ оунпчежение (и)мъ ѿ каза̑цевъ и печалъ ихъ ѡ̓ казани. Гл̃ва м̃з. — Нач.: На оутрие же поидоша воеводы иᶻ града свиѧжъского ко граду казани. . . .

л. 104 об.: Ѿ пошестви цр̃ѧ шиˣ а̑лѣѧ к москве. і̓ печалъ цр̃ѧ и великого кн̃зѧ ѡ̓ казани і̓ ѡ̓ пришестви̑ в' казань едигерѧ цр̃ѧ. Гл̃ва .м̃и. — Нач.: Цр̃ь же скоро поиде к' москве и проводиша его все воеводы с великою ч̃тию . . . .

л. 106 об.: Совѣтъ з' боꙗры своими цр̃ѧ і великаго кн̃зѧ ѡ̓ казани. Гл̃ва м̃ѳ. — Нач.: І̓ призываетъ к себѣ в' полатоу великоую златоую братию свою. бл̃говѣрнаго кн̃зѧ геѡ̓ᵖгиѧ і кн̃зѧ влад̑мера. і кн̃ѧзи мѣстнаѧ і̓ всѧ великиѧ воеводы і̓ всѧ бл̃городныѧ своѧ вел'можи . . . .

л. 110 об.: В' лѣто .҂зѯа. ѡ̓ казанъскомъ в'зятие ѡ̓ бг̃оводимомъ поᵈвизе цр̃ѧ і̓ великого кн̃зѧ і̓вана васи̑евича всеѧ роуси і̓ како покари емоу Бг̃ъ казанъское цр̃ьство і̓ православиемъ просвѣти. и̓ ѡ̓ ᶻнамени̑ многихъ. і̓ ѡ прочихъ градехъ. гл̃ва н̃. — Нач.: Пребл̃гии же бг̃ъ хотѧ просла(ви)ти ст̃ое и̓мѧ і̓ воᶻвысиᵗ рогъ християскі̑. и дарова бг̃ъ бл̃гочестивоу цр̃ю і̓ великому кн̃зю приспение возраста и премоудрость и разоумъ и в серᵈцы храбрость и̓ тако бг̃омъ подвизаемъ нача̃ совѣтова̑ с митрополитомъ и ᶻбратиею своею и ᶻбоꙗры дабы свободити хр̃тиѧ̑ство ѿ злаго пленениѧ клатвопрестоуп'ныˣ каза̑скихъ татаᵖ. . . .

л. 111 об.: Ѿ соугоубомъ шестви̑ цр̃ѧ і̓ великого кн̃зѧ х' казани. — Нач.: Бл̃госеᵖдыи же цр̃ь и̓ велики̑ кн̃зь всѧческы хотꙗше кровопролитие оутолити. . . .

л. 112: Ѿ шестви̑ самого цр̃ѧ гд̃рѧ і̓ великаго кн̃зѧ і̓вана васильевича всеѧ роуси х' казани на прог(н)ание таᵗᵃръ. — По

сиˣ же и самъ бг҃овеньчанны црь и велики кнзь іва васильеви всеа руси под'вижеса иᵗти на казанъ со многимъ своимъ вой-ствомъ и со многимъ оусер'диемъ ѡбъхожаше стыа црк'ви і многиа мл҃тини сотвори по всѣмъ чюдотворъны(л. 112 об.)мъ мѣстомъ. і в'земъ бл҃гословениа ѿ преѡсвещенаго макариа митрополита всеа роуси. і ѿ прочихъ стлѐ и тако поиде в' поутъ десниᶜᵉю бжиею направлаемъ иды на казанъ крымъскаго цра девлеᵗгирѣа прогна пришеᵈша тогда со многими силами ако по-глатити православие хоᵗᴬще [1]). . . .

л. 112 об.: П[2])овесть ѡ казаскомъ в'затьѐ и ѡ бг҃оводимемъ поᵈвизе. і ѡ похожᵈени бл҃говеᵖнаго цря и хртолюбиваго гдра і великаго кнза ивана васильевича всея роуси противъ беᶻбож'-наго цра крымъскаго. — Нач.: Црь же і велики кнзь ива ва-си(л)ѐвичь всеа роуси ѡстави на мос'к'ве брата своего кнза геѡᵖгиа васи ѐвича. . . . На л. 116 об. небольшой пропускъ: л. 116 об. кончается: спасᵈъ бо еси насъ ѿ стоужающихъ намъ и ненавидащихъ на посрами (л. 117) снидетъ и паки тои же двдъ рече спсение же праведн'ны(х) ѿ га и защиᵗтелъ имъ естъ...

л. 117: Ѡ послани грамоᵗ к мос'кве ѿ гдра и великого кнза ивана васи евича всеа роуси. — Нач.: Црь православ'ны и кнзь велики ива васильѐвичь всеа роуси з'дра ствоуеᵗ. . . .

л. 119: Ѡ бг҃омъ посла но пищи вой(н)скимъ людемъ. — Нач.: И посемъ ѿ града моурома поиде частымъ лѣсомъ и чи-стымъ полемъ. . . .

л. 120: Разраᵈ воеводамъ в' полкаˣ. — Нач.: В пол'цѣх' же бѣша воеводы, ер'тооулныа кнзь юрьа ивановичь шемакинъ проскои. кнзь ѳедоръ ивановичь троекуровъ. . . .

л. 122: Сказание бжнаго чл҃вколюбиа и пренепорочныа его мтре бцы помощию и застоуплениа. И [3])ѡ велицѐ побѣде еже дарова бгъ преславному црю и великомоу кнзю ивану васи(л)ѐ-

1) Это вся глава.

2) Только эта буква киноварью.

3) Доселѣ киноварью; на поляхъ: «зри».

вичю всеѧ роуси какъ поиде и(с) свиѧ^ж^скаго града на казанъское црьство и градъ казанъ в'залъ и црѧ казанъского едигерѧ касымъ [1]) сал'танова сна изымалъ и цртво казанъское расплени^а^. — Нач.: В лѣто ,з҃з҃ мца авгоуста в ні днь на памѧть сты^х^ мчни^к^ ѳрола и лавра поиде пра(л. 122 об.)вославны црь ко граду казани того^ж^ дни и вол'гоу перевезесѧ по^д^ градомъ свиѧ^ж^скимъ и стоѧлъ въ лоузѣхъ два дни на единомъ мѣсте ѡжидаѧ дабы перевезлисѧ и послѣдние пол'ки. . . .

л. 123 об.: М[2])лтва. — Нач.: (О[2])братисѧ ѿ нбсъ ги и виж'дь ѿ дому стыѧ славы твоеѧ гдѣ есть множество млти твоеѧ и щедро^т^ твоихъ ако любѧ на. . . . .

л. 125 об.: (О) ѡса^же^ни града казани. — Нач.: По сове^р^шении^ж^ мтвъ православны црь д'вигъсѧ со всѣмъ воинствомъ и поиде ко стенамъ града казани. . . .

л. 128: (О) пристоупе ко градоу казани і побѣда на татаръ казанъскихъ. — Нач.: (л. 128 об.) Казанъцы же ни мало смиришисѧ но и паче^ж^ кровопролитию жалающе выходѧще и^з^ града и^з^ лесовъ непрестающе соупроти но брань творѧхоу. . . .

л. 129: (О) видѣни сты^х^ апл̃ъ петра и павла и прочихъ великихъ стлеи. — Нач.: Тогда нѣк'то члвкъ бгъбоѧ^з^nивъ именемъ тихонъ. слуга ивана петрова сна голована и се оуѧ^з^вле на брани і вел'ми болѣз'ноуѧ лежаше. . . .

л. 129 об.: (О) видѣни великого стлѧ николы. — Нач.: З нижево нѣкто вои ни^ж^граде^н^ оупра^з^нисѧ ѿ стра^ж^бы чреды своеѧ и ѿ многаго троуда и бдѣниѧ возлещи в кущи своеи хотѧ . . . .

л. 130: (О) слышани з'воноу і ѡ пристоупе ко градоу и ѡ в'зѧти града. — Нач.: Не по мнозе и самъ црь блгочестивы своима оушима слыша з'вонъ ѿ града казани. . . .

л. 131: (О) повелѣни црѧ гдрѧ до^х^тоуроу оучинитъ по^т^копъ по^д^ стену града казани. — Нач.: По семъ православ'ны црь повелѣвае^т^ нѣкоторому дохтоуру именемъ раз'мыслу. оучини^т^

---

1) Въ рукописи: касымъ сымъ.

2) Только эта буква киноварью.

поᵈкопъ подъ стену на разрушение града сеиж разʼмыслъ вʼскоре (на)чатъ дѣлу прилежати со страхоᵐ и трепетомъ. . . .

л. 131 об.: Ѡ прислани с москвы вѣстника к црю гдрю. — Нач.: В тоже вʼрема приде кʼ блговѣрʼному црю и великому кнзю ивану васильевичю всеа руси вѣстʼникъ иᶻ преимлнитого ѿчества. . . .

л. 132: Писание митрополие — Нач.: Блгословенъ бгъ ншъ твора чюдеснаа намъ млтвами прчтыа его мтри. . . . Конецъ: Писано на москʼвѣ на митрополи (л. 136 об.) че дворе лѣта. ҂з͠ѯ.

л. 136 об.: Ѡ иᶻготовани поᵈкопоу подъ стеноу. — Нач.: в лѣта ҂з͠ѯа мца. ѡктабра въ днь на памаᵀ стыˣ мчнкъ киприана і оустины днь нᵈльны. по цкʼовно слоужʼбе и по зоутренемъ собоᴾномъ пѣние вʼ перʼвы ча дни православному црю вѣдащоу и помышʼлающоу з боары своими и с воеводами и с преᵈними сановʼники как(б)ы оу бга оупросити млть получити желаемаа и в тои ча пришеᵈше воᶻвестиша блговѣрʼному црю акоже приспѣлъ градныи поᵈкопъ. . . .

л. 139: Ѡ молени гдра цра и великаго кнза преᵈ ѡбразомъ прчты бᵈцы со слезами. — Нач.: Блговѣрны же црь и велики кнзь пойде вʼ ложницоу свою и ставъ преᵈ ѡбразоᵐъ прчтыя бцы иже стоаше въ воᶻглави ѡдра его и паᵈ на колѣноу своею преᵈ ѡбразомъ преславныа бцы и зра на ѡбразъ чюдныа иконы еа со слезами глаше. . . .

л. 143: Рѣчи і повелѣние православнаго цра и великаго кнза к своему воинстʼвоу оучение к ратʼному дѣлоу. — Нач.: И паки ѡбратиса православны црь иванъ василʼевичь всеа роуси рече црие и кнза і боаре и все воинъство ншего полкоу слышате перʼвое слово еже азъ рѣхъ вамъ да никʼтож деᴾзнеть иᵀти ко стенамъ града казани беᶻ ншего слов(а) [1]) и повелѣниа. . . .

л. 149: Ѡ ѿвѣте хртолюбиваго воиства к блговѣрʼномоу црю и великомоу кнзю иваноу васильевичю. — Нач.: И возопи-

1) Въ рукописи: слово.

ша к' нему црие его кнзи и бояре и воеводы и все воинство пол'коу его страхомъ и трепе(л. 149 об.)томъ паче же и радостию ѡдер'жими....

л. 153: (О) прислани ѿ троицы живоначал'ныя из сергиева мнтря со стою водою к' бговѣрномоу црю и великомоу кнзю iвану васильевичю всея роуси. — Нач.: В' тои же время из пречтые ѡграды живоначал'ныя троицы i прпдбнаго i бгоноснаго ѿца нашего сергия чюдотворца прииде соборны старецъ иманемъ андрѣянъ ангеловъ и сщнипцы и принесоша блговѣр'ному црю и великому кнзю аки нѣкое непобидимое и пламенное ѡроужие i неоукрадомое сокровище кртъ....

л. 154: В лѣто ,зѯа мца ѡктабря въ 13днь [1]). — Нач.: Оуже в' подкопе под градомъ зелие готово соуще со ѡгнемъ и повелѣ гдрь црь ѿ всех странъ пристоупати ко градоу....

л. 158: (О) возвещени црю и великомоу кнзю яко град казанъ в'зят бысть и црь их Ѹх'ващенъ. — Нач.: И в' тои час возвестиша православ'ному црю i великомоу кнзю глще....

л. 159: (О) приведени пред цря и великого кнзя казанъско(го) цря едигеря. — Нач.: Видѣв' же блговѣрны црь казанского цря едигеря гла ему....

л. 161 об.: (О) в'шестви цря i великого кнзя во град казанъ. — Нач.: Восхотѣ же и самъ гдрь црь в'нити во град i видѣти тамо бывшая и посла в град оулицы чистит....

л. 162 об.: (О) поставлени стых црквах на ѡбновление граду казани. — Нач.: Добродѣтел'ныи же и блгочестивыи црь и велики кнзь iванъ васильевичь всея роуси в то час повелѣ сщномоу и иноческомиу собору пoти ѿ станоу своего ѿ црква со крты i со стыми иконами и придоша близ врат градных до самыя црьския хоруг'ви....

л. 164: (О) возвращени iс казани к' моск'ве цря и великаго кнзя iвана васильевича всея роуси. — Нач.: И тако блговѣр'ныи црь и велики кнзь помышляетъ в'скоре итти въ свою ѿчиноу....

---

1) Эти слова киноварью и на поляхъ: «зри».

л. 164 об.: Ѿ вести быв'ше с мос'квы црю гдрю и великомоу кнзю ѿ црцы и великиа кнгни. — Нач.: (л. 165) И тоу в'стрѣте его вѣстникъ црцынъ, его бояринъ василе юревичь мало траханиѿтъ. . . .

л. 166 об.: Ѿ пришестви цра и великого кнза к моск'ве. — Нач.: Приде гдрь црь и велики кнзь иванъ васильевичь всеа роуси к' моск'ве мца ѿктабра .ко днь на пама стыа мчнцы анастаси в' четвергокъ в' четвертомъ часоу дни. . . .

л. 168 об.: Ѿ покаряющихса и крестащихса. — Прочии же казанъсти людие вси живоущи во ѿкртны страна града того вса земла каза'скаа тако и вса земла сибирскаа с молениемъ прихо'дахоу к' црю гдрю і великомоу кнзю покараюцеса и пов'ни себе творахоу и милости прошахоу и во всю волю вдашаса православному црю гдрю мнози же ѿ невѣрныхъ прихождахоу з' женами из детми и крщахоуса во има ѿца и спа и стго дха.

Далѣе половина этого л. 168 об. чистая и на л. 169: (киноварью) «Ѿ поко(р)ающихса и кре(ст)ащихся. П», а за этимъ вся сторона л. 169 чистая.

л. 169 об.: Ѿ татарине иже кртилса и пострадалъ за хрта. — Нач.: Нѣкии татари арские страны приде в' казанъ хота кртитиса тогда присла бысть с моск'вы в' казанъ дозрѣти црков'наго оустроениа арха'гельски протопопъ тимоѳе....

л. 170 об.: Ѿ крщени двою цре казанъскихъ иныхъ многи татар. — Нач.: Въ то же лѣто и црь мамъш'киръ казаски снъ сакирѣевъ еще в детъске соущи. ако пати лѣтъ возрастомъ возлюби вѣроу хртьаскоую кртеса . . . .

л. 171: В лѣто ,зѯг ѳев'рала въ 3 днь. П[1])оставленъ бысть архиепископъ в' казань гоурен, и архимаритовъ двоихъ в сиажъ (л. 171 об)скои і в' казанъ. — Далѣе съ новой строки: Б[2])лговолениемъ бжиимъ и советомъ блгочестиваго цра и великаго

---

1) Доселѣ киноварью.

2) Эта буква киноварью.

кнѕа ӏвана васнѐвича всеа роуси и по блгословению преѡсщенънаго макариа митрополита всеа роуси и архиепкповъ и епкповъ і архимаритовъ и игоуменов и прочего свщенническаго собора избраша в казань . . . . гоуриа. . . .

л. 172: Въ лѣто ҂зѯг. П[1])отом же благочтивы црь повелѣ поставити во граде казани соборную црквъ каменоую блговѣщенъе пр҃чтыа бдцы.

В лѣто ҂зѯгго. Н[2])а москвѣ же казаскиа рад победы црскимъ повелениемъ поставленъ бысть храмъ преоудивленъ камено(и) во има пр҃чтыа бдцы чтнаго еа покрова со многими пределы противъ ѳроловъскиx воротъ на рву на пожаре.

Ѿ[3]) црьскомъ хождени по стымъ мѣстомъ црьскиx чюдесъ ихъ чюдо ѡ воде стго никиты переаславъскаго чюдотворца. — Нач.: внегдаж млрды бгъ казаское (л. 172 об.) црство пороучи црю и великому кнзю ӏваноу васильевичю всеа роуси и тогда родиса емоу снъ црвичь дмитре . . . .

л. 173 об.: второомоу же лѣтоу наставшоу ѿ ражения црвичю [4]); ѡ немже соугубо хота гь прославити оугодника своего стаго никитоу во единъ оубо ѿ дни хртолюбивѣ црце анастаси в полоудни почивающе. . . . Конецъ: (л. 174) возвещено же спе чюдо и самодержьцоу гдрю црю и великому кнзю иваноу васильевичю всеа роуси.

Здѣсь конецъ «Исторіи».

На л. 174 об., сверху, мелкой скорописью XVII в.: бѹди ги млть твоя на нас яко же уповахом на та во. . . . [5]) ги бже мої да вознесетса рука твоа не забѹди нищихъ свої до коньца возвеселитсся праведни ѡ господе и упоае нан велїи гь наш велиї крѣпость его.

1) Доселѣ киноварью.

2) Доселѣ киноварью.

3) Только эта буква киноварью.

4) Эти слова киноварью.

5) Трудно разобрать.

Далѣе л. 174 об. чистый, только по срединѣ почеркомъ позднѣйшимъ написано: «да исправится молитво моя яко».

л. 175: В′ лѣто .,зр҃. таковоу грамотоу къ ст҃ѣишемоу їевоу патриꙗрьхоу московъскомоу і̓ всеꙗ роуси̏ послалъ перъвое казаньско митрополи̏т. ермогенъ. ѿ мч҃ни казаⷩскихъ мучн҃къ ївана і̓ стеѳана і петра. — Нач.. Гд҃рю ѿцоу нш҃емоу ст҃ѣишемоу ї̓евоу патриꙗрхоу всеꙗ росии сн҃ъ твои і̓ бг҃омолецъ е̓р′могенъ митрополи̏т казаⷩски і̓ а̓сториханьски бг҃а молю и челомъ бию. преже гд҃рь казаⷩского взꙗтиꙗ во многие времена гд҃ри и цр҃и нш҃и і великие кн҃зи киевъские и московьские посылали боꙗръ и воеводъ своихъ и̓ с ними бе̓зчисленное свое хр҃тилюбиевое воиⷩство воевати казаⷩскихъ цр҃еи. . . .

На л. 180 читаемъ (киновари нѣтъ и все въ одну строку): и противъ се̏ челобит′ной ѳевраля кеⷣⷩь прислана грамота ѿ ст҃ѣишаго и̓ева патриа̓рха все(л. 181 об.)ꙗ роуси а̓ в′ неи пишетъ бл҃гословение великаго гд҃на ст҃ѣшаго и̓(е)ва патриа̓рха московьска всеꙗ роуси ѡ ст҃емъ дс҃е сн҃оу слоужебникоу нш҃его смирениꙗ е̓р′могеноу митрополитоу казаⷩскомоу и астраханьскомоу писалъ е̏си к намъ . . . . . . (л. 182 об.) а̓ мч҃нкамъ и̓ваноу и стеѳаноу и петроу что ѡ̓нѣ пострадали ха̑ ради и за нашоу ст҃оую бл҃гочестивоую вѣроу хртиꙗⷩскоую и ты бы сн҃оу оу̓чинилъ поⷩⷶхидоу по свое̓моу про̓зволению ѡ̓ которые поры боуде̑ ихъ страданпя было и̓ в′ бол′шо синадикъ что чтет′сꙗ в нⷣлю православиꙗ і̓ в литеино(и) і̓ повсаднⷣевнои велелъ писати; а̓ котороую нⷨъ вѣчноую памꙗ̑ пѣти, и мы сн҃оу ѡ̓б′ ниⷯ поговорꙗ собор′не тогды тебѣ оу̓каⷥ свои оучинимъ, а̓ мл҃ть бж҃иꙗ и пр҃чтыꙗ бⷣцы и великихъ чюⷣотвоⷬцевъ петра і̓ а̓лексеꙗ і̓ и̓ѡна мл҃тва да и нашего смирениꙗ бл҃гословениꙗ да е̓сть и боудетъ (съ) твоимъ [1]) ст҃льствомъ всегда во вѣки аминь.

Далѣе было что-то написано киноварью и чернилами, но буквы почти совершенно стерлись.

---

1) Въ рукописи: твоꙗимъ.

О другихъ спискахъ изъ собранія В. М. Ундольскаго замѣчу слѣдующее:

№ 776. 158 л., въ большую четверку; писанъ скорописью, которая въ срединѣ и концѣ рукописи болѣе небрежная. Сначала оглавленіе: всего указано 79 главъ; но текстъ рукописи кончается 71-ой гл.: О возвращеніи изъ Казани къ Москвѣ царя и великаго князя. По оглавленію послѣдняя (о҃ѳ) гл.: О поставленіи церкви камянныя на Москвѣ надъ рвомъ близъ ѳроловскихъ воротъ.

Бумага имѣетъ водыяныя знаки: С. В. ⁎.

№ 776. 4 д. л., 117 л. Нумераціи главъ нѣтъ. Кончается, какъ и въ большинствѣ списковъ, чюдомъ отъ воды св. Никиты: (л. 117 об.) возвѣщено же бысть чюдо сіе самодержцу царю и в. кн. Ивану Васильевичу всея Россіи, «цр҃ь жѐ слышивъ сиѧ҇ ѹди́ви́сѧ, и҆ бл҃годари́въ бг҃а, и ѹгодника е҆гѡ҆ ст҃аго, ники́тѹ прославлѧ́ѧ».

№ 778. 4 д. л., 47 л., весьма убористой скорописи. Обычнаго предисловія (Красныя убо и новыя повѣсти сея. . .) нѣтъ. Гл. а҃: Бысть убо ѿ начала рꙋ́ския зе҃ли яко же повѣдае҃ русь і и варвары. . . .» Послѣдняя глава п҃а: (Ѡ пришествіи цр҃я і великого кн҃зя к москве [1]).

См. «Отчетъ по Московскому Публичному музею отъ времени основанія его до 1 янв. 1864 г.» Спб. 1864. Стр. 23: 78) «Сказаніе о началѣ царства Казанскаго, 1719 г.».

---

1) № 754 Унд. не содержитъ «Исторіи»: (л. 369—444). Сиѧ кн҃га казаньского взѧтьѧ какъ гс҃дрь цр҃ь и҆ великиі кн҃зь и҆ванъ васильевичь всеа҆ русиі ходи҇ противъ крымского цр҃ѧ девлѣть кирѣѧ и҆ какъ воеводы его гс҃дрви цр҃ѧ кры҇ского поби҇ли и҆ многи҇х тата҇р живы҇х поймали и҆ какъ ѿ гс҃дрь поше҇л с коломны по҇д казань и҆ в сеі кн҃ге все ро҇писано по главамъ». Главъ к҃д. Оканчивается «книга»: Како у царя столъ былъ на митрополита. . . и какъ царь жаловалъ; а затѣмъ славословіе св. Троицѣ и «аминь». Съ л. 444 — Новый лѣтописецъ, кончающійся рожденіемъ Алексѣя Михайловича и Московскимъ пожаромъ. — На 1 л. рукописи: «сиѧ книга Петра Івановича Квашнина а к҇то ее помысли҇т украсть и тому во грѣха҇х свои҇х пропа҇сть».

c) *Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.*

См. «Труды IV Археологическаго съѣзда въ Казани 1877 г. Казань 1891: т. II». Приложенія. И. Ѳ. Токмаковъ: «Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. и его библіотекѣ». «II. Славяно-русскія рукописи библіотеки Главнаго Архива М. И. Д.» Стр. 292—4:

79) Въ «Степенной книгѣ», писанной скорописью, подходящей къ полууставу и полууставомъ, «§ 16. Книга, глаголемая Исторія, сказаніе вкратцѣ о Казанскомъ Царствѣ, о началѣ Царства Казанскаго, какъ и оттуда и въ которые лѣта начася и о брани и о побѣдахъ Великихъ Князей Московскихъ съ царьми Казанскими и о взятіи Царства Казанскаго Благовѣрнымъ Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ Великимъ Самодержцемъ». Содержитъ сія «Исторія» 80 гл. № 26/34.

80) «Розрядная книга». Скоропись разныхъ почерковъ второй половины XVII в., на 304 листахъ. Содержитъ разныя статьи и въ числѣ прочихъ статью 6-ю, (л. 270) «Отрывокъ о взятіи Казани». На об. 279-го л. слѣдующая припись: «Сіе Казанское взятіе столника Василія Ѳедоровича Собакина, человѣка ево Василія Ѳедорова сына Бѣляева. Лѣта 7177 году, Іюля въ 26-й день». № 119/166.

81) Сборникъ рукописный, писанный полууставомъ половины XVIII в., въ 3 книгахъ, на 494 листахъ. Кн. 2-я — хронографъ особаго состава, въ которомъ русскія происшествія съ особенною подробностью доведены до временъ царя Алексѣя Михайловича. Кн. 3-я: Исторія о Казанскомъ царствѣ. № 361/811.

82) Рукопись скорописная XVII в., на 142 листахъ. Въ ней: «Книга, глаголемая исторія о Казанскомъ взятіи и Царствіи. Сказаніе вкратцѣ о началѣ Царства Казанскаго и о брани и

о побѣдахъ великихъ князей Московскихъ съ цари Казанскими и о взятіи Царства Казанскаго». № 405/857.

83) Рукопись скорописная XVII в., на 208 лл., безъ конца. Содержитъ Казанскую исторію и есть списокъ съ предыдущей. № 406/858.

84) «Скоропись разныхъ почерковъ конца XVII и нач. XVIII в.», на 505 лл. Въ ней — хронографъ особаго состава; въ 164-хъ главахъ. Л. 327 об.: «о первомъ начинаніи Казанскаго царства, и о мѣстномъ угодіи и о зміинномъ жилищѣ». Л. 387: «о взятіи града Казани и всея земли ихъ по Волгѣ рѣкѣ и по Камѣ, иже и Болгары поволжскіе наричются». № 472/952.

85) «Казанская исторія». Скоропись конца XVII в., на 206 лл. Начало и конецъ утрачены. № 488/968.

86) «Казанская исторія въ сокращеніи, съ присовокупленіемъ выписокъ изъ хронографовъ и другихъ книгъ о Русскихъ происшествіяхъ и духовныхъ статей. Скоропись XVII в., на 167 лл.; въ срединѣ нѣсколько лл. утрачено. № 489/969».

87) «Сказаніе вкратцѣ о началѣ Царства Казанскаго, какъ и откуда и въ которыя лѣта начася, и о бранп и о побѣдахъ Великихъ Князей Московскихъ съ Царьми Казанскими и о взятіи Царства Казанскаго благовѣрнымъ Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руссіи Самодержцемъ. 79 гл. Скоропись конца XVI вѣка [1]), на 226 лл. № 688/1200».

88) Рукопись скорописная разныхъ почерковъ XVIII в., на 537 лл. Л. 241. «О первомъ началѣ Казанскаго Царства и о мѣстномъ угодіи и о змѣиномъ жилищѣ. Л. 241. О первомъ взятіи Казанскомъ и о инѣхъ градѣхъ Болгарскихъ и о воеваніи великія Орды». Л. 246 об.: «О изгнаніи Царя отъ Златыя Орды и о смиреніи его и о бранѣхъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ». Л. 253. «О второмъ началѣ Казанскомъ и прихожденіи Казанскаго Царства на русскіе грады и о смерти его и о взятіи Великаго Князя Василія въ плѣнъ». Л. 255: «О второмъ взятіи

1) Объ этомъ см. выше.

Казанскомъ и о плѣненіи Алехозма Царя и о посаженіи на Казань Мехметемина царя и о сѣче христіанстей въ Казани». Л. 258 об.: «О приходѣ Мехметемина царя Казанскаго къ Нижнему Нову-городу и о паденіи вой его у града и о срамотѣ Московскихъ воеводъ и о смерти Великаго Князя Ивана». Л. 260 об.: «О посланіи Московскихъ воеводъ къ Казани и о паденіи ихъ у града». Л. 267 об.: «О смиреніи Великаго Князя съ Казанцы и о посланіи на Царство въ Казань царя Шигалѣя». Л. 270: «О печали Великаго Князя о христіанехъ, въ Казани погибшихъ и радость о Шигабѣеве животе». Л. 271 об.: «О престаніи воеванія на время Великаго Князя на Казань и о брани и о смиреніи его съ польскимъ королемъ и о второмъ посланіи воеводъ Московскихъ на Казань». № 818/1384.

89) Рукопись XVII и XVIII в., на 255 лл., скоропись. Л. 31—181: «Сказаніе вкратцѣ о началѣ Царства Казанскаго и проч.». № 824/1390.

90) Гранографъ, или Лѣтописецъ, писанный въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, рукой монаха конархиста Діонисія Петельникова въ 1639 году. Рукопись XVII в. на 248 лл.—Листъ 145: «О началѣ въ Казани царствія царя Саина». Л. 157: «Великій Государь царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Самодержецъ: по дѣдѣ своемъ Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ взялъ второе градъ Казань». Л. 163: «О крещеніи царей Казанскихъ». № 848/1414.

91) Связка отрывковъ изъ разныхъ рукописей XVI и XVII в. въ 4 д. л., 102 л.; — л. 1. О взятіи Казани. № 105, тамъ же (т. е. Отд. VI. Библіотека Кн. М. А. Оболенскаго).

92) «Портфель № 19» [1]) Исторіографа Г. Ф. Миллера.

(Кромѣ этого у И. Ѳ. Токмакова же указаны въ библіотекѣ Моск. Гл. Архива М. Ин. Дѣлъ: хронографъ, въ 170 главахъ, скорописи XVII в., на 768 листахъ; здѣсь л. 603 об.: «О взятіи

---

1) См. выше о немъ (= № 347).

града Казани и всея земли по Волгѣ рѣкѣ и по Камѣ, яже и Болгары Поволжскія нарицахуся». № 1.

Портфель № 17 проф. Кера [1]), гдѣ находимъ: De origine Kazani eoque per Russos destructo. На 6 лл. № 14).

d) *Чудовъ монастырь.*

См. «Памятники», изд. Общества Любителей древней письменности 1879 г., вып. 4-ый: Книгохранилище Чудова монастыря. (Сообщено П. И. Петровымъ). Стр. 197: 93) № 362. «Исторія». «Снимокъ съ печатной 1791 г. книги Петербургскаго изданія».

e) *Историческій Музей.*

94) См. В. С. Иконниковъ. Опытъ русской историографіи. Стр. 1245. Здѣсь указано, что въ числѣ рукописей Чертковской библіотеки есть Сказаніе о началѣ царства Казанскаго.

IV. Московская Духовная Академія. (Сергіево).

См. Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1883 г. кн. 2: «Свѣдѣніе о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г. Сообщилъ архим. Леонидъ». Стр. 127; 156, 157.

95) № 27 (196). «Сборникъ, полууставомъ и скорописью, XVI в. [2]), въ 4 д. л., на 263 л.». Въ дополненіе сказаннаго въ описаніи сообщаю нѣкоторыя свои замѣтки. Л. 98: «Троецкого

---

1) О немъ см. выше.

2) По-моему, скоропись болѣе поздняго времени, XVII в.

старца исаия печерьского книга казаское взяе и іные повести писаны». На л. 98: (кинов.) Сказáние вкратцѣ ѡ начáле цртва [1]) казаскаго, и ѡ брани, и ѿ побѣдах великих кнзей москових с цари казаскии и о взятьи того цртва казаскаго. Конецъ «Исторіи» (л. 269 об.) обычный: чюдо отъ воды св. Никиты. Л. 270, 271 чистые.

Счетъ главъ выставленъ до гл. 79-ой; оглавленія есть, но не киноварью, а обыкновенными чернилами. Л. 202: (гл. *50*). О казанско мчнке хвѣ іванне. В лѣто ,злзг генваря въ .кѕде. мчние свтго мчнка іванна мучившагося въ казани граде бгу попутишу на православное хртиянство за ѹмноженіе грѣхъ ради нших праведны свой гнѣвъ спце изволівшу: Во дни блгочестиваго великаго кнзя васия івановича всеа русиі ходившімъ казанскимъ тотаров.... — Въ концѣ этой же главы (приписка той же рукой и скорописью: Сие преж іс глвы ле. — Гл. ле (л. 175): О думѣ велмож казанских со црцею о казани и о миру со црем шихалѣем и с воеводами. (Ср. ниже № 98 М. Д. Ак.).

л. 272: Сказание о цркви свтыя софіи иже в новѣ град• како сотворена бысть. В лѣто ,ѕфлг при блговѣрном и великом кнзе Ѧрославе владимеровиче и при архиепископе луки. Л. 273: Послание в лѣто ,зпдг году. Кончается это посланіе и рукопись на л. 277 об.: . . . . також і ѹ вас в цртве смятеніе бѹде после цря вашего рука бѹде его высока пообладае всѣмъ и скончаеца в вѣкъ .пѕ. пришел цысаръ о гдря цря і великаго кнзя івана васильевича всеа рѹсиі посланникъ жданъ івановъ». Далѣе л. 278, 279, 280 и 281 (послѣдній) чистые.

96) № 30 (98). «Исторія о Казанскомъ царствѣ, полуустава XVII в., въ листъ, на 231 лл., раздѣлена на 79 гл., съ рисунками, сдѣланными перомъ, всѣхъ рисунковъ 51 (во 2-ой половинѣ съ 47 главы имѣются лишь мѣста для рисунковъ).

л. 1 об. Заставка красками (травы), внутри кругъ, въ кругѣ

1) Доселѣ вязь.

киноварью подпись: «Сия книга живоначальные Троицы Сергіева монастыря соборнаго старца Діонисія бѣлаго».

л. 2. Заставка и рамка, — въ ней киноварью оглавленіе книги: «Како и в кія времена и лѣта начася. И о брани и о побѣдахъ великихъ князей Московскихъ съ царьми Казанскими, и о взятіи царства Казанскаго благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи самодержцемъ».

Списокъ № 98 Московской Духовной Академіи одинъ изъ самыхъ исправныхъ списковъ, видѣнныхъ мною. Его письмо очень тщательное. Нельзя также не обратить вниманія, что въ его правописаніи формы церковно-славянскія обыкновенно господствуютъ надъ русскими. Такъ какъ это единственный (до сихъ поръ) списокъ съ рисунками [1]), которымъ я пользовался, то въ виду всего сказаннаго, я рѣшаюсь нѣсколько остановиться на немъ. Запись и заглавіе его см. у Архим. Леонида (Чтенія Общества Исторіи и Древностей 1883 г., кн. II, стр. 156—157 [2]).

л. 3. Рисунокъ, безъ подписи: всадникъ на ретивомъ конѣ съ короной на головѣ, въ короткой мантіи, съ мечемъ въ рукѣ.

л. 3 об.: Истόріѧ ѡ҆ каза́нскомъ цр҃твіи. Гла́вь [3]) .а҃. — Нач.: Б[3])ыість оу҆бо ѿ начала рꙋ҆с́скїѧ землѝ, ꙗ҆ко же повѣдаю́тъ рꙋ҆сь ѝ ва́рвари. все то є҆дина рꙋ҆сьскаѧ землѧ̀. и҆дѣже нн҃ѣ стоитъ гра́дъ (Казань). . . .

л. 5. Рисунокъ съ подписью въ заставкѣ: (⁰) побе́де болгарскіѧ зе҃лѝ. Бл҃говѣрнымъ кн҃зе҃ андре҃е҃ Бг҃олю́бскимъ ѝ ѻ҆ взѧтїи града брѧхова.

л. 5. об.: (⁰) войнѣ̀ батыа царѧ̀. ѝ ѻ҆ взѧ́тїи ѿ него̀ сто́лнаго гра́да влади́мира, ѝ ѻ҆ порабощéнїи велѝкихъ кнѧзéй, глава̀ .в҃. ѧ. — Нач.: ѝ реко́ста ми си́це, ꙗ҆ко к҃ лѣтъ минꙋ҆вшꙋ по баты́е царѝ....

---

1) Другой см. въ рукописяхъ Академіи Наукъ (у Соколова, «Каталогъ обстоятельный», стр. 16) № 48 «съ разными личными изображеніями».

2) Въ этомъ спискѣ всѣ заглавія и первыя буквы текста главы — киноварью.

3) Такъ.

л. 7. 2 рисунка съ подписью: 1) оубїенїе великаго кн҃за геѡргїа и дѣтей его и митрополита аⁿтонїа ѿ батыа цара. 2) Погребение в' волѡдимере граде бл҃говѣрнаго кн҃за геоⁿгїа і м҃рополита антониа.

л. 7 об.: О великомъ кн҃зе ꙗрославе всеволодиче. и поновленїи р҃скихъ градовъ ѿ него. и поученїи ѿ него людемъ своимъ. ѡ воставшемъ паки матежи на р҃скую землю ѿ саина цара. гл҃ г҃ [1]). Нач.: Великомоу кн҃зю ꙗрославу всеволодичю живущу въ сматенїи людей своихъ. и прохождаше грады и села своа. . . .

л. 9. 2 рисунка съ подписью: 1) О пришествїи великаго кн҃за ꙗрослава всеволодича во град владимирь. и ѡ поставленїи градовъ. Р҃скихъ. 2) О посланїи з дары царю саину да не пленитъ р҃скїа земли. ѻнъ же приꙗтъ дары.

л. 9 об.: Ѡ первомъ начале казанскаго цр҃тва, ѡ мѣстномъ оугодїи, ѡ змеиномъ жилище. гл҃ .д҃. — Нач.: И поискавъ царь саинъ по мѣстомъ прехода. и обрѣте мѣсто на волгѣ рѣкѣ. . . .

л. 11 об. 2 рисунка съ подписью: 1) О ѡбрѣтенїи граⁿнаⁿ мѣста. царемъ саинѡ и великаго змїа с ни многиⁿ. идѣже гр҃а [2]) казань посьтави. 2) Цаⁿ саинъ повелѣ волъхву оумертвити і иⁿ с ни. Волхвъ же полїа сѣрою и смолою оумори.

л. 12: Ѡ первѡ взꙗтиї казаньскѡ и ѿ бол'гарскїⁿ [3]) градѣхъ, и ѡ повоеванїи великїꙗ ѡрды. На ню же ходи первое кн҃зь юрьи дмитреевичь. Гл҃ е҃. — Нач.: В лѣто ҂ѕцг. посла кнѧзь великїи василей дмитреевичь. брата своего кнаⁿ юрьа дмитреевича . . . .

л. 13. Рисунокъ съ подписью: походъ юрьа дм҃реевича. како плени землю казаⁿскую. і граⁿ казан взаⁿ. и цр҃а с црц҃аⁿ под мечь подклони.

л. 13 об.: О изгнанїи цара ѿ златыа ѡрды, и ѡ смиренїи его. И послѣди же ѡ бранѣхъ с великимъ кн҃зе василїемъ ва-

1) Чернилами черными, болѣе новыми.
2) Т. е. градъ: не достало мѣста въ кругу, гдѣ подпись.
3) Доселѣ вязь.

сиевичемъ московскй. Глва ѕ҃. — Нач.: И в тоже во едино време, спѹста по оумертвіи зеледь сал'тана царѧ великіѧ орды г҃. лѣтъ а по взатіи казанъскомъ .м҃ лѣтъ. и се гонимъ прибѣже, с тоѧже восточныѧ страны тоеже балшіѧ орды златыѧ царь оулѹ ахметь. . . .

л. 16. Рисунокъ съ подписью: О присьланіи посло̑ великаго кнз҃ѧ василіѧ васи'евича к царю ѹлѹа̑хметю дабы шелъ ѿ земли его.

л. 16 об.: О посланіи вой московскихъ на цр҃ѧ. и о побіеніи ихъ ѿ него. глава з҃. — Нач.: И видѣвъ его кн҃зь великіи не послѹшающа. . . .

л. 18. Скорописью XVIII в. написано то же, что обычнымъ письмомъ рукописи на л. 19. Видно, что л. 18 былъ оставленъ чистымъ.

л. 18 об. Рисунокъ двойной безъ подписи. Наверху: лежитъ, распростершись ницъ, татаринъ предъ дверьми часовни, въ верху которыхъ икона Нерукотвореннаго Спаса. Внизу: сходятся два войска, справа русскіе, слѣва татары. Два татарина уже падаютъ.

л. 19 об.: О второмъ началѣ казаньскомъ. и о прихожденіи казан'скаго цр҃ѧ на рѹскіе грады войною. и о смерти его. и о взѧтіи в плѣнъ великаго кн҃зѧ василіѧ васильевича. гла̑ .и҃. — Нач.: Поганыи же цр҃ь онъ оулѹ ахметь. побѣди̑ московскіѧ воѧ и обоимавъ ихъ ѡбогатисѧ вел'ми і повоева и поплени роускиѧ пределы. . . .

л. 22. 2 рисунка съ подписью: 1) Ца̑ момотѧкъ плени великаго кн҃зѧ василіѧ васильевича. ѹ соуждалѧ града. 2) Взѧ̑ в плѣнъ великіи кн҃зь василіи и бывъ д҃і мц҃ъ в казани взѧ на не̑ око̑ мно̑ злата і сре̑ра.

л. 22 об.: О посыланіи великаго кн҃зѧ иванна васильевича под казань братіи своеи с воеводами. гла̑ ѳ҃. — Нач.: В лѣто ҂ѕцоѕ҃. посылалъ кн҃зь великіи иван' васильевичь под' казань. за бесчестіе і срамотѹ ѿца своего. . . .

л. 23 об. Рисунокъ съ подписью: (П)ѻсланы в казань ѿ великаго кнзѧ іѡвана васильевича воеводы. промысломъ постелника аидара татаʳ и черемисʸ повоеваша.

л. 25. 2 рисунка съ подписью: 1) Посылаетъ великїи кнзь иванъ васильевичь брате своиˣ кнзѧ геѡʳгїи и андреѧ и (с) воеводами поᵈ казань. 2) О пришествїи воеводъ московскихъ хъ казани и о приступѣ и понаровилъ воевода иванъ рꙋно потомꙋ казани и не взѧли.

л. 26. Рисунокъ съ подписью: Прїидоша братїѧ великаго кнзѧ х' казани. и осадиша градъ казань. и покоришасѧ казанцы.

л. 26 об.: О взѧтїи великаго нова града. ѿ великаго кнѧзѧ иван'на васильевича. и похвала великомꙋ кнзю. глава .г҃. — Нач. Новгородъскимъ оубо людемъ, не хотѣв'шимъ надъ собою гдремъ имѣти. . . .

л. 26 об. Рисунокъ съ подписью: великїи кнзь иванъ васильевичь взѧ великїи ноᵛграᵈ и люᵈⁱ всѧ плеⁿⁱ і женⁿ ихъ и дѣте і желѣзы оковавъ і повелѣ разослати.

л. 29: О послѣхъ ѿ царѧ пришедшихъ дерзостно к великомꙋ кнѧзю. и о ꙗрости велице на него. и о храбрости великого кнѧзѧ на царѧ. глава .аі҃. — Нач.: Црь ахматъ воспрїимъ цртво златыѧ орды. по ѿцѣ своемъ зеледь сал'танѣ цари. . . .

л. 31. Рисунокъ съ подписью: велїкїи кнзь іванъ васильевичь принѧᵛ басмꙋ казанского царѧ поплева на ню и потоп'та ногами пословъ повелѣ казнити.

л. 31 об. 2 рисунка съ подписью: 1) Цаʳ ахма҃ прїиде к ꙋгре рецѣ и бравсѧ великое времѧ с великимъ кнзе҃ и не прелѣзъ оугры. рѣки. Въ верху рисунка подписи подъ соотвѣтственнымъ мѣстомъ: Цаʳ казаⁿскїи [1]) ахма҃; река оугра; великїи кнзь іванъ васильевичь. 2) посылае҃ великїи кнѧᶻ слꙋжилого своего царѧ нардовлета городецкаго пленити златꙋю ордꙋ да с ни҃ воеводꙋ кнзѧ василиѧ ноздреватаго звенигородцаго.

---

1) Такъ.

л. 32. О̓ конѣчно̑ запꙋстѣніи златыѧ о̓рды. и̓ о̓ црⷭ҇ѣ е̓ѧ̀ и̓ о̓ свобо́дѣ и̓ о̓ велічествѣ рꙋскіѧ землі̀. и̓ о̓ че́сти и̓ о̓ красотѣ пресла́внаго гра́да москвы̀. Глава̀ в͠і. — Нач.: И̓ пріидоша нагаи пре́же рече́ныѧ ман'гиты. . . .

л. 33. Рисунокъ съ одной подписью въ 2-хъ кругахъ: 1) Пришедше нага́и на ю̓ртъ са [1]) ахматовъ после войньства 2) великаго кн͠зѧ и̓ва́на васил̓евича і̓ юрть е̓го̀ разориша и̓ царицъ е̓го̀ побиша і̓ самомꙋ царю головꙋ ѿсѣкоша.

л. 33 об.: О̓ второ́мъ в'зѧ́тіи каза́н'скомъ о̓ плене́ніи а̓леха́ма царѧ̀, со всѣми е̓го̀. и̓ о̓ посаже́ніи на каза́нь махметемина царѧ. и̓ о̓ сѣчи хрⷭ҇тіѧ́ньстей в каза́ни. гла̑ .г͠і. — Нач.: По о̓брегиме же црⷭ҇ь воцри́сѧ на каза́ни сы̑ е̓го̀ ца́рь а̓леха́мъ. . . .

л. 36. 2 рисунка: 1) Взѧша воеводы московскіе кнѧ̑ данила холмскии царѧ а̓лемаха [2]) і̓ всѣх срⷣниковъ е̓го к москве і̑ повезоша. до̑та́лны̑ же казанцевъ покориша. 2) Великіи кн͠зь и̓вань васи̑евиї повелѣ и̑вести и̓с темницы каза̑ского царевича а брата а̓лехама царѧ і̓ повелѣ е̓го̀ крⷭ҇тити.

л. 36 об.: О̓ прихо́де махметеми́на царѧ̀ каза́нского к нижнемꙋ новꙋ гра́дꙋ. и̓ о̓ паде́ніи вой е̓го̀ оу̓ града. и̓ о̓ срамотѣ моско́вскихъ вое̓во̑ о̓ сме́рти вели́каго кн͠зѧ і̓ванна. гла̑ .д͠і. — Нач.: И е̓щѐ не оу̓доволи́сѧ каза́ньскіи црⷭ҇ь мах'метеми́нъ . . . .

л. 38. 2 рисунка: 1) О̓ приходе мехметели́на [3]) казанского к ни̑немꙋ новꙋ градоу̓. и̓ о̓ біеніи шꙋрина е̓го̀ нага́йскаго мꙋрзы̀ по оу̓біеніи шꙋрина царева. 2) Восташа нагаи. и̓ побишасѧ междꙋ собою̑ мнѡжество людей.

л. 38 об.: О̓ посла́ніи моско́вскихъ вое̓во́дъ к' каза́ни и̓ о̓ паде́ніи вои̓ ихъ оу̓ града. Глава .е͠і. — Нач.: Великіи же кн͠зь васи́лей и̓ва́новичъ. хотѧ̀ ѿтм'стити и̓змѣнꙋ. . . .

л. 41. Рисунокъ съ подписью въ 2-хъ кругахъ: 1) Прихо́дъ кн͠зѧ дмитреѧ оу̓глецкого с вои московскими ко градꙋ. 2) каза́ні и̓ поби каза́нцевъ и̓ взѧ̀ царе́вы шатры и̓ котагары.

---

1) Такъ.

2) Такъ.

3) Такъ.

л. 41 об.: Ѡ прокáзѣ царéвѣ махметеми́нове. и̓ о̓ покаѧ́нїи е̓го̀. и̓ о̓ послáнїи е̓го̀ з дáры к вели́комꙋ кн҃зю васи́лїю. и̓ о̓ с҃мрти цр҃вѣ. Главà ѕ҃ı. — Нач.: И̓ за сїе престꙋплéнїе порази̓ бг҃ъ ꙗ̓з-вою неисцѣ́лною. . . .

л. 44. 2 рисунка: 1) Ѡ смертї цара̀ могъметамина казан-ского и ѡ приходе к немꙋ волхвовъ и̓ не возмого(ша) исцелити ї умре. 2) Царь магметеминъ присла великомꙋ кн҃зю василью ивановичю великїе дары ѡн же приѧ дары.

л. 44 об.: Ѡ смирéнїи вели́каго кнѧ́зѧ с казáнцы и̓ о̓ послá-нїи на цр҃тво в казáнь, цара̀ ши^х а̓л'лѣ́ѧ. Глава .з҃ı. — Нач.: И̓ оу̓мили́сѧ кн҃зь вели́кїи василей ӥвáнович. . . .

л. 46. 2 рисунка: 1) Цáрь шихъ а̓лѣи каси́мовскиї пришедъ в кáзань и̓ седе на цр҃твѣ. 2) И̓змениша казáнцы вели́комꙋ кн҃зю и посадиша цара саѳагиреѧ цара шигъ а̓лѣѧ изгнаша во̑ ис ка-зани с воеводо [1]) и с слꙋги его.

л. 46 об.: О печали вели́каго кн҃зѧ ѡ̓ хр҃тїанѣхъ в козáни погы́бшихъ. рáдость е̓го̀ о̓ царéвѣ шихъ а̓ллѣ̀еве животѣ̀. Главà .и҃ı. — Нач. И̓ слышавъ сїе кнѧ́зь вели́кїи васи́лей и̓ванович и в раскаѧние̓ прӥде е^ж ѡ̓ мироу с казáньцы. . . .

л. 48. Рисунокъ: Прї́иде царь ши́гъ аллѣ́й ис казани к вели-комꙋ кн҃зю и ѡ побѣде [2]) и ѡ̓ терпѣнїи его ѿ казанъцевъ.

л. 48 об.: О̓ престáтїи воѐванїѧ нá времѧ вели́каго кнѧ́зѧ на казáнь. и̓ о̓ брáни и̓ о̓ смирéнїи е̓го̀ с пóльскимъ кралéмъ. и̓ о̓ вторóмъ послáнїи воѐвóдъ москóвскихъ на козáнь. Глава .ѳ҃ı. — Нач.: И̓ потóмъ мнѡ́го и̓ дóлго молчà кн҃зь вели́кїи .а҃ı. лѣтъ. . . .

л. 51 об. Рисунокъ 1, подпись въ 2 кругахъ: Послà великиї кн҃зь воеводъ своихъ под казань волгою рекою в лодияхъ и во ѡст[3])вныхъ мѣс[4])хъ запро^уд[3])ша казáнц[3]) велиемъ др[3])вием и ка-мениѐмъ побиша.

---

1) Далѣе обрѣзано.

2) Вѣроятно, вмѣсто: ѡп обиде.

3) Обрѣзано.

4) Обрѣзано. Вѣроятно, было: во ѡст*ро*вныхъ мѣс*те*хъ.

л. 51 об.: О̓ третїемъ посла́нїи моско́въскихъ воево^д^ къ казани. и̓ о̓ взѧтїи каза́нъского о̓строга великаго. Глава̀ .к̃. [1]). — Нач.: Посе́м же кн҃зь великїи васи́лей и̓ва́нови^ч^ терпѣвъ .ѕ҃. лѣтъ . . . .

л. 55. 2 рисунка: 1) Пришедше воеводы московьскїе под каза́нь с во(и)скимъ многимъ и сташа близъ града и помышлѧше ка́ко бы град взѧти. 2) Зажгоша рꙋстии людїе казанскии ѡстрогъ и возвестиша воеводамъ воеводы же повелѣша в трꙋбы трꙋбити и̓ ꙋда́риша на о̓строгъ і ꙋ́биша воеводꙋ аталыка̀ татаръ многи^х^.

л. 55 об. О̓ мирꙋ казан'цевъ с велı́кимъ кнѧзѐмъ васи́лїемъ и̓вановичемъ. и̓ о̓ взѧтїи с москвы цр҃ѧ во цр҃тво каза́нское. и̓ о̓ оу̓бїе́нїи е̓го̀. Гла́ва .к҃а. — Нач.: Вое̓во́ды же моско́въскїѧ со о̓ста́вшимисѧ во́ градѣ каза́нцы преми́рїе оу̓чини́ша. . . .

л. 57 об. 2 рисунка: 1) Приїдоша казанцы с вел(і)и́ми дары к воеводамъ м҃ковскимъ воево(ды) мосъковские прия́ша дары. 2) Великїи кн҃зь василїи ивановичь ѿпоусти в казань на ца́ръство генъ алѣѧ царевича каси́мовъского.

л. 58: О̓ мꙋче́нїи ст҃а́го мч҃ени́ка и̓ва́нна, мꙋчивъшагосѧ в каза́ни. Глава̀ .к҃в. — Нач.: В лѣто ҂з҃л҃з^г^. м҃ца ген'варѧ̀ въ .к҃д. и̓ дн҃ь бг҃оу попꙋсти́вшоу. . . .

л. 59 об. 2 рисунка: 1) О̓ пленени ст҃аго і̓ва́нна и̓ о̓ мꙋчени̓ е̓го̀ и̓же в козани ѿ казанцевъ. 2) Ст҃ыи мꙋченікъ воста с мѣста идѣже бѣ оу̓сѣченъ и̓ пр҃де в полки к дѣте́мъ боѧ́рскїмъ и̓ причастивсѧ ст҃ыхъ та́йнамъ и̓ ѿиде ко г҃ꙋ.

л. 60: О̓ сме́рти вели́каго кн҃зѧ̀ васі́лїѧ. и̓ о̓ прика́зе цр҃тва сн҃ꙋ е̓го̀ вели́комꙋ кн҃зю и̓ванꙋ васи́льѐвичю. и̓ о̓ самовла́стїи боѧ́ръ е̓го̀. Глава̀ .к҃г. — Нач.: И̓ ѿ того̀ вре́мѧни, на до́лго вре́мѧ вели́ко зло бы́сть . . . .

л. 61 об. 2 рисунка: 1) О̓ приказе цр҃тва московскаго велїкаго кн҃зѧ василиѧ ивановича сынꙋ своемꙋ великомꙋ кн҃зю иванꙋ

1) Такъ.

васильевичю. 2) Ѡ преставле́нїи вели́каго кнѧзѧ васи́лиѧ и̓вановича во и̓ноцехъ варълама и о погъребенїи его.

л. 62: О̓ воцре́нїи вели́каго кнзѧ и̓ва́нна васи́льѐвича. ї о̓ ра́зꙋмѣ ѐго̀ и̓ о̓ премрсти. и̓ о̓ избїе́нїи ѿ него бола́ръ ѐго̀. и̓ о̓ согла́данїи ѐго̀ землѧ̀ своеѧ̀. и̓ о̓ любви̇̀ ѐго̀ к во́ѐмъ свои́мъ. ї о̓ оу̓вѣ́данїи ѐго̀ о̓ каза́ньскомъ цртве. Гла .кд. — Нач.: Возра́стъшоу же вели́комꙋ кнзю и̓ваноу васи́льѐвичю. . . .

л. 65 об.: Рисунокъ: Ѡ̓ воцаренїи вели́каго кнзѧ и̓ва́на васильѐвича на ца́ръство моско́вское.

л. 66: О̓ плене́нїи каза́нцевъ на рꙋсъкꙋю зе́млю. и̓ о̓ о̓сквернє́нїи ѿ ни́хъ сты́хъ бжїихъ це́ркве́й. и̓ о̓ нарꙋга́нїи правосла́внымъ христїѧномъ. Гла́ва .ке. — Нач.: И̓ ка́ко могꙋ сказа́ти. и̓лѝ писа́ти напа́сьти тоѧ̀ бѣды̀. и̓ гро́зныѧ тꙋча и̓ стра́шныѧ рꙋсскимъ лю́демъ во времена̀ та. . . .

л. 69 об. Рисунокъ: Ѡ̓ похоженїї казанцевъ на рускую землю. и ѡ разоренїї манастырей и ї митрей [1]) и сватыхъ божиїхъ црквей. и ѡ нарꙋга́нїи хртїѧномъ.

л. 71. О̓ цари́цынѣ прорече́нїи о̓ каза́ни. Глава̀ кѕ. — Нач.: Нѣкогда оу̓бо ходи́вшимъ каза́нцемъ войно́ю на рꙋскїѧ предѣ́лы. . . .

л. 72. Рисунокъ: Проречение царицы казанские сиби́рки царю саѳагирею ѡ каза́ни како ѐй повѣ́да црь саѳагирѐ пленение о граде балахне. . . .

л. 72 об. чистый.

л. 73. Отступя отъ верха, крупными буквами: Ѡ̓ моле́нїи к бгоу црѧ и̓ велїк[2])аго кнзѧ и̓ва́нна васи́льевича. и̓ о̓ жа́лости хртїѧнскаго наро́да. Гла .кз. — Нач.: Правосла́вныи же црь и̓ вели́кїи кнзь и̓ванъ васи́левичь, всегда̀ сїѧ рече́ннаѧ слышавъ. . . .

л. 74 об. Рисунокъ: Моле́ние к бгоу црѧ и̓ вели́каго кнзѧ и̓вана васи́лѐвича. и̓ како давыдъскїи слезами постелю свою о̓мочи.

1) Такъ.

2) Доселѣ болѣе крупными буквами.

л. 75: О воставшемъ матежи в казани. и о изгнанїи цара ихъ саоагпрѣа. и о взатїп с москвы цара шпхъ алѣа. и о избѣжанїп его їс казани. і о оубїенїп кнза чюры. Гла .кп. — Нач.: И воста в казапп в вемо́жахъ и во всемъ народе сматенїе велико. . . .

л. 79 об. 2 рисунка: 1) Согнаша казанцы изъ казани цара съвоего саоагпреа и с црцами его за ево измену казанцемъ. 2) О отпущенїп пс казани к москвѣ цара шпхъ алѣа касимовскаго како его опусти казаньскиї кнзь чюра.

л. 81: О третїемъ взатїп казанскомъ в казан цара саѳагпрѣа на цртво. и о скорой смрти его и о царицахъ. и о казьни вельможъ московъскихъ. и о посланїп воеводъ ѿ цра и великаго кнза на казань. Глава .ко. — Нач.: И по избежанїп цра ших аллѣа ис казапп, воставше казанцы на кнза чюроу. . . .

л. 85. Рисунокъ: Оубиенїе кнза чюры казанскова како отпусти їс казапп касимовскаго царя шпхъ [1]) алѣа к москве.

л. 85 об. 2 рисунка: 1) Призваша казанцы из нагаи цра саоагпреа в казань на царьство и встрѣтиша его честно и сѣде на царьство. 2) Црь шпхъ аллѣп прпбежа псъ казапп на коломну к црю и великому князю ивану васїльевичю и сказа ему все по раду и грамоты ѿда.

л. 86: О первомъ хожденїп самого цара и великаго князя к казани. и о излюбленїп ѿ него мѣста граднаго свияжьскаго. Глава .л. — Нач.: Блговерныи же црь и великїи кнзь иванъ васильевичь всеа росїи, слышавъ цра казанскаго саѳагирѣа злаго воина лютаго звѣра кровопиицу злѣ оумерша. . . .

л. 87 об. Рисунокъ: О первомъ хожениї самого цара и великаго князя ївана васильевича всеа русїи под казань и не вза в то време. и увиде мѣсто идѣже пнѣ поставленъ градъ свиажскъ [2]).

1) Въ рукописи: шиахъ.

2) Фигура всадника на конѣ та же, что и на л. 1 об.

л. 88. О видѣнїи сна̀ цр҃ѧ и̓ великаго кн҃зѧ. и̓ о̓ второ́мъ посла́нїи вое̓во́дъ е̓го̀ к̓ каза́ни. и̓ о̓ поставле́нїи свиѧ͗скаго гра́да. Гла́ва .л҃а. — Нач.: И̓ а̓бїе види́тъ во снѣ̀ цр҃ь и̓ вели́кїи кн҃зь видѣнїе нѣ́кое....

л. 89 об. Рисунокъ: Повеле цр҃ь и велики̑ кн҃ѕь и̓ва̑ васильевичь градъ свияжскъ поста́вити царю шихъ а̓лѣю и̓ поставиша его не во ̑ноги дн҃и.

л. 90: О̓ бывше̑ звонꙋ̀ на мѣсте то́мъ. и̓ о̓ чюдотворе́нїи. и̓ о̓ ꙗ̓вле́нїи чюдотво́рца, ра́донежьскаго. Глава̀ .л҃в. а҃. — Нач.: Мно́ги же тогда̀ бы́ша и̓сцеленїѧ, ѿ и̓ко́ны вели́каго чю̑творца се́ргиѧ....

л. 92. 2 рисунка: 1) Приидоша го́рнаа чермиса к царю шихъ алѣю и покори́шаса царю̀ и вели́комꙋ кнѧзю. 2) Чюдо сергиѧ чюдотво́рца како бл҃гословилъ мѣсто и̓дѣже поставле́нъ градъ свияжъскъ.

л. 92 об.: О̓ волхвѣхъ прорица́ю̓щихъ взѧ́тїе каза́ньское. и̓ о̓ сѣтованїи каза́нскихъ старѣ́йшинъ. и̓ о̓ гордѣнїи и̓хъ. Глава́ .л҃г. — Нач.: Мно́гажды и̓ ѿ вельможь нѣцы, са́ми в̓ полꙋдне вида́хꙋ и жены ихъ и дѣти играюще в нощи того же колугерѧ....

л. 94. Рисунокъ: Ѡ̓ вопрошениї казанцевъ волхвовъ своихъ. и ѡ сѣтованиї казаньскїхъ татаръ и̓ о̓ гордѣнїи ихъ.

л. 94 об.: О̓ бѣ́се и̓же творѧ́ше мечты̀ свои́ми предъ человѣки живꙋще̑ во гра̑цѣ на ка́мѣ. гла̑ .л҃д. — Нач.: К семоу̑ же и̓ сѐ и̓но зна́менїе при мнѣ̀ же бы́сть ѐще бо̀ ми тогда̀ живꙋщоу в каза́ни....

л. 95 об. Рисунокъ: Ѡ̓ бесе иже твораше мечты̀ пред чл҃вки живꙋщемъ во градце на каме рецѣ и ѡ мо̑бѣ сеїта.

л. 96: О цр҃цынѣ владѣнїи каза́нїю всею̀. и̓ велмо́жъ с не́ю болши́хъ и̓ печа́ль и̑ о̓ поставле́нїи гра́да свиажскаго. Гла̑ .л҃е. — Нач.: Цр҃ѧ же в то времѧ не бѣ̀ на каза́ни, ꙗ̓ко же преже рѣ́хъ. оу̓меръ бо бѧ́ше....

л. 98. Рисунокъ: Ѡ царицыне владѣниї казанию и велмо́жь

с нею болшихъ ї печаль и́хъ о поставленїи града свиѧжьскагѡ.

л. 98 об.: О̓ любви̑ блоудно́й со цр҃цею, царе́вича оу̓ла́на кощака̀. и̓ о̓ и̓збѣжа́нїи е̓го̀ и̓с каза́ни. ї о ѩтїи е̓гѡ̀. и̓ ѡ̓ сме́рти е̓го̀. — Нач.: Того же цр҃вича оу̓ла́на кощака̀, не то́кмо вси̑ каза́ньстїи лю́дїе вѣ̑дахѹ. . . .

л. 100. 2 рисунка: 1) О̓ побѣ́ге ис казани царевича оу̓лана кощака и̓ о возвѣщени о немъ казанцемъ царю шихалѣ́ю и̓ поимані́и и̓ о̓ приведенїи[1]) е̓го̀ з брато̑ и зъ женόю его и̑ детми к москве. 2) Оубиение царевича оулана кощака и со всѣми его варъвары на оусѣкателномъ мѣсте.

л. 100 об.: О̓ дѹ̑ме вельмо́жъ каза́н᾿скихъ со цари́цею о̓ каза́ни. и̓ о̓ мирѹ̑ и̓хъ со царе́мъ шихъ а̓ллѣемъ касимовскимъ. и̓ с вое̓водамѝ моско́вьскими. Глава̀ л҃з. — Нач.: По и̑збѣжа́нїи же и̓с казани цр҃е́вича оу̓ла́на кощака̀ собрашасѧ ко цр҃це вси казанскїѧ велможи. . . .

л. 102 об. 2 рисунка: О дѹ̑ме каза́нскїѧ царицы сѹмвѣки с казанскими велможами ѡ казани.

л. 103: О̓ цари́цынѣ о̓тра́вѣ да́ннѣй на сме́рть царю шихъ а̓ллѣ́ю. и̓ о̓ гневѣ е̓го̀ на цари́цѹ. Глава̀ л҃и. — Нач.: О̓наже а̓ки на радости вели́цей, посла̀ ко цр҃ю нѣкиѧ да́ры . . . .

л. 104: Рисунокъ одинъ, подпись въ 2-хъ кругахъ: Присла царица сумвѣкъ к царю шихъ алѣ́ю дары сме́ртныѧ нѣкое брашно и питиѐ и срачицу, царь же повелѣ брашно ч҃ть да́ти псу̑, песъ же лизну̑ и расторже его на кусы пото́мъ велѣ ѿроку срачицу вздѣти̑ и в то́и часъ паде на землю торга́ѧсѧ ї у̑ре.

л. 104 об.: О̓ изведе́нїи царыцы и̓ с сыномъ е̓ѧ и̓с казани. и̓ о̓ плачи еѩ. Глава̀ л҃о. — Нач.: И егда̀ ведо́ме бы́ти цр҃цы и̓с каза́ни. . . .

л. 108. 2 рисунка: 1) Прїиде къ царице воевода московъскїи в полатѹ и сказа е̓и все по радѹ и ѧтъ ее изъ казани с че-

---

1) Въ рукописи: прїведенїи.

стїю. 2) Ѡ прощенїи царицы сꙋͫвеки надъ гробомъ моужа своего царѧ̀ саѳагиреѧ и҆ ѿ плачи е҆ѧ.

л. 108 об.: О҆ оу҆тѣшныхъ гл҃ехъ воеводы к̕ цр҃це. и҆ о҆ провоже́нїи е҆ѧ ѿ наро́да каза́нского. Глава̀ .м҃. — Нач.: Вое҆во́да же приста́вникъ бли͡з прише́дъ к не́й . . . .

л. 110. Рисунокъ: О провоженїи народа казанского царицꙋ ис казани и҆ с сыномъ еѧ̀ к мосъкве.

л. 110 об.: Ѡ провоженїи цр҃цы и҆с каза́ни к мо͠ск̕ве. и҆ о҆ пла́чи е҆ѧ̀ ѿ свїѧ́жскаго гра́да. и҆дꙋщи во́лгою рѣко́ю. Глава̀ .м҃а. — Нач.: И҆ проводи́ша цр҃цꙋ ѿ свїѧ́жьскаго гра́да, два воево́ды с силою. . . .

л. 113. Рисунокъ: Повезоша царицꙋ изъ володимера к москве на царъскихъ колымагахъ.

л. 113 об.: О҆ сме́рти Сеи҆тове. и҆ о҆ и҆спꙋще́нїи и҆с каза́ни всего̀ рꙋ̑с̕скаго плѣна. Гла͠в .м҃в. — Нач.: По цр҃це же и҆ сеи҆та свое҆го̀ каза́нцы, книга͠ оучи҆телѧ. ло́жънаго зако́на махме́тева са́ми рꙋка́ми ꙋ҆͠ша . . . .

л. 114. 2 рисунка: 1) Приведоша казанцы къ царю шихаллѣ́ю сеита своего. ложнаго оучителѧ. 2) Повелѣ царь шихъ аллѣи сеиту казанъскомꙋ главꙋ ѿсещи.

л. 114 об.: О҆ бы́вшей вѣ́сти ѿ тꙋ̑рскаго царѧ̀, о҆ казани, и҆ о цр҃цѣ. и҆ о҆ посла́нїи е҆го̀ з да́ры, к нага́искі͠и кн҃зе́мъ и҆ мꙋрза͠. Глава .м҃г. — Нач.: Ско́ро же до́и҆де слꙋ̑хъ о҆ каза́ни, и҆ ѡ цр҃це до сомого нечестиваго цр҃ѧ тоу͛ скаго . . . .

л. 118: Посланїе ѿ тѵ̑рскаго царѧ̀ к нагаискимъ кн҃земъ і мѵрѕамъ о҆ каза́ни.

л. 118 об.: О҆ поше́ствїи в каза́нь царѧ̀ шихъ а҆ллѣ́ѧ и҆ о҆ посаже́нїи е҆го̀ на ца́рство. и҆ о҆ и҆збїе́нїи ѿ него̀ вельмо͡ж каза́нски͡х. Гла͠в .м҃д. — Нач.: Ца́рь же шихъ аллѣ́и послав̑ цр҃цꙋ к мо́скве. . . .

л. 119. Рисунокъ: Царь шихъ алѣ́й касимовскиї сѧде в каза́ни на царствѣ в третьиї и врꙋчи мечь воевода͠ и свѡ͠и на каза͠цевъ.

л. 119 об. Глава безъ заглавія: см. Унд. № 774, л. 93 об. Нач.: В[1]) тóже врéмѧ бѣ҃ па москвѣ бѣгѹ҃нъ казанъски вáрваръ кн҃зь чапъкунъ. . . .

л. 122. 2 рисунка: 1) Превавщенїе кн҃зѧ чапкѹна на избеженнїе его ѝс казанї к москве и пошесьтвие егò с мосъквы в казань ѝ совѣтъ его (с) казанцы. 2) Совѣтъ казанъцевъ, како бы оу нихъ быти кнѧзю чапкоуноу в казанї воеводою и како бы емѵ царемъ быти.

л. 122 об. чистый.

л. 123: О писáнїи воевóдъ ко цр҃ю ѝ велѝкомѹ кн҃зю на цр҃ѧ шихъ àлѣ́ѧ. ѝ ò ѝсшесьтвїи царѧ̀ ѝс казáни. ѝ о поимáнїи казáнцевъ. Глава .м҃ѕ. — Нач.: Воевóды же ѝспытáвше сиѐ горáздо....

л. 125. 2 рисунка (повидимому, сдѣланы позже, чѣмъ предыдущіе, и другой рукой. — Это послѣдніе рисунки, а далѣе лишь круги съ подписью для рисунковъ). 1) Ѡ писанїи воеводъ ѝ(с) свиѧжска к москве к царю ѝ великомоу кнѧзю иванѹ васильевичю о царѣ шихъ алѣе. 2) Пошесьтвие ѝс казани царѧ шихъ алѣѧ к москве по измѣне казанскихъ татаръ.

л. 126: О весéлїи пира воѐводъ. ѝ ò посланїи в каза҃ ѿрокъ ѝхъ. ѝ ò сѣтованїи казáн'цевъ по велмóжахъ свои҃. Главà .м҃з. — Нач.: Сáми же воевóды тогò дн҃и со царемъ, начáша пировáти....

л. 127 об. Подпись къ рисунку: О бесѣде царѧ шихъ алѣ́ѧ и(с) свиѧжска къ москве.

л. 128: О ѝзбїенїи ѻ́трокъ воѐвóдъскихъ в казáни. Глава .м҃и. — Нач.: Тѣ́хже воевóдскихъ ю́ношь в' казанъ поустиша и ѧша всѣхъ. . . .

л. 129. Подпись къ рисунку: Ѡ избїенїи дѣтей воеводцкихъ и кàко ихъ въ котлàхъ свариша по измѣне казанцевъ.

л. 129 об. чистый.

л. 130: Ѡ мѹчéнїи ст҃го мч҃нка петрà ѝже въ казáни. Главà .м҃ѳ. — Нач.: Егдà же пóсланъ бысть в казáнь ѿ цр҃ѧ . . . .

---

1) Эта буква киноварью.

л. 131. Подпись къ рисунку: оубиение стго мученика петра̀ ка́ка ѿрекалсѧ ѿ и́хъ богоме́рскиѧ вѣ́ры и̓ сродьники е̓го у̓биша.

л. 132 об.: Ѡ посшѐствїи[1]) на оу̓тро воевод х казáни. и хоула̀ и̓ оуничиже́ние̓ и̓мъ ѿ казáнцевъ. и̓ печáль и̓хъ о казáни. Глава̀ .н҃. — Нач.: На оу̓трия же пойдо́ша воеводы. . . .

л. 133 об. Подпись къ рисунку: Прише́ствие свиѧжскихъ воево́дъ х казáни како царѧ̀ шихъ алѣѧ и̓ казáни ѿпустиша и̓ посмеѧ́нїе казáнцевъ воево́дамъ.

л. 134: О поше́ствїи црѧ шихъ алѣѧ̀[2]) к мкве. и печáль царя и̓ вели́каго кнзѧ ѡ̓ казáнї и̓ ѡ̓ прише́ствїи въ казáнь е̓дигирѣя црѧ̀ на цртво. Глава̀ .на. — Нач.: Црь же шихъ алѣй пойде ско́ро к мкѣ. . . .

л. 136. 2 подписи къ рисунку: 1) Ѡ пришествиї царѧ̀ шихъ алѣѧ к мо́скве к црю и великомѵ кънѧзю иванꙋ васи́льѐвичю и ѡ̓ сказáнїе (е)гѡ. 2) Прїиде црь шихъ алей в вотчинѵ съвою касимовъ и̓ сѣде на цртво по́ прежнему.

л. 136 об.: Совѣтъ царя и̓ вели́кого кнзя ї̓вáна васи́льѐвича всеа̓ рꙋсїи. с кнзи и̓ боя́ры и̓ с вельмо́жими ѡ̓ казáни. Глава̀ .нв. — Нач.: И̓ призываѐтъ к себѣ̀ црь. . . .

л. 140 чистый.

л. 140 об. Подпись къ рисунку: Совѣтъ црѧ и̓ великаго кнзѧ и̓ва(на) васильевича з брáтиею своѐю и з вельможими свои̓ми ѡ казани.

л. 141: В лѣта ,зз҃. о̓ казáнъскомъ взятьѐ и̓ ѡ̓ бговоди́мемъ по́двизе царя и̓ вели́каго кнзя и̓вáнна васильевича всеа̓ рꙋсїй. и̓ кáко покори̓ е̓мꙋ бгъ цртво казáньское. и̓ правослáвиемъ просвѣти̓ всю землю казáнскꙋю и̓ ѡ̓ знаменїи̓хъ мно́гихъ и̓ о̓ про́чихъ градѣ́хъ[3]). — Нач.: Преблгїй же бгъ. хотя̀ прославѝти стое и̓мя своѐ. . . .

л. 142 об. Подпись къ рисунку: Совѣтъ црѧ и̓ великаго кнзѧ

---

1) Такъ.

2) Въ рукописи: шихъ алѣлѣѧ.

3) № главы нѣтъ.

ӣвана васильевича всеѧ рѹсїи с пресщен'нымъ митрополитомъ макáриемъ ӣ з братїею своею ӣ со кнзи ӣ з боѧры о казани.

л. 143 и л. 143 об. чистый.

л. 144: (ѡ) сѹгѹбомъ шествп црѧ ӣ великого кнзѧ х казани. Нач.: Бл͠госéрдыи же цр҃ь ӣ велúки кнзь, всѧчески хотѧше кровопролитїе оутóлити. . . .

л. 144 об.: Цр҃éвнино прорицáние ѡ козáни. Нач.: Ӕко же во͠згордѣ цр҃éвна ӣхъ, ӣже бѣ сестрà ма͠хметеминѹ црю. . . .

л. 145. 2 подписи къ рисунку: 1) О сѹгоѹбомъ шéствїи цр҃ѧ ӣ великаго кнзѧ ӣвана васильевича всеѧ руси х казáни с войствомъ свои́мъ. 2) О прорицáни казáнъские царевны посланникомъ великого кнзѧ ѡ взатїи казанъстемъ.

л. 145 об.: Оурóдиваго татáрина прорицáнїе ѻ казáни. Нач.: Нѣк'то татáринъ оурóдивъ по граду хода нача напрасно вопити . . . .

л. 146 чистый.

л. 146 об. 2 подписи къ рисунку: 1) Прорицáнїе оурóдиваго татáрина ѻ казани и́ приведóша ѐго предъ цр҃ѧ и повелѣ ѐго царь посадúти в пѹстѹю хрампнѹ. 2) Оурóдивыи же татáринъ вы ломисѧ ӣс пѹстыѧ храмины ӣ ѐдїнáко вопиѧ ӣ проклинаѧ татаръ ӣ погибель ӣхъ прорицáѧ.

л. 147 чистый.

л. 147 об.: Диво ѻ корóве ї ѡ дѣтищи в' казани. — Нач.: Родúсѧ ѿ корóвы дѣтище. . . .

л. 148. 2 подписи къ рисунку: 1) Дúво ѡ корове како роди дѣтище человѣческимъ ѻбразомъ ӣ снидошасѧ мнóзи татаровѧ видѣти его̀. 2) Совѣщашасѧ татáровѧ оубитї ѐго ѻниже невїдимъ быстъ ѿ нихъ.

л. 148 об.: Диво ѻ рыбной ловúтве на вóлге рекѣ. — Нач.: И нѣкогдà рыбаловемъ казáн'скимъ ловáщимъ рыбы на волге....

л. 149. Подпись къ рисунку: Дúво ѡ рыбно(и) ловитве на волге рѣкѣ како казанскїе татаровѧ ловиша рыбѹ ӣ ӣзвлекоша мрежею человѣка жúва.

л. 149 об.: Диво вó градѣ казáнін. — Нач.: Имѣахѹ же тогдà мнóги ѝзбы во граде казани в'копаны в зéм'лю ѿ рѹскаго стреля́нія. . . .

л. 150. Подпись къ рисунку: Чюдо во граде казани како видѣша [1]) казанцы в землянѹю избѹ ѝ видеша чл҃ка лежа на посьтеле ѝ прорицáя ѝмъ ȏ казáни.

л. 150 об.: Ȏ смéрти цр҃я сафагирѣя казанскаго. — Нач.: Тогда же чл҃къ любивыи бг҃ъ хотà дáти слáвѹ ѝмени своемѹ. . . .

л. 151. 2 подписи къ рисунку: Ѿ смéртї казанскаго царя сафагирéя егó же бг҃ъ въскоре разруши живот ȇго. 2) По смерьти царя сафагирѣя посадїша казанцы на цар'ство сы́на его царевича мамъшигирéя.

л. 151 об.: Ȏ знáменіи вó граде казáни. Нач.: По смéрти же погáнаго цр҃я сафагирѣя мнóгажды видáхѹ въ казани татарова на црвѣ дворѣ и во хрáминахъ. чл҃ка чернорнзца ходяща. . . .

л. 152. 2 подписи къ рисунку: 1) По смерти царя сафагирѣя мнóгажды видахѹ в казанї тотарова на цареве дворѣ и во храминахъ члвка черноризъца ходáща. 2) Тако же казанцы ї ѝно чюдо видáхѹ по стенамъ града казанї двѹ черноризцовъ скоро рыщѹщихъ ѝ нікъто же постигнѹти можаше.

л. 152 об.: Знáменіе на свіяге рекѐ. Бли³ велíкія рекѝ вóлги [2]). — Нач.: На мѣсте идѣже нн҃ѣ стоитъ грáдъ свіяски многажды видáхѹ татарова, иже бли³ мѣста тогò живѹщеи, чл҃ка во ѝночестеи одеждѝ ходяща. . . .

л. 153. Подпись къ рисунку: Знамение на свияге рекѣ многажды видахѹ татарова человѣка во иночесте ȏдéжды ходяща ѝногда же видахѹ сщ҃енїцы на мѣсте тȏ поахѹ и кадахѹ идѣже нн҃ѣ стоитъ гра̑ свяжскіи.

л. 153 об.: О поставлéнии грáда свіяжского на рекѐ свіяге. ї ȏ присяге горныхъ людѐ. — Нач.: По сихъ же бл҃гочтивыи црь ѝ велйки кнзь послà мнóгое мнóжество на гóрнѹ странѹ. . . .

1) Должно быть: внидоша.

2) Эти слова всѣ киноварью.

л. 154. Подпись къ рисунку: Ѡ присаганіи горнаа черемисы како привозахꙋ хлѣбъ и медъ и всакꙋю потребꙋ в новыи градъ свиажскіи воеводамъ.

л. 154 об.: Ѡ покореніи казаньскихъ людей и како вдаша црю и великомꙋ кнзю казанскаго цра машгирѣа, и с мтрїю его свѣ црцею. — Нач.: Казанцы же молны, и сейты и шихъ и шіи згады, и мозады. имамы тазѣи и и афазы. и оуланы. и кнзи и мꙋрзы і ичкі. и задворные казаки, и чюваша и черемиса, и огаки и мордва. и тарханы и можары и вса земла казанскаа вса сна видѣвше, и начаша молити воевод и предашаса во всю волю гдра. . . .

л. 154 об.: (Ѡ) црѣ шихъ алѣе, како бысть в третьие в казани на цртвѣ. — Нач.: Блгочтивыи гдрь црь и великіи кнзь иванъ васильевичь всеа рꙋсіи. всѣмъ казанскимъ [1]) гнѣвъ свой оутоли, млть показа. . . .

л. 155: Ѡ намѣстнікe цра и великаго кнза и ѡ измѣне казанцев. — Нач.: И паки казанцы испросиша себѣ оу цра и великаго кнза намѣстника. . . .

л. 155 об.: О посаженіи цра едігірѣа касы сатанова сна на цртво в казань. — Нач.: И взаша казанцы к себѣ ца цртво астраханьскаго цра . . . .

л. 155 об.: Чюдо ѡ звонꙋ въ казани. — Нач.: Бысть же тогда в самыи праздникъ свѣтлаго хва воскресенїа воиньстіи (л. 156) людїе московстіи, стоахꙋ на ꙋстье казанъки реки . . . .

л. 156: Ѡ шествї самого блгочестиваго гдра цра и великого кнза івана васїльевіча всеа рꙋсіи х казани на прогнанїе татаръ. — Нач.: По сихъ же и самъ блгочестивыи црь и великіи кнзь подвижеса. . . .

л. 156: Повѣсть ѡ казанско взатьѣ. и ѡ бговодімемъ подвизѣ. и ѡ похожении блговѣрнаго и хртолюбиваго гдра цра и великого кнза ивана васильевича всеа рꙋсіи противъ безбожнагѡ цра девлеть гирѣа крымскаго. Гла пд. — Нач.: Црь и

1) Такъ.

великїи кнзь ивáнъ васильевичь всеа рꙋсїи (л. 156 об.) остáви на москвѣ брáта своего блговѣрнаго кнза георгїа васильевича. . . .

л. 160 об. 2 подписи къ рисунку: 1) Ѡ шествїи самого блгочестиваго гдра цра и великаго кнза ивана васильевича всеа рꙋсїи х казанни на прогнанїе татаръ. 2) Моленїе блговѣрнаго и хртолюбїваго гдра цра і великаго кнза ивана васильевича всеа рꙋсїи в пречестьнеи обїтели живоначалные трцы.

л. 161: Ѡ послáнїи грáмотъ к мкѣ[1]). Ѿ цря и великаго кнзя ивáна васильевича, всеа рꙋсїи. Главà ће. — Нач.: Црь православныи и гдрь и велики кнзь ивáнъ васильевичь всеа рꙋсїи здрáвъствꙋетъ. . . .

л. 163. 2 подписи къ рисунку: 1) О присланїи грамотъ ѿ цра и великаго кнза ивана васильевича въсеа русїи к москве к блговѣрнѡ црце и великои кнагине анастасие. 2) Також и ѿ митрополита макарїа к црю гдрю и великомоу кнзю ивану васильевїчю всеа рꙋсїи послание на коломну.

л. 163 об.: Ѡ бгомъ послáннѡ пищи вóинъски людѐ. — Нач.: И пóйде црь и великїи кнзь ѿ града мꙋрома чáстымъ лѣсомъ, и чистымъ пóлемъ. . . .

л. 164 об. Подпись къ рисунку: Пошествие ѿ града мꙋрома цра и великаго кнза ивана васильевича всеа рꙋсїи и ѡ бгопосланнѡ пищи воискимъ людемъ.

л. 165: Розрядъ по повелѣню гдря цря и великого кнзя ивáна васильевича воеводамъ в полъкáхъ. Главá .нѕ. — Нач.: В полъцѣх же быша воеводы ертоулъ кнзь юрьи ивáновичь шемякинъ прóнъской. . . .

л. 167: Подпись къ рисунку: Вниде благовѣрныи гдрь црь и велїкїи кнзь иван васильевичь вс(е)а рꙋсїи во градъ свиажьскїи и помолиса в собóрнеи цркви о победе.

л. 167 об.: Сказáние бжия члвколюбия. и пренепорóчныа его мтри бцы пóмощи и застоуплéния. И ѡ велицеи побѣде еже

1) Такъ.

дарова́ бгъ правосла́вномꙋ црю і велі́комꙋ кнзю ѝва́нꙋ васи́льѐвичю́ всеа̑ рꙋсіи ѝ ка́ко по́йде ѝз свиѧ̑жьскаго гра́да на каза́нское црство И̓ гра҄ каза́н҄ взѧ҄ И̓ црѧ казаньского ѐдигерѧ касы̑ сата́нова сна ізыма҄. і̓ црство каза̑ское ра̑плени. Гла҄ .нз. — Нач.: В лѣта ҂зѯ҄. мца. а̑вгуста. иг҄. на па́мѧть стіхъ мчнкъ флора̀ и̓ лавра̀ поѡ́йде правосла́вный црь и̓ великій кнзь ко́ градоу ка- за́ни. . . .

На л. 170 начало разсказа (6 строкъ), который см. на л. 171.

л. 170 об. Подпись къ рисунку: При̑де благовѣ́рьныи гдрь црь и̓ великій кнзь иванъ васильевичь всеѧ рꙋсіи ко граду казани з братом своимъ и повелѣ развертети вели́ко зна́мѧ.

л. 171: О̓ ѡ̓саждѐнї гра́да каза́ни во́йньскими люд҄ми̓ І̓ стѣнобиітными оумышленьми. Глава̀ .ли. — Нач. По [1]) соверше́нїи же млтвы правосла́вныи црь и вели́кїи кнзь, двигсѧ со всѣ́мъ во́йнство҄. . . .

л. 173 об.: Подпись къ рисунку: Ѡ̓ осаженїи гра́да казанї и̓ прикатїша ко граду каза́ни пушьки вели́кие и пїшали и весь стенѡби҄но҄ нарѧдъ.

л. 174: Ѡ̓ приступе ко́ градꙋ каза́ни И̓ побѣ́да на тата́ръ И̓ ѡ̓ видѣ́нїйхъ. Глава́ .мѳ. — Нач.: Каза́нцы же ни ма́ло смири́шасѧ. . . .

л. 175. Подпись къ рисунку: Црь і̓ великїи кнзь и̓ва́нъ васильевичь всеѧ русиї посылаше в казань писание да бы покорилисѧ. . . .

л. 175 об.: О̓ видѣ́нїи стыхъ а̓птлъ петра̀ и̓ па́вла І̓ про́чихъ вели́кихъ стителей. — Нач.: Тогда̀ нѣкто̀ члвкъ бгобоѧ̑зниввъ и̓менемъ ти́хонъ. . . .

л. 176. 2 подписи къ рисунку: Видѣ́нїе нѣкоего человѣка тїхона ка́ко виде стхъ аплъ петра и̓ па́вла и нїколу и прочїхъ многихъ свтителей на 2) землѝ же виде московстиї людие полкѝ скачюще и выспрь зраще вопиаху ѡ николае помозї на҄.

---

1) Отсюда разсказъ на л. 170.

л. 176 об.: Ѡ видѣний стго николы. Нач.: Инъ же нѣкто вòинъ нижегородецъ. . . .

л. 177. 2 подписи къ рисунку: 1) Видение нѣкоего вòина како виде стго никòлѵ и повелѣвающа емѵ востати. 2) Тои же воинъ возъвести царю и великомꙋ къназю иванѵ васильевичю всеѧ рѵсїи кàко емѵ ѧвисѧ стыи никòла.

л. 177 об.: Ино чюдо. — Нач.: Тогдá же бы́сть ино чю́до ꙗвлéние препóдобнаго данила переаслáвскаго. . . .

л. 178 об.: Подпись къ рисунку: Повелѣ црь иванъ васильевичь на рвѣ ѵ града казáни поставити великꙋю башню выше града и повеле пѵшкаре и стрельцомъ бити во грдъ [1]) днь и нѡщь.

л. 179: Ѡ повелѣнїи црꙗ и велúкого кнзꙗ, дóхтꙋрꙋ оучинúти подъкóпъ пóд стенꙋ грáда казáни. Главà .з҃. — Нач.: Посéмъ православный црь и велúкїи кнзь повелѣвáетъ. . . .

л. 179 об.: Подпись къ рисунку: Повелѣ црь и великїи кнзь иванъ васильѐвичь всеѧ рꙋсїи дохтꙋрꙋ оѵчинити подкопъ подъ сьтенꙋ града казани.

л. 180: Ѡ прислáнїи с мсквы вѣстника к црю гдрю и великомꙋ кнзю ѿ црцы ї великие кнгини и ѿ митрополúта з грáмотами. Главà .за҃. — Нач.: В тóже врéмѧ прїиде ко блговѣрномꙋ црю и велúкомꙋ кнзю вѣстникъ. . . .

л. 184. Подпись къ рисунку: Приде сь москвы вѣсьтникъ к црю гдрю и великомꙋ кнзю иванꙋ васильевичю всеѧ рꙋсїи ѿ црцы и великои кнагини анастасїи тако. . . [2]) и митрополи. . . [2]) макареи при. . . [2]) ла обра прчт. . . [2]) бцы. п боѧр. . [2])ном своим [2]). . . .

л. 184 об.: Ѡ изготóванїи подъкóпꙋ пóд стенꙋ градънꙋю. Главà .зв҃. — Нач.: В лѣта ҂зѯа. мца ѡктꙗбрꙗ въ .к. на пáмꙗть стыхъ мчнкъ кипреꙗна и оустúни. . . .

л. 186 об.: 2 подписи къ рисунку: 1) Блговѣрнѡмѵ црю

---

1) Такъ.

2) Обрѣзано.

иванꙋ [1]) васильевичю помышлающю з болары своими и҆ съ (во)еводы по ѕаутреннемъ пѣніи како бы желание получити. 2) Тако же пріиде дохътуръ къ царю иванꙋ васільевичю и сказа ему ѡ обоиˣ подкопехъ како и҆ѕготовиша подкопъ.

л. 187: Ѡ моле́ніи гд҃рѧ цр҃ѧ и҆ вели́кого кн҃зѧ преˣ ѡ҆бразомъ прч҃тые бц҃ы со слеза́ми. Глава̀ .ѯг҃. — Нач.: Бл҃говѣ́рный же цр҃ь и҆ вели́кій кн҃зь. и҆ванъ васи́льѐвичь всеа҆ рꙋсіи самоде́ржецъ по́иде в ло́жницꙋ свою̀ . . . .

л. 187: Мл҃тва. Нач.: Ѡ прт҃аѧ г҃же дв҃о бц҃е. застꙋпнице ро́дꙋ хр҃тиѧ́нъскомꙋ, при́зри и҆ ви́ждь. . . .

л. 190 об. Подпись къ рисунку: Моленіе гд҃рѧ цр҃ѧ и великаго кн҃зѧ ивана васильевича всеѧ рꙋсіи предо ѡ҆бразомъ пречистыѧ богородицы со слѣзами.

л. 191: Рѣ́чи и҆ поꙋче́ніе правосла́вного цр҃ѧ къ свое́мꙋ во́йнъствꙋ. и҆ поꙋче́ніе к ра́тно(му) дѣ́лꙋ. Глава̀ .ѯд҃. — Нач.: И па́ки ѡ҆брати́вьсѧ правосла́вный цр҃ь къ свое́мꙋ во́йнъствꙋ, и҆ речѐ. . . .

л. 192 об. Подпись къ рисунку: Поꙋченіе цр҃ѧ и великаго кн҃зѧ ива(на) васильевича всеѧ рꙋсіи к своему воинствꙋ къ ратномоу дѣлоу.

л. 193 и 194 чистые.

л. 195: Ѡ дина́ре цр҃це. — Нач.: Слышасте бо и҆ногда̀ бы́вшоую бж҃ию великоую мт҃ть. . . .

л. 198. Подпись къ рисунку: Пріиде и҆верскаѧ царица динара въ шабренскіи мн҃трь и паде предо ѡ҆бразомъ пречистыѧ бц҃ы и моласа со сьлезами.

л. 198 об. 2 подписи къ рисунку: 1) Изыде царица динара из церкви и сѣде на конь свои и҆ поде во стретение персомъ. 2) Поиде царица динара на цара перскаго и возопи гласомъ велиⁱ и оудари на полъки и ѿсече велехвальноую главꙋ цара перскаго и҆ вонзе на копіе и привезе во градъ.

л. 199: Ѡ ѿвѣ́те хо҃любиваго во́инъства. ко благовѣ́рномꙋ

1) Въ рукописи: иванꙋ ванꙋ.

црю гдрю. Глава .ѯе. — Нач.: И возопиша к нему црїе его и кнзи и боляре и воеводы и все воинство полку его со страхомъ и трепетомъ, паче же и радостїю....

л. 201. 2 подписи къ рисунку: 1) Ѿвѣтъ христолюбїваго воинства к црю гдрю и великому кнзю ивану васильевїчю всея росси. 2) Црь и великїи кнзь иванъ васильевичь всея россїи повелѣ развертети великое знамя и возрѣвъ на образъ спасовъ и помолися со слезами.

л. 201 об.: Ѡ прислани ѿ трцы живоначалныя из сергиева мнтря со стою водою к блговѣрному црю гдрю. Глава .ѯѕ. — Нач.: В тоже время из прчтныя ограды живоначалныя трцы....

л. 202. 2 подписи къ рисунку: 1) Прислание ѿ живоначалные трцы из монастыря крестъ запечатлененъ в немъ многочюдесъныя мощи и образъ сергия чюдотворца и воду стую и просвиру. 2) Такоже принесе к благовѣрному гдрю црю ивану васильевичю всея русїи дмитревскїи игумен крестъ киликѣевски и прїим [1]) блговѣрны црь и знаменавъся имъ.

л. 203. Ѡ зажжени пушечнего зелия во ѡбозе ихъ под градомъ казанию. и ѡ пристоупе и ѡ взятии града казани. Глава .ѯз. — Нач.: В лѣта ҂з.ѯа. мца ѡктабря въ .вднь. оуже въ подкопе под градомъ зелїе со ѡгнемъ готово суще. . .

л. 205 об. Подпись къ рисунку: Блговѣрныи црь и великїи кнзь иванъ васильевичь всея руси притече к церкви сергия чюдотворъца на молитву и повелѣ пѣти божественую литоргїю.

л. 206. Подпись къ рисунку: О зачалени пушечнаго зелия во ѡбѣихъ подкопѣхъ под градомъ казаню и о приступе и о взятїи града казани.

л: 206 об.: О возвѣщени гдрю црю и великому кнзю яко град казань взятъ бытъ и црь ихъ оухващенъ. Глава .ѯи. — Нач.: И в той час возвестиша православному црю глюще. . .

л. 207 об. 2 подписи къ рисунку: 1) Извещенїе црю гдрю и великому князю ивану васильевичю всея руси градъ казань

1) Въ рукописи: прїинм.

взатъ и царь ихъ порабощенъ и҆ цр҃цы его взаты и м҄ногие казанцы порабощены. 2) Бл҃гочестивыи гд҃рь цр҃ь и великїи кн҃зь иван васильевичь всеа рꙋсїи посылаетъ боларина своего данила романовича юрьева гра҃ казань оуведети и҆стиннꙋ взаша ли казань и цр҃а плениша ли.

л. 208: Ѡ приведѐнїи пре҃ цр҃ѧ и҆ великого кн҃зѧ казаньскаго цр҃ѧ едигерѧ. Глава .ѯѳ. — Нач.: Видѣв же бл҃говѣрныи цр҃ь, казаньского цр҃а е҆дигера гл҃а е҆мꙋ. . . .

л. 210. 2 подписи къ рисунку: 1) Приведоша предъ цр҃а гд҃ра и великого кн҃за и҆вана васильевича всеа рꙋсїи ис казани казанского цара едигера. 2) Потом же присла пс казани к цр҃ю гд҃рю и великомꙋ кн҃зю иванꙋ васильевичю всеа рꙋсїи воевода кн҃зь михаило и҆ванович воротынскои гл҃а бж҃иею мл҃тию побѣд(а) [1]) оуже совершиса во граде и казанцы вси побиенї бы́ша.

л. 210 об. Ѡ вшѐствїи православнаго цр҃ѧ и҆ великого кн҃зѧ ї҆вана васильѐвича всеа҃ рꙋсїи во гра҃ казань. Глава ѻ҃. — Нач.: Восхотѣ же и самъ гд҃рь цр҃ь вни́ти во́ градъ. . . .

л. 211 об. Подпись къ рисунку: Цр҃ь и҆ велїкиї князь и҆ванъ васильевичь всеа рꙋсїи прїиде во градъ казань и҆ виде множество побито татаръ ї женъ и҃ ї детей ї покивавъ главою прослеѕиса гл҃а чл҃ци бг҃ом есте сотворени почто не бога ради поги́босте.

л. 212. 2 подписи къ рисунку: 1) Цр҃ь ї велїкиї кн҃зь ива҃ васильевичь всеа рꙋси повелѣ ѿцꙋ своемꙋ дꙋховномꙋ протопопꙋ андрею молебнаа пѣнїа совершатї всемїлостивомꙋ сп҃сꙋ ї пречи҃той бц҃ы. 2) И тако посылаетъ цр҃ь ї велїкїи кн҃зь ї҆ванъ васи҃евичь в цр҃твꙋющї гра҃ москвꙋ с радосною вѣстию к царїце своей к велїкой кн҃гине анастасье ї к братꙋ своемꙋ х кн҃зю георгию и҆ къ митрополитꙋ макарию боарина своего данила ромоновича юрьева.

л. 212 об.: Ѡ поставленїи ст҃ыхъ бж҃їихъ цр҃кви на о҆бновленїе цр҃твꙋ казанскомꙋ. Глàва ѻ҃а. — Нач.: Добродѣтельныи же и҆ бл҃гоч҃твы цр҃ь и҆ велики кн҃зь в҄ той часъ повелѣ . . . .

---

1) Въ рукописи: побѣдꙋ.

л. 213. об. Подпись къ рисунку: Црь ї великїи кнзь иванъ васильевичь всеа русїи повелѣ мѣсто ѡкопати и поставити церковь во има нерукотвореннаго ѡбраза га бга ншего їса ха.

л. 214. 2 подписи къ рисунку: 1) Црь ї великїи кнзь иванъ васильевїчь вниде во градъ и ѡбрѣте место велми красно и ту молебнаа ѡтпѣвше и обложивше соборную церковь во има блговещениа бцы и на томъ мѣсте самъ боголюбыи црь своима [1]) водрузи кртъ. 2) Црь ї великиї кнзь иванъ васильевичь всеа русиї ѡбхожаше по граду казани и по улїцамъ со крты и со иконами и с прочею стынею ї с каженией.

л. 214 об.: Ѡ возвращенїи ис казани к москвѣ црѧ и великого кнзѧ ивана васильевича всеа русїи. Глава .ов. — Нач.: И тако блговѣрныи црь помышлаетъ въскоре итти. . . .

л. 215 об. Подпись къ рисунку: Возвратиса ис казани к москве црь и великїи кнзь иванъ васильевичь всеа рѹсїи здраво с кнзи и з боары и со всѣмъ воинъствомъ своимъ.

л. 216. О вести бывшей с москвы гдрю црю и великомѹ кнзю ѿ црцы и [2]) великомѹ кнзю. Глава .ог. — Нач.: И тѹ встрѣте его вѣстникъ црцынъ. . . .

л. 217. об. 2 подписи къ рисунку: 1) О вѣсьти к црю госѹдарю и великомѹ кнзю ивану васильевичю ѿ царицы и велїкои кънагинї анастасїи и тѹ встрѣти его боаринъ василїи юрьевичь малои траханиотъ поклонїса и рече радуиса державныи царю богом соблюдаемъ црца твоа анастасиа роди тебѣ сна нареченыи цревїчь дмитреи. 2) Црь ї велїкїи кнзь їванъ васильевичь прїиде во градъ володимеръ къ цркви пртыа бцы и повелѣ протопопу молебнаа пѣниа творити.

л. 218: О пришествїи цра гдра и вел(и)каго кнза к москве. Глва .од. — Нач.: Прїиде же блговѣрныи гдрь црь и великїи кнзь иванъ васильевичь всеа рѹсїи въ преиманитыи и црствѹющїи град москвѹ. . . .

---

1) Въ рукописи: своима своима.

2) Такъ.

л. 219 об. Подпись къ рисунку: Прїшествие цр҃а и҆ ве(ли)-каго кн҃зѧ ивана васильевича всеѧ рꙋсїи к москве и срѣтоша его московсти народи за посадом на преславско дороге.

л. 220. 2 подписи къ рисунку: 1) Сретоша цр҃а и великаго кн҃зѧ ивана васильевича всеѧ рꙋсїи макарїи митрополитъ со всѣмъ ѡ҆сщенны соборомъ во вратехъ града китаѧ на срѣтенско оулице. 2) Цр҃ь и҆ великїи кн҃зь иванъ васильевичь всеѧ рꙋсїи прїиде во своѧ цр҃ьскїѧ полаты и сѣде на престоле ѡтечества своего скїѳетра великїѧ росїи.

л. 220 об.: (О) покорѧющи^х^ся казацехъ и҆ сибирцехъ. — Нач.: Прочїи же казан'сти людїе и҆ вси живꙋщей во о҆кр҃тныхъ странахъ града того всѧ землѧ казан'скаѧ, тако же и҆ всѧ землѧ сибирскаѧ, с моленїемъ прихождахꙋ къ цр҃ю гд҃рю покарѧющесѧ. . . .

л. 220 об.: О҆ татарине и҆же кр҃тисѧ во ст҃ꙋю хр҃тїаньскꙋю вѣрꙋ и҆ нареченъ бысть во ст҃омъ кр҃щнїи стефанъ, и҆ пострада за х҃а. Глава ҃ѳе. — Нач.: Н(ѣ)кїи же татаринъ а҆рскїѧ страны прїиде в казань. . . .

л. 222. Подпись къ рисунку: К цр҃ю и҆ великомѵ кн҃зю иванов васильевичь [1]) всеѧ рꙋсїи прихождахꙋ казанские татаровѧ з женами и з детми и повелѣ ихъ гд҃рь крестити.

л. 222 об. 2 подписи къ рисунку: 1) Прїиде нѣкїи татаринъ аръскїѧ страны во гърадъ казань кресьтитисѧ и вопроси его протопопъ тїмофей повелѣ его кр҃тити и нарекоша и҆мѧ емоу стефанъ.

л. 223 чистый.

л. 223 об.: (О) кр҃щенїи двою̀ ц҃рей казанскихъ [2]) и҆ иныхъ татаръ многихъ. Глава .҃ѕ. — Нач.: В то же лѣто и҆ цр҃ь мамъшгирѣй казаньскїи, сн҃ъ сафагирѣевъ, е҆ще дѣтескъ сꙋщи, ꙗ҆ко пати лѣтъ во^з^расто во^з^люби вѣрꙋ хр҃тиѧнскꙋю. . . .

л. 224. Подпись къ рисунку: Цр҃ь и великїи кн҃зь иванъ васильевичь всеѧ рꙋсїи повелѣ крестити казанского цр҃вича мам-

1) Такъ.

2) Сверху: «м»: казански^м^; а «х» полустерто.

шигирея и нарекоша имя емꙋ александръ, и казанского црѧ едигеря и нарекоша ӥмя емꙋ симеонъ (и) иныхъ татаръ многихъ.

л. 224 об.: (Ѡ) поста́вле́нїи а҆рхиеп҃кпа в каза́нь, двꙋ а҆рхи́маритовъ. (Г)лава̀ о҃з. — Нач.: В лѣто .҂з҃ѯ҃г. и҆з воле́нїемъ б҃жїимъ ӥ совѣтомъ бл҃гочестиваго црѧ ӥ велика кн҃зя ӥва(на) васи́льевича всеа̑ рꙋсїи. . . .

л. 225. Подпись къ рисунку: Повелѐ цр҃ь иванъ васильевичь по благословению макарея митрополитꙋ селижаровскаго мн҃тря игꙋмена гꙋрия поставитї во а҆рхиеп҃пы в казань.

л. 225 об. 2 подписи къ рисунку: Поставление в свияжскъ в архиморїты из старицы града бг҃ородицъкого монастыря геръмона.

л. 226 и 227 чистые.

л. 228: Ѡ поставле́нїй в каза́ни собо́рныя црк҃ви. Ӥ на москвѣ̀ поставле́нїй цр҃ьския̑ ради побѣ́ды. Глава̀ о҃и. — Нач.: Пото́мъ же бл҃гоч҃твый цр҃ь повелѣ̀ постави́ти во́ граде каза́ни собо́рнꙋю црко҇. . . .

л. 228 об. 2 подписи къ рисунку: 1) Цр҃ь ӥ великїи кн҃зь иванъ васи́льевичь всея рꙋсїи повелѣ в казани поставити соборнꙋю црк҃вь каменнꙋ благовѣщения пречистыя бц҃ы. 2) Цр҃ьскїмъ же повелѣниемъ на москве поставлена церьков҆ во имя покрова пречистыя бц҃ы со мъногими предѣлы.

л. 229: О҆ цр҃ьскомъ хожде́нїй по ст҃ымъ мѣстомъ. Ӥ чю́до ѿ водѣ̀ ст҃го ники́ты переа́славъскаго чюдотво́рца. Глава̀ .о҃ѳ. — Нач.: Внегда́ же м҃лрдый бг҃ъ каза́н҆ское цр҃тво порꙋчѝ. . . . Конецъ: во҆звѣще́нно же бы́сть чюдо сие̑, самоде́ръжцꙋ цр҃ю ӥ вели́комꙋ кн҃зю ӥванꙋ васи́льѐвичю всея рꙋсїй.

л. 231. 2 подписи къ рисунку: 1) Цр҃ь иванъ васильевичь всея рꙋсїи прїиде въ ростовъ и моляшеся в церькви оу ст҃ля леонтия и оу раки его ѿ чадоро́дїи в наследие царствꙋ своемꙋ просити [1]) 2) Бл҃говѣрънаа цр҃ца и великаа княгиня анастасия

1) Такъ.

в полудне почивающи царевичь же иванъ оу кормилицы на коленехъ сѣдѧ и чюдо стго никиты переславского ѡ водѣ.

На этомъ кончается текстъ рукописи. Л. 231 об. и слѣдующіе 8 листовъ чистые.

97) № 31 (204). Исторія о Казанскомъ царствѣ и повѣсть о явленіи образа Казанскія Божія Матери, соч. митрополита Гермогена, полуустава XVIII в., въ 4 д. л., на 548 листахъ. Вкладъ поручика Головина. На 1-омъ листѣ надпись: «Исторія о Казанскомъ царствѣ, дана вкладомъ въ Троице-Сергіеву Лавру морскаго флоту поручикомъ Сергѣемъ Автомоновымъ Головинымъ».

л. 1. Предисловіе, короче того, что въ спискѣ, находящемся въ рукописи подъ № 196. «Исторія» раздѣлена на 72 гл. (Недостаетъ нѣсколькихъ статей въ концѣ, противу списка, что въ рукописи № 196).

л. 2. Литографская заставка и рамка искусной работы Троицкой или Воскресенской литографіи (внутри заставки образъ св. Троицы) и въ ней надпись: Исторія о Казанскомъ царствѣ гл. 1.

Изъ своихъ замѣтокъ добавлю слѣдующее.

л. 3 «П[1])редисловіе в рѡдъ инъ писаніемъ обьавити маловѣдомых людей мною, ѿ начала казанскаго цртва ѿкꙋдꙋ испѣрва, и в киѧ лѣта и какѡ почасѧ, и ѡ бывших великихъ побѣдахъ егѡ с великими нашими державными московскими кнзьми, да прочаѧ нша братіи вѡини и страсти [2]) егѡ ѿ скорби на радость преме(л. 3 об.)нѧетсѧ [3]) простіи же людіе да возвеселѧтсѧ и прославѧтъ великагѡ гда бга ншего іиса хрта, и разꙋмѣютъ вси дивнаѧ егѡ чюдеса и великіѧ мтри, еже повѣдает истинныи [4]) вѣрнымъ рабѡмъ своимъ начнꙋ же сице вы [4]) же разꙋмно внимайте сладкіѧ новыѧ сеѧ повѣсти». (Ср., напримѣръ, печ. изд., стр. 1—2).

1) Эта буква киноварью.

2) Должно быть: стратиги.

3) Такъ.

4) Въ рукописи: выи.

л. 7 об.: По̀ взѧ́тїи же казан́скаго [1]) и҆зыдо́хъ и҆с казани на и҆́мѧ цр҃ѧ и҆ вели́кагѡ кн҃зѧ і҆оа́нна васи́льевича. цр҃ь же вели́кїи вопроша́етъ ѡ вѣре, паки ѻ҆́брати мѧ и҆ ко ст҃ѣи цр҃кви приобщи̑ мѧ, и҆ ма́ло земли̑ ѹ҆дѣ́ломъ дае́т̾ ми да жи́въ бѹ́дѹ слѹ(л. 8)жа̀ е҆мѹ̀.

Въ концѣ разсказъ довольно спутанъ. Л. 487 об. кончается: гд҃рь цр҃ь нш҃ь и҆ вели́кїи кн҃зь і҆ѡа́нъ васи́льевичь всеа̀ рѡссі́и и҆ бра́всѧ с погаными каза́нцы бж҃їею ми́ (л. 488) и цр҃ца ѕѣлнѡ печа́лїю ѡ҆́бъѧти быша понеже неи҆мѹ́щи тогда̀ ни е҆ди́наго ча́да. . . .». Ср. Унд. № 774, л. 167 и л. 172 об.; № 98 Моск. Дух. Акад., л. 229; печ. изд., стр. 260. Этотъ отрывокъ изъ Хожденія по св. мѣстамъ кончается (въ № 204) на л. 489: С҆ чадоро́дїи моли́ша бг҃а со слезами рѹ́скими [2]), и҆спо́лни гра́дъ, и҆ а҆́зъ во ѹ҆мѣ̀ свое́м̾ нача̀ гл҃ати: во і҆́стинѹ то́й е҆сть бг҃ъ и҆стинный, в него́ же христїа́не вѣ́рѹютъ. . .». (См. Ундольскаго № 774, л. 169 об. до л. 179 об. Печатное изданіе стр. 257). Эта неожиданная вставка въ № 204 кончается такъ: (л. 492) нечести́вїи же нетерпѧше ѿ негѡ̀ хр҃това и҆́мени и҆сповѣ́дѹема (л. 492 об.) бг҃ѹ нш҃емѹ сла́ва ны́нѣ и҆ при́сно и҆ во вѣки вѣкѡ́въ, ами́нь.

М[3])олю вы̀ хр҃тои҆менитїи всѧ́кагѡ сщ҃ен̾ническагѡ и҆ и҆нѡческагѡ чи́нѹ да кто̀ в сїю кни́гѹ ѹ҆́чнетъ смо́трить дѹшеполе́зное, и҆ что̀ в не́й ѹ҆зрише нш҃имъ не(л. 493)радѣ́нїемъ пройдено̀ и҆ не и҆спра́влено, не клѧни́те, но̀ па́че бг҃а моли́те. да кто̀ в̾ ва́съ и҆скѹ́сенъ да̀ и҆спра́вит̾ и҆ и҆́нѣхъ наѹ҆чи́тъ и҆ бѹ́детъ с ва́ми бг҃ъ и҆ пр҇чтаѧ е҆гѡ̀ м҃ти и҆ вси̑ ст҃їи во вѣки А҆ми́нь.

Этимъ и кончается «Исторія». Л. 493 об. и л. 494 чистые.

л. 495. Повѣсть о явленіи Казанской иконы Божіей Матери. (См. у Леонида). Кончается на л. 553 такъ: (л. 552 об.) ꙗ҆́коже слышахомъ ѿ негѡ̀, цр҇скихъ ѹ҆́стъ ко мнѣ̀ рабѹ̀ е҆гѡ̀ и҆ бг҃омо́лцѹ гл҃емаѧ вто̀ вре́мѧ е҆гда̀ повелѣ̀ мѧ̀ бж҃їимъ и҆зволе́нїемъ ѹ҆ст҇роити в чи҇н митрополи́та (л. 553) слы́шахо҇м̾ речѐ ѻ҆ м҃лти в немъ неизрс-

1) Такъ.
2) Такъ.
3) Эта буква киноварью.

че́ннѣе чл҃колю́біи б҃жіи и̓ пр҇чтыѧ б҃цы на на҃, ка́ко ꙗ̓ви б҃ца чюдотво́рнꙋю своѝ и̓ко́нꙋ в на́шей ѿчи́нѣ казани, простира́ѧ к на҃ м҃ть свою̀ и̓ ка́ко падае́тъ неи̓зрече҃ныѧ цѣлбы̀ с вѣрою приходѧ́щим и̓ хощꙋ речѐ недостаточнаѧ. — Здѣсь конецъ рукописи.

л. 553 об., 554, 555, 556 чистые.

См. А. Поповъ. Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Вып. II. М. 1869. Стр. 133.

98) Хронографъ изъ лицевыхъ списковъ 2-ой редакціи, Московской Духовной Академіи, въ л., XVII в., № 434/679. Въ немъ (см. тамъ же, стр. 135) за послѣднею 169 заключительною главою, о избраніи Михаила Өедоровича, слѣдуютъ, въ приложеніяхъ, отрывки изъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ. (См. выше о такомъ же хронографѣ, принадлежащемъ самому А. Попову).

V. Порѣчье, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи.

См. «Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова. Въ 4-хъ частяхъ съ 13-ю снимками. Составилъ Архимандритъ Леонидъ. (Со включеніемъ 750 №№ собранія И. Н. Царскаго, описаннныхъ П. М. Строевымъ въ алфавитномъ порядкѣ» [1]). Ч. III. М. 1894 г., стр. 44, 48, 102, 103, 104, 105; ч. IV. М. 1894, стр. 269, 306—307.

99) № 1361 (844). Хронографъ 3-ей редакціи (1620—1646), скороп. XVII в., въ 4 д. л., 262 л. «Съ 238 л. начинается вставка изъ Казанской Исторіи о началѣ Казанскаго царства прерывается на 110 гл. (на л. 251 об.)».

100) № 1439 (29) «Исторія», въ листъ, полуустава XVII в., на 156 листахъ. «Л. 1. гл. 1. (Предисловіе). Раздѣленіе на главы (49 гл.) продолжается до начала сказанія о взятіи Казани въ

1) Ср. «Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія Ив. Ник. Царскому. Разобраны и описаны Н. Строевымъ. М. 1848». с. 104: № 160; с. 196: № 233, л. 436—570; с. 473: № 398, л. 153—297 («кѣмъ-то передѣлана»); с. 537: № 435, л. 36—44.

7061 (1553 г.) (л. 106 об.). Далѣе остаются лишь одни оглавленія, писанныя киноварью». «Это древнѣйшій и лучшій изъ 13-ти списковъ Казанской исторіи библіотеки гр. А. С. Уварова».

101) № 1440 (82). Исторія Казанская, въ 4 д. л.; скоропись XVII в., на 131 л. На л. 131 об. въ кругу надпись: «Сия книга приказу большаго дворца подьячего Ивана Евсѣевьева сына Небогатово, а писалъ сию книгу Казанскаго рыбнаго двора подъячей Осипъ Палминъ».

102) № 1441 (110). «Повѣсть о взятіи Казани», полуустава XVII в., въ 4 д. л., 26 л. «Извѣстная Казанская исторія, кѣмъ-то передѣланная. Повѣсть оканчивается на об. 21 л. кратко. Далѣе слѣдуютъ записки о событіяхъ: 7063 (1555), 7064 (1556), 7070 (1562), 7071 (1563), 7078 (1570), 7109 (1601), 7110 (1602) г.».

103) № 1442 (113) «Исторія», 4 д. л., 149 л., скоропись XVII в. 77 гл.. «Замѣтимъ, что рукопись эта писана однимъ почеркомъ съ Лѣтописцемъ кн. И. Ѳ. Хворостникова».

104) № 1443 (121) «Исторія». 4 д. л., 197 л., скоропись XVII в. 88 гл..

105) № 1444 (179) «Исторія». 4 д. л., 194 л., скоропись XVII в. 88 гл. «Недостаетъ послѣдняго листа».

106) № 1445 (122). «Исторія». 4 д. л., 190 л., скоропись XVII в. «Первыхъ 3-хъ главъ и начала 4-ой недостаетъ».

107) № 1446 (986). «Исторія». 4 д. л., 179 л., скоропись XVII в. 97 гл. «Списокъ не полный, начинающійся съ 28-ой главы».

108) № 1447 (160) «Исторія», въ л., 98 л., списокъ XVIII в.

109) № 1448 (89) «Исторія». 4 д. л., 189 л., скоропись нач. XVIII в. 79 гл.

110) № 1449 (96). «Исторія». 4 д. л., 179 л., скоропись нач. XVIII в., «безъ начала; прерывается на 76 гл.».

111) № 1450 (119). «Исторія» 4 д. л., 148 л., скоропись XVIII в.

112) № 1451 (1003). «Исторія». 4 д. л., 148 л., скоропись

XVIII в. «Не достаетъ первыхъ 6-ти главъ; начинается 7-ой гл.; обрывается на 46 гл. (конечныхъ лл. недостаетъ)».

113) № 1894 (848). Сборникъ. 4 д. л., 480 л., скоропись XVII в. «Исторія» л. 1—72.

114) № 1917 (203). Сборникъ, въ осмушку малую, 559 л., скоропись XVII в. «Исторія» л. 274—543.

(Кромѣ этого въ томъ же описаніи (стр. 48) подъ № 1363 (16) «хронографъ редакціи 1601 г.[1]) (по выкладкѣ въ статьѣ о отложеніи мясъ) съ прибавленіями разныхъ статей; послѣдняя относится къ 1640 г.; скоропись XVII в., въ л., 1078 л.». Въ этихъ прибавленіяхъ гл. 100: «О взятіи Казани царемъ Ив. Вас. Нач.: В первыя лѣта государства его Казанцы миръ испросиша у него. . . .»).

VI. Ростовъ (Ярославской губ.).

См. «Охранный каталогъ рукописей А. А. Титова». Вып. III. Москва. 1888, стр. 58; вып. IV. М. 1889, стр. 18, 49, 51, 53; вып. V. Сергіевъ Посадъ 1892 г. стр. 22.

115) № 2173. «Исторія Казанскаго царства. Скорописью XVIII в., въ четвертку, на 62 л.».

116) № 2876. «Казанская исторія неизвѣстнаго автора, съ поправками и передѣлками. Скорописью нач. XVIII в., въ форматъ столбца, на 16 л.».

117) № 3222. «Исторія Казанскаго царства (съ л. 187 Александріада). Скоропись XVII в., въ 4-ку, на 344 л.».

118) № 3249 «Исторія Казанскаго царства. Скоропись XVII в., въ 4-ку, на 245 л.».

119) № 3275. «Казанская исторія. Скоропись XVIII в., въ 4-ку, на 168 л.».

120) № 3708. «Исторія Казанскаго царства. Скоропись XVIII в., въ 4-ку, на 180 л.».

---

1) Ср. здѣсь же, стр. 52.

VII. Ярославль.

См. А. А. Титовъ. «Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія д. чл. Имп. Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву». Вып. I. М. 1888, стр. 102, 103; вып. II. М. 1892, стр. 310, 320.

121) № 131. «Исторія» 4 д. л., 293 л., полууставъ XVII в., 88 лл. По листамъ запись: «Сія книга Казанъская история комисара Михайлова сына Баракова. Подписался Наумъ Бараковъ, лѣта отъ Р. Х. 1714 г., Июля 15 дня». — («Цѣна 25 руб.»).

122) № 132. «Исторія Казанскаго царства, скоропись XVIII в., въ 4-ку, на 68 л.».

123) № 494. Хронографъ, въ два столбца, мелкій полууставъ конца XVIII в., въ большую 4-ку, на 446 л. — Л. 402 гл. 217: Исторія о Казанскомъ царствѣ. Сказаніе вкратцѣ, како и откуду и въ которое лѣто начася и о побѣдахъ великихъ царей Московскихъ съ царьми Казанскими и о взятіи царства Казанскаго благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, всея Россіи самодержцемъ. О проказѣ царя Махметемина. О смиреніи великаго князя и о посланіи въ Казань царя Шихалѣя. О печали великаго князя и о радости Шихалеевѣ. О третіемъ посланіи. О мученіи св. мученика Іоанна въ Казани. О воцареніи в. кн. Ив. Вас. О царицынѣ прореченіи о Казани. О царицынѣ владѣніи. О изведеніи царицы. О Сеитовой смерти. О прелагатаѣ князѣ Чапкунѣ. О житіи св. мученика Петра иже въ Казани. Царевнино прорицаніе о Казани. Ино чудо. Чудо о коровѣ и о дѣтищѣ. Ино чудо. Знаменіе во градѣ Казани. О Казанскомъ взятіи по шествіи князя Ивана Васильевича къ Казани. О осажденіи града Казани. О видѣніи св. апостолъ Петра и Павла и прочихъ святителей. Ино видѣніе. Ино чудо. О повелѣніи царя и вел. кн. доктору [1]) учинити подкопъ. О изготовле-

---

1) Такъ.

ніи подкопу подъ стѣну градную. О моленіи государя царя и в. кн. предъ образомъ пречистыя Богородицы со слезами.

124) № 510. Исторія Казанскаго царства, скоропись XVII в., въ 4-ку, 176 л. Начальные листы утрачены.

125) № 511. «Исторія», скоропись XVIII в., въ 4-ку, 89 л. На внутренней сторонѣ переплета запись: «Цѣна въ переплетѣ 60 к.» Переплетъ кожанный.

126—129). См. «Извѣстія и Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета. 1877 № 6 (ноябрь — декабрь). Приложеніе. Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. — С. М. Шпилевскаго». Стр. 555: «Въ настоящее время мнѣ принадлежитъ 4 списка, изъ которыхъ написаніе одного прямо обозначено 1652 годомъ; другой списокъ, какъ видно изъ почерка его, старѣе перваго, третій конца XVII ст.; а четвертый начала XVIII ст., послѣдній списокъ замѣчателенъ тѣмъ, что написанъ на гербовой бумагѣ. Второй списокъ принадлежалъ въ 1776 году священнику села Богородскаго, Астраханка тожъ (село въ Лаишевск. уѣздѣ), Ѳедорову; третій въ прошедшемъ столѣтіи принадлежалъ служителю Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря; четвертый принадлежалъ въ 1781 г. крестьянину Кукарской слободы Вятской губ.».

VIII. Антоніевъ Сійскій монастырь (Архангельской губ., Холмогорскаго уѣзда).

130) См. «Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею академика А. Ѳ. Бычкова. Приложенія къ XLI тому Записокъ Академіи Наукъ. Спб. 1882 г.». Стр. 137: «Іоаннъ Глазатый, священникъ. Приписываемая ему Исторія о Казанскомъ царствѣ находится: въ библіотекѣ Антоніева Сійскаго монастыря, въ рукописи, названной «Сбитень» (сборникъ) л. 149—269, писанной въ листъ, скорописью исхода XVII в., въ 101 главѣ. . . . »

IX. Казань.

а) *Имп. Казанскій университетъ.*

См. А. Артемьевъ. «Историческія рукописи библіотеки Имп. Казанскаго Университета. Статья 2-я. (Отд. оттискъ изъ Журн. Мин. Народн. Просв. 1854 г. № 7 и 8 [1]). Стр. 35, 37.

131) «XLIII. Сборникъ историческій. V. XIX в. № 8417 Док. Кат. Книга въ листъ, въ кожанномъ переплетѣ; писана на синей бумагѣ; листовъ 23». Л. 10—12 отрывки изъ «Исторіи»: «О пришествіи Царя и Вел. Кн. къ Москвѣ»; «О покоряющихся и крестящихся», «О крещеніи двою царей Казанскихъ и иныхъ многихъ татаръ»; «И некое чудо о водѣ святаго Никита Переяславскаго».

132) «XLIV. Сборникъ историческій. VI. XIX в. № 8418 Док. Кат. [2]). Книга въ кожанномъ переплетѣ; писана на синей бумагѣ; листовъ 238. На корешкѣ вытиснуто: «О покореніи Казани». «Исторія» л. 1—102. «На 1-мъ бѣломъ листѣ, рукою бывшаго библіотекаря проф. Кондырева, написано: «Казанская исторія, о взятіи Казани на 101 поллистѣ». «Отличія этого списка отъ печ. изд. не представляютъ особен. важности».

b) *Казанская Духовная Академія.*

См. «Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ Казанской Духовной Академіи» ч. II. Казань 1885. Стр. 542: 133) 669 (42). Сказаніе о началѣ царства Казанскаго и о взятіи его. Скоропись XVII в., въ 4 д., на 188 листахъ. Первая половина до похода на Казань Іоанна Грознаго имѣетъ

---

1) Это же см. въ «Лѣтописи занятій Археогр. Ком.». Вып. VII. Спб. 1884: Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ И. Казан. Ун., составл. А. И. Артемьевымъ. Стр. 104—107.

2) Это же см. въ «Лѣтописи занятій Археогр. Ком.». Вып. VII, 107—109 (Описаніе Артемьева). Эта рукопись упомянута въ Каз. губ. вѣд. 1844 № 15; 1852 № 15; 1856 № 36.

противъ печ. изд. 1791 г. нѣкоторыя пропуски, но 2-я половина распространена значительными вставками [1]).

(Кромѣ этого въ томъ же описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Дух. Акад., ч. II, стр. 103 указанъ хронографъ, № 438 (52), въ л., полуустава XVII в., на 959 л. Здѣсь на л. 886: Послѣдованіе древнимъ новѣйшее взысканіе гдря православнаго цря и великаго князя Іванна Васильевича всея Русіи Московскаго. «В лѣто ҂зѯ҃-го помысливъ црь гдрь и великій князь с͗ своею братіею, с͗ княземъ Юрьемъ Васильевичемъ и княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со ѿцемъ своимъ пресщеннымъ митрополитомъ Макаріемъ всея Рѹсіи и со всѣми боляры своими поити во свою вотчинѹ в новъ градъ Свіяжскій . . .» Л. 891: Сказаніе о хоженіе великаго князя православнаго царя, како пойде изъ Свіяжскаго града на градъ Казань. Л. 897—907: О казанскомъ взятіи, како взята бысть Казань).

X. Кіевъ.

а) *Кіево-Печерская лавра.*

См. Н. И. Петровъ. «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ». Вып. II. Москва. 1897 г. стр. 115, 116. 134) № 363 (185). «Сборникъ историческихъ сочиненій, курсивная рукопись конца XVII или нач. XVIII в., въ л., на 375 л.». Л. 109—172: Сказа́ніе цр҇тва Каза́скаго [2]) і ѡ брани и о̑ побѣдахъ великихъ Росі́скихъ Москов́скихъ кн҇зей со цр҇ьми Каза́скими, і о̑ взятіи того же цр҇ства Каза́скаго.

---

1) Этотъ же № 42 «Исторіи» указанъ и въ «Истинѣ св. Соловецкой обители противъ неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вѣрѣ. Святой обители приношеніе Игнатія, Архіеп. Воронежскаго и Задонскаго. Изд. 2-е, пополненное». Спб. 1847. Стр. 290: «№ 42 библ. Сказаніе вкратцѣ, или исторія о началѣ царства Казанскаго и о взятіи онаго. XVII в., въ 8 д. л.».

2) Въ подлинникѣ л. 109: Сказа́ние и҆сто́рии. ѿ началѣ цр҇тва каза́ского . . . . и. т. д.

Замѣчу, что главъ 97. (Оглавленія киноварью). Начало обычное: см. печ. изд. Главъ о Казанскихъ мученикахъ Іоаннѣ и Петрѣ нѣтъ. Послѣдняя глава (чз): О црскоⷨ хоженіи по свтыⷨ мѣстоⷨ и о роⷤденіи цркиⷯ чаⷣ. Она кончается: и(м)же всѣ(мъ) едиⷩ приѣмникъ быⷭⷮ оⷮ свтⷪя кѹпели прсвщеⷩныⷨ Макарій митрополиⷮ московски и всея Росїи. — По листамъ внизу рукописи запись: «1863 г. Принадлежитъ Библіотекѣ Кіево-Печерскія Успенскія Лавры».

135) № 364 (200). «Исторїѧ сирѣчь пóвѣсть ѡ взѧтїи црьствеⷩнаго града Казáни, и Астрахани, и Сибирскаго цртва и о покорéнїи великому гдрю црю ї великому кнзю Іоаⷩну Васильевичю всеѧ Рóссїи мнóгиⷯ рáзныхъ погáныⷯ народоⷡ мимотекущїѧ годы — рукопись 1-ой половины XVIII в., въ 4⁰, на 351 л.». Въ частности въ ней заключаются: л. 2 — 152 [1]). Сказáние вкратце ѡ началѣ цртва Казáнскаго, и ѡ брáни и ѡ побѣдахъ великихъ Российски кнзей. со царьми Казáнскими. и ѡ взѧтїи того же цртва Казанскаго. 98 главъ.

Замѣчу, что начало обычное. О Казанскихъ мученикахъ Іоаннѣ и Петрѣ главъ нѣтъ.

Послѣдняя глава чи: О црьскоⷨ хождéнїи по стыⷨ мѣстоⷨ и ѡ рождéнїи црьскиⷯ чáдъ. Она кончается (л. 152): иже всѣⷯ éдинъ прїѣмникъ бы́сть ѿ стыя кѹпéли преѡсщенный макáрїи митрополитъ москóвскїи і всея рѹсїи. áминь.

Внизу по листамъ рукописи и на л. 351 об.: «1863 г. Принадлежитъ Библіотекѣ Кіево-Печерскія Успенскія Лавры».

b) *Кіевская Духовная Академія.*

136) «Муз. рукоп. 747. Сборн. 1-й» [2]). 4 д. л., безъ нумераціи листовъ. Начиная съ л. 5 по л. 40 внизу по лл. запись: «(5) сїѧ (6) кнга (7) соᵇрания (8) из роⷥныⷯ (9) списаныⷯ (10) кнгь (11) боярина (12) кнзя (13) никиты (14) івановича (15) одоеⷡского

1) По-моему, это 2-я половина XVIII в.

2) У Н. И. Петрова въ Описаніи рук. Церк.-арх. музея нѣтъ.

(16) чл҃вка (17) ѳедора (18) гера (19) симова (20) ах то (21) сию (22) кнг҃у (23) у него (24) ѳедора (25) и после ево (26) ѳедорово (27) смерти (28) у дѣтеи (29) ево (30) похотъ [1]) (31) и тех (32) судит (33) бг҃ъ (34) под писа (35) сию (36) книгу (37) а ѳедор (38) своею (39) рукою (40) во рчем году».

«Исторія» л. 183 — 342 (включительно). Счетъ тетрадей отдѣльный. Всѣхъ тетрадей помѣчено (внизу по листамъ) ка҃. Послѣдняя тетрадь на листѣ 341. «Исторія» писана различными почерками: сначала старательною крупной скорописью, а къ концу почти размашистой и довольно мелкой. XVII в.

л. 183: Сказа́ніе въ кра́тцѣ, ѿ нача́лѣ цр҃тва каза́нскаго і ѡ брани, і ѡ побѣдахъ вели́кихъ кн҃зеи моско́вски. с ца́ри казанскими и ѿ взятіи ца́рства каза́нскаго, бл҃говѣ́рнымъ цр҃е́мъ и вели́кимъ кн҃земъ ива́нномъ васи́льевичемъ всеа̀ рꙋ́сіи самоде́ржьцемъ. — Нач.: Красныя убо и новыя повѣсти. . .

л. 183 об.: История ѿ каза́нскомъ цр҃твѣ гла́ва: а҃. — Нач.: Быть ꙋбо ѿ начала рꙋския земля. . .

Глава ка҃: О мꙋчені́и ст҃аго мч҃ика ива́нна мꙋчившаго(ся) въ казани.

Глава мг҃: О мꙋче́ніи ст҃аго мч҃ика, петра̀, иже в каза́ни.

Послѣдняя гл. (бо҃): О цр҃скомъ хоже́ніи: по ст҃мъ мѣстом і о роженіи цр҃кихъ чадъ.

Кромѣ того см. Н. И. Петровъ. «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ». М. 1892. Стр. 55: 137) № 30 (Аа, 155). Окончаніе сборника предъидущаго [2]), въ осмушку, на 6 + 285 листахъ (л. 218—233: Мн҃а Ноября въ кз҃ дн҃ь мученіе ст҃го великомч҃ника Іакова Перьскаго). Л. 234—237 [3]). О бывшемъ звонѣ на месте том и о чюдотвореніи и о явленіи Сергія чюдотворца. Нач.: Много же тогда быша исцѣления от иконы великаго чюдотворца Сергіа. — Л. 237—238 [4]):

1) Такъ.
2) № 29 (Аа, 154), XVII в.
3) Въ подлинникѣ: «глав рв».
4) Въ подлинникѣ: «глав рг».

О смрти отроков воеводскихъ 3000 числом. Нач.: Техь же воеводских юношь в Казан пустивше и аша всех. Л. 238—240 об.: О казанском мч. Хве Іоаннѣ в лѣт злз (1529) г. генвара въ кд де. Нач.: Во дни блгочестиваго кнза Васила Ивановича всеа русіи ходившим Казанцем татаром воинъством на области рускіа земла и пленившим части нижнего Новаграда.—Л. 240 об.—242 [1]). О мученіи мч. Петра иже в Казан. Нач.: Егда же послан бысть вь Казань от цра і великого кнза Ивана на црство вь третие Шихалеи и седе на црстве и видѣ вь Казанских людех измѣну ко црю.

Какъ можно видѣть при сличеніи, всѣ эти отрывки почти буквально сходны съ соотвѣтственными разсказами «Исторіи».

XI. Одесса.

Имп. Новороссійскій Университетъ.

См. «Описаніе рукописей В. И. Григоровича. Составилъ приватъ-доцентъ Имп. Новор. Унив. В. Мочульскій. Одесса. 1890 г., стр. 30.

138 № 17 (43) «рукоп. XVII или даже конца XVI в., изъ Казани. На простой бумагѣ, неполная и совсѣмъ испорченная. Расположена по главамъ; всѣхъ главъ 86; рукопись in 4°. Первые и послѣдніе листы изорваны». (Ср. Отчетъ Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ за 1876—78 г. М. 1879, стр. 53).

XII. Мѣстечко Рѣшетиловка, Полтавской губерніи.

См. Каталогъ книгамъ, манускриптамъ, находящимся въ библіотекѣ Василія Александровича Попова владѣльца мѣстечка Рѣшетиловки, Полтавской губ. 1864 г., стр. 9.

139) «Исторія Казанскаго царства временъ Ивана Васильевича Грознаго».

1) Въ подлинникѣ: «глав ре».

XIII. Седміозерная пустынь, Казанской губерніи[1]).

140) См. Казанскія губернскія вѣдомости 1844. № 15. (Прибавленіе). Стр. 225—229: «I. Исторія. Нѣчто для исторіи Казани. (Статья А. И. Артемьева)». «С. Строевъ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1838 г., іюль, стр. 559) между рукописями и старо-печатными книгами Славянскими въ Берлинѣ нашелъ «Исторію о царствѣ Казанскомъ, о походахъ Князей Московскихъ на Казань и о взятіи ея», рукопись половины XVII в., in 4°, на 299 л. Въ Седміозерной пустыни хранится подобная же, писанная полууставомъ».

XIV. За границей. (Берлинъ и Дрезденъ).

См. «Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ Публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи, съ списками изъ рукописей. Составлено Сергіемъ Строевымъ. Издалъ Павелъ Строевъ. М. 1841», стр. 94—95.

141) «№ 38. Лѣтописецъ Казанскій[2]), хранится въ Королевской Берлинской библіотекѣ подъ № 3, in 4°, на бумагѣ, писанъ крупною скорописью XVII в. на 299 л.».

142) «№ 39. Лѣтописецъ Казанскій, хранится въ Королевской Дрезденской библіотекѣ подъ № 93, in 4°, на бумагѣ, писанъ скорописью въ концѣ XVII в., на 143 листахъ. Это тотъ же лѣтописецъ, что и предыдущій. Дрезденскій списокъ полнѣе и хуже Берлинскаго, но полнѣе его; въ немъ недостаетъ только послѣдней 89 гл. Число главъ не сходно, нѣкоторыя раздроблены и въ иномъ порядкѣ. Тоже замѣчено и въ печатномъ изданіи. Въ началѣ рукописи вклеена записка новѣйшаго почерка: «Сія Казанская исторія писана при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, въ

1) См. выше рук. Погодина № 1490, л. 69 об.

2) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ (?) спискѣ см. выше, въ письмѣ Калайдовича.

1545 г., Русскимъ плѣнникомъ въ г. Казани. Книга сія состоитъ изъ 18 тетрадей, а 19-я была потеряна; въ ней находилось одно оглавленіе и послѣдняя страница сей Исторіи: она ничего инаго не заключала, какъ описаніе цѣлительныхъ водъ, открывшихся съ явленнымъ образомъ по окончаніи Казанской войны. Prince Menchikow». Рукопись принадлежала С. Меньшикову».

XV. (Гдѣ именно теперь слѣдующіе списки, точно нельзя сказать).

143—149) См. «Симбирскій сборникъ. Историческая часть. Томъ а. $\frac{\text{҂зтнг}}{7353}$ Москва $\frac{\text{҂аѡме}}{1845}$», стр. ѕ҃ (предисловіе): «Наше собраніе актовъ, увеличиваясь ежегодно пріобрѣтеніемъ рукописей и присылкою оныхъ разными лицами Симбирской губерніи, далеко не представляетъ еще всѣхъ матеріаловъ, которые мы имѣемъ въ виду и которые разсѣяны по нашему Приволжскому краю. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ рукописей:

. . . . 3. Семь списковъ Казанскаго лѣтописца. Онъ былъ напечатанъ въ 1791 по двумъ спискамъ Моск. Архива Мин. Ин. Д.; но наши списки представляютъ многіе варіанты и 13 главъ болѣе противъ печатнаго . . . . 6. Сокращенный Казанскій лѣтописецъ. Примѣчательный особенно статистическимъ описаніемъ г. Казани въ первой трети XVIII столѣтія [1]).

150) См. Казанскія губ. вѣд. 1853, № 1, часть неофиціальная, стр. 1—3: «Казанскій лѣтописецъ въ позднѣйшемъ спискѣ. Недавно А. Ф. Рассоловскій имѣлъ случай пріобрѣсть рукопись, безъ начала и конца, in fol., листовъ около 50, писанную, повидимому, въ началѣ прошлаго столѣтія. По разсмотрѣніи оказалось, что въ началѣ манускрипта находится, съ нѣкоторыми сокращеніями и дополненіями, списокъ извѣстнаго Казанскаго лѣтописца (нап. въ Спб. 1791 г.), далѣе слѣдуетъ отрывокъ «О взятіи царства Астраханскаго къ Московскому царству и о при-

1) Ср. указ. мною рук. Погодина № 1490

ходѣ подъ Астрахань Турецкаго воинства» и въ заключеніе неоконченная статья «О примиреніи церкви Великороссійской съ церковію Римскою». . . Въ статьѣ «предложены тѣ мѣста (Казан. лѣтоп.), которыя представляютъ какую-нибудь разницу съ печ. изд.».

151) См. Казанскія губ. вѣд. 1857, № 13—16, часть неофиц.: «Одинъ изъ списковъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ. (Статья А. Г. Пупарева» [1]). — «Списки «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» довольно многочисленны. . . . Намъ также удалось пріобрѣсть подобный списокъ, сдѣланный, какъ видно изъ подписи на немъ, въ 1806 г.» [2]). — Въ статьѣ подробно указаны отличія этого списка отъ печ. изд.

152) См. Казанскія губ. вѣдом. 1844, № 15, стр. 225—229: «I. Исторія. Нѣчто для исторіи Казани. (Статья А. И. Артемьева)»: . . . «Авторъ сей статьи имѣетъ списокъ конца XVII в., скорописью» (т. е. списокъ Казан. лѣтоп.). Никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ спискѣ не сообщено. — Ср. Казан. губ. вѣд. 1852 г. № 15, стр. 150: «М. С. Рыбушкинъ и его Исторія Казани». (Подписи подъ этой статьей нѣтъ). «Списковъ Казанской лѣтописи, сколько мнѣ извѣстно, имѣется въ Казани три: въ Университетѣ [3]), у нынѣшняго редактора Губернскихъ вѣдомостей [4]) и еще у одной особы». Не есть ли это А. И. Артемьевъ?

См. Казанскія губ. вѣдом. 1852, № 15, стр. 150: списокъ «у нынѣшняго редактора Губ. вѣд.» (= Ил. Березина). О немъ только и извѣстно. (См. выше списокъ С.-Петербургскаго Унив., не этотъ ли?).

153) См. Казанскія губ. вѣд. 1857, № 18; стр. 156—157: «Нѣсколько словъ о «Казанской исторіи», послѣсловіе къ

---

1) Въ 70-хъ годахъ А. Г. Пупаревъ былъ секретаремъ Статистическаго Комитета въ Орлѣ: см. В. С. Иконниковъ. Опытъ рус. историографіи. Т. I. кн. 1, стр. 380.

2) Тамъ же, № 13, стр. 120.

3) Ср. Казанскія губ. вѣд. 1844, № 15, стр. 225; 1856, № 36, стр. 278.

4) И. А. Березина.

статьѣ г. Пупарева»[1]). На стр. 157 здѣсь говорится: «Печатное изданіе наполнено самыми грубыми ошибками, которыя отчасти указаны г. Пупаревымъ: издатели или имѣли въ рукахъ уже очень искаженные списки, или не умѣли прочитать рукописи. Но и списокъ г. Пупарева нельзя считать буквально вѣрнымъ и полнымъ, тѣмъ болѣе нельзя думать, что онъ заключаетъ въ себѣ это Сказаніе въ его первоначальномъ видѣ. Такъ начало 71 главы, которую авторъ[2]) привелъ въ статьѣ своей вполнѣ, *по имѣющемуся у насъ списку* читается иначе. Предлагаемъ здѣсь это мѣсто: «Вѣстникъ. . . . повѣдаетъ сице: отечество твое преиметый царствующій градъ Москва, Божіею помощію и Пречистыя Богородицы помощію и великихъ Русскихъ чюдотворцевъ молитвами и заступленіемъ, цѣлъ, сохраненъ въ тишинѣ мнозѣ и во устроеніи; и Царица твоя, Государыня наша здравствуетъ; такожде святѣйшій Архіепископъ, Макарій Митрополитъ Московскій прислалъ къ Православному Царю боярина своего Ивана Семенова сына Ѳомина-Плещеева. Извѣщаетъ Государю отъ Святителя благословеніе и даруетъ ему образъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, украшенъ златомъ и жемчугомъ и многоцѣннымъ каменіемъ; такожде и брату его, князю Владимиру Андреевичу даруетъ отъ Святителя образъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, украшенъ златомъ и серебромъ; и по семъ Государю Царю дарствуетъ святую воду отъ раки великаго Свѣтильника и многочудесныхъ мощей Петра Митрополита, и писаніе отъ Святителя». . . . Въ грамотѣ Макарія (въ которой мы, во 1-хъ, не видимъ важнаго историческаго значенія, а во вторыхъ, сравнивая ее съ извѣстными грамотами этого святителя, сомнѣваемся, чтобы она дѣйствительно была имъ писана), по списку г. Пупарева, читается: «воинство и въ нынѣшнее время со окаянными Казанцы. . . . подобно есть

1) Въ концѣ статьи: «А. М.». О спискѣ А. Г. Пупарева см. Казанскія губ. вѣд. 1857, № 13—16.

2) Т. е. Пупаревъ.

страданію мучениковъ»; а въ нашемъ спискѣ сказано: «воини твои въ нынѣшнее время бравшеся со окаянными Казанцы. . . . подобящеся (подобятся?) мученикомъ». Очевидно, что чтеніе нашего списка вѣрнѣе.

Изъ всего сказаннаго мы выводимъ слѣдующее заключеніе: «Сказаніе о Казанскомъ царствѣ» не составляетъ историческаго матеріала . . . . »

Вотъ всѣ списки «Исторіи», которыя болѣе или менѣе [1]) извѣстны мнѣ. Уже одно число ихъ говоритъ само за себя: «Исторія» пользовалась громаднымъ распространеніемъ, жила съ конца *XVI* вѣка до первой четверти *XIX* вѣка [2]). «Исторія» была внесена въ хронографъ третьей редакціи, при чемъ отрывки изъ нея, по указанію А. Попова, находятся въ лицевыхъ спискахъ Хронографа 2-ой редакціи [3]). Мы имѣемъ два полныхъ списка «Исторіи», иллюстрированныхъ рисунками (рук. Моск. Дух. Акад. № 30 (98) и рук. Акад. Наукъ № 48 = теперь № 34. 6. 64). Если же мы обратимъ вниманіе на фактъ, который, несомнѣнно доказываетъ интересъ къ «Исторіи», свидѣтельствуетъ о томъ или иномъ отношеніи къ рукописи, а не рѣдко проливаетъ свѣтъ, такъ сказать, на исторію существованія рукописи вплоть до того времени, когда она дошла до насъ, если обратимъ вниманіе на записи въ спискахъ и

1) Въ рукописномъ сборникѣ Погодина № 1576 внизу, по листамъ перваго отрывка, идетъ слѣдующая запись: сиѧ книга глаголемаѧ коз'мографиѧ сиречь зе̃ное ѿзнаменование земное окрꙋжение древни̇х философе̏ ро̑писание̏ изложение сказание ѿ бѣло̏ клобꙋвѣ ѿкꙋдꙋ и̇ како зачало приѧ начало време̇н̇ны̏ книга̏ георгиѧ мниха сказание ѡ цр̃е граде и̇ ѡ взѧти его историѧ ѿ каза̇н̇ско̏ ца̇р̇стве. — «Исторіи» въ рукописи Погодина № 1576 теперь нѣтъ. Рукой одинаковой съ той, какой сдѣлана запись, написано на послѣднемъ листѣ перваго отрывка рукописи: «Сия книга івана кирилова сн̃а чюдякова». Въ «Описаніи рук. сборниковъ И. П. Б.» А. Ѳ. Бычкова приведена только эта послѣдняя запись: стр. 150. — См. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, стр. 1092. Здѣсь указано, что въ библіотекѣ гр. Д. П. Шереметьева была рукоп. «Сказаніе о началѣ царствѣ Казанскаго». Библіотека сгорѣла въ 1812 г.; но, повидимому, кое-что изъ нея уцѣлѣло.

2) См. списокъ Казанскаго Университета 1810 г., списокъ А. Г. Пупарева 1806 г.

3) См. Н. Барсуковъ. Рукописи Археографической Коммиссіи, рук. № 141. См. А. Поповъ. Обзоръ хроногр. Вып. II, с. 133 и 135.

различныя приписки, большею частью на (внутреннихъ) сторонахъ переплетовъ или на послѣднихъ листахъ, оставшихся свободными отъ текста, но «измаранныхъ», такихъ же страничкахъ или частицахъ страничекъ, то мы узнаемъ не менѣе любопытный фактъ: въ теченіе своего долгаго существованія «Исторія» побывала рѣшительно между всѣми классами общества; списки ея принадлежали духовнымъ лицамъ, отъ высшихъ іерарховъ до низшихъ служителей церкви [1]), и князьямъ, и стольникамъ, и подьячимъ, и вообще разнымъ служилымъ людямъ [2]), и

1) См. рук. И. П. Б. F. IV. 134: въ 1645 г. положена «за вкладъ» въ Архангел. мон. преже бывшимъ архіепископомъ Варламомъ; рук. М. Д. Акад. № 30 (98): соборнаго старца Тр.-Серг. мон. Діонисія Бѣлаго; рук. той же Ак. № 27 (196): Троицкаго старца Исаіи Печерскаго; рук. И. П. Б. (изъ собр. Ѳ. И. Буслаева) Q. XVII. 208 (запись): инока Корнилія Гурьева. См. 4 рук. С. М. Шпилевскаго: одна изъ нихъ принадлежала въ XVIII в. священнику с. Богородскаго (Лаишевскаго уѣзда) Ѳедорову; рук. Погодина № 1479: въ 1657 году въ Казани на торгу ее купилъ «попъ» Алексѣй Пушкаревъ; рук. Погодина № 1488: дьякона Андрея Архипова; Толст. II № 18=И. П. Б. Q. IV. 100: написана дьячкомъ Вас. Ив. Бовою въ 1697 г.; рук. Рум. муз. (изъ собранія Пискарева) № 184: «писалъ Крироскій дьячокъ, Васька Ивановъ Бова лѣта 7200 (1692)»; 4 рук. С. М. Шпилевскаго: одна изъ нихъ въ XVIII в. принадлежала служителю Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря; рук. Толст. II № 50 = И. П. Б. Q. IV. 106: въ 1689 г. февраля 14 куплена Сидоромъ Власовымъ Иконниковымъ г. Казани Соборной церкви у протопопова сына.

2) См. рукоп. Погодина № 1483: князя Василія Асанова; рукоп. Толст. II. № 280=И. П. Б. Q. IV. 281: нѣкогда принадлежала князю Гр. Ив. Шихматову; рук. № 318 Спб. Ак.: «рук. князя Курбскаго, жившаго при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ»; рук. Королев. Дрезденской библіотеки № 93: принадлежала князю Меньшикову («Prince Menchikow»); рук. И П. Б. Q. IV. 374: стольника Андрея сына Дашкова; рук. М. Д. Ак. № 31 (204): «дана вкладомъ въ Троице-Сергіеву Лавру морскаго флота поручикомъ Сергѣемъ Автомоновымъ Головинымъ»; рук. Погодина № 1488: несомнѣнно, была въ рукахъ «нижнихъ чиновъ» конца прошлаго столѣтія или начала нынѣшняго (см. приписки въ ней: «съ 798-го перебывало в роте ротныхъ командиръ»....... «фельдфебель Калинкинъ», «удыръ офицеръ Писковъ»). См. рук. Рум. музея № 380 (по описанію Востокова): (запись) «Сия книга московские болшие таможни подьячего Дмитрея Андрѣева сына Губина» и тамъ же л. 484: по наслѣдству перешла къ подъячему Павлу Лаврентьеву сыну Богданову; рукопись Погодина № 1480: «ѕмо҃ августа в к҃ де продалъ сию книгꙋ казанское взяте челобитнаго приказꙋ подячій михаило яковлев сн҃ъ власовъ»; рукоп. гр. Уварова № 1440 (82): подъячаго Большаго приказу Ивана Елисѣева Небогатова (писалъ Рыбнаго двора подъячій Осипъ Пальминъ); рук. Погодина № 1490: какого-то служилаго человѣка прошлаго

купцамъ, и мѣщанамъ, и крестьянамъ, и «людямъ» [1]). «Исторія» давалась «вкладомъ» въ монастыри и церкви [2]).

А пространство, на которомъ теперь встрѣчаются списки «Исторіи»! Сѣверъ: Антоніевъ Сійскій монастырь (Архангел. губ., Холмогорскаго уѣзда); югъ: мѣстечко Рѣшетиловка, Полтавск. губ., Одесса; востокъ: приволжскія губерніи, и, весьма вѣроятно, Сибирь, такъ какъ съ Казанскимъ лѣтописцемъ соединялся и Сибирскій лѣтописецъ [3]); западъ: Кіевъ, Берлинъ, Дрезденъ.

вѣка, какъ видно изъ геогр.-статистич. описанія Казани той же рукописи; рук. Вахрамѣева № 131: комисара Михайлова сына Баракова (подписалъ Наумъ Бараковъ 1714 г., 15 іюля).

1) См. рукопись Погодина № 1487: Саратовскаго купца Петра Вас. Бурнина; рукопись Акад. Наукъ № 22: «Тифинскаго» купца Гр Попова; рукопись И. П. Б. Q. IV. 178: «продалъ изъ Колокольнаго ряда Данилы Алексѣевъ отецъ Алексѣй 1712 іюня въ 7 день»: рук. Погодина № 1486: подписалъ своею рукою Тульскій купецъ Иванъ Свиркинъ; рук. Спб. Унив. (И. А. Березина): свіяжскаго посадскаго человѣка Якова Чеснокова: этотъ же списокъ принадлежалъ и «Казанской Сукунной Мастеровому Матвѣю Григорьевичу Серебрякову»; рукоп. Погодина № 1486: «села Иванова крестьянина Андрея Иванова сына Есипа Носкова»: одна рукоп. С. М. Шпилевскаго принадлежала въ 1781 г. крестьянину Кукарской слободы Вятской губ.: рукоп. Моск. Гл. Арх. М. И. Д. № 119/166: «стольника Василія Өедорова Собакина, *человѣка* его Василія Өедорова сына Бѣляева: рукоп. Цар.-арх. Музея при Кіев. Д. А. № 747: «боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго, *человѣка* Өедора Герасимова».

2) См. рукопись И. П. Б. F. IV. 134: «Лѣта 7153 (1645) авг. 4 сію книгу положилъ «за вкладъ» въ Архангельскій монастырь «преже бывый архіепископъ Варламъ»: рук. Московской Духовной Акад. № 31 (204): «Исторія о Казанскомъ царствѣ дана вкладомъ въ Троице-Сергіеву Лавру морскаго флоту поручикомъ Сергѣевъ Автомоновымъ Головкинымъ»; рукоп. Погодина № 1483: «Сія книга князь Василья Асанова отдана въ церковь Божію Іоанна Предтечи...; для достопамятства въ вѣчные годы: которую хранить въ церковной ризницѣ. Вдана сія книга *1797* года Августа 30 дня при священникѣ Александрѣ Петровѣ». (Печ. изд. *1791* г.). (См. рукоп. Царскаго № 435, въ которой есть отрывки изъ «Исторіи»: она была отдана старцемъ Іосифовымъ въ Савватьевъ мон.).

3) См., напр., рук. Спб. Дух. Акад. № 293.

Настоящій перечень списковъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» составляетъ часть задуманной работы, въ которую должны войти текстъ и опытъ изслѣдованія «Исторіи»: болѣе подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ спискахъ будутъ даны въ сравнительной таблицѣ списковъ, приложеніи къ главѣ о редакціяхъ.

С.-Петербургъ.

Дополненія.

Стр. 1. О печатномъ изданіи «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» см. замѣтку въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Акад. Наукъ» 1900. тома V, кн. 3-я.

Стр. 2. См. «Князь Н. В. Голицынъ. Портфели Г. Ф. Миллера». М. 1899. Стр. 22: не «№ 72» ли былъ у Рычкова? Онъ имѣетъ 91 главу. См. ниже мои замѣтки.

Стр. 3, пр. 1. См. «Князь Н. В. Голицынъ. Портфели Г. Ф. Миллера» М. 1899. Стр. 22. Здѣсь указано 4 списка, принадлежавшія Миллеру, № «71—74». Находятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. Описаніе двухъ нихъ, № 95/125 (= «№ 74») и № 48/68 (= «№ 71»), см. въ указанной замѣткѣ («Извѣстія» Акад. Наукъ 1900, кн. 3).

О «№ 72» замѣчу слѣдующее. «№ 72» = теперь № 49/69. Доказательства: 1) содержаніе рукописи № 72, какъ оно указано у Н. В. Голицына, и № 49/69 одно и тоже: 2) «№ 72» находится на первой (внутренней) сторонѣ переплета. Видно, что номеръ стоялъ и передъ краткимъ указаніемъ содержанія рукописи, но теперь число совершенно стерто, а «№» едва виденъ.

Рукопись № 49/69 въ л., 1 л. (ненумеров.) + 201 л.; писана разными почерками XVIII в. Въ бумажномъ переплетѣ. На корешкѣ: ярлычекъ съ печ. цыфрами «22», ярлычекъ съ надписью (старинньмъ почеркомъ): «Казанская исторія (новыми чернилами и почеркомъ) «и проч.». Вверху надпись синемъ карандашемъ: № 49/69. Внизу корешка: «№ 119 по оп. Арх. Ком. — Дост. изъ Моск. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ».

На 1-ой (нутренней) сторонѣ переплета, вверху: № 72, внизу: 72.

На л. 1 (*не*нумерованномъ) синимъ карандашемъ: 49/69. Какъ выше сказано, на л. 1, вверху, номеръ, число котораго теперь выскоблено. Далѣе, подъ чертой номера: «Книга содержащая въ себѣ слѣд.

1. Історія о казанскомъ царствѣ 91. Глава.

2. Сказаніе о Царствѣ казанскомъ (какова под № 1 книга).

3. Выписка изъ Степенной книги о казанскомъ и сибирскомъ Государствѣ.

4. Краткая Історія астраханская.

5. Краткая Історія [1]) казанская.

6. Ізображеніе казанскаго герба».

л. 1 (*нумеров.*). Въ заставкѣ: «Сказаніе въ кратцѣ о началѣ црства казанскаго и о брани и о побѣдахъ великих кнзей московских со царьми казанскими и ѡ взятіи того цртва казанскаго блговѣрным црем и великим кнземъ іоанномъ васільевичемъ всея Россіи самодержцемъ».

л. 1 об. чистый.

л. 2—5: Отдѣльное оглавленіе. «Гл. 1. Бысть убо отъ начала рускія земли». Послѣдняя глава — 91: «о водѣ стаго никиты переславскаго чюдотворца».

л. 5 об. чистый.

л. 6. «Красныя убо и новыя повѣсти сея достоитъ намъ радостно послушати, ѡ хртоименити людіе яко же содѣяшася преславная въ нашей земли во дни наша . . . .». Обычное предисловіе.

л. 6 об. «Исторія о казанском цртвѣ. Глава 1». Нач.: «Бысть убо от начала Рускія земли яко же повѣдають рýсь и варвари все то едина руская земля идѣже нне стоитъ градъ казань». . . .

Кончается «Исторія» на л. 108 об. Конецъ обычный (см. оглавленіе: 91-я гл.).

Послѣ л. 108 об. одинъ л. *не*нумерованный и чистый.

л. 109. «Сказаніе о цртве казанском и о брани и о побѣдахъ

---

1) Сверху чернилами и почеркомъ новыми: «рос. и»

московски^х кнзе со цри казанскими и како взялъ ѿно цртво московскиі црь і великій кнзь ива^н васи^левичь всеа россій самодержецъ.

Красный убо и новый повести сея достои^т намъ радосно послушати ѿ хртоименитіи людие яко^ж содѣяшеся преславная вшеи [1]) земли во дни нши =

в лета православнаго и блгочестиваго гдря цря і великаго кнзя иоанна васи^левича всеа русіи самодержца бгом во^злюблен-наго и бгом и^збранннаго и бгом венча^ннаго и бгом прево^знесеннаго новгоро^дскаго псковскаго і всея великия русіи самодержца ему же дарова бгъ всемирную побѣду и славное ѿдоление на презлое цртво срацынское на предивную каза^н правыя ради веры его яже во хрсти =

Кнга историа ѿ казанско^м цртве внимающе разумно сла^дце послуша^ите =

бысть убо ѿ начала руский земли яко же повѣдаю^т русь і варвари все то едина руская земля идеже нн̃ѣ стои^т гра^д казань. . . .»

Раздѣленіе на главы есть, но чиселъ главъ и заглавій нѣтъ.

Кончается «Исторія» — чюдомъ отъ воды св. Никиты: л. 170: и во^звѣщено бысть ему самодержцу ѿ се^м чюдеси и ѿнъ гдрь умы лице свое тою водою и прослави бга і:[2]) 7090 го^{ду} преставися црвчь іва^н івановичь =

родися гдрь црь і великій кнзь ива^н васи^левичь всея русіи в лѣто 7038 августа въ 25: днь а имянины его того^ж мца въ: 29: днь на усекновение честныя главы иоа^нна пре^дтечі =

і в лѣто 7042: декабря въ 5 днь пра^з)ставися ѿцъ его кнзь василѣ івановичь во иноцѣ^х варлаа^м =

и приемле^т великое кнжение снъ его велики кнзь иванъ васи^левичь тре^х лѣ^т и по^лче^тверта мца и бы^с на велико^м кнжении 13 лѣ^т мцъ и днь

---

1) Такъ.
2) Такъ.
3) Такъ.

а воцрѝся на црство великия росії помазаⁿ сты миро оᵀ роⁿ-дения 16: лѣᵀ и полꙋ: 5: мца: 6: днѐ =

і в лѣто 7054: совокꙋпися закоⁿны бракоⁿ на црцѣ анастасії романовѣ =

і в лѣто 7058 ходиˡ гдрь црь іванъ василевичь поᵈ казань и и не взя воᶻвратися вспять (л. 170 об.) і въ 7079ᵒᵐ: преставися црца анастасия романовна

й в лѣто 7091: родися гдрю црю іванꙋ василевичю оᵀ второбрачныя емꙋ црцы марїи ѳеодоровны снъ царевичь димиᵀриї а прямое имя емꙋ ꙋаръ. [1]) иже ꙋбиенъ бысть на ꙋгличе в лѣто 7099: маия въ 15 день

взята же бысть казань црем и і великим кнзем иоаном василевичем в лѣто 7061 октября во 12 день».

Послѣ л. 170 об. 2 листа *не*нумерованные и чистые.

л. 171: «выписка иᶻ степенно книги ѡ казанскомъ й сибирскомъ госꙋдарствѣ.

О бговидимемъ поᵈвизѣ цря и великаго князя, й како покори емꙋ бгъ казанское црство и православіемъ просвѣти и ѡ знаменіяˣ многихъ й ѡ прочихъ градѣхъ в сеи же главѣ десятой [2]) титлъ 27: и в прочая лѣта благодать бжїя растяше й множашися во всѐ державѣ благочестиваго цря и великагѡ князя ивана васильевича всеа рꙋсїи самодержца. преᵈстателствомъ и молитвами пречистыя бцы и застꙋпницы нашея и великихъ чюдотворцевъ рꙋсскихъ и всѣˣ стыˣ Преблагїи же бгъ хотяй прославити стое ймя свое и возвысити родъ христїаⁿскіи и дарова благочестивому црю великомꙋ кнзю ивану преспѣянїе возраста и разꙋмъ и в сердцы храбрость: І такѡ: Богомъ подвизаемъ начатъ совѣтовати с митрополитомъ и з братїею своею и з боляры: . . . .» — Почеркъ иной, чѣмъ предыдущей статьи. — Сходно буквально съ Степенной книгой, ч. II. М. 1775. Стр. 250 — *258*; *277*—278. Переписчикъ пропустилъ нѣсколько страницъ, отчего вышла безсмыслица. —

---

1) Такъ.

2) «Глаᵛ 10».

Кончается «выписка» на л. 176 об.: «вси неуклонно тщахуся скоро устремително нізложить град уродивъ и всю землю ругодивскую и крестъ целовали еже служити имъ г҃дрю неотступно и кромѣ имъ г҃дря и дитей его иного г҃дря не искати и тамо получивше м҃лть от Г҃дря отпущены быша на иванъ [1]) град. —

О покореніи сибирскія земли государю от сибирскаго князя едигера пріиде посол к ц҃рю и великому князю и дань привезе не неисполнену и того ради г҃дрь на сибирскаго посла опалу свою возложилъ и все иміеніе его повѣле взяти на себя в сибирь же посла своего посланника с писаніемъ яко да исправятся пред ним и привезоша дань исполнену со всея сибирскія земли и во вѣки поработишася г҃дрю». — См. Степенная книга II. 286, гл. 22. —

Послѣ л. 176 об. 2 листа (*не*нумеров.) чистые.

л. 177. Сверху подъ цифрой «177»: «Кр. Істор. астраханская» [2]).

«Сказание о приходе к великому г҃дрю ц҃рю і великому к҃нзю иоанну васильевичю всеа росии самодержцу изо асторахани к москвѣ ѿ ямгурчѣя царя из нагаи от смаилы мурзы пословъ = и к нимъ о послехъ воеводъ великаго г҃дря и послани дервышъ алѣя царя касимовскаго и с нимъ воеводъ великаго г҃дря для взятия асторахани к҃нзь юрья івановича пронского шемякина с товарищи и о взятии тмуторокана яко тогда тако именовашеся асторахань.

в лѣто з҃ѯо годý приходилъ к великому г҃дрю ц҃рю и великому к҃нзю иоанну васильевичю всеа росии самодержцу к москвѣ из асторахани от ямгурчѣя царя посолъ к҃нзь ишимъ и билъ челомъ ему великому г҃дрю чтоб онъ великии г҃дрь пожаловалъ ихъ велѣлъ ему царю ямгурчѣю и съ юртомъ своимъ служить себѣ великому г҃дрю и жаловалъ бы ево такъже какъ шигалѣя ц҃ря касимовского и иныхъ цареи которыя ему великому г҃дрю служатъ»: . . .

Кончается: (л. 180 об.) Царь «своимъ г҃древымъ ц҃рскимъ

1) Такъ.

2) Почеркъ 18 в.

жалованьемъ жаловалъ» кн. Юрья Ив. Пронскаго Шемякина «с товарищи» и все свое царское воинство «за ту их службу всехъ ихъ», что они взяли Астраханское царство, «и по его великого гдря указу на астарохани слѹжилого ево дербышъ алѣя царю посадили и всехъ астароханских татар къ их правдѣ и к шерсти [1]) привели что имъ всемъ служит ему великому гдрю и ево гдрскимъ дѣтемъ и впредъ вѣчно и не ізмѣнно: ».

л. 181 [2]) «Исторія краткая Россіиская и о царствѣ казанскомъ какъ оное пришло подъ державѹ россіискѹю.

Въ лѣто 6745-е, попѹщеніемъ бжіимъ за грѣхи христіанъ пріиде на россіискѹю землю црь татарскіи баты со многими силами и воевалъ 6746, и 6747 и 6748 годы, и взялъ кіевъ и владимеръ и прочіе многіе Россіискіе грады и всю россіискѹю землю мечемъ и огнемъ опѹстошилъ и попленилъ, а до великаго нова града недошед за сто верстъ и возвратился, и пошелъ во угорскѹю землю, и под градомъ варендомъ от владислава кнзя угорского и чешского убіенъ. . . . »

Это — «Исторія» вкратцѣ. Въ этой «краткой исторіи» оглавленія:

л. 181 об. О созданіи града Казани.

Нач.: По нѣкоторых же лѣтех по разореніи Россіскія земли от цря батыя и от прочих бесѹрменских наѣздовъ бысть въ золотой ордѣ цръ саинъ, иже возлюби мѣсто близ волги и устья камы рѣки, идѣже ннѣ град казань. . . .

л. 183 об.: О послѣхъ пришедших из болшіе золотые орды к црю и великомѹ кнзю Іоаннѹ васильевичу московскомѹ и всея Россіи, и ѡ преславной побѣде на татаръ золотыя орды и о запѹстѣніи еѧ.

Нач.: Въ лѣто 6980 золотыѐ орды цръ ахматъ зелетов снъ прислал к великомѹ кнзю Іоаннѹ василевичѹ всея россіи вursо москвѹ

1) Такъ.

2) Почеркъ иной, но тоже 18 в. Такой почеркъ встрѣчается у писцовъ Акад. Наукъ XVIII вѣка.

пословъ своихъ по прежнемꙋ обыкновенію съ гордостію просити дани за прошедшіе годы. . . .

л. 184 об.: О первомъ взятіи града Казани отъ Россійскихъ людей.

Нач.: Въ лѣто 6995 великій кнзь іоаннъ василевичь послалъ с москвы воевод своих кнзя даніла холмского, да кнзя алеѯандра оболецкого [1]), да кнзя семена ряполовского со многими воиски на казань. . . .

л. 186: О второмъ взятіи града Казани отъ россійских войскъ.

Нач.: Потомъ мехметеминъ пріятой отъ казанцев црь россіскаго гдрства измѣнникъ, разболѣся жестокою и неісцелною болѣзнію и помянув согрѣшеніе свое, гля: яко сеи недрꙋгъ неісцелныи пріиде мне от бга за мою неправдꙋ и ізмѣнꙋ къ московскому великомꙋ кнзю. И посла къ великомꙋ кнзю василью іоанновичꙋ послы своя съ дары. . . .

л. 188: О третіемъ взятіи Казани.

Нач.: И потомъ великій кнзь василій іоанновичь московскій и всея россіи, не посылалъ войскъ своих на казань шесть лѣтъ. И въ лѣто 7038 послалъ со многимъ воиски [2]) воевод своих под казань, кнзь івана белского да кнзь михайла глинскаго, да кнзь михаила сꙋздалского кислого, да кнзь осипа дорогобꙋжскаго, да кнзь михаила кꙋрбского, да кнзь Федора и кнзь михаила оболенских....

л. 189: «О кончинѣ великаго кнзя василья ивановича и о вѣнчаніи црским вѣнцем царя іоанна васильевича.

Въ лѣто 7042 великаго кнзя іоанна васильевича не стало и былъ на великомъ княженіи россійскомъ дватцать осмь лѣтъ послѣ его осталось два сна. первыи великій кнзь іоаннъ васильевичъ остался по смерти отца своего четырех лѣтъ и трех мцовъ. вторый кнзь георгій васильевич, по смерти отца своего остался трех лѣтъ. и бысть наслѣдникъ россійскаго гдрства» . . . .

л. 190 об.: О первом походѣ царя и великого кнзя іоанна васільевича подъ казань.

---

1) Такъ.

2) Такъ.

Въ лѣто 7058. цр҃ь і великїи кн҃зь јоаннъ васи^левичь всея Россїи, поиде самъ къ казани в'зимнѣе время во многи^х тысяща^х войскъ, и о^т того зимняго похо^{ду} великая была въ войскѣ нужда....

л. 191: О поставленїи града свїажска.

Въ то же время идѹщѹ пѹтемъ къ москвѣ и^з казани цр҃ю і великомѹ кн҃зю јоаннѹ васи^левичѹ, унравися мѣсто е^{му} ме^ж рѣкъ волги и свїаги, гдѣ свїага впала въ волгѹ, на горѣ высокой окресть же того мѣста жила черемиса пашенная, и взя^л намѣренїе что на томъ мѣсте построи^т гра^д. . . .

л. 191 об.: О крыскомъ цр҃вчѣ кашакѣ.

Нач.: Въ тоже время прїиде для обороны казани крымской цр҃вчь кашакъ в'казань и приложишася к не^{му} казанцы и во^злюби его цр҃ца казанская, и уязвися к' не^{му} желанїе^м блудны^м. . . .

л. 192: О первомъ взятїи града казани при цр҃ѣ и велико^м кн҃зѣ јоаннѣ васїльевиче всея россїи.

По и^збѣжанїи же цр҃вча крымскаго кашака и^з казани собрашася всѣ мѹ^рзы и началники казанскїе къ цр҃цѣ гл҃юще: что имамы творити, уже бо видимъ что на^м о^т россїйскаго по^дданства никакъ и^збавится нево^змо^жно. . .

л. 192 об.: О взятїи цр҃цы казанскои и^з казани в' москвѹ.

По томъ цр҃ь шигалей касимовской по цр҃цѹ посла^л въ казань, кн҃зя михаила оболенскаго серебряного, с' тремя тысящи стрелцовъ воорѹженныхъ, и велѣлъ ее взять в москвѹ. . . .

л. 196: О второмъ походѣ цр҃я и великого кн҃зя іоанна васильевнча, всея россїи, подъ казань.

Нач.: Въ лѣто 7060, цр҃ь јоаннъ васильевичъ всея Россїи, соизволи^л взять намѣренїе, что емѹ и^ттить по^д казань во'ною самомѹ ијюня въ 17 день послалъ напере^д бояръ и воево^д свои^х со многими воиски и с припасы с' москвы водою по^д казань, самъ же пойде в' тр҃цкой сергїевъ мн҃тырь мл҃тся. а москвѹ приказалъ и цр҃цѹ и дѣтеи братѹ своемѹ георгїю васильевичѹ. . . .

л. 198: О послѣднемъ взятїи града Казани.

Того^ж 7061 го^{ду} в' 1 день у арски^х воротъ подорвало подкопъ. . . .

л. 200: О шествіи цр҃я и великаго кн҃зя јоанна васильевича в москвꙋ.

По взятіи же града Казани цр҃ь и великій кн҃зь јоаннъ васильевичь былъ в казани десять дней, и приказаˡ граᵈ казань воеводамъ своимъ кн҃зь алеѯандрꙋ борисовичꙋ горбатого [1]) с товарыщи, а с нимъ оставлено войскъ россійскиˣ дѣтей боярскиˣ двѣсти чл҃вкъ: да стрелцовъ двѣ тысящи чл҃вкъ: да казаковъ три тысящи чл҃вкъ . . . .

Конецъ этой главы (л. 200 об.): и бысть в москвѣ радость велія, о таковой преславной побѣде, пожаловаˡ гдрь цр҃ь јоаннъ василевичь многиˣ честми по достоянію, а јныˣ своимъ цр҃скимъ жалованьемъ. цр҃ь же казанскій пленн҃ный едигерь в москвѣ крестился, и наречено имя емꙋ сумеонъ, а воспріемникъ емꙋ былъ оᵀ стыя кꙋпели саⁿ цр҃ь і великій кн҃зь іоаннъ васильевичь, и пожаловаˡ ему в уделъ городъ тферь: и владѣˡ онъ градомъ тферью по цр҃ство бориса годꙋнова; а борисъ годꙋновъ ево ослѣпиˡ и свелъ в село кушалина, тꙋтъ и ꙋмре.

В лѣто 7063 поставленъ в казань архіеп҃кпъ первыи гꙋріи волока кам̓скаго јосифова мн҃тря и³ игꙋмновъ». (Конецъ л. 200 об.).

л. 201: О знаменіяˣ нѣкоторыˣ бывшиˣ преᵈ взятіеⁿ града казани».

Здѣсь: 1) «Былъ улꙋсъ на берегꙋ рѣки камы на высокой горѣ бли³ гороᵈка елабꙋги, идѣже нн҃ѣ нарицаютъ чортово городище». . . . Ср., напр., печ. изд. гл. XXXIV; рук. Унд., гл. лв҃, л. 67 об.

2. «Была во градѣ казани царевна дв҃ца старая; еще меклеметинꙋ цр҃ю сестра, і великая воˡшебница» . . . Ср. рук. Унд. № 774, л. 73 об.

3. (л. 201) «Преᵈ конечныⁿ (л. 201 об.) уже ра³зореніемъ казани, какъ была осажена казаⁿ оᵀ цр҃я іоанна васильевича, родила корова младенца человѣческимъ образомъ» . . . Ср. рук. Унд., л. 73 об.

---

1) Такъ.

5. «Во осадѣ имѣяхꙋ казанцы и͡збы земляныя о͞т стрѣлянія рꙋскп͡х людей».... и т. д. (хлѣбы, старецъ,... исчезъ старецъ— смрадъ: «они же убояшася, и во͡звѣстиша о семъ мꙋрзамъ своимъ. мꙋрзы же слышаша, запретиша имъ гл͞ати, что͡б тѣмъ на народъ страхꙋ не навѣсть». — Ср. рук. Унд. № 774, л. 74 об.

Этимъ кончается «Краткая исторія».

Въ концѣ рукописи приклеенъ листъ съ рисункомъ сдѣланнымъ чернилами: змѣй съ двумя головами, одна — бычачья, другая — песья. Верху этого рисунка: «и͡з истѡ̑рии казан́скѡи Глава 7». Подъ рисункомъ: ѿ первомъ начале казанскаго ц͡ртва и ѿ мѣстномъ ȣ̑годиї і͞ змеиномъ жилищи». Послѣ этого, съ новой строки, идетъ выписка изъ «Исторіи», съ небольшими измѣненіями (см. л. 12 и л. 7 этого же списка): «ц͞рь саинъ поискавъ по мѣсто͡м преходя і͞ ѡбрѣте мѣсто на во͡лге рекѣ на само́ украине рꙋския земъли на се́ странѣ камы реки прилежаше и бо́лгарсте́ зем́ли дрꙋгимъ же к вятке і к перми ѕе͡лѿ пренарочито і͞ скотопажно і͞ пчелисто. . . .» Кончается: «і͞ возгради на мѣсте томъ градъ казань».

Стр. 4, пр. 2. Библіотекарь Казанской общественной библіотеки г. Васильевъ, 13-го сентября 1900 г., увѣдомилъ меня, что въ библіотекѣ есть ч. IX, X, XI «Казанскаго вѣстника», въ которыхъ находятся «статьи о Казанскомъ царствѣ».

Стр. 6. См. еще «Лѣтопись занятій Археографич. Комиссіи за 4 года». Спб. 1871. Отд. IV, стр. 168, 169.

Стр. 23. См. еще рукопись Погодинскаго древлехранилища № 1403. (Указана А. А. Шахматовымъ). Сборникъ, въ л., 696 л., скорописью разныхъ почерковъ. «Исторія» л. 479—628. Скоропись XVII в. Листы перепутаны: послѣ л. 485 (вверху: «ȣ͞пв») долженъ быть л. (по *теперешному* счету) 479, на верху котораго «упг», а *теперешній* л. 486 долженъ быть за *теперешнимъ* л. 478.

Стр. 29. Рукопись Спб. Университета указана М. И. Кудряшевымъ.

Стр. 31, пр. 1. Отдѣла «Ж» нѣтъ въ рукописномъ отдѣленіи

Спб. Дух. Акад.: не есть ли это Спб. Ак. № 293? Эта рукопись и до сихъ поръ находится въ Археографической Коммиссіи.

Стр. 32. «№ 21» = теперь № 32. 4. 1; «№ 22» = теперь № 16. 16. 35; «№ 23» = теперь № 16. 12. 10; «№ 38» = № 32. 15. 16; «№ 48» = № 34. 6. 64.

Рукопись Акад. Наукъ № 34. 6. 64 *вся* иллюстрирована рисунками. Сходна съ лицевой рукописью Моск. Дух. Академіи № 30 (98), но лучше ея, какъ по большему количеству рисунковъ, такъ и по еще большей тщательности письма. Послѣдняя глава оп҃ (л. 193 об. — 194): «Ѡ црьско^м хожений по ст҃ы^м мѣсто^м и҃ ѡ рожений црски^х чадъ». Л. 194 об. и л. 195 заняты рисунками. Л. 195 об. и слѣдующіе два листа чистые, хотя и *проведены линіи* строчекъ. — Описаніе рукописи Акад. Наукъ № 34. 6. 64 будетъ дано впослѣдствіи: по обстоятельствамъ, я воспользовался лицевой рукописью Моск. Дух. Акад. раньше, чѣмъ ознакомился съ рукописью Акад. Наукъ.

Стр. 34. О рукописи № 35 Музея Рус. Археол. Общества замѣчу: 92 главы. Предисловіе въ счетъ главъ не входитъ. Въ концѣ л. 280 об.: «во^з вещено же бысть ј сие чюдо ј самому гд҃рю цр҃ю і великому кн҃зю јоанну васи^л евичю всеа росій самоде^р жцу

конe^ц і бг҃у сл҃ва. ами^н». На задней сторонѣ переплета стариннымъ почеркомъ: «си тетра^т сто чебоксарскаго магистрата».

Стр. 34. Въ сентябрѣ 1900 г., въ книжной лавкѣ Большакова въ Спб., я видѣлъ списокъ «Исторіи» XVII в., въ 4 д. л. Самъ Большаковъ, лѣтомъ 1900 г., въ Москвѣ говорилъ мнѣ, что у него есть два списка «Исторіи».

Стр. 34, пр. 1. Военно-ученый Архивъ Гл. Штаба. См. его «Каталогъ», стр. 4.

Рукопись № 1 (41724) «Копія съ рукописи о походѣ царя Ивана IV Васильевича на Казань». (Это на обложкѣ).

Въ л., 22 л. Скоропись XIX в.

л. 1. Послѣдованіе древнимъ, новѣйшее изысканіе Государя православнаго Царя Вел. Кн. Ивана Васильевича всеа Русіи Московскаго.

Нач.: Лѣто семь тысячь шестидесятаго помыслилъ Царь, Государь, Князь Великій Ив. Вас. всея Русіи (с) своею братіею, со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ и со Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и съ отцомъ своимъ преосвященнымъ Митрополитомъ Макарьемъ всеа Руси и со всѣми Боярыми[1]) своими поити въ свою отчину въ Новгородъ Свіяжской. Божіею милостью тамо нѣшто мало поискати и прародителей своихъ отчины великихъ князей Рускихъ и земли Болгарскіе Владимира и другаго Владимира (л. 1 об.) Манамаха и взыскавшего въ всѣмъ вел. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго и побѣду творяще на супротивнымъ Его. Иже непокоряющесь ему. Таковждь Государь нашъ Великій и Царь Кн. Великій Ив. Вас. всеа Русіи веземъ Бога на помощь и пречистую Его Богоматерь; и святыхъ чудотворецъ молитвою Петра и Алексѣя и прочихъ Рускіе области чудотворецъ. — Благословеніемъ отца своего преосвященнаго митрополита такожь и бысть у Великія Княгини и оставя ту на Москвѣ и брата своего Князя Юрья Вас. и поиде съ Москвы къ Коломнѣ мѣсяца Іюня 16-го на память св. чудотворца Тихона Эпископа Амусиѳискаго въ день недѣльный и такожь отпущаетъ Князей и Бояръ своихъ къ Коломнѣ, — и повелѣваетъ ждать себя во островѣ. Самъ же поиде съ братомъ своимъ со Кн. Владимиромъ Андр. къ живоначальной Троице и преподобному (л. 2) Отцу Сергію въ еже получити ему милость отъ Господа, Бога нашего Господа Іисуса и пречистой Его Матери. Заступника нашего моленіемъ. чудотворца Сергея и бысть у Троицы Кн. Вел. въ Сергѣевѣ монастырѣ день. И поидехъ[2]) къ Коломнѣ въ тоже время пріиде къ нему вѣсть. идетъ на Рязань Крымской царь Искиркарь Девлетъ Кирѣевъ сынъ . . .

Ср. П. С. Р. Л., VI, 303—315.

л. 6 об.: Сказаніе православнаго царя како пойде изъ Свияжскаго града на Казанскаго Царя Девлетъ Геря Касымъ-Салтанова сына.

---

1) Такъ.

2) Такъ.

Нач.: Въ лѣто 7060 мѣсяца августа въ 2-й день въ четвертокъ по Госпожинѣ дни на память св. мученикъ Фрола и Лавра. поиде царь Государь ко граду Казани. и перевезеся того дни Волгу. . . .

л. 9 об.: «Посланіе митрополита я не списалъ, оно можетъ имѣть нѣкоторую цѣну въ историческомъ отношеніи — какъ памятникъ краснорѣчія того времени, но ничего въ себѣ не заключаетъ такого, чтобы могло служитъ для военной исторіи».

Слѣдомъ на л. 9 об.: «О событіи Казанскомъ како взята бысть Казань благовѣрнымъ царемъ вел. кн. Ив. Вас. всея Русіи. Въ лѣто 1760[1]) перваго мѣсяца октября 2-й день на паметь св: мученикъ Кипріяна и Устиньи девицы, на утрее праздника пречистыя Его матери и честнаго Ея покрова въ недѣлю свѣтающу дню. въ 1-й часъ. Божіею милостію и премудраго Бога промышленіемъ и пречистыя (л. 10) Его Богоматери заступленіемъ. яко обьщему владыке желаемое свое получихомъ. и святыхъ чудотворецъ промысломъ и благодареніемъ» . . . .

Кончается разсказъ копіи возвращеніемъ царя къ Москвѣ.

л. 21 об.: «Такожь поиде пѣши во градъ Москву и поиде ко храмамъ пречистыя Богоматери и къ чюдотворцу Петру. такожь къ архангелу михаилу приложися прародителемъ великимъ княземъ такожь и чюдотворцу Алексѣю, и въ [2]) прочимъ храмомъ со слезами моляся. Благодаря истиннаго Бога Царя Казанскаго Андигирея свелъ и градъ Казань взялъ. и земли ся Государь учинился въ вѣкы. такоже поиде (л. 22) къ великой Княгини. и сотвори Бояромъ своимъ и воеводамъ. честь и всѣмъ людемъ яко ни единъ не оскорбѣ радуяся въ вѣкы аминь».

Вслѣдъ за этимъ рукой подписавшагося: «съ подлиннымъ вѣрно: начальникъ отдѣленія полковникъ Фантонъ де Верраіонъ».

Стр. 45, л. 73. Ср. стр. 75, въ рукописи Моск. Дух. Акад. № 30 (98) л. 144 об. Уже въ Скиѳской исторіи А. Лызлова (ч. I, стр. 121) поправлено это осмысленное, въ извѣстной мѣрѣ,

---

1) Такъ.

2) Такъ.

искаженіе имени «Ковгоршадъ». По объясненію В. Д. Смирнова, «Ковгоршадъ» состоитъ изъ персидскаго слова **говгаръ** = драгоцѣнность, и **шадъ** = радостный.

Стр. 56. См. дополненія къ стр. 1, стр. 3 пр. 1. Въ каталогѣ рукописей библіотеки Моск. Главн. Архива Мин. И. Д., кромѣ указанныхъ И. Ѳ. Токмаковымъ, есть еще списки «Исторіи», не менѣе трехъ. Одинъ изъ нихъ подъ № 377/827. Мои замѣтки о нихъ погибли.

Кстати отмѣчу нѣкоторыя опечатки въ «Сборникѣ и указателѣ» И. Ѳ. Токмакова: 1) «Труды» стр. 292 = стр. 12 оттиска: «3) *Разрядныя списки походамъ великихъ князей и Царей россійскихъ*» № 97/128 (а не 97/188).

2) Тамъ же. «4) *Походъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича во Владиміръ и Нижній Новгородъ въ 1547 году*». № 113/160 (а не 13/160).

3) «Труды» стр. 293 = стр. 13 оттиска: «19) Книга чиновна, писаны походы на службу великаго Государя Царя и В. К. Ивана Васильевича всеа великіа Россіи». № 484/964 (а не 484/969).

4) «Труды» стр. 294 = стр. 14 оттиска: «29) Книга, глаголемая о Казанскомъ взятьѣ и проч.» № 816/1382. (Въ «Трудахъ» № не выставленъ).

Стр. 58. Рукопись кн. М. А. Оболенскаго № 105. Начало отрывка: «всеꙗ҃ рꙋсїи пóиⷣⷷ в лоⷤницоⷪ свою҃. і҆ стаⷡ преⷣ ѡ҆бразоⷨ҇ пречⷭ҇тыѧ҆ бцⷣы иⷤ стоѧше в҆ воѕ҆глáвїи ѡ҆дрà ѐго. и҆ паⷣ на колѣноу своѐю преⷣ ѡ҆бразоⷨ҇ прчⷭ҇тыѧ҆ бцⷣы и҆ зрѧ̀ на икóнѫ чю́дный ѡ҆браⷥ ѐѧ̀ со слезами глⷢ҇аше ѡ҆ престáѧ гⷭ҇же бцⷣе дво застꙋп҆нице рóдꙋ хрⷭ҇тїѧ҆нс҆комꙋ при́зри и ви́ждь с высоты̀ стⷢ҇ыѧ своеѧ̀. . . . »

Кончается отрывокъ: «и҆ тако вели́киⷨ ѕѫкоⷨ приступиша в҆ а҃ чаⷭ҇ дн҃и, мнѣ́ти бо ꙗ҃ и мѣ́стꙋ поколебáтиⷭ҇ ѿ основанїѧ ѡ҆боиⷯ страⷩ шꙋма ѿ пꙋшечнаго стꙋкѫ и҆ ѿ пищал҆наго стрѣлянїѧ и҆ ѿ трескоты̀ ѡ҆рꙋжїѧ҆ и҆ ѿ кли́ча люⷣскаго ꙗ҆ко ѕвѣ́рїе лютїи рыкáю҆ще дрꙋⷢ҇ дрꙋга наскакáхꙋ злѣ̀ сѣчáхѫ хрⷭ҇тїѧн҆стїи же людїѐ бж҃їею млⷭ҇тїю҆ и҆ пречⷭ҇тыѧ҆ бцⷣы пóмощїю ѡ҆долѣ́ша казáн҆цем҆ і҆ скá-

чюще во́ гра҃ ѿвїй в҆ полое̑ мѣ́сто а̑ и̑нїи по бре́в҆на̑ и̑ по лѣст-ница̑ лѣзѹ҆ще на́ стѣнѹ, оу҆став҆ же бѣ̑ тако҆ оу҆ правосла́в҆наго цр҃а в҆ во́п҃ском҆ чинѹ̑ е̑гда̀ хотя̀хѹ снитиса с҆ сопроти́вными на́бра҃ то всѝ и страти́ги и̑ мегиста́ны и̑ маги́стры и̑ тысащ҆ники и̑ со́тники и̑ па҃тдесатники и̑ деса҃т».

Стр. 59. Въ августѣ 1900 г. я, наконецъ, имѣлъ возможность увидѣть рукопись Чудова монастыря, которая теперь въ Синодальной библіотекѣ. (Рукописи Чудова мон., какъ извѣстно, переданы въ Синодальную библіотеку).

Рукопись Чуд. мон. № 362 60, въ 4 д. л., 265 л., *XVII вѣка.* (Такъ опредѣлилъ и А. И. Соболевскій). На корешкѣ переплета прежній № 229. (См. л. 265 об.: «Исторія о Казанскомъ Царствѣ по прежней описи № 229»).

На л. 1, внизу, и на л. 20: «Книга сія принадлежитъ Московскому каѳедральному Чудову монастырю 1859 года».

Внизу, по листамъ, счетъ тетрадей: послѣдняя л҃в.

Отдѣльнаго оглавленія нѣтъ: быть можетъ вырвано, такъ какъ видно, что передъ теперешнимъ первымъ листомъ были еще листы.

Оглавленія въ текстѣ киноварью до гл. г҃і (л. 34 об.): О второмъ взятіи казанскомъ і о плененіи алехама царя со всѣми его и о посаженіи на казань махметемина царя и о сѣчи християнстей иже в казани.

Счетъ главъ есть до гл. ѯа҃ (л. 250): О возвещеніи царю і великому князю яко градъ казань взятъ бысть и царь ихъ ухващенъ.

Л. 1: «Книга гл҃емая і҃сторія ѡ каза҃скомъ цр҃твѣ сказание вкра҃це. . . .» и т. д. см. у П. Н. Петрова. Нач.: Красныя убо и новыя повести сея достоитъ намъ радостно послушати. . . .

Л. 2 (внизу): гла҃ а: История ѡ казаньскомъ цр҃твии. Нач.: Бысть убо ѿ начала рѹскиа земли яко҃же и ва҃рвари (*такъ*) все то едина рѹская земля идѣ же нн҃е стои҃т гра҃ казань. . . .

Послѣдняя глава (л. 262): О цр҃комъ хождениї по ст҃ымъ мѣстомъ и о рождениї цр҃ки҃х ча҃д. Нач.: Внегда же милосердыи

бг҃ъ казанъское цр҃тво получи (*такъ*) црю ј великому кн҃зю јвану васильевичю всеа росиї тогда родися ему сн҃ъ црвй дмитреи. . . .

Конецъ этой гл. на л. 263 об.: иже всѣмъ единъ приемникъ бысть о[т] ст҃ыѧ купѣли преосвещен'ны' макарие (*такъ*) ми[т]рополитъ всея рꙋсиї. — Здѣсь собственно кончается списокъ «Исторіи».

На л. 264 извѣстіе о поставленіи церкви Покрова, съ подробнымъ перечисленіемъ предѣловъ. Этого перечисленія нѣтъ на л. 261 об. — 262, передъ гл. о рожденіи чадъ, гдѣ кратко указанъ фактъ поставленія Покровской церкви.

На л. 264 об., внизу, послѣ перечисленія предѣловъ Покровской церкви: «Въписано исъ прави[д] ст҃ы[х] ѡц҃ъ ȏ сще[н]нице[х],»

л. 265: «И ѧвися во всемъ по имени твоему свꙋ (*такъ*) мѣрꙋ ймена твоѧ многа ј велика по гд҃ню словеси й ст҃ы[х] его со[л] земли вра[ч] бо[ж]ны' вожъ слепы' подражатель гд҃нь и апосто[л]ски' подобникъ. . . .»

Откуда взято П. Н. Петровымъ, что рукопись Чудова мон. № 362 — «снимокъ съ печатной 1791 г. Петербургскаго изданія»? — Въ «Описи рукописямъ Московскаго Чудова монастыря» о рук. № 362/60 говорится: Исторія о Казан. царствѣ, въ 4 д. л., 266 листовъ, *XVII* вѣка.— Приведено заглавіе и начало предисловія, и съ новой строки: «*Отпечатана въ С.-Петербургѣ 1791 г.*». Не это ли ввело въ заблужденіе?

Въ синодальной же библіотекѣ по «Каталогу рукописей Синодальной библіотеки» значится № 354/793: «Лѣтописецъ о взятіи Казани, такъ написано на корнѣ на бумажной наклейкѣ; на 1-хъ листахъ внизу подпись: «книга лѣтописецъ владимірскаго Рождественскаго мн҃тыря писанъ стариннымъ полууставомъ въ старомъ кожанномъ переплетѣ». Рукопись въ 4 д. л. — Къ сожалѣнію, я не успѣлъ ее просмотрѣть.

Стр. 59. Въ Историческомъ Музеѣ въ Чертковской библіотекѣ два списка «Исторіи»: № I. 3/32, 4 д. л., XVIII в. и № I. 2/37, конца XVIII в., въ л.

Стр. 61. Рукопись Моск. Дух. Акад. № 30 (98), л. 2. А. И.

Соболевскій прочелъ вязь такъ: «Сказаніе вкратце о начале цр҃тва Казаньского. Како и ѿкꙋды и҆ в которые времена̀ и лѣ́та нача́сѧ. И о бранп» . . . .

Стр. 77. л. 154 об. По объясненію В. Д. Смирнова:

«Молны» — русск. множ. число отъ араб.-татар. молла = «попъ».

«Сеиты» — араб.-татар. сеиидъ. Такъ называются потомки пророка Мухаммеда. Ихъ несмѣтное вездѣ множество и не мало среди нихъ самозванныхъ.

«Шихъ и шїи згады» неправильно раздѣлено, слѣдовало бы: «шихъ и шїизгады». «Шихъ» — араб.-татар. шейхъ = благочестивый старецъ; шейхъ-задэ = шейховъ сынъ. Здѣсь рус. множ. число.

«Молзады» — араб.-перс.-татар. молла-задэ = сынъ муллы, «поповичъ». Здѣсь рус. множ. число.

«Имамы» — араб.-татар. имамъ = предстоятель, т. е. тотъ, кто стоитъ впереди молящейся толпы и читаетъ для нея молитвы. Здѣсь русск. множ. число.

«Тазѣи» — иначе называемые въ древне-рус. памятникахъ тезики — перс. таджи́къ, этнографическій терминъ, служащій для обозначенія персидскихъ и бухарскихъ купцовъ.

«Афазы» — множ. рус. число отъ араб. хафи́зъ = профессіональный чтецъ корана, большею частью знающій его наизусть, хотя иногда его и не понимающій.

«Оѵланы» — множ. ч. отъ татар. огланъ = сынъ, родовитый человѣкъ, княжескаго происхожденія, начальникъ праваго или лѣваго крыла татарской арміи.

«Мурзы́ — множ. ч. отъ перс.-татар. мурза̀, видоизмѣненное мирза̀ = принцъ крови, сынъ князя или знатнаго человѣка и потому самъ знатная особа.

«Ичкѝ» — татарское = бекъ, князь, состоящій *при* ханскомъ *дворѣ*, буквально *внутренніе*. Ед. и множ. ч. одинаково въ русскихъ текстахъ.

«Задворные казаки» — можетъ быть, это русскій переводъ

татарскаго псыпикы казакъ, внѣшній казакъ, т. е. *не при дворѣ* ханскомъ, а внѣ его, *въ улусахъ* гдѣ-нибудь. — Казакъ — въ частности киргизъ; встрѣчается съ XVI в. въ нѣкоторыхъ памятникахъ.

«Тархапы» — множ. число отъ татар. тархȃнъ = человѣкъ освобожденный отъ платежа всѣхъ даней и налоговъ.

«Можары» — мишары = мещеряки?

Стр. 89. Порѣчье. Рук. № 1441 (110).

л. 1. П[1])ослѣдованиѐ древни взысканиѐ новѣешіѧ [2]) повѣсть, Гдрѧ право́сла́вна цря и велика кнзѧ иванȁ васиевичȁ всеа ру-сіи. лѣт з҃. помысли црь гдрь кнзь великиі со ѿцѐ свои преѡ-сщнымъ митрополито московски все́а русіи, і своею браею со кнзѐ юрьѐ васиевичѐ и со кнзѐ вла мерѡ ѡдрѣевичѐ и со всѣ боары своими. поиде в свою ѿчину в но городъ (с)[3])виажской....

См. «Отрывокъ русской лѣтописи» (П. С. Р. Л., VI, с. 303—315). Ср. Отчеты о засѣданіяхъ И. Общества Люб. Др. Письм. за 1896—98 г. Приложеніе III. Буквальное сходство, за весьма небольшимъ исключеніемъ; въ рукописи гр. Уварова есть интересные варіанты къ «Отрывку».

Конецъ разсказа въ рукописи: (л. 24) «Такожъ поиде к великой кнгни и сотвори боаро свои и воевода чть и всѣмъ вое свои, ꙗко ни еди не ѡскорбѣ радуи (л. 24 об) в вѣки ами. [4]) Л[5])ѣт .з҃г, ц[5])рь и велкиї кнзь ива васиеви посыла в нѣмцы воеват силу свою, в головах цря шегалѣѧ влиаровичȁ, і с ни воеводы многих и повоеваше многое множство нѣмец, и полону привезоша, а града ни едина не взяша».

Далѣе краткія замѣтки о походахъ «в нѣмцы» и «в литву» въ лѣто 7064, 7070, 7071-е. Подъ послѣднимъ годомъ замѣтка и о набѣгѣ крымскихъ татаръ. Вслѣдъ за ней въ лѣто 7078 опять

1) Эта буква киноварью.

2) Такъ.

3) Эта буква залѣплена.

4) Доселѣ въ «Отрывкѣ»: П. С. Р. Л. VI, 315. Такимъ образомъ приписки о желаніи «видѣть государя на Кіевѣ» нѣтъ.

5) Эта буква и число киноварью.

извѣстіе о набѣгѣ татаръ. Наконецъ, подъ 7109 и 7110 годами — извѣстіе о неурожаяхъ и голодѣ.

Стр. 93. У С. М. Шпилевскаго теперь не 4 списка «Исторіи», а 7.

Стр. 94. Въ Казани есть списки «Исторіи» еще у Дм. Илар. Образцова 1 и у Ѳ. Т. Васильева 1. 27-го іюля 1900 г. Д. И. Образцовъ писалъ: «. . . . . У меня и одного изъ знакомыхъ имѣется рукопись: «Сказаніе вкратцѣ о началѣ царства Казанскаго, о брани и о побѣдахъ Великихъ Князей Московскихъ со царями казанскими, наконецъ о взятіи того царства Казанскаго Благовѣрнымъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ всея Россіи самодержцемъ. Списана сія исторія въ 1769 году пригорода Бѣлярска протопопомъ Григоріемъ Феодоровичемъ Гыбинскимъ». Но эти рукописи почти дословно напечатаны подъ заглавіемъ: «Исторія о Казанскомъ Царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтіа по двумъ стариннымъ спискамъ» . . . .

Ѳ. Т. Васильевъ, 10-го сент. 1900 г., писалъ: «. . . . у менѧ имѣетсѧ списокъ исторіи о казанскомъ царствѣ подъ заглавіемъ ниже писаннымъ.

«книга
глаголемаѧ исторіѧ ѡ взѧтіи царства казанскагѡ
содержи^т^
главъ ч҃в листо^в^».

Писано уставомъ на бумагѣ «по Н. П. Лихачеву, бум. мельницы въ Моск. Гос., 1736 года. Форматъ листъ, счетъ 124 листа, списокъ довольно исправный, но какъ изволите видѣть очень не старый» . . . .

Стр. 96. «Муз. рукопись 747» указана мнѣ В. Н. Перетцомъ.

Стр. 99. Въ ноябрѣ 1900 г. я видѣлъ у П. А. Сырку въ тетради, на которой надпись «Оксфордъ»: «0.93. Сказаніе вкра^т^цѣ о началѣ ц҃ртва казаньскагѡ і о брани и о побѣдахъ великихъ кн҃зей московскихъ со ц҃рьми казанскими і о взятиї того

цр҇тва каза҇ского бл҇говѣрнымъ цр҇емъ ї великимъ кн҇земъ Иваномъ васильевиче҇ всеа росіи самодер҆ж҆цемъ. Въ 4-ку. Скоропись XVII в.». — См. еще «Отчеты о засѣданіяхъ И. Общества Любителей Древней Письменности за 1898—1899 г.». Спб. 1900, стр. 17—18; В. Н. Перетцъ. И. Общество Люб. Древн. Письм.: Ж. М. Н. П. 1900, апр., стр. 41—42.

Стр. 101. Секретарь Орловскаго Статистическаго Комитета увѣдомилъ меня, въ 1900 г., что А. Г. Пупаревъ «умеръ много лѣтъ тому назадъ, и кто наслѣдовалъ его библіотеку, мнѣ положительно не извѣстно».

Стр. 103. Въ рук. Погодина № 2005, (4 д. л., л. II + II + 114; 1714 г.) въ отдѣльномъ оглавленіи, которое въ началѣ рукописи, подъ № 38: «сказание вкрат҇ца о҇ начала царст҇ва казан+кого скорописная». Теперь въ рукописи такого «Сказанія» нѣтъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXIX, № 3.

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

О ЗАНЯТІЯХЪ ВЪ КНИГОХРАНИЛИЩАХЪ

Москвы и Петербурга съ 25-го сентября по 23-ье декабря 1898 г.

I. Евангеліе XIII—XIV вв. Императорской Публичной Библіотеки.

II. Словянскій переводъ 1-ой книги Царствъ.

С. М. Кульбакинъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1901 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Отчетъ, представленный Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ стипендіатомъ Новороссійскаго Университета Степаномъ Кульбакинымъ, — о занятіяхъ въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга въ періодъ съ 25-го сентября по 23-е декабря 1898 года.

Считая своимъ пріятнымъ долгомъ выразить Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ чувство глубокой признательности за доставленную мнѣ возможность расширить свою научную подготовку занятіями въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга, имѣю честь представить Отдѣленію отчетъ о своихъ занятіяхъ въ теченіе командировочнаго времени.

Въ виду того, что предметомъ моихъ спеціальныхъ научныхъ интересовъ являлась исторія болгарскаго языка, точнѣе такъ называемый среднеболгарскій періодъ въ его жизни, большая часть моихъ занятій въ теченіе командировки была посвящена изученію памятниковъ, относящихся къ этой области. Изъ богатаго собранія среднеболгарскихъ памятниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ и въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, мною были изучены слѣдующіе: Боянское Евангеліе Григоровича XII—XIII в., въ Моск. Румянц. Музеѣ (№ 1690, 109 л.), Охридскій Апостолъ XII в.

того же Музея (112 л.), неполное Евангеліе XIII—XIV в. того же Музея № 1692 (39 л.), отрывки того же Музея XIII—XIV в., №№ 1693, 1694, 1697 и 1483, Евангеліе XII—XIV в. Императорской Публ. Библ. въ Петербургѣ изъ коллекціи Верковича Qn I № 43 (183 листа).

Помимо этихъ чисто лингвистическихъ занятій, я имѣлъ возможность познакомиться нѣсколько съ вопросомъ о словянскомъ переводѣ Библіи на изученіи словянскаго перевода 1-ой книги Царствъ по нѣкоторымъ рукописямъ Импер. Публ. Библ. въ Петербургѣ, Московскаго Рум. Музея и Московской Синодальной Библіотеки, которыя я укажу ниже. Характеристику правописанія и языка большинства изъ отмѣченныхъ мною памятниковъ, а именно: Боянскаго Еванг. XII—XIII в., Охридскаго Апостола XII в., Евангелія № 1692 XIII—XIV в., отрывковъ № 1693 и № 1694, я надѣюсь соединить въ одну работу подъ заглавіемъ «Матеріалы для характеристики среднеболгарскаго языка» и представить Отдѣленію для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акад. Н.»; эту работу покорнѣйше прошу Отдѣленіе разсматривать, какъ результатъ моей командировки.

Здѣсь же прошу позволенія представить краткія замѣтки о правописаніи и языкѣ Евангелія Импер. Публ. Библ. Qn I, № 43 и о переводѣ 1-ой книги Царствъ.

I. Евангеліе Верковича XIII—XIV в. (Qn I № 43).

§ 1. Евангеліе апракосъ № 1 коллекціи Верковича представляетъ 183 листа, писанные полууставомъ XIII—XIV в. Первый листъ оборванъ на половину; текстъ начинается послѣдними строками евангельскаго чтенія въ среду четвертой недѣли по Пасхѣ.

Почерковъ въ рукописи нѣсколько; 1-ый почеркъ съ 1—56 листъ; 56 и 57 листы писаны инымъ почеркомъ, причемъ текстъ этихъ 2 листовъ отличается отъ остальной рукописи и по языку; въ этомъ почеркѣ — явные слѣды сербской руки: — юсовъ нѣтъ, вмѣсто нихъ ѹ и є, ы и и рѣзко смѣшиваются: комоу ѹподоблоу

црьствые бжие; скри вм. скры; оуче вм. оучѧ; творе вм. творѧ; спсающихъсе; многы; взыщѹть; не вьзмогѹть дьвры стоати; глющы; отврьзы; отшыхь; ни вм. ны; боудешь; зоубомь; все праведникы acc. pl.; въ цртвы бжии; моужь; крещвы дат. пад. ед. ч.; хвалѹ вьздаю и т. п.

Въ этихъ 2 листахъ, ясно, сербъ списывалъ съ среднеболгарскаго оригинала: онъ пишетъ стою (57 б) вм. стоıѧ; слѣдовательно въ его оригиналѣ стояло стѫ вм. стоıѧ; точно также подъ вліяніемъ смѣшенія юсовъ (нефонетическаго) явилась форма: вьходоущоу вм. вьходѧщоу, если это не описка, возникшая подъ вліяніемъ слѣдующаго оу.

Съ 57 л. до 122 л. идетъ 3-й почеркъ; съ 122 листа — четвертый. Правописаніе и языкъ остальной рукописи однообразны; они и будутъ характеризованы ниже.

§ 2. Судя по почерку памятникъ относится къ XIII—XIV в. Буква ж съ сильно урѣзанными верхними рожками; въ буквѣ ч правый верхній отростокъ слился съ основной чертой въ одну прямую ср. ч на 13 б, въ словѣ очи; въ этомъ же словѣ соединительная черточка въ буквѣ и нѣсколько наклонена влѣво. Буква т имѣетъ старую форму; рядомъ съ обычнымъ ѹ — ꙋ; то же начертаніе встрѣчаемъ въ Вукановомъ Еванг. нач. XIII вѣка [1]), о съ двумя точками по срединѣ: ꙩ (ср. ꙩчи 13 б). На 174 а начальное киноварное о имѣетъ форму большой окружности, въ которую вписана другая меньшая: ⊙. Изъ лигатуръ отмѣчу: три = три (182 а); тво = тво (39 а; 42 б и др.). Рядомъ съ о употребляется ѡ, большею частью въ началѣ слова: ѡви 7 б; ѡниже 7 б; ѡстави 2 а; ѡнь 4 а, 8 а; ѡ ва 2 а; ѡлѣи 92 б; ѡщоутишѫ; ѿ 2 а; ѿца 2 а; ѡчи 8 а; ѿвѣща 8 а и т. п.; но: точилѡ 36 а. Нерѣдко встрѣчается и такъ называемое очное о: вь ꙩцѣ 22 б bis; ꙩчю 34 б; ꙩчи 13 б.

Рядомъ съ и, ї въ концѣ и въ срединѣ строки: їма 9 б; прїшествие 91 б; мтирї 45 б; їсь 2 б; їюдеи 2 б. Изъ знаковъ для

1) Ср. *Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Импер. Ак. Н.*, III, 4, 1143 стр.

јотованныхъ гласныхъ употребляется ꙗ, ѩ, ѭ и ѥ. Обычно є и ѥ различаются правильно; но есть примѣры употребленія є вм. ѥ: єго 47 а; ємєть 7 б; разоумѣєтє 7 б. Иногда ѥ находимъ послѣ согласныхъ: довлѥть 12 б; мєнѥ 111 а; с҃нь б҃ии єсть 7 б; л҃ткрї 45 б; гл҃тѥ 77 б. Объ јотаціи при а и при юсовыхъ знакахъ скажу ниже.

Довольно распространенное явленіе въ нашей рукописи — удвоеніе гласной; если допустить, что начало этого явленія было фонетическаго происхожденія, то во всякомъ случаѣ дальнѣйшія формы, которыя оно приняло, не всегда могутъ имѣть значеніе фонетическое. Удвоеніе а: свѣщаами 114 б; слоугаами 104 б; въ женаахъ 152 а; вараава 130 б; свидѣтельствоваа 140 а; почиваающиихъ 144 а. Удвоеніе и: сьньмищиихъ 115 б; сь свѣтиильникы 114 б; старции 120 б, 123 б (instc. plur.); мии 104 а; вѣиимѣ 160 б; вь црькви 140 б; вашиихъ 135 а; кнѧзиї 135 а; вьзопии 124 а; на ср҃цихъ 157 а; удвоеніе о: ꙗкоо 95 б. Удвоеніе полугласнаго: книжьникьь 151 а; людььсци 140 б; на ньь 141 а; сошьникъ N. S. 144 б; аминьъ 147 а; тьь 179 б; тъъ 180а; нощьь gen. plur. 180б; родъъ gen. pl. 169а; родьь 169а; подобаєшьь 162 а; свидѣтелььствоваашѫ; зрѧщє сихъъ 136 а. Такимъ же образомъ вм. ъı находимъ — ъıи: иныи 131 б, 135а; многыи 133 б; кыи 71 б, 76 б, 85 б, 87а, 90 б; кыі 91 а, 92 а; кыіі 109 б, 89 а bis; ѩзыкыи 86 а, 147 а; вѣрыи̑ 86 б; вѣмыи 87б (1 л. мн. н. вр.); плодыи̑ acc. plur. 84 б, 85 а; тыи 116 б, 118б; ризыи 117а; слоугыи 119а; книгыї 113а; рабыи 93 а; вь дни ноєвыи 91б; пр҃ркыи acc. pl. 91 а; многыи nom. pl. 106 б.[1]).

Въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣчается также удвоеніе согласной: и вѣ написание винныи єго 131 б; винныи 134 а gen. s. на всѣкѫ истиннѫ 111 б; слово твоє истинна єсть 113 б; ѿ истинны 118 б; винна єго 122 б; что ѥ истинна 118 б; нє єдиножє винныи не ѡбрѣтаѫ въ немь 118 б; сьбранномьжє сѫщемь 141 б.

---

1) Быть можетъ, находя въ старыхъ оригиналахъ формы, какъ добраaго, добръıихъ, которымъ въ живомъ языкѣ ихъ соотвѣтствовали: добраго, добрыхъ, писцы стали писать: вь женаахъ, въıи произнося: вь женахъ, вы.

§ 3. Для обозначенія старыхъ полугласныхъ нашъ памятникъ знаетъ ъ и ь, причемъ ь преобладаетъ, особенно въ первой части рукописи — до 116 л.; съ 116 л. ъ встрѣчается чаще; въ употребленіи ъ и ь нѣтъ соблюденія ихъ этимологическаго различія: **вынь** 9 а; **всакь** 20 б; **всѣкь** 47 б; **ьсѣкь** 3 б; **вь животь** 4 б; **мѫдриичь** 92 б; **днвень** 9 а; 36 а; **имь** 2 а; **вамь** 2 а; **начѧтокь** 2 а; **вь моемь** 2 б. и т. п.; съ другой стороны: **съ** вм. **сь** (οὗτος) 116 б; **свѣдѣтелъствоуи** 116 а; **заповѣдъ** 39 а; **цръ** 116 б; **повѣждъ** 88 б и т. п.

Можно думать, что въ оригиналѣ нашего памятника, какъ и въ языкѣ другихъ болгарскихъ памятниковъ XII—XIII вв. существовалъ уже одинъ полугласный. Этотъ полугласный въ открытомъ концѣ слова иногда отпадаетъ: **не вѣдѫт (во)** 135а; **аз во** 3а; **проситеl вѣ** 7 б; **нѣ же** 8 а; **слѣп сѧ роди** 8 а; **ѡн же** 4 б, 7 б; **к немѹ** 2 б; **с нѥ** 4 а; **ѡбраці же се** 18 б **дал моу** 13 б. Если не ошибаюсь, условіемъ этого отпаденія является тѣсное сочетаніе словъ, при энклизѣ (**аз во** и т. п.) и проклизѣ (**к немѹ**).

При томъ же условіи тѣснаго сочетанія словъ, но въ закрытомъ слогѣ сочетанія полугласный вокализуется: **гласось** 96 а, 10 а; **на родо ть** 150 б; **народось** 19 б; **родось** 87 а, 39 б; **въ миро сь** 6 б; **чл҃ко сь** 70 б; 132 б; **раво тъ** 33 б.

Старое ь и ъ внутри слова въ закрытомъ слогѣ вокализуется: **вышедший** 9 б; **весь** 2 б, 11 а, 9 а, 6 б; **испинень** 2 а; **днвень** 2 а; **бгочтець** 9 а; **праведень** 70 б; **противень** 30 б; **сьнемь** 9 а; **сѫчець** 22 б; **прїшествие** 91б; **конь** 10 а (ср. **вынь** 11а, 9 а); **начѧтокь** 2 а; **црькокь** 68 а и т. п. При этомъ изрѣдка замѣчаются случаи вокализаціи ь въ открытомъ слогѣ, явившіеся вѣроятно подъ вліяніемъ аналогіи фонетическихъ формъ: **пришеды** 19 б; **чели** 72 б (= **чьли**); **да не поперѫть** 22 б; вѣроятно графическаго происхожденія форма: **семысламіа** 49 б.

Внутри слова въ открытомъ слогѣ полугласный подвергается выпаденію. Количество примѣровъ очень значительно: **полза** 9б; **кышедшй** 9 б; **тма** 10 б; **кто** 2 а, 8 а; **мнозн** 2 а; **свободни** 2 б; **послѣдный** 80 а; **двѣ** 160 б; **цли** вм. **чьли** 36 б, 32 б; **посла** 5 а;

оуꙁрѣвше 25а; всемоу 1а; животны 1а; сь мноѫ 2а; вѣчны 4б; что 4а; никтоже 4а; вьꙁемше 6а; всѣкь 47б ср. вьсѣкь 3б; всѣ 45а, 22а, 55а; всѣкомоу 63б; вса 17а, 16а, 4а; всемоу 7б; пославшаго 7б; всакь 20б; всакои 20б; печалнї 16а; вѣровавшїмь 2б; двѣ 6а; избытки 6б; вѣсны многы 25а; оуꙁрѣвше 25а; пришедше 26а; два вѣсна 26б; посла 4б; брашно 4б; книгы 11б; слѣпцоу 8а и т. п.

Въ результатѣ такого выпаденія полугласнаго нерѣдка ассимиляція согласныхъ: ꙁборомь 130а; ꙁжьдетьсѧ 146б, 81б; ꙁжьджтьсѧ 113а, 118а, 114б; ꙁборомь 130а; ꙁборь 68б; тѫшка 88а; жскым^и враты 159а.

Нефонетически выпаденіе полугласнаго является въ закрытомъ слогѣ внутри слова: стоуденць 3б; ѿ конць 87а.

Въ плавныхъ сочетаніяхъ полугласный правильно пишется послѣ плавнаго: изьврьжетсѧ 15а; испрьва 15а; испльнить 15б и т. п.

Въ группѣ зубной согласный + в + ь въ началѣ слова часто наблюдается перестановка: дьври 93а, 127а, 145б, 42а, 64а, 71б; при дьврехь 87а; дьвреи 146а; прѣ^д дьврьми 74б; но дверь 149а.

Вставной полугласный: исьмь 147а, 142а.

Полугласный вм. чистаго гласнаго: ѿврьꙁь вм. ѿврьꙁе 9а; вращьшьсѧ вм. вращьшесѧ 22б, вѣроятно опиской.

§ 4. Для обозначенія звуковъ, происшедшихъ изъ старыхъ носовыхъ, встрѣчаемъ 4 знака: ѫ, ѧ, ѭ, ѩ; причемъ јотація юсовъ не всегда выражена: вм. ѭ, ѩ находимъ и ѫ, ѧ.

Знаки ѫ и ѧ, ѭ и ѩ взаимно мѣняются, какъ и въ другихъ среднеболгарскихъ памятникахъ. Картина этой мѣны въ нашемъ памятникѣ такова. Послѣ ј въ немногихъ сравнительно случаяхъ ѧ и ѫ правильно различаются: ѧꙁикь 9а; ѥѩ gen. s. f. 169а; ѩꙁыкомь 168а; ѩти 19а; ѩть 27а; вїѫ acc. s. f. 11а; вь братиѫ 18б; раꙁоумѣѫть 10б; ицѣлѣѫть 10б; моѫ acc. sing. f. 17б; ошоуѫ 67а и т. п. Въ большинствѣ же случаевъ наблюдается непервоначальное отношеніе ѩ и ѭ: ѭ вм. ѩ.

A) *въ началѣ слова:* ѩзыкомь 66а; ѧзикь 9 б; ѩзыкь 76 а bis, 48а, 85б bis; ѩти 81а; ѩсте 84б ѩшѧ 84б; ѩзыци 94а; 24б; ѧ (= ꙗ) 12а, 24а, 149б, 13б, 14а; ѧже (вм. ꙗже) 12б, 13 б; ѧзыцѣхь 4 б и т. п. ѧзѧ (acc. plur.) 162 б.

B) *въ срединѣ и концѣ слова:* сьбираѩ partic. 41а; проповѣдаѧ 29а; прѣдаѧи 18б; тоѧ gen. s. f. 144б; своѧ n. pl. f.; воѧ acc. pl. 47б; иноѧзычникь 20б; стоѧ part. 10а; моѧ 13а, 11а; своѧ acc. pl. 17 а, 41 б; цѣлѣѧ part. 29 а; имѣѧи 13 а (part.); сѣѧи 46 б part.; смѣрѣѧися 58 а (partic.); имѣѧ partic. 53 б; вѣроуѧи 19а (partic.), 11а bis, 12б; силы пѣсныѩ 66а nom. pl.; всеѩ. земля gen. sing. 66б; виданиѧ gen. s. f. 12а; исаиѧ gen. s. 10б; приѧшѧ 14а; вь свиниѧ 26 б; ѿ галилеѧ 20 а bis; вся недѫжныѧ acc. pl. 25 а.

ꙗ вм. ѩ — A) *въ началѣ слова:* и вьзахѧ ꙗжи желѣзны 49 а; ꙗдоуже 41 л.; ꙗже acc. s. f. 17 б; 113 б; ѧже acc. s. f. 115а. B) *въ срединѣ и концѣ слова:* твоꙗ acc. s. f. 5а; сь женоꙗ 4а; сѡбоꙗ = съ тобоѩ 4а; иснноꙗ 4а; сь силоꙗ 87а; вь своꙗ странѧ 174а; коꙗ acc. s. f. 117б; сь мноꙗ 2а; вь галилеꙗ acc. s. f. 173 а; с неꙗ 4 а; всеꙗ intr. s. f. 39 а; сь мрикꙗ instr. s. f. 173б; коеꙗ instr. s. f. 18б; радостиꙗ велиꙗ instr. s. f. 173 б; вьпиꙗщаго 176 б, 177а; сиꙗ acc. s. f. 3б; ѡзиꙗ = ѡсиѧ 168 б; црквиꙗ inst. s. f. 91а; братиꙗ acc. s. f. 168 а; непщꙋꙗ 156 а 1 s. pr.; вѣрꙋꙗ 1 s. pr. 9а; оуповаꙗть 3 p. pl. pr. 168а; ѡбладаꙗщомоу 177б; поклонѣꙗщися 4а; вьскѫꙗ 27б, 124а, 144а; одеснѫꙗ 105а, 116б, 131б, 143а, 123а, б, 67а, 39б; коꙗ acc. s. f. 117б; вь кѫꙗ acc. s. f. 40 а, 136 б; деꙗтѫꙗ acc. s. 132 а bis, за нѣкоѫꙗ 134 а; неповинънѫꙗ acc. s. 120а; вь четврьтѫꙗ 30б; дрꙋгѫꙗ 40б, 46а; кромѣшнѫꙗ 26а; ѡгньнѫꙗ 164 а; ишедшѫꙗ acc. s. 165б; вселенѫꙗ 66 а; вь горѫ елеѡньскѫꙗ 102б. Это колебаніе, наблюдаемое во многихъ среднеболгарскихъ памятникахъ, — въ обозначеніи звуковъ изъ праславянскихъ носовыхъ послѣ j чрезъ ѧ и ꙗ — Scholwin пытался подвести подъ опредѣленныя нормы относительно Евангелія Іоанна Александра 1356 года[1]).

Онъ находитъ, какъ правило, ѫ послѣ твердыхъ гласныхъ, ѧ послѣ мягкихъ: водоѫ, но землеѧ.

Какъ показываютъ приведенные выше примѣры, такого правила нельзя установить для Евангелія Верковича[2]).

Послѣ шипящихъ ш, ж и слитнаго щ вмѣсто ѧ послѣдовательно является ѫ: невѣдишѫ 85 а; болшѫѧ асс. pl. 53 а; слышѫть 53б; ѡдѣшѫ 129б; вишѫ 9б; ѿвѣщашѫ и рѣшѫ 2б; рѣшѫ 3а, 5б; вѣровашѫ 2а; їзгнашѫ 9а; дашѫ 11б; и не разѹмѣшѫ 2а; ѿвѣщашѫ 2 б, 5 б; поклонишѫсѧ 3 б; вьзѧшѫ 7 а; помѣнѫшѫ 43 а; ѥшѫ 43 б; изрѣдка встрѣчаются формы съ сохраненіемъ первоначальнаго ѧ: вьпросишѧ 7 б; бышѧ 11а.

ѫѫждеть 19 а; ѫѫждѫ 139 б; лежѫщѫ 24 б; вьзлежѫщоу 26 а; вьзлежѫщимь 6 б; лежѫща 27б; ѫѫтва 4б, 149б; ѫѫтвы 149 б, 163 а; ѫѫтвѫ 149 б; ѫѫтвѣ 163 а, 4 б; ѫѫтелемь 163а; ѫѫть 4б; блажѫть 152а; кльнѫщѫѧ асс. pl. 21а; нщѫдню 29а; пищѫ gen. s. 24 а; творѧщѫѧ асс. pl. 21 а; вьслѣплѧщѫ gen. s. f. 3б. Послѣ смягченныхъ согласныхъ л̂, р̂ н̂, группы губной + л или губной непосредственно смягченный, — наоборотъ, ѫ послѣдовательно замѣняется чрезъ ѧ: азь творѧ 1 s. pr. 12б, 13а, 4б, 2 а bis, 7б, 108б, 14б; створѧ 7б, 78 а; вечерѧ асс. sing. f. 55 а, 82 б; гл҃ѧ 1 s. pr. 2а, б, 4 б; глаголѧще 4 а; волѧ асс. s. f. 4 б, 9 а, 84б; землѧ асс. s. f. 40б, 7б; любьлѧ 1 s. pr. 18 а bis; ѡставѧ 1 p. s. pr. 13 а; прославѧ 1 s. pr. 10а; вьзлюбѧ 1 s. pr. 13 б; ѥвлѧсѧ 1 s. pr. 13 б; славлѧсѧ 1 s. pr. 5 б; силѹамлѧ асс. s. f. 8а; любѧ 1 s. pr. 14 б.

Подобный переходъ ѫ въ ѧ замѣчается также послѣ смягченнаго с въ словѣ вьсь: (πᾶς) овнощь всѧ (асс. s. f.); всѧ спирѫ асс. sing. 142 б, 131 а; всѧ розгѫ асс. s. f. 108 б; истинѫ всѧ асс. s. f. 105 б; и на всѧ силѫ вражиѫ 166 б; всѧ асс. s. f. 23 а.

---

1) *Einleitung in das Iohann-Alexander Evangelium Archiv für Slav. Ph.* VII т. (1883 г.), 46—49 стр.

2) *В. Облакъ* видѣлъ въ колебаніи между ѫ и ѧ послѣ j — безпомощность графики для изображенія группы jъ (jŭ). *Сборникъ за народни умотвор.* XI т., 548 стр.

Наконецъ переходъ ѫ въ ѧ послѣдовательно является послѣ ч: (данныя относительно качества этой согласной и относительно ш, ж, щ, ц см. ниже) въсплачаѧт҄сѧ 87 а; плачѧщасѧ 80 б; причѧ(сиѫ) acc. s. f. 55а, 84б, 41б, 46б, 47б, 55б, 40а, 33б, 36а, 37б, 158а, б, 163а; притьчѧ acc. s. 61а, б, 62б, 64б; плачѧщи 155б, 160а; алчѧщи 160а; алчѧща 94б, 95а; проричѧ 1 s. pr. 28а; мздѫ праведничѧ acc. s. f. 28а; волѧ ѿчѧ acc. s. f. 84б. Послѣ согласнаго ц, наоборотъ, наблюдается измѣненіе ѧ въ ѫ: ѡвцѫ 67 а bis; овцѫ acc. pl. 94 б bis, 7 а, 149 а bis, 149 б bis; мр҄твцѫ acc. pl. 53а, 25а; птенцѫ своѫ acc. pl. 91б, 150 а, б; посрѣдѣ пшеницѫ 163а; и ины ѡвцѫ имамъ 149б; любодѣицѫ nom. pl. 84б bis; м҃сцѫ acc. pl. 152а: агньцѫ acc. pl. 150а, 18а; стыѫ вц҃ѫ g. s. 151б; 42б; ѿроковицѫ gen. s. 51а; старцѫ acc. pl. 47а; оучиницѫ тыѫ acc. pl. 37б; ѿ смоковьницѫ 87а; на птицѫ acc. pl. 24а; вь житницѫ acc. pl. 24а.

Относительно ѫ и ѧ въ положеніи послѣ ӡ я замѣтилъ лишь два примѣра: вьзѫшѫ 92 б (ср. вьзѧшѫ 92б) и проӡѫве 163 а. Помимо указанныхъ категорій, гдѣ мѣна ѫ и ѧ является фонетической, въ отдѣльныхъ случаяхъ находимъ въ нашемъ памятникѣ графическое смѣшеніе этихъ знаковъ. Отсюда должны быть выключены формы причастія н. вр. д. з. и 3 л. ед. ч. н. вр. глагола имѣти: имѧщомоу 41а (ср. имѫщомоу 41а), 46а; имѧщи 53 б, 27 а (им҄щи); имѧща 79б, 11б; имѧщаго 41а; имѧщоу 33б; имѧть 25а, 48б, 47а. Формы эти, вѣроятно, представляютъ особыя образованія. Остаются: на распѧтиӽь (= πλατεῖα, ἀγορά); на распѧтї 168а; распѧтиѩ; распѧтиа 55б. Можетъ быть, это слово есть неправильное пониманіе писцомъ выраженія своего оригинала, стоящее подъ вліяніемъ распѧтие = τὸ σταυρωθῆναι; при пѧти (вм. пѫти) 46 б; вы вѣсте пѧть 12 а. Наоборотъ — распѫшѫ вм. распѧшѧ 124б; видѣвше трѧсь (вм. трѫсъ) 124б, 144б; трѧси 85б; ӽаләгы 55б; вь прѣпрѧдѫ 122а; прѧжатисѧ 51б; прѧжавьсѧ 77 а; вь сѧвотѫ 46а; в с҃ѧ 7 а; сѧдѧще ѡвѣма на десѧте колѣнома.... 29 а; ликрѧ мира acc. s.; азь вѣса не имамь нѫ чьтѧ ѡца моего 5б. Что касается природы звуковъ,

обозначаемыхъ въ нашемъ памятникѣ чрезъ ѫ и ѧ, то на этотъ вопросъ отвѣчаютъ слѣдующія данныя: выраженіе носового элемента носовой согласной: ѿ пѧ͡никостиѧ 21а; по пе͡никости 21а оно, вѣроятно, указываетъ на сохраненіе носового элемента въ этомъ словѣ (предъ звонкой согласной) въ болгарскомъ оригиналѣ рукописи; спородическое разложеніе ѫ, ѧ на гласный + носовой согласный замѣчается въ современныхъ болгарскихъ говорахъ именно предъ звонкими согласными.

Ѧ = є: 1) *въ открытомъ концѣ слова*: **мє = мѧ** 11 а; 23 б; 17б; **тє = тѧ** 27а, 18б; — **сє** вм. **сѧ** особенно часто: **поꙗсашєсє** 18б; **родисє** 16б; **вьзрадоуєтсє** 16б; **наоучитєсє** 26а; **стєꙁаєтєсє** 16а; **ѡбращжєсє** 18б; **сьбираєтсє** 15а; **дивисє** 25 б; **ѡдєжимьсє** 24 б; **прославитсє** 13 а; **ꙗвисє** 29 б; **ѿпоустится** 30 а (ter); **дрьжитсє** 24 а; **нє печатєсє** 24 а; **ѡблѣчѣсє** 24 а; **кланꙗшєсє** 23 б; **стєзаитєсє** 33 б; **ѿврьжєтсє** 21 б и т. п. **вь имє моє** 21 а, 28 а, 17а; **гл҃є** 27а; **правыи творитє стьзє єго** 176 б, 178 а; **вь прошашє** 3 л. мн. аор. 8 б; **птицы нєбєсниє** N. pl. 56 а. 2) *въ срединѣ и въ началѣ слова:* **ѡ кнєзы** 29 б; **изєти** 22 б; **просєи** 22 б; **иночєдь** 45б; **иночєда** 50б; **двою на дєсєтє** 50б; **чєдо** 48а; **проклєти** 19 б; **свєзано** 20 б; **обєза** 52 б; **єꙁыкь** 47 а; **начєло** 38 б; **камєнь налєжєщь** 80 б; **видєт** 3 л. мн. н. вр. 20 а; **творєть** 3 л. мн. н. вр. 20а, 21б (bis); **нєнавидєщимь** 21а. Наоборотъ **болѧи** вм. **болєи** 170а; **и сѧ гл҃ѧ вьзгласи** 53 б (вм. **сє**).

Въ одномъ случаѣ находимъ **а** вм. **є**: **познаша** 3 л. мн. ч. аор. 110б; придавать этому примѣру значеніе нельзя въ виду единичности; онъ могъ бы быть опиской подъ вліяніемъ предшествующаго **а**.

На 163а въ словѣ **сѣмѧ**, **ѣ** выправлено изъ **ѧ**, которое также могло быть опиской. Въ замѣнѣ **ѫ** неносовыми въ нашемъ памятникѣ замѣчается двойственность: **ѫ = ь = ъ**: **мьжь** вм. **мѫжь** 51б, 180а, 43б; **четири тисѧщь мьжи** 30б; **мьжьскы поль** 32б; **мьжьскь пл҃ь** 171б; **дрьгь кь дроугоу** 43а; **пѣньзь** 33б; наоборотъ: **вь стѧгнаχь**; **да сѫбѫдєтсѧ** (25а), хотя предлогъ **сѫ** могъ существовать рядомъ съ **сь**; могла быть и выписка.

ѫ = оу; ѭ = ю: ѹглю вм. ѫглоу 36 б; сѹть 19б; ѡблачашесе въ фарфоуръ и в ѹсонь 47 б; ѵкалѹ acc. s. f. 6 б; зоубомь 26 а; падающиѵь 47б; и наоборотъ: ѿ ѡбоѫ вм. ѡбою gen. dual. 84б, 142 а; бѣже далече ѿ неѫ стадо свино... 26 б; къ ѿцѫ dat. s. 111а; подобно ѥ црт҃во нбсное неводѫ вьвръженѫ въ море 158а. Эта двойственность въ замѣнѣ ѫ указываетъ на два слоя въ языкѣ нашей рукописи: ь вм. ѫ и наоборотъ относится къ болгарскому оригиналу памятника, тогда какъ ѫ = оу предполагаетъ переписчика серба. Что рукопись относится въ своемъ настоящемъ видѣ къ области сербскаго языка показываютъ и такіе примѣры какъ: погыбаеть 3 pl. pr. 104 а, гдѣ е есть механическая замѣна сербомъ писцомъ ѧ стоявшаго вм. ѫ въ его оригиналѣ: ѥ вм. ѭ acc. s. f. 28а (ѡбрѣтыи дш҃ѫ своѫ погоубить ѥ), если это е не есть фактъ морфологическій.

§ 5. Буква ѣ помимо обозначенія этимологическаго звука ѣ употребляется также для обозначенія звука ꙗ — послѣ согласныхъ: творѣше 73 б; створѣше 89 б; лазарѣ acc. s. 83 а, 95 а; самарѣнинь 59б; назарѣнинь 59а; назарѣниномь 105б; вечерѣѭ 60 а; боурѣ N. s. 157 а; цр҃ѣ 120 а bis, кесарѣ 120 а ѿ сѫпрѣ gen. s. 61а; распрѣ N. s. 8 а, 19 б; оударѣѫще 105 б; ср. мора 30 б; лазара 48 а bis; назаранине 42 б; съ послѣдними формами стоятъ въ связи цр҃оу вм. цр҃ю 33б, 37б; кесарѹ 87б, 119б.

люблѣше 80б; любѣше 79а; мисаилѣ gen. acc. s. 167б; ѡстаклѣетсе 40 а bis; родителѣ 8 а; помышлѣти 44 а; аѵраамлѣ 2 б; тьлѣ N. s. 75б; тлѣ 54б; волѣ N. s. 20а, 71б помышлѣѫть 74б; ср. помышлꙗюте 74б; землꙗ 66б, 124б; крѣплꙗѵѫсѧ 133а; кланѣѭсѧ 76 б; кланѣтисѧ 4 а, но: искрьнꙗго 21а; ближнꙗго 39а; кланꙗшесе 23 б; послѣднꙗꙗ 145 б; всѣ же 38 б; вьсѣ 39б, 45а, 55а, 4а, 58, 65, 22а, 112б; вьсѣкь, вьсѣкомоу 63б; но рядомъ: вса 16а, 4а; всако 29б; всакь 20б, 61б; всакои 20б; само 51б, 3б bis и др. (при сѣмо 68а) быть можетъ особое образованіе. Замѣчу тутъ же, что послѣ гласной или въ началѣ слова звукъ ꙗ передается чрезъ ꙗ или а: сѣꙗнна 45 б; сѣꙗше 46 б; бж҃иа 46 б; бжїа 24 б; сиꙗ 79а; злаа 29б; всѣ бывшаа 34а; расточенаа 9б;

бл҃ꙗ 9 а; никла 9 б; помышленаа 158 б, 162 а; вънезаꙗпѫ 171 а; проливаемаа 91а; рекомаа 98а; ꙗкова 168а; ꙗко 121б; ꙗже 2б; ако 14б; адъ вм. ꙗдъ 11б; амо вм. ꙗмо 12а; оуготоваите намь пасхѫ да амы и 98 б; и сн҃ы егда бл҃ви а ѿстѫпи ѿ нихь 12 а (наоборотъ ꙗнѣ 166а, 153а вм. анѣ ср. юинѣ вм. оунѣе 111а; юнѣ 15б; юнѣе 165а; юшию вм. оушию 152 л.). Въ противоположность случаямъ, гдѣ ѣ стоитъ вм. этимологическаго ꙗ находимъ примѣры обратнаго употребленія ꙗ вм. ѣ: ꙗже 118б, 119б; тебꙗ 119б, 138а; населꙗ 163 а; плꙗвель 163 а; вь тлꙗ 71 а; бывши же годинꙗ шестѣи 132 а; бꙗ 132б, 133б, 134а, 139а, 140а, 144б; мнꙗ 137а; голꙗни 140а; имꙗхѫ 141б; сьвлꙗкше 142б bis; запечатлꙗвше 146 а; ѡ множѣи слоужбꙗ 152 б; изъвлꙗкше 158 а; вьнемлꙗите 156 б; сьвлꙗкошѫ 122 б; вьсприимлевꙗ 124 а; на селꙗ 128б; ꙗко ничьсоже не оуспꙗеть 121б; извлꙗче 104а; мнꙗ = мьнѣ 99б; не печатесе 24а; покажате 36а; рьцате 37б; зало 34а, 58б, 59а, 124б.

Быть можетъ сюда же относится нн҃ꙗ 13б, 17а, 48а, 172а; 179б ср. нн҃а 104а, 106а, б, 96а ter 110б, 112а, 113а, 117а, 79б. Замѣна этимологическаго ѣ чрезъ ꙗ должна быть отнесена къ болгарскому оригиналу рукописи, который въ этомъ пунктѣ сближается съ Паремейникомъ Григоровича, указывая на болгарскіе говоры, гдѣ ѣ произносилось какъ ꙗ.

§ 6. Переходя къ остальнымъ чертамъ вокализма памятника, прежде всего отмѣчу сербскую мѣну ꙑ и и: оуготовани 95 а, омиѫ 101б; оумивение 98 а; сь вишнꙗго краꙗ 124 б; слишиши 82а, 120б; жжика си емоу же оурѣза петрь оухо вм. сы 116а; ѿ каиафи 116а, 117б; помислите 162а; рождени 183а; ѿ гори 136а; прѣмѫдриѫ 150а; крилѣ 150б; вѣчнии 153б; рибы 11б; виже 11 б, 16 а; ти вм. ты 19 б; винѫ вм. вынѫ 20 а; митарие 84б; митарь 20б; ривара 23а; грѣшнии 9а; строупи acc. pl. 52б; жена самарѣнини 3 а; вьградь самареи нарицаеми 3 а; тисѧщь 6 б; рибарие 43 а; посилаѫть 35 б; воини acc. pl. 25 б; посилаѫ 50 а; помишлениемь 88 б; ѩзикоу 85 б; блвень гради вь имѧ вм. грады 81а; постидитьсѧ 75б; вьсхитѧть е 183а; сь роды-

ѩды 87б (= съ иродиѩды); мытары n. pl. 26а; оупокрыти 36а, 72а; ѩзвыне 25а; есы 5б; вижще пръсы 125б; сьзыжѫ 53а, 116б, 123а, б, 105а; бѣси многы 49а, 22а, 39а; вьзлазы 60а; ѡкнезы 29б; зыждѫщен 36а; ѿврьзыса imper. 180б.

§ 7. е изъ ь предъ и: оударен partic. 117а, 105б; болен 119б, 99а, 102а, 108б, 110а (ср. болши 107б), 138а, 7а, 5б, 90а; костен gen. pl. 90б; люден gen. pl. 159б, 134б; бжен 79а, 73б, 5а: сен 30а, 135б, 19б; велен 140а, 144б, 145б, 146а; заповѣден gen. pl. 151а, трен 20б, 52б; ѿ фарисен 19б, 1а; гден 42б; сьгрѣшенен gen. pl. 72а, ѥ изъ јь вм. и: достоѥнь 65а; вь заѥмь 64а.

§ 8. Переходъ неударяемаго о въ оу: коустоудиѫ 128а; съ коустоудиѥѫ 128а; оустоудит 48а; вьзрадоуватиса (а и у соединены въ лигатуру, д вверху) 65б; наоборотъ о вм. оу, вѣроятно, опискою: коемождо воинոу 139а: свидѣтельствоѫть 141б; сѣдащоу же емо 121а.

§ 9. Въ двухъ случаяхъ я замѣтилъ мѣну оу и вь по сербски: котораго же иꙁь вась вь ѿца вьспросить сйь свои хлѣба; иже оу кровѣ оубииство творыше 130б.

§ 10. Стяженіе: ѡ оучени 115б; вь трьпѣни 47а; дѣти gen. pl. 30а, б; пропускъ гласнаго: оумыса imper. 7б; прѣ гемоноль 120б; гемонь 120б, 121а; гемоноу 120б.

§ 11. Отмѣчу еще нѣсколько единичныхъ случаевъ: послѣдь же вѣроуите ѥмоу 84б вм. вѣроуете; створите вм. створити 161б; не двѣ ли птици на ассоурии вѣнимѣсте 160б; нь да не сьблазнемь ихь 31б; аще не бишѫ са прикратили дние ти 86б; прикрататься 86б; прѣемьше 142б; ащо вм. аще 46а.

§ 12. Въ области согласныхъ должно остановиться на выясненіи качества согласныхъ ш, ж, ч, ц, щ, послѣ которыхъ замѣчается взаимная мѣна ѫ и ѧ. Согласные ц, ж, ш, щ являются повидимому въ памятникѣ твердыми: ѡца 110а, 7а bis, 2а; ѡтца 48а; рьцате 37б; обльцате 65а; тльцате 64а; вѣ же параскеви пасца (вм. пасцѣ) 154а; ѡцоу 64б, 65б, 4а, 51а и т. п.

оужась 43а; покажате 36а; слоужаше 25а; възлиꙗвша (во миро се на тѣло мое на погребенне ма сътвори) 27б; слишаахѫ 95б; ваша 11а; слышано 9а; слышати 8б; искѹшами 6а; больша 24б; ѿрѣшата imper. 81б; створшоу 10б; влѣзьшоу 25а бывшоу 25а; ишедшоу 49а; ѿвѣщааѣши (sic) 115б, 116б; ѿвѣщашѫ 9а, 2б, 5б; ѿвѣща 8а; вьмѣщаютсѧ 2б; ищате 22б, 24б; вьмещате 43а; грѧдѧща 13а; глщоу 2а; ѡщоутишѫ 91б и т. п. Такія же указанія на твердость и относительно согласной ʒ: ср. ʒало 34а, 133б, 144б, 124б, 58б, 59а, 102; вельзаволи 160б; ноза его acc. dualis 155б; ноза мои 156б; не по мноʒахь днехь 64б.

Нѣсколько иныя данныя имѣются относительно качества согласнаго ч, — преобладаютъ сочетанія — чѣ, чю, указывающія на мягкость этого согласнаго; но при нихъ встрѣчаются и сочетанія—ча, чоу: кончѣеться 99а; чѣшѫ 99а; спа члчѣ acc. s. m. 2а, 105а, 116б; ѡбычѣи 128б, 118б, 141б; коньчѣвахѫсѧ 157б; мальчѣхѫ 169б; чѣжщимь 172б; по ѡбычѣю 175б; чѣса 139б; беспечѣли 147а; не доконьчѣль иси 58а; дважды находимъ—чꙗ: спа члчꙗ 160а, 162а; чюдишѫсѧ 27б, 157б; чюдꙗщасѧ 172б; чюдѧщимсѧ 11б; чюдотворца 164б; чюждахѫсѧ 4а; чюдеса 82а, 86б; да не чюешь 71а; члчю 77б, 153б; чюдисе 47б; чюхь 50б; чюиши 22б; чюста 175б; чюждихь 31б.

Но: прича 46б; печашесѧ 82б; не печашесе 24а, б; часъ 92а, б; чаша 99а; чашѫ 99а; ѡбычаи 120б; скончатисѧ 11б; облачашесѧ 47б.

§ 13. Въ смягченіи губныхъ формы съ l epenth. рядомъ съ примѣрами непосредственнаго соединенія губного съ јотованнымъ гласнымъ ѡставль 45а; пристѫпль 25а, 146а; корабль 25а, 26б, 27б, 30б; ѡставльша 23а; пристѫпльше 103б; земли 46б, 17а, б, 30б, 20б bis 13б, 95б; вь корабли 23а; ѡслаблень 25б; приемлеть 22б, 28а. ter 16а, 170а (4 раза); възлюблень 13а, 108а; землѧ 93б acc. s.; прославлѧть 148б (ожидали бы безъ л); люблѧ 1 л. ед. н. вр. 108б.

пристѫпь 103б, 145а, 23б; пристѫпшемь 105а; вь корабь

30б bis; **прѣломь** 30а, 99а, 102б; **земи** 28б, 9б, 66а, 71б, 72а, 75а, 70б, 112б, 114б, 91а; **вьзлюбѧ** 1 л. ед. н. вр. 13б, 108а; **вь корабь** 30 б bis; **ослабень** 43 б; **ѡслабеномоу** 44а, 74б, 75а; **ослабени** 74 б; **витлеєме земе июдова** voc. s. 173 б.

§ 14. Въ результатѣ выпаденія полугласнаго между двумя согласными происходитъ ассимиляція этихъ согласныхъ: **тѧшка** 88 а; **зьждеться** 136 б, 81 б; **зьждѧтьсѧ** 113 а, 114 б, 118 б; **збором** 69 а, 130 а; **зьбержтѧсѧ** (sic) 86 б, 87 а; **збержть** 87а; **зборь** 68 б.

Такая ассимиляція даетъ чрезъ сліяніе группу — **щи** изъ *шьди: **многащи** 32а

§ 15. **сц** и **ст** изъ **ск** рядомъ: **клешньстѣи** 67 б, 81 а, 38 б; **людсти** 84а; **архиєренсти** 69б; 134б; **людьсци** 132б, 100б, 68б; **галилеисцѣмь** 22 б.

§ 16. Отмѣчу еще нѣсколько явленій въ области согласныхъ: т вм. д: **витлеєме земе июдова** voc. sing. 173 б; **гетьсимании** 163а; диссимиляція: **глигоріы** 182а; **єньманоуиль** 169б; п вм. ф: **ѡсапата** 168 б; **ѡсапат же** 168 б, пропускъ к: **сквозѣ** 49а, 72б, 77а ср. **скрозѣ** 45 б и др., вставное д: **раздроушениє** 23 б, но: **разрѣшите** 20б; **разрѣшено** 20б; **вьзрадоуетсѧ** 16а; вставное т: **пострѣ й** 6а. Перестановка: **феврар** 182а; можетъ быть опискою: **вьскотѣ** 33 б = **вьсхотѣ**; **кенадиꙗ** 158 б.

§ 17. Перехожу къ склоненію. Въ склоненіи консонантныхъ основъ вин. п. ед. ч. ж. р. на — **е**: **сиѧ же дщере** 54а; **мтре** 22а, 139 б; род. п. ср. р. **словеси моєго** 5 а; вин. п. ед. ч. м. р. **єда камы дасть ємоу** 64а; loc. sing. **вь оцѣ** 22б bis.

Имен. п. ед. ч. ж. р. темы ja: **рабыниꙗ** 105б; **принесьша** 155б (**и се жена ...... оувѣдѣвши ꙗко вьзлежитъ вь храминѣ фарисеѡвѣ принесьша алавастрь....**).

Твор. п. ед. ч. м. р. темы — **о**: **гладемь** 64б; твор. п. ж. р. ед. ч. темы **а**: **сь мариѧ ѡбрѧченѧ ємоу женѧ сѫщѧ небраздьнѧ** (sic.) 170б; n. pl. **рибарие** 43а; формы род. п. ед. ч. ж. р. именъ темы **а** на **ѧ**: **ѿ мене пити просиши.... женѧ самарѣнинѧ сѫщѧ** 3а; **спси мѧ ѿ годинѧ сиѧ** 10а; **ѿ вонѧ измоурнѧ** 82б; **до го-**

дины девѧтѫѭ 70б; и вьзложишѧ врьхоу главѫ его виннѫ (sic) написанѫ 143а, 123б; ѿ шестѫѧ годинѫ 125б; ѿ г҃ же годинѫ 143б, 132а, 136а; до д҃ ж годинѫ тма бы по всеи земи до д҃ ж годинѫ 124 а; ѿ крьве праведнаaго авела до крьве захариинѫ варахиина 91а; стыѫ мцѫ варварѫ 165 а.

Вин. п. ед. ч. ж. р. темы а: любо в вторѫ любо вь третиѫ стража придеть 54б, если это не описка; быть можетъ описка же на 48а: и несеноу быти аггли на лонѣ аураамле 48 а. N. pl. f. темы ja: 52б (лиси ıазьвины имоуть и) птици (нбсныѫ гнѣзда); емоу же не сѫть овци своѫ 149а. Вин. п. мн. ч. ж. р. темы ja по твердому склоненію: ѡвцы моѫ 18а bis. Наоборотъ по аналогіи именъ мягкаго склоненія: (лїси) ıазвыне (имѧть) 25а; род. п. мн. ч. и вꙁѧшѫ изꙁбытокь оукрѹха 30 а, б; еже испыта ѿ вьхвы. Можетъ быть опискою: вин. п. мн. ч. ср. р. темы jo: идѣте оубо на исходищи пѫти 38 а; ıако не имамь где сьбрати плоды моих 53а; имаши много добро лежѧщи 53 а; видѣ два брата вьметаѫщие 23 а; и ѿпоустити ихь не ıадша не хоштѫ 30а; вь истинныимь 58б. Въ мѣстоименномъ склоненіи отмѣчу: е(же) вм. и(же): дарь еже acc. s. m. 23б; вьсѣхь еже 21б; прѣ ѿцемь моимь еже 21б; еже любить сна 21б; нѣ еже имаши нѣсть мѫжь 3б; мѫжа еже бѣ 43б; каженици еже 33 а, б; иже ми еси дльжьнь 34а; еже еси 71б, ср. еще 28а bis; 36а, 38б, 29а, 40а. Наоборотъ: иже сѣсти вм. еже сѣсти 78б; оуготоваите намь пасхѫ да ıамы и 98б. На ту же потерю родового и падежного различія въ мѣстоименномъ склоненіи указываютъ слѣдующіе примѣры: а иже пиеть ѿ воды иже аꙁь дамь 3б; азь сьблюдохь ıа вь име твое, ѧже даль еси мнѣ сьхранихь ıа 112б; дахь имь аꙁь слово свое и весь мирь вьꙁненавидѣ ıа 113 а; нь да сьблюдеши ıа ѿ неприıаꙁни 113а; аꙁь сьблюдохь ıа вь имѧ твое 14а; и бы егда бѣ ави а ѿстѫпи ѿ нихь 12 а; ıако глы ıаже даль еси мнѣ 13 б, 14 а; и вьзлюбиль ıа еси 17 б; азь послахь ıа вь весь мирь 17 б. Отмѣчу еще въ мѣстоименномъ склоненіи: двы тѫ nom. pl. вм. дѣвы ты 92 б; дал моу вм. далъ емоу 13 б. Въ сложномъ склоненіи сохранились еще древнія формы: ѿ добра-

кго скровища 29б; имѫщаго 63б, 94а; лѫкаваго 71б; цѣненааго 120б; морьскааго 66а; развѣ словесе любодѣинакго 33а; чл҃чьскааго 66б, 91б, 39б, 40а; грѧдѫщааго 66б; ключимааго 94а; дроугааго 123а; праведнааго 91а; гешньскааго 91а; назаренскааго 100б; вьпадьшоуемоу 52б; дроугоуемоу 52б; нарицаемааго 98а; сѫщааго 98а; лознааго 99а, 102б; житенскыими 66б; селныихъ 24б; грѣшнеамь 96б вм. грѣшнѣамь; но рядомъ и новыя, какъ нарицаемомоу 121а и т. п.

При этомъ въ дат. п. ед. ч. м. р. наблюдается переходъ нѣкоторыхъ прилагательныхъ и причастій н. и пр. вр. изъ мягкаго склоненія въ твердое: имѫщомоу 58б, 72б, 63а, б, 41а; творѧщомоу 85б; вѣроуѫщомоу 77а; тькѫщомоу 64а, 22б; сѫщомоу 133б; имѧщомоу 94а, 41а; имѣѫщомоу 94а; нищомоу 48а; просѧщомоу 21а; пославшомоу 111а; пославьшомоу 15б.

§ 18. Въ глагольныхъ формахъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе факты: 3 л. ед. ч. н. вр. безъ флексіи — ть: да бѫде 71б; и свѣти всѣмь 148б; иде 9б. 1 л. мн. ч. н. вр: кемы 8б, 60а; имамыи вм. имамы 138а; имамы 138б, 176б, 29б; ѥмы 24б; оуготоваите намь пасхѫ да ӕмы и (sic) 98б; вѣмы 112а, 16а; имаме 119а; нѣсме 3а.

Формы двойственнаго: мариꙗ же магдалина и мариꙗ иѡсифова зрѣстѣ 127а; онѣ же жестѣсѧ 146б; не боитѣсе дв. ч. 146б (при подлежащемъ ж. р.) повелит. накл. оувиѫмь 85а; вьнемлѫите 66б.

Среди аористныхъ формъ довольно часты формы аориста II: придѫ 3 л. мн. ч. 124б, 23; придъ 1 л. ед. ч. 118б, 10а, 11а, 3а; обрѣтѫ 3 л. мн. ч. 122а, 116б; вьнидѫ 116а, 117б, 93а, 144б, 42а; идѫ 147а, 116а, 117б; изыдѫ 4а; изыдь 3а; вьзмогѫ 3 л. мн. 76б. Встрѣчаются и формы аориста сигматическаго стараго типа: привѣсѧ 122а, 76а, 153б; вѣсѧ 116а bis, 117б, 124б, 154б, 122а, 140б, 142б; пробасѧ 145а, 126б; не ѧсѧ же вѣры 8а.

Различіе между аористными и имперфектными формами, какъ видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ, стало затемняться: свѣдѣтельствоваашѫ 148 а, слышаашѫ 133 б; бѣжаашѫ 104 б; поржгаашѫсѧ 122 а; ѿвѣщаашѫ 95 а; задѣашѫ 122 а; бѣшѫ 112б; правда, факты эти характеризуютъ явленіе лишь съ одной стороны, но быть можетъ опорой такому ихъ пониманію могутъ служить параллельныя данныя другихъ памятниковъ: ср. въ Боянскомъ Ев. бѣшѫ 61 б; задѣашѫ 84 а; жѹжсѧ 96б.

Условное наклоненіе глагола бити: аще би 3 б; ты би 3 б; аще би зде быль не би брать мои оумрль 80 б; аще не би ѿ ба быль 9 а; аще не би злодѣи бъль не бихомь его прѣдали 118 а; аще не би ти дано 119б; аще .... би быль 5а; ра би быль да би видѣль 6а; бисте (bis) 108 б; да не прѣдаль бихь быль 118 а; и аще не бишѫсѧ прикратили дние ти (sic) 86 б. Имперфектная тема въ причастіи прошедшаго времени несклоняемаго: знаали 12 а, знаали .... знаали 107 а. Вмѣсто перфективной формы вѣдѣ—вѣдѧ, встрѣчающееся и въ другихъ болгарскихъ памятникахъ XII—XIV вв.: онь же ѿврьжесѧ прѣдь всѣми не вѣдѧ что глеши 105 б. Смѣшеніе формъ инфинитива и супина: приде жена ѿ Самарѣѧ почрьсти воды 3 а; не придохь призвати 26 а; прихождѫ почрпати 3 б; мнитсѧ слоужьбоу приносить боу 15 а; хотѣше оумрть 10 а; не радить вьчнеть 20 б. Причастныя формы н. вр. д. з. кльнѫисѧ 90 а; могѫи 33 б; жнѫ 41 а; ѿтврьгѫисѧ 161б; архиереи сѧ лѣтоу томоу 9 б (= сы).

§. 19. Въ заключеніе обзора звуковыхъ и формальныхъ особенностей памятника скажу нѣсколько словъ о лексикальной его сторонѣ.

Отмѣчу тѣ выраженія, въ которыхъ памятникъ сохранилъ старину: коустоудиѫ 128а; съ коустоудиѥѫ 128а; вь карвоунѫ (κορβᾶν) 128 а; въ карвунѫ 120 а; кадапетазма црковнаа 70 б; катапетазма 134 б, 136 б; ср. ѡпона 132 а; упокрити 71а; оупокрыти 72 а, 90 б ter 36 а; ипокрити 87 б; ср. лицемѣрь 71 а;

лицемѣри 90а; несы смѣшение измоурьно и ꙗлно ꙗко ливрь сто 127а; ливрѫ мира 82б; кентоуриωна 127а; ср. сътьника 127а и др. игемоноу 106а; лєωньть 101б; параклита 107б, 13а; написаже пилатъ титлѫ 139а bis; алекторь 99б, 103а (ἀλέκτωρ); ср. кокошь възгласи 105б, 106б, 116а, 117б; безь пиры и безь сапога 100а; пирѫ 100а (πήρα); ω власвимии 7а; власвимиѫ 117а bis; власвимисѹет 27б, 44б; ср. глеть хоулѫ и власвимисаеть 74б; соукамииѣ сеи 60а; вь газофилакїѩ 62а. Среди этихъ примѣровъ непереведенныхъ выраженій особое вниманіе обращаетъ на себя слѣдующее чтеніе: въ ωны дни изыде догма кесарѣ авгоуста написати вьсѧ вселеныѩ 170б. Во всѣхъ древнѣйшихъ текстахъ, если не ошибаюсь, это выраженіе переведено: повелѣние.

Изъ другихъ лексикальныхъ архаизмовъ отмѣчу: ωбласть 62б, 138а, 119б; ср. власть 75а, 23а, 84а ter 13б; итерь 9а, 52а, 101а, 32а, 31а, 69б; ср. едини единии 9б; клѣпаѧ 10а, 18б, 118а; ср. знаменоуѫ 136б; животъ 10а (вь животѣ вѣчьнѣмь) 19а, 13б, 97б; ср. жизнь 67б, 95а; не радите 20а; не радить вьчнешь 90б; не радити 24а; кокошь 91б; испыти 110б; жжика 116а, трѣва 30а; ср. трава 6б; ѿ жалии 26б; тепь 121б, 142а и др. Снидн сь крста 123а; ср. слѣзи 123б; слѣзеть 123б; влѣсти 30б, б. Послоушьствовааше 95б; година 13б, 17а, 92а и др.—обычно; ср. часъ 92а, б; множѣхь птиць соулѣнши есте 161б; члчьскы 77а; члвчьскаато 39б, 40а, 91б; ср. члчь 78а, 100а, 102а, 95а, б; члчю 77б. Параллельныя выраженія распѧти и пропѧти чередуются распѧтие 100а, 102а, 122а, 95а; распьнѫть 122б; 121б; распнѫть 138б; распѧть 121б; распни bis 119а, 119б; распѧти 119б; распнѫ 120а; пропнѣте 119а; пропьнѣте 138б; пропьни 130б bis, 69а bis, 134а bis, 138а bis, 138б; пропнѫть 131а bis, 142а; пропѧти 138а; пропнѫ 138б; пропѧтие 69б; пропѧтаꙗ 132а; пропѧть 142а; пропѧтѫ 70а; пропѧшѫ 131б bis, 139а bis; пропеньше 131б. Изъ двухъ параллельныхъ выраженій: цѧта и пѣнѧзь нашъ текстъ избираетъ второе, по мнѣнію *акад. Ягича* (*Мар. Ев.* 471 стр.) —

юго-западное: **два пѣнѧза** 3а, 52б; **пѣньзь** 33б; **пѣнѧжникомь** 63а; **небесьнъ** постоянно: **нбсныи** 24б; **нбсное** 32а, 33б; **нбснѣмь** 26 а и др. 131 б **ѡгорьчено вино** — новое выраженіе. Такимъ образомъ лексическія особенности Веркович. Ев., наряду съ нѣкоторыми чертами морфологіи, говорятъ о глубокой древности его праоригинала.

II.

Вопросъ о *словянскомъ переводѣ книгъ Ветхаго Завѣта* до сихъ поръ остается однимъ изъ малообслѣдованныхъ вопросовъ словянской филологіи. То, что даютъ по этому вопросу *Горскій* и *Невоструевъ* въ своемъ «*Описаніи рукописей Синодальной Библіотеки*», въ настоящее время едва ли можетъ считаться достаточнымъ. Требуется пересмотръ по возможности всѣхъ извѣстныхъ намъ списковъ текста относительно каждой изъ книгъ Ветхаго Завѣта, дабы установить, имѣемъ ли мы въ нихъ одинъ переводъ или нѣсколько; затѣмъ уже возможна оцѣнка этого перевода или переводовъ въ отношеніи исправности работы, ея пріемовъ и словарнаго матеріала переводчика.

На такомъ предварительномъ разсмотрѣніи словянскаго перевода отдѣльныхъ частей Ветхаго Завѣта должно быть основано рѣшеніе болѣе общихъ вопросовъ объ авторѣ, мѣстѣ и времени словянскаго перевода Библіи. Спеціальныя изслѣдованія (кромѣ псалтыри) посвящены пока лишь книгѣ *Іисуса Навина*[1]) и книгѣ *Пророка Исаіи*[2]).

Я не могъ вдаваться въ вопросъ о словянскомъ переводѣ Библіи глубоко, въ виду главныхъ своихъ интересовъ — исторіи

---

1) *Лебедева* (1890 г.).

2) *Евсѣева* (1897 г.). Изъ книгъ Новаго Завѣта, помимо евангельскаго и апостольскаго текста, изслѣдованію подвергся и переводъ Апокалипсиса (*Облака* см. *Archiv für Slav. Ph.* XIII т., 1891 г.).

языка, и бѣглыя занятія мои въ этой области имѣли одну цѣль: ознакомиться на практикѣ съ пріемами его разработки.

Оттого я ограничился немногимъ: ознакомленіемъ со словянскимъ переводомъ *первой книги Царствъ.*

Въ виду скудости существующихъ свѣдѣній по вопросу о переводѣ упомянутыхъ книгъ Священнаго Писанія я рѣшаюсь изложить здѣсь въ бѣгломъ очеркѣ свои впечатлѣнія при занятіяхъ ихъ текстомъ.

Въ этомъ очеркѣ я постараюсь дать хоть нѣкоторый матеріалъ для освѣщенія вопроса объ отношеніи другъ къ другу различныхъ списковъ *Первой книги Царствъ*, опредѣлить въ общихъ чертахъ свойства перевода и отношеніе его къ греческому оригиналу; въ заключеніе позволю себѣ нѣсколько замѣчаній о лексикальной сторонѣ словянскаго перевода.

Относительно первой книги Царствъ я пользовался слѣдующими списками: болгарскимъ спискомъ *Императорской Публичной Библіотеки* F I № 461 конца XIV или начала XV вѣка[1]); русскимъ спискомъ той же библіотеки XIV—XV вв. Q I 2; старшимъ *синодальнымъ* спискомъ Библіи 1499 года; спискомъ *Румянцовскаго Музея* № XXIX, 1537 года; спискомъ того же музея сербской редакціи XVI вѣка, № 1684; *одесскими* книгами Царствъ 1418 года сербской редакціи (№ 30). Послѣдняя рукопись была уже предметомъ спеціальнаго изслѣдованія *М. Ю. Попруженка*[2]); но по вопросу объ отношеніи перевода, содержащагося въ этомъ спискѣ, къ переводу другихъ извѣстныхъ намъ списковъ, а также объ отношеніи его къ различнымъ редакціямъ греческаго текста, авторъ ограничивается очень немногими указаніями. Изъ словянскихъ текстовъ привлеченъ къ

---

1) Ср. о немъ въ трудѣ г. *Евсѣева «Книга пророка Исаіи въ древнеславянскомъ переводѣ»*, 61—68 стр. Прибавлю, что *Н. П. Лихачевъ* относитъ этотъ списокъ ко времени не позже 70-хъ годовъ и не раньше 50-хъ — XIV вѣка (см. «Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ» 1899 г. CVIII—CXII, CXLIV, 232 с.).

2) *«Книги царствъ въ собраніи рукописей библіотеки Императорскаго Новороссійскаго Университета»*. Одесса, 1894 г.

сравненію лишь *Синодальный* списокъ 1499 г., причемъ относительно I книги Царствъ сопоставлены всего лишь 9 мѣстъ: II 21, 27; III 13; IX 8; X 5; XII 21; XVII 7, 11; XXVIII 3.

То, что въ изслѣдованіи сказано объ отношеніи сербскаго перевода 1416 года къ греческому тексту, не выясняетъ, какая редакція его лежитъ въ основѣ даннаго перевода: *лукьяновская* или какая либо иная; между тѣмъ *лукьяновская* рецензія была издана уже въ 1883 году.

Сравненіе указанныхъ списковъ словянскаго перевода *книгъ Царствъ* на пространствѣ первой книги приводитъ къ общему заключенію, что: списокъ *Императорской Публичной Библіотеки* F I № 461, списокъ той же библіотеки № Q I 2, списокъ *Синодальной* Библіотеки 1499 года и списокъ *Румянцовскаго Музея* № XXIX (1537 года) представляютъ одинъ и тотъ же переводъ. Общее ихъ сходство особенно ярко иллюстрируется тѣми мѣстами, гдѣ замѣчается совершенно невѣрный или искаженный переводъ[1]).

Списокъ *Румянцовскаго Музея* № 1684 и *Одесскій* списокъ 1418 г. въ этихъ типичныхъ мѣстахъ даютъ исправный переводъ; при общемъ совпаденіи перевода въ этихъ двухъ спискахъ,— замѣчаются въ отдѣльныхъ случаяхъ и нѣкоторыя отклоненія. Постараюсь теперь рядомъ выписокъ изъ всѣхъ отмѣченныхъ мною списковъ подтвердить установленную ихъ группировку и выяснить точнѣе отношеніе между *Одесскимъ* спискомъ 1418 г.

---

1) Къ сожалѣнію я не имѣлъ возможности воспользоваться при своихъ занятіяхъ первой книгой Царствъ спискомъ въ Библіи *Ундольскаго* № 1 *Румянцовскаго Музея* (*Н. П. Лихачевъ* относитъ его въ указанномъ выше трудѣ къ послѣдней четверти XV вѣка), такъ какъ, во время моего пребыванія въ Москвѣ, рукопись была послана въ Варшаву. Среди выписокъ изъ этой рукописи, любезно представленныхъ въ мое распоряженіе *П. А. Лавровымъ*, я нашелъ одно мѣсто изъ первой книги Царствъ, представляющее невѣрный переводъ, который вполнѣ совпадаетъ съ чтеніемъ этого мѣста въ спискахъ 1499 г., Рум. М. XXIX, FI № 461, QI 2; это совпаденіе заставляетъ предполагать, что Библія *Ундольскаго* содержитъ тотъ же переводъ, что и отмѣченные списки. Мѣсто это будетъ приведено ниже.

и *Московскимъ* № 1684, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить отношеніе того и другого перевода къ греческому тексту[1]).

Качества обоихъ переводовъ выяснятся при этомъ сами собой.

II гл. 31 ст. καὶ ἐξολοθρεύσω τὸ σπέρμα σου καὶ τὸ σπέρμα τοῦ οἴκου τοῦ πατρός σου (de-Lagard и Jager) = O. G. **и потреблю сѣме твое и сѣме домꙋ ѿца твоего.**

F. S. Q. R.: **и потребѫ сѣмѧ твое и племѧ домоу ѻ҃ца твоего.** Здѣсь различіе между двумя чтеніями—лишь въ замѣнѣ во второмъ стараго выраженія **сѣмѧ** болѣе новымъ **племѧ.**

II гл. 32 ст. καὶ ἐπιβλέψει κραταίωμα ναῶν ἐν πᾶσιν οἷς ἀγαθυνεῖ τὸν Ἰσραήλ. καὶ οὐκ ἔσται πρεσβύτης ἐν τῷ οἴκῳ σοῦ πάσας τὰς ἡμέρας (de-Lagard) = O. **и възриши оутвръждение храмовомь на всѣхь ими же оублажаеть ісраиля· и не боудеть старца вь домоу твоемь· и не боудеть старца вь домоу ѿца твоего вь все д҃ни.**

Въ изданномъ Jager'омъ ватиканскомъ спискѣ первая половина стиха отсутствуетъ; онъ начинается: καὶ οὐκ ἔσται σοι πρεσβύτης ἐν οἴκῳ μου πάσας τὰς ἡμέρας. Нѣтъ ея и въ словянскомъ переводѣ F. S. Q. R.

II. гл. 33 ст. καὶ ἄνδρα ὃν οὐκ ἐξολοθρεύσω σοι ἀπὸ τοῦ θυσιαστηρίου μου (de-Lagard).	καὶ ἄνδρα οὐκ ἐξολοθρεύσω σοι ἀπο τοῦ θυσιαστηρίου μου (Jager).

1) *Лукьяновская* рецензія греческаго текста издана *де-Лагардомъ* въ его «*Librorum Veteris Testamenti canonicorum pars prior Graece*» 1883 г. Исихіевская редакція пока еще не возстановлена; рядомъ съ изд. *де-Лагарда* я буду пользоваться чтеніемъ *Ватиканскаго* списка, изданнаго *Jager'омъ* («*Vetus Testamentum graecum...*» 1839 г.). Критическимъ аппаратомъ *Holmes'а* я не могъ воспользоваться, такъ какъ не нашелъ его въ одесской университетской библіотекѣ. Для словянскихъ текстовъ буду употреблять слѣдующія обозначенія: S = синод. списокъ 1499 г., F = FI № 461 Имп. П. Б.; Q = QI.2 Имп. П. Б.; R = № XXIX Рум. М.; G = № 1684 Рум. М.; O = одесскій списокъ 1418 г. Разницу въ правописаніи сходныхъ чтеній различныхъ списковъ оставляю въ сторонѣ; обычно привожу для списковъ F. R. S. Q. форму, въ какой чтеніе является въ F.

и моужа его же не потрѣблю тебѣ ѿ жрьтьвника моего (O. G.).

и моужа ижденѫ изъ олтарѣ моего (F.).

II гл. 35 ст. Καὶ ἀναστήσω ἐμαυτῷ ἱερέα πιστὸν (de Lagard; Jager) = O. G. и вьздвигноу себѣ сщенника вѣрна; F. S. Q. R.: и вьздвигноу вь нею мѣсто жрьца вѣрна.

Καὶ οἰκοδομήσω αὐτῷ οἶκον πιστόν = O. G. и сьзиждоу емоу домь вѣрьнь; F. S. Q. K.: и сътворѧ и себѣ домъ вѣренъ.

II гл. 36 ст. καὶ ἔσται πᾶς ὁ ὑπολελειμμένος ἐν τῷ οἴκῳ σου ἥξει προσκυνῆσαι αὐτῷ ἐν ὀβολῷ ἀργυρίου καὶ ἐν ἄρτω ἑνί λέγων (de-Lagard).

καὶ ἔσται ὁ περισεύων ἐν οἴκῳ σοῦ ἥξει προσκυνεῖν αὐτῷ ὀβολοῦ ἀργυρίου λέγων (Jager).

O. G. и бѹдеть вьсакь иже изьѡстанеть вь домѹ твоѥ прииде̑ поклонитисѧ емѹ сь пѣнеземь сребрьны и сь хлѣбѡ единѣмь гл҃ѥ.

F. S. Q. R. и бѫдетъ избытъчьствоужи въ домоу твоемъ и приидетъ на поклонение емоу самовольствомъ сребромъ и хлѣбы въ себѣ гл҃ѧ.

Мы видимъ въ данномъ случаѣ полное соотвѣтствіе чтенія O. G. лукьяновскому тексту. Чтеніе F. S. Q. R. не вполнѣ подходитъ къ греческому тексту Jager'a, но ближе къ нему чѣмъ къ лукьяновскому; происхожденіе словянскаго самовольствомъ понятнѣе изъ αὐτῷ ὀβολοῦ, чѣмъ изъ αὐτῷ ἐν ὀβολῷ.

III гл. 1 ст. οὐκ ἦν ὅρασις διαστέλλουσα (de-Lagard; Jager).

F. Q. R. S. не бѣ бо видѣние скрываемо.

O. G. не бѣше бо видѣние разньствоующее.

III гл. 2 ст. καὶ Ἠλεὶ ἐκάθευδεν (de-Lagard, Jager). O. G. и илїи спаше. F. S. R. Q. и илии сѣдѣше.

III гл. 3 ст. καὶ ὁ λύχνος τοῦ θεοῦ πρὶν ἢ κατασβεσθῆναι (de-Lagard).

καὶ ὁ λύχνος τοῦ Θεοῦ πρὶν ἐπισκευασθῆναι (Jager).

O. G. и свѣтилникь бж҃їи прѣж̑е даже не оуготоватисѧ.

F. Q. R. и свѣтилникъ бжии прѣжде оуготовасѧ.

Оба перевода такимъ образомъ отступаютъ отъ лукьяновскаго чтенія, какъ оно возстановлено у де-Лагарда.

III гл. 13 ст. ὅτι ἐκδοκήσω ἐγὼ ἐπὶ τὸν οἶκον αὐτοῦ ἕως αἰῶνος (de-Lagard; Jager — ἐκδικῶ).

O. G. ꙗко ѿмъщоу азь на домоу его даже до вѣка (G. на дѿ).

F. S. Q. R. оправдаю вм. ѿмъщоу.

IV гл. 13 ст. σκοπεύων τὴν ὁδὸν = O. G. назирае поу҇.

F. S. R. Q. помышлѣѫ (sic: ѫ вм. ѧ) о пѫти.

IV гл. 21 ст. καὶ ἐκάλεσεν ὄνομα τῷ παιδαρίῳ Ουαιβαριωχαβηδ (de-Lagard).

καὶ ἐκάλεσε τὸ παιδάριον Οὐαιβαρχαβὼθ (Jager).

O. G. и нарече име ѡтрочетоу горе варнѡхавиль т. е. соотвѣтственно лукьяновской редакціи.

F. R. Q. (S.?), — соотвѣтственно чтенію Jager'а, съ неправильной передачей глагола ἐκάλεσε:

и въпроси ѡтрочища оуваароувоpъхавидъ.

IV гл. 22 ст. Ἀπῴκισται δόξα ἀπὸ Ἰσραηλ (de-Lagard).

Ἀπῴκισται δόξα Ἰσραὴλ (Jager).

O. G. прѣселисе и ѹдалисе слава ѿ ісрлꙗ.

F. R. гогыбе слава їилева.

V гл. 4 ст. καὶ κεφαλὴ Δαγὼν καὶ ἀμφότερα τὰ ἴχνη χειρῶν αὐτοῦ ἀφῃρημένα ἐπὶ τὰ ἐμπρόσθια Ἀμαφὲθ ἕκαστοι, καὶ ἀμφότεροι οἱ καρποὶ τῶν χειρῶν αὐτοῦ πεπτωκότες ἐπὶ τὸ πρόθυρον· πλὴν ἡ ῥάχις Δαγὼν ὑπελείφθη (Jager).

καὶ κεφαλὴ Δαγων καὶ ἀμφότερα τὰ ἴχνη τῶν ποδῶν αὐτοῦ ἀφῃρημένα ἐπὶ τὰ ἐμπρόσθια τῶν σταθμῶν, καὶ ἀμφότεροι οἱ καρποὶ τῶν χειρῶν αὐτοῦ πεπτωκότες ἐπὶ τὸ πρόθυρον, πλὴν ἡ ῥαχις Δαγων ὑπελείφθη (da-Lagard).

F. Q. R. и глава дагонѣ коупно съплесноу егѡ ѿѫтъ мефедамо коегождо . . . .
. . . .

G. и глава дагонова и ѡбои стѡпы ногоу его ѿвpьжены на прѣды на пѡвоѥ и прагѿ. и ѡбои голѣны дльѕи и прьсти

рѹкѹ его падоше прѣ дверми. тъкмо хрьбть дагѡновь ѡста.

Къ чтенію F. Q. R. въ данномъ мѣстѣ присоединяется и списокъ *Ундольскаго* (№ 1): и глава дагона и коупно и плеснѣ его ногоу ѿѧтѣ мефафемо коегождо....

Нѣсколько иначе въ S: и глава дагона и кѹпно плеснѣ ногѹ его ѿѧтѣ мефефа. ıамо коегождо.

О. въ данномъ случаѣ даетъ текстъ съ толкованіемъ: и глава дагонова и ѡбои стопы ногоу его ѿвръжены на прѣдниа поꙋшемь и праговѡмь· паче же мадедань глкть....

и ѡбѣ голѣни костеи роукы его падшее на прѣ двериа. акила оубо оу донь прѣ двериа сказа и ѡбои голѣни дльзи и роукы его падшеи на прѣдверию. тькмо грьбь дагоновь изьѡсталь.

Переводъ S. и F. R. Q., очевидно, одинъ; различіе возникло при перепискѣ; типичная погрѣшность переводчика: мефедамо коегождо предполагаетъ греческую рецензію, отразившуюся въ текстѣ Jager'a (тоже у Tischendorf'a). Лукьяновское чтеніе: ἐπὶ τὰ ἐμπρόσθια τῶν σταθμῶν дѣлаетъ невозможнымъ такой переводъ.

Списокъ Ундольскаго, повидимому, принадлежитъ къ той же редакціи перевода.

Съ другой стороны ясно, что О. и G. представляютъ другой переводъ, примыкающій къ лукьяновской редакціи греческаго текста: τῶν ποδῶν у Делагарда = О. G. ногоу его, тогда какъ у Jager'a τῶν χειρῶν.

V гл. 6 ст. καὶ ἐβαρύνθη ἡ χεὶρ Κυρίου ἐπὶ Ἄζωτον καὶ ἐβασάνιζε τοὺς Ἀζωτίους καὶ ἐπάταξεν αὐτοὺς εἰς τὰς ἕδρας αὐτῶν, τὴν Ἄζωτον καὶ τὸ ὅριον αὐτῆς· καὶ ἐπήγαγεν αὐτοῖς μύας καὶ ἐξέβρασαν εἰς τὰς ναῦς αὐτῶν καὶ εἰς μέσον τῆς χώρας αὐτῶν ἀνεφύεσαν μύες καὶ ἐγένετο σύγχυσις θανάτου μεγάλη ἐν τῇ πόλει (de-Lagard).

Переводъ О. вполнѣ соотвѣтствуетъ греческому тексту лукьяновской рецензіи: и отегча роука гнѧ на азѡтъ· и моу-

чааше азωтѣны и порази ихъ въ сѣдалища ихъ· азωтъ весь и прѣдѣль его и наведе на нихъ моушице и въскыпѣше въ кораблехъ и посрѣдѣ страны и· възращаахоу моушице· и бы съмоущеніе съмрьти въ градѣ велико.

Иной переводъ въ R. F. (S.?) и отѧгчися рѫка гнѣ на азоты и мѫчааше азоты и порази ѧ въ ωбласти своеи и ѿ прѣдѣлъ ихъ ѿведе ж тогда· и ωмрьзчашѧ имъ наставници· и посрѣдѣ землѧ и оумножишѧ моухы· и бысть сълитїе съмрьти велико.

Текстъ G. въ данномъ случаѣ обнаруживаетъ точки соприкосновенія съ тѣмъ и съ другимъ переводомъ:

и отеготѣ рука гна на азωтѣ· и моучааше азωтѣнѣ· и порази ихъ въ ωбласти своеи и ѿ прѣдѣль их ѿведе е и въскыпѣше на ни моушице. ꙗко наве на кораблѥ и. и посрѣ страны и възвращаахѫ моушице· и бы съмущение съмрьти велико въ градѣ.

Подъ вліяніемъ чтенія R. F. — въ ωбласти своеи; и ѿ прѣдѣль их ѿведе е. Съ другой стороны възвращаахѫ, очевидно,— порча възращаахѫ.

Во всѣхъ 3 чтеніяхъ μύες передано: моухы, моушице, очевидно, вслѣдствіе смѣшенія съ μυῖαι.

V гл. 11 ст. σύγχυσις θανάτου=O. G. съмꙋщение съмрьти.

F. R. пролитие смрьти.

VI гл. 1 ст. καὶ ἐξέβρασεν ἡ γῆ αὐτῶν μύας.

O. G. и къздаде землю и моушице.

F. Q. R. и въсмрьдѣсѧ землѣ и моухами.

S. и въсмрьдѣсѧ землѣ и жабами.

V гл. 9 ст. καὶ ἐπάταξε τοὺς ἄνδρας τῆς πόλεως ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου εἰς τὰς ἕδρας (de-Lagard).

καὶ ἐπάταξε τοὺς ἄνδρας τῆς πόλεως ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου καὶ ἐπάταξεν αὐτοὺς εἰς τὰς ἕδρας αὐτῶν (Jager).

O. и поразꙁи моуже града ѿ мала даже до велика въ сѣдалища, т. е. соотвѣтствуетъ лукьяновскому чтенію.

R. F. и порази мѫжѧ града ѿ мала до велика и порази ж въ властехъ ихъ (S. въ ѡбластѣхъ и҃).

G. даетъ чтеніе среднее: и порази мѫжи гра҃ ѿ мала даже до велика въ власт҃ѣ иӳхъ.

VI гл. 4 ст. Κατὰ ἀριθμὸν τῶν σατραπειῶν τῶν ἀλλοφύλων ποιήσατε πέντε ἕδρας χρυσᾶς ὁμοίωμα τῶν ἑδρῶν ὑμῶν, ὅτι πταῖσμα ἐν ὑμῖν καὶ τοῖς ἄρχουσιν ὑμῶν καὶ ἐν τῷ λαῷ· καὶ πέντε μύας χρυσοῦς ποιήσατε ὁμοίωμα τῶν μυῶν ὑμῶν τῶν διαφθειρόντων τὴν γὴν ὑμῶν· καὶ δώσετε τῷ κυρίῳ θεῷ Ἰσραὴλ δόξαν ὅπως κουφίσῃ τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἀφ' ὑμῶν καὶ ἀπὸ τῶν θεῶν ὑμῶν καὶ ἀπὸ τῆς γῆς ὑμῶν (de-Lagard).

Соотвѣтственно этому лукьяновскому тексту читаемъ въ О: по числоу сатрапьствѡхъ иноплеменичьскы҃и сьтворите петь сѣдалищь златы҃и по҃біе сѣдалищомь вашимь ꙗко паденіе вь васъ· ꙗзва и вь начелницѣхь вашихь и вь людехь· и петь моушиць златыхь сьтворѣте по҃біе моушицамь вашимь растлѣвающіимь землю вашоу и дасте гв҃и ісрл҃евоу славоу ꙗко да ѡбльгчить роукоу свою· ѿ ва҃ и ѿ б҃гѡвь вашихь и ѿ землѥ ваше.

F. S. R. даютъ уже иной переводъ, отчасти основанный на невѣрномъ пониманіи греческаго текста:

по чисмене (R. по числоу) воеводъ иноплеменникъ пѧть приѡдѣани зла҃ и е҃ влю҃ злат҇ъ· ꙗко прѣгрѣшеніе в ва҃ и въ кнѧзихъ вашихъ и въ людехъ· и приѡдѣаниꙗ злата подобна приѡдѣаниꙗмъ вашимъ и блюдомъ вашимъ подобни· расточьшіихсѧ по земли· да то дадите и въздадите гв҃и славѫ· ꙗко да облъгчи҃ рѫкѫ своѫ ѿ ва҃ и ѿ б҃ъ ваши҃ и ѿ землѧ вашеѧ.

Также неисправный, но нѣсколько отступающій отъ чтенія F. S. R. переводъ находимъ въ Q.:

по чисмене воеводъ· и иноплеменьникъ пѧть приѡдѣнии златъ и е҃ блоудъ златъ· ꙗко прѣгрѣшение васъ и въ кнѧзихъ вашихъ и въ людехъ· нрѣша и҃ жерци гл҃ще не злата ли приѡдѣниꙗ. имать оу себе да та дадите да не еда како кровь сп҃окъ нашихъ расточитсѧ по земли· и въз҃дадите славоу го҃у....

Наконецъ, чтеніе G. представляетъ комбинацію перевода F. S. R. и перевода O.: по числꙋ воеводь иноплѣнничьскыи сътворите е҃ приѡдѣанїи златїи и е҃ блюдь златїихъ ꙗко прѣгрѣшенїе въ ка҃ и въ кнезѣ ваши и въ людѣ вашихъ. и прїѡдѣанїа златаа побнаа вашїи. прїодѣанїѡ. побїе моушица ваши растлѣвающїи землю вашоу. и дасте гви бу ї҃лкевоу да ѡблъгчить роукꙋ свою ѿ ка и ѿ бѡговь ваши и ѿ земле ваше.

VI гл. 6 ст. βαρύνετε=O. G. отегчавaете; F. (S?R?Q?) ѡжестите; такія мелкія совпаденія заставляютъ предполагать, что основной переводъ, сохранившійся въ текстѣ G. — есть переводъ O., а переводъ, отразившійся въ F. R. Q. S.—былъ для G. лишь пособіемъ.

VI гл. 9 ст. ἀλλὰ σύμπτωμα τοῦτο γέγονεν.

F. R. Q. нѫ въ ѿпадение се бъıсть намъ.

S. предоставляетъ порчу первоначальнаго ѿпадение этой редакціи: но въ ѡгнь падение се бъıсть намъ.

O. G. нъ съл8чаи се бы въ на.

VI гл. 11 ст. καὶ ἀπέθηκαν τὴν κιβωτὸν τοῦ θεοῦ ἐπὶ τὴν ἅμαξαν, καὶ τοὺς μύας τοὺς χρυσοῦς καὶ τὰς ἕδρας τᾶς χρυσᾶς ἔθηκαν ἐν θέματι Βαεργαζ ἐκ πλαγίων αὐτῆς (de-Lagard).

O. и възложише ковчегь бжїи на колесницоу и моушице златыѥ и сѣдалицꙗ златаа· положише вь положници ва ергазокѣ ѿ единыѥ страны того.

F. Q. R. и възложишѫ кивотъ на колесницѫ и поставишѫ и въ ѡбласти ергазьстѣ· коупно съ блюды златыми и приѡдѣлы златыми· и ѡбласть. ергазьска поустишѫ блюда та златаа и приѡдѣла златаа.

Эта болѣе пространная редакція, не соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, лукьяновскому тексту. (У Jager'a: καὶ ἔθεντο τὸν κιβωτὸν Κυρίου ἐπὶ τὴν ἅμαξαν καὶ τὸ θέμα Ἐργαβ καὶ τοὺς μῦς τοὺς χρυσοῦς). S. короче: и възложиша кивотъ на колесницю и ѡбласть ергазьскаѫ· поустиша блюда злата и колимагъıи златыи. G. слѣдуетъ чтенію O., но вмѣсто моушице златыѥ здѣсь—съсꙋды златыѥ.

VI гл. 18 ст. καὶ μύες χρυσοῖ κατὰ ἀριθμὸν πασῶν τῶν πόλεων.

O. и моушице златыѥ по числоу всѣхь градовь петыихь.

S. R. F. Q. и блюды златы по чисмени всѣхъ градъ....

G. и блюды златыѥ по числоу вьсѣ градѡвь петы.

VI гл. 19 ст. καὶ οὐκ ἠσμένισαν.

F. R. (S? Q?) и не прѣбышѫ; O. G. и не порадовашесе.

VII гл. 6 ст. ἐδίκαζε. F. S. Q. ѡправда; O. G. соуждааше.

VIII гл. 8 ст. κατὰ πάντα τὰ ἔργα αὐτῶν (de-Lagard).

κατὰ πάντα τὰ ποιήματα (Jager).

F. Q. R. надъ всѣми тварми.... S. на ними тварми.... O. G. по вьсѣхь дѣлѣхь.... Переводъ F. R. Q. естественнѣе при чтеніи Jager'а.

VIII гл. 11 ст. τοὺς υἱοὺς ὑμῶν λήψεται καὶ θήσει αὐτοὺς ἁρματηλάτας αὐτοῦ καὶ ἐν ἱππεῦσιν αὐτοῦ καὶ προτρέχοντας τῶν ἁρμάτων αὐτοῦ У Jagera вм. ἁρματηλάτας читаемъ ἐν ἅρμασιν.

O. G. снове (O. сновы) ваши вьзметь и положить и ороужникы себѣ и въ кѡникѡ себѣ и прѣтекоущіи колесница его (O. колесницамь его).

F. R. Q. S. Сны вашѧ оскѫдить и положить ѧ орѫжнемь своимь и кони исперѧть ѧ· и прѣдтекѫще прѣ орѫжіемь его.

VIII гл. 13 ст. καὶ τὰς θυγατέρας ὑμῶν λήψεται εἰς μυρεψοὺς καὶ μαγειρίσσας καὶ πεσσούσας.

O. G. и дъщерѣ ваше вьзме въ муроварителнице и сокочнице и легалнице.

F. R. и дъщери и оскѫдить милениемь· и дроугыѧ сътворитъ варѣѧ. а дроугыѫ падѫ прѣ орѫжіи.

S. Q.=R. F., но вм. милениемь имѣютъ моленїемь.

IX гл. 8 ст. σίκλου ἀργυρίου.= O. сикла сребрьна.

F. S. R. (Q?) вѣдра сребръна.

G. ведра сребрьна.

IX гл. 18 ст. ὁ οἶκος τοῦ βλέποντος. O. G. домь видещаго. F. Q. S. R. домъ видимыи.

IX гл. 23 ст. τῷ μαγείρῳ.=O. сокачю; F. S. R. приставникоу; G. пристакникоу.

IX гл. 24 ст. ἐπὶ τῷ δώματι. = O. G. на зьдѣ (G. ѕъдѣ). F. S. R. на здании.

IX гл. 27 ст. αὐτῶν καταβαινόντων εἰς μέρος τῆς πόλεως.

O. и тѣмь съхѡдещемь до краꙗ града.

F. R. и тѣма же съходѧщема въ мерскыи град.

S. Q. и тѣма же съходѧщема вь мирьскыи градъ.

Чтеніе S. Q. очевидно лишь попытка осмыслить неудачную передачу переводчикомъ греческаго εἰς μέρος τῆς πόλεως.

Чтеніе G. въ данномъ мѣстѣ важно, такъ какъ даетъ возможность увѣреннѣе, чѣмъ въ остальныхъ случаяхъ, опредѣлить отношеніе текста этой рукописи къ сербскому переводу 1416 г. и переводу F. S. R. Q.

G. и тѣмь съходещїимь до краꙗ мерскаагo града.

Очевидно, что тутъ имѣемъ дѣло не съ самостоятельной редакціей перевода, но съ искусственной комбинаціей перевода O. и перевода F. S. R. Q.

X гл. 1 ст. τὸν φακὸν τοῦ ἐλαίου. O. G. сьсоудь масльныи. F. Q. R. рогъ въ немже бѣше масло.

καὶ σὺ ἄρξεις ἐν τῷ λαῷ. O. G. и ты начелствоуеши вь людехь. F. S. R. и ты пръвы бѫдеши въ людехъ.

X гл. 2 ст. ἀλλομένους μεγάλα. O. влаюшїихсе велмї. F. R. поживша велико. S. положивша велико (порча поживша). G. поживша велико.

X гл. 22 ст. κέκρυπται ἐν τοῖς σκεύεσι (Jager).	κέκρυπται ἐνθάδε ἐν τοῖς σκεύεσιν (de-Lagard).
F. Q. R. съкръвенъ естъ въ ковчеꙁѣ.	O. G. крыетсе ꙁде въ съсоудѣхъ (ꙁде = ἐνθάδε).

X гл. 27 ст. οἱ υἱοὶ λοιμοί. F. сынове лоумуини. R. снове лоумїини. S. снве лѹвiини.

O. G. сынове гоубителнїи.

XI гл. 8 ст. κατὰ τάδε ποιήσουσι ταῖς βουσὶν αὐτοῦ.

O. G. по сицевыи да сьтвореть вѡловѡмь его.

F. R. тѡ волма сiма прѣрвж и.

S. то се створю иже и говлдома сима.

Быть можетъ, чтеніе S. есть измѣненіе, внесенное писцомъ; основной смыслъ его тотъ же, что и F. R.: *αὐτόν, а не βουσὶν αὐτοῦ.

XI гл. 11 ст. εἰς τρεῖς ἀρχάς. = O. G. вь три начела.

F. S. R. на четыре пльки.

XII гл. 17 ст. οὐχὶ θερισμὸς πυρῶν σήμερον; καὶ ἐπικαλέσομαι κύριον καὶ δώσει φωνὰς καὶ ὑετόν.

O. G. не жетва ли пшеницамь ѥ днь; и призовоу га и дасть гласы и дьждь.

F. Q. R. не жрътвоѫ ѡгньноѫ днѥ призовѫ га. и да глъ и тѫгѫ. S. жрътвою.... и т. д., какъ F. Q. R.

Этотъ ошибочный переводъ основанъ на смѣшеніи τὸ πῦρ = огонь и ὁ πυρός = пшеница.

XII гл. 21 ст. καὶ μὴ ἐκκλίνητε ὀπίσω τῶν μηθὲν ὄντων (de-Lagard).

καὶ μὴ παραβῆτε ὀπίσω τῶν μηθὲν ὄντων (Jager).

O. G. и да не ѿкратитесе вь слѣдь ничтоже соущихь.

F. Q. S. R. и не прѣстѫпите задниихъ неявленыихъ.

Переводъ F. Q. S. R. прѣстѫпити ясно уклоняется отъ лукьяновскаго чтенія ἐκκλίνητε и примыкаетъ къ редакціи греческаго текста, отразившейся въ спискѣ Jager'а: παραβῆτε.

XIII гл. 8 ст. καὶ διέλειπεν ἑπτὰ ἡμέρας.

O. G. и закьснѣ седмь днїи: F. S. R. и не достааше седмъ днии.

XIII гл. 9 ст. τέκτων σιδήρου. O. G. дѣлатель желѣзоу.

F. R. кръчии желѣзныи. S. кричь желѣзныи.

XIII гл. 21 ст. τὰ δὲ σκεύη ἦν τρεῖς σίκλοι εἰς τὸν ὀδόντα. O. G. вь ѡроудїахь же бѣхоу три мѣры. F. S. R. орѫжїа же бѣшѫ г҃ мѣры видимы.

XIV гл. 4 ст. (καὶ ἦν) ἀνὰ μέσον τῆς διαβάσεως....

O. G. (и бѣше) посредѣ въсхоженїа. F. S. R. посредѣ миновенιя.

ἀκροτήριον πέτρας ἐντεῦθεν καὶ ἀκροτήριον πέτρας ἐντεῦθεν; ὄνομα τῷ ἑνὶ Βαζεθ (de-Lagard).

O. G. краи коньчныи камене ѿсоудꙋ и краи коньчныи камене ѿ ѡнꙋдоу· име единомоу ȥедь. (G. вм. коньчныи — кончины).

καὶ ὀδοὺς πέτρας ἐκ τούτου, καὶ ὀδοὺς πέτρας ἐκ τούτου· ὄνομα τῷ ἑνὶ Βασές (Jager).

F. S R. переводятъ ὀδοὺς πέτρας чрезъ: пѫть камѣнı̓, очевидно, вслѣдствіе смѣшенія ὀδούς и ὁδός; ὄνομα τῷ ἑνὶ Βασες чрезъ: имѧ единомоу нивазꙋ.

Мы видимъ, что ошибочный переводъ F. S. R. опредѣляется редакціей текста не лукьяновской, но отразившейся въ спискѣ, изданномъ Jager'омъ: ὀδούς вм. ἀκροτήριον Лукьяна и Βασες вм. Βαζεθ; нивазꙋ, очевидно, получилось отъ ошибочнаго соединенія съ именемъ слога νι предыдущаго слова ἑνί.

XIV гл. 13—14 ст. Καὶ ἐπέβλεψαν οἱ ἀλλόφυλοι κατὰ πρόσωπον Ἰωναθαν· καὶ ἐπάταξεν ἐν αὐτοῖς καὶ ὁ αἴρων τὰ σκεύη αὐτοῦ ἐπεδίδου ὀπίσω αὐτοῦ· καὶ ἐγένετο πληγὴ ἡ πρώτη ἣν ἐπάταξεν Ἰωναθαν καὶ ὁ αἴρων τὰ σκεύη αὐτοῦ, ὡς εἴκοσι ἄνδρες· ἐν βολίσι καὶ ἐν πετροβόλοις καὶ ἐν κόχλαξι τοῦ πεδίου· καὶ ἐγένετο ἔκστασις.... (de-Lagard).

O. G. соотвѣтственно лукьяновскому чтенію: и възрѣше иноплеменници противꙋ лицꙋ їѡнаданꙋ и порази и҃· и носе орꙋжїе его и придаваaше вь слѣдь его. и бы҃ ıазва прьваa юже порази ıѡнаданъ и носеи ѡроужїа его· ıако двадесеть моужїи их же оубише соулицами и пращами· на браздахь полıа. и бы҃ оужась....

F. R. S. и оузрѣвше иноплеменници лице ıѡнадамле· поразишѫ дрꙋг дрꙋга· ıако до двою деса҃ мѫжь· солигами и камениемь на поли вь знои дне҃· носѧи орѫжїе идѣше вьслѣдь него и бы҃ ıазва прьваa ѥже побѣди їѡнадань и носѧи орѫжїе его. и бы҃ оужась....

S. вмѣсто солигами знаетъ сълыгами.

Чтеніе F. R. S., очевидно, слѣдуетъ иной, нелукьяновской редакціи греческаго текста (дрꙋг дрꙋга; вь знои дне҃; иной порядокъ мыслей).

XIV гл. 17—18 ст. καὶ ἰδοὺ οὐχ εὑρίσκετο Ἰωνάθαν καὶ ὁ αἴρων τὰ σκεύη αὐτοῦ· καὶ εἶπε Σαοὺλ τῷ Ἀχιᾷ· Προσάγαγε τὸ Ἐφούδ. ὅτι αὐτὸς ἦρε τὸ Ἐφοὺδ ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἐνώπιον Ἰσραήλ. = O. G. **и се ї̓ѡнаданъ не обрѣтааше и носеи орꙋжїа его· и рече саоулъ къ ахїи· принеси ефоудъ. ꙗко тъ ношааше ефоудъ въ дн҃ь онь прѣ ин҃ꙗмь.**

Переводъ F. R. Q. S. представляетъ неправильное пониманіе греческаго текста: **не ѡбрѣтеся ї̓ѡнаданъ и нося ѿрѫжїе его ефꙋдъ. и рече Саоулъ къ Ахїи· приведи ми ефꙋда· ꙗко тъ ефоудъ въ тыѫ дн҃и ношааше кивотъ.**

XIV гл. 20 ст. καὶ ἰδοὺ ἐγένετο ῥομφαία ἀνδρὸς ἐπὶ τὸν πλησίον αὐτοῦ. O. G. **и се бы орꙋжїе мꙋжа на ближнѧ его.**

F. R. S. **и орѫжїемъ ближнии искрънѣго оубиваше** — переводъ болѣе свободный, если онъ не обусловленъ иной редакціей греческаго оригинала.

XIV гл. 38 ст. Προσαγάγετε ἐνταῦθα πάσας τὰς γωνίας τοῦ Ἰσραήλ. (Jager).

Προσαγάγετε ἐνταῦθα πάσας τὰς φυλὰς τοῦ λαοῦ (de-Lagard).

F. S. (R.? Q.?) **вьсѧ вноуkы** = πάσας τὰς γωνίας.

O. G. соотвѣтственно лукьяновскому чтенію: **привѣте здѣ въса племена людїи.**

XV гл. 4 ст. Καὶ παρήγγειλε Σαοὺλ τῷ λαῷ, καὶ ἐπισκέπτεται αὐτοὺς ἐν Γαλγάλοις τετρακοσίας χιλιάδας ταγμάτων, καὶ τῶν Ἰούδαν τριάκοντα χιλιάδας ταγμάτων (Jager).

καὶ παρήγγειλε Σαουλ τῷ λαῷ καὶ ἐπεσκέψατο αὐτοὺς ἐν Γαλγάλοις τετρακοσίας χιλιάδας ταγμάτων (de-Lagard).

Редакція de-Lagard'а является, такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ короче. Ей соотвѣтствуетъ какъ O.: **и завѣща саоулъ людемъ и посѣти ихъ въ галгалѣхъ четыриста тысоущь чиновъ,** — такъ и въ F. R. (S.? Q.?) гдѣ также фраза: καὶ τῶν Ἰούδαν τριάκοντα χιλιάδας ταγμάτων — не переведена.

Въ G. находимъ ей соотвѣтствіе: а҃ іоудїнны л҃ тысѫщь плькь.

XVII гл. 4 ст. ὕψος αὐτοῦ τεσσάρων πήχεων καὶ σπιθαμῆς.

F. S. высота же его бѣ четыре лакоть и пѧть.

R. высота же его бѣ четыре лакоть или пѧть. пѧть всѣхъ 3 списковъ, быть можетъ, порча первоначальнаго перевода σπιθαμῆς — пѧдь; или вм. и также измѣненіе, происшедшее при перепискѣ.

O. высота его четыремь лактемь и педи.

G. высота же его бѣше ·д҃· лакти и ·г҃· педы; быть можетъ, также измѣненіе первоначальнаго перевода, = O., писцомъ.

XVII гл. 7 ст. καὶ ἀσπὶς χαλκῆ ἀνὰ μέσον τῶν ὤμων αὐτοῦ· καὶ τὸ ξύλον τοῦ δόρατος ὡς ἀντίον ὑφαινόντων καὶ ἡ λόγχη ἡ ἐπ' αὐτῷ ἑξακοσίων σίκλων σιδήρου· καὶ ὁ αἴρων τὰ σκεύη αὐτοῦ προεπορεύετο ἔμπροσθεν αὐτοῦ (de Lagard).

καὶ ἀσπὶς χαλκῆ ἀνὰ μέσον τῶν ὤμων αὐτοῦ· καὶ ὁ κοντὸς τοῦ δόρατος αὐτοῦ ὡς εἰ μέσακλον (= μεσάγκυλον?) ὑφαινόντων, καὶ ἡ λογχὴ αὐτοῦ ἑξακοσίων σίκλων σιδήρου· καὶ ὁ αἴρων τὰ ὅπλα αὐτοῦ προεπορεύετο αὐτοῦ (Jager).

O. G. и щыть мѣднь посрѣдѣ рамень его и дрѣво копїа егѡ ꙗкоже крѡсно ткоущїихь. и шыпь копїаныи иже на немь· шестыимь стомь сикломь желѣза· и носеи ѡроужїа его прѣидѣше емоу напрѣдь.

F. S. R. Q. и щить мѣдьнь на плещоу его и копїе его въ рѫкоу его ꙗко вода исцѣждено бльщашесѧ (R. исцѣждень бльстѧщисѧ; S. ищищена бльщашесѧ; Q. исщищено бльщаше) и соулица его шесть сътъ мѣръ желѣза въ неи. и носѧи орѫжїа его прѣидѣше прѣ нимь.

Ст. 12—31 ст. включительно XVII главы находятся въ лукьяновской редакціи греческаго текста; въ рукописи, изданной Jager'омъ, этихъ стиховъ нѣтъ. Соотвѣтственно лукьяновской редакціи находимъ переводъ этихъ стиховъ въ O. G.; наоборотъ, болѣе краткая рецензія греческаго текста отразилась въ F. R. S. Q., гдѣ эти стихи не переведены.

XVII гл. 42 ст. καὶ ἐξουδένωσεν αὐτόν (de-Lagard).

O. G. оунпчиже его.

καὶ ἐξητίμασεν αὐτόν (Jager).

F. Q. R. оуготовася; писецъ смѣшалъ *ἐξ-ητοίμασεν съ ἐξητίμασεν.

XVII гл. 43 ст. Μὴ κύων ἐγώ εἰμι ὅτι ἐξῆλθες ἐν ῥάβδῳ καὶ λίθοις ἐπ' ἐμέ; καὶ κατηράσατο ὁ ἀλλόφυλος τὸν Δαυιδ ἐν τοῖς θεοῖς αὐτοῦ (de-Lagard).

Ὡσεὶ κύων ἐγώ εἰμι ὅτι σὺ ἔρχῃ ἐπ' ἐμὲ ἐν ῥάβδῳ καὶ λίθοις· καὶ εἶπε Δαυίδ· οὐχὶ, ἀλλ' ἢ χείρων κυνός· καὶ κατηράσατο ὁ ἀλλόφυλος τὸν Δαυίδ ἐν τοῖς θεοῖς αὐτοῦ (Jager).

O. соотвѣтственно лукьяновской редакціи, въ данномъ случаѣ болѣе краткой: еда пьсь азь есмь ѩко изьшьль еси палицею и камениемь на ме; и проклеть иноплеменникь двда богы своими.

Въ переводѣ S. F. R. Q. находимъ и фразу, отличающую текстъ Jager'а отъ лукьяновской рецензіи: καὶ εἶπε Δαυίδ. οὐχί ἀλλ' ἢ χείρων κυνός: таковъ же лицемъ азъ ѩкоже и ты псе.... и рече давидъ: нинѣ съ рѫками своима только; этотъ ошибочный переводъ основанъ, очевидно, на смѣшеніи словъ χείρων = хуже и χείρ = рука.

Чтеніе G. представляетъ въ данномъ случаѣ компиляцію двухъ различныхъ переводовъ: перевода O. и перевода F. S. R. Q.: еда псъ азь есь, ѩко изышь еси съ палицею и камениемь на ме и ре двь иноплеменникоу. нпіа азь идѹ тъкмо съ роукама своима на те.

XVII гл. 48 ст. καὶ ἀνέστη ὁ ἀλλόφυλος καὶ ἐπορεύθη καὶ ἤγγισεν εἰς συνάντησιν τῷ Δαυιδ· καὶ Δαυιδ ἐτάχυνε καὶ ἐξῆλθε καὶ αὐτὸς εἰς τὴν παράταξιν εἰς συνάντησιν τοῦ ἀλλοφύλου (de-Lagard).

καὶ ἀνέστη ὁ ἀλλόφυλος καὶ ἐπορεύθη εἰς συνάντησιν Δαυίδ (Jager).

Въ то время, какъ O. G. соотвѣтствуютъ болѣе пространной лукьяновской редакціи греческаго текста: и воставь иноплѣнникь и поиде и приблисе вь срѣтение двово. и дедь ускори и изыде и ть кь опльченїю вь срѣтение иноплеменникоу; —

F. (S.? R.? Q.?) соотвѣтствуетъ болѣе краткой редакціи, отразившейся въ изданіи Jager'а и Tischendorf'а.

XVII гл. 55—58 ст. и *XVIII гл. 1—5 ст.* по изданію de-Lagard'а т. е. въ лукьяновской рецензіи отсутствуютъ въ рукописи, изданной Jager'омъ (также Tischendorf'омъ).

Соотвѣтственно этому различію между двумя редакціями греческаго текста, отразившимися въ изданіяхъ de-Lagard'а и Jager'а, и словянскіе тексты распадаются на двѣ группы: O. G., соотвѣтствуя Лукьяновской редакціи, представляютъ переводъ и этихъ стиховъ, тогда какъ въ F. Q. R. (S.?) онъ отсутствуетъ.

XIX гл. 4 ст. Μὴ δὴ ἁμάρτῃ (Jager: Μὴ ἁμαρτησάτο) ὁ βασιλεὺς εἰς τὸν δοῦλον αὐτοῦ τὸν Δαυιδ, ὅτι οὐχ ἥμαρτεν εἰς σέ (καὶ τὰ ἔργα αὐτοῦ καλὰ σφόδρα).

F. (S.? R.?) еда съгрѣши ѡ црю рабъ твои дедъ; нж мнѫ ꙗко не съгрѣши ти ничимьже...

O. никакоже да сьгрѣшить црь вь раба своего деда. ꙗко не сьгрѣши вь тѣ...

G. никакоже да съгрѣшить црь въ раба своего два. нъ мнꙗ ꙗко не съгрѣши ничимже.

Чтеніе G. является, такимъ образомъ, искусственной комбинаціей двухъ переводовъ: O. и F., причемъ теряется смыслъ и того и другого.

Q.: еда сьгрѣши чимь. (и дѣла бо его блага соу)—вѣроятно сокращеніе перевода F.

XX гл. 12 ст. ἀνακρίνω (Jager: ἀνακρινῶ) = O. G. истежю; F. Q. R. не сѫждѫ.

XX гл. 30 ст. αὐτομολούντων = O. G. самопродръзателны. F. S. Q. R. самочистѫщиꙋсѧ.

XXIII гл. 15 ст. (καὶ Δαυὶδ ἦν) ἐν τῷ ὄρει τῷ αὐχμώδει, ἐν τῇ Καινῇ Ζίφ (Jager).	(καὶ Δαυὶδ ἦν) ἐν τῇ ἐρήμῳ τῇ αὐχμώδει ἐν τῇ Καινῇ (de-Lagard).
...въ поустыни мъглънѣ въ ѡбновлении Зифовѣ. F. S.	вь поустыни при ѡтьмненѣи вь новѣи. O. G.

XXIII гл. 16 ст. καὶ ἐκραταίωσε τὰς χεῖρας αὐτοῦ ἐν κυρίῳ.
F. Q. (S? R?) и въздвиже ржцѣ свои къ бо҃у.
O. G. и оутврьди ржцѣ его къ г҃8.

XXIV гл. 1 ст. ἐν τοῖς στενοῖς Γαδδι (de-Lagard).	ἐν τοῖς στενοῖς Ἐνγαδδί (Jager).
O. G. вь тѣскнѡ к гаддіи.	F. (Q?) S. (R?) въ жзинахъ въ Гади.
XXIV гл. 3 ст. κατὰ πρόσωπον τῆς θήρας τῶν ἐλάφων (de-Lagard).	ἐπὶ πρόσωπον Σαδδαιέμ (Jager).
O. G. и моуже его протикоу лицоу ловиткѣ еленюмь.	F. (S? Q? R?) въ мѣсто садско въ горж елеѡна.

XXIV гл. 4 ст. παρασκευάσασθαι. F. Q. (S?) да почнетъ. R. почнти. O. оуготовитесе. G. да почннеть; такимъ образомъ, G. въ данномъ случаѣ примыкаетъ къ переводу F. R. Q. S.

XXIV гл. 23 ст. εἰς Μεσσαρα τὴν στενήν (de-Lagard).	εἰς τὴν Μεσσερὰ στενήν (Jager).
G. O. вь мессарамь тѣсноую.	F. Q. S. R. вь срѣдж растениꙗ.

Переводчикъ редакціи F. S. R. Q., очевидно раздѣлилъ греческій текстъ неправильно: *εἰς Μεσσε ραστενην (понявши получившееся такимъ образомъ ραστενήν какъ собственное имя?). Своеобразный этотъ переводъ подходитъ лишь къ редакціи греческаго текста, отразившейся въ изданіи Jager'а; — у de-Lagard'а — τὴν στενήν.

XXV гл. 1 ст. εἰς τὴν ἔρημον τὴν Ἐπήκοον (de-Lagard).	εἰς τὴν ἔρημον Μαών (Jager).

O. G. вь поустыню послоушателнѫю.

F. R. въ поустынѫ маань въ вънѫтрьнѭѭ.

S. вь пѫстыню маневъ въ внѫтренюю.

XXV гл. 21 ст. καὶ Δαυὶδ εἶπεν· Ἴσως εἰς ἄδικον ἐφύλαξα πάντα τὰ τοῦ Ναβαλ ἐν τῇ ἐρήμῳ· καὶ οὐκ ᾐτησάμην λαβεῖν ἐκ πάντων τῶν αὐτοῦ οὐδέν (καὶ ἀνταπέδωκε μοι πονηρὰ ἀντὶ ἀγαθῶν) (de-Lagard).

καὶ Δαυὶδ εἶπε· Ἴσως εἰς ἄδικον πεφύλακα πάντα τὰ αὐτοῦ ἐν τῇ ἐρήμῳ, καὶ οὐκ ἐνετειλάμεθα λαβεῖν ἐκ πάντων τῶν αὐτοῦ οὐδέν (καὶ ἀνταπέδωκε μοι πονηρὰ ἀντὶ ἀγαθῶν (Jager).

O. G. и двь рече· равнѣ въ неправо съхрани въсѧ навалашва въ поустыни и непроси прїети ѿ въсѣ ихъ же то ничтоже.

F. Q. R. и рече двдъ· добрѣ спсе же неправедника азъ бо съхраниxъ ꙗже навалѣа въ поустыни и не помыслихъ възѧти ничьсоже ѿ всего емоу.

XXV гл. 25 ст. ....ἐπὶ τὸν ἄνδρα τὸν λοιμὸν τοῦτον, ἐπὶ Ναβαλ, ὅτι κατὰ τὸ ὄνομα αὐτοῦ....

O. G. ....на мѫжа непотрѣбнаго сего навaала· ꙗко по имени его....

F. члка сего ради гладъствоужѧщаго· ꙗко бо имѧ.... Ошибочный переводъ F., вѣроятно основанъ на смѣшеніи λοιμός и λιμός.

XXVI гл. 5 ст. καὶ Σαοὺλ ἐκάθευδεν ἐν λαμπήνῃ.

O. G. и саоуль спаше вь селенїи своемь.

F. и саоуль спѣше въ свѣтлѣи.

λαμπήνη = колесница, возъ; переводчикъ редакціи F. былъ приведенъ въ заблужденіе корнемъ λαμπ — въ λάμπω, λαμπρός, λαμπάς. Тоже повторяется въ 7 стихѣ.

XXVIII гл. 3 ст. καὶ ἐκόψαντο αὐτὸν πᾶς Ἰσραήλ.

O. G. и плакасе о немь вьсь їиль.

F. и висѧ по немъ вс ïсраиль.

XXVIII гл. 23 ст. ἐπὶ τὸν δίφρον. O. G. на престолѣ. F. на двооумiи. Переводчикъ понялъ δίφρος (изъ δι-φορος?), какъ δι- и φρον- въ словахъ φρόνις = благоразуміе, знаніе, φρόνιμος, φροντίζω и т. д.

XXX гл. 11 ст. καὶ εὑρίσκουσιν ἄνδρα αἰγύπτιον.

O. G. и ѡбрѣтаютъ моужа египтѣнїна.

F. и ѡбрѣтоша тоу мѫжа моурина.

Систематизируя приведенный матеріалъ, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Извѣстные намъ списки словянскаго перевода книгъ Царствъ, повидимому, заключаютъ въ себѣ двѣ редакціи этого перевода.

Одна редакція содержится въ спискахъ F. S. Q. R. т. е. въ спискѣ Императорской Публичной Библіотеки конца XIV или начала XV в. болгарскаго извода F. I, № 461, русскомъ спискѣ той же библіотеки XIV—XV вѣка Q. I 2, старшемъ синодальномъ спискѣ 1499 г. (а слѣдовательно и въ другихъ двухъ синодальныхъ спискахъ), и въ спискѣ 1537 года Румянцевскаго Музея № 29.

Связь между всѣми этими списками безъ труда устанавливается многочисленными совпаденіями перевода, особенно тѣми мѣстами, которыя представляютъ типичныя ошибки переводчика. ср. F. = S. = R. = Q.: II 31; II 32; II 35; II 36; III 1; III 2; III 13; VI 18; VIII 11; X 1; XII 17; IX 18; XII 21; XIV 17—18; XVII 7; XVII 12—31; XVII 12—31; XVII 43; XX 30; XXIV 23.

F. = R. = Q. (S?) IV 21; VI 1; VI 9; VI 11; VIII 8; X 22; XVII 42; XVII 55—58; XVIII 1—5; XX 12; XXV 21 [1]).

F. = S. = R. (Q?) V 9; VI 4; IX 8; IX 24; X 27; XI 11; XIII 8; XIII 9; XIII 21; XIV 4; XIV 13—14; XIV 20; XIX 4; XXV 1 [2]).

---

1) Чтеніе S въ данныхъ мѣстахъ оказалось въ моихъ выпискахъ не отмѣченнымъ; но совпаденіе во многихъ другихъ мѣстахъ заставляетъ думать, что S не отличается отъ чтенія FRQ и здѣсь.

2) Можно думать, что ту же редакцію перевода содержитъ въ данныхъ мѣстахъ и Q.

Текстъ, содержащійся въ Библіи Ундольскаго (№ 1), кажется, представляетъ ту же редакцію перевода, что и F. S. Q. R. На это предположеніе наводитъ совпаденіе чтенія списка Ундольскаго съ чтеніемъ F. S. R. Q. въ 4 ст. V главы, представляющимъ одну изъ типичныхъ ошибокъ этого перевода.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчаются отступленія въ одномъ изъ означенныхъ списковъ отъ чтенія трехъ остальныхъ; отступленія эти немногочисленны и незначительны, общій типъ перевода въ такихъ случаяхъ сохраненъ; они представляютъ собой порчу первоначальнаго перевода или произвольное измѣненіе, внесенное писцомъ. Ср. VI 1 (S. **жабами**; F. R. Q. **моухами**); VI 4 (Q. не=F. S. R.); VI 9 (F. R. Q. **вь ѿпадение**; S. **вь ѿгнь падение**); VI 11 (F. R. Q. не=S.); X 2 (F. R. [Q?] **поживша**; S. **положивша**); XI 8 (S. не=F. R. [Q?]); въ двухъ случаяхъ я замѣтилъ измѣненіе первоначальнаго перевода редакціи F. R. S. Q. въ одинаковой формѣ въ S. и Q., что быть можетъ указываетъ на болѣе тѣсную связь между этими двумя списками: ср. VIII 13 F. R. **миленiемъ**; S. Q. **моленiемъ**; IX 27; F. R. **мерьскыи градъ**; S. Q. **мирскыи градъ**.

Переводъ, сохранившійся въ спискахъ F. R. S. Q. изобилуетъ ошибками и недоразумѣніями; ср. II 36 (...αὐτῷ ὀβολοῦ = **самовольствомь**); V 4 (ἐπὶ τὰ ἐμπρόσθια Ἀμαφὲθ' ἕκαστοι = **мефедамо коегождо**); IX 18 (ὁ οἶκος τοῦ βλέποντος = **домъ видимыи**); IX 27 (εἰς μέρος τῆς πόλεως = **въ мерскыи гра҃**); XII 17 (οὐχὶ θερισμὸς πυρῶν σήμερον = **не жрътвоѫ ѿгньноѫ**); XIV 17—18 (προσάγαγε τὸ Εφούδ = **приведи ми ѥфѹда**; ὅτι αὐτὸς ἦρε τὸ Ἐφούδ = **ꙗко тъ ефоудъ ношаше кивотъ**); XVII 43 (οὐχὶ ἀλλ' ἢ χείρων κυνός = **нинѣ съ рѫкама своима только**); III 2, 13; IV 2; VI 4, 9, 19; XII 21; XIII 8; XV 38; XVII 42; XXV 25; XXVI 5; XXVIII 23.

Переводъ, сохранившійся въ одесскомъ спискѣ 1418 года (№ 30) рѣзко отличается отъ перевода F. S. R. Q. своею правильностью, ясностью; ср. II 31, 32, 33, 35, 36; III 1, 2, 3, 13; IV 21; V 6; VI 1, 6, 9, 11, 18, 19; VII 6; VIII 8, 11, 13; IX 8, 18, 23, 24, 27; X 1, 2, 22, 27; XI 8, 11; XII 21; XIII 8, 9, 21; XIV 4, 13—14, 17—18,

20, 38; XVII 7, 12—31, 42, 43, 48, 55—58; XVIII 1—5; XX 12, 30; XXIII 15, 16; XXIV 1, 3, 23; XXV 1, 21; XXVI 5; XXVIII 23; XXX 11.

Различіе между двумя означенными переводами заключается и въ редакціи греческаго текста, положеннаго въ основу того и другого. Переводъ O. G. слѣдуетъ замѣтно лукьяновской рецензіи греческаго текста; ср. II 31, 32, 33, 35, 36; III 2; IV 21; V 4, 6, 9; VI 4, 11; VIII 8; X 22; XI 8; XII 21; XIV 4; XIV 13—14; XIV 38; XVII 12—31, 42, 43, 48, 55—58; XVIII 1—5; XXIII 15; XXIV 1; XXIV 3; XXIV 23; XXV 1.

Несоотвѣтствіе лукьяновской редакціи греческаго текста, какъ онъ возстановленъ у de-Lagard'а, я замѣтилъ въ O. лишь въ 2 мѣстахъ: III гл. 3 ст. оуготоватиса = κατασβεσθῆναι; IV 22 ἀπῴκισται = прѣселисе и ѕдалисе; оба эти отступленія несущественны и могутъ относиться къ самому переводу, а не къ греческому тексту, которымъ пользовался переводчикъ.

Не лишне замѣтить, что въ послѣсловіи къ рукописи особенно подробно говорится о трудѣ Лукіана: послѣжде же оубо великыи постьникь и моученикь Лоукїань люботроудьнѣ прошьдь книгы жидовьскые ѡть ѡноудоу ть самь на елладьскы езыкь ветьхое писание прѣлѡжи и сьгласи вьсе ѡ́брѣте се седьмьдесетїнмь прочїнмь бо издаанїѡмь стежавшїнмь мнѡга растлѣнаа по вьсемоу. Бысть же чюднааго Лоукїана издаанїе при царствїи Дїоклитьтїана и Мaѯимїана моучителки, еже ѡбрѣте се ѡть жидовь вь Никѡмидїи вь пирьжьци малѣмь поваплeномь ськрьвенѡ. великѡомоу Кѡнстаньтиноу царьствѡ праveироу тогда.

Переводъ, сохранившійся въ F. R. S. Q., повидимому, находится въ связи съ редакціей греческаго текста иной, нежели лукъяновская.

Есть ли это исихіевская редакція или нѣтъ, я не могу сказать; исихіевская редакція греческаго текста Библіи пока не возстановлена, какъ возстановлена лукьяновская de-Lagard'омъ. Я же при обработкѣ своего бѣгло собраннаго матеріала, не могъ

и не имѣлъ средствъ возстановить ее для текста первой книги Царствъ: я не могъ даже воспользоваться въ Одессѣ критическимъ аппаратомъ Holmes'a.

Могу лишь констатировать въ значительномъ числѣ случаевъ отступленія словянскаго текста F. S. R. Q. отъ редакціи Лукьяна ср. II 31; III 3; II 36; VI 11; XI 8; XIV 13—14; XVII 42; *въ большинствѣ такихъ случаевъ словянскій переводъ F. S. R. Q. хорошо подходитъ къ чтенію рукописи, изданной Jager'омъ или по крайней мѣрѣ ближе къ нему, чѣмъ къ чтенію лукьяновскому:* ср. II 32; IV 22; V 4; V 9; VIII 8; X 22; XII 21; XIV 4; XIV 38; XVII 12—31; XVII 43; XVII 48; XVII 55—58; XVIII 1—5; XVIII 15; XXIV 3; XXIV 23; XXVI 1. Редакція текста, отразившаяся въ изданіи Jager'a, обычно короче лукьяновской.

Григоровичевская Библія Румянцевскаго Музея (№ 1684)— «съписасе ...... троудо҇ и потьщаніемь прѣосщеннаго архїеп҇копа кѵ҇ръ Прохωра» (архіеп. Охридскій; 1523—1543 гг.). «Приложихь сію кнїгоу палею ст҇ые и великїе цр҇квы и кто ю кѥ ѿети да е проклетъ ѿ Г҇а Б҇а въседръжителꙗ и ѿ всѣхь стыи҇· и анадемѣ с8д8 да по҇лежи҇ въ лѣта ꙁ҇нв м҇ца се҇», гласитъ вкладная подпись въ концѣ рукописи.

Переводъ первой книги Царствъ, содержащійся въ рукописи Румянцевскаго Музея № 1684, въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ переводомъ содержащимся въ сербскомъ спискѣ 1418 года. ср. II 31, 33, 35, 36; III 1, 2, 3, 13; IV 21, 22; V 11; VI 1, 6, 9, 18, 19; VII 6; VIII 8, 11, 13; IX 18, 24; X 1, 22, 27; XI 8, 11; XII 17, 21; XIII 8, 9, 21; XIV 4, 13—14, 17—18, 20, 38; XVII 12—31, 42, 48, 55—58; XVIII 1—5; XX 12; XX 30; XXIII 15, 16; XXIV 1, 3, 23; XXV 1, 21; XXVI 5; XXVIII 23; XXX 11.

Въ иныхъ, хотя немногихъ, случаяхъ G. совпадаетъ съ чтеніемъ F. S. R. Q.: ср. IX 8; IX 23; X 2; XXIV 4; *или же представляетъ комбинацію двухъ переводовъ: перевода F. S. R. Q. и перевода O.:* ср. V 6, 9; VI 4, 18; IX 27 (до краꙗ мерскаарго града изъ О. до краꙗ града и F. вь мерскыи градъ); XVII 43; XIX 4.

Лишь въ трехъ мѣстахъ замѣтилъ я несогласіе чтенія G. ни

съ переводомъ О., ни съ редакціей F. R. S. Q.: VI 4; XV 4; XVII 4; въ первомъ и послѣднемъ случаѣ быть можетъ — лишь измѣненіе первоначальнаго перевода О. писцомъ; второй случай представляется менѣе яснымъ; отступая отъ перевода О. и перевода F. S. R. Q., G. имѣетъ переводъ фразы: καὶ τῶν Ἰούδαν τριάκοντα χιλιάδας ταγμάτων, отличающей редакцію греческаго текста, отразившуюся въ изданіи Jager'а, отъ лукьяновской.

Если не принимать во вниманіе этого случая, то остальные факты приводятъ къ заключенію, что *писецъ G., имѣя въ основномъ оригиналѣ своемъ переводъ сербскаго списка 1418 г., пользовался также и спискомъ перевода, сохранившагося въ рукописяхъ F. S. R. Q.*

Быть можетъ, списки F. и R. (S? Q?), для которыхъ это мѣсто у меня отмѣчено, выпустили фразу, стоявшую первоначально въ старомъ переводѣ редакціи F. S. Q. R.: *а юудїинъ л҃ тысѫщь плъкъ, и она сохранилась въ G. изъ болѣе исправнаго въ данномъ мѣстѣ списка той же редакціи (F. S. Q. R.).

Мы установили двѣ редакціи словянскаго перевода въ первой книгѣ Царствъ, редакцію F. S. R. Q. и сохранившуюся въ сербскомъ спискѣ книгъ царствъ 1418 г. (О.). Относительно послѣдней въ 1894 году проф. А. А. Кочубинскій въ своей рецензіи на книгу М. Г. Попруженка «Книги Царствъ» поставилъ вопросъ, есть ли это новый сербскій переводъ, какъ устанавливаетъ послѣсловіе, или лишь новая редакція стараго перевода[1]). Близость сербскаго текста къ оригиналу (греческому), чистый, правильный и точный языкъ, почти полное отсутствіе сербскихъ чертъ (за исключеніемъ є, оу вм. ж, ѧ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ выраженій), паннонизмы (сокачїи) заставляютъ проф. А. А. Кочубинскаго склониться къ послѣдней мысли. Онъ указываетъ на

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1894 г., № 5.

отрывки изъ книгъ Царствъ въ Паримійникѣ, какъ матеріалъ для рѣшенія этого вопроса.

Здѣсь я позволю себѣ выйти изъ предѣловъ первой книги Царствъ, которою спеціально занимался, и сопоставить два отрывка—изъ 3-ей и 4-ой книги Царствъ, какъ они читаются въ Паримійникѣ, съ одной стороны съ переводомъ болгарской редакціи F. S. Q. R., съ другой—съ текстомъ одесскимъ Царствъ 1418 года. Пользуюсь изданіемъ проф. Брандта Григоровичевскаго Паримійника XII вѣка съ разночтеніями изъ другихъ списковъ Паримійника[1]).

Текстъ словянскій въ отрывкахъ, подвергнутыхъ мною анализу, какъ онъ читается въ Григоровичевскомъ Паримейникѣ XII вѣка, въ общемъ соотвѣтствуетъ лукьяновской редакціи текста, изданной де-Лагардомъ; ср. 4 кн., II гл., 6 ст. καὶ εἶπεν Ἡλίας πρὸς Ἐλισαιε = рече илия къ елисею; такъ читается и въ S. (Синод. рук. 1499); въ рукописи, изданной Jager'омъ: καὶ εἶπεν αὐτῷ Ἡλιού.

II, 7 ἀπὸ τῶν υἱῶν τῶν προφητῶν=ѿ сновъ пррчскыхъ=S.; у Jager'а: υἱοὶ τῶν προφητῶν.

II, 13 ἐπάνωθεν αὐτοῦ=връхоу его; S. наврьхоу его; Jager: ἐπάνωθεν Ἐλισαιέ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ G. P. (Григоровичевскаго Паримейника), отступая отъ редакціи Лукьяна приближается къ чтенію редакціи, отразившейся у Jager'а; въ такихъ случаяхъ чтеніе S. или совпадаетъ съ паримійнымъ, или, наоборотъ, отступая отъ него сближается съ лукьяновскимъ текстомъ.

Такъ, II, 12 de-Lagard: καὶ διέρρηξεν αὐτὸ εἰς δύο; Jager: καὶ διέρρηξεν αὐτὸ εἰς δύο ῥήγματα. Паримейникъ: и раздра ѧ въ двѣ раздрании. S.: растерза ѧ въ двѣ растерзаніи.

3-е Царство XVIII, 36. de-Lagard: ταῦτα πάντα; Jager: τὰ ἔργα ταῦτα. G. P. (Григоровичевъ Паримейникъ) и S.: дѣла си.

---

1) «Григоровичевъ Паримейникъ въ сличеніи съ другими Паримейниками» Москва 1894 г., вып. I, 25—28; 38—40.

XVIII, 37. de-Lagard: καὶ σὺ ἐπέστρεψας.... Jager: ἐπάκουσόν μου Κύριε ἐπάκουσόν μου, καὶ γνώτω ὁ λαὸς οὗτος ὅτι συ εἶ Κύριος ὁ Θεός· καὶ συ ἐπέστρεψας.... G. P.; S.: **послоушаи мѧ огньмь. да разоумѣѭтъ людие си· ꙗко ты еси г҃ъ б҃ъ· и ты обратилъ еси....**

Наоборотъ, чтеніе S., отступая отъ G. P., приближается къ лукьяновскому тексту; съ S. совпадаютъ чтенія болѣе позднихъ списковъ паримейника:

4-я книга II, 7. καὶ πεντήκοντα ἄνδρες ἀπὸ τῶν υἱῶν.... (de-Lagard); G. P. **ꙁ҃ и н҃ ѿ с҃новъ пр҃рчьскъихъ**; S. **ꙁ҃ и н҃ мѫжь ѿ с҃новъ пр҃рчь**, какъ и въ болѣе позднихъ спискахъ паримейника: Офонасьевскомъ 1370 г., Стефановскомъ XIV в., Ляпуновскомъ 1511 года.

II, 7. ἦλθον καὶ ἔστησαν; G. P. **сташѧ** = Jager: ἔστησαν; S. **приидоша и сташа**, какъ и въ Порфирьевскомъ спискѣ Паримейника 1378 г.

3-е Царство, III, 36 καὶ ἀνεβόησεν = S. **и възпи.** какъ и въ Зах., Стеф., Перф., Ляп. спискахъ Паримейника; въ G. P.: **и възрю**; καὶ ἐγω δοῦλος σος — вь G. P. не переведено, въ S., также въ позднихъ спискахъ паримейника есть.

Рядомъ съ этимъ находимъ случаи, когда чтеніе S., отступая отъ G. P. и вмѣстѣ отъ лукьяновской редакціи греческаго текста, сближается съ редакціей, отразившейся у Jager'а; и здѣсь чтеніе S. раздѣляютъ и поздніе списки паримейника.

4-е Царство, II, 10 αὐτῶν πορευομένων καὶ λαλούντων = G. P. **има идѫщема и г҃лѭщема.** Jager: αὐτῶν πορευομένων καὶ λαλούντων ἐπορεύοντο καὶ ἐλάλουν = S. **има идоущема и г҃лѭщема идѫста и г҃ласта**; такъ и въ Стеф., Лобк. спискахъ паремейника.

II, 11. εἰς τὸν οὐρανόν = G. P. **на небо**; Jager: ὡς εἰς τὸν οὐρανόν = S. **ꙗко на небо**; такъ же въ Стеф., Лобк.

3-е Царство, XVIII, 32. καὶ ᾠκοδόμησε τοὺς λίθους καὶ ἰάσατο τὸ θυσιαστήριον Κυρίου τὸ κατεσκαμμένον = G. P. **и създа камение· и исцѣли ѡлтаръ г҃нъ ископанъ**; Jager: καὶ ᾠκοδόμησε τοὺς λίθους ἐν ὀνόματι Κυρίου καὶ ἰάσατο τὸ θυσιαστήριον τὸ κατεσκαμμένον = S. **и създа ѡлтарь въ имѧ г҃не и исцѣли ѡлтаръ**

г҃нъ раскопаныи; вь имѧ г҃не, раскопаныи — читается также въ Зах., Лобк., Перф., Стеф. паремейникахъ. Кромѣ этихъ отличій въ редакціи, находимъ незначительныя различія между чтеніемъ G. P. и S. въ отдѣльныхъ выраженіяхъ: G. P. прѣидета; S. проидета; G. P. раздра; S. растрьза; G. P. раздрани; S. растрьзани; G. P. ѡбрати; S. възврати; G. P. ископанъ; S. раскопаныи; G. P. ѡлокавтома; S. всесъжегаемаѧ.

И въ этомъ отношеніи съ S. совпадаютъ поздніе списки Паремейника. Въ общемъ же подборъ выраженій въ переводѣ, сохранившемся въ S., совпадаетъ съ чтеніемъ G. P.: ср. Царство 4-е, II гл. 6 ст. ἀπέσταλκε=P. G. посла, S. посла; 7 ст. ἔλαβεν= G. P. пріѧтъ=S. пріѧтъ; ἐπάταξεν=G. P. оударн=S. оударн; 9 ст. διπσῶς = G. P. соугоубь = S. соугоубь; ἀναληφθῆναι = G. P. възѧтъ=S. възѧтъ; 13 ст. ἀνείσατο=G. P. възѧтъ= S. взѧ҃; 14 ст. ἔλαβεν = G. P. приѧтъ = S. приѧтъ; διῃρέθη = G. P. растѫписѧ; S. растоуписѧ. Царство 3-е, XVIII гл. 32 ст. θυσιαστήριον = G. P. олтарь = S. олтарь; 35 ст. ἐπλήρωσεν = G. P. исплъни = S. испльнь.

Такимъ образомъ, несмотря на нѣкоторыя отступленія въ чтеніи, на очень немногочисленныя лексическія варіаціи, переводъ словянской редакціи F. S. R. Q., повидимому, очень близокъ въ разсмотрѣнныхъ отрывкахъ къ переводу Паремейника, какъ онъ сохранился въ древнѣйшемъ спискѣ XII вѣка, и совпадаетъ съ паремейнымъ текстомъ позднихъ списковъ Паремейника.

Какъ понимать это сходство, не берусь рѣшать. Есть ли это сходство — указаніе на то, что словянскій переводъ редакціи F. S. R. Q. — меѳодіевскій, или переводчикъ Царствъ редакціи F. S. R. Q. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находилъ готовый переводъ въ паремейникѣ, пользовался имъ?

Пользовался ли онъ при этомъ паремейнымъ переводомъ уже болѣе новой редакціи, подвергшимся корректурѣ по греческому тексту, или же, наоборотъ, эти корректуры позднихъ списковъ паремейника основаны на словянскомъ переводѣ редакціи F. S. R. Q.?

У меня нѣтъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ, и потому я долженъ ограничиться ихъ постановкой. Замѣчу лишь, что словарный матеріалъ перевода F. S. R. Q., насколько я успѣлъ ознакомиться съ нимъ по первой книгѣ Царствъ, не препятствуетъ мысли о принадлежности паннонской эпохѣ. Здѣсь встрѣчаемъ нерѣдко непереведенныя слова и старыя выраженія: алсы = τὰ ἄλση VII 3; ієреи = ἱερεύς V 5: иереоу XXIX 7; кивотъ = κιβωτόν VI 11, 15; Палафъ = παλάφη XXV 19; лоумоунии = λοιμοί X 27: хрїстосъ XVI 6; хрїста XXVI 11; олтарь = θυσιαστήριον; братися IV 9 = πολεμέω (позже сѣщи, воевати); вынити IV 14 (позже вълѣсти): съхранити XXV 21 (позже съблюдати); нерадити IX 6: послати XXV 32, 25 (позже поустити); ради XXIX 6; ѧзыкъ = το ἔθνος VIII 5, 20: искрьнїи; ближьнїи = πλήσιος XIV 20 (позже подроугъ); тварь = ποίημα VIII 8 (позже създаниє): отрокъ = παῖς IX 4, XXV 8 ср. IV 21 отрочища (позже рабъ. дѣтищь): людиє = λαός XIII 15, X 1; рамень XVII 7; кнѧзицъ (= ἄρχων) VI 4; побѣди XIV 13—14 (позже: плеща, владыка. одолѣти): домъ = οἶκος (позже: храмъ, кровъ).

Въ другихъ случаяхъ находимъ новыя лексическія параллели: жрьца II 31, 35 ср. выше ієреи; съборъ XVII 47: XIV 25 (старое сньмъ): съблюде XV 11 (ср. выше съхранити): масло X 1, XVI 1, 12 = ἔλαιον (вм. болѣе древняго олѣи); вѣдро = σίκλος IX 8 ср. сикль въ О. поустити VI 11 IX 16, XI 3, XXIX 4, XXI 9 (ср. выше послати); ковчегъ X 22 ср. выше кивотъ VI 11, 15; племѧ = τὸ σπέρμα II 31 (болѣе старое — сѣмѧ); видѣниє = ὅρασις (болѣе старое — зракъ) III 1: вѣстникъ XI 3 = ἄγγελος (болѣе старое аггелъ): небрѣшти X 27; ср. выше нерадити); съблазнъ XXV 31 вм. стараго скандѣлъ; кръчии (вм. ковачъ) = χαλκεύς; помазанникъ = χρίστος ср. выше хрїста; битисѧ XXVIII 3 вм. рыдати, плакатисѧ; дѣлма XXIX 8 ср. выше ради; печали XXIX 8 вм. скрьбь; безоума XXV 31 вм. спыти.

Эти новыя параллели не говорятъ еще противъ древности перевода, такъ какъ могли быть внесены переписчиками, — мы имѣемъ списки не старше конца XIV вѣка.

Съ другой стороны отмѣченные выше лексикальные архаизмы не свидѣтельствуютъ непремѣнно о паннонскомъ переводѣ: они могутъ быть и литературной традиціей, плодомъ начитанности переводчика въ евангельскихъ текстахъ и псалтыри[1]). Все дѣло въ количествѣ тѣхъ и другихъ: старыхъ и новыхъ выраженій; выясненіе этого пункта требуетъ особаго детальнаго изслѣдованія и такъ же, какъ и вопросъ, насколько качества перевода, охарактеризованнаго мною въ рукописяхъ F. S. R. Q., соотвѣтствуютъ нашимъ представленіямъ о переводныхъ трудахъ меѳодіевской эпохи, насколько исторически вѣроятно предположеніе полнаго перевода Библіи въ этотъ меѳодіевскій періодъ, выходитъ изъ круга задачъ, которымъ посвящены мои бѣглыя наблюденія. Я имѣлъ въ виду лишь предварительные вопросы объ отношеніи извѣстныхъ намъ рукописей со стороны перевода, о качествѣ перевода, объ отношеніи его къ различнымъ редакціямъ греческаго текста.

Возвращаюсь къ сличенію паремійнаго перевода съ другими, дошедшими до насъ переводами.

Переводъ, сохранившійся въ сербской рукописи 1418 года, также обнаруживаетъ значительное сходство съ паремійнымъ чтеніемъ:

Цар. 4; II гл., 6—9 ст. Паремейникъ Григор.	Рукопись 1418 года:
Р҃е илиꙗ къ елисеоу· сѩди	и рече илїа къ елисеѡви· сѣди
оу҆бо зде· ѣко г҃ъ посла мѧ до	оу҆бо зде· ꙗко г҃ь посла ме даже
иерданѣ· и р҃е ѥлисеи живъ г҃ъ	до иордана. и рече елисее· живь
жива д҃ша твоѣ· аще ѡстанѫ	г҃ь и жива д҃ша твоꙗ· аще
тебе· и пⷪидоста ѡба з҃ и н҃ ѿ	ѡставлю те и поидоше ѡбои· и
с҃новъ прⷪ҇рчьскꙑхъ· и сташѫ	петьдесеть моу҆жь ѿ с҃новь
прѩмо издалече· и ѡба стаста	прⷪ҇рчьскыи прїидоше и сташе

1) Ср. Облакъ «*Die Kirchenslavische Uebersetzung der Apokalypse*». Archiv *für Sl. Ph.* XIII т. 1891 г. стр. 336.

прї ιωрданѣ· и прињатъ илиꙗ млтъ своѧ· и свїтъсѧ ѧ и оу-дари въ водѫ и растѫпи сѧ вода сѫдоу· и сѫдоу· и прѣи-дета ωба по соухоу· и бъ҇ прꙗшед'ъшима има. илиꙗ рече кь елисеωви· проси что створѧ ти прѣжде даже не бъзѧтъ бѫ҇ ѿ тебе· и р҇е ѥлисеи. да бѫ-детъ оубо д҇хъ еже вь тебѣ соугоубъ въ мнѣ....

прѣмо ихь издалече· обωи же сташе на іωрдани· и вьзеть илїа милωть свою и свить тоу· и поразн тою воды· и раздѣ-лисе вода соудоу и соуд҇ѹ· и прѣидоше ωбои посоухоу. и бы҇ ꙗко прѣидоше рече илїа кь елисеоу. проси ѿ мене что сь-творю тебѣ прежде даже не вьзнести ми се ѿ тебе. и рече ѥлисее. да боудеть оубо д҇хь иже на тебѣ соугоубо на мнѣ...

Различіе ограничивается, главнымъ образомъ, отдѣльными выраженіями и формами и нѣкоторыми оборотами. Такъ 4-е Царство, II, 6—14 ст.:

G. P. до иерданѣ.	O. даже до иордана.
G. P. ωстанѫ тебе (=S).	O. оставлю те.
G. P. поидоста (=S).	O. поидоше.
G. P. стаста (=S).	O. сташе.
G. P. прињть (=S).	O. вьзѧть.
G. P. оударн (=S).	O. порази.
G. P. растѫписѧ (=S).	O. раздѣлисе.
G. P. прѣидета (S проидоста).	O. прѣидоше.
G. P. прꙗшедъшима има (=S).	O. ꙗко прѣидоше.
G. P. прѣжде даже не бьзѧтъ бѫ҇ (=S).	O. прѣжде даже не вознести ми се.
G. P. въсприемлемъ (partic.:=S).	O. вьземлюма.
G. P. не иматъ быти (=S).	O. не боудеть.
G. P. има иджщема и гл҇ѭщема (=S).	O. идоущемь имъ и гл҇ющемь.
G. P. и раздѣлишѫсѧ междоу ωбѣма (=S).	O. и разлоучи посредѣ обоихь.
G. P. и вьзѧтъ б҇ы илиꙗ вихромъ.	O. и вьзнесесе илиꙗ вь троусѣ.

G. P. споузници (=S). О. конникъ.
G. P. на брѣзѣ (=S). О. на оустнѣ.
G. P. принꙗть (=S). О. възеть.
G. P. оудари въ водѫ (=S). О. поразн въ водѫ и т. п.

При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ О. даетъ точное соотвѣтствіе лукьяновской редакціи текста, когда чтеніе паремейника и S. отъ нея отступаютъ: ср. 3-е Царство, XVIII, гл. 38: καὶ ἔπεσε πῦρ παρὰ Κυρίου ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ κατέφαγε τὸ ὁλοκαύτωμα καὶ τὰς σχίδακας καὶ τὸ ὕδωρ τὸ ἐπ' αὐτῶν καὶ τὸ ὕδωρ τὸ ἐν τῇ θάαλα καὶ τοὺς λίθους καὶ τὸν χοῦν ἐξέλειξε τὸ πῦρ = О. и паде огнь ѿ г҃а съ не҃бсе и поꙗсть вьсесьжегаемое· и полѣна· и водоу·. еюже на н҃е и водоу· еюже вь ровѣ· и камение и прьсть полиза ѡгнь; G. P. испаде ѡгнъ ѿ гн҃ с небесе и поꙗстъ ѡлокавтома и полѣна. и камение. и пръст҃ и водѫ· ꙗже бѣ вь мори· полиза ѡгнь.

XVIII 36. ταῦτα πάντα = О. вса сїа; G. P. и S. дѣла си.

Наоборотъ, 4-е Царство, II 11 εἰς τὸν Οὐράνον = G. P. на н҃бо; О. отступаетъ въ данномъ случаѣ отъ Лукьяновскаго чтенія и G. P., примыкая къ S.: ꙗкоже на н҃бо (у Jager'а ὡς εἰς τὸν οὐρανον).

Послѣдній примѣръ наводитъ на предположеніе, что О. стоитъ въ связи съ текстомъ S., а не съ G. P. Но дѣло въ томъ, что чтеніе ꙗкоже на н҃бо находимъ въ другихъ болѣе позднихъ спискахъ Паремейника: Стеф., Лобк. Тоже находимъ и въ другихъ случаяхъ: тамъ гдѣ О., отличаясь отъ G. P., совпадаетъ съ S., это совпаденіе раздѣляютъ и поздніе списки паремійнаго текста; ср. XVIII 36: καὶ ἀνεβόησεν = О. и вьзоупи; S. възпи, какъ и въ Перф., Ляп., Зах., Стеф., тогда какъ въ G. P. — и къзрꙗ. 4-е Царство, II 13 ἐπέστρεψεν = G. P. ѡбратиса; S. O. вьзвратиса, какъ и въ Перф. Притомъ находимъ случаи, когда О., совпадая съ G. P., расходится съ S. Ср. 3-е Царство, XVIII, 31. κατὰ ἀριθμὸν τῶν δώδεκα φυλῶν. О. по числоу двнадесетый племень. G. P. по числоу в҃ї коленомъ... S. по числоу колѣнъ...

XVIII 34 ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον = О. на жрьтьвникь. G. P: на шлтаръ; въ S. не переведено. 4-е Царство, II 11 αὐτῶν πορευομένων καὶ λαλούντων = О. идоущемь имь и глющемь. G. P. има иджщема и глаща, тогда какъ въ S. има иджщема и глащема идяста и гласта. Всѣ эти 3 случая въ S. соотвѣтствуютъ иному греческому чтенію, отразившемуся въ изданіи Jager'а, причемъ чтеніе S. совпадаетъ съ чтеніемъ позднихъ паримійныхъ списковъ Зах., Лобк., Перф., Стеф.

Такимъ образомъ, переводъ О. въ данныхъ отрывкахъ обнаруживаетъ значительное сходство съ паремійнымъ, и очень возможно, что онъ былъ лишь новой его редакціей, основанной на одномъ изъ болѣе его позднихъ списковъ, вродѣ Зах., Лобк., Перф., Стеф., причемъ переводчикъ О. согласовалъ свою редакцію съ лукьяновскимъ текстомъ.

Но былъ ли редакторъ перевода О. въ этихъ отрывкахъ лишь редакторомъ и на всемъ протяженіи 4-хъ книгъ Царствъ, трудно сказать съ увѣренностью. Если да, то какой же переводъ онъ приспособлялъ къ лукьяновской редакціи? тотъ ли что дошелъ до насъ въ спискахъ F. S. R. Q., или другой, никѣмъ доселѣ не указанный, предполагаемый меѳодіевскій? Различіе между чтеніемъ F. S. R. Q. и текстомъ О. подчасъ доходитъ до мелочей, ср. 1-й книги, II 35 О. съзиждж; F. S. R. Q. сътворж (οἰκοδομέω); XVII 7 О. посрѣдѣ рамень его; F. S. Q. R. на плещоу его (ἀνὰ μέσον τῶν ὤμων). XVII 7 О. прѣидѣше емоу напрѣдь; F. S. Q. R. прѣидѣше прѣ нимь. XXV 21 λαβεῖν; О. прїети; F. Q. R. S. възжти. XXVIII 3 ἐκόψαντο; О. плакасе; F. бися. съзиждж вм. сътворж; рамень вм. плещоу; прієти вм. възжти являются лексикальными архаизмами; можно указать и другія старыя выраженія въ переводѣ О.: XXVI 9 х҃а г҃нѧ (χριστός), но XXVI 11, 16 XVI 6 помазанникь; ѣзыкь (= τὸ ἔθνος) VIII 5, 20; вьнити IV 14; отрочищь (παῖς) IX 4; отрочища XXV 8; отрочетоу IV 21; звкьснѣ XIII 8; пѣнеземь II 36; послати IX 16, XI 3; плакатися XXVIII 3; сикла IX 8; палафъ XXV 19 (непереведены). Новыя выраженія: ковчегь VI 11; видѣние III 1; храмоволмь II 32; жрьтьвника II 33;

съблазнъ XXV 31; съсѹдь масльныи X 1; рогъ съ масломъ XVI 12 (τὸν φακὸν τοῦ ἐλαίου); вѣстникы XI 3; събрание XIV 25— неудивительны въ рукописи 1418 года[1]).

Я заключилъ свои замѣтки о словянскомъ переводѣ книгъ Царствъ вопросами; къ иному чему либо и не могли привести мои бѣглыя наблюденія, ограниченныя притомъ одной лишь первой книгой Царствъ, составленныя въ извѣстной степени случайно.

Отвѣтъ на эти вопросы — задача спеціальнаго изслѣдованія; если они вѣрно поставлены, то это, быть можетъ, хоть нѣсколько оправдаетъ попытку изложить то, что имѣло для автора личный, — методологическій интересъ.

С. Кульбакинъ.

м. Севериновка, 18-го іюня 1899 г.

---

1) Просматривая внимательно первые листы Одесской рукописи, я получилъ общее впечатлѣніе древности перевода со стороны лексики: ср.—сѹкера= μέθυσμα 4 а б; оуготоваен = ἑτοιμάζων 7 б; ѿнми 4 б; приѥмлеть, приела 7 б; вьнити 6 а 5 а; дондеже 6 а bis; тькмо 8 б 4 б; ради 6 б; ꙗко 6 б 3 а б, 4 б bis, 7 б ter 8 а bis и др.; всако=πᾶν (позже — вьсе) 5 а bis 6 а; животъ 6 б bis; сѣме 4 а 7 а; жрьтва 5 б 6 а; оуповати 6 б; слышати 4 б bis; кѵвωть 3 б; испльнь 7 б; архїереи 4 а; лѣта 8 а 3 б; оубогъ = πένης 7 б; оутврьдитъ 6 а; домъ 6 а 3 а 5 б а bis, 8 б bis; клеть 5 а; ωтроче, отрочищь 4б 3б 2б 2а 5б 6а 6а—б, 6б bis 8б bis; скръбь 3б рядомъ съ печаль 5 а 3 б; ἱερεύς всегда переводится словомъ сщ҃енникъ 2 б 3 а 4а 8 б bis 9 а.

Гораздо рѣже выраженія болѣе или менѣе позднія: смѣраеть 7б (ταπεινοῖ); възымааше 9 а; вьсе = πᾶν 9 а, сьпостата 8 а, помышлꙗаше 4 б; храмъ = οἶκος 3б 4а; вьзимаахѫ 8б; племене 3б (послѣднія два слова въ толкованіяхъ).

Къ твердымъ выводамъ можетъ привести лишь тщательное спеціальное изслѣдованіе. Насколько нужно быть осторожнымъ, показываетъ словарный матеріалъ Житія Стефана Лазаревича, написаннаго Константиномъ Философомъ; здѣсь находимъ: ꙗко, великъ, лѣто, приꙗти, сьзда, испльнꙗти, животъ, древлѥ, оуготови, посылають, вьсприѥть, тькмо, ради, домъ, свештеньникъ, вьнити; при болѣе позднихъ: тъчию (обычно), съборъ, сьбра, възꙗти, храмъ, ништь, блюсти, велии и др.